Я 237/1101

Я 237/1101

Я. Л. БАРСКОВЪ.

I 101

ПЕРЕПИСКА
МОСКОВСКИХЪ МАСОНОВЪ
XVIII-го ВѢКА.

ИЗДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Я. Л. БАРСКОВЪ.

I 101

ПЕРЕПИСКА
МОСКОВСКИХЪ МАСОНОВЪ
XVIII-го ВѢКА.

ИЗДАНІЕ ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Atkm 81
N 1236

Atkm 81
N 1236

237
1101

Я. Л. БАРСКОВЪ.

ПЕРЕПИСКА
МОСКОВСКИХЪ МАСОНОВЪ
XVIII-ГО ВѢКА.

1780—1792 гг.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

237
1101

Я. Л. БАРСКОВЪ.

ПЕРЕПИСКА
МОСКОВСКИХЪ МАСОНОВЪ
XVIII-ГО ВѢКА.

1780—1792 гг.

Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности
Императорской Академіи Наукъ.

ПЕТРОГРАДЪ.
1915.

Типография Сириусъ

Петроградъ. Рыночная, 10.

2007041911

21922-31

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Петроградъ. Мартъ 1915 г.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *К. Залеманъ.*

Типография Сириусъ

Петроградъ. Рыночная, 10.

2007041911

21922-31

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Петроградъ. Мартъ 1915 г.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ *К. Залеманъ.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Литературная, общественная и масонская дѣятельность Н. И. Новикова [1]) и его друзей давно служитъ предметомъ изученія, но нѣтъ еще книги, которая бы охватывала ее на всемъ протяженіи и со всѣхъ сторонъ: труды Аѳанасьева, Ешевскаго, Лонгинова, Незеленова, Пыпина и позднѣйшихъ ученыхъ представляютъ собой цѣнныя, но частныя изысканія о журнальной или издательской дѣятельности Новикова, о масонскомъ движеніи XVIII вѣка, объ А. М. Кутузовѣ, И. В. Лопухинѣ, И. П. Тургеневѣ [2]), объ отношеніи къ «мартинистамъ» императрицы Екатерины II [3]); нѣтъ работы, которая содержала бы научное описаніе печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ; а эти послѣдніе или вовсе не изданы, или обратились въ библіографическія рѣдкости. Этими обстоятельствами объясняется появленіе въ свѣтъ настоящаго сборника. Многіе изъ помѣщенныхъ въ немъ документовъ уже были опубликованы, но давно и не полностію, а между тѣмъ всѣ они имѣютъ большую цѣну для историковъ русской литературы и общественности конца XVIII вѣка.

Первую группу документовъ (стр. 1—214) составляютъ письма «мартинистовъ» 1790—1792 гг., хранящіяся въ Петроградскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это—копіи, снятыя на почтѣ въ Ригѣ и Москвѣ: часть этихъ писемъ была напечатана въ «Русской Старинѣ» (1874, № 1—3; 1896, № 11). Московскій почтъ-директоръ И. Б. Пестель [4]), отецъ декабриста, снималъ копіи въ двухъ экземплярахъ—одинъ предназначался для главнокомандующаго въ Москвѣ кн. А. А. Прозоровскаго [5]), другой препровождался въ Петроградъ

[1]) Николай Ивановичъ Новиковъ—27 апр. 1744 † 31 іюля 1818.

[2]) Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ—1749 † 27 ноября 1797. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ—24 февр. 1756 † 22 іюня 1816. Иванъ Петровичъ Тургеневъ—21 іюня 1752 † 28 февр. 1807.

[3]) Императрица Екатерина II—21 апр. 1729 † 6 ноября 1796.

[4]) Иванъ Борисовичъ Пестель—1765 † 1844; почтъ-директоръ 1789—1806.

[5]) Кн. Александръ Александровичъ Прозоровскій—1732 † 9 авг. 1809; главнокомандующій въ Москвѣ: 19 февр. 1790—21 марта 1795.

Литературная, общественная и масонская дѣятельность Н. И. Новикова [1]) и его друзей давно служитъ предметомъ изученія, но нѣтъ еще книги, которая бы охватывала ее на всемъ протяженіи и со всѣхъ сторонъ: труды Аѳанасьева, Ешевскаго, Лонгинова, Незеленова, Пыпина и позднѣйшихъ ученыхъ представляютъ собой цѣнныя, но частныя изысканія о журнальной или издательской дѣятельности Новикова, о масонскомъ движеніи XVIII вѣка, объ А. М. Кутузовѣ, И. В. Лопухинѣ, И. П. Тургеневѣ [2]), объ отношеніи къ «мартинистамъ» императрицы Екатерины II [3]); нѣтъ работы, которая содержала бы научное описаніе печатныхъ и рукописныхъ матеріаловъ; а эти послѣдніе или вовсе не изданы, или обратились въ библіографическія рѣдкости. Этими обстоятельствами объясняется появленіе въ свѣтъ настоящаго сборника. Многіе изъ помѣщенныхъ въ немъ документовъ уже были опубликованы, но давно и не полностію, а между тѣмъ всѣ они имѣютъ большую цѣну для историковъ русской литературы и общественности конца XVIII вѣка.

Первую группу документовъ (стр. 1—214) составляютъ письма «мартинистовъ» 1790—1792 гг., хранящіяся въ Петроградскомъ Главномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Это—копіи, снятыя на почтѣ въ Ригѣ и Москвѣ: часть этихъ писемъ была напечатана въ «Русской Старинѣ» (1874, № 1—3; 1896, № 11). Московскій почтъ-директоръ И. Б. Пестель [4]), отецъ декабриста, снималъ копіи въ двухъ экземплярахъ—одинъ предназначался для главнокомандующаго въ Москвѣ кн. А. А. Прозоровскаго [5]), другой препровождался въ Петроградъ

[1]) Николай Ивановичъ Новиковъ—27 апр. 1744 † 31 іюля 1818.

[2]) Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ—1749 † 27 ноября 1797. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ—24 февр. 1756 † 22 іюня 1816. Иванъ Петровичъ Тургеневъ—21 іюня 1752 † 28 февр. 1807.

[3]) Императрица Екатерина II—21 апр. 1729 † 6 ноября 1796.

[4]) Иванъ Борисовичъ Пестель—1765 † 1844; почтъ-директоръ 1789—1806.

[5]) Кн. Александръ Александровичъ Прозоровскій—1732 † 9 авг. 1809; главнокомандующій въ Москвѣ: 19 февр. 1790—21 марта 1795.

графу А. А. Безбородкѣ [6]), который сообщалъ наиболѣе интересныя письма государынѣ. Въ 1871 году редакція «Русской Старины» получила рукопись XVIII вѣка въ 415 листовъ, на бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ и съ клеймомъ «pro patria»; рукопись была продана лѣтъ за восемь передъ тѣмъ, по смерти одного купца, вмѣстѣ съ конторскими бумагами, которыя употреблялись на обертку товаровъ; такъ какъ листы были сшиты и переплетены въ книгу, то купецъ не успѣлъ растрепать и уничтожить ихъ сполна: вѣроятно, это были копіи, снятыя для кн. Прозоровскаго [7]).

Принимая во вниманіе цѣнность, какую имѣетъ переписка московскихъ масоновъ для русской исторической науки, Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ разрѣшилъ опубликовать ее въ одномъ изъ академическихъ изданій.

За перепиской слѣдуетъ (стр. 215 — 234) «Дневникъ» бар. Г. Я. Шредера [8]), находящійся въ Государственномъ Архивѣ среди бумагъ И. П. Елагина [9]); акад. П. П. Пекарскій частью перевелъ, частью изложилъ его въ «Дополненіяхъ къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія» (Спб., 1869); авторъ «Дневника» не былъ извѣстенъ Пекарскому [10]).

Третью группу (стр. 235 — 272) образуютъ масонскія письма 1780-хъ годовъ, хранящіяся въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцевскомъ Музеѣ; они частью изложены. частью опубликованы вполнѣ С. В. Ешевскимъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 и 1865 гг. [11]).

Въ видѣ небольшого приложенія (стр. 273 — 281) впервые напечатаны письма Н. И. Новикова и князя Н. Н. Трубецкого [12]), находящіяся также въ Румянцевскомъ Музеѣ, и перепечатаны изъ стариннаго весьма рѣдкаго изданія «Signatstern» документы, касающіеся бар. Г. Я. Шредера.

Въ примѣчанія отнесены преимущественно библіографическія «справки», въ предисловіе — историческія «замѣтки» о русскихъ и нѣмецкихъ розенкрейцерахъ XVIII вѣка. Въ указателѣ «м» означаетъ русскаго масона, «р» — розенкрейцера.

Приношу глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, любезно оказавшимъ мнѣ свое содѣйствіе, въ особенности — акад. К. Г. Залеману, который помогъ установить нѣмецкій текстъ, а также Г. В. Вернадскому, Н. П. Киселеву, Б. Л. Модзалевскому и В. И. Сантову которымъ я обязанъ многими свѣдѣніями въ отдѣлахъ «справокъ» и «замѣтокъ».

---

[6]) Гр. Александръ Андреевичъ Безбородко — 14 марта 1747 † 6 апр. 1799.

[7]) Перечень копій, напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ*, находится въ примѣчаніяхъ къ настоящему сборнику.

[8]) Бар. Генрихъ Яковъ Шредеръ — 8 іюля 1757 † не ранѣе 1797.

[9]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ — 22 іюня 1725 — 22 сент. 1796.

[10]) См. примѣчанія къ № 5.

[11]) См. примѣчанія къ стр. 235 — 272.

[12]) Кн. Николай Никитичъ Трубецкой — 6 ноября 1744 † 1821.

графу А. А. Безбородкѣ [6]), который сообщалъ наиболѣе интересныя письма государынѣ. Въ 1871 году редакція «Русской Старины» получила рукопись XVIII вѣка въ 415 листовъ, на бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ и съ клеймомъ «pro patria»; рукопись была продана лѣтъ за восемь передъ тѣмъ, по смерти одного купца, вмѣстѣ съ конторскими бумагами, которыя употреблялись на обертку товаровъ; такъ какъ листы были сшиты и переплетены въ книгу, то купецъ не успѣлъ растрепать и уничтожить ихъ сполна: вѣроятно, это были копіи, снятыя для кн. Прозоровскаго [7]).

Принимая во вниманіе цѣнность, какую имѣетъ переписка московскихъ масоновъ для русской исторической науки, Г. Министръ Иностранныхъ Дѣлъ разрѣшилъ опубликовать ее въ одномъ изъ академическихъ изданій.

За перепиской слѣдуетъ (стр. 215 — 234) «Дневникъ» бар. Г. Я. Шредера [8]), находящійся въ Государственномъ Архивѣ среди бумагъ И. П. Елагина [9]); акад. П. П. Пекарскій частью перевелъ, частью изложилъ его въ «Дополненіяхъ къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія» (Спб., 1869); авторъ «Дневника» не былъ извѣстенъ Пекарскому [10]).

Третью группу (стр. 235 — 272) образуютъ масонскія письма 1780-хъ годовъ, хранящіяся въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцевскомъ Музеѣ; они частью изложены. частью опубликованы вполнѣ С. В. Ешевскимъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1864 и 1865 гг. [11]).

Въ видѣ небольшого приложенія (стр. 273 — 281) впервые напечатаны письма Н. И. Новикова и князя Н. Н. Трубецкого [12]), находящіяся также въ Румянцевскомъ Музеѣ, и перепечатаны изъ стариннаго весьма рѣдкаго изданія «Signatstern» документы, касающіеся бар. Г. Я. Шредера.

Въ примѣчанія отнесены преимущественно библіографическія «справки», въ предисловіе — историческія «замѣтки» о русскихъ и нѣмецкихъ розенкрейцерахъ XVIII вѣка. Въ указателѣ «м» означаетъ русскаго масона, «р» — розенкрейцера.

Приношу глубокую благодарность учрежденіямъ и лицамъ, любезно оказавшимъ мнѣ свое содѣйствіе, въ особенности — акад. К. Г. Залеману, который помогъ установить нѣмецкій текстъ, а также Г. В. Вернадскому, Н. П. Киселеву, Б. Л. Модзалевскому и В. И. Сантову которымъ я обязанъ многими свѣдѣніями въ отдѣлахъ «справокъ» и «замѣтокъ».

---

[6]) Гр. Александръ Андреевичъ Безбородко — 14 марта 1747 † 6 апр. 1799.

[7]) Перечень копій, напечатанныхъ въ *Русской Старинѣ*, находится въ примѣчаніяхъ къ настоящему сборнику.

[8]) Бар. Генрихъ Яковъ Шредеръ — 8 іюля 1757 † не ранѣе 1797.

[9]) Иванъ Перфильевичъ Елагинъ — 22 іюня 1725 — 22 сент. 1796.

[10]) См. примѣчанія къ № 5.

[11]) См. примѣчанія къ стр. 235 — 272.

[12]) Кн. Николай Никитичъ Трубецкой — 6 ноября 1744 † 1821.

I.

Въ XVIII вѣкѣ «перелюстрація» была дѣломъ обыкновеннымъ — у насъ и за границей. Въ дневникѣ Храповицкаго [13]) разсѣяно множество указаній на то, какъ часто доставлялись императрицѣ копіи съ чужихъ писемъ и какъ она сама иногда желала, чтобы ея собственныя письма подвергались перелюстраціи [14]). Такъ, напримѣръ, 26 января 1791 Храповицкій записалъ: «Читано мнѣ письмо на французскомъ языкѣ, собственноручно къ Циммерману [15]) писанное, которое нарочно чрезъ Берлинъ по почтѣ отправится, чтобъ тамъ, раскрывъ, увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣды: les soldats furent aguerris, les généraux experimentés, etc. etc., хочу доказать пруссакамъ, что ихъ не боимся, et qu'ils penseront deux fois, avant d'entreprendre quelque chose». 6 февраля того же года: «Послано письмо къ Циммерману въ Ганноверъ по почтѣ, черезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать прусскому королю [16]), что турокъ спасти не можетъ. Я такимъ образомъ смѣнила Шуазеля [17]), переписываясь съ Вольтеромъ». 6 іюня 1791: «Переписалъ отпускъ съ письма къ Циммерману, гдѣ говорится объ Англіи, что всегда сію націю любила и ласкалась, что англійскій дворъ и меня любитъ, до тѣхъ поръ, какъ увидѣла разныя интриги англійскихъ министровъ при дворахъ чужестранныхъ. Мы никогда войны не начинаемъ, но защищаться умѣемъ. Кончено стихомъ Расина: Je crains Dieu cher Abner, et n'ai point d'autre crainte». Письмо сіе отправлено по почтѣ

---

[13]) Александръ Васильевичъ Храповицкій — 7 марта 1749 † 29 дек. 1801.

[14]) «Перелюстрація» — техническій терминъ XVIII вѣка; удерживаю его и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[15]) Циммерманъ — 1728 † 1795. *Bodemann*, 132 — 134: Письмо Екатерины II къ Циммерману № 66. (См. въ концѣ книги «списокъ сокращеній»).

[16]) Фридрихъ Вильгельмъ II — 25 сент. 1744 † 16 ноября 1797. *Bodemann*, 135 — 136: Письмо Екатерины II къ Циммерману № 67.

[17]) Шуазель — 1719 † 1785.

I.

Въ XVIII вѣкѣ «перелюстрація» была дѣломъ обыкновеннымъ — у насъ и за границей. Въ дневникѣ Храповицкаго [13]) разсѣяно множество указаній на то, какъ часто доставлялись императрицѣ копіи съ чужихъ писемъ и какъ она сама иногда желала, чтобы ея собственныя письма подвергались перелюстраціи [14]). Такъ, напримѣръ, 26 января 1791 Храповицкій записалъ: «Читано мнѣ письмо на французскомъ языкѣ, собственноручно къ Циммерману [15]) писанное, которое нарочно чрезъ Берлинъ по почтѣ отправится, чтобъ тамъ, раскрывъ, увидѣли, что всѣ усилія враговъ Россіи произвели ея славу и побѣды: les soldats furent aguerris, les généraux experimentés, etc. etc., хочу доказать пруссакамъ, что ихъ не боимся, et qu'ils penseront deux fois, avant d'entreprendre quelque chose». 6 февраля того же года: «Послано письмо къ Циммерману въ Ганноверъ по почтѣ, черезъ Берлинъ, дабы чрезъ то дать знать прусскому королю [16]), что турокъ спасти не можетъ. Я такимъ образомъ смѣнила Шуазеля [17]), переписываясь съ Вольтеромъ». 6 іюня 1791: «Переписалъ отпускъ съ письма къ Циммерману, гдѣ говорится объ Англіи, что всегда сію націю любила и ласкалась, что англійскій дворъ и меня любитъ, до тѣхъ поръ, какъ увидѣла разныя интриги англійскихъ министровъ при дворахъ чужестранныхъ. Мы никогда войны не начинаемъ, но защищаться умѣемъ. Кончено стихомъ Расина: Je crains Dieu cher Abner, et n'ai point d'autre crainte». Письмо сіе отправлено по почтѣ

---

[13]) Александръ Васильевичъ Храповицкій — 7 марта 1749 † 29 дек. 1801.

[14]) «Перелюстрація» — техническій терминъ XVIII вѣка; удерживаю его и въ дальнѣйшемъ изложеніи.

[15]) Циммерманъ — 1728 † 1795. *Bodemann*, 132 — 134: Письмо Екатерины II къ Циммерману № 66. (См. въ концѣ книги «списокъ сокращеній»).

[16]) Фридрихъ Вильгельмъ II — 25 сент. 1744 † 16 ноября 1797. *Bodemann*, 135 — 136: Письмо Екатерины II къ Циммерману № 67.

[17]) Шуазель — 1719 † 1785.

черезъ Берлинъ» [18]). 5 августа 1791 Храповицкій напомнилъ о смѣнѣ Шуазеля перепискою съ Вольтеромъ и прибавилъ: «а нынѣ по корреспонденціи съ Циммерманомъ смѣнили Герцберга» [19]). Государыня отвѣчала: «И впрямъ такъ, я и забыла». 21 августа того же года: «Показывали мнѣ съ примѣтной досадой изъ перелюстраціи письмо en blanc сардинскаго министра барона де-ла-Тюрби, гдѣ обстоятельно онъ описываетъ, какой былъ выговоръ aux employés Иностранной коллегіи, по пунктамъ росписанный. Это съ умысломъ писано en blanc, чтобъ показать, какъ онъ свѣдущъ». 1 ноября 1792: «Читали мнѣ готовое письмо au prince de Ligne [20]), съ сожалѣніемъ о смерти сына его, въ сраженіи французами убитаго. Тутъ довольно круто писано о худыхъ успѣхахъ прусской и австрійской армій, и сколько сострадаютъ несчастію французскихъ принцевъ. Хотятъ, чтобъ сіе письмо видѣлъ императоръ [21]). Послали къ Зубову [22]) на низъ, тамъ присовѣтовали, чтобъ пустить и чрезъ Берлинъ. Похвалили такую мысль и велѣли такъ письмо отправить, дабы и въ Берлинѣ могли перелюстровать. Въ письмѣ точно изъяснено, qu'à Du-Mourier, Custine et Montesqiou ни дожди, ни грязь въ успѣхахъ не препятствуютъ» [23]).

Можно думать, что и въ берлинскомъ почтамтѣ сидѣли чиновники въ родѣ московскаго Пестеля и даже погрубѣе Пестеля; послѣдній пишетъ въ одномъ изъ рапортовъ кн. Прозоровскому: «Ваше Сіятельство изъ письма [А. М.] Кутузова усмотрѣть изволите, что онъ крайне недоволенъ, что его письма весьма неосторожно распечатываются. Сіе подозрѣніе недавно обнаруживается и, по примѣчанію моему, съ тѣхъ только поръ, когда въ Берлинѣ возбуждаются тревоги и дѣлаются военныя пріуготовленія. Я начинаю сомнѣваться, не распечатываются-ли тамъ сіи письма столь неискуснымъ образомъ, ибо клеемъ подлѣплять не есть способъ, употребляемый въ Россіи. Хотя и послѣ меня рижскій почтмейстеръ свидѣтельствуетъ письма, но я увѣренъ, что онъ свое искусство знаетъ и не подаетъ сомнѣніе корреспондентамъ. Сверхъ того служитъ доказательствомъ, что не здѣшнія мѣста сему виною, [и то], что корреспонденты московскіе г. Кутузова подобнаго неудовольствія не обнаруживаютъ» [24]). А корреспонденты не скупились иногда на брань

[18]) *Bodemann*, 141 — 143: Письмо Екатерины II къ Циммерману № 73.

[19]) Герцбергъ — 1725 † 1795.

[20]) De Ligne, pr. — 1735 † 1814.

[21]) Леопольдъ II — 1747 † 1 марта 1792 (императоръ 1790).

[22]) Гр. Платонъ Александровичъ Зубовъ — 15 ноября 1767 † 7 апр. 1822 (фаворитъ 1789 — 1796).

[23]) Dumouriez — 1739 † 1823. — Custine — 1740 † 1793. — Montesquiou Fézensac — 1741 † 1798. *Храповицкій*, 355, 357, 364, 370, 372, 414. См. тамъ же 299, 300, 301, 305, 341, 386. — *Брикнеръ*, 75 — 84.

[24]) См. примѣчанія къ № 109.

черезъ Берлинъ» [18]). 5 августа 1791 Храповицкій напомнилъ о смѣнѣ Шуазеля перепискою съ Вольтеромъ и прибавилъ: «а нынѣ по корреспонденціи съ Циммерманомъ смѣнили Герцберга» [19]). Государыня отвѣчала: «И впрямъ такъ, я и забыла». 21 августа того же года: «Показывали мнѣ съ примѣтной досадой изъ перелюстраціи письмо en blanc сардинскаго министра барона де-ла-Тюрби, гдѣ обстоятельно онъ описываетъ, какой былъ выговоръ aux employés Иностранной коллегіи, по пунктамъ росписанный. Это съ умысломъ писано en blanc, чтобъ показать, какъ онъ свѣдущъ». 1 ноября 1792: «Читали мнѣ готовое письмо au prince de Ligne [20]), съ сожалѣніемъ о смерти сына его, въ сраженіи французами убитаго. Тутъ довольно круто писано о худыхъ успѣхахъ прусской и австрійской армій, и сколько сострадаютъ несчастію французскихъ принцевъ. Хотятъ, чтобъ сіе письмо видѣлъ императоръ [21]). Послали къ Зубову [22]) на низъ, тамъ присовѣтовали, чтобъ пустить и чрезъ Берлинъ. Похвалили такую мысль и велѣли такъ письмо отправить, дабы и въ Берлинѣ могли перелюстровать. Въ письмѣ точно изъяснено, qu'à Du-Mourier, Custine et Montesqiou ни дожди, ни грязь въ успѣхахъ не препятствуютъ» [23]).

Можно думать, что и въ берлинскомъ почтамтѣ сидѣли чиновники въ родѣ московскаго Пестеля и даже погрубѣе Пестеля; послѣдній пишетъ въ одномъ изъ рапортовъ кн. Прозоровскому: «Ваше Сіятельство изъ письма [А. М.] Кутузова усмотрѣть изволите, что онъ крайне недоволенъ, что его письма весьма неосторожно распечатываются. Сіе подозрѣніе недавно обнаруживается и, по примѣчанію моему, съ тѣхъ только поръ, когда въ Берлинѣ возбуждаются тревоги и дѣлаются военныя пріуготовленія. Я начинаю сомнѣваться, не распечатываются-ли тамъ сіи письма столь неискуснымъ образомъ, ибо клеемъ подлѣплять не есть способъ, употребляемый въ Россіи. Хотя и послѣ меня рижскій почтмейстеръ свидѣтельствуетъ письма, но я увѣренъ, что онъ свое искусство знаетъ и не подаетъ сомнѣніе корреспондентамъ. Сверхъ того служитъ доказательствомъ, что не здѣшнія мѣста сему виною, [и то], что корреспонденты московскіе г. Кутузова подобнаго неудовольствія не обнаруживаютъ» [24]). А корреспонденты не скупились иногда на брань

[18]) *Bodemann*, 141 — 143: Письмо Екатерины II къ Циммерману № 73.

[19]) Герцбергъ — 1725 † 1795.

[20]) De Ligne, pr. — 1735 † 1814.

[21]) Леопольдъ II — 1747 † 1 марта 1792 (императоръ 1790).

[22]) Гр. Платонъ Александровичъ Зубовъ — 15 ноября 1767 † 7 апр. 1822 (фаворитъ 1789 — 1796).

[23]) Dumouriez — 1739 † 1823. — Custine — 1740 † 1793. — Montesquiou Fézensac — 1741 † 1798. *Храповицкій*, 355, 357, 364, 370, 372, 414. См. тамъ же 299, 300, 301, 305, 341, 386. — *Брикнеръ*, 75 — 84.

[24]) См. примѣчанія къ № 109.

по адресу непрошенныхъ читателей. Такъ, напримѣръ, одно изъ своихъ писемъ (№ 103) Кутузовъ заключаетъ слѣдующими строками: «Писать теперь нечего, да и боюсь писать, что̀ бы хотѣлось, ибо завелись гнусные и подлые бездѣльники, старающіеся читать, что̀ мы другъ съ другомъ говоримъ». Въ другое письмо (№ 102) онъ вставилъ такую замѣтку: «Я не смѣю говорить откровенно, ибо письмы подвержены любопытству подлецовъ, жаждущихъ читать оныя». Бывало и такъ, что Кутузовъ и его друзья, въ особенности И. В. Лопухинъ и кн. Н. Н. Трубецкой, зная, что ихъ письма дойдутъ до императрицы, выражали свое благоговѣніе передъ ней и любовь къ отечеству, ненависть къ революціонерамъ и негодованіе противъ враговъ масонства [25]). Разумѣется, корреспонденты пользовались всѣми случаями, когда можно было посылать письма черезъ вѣрныя руки или черезъ «необыкновенные каналы» [26]).

Хотя Кутузовъ и его друзья считались людьми опасными еще въ началѣ 80-хъ годовъ, но за перепиской ихъ стали зорко слѣдить именно съ іюля 1790 не случайно: «26 іюня — пишетъ Храповицкій — говорено о книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» — Тутъ разсѣваніе заразы французской, сказала императрица, отвращеніе отъ начальства; авторъ — мартинистъ... Открывается подозрѣніе на Радищева» [27]). Такъ возникло дѣло Радищева, — извѣстно, чѣмъ оно кончилось. Книга была посвящена Кутузову. «Что̀ бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, — писалъ авторъ «Путешествія» — тебѣ оно, о сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно, и ты — мой другъ!» Къ нему обращался Радищевъ и въ «Житіи Ѳ. В. Ушакова», вспоминая, какъ они съ Кутузовымъ провели годы ученія въ Лейпцигѣ, — гдѣ прожили дружно шесть лѣтъ, — въ какомъ восторгѣ и даже въ изступленіи они были, когда вернулись на родину, и какъ «послѣдовавшее по возвращеніи сей жаръ въ нихъ гораздо умѣрило»... На допросѣ 17 іюля Радищевъ показалъ: «Я послалъ Кутузову свою пагубную книгу по дружбѣ, ласкаясь мыслью, что сія книга изобразитъ, каково я могу остро писать; но никакого согласія въ сочиненіи той книги я съ нимъ не имѣлъ, а единственно и дедикацію на его имя сдѣлалъ ей изъ хвастовства, ибо я тогда такимъ безуміемъ былъ объятъ, что казалось мнѣ, сія книга наилучшаго есть сочиненія; но теперь я увѣренъ, что если бы Кутузовъ получилъ сію книгу, то онъ бы меня, конечно, не похвалилъ, а выбранилъ, почему я, по теперешнему искреннему души распо-

---

[25]) Стр. 9, 10, 16, 17, 18, 21, 22, 24, 33, 60, 74, 98, 104, 127, 136, 156, 158, 193, 199, 200, 203, 204, 210, 211 и примѣч. къ № 32.

[26]) Стр. 28, 31, 64, 114, 115, 117, 126, 127, 128, 188, 191, 197.

[27]) *Храповицкій*, 338. — Александръ Николаевичъ Радищевъ — 20 авг. 1749 † 29 сент. 1802.

по адресу непрошенныхъ читателей. Такъ, напримѣръ, одно изъ своихъ писемъ (№ 103) Кутузовъ заключаетъ слѣдующими строками: «Писать теперь нечего, да и боюсь писать, что̀ бы хотѣлось, ибо завелись гнусные и подлые бездѣльники, старающіеся читать, что̀ мы другъ съ другомъ говоримъ». Въ другое письмо (№ 102) онъ вставилъ такую замѣтку: «Я не смѣю говорить откровенно, ибо письмы подвержены любопытству подлецовъ, жаждущихъ читать оныя». Бывало и такъ, что Кутузовъ и его друзья, въ особенности И. В. Лопухинъ и кн. Н. Н. Трубецкой, зная, что ихъ письма дойдутъ до императрицы, выражали свое благоговѣніе передъ ней и любовь къ отечеству, ненависть къ революціонерамъ и негодованіе противъ враговъ масонства [25]). Разумѣется, корреспонденты пользовались всѣми случаями, когда можно было посылать письма черезъ вѣрныя руки или черезъ «необыкновенные каналы» [26]).

Хотя Кутузовъ и его друзья считались людьми опасными еще въ началѣ 80-хъ годовъ, но за перепиской ихъ стали зорко слѣдить именно съ іюля 1790 не случайно: «26 іюня — пишетъ Храповицкій — говорено о книгѣ «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» — Тутъ разсѣваніе заразы французской, сказала императрица, отвращеніе отъ начальства; авторъ — мартинистъ... Открывается подозрѣніе на Радищева» [27]). Такъ возникло дѣло Радищева, — извѣстно, чѣмъ оно кончилось. Книга была посвящена Кутузову. «Что̀ бы разумъ и сердце произвести ни захотѣли, — писалъ авторъ «Путешествія» — тебѣ оно, о сочувственникъ мой, посвящено да будетъ. Хотя мнѣнія мои о многихъ вещахъ различествуютъ съ твоими, но сердце твое бьетъ моему согласно, и ты — мой другъ!» Къ нему обращался Радищевъ и въ «Житіи Ѳ. В. Ушакова», вспоминая, какъ они съ Кутузовымъ провели годы ученія въ Лейпцигѣ, — гдѣ прожили дружно шесть лѣтъ, — въ какомъ восторгѣ и даже въ изступленіи они были, когда вернулись на родину, и какъ «послѣдовавшее по возвращеніи сей жаръ въ нихъ гораздо умѣрило»... На допросѣ 17 іюля Радищевъ показалъ: «Я послалъ Кутузову свою пагубную книгу по дружбѣ, ласкаясь мыслью, что сія книга изобразитъ, каково я могу остро писать; но никакого согласія въ сочиненіи той книги я съ нимъ не имѣлъ, а единственно и дедикацію на его имя сдѣлалъ ей изъ хвастовства, ибо я тогда такимъ безуміемъ былъ объятъ, что казалось мнѣ, сія книга наилучшаго есть сочиненія; но теперь я увѣренъ, что если бы Кутузовъ получилъ сію книгу, то онъ бы меня, конечно, не похвалилъ, а выбранилъ, почему я, по теперешнему искреннему души распо-

---

[25]) Стр. 9, 10, 16, 17, 18, 21, 22, 24, 33, 60, 74, 98, 104, 127, 136, 156, 158, 193, 199, 200, 203, 204, 210, 211 и примѣч. къ № 32.

[26]) Стр. 28, 31, 64, 114, 115, 117, 126, 127, 128, 188, 191, 197.

[27]) *Храповицкій*, 338. — Александръ Николаевичъ Радищевъ — 20 авг. 1749 † 29 сент. 1802.

ложенію и самъ нахожу, что оная книга есть мерзкая, и долженъ я гнушаться ею, дондеже живъ. Къ тому же Кутузову послалъ я книжку своего сочиненія подъ названіемъ «Письмо къ другу, живущему въ ТобольскѢ», которая также писана мною была въ объявшемъ тогда меня безуміи» [28]). Конверты были вскрыты на мѢстѢ отправленія и книгъ Кутузовъ не получилъ, но положеніе его стало критическимъ.

Имя Радищева часто встрѢчается въ перепискѢ; искренно жалѢя объ участи друга, Кутузовъ волновался и за себя; желая отклонить бѢду и зная, что письма копируются на почтѢ, кн. Трубецкой, Лопухинъ и Кутузовъ говорятъ о РадищевѢ много рѢзкаго; едва-ли эти рѢзкости надо объяснять исключительно самозащитой: вѢдь и Радищевъ за долго до ареста говорилъ въ посвященіи къ «Путешествію», что мнѢнія его о многихъ вещахъ «различествуютъ» съ мнѢніями Кутузова.

«Авторъ «Путешествія» — говорила императрица «съ жаромъ и чувствительностію» 7 іюля 1790 — бунтовщикъ хуже Пугачова; въ концѢ хвалитъ онъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ». ТѢ же мысли развиты ею въ «ПримѢчаніяхъ» на книгу Радищева: «Сочинитель цѢлитъ на французской нынѢшной развратной примѢръ... онъ наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ... [у него] предположеніи, уничтожающія законы, и совершенно тѢ, отъ которыхъ Франція верхъ дномъ поставлена. онъ же едва ли не мартинистъ или чего подобное... исповѢдуетъ мартинистовъ ученіе и прочихъ теософовъ... по всей книгѢ видно, что сочинителемъ христіанское ученіе мало почитаемо... [это] совершенный деистъ... [у него] размышленія, не сходственныя православному ученію, умствованіе взятое изъ разныхъ полумудрецовъ сего вѢка, какъ то Руссо, аббе Рейналя и тому ипохондрику подобное» [29])... Такъ думала Екатерина II; конечно, и кн. Прозоровскій поставилъ «мартинизмъ» въ прямую связь съ революціей.

Поручивъ Пестелю внимательно слѢдить за перепиской «мартинистовъ», онъ доносилъ императрицѢ 22 іюля 1790: «въ нѢкоторыхъ письмахъ есть екивоки, но разумѢть ихъ не возможно, для чего велѢлъ я ихъ на почтѢ копировать, и, сообразя все, можно будетъ нѢчто и понять». Положеніе казалось кн. Прозоровскому на столько серьезнымъ, что, по его мнѢнію, «не худо, чтобъ Москва и побольше имѢла войскъ». Князю было извѢстно, что гр. Безбородко приказалъ Пестелю «имѢть примѢчанье» за перепиской мартинистовъ еще при прежнемъ главнокомандующемъ въ МосквѢ — ЕропкинѢ [30]); но тотъ находилъ «опую неваж-

[28]) *Радищевъ*, I, 139; II, 588, 598, 599, 604, 605.

[29]) *Храповицкій*, 340. *Радищевъ*, II, 556—564.

[30]) Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ — 24 іюня 1724 † 7 февр. 1805; главнокомандующій: 28 іюня 1786 — 19 февр. 1790.

ложенію и самъ нахожу, что оная книга есть мерзкая, и долженъ я гнушаться ею, дондеже живъ. Къ тому же Кутузову послалъ я книжку своего сочиненія подъ названіемъ «Письмо къ другу, живущему въ ТобольскѢ», которая также писана мною была въ объявшемъ тогда меня безуміи» [28]). Конверты были вскрыты на мѢстѢ отправленія и книгъ Кутузовъ не получилъ, но положеніе его стало критическимъ.

Имя Радищева часто встрѢчается въ перепискѢ; искренно жалѢя объ участи друга, Кутузовъ волновался и за себя; желая отклонить бѢду и зная, что письма копируются на почтѢ, кн. Трубецкой, Лопухинъ и Кутузовъ говорятъ о РадищевѢ много рѢзкаго; едва-ли эти рѢзкости надо объяснять исключительно самозащитой: вѢдь и Радищевъ за долго до ареста говорилъ въ посвященіи къ «Путешествію», что мнѢнія его о многихъ вещахъ «различествуютъ» съ мнѢніями Кутузова.

«Авторъ «Путешествія» — говорила императрица «съ жаромъ и чувствительностію» 7 іюля 1790 — бунтовщикъ хуже Пугачова; въ концѢ хвалитъ онъ Франклина, какъ начинщика, и себя такимъ же представляетъ». ТѢ же мысли развиты ею въ «ПримѢчаніяхъ» на книгу Радищева: «Сочинитель цѢлитъ на французской нынѢшной развратной примѢръ... онъ наполненъ и зараженъ французскимъ заблужденіемъ... [у него] предположеніи, уничтожающія законы, и совершенно тѢ, отъ которыхъ Франція верхъ дномъ поставлена. онъ же едва ли не мартинистъ или чего подобное... исповѢдуетъ мартинистовъ ученіе и прочихъ теософовъ... по всей книгѢ видно, что сочинителемъ христіанское ученіе мало почитаемо... [это] совершенный деистъ... [у него] размышленія, не сходственныя православному ученію, умствованіе взятое изъ разныхъ полумудрецовъ сего вѢка, какъ то Руссо, аббе Рейналя и тому ипохондрику подобное» [29])... Такъ думала Екатерина II; конечно, и кн. Прозоровскій поставилъ «мартинизмъ» въ прямую связь съ революціей.

Поручивъ Пестелю внимательно слѢдить за перепиской «мартинистовъ», онъ доносилъ императрицѢ 22 іюля 1790: «въ нѢкоторыхъ письмахъ есть екивоки, но разумѢть ихъ не возможно, для чего велѢлъ я ихъ на почтѢ копировать, и, сообразя все, можно будетъ нѢчто и понять». Положеніе казалось кн. Прозоровскому на столько серьезнымъ, что, по его мнѢнію, «не худо, чтобъ Москва и побольше имѢла войскъ». Князю было извѢстно, что гр. Безбородко приказалъ Пестелю «имѢть примѢчанье» за перепиской мартинистовъ еще при прежнемъ главнокомандующемъ въ МосквѢ — ЕропкинѢ [30]); но тотъ находилъ «опую неваж-

[28]) *Радищевъ*, I, 139; II, 588, 598, 599, 604, 605.

[29]) *Храповицкій*, 340. *Радищевъ*, II, 556—564.

[30]) Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ — 24 іюня 1724 † 7 февр. 1805; главнокомандующій: 28 іюня 1786 — 19 февр. 1790.

ной и примѣчанья недостойной». «Пестель, по словамъ кн. Прозоровскаго, одно письмо приносилъ къ Еропкину, то онъ призывалъ директора своего Бурнашева, который принятъ въ мартинисты. Какъ въ семъ случаѣ шайка Новикова держится іезуицкаго правила — при начальникахъ имѣть шпіоновъ, и оба нашли то письмо ничего значущимъ. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе ихъ къ нему не представлялъ» [31]). А. М. Кутузовъ съ 1787 года жилъ въ Берлинѣ въ качествѣ уполномоченнаго московскихъ розенкрейцеровъ, получая отъ нихъ письма и деньги; А. Н. Радищевъ въ началѣ 70-хъ годовъ посѣщалъ собранія петроградской ложи «Уранiи» [32]); съ юношескихъ лѣтъ ихъ связывала дружба; отсюда легко было вывести, что оба друга заражены однимъ и тѣмъ же масонскимъ духомъ. Все это усиливало тревогу такихъ блюстителей порядка, какъ Пестель и кн. Прозоровскій. Узнавъ, что послѣдній назначенъ московскимъ главнокомандующимъ, кн. Г. А. Потемкинъ [33]) писалъ императрицѣ: «Ваше Величество выдвинули изъ Вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ Вашу цѣль, потому что собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя Вашего Величества» [34]). Потемкинъ предостерегалъ императрицу не даромъ: кн. Прозоровскій преувеличилъ опасность; его усердіе осмѣивали и въ Москвѣ, и при дворѣ. Разгромивъ кружокъ Новикова, онъ явился къ государынѣ. Храповицкій записалъ 26 января 1793: «Пріѣхалъ изъ Москвы князь Прозоровскій. Помѣшалъ читать газеты. Спросили у меня: знаетъ ли онъ самъ, зачѣмъ пріѣхалъ? Я промолчалъ. Но онъ пріѣхалъ, сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ» [35]).

Въ письмѣ къ Шешковскому [36]) и въ донесеніяхъ къ императрицѣ кн. Прозоровскій, говоря объ успѣшномъ ходѣ порученнаго ему слѣдствія, сообщаетъ, какія свѣдѣнія удалось ему извлечь изъ бумагъ и переписки мартинистовъ объ ихъ «революціонныхъ замыслахъ». «Вся работа ихъ клонилась, по мнѣнію князя, къ благополучію людей, т. е. къ равенству; они — совершенные іезуиты и всѣ ихъ положенія имѣютъ касательство до персоны государевой; они были противъ правительства; законъ они показывали исполнять во всей точности — это и есть равенство людей и права человѣка, а если бы успѣли они персону [37])

---

[31]) *Пекарскій*, 126 — 131 (*Г. А.*, VIII, 219, *л.* 1 — 3).

Кн. Прозоровскій напрасно включилъ Бурнашева въ число «мартинистовъ»: Иванъ Андреевичъ Бурнашевъ былъ масономъ, но не розенкрейцеромъ.

[32]) *Лонгиновъ*, 97.

[33]) Кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ — 29 сент. 1736 † 5 окт. 1791.

[34]) *Лонгиновъ*, 301.

[35]) *Храповицкій*, 419 — 420.

[36]) Степанъ Ивановичъ Шешковскій — 1720 † 12 мая 1794.

[37]) Т. е. цесаревича Павла Петровича (20 сент. 1754 † 11 марта 1801).

ной и примѣчанья недостойной». «Пестель, по словамъ кн. Прозоровскаго, одно письмо приносилъ къ Еропкину, то онъ призывалъ директора своего Бурнашева, который принятъ въ мартинисты. Какъ въ семъ случаѣ шайка Новикова держится іезуицкаго правила — при начальникахъ имѣть шпіоновъ, и оба нашли то письмо ничего значущимъ. Съ тѣхъ поръ онъ болѣе ихъ къ нему не представлялъ» [31]). А. М. Кутузовъ съ 1787 года жилъ въ Берлинѣ въ качествѣ уполномоченнаго московскихъ розенкрейцеровъ, получая отъ нихъ письма и деньги; А. Н. Радищевъ въ началѣ 70-хъ годовъ посѣщалъ собранія петроградской ложи «Ураніи» [32]); съ юношескихъ лѣтъ ихъ связывала дружба; отсюда легко было вывести, что оба друга заражены однимъ и тѣмъ же масонскимъ духомъ. Все это усиливало тревогу такихъ блюстителей порядка, какъ Пестель и кн. Прозоровскій. Узнавъ, что послѣдній назначенъ московскимъ главнокомандующимъ, кн. Г. А. Потемкинъ [33]) писалъ императрицѣ: «Ваше Величество выдвинули изъ Вашего арсенала самую старую пушку, которая будетъ непремѣнно стрѣлять въ Вашу цѣль, потому что собственной не имѣетъ. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью въ потомствѣ имя Вашего Величества» [34]). Потемкинъ предостерегалъ императрицу не даромъ: кн. Прозоровскій преувеличилъ опасность; его усердіе осмѣивали и въ Москвѣ, и при дворѣ. Разгромивъ кружокъ Новикова, онъ явился къ государынѣ. Храповицкій записалъ 26 января 1793: «Пріѣхалъ изъ Москвы князь Прозоровскій. Помѣшалъ читать газеты. Спросили у меня: знаетъ ли онъ самъ, зачѣмъ пріѣхалъ? Я промолчалъ. Но онъ пріѣхалъ, сирѣчь къ наградѣ за истребленіе мартинистовъ» [35]).

Въ письмѣ къ Шешковскому [36]) и въ донесеніяхъ къ императрицѣ кн. Прозоровскій, говоря объ успѣшномъ ходѣ порученнаго ему слѣдствія, сообщаетъ, какія свѣдѣнія удалось ему извлечь изъ бумагъ и переписки мартинистовъ объ ихъ «революціонныхъ замыслахъ». «Вся работа ихъ клонилась, по мнѣнію князя, къ благополучію людей, т. е. къ равенству; они — совершенные іезуиты и всѣ ихъ положенія имѣютъ касательство до персоны государевой; они были противъ правительства; законъ они показывали исполнять во всей точности — это и есть равенство людей и права человѣка, а если бы успѣли они персону [37])

---

[31]) *Пекарскій*, 126 — 131 (*Г. А.*, VIII, 219, *л.* 1 — 3).

Кн. Прозоровскій напрасно включилъ Бурнашева въ число «мартинистовъ»: Иванъ Андреевичъ Бурнашевъ былъ масономъ, но не розенкрейцеромъ.

[32]) *Лонгиновъ*, 97.

[33]) Кн. Григорій Александровичъ Потемкинъ — 29 сент. 1736 † 5 окт. 1791.

[34]) *Лонгиновъ*, 301.

[35]) *Храповицкій*, 419 — 420.

[36]) Степанъ Ивановичъ Шешковскій — 1720 † 12 мая 1794.

[37]) Т. е. цесаревича Павла Петровича (20 сент. 1754 † 11 марта 1801).

привести, какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ своему злому намѣренію, то бъ хуже сдѣлали фр[анцузскаго] кра[ля]» [38]). Правда, въ бумагахъ нашлись письма герцога брауншвейгскаго [39]), которыя кн. Прозоровскій считалъ для правительства полезными, но то все прежнее, а съ тѣхъ поръ, какъ образовалась секта Розенкрейцъ, мартинисты стали мѣшаться въ дѣла государственныя; изъ книги «Новое начертаніе истинныя теологіи» видно, что, по заведеніи новой церкви, было намѣреніе подчинить оной и все государственное правительство и соединить всѣ народы и законы вообще, а наконецъ стараться завести республику» [40]). Въ показаніяхъ Новикова, кн. Трубецкого, Лопухина и Тургенева кн. Прозоровскій усматривалъ одно притворство и желаніе закрыть свои преступленія. «Мартинисты считаютъ Христа своимъ начальникомъ и дѣйствуютъ Его именемъ, а это значитъ: гдѣ Христосъ управляетъ или они Его вдохновеніемъ, то тутъ другого правительства, какъ гражданскаго, такъ и духовнаго, быть не можетъ. Черезъ книги и школы они пытались приготовить умы къ тому, чтобы ихъ признали законниками — такъ нечувствительно они могли бы дойти до того, чтобы всѣмъ управлять, а паче тутъ же всѣ братья и равные». Въ этомъ кн. Прозоровскій находилъ не малый вредъ: ибо которые «вошли и привязался къ нимъ, тѣ всѣ удаляются отъ всякаго государственнаго служенія; прочихъ же всѣхъ людей почитаютъ они развратными и погибшими для будущаго преселенія» [41]).

Просматривая книги и бумаги мартинистовъ, кн. Прозоровскій думалъ, что имѣетъ дѣло съ политическими преступниками, и радовался, что ему удалось разрушить опасный замыселъ: «однакожъ для блага государства — слава Богу, слава Богу»! писалъ онъ Шешковскому [42]). Можно себѣ представить, что думали о «фармазонахъ» люди, знавшіе объ ихъ дѣятельности только по слухамъ. Разобраться въ противорѣчіяхъ масонства было трудно даже посвященному въ тайны ордена, тѣмъ болѣе — «профану».

II.

Къ началу 70-хъ годовъ XVIII вѣка масонство, въ особенности нѣмецкое, развѣтвилось на множество «системъ». Баронъ Гундъ [43]) мечталъ о возрожденіи свѣтскаго рыцарства посредствомъ «строгаго наблюденія»;

[38]) Людовикъ XVI — 1754 † 1793.

[39]) Герц. Фердинандъ брауншвейгскій — 1721 † 1792.

[40]) «Начертаніе», ч. 2, 257 — 259. См. также 46, 70, 74, 107, 157, 186, 191, 194, 239, 244.

[41]) *Тихонравовъ*, 30, 34, 35, 36, 92. *Сборникъ*, II, 108.

[42]) *Сборникъ*, II, 105.

[43]) Бар. Гундъ — 11 сент. 1722 † 6 ноября 1776. *Шлоссеръ*, III, 208, 209.

привести, какъ и старались на сей конецъ, чтобъ привести конецъ своему злому намѣренію, то бъ хуже сдѣлали фр[анцузскаго] кра[ля]» [38]). Правда, въ бумагахъ нашлись письма герцога брауншвейгскаго [39]), которыя кн. Прозоровскій считалъ для правительства полезными, но то все прежнее, а съ тѣхъ поръ, какъ образовалась секта Розенкрейцъ, мартинисты стали мѣшаться въ дѣла государственныя; изъ книги «Новое начертаніе истинныя теологіи» видно, что, по заведеніи новой церкви, было намѣреніе подчинить оной и все государственное правительство и соединить всѣ народы и законы вообще, а наконецъ стараться завести республику» [40]). Въ показаніяхъ Новикова, кн. Трубецкого, Лопухина и Тургенева кн. Прозоровскій усматривалъ одно притворство и желаніе закрыть свои преступленія. «Мартинисты считаютъ Христа своимъ начальникомъ и дѣйствуютъ Его именемъ, а это значитъ: гдѣ Христосъ управляетъ или они Его вдохновеніемъ, то тутъ другого правительства, какъ гражданскаго, такъ и духовнаго, быть не можетъ. Черезъ книги и школы они пытались приготовить умы къ тому, чтобы ихъ признали законниками — такъ нечувствительно они могли бы дойти до того, чтобы всѣмъ управлять, а паче тутъ же всѣ братья и равные». Въ этомъ кн. Прозоровскій находилъ не малый вредъ: ибо которые «вошли и привязался къ нимъ, тѣ всѣ удаляются отъ всякаго государственнаго служенія; прочихъ же всѣхъ людей почитаютъ они развратными и погибшими для будущаго преселенія» [41]).

Просматривая книги и бумаги мартинистовъ, кн. Прозоровскій думалъ, что имѣетъ дѣло съ политическими преступниками, и радовался, что ему удалось разрушить опасный замыселъ: «однакожъ для блага государства — слава Богу, слава Богу»! писалъ онъ Шешковскому [42]). Можно себѣ представить, что думали о «фармазонахъ» люди, знавшіе объ ихъ дѣятельности только по слухамъ. Разобраться въ противорѣчіяхъ масонства было трудно даже посвященному въ тайны ордена, тѣмъ болѣе — «профану».

II.

Къ началу 70-хъ годовъ XVIII вѣка масонство, въ особенности нѣмецкое, развѣтвилось на множество «системъ». Баронъ Гундъ [43]) мечталъ о возрожденіи свѣтскаго рыцарства посредствомъ «строгаго наблюденія»;

[38]) Людовикъ XVI — 1754 † 1793.

[39]) Герц. Фердинандъ брауншвейгскій — 1721 † 1792.

[40]) «Начертаніе», ч. 2, 257 — 259. См. также 46, 70, 74, 107, 157, 186, 191, 194, 239, 244.

[41]) *Тихонравовъ*, 30, 34, 35, 36, 92. *Сборникъ*, II, 108.

[42]) *Сборникъ*, II, 105.

[43]) Бар. Гундъ — 11 сент. 1722 † 6 ноября 1776. *Шлоссеръ*, III, 208, 209.

проповѣдникъ Штаркъ [44]) надѣялся благодаря «Тампліерскому клерикату» возстановить духовное рыцарство; врачъ Циннендорфъ [45]), на основаніи «шведскихъ актовъ» объявилъ другія системы не имѣющими ничего общаго съ «истиннымъ» масонствомъ; но и шведская система, въ свою очередь преслѣдовала политическія цѣли... Борьба между Гундомъ, Штаркомъ и Циннендорфомъ сопровождалась взаимными обличеніями въ обманѣ, она облегчила доступъ въ масонскія ложи длинной вереницѣ интригановъ и авантюристовъ, искавшихъ власти или наживы. Новѣйшіе изслѣдователи «истиннаго» или «гуманистическаго» масонства называютъ этотъ періодъ «вѣкомъ блужданій», «кризиса» и «униженія [46]).

Подобно нѣмецкимъ «каменщикамъ» «блуждали» и русскіе. Старинныя англійскія ложи соперничали въ 60-хъ годахъ съ «Тампліерскимъ клерикатомъ»; едва окрѣпло англійское масонство подъ управленіемъ И. П. Елагина, какъ берлинская Landesloge, работавшая по системѣ Циннендорфа, направила въ Россію бар. Рейхеля [47]) съ цѣлью «сломить абсолютизмъ англичанъ» [48]); Рейхель добился своего и замѣнилъ англійскую «связь» нѣмецкой; путемъ переговоровъ и уступокъ удалось въ 1776 году объединить «елагинскія» и «рейхелевскія» ложи и, съ общаго согласія, выбрать намѣстнымъ мастеромъ гр. Н. И. Панина [49]). Но въ томъ же году императрица послала въ Стокгольмъ князя А. Б. Куракина [50]) съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ великой княгиней Маріей Ѳеодоровной [51]). Кн. Куракинъ, кромѣ оффиціальнаго порученія, имѣлъ тайное отъ гр. Панина и другихъ масоновъ — добыть шведскіе акты. Шведскій гроссмейстеръ, братъ короля Густава III, Карлъ, герцогъ зюдерманландскій [52]) самъ посвятилъ кн. Куракина въ высшій градусъ и далъ ему право стать во главѣ русскаго капитула или передать главенство кн. Г. И. Гагарину [53]). Кн. Куракинъ

---

[44]) Штаркъ — 1741 † 1816. *Шлоссеръ*, III, 215.

[45]) Циннендорфъ — 10 авг. 1731 † 6 іюня 1782.

[46]) *Keller*, 147. *Horneffer*, 81. *Findel*, I, 57. О «системахъ» и въ частности о «строгомъ наблюденіи» *Horneffer*, 101 — 109.

[47]) *Friedrichs*, 23, 29, 37.

[48]) Рейхель — 14 ноября 1729 [?], въ русской службѣ съ 1 іюня 1770, † дек. 1791. *Пекарскій*, 57. *Г. А.*, VIII, № 216, XVIII.

[49]) Гр. Никита Ивановичъ Панинъ — 15 сент. 1718 † 31 марта 1783. *Friedrichs*, 37. — *Пекарскій*, 52 — 53. — *Саѳа*, 14.

[50]) Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ — 18 янв. 1752 † 25 іюня 1818.

[51]) Великая Княгиня (впосл. императрица) Марія Ѳеодоровна — 14 окт. 1759 † 24 окт. 1828.

[52]) Густавъ III — 1746 † 16 марта 1792. Карлъ герц. зюдерманландскій (впосл. король Карлъ XIII) 7 окт. 1748 † 5 февр. 1818.

[53]) Кн. Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ — 9 янв. 1745 † 19 янв. 1807 (1808 ?) *Пекарскій*, 59 — 63 — *А. К.*, т. VIII, стр. V — IX, 167 — 169, 300 — 302; т. X, стр. II, 318 — 321, 323 — 324, 368, 442. *О. В.*, II, 370 — 375.

проповѣдникъ Штаркъ [44]) надѣялся благодаря «Тампліерскому клерикату» возстановить духовное рыцарство; врачъ Циннендорфъ [45]), на основаніи «шведскихъ актовъ» объявилъ другія системы не имѣющими ничего общаго съ «истиннымъ» масонствомъ; но и шведская система, въ свою очередь преслѣдовала политическія цѣли... Борьба между Гундомъ, Штаркомъ и Циннендорфомъ сопровождалась взаимными обличеніями въ обманѣ, она облегчила доступъ въ масонскія ложи длинной вереницѣ интригановъ и авантюристовъ, искавшихъ власти или наживы. Новѣйшіе изслѣдователи «истиннаго» или «гуманистическаго» масонства называютъ этотъ періодъ «вѣкомъ блужданій», «кризиса» и «униженія [46]).

Подобно нѣмецкимъ «каменщикамъ» «блуждали» и русскіе. Старинныя англійскія ложи соперничали въ 60-хъ годахъ съ «Тампліерскимъ клерикатомъ»; едва окрѣпло англійское масонство подъ управленіемъ И. П. Елагина, какъ берлинская Landesloge, работавшая по системѣ Циннендорфа, направила въ Россію бар. Рейхеля [47]) съ цѣлью «сломить абсолютизмъ англичанъ» [48]); Рейхель добился своего и замѣнилъ англійскую «связь» нѣмецкой; путемъ переговоровъ и уступокъ удалось въ 1776 году объединить «елагинскія» и «рейхелевскія» ложи и, съ общаго согласія, выбрать намѣстнымъ мастеромъ гр. Н. И. Панина [49]). Но въ томъ же году императрица послала въ Стокгольмъ князя А. Б. Куракина [50]) съ извѣщеніемъ о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича съ великой княгиней Маріей Ѳеодоровной [51]). Кн. Куракинъ, кромѣ оффиціальнаго порученія, имѣлъ тайное отъ гр. Панина и другихъ масоновъ — добыть шведскіе акты. Шведскій гроссмейстеръ, братъ короля Густава III, Карлъ, герцогъ зюдерманландскій [52]) самъ посвятилъ кн. Куракина въ высшій градусъ и далъ ему право стать во главѣ русскаго капитула или передать главенство кн. Г. П. Гагарину [53]). Кн. Куракинъ

---

[44]) Штаркъ — 1741 † 1816. *Шлоссеръ*, III, 215.

[45]) Циннендорфъ — 10 авг. 1731 † 6 іюня 1782.

[46]) *Keller*, 147. *Horneffer*, 81. *Findel*, I, 57. О «системахъ» и въ частности о «строгомъ наблюденіи» *Horneffer*, 101 — 109.

[47]) *Friedrichs*, 23, 29, 37.

[48]) Рейхель — 14 ноября 1729 [?], въ русской службѣ съ 1 іюня 1770, † дек. 1791. *Пекарскій*, 57. *Г. А.*, VIII, № 216, XVIII.

[49]) Гр. Никита Ивановичъ Панинъ — 15 сент. 1718 † 31 марта 1783. *Friedrichs*, 37. — *Пекарскій*, 52 — 53. — *Саѳа*, 14.

[50]) Кн. Александръ Борисовичъ Куракинъ — 18 янв. 1752 † 25 іюня 1818.

[51]) Великая Княгиня (впосл. императрица) Марія Ѳеодоровна — 14 окт. 1759 † 24 окт. 1828.

[52]) Густавъ III — 1746 † 16 марта 1792. Карлъ герц. зюдерманландскій (впосл. король Карлъ XIII) 7 окт. 1748 † 5 февр. 1818.

[53]) Кн. Гавріилъ Петровичъ Гагаринъ — 9 янв. 1745 † 19 янв. 1807 (1808 ?) *Пекарскій*, 59 — 63 — *А. К.*, т. VIII, стр. V — IX, 167 — 169, 300 — 302; т. X, стр. II, 318 — 321, 323 — 324, 368, 442. *О. В.*, II, 370 — 375.

вывезъ изъ Швеціи систему «строгаго наблюденія» (stricte Observanz), которую ненавидѣлъ Рейхель, считая ее насквозь политической (218 : 21). Когда Гагаринъ открылъ новый капитулъ, многіе масоны остались въ сторонѣ. Панинъ, Куракинъ, Гагаринъ были тѣсно связаны родствомъ, дружбой, близостью къ наслѣднику престола. Участіе ихъ въ масонствѣ привлекло множество лицъ, заинтересованныхъ въ глухой и упорной враждѣ между «большимъ» и «малымъ» дворами.. Лѣтомъ 1777 прибылъ въ русскую столицу шведскій король — масоны торжественно чествовали его въ ложѣ Аполлона, основанной Рейхелемъ. Говорили у насъ и на западѣ, что король хотѣлъ принять въ орденъ цесаревича Павла, говорили даже, что принятіе состоялось [54]). Въ 1778 году герцогъ зюдерманландскій сталъ во главѣ VII провинціи и тѣмъ создалъ новыя затрудненія для русскихъ масоновъ. Всѣ эти перемѣны и колебанія слабо отразились въ русскихъ памятникахъ; но и по тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, какія дошли до насъ, можно представить себѣ настроеніе «братьевъ», искавшихъ «истиннаго» масонства: масонская «истина» манила къ себѣ и ускользала, какъ призракъ; на лицо были политики и авантюристы, которые вели умную интригу или темную игру, да бездѣльники, искавшіе случая пріятно провести время въ обществѣ знатныхъ и богатыхъ баръ; а искренніе «братья» проливали горькія слезы. Въ своихъ показаніяхъ на допросѣ Новиковъ вспоминалъ бесѣду, которую онъ велъ съ Рейхелемъ въ то время, какъ укрѣплялось въ Россіи «строгое наблюденіе». Новиковъ пишетъ: «бывъ однажды у Рейхеля и разговаривая черезъ переводчика, не помню, кто былъ, о всѣхъ раздѣленіяхъ и разныхъ партіяхъ въ масонствѣ, спросилъ я у него въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: я не прошу васъ о вышнихъ градусахъ, ниже объ изъясненіи масонства, потому что я рѣшился терпѣливо ожидать, упражняясь, сколько могу, въ нравственности, самопознаніи и исправленіи себя, но прошу васъ, дайте признакъ мнѣ такой, по которому бы я могъ безошибочно узнать истинное масонство отъ ложнаго... и просилъ я его о томъ со слезами. Рейхель также со слезами сказалъ мнѣ, что онъ охотно это сдѣлаетъ и скажетъ вѣрно, и сказалъ: всякое масонство, имѣющее политическіе виды, есть ложное и, ежели ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ, связей и растверживанія словъ равенства и вольности, то почитай его ложнымъ... Гдѣ говорятъ о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстямъ и порокамъ, но владѣть оными, такое масонство или уже есть истинное, или ведетъ къ сысканію и полученію истиннаго. Рейхель говорилъ, что истинное масонство *есть*, что оно весьма малочисленно, что истинные масоны не стараются нахватывать

---

[54]) *Саблуковъ*, 1877. *Иконниковъ*, 151 — 157. *Шумигорскій*, 55 — 56.

вывезъ изъ Швеціи систему «строгаго наблюденія» (stricte Observanz), которую ненавидѣлъ Рейхель, считая ее насквозь политической (218 : 21). Когда Гагаринъ открылъ новый капитулъ, многіе масоны остались въ сторонѣ. Панинъ, Куракинъ, Гагаринъ были тѣсно связаны родствомъ, дружбой, близостью къ наслѣднику престола. Участіе ихъ въ масонствѣ привлекло множество лицъ, заинтересованныхъ въ глухой и упорной враждѣ между «большимъ» и «малымъ» дворами.. Лѣтомъ 1777 прибылъ въ русскую столицу шведскій король — масоны торжественно чествовали его въ ложѣ Аполлона, основанной Рейхелемъ. Говорили у насъ и на западѣ, что король хотѣлъ принять въ орденъ цесаревича Павла, говорили даже, что принятіе состоялось [54]). Въ 1778 году герцогъ зюдерманландскій сталъ во главѣ VII провинціи и тѣмъ создалъ новыя затрудненія для русскихъ масоновъ. Всѣ эти перемѣны и колебанія слабо отразились въ русскихъ памятникахъ; но и по тѣмъ скуднымъ извѣстіямъ, какія дошли до насъ, можно представить себѣ настроеніе «братьевъ», искавшихъ «истиннаго» масонства: масонская «истина» манила къ себѣ и ускользала, какъ призракъ; на лицо были политики и авантюристы, которые вели умную интригу или темную игру, да бездѣльники, искавшіе случая пріятно провести время въ обществѣ знатныхъ и богатыхъ баръ; а искренніе «братья» проливали горькія слезы. Въ своихъ показаніяхъ на допросѣ Новиковъ вспоминалъ бесѣду, которую онъ велъ съ Рейхелемъ въ то время, какъ укрѣплялось въ Россіи «строгое наблюденіе». Новиковъ пишетъ: «бывъ однажды у Рейхеля и разговаривая черезъ переводчика, не помню, кто былъ, о всѣхъ раздѣленіяхъ и разныхъ партіяхъ въ масонствѣ, спросилъ я у него въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: я не прошу васъ о вышнихъ градусахъ, ниже объ изъясненіи масонства, потому что я рѣшился терпѣливо ожидать, упражняясь, сколько могу, въ нравственности, самопознаніи и исправленіи себя, но прошу васъ, дайте признакъ мнѣ такой, по которому бы я могъ безошибочно узнать истинное масонство отъ ложнаго... и просилъ я его о томъ со слезами. Рейхель также со слезами сказалъ мнѣ, что онъ охотно это сдѣлаетъ и скажетъ вѣрно, и сказалъ: всякое масонство, имѣющее политическіе виды, есть ложное и, ежели ты примѣтишь хотя тѣнь политическихъ видовъ, связей и растверживанія словъ равенства и вольности, то почитай его ложнымъ... Гдѣ говорятъ о вольности такой между масонами, чтобы не быть покорену страстямъ и порокамъ, но владѣть оными, такое масонство или уже есть истинное, или ведетъ къ сысканію и полученію истиннаго. Рейхель говорилъ, что истинное масонство *есть*, что оно весьма малочисленно, что истинные масоны не стараются нахватывать

---

[54]) *Саблуковъ*, 1877. *Иконниковъ*, 151 — 157. *Шумигорскій*, 55 — 56.

членовъ, что они по причинѣ великаго въ сіи времена распространенія ложныхъ масоновъ весьма скрытны и пребываютъ въ тишинѣ: ложные масоны всего этого не любятъ. За сей совѣтъ готовъ я отвѣтствовать предъ Богомъ [сказалъ Рейхель]. Послѣ сего я еще осторожнѣе сдѣлался противу шведскаго масонства и такъ называемаго стриктъ-обсерванта, котораго баронъ Рейхель крайне не любилъ» [55]).

Въ такомъ настроеніи готовился Новиковъ къ переѣзду въ Москву, куда его звали друзья. Одинъ изъ нихъ, М. М. Херасковъ [56]), въ 1778 году былъ назначенъ куратором Московскаго университета. Весной 1779 Новиковъ снялъ на 10 лѣтъ университетскую типографію и навсегда перебрался въ Москву [57]). Здѣсь онъ сблизился съ энергичнѣйшимъ масономъ «строгаго наблюденія» проф. И. Е. Шварцемъ [58]). Вдвоемъ они быстро (1779—1782) организовали и «Дружеское общество», и «Педагогическую семинарію», и книгоиздательство, и масонскій кругъ — наступило памятное десятилѣтіе въ исторіи русскаго просвѣщенія (1779—1789), которое В. О. Ключевскій назвалъ «новиковскимъ» [59]).

Просвѣтительная дѣятельность Новикова и его друзей, благодаря своей связи съ масонствомъ стала внушать подозрѣнія. Въ 1780 году императрица осмѣяла масоновъ въ анонимной брошюрѣ «Тайна противонелѣпаго общества (Anti-absurde), открытая не причастнымъ оному» [60]). Въ томъ же году герцогъ зюдерманландскій организовалъ IX провинцію и включилъ въ нее Россію: русскіе масоны становились т. о. въ зависимость отъ Швеціи; иные изъ нихъ отшатнулись и отъ шведской власти, и отъ ордена; другіе бросились искать «истиннаго» масонства на западѣ. По словамъ кн. Прозоровскаго, въ 1780 и 1781 годахъ была переписка съ ложами французскими, итальянскими, австрійскими, швейцарскими и голландскими [61]). Въ это время нѣмецкіе «братья» готовились къ реформѣ ордена. Великій мастеръ соединенныхъ ложъ, герц. Фердинандъ брауншвейгскій, 19 сентября 1780 разослалъ предварительный циркуляръ, которымъ назначался генеральный конвентъ ордена; 18 іюня 1781 послѣдовалъ призывный циркуляръ на конвентъ въ Вильгельмсбадѣ; московскіе масоны рѣшили просить герцога, чтобы онъ ходатайствовалъ на съѣздѣ о признаніи Россіи самостоятельной провин-

---

[55]) *Лонгиновъ*, 076.

[56]) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ — 25 окт. 1733 † 27 сент. 1807.

[57]) Новиковъ переселился въ концѣ апрѣля 1779; въ томъ же году переселился и Шварцъ — въ августѣ 1779 онъ сталъ профессоромъ Московскаго университета. *Шевыревъ*, 213, 216, 219.

[58]) Иванъ Егоровичъ Шварцъ — пріѣхалъ въ Могилевъ апр. 1776 г. † 17 февр. 1784 г.

[59]) *Ключевскій*, 279.

[60]) *Императрица Екатерина II.* т. V, 341—358.

[61]) *Тихонравовъ*, 29.

членовъ, что они по причинѣ великаго въ сіи времена распространенія ложныхъ масоновъ весьма скрытны и пребываютъ въ тишинѣ: ложные масоны всего этого не любятъ. За сей совѣтъ готовъ я отвѣтствовать предъ Богомъ [сказалъ Рейхель]. Послѣ сего я еще осторожнѣе сдѣлался противу шведскаго масонства и такъ называемаго стриктъ-обсерванта, котораго баронъ Рейхель крайне не любилъ» [55]).

Въ такомъ настроеніи готовился Новиковъ къ переѣзду въ Москву, куда его звали друзья. Одинъ изъ нихъ, М. М. Херасковъ [56]), въ 1778 году былъ назначенъ куратором Московскаго университета. Весной 1779 Новиковъ снялъ на 10 лѣтъ университетскую типографію и навсегда перебрался въ Москву [57]). Здѣсь онъ сблизился съ энергичнѣйшимъ масономъ «строгаго наблюденія» проф. И. Е. Шварцемъ [58]). Вдвоемъ они быстро (1779—1782) организовали и «Дружеское общество», и «Педагогическую семинарію», и книгоиздательство, и масонскій кругъ — наступило памятное десятилѣтіе въ исторіи русскаго просвѣщенія (1779—1789), которое В. О. Ключевскій назвалъ «новиковскимъ» [59]).

Просвѣтительная дѣятельность Новикова и его друзей, благодаря своей связи съ масонствомъ стала внушать подозрѣнія. Въ 1780 году императрица осмѣяла масоновъ въ анонимной брошюрѣ «Тайна противонелѣпаго общества (Anti-absurde), открытая не причастнымъ оному» [60]). Въ томъ же году герцогъ зюдерманландскій организовалъ IX провинцію и включилъ въ нее Россію: русскіе масоны становились т. о. въ зависимость отъ Швеціи; иные изъ нихъ отшатнулись и отъ шведской власти, и отъ ордена; другіе бросились искать «истиннаго» масонства на западѣ. По словамъ кн. Прозоровскаго, въ 1780 и 1781 годахъ была переписка съ ложами французскими, итальянскими, австрійскими, швейцарскими и голландскими [61]). Въ это время нѣмецкіе «братья» готовились къ реформѣ ордена. Великій мастеръ соединенныхъ ложъ, герц. Фердинандъ брауншвейгскій, 19 сентября 1780 разослалъ предварительный циркуляръ, которымъ назначался генеральный конвентъ ордена; 18 іюня 1781 послѣдовалъ призывный циркуляръ на конвентъ въ Вильгельмсбадѣ; московскіе масоны рѣшили просить герцога, чтобы онъ ходатайствовалъ на съѣздѣ о признаніи Россіи самостоятельной провин-

---

[55]) *Лонгиновъ*, 076.

[56]) Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ — 25 окт. 1733 † 27 сент. 1807.

[57]) Новиковъ переселился въ концѣ апрѣля 1779; въ томъ же году переселился и Шварцъ — въ августѣ 1779 онъ сталъ профессоромъ Московскаго университета. *Шевыревъ*, 213, 216, 219.

[58]) Иванъ Егоровичъ Шварцъ — пріѣхалъ въ Могилевъ апр. 1776 г. † 17 февр. 1784 г.

[59]) *Ключевскій*, 279.

[60]) *Императрица Екатерина II.* т. V, 341—358.

[61]) *Тихонравовъ*, 29.

цією [62]). Это прошеніе повезъ за границу лѣтомъ 1781 года проф. Шварцъ. Въ Митавѣ снабдили его письмами къ берлинскимъ масонамъ Вёльнеру и Тедену [63]). Въ концѣ февраля 1782 Шварцъ вернулся въ Москву и для всѣхъ привезъ «строгое наблюденіе», для избранныхъ — «теоретическую степень» и «злато-розовый крестъ» [64]).

Масонская легенда отодвигаетъ начало розенкрейцерства въ даль вѣковъ; но тотъ кругъ, въ который вошли черезъ Шварца московскіе «каменщики», возникъ лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія. Впервые орденъ «Златорозоваго креста» заявилъ о себѣ въ 1757 году во Франкфуртѣ на Майнѣ; въ 1761 г. розенкрейцеры появились въ Прагѣ, въ 1775 — въ Вѣнѣ; изъ Австріи они проникли въ сѣверную Германію; здѣсь центромъ ихъ дѣятельности сталъ Берлинъ. Ни одна масонская «система» не обѣщала братьямъ столько могущества, какъ розенкрейцерская. Рыцари Златорозоваго креста получали глубочайшее познаніе Божества и природы, господство надъ ней и надъ всѣми духами, причемъ друзьямъ своимъ орденъ сулилъ величайшія въ мірѣ блага, а врагамъ грозилъ жесточайшей гибелью. Розенкрейцеры утверждали, что только они одни обладаютъ познаніемъ истины, могутъ любой металлъ превращать въ золото, умѣютъ изготовлять универсальныя лѣкарства безошибочной силы, въ состояніи на лету ловить ядро послѣ выстрѣла изъ пушки. Говорили, что маги на высшей ступени обладали познаніемъ цѣлаго міра, что они непосредственно сносились съ Богомъ, какъ Моисей на Синаѣ, лично или чрезъ ангеловъ, что они могли даже измѣнить порядокъ міросданія. Братьямъ отъ времени до времени доставлялись или читались манускрипты, полные таинственныхъ откровеній, о хаосѣ и созданіи міра, о свѣтѣ и тьмѣ, объ огнѣ и воздухѣ, о грѣхопаденіи Адама, объ алхиміи; въ вѣкъ великихъ успѣховъ физики и химіи учили, какъ изъ гнилой воды готовить живыя твари и осаждать металлы. Вся эта ложь подкрѣплялась обѣщаніями помощи Господней или угрозами Божьей карой. Владѣтельные князья, придворные, министры, люди, занимавшіе видныя мѣста на военной или гражданской службѣ, устремились въ лоно «святого» ордена. Онъ поставилъ своей главной цѣлью борьбу съ «ложнымъ» просвѣщеніемъ. Очагомъ этого просвѣщенія была Франція. Заклятыми врагами розенкрейцерства считались Вольтеръ, Гельвецій, энциклопедисты, всѣ «вольнодумцы» и «безбожники». Многимъ казалось, что самъ Фридрихъ II [65]) стоялъ на ложномъ пути; въ немъ

[62]) Рукописный сборникъ *И. П. Б.*, Q, III, № 134 (Отчетъ 1874 г., стр. 15). *Ешевскій*, 472—474. — *Р. М.*, № 1882.

[63]) Вёльнеръ — 19 мая 1732 † 11 ноября 1800. Теденъ — 13 сент. 1714, † 21 окт. 1797.

[64]) *Ешевскій*, 486—488. *Р. М.*, № 1882, л. 38 и обор.

[65]) Фридрихъ II — 24 янв. 1712 † 17 авг. 1786. *Шлоссеръ*, III, 207.

цією [62]). Это прошеніе повезъ за границу лѣтомъ 1781 года проф. Шварцъ. Въ Митавѣ снабдили его письмами къ берлинскимъ масонамъ Вёльнеру и Тедену [63]). Въ концѣ февраля 1782 Шварцъ вернулся въ Москву и для всѣхъ привезъ «строгое наблюденіе», для избранныхъ — «теоретическую степень» и «злато-розовый крестъ» [64]).

Масонская легенда отодвигаетъ начало розенкрейцерства въ даль вѣковъ; но тотъ кругъ, въ который вошли черезъ Шварца московскіе «каменщики», возникъ лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія. Впервые орденъ «Златорозоваго креста» заявилъ о себѣ въ 1757 году во Франкфуртѣ на Майнѣ; въ 1761 г. розенкрейцеры появились въ Прагѣ, въ 1775 — въ Вѣнѣ; изъ Австріи они проникли въ сѣверную Германію; здѣсь центромъ ихъ дѣятельности сталъ Берлинъ. Ни одна масонская «система» не обѣщала братьямъ столько могущества, какъ розенкрейцерская. Рыцари Златорозоваго креста получали глубочайшее познаніе Божества и природы, господство надъ ней и надъ всѣми духами, причемъ друзьямъ своимъ орденъ сулилъ величайшія въ мірѣ блага, а врагамъ грозилъ жесточайшей гибелью. Розенкрейцеры утверждали, что только они одни обладаютъ познаніемъ истины, могутъ любой металлъ превращать въ золото, умѣютъ изготовлять универсальныя лѣкарства безошибочной силы, въ состояніи на лету ловить ядро послѣ выстрѣла изъ пушки. Говорили, что маги на высшей ступени обладали познаніемъ цѣлаго міра, что они непосредственно сносились съ Богомъ, какъ Моисей на Синаѣ, лично или чрезъ ангеловъ, что они могли даже измѣнить порядокъ міросданія. Братьямъ отъ времени до времени доставлялись или читались манускрипты, полные таинственныхъ откровеній, о хаосѣ и созданіи міра, о свѣтѣ и тьмѣ, объ огнѣ и воздухѣ, о грѣхопаденіи Адама, объ алхиміи; въ вѣкъ великихъ успѣховъ физики и химіи учили, какъ изъ гнилой воды готовить живыя твари и осаждать металлы. Вся эта ложь подкрѣплялась обѣщаніями помощи Господней или угрозами Божьей карой. Владѣтельные князья, придворные, министры, люди, занимавшіе видныя мѣста на военной или гражданской службѣ, устремились въ лоно «святого» ордена. Онъ поставилъ своей главной цѣлью борьбу съ «ложнымъ» просвѣщеніемъ. Очагомъ этого просвѣщенія была Франція. Заклятыми врагами розенкрейцерства считались Вольтеръ, Гельвецій, энциклопедисты, всѣ «вольнодумцы» и «безбожники». Многимъ казалось, что самъ Фридрихъ II [65]) стоялъ на ложномъ пути; въ немъ

[62]) Рукописный сборникъ *И. П. Б.*, Q, III, № 134 (Отчетъ 1874 г., стр. 15). *Ешевскій*, 472—474. — *Р. М.*, № 1882.

[63]) Вёльнеръ — 19 мая 1732 † 11 ноября 1800. Теденъ — 13 сент. 1714, † 21 окт. 1797.

[64]) *Ешевскій*, 486—488. *Р. М.*, № 1882, л. 38 и обор.

[65]) Фридрихъ II — 24 янв. 1712 † 17 авг. 1786. *Шлоссеръ*, III, 207.

видѣли «вольтерьянца», отступника отъ завѣтовъ сѣдой старины и покровителя «опасныхъ» людей и ученій. Онъ давно уже охладѣлъ къ масонству; у него были непріязненныя отношенія съ кронпринцемъ, а этотъ послѣдній всей душой былъ преданъ ордену; при маломъ дворѣ питали надежду, что наслѣдникъ престола, ставъ королемъ, призоветъ къ власти своихъ вѣрныхъ друзей — розенкрейцеровъ. Во главѣ ихъ стоялъ Бёльнеръ [66]).

«Der Wöllner ist ein betriegerischer und Intriganter Pfafe», отозвался Фридрихъ II на попытку одного изъ родственниковъ Вёльнера добыть ему дворянство; и самъ Вёльнеръ пытался пріобрѣсти расположеніе короля, но безуспѣшно; съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ Фридриха и сталъ искать сближенія съ его наслѣдникомъ.

Въ 70-хъ годахъ среди интригановъ и авантюристовъ, искавшихъ въ масонствѣ не «истины», а наживы, замѣтно выдѣлялся саксонецъ Шрепферъ, хозяинъ кофейни въ Лейпцигѣ [67]): заклиная чертей и вызывая духовъ, онъ безнаказанно обиралъ принцевъ крови, дворянъ и купцовъ, пока, запутавшись въ долгахъ и плутняхъ, не покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ пистолета. Въ погонѣ за богатыми и знатными господами Шрепферъ привлекъ протектора саксонскихъ масоновъ, проживавшаго въ Дрезденѣ на покоѣ, «курляндскаго герцога» Карла [68]), камергера при дрезденскомъ дворѣ Бишофсвердера [69]), саксонскаго министра Ф. А. Вурмба [70]), дрезденскаго купца Ф. Дюбоска [71]) и мн. др. Шрепферъ открыто хвастался, что служитъ агентомъ іезуитовъ, и въ то же время заботился о распространеніи розенкрейцерства [72]). Во время Баварской войны (1778) Бишофсвердеръ сблизился съ прусскимъ кронпринцемъ. По окончаніи ея принцъ заболѣлъ. Бишофсвердеръ пользовалъ его «универсальнымъ лѣкарствомъ» розенкрейцеровъ (въ дѣйствительности — антимоніемъ или сурьмой). Въ 1779 году въ орденъ Златорозоваго креста вступилъ и Вёльнеръ. При помощи Бишофсвердера онъ скоро овладѣлъ довѣріемъ его царственнаго друга. Несмотря на свое высокое положеніе,

[66]) *Philippson*, I B., passim. — *Horneffer*, 88 — 89. *Шустеръ*, II, 63 — 78.

[67]) Шрепферъ — 1739 [1730?] † 8 окт. 1774; его «эмиссаромъ» въ Россіи былъ нѣкто Amburger, *Handbuch*, III B., S. 92. *Sierke*, 288.

[68]) Карлъ, герц. «курляндскій», — 13 іюля 1733 † 16 іюля 1796; избранъ въ герцоги Курляндіи 1758, принужденъ былъ уступить престолъ Бирону 1763; по его приказанію Шрепферъ получилъ 100 ударовъ палками (1773).

[69]) Бишофсвердеръ — 13 ноября 1741 † 31 окт. 1803. *Sierke*. 326 — 329.

[70]) Вурмбъ — 1725 † 18 янв. 1800.

[71]) Дюбоскъ — 1 сент. 1722 † не ранѣе 1791.

[72]) «*Signatstern*», III, 339: «Jesuiten treten auf und mischen sich in die Verbreitung des Klerikats der Tempelherren. Gugomos und Schröpfer waren ihre Jünger». — *Sierke* 316, 317, 319.

видѣли «вольтерьянца», отступника отъ завѣтовъ сѣдой старины и покровителя «опасныхъ» людей и ученій. Онъ давно уже охладѣлъ къ масонству; у него были непріязненныя отношенія съ кронпринцемъ, а этотъ послѣдній всей душой былъ преданъ ордену; при маломъ дворѣ питали надежду, что наслѣдникъ престола, ставъ королемъ, призоветъ къ власти своихъ вѣрныхъ друзей — розенкрейцеровъ. Во главѣ ихъ стоялъ Бёльнеръ [66]).

«Der Wöllner ist ein betriegerischer und Intriganter Pfafe», отозвался Фридрихъ II на попытку одного изъ родственниковъ Вёльнера добыть ему дворянство; и самъ Вёльнеръ пытался пріобрѣсти расположеніе короля, но безуспѣшно; съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ Фридриха и сталъ искать сближенія съ его наслѣдникомъ.

Въ 70-хъ годахъ среди интригановъ и авантюристовъ, искавшихъ въ масонствѣ не «истины», а наживы, замѣтно выдѣлялся саксонецъ Шрепферъ, хозяинъ кофейни въ Лейпцигѣ [67]): заклиная чертей и вызывая духовъ, онъ безнаказанно обиралъ принцевъ крови, дворянъ и купцовъ, пока, запутавшись въ долгахъ и плутняхъ, не покончилъ съ собой выстрѣломъ изъ пистолета. Въ погонѣ за богатыми и знатными господами Шрепферъ привлекъ протектора саксонскихъ масоновъ, проживавшаго въ Дрезденѣ на покоѣ, «курляндскаго герцога» Карла [68]), камергера при дрезденскомъ дворѣ Бишофсвердера [69]), саксонскаго министра Ф. А. Вурмба [70]), дрезденскаго купца Ф. Дюбоска [71]) и мн. др. Шрепферъ открыто хвастался, что служитъ агентомъ іезуитовъ, и въ то же время заботился о распространеніи розенкрейцерства [72]). Во время Баварской войны (1778) Бишофсвердеръ сблизился съ прусскимъ кронпринцемъ. По окончаніи ея принцъ заболѣлъ. Бишофсвердеръ пользовалъ его «универсальнымъ лѣкарствомъ» розенкрейцеровъ (въ дѣйствительности — антимоніемъ или сурьмой). Въ 1779 году въ орденъ Златорозоваго креста вступилъ и Вёльнеръ. При помощи Бишофсвердера онъ скоро овладѣлъ довѣріемъ его царственнаго друга. Несмотря на свое высокое положеніе,

[66]) *Philippson*, I B., passim. — *Horneffer*, 88 — 89. *Шустеръ*, II, 63 — 78.

[67]) Шрепферъ — 1739 [1730?] † 8 окт. 1774; его «эмиссаромъ» въ Россіи былъ нѣкто Amburger, *Handbuch*, III B., S. 92. *Sierke*, 288.

[68]) Карлъ, герц. «курляндскій», — 13 іюля 1733 † 16 іюля 1796; избранъ въ герцоги Курляндіи 1758, принужденъ былъ уступить престолъ Бирону 1763; по его приказанію Шрепферъ получилъ 100 ударовъ палками (1773).

[69]) Бишофсвердеръ — 13 ноября 1741 † 31 окт. 1803. *Sierke*. 326 — 329.

[70]) Вурмбъ — 1725 † 18 янв. 1800.

[71]) Дюбоскъ — 1 сент. 1722 † не ранѣе 1791.

[72]) «*Signatstern*», III, 339: «Jesuiten treten auf und mischen sich in die Verbreitung des Klerikats der Tempelherren. Gugomos und Schröpfer waren ihre Jünger». — *Sierke* 316, 317, 319.

принцъ нуждался въ деньгахъ и занималъ ихъ повсюду — въ Англіи, Франціи, Россіи. Розенкрейцеры сулили ему всевозможныя блага — богатство, долгую жизнь, власть надъ міромъ духовъ. Принцъ изъявилъ желаніе вступить въ орденъ. Въ Шарлоттенбургѣ приготовлена была ложа для его принятія. Благодаря приборамъ, которые достались Бишофсвердеру отъ Шрепфера, при громѣ и молніи появились духи Марка Аврелія, Лейбница и великаго курфюрста [73]); такъ какъ принцъ оробѣлъ и не въ силахъ былъ вопрошать ихъ самъ, то они поучали его замогильнымъ голосомъ въ жесткихъ и суровыхъ словахъ. Та же игра возобновилась въ Потсдамѣ. Къ ней прибѣгали много разъ и впослѣдствіи, при чемъ роль духовъ исполнялъ одинъ саксонецъ, пріятель Бишофсвердера, мастеръ въ искусствѣ чревовѣщанія и физіогномики. Кронпринцъ былъ принятъ въ Златорозовый крестъ 8 августа 1781 [74]); вскорѣ послѣ того познакомился съ Вёльнеромъ и былъ принятъ имъ въ розенкрейцеры И. Е. Шварцъ.

Случилось такъ, что поѣздка Шварца совпала съ путешествіемъ великаго князя Павла Петровича по западной Европѣ. Въ свитѣ цесаревича находились преданные ему друзья и ревностные масоны С. И. Плещеевъ [75]) и кн. А. Б. Куракинъ. Къ этому времени еще въ XVIII вѣкѣ относили, по слухамъ, но безъ доказательствъ, вступленіе великаго князя въ масонство. Недавно историкъ нѣмецкихъ иллюминатовъ Энгель напечаталъ два письма бар. Бассуса къ главѣ иллюминатовъ Вейсгаупту [76]) — отъ 14 января и 25 февраля 1782. Въ первомъ изъ нихъ баронъ пишетъ: «Der Kaiser [Joseph II] [77]) ist bis jetzt nicht Maurer gewesen; nun aber bey Gelegenheit, dass der russischer Grossfürst in Wien ist aufgenommen worden, will er auch zu dieser Gesellschaft tretten», а во второмъ: «...habe ich erfahren, dass der Kaiser noch nicht Maurer ist, aber dass man Hoffnung gehabt, er würde sich bei Gelegenheit, da sich der Grossfürst von Russland wollte aufnehmen lassen zu Rom, er auch das gleiche thun würde» [78]). На родину цесаревичъ вернулся въ ноябрѣ 1782. Плещеевъ и кн. Куракинъ были удалены тогда изъ столицы — императрица была недовольна ихъ отношеніемъ къ Потемкину. Можетъ быть, причиной опалы послужила также и связь ихъ съ масонами. Въ Государственномъ Архивѣ хранится замѣтка на одно изъ показаній Новикова: «Письмо герцога гессенкассельскаго, въ оригиналѣ писанное къ Шварцу въ 1782 году, доказываетъ ихъ братскую переписку — изъ него видѣть можно,

---

[73]) Фридрихъ Вильгельмъ, «великій курфюрстъ», — 1620 † 1688.

[74]) *Шустеръ*, II, 68 — 69. — *Philippson*, I B., 183.

[75]) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ — 1752 † 1802.

[76]) Вейсгауптъ — 6 февр. 1748 † 18 ноября 1830.

[77]) Іосифъ II — 13 марта 1741 † 20 февр. 1790.

[78]) *Engel*, 193. Ср. *Friedrichs*, 82. — Римъ у иллюминатовъ означаетъ Вѣну.

принцъ нуждался въ деньгахъ и занималъ ихъ повсюду — въ Англіи, Франціи, Россіи. Розенкрейцеры сулили ему всевозможныя блага — богатство, долгую жизнь, власть надъ міромъ духовъ. Принцъ изъявилъ желаніе вступить въ орденъ. Въ Шарлоттенбургѣ приготовлена была ложа для его принятія. Благодаря приборамъ, которые достались Бишофсвердеру отъ Шрепфера, при громѣ и молніи появились духи Марка Аврелія, Лейбница и великаго курфюрста [73]); такъ какъ принцъ оробѣлъ и не въ силахъ былъ вопрошать ихъ самъ, то они поучали его замогильнымъ голосомъ въ жесткихъ и суровыхъ словахъ. Та же игра возобновилась въ Потсдамѣ. Къ ней прибѣгали много разъ и впослѣдствіи, при чемъ роль духовъ исполнялъ одинъ саксонецъ, пріятель Бишофсвердера, мастеръ въ искусствѣ чревовѣщанія и физіогномики. Кронпринцъ былъ принятъ въ Златорозовый крестъ 8 августа 1781 [74]); вскорѣ послѣ того познакомился съ Вёльнеромъ и былъ принятъ имъ въ розенкрейцеры И. Е. Шварцъ.

Случилось такъ, что поѣздка Шварца совпала съ путешествіемъ великаго князя Павла Петровича по западной Европѣ. Въ свитѣ цесаревича находились преданные ему друзья и ревностные масоны С. И. Плещеевъ [75]) и кн. А. Б. Куракинъ. Къ этому времени еще въ XVIII вѣкѣ относили, по слухамъ, но безъ доказательствъ, вступленіе великаго князя въ масонство. Недавно историкъ нѣмецкихъ иллюминатовъ Энгель напечаталъ два письма бар. Бассуса къ главѣ иллюминатовъ Вейсгаупту [76]) — отъ 14 января и 25 февраля 1782. Въ первомъ изъ нихъ баронъ пишетъ: «Der Kaiser [Joseph II] [77]) ist bis jetzt nicht Maurer gewesen; nun aber bey Gelegenheit, dass der russischer Grossfürst in Wien ist aufgenommen worden, will er auch zu dieser Gesellschaft tretten», а во второмъ: «...habe ich erfahren, dass der Kaiser noch nicht Maurer ist, aber dass man Hoffnung gehabt, er würde sich bei Gelegenheit, da sich der Grossfürst von Russland wollte aufnehmen lassen zu Rom, er auch das gleiche thun würde» [78]). На родину цесаревичъ вернулся въ ноябрѣ 1782. Плещеевъ и кн. Куракинъ были удалены тогда изъ столицы — императрица была недовольна ихъ отношеніемъ къ Потемкину. Можетъ быть, причиной опалы послужила также и связь ихъ съ масонами. Въ Государственномъ Архивѣ хранится замѣтка на одно изъ показаній Новикова: «Письмо герцога гессенкассельскаго, въ оригиналѣ писанное къ Шварцу въ 1782 году, доказываетъ ихъ братскую переписку — изъ него видѣть можно,

---

[73]) Фридрихъ Вильгельмъ, «великій курфюрстъ», — 1620 † 1688.

[74]) *Шустеръ*, II, 68 — 69. — *Philippson*, I B., 183.

[75]) Сергѣй Ивановичъ Плещеевъ — 1752 † 1802.

[76]) Вейсгауптъ — 6 февр. 1748 † 18 ноября 1830.

[77]) Іосифъ II — 13 марта 1741 † 20 февр. 1790.

[78]) *Engel*, 193. Ср. *Friedrichs*, 82. — Римъ у иллюминатовъ означаетъ Вѣну.

что князь Куракинъ употребленъ былъ инструментомъ къ приведенію велик[аго] кн[язя] въ братство» [79]). Ни эта замѣтка, ни письма бар. Бассуса не доказываютъ съ точностію, что цесаревичъ былъ принятъ въ орденъ; но въ намѣреніи Шварца привлечь его къ масонству нельзя сомнѣваться. Возможно, что на это натолкнула Шварца тѣсная дружба прусскаго кронпринца съ наслѣдникомъ русскаго престола — о ней, конечно, знали и ей дорожили въ масонскихъ кругахъ больше, чѣмъ гдѣ-либо. «Русскій великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга, говоритъ Филиппсонъ, любили кронпринца и считали его значительнымъ геніемъ (für ein bedeutendes Genie), призваннымъ къ великой роли». Вспоминая старую дружбу, Фридрихъ Вильгельмъ II писалъ императору Павлу 19 дек. 1796: nous nous jurâmes une amitié éternelle» [80]). Начало этой дружбы Д. Ѳ. Кобеко относитъ еще ко времени пребыванія великаго князя въ Берлинѣ лѣтомъ 1776; спустя четыре года (лѣтомъ 1780) кронпринцъ пріѣзжалъ въ Петроградъ; императрица отнеслась къ нему холодно, но съ великимъ княземъ онъ «поддержалъ и укрѣпилъ добрыя отношенія». При прощаніи наслѣдниковъ прусскаго и русскаго престоловъ присутствовалъ гр. Н. И. Панинъ и старался доказать, что союзъ между Пруссіей и Россіей долженъ считаться вѣчнымъ и нерушимымъ [81]). Шварцъ не былъ посвященъ въ дипломатическія тайны, но и ему, по всей вѣроятности, было извѣстно, что государыня въ это время была въ дружбѣ съ «римскимъ» императоромъ [82]), а цесаревичъ — съ прусскимъ кронпринцемъ; тѣмъ не менѣе, по пріѣздѣ изъ Берлина, Шварцъ поднялъ вопросъ о привлеченіи къ ордену и великаго князя. Тогда же (1782) получено было Шварцемъ какое то предложеніе принца гессенъ-кассельскаго [83]), давшее впослѣдствіи поводъ къ обвиненію Новикова въ политическихъ замыслахъ [84]).

29 августа 1782 (н. с.) закончилъ свои работы конвентъ въ Вильгельмсбадѣ. Миссія Шварца увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Россія была освобождена отъ шведскаго ига и провозглашена самостоятельной провинціей, а Вёльнеръ поручилъ ему организовать «теоретическій градусъ» и «внутренній орденъ». Масонская работа въ Москвѣ закипѣла. Еще до возвращенія Шварца изъ за границы скончался московскій главно-

[79]) *Пекарскій*, 134.

[80]) *Philippson*, I. B., 90.

[81]) *Кобеко*, 191.

[82]) 9 іюня 1780 Іосифъ II, подъ именемъ гр. Фалькенштейна, посѣтилъ Московскій университетъ; въ числѣ профессоровъ, читавшихъ въ этотъ день лекціи, былъ и Шварцъ. *Шевыревъ*, 249.

[83]) Карлъ, принцъ и ландграфъ гессенъ-кассельскій — 19 дек. 1744 † 17 авг. 1836 (штатгальтеръ въ Шлезвигѣ и Голштиніи 1769).

[84]) *Тихонравовъ*, 49. — *Лонгиновъ*, 081, 085. — *Сборникъ*, II, 121.

что князь Куракинъ употребленъ былъ инструментомъ къ приведенію велик[аго] кн[язя] въ братство» [79]). Ни эта замѣтка, ни письма бар. Бассуса не доказываютъ съ точностію, что цесаревичъ былъ принятъ въ орденъ; но въ намѣреніи Шварца привлечь его къ масонству нельзя сомнѣваться. Возможно, что на это натолкнула Шварца тѣсная дружба прусскаго кронпринца съ наслѣдникомъ русскаго престола — о ней, конечно, знали и ей дорожили въ масонскихъ кругахъ больше, чѣмъ гдѣ-либо. «Русскій великій князь Павелъ Петровичъ и его супруга, говоритъ Филиппсонъ, любили кронпринца и считали его значительнымъ геніемъ (für ein bedeutendes Genie), призваннымъ къ великой роли». Вспоминая старую дружбу, Фридрихъ Вильгельмъ II писалъ императору Павлу 19 дек. 1796: nous nous jurâmes une amitié éternelle» [80]). Начало этой дружбы Д. Ѳ. Кобеко относитъ еще ко времени пребыванія великаго князя въ Берлинѣ лѣтомъ 1776; спустя четыре года (лѣтомъ 1780) кронпринцъ пріѣзжалъ въ Петроградъ; императрица отнеслась къ нему холодно, но съ великимъ княземъ онъ «поддержалъ и укрѣпилъ добрыя отношенія». При прощаніи наслѣдниковъ прусскаго и русскаго престоловъ присутствовалъ гр. Н. И. Панинъ и старался доказать, что союзъ между Пруссіей и Россіей долженъ считаться вѣчнымъ и нерушимымъ [81]). Шварцъ не былъ посвященъ въ дипломатическія тайны, но и ему, по всей вѣроятности, было извѣстно, что государыня въ это время была въ дружбѣ съ «римскимъ» императоромъ [82]), а цесаревичъ — съ прусскимъ кронпринцемъ; тѣмъ не менѣе, по пріѣздѣ изъ Берлина, Шварцъ поднялъ вопросъ о привлеченіи къ ордену и великаго князя. Тогда же (1782) получено было Шварцемъ какое то предложеніе принца гессенъ-кассельскаго [83]), давшее впослѣдствіи поводъ къ обвиненію Новикова въ политическихъ замыслахъ [84]).

29 августа 1782 (н. с.) закончилъ свои работы конвентъ въ Вильгельмсбадѣ. Миссія Шварца увѣнчалась полнымъ успѣхомъ: Россія была освобождена отъ шведскаго ига и провозглашена самостоятельной провинціей, а Вёльнеръ поручилъ ему организовать «теоретическій градусъ» и «внутренній орденъ». Масонская работа въ Москвѣ закипѣла. Еще до возвращенія Шварца изъ за границы скончался московскій главно-

[79]) *Пекарскій*, 134.

[80]) *Philippson*, I. B., 90.

[81]) *Кобеко*, 191.

[82]) 9 іюня 1780 Іосифъ II, подъ именемъ гр. Фалькенштейна, посѣтилъ Московскій университетъ; въ числѣ профессоровъ, читавшихъ въ этотъ день лекціи, былъ и Шварцъ. *Шевыревъ*, 249.

[83]) Карлъ, принцъ и ландграфъ гессенъ-кассельскій — 19 дек. 1744 † 17 авг. 1836 (штатгальтеръ въ Шлезвигѣ и Голштиніи 1769).

[84]) *Тихонравовъ*, 49. — *Лонгиновъ*, 081, 085. — *Сборникъ*, II, 121.

командующій кн. В. М. Долгоруковъ-Крымскій [85]) — его замѣнилъ масонъ гр. З. Г. Чернышевъ [86]); графиня А. Р. Чернышева «весьма имъ протежировала» [87]); правителемъ канцеляріи главнокомандующаго былъ С. И. Гамалѣя [88]), а генеральсъ-адъютантомъ — П. П. Тургеневъ, оба не только масоны, но и розенкрейцеры; къ тому же кругу принадлежали И. В. Лопухинъ и кн. К. М. Енгалычевъ — они служили въ судѣ; розенкрейцеры И. Е. Шварцъ и Х. А. Чеботаревъ [89]) были профессорами въ университетѣ, а М. М. Херасковъ — его куратором; видные представители титулованной знати, со связями, въ большихъ чинахъ военныхъ и гражданскихъ, купцы и мелкіе чиновники собирались въ масонскихъ ложахъ, входили въ составъ «Дружескаго общества» и слушали приватные курсы Шварца [90]).

Осенью 1783, когда работа московскихъ «каменщиковъ» была въ полномъ ходу, Шварцъ заболѣлъ; 17 февраля 1784 онъ скончался. Вёлльнеръ будто предчувствовалъ, что Шварцу не долго жить, и вскорѣ послѣ Вильгельмсбадскаго конвента отправилъ въ Россію бар. Г. Я. Шредера. Баронъ поступилъ-было здѣсь поручикомъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ, но вскорѣ по смерти Шварца уволился въ отставку. Въ апрѣлѣ 1784 пріоръ капитула русской провинціи П. А. Татищевъ [91]) получилъ изъ Берлина повелѣніе «учредить директорію изъ трехъ достойнѣйшихъ братьевъ, которые Богу и ордену вѣрны». Татищевъ, Новиковъ и кн. Н. Н. Трубецкой исполнили повелѣніе: «30 апрѣля 1784, собравшись вмѣстѣ и взявъ другъ друга за руки, они поклялись въ вѣрности ордену и, по принесеніи съ колѣнопреклоненіемъ молитвы Тріединому Богу, основали въ Москвѣ директорію». Каждому изъ трехъ директоровъ полагалось выбрать по одному секретарю изъ теоретическихъ братьевъ, «о коихъ скромности они увѣрены». П. А. Татищеву сподвижникъ Вёлльнера и «главнѣйшій надзиратель», лейбъ хирургъ Теденъ, рекомендовалъ бар. Шредера «предпочтительно прочимъ»; «за него я

---

[85]) Кн. Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій — 1722 † 1782, главнокомандующій въ Москвѣ: 1780 — 1782.

[86]) Гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (18 марта 1722 † 29 авг. 1784) назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ 5 февр. 1782.

[87]) Графиня Анна Родіоновна Чернышева была при ликвидаціи дѣлъ Новикова его единственнымъ должникомъ — за ней значилось по векселю 12.000 р *Пекарскій*, 128, 154.

[88]) Семенъ Ивановичъ Гамалѣя — см. примѣчанія къ № 7 — 9.

[89]) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ — 1746 † 26 іюня 1815.

[90]) «Въ масонскихъ ложахъ, писалъ кн. Прозоровскій императрицѣ 5 мая 1792, какъ сказываютъ мнѣ, очень много и за нѣсколько лѣтъ собиралось ихъ до 800 человѣкъ». *Тихонравовъ*, 35. Около 800 «каменщиковъ» въ Московской и сосѣднихъ съ ней ложахъ указываетъ и ритуръ ложи Трехъ знаменъ, хорошо знавшій Шварца. *Р. А.*, 1874, стр. 1040.

[91]) Петръ Алексѣевичъ Татищевъ — 1730 † 10 марта 1810.

командующій кн. В. М. Долгоруковъ-Крымскій [85]) — его замѣнилъ масонъ гр. З. Г. Чернышевъ [86]); графиня А. Р. Чернышева «весьма имъ протежировала» [87]); правителемъ канцеляріи главнокомандующаго былъ С. И. Гамалѣя [88]), а генеральсъ-адъютантомъ — П. П. Тургеневъ, оба не только масоны, но и розенкрейцеры; къ тому же кругу принадлежали И. К. Лопухинъ и кн. К. М. Енгалычевъ — они служили въ судѣ; розенкрейцеры И. Е. Шварцъ и Х. А. Чеботаревъ [89]) были профессорами въ университетѣ, а М. М. Херасковъ — его куратором; видные представители титулованной знати, со связями, въ большихъ чинахъ военныхъ и гражданскихъ, купцы и мелкіе чиновники собирались въ масонскихъ ложахъ, входили въ составъ «Дружескаго общества» и слушали приватные курсы Шварца [90]).

Осенью 1783, когда работа московскихъ «каменщиковъ» была въ полномъ ходу, Шварцъ заболѣлъ; 17 февраля 1784 онъ скончался. Вёлльнеръ будто предчувствовалъ, что Шварцу не долго жить, и вскорѣ послѣ Вильгельмсбадскаго конвента отправилъ въ Россію бар. Г. Я. Шредера. Баронъ поступилъ-было здѣсь поручикомъ въ лейбъ-гренадерскій полкъ, но вскорѣ по смерти Шварца уволился въ отставку. Въ апрѣлѣ 1784 пріоръ капитула русской провинціи П. А. Татищевъ [91]) получилъ изъ Берлина повелѣніе «учредить директорію изъ трехъ достойнѣйшихъ братьевъ, которые Богу и ордену вѣрны». Татищевъ, Новиковъ и кн. Н. Н. Трубецкой исполнили повелѣніе: «30 апрѣля 1784, собравшись вмѣстѣ и взявъ другъ друга за руки, они поклялись въ вѣрности ордену и, по принесеніи съ колѣнопреклоненіемъ молитвы Тріединому Богу, основали въ Москвѣ директорію». Каждому изъ трехъ директоровъ полагалось выбрать по одному секретарю изъ теоретическихъ братьевъ, «о коихъ скромности они увѣрены». П. А. Татищеву сподвижникъ Вёлльнера и «главнѣйшій надзиратель», лейбъ хирургъ Теденъ, рекомендовалъ бар. Шредера «предпочтительно прочимъ»; «за него я

---

[85]) Кн. Василій Михайловичъ Долгоруковъ-Крымскій — 1722 † 1782, главнокомандующій въ Москвѣ: 1780 — 1782.

[86]) Гр. Захаръ Григорьевичъ Чернышевъ (18 марта 1722 † 29 авг. 1784) назначенъ главнокомандующимъ въ Москвѣ 5 февр. 1782.

[87]) Графиня Анна Родіоновна Чернышева была при ликвидаціи дѣлъ Новикова его единственнымъ должникомъ — за ней значилось по векселю 12.000 р *Пекарскій*, 128, 154.

[88]) Семенъ Ивановичъ Гамалѣя — см. примѣчанія къ № 7 — 9.

[89]) Харитонъ Андреевичъ Чеботаревъ — 1746 † 26 іюня 1815.

[90]) «Въ масонскихъ ложахъ, писалъ кн. Прозоровскій императрицѣ 5 мая 1792, какъ сказываютъ мнѣ, очень много и за нѣсколько лѣтъ собиралось ихъ до 800 человѣкъ». *Тихонравовъ*, 35. Около 800 «каменщиковъ» въ Московской и сосѣднихъ съ ней ложахъ указываетъ и ритуръ ложи Трехъ знаменъ, хорошо знавшій Шварца. *Р. А.*, 1874, стр. 1040.

[91]) Петръ Алексѣевичъ Татищевъ — 1730 † 10 марта 1810.

отвѣчаю» — писалъ Теденъ. Въ августѣ 1784 учреждена была Типографическая компанія — баронъ вложилъ въ ея основной капиталъ деньги, вырученныя имъ отъ продажи мекленбургскихъ имѣній и отъ заклада фамильныхъ брильянтовъ. Наконецъ, онъ сталъ главнымъ звеномъ въ цѣпи, которой Шварцъ пытался сковать русскихъ масоновъ съ нѣмецкими: даже такіе «каменщики», какъ Новиковъ, обязаны были представлять барону отчеты о своихъ «работахъ»; въ его рукахъ сосредоточилась переписка московскихъ «рыцарей Златорозоваго креста» съ «неизвѣстными начальниками» въ Берлинѣ; не довольствуясь перепиской, московскіе «братья» посылали бар. Шредера за границу и во время болѣзни Шварца, и въ годъ его кончины [92]).

Все это пятилѣтіе (1780 — 1784) освѣщается перепиской А. А. Ржевскаго [93]) съ кн. Н. Н. Трубецкимъ и Н. И. Новиковымъ (I — XXXI стр. 235 — 272); она послужила основой для работъ С. В. Ешевскаго, М. И. Лонгинова, А. Н. Пыпина и позднѣйшихъ изслѣдователей по исторіи русскаго розенкрейцерства.

III.

Въ 1783 году скончался гр. Н. И. Панинъ. Цесаревичъ потерялъ въ немъ друга, котораго почиталъ, по его собственному выраженію, какъ второго отца. Панинъ въ послѣдній годъ жизни писалъ для великаго князя «Разсужденіе о непремѣнныхъ государственныхъ законахъ». Братъ покойнаго гр. П. И. Панинъ [94]), дополнилъ это «Разсужденіе» своимъ «Прибавленіемъ»; въ основу его легли мысли, которыми обмѣнивались братья въ интимныхъ бесѣдахъ о «пользѣ для Россійской имперіи фундаментальныхъ правъ, не премѣняемыхъ на всѣ времена никакою властію». Въ двухъ письмахъ на имя «Императора» Павла гр. П. И. Панинъ объяснилъ значеніе этихъ трудовъ и приложилъ къ нимъ двѣ формы манифеста, пріуроченныя къ вступленію наслѣдника на Всероссійскій престолъ. Всѣ эти документы были написаны въ сентябрѣ, октябрѣ и декабрѣ 1784 года; послѣдній «положенъ на бумагѣ» въ Москвѣ, остальные — въ селѣ Дугинѣ [95]). По всей вѣроятности, великій

[92]) По свѣдѣніямъ, которыя любезно извлекъ для меня В. К. Судравскій изъ рукописей Музея Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, «Генрихъ фонъ Шредеръ, мекленбургской націи, былъ принятъ Государственной Военной коллегіей изъ капитановъ прусской службы поручикомъ 13 февр. 1783; въ походахъ не бывалъ; по россійски читать и писать умѣетъ; 9 марта 1784 уволенъ въ отставку». (Ср. Примѣчанія, стр. 286 — 289). *Ешевскій*, III, 491 — 497, 504 — 505. *Р. М.*, № 1882, л. 50 — 55. *Лонгиновъ*, 215 — 219. Члены Типографической компаніи отмѣчены въ указателѣ буквой «к».

[93]) Алексѣй Андреевичъ Ржевскій — 1737 † 23 апр. 1804.

[94]) Гр. Петръ Ивановичъ Панинъ — 14 іюля 1720 † 15 апр. 1789.

[95]) *Шумигорскій*, Приложеніе I, стр. 1 — 35.

отвѣчаю» — писалъ Теденъ. Въ августѣ 1784 учреждена была Типографическая компанія — баронъ вложилъ въ ея основной капиталъ деньги, вырученныя имъ отъ продажи мекленбургскихъ имѣній и отъ заклада фамильныхъ брильянтовъ. Наконецъ, онъ сталъ главнымъ звеномъ въ цѣпи, которой Шварцъ пытался сковать русскихъ масоновъ съ нѣмецкими: даже такіе «каменщики», какъ Новиковъ, обязаны были представлять барону отчеты о своихъ «работахъ»; въ его рукахъ сосредоточилась переписка московскихъ «рыцарей Златорозоваго креста» съ «неизвѣстными начальниками» въ Берлинѣ; не довольствуясь перепиской, московскіе «братья» посылали бар. Шредера за границу и во время болѣзни Шварца, и въ годъ его кончины [92]).

Все это пятилѣтіе (1780 — 1784) освѣщается перепиской А. А. Ржевскаго [93]) съ кн. Н. Н. Трубецкимъ и Н. И. Новиковымъ (I — XXXI стр. 235 — 272); она послужила основой для работъ С. В. Ешевскаго, М. И. Лонгинова, А. Н. Пыпина и позднѣйшихъ изслѣдователей по исторіи русскаго розенкрейцерства.

III.

Въ 1783 году скончался гр. Н. И. Панинъ. Цесаревичъ потерялъ въ немъ друга, котораго почиталъ, по его собственному выраженію, какъ второго отца. Панинъ въ послѣдній годъ жизни писалъ для великаго князя «Разсужденіе о непремѣнныхъ государственныхъ законахъ». Братъ покойнаго гр. П. И. Панинъ [94]), дополнилъ это «Разсужденіе» своимъ «Прибавленіемъ»; въ основу его легли мысли, которыми обмѣнивались братья въ интимныхъ бесѣдахъ о «пользѣ для Россійской имперіи фундаментальныхъ правъ, не премѣняемыхъ на всѣ времена никакою властію». Въ двухъ письмахъ на имя «Императора» Павла гр. П. И. Панинъ объяснилъ значеніе этихъ трудовъ и приложилъ къ нимъ двѣ формы манифеста, пріуроченныя къ вступленію наслѣдника на Всероссійскій престолъ. Всѣ эти документы были написаны въ сентябрѣ, октябрѣ и декабрѣ 1784 года; послѣдній «положенъ на бумагѣ» въ Москвѣ, остальные — въ селѣ Дугинѣ [95]). По всей вѣроятности, великій

[92]) По свѣдѣніямъ, которыя любезно извлекъ для меня В. К. Судравскій изъ рукописей Музея Лейбъ-Гвардіи Гренадерскаго полка, «Генрихъ фонъ Шредеръ, мекленбургской націи, былъ принятъ Государственной Военной коллегіей изъ капитановъ прусской службы поручикомъ 13 февр. 1783; въ походахъ не бывалъ; по россійски читать и писать умѣетъ; 9 марта 1784 уволенъ въ отставку». (Ср. Примѣчанія, стр. 286 — 289). *Ешевскій*, III, 491 — 497, 504 — 505. *Р. М.*, № 1882, л. 50 — 55. *Лонгиновъ*, 215 — 219. Члены Типографической компаніи отмѣчены въ указателѣ буквой «к».

[93]) Алексѣй Андреевичъ Ржевскій — 1737 † 23 апр. 1804.

[94]) Гр. Петръ Ивановичъ Панинъ — 14 іюля 1720 † 15 апр. 1789.

[95]) *Шумигорскій*, Приложеніе I, стр. 1 — 35.

князь получилъ эти проекты по смерти гр. Н. И. Панина; тогда, можетъ быть, узнала о нихъ императрица и стала суровѣе относиться къ московскимъ масонамъ [96]). Положеніе великаго князя, по возвращеніи изъ за границы, измѣнилось къ худшему; онъ уединился въ Гатчинѣ, увлекся «собственными» войсками и сталъ усердно готовиться къ преобразованіямъ, которыя должны были устранить зло, посѣянное, по его мнѣнію, отчасти самой императрицей, а всего болѣе — фаворитами. Малый дворъ велъ въ это время суровую жизнь; лично цесаревичъ являлъ собою примѣръ скромнаго семьянина, строго воздержнаго, свято исполняющаго свой нравственный долгъ, горячаго патріота и неутомимаго труженика; это былъ государь-подвижникъ, вполнѣ отвѣчавшій политическому идеалу мартинистовъ.

Елагинъ сохранилъ отрадное ему воспоминаніе о томъ, какъ они вмѣстѣ съ гр. Н. И. Панинымъ изучали трактатъ С.-Мартена [97]) «Des erreurs et de la verité». «Другъ мой, роду человѣческаго совершенный благодѣтель», пишетъ Елагинъ, «не понимая, подобно многимъ, сокровеннаго смысла сей книги, часто бесѣдовалъ о ней со мною, испытуя, какъ понимаю я сіе странное сочиненіе; не будучи доволенъ словесными объясненіями, которыя къ отверстію глубокомыслія творцова недостаточными ему казались, уговорилъ меня, чтобъ я труднѣйшія и темнѣйшія мѣста письменными объяснилъ примѣчаніями» [98]). Панинъ умеръ, не ознакомившись съ этими примѣчаніями: можетъ быть, онѣ нужны были не только для графа, но и для его «воспитанника»? Зная, до какой степени они были близки, можно съ увѣренностью сказать, что книги, живо интересовавшія гр. Панина, были извѣстны и великому князю; они оба не понимали мистической философіи С.-Мартена, но его политическое ученіе, занимающее одну изъ самыхъ обширныхъ главъ, едва-ли осталось имъ неизвѣстнымъ [99]). Упоминая о С.-Мартенѣ въ письмахъ, завѣдомо подвергавшихся перелюстраціи, Кутузовъ и его друзья дѣлали видъ, какъ будто его книга не оказала на нихъ сильнаго вліянія и даже не принадлежитъ С.-Мартену; но въ «Запискахъ» своихъ П. В. Лопухинъ прямо указываетъ: «Первыя книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были — извѣстныя „О заблужденіяхъ и истинѣ“ и Арндта „О истинномъ христіанствѣ“»; тутъ же онъ

---

[96]) *Тихонравовъ*, Сочиненія, т. III, ч. 1, стр. 273: «Новиковъ въ 1792 г. посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Причиной тому былъ конституціонный актъ, представленный великому князю Павлу Петровичу Панинымъ, однимъ изъ друзей и покровителей московскихъ масоновъ».

[97]) Сенъ-Мартенъ — 1743 † 1803. См. примѣчанія къ № 25. Новѣйшая характеристика мистической философіи С.-Мартена принадлежитъ *Сакулину*, 395 — 422; тамъ же библіографія.

[98]) *Р. А.*, 1864. изд. 2-е, стр. 588 — 589.

[99]) «Der erreurs et de la verité», Edimb., 1782, 2 partie, chap. 5, p. 2 — 153. Русскій переводъ (1785) стр. 259 — 358.

князь получилъ эти проекты по смерти гр. Н. И. Панина; тогда, можетъ быть, узнала о нихъ императрица и стала суровѣе относиться къ московскимъ масонамъ [96]). Положеніе великаго князя, по возвращеніи изъ за границы, измѣнилось къ худшему; онъ уединился въ Гатчинѣ, увлекся «собственными» войсками и сталъ усердно готовиться къ преобразованіямъ, которыя должны были устранить зло, посѣянное, по его мнѣнію, отчасти самой императрицей, а всего болѣе — фаворитами. Малый дворъ велъ въ это время суровую жизнь; лично цесаревичъ являлъ собою примѣръ скромнаго семьянина, строго воздержнаго, свято исполняющаго свой нравственный долгъ, горячаго патріота и неутомимаго труженика; это былъ государь-подвижникъ, вполнѣ отвѣчавшій политическому идеалу мартинистовъ.

Елагинъ сохранилъ отрадное ему воспоминаніе о томъ, какъ они вмѣстѣ съ гр. Н. И. Панинымъ изучали трактатъ С.-Мартена [97]) «Des erreurs et de la verité». «Другъ мой, роду человѣческаго совершенный благодѣтель», пишетъ Елагинъ, «не понимая, подобно многимъ, сокровеннаго смысла сей книги, часто бесѣдовалъ о ней со мною, испытуя, какъ понимаю я сіе странное сочиненіе; не будучи доволенъ словесными объясненіями, которыя къ отверстію глубокомыслія творцова недостаточными ему казались, уговорилъ меня, чтобъ я труднѣйшія и темнѣйшія мѣста письменными объяснилъ примѣчаніями» [98]). Панинъ умеръ, не ознакомившись съ этими примѣчаніями: можетъ быть, онѣ нужны были не только для графа, но и для его «воспитанника»? Зная, до какой степени они были близки, можно съ увѣренностью сказать, что книги, живо интересовавшія гр. Панина, были извѣстны и великому князю; они оба не понимали мистической философіи С.-Мартена, но его политическое ученіе, занимающее одну изъ самыхъ обширныхъ главъ, едва-ли осталось имъ неизвѣстнымъ [99]). Упоминая о С.-Мартенѣ въ письмахъ, завѣдомо подвергавшихся перелюстраціи, Кутузовъ и его друзья дѣлали видъ, какъ будто его книга не оказала на нихъ сильнаго вліянія и даже не принадлежитъ С.-Мартену; но въ «Запискахъ» своихъ П. В. Лопухинъ прямо указываетъ: «Первыя книги, родившія во мнѣ охоту къ чтенію духовныхъ, были — извѣстныя „О заблужденіяхъ и истинѣ“ и Арндта „О истинномъ христіанствѣ“»; тутъ же онъ

---

[96]) *Тихонравовъ*, Сочиненія, т. III, ч. 1, стр. 273: «Новиковъ въ 1792 г. посаженъ былъ въ Шлиссельбургскую крѣпость. Причиной тому былъ конституціонный актъ, представленный великому князю Павлу Петровичу Панинымъ, однимъ изъ друзей и покровителей московскихъ масоновъ».

[97]) Сенъ-Мартенъ — 1743 † 1803. См. примѣчанія къ № 25. Новѣйшая характеристика мистической философіи С.-Мартена принадлежитъ *Сакулину*, 395 — 422; тамъ же библіографія.

[98]) *Р. А.*, 1864. изд. 2-е, стр. 588 — 589.

[99]) «Der erreurs et de la verité», Edimb., 1782, 2 partie, chap. 5, p. 2 — 153. Русскій переводъ (1785) стр. 259 — 358.

объясняетъ, что и самое названіе мартинистовъ произошло отъ С.-Мартена [100]).

Интересъ великаго князя къ С.-Мартену и мартинистамъ еще можно оспаривать; но интересъ мартинистовъ къ великому князю нельзя отрицать.

Въ 1784 году Новиковъ напечаталъ новый переводъ книги Іоанна Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ, съ присовокупленіемъ райскаго вертограда и другихъ сочиненій», исполненный И. П. Тургеневымъ. Прежній переводъ этой книги былъ запрещенъ въ 1743 году; велѣно было отбирать и новый; но 3 февр. 1785 гр. Я. А. Брюсъ [101]) донесъ императрицѣ, что «этой книги, за раздачею, никто въ наличности не объявляетъ»; государыня написала на донесеніи: «все сіе предать молчанію, о чемъ писать къ Брюсу, а синоду сказать, что о отобраніи и истребленіи не настояли, понеже труда не стоитъ и возможности нетъ, а добровольно никто не отдаетъ» [102]). Въ томъ же 1784 году вышла первымъ изданіемъ «Избранная библіотека для христіанскаго чтенія» [103]). Впослѣдствіи (1786) и эта книга была отнесена архіепископомъ Платономъ [104]) къ числу «сумнительныхъ и могущихъ служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и къ разгорячению умовъ» [105]). Зимой 1784 — 5 одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей цесаревича, пользовавшійся у него исключительнымъ довѣріемъ, масонъ В. И. Баженовъ [106]), собираясь въ Петроградъ по своимъ дѣламъ, за нѣсколько времени передъ отъѣздомъ сказалъ Новикову и Гамалѣѣ, что побываетъ у великаго князя, и прибавилъ, обращаясь къ Новикову: «вѣдь эта особа къ тебѣ давно милостива и я у нея буду, а вѣдь она и тебя изволитъ знать, такъ не пошлете ли какихъ книжекъ»? Новиковъ и Гамалѣя посовѣтовались съ князьями Н. Н. и Ю. Н. Трубецкими [107]) и съ баро-

---

[100]) *Лопухинъ*, 20. — Есть извѣстіе, что русскихъ впервые познакомилъ съ мартинизмомъ другъ великаго князя С. П. Плещеевъ. *Handbuch*, II, S. 287. Говорятъ также, что существовала собственноручная запись великаго князя въ книгѣ съ именами членовъ Новиковскаго общества, по кн. Григорій Алексѣевичъ Долгоруковъ (масонъ, † 1812) вырвалъ листъ съ этой подписью, разжевалъ его по частямъ и проглотилъ. *Р. С.* 1874, сентябрь. 157 — 158.

[101]) Гр. Яковъ Александровичъ Брюсъ — 1729 † 30 ноября 1791; главнокомандующій въ Москвѣ: 4 сент. 1785 — 28 іюня 1786.

[102]) *Гротъ*, 64. — *Сопиковъ*, № 4956. *Тарасовъ* (II), 21 — 22.

[103]) Она была перепечатана въ типографіи Лопухина (1786). *Сопиковъ*, №№ 2219, 2220.

[104]) Платонъ (Левшинъ), митрополитъ московскій, — 29 іюня 1737 † 11 ноября 1812.

[105]) На первомъ мѣстѣ въ этомъ спискѣ «сумнительныхъ книгъ» стоитъ трактатъ С.-Мартена «О заблужденіяхъ и истинѣ». *Гротъ*, 465 — 467.

[106]) Василій Ивановичъ Баженовъ — 1737 † 1799.

[107]) Кн. Юрій Никитичъ Трубецкой — см. примѣчанія къ № 6.

объясняетъ, что и самое названіе мартинистовъ произошло отъ С.-Мартена [100]).

Интересъ великаго князя къ С.-Мартену и мартинистамъ еще можно оспаривать; но интересъ мартинистовъ къ великому князю нельзя отрицать.

Въ 1784 году Новиковъ напечаталъ новый переводъ книги Іоанна Арндта «Объ истинномъ христіанствѣ, съ присовокупленіемъ райскаго вертограда и другихъ сочиненій», исполненный И. П. Тургеневымъ. Прежній переводъ этой книги былъ запрещенъ въ 1743 году; велѣно было отбирать и новый; но 3 февр. 1785 гр. Я. А. Брюсъ [101]) донесъ императрицѣ, что «этой книги, за раздачею, никто въ наличности не объявляетъ»; государыня написала на донесеніи: «все сіе предать молчанію, о чемъ писать къ Брюсу, а синоду сказать, что о отобраніи и истребленіи не настояли, понеже труда не стоитъ и возможности нетъ, а добровольно никто не отдаетъ» [102]). Въ томъ же 1784 году вышла первымъ изданіемъ «Избранная библіотека для христіанскаго чтенія» [103]). Впослѣдствіи (1786) и эта книга была отнесена архіепископомъ Платономъ [104]) къ числу «сумнительныхъ и могущихъ служить къ разнымъ вольнымъ мудрованіямъ, а потому къ заблужденіямъ и къ разгорячению умовъ» [105]). Зимой 1784 — 5 одинъ изъ преданнѣйшихъ друзей цесаревича, пользовавшійся у него исключительнымъ довѣріемъ, масонъ В. И. Баженовъ [106]), собираясь въ Петроградъ по своимъ дѣламъ, за нѣсколько времени передъ отъѣздомъ сказалъ Новикову и Гамалѣѣ, что побываетъ у великаго князя, и прибавилъ, обращаясь къ Новикову: «вѣдь эта особа къ тебѣ давно милостива и я у нея буду, а вѣдь она и тебя изволитъ знать, такъ не пошлете ли какихъ книжекъ»? Новиковъ и Гамалѣя посовѣтовались съ князьями Н. Н. и Ю. Н. Трубецкими [107]) и съ баро-

---

[100]) *Лопухинъ*, 20. — Есть извѣстіе, что русскихъ впервые познакомилъ съ мартинизмомъ другъ великаго князя С. П. Плещеевъ. *Handbuch*, II, S. 287. Говорятъ также, что существовала собственноручная запись великаго князя въ книгѣ съ именами членовъ Новиковскаго общества, по кн. Григорій Алексѣевичъ Долгоруковъ (масонъ, † 1812) вырвалъ листъ съ этой подписью, разжевалъ его по частямъ и проглотилъ. *Р. С.* 1874, сентябрь. 157 — 158.

[101]) Гр. Яковъ Александровичъ Брюсъ — 1729 † 30 ноября 1791; главнокомандующій въ Москвѣ: 4 сент. 1785 — 28 іюня 1786.

[102]) *Гротъ*, 64. — *Сопиковъ*, № 4956. *Тарасовъ* (II), 21 — 22.

[103]) Она была перепечатана въ типографіи Лопухина (1786). *Сопиковъ*, №№ 2219, 2220.

[104]) Платонъ (Левшинъ), митрополитъ московскій, — 29 іюня 1737 † 11 ноября 1812.

[105]) На первомъ мѣстѣ въ этомъ спискѣ «сумнительныхъ книгъ» стоитъ трактатъ С.-Мартена «О заблужденіяхъ и истинѣ». *Гротъ*, 465 — 467.

[106]) Василій Ивановичъ Баженовъ — 1737 † 1799.

[107]) Кн. Юрій Никитичъ Трубецкой — см. примѣчанія къ № 6.

номъ Шредеромъ; рѣшено было послать цесаревичу «Избранную библіотеку» и «Арндта». Баженовъ, вернувшись въ Москву, сообщилъ Новикову, что «великій князь принялъ его милостиво и книги принялъ»; а бесѣду свою съ нимъ Баженовъ изложилъ на бумагѣ. Прочитавъ эту бумагу, Новиковъ съ Гамалѣею до того испугались, что собирались ее сжечь, хотя и радовались милостивому принятію книгъ. Съ ней ознакомились кн. Н. Н. Трубецкой, бар. Шредеръ и еще нѣкоторые «братья». Новиковъ оставилъ подлинникъ у себя, а сокращенный списокъ передалъ кн. Н. Н. Трубецкому. Затѣмъ «сдѣлана была еще кратчайшая выписка... и, по переводѣ, отдана бар. Шредеру, который хотѣлъ объ этомъ писать въ Берлинъ». Такъ говорилъ объ этомъ Новиковъ въ своемъ показаніи по важнѣйшему (21-му) пункту допроса. Позже онъ вспомнилъ, что, отдавая переписанную и сокращенную имъ бумагу кн. Трубецкому, «не зналъ, что выписка будетъ дана барону и онъ по ней будетъ писать въ Берлинъ или возьметъ съ собою»; при этомъ Новиковъ рѣшительно не могъ вспомнить, гдѣ былъ тогда баронъ: въ Москвѣ или въ Берлинѣ. А въ отвѣтѣ на слѣдующій (22-й) пунктъ онъ показалъ прямо, что «писалъ бар. Шредеръ представленіе свое [о цесаревичѣ], на которое присланъ былъ отвѣтъ [«неизвѣстныхъ начальниковъ»], въ бытность свою въ Берлинѣ въ 1785 и 1786 годахъ» [108]). Расходясь съ Новиковымъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ, кн. Н. Н. Трубецкой, И. В. Лопухинъ и П. П. Тургеневъ не отрицали, что у нихъ были разговоры о расположеніи великаго князя къ масонству; кн. Трубецкой говорилъ даже, что еще «Шварцъ предлагалъ, чтобы *извѣстную особу* сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи» [109]). Изъ письма Н. И. Новикова къ А. А. Ржевскому 14 февраля 1783 (стр. 241) видно, что согласно съ этимъ предложеніемъ мѣсто провинціальнаго великаго мастера осталось вакантнымъ (стр. 245).

Въ томъ же 1785 году бар. Гине, первый великій надзиратель ложи Трехъ знаменъ (П. А. Татищева), близкій другъ бар. Шредера, у него и поселившійся, познакомилъ съ бар. Шредеромъ кн. И. В. Репнина [110]), который пріѣхалъ тогда въ Москву; князь былъ принятъ Шредеромъ въ «теоретическій градусъ», служившій какъ бы подготовительной ступенью къ розенкрейцерству.

Для рѣшенія вопросовъ о цесаревичѣ и кн. Репнинѣ необходимо было послать бар. Шредера къ «неизвѣстнымъ начальникамъ». Тогда же

---

[108]) *Сборникъ*, II, 117 — 123. Даты 1774, 1775 и 1776 (стр. 117) слѣдуетъ исправить: и Новиковъ переѣхалъ въ Москву въ 1779 году, и VIII провинція учреждена въ 1782, и «Арндтъ» напечатанъ въ 1784 и т. д.

[109]) *Тихонравовъ*, 49.

[110]) Кн. Николай Васильевичъ *Репнинъ* (11 марта 1734 † 12 мая 1801) былъ однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей цесаревича. См. Примѣчанія, стр. 294.

номъ Шредеромъ; рѣшено было послать цесаревичу «Избранную библіотеку» и «Арндта». Баженовъ, вернувшись въ Москву, сообщилъ Новикову, что «великій князь принялъ его милостиво и книги принялъ»; а бесѣду свою съ нимъ Баженовъ изложилъ на бумагѣ. Прочитавъ эту бумагу, Новиковъ съ Гамалѣею до того испугались, что собирались ее сжечь, хотя и радовались милостивому принятію книгъ. Съ ней ознакомились кн. Н. Н. Трубецкой, бар. Шредеръ и еще нѣкоторые «братья». Новиковъ оставилъ подлинникъ у себя, а сокращенный списокъ передалъ кн. Н. Н. Трубецкому. Затѣмъ «сдѣлана была еще кратчайшая выписка... и, по переводѣ, отдана бар. Шредеру, который хотѣлъ объ этомъ писать въ Берлинъ». Такъ говорилъ объ этомъ Новиковъ въ своемъ показаніи по важнѣйшему (21-му) пункту допроса. Позже онъ вспомнилъ, что, отдавая переписанную и сокращенную имъ бумагу кн. Трубецкому, «не зналъ, что выписка будетъ дана барону и онъ по ней будетъ писать въ Берлинъ или возьметъ съ собою»; при этомъ Новиковъ рѣшительно не могъ вспомнить, гдѣ былъ тогда баронъ: въ Москвѣ или въ Берлинѣ. А въ отвѣтѣ на слѣдующій (22-й) пунктъ онъ показалъ прямо, что «писалъ бар. Шредеръ представленіе свое [о цесаревичѣ], на которое присланъ былъ отвѣтъ [«неизвѣстныхъ начальниковъ»], въ бытность свою въ Берлинѣ въ 1785 и 1786 годахъ» [108]). Расходясь съ Новиковымъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ, кн. Н. Н. Трубецкой, И. В. Лопухинъ и П. П. Тургеневъ не отрицали, что у нихъ были разговоры о расположеніи великаго князя къ масонству; кн. Трубецкой говорилъ даже, что еще «Шварцъ предлагалъ, чтобы *извѣстную особу* сдѣлать великимъ мастеромъ въ масонствѣ въ Россіи» [109]). Изъ письма Н. И. Новикова къ А. А. Ржевскому 14 февраля 1783 (стр. 241) видно, что согласно съ этимъ предложеніемъ мѣсто провинціальнаго великаго мастера осталось вакантнымъ (стр. 245).

Въ томъ же 1785 году бар. Гиве, первый великій надзиратель ложи Трехъ знаменъ (П. А. Татищева), близкій другъ бар. Шредера, у него и поселившійся, познакомилъ съ бар. Шредеромъ кн. И. В. Репнина [110]), который пріѣхалъ тогда въ Москву; князь былъ принятъ Шредеромъ въ «теоретическій градусъ», служившій какъ бы подготовительной ступенью къ розенкрейцерству.

Для рѣшенія вопросовъ о цесаревичѣ и кн. Репнинѣ необходимо было послать бар. Шредера къ «неизвѣстнымъ начальникамъ». Тогда же

---

[108]) *Сборникъ*, II, 117 — 123. Даты 1774, 1775 и 1776 (стр. 117) слѣдуетъ исправить: и Новиковъ переѣхалъ въ Москву въ 1779 году, и VIII провинція учреждена въ 1782, и «Арндтъ» напечатанъ въ 1784 и т. д.

[109]) *Тихонравовъ*, 49.

[110]) Кн. Николай Васильевичъ *Репнинъ* (11 марта 1734 † 12 мая 1801) былъ однимъ изъ преданнѣйшихъ друзей цесаревича. См. Примѣчанія, стр. 294.

явилось у барона и личное дѣло, которое требовало поѣздки за границу: онъ хотѣлъ купить огромный Гендриковскій домъ и нуждался въ крупной суммѣ, которую надѣялся получить отъ богатаго дяди въ Ростокѣ... Какая то женщина сильно тревожила его сердце [111])... Притомъ, надвигалась гроза надъ орденомъ: еще въ августѣ 1784 Коммиссія народныхъ училищъ жаловалась гр. З. Г. Чернышеву, что Новиковъ незаконно перепечаталъ изданныя ею книги. Такъ какъ гр. Чернышевъ скончался 29 августа, то дѣло по жалобѣ Коммиссіи перешло въ руки московскаго губернатора И. П. Архарова [112]), который потребовалъ отъ Новикова объясненій. 4-го сентября главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ назначенъ гр. Я. А. Брюсъ, враждебно относившійся къ масонамъ; 23 сентября 1784 государыня запретила Новикову печатать «Исторію ордена іезуитовъ»; въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву новый главнокомандующій — служить при немъ розенкрейцерамъ было нельзя, одинъ за другимъ ушли въ отставку Тургеневъ и Лопухинъ. Лѣтомъ императрица, проѣздомъ въ Тульскую губернію, на короткій срокъ посѣтила Москву; по всей вѣроятности, Брюсъ воспользовался случаемъ усилить ея нерасположеніе къ мартинистамъ. На нее могли повліять также мѣры, принятыя въ Баваріи курфюрстомъ Карломъ Теодоромъ [113]) противъ «иллюминатовъ», которыхъ многіе смѣшивали съ мартинистами благодаря тому, что тѣ и другіе назывались «масонами». 7 октября 1785 предписано было гр. Брюсу и архіеп. Платону произвести ревизію частныхъ школъ и училищъ въ Москвѣ: государыня желала искоренить въ обученіи юношества Закону Божію «суевѣріе, развращеніе и обманъ»; эти слова относили къ мартинистамъ, хотя въ указахъ масонство не было упомянуто [114]).

Довѣривъ кн. П. Н. Трубецкому и кн. К. М. Енгалычеву дѣло о покупкѣ Гендриковскаго дома, бар. Шредеръ въ октябрѣ 1785 отправился черезъ Петроградъ, Юрьевъ и Ригу въ Берлинъ; пробывъ тамъ (съ 7 ноября) около полугода, баронъ выѣхалъ въ обратный путь (не ранѣе 24 апрѣля 1786) и къ началу лѣта 1786 вернулся въ Москву (стр. 215 и 213) [115]).

Этой поѣздкѣ и посвященъ «Дневникъ бар. Г. Я. Шредера» (стр. 215—234), сохранившійся въ копіи красивымъ четкимъ почеркомъ

---

[111]) Въ «дневникѣ» барона нѣсколько разъ упоминается «Fürstin». Извѣстно, что княгиня В. А. Трубецкая была предана мартинизму (*Лонгиновъ*, 350). Можетъ быть, отъ нея Шредеръ привезъ Вельднеру «Calculatur Listen» (219 : 8).

[112]) Николай Петровичъ Архаровъ — 7 мая 1742 † 4 янв. 1815.

[113]) Карлъ Теодоръ († 1799) началъ преслѣдованіе тайныхъ обществъ 22 іюня 1784; въ 1785 появились указы 2 марта и 16 августа. *Шлоссеръ*, III, 219—228. *Engel*, 161—165.

[114]) *Лонгиновъ*, 250.

[115]) *Лонгиновъ*, 087.

явилось у барона и личное дѣло, которое требовало поѣздки за границу: онъ хотѣлъ купить огромный Гендриковскій домъ и нуждался въ крупной суммѣ, которую надѣялся получить отъ богатаго дяди въ Ростокѣ... Какая то женщина сильно тревожила его сердце [111])... Притомъ, надвигалась гроза надъ орденомъ: еще въ августѣ 1784 Коммиссія народныхъ училищъ жаловалась гр. З. Г. Чернышеву, что Новиковъ незаконно перепечаталъ изданныя ею книги. Такъ какъ гр. Чернышевъ скончался 29 августа, то дѣло по жалобѣ Коммиссіи перешло въ руки московскаго губернатора И. П. Архарова [112]), который потребовалъ отъ Новикова объясненій. 4-го сентября главнокомандующимъ въ Москвѣ былъ назначенъ гр. Я. А. Брюсъ, враждебно относившійся къ масонамъ; 23 сентября 1784 государыня запретила Новикову печатать «Исторію ордена іезуитовъ»; въ октябрѣ пріѣхалъ въ Москву новый главнокомандующій — служить при немъ розенкрейцерамъ было нельзя, одинъ за другимъ ушли въ отставку Тургеневъ и Лопухинъ. Лѣтомъ императрица, проѣздомъ въ Тульскую губернію, на короткій срокъ посѣтила Москву; по всей вѣроятности, Брюсъ воспользовался случаемъ усилить ея расположеніе къ мартинистамъ. На нее могли повліять также мѣры, принятыя въ Баваріи курфюрстомъ Карломъ Теодоромъ [113]) противъ «иллюминатовъ», которыхъ многіе смѣшивали съ мартинистами благодаря тому, что тѣ и другіе назывались «масонами». 7 октября 1785 предписано было гр. Брюсу и архіеп. Платону произвести ревизію частныхъ школъ и училищъ въ Москвѣ: государыня желала искоренить въ обученіи юношества Закону Божію «суевѣріе, развращеніе и обманъ»; эти слова относили къ мартинистамъ, хотя въ указахъ масонство не было упомянуто [114]).

Довѣривъ кн. П. Н. Трубецкому и кн. К. М. Енгалычеву дѣло о покупкѣ Гендриковскаго дома, бар. Шредеръ въ октябрѣ 1785 отправился черезъ Петроградъ, Юрьевъ и Ригу въ Берлинъ; пробывъ тамъ (съ 7 ноября) около полугода, баронъ выѣхалъ въ обратный путь (не ранѣе 24 апрѣля 1786) и къ началу лѣта 1786 вернулся въ Москву (стр. 215 и 213) [115]).

Этой поѣздкѣ и посвященъ «Дневникъ бар. Г. Я. Шредера» (стр. 215—234), сохранившійся въ копіи красивымъ четкимъ почеркомъ

---

[111]) Въ «дневникѣ» барона нѣсколько разъ упоминается «Fürstin». Извѣстно, что княгиня В. А. Трубецкая была предана мартинизму (*Лонгиновъ*, 350). Можетъ быть, отъ нея Шредеръ привезъ Вельднеру «Calculatur Listen» (219 : 8).

[112]) Николай Петровичъ Архаровъ — 7 мая 1742 † 4 янв. 1815.

[113]) Карлъ Теодоръ († 1799) началъ преслѣдованіе тайныхъ обществъ 22 іюня 1784; въ 1785 появились указы 2 марта и 16 августа. *Шлоссеръ*, III, 219—228. *Engel*, 161—165.

[114]) *Лонгиновъ*, 250.

[115]) *Лонгиновъ*, 087.

(29 л. f°) въ масонскихъ бумагахъ П. П. Елагина [116]). Копію, вопреки мнѣнію П. П. Пекарскаго, нельзя считать небрежной [117]); надо полагать, самъ авторъ велъ свои записки на скоро, нарушая хронологическій порядокъ, внося повторенія и отрывочныя замѣтки: всѣ эти недочеты обычны въ «памятныхъ книжкахъ»; съ внѣшней стороны копія выполнена очень тщательно, съ явной заботой о красотѣ почерка; переписчикъ, повидимому, не вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ и едва ли имѣлъ отчетливое понятіе о масонахъ. Внѣшній видъ копіи позволяетъ думать, что она исполнена по оффиціальному порученію; 18 октября 1792 Храповицкій записалъ: «[Императрица], слушая читанный мною рапортъ симбирскаго губернатора о бригадирѣ Иванѣ [Петровичѣ] Тургеневѣ, сказывать мнѣ изволила, что всѣхъ мартинистовъ обманывалъ бывшій въ нашей службѣ поручикъ Шредеръ. Удивишься, кто подписали присягу на его листѣ. Онъ при смерти оставилъ запечатанную духовную и въ ней точно нашли, что все это обманъ, въ которомъ онъ признается. Они до того доходили, что призывали чертей: все найдено въ бумагахъ Новикова и ему отъ Шредера тысячъ шесть досталось. Я отражалъ нелѣпость, дивился легковѣрію и сказалъ, что видѣлъ только Каліостра [118]), а о Шредерѣ совсѣмъ не слыхалъ» [119]). Запись эта вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Бар. Шредеръ умеръ не ранѣе 20 января 1797. По всей вѣроятности, государыня назвала духовнымъ завѣщаніемъ «Дневникъ» Шредера, найденный, можетъ быть, въ томъ сундукѣ, который «издавна стоялъ запечатанный и запертый» у П. В. Лопухина, а при допросѣ въ августѣ 1792 былъ переданъ имъ кн. А. А. Прозоровскому [120]). Бумаги, взятыя у Новикова и его друзей, князь посылалъ императрицѣ; поэтому она могла подумать, что «завѣщаніе» бар. Шредера найдено въ бумагахъ Новикова; на самомъ дѣлѣ отношенія между этими «братьями» были такъ плохи, что передача духовнаго завѣщанія первымъ послѣднему представляется невѣроятной. Наконецъ, въ «завѣщаніе» не къ чему было включать разную «чертовщину», а въ «Дневникѣ» ея много.

«Дневникъ» содержитъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для характеристики «Вёльнерова круга» и его отношеній къ Россіи. Бесѣды съ Вёльнеромъ и его сподвижниками бар. Шредеръ записывалъ кратко, отрывочно; чудеса, видѣнія, тайны, предсказанія, ангелы, черти занимаютъ въ нихъ главное мѣсто; но собесѣдники нерѣдко касались также

---

[116]) *Г. А.* VIII, № 216, ч. 4, п. 19.

[117]) *Пекарскій*, 76.

[118]) Каліостро — 2 іюня 1743 † 28 авг. 1795. См. примѣчанія къ стр. 216.

[119]) *Храповицкій*, 412 — 413. Храповицкій былъ мастеромъ стула въ ложѣ Немезиды (1776). *Соколовская*, IV, 176.

[120]) *Тихонравовъ*, 78 и 83.

(29 л. f°) въ масонскихъ бумагахъ П. П. Елагина [116]). Копію, вопреки мнѣнію П. П. Пекарскаго, нельзя считать небрежной [117]); надо полагать, самъ авторъ велъ свои записки на скоро, нарушая хронологическій порядокъ, внося повторенія и отрывочныя замѣтки: всѣ эти недочеты обычны въ «памятныхъ книжкахъ»; съ внѣшней стороны копія выполнена очень тщательно, съ явной заботой о красотѣ почерка; переписчикъ, повидимому, не вполнѣ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ и едва ли имѣлъ отчетливое понятіе о масонахъ. Внѣшній видъ копіи позволяетъ думать, что она исполнена по оффиціальному порученію; 18 октября 1792 Храповицкій записалъ: «[Императрица], слушая читанный мною рапортъ симбирскаго губернатора о бригадирѣ Иванѣ [Петровичѣ] Тургеневѣ, сказывать мнѣ изволила, что всѣхъ мартинистовъ обманывалъ бывшій въ нашей службѣ поручикъ Шредеръ. Удивишься, кто подписали присягу на его листѣ. Онъ при смерти оставилъ запечатанную духовную и въ ней точно нашли, что все это обманъ, въ которомъ онъ признается. Они до того доходили, что призывали чертей: все найдено въ бумагахъ Новикова и ему отъ Шредера тысячъ шесть досталось. Я отражалъ нелѣпость, дивился легковѣрію и сказалъ, что видѣлъ только Каліостра [118]), а о Шредерѣ совсѣмъ не слыхалъ» [119]). Запись эта вызываетъ нѣкоторыя сомнѣнія. Бар. Шредеръ умеръ не ранѣе 20 января 1797. По всей вѣроятности, государыня назвала духовнымъ завѣщаніемъ «Дневникъ» Шредера, найденный, можетъ быть, въ томъ сундукѣ, который «издавна стоялъ запечатанный и запертый» у П. В. Лопухина, а при допросѣ въ августѣ 1792 былъ переданъ имъ кн. А. А. Прозоровскому [120]). Бумаги, взятыя у Новикова и его друзей, князь посылалъ императрицѣ; поэтому она могла подумать, что «завѣщаніе» бар. Шредера найдено въ бумагахъ Новикова; на самомъ дѣлѣ отношенія между этими «братьями» были такъ плохи, что передача духовнаго завѣщанія первымъ послѣднему представляется невѣроятной. Наконецъ, въ «завѣщаніе» не къ чему было включать разную «чертовщину», а въ «Дневникѣ» ея много.

«Дневникъ» содержитъ въ себѣ цѣнный матеріалъ для характеристики «Вёльнерова круга» и его отношеній къ Россіи. Бесѣды съ Вёльнеромъ и его сподвижниками бар. Шредеръ записывалъ кратко, отрывочно; чудеса, видѣнія, тайны, предсказанія, ангелы, черти занимаютъ въ нихъ главное мѣсто; но собесѣдники нерѣдко касались также

---

[116]) *Г. А.* VIII, № 216, ч. 4, п. 19.

[117]) *Пекарскій*, 76.

[118]) Каліостро — 2 іюня 1743 † 28 авг. 1795. См. примѣчанія къ стр. 216.

[119]) *Храповицкій*, 412 — 413. Храповицкій былъ мастеромъ стула въ ложѣ Немезиды (1776). *Соколовская*, IV, 176.

[120]) *Тихонравовъ*, 78 и 83.

русскихъ дѣлъ и людей. Одинъ находилъ, что въ Россіи всего труднѣе соблюсти порядокъ при устройствѣ ордена; другой указалъ, что въ Петроградѣ еще живетъ старый клерикъ Гринъ [121]); третій удивлялся, почему русскіе столь долго терпѣли такого подлеца, какъ Розенбергъ [122]); кто-то замѣтилъ, что русскіе произошли отъ евреевъ; двое спорили о происхожденіи истиннаго масонства: Симсонъ выводилъ его изъ Тибета, Ричъ — изъ восточной Россіи... По мнѣнію Вёльднера, при раздѣленіи церквей, греческая была наилучшей; въ русской церкви всего менѣе измѣнились древніе обряды, поэтому русскій обрядъ всего болѣе сходенъ съ масонскимъ; впрочемъ тайны нѣтъ больше ни въ какой церкви, она отнята высшей магической властью и силой. Пораженный разсказами бар. Шредера о русской церкви, Вёльднеръ сказалъ ему: «Все это вы должны будете собрать воедино и выслать, когда мы будемъ на болѣе вѣрномъ пути». Шварцъ, по мнѣнію Вёльднера, многое сдѣлалъ, но Господь взялъ его слишкомъ рано для русскихъ братьевъ, а баронъ Шредеръ прилеженъ и дѣятеленъ, но слишкомъ добръ и мало знаетъ русскую націю. Нужно быть осмотрительнѣе, принимая въ орденъ русскихъ; ни одна страна не получила отъ ордена такъ много помощи и въ столь короткое время, какъ Россія; если бы только господа князья могли это видѣть и понять, то они скоро бы разстались со своею земною гордостью и принялись бы за дѣло; но имъ кажется, что можно дѣйствовать, какъ Шварцъ — угасъ всего въ какихъ-нибудь два года, а они будутъ думать, что нѣмецъ и долженъ околѣвать для нихъ! Барону показалось, что Симсонъ не довѣряетъ русскимъ. Вёльднеръ возразилъ: «нѣтъ, вовсе нѣтъ! онъ только считаетъ ихъ лукавыми и боится, что вы сдѣлаетесь ихъ жертвой, ибо вы всегда остаетесь въ глазахъ націи нѣмцемъ или канальей. Вѣдь русская нація склонна ко всякимъ крайностямъ; ваше положеніе станетъ критическимъ, если вы будете съ энтузіазмомъ относиться къ ней: вы не должны ей довѣрять, это очень измѣнчивая нація, какъ французы; и чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ болѣе онъ изнѣженъ и испорченъ; они ненавидятъ каждаго нѣмца и васъ не любятъ». Вообще Вёльднеръ былъ не высокаго мнѣнія о русскихъ; онъ полагалъ, что ихъ недостатокъ благородной стыдливости характеризуетъ варварскую націю, и находилъ, что въ этомъ у нихъ есть общее съ самыми дикими народами. Впрочемъ, прибавилъ онъ, несправедливо относятся къ русскимъ, когда такъ худо толкуютъ ихъ съ материнскимъ молокомъ всосанную ненависть къ чужеземцамъ нѣмцамъ. Гордость и надменность управляютъ всѣмъ міромъ; почему же именно отъ русскихъ слѣдуетъ ожидать всего хорошаго? Вёльднеръ говорилъ, что Богъ предпринимаетъ нѣчто великое съ Россіей, и этого не слѣдуетъ оставлять

[121]) См. примѣчанія къ № 5.

[122]) См. примѣчанія къ стр. 218.

русскихъ дѣлъ и людей. Одинъ находилъ, что въ Россіи всего труднѣе соблюсти порядокъ при устройствѣ ордена; другой указалъ, что въ Петроградѣ еще живетъ старый клерикъ Гринъ [121]); третій удивлялся, почему русскіе столь долго терпѣли такого подлеца, какъ Розенбергъ [122]); кто-то замѣтилъ, что русскіе произошли отъ евреевъ; двое спорили о происхожденіи истиннаго масонства: Симсонъ выводилъ его изъ Тибета, Ричъ — изъ восточной Россіи... По мнѣнію Вёльднера, при раздѣленіи церквей, греческая была наилучшей; въ русской церкви всего менѣе измѣнились древніе обряды, поэтому русскій обрядъ всего болѣе сходенъ съ масонскимъ; впрочемъ тайны нѣтъ больше ни въ какой церкви, она отнята высшей магической властью и силой. Пораженный разсказами бар. Шредера о русской церкви, Вёльднеръ сказалъ ему: «Все это вы должны будете собрать воедино и выслать, когда мы будемъ на болѣе вѣрномъ пути». Шварцъ, по мнѣнію Вёльднера, многое сдѣлалъ, но Господь взялъ его слишкомъ рано для русскихъ братьевъ, а баронъ Шредеръ прилеженъ и дѣятеленъ, но слишкомъ добръ и мало знаетъ русскую націю. Нужно быть осмотрительнѣе, принимая въ орденъ русскихъ; ни одна страна не получила отъ ордена такъ много помощи и въ столь короткое время, какъ Россія; если бы только господа князья могли это видѣть и понять, то они скоро бы разстались со своею земною гордостью и принялись бы за дѣло; но имъ кажется, что можно дѣйствовать, какъ Шварцъ — угасъ всего въ какихъ-нибудь два года, а они будутъ думать, что нѣмецъ и долженъ околѣвать для нихъ! Барону показалось, что Симсонъ не довѣряетъ русскимъ. Вёльднеръ возразилъ: «нѣтъ, вовсе нѣтъ! онъ только считаетъ ихъ лукавыми и боится, что вы сдѣлаетесь ихъ жертвой, ибо вы всегда остаетесь въ глазахъ націи нѣмцемъ или канальей. Вѣдь русская нація склонна ко всякимъ крайностямъ; ваше положеніе станетъ критическимъ, если вы будете съ энтузіазмомъ относиться къ ней: вы не должны ей довѣрять, это очень измѣнчивая нація, какъ французы; и чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ болѣе онъ изнѣженъ и испорченъ; они ненавидятъ каждаго нѣмца и васъ не любятъ». Вообще Вёльднеръ былъ не высокаго мнѣнія о русскихъ; онъ полагалъ, что ихъ недостатокъ благородной стыдливости характеризуетъ варварскую націю, и находилъ, что въ этомъ у нихъ есть общее съ самыми дикими народами. Впрочемъ, прибавилъ онъ, несправедливо относятся къ русскимъ, когда такъ худо толкуютъ ихъ съ материнскимъ молокомъ всосанную ненависть къ чужеземцамъ нѣмцамъ. Гордость и надменность управляютъ всѣмъ міромъ; почему же именно отъ русскихъ слѣдуетъ ожидать всего хорошаго? Вёльднеръ говорилъ, что Богъ предпринимаетъ нѣчто великое съ Россіей, и этого не слѣдуетъ оставлять

[121]) См. примѣчанія къ № 5.

[122]) См. примѣчанія къ стр. 218.

безъ вниманія: можетъ-быть, Россія будетъ оберъ-гауптъ-директоріею и въ этомъ долженъ многому посодѣйствовать бар. Шредеръ. Въ Апокалипсисѣ сказано: «Я хочу придти къ тебѣ, но духъ страны противодѣйствуетъ мнѣ»; такъ теперь противодѣйствуетъ дьяволъ розенкрейцерамъ въ Россіи, чтобы въ царствѣ тьмы удержать тьму. Въ особенности много зла должна ожидать Россія отъ женщинъ; онѣ должны быть внѣ всякой связи съ орденомъ, самое строеніе женщинъ не для магическихъ работъ; часто имъ не достаетъ чистоты. Когда баронъ сообщилъ Вёльльнеру, какъ сильно любятъ русскіе теософію и мистическія книги и какое отвращеніе питаютъ они къ химіи, тотъ возразилъ: «Я долженъ сдѣлать объ этомъ особый докладъ; не слѣдуетъ все объяснять мистически; химія лежитъ въ основаніи». Занятія бар. Шредера въ лабораторіи сопровождались разговорами съ Теденомъ. Однажды баронъ не угодилъ ему своей работой. «Послушайте, замѣтилъ Теденъ, если бы я пріѣхалъ къ вамъ въ Россію чему-нибудь учиться, то поступалъ бы по вашей волѣ; дѣлайте же здѣсь по моему»! — Да, да, подхватилъ баронъ, пріѣзжайте только къ намъ; мы васъ на рукахъ будемъ носить! — «Ну, это было бы для меня величайшимъ несчастіемъ, сказалъ Теденъ, если бы я очутился въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой честности». Большое впечатлѣніе произвелъ на барона и Бишофсвердеръ. Это, говоритъ онъ, — флигель-адъютантъ короля, великій розенкрейцеръ, фаворитъ кронпринца, придворный кавалеръ, каждый день у принцевъ Генриха и Фердинанда; онъ очень авторитетно разсуждалъ о Россіи, объ императорѣ, о Франціи — въ немъ сразу сказывался великій человѣкъ. Онъ повѣдалъ барону много чудеснаго. По словамъ Бишофсвердера, духи, которые ему *спеціально* извѣстны, имѣютъ человѣческое лицо, только гораздо яснѣе и свѣтлѣе; однажды въ его присутствіи, Фрелихъ не могъ побѣдить духа — тогда показалось облако передъ зеркаломъ, а затѣмъ явились двѣ черныя пирамиды, которыя такъ зажали его подъ столомъ, что онъ день спустя харкалъ кровью; Бишофсвердеръ условился съ барономъ, что черезъ семь лѣтъ они обмѣняются братскимъ поцѣлуемъ, если бы даже ихъ раздѣляло разстояніе въ 350 миль: «мы это можемъ», замѣтилъ великій какомагъ... Записи о чудесахъ и привидѣніяхъ чередуются съ такого рода замѣтками: «сдѣлано было много замѣчаній о присоединеніи Крыма», «Лифляндію слѣдуетъ присоединить къ Пруссіи — тамъ были бы очень великіе братья». «Вехтеръ [123]), говорятъ, ежегодно получаетъ отъ іезуитовъ пенсіонъ въ 40 т. рхстл., чтобы завлекать въ тенета юныхъ владѣтельныхъ князей», «Бишофсвердеръ видѣлъ планы къ укрѣпленіямъ противъ Россіи»... Нѣсколько разъ баронъ отмѣчаетъ: «письмо къ Вёльльнеру отъ кн. Репнина» [124]). Однажды Бишофсвердеръ писалъ изъ Потсдама о томъ,

[123]) См. примѣчанія къ стр. 232.

[124]) Ср. *Лонгиновъ*, 351.

безъ вниманія: можетъ-быть, Россія будетъ оберъ-гауптъ-директоріею и въ этомъ долженъ многому посодѣйствовать бар. Шредеръ. Въ Апокалипсисѣ сказано: «Я хочу придти къ тебѣ, но духъ страны противодѣйствуетъ мнѣ»; такъ теперь противодѣйствуетъ дьяволъ розенкрейцерамъ въ Россіи, чтобы въ царствѣ тьмы удержать тьму. Въ особенности много зла должна ожидать Россія отъ женщинъ; онѣ должны быть внѣ всякой связи съ орденомъ, самое строеніе женщинъ не для магическихъ работъ; часто имъ не достаетъ чистоты. Когда баронъ сообщилъ Вёльльнеру, какъ сильно любятъ русскіе теософію и мистическія книги и какое отвращеніе питаютъ они къ химіи, тотъ возразилъ: «Я долженъ сдѣлать объ этомъ особый докладъ; не слѣдуетъ все объяснять мистически; химія лежитъ въ основаніи». Занятія бар. Шредера въ лабораторіи сопровождались разговорами съ Теденомъ. Однажды баронъ не угодилъ ему своей работой. «Послушайте, замѣтилъ Теденъ, если бы я пріѣхалъ къ вамъ въ Россію чему-нибудь учиться, то поступалъ бы по вашей волѣ; дѣлайте же здѣсь по моему»! — Да, да, подхватилъ баронъ, пріѣзжайте только къ намъ; мы васъ на рукахъ будемъ носить! — «Ну, это было бы для меня величайшимъ несчастіемъ, сказалъ Теденъ, если бы я очутился въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакой честности». Большое впечатлѣніе произвелъ на барона и Бишофсвердеръ. Это, говоритъ онъ, — флигель-адъютантъ короля, великій розенкрейцеръ, фаворитъ кронпринца, придворный кавалеръ, каждый день у принцевъ Генриха и Фердинанда; онъ очень авторитетно разсуждалъ о Россіи, объ императорѣ, о Франціи — въ немъ сразу сказывался великій человѣкъ. Онъ повѣдалъ барону много чудеснаго. По словамъ Бишофсвердера, духи, которые ему спеціально извѣстны, имѣютъ человѣческое лицо, только гораздо яснѣе и свѣтлѣе; однажды въ его присутствіи, Фрелихъ не могъ побѣдить духа — тогда показалось облако передъ зеркаломъ, а затѣмъ явились двѣ черныя пирамиды, которыя такъ зажали его подъ столомъ, что онъ день спустя харкалъ кровью; Бишофсвердеръ условился съ барономъ, что черезъ семь лѣтъ они обмѣняются братскимъ поцѣлуемъ, если бы даже ихъ раздѣляло разстояніе въ 350 миль: «мы это можемъ», замѣтилъ великій какомагъ... Записи о чудесахъ и привидѣніяхъ чередуются съ такого рода замѣтками: «сдѣлано было много замѣчаній о присоединеніи Крыма», «Лифляндію слѣдуетъ присоединить къ Пруссіи — тамъ были бы очень великіе братья». «Вехтеръ [123]), говорятъ, ежегодно получаетъ отъ іезуитовъ пенсіонъ въ 40 т. рхстл., чтобы завлекать въ тенета юныхъ владѣтельныхъ князей», «Бишофсвердеръ видѣлъ планы къ укрѣпленіямъ противъ Россіи»... Нѣсколько разъ баронъ отмѣчаетъ: «письмо къ Вёльльнеру отъ кн. Репнина» [124]). Однажды Бишофсвердеръ писалъ изъ Потсдама о томъ,

[123]) См. примѣчанія къ стр. 232.

[124]) Ср. *Лонгиновъ*, 351.

что не можетъ придти въ себя отъ удивленія на счетъ Репнина: «всѣ говорятъ, что это человѣкъ sans foi et loi»; въ другой разъ, получивъ письмо отъ кн. Репнина, Вёльнеръ замѣтилъ: «Послѣ того, что сказалъ братъ Голландъ [135]) о великомъ князѣ, мы можемъ его принять безъ опасеній за будущее. Мы должны влагать клятву русскимъ прямо въ сердце, чтобы за то, въ случаѣ нужды, имѣть право пользоваться физическими средствами»... О братѣ Голландѣ баронъ записалъ: «Вёльнеръ говорилъ — великій князь обходится съ нѣмцами совсѣмъ за просто, когда нѣтъ на лицо никого изъ русскихъ, но при дворѣ онъ очень падменъ противъ русскихъ и въ этомъ онъ извинялся предъ братомъ Голландомъ, ему больно, но онъ долженъ такъ поступать». Вообще о кн. Репнинѣ и цесаревичѣ берлинскіе розенкрейцеры не забывали. «Вёльнеръ, говоритъ баронъ съ радостью, изготовилъ цѣлый рапортъ о Репнинѣ и превосходный: все лежитъ на мнѣ; русскіе напряжены и уже были въ такомъ состояніи до Шварца; онъ проситъ о помощи; жатва въ Россіи велика, а дѣлателей мало; Репнинъ — его мысли; въ Россіи ежедневно происходятъ удивительныя вещи въ мірѣ духовномъ, о чемъ Сацердосъ переслалъ множество особливыхъ исторій; къ Репнину отлично расположенъ великій князь». Другая запись: «принцъ Евгеній вюртембергскій [136]) и Вёльнеръ говорятъ, что великій князь былъ бы навѣрное очень хорошъ въ хорошихъ рукахъ. Вёльнеръ сказалъ при этомъ: «ордену не служили большіе господа, да и отцы на это служеніе не смотрятъ благосклонно; если же они не испорчены, что такъ рѣдко, то по нынѣшнимъ временамъ надо прибѣгать къ ихъ покровительству для какомагистовъ и тѣмъ спасти ихъ души и души ихъ подданныхъ».

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1786 баронъ Шредеръ отправился въ обратный путь. Свою масонскую миссію онъ выполнилъ удачно, но надежды его на полученіе денегъ отъ богатаго дяди не сбылись. Старый баронъ поставилъ молодому опредѣленныя условія: вернуться на родину, поступить на службу и порвать связь съ орденомъ; племянникъ не принялъ этихъ условій и получилъ отъ дяди категорическій отказъ; Гендриковскій домъ пришлось поэтому передать Типографической компаніи. По пріѣздѣ въ Москву, баронъ выдалъ купчую на имя кн. Н. И. Трубецкого, И. В. Лопухина, А. И. Новикова, С. И. Гамалѣи и В. В. Чулкова. Дѣло осложнилось желаніемъ Шредера выдѣлиться изъ компаніи; оно закончилось тѣмъ, что, купивъ домъ, Типографическая компанія заложила его въ Опекунскомъ совѣтѣ и выплатила барону причитавшуюся ему долю ссуды пропорціонально затраченнымъ

[135]) См. примѣчанія къ стр. 224.

[136]) Евгеній принцъ вюртембергскій — 21 ноября 1758 † 20 іюня 1822.

что не можетъ придти въ себя отъ удивленія на счетъ Репнина: «всѣ говорятъ, что это человѣкъ sans foi et loi»; въ другой разъ, получивъ письмо отъ кн. Репнина, Вёльнеръ замѣтилъ: «Послѣ того, что сказалъ братъ Голландъ [135]) о великомъ князѣ, мы можемъ его принять безъ опасеній за будущее. Мы должны влагать клятву русскимъ прямо въ сердце, чтобы за то, въ случаѣ нужды, имѣть право пользоваться физическими средствами»... О братѣ Голландѣ баронъ записалъ: «Вёльнеръ говорилъ — великій князь обходится съ нѣмцами совсѣмъ за просто, когда нѣтъ на лицо никого изъ русскихъ, но при дворѣ онъ очень падменъ противъ русскихъ и въ этомъ онъ извинялся предъ братомъ Голландомъ, ему больно, но онъ долженъ такъ поступать». Вообще о кн. Репнинѣ и цесаревичѣ берлинскіе розенкрейцеры не забывали. «Вёльнеръ, говоритъ баронъ съ радостью, изготовилъ цѣлый рапортъ о Репнинѣ и превосходный: все лежитъ на мнѣ; русскіе напряжены и уже были въ такомъ состояніи до Шварца; онъ проситъ о помощи; жатва въ Россіи велика, а дѣлателей мало; Репнинъ — его мысли; въ Россіи ежедневно происходятъ удивительныя вещи въ мірѣ духовномъ, о чемъ Сацердосъ переслалъ множество особливыхъ исторій; къ Репнину отлично расположенъ великій князь». Другая запись: «принцъ Евгеній вюртембергскій [136]) и Вёльнеръ говорятъ, что великій князь былъ бы навѣрное очень хорошъ въ хорошихъ рукахъ. Вёльнеръ сказалъ при этомъ: «ордену не служили большіе господа, да и отцы на это служеніе не смотрятъ благосклонно; если же они не испорчены, что такъ рѣдко, то по нынѣшнимъ временамъ надо прибѣгать къ ихъ покровительству для какомагистовъ и тѣмъ спасти ихъ души и души ихъ подданныхъ».

Въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1786 баронъ Шредеръ отправился въ обратный путь. Свою масонскую миссію онъ выполнилъ удачно, но надежды его на полученіе денегъ отъ богатаго дяди не сбылись. Старый баронъ поставилъ молодому опредѣленныя условія: вернуться на родину, поступить на службу и порвать связь съ орденомъ; племянникъ не принялъ этихъ условій и получилъ отъ дяди категорическій отказъ; Гендриковскій домъ пришлось поэтому передать Типографической компаніи. По пріѣздѣ въ Москву, баронъ выдалъ купчую на имя кн. Н. И. Трубецкого, И. В. Лопухина, А. И. Новикова, С. И. Гамалѣи и В. В. Чулкова. Дѣло осложнилось желаніемъ Шредера выдѣлиться изъ компаніи; оно закончилось тѣмъ, что, купивъ домъ, Типографическая компанія заложила его въ Опекунскомъ совѣтѣ и выплатила барону причитавшуюся ему долю ссуды пропорціонально затраченнымъ

[135]) См. примѣчанія къ стр. 224.

[136]) Евгеній принцъ вюртембергскій — 21 ноября 1758 † 20 іюня 1822.

капиталамъ [127]). Отсюда возникла та непріязнь Шредера къ Новикову, о которой идетъ рѣчь въ перепискѣ Кутузова и Шредера съ кн. Трубецкимъ [128]). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этой неудачи, баронъ написалъ Вёльнеру въ маѣ 1786 [129]), что всѣ они — Вёльнеръ, Теденъ и проч. братья Златорозоваго креста — «обмануты» (278 : 17), причемъ больно задѣлъ кн. Н. Н. Трубецкого, «вложивъ въ его уста какія-то гнусности» противъ ордена (277 : 17). Берлинская директорія повелѣла барону собрать свои бумаги «безъ малѣйшаго исключенія», запечатать собственной печатью въ присутствіи братьевъ Порректуса и Репертуса [130]) и передать все въ ихъ руки (277). Шредеръ, послѣ объясненія съ кн. Н. Н. Трубецкимъ въ Москвѣ (280 : 6) и по рѣшенію орденскаго суда въ Берлинѣ, былъ оправданъ. За то Н. И. Новикова баронъ возненавидѣлъ, считая его главнымъ виновникомъ своего разоренія; 10 марта [1787] онъ записалъ въ дневникѣ: «Kam der alte Taddischef und hat grässlich von Novikow gesprochen», а 21 марта прибавилъ: «Heute Mittag wurde bey Tisch erzählt, dass der Pr[inz] Wesemskoy 3000 Bauern durch einen Process gewonnen; gleich war mein Viehmensch [разумѣется, Новиковъ] da und machte Plans; ich, der ich schon versichert blos für den Orden leben — Weh mir»! (233). Такъ какъ Новиковъ, по смерти Шварца былъ самымъ вліятельнымъ изъ московскихъ «братьевъ», то баронъ ставилъ въ затруднительное положеніе весь кружокъ. Казалось, распрѣ конца не будетъ. По непріязни къ Н. И. Новикову баронъ взялъ изъ подъ его начальства И. П. Тургенева, С. И. Гамалѣю, А. М. Кутузова и В. В. Чулкова [131]). Осенью пріѣхалъ въ Москву кн. Н. В. Репнинъ — бар. Шредеръ, несмотря на разрѣшеніе, полученное изъ Берлина, отказался принять его въ розенкрейцеры и даже хотѣлъ прекратить съ нимъ знакомство [132]).

Неблагопріятно складывались для ордена и внѣшнія условія.

IV.

Еще въ то время, какъ бар. Шредеръ былъ за границей, императрица приняла рядъ мѣръ противъ масоновъ: 23 декабря 1785 повелѣно было архіеп. Платону и гр. Брюсу подвергнуть Н. И. Новикова испытанію въ Законѣ Божіемъ и разсмотрѣть напечатанныя имъ книги. Черезъ мѣсяцъ (23 января 1786) послѣдовалъ указъ Сенату, воспрещавшій печатать въ свѣтскихъ типографіяхъ книги, касавшіяся вѣры;

---

[127]) *Лонгиновъ*, 239 — 241. *Пекарскій*, 153, 154, 141. — Въ числѣ поручителей по купчей былъ и Н. М. Карамзинъ.

[128]) Стр. 179 — 182, 189 — 190.

[129]) *Шустеръ*, II, 70.

[130]) Первый — кн. Н. Н. Трубецкой, второй — м. б., кн. Ю. Н. Трубецкой.

[131]) *Лонгиновъ*, 274 — 275.

[132]) *Лонгиновъ*, 0100 — 0101.

капиталамъ [127]). Отсюда возникла та непріязнь Шредера къ Новикову, о которой идетъ рѣчь въ перепискѣ Кутузова и Шредера съ кн. Трубецкимъ [128]). Можетъ быть, подъ вліяніемъ этой неудачи, баронъ написалъ Вёльнеру въ маѣ 1786 [129]), что всѣ они — Вёльнеръ, Теденъ и проч. братья Златорозоваго креста — «обмануты» (278 : 17), причемъ больно задѣлъ кн. П. Н. Трубецкого, «вложивъ въ его уста какія-то гнусности» противъ ордена (277 : 17). Берлинская директорія повелѣла барону собрать свои бумаги «безъ малѣйшаго исключенія», запечатать собственной печатью въ присутствіи братьевъ Порректуса и Репертуса [130]) и передать все въ ихъ руки (277). Шредеръ, послѣ объясненія съ кн. Н. Н. Трубецкимъ въ Москвѣ (280 : 6) и по рѣшенію орденскаго суда въ Берлинѣ, былъ оправданъ. За то Н. И. Новикова баронъ возненавидѣлъ, считая его главнымъ виновникомъ своего разоренія; 10 марта [1787] онъ записалъ въ дневникѣ: «Kam der alte Taddischef und hat grässlich von Novikow gesprochen», а 21 марта прибавилъ: «Heute Mittag wurde bey Tisch erzählt, dass der Pr[inz] Wesemskoy 3000 Bauern durch einen Process gewonnen; gleich war mein Viehmensch [разумѣется, Новиковъ] da und machte Plans; ich, der ich schon versichert blos für den Orden leben — Weh mir»! (233). Такъ какъ Новиковъ, по смерти Шварца былъ самымъ вліятельнымъ изъ московскихъ «братьевъ», то баронъ ставилъ въ затруднительное положеніе весь кружокъ. Казалось, распрѣ конца не будетъ. По непріязни къ Н. И. Новикову баронъ взялъ изъ подъ его начальства И. П. Тургенева, С. И. Гамалѣю, А. М. Кутузова и В. В. Чулкова [131]). Осенью пріѣхалъ въ Москву кн. Н. В. Репнинъ — бар. Шредеръ, несмотря на разрѣшеніе, полученное изъ Берлина, отказался принять его въ розенкрейцеры и даже хотѣлъ прекратить съ нимъ знакомство [132]).

Неблагопріятно складывались для ордена и внѣшнія условія.

IV.

Еще въ то время, какъ бар. Шредеръ былъ за границей, императрица приняла рядъ мѣръ противъ масоновъ: 23 декабря 1785 повелѣно было архіеп. Платону и гр. Брюсу подвергнуть Н. И. Новикова испытанію въ Законѣ Божіемъ и разсмотрѣть напечатанныя имъ книги. Черезъ мѣсяцъ (23 января 1786) послѣдовалъ указъ Сенату, воспрещавшій печатать въ свѣтскихъ типографіяхъ книги, касавшіяся вѣры;

---

[127]) *Лонгиновъ*, 239 — 241. *Пекарскій*, 153, 154, 141. — Въ числѣ поручителей по купчей былъ и Н. М. Карамзинъ.

[128]) Стр. 179 — 182, 189 — 190.

[129]) *Шустеръ*, II, 70.

[130]) Первый — кн. Н. Н. Трубецкой, второй — м. б., кн. Ю. Н. Трубецкой.

[131]) *Лонгиновъ*, 274 — 275.

[132]) *Лонгиновъ*, 0100 — 0101.

въ тотъ же день московскому губернатору велѣно было произвести ревизію московскихъ больницъ и школъ и допросить Новикова въ губернскомъ правленіи «относительно изданія множества книгъ, извѣстнымъ расколомъ наполненныхъ»; 11 февраля повелѣно было книги, еще не оконченныя освидѣтельствованіемъ, запечатать и въ типографіи, и въ книжной лавкѣ Новикова. Въ томъ же 1786 году представлены были на сценѣ антимасонскія комедіи императрицы: «Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ Сибирскій». О «гоненіи» московскіе братья дали знать въ Берлинъ и «Великій пріоратъ» похвалилъ ихъ въ своемъ «отпускѣ» за «скромность и порядочную осторожность»; въ будущемъ пріоратъ предвидѣлъ новыя испытанія и «трепеталъ, видя предстоящую еще непзвѣстную и надъ главами братьевъ висящую опасность». Поэтому онъ рекомендовалъ соблюдать величайшую осторожность въ принятіи новыхъ членовъ, наипаче въ такую пору, «когда часъ настаетъ, въ который князь тьмы чрезъ неисчислимое множество сектъ господствуетъ во всѣхъ мѣстахъ и уже большую часть ложъ привелъ въ заблужденіе и стремится совершенно уничтожить великую цѣль всего каменщичества» [133]). Тревога нѣсколько улеглась съ назначеніемъ въ Москву новаго главнокомандующаго: 28 іюня 1786 гр. Брюса смѣнилъ П. Д. Еропкинъ; онъ относился къ масонамъ безъ предубѣжденія, какое имѣлъ противъ нихъ его предшественникъ. Впрочемъ, къ концу года масонская дѣятельность въ Москвѣ замѣтно стихла. Тайно работали одни розенкрейцеры. Они рѣшились даже на новую попытку привлечь великаго князя. Баженовъ отвезъ ему «Таинство креста» по нѣмецки и «Краткое извлеченіе лучшихъ изреченій и правилъ изъ четырехъ книгъ о подражаніи Іисусу Христу Ѳомы Кемпійскаго» въ русскомъ переводѣ (М. 1787) и, по возвращеніи изъ Петрограда, составилъ новую записку о бесѣдѣ съ «извѣстной особой». Въ ней, говоритъ Новиковъ, описано было, что та «особа» приняла Баженова милостиво и книги приняла благосклонно, лишь объ нѣмецкой книгѣ сказала, что читать ее не можетъ... На вопросъ «особы»: «нѣтъ ли между вами чего худого»? Баженовъ увѣрялъ, что нѣтъ ничего худого; а та «особа» съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорила: «можетъ быть, ты не знаешь, а которые старѣе тебя, тѣ знаютъ и тебя самого обманываютъ». Баженовъ клятвенно увѣрялъ, что нѣтъ ничего худого; цесаревичъ заключилъ разговоръ словами: «Богъ съ вами, только живите смирно» [134]). Вторая записка была гораздо короче первой; знали о ней, кромѣ Новикова, двое князей Трубецкихъ, Гамалѣя, Лопухинъ, Тургеневъ и Шредеръ. Отсюда ясно 1), что вторая бесѣда Баженова съ великимъ княземъ состоялась до отъѣзда Кутузова и Шредера за границу

[133]) *Пекарскій*, 72 — 73.

[134]) *Сборникъ*, II, 120.

въ тотъ же день московскому губернатору велѣно было произвести ревизію московскихъ больницъ и школъ и допросить Новикова въ губернскомъ правленіи «относительно изданія множества книгъ, извѣстнымъ расколомъ наполненныхъ»; 11 февраля повелѣно было книги, еще не оконченныя освидѣтельствованіемъ, запечатать и въ типографіи, и въ книжной лавкѣ Новикова. Въ томъ же 1786 году представлены были на сценѣ антимасонскія комедіи императрицы: «Обманщикъ», «Обольщенный» и «Шаманъ Сибирскій». О «гоненіи» московскіе братья дали знать въ Берлинъ и «Великій пріоратъ» похвалилъ ихъ въ своемъ «отпускѣ» за «скромность и порядочную осторожность»; въ будущемъ пріоратъ предвидѣлъ новыя испытанія и «трепеталъ, видя предстоящую еще непзвѣстную и надъ главами братьевъ висящую опасность». Поэтому онъ рекомендовалъ соблюдать величайшую осторожность въ принятіи новыхъ членовъ, наипаче въ такую пору, «когда часъ настаетъ, въ который князь тьмы чрезъ неисчислимое множество сектъ господствуетъ во всѣхъ мѣстахъ и уже большую часть ложъ привелъ въ заблужденіе и стремится совершенно уничтожить великую цѣль всего каменщичества» [133]). Тревога нѣсколько улеглась съ назначеніемъ въ Москву новаго главнокомандующаго: 28 іюня 1786 гр. Брюса смѣнилъ П. Д. Еропкинъ; онъ относился къ масонамъ безъ предубѣжденія, какое имѣлъ противъ нихъ его предшественникъ. Впрочемъ, къ концу года масонская дѣятельность въ Москвѣ замѣтно стихла. Тайно работали одни розенкрейцеры. Они рѣшились даже на новую попытку привлечь великаго князя. Баженовъ отвезъ ему «Таинство креста» по нѣмецки и «Краткое извлеченіе лучшихъ изреченій и правилъ изъ четырехъ книгъ о подражаніи Іисусу Христу Ѳомы Кемпійскаго» въ русскомъ переводѣ (М. 1787) и, по возвращеніи изъ Петрограда, составилъ новую записку о бесѣдѣ съ «извѣстной особой». Въ ней, говоритъ Новиковъ, описано было, что та «особа» приняла Баженова милостиво и книги приняла благосклонно, лишь объ нѣмецкой книгѣ сказала, что читать ее не можетъ... На вопросъ «особы»: «нѣтъ ли между вами чего худого»? Баженовъ увѣрялъ, что нѣтъ ничего худого; а та «особа» съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ говорила: «можетъ быть, ты не знаешь, а которые старѣе тебя, тѣ знаютъ и тебя самого обманываютъ». Баженовъ клятвенно увѣрялъ, что нѣтъ ничего худого; цесаревичъ заключилъ разговоръ словами: «Богъ съ вами, только живите смирно» [134]). Вторая записка была гораздо короче первой; знали о ней, кромѣ Новикова, двое князей Трубецкихъ, Гамалѣя, Лопухинъ, Тургеневъ и Шредеръ. Отсюда ясно 1), что вторая бесѣда Баженова съ великимъ княземъ состоялась до отъѣзда Кутузова и Шредера за границу

[133]) *Пекарскій*, 72—73.

[134]) *Сборникъ*, II, 120.

весной 1787, 2) что баронъ, несмотря на свои столкновенія съ Новиковымъ, былъ въ курсѣ тайныхъ масонскихъ дѣлъ. Къ этому же времени относится выписка изъ отпуска берлинской директоріи, съ помѣтой: «свѣрено апрѣля 3 числа 1787». «Великая директорія Ophiron», упомянувъ о паденіи брата Сацердоса [135]), писала московскимъ розенкрейцерамъ: «хотя душеубійцѣ и удалось брата, отъ котораго толь многаго ожидать было должно, прельстить и намъ, для испытанія нашего, толикую произвесть горесть, но, чтобы мы покорились волѣ Божіей, которая для нашего же блага такіе опыты допускаетъ намъ дѣлать по неисповѣдимымъ, но праведнымъ судьбамъ Его... Великій Decenial Silanum [136]) начало свое пріемлетъ въ будущемъ декабрѣ мѣсяцѣ и, можетъ быть, весьма долго продолжится; въ сіе время, какъ вездѣ въ мірѣ, такъ равно и у васъ всѣ работы должны пребыть въ совершенномъ недѣйствіи (Inactivitaet)...» [137]).

Закончивъ такимъ образомъ свою дѣятельность въ Москвѣ, бар. Шредеръ вмѣстѣ съ А. М. Кутузовымъ весною 1787 отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ считалъ себя представителемъ московскихъ братьевъ и гордился исключительнымъ правомъ посѣщать «высшія собранія», на которыя даже въ качествѣ гостя не могъ проникнуть никто изъ русскихъ [138]). По словамъ кн. Н. Н. Трубецкого, бар. Шредеръ и А. М. Кутузовъ посланы были прямо къ Вёльнеру для ученія отъ него всему принадлежащему до масонства; содержаніе они получали изъ доходовъ типографическихъ или на взятыя заимообразно деньги. По словамъ П. В. Лопухина, Шредеръ поѣхалъ безъ всякаго порученія и довѣренности, а Кутузовъ — для дальнѣйшаго успѣха въ орденской наукѣ и полученія новыхъ степеней, когда можно будетъ [139]). Новиковъ показалъ, что Кутузову передъ отъѣздомъ «дано наставленіе, что онъ ежели хотя малѣйше примѣтитъ, что связь нашу орденскую захотятъ употребить къ политическимъ видамъ, то чтобы тотчасъ изъ Берлина выѣхалъ»; а такъ какъ на барона «наложена была суспекція въ Берлинѣ.., то едвали сіе подозрѣніе не главною было причиною, что требовали присылки одного изъ русскихъ» [140]).

Оба путешественника оставили свои бумаги въ Москвѣ — впослѣдствіи (1792) онѣ были арестованы и кн. Прозоровскій нашелъ въ нихъ

---

[135]) Ophiron — Вельнеръ, Сацердосъ — бар. Шредеръ.

[136]) Въ 1777 г. установлена была розенкрейцерами «Табель» на 10 лѣтъ и въ 1787 году предстояло выработать новую. «*Signatstern*», V, 335. О «силанумѣ» см. примѣчаніе къ № *XXXI*.

[137]) *Пекарскій*, 71. *Лопухинъ*, 0109.

[138]) Стр. 44, 139, 182.

[139]) *Тихоправовъ*, 55, 72.

[140]) *Лопухинъ*, 088 и 0109.

весной 1787, 2) что баронъ, несмотря на свои столкновенія съ Новиковымъ, былъ въ курсѣ тайныхъ масонскихъ дѣлъ. Къ этому же времени относится выписка изъ отпуска берлинской директоріи, съ помѣтой: «свѣрено апрѣля 3 числа 1787». «Великая директорія Ophiron», упомянувъ о паденіи брата Сацердоса [135]), писала московскимъ розенкрейцерамъ: «хотя душеубійцѣ и удалось брата, отъ котораго толь многаго ожидать было должно, прельстить и намъ, для испытанія нашего, толикую произвесть горесть, но, чтобы мы покорились волѣ Божіей, которая для нашего же блага такіе опыты допускаетъ намъ дѣлать по неисповѣдимымъ, но праведнымъ судьбамъ Его... Великій Decenial Silanum [136]) начало свое пріемлетъ въ будущемъ декабрѣ мѣсяцѣ и, можетъ быть, весьма долго продолжится; въ сіе время, какъ вездѣ въ мірѣ, такъ равно и у васъ всѣ работы должны пребыть въ совершенномъ недѣйствіи (Inactivitaet)...» [137]).

Закончивъ такимъ образомъ свою дѣятельность въ Москвѣ, бар. Шредеръ вмѣстѣ съ А. М. Кутузовымъ весною 1787 отправился въ Берлинъ. Здѣсь онъ считалъ себя представителемъ московскихъ братьевъ и гордился исключительнымъ правомъ посѣщать «высшія собранія», на которыя даже въ качествѣ гостя не могъ проникнуть никто изъ русскихъ [138]). По словамъ кн. Н. Н. Трубецкого, бар. Шредеръ и А. М. Кутузовъ посланы были прямо къ Вёльнеру для ученія отъ него всему принадлежащему до масонства; содержаніе они получали изъ доходовъ типографическихъ или на взятыя заимообразно деньги. По словамъ П. В. Лопухина, Шредеръ поѣхалъ безъ всякаго порученія и довѣренности, а Кутузовъ — для дальнѣйшаго успѣха въ орденской наукѣ и полученія новыхъ степеней, когда можно будетъ [139]). Новиковъ показалъ, что Кутузову передъ отъѣздомъ «дано наставленіе, что онъ ежели хотя малѣйше примѣтитъ, что связь нашу орденскую захотятъ употребить къ политическимъ видамъ, то чтобы тотчасъ изъ Берлина выѣхалъ»; а такъ какъ на барона «наложена была суспекція въ Берлинѣ.., то едвали сіе подозрѣніе не главною было причиною, что требовали присылки одного изъ русскихъ» [140]).

Оба путешественника оставили свои бумаги въ Москвѣ — впослѣдствіи (1792) онѣ были арестованы и кн. Прозоровскій нашелъ въ нихъ

---

[135]) Ophiron — Вельнеръ, Сацердосъ — бар. Шредеръ.

[136]) Въ 1777 г. установлена была розенкрейцерами «Табель» на 10 лѣтъ и въ 1787 году предстояло выработать новую. «*Signatstern*», V, 335. О «силанумѣ» см. примѣчаніе къ № *XXXI*.

[137]) *Пекарскій*, 71. *Лопухинъ*, 0109.

[138]) Стр. 44, 139, 182.

[139]) *Тихонравовъ*, 55, 72.

[140]) *Лопухинъ*, 088 и 0109.

много сочиненій Кутузова, а по ремаркамъ въ сочиненіяхъ заключилъ, что онъ «больше всѣхъ учился и много читалъ» [141]). Такъ, даже кн. Прозоровскій отличилъ друга Радищева и Карамзина отъ прочихъ «братьевъ», которыхъ онъ считалъ просто ханжами либо плутами. Среди бумагъ Кутузова попались кн. Прозоровскому и письма Радищева — изъ нихъ три показались князю достойными свѣдѣнія императрицы и были препровождены къ ней [142]).

Пять лѣтъ прошло со времени отъѣзда бар. Шредера и Кутузова въ Берлинъ до ареста Новикова; значительную часть документовъ, относящихся къ этому пятилѣтію, уничтожили сами розенкрейцеры; весьма интересныя бумаги по «дѣлу мартинистовъ», находившіяся «въ бѣлой картонкѣ» у государыни и взятыя потомъ въ кабинетъ императора Павла, вовсе утрачены или еще не найдены [143]); поэтому письма Кутузова и его друзей, напечатанныя въ настоящемъ сборникѣ (стр. 1 — 214), являются, наряду съ «показаніями» на допросѣ и съ «дѣломъ» Новикова, основнымъ матеріаломъ для исторіи Новиковскаго кружка въ послѣдніе годы его существованія (1790 — 1792).

Лѣтомъ 1787 года бар. Шредеръ и А. М. Кутузовъ уже были въ Берлинѣ — они застали здѣсь празднованіе пятидесятилѣтія службы своего «начальника», лейбъ-хирурга Тедена, ложей «Трехъ глобусовъ» [144]). Розенкрейцеры стояли въ это время у власти. По смерти Фридриха II (17 авг. 1786) Вёльльнеръ быстро пошелъ въ гору и поднялъ за собою братьевъ Златорозоваго креста. Въ теченіе двухъ лѣтъ (съ іюня 1784 до августа 1786) кронпринцъ слушалъ чтенія Вёльльнера, сохранившіяся въ его черновыхъ автографахъ; они охватывали всѣ стороны государственной жизни, включая промышленность, торговлю, финансы [145]). По вступленіи Фридриха Вильгельма II на престолъ, Бишофсвердеръ, Теденъ, Вёльльнеръ взяли въ свои руки короля и государство. Уже въ 1786 году Вёльльнеръ хотѣлъ быть министромъ финансовъ; еще болѣе привлекалъ его департаментъ духовныхъ дѣлъ; 5 іюля 1788 газеты сообщили; «Der geheime bisherige Oberfinanzrath von Wöllner den 3 Juli zum Geheimen Staats-und dirigirenden Minister ernannt und demselben aus besonderem Vertrauen das geistliche Departament conferiret worden». Новый министръ не замедлилъ воспользоваться своей властью: 9 іюля 1788 послѣдовалъ «религіозный эдиктъ», 19 декабря — «цензурный эдиктъ» [146]). Приняты были суровыя мѣры, чтобы

---

[141]) *Сборникъ*, II, 108. *Тихонравовъ*, 9, 35, 40, 43, 83.

[142]) *Тихонравовъ*, 43.

[143]) *Ростопчинъ*, 77. *Лопухинъ*, 43, 59.

[144]) *«Signatstern»*, IV, 121.

[145]) *Preuss*, I, 593 — 594.

[146]) *Preuss*, II, 761.

много сочиненій Кутузова, а по ремаркамъ въ сочиненіяхъ заключилъ, что онъ «больше всѣхъ учился и много читалъ» [141]). Такъ, даже кн. Прозоровскій отличилъ друга Радищева и Карамзина отъ прочихъ «братьевъ», которыхъ онъ считалъ просто ханжами либо плутами. Среди бумагъ Кутузова попались кн. Прозоровскому и письма Радищева — изъ нихъ три показались князю достойными свѣдѣнія императрицы и были препровождены къ ней [142]).

Пять лѣтъ прошло со времени отъѣзда бар. Шредера и Кутузова въ Берлинъ до ареста Новикова; значительную часть документовъ, относящихся къ этому пятилѣтію, уничтожили сами розенкрейцеры; весьма интересныя бумаги по «дѣлу мартинистовъ», находившіяся «въ бѣлой картонкѣ» у государыни и взятыя потомъ въ кабинетъ императора Павла, вовсе утрачены или еще не найдены [143]); поэтому письма Кутузова и его друзей, напечатанныя въ настоящемъ сборникѣ (стр. 1 — 214), являются, наряду съ «показаніями» на допросѣ и съ «дѣломъ» Новикова, основнымъ матеріаломъ для исторіи Новиковскаго кружка въ послѣдніе годы его существованія (1790 — 1792).

Лѣтомъ 1787 года бар. Шредеръ и А. М. Кутузовъ уже были въ Берлинѣ — они застали здѣсь празднованіе пятидесятилѣтія службы своего «начальника», лейбъ-хирурга Тедена, ложей «Трехъ глобусовъ» [144]). Розенкрейцеры стояли въ это время у власти. По смерти Фридриха II (17 авг. 1786) Вёльнеръ быстро пошелъ въ гору и поднялъ за собою братьевъ Златорозоваго креста. Въ теченіе двухъ лѣтъ (съ іюня 1784 до августа 1786) кронпринцъ слушалъ чтенія Вёльнера, сохранившіяся въ его черновыхъ автографахъ; они охватывали всѣ стороны государственной жизни, включая промышленность, торговлю, финансы [145]). По вступленіи Фридриха Вильгельма II на престолъ, Бишофсвердеръ, Теденъ, Вёльнеръ взяли въ свои руки короля и государство. Уже въ 1786 году Вёльнеръ хотѣлъ быть министромъ финансовъ; еще болѣе привлекалъ его департаментъ духовныхъ дѣлъ; 5 іюля 1788 газеты сообщили; «Der geheime bisherige Oberfinanzrath von Wöllner den 3 Juli zum Geheimen Staats-und dirigirenden Minister ernannt und demselben aus besonderem Vertrauen das geistliche Departament conferiret worden». Новый министръ не замедлилъ воспользоваться своей властью: 9 іюля 1788 послѣдовалъ «религіозный эдиктъ», 19 декабря — «цензурный эдиктъ» [146]). Приняты были суровыя мѣры, чтобы

---

141) *Сборникъ*, II, 108. *Тихонравовъ*, 9, 35, 40, 43, 83.
142) *Тихонравовъ*, 43.
143) *Ростопчинъ*, 77. *Лопухинъ*, 43, 59.
144) «*Signatstern*», IV, 121.
145) *Preuss*, I, 593 — 594.
146) *Preuss*, II, 761.

подавить безбожіе и безправственность «просвѣтителей». «Aufklärung ist der Ausgang des Menschen aus seiner selbstverschuldeten Unmündigkeit. Sapere aude», писалъ Кантъ [147]); иначе разсуждалъ Вёльнеръ и достигъ того, что заставилъ умолкнуть и Канта. Вражда ко всему, что напоминало собою несчастное «просвѣщеніе», была у прусскихъ правителей такъ велика, что они стремились преслѣдовать его даже за предѣлами Пруссіи [148]). Внѣшняя политика сосредоточилась въ рукахъ Бишофсвердера. «Nichts zu scheinen, alles zu sein» было его девизомъ; какъ фаворитъ короля, онъ жилъ во дворцѣ, а для усиленія своей партіи провелъ на видныя мѣста при дворѣ и на государственной службѣ преданныхъ саксонцевъ «розенкрейцеровъ» [149]). Еще со временъ Шрепфера въ тѣснѣйшей связи съ Бишофсвердеромъ былъ обердиректоръ дрезденскихъ розенкрейцеровъ Дюбоскъ (въ масонствѣ Soc) [150]). Его вызвали въ Берлинъ, возвели въ чинъ тайнаго коммерціи-совѣтника и — его, банкрота, — поставили во главѣ департамента торговли. Съ такимъ же чиномъ призвали въ коммерцъ-коллегію мемельскаго купца Симсона, который состоялъ въ клерикатѣ Штарка. Такъ толпа духовидцевъ и темныхъ мистиковъ продвигалась все дальше при прусскомъ дворѣ — кто не принадлежалъ къ ней, не имѣлъ надежды на повышеніе [151]). Съ годами власть этой толпы надъ Пруссіей все увеличивалась. Созданъ былъ новый департаментъ, вѣдавшій акцизы и таможни — заправилами въ немъ оказались Дюбоскъ, Симсонъ и Вёльнеръ. Какъ на мѣсто Цедлица [152]) въ 1788 году сталъ Вёльнеръ, такъ Герцберга замѣнилъ въ 1791 Бишофсвердеръ. «Der Staat sey auf militärischen Fuss eingerichtet», говорилъ Вёльнеръ и съ чисто военной строгостью относился къ церкви, школѣ, печати. Не французской революціей 1789 года, пишетъ Филиппсонъ, а розенкрейцерами вызвана была реакція въ Пруссіи, и главное оружіе въ борьбѣ съ революціей, по представленію правящихъ круговъ тогдашней Пруссіи, должна была доставить религія, «eine todte gleichförmige Buchstabengläubigkeit». Кульминаціоннымъ пунктомъ и реакціи, и господства розенкрейцеровъ былъ послѣдній годъ войны 1794 — 1795 г.: съ тѣхъ поръ Фридрихъ Вильгельмъ II, никогда не покидавшій занятій магіей и алхиміей, предпочиталъ общество французскихъ авантюристовъ... [153])

[147]) *Kant* (22 апр. 1724 † 12 февр. 1804), «Was ist Aufklärung»? («Berlinische. Monatschrift», B, IV (1784), S. 481.

[148]) *Philippson*, I, 366. *Шустеръ*, II, 65 и слѣд.

[149]) Дюбоскъ былъ «водителемъ» саксонскаго министра Вурмба. *Шустеръ*, II, 69. См. примѣчанія къ стр. 232.

[150]) *Тихонравовъ*, 47, 51.

[151]) *Philippson*, I, 184 — 185.

[152]) Цедлицъ (1731 † 1793), послѣдователь Канта, сдѣлалъ народное образованіе въ Пруссіи доступнымъ для всѣхъ: онъ называлъ розенкрейцеровъ: die protestantischen Jesuiten (225 : 6).

[153]) *Philippson*, I, 210, 247, 282, 294; II, 72, 146, 149.

подавить безбожіе и безправственность «просвѣтителей». «Aufklärung ist der Ausgang des Menschen aus seiner selbstverschuldeten Unmündigkeit. Sapere aude», писалъ Кантъ [147]); иначе разсуждалъ Вёльнеръ и достигъ того, что заставилъ умолкнуть и Канта. Вражда ко всему, что напоминало собою несчастное «просвѣщеніе», была у прусскихъ правителей такъ велика, что они стремились преслѣдовать его даже за предѣлами Пруссіи [148]). Внѣшняя политика сосредоточилась въ рукахъ Бишофсвердера. «Nichts zu scheinen, alles zu sein» было его девизомъ; какъ фаворитъ короля, онъ жилъ во дворцѣ, а для усиленія своей партіи провелъ на видныя мѣста при дворѣ и на государственной службѣ преданныхъ саксонцевъ «розенкрейцеровъ» [149]). Еще со временъ Шрепфера въ тѣснѣйшей связи съ Бишофсвердеромъ былъ обердиректоръ дрезденскихъ розенкрейцеровъ Дюбоскъ (въ масонствѣ Soc) [150]). Его вызвали въ Берлинъ, возвели въ чинъ тайнаго коммерціи-совѣтника и — его, банкрота, — поставили во главѣ департамента торговли. Съ такимъ же чиномъ призвали въ коммерцъ-коллегію мемельскаго купца Симсона, который состоялъ въ клерикатѣ Штарка. Такъ толпа духовидцевъ и темныхъ мистиковъ продвигалась все дальше при прусскомъ дворѣ — кто не принадлежалъ къ ней, не имѣлъ надежды на повышеніе [151]). Съ годами власть этой толпы надъ Пруссіей все увеличивалась. Созданъ былъ новый департаментъ, вѣдавшій акцизы и таможни — заправилами въ немъ оказались Дюбоскъ, Симсонъ и Вёльнеръ. Какъ на мѣсто Цедлица [152]) въ 1788 году сталъ Вёльнеръ, такъ Герцберга замѣнилъ въ 1791 Бишофсвердеръ. «Der Staat sey auf militärischen Fuss eingerichtet», говорилъ Вёльнеръ и съ чисто военной строгостью относился къ церкви, школѣ, печати. Не французской революціей 1789 года, пишетъ Филиппсонъ, а розенкрейцерами вызвана была реакція въ Пруссіи, и главное оружіе въ борьбѣ съ революціей, по представленію правящихъ круговъ тогдашней Пруссіи, должна была доставить религія, «eine todte gleichförmige Buchstabengläubigkeit». Кульминаціоннымъ пунктомъ и реакціи, и господства розенкрейцеровъ былъ послѣдній годъ войны 1794 — 1795 г.: съ тѣхъ поръ Фридрихъ Вильгельмъ II, никогда не покидавшій занятій магіей и алхиміей, предпочиталъ общество французскихъ авантюристовъ... [153])

[147]) *Kant* (22 апр. 1724 † 12 февр. 1804), «Was ist Aufklärung»? («Berlinische Monatschrift», B, IV (1784), S. 481.

[148]) *Philippson*, I, 366. *Шустеръ*, II, 65 и слѣд.

[149]) Дюбоскъ былъ «водителемъ» саксонскаго министра Вурмба. *Шустеръ*, II, 69. См. примѣчанія къ стр. 232.

[150]) *Тихонравовъ*, 47, 51.

[151]) *Philippson*, I, 184 — 185.

[152]) Цедлицъ (1731 † 1793), послѣдователь Канта, сдѣлалъ народное образованіе въ Пруссіи доступнымъ для всѣхъ; онъ называлъ розенкрейцеровъ: die protestantischen Jesuiten (225 : 6).

[153]) *Philippson*, I, 210, 247, 282, 294; II, 72, 146, 149.

Письма Кутузова и его друзей переполнены патріотическими чувствами и гнѣвомъ противъ вольнодумцевъ, революціонеровъ, «новыхъ каннибаловъ» XVIII вѣка, искалѣченнаго «ложнымъ просвѣщеніемъ». Кое что въ этихъ благонамѣренныхъ рѣчахъ объясняется, конечно, расчетомъ на перлюстрацію; но нѣтъ сомнѣнія, что Кутузовъ и его корреспонденты сами по себѣ, независимо отъ этого расчета, искренно любили и горячо защищали «старый порядокъ». Правда, русскихъ розенкрейцеровъ связывало съ нѣмецкими «братьями» исканіе масонской «истины», увлеченіе мистической философіей С.-Мартена, стремленіе одолѣть невѣріе и развратъ; но даже близорукій могъ разглядѣть, какъ Пруссія при Фридрихѣ Вильгельмѣ II ударилась въ реакцію и какъ попирали «истину» Вёльльнеръ и толпа его друзей: рѣзкіе отзывы бар. Шредера о прусскихъ министрахъ въ письмѣ его къ кн. Трубецкому (№ 161) слыхалъ, вѣроятно, и А. М. Кутузовъ; не было недостатка и въ печатныхъ разоблаченіяхъ «тайны» розенкрейцеровъ. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ и его московскіе друзья высоко ставили берлинскихъ «братьевъ» Такъ, надо полагать, реакціонная программа ордена Златорозоваго креста въ Берлинѣ не расходилась съ убѣжденіями русскихъ «братьевъ» въ Москвѣ, а слухамъ о темной интригѣ «неизвѣстныхъ начальниковъ» здѣсь не довѣряли. Отсюда выясняется, почему, напримѣръ, А. М. Кутузовъ долгіе годы могъ имѣть своимъ «водителемъ» такого «брата», какъ Дюбоскъ, или почему такъ встревожился кн. Н. Н. Трубецкой, когда ему показалось, что Кутузову дали вмѣсто Дюбоска другого «водителя»: въ глазахъ обоихъ Дюбоскъ былъ не разорившійся купецъ или интриганъ, а сановникъ, близкій сотрудникъ еще болѣе вліятельныхъ особъ — Бишофсвердера и Вёльльнера, осуществлявшихъ «масонскіе идеалы» въ самой жизни. Вѣдь и русскіе розенкрейцеры, подобно нѣмецкимъ, надѣялись, что современемъ ихъ поддержитъ верховная власть. Это не значитъ, что было полное сходство въ «мистикѣ» и «политикѣ» тѣхъ и другихъ; есть основаніе думать, что въ «политикѣ» русскихъ «братьевъ» было больше искренности и безкорыстія, нежели у прусскихъ; общимъ было то, что въ Москвѣ и Берлинѣ «мистика» тѣсно сплелась съ «политикой»; поэтому дальнѣйшіе успѣхи Новиковскаго кружка многимъ казались опасными; независимо отъ революціи и книги Радищева, котораго императрица, по ошибкѣ всѣхъ «профановъ», считала «мартинистомъ», арестъ Новикова и Кутузова представлялся ей необходимымъ. Интриги нѣмецкихъ розенкрейцеровъ противъ Россіи съ воцареніемъ Фридриха Вильгельма II для нея не были тайной, какъ и старая дружба прусскаго короля съ наслѣдникомъ русскаго престола; она знала также, что цесаревича хотѣли привлечь московскіе розенкрейцеры, подчиненные берлинской директоріи; кругъ замыкался самъ собою: государственные и личные интересы побуждали императрицу искоренить тайныя общества.

Письма Кутузова и его друзей переполнены патріотическими чувствами и гнѣвомъ противъ вольнодумцевъ, революціонеровъ, «новыхъ каннибаловъ» XVIII вѣка, искалѣченнаго «ложнымъ просвѣщеніемъ». Кое что въ этихъ благонамѣренныхъ рѣчахъ объясняется, конечно, расчетомъ на перлюстрацію; но нѣтъ сомнѣнія, что Кутузовъ и его корреспонденты сами по себѣ, независимо отъ этого расчета, искренно любили и горячо защищали «старый порядокъ». Правда, русскихъ розенкрейцеровъ связывало съ нѣмецкими «братьями» исканіе масонской «истины», увлеченіе мистической философіей С.-Мартена, стремленіе одолѣть невѣріе и развратъ; но даже близорукій могъ разглядѣть, какъ Пруссія при Фридрихѣ Вильгельмѣ II ударилась въ реакцію и какъ попирали «истину» Вёльльнеръ и толпа его друзей: рѣзкіе отзывы бар. Шредера о прусскихъ министрахъ въ письмѣ его къ кн. Трубецкому (№ 161) слыхалъ, вѣроятно, и А. М. Кутузовъ; не было недостатка и въ печатныхъ разоблаченіяхъ «тайны» розенкрейцеровъ. Тѣмъ не менѣе Кутузовъ и его московскіе друзья высоко ставили берлинскихъ «братьевъ» Такъ, надо полагать, реакціонная программа ордена Златорозоваго креста въ Берлинѣ не расходилась съ убѣжденіями русскихъ «братьевъ» въ Москвѣ, а слухамъ о темной интригѣ «неизвѣстныхъ начальниковъ» здѣсь не довѣряли. Отсюда выясняется, почему, напримѣръ, А. М. Кутузовъ долгіе годы могъ имѣть своимъ «водителемъ» такого «брата», какъ Дюбоскъ, или почему такъ встревожился кн. Н. Н. Трубецкой, когда ему показалось, что Кутузову дали вмѣсто Дюбоска другого «водителя»: въ глазахъ обоихъ Дюбоскъ былъ не разорившійся купецъ или интриганъ, а сановникъ, близкій сотрудникъ еще болѣе вліятельныхъ особъ — Бишофсвердера и Вёльльнера, осуществлявшихъ «масонскіе идеалы» въ самой жизни. Вѣдь и русскіе розенкрейцеры, подобно нѣмецкимъ, надѣялись, что современемъ ихъ поддержитъ верховная власть. Это не значитъ, что было полное сходство въ «мистикѣ» и «политикѣ» тѣхъ и другихъ; есть основаніе думать, что въ «политикѣ» русскихъ «братьевъ» было больше искренности и безкорыстія, нежели у прусскихъ; общимъ было то, что въ Москвѣ и Берлинѣ «мистика» тѣсно сплелась съ «политикой»; поэтому дальнѣйшіе успѣхи Новиковскаго кружка многимъ казались опасными; независимо отъ революціи и книги Радищева, котораго императрица, по ошибкѣ всѣхъ «профановъ», считала «мартинистомъ», арестъ Новикова и Кутузова представлялся ей необходимымъ. Интриги нѣмецкихъ розенкрейцеровъ противъ Россіи съ воцареніемъ Фридриха Вильгельма II для нея не были тайной, какъ и старая дружба прусскаго короля съ наслѣдникомъ русскаго престола; она знала также, что цесаревича хотѣли привлечь московскіе розенкрейцеры, подчиненные берлинской директоріи; кругъ замыкался самъ собою: государственные и личные интересы побуждали императрицу искоренить тайныя общества.

Екатерина II презирала прусскаго короля, считала его неспособнымъ, женолюбивымъ, d'un caractère voilent et fougeux, двоедушнымъ, послѣдователемъ секты духовъ, fait pour être mené; а между тѣмъ онъ готовъ былъ ко вреду Россіи, находившейся въ войнѣ съ турками (1787) и шведами (1788), помѣшать ея успѣхамъ. «Nous aurons une troisième guerre, c'est les circonstances qui nous obligent, mais il s'en suivra, que le roi de Prusse sera depouillé de ce que lui a été cédé» — говорила императрица Храповицкому 12 октября 1788. «Со всѣми помирюсь, замѣтила она вскорѣ (21 октября), но никогда не прощу королямъ шведскому и прусскому: первому возвратила земли императрица Елизавета [154]), а второму я — изъ сего выйдетъ, что они того лишатся» [155]).

При большомъ дворѣ косились на Пруссію, а меньшой «былъ совершенно въ ея рукахъ» [156]). Русскій «министръ» въ Берлинѣ Алопеусъ [157]), расположенный и къ прусскому королю и къ розенкрейцерамъ, придумалъ даже особый «шифръ», чтобы поддерживать взаимныя сношенія между Фридрихомъ Вильгельмомъ II и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ сентябрѣ 1787 цесаревичъ говорилъ: «Богъ знаетъ, какъ сложатся обстоятельства, когда я пріобрѣту вліяніе на дѣла; пока могу сказать только, что неизмѣнна моя приверженность къ системѣ, связующей меня съ прусскимъ королемъ и что я отъ всего сердца буду согласоваться съ его намѣреніями» [158]). Въ то же время оживилась и масонская работа въ Москвѣ: «приняла свое дѣйствіе», конечно, съ разрѣшенія «Великаго пріората», Гауптъ-директорія Пиннатусъ [159]); кн. Н. И. Трубецкой былъ увѣренъ, «въ силу полученнаго свыше извѣстія», что и силанумъ скоро кончится, и новая реакція въ орденѣ будетъ весьма благополучна для вѣрныхъ и пагубна для сомнѣвающихся... Большіе толки вызвало огромное пожертвованіе Походяшина Новикову на голодающихъ (1787). Русскіе масоны за границей завязали въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ личное знакомство съ С.-Мартеномъ; наконецъ, онъ принятъ былъ матерью великой княгини Маріи Ѳеодоровны въ Монбельярѣ (1787 — 1788) [160]). При такихъ обстоятельствахъ появились указы императрицы 27 іюля 1787 и 15 октября 1788; первымъ она запретила продажу всѣхъ книгъ, до святости касающихся, кои не въ Синодальной ти-

---

[154]) Императрица Елизавета Петровна — 18 дек. 1709 † 25 дек. 1761.

[155]) *Храповицкій*, 171, 178 (и по указателю).

[156]) *А. В.*, XIII, 143 (Гр. А. А. Безбородко гр. С. Р. Воронцову).

[157]) Максимъ Максимовичъ Алопеусъ — 1748 † 1822. Былъ нѣкоторое время мастеромъ стула въ Петроградской ложѣ «Гигіея». См. примѣчанія къ № 123.

[158]) *Кобеко*, 376 — 378. *Шильдеръ*, 188, 195.

[159]) Пиннатусъ — кн. Н. И. Трубецкой.

[160]) *Лонгиновъ*, 278, 279, 159, 160. *Matter*, 141 — 144, 151. См. также примѣчанія къ стр. 218. Въ числѣ спутниковъ С.-Мартена находился адъютантъ кн. Н. В. Репнина, «магнетизеръ» Тиманъ. — *Лубяновскій*, 166.

Екатерина II презирала прусскаго короля, считала его неспособнымъ, женолюбивымъ, d'un caractère voilent et fougeux, двоедушнымъ, послѣдователемъ секты духовъ, fait pour être mené; а между тѣмъ онъ готовъ былъ ко вреду Россіи, находившейся въ войнѣ съ турками (1787) и шведами (1788), помѣшать ея успѣхамъ. «Nous aurons une troisième guerre, c'est les circonstances qui nous obligent, mais il s'en suivra, que le roi de Prusse sera depouillé de ce que lui a été cédé» — говорила императрица Храповицкому 12 октября 1788. «Со всѣми помирюсь, замѣтила она вскорѣ (21 октября), но никогда не прощу королямъ шведскому и прусскому: первому возвратила земли императрица Елизавета [154]), а второму я — изъ сего выйдетъ, что они того лишатся» [155]).

При большомъ дворѣ косились на Пруссію, а меньшой «былъ совершенно въ ея рукахъ» [156]). Русскій «министръ» въ Берлинѣ Алопеусъ [157]), расположенный и къ прусскому королю и къ розенкрейцерамъ, придумалъ даже особый «шифръ», чтобы поддерживать взаимныя сношенія между Фридрихомъ Вильгельмомъ II и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Въ сентябрѣ 1787 цесаревичъ говорилъ: «Богъ знаетъ, какъ сложатся обстоятельства, когда я пріобрѣту вліяніе на дѣла; пока могу сказать только, что неизмѣнна моя приверженность къ системѣ, связующей меня съ прусскимъ королемъ и что я отъ всего сердца буду согласоваться съ его намѣреніями» [158]). Въ то же время оживилась и масонская работа въ Москвѣ: «приняла свое дѣйствіе», конечно, съ разрѣшенія «Великаго пріората», Гауптъ-директорія Пиннатусъ [159]); кн. Н. И. Трубецкой былъ увѣренъ, «въ силу полученнаго свыше извѣстія», что и силанумъ скоро кончится, и новая реакція въ орденѣ будетъ весьма благополучна для вѣрныхъ и пагубна для сомнѣвающихся... Большіе толки вызвало огромное пожертвованіе Походяшина Новикову на голодающихъ (1787). Русскіе масоны за границей завязали въ Римѣ, Парижѣ, Лондонѣ личное знакомство съ С.-Мартеномъ; наконецъ, онъ принятъ былъ матерью великой княгини Маріи Ѳеодоровны въ Монбельярѣ (1787 — 1788) [160]). При такихъ обстоятельствахъ появились указы императрицы 27 іюля 1787 и 15 октября 1788; первымъ она запретила продажу всѣхъ книгъ, до святости касающихся, кои не въ Синодальной ти-

---

[154]) Императрица Елизавета Петровна — 18 дек. 1709 † 25 дек. 1761.

[155]) *Храповицкій*, 171, 178 (и по указателю).

[156]) *Л. В.*, XIII, 143 (Гр. А. А. Безбородко гр. С. Р. Воронцову).

[157]) Максимъ Максимовичъ Алопеусъ — 1748 † 1822. Былъ нѣкоторое время мастеромъ стула въ Петроградской ложѣ «Гигіея». См. примѣчанія къ № 123.

[158]) *Кобеко*, 376 — 378. *Шильдеръ*, 188, 195.

[159]) Пиннатусъ — кн. Н. И. Трубецкой.

[160]) *Лонгиновъ*, 278, 279, 159, 160. *Matter*, 141 — 144, 151. См. также примѣчанія къ стр. 218. Въ числѣ спутниковъ С.-Мартена находился адъютантъ кн. Н. В. Репнина, «магнетизеръ» Тиманъ. — *Лубяновскій*, 166.

нографіи напечатаны; вторымъ предписывала не сдавать Новикову Университетской типографіи, когда истечетъ срокъ старой аренды (въ маѣ 1789). Отдавая Храповицкому это распоряженіе въ тяжелый день, внезапно, среди разговора о дурныхъ извѣстіяхъ съ театра войны, государыня замѣтила о Новиковѣ: «C'est un fanatique» [161]).

Оба указа въ корнѣ подрѣзали всю издательскую дѣятельность Новикова; самъ онъ заболѣлъ и даже покинулъ Москву; «послѣдніе почти три года, пишетъ онъ въ «отвѣтахъ» Шешковскому (1792), безвыѣздно жилъ я въ деревнѣ по причинѣ весьма усилившихся моихъ болѣзненныхъ припадковъ и слабости здоровья, а въ Москвѣ, кромѣ прошедшей зимы, во всѣ почти три года въ разныя времена едва ли съ мѣсяцъ былъ» [162]).

Опасаясь войны съ Пруссіей, кн. П. Н. Трубецкой звалъ Кутузова на родину; но кризисъ миновалъ, и, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, московскіе розенкрейцеры надѣялись вплоть до ареста Новикова, что Кутузовъ успѣшно закончитъ «практическій» курсъ масонскихъ наукъ подъ руководствомъ Дюбоска [163]). Слухами о томъ, что «мартинисты» подготовили французскую революцію, смущались они такъ мало, что въ іюлѣ 1789 Кутузовъ съѣздилъ въ Парижъ [164]) и, можетъ быть, видѣлъ паденіе Бастиліи, причемъ навѣрно ему не сочувствовалъ: революцію считалъ онъ возмутительнымъ актомъ насилія со стороны вольнодумцевъ, просвѣтителей, иллюминатовъ.

Розенкрейцеры лишь самихъ себя считали «истинными» каменщиками и свое отличіе отъ «ложныхъ» масоновъ полагали именно въ борьбѣ съ ученіями, опасными для государства, общества, церкви, нравственности. Ихъ настольной книгой былъ трактатъ С.-Мартена. Вскорѣ по выходѣ его въ свѣтъ (1775) Вольтеръ писалъ Даламберу: «Герцогъ Ришелье хвалилъ мнѣ книгу, озаглавленную О заблужденіяхъ и истинѣ. Къ моему несчастью я ее выписалъ. Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо болѣе абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чѣмъ эта книга. Какъ могла она понравиться вашему герцогу» [165])! «Я думаю, что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіанскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему юродствованію Франціи», пишетъ Лопухинъ Кутузову 14 октября 1790 (стр. 16). «Нещастная Франція! скорбитъ Кутузовъ: Сія прекрасная земля приносится въ жертву ложной философіи и нѣсколь-

[161]) *Храповицкій*, 173.

[162]) *Лопухинъ*, 088.

[163]) О «водительствѣ» Сока см. стр. 112, 133, 135, 138, 150, 157, 164. Баронъ Шредеръ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Кутузовымъ (172) и въ смертельной враждѣ съ Дюбоскомъ (140). Занятія съ Дюбоскомъ, повидимому, оплачивались: въ іюлѣ 1791 Кутузовъ вручилъ ему 200 червонцевъ (135 : 28).

[164]) *Лопухинъ*, 299.

[165]) *Шаховъ*, 327.

нографіи напечатаны; вторымъ предписывала не сдавать Новикову Университетской типографіи, когда истечетъ срокъ старой аренды (въ маѣ 1789). Отдавая Храповицкому это распоряженіе въ тяжелый день, внезапно, среди разговора о дурныхъ извѣстіяхъ съ театра войны, государыня замѣтила о Новиковѣ: «C'est un fanatique» [161]).

Оба указа въ корнѣ подрѣзали всю издательскую дѣятельность Новикова; самъ онъ заболѣлъ и даже покинулъ Москву; «послѣдніе почти три года, пишетъ онъ въ «отвѣтахъ» Шешковскому (1792), безвыѣздно жилъ я въ деревнѣ по причинѣ весьма усилившихся моихъ болѣзненныхъ припадковъ и слабости здоровья, а въ Москвѣ, кромѣ прошедшей зимы, во всѣ почти три года въ разныя времена едва ли съ мѣсяцъ былъ» [162]).

Опасаясь войны съ Пруссіей, кн. П. Н. Трубецкой звалъ Кутузова на родину; но кризисъ миновалъ, и, какъ видно изъ дальнѣйшей переписки, московскіе розенкрейцеры надѣялись вплоть до ареста Новикова, что Кутузовъ успѣшно закончитъ «практическій» курсъ масонскихъ наукъ подъ руководствомъ Дюбоска [163]). Слухами о томъ, что «мартинисты» подготовили французскую революцію, смущались они такъ мало, что въ іюлѣ 1789 Кутузовъ съѣздилъ въ Парижъ [164]) и, можетъ быть, видѣлъ паденіе Бастиліи, причемъ навѣрно ему не сочувствовалъ: революцію считалъ онъ возмутительнымъ актомъ насилія со стороны вольнодумцевъ, просвѣтителей, иллюминатовъ.

Розенкрейцеры лишь самихъ себя считали «истинными» каменщиками и свое отличіе отъ «ложныхъ» масоновъ полагали именно въ борьбѣ съ ученіями, опасными для государства, общества, церкви, нравственности. Ихъ настольной книгой былъ трактатъ С.-Мартена. Вскорѣ по выходѣ его въ свѣтъ (1775) Вольтеръ писалъ Даламберу: «Герцогъ Ришелье хвалилъ мнѣ книгу, озаглавленную О заблужденіяхъ и истинѣ. Къ моему несчастью я ее выписалъ. Не думаю, чтобы когда-либо было напечатано что-либо болѣе абсурдное, темное, сумасшедшее и глупое, чѣмъ эта книга. Какъ могла она понравиться вашему герцогу» [165])! «Я думаю, что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіанскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему юродствованію Франціи», пишетъ Лопухинъ Кутузову 14 октября 1790 (стр. 16). «Нещастная Франція! скорбитъ Кутузовъ: Сія прекрасная земля приносится въ жертву ложной философіи и нѣсколь-

[161]) *Храповицкій*, 173.

[162]) *Лопухинъ*, 088.

[163]) О «водительствѣ» Сока см. стр. 112, 133, 135, 138, 150, 157, 164. Баронъ Шредеръ былъ въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Кутузовымъ (172) и въ смертельной враждѣ съ Дюбоскомъ (140). Занятія съ Дюбоскомъ, повидимому, оплачивались: въ іюлѣ 1791 Кутузовъ вручилъ ему 200 червонцевъ (135 : 28).

[164]) *Лопухинъ*, 299.

[165]) *Шаховъ*, 327.

кимъ вскруженнымъ головамъ. Дай, Боже, чтобы сей плачевный примѣръ открылъ глаза монархамъ и показалъ бы имъ ясно, что христіанская религія есть единственное основаніе народнаго благосостоянія и ихъ собственной законной власти. Да научатся нещастіемъ ближняго, что поощреніе остроумія, истекающаго не изъ прямого источника, есть истинный ядъ, пожирающій жизненные соки всякаго порядка и подчиненности». «Монархи веселились сочиненіями Вольтера, Гельвеція и имъ подобныхъ; ласками награждали ихъ, не вѣдая, что, по русской пословицѣ, согрѣвали змѣю въ своей пазухѣ; теперь видятъ слѣдствія словъ, но не имѣютъ уже почти средствъ къ истребленію попущеннаго ими» — такъ писалъ и такъ, дѣйствительно, думалъ Кутузовъ въ мартѣ 1792, за мѣсяцъ до ареста Новикова (стр. 199 и 196.

Напечатанная въ настоящемъ изданіи переписка Кутузова и его друзей свидѣтельствуетъ объ ихъ «благонадежности», любви къ Россіи и преклоненіи предъ Екатериной II. Императрица слѣдила за этой перепиской въ то время, какъ рѣшалась участь Новиковскаго кружка, хорошо знала, какое отвращеніе питали «мартинисты» къ революціи, и тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ уничтожить ихъ общество. На это, кромѣ личной непріязни къ Новикову, у нея была особая причина: императрица хотѣла положить конецъ интригѣ, въ какую пытались запутать цесаревича.

Еще 19 августа 1787 Храповицкій «читалъ предъ Ея Величествомъ предисловіе морского устава, откуда, для примѣра въ наслѣдіи, хотѣли взять неудобство, отъ раздѣла Владимірова происшедшее», а на другой день императрица сама ему «читать изволила пасажъ изъ „Правды воли монаршей“; тутъ, или въ манифестѣ Екатерины I, сказано, что причиною несчастія царевича Алексѣя Петровича [166]) было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ» [167]). Такъ началась работа Екатерины II надъ закономъ о престолонаслѣдіи, причемъ она имѣла въ виду назначить своимъ преемникомъ великаго князя Александра Павловича; эта мысль не стала закономъ, но императрица не разставалась съ ней и въ дальнѣйшіе годы. По тому же вопросу о престолонаслѣдіи выразилъ свою волю и цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ январѣ 1788 [168]). Въ томъ, что государыня и великій князь почти въ одно и то же время и тайно другъ отъ друга сосредоточили свое вниманіе на вопросѣ исключительной важности для нихъ обоихъ, видятъ иногда простую случайность [169]). Не лучше-ли предположить, что явились условія, которыя поставили этотъ вопросъ на первую очередь для той и другой стороны?

---

[166]) Императрица Екатерина I — 5 апр. 1684 † 6 мая 1727. Царевичъ Алексѣй Петровичъ — 16 февр. 1690 † 26 іюля 1718.

[167]) *Храповицкій*, 46.

[168]) *Семевскій М.*, 304 — 322.

[169]) *Шильдеръ*, 215.

кимъ вскруженнымъ головамъ. Дай, Боже, чтобы сей плачевный примѣръ открылъ глаза монархамъ и показалъ бы имъ ясно, что христіанская религія есть единственное основаніе народнаго благосостоянія и ихъ собственной законной власти. Да научатся нещастіемъ ближняго, что поощреніе остроумія, истекающаго не изъ прямого источника, есть истинный ядъ, пожирающій жизненные соки всякаго порядка и подчиненности». «Монархи веселились сочиненіями Вольтера, Гельвеція и имъ подобныхъ; ласками награждали ихъ, не вѣдая, что, по русской пословицѣ, согрѣвали змѣю въ своей пазухѣ; теперь видятъ слѣдствія словъ, но не имѣютъ уже почти средствъ къ истребленію попущеннаго ими» — такъ писалъ и такъ, дѣйствительно, думалъ Кутузовъ въ мартѣ 1792, за мѣсяцъ до ареста Новикова (стр. 199 и 196.

Напечатанная въ настоящемъ изданіи переписка Кутузова и его друзей свидѣтельствуетъ объ ихъ «благонадежности», любви къ Россіи и преклоненіи предъ Екатериной II. Императрица слѣдила за этой перепиской въ то время, какъ рѣшалась участь Новиковскаго кружка, хорошо знала, какое отвращеніе питали «мартинисты» къ революціи, и тѣмъ не менѣе сочла нужнымъ уничтожить ихъ общество. На это, кромѣ личной непріязни къ Новикову, у нея была особая причина: императрица хотѣла положить конецъ интригѣ, въ какую пытались запутать цесаревича.

Еще 19 августа 1787 Храповицкій «читалъ предъ Ея Величествомъ предисловіе морского устава, откуда, для примѣра въ наслѣдіи, хотѣли взять неудобство, отъ раздѣла Владимірова происшедшее», а на другой день императрица сама ему «читать изволила пасажъ изъ „Правды воли монаршей“; тутъ, или въ манифестѣ Екатерины I, сказано, что причиною несчастія царевича Алексѣя Петровича [166]) было ложное мнѣніе, будто старшему сыну принадлежитъ престолъ» [167]). Такъ началась работа Екатерины II надъ закономъ о престолонаслѣдіи, причемъ она имѣла въ виду назначить своимъ преемникомъ великаго князя Александра Павловича; эта мысль не стала закономъ, но императрица не разставалась съ ней и въ дальнѣйшіе годы. По тому же вопросу о престолонаслѣдіи выразилъ свою волю и цесаревичъ Павелъ Петровичъ въ январѣ 1788 [168]). Въ томъ, что государыня и великій князь почти въ одно и то же время и тайно другъ отъ друга сосредоточили свое вниманіе на вопросѣ исключительной важности для нихъ обоихъ, видятъ иногда простую случайность [169]). Не лучше-ли предположить, что явились условія, которыя поставили этотъ вопросъ на первую очередь для той и другой стороны?

---

[166]) Императрица Екатерина I — 5 апр. 1684 † 6 мая 1727. Царевичъ Алексѣй Петровичъ — 16 февр. 1690 † 26 іюля 1718.

[167]) *Храповицкій*, 46.

[168]) *Семевскій М.*, 304 — 322.

[169]) *Шильдеръ*, 215.

Самымъ существеннымъ изъ нихъ было опасеніе Екатерины II, что Павелъ Петровичъ пойдетъ по пути «батушки»; дружба цесаревича съ прусскимъ королемъ и подражаніе его прусскимъ образцамъ въ Гатчинѣ въ такую пору, когда при войнѣ на два фронта (съ Турціей и Швеціей) грозила третья война съ Пруссіей, должны были придать этому опасенію острый характеръ. Узнавъ, что прусскій дворъ препятствовалъ созванію польскаго сейма и утвержденію союза съ Россіей, «проговаривая о вооруженной медіаціи обще съ Англіею», императрица рѣшила: «Буде два дурака не уймутся, то станемъ драться; графа Румянцова-Задунайскаго [170]) обратимъ для наступательной войны на Пруссію, чтобъ отнять тѣ земли, что я ему отдала». Черезъ недѣлю, когда фаворитъ государыни гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ [171]) «нашелъ резоннымъ» снизойти на предложеніе прусское и начать переговоры съ Англіей, она осердилась и сквозь слезы сказала Храповицкому: «Неужели мои подданные, видя дѣлаемыя мнѣ обиды отъ королей прусскаго и англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали [172])?

Въ февралѣ 1790 года постъ московскаго главнокомандующаго занялъ кн. А. А. Прозоровскій; ему поручено было зорко слѣдить за «мартинистами»; въ іюнѣ былъ арестованъ Радищевъ; дружба его съ Кутузовымъ дала князю поводъ подозрѣвать «мартинистовъ» въ революціонныхъ замыслахъ; въ томъ же году «особливымъ обществомъ одного губернскаго города» опубликовано «изслѣдованіе», направленное главнымъ образомъ противъ политической теоріи С.-Мартена, а И. В. Лопухинъ анонимно издалъ французскій переводъ брошюры И. П. Тургенева «Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle»? съ цѣлью оправдать «мартинистовъ» отъ несправедливыхъ упрековъ въ безбожіи и неблагонадежности (стр. 17).

22 іюля кн. Прозоровскій представилъ императрицѣ «донесеніе» о мартинистахъ, составленное на основаніи того, что сообщилъ ему «по довѣренности» кн. Г. П. Гагаринъ въ то самое время, когда данъ былъ указъ гр. Брюсу «книги Новикова и прочія заведенія его уничтожить»; опасаясь, какъ бы не «зделать многихъ себѣ злодеевъ», кн. Прозоровскій просилъ, чтобы донесеніе его осталось «только въ сведеніи Ея Величества». Изъ обстоятельнаго разсказа своего собесѣдника кн. Прозоровскій узналъ, что новое масонство или «мартинизму» привезъ въ Москву проф. Шварцъ, начало ресепціи дѣлается въ ложѣ масонской, гдѣ степени идутъ до метра, но въ ложѣ руководитель долженъ быть мартинистъ или illu-

[170]) Гр. Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій — 1725 † 8 дек. 1796.

[171]) Гр. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ — 19 сент. 1758 † 29 сент. 1803; фаворитъ съ іюля 1786 до іюня 1789.

[172]) *Храповицкій*, 157, 164.

Самымъ существеннымъ изъ нихъ было опасеніе Екатерины II, что Павелъ Петровичъ пойдетъ по пути «батушки»; дружба цесаревича съ прусскимъ королемъ и подражаніе его прусскимъ образцамъ въ Гатчинѣ въ такую пору, когда при войнѣ на два фронта (съ Турціей и Швеціей) грозила третья война съ Пруссіей, должны были придать этому опасенію острый характеръ. Узнавъ, что прусскій дворъ препятствовалъ созванію польскаго сейма и утвержденію союза съ Россіей, «проговаривая о вооруженной медіаціи обще съ Англіею», императрица рѣшила: «Буде два дурака не уймутся, то станемъ драться; графа Румянцова-Задунайскаго [170]) обратимъ для наступательной войны на Пруссію, чтобъ отнять тѣ земли, что я ему отдала». Черезъ недѣлю, когда фаворитъ государыни гр. А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ [171]) «нашелъ резоннымъ» снизойти на предложеніе прусское и начать переговоры съ Англіей, она осердилась и сквозь слезы сказала Храповицкому: «Неужели мои подданные, видя дѣлаемыя мнѣ обиды отъ королей прусскаго и англійскаго, не смѣютъ сказать имъ правды? Развѣ они имъ присягали [172])?

Въ февралѣ 1790 года постъ московскаго главнокомандующаго занялъ кн. А. А. Прозоровскій; ему поручено было зорко слѣдить за «мартинистами»; въ іюнѣ былъ арестованъ Радищевъ; дружба его съ Кутузовымъ дала князю поводъ подозрѣвать «мартинистовъ» въ революціонныхъ замыслахъ; въ томъ же году «особливымъ обществомъ одного губернскаго города» опубликовано «изслѣдованіе», направленное главнымъ образомъ противъ политической теоріи С.-Мартена, а И. В. Лопухинъ анонимно издалъ французскій переводъ брошюры И. П. Тургенева «Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle»? съ цѣлью оправдать «мартинистовъ» отъ несправедливыхъ упрековъ въ безбожіи и неблагонадежности (стр. 17).

22 іюля кн. Прозоровскій представилъ императрицѣ «донесеніе» о мартинистахъ, составленное на основаніи того, что сообщилъ ему «по довѣренности» кн. Г. П. Гагаринъ въ то самое время, когда данъ былъ указъ гр. Брюсу «книги Новикова и прочія заведенія его уничтожить»; опасаясь, какъ бы не «зделать многихъ себѣ злодеевъ», кн. Прозоровскій просилъ, чтобы донесеніе его осталось «только въ сведеніи Ея Величества». Изъ обстоятельнаго разсказа своего собесѣдника кн. Прозоровскій узналъ, что новое масонство или «мартинизму» привезъ въ Москву проф. Шварцъ, начало ресепціи дѣлается въ ложѣ масонской, гдѣ степени идутъ до метра, но въ ложѣ руководитель долженъ быть мартинистъ или illu-

[170]) Гр. Петръ Александровичъ Румянцовъ-Задунайскій — 1725 † 8 дек. 1796.

[171]) Гр. Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ — 19 сент. 1758 † 29 сент. 1803; фаворитъ съ іюля 1786 до іюня 1789.

[172]) *Храповицкій*, 157, 164.

minés, дается имъ сочиненной катихизисъ, но эти метры верхнихъ степеней не знаютъ, выше ихъ стоитъ капитулъ; «но далѣе, пишетъ кн. Прозоровскій о своемъ собесѣдникѣ, онъ не удовольствовалъ моего любопытства, а только сказалъ, что Новикова мартинизма состоитъ въ интересѣ и сихъ между ими illuminés весьма мало; и такъ водворясь сіи мартинисты въ Москвѣ умножились, въ числѣ которыхъ есть и россійскіе купцы». Очевидно, кн. Прозоровскій раздѣлялъ общее тогда заблужденіе, будто иллюминаты и мартинисты одно и то же, а объ россійскихъ купцахъ заключалъ, вѣроятно, по слухамъ о Походяшинѣ. Мартинисты, по мнѣнію кн. Прозоровскаго, руководились корыстными цѣлями: чтобы удобнѣе производить свои дѣйства, они завели ученое собранье, а потомъ начали печатать книги, глупцовъ обирать и заводить великія строенья, въ которыхъ помѣстили больницу, богадѣльню и аптеку. Далѣе въ обширномъ своемъ «донесеніи» кн. Прозоровскій обращалъ вниманіе государыни 1) на Колокольникова и Невзорова, которые отправлены были мартинистами въ Лейпцигъ, 2) на собранія въ деревнѣ Очаковѣ у кн. Н. Н. Трубецкого и въ селѣ Авдотьинѣ у Новикова, а въ Москвѣ у Поздѣева; собирается партія Новикова, говоритъ князь, приватно, чего и запретить невозможно; подъ видомъ болѣзни отправленъ изъ ихъ шайки въ чужіе края Кутузовъ — былъ онъ во Франціи, а теперь (1790) въ Берлинѣ... [173]).

Въ слѣдующемъ году розенкрейцеровъ встревожилъ пріѣздъ въ Москву гр. Безбородка съ такимъ опытнымъ сыщикомъ, какъ Н. П. Архаровъ; по слухамъ, государыня поручила графу собрать точныя свѣдѣнія о «мартинистахъ» и, въ случаѣ надобности, передать кн. Прозоровскому указъ о слѣдствіи надъ ними. Гроза прошла благополучно; говорили, что мартинисты успѣли сжечь главныя бумаги и Безбородко не далъ хода тайному порученію императрицы [174]). Осенью снова появился въ Москвѣ кн. Н. В. Репнинъ и поселился въ своей подмосковной. Въ Россіи ждали новой войны съ Пруссіей; но кризисъ разрѣшился анекдотомъ, который записалъ Храповицкій 31 октября: «Государыня мнѣ сказывать изволила, что недѣли двѣ король прусскій въ рубахѣ ходилъ со шпагой для видѣнія духовъ и наконецъ, имѣвъ свиданье съ Христомъ, не объявилъ намъ войны, по Его запрещенью» [175]). Т. о. «мартинизмъ» спасъ «братьевъ» отъ большой бѣды — только въ Пруссіи, а не въ Россіи; здѣсь ихъ ожидала горькая участь.

Новиковъ писалъ въ отвѣтахъ Шешковскому, что съ самаго отъѣзда Кутузова за границу почти все время жилъ въ деревнѣ и лишь зиму

---

[173]) *Пекарскій*, 126 — 131.

[174]) *Лопухинъ*, 46 — 48. — *Григоровичъ* (II, 95 — 99) полагаетъ, что гр. Безбородко ѣздилъ въ Москву «для отдохновенія и устройства своего дома».

[175]) *Храповицкій*, 373.

minés, дается имъ сочиненной катихизисъ, но эти метры верхнихъ степеней не знаютъ, выше ихъ стоитъ капитулъ; «но далѣе, пишетъ кн. Прозоровскій о своемъ собесѣдникѣ, онъ не удовольствовалъ моего любопытства, а только сказалъ, что Новикова мартинизма состоитъ въ интересѣ и сихъ между ими illuminés весьма мало; и такъ водворясь сіи мартинисты въ Москвѣ умножились, въ числѣ которыхъ есть и россійскіе купцы». Очевидно, кн. Прозоровскій раздѣлялъ общее тогда заблужденіе, будто иллюминаты и мартинисты одно и то же, а объ россійскихъ купцахъ заключалъ, вѣроятно, по слухамъ о Походяшинѣ. Мартинисты, по мнѣнію кн. Прозоровскаго, руководились корыстными цѣлями: чтобы удобнѣе производить свои дѣйства, они завели ученое собранье, а потомъ начали печатать книги, глупцовъ обирать и заводить великія строенья, въ которыхъ помѣстили больницу, богадѣльню и аптеку. Далѣе въ обширномъ своемъ «донесеніи» кн. Прозоровскій обращалъ вниманіе государыни 1) на Колокольникова и Невзорова, которые отправлены были мартинистами въ Лейпцигъ, 2) на собранія въ деревнѣ Очаковѣ у кн. Н. Н. Трубецкого и въ селѣ Авдотьинѣ у Новикова, а въ Москвѣ у Поздѣева; собирается партія Новикова, говоритъ князь, приватно, чего и запретить невозможно; подъ видомъ болѣзни отправленъ изъ ихъ шайки въ чужіе края Кутузовъ — былъ онъ во Франціи, а теперь (1790) въ Берлинѣ... [173]).

Въ слѣдующемъ году розенкрейцеровъ встревожилъ пріѣздъ въ Москву гр. Безбородка съ такимъ опытнымъ сыщикомъ, какъ Н. П. Архаровъ; по слухамъ, государыня поручила графу собрать точныя свѣдѣнія о «мартинистахъ» и, въ случаѣ надобности, передать кн. Прозоровскому указъ о слѣдствіи надъ ними. Гроза прошла благополучно; говорили, что мартинисты успѣли сжечь главныя бумаги и Безбородко не далъ хода тайному порученію императрицы [174]). Осенью снова появился въ Москвѣ кн. Н. В. Репнинъ и поселился въ своей подмосковной. Въ Россіи ждали новой войны съ Пруссіей; но кризисъ разрѣшился анекдотомъ, который записалъ Храповицкій 31 октября: «Государыня мнѣ сказывать изволила, что недѣли двѣ король прусскій въ рубахѣ ходилъ со шпагой для видѣнія духовъ и наконецъ, имѣвъ свиданье съ Христомъ, не объявилъ намъ войны, по Его запрещенью» [175]). Т. о. «мартинизмъ» спасъ «братьевъ» отъ большой бѣды — только въ Пруссіи, а не въ Россіи; здѣсь ихъ ожидала горькая участь.

Новиковъ писалъ въ отвѣтахъ Шешковскому, что съ самаго отъѣзда Кутузова за границу почти все время жилъ въ деревнѣ и лишь зиму

---

[173]) *Пекарскій*, 126 — 131.

[174]) *Лопухинъ*, 46 — 48. — *Григоровичъ* (II, 95 — 99) полагаетъ, что гр. Безбородко ѣздилъ въ Москву «для отдохновенія и устройства своего дома».

[175]) *Храповицкій*, 373.

1791 — 1792 г. провелъ въ Москвѣ. Дѣла Типографической компаніи шли такъ плохо, что въ ноябрѣ 1791 она распалась и все предпріятіе было закрѣплено за однимъ Новиковымъ; актъ объ уничтоженіи компаніи не подписали изъ ея 15 учредителей только четверо: кн. К. М. Енгалычевъ и П. В. Лопухинъ, по всей вѣроятности, не находившіеся тогда въ Москвѣ, да бар. Шредеръ и А. М. Кутузовъ — они жили за границей и не сразу поняли значеніе этого акта. Кутузовъ еще смутно почувствовалъ въ немъ что-то мрачное, а у барона вспыхнула надежда поправить свое состояніе; можетъ быть, подъ вліяніемъ «друга» и Кутузовъ рѣшился обвинить Новикова въ желаніи вложить въ новое и выгодное дѣло вмѣсто денегъ «гніющую бумагу» (№ 175); ни тотъ, ни другой не знали, что со стороны Новикова это была попытка «спасти положеніе». Такой же попыткой была, повидимому, и новая поѣздка Баженова къ великому князю зимой 1791 — 2 г. На этотъ разъ Баженовъ не записалъ своей бесѣды, а на словахъ сообщилъ Новикову, что цесаревичъ принялъ его съ великимъ гнѣвомъ на «мартинистовъ» и даже запретилъ упоминать о нихъ. «Я тебя люблю, говорилъ великій князь Баженову, и принимаю какъ художника, а не какъ мартиниста; объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта не разѣвай объ нихъ говорить» [176]).

Неизвѣстно въ точности, когда именно видѣлся Баженовъ съ великимъ княземъ: до или послѣ ареста Колокольникова и Невзорова [177]), учившихся за границей на средства Лопухина и, по его вызову, возвращавшихся на родину въ началѣ 1792 года. Въ половинѣ февраля, по Высочайшему повелѣнію, ихъ задержали въ Ригѣ, а 6-го марта 1792 привезли въ Петроградъ; здѣсь ихъ посадили сначала въ Невскій монастырь «подъ именемъ якобинцевъ», а затѣмъ отправили на допросъ къ Шешковскому въ Алексѣевскій равелинъ [178]). Оба они были масонами низшихъ степеней и не принадлежали къ «внутреннему ордену», но ихъ участь близко касалась и розенкрейцеровъ; Колокольниковъ вскорѣ умеръ, а Невзоровъ, вслѣдствіе душевной болѣзни, былъ помѣщенъ въ секретный госпиталь, откуда его освободилъ императоръ Павелъ.

Гроза надвигалась все ближе: 13 апрѣля 1792 былъ данъ указъ кн. Прозоровскому произвести обыскъ у Новикова въ виду появленія въ продажѣ «Исторіи о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ», неизвѣстно, гдѣ напечатанной, а также взять Новикова «подъ присмотръ» и допросить, можетъ ли онъ доказать свое «безкорыстное поведеніе» въ виду того, что, не будучи владѣльцемъ значительнаго наслѣдственнаго имѣнія, онъ считается человѣкомъ весьма достаточнымъ. Есть извѣстіе, что кн.

---

[176]) *Сборникъ*, II, 120.

[177]) Василій Яковлевичъ Колокольниковъ — † 1792. Максимъ Ивановичъ Невзоровъ — 1762 (1763 ?) † окт. 1827.

[178]) *Лопухинъ*, 62 — 63. *О. В.*, I, 395 — 398.

1791 — 1792 г. провелъ въ Москвѣ. Дѣла Типографической компаніи шли такъ плохо, что въ ноябрѣ 1791 она распалась и все предпріятіе было закрѣплено за однимъ Новиковымъ; актъ объ уничтоженіи компаніи не подписали изъ ея 15 учредителей только четверо: кн. К. М. Енгалычевъ и П. В. Лопухинъ, по всей вѣроятности, не находившіеся тогда въ Москвѣ, да бар. Шредеръ и А. М. Кутузовъ — они жили за границей и не сразу поняли значеніе этого акта. Кутузовъ еще смутно почувствовалъ въ немъ что-то мрачное, а у барона вспыхнула надежда поправить свое состояніе; можетъ быть, подъ вліяніемъ «друга» и Кутузовъ рѣшился обвинить Новикова въ желаніи вложить въ новое и выгодное дѣло вмѣсто денегъ «гніющую бумагу» (№ 175); ни тотъ, ни другой не знали, что со стороны Новикова это была попытка «спасти положеніе». Такой же попыткой была, повидимому, и новая поѣздка Баженова къ великому князю зимой 1791 — 2 г. На этотъ разъ Баженовъ не записалъ своей бесѣды, а на словахъ сообщилъ Новикову, что цесаревичъ принялъ его съ великимъ гнѣвомъ на «мартинистовъ» и даже запретилъ упоминать о нихъ. «Я тебя люблю, говорилъ великій князь Баженову, и принимаю какъ художника, а не какъ мартиниста; объ нихъ же и слышать не хочу, и ты рта не разѣвай объ нихъ говорить» [176]).

Неизвѣстно въ точности, когда именно видѣлся Баженовъ съ великимъ княземъ: до или послѣ ареста Колокольникова и Невзорова [177]), учившихся за границей на средства Лопухина и, по его вызову, возвращавшихся на родину въ началѣ 1792 года. Въ половинѣ февраля, по Высочайшему повелѣнію, ихъ задержали въ Ригѣ, а 6-го марта 1792 привезли въ Петроградъ; здѣсь ихъ посадили сначала въ Невскій монастырь «подъ именемъ якобинцевъ», а затѣмъ отправили на допросъ къ Шешковскому въ Алексѣевскій равелинъ [178]). Оба они были масонами низшихъ степеней и не принадлежали къ «внутреннему ордену», но ихъ участь близко касалась и розенкрейцеровъ; Колокольниковъ вскорѣ умеръ, а Невзоровъ, вслѣдствіе душевной болѣзни, былъ помѣщенъ въ секретный госпиталь, откуда его освободилъ императоръ Павелъ.

Гроза надвигалась все ближе: 13 апрѣля 1792 былъ данъ указъ кн. Прозоровскому произвести обыскъ у Новикова въ виду появленія въ продажѣ «Исторіи о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ», неизвѣстно, гдѣ напечатанной, а также взять Новикова «подъ присмотръ» и допросить, можетъ ли онъ доказать свое «безкорыстное поведеніе» въ виду того, что, не будучи владѣльцемъ значительнаго наслѣдственнаго имѣнія, онъ считается человѣкомъ весьма достаточнымъ. Есть извѣстіе, что кн.

---

[176]) *Сборникъ*, II, 120.

[177]) Василій Яковлевичъ Колокольниковъ — † 1792. Максимъ Ивановичъ Невзоровъ — 1762 (1763 ?) † окт. 1827.

[178]) *Лопухинъ*, 62 — 63. *О. В.*, I, 395 — 398.

И. В. Репнинъ, узнавъ по секрету на балу у главнокомандующаго 21 апрѣля, въ день рожденія императрицы, о бѣдѣ, грозившей «мартинистамъ», побѣдилъ и былъ разстроенъ во весь вечеръ [179]). На другой же день послѣ этого бала произведенъ былъ обыскъ въ «Гендриковскомъ» домѣ и по всѣмъ книжнымъ магазинамъ въ Москвѣ, а также и въ имѣніи Новикова — селѣ Тихвинскомъ-Авдотьинѣ [180]); 24 апрѣля былъ арестованъ самъ Новиковъ. Послѣ допросовъ у кн. Прозоровскаго, 17 мая 1792 Новиковъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Шлиссельбургъ для допроса у Шешковскаго. Главнокомандующій извѣщалъ императрицу о ходѣ дѣла, препровождая ей наиболѣе цѣнные документы въ подлинникахъ или копіяхъ. 26 мая Храповицкій записалъ: «Былъ секретный пакетъ отъ кн. Прозоровскаго съ мартинистскими бумагами; меня заставили прочесть изъ него одну только французскую пьесу, чтобъ не выбирать въ grand prieur Его Высочества Государя Цесаревича по обстоятельствамъ политическимъ, и что онъ еще и не масонъ. Замѣшанъ въ дѣло сіе князь Александръ Борисовичъ Куракинъ»... [181]) Сохранилась ли эта пьеса и гдѣ она находится, неизвѣстно [182]). За то, по всей вѣроятности, къ этому времени [183]) слѣдуетъ отнести записочку императрицы: «Приложенной пасквилъ, у Новикова найденной, показано мною Великому Князю и онъ, оной прочтя, ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цѣдулою, изъ которой оказывается, что на него всѣ вышеписанной пасквилъ вскладалъ и солгалъ, чему охотно вѣрю и нахожю вяще винным сочинителя онаго». Должно быть, императрица называла «пасквилемъ» найденную среди новиковскихъ бумагъ записку Баженова о бесѣдѣ съ великимъ княземъ или ея краткое изложеніе для бар. Шредера. Цесаревичъ отвѣчалъ: «Votre Majesté peut d'avance se dire ce que j'ai pu me dire en moi même en lisant le papier qu'Elle a eu la bonté de me confier; d'un ramas de paroles de moitié vuide de sens, et l'autre de paroles dont on a fait apparemment un abus, car je crois qu'il s'agit de quelqu'un qui aura voulu s'appuyer de son très humble serviteur, serviteur qui aura pu avoir demandé le prix du comestible ou bien des nouvelles monitoires même sur une secte dont certainement il n'a pas été. Il aurait fallu ou être fou, ou imbecile pour avoir été pour quelque chose dans tout ceci, autre-

---

[179]) *Лонгиновъ*, 313 — 314.

[180]) Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда.

[181]) *Храповицкій*, 399 — 400.

[182]) Возможно, что это было французское письмо къ проф. Шварцу, найденное кн. Прозоровскимъ въ дѣлахъ Кутузова при разборѣ бумагъ, захваченныхъ въ Гендриковскомъ домѣ; оно было представлено императрицѣ при донесеніи 20 мая 1792. — *Поповъ*, 628. *Тихонравовъ*, 40.

[183]) Т. е. къ лѣту 1792, а не къ 1786-му году, какъ сказано въ *Сборникѣ*, XXVII, 398 — 399.

И. В. Репнинъ, узнавъ по секрету на балу у главнокомандующаго 21 апрѣля, въ день рожденія императрицы, о бѣдѣ, грозившей «мартинистамъ», побѣдилъ и былъ разстроенъ во весь вечеръ [179]). На другой же день послѣ этого бала произведенъ былъ обыскъ въ «Гендриковскомъ» домѣ и по всѣмъ книжнымъ магазинамъ въ Москвѣ, а также и въ имѣніи Новикова — селѣ Тихвинскомъ-Авдотьинѣ [180]); 24 апрѣля былъ арестованъ самъ Новиковъ. Послѣ допросовъ у кн. Прозоровскаго, 17 мая 1792 Новиковъ былъ отправленъ изъ Москвы въ Шлиссельбургъ для допроса у Шешковскаго. Главнокомандующій извѣщалъ императрицу о ходѣ дѣла, препровождая ей наиболѣе цѣнные документы въ подлинникахъ или копіяхъ. 26 мая Храповицкій записалъ: «Былъ секретный пакетъ отъ кн. Прозоровскаго съ мартинистскими бумагами; меня заставили прочесть изъ него одну только французскую пьесу, чтобъ не выбирать въ grand prieur Его Высочества Государя Цесаревича по обстоятельствамъ политическимъ, и что онъ еще и не масонъ. Замѣшанъ въ дѣло сіе князь Александръ Борисовичъ Куракинъ»... [181]) Сохранилась ли эта пьеса и гдѣ она находится, неизвѣстно [182]). За то, по всей вѣроятности, къ этому времени [183]) слѣдуетъ отнести записочку императрицы: «Приложенной пасквилъ, у Новикова найденной, показано мною Великому Князю и онъ, оной прочтя, ко мнѣ возвратилъ съ приложенной цѣдулою, изъ которой оказывается, что на него всѣ вышеписанной пасквилъ вскладалъ и солгалъ, чему охотно вѣрю и нахожю вяще винным сочинителя онаго». Должно быть, императрица называла «пасквилемъ» найденную среди новиковскихъ бумагъ записку Баженова о бесѣдѣ съ великимъ княземъ или ея краткое изложеніе для бар. Шредера. Цесаревичъ отвѣчалъ: «Votre Majesté peut d'avance se dire ce que j'ai pu me dire en moi même en lisant le papier qu'Elle a eu la bonté de me confier; d'un ramas de paroles de moitié vuide de sens, et l'autre de paroles dont on a fait apparemment un abus, car je crois qu'il s'agit de quelqu'un qui aura voulu s'appuyer de son très humble serviteur, serviteur qui aura pu avoir demandé le prix du comestible ou bien des nouvelles monitoires même sur une secte dont certainement il n'a pas été. Il aurait fallu ou être fou, ou imbecile pour avoir été pour quelque chose dans tout ceci, autre-

---

[179]) *Лонгиновъ*, 313 — 314.

[180]) Московской губерніи, Бронницкаго уѣзда.

[181]) *Храповицкій*, 399 — 400.

[182]) Возможно, что это было французское письмо къ проф. Шварцу, найденное кн. Прозоровскимъ въ дѣлахъ Кутузова при разборѣ бумагъ, захваченныхъ въ Гендриковскомъ домѣ; оно было представлено императрицѣ при донесеніи 20 мая 1792. — *Поповъ*, 628. *Тихонравовъ*, 40.

[183]) Т. е. къ лѣту 1792, а не къ 1786-му году, какъ сказано въ *Сборникѣ*, XXVII, 398 — 399.

ment qu'avec des propos d'antichambre. D'ailleurs toute explication ulterieure me semblerait inutile» [184]).

Этотъ отвѣтъ на «пасквиль» и разсказъ И. П. Новикова о третьей поѣздкѣ Баженова совпадаютъ въ главномъ: великій князь рѣшительно отказался отъ всякой связи съ «сектой»; тѣмъ больше виноваты были въ глазахъ императрицы сами «сектанты» и въ особенности глава ихъ — «фанатикъ» Новиковъ. Она собственноручно набросала нѣсколько «пунктовъ» для допроса его у Шешковскаго и желала знать, между прочимъ, дозволяетъ ли уставъ ордена имѣть сношеніе съ непріятелями государства почти явными? какой ради причины входили мартинисты въ переписку съ Вёльнеромъ? зная, что Пруссія во время войны была противъ Россіи, какъ общество столь многоумныхъ людей могло ослѣпиться и войти въ переписки и пересылки съ однимъ изъ министровъ прусскихъ и получать отъ него наставленія и руководство? не ради ли этой переписки живетъ въ Берлинѣ Кутузовъ? посланъ-ли онъ обществомъ мартинистовъ и кого онъ тамъ представляетъ? какія были переписки съ кн. [П. В.] Репнинымъ, съ [С. И.] Плещеевымъ, съ кн. [А. Б.] Куракинымъ? имѣлъ-ли свѣдѣніе о перепискѣ съ чужими дворами кн. Репнинъ? Какое сдѣлано употребленіе изъ предписаній, данныхъ Вёльнеромъ касательно Великаго Князя?... [185]) Шешковскій поставилъ 57 вопросовъ; на всѣ отвѣты Новикова, за исключеніемъ 44-го (о книгахъ, которыя взяты были изъ книгохранительницъ церковныхъ и монастырскихъ), сдѣланы были возраженія; въ основу этихъ послѣднихъ по нѣкоторымъ пунктамъ легли письма Кутузова и его друзей, напечатанныя въ настоящемъ сборникѣ; такъ напр., о дѣланіи золота и философическаго камня считали нужнымъ спросить кн. Трубецкого, ибо онъ велъ переписку съ Кутузовымъ и Шредеромъ (п. 36); находили, что даже товарищами своими Новиковъ замѣченъ въ корыстолюбіи (п. 48); отказывались вѣрить показанію Новикова на Шредера въ виду писемъ барона къ кн. Н. Н. Трубецкому (п. 49). И. В. Лопухинъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что въ вопросахъ, ему поставленныхъ, «все мѣтилось на подозрѣніе связей съ ближайшей къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для разширенія завѣсы»; «были и еще поважнѣе два пункта»: 1) о связи и перепискѣ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, 2) о сношеніи русскихъ «братьевъ» съ берлинскими въ то время, когда между Россійскимъ и Прусскимъ дворами была холодность; все остальное закрывало лишь «Главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько

---

[184]) *Пекарскій*, 134. — *Г. А.*, VIII, № 218, л. 73 — 74 (Въ рукописи 73 и 74 листы слѣдуютъ за «пунктами», на которые отвѣчалъ Новиковъ Шешковскому, а «пунктамъ» предшествуетъ записочка императрицы кн. Прозоровскому 9 мая 1792). — *Пекарскій*, 132.

[185]) *Пекарскій*, 132 — 133.

ment qu'avec des propos d'antichambre. D'ailleurs toute éxplication ulterieure me semblerait inutile» [184]).

Этотъ отвѣтъ на «пасквиль» и разсказъ И. П. Новикова о третьей поѣздкѣ Баженова совпадаютъ въ главномъ: великій князь рѣшительно отказался отъ всякой связи съ «сектой»; тѣмъ больше виноваты были въ глазахъ императрицы сами «сектанты» и въ особенности глава ихъ — «фанатикъ» Новиковъ. Она собственноручно набросала нѣсколько «пунктовъ» для допроса его у Шешковскаго и желала знать, между прочимъ, дозволяетъ ли уставъ ордена имѣть сношеніе съ непріятелями государства почти явными? какой ради причины входили мартинисты въ переписку съ Вёльнеромъ? зная, что Пруссія во время войны была противъ Россіи, какъ общество столь многоумныхъ людей могло ослѣпиться и войти въ переписки и пересылки съ однимъ изъ министровъ прусскихъ и получать отъ него наставленія и руководство? не ради ли этой переписки живетъ въ Берлинѣ Кутузовъ? посланъ-ли онъ обществомъ мартинистовъ и кого онъ тамъ представляетъ? какія были переписки съ кн. [П. В.] Репнинымъ, съ [С. И.] Плещеевымъ, съ кн. [А. Б.] Куракинымъ? имѣлъ-ли свѣдѣніе о перепискѣ съ чужими дворами кн. Репнинъ? Какое сдѣлано употребленіе изъ предписаній, данныхъ Вёльнеромъ касательно Великаго Князя?... [185]) Шешковскій поставилъ 57 вопросовъ; на всѣ отвѣты Новикова, за исключеніемъ 44-го (о книгахъ, которыя взяты были изъ книгохранительницъ церковныхъ и монастырскихъ), сдѣланы были возраженія; въ основу этихъ послѣднихъ по нѣкоторымъ пунктамъ легли письма Кутузова и его друзей, напечатанныя въ настоящемъ сборникѣ; такъ напр., о дѣланіи золота и философическаго камня считали нужнымъ спросить кн. Трубецкого, ибо онъ велъ переписку съ Кутузовымъ и Шредеромъ (п. 36); находили, что даже товарищами своими Новиковъ замѣченъ въ корыстолюбіи (п. 48); отказывались вѣрить показанію Новикова на Шредера въ виду писемъ барона къ кн. Н. Н. Трубецкому (п. 49). И. В. Лопухинъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что въ вопросахъ, ему поставленныхъ, «все мѣтилось на подозрѣніе связей съ ближайшей къ престолу особою; прочее же было, такъ сказать, подобрано только для разширенія завѣсы»; «были и еще поважнѣе два пункта»: 1) о связи и перепискѣ съ герцогомъ Брауншвейгскимъ, 2) о сношеніи русскихъ «братьевъ» съ берлинскими въ то время, когда между Россійскимъ и Прусскимъ дворами была холодность; все остальное закрывало лишь «Главный предметъ подозрѣнія, а предметъ сей столько

---

[184]) *Пекарскій*, 134. — *Г. А.*, VIII, № 218, л. 73 — 74 (Въ рукописи 73 и 74 листы слѣдуютъ за «пунктами», на которые отвѣчалъ Новиковъ Шешковскому, а «пунктамъ» предшествуетъ записочка императрицы кн. Прозоровскому 9 мая 1792). — *Пекарскій*, 132.

[185]) *Пекарскій*, 132 — 133.

же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ»; причиной особаго вниманія къ себѣ самому со стороны кн. Прозоровскаго онъ считалъ дружескую связь съ С. П. Плещеевымъ и кн. Н. В. Репнинымъ [186]). Судя по отвѣтамъ Новикова, масонскія собранія въ Москвѣ прекратились въ 1786 году, а кн. Н. В. Репнинъ былъ какъ бы въ сторонѣ отъ розенкрейцеровъ; на это возражали: «Въ спискѣ нынѣшняго [1792] года, посланномъ отъ [И. П.] Тургенева къ высоконачальнику [Н. И.] Новикову, сказано, что кн. [Н. В.] Репнинъ имѣетъ право главнаго надзирателя, а для вспоможенія въ работахъ данъ ему маіоръ Гине... Въ семъ же самомъ спискѣ упомянуто, что братъ С. П. Плещеевъ назначенъ къ принятію теоретическаго градуса. Повышеніе Плещеева въ теоретическій градусъ также доказываетъ собраніе, ибо безъ сего принятіе существовать не можетъ... [Итакъ, то], что Новиковъ говоритъ о запрещеніи въ принятіе Репнина въ братство, есть ложь»... Въ объясненіи бесѣдъ Баженова съ цесаревичемъ найдено было «нѣчто сокрытымъ быть желающее», а изъ «утаенія» Новиковымъ, что кн. Репнинъ масонъ, заключили, будто онъ самъ придумалъ ссору между Репнинымъ и Шредеромъ и обнаружилъ т. о., что «Кутузовъ въ Берлинѣ живетъ не для одного исходатайствованія Репнину позволенія быть въ братствѣ, но для иныхъ совсѣмъ цѣлей [187]).

Шешковскій началъ допросъ Новикова 3 іюня 1792; 14 іюля, по словамъ Храповицкаго, у императрицы лежалъ на столѣ заготовленный указъ о Новиковѣ и вопросные пункты кн. Н. И. Трубецкому; «ничто еще не было подписано» [188]); окончательное рѣшеніе состоялось 1 августа— Новиковъ былъ присужденъ къ заключенію на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургѣ; кн. Н. И. Трубецкого, И. В. Лопухина и И. П. Тургенева повелѣно было подвергнуть допросу; 19 августа государыня, прослушавъ донесеніе кн. Прозоровскаго о допросѣ кн. Трубецкого и Лопухина, указала — перваго выслать въ отдаленную деревню, второго — оставить въ Москвѣ, «наблюдая за его поведеніемъ и взявъ съ него честное слово дворянина, что онъ отстанетъ отъ всякихъ связей по прежнему своему товариществу» [189]); такъ какъ И. П. Тургеневъ давно уже покинулъ Москву, то допросъ его состоялся позже и участь его была рѣшена лишь 31 августа — онъ долженъ былъ остаться въ селѣ Тургеневѣ.

Въ маѣ 1792 Кутузовъ началъ усматривать въ письмахъ кн. Н. И. Трубецкого «нѣчто мрачное» (203 : 4 сп.); 19 іюля князь писалъ ему: «Богъ Спаситель нашъ да подкрѣпитъ и усилитъ пути наши, яко-же Ему угодно, и да творится въ насъ, съ нами и чрезъ насъ то, что Ему угодно,

---

186) *Лопухинъ*, 51, 56 — 57, 73. *Лонгиновъ*, 312, 332.

187) *Пекарскій*, 135, 136.

188) *Храповицкій*, 404.

189) *Лонгиновъ*, 346, 350. См. примѣчанія къ № 21.

же казался важнымъ, сколько въ основаніи своемъ мечтателенъ былъ»; причиной особаго вниманія къ себѣ самому со стороны кн. Прозоровскаго онъ считалъ дружескую связь съ С. П. Плещеевымъ и кн. Н. В. Репнинымъ [186]). Судя по отвѣтамъ Новикова, масонскія собранія въ Москвѣ прекратились въ 1786 году, а кн. Н. В. Репнинъ былъ какъ бы въ сторонѣ отъ розенкрейцеровъ; на это возражали: «Въ спискѣ нынѣшняго [1792] года, посланномъ отъ [И. П.] Тургенева къ высоконачальнику [Н. И.] Новикову, сказано, что кн. [Н. В.] Репнинъ имѣетъ право главнаго надзирателя, а для вспоможенія въ работахъ данъ ему маіоръ Гине... Въ семъ же самомъ спискѣ упомянуто, что братъ С. П. Плещеевъ назначенъ къ принятію теоретическаго градуса. Повышеніе Плещеева въ теоретическій градусъ также доказываетъ собраніе, ибо безъ сего принятіе существовать не можетъ... [Итакъ, то], что Новиковъ говоритъ о запрещеніи въ принятіе Репнина въ братство, есть ложь»... Въ объясненіи бесѣдъ Баженова съ цесаревичемъ найдено было «нѣчто сокрытымъ быть желающее», а изъ «утаенія» Новиковымъ, что кн. Репнинъ масонъ, заключили, будто онъ самъ придумалъ ссору между Репнинымъ и Шредеромъ и обнаружилъ т. о., что «Кутузовъ въ Берлинѣ живетъ не для одного исходатайствованія Репнину позволенія быть въ братствѣ, но для иныхъ совсѣмъ цѣлей [187]).

Шешковскій началъ допросъ Новикова 3 іюня 1792; 14 іюля, по словамъ Храповицкаго, у императрицы лежалъ на столѣ заготовленный указъ о Новиковѣ и вопросные пункты кн. Н. И. Трубецкому; «ничто еще не было подписано» [188]); окончательное рѣшеніе состоялось 1 августа— Новиковъ былъ присужденъ къ заключенію на 15 лѣтъ въ Шлиссельбургѣ; кн. Н. Н. Трубецкого, И. В. Лопухина и И. П. Тургенева повелѣно было подвергнуть допросу; 19 августа государыня, прослушавъ донесеніе кн. Прозоровскаго о допросѣ кн. Трубецкого и Лопухина, указала — перваго выслать въ отдаленную деревню, второго — оставить въ Москвѣ, «наблюдая за его поведеніемъ и взявъ съ него честное слово дворянина, что онъ отстанетъ отъ всякихъ связей по прежнему своему товариществу» [189]); такъ какъ И. П. Тургеневъ давно уже покинулъ Москву, то допросъ его состоялся позже и участь его была рѣшена лишь 31 августа — онъ долженъ былъ остаться въ селѣ Тургеневѣ.

Въ маѣ 1792 Кутузовъ началъ усматривать въ письмахъ кн. Н. Н. Трубецкого «нѣчто мрачное» (203 : 4 сп.); 19 іюля князь писалъ ему: «Богъ Спаситель нашъ да подкрѣпитъ и усилитъ пути наши, яко-же Ему угодно, и да творится въ насъ, съ нами и чрезъ насъ то, что Ему угодно,

---

[186]) *Лопухинъ*, 51, 56 — 57, 73. *Лонгиновъ*, 312, 332.

[187]) *Пекарскій*, 135, 136.

[188]) *Храповицкій*, 404.

[189]) *Лонгиновъ*, 346, 350. См. примѣчанія къ № 21.

а не то, что мы хотимъ; но — полно объ этомъ! Это такая матерія, которая безъ пользы меня разстраиваетъ и о которой я паки утверждаю, что писать не могу, да и прошу тебя, чтобы ты не дѣлалъ на нее своихъ догадокъ и не сообщалъ бы мнѣ оныхъ»... (208); 3 августа письма Трубецкого дали Кутузову «нѣкоторый лучъ, по которому онъ могъ достигнуть къ источнику грусти, овладѣвшей его другомъ»... (209). Прошло еще три мѣсяца въ мучительныхъ догадкахъ и 6 ноября Кутузовъ писалъ въ Москву, хотя кн. Трубецкой давно уже былъ сосланъ въ деревню: «Мракъ, покрывавшій смыслъ многихъ донынѣ непостигаемыхъ мною словъ въ вашихъ письмахъ, начинаетъ разсѣваться. Я усматриваю, хотя еще и неясно, постигнувшее и ожидаю безпрестанно могущаго постигнуть насъ. Но оставимъ сію струну; касаться оныя опасно»... (211). Онъ узналъ, наконецъ, что «всѣ братскія связи отнынѣ навсегда разрываются», оставались только «связи сердца и человѣчества»; «не въ званіи брата, но какъ человѣкъ и другъ», онъ просилъ выслать ему денегъ, чтобы «при первой оттепели» онъ могъ пуститься въ обратный путь и уже напередъ восхищался «скорымъ узрѣніемъ своего любезнаго отечества»... (212). Кн. И. П. Трубецкой отвѣтилъ изъ слободы Никитовки 22 декабря: денегъ нѣтъ, кн. Юрій Никитичъ долженъ поискать ихъ въ Москвѣ и, если найдутся, выслать; а книги, которыми въ «былое» время такъ дорожили розенкрейцеры, онъ совѣтовалъ, по возможности, продать... (214).

Когда кн. Трубецкой подавалъ этотъ совѣтъ Кутузову, кн. Прозоровскій все еще разбиралъ письма, бумаги и книги розенкрейцеровъ: къ дѣлу Новикова причастны были московскіе книгопродавцы, нужно было распутать денежные счеты, предстояла продажа книгъ, аптеки, домовъ, имѣній Новикова на уплату его милліоннаго долга; дѣло затянулось на многіе годы; для Кутузова не было никакой надежды на «братскую» помощь съ тѣхъ поръ, какъ расторгнуты были масонскія «связи»; вмѣстѣ съ ними, сверхъ всякаго ожиданія, рушились также «связи сердца и человѣчества». Въ Тургеневскомъ архивѣ сохранились два послѣднихъ письма А. М. Кутузова къ старому другу Вегетусу — отъ 17 февраля и 9 сентября 1797 [190]). Въ первомъ изъ нихъ Кутузовъ прежде всего поздравилъ друга съ общей «неизрѣченной радостью» — перемѣной на престолѣ, затѣмъ съ радостью личной — обрѣтеніемъ свободы, повышеніемъ чина, а наипаче съ достиженіемъ давно желаемаго имъ мѣста [191]).

[190]) Приношу глубокую благодарность Е. П. Тарасову за сообщеніе этихъ писемъ въ снятыхъ имъ копіяхъ. Переписка А. М. Кутузова съ И. П. Тургеневымъ будетъ напечатана въ изданіи Императорской Академіи Наукъ «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ».

[191]) Тургеневъ былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета. «Съ его назначеніемъ, пишетъ Вигель, мартинизмъ въ Москвѣ усилился и утвердилъ германизмъ». *Тарасовъ*, II, 39 — 40. *Сушковъ*, приложеніе III, 11.

а не то, что мы хотимъ; но — полно объ этомъ! Это такая матерія, которая безъ пользы меня разстраиваетъ и о которой я паки утверждаю, что писать не могу, да и прошу тебя, чтобы ты не дѣлалъ на нее своихъ догадокъ и не сообщалъ бы мнѣ оныхъ»... (208); 3 августа письма Трубецкого дали Кутузову «нѣкоторый лучъ, по которому онъ могъ достигнуть къ источнику грусти, овладѣвшей его другомъ»... (209). Прошло еще три мѣсяца въ мучительныхъ догадкахъ и 6 ноября Кутузовъ писалъ въ Москву, хотя кн. Трубецкой давно уже былъ сосланъ въ деревню: «Мракъ, покрывавшій смыслъ многихъ донынѣ непостигаемыхъ мною словъ въ вашихъ письмахъ, начинаетъ разсѣваться. Я усматриваю, хотя еще и неясно, постигнувшее и ожидаю безпрестанно могущаго постигнуть насъ. Но оставимъ сію струну; касаться оныя опасно»... (211). Онъ узналъ, наконецъ, что «всѣ братскія связи отнынѣ навсегда разрываются», оставались только «связи сердца и человѣчества»; «не въ званіи брата, но какъ человѣкъ и другъ», онъ просилъ выслать ему денегъ, чтобы «при первой оттепели» онъ могъ пуститься въ обратный путь и уже напередъ восхищался «скорымъ узрѣніемъ своего любезнаго отечества»... (212). Кн. И. П. Трубецкой отвѣтилъ изъ слободы Никитовки 22 декабря: денегъ нѣтъ, кн. Юрій Никитичъ долженъ поискать ихъ въ Москвѣ и, если найдутся, выслать; а книги, которыми въ «былое» время такъ дорожили розенкрейцеры, онъ совѣтовалъ, по возможности, продать... (214).

Когда кн. Трубецкой подавалъ этотъ совѣтъ Кутузову, кн. Прозоровскій все еще разбиралъ письма, бумаги и книги розенкрейцеровъ: къ дѣлу Новикова причастны были московскіе книгопродавцы, нужно было распутать денежные счеты, предстояла продажа книгъ, аптеки, домовъ, имѣній Новикова на уплату его милліоннаго долга; дѣло затянулось на многіе годы; для Кутузова не было никакой надежды на «братскую» помощь съ тѣхъ поръ, какъ расторгнуты были масонскія «связи»; вмѣстѣ съ ними, сверхъ всякаго ожиданія, рушились также «связи сердца и человѣчества». Въ Тургеневскомъ архивѣ сохранились два послѣднихъ письма А. М. Кутузова къ старому другу Вегетусу — отъ 17 февраля и 9 сентября 1797 [190]). Въ первомъ изъ нихъ Кутузовъ прежде всего поздравилъ друга съ общей «неизрѣченной радостью» — перемѣной на престолѣ, затѣмъ съ радостью личной — обрѣтеніемъ свободы, повышеніемъ чина, а наипаче съ достиженіемъ давно желаемаго имъ мѣста [191]).

[190]) Приношу глубокую благодарность Е. П. Тарасову за сообщеніе этихъ писемъ въ снятыхъ имъ копіяхъ. Переписка А. М. Кутузова съ И. П. Тургеневымъ будетъ напечатана въ изданіи Императорской Академіи Наукъ «Архивъ братьевъ Тургеневыхъ».

[191]) Тургеневъ былъ назначенъ директоромъ Московскаго университета. «Съ его назначеніемъ, пишетъ Вигель, мартинизмъ въ Москвѣ усилился и утвердилъ германизмъ». *Тарасовъ*, II, 39 — 40. *Сушковъ*, приложеніе III, 11.

Выразивъ далѣе увѣренность, что самые труды Тургенева обратятся ему въ сладость и веселіе, Кутузовъ пишетъ: «Есть-ли нѣтъ вамъ запрещенія переписываться со мною, то увѣдомь пожалуйста обо всемъ обстоятельно. Четыре уже года, какъ отъ всѣхъ васъ не получалъ ни единые строки; зная меня, ты можешь судить, сколько страдало отъ сего чувствительное мое сердце». Онъ просилъ и молилъ, ни мало не мѣшкавъ, переслать ему деньги, о которыхъ уже было написано Федору Михайловичу Кутузову. «Я въ такой крайности, говоритъ Кутузовъ, что иногда бываю безъ пищи. Все уже продано или въ закладѣ; остались одни только книги, до которыхъ,— ибо суть собственность всего нашего общества,— не коснулся и въ самой моей крайности».

За мѣсяцъ передъ тѣмъ «забытый розенкрейцеръ», какъ назвалъ Кутузова его новѣйшій біографъ, обратился съ просьбой о помощи къ самому государю и описалъ ему свое безвыходное положеніе: оставленный всѣми, не имѣя способовъ добыть денегъ ни для себя, ни для своего сопутешественника, бар. Шредера, который къ вящшей его [Кутузова] тягости, обременилъ себя женою и малолѣтнею падчерицею, онъ поневолѣ вступилъ въ долги, которые возрасли до 15 т. талеровъ; заимодавцы, потерявъ терпѣніе, тому уже 16 мѣсяцевъ какъ лишили его свободы, а между тѣмъ, по законамъ страны, предстояло еще оплатить самую стражу и приказныя издержки... (стр. 321).

Лишь тотъ, кто всѣмъ существомъ своимъ стремится къ «истинѣ», способенъ предпочесть голодъ и долговую тюрьму продажѣ цѣнныхъ книгъ, хотя бы и масонскихъ; недаромъ даже кн. Прозоровскій отмѣтилъ въ донесеніи императрицѣ о Кутузовѣ: «онъ больше всѣхъ учился и много читалъ».—«Одно утѣшаетъ меня въ моемъ нещастіи — сознаніе, что есмь жертва любви и дружбы», писалъ Кутузовъ И. П. Тургеневу 17 февраля. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, казалось бы, кн. Трубецкой и Лопухинъ, взысканные милостью императора Павла [192]), могли отозваться на мольбы друга, а на самомъ дѣлѣ 9 сентября (н. с.) 1797 Кутузовъ писалъ Тургеневу: «Скажи, любезный друже, что сдѣлалось съ общими нашими друзьями, и чѣмъ имѣлъ я нещастіе заслужить такое отъ нихъ нерадѣніе? Сколь мнѣ ни болѣзненно поносное мое положеніе, но признаюсь, что и они въ глазахъ моихъ не менѣе жалости достойны. Всякому со стороны смотрящему человѣку покажется, что я умышленно принесенъ въ жертву, хотя въ прочемъ и не знаю, что они лишеніемъ моея чести и конечнымъ моимъ разоренiемъ могутъ пріобрѣсть. Про-

---

[192]) Кн. Н. П. Трубецкой былъ пожалованъ въ сенаторы и поспѣшилъ съ сыномъ и братомъ вернуться въ Москву; П. В. Лопухинъ 4 декабря 1796 былъ необычайно ласково принятъ государемъ, а на слѣдующій день пожалованъ въ д. с. с. съ повелѣніемъ «находиться при особѣ Его Величества», иначе говоря, опредѣленъ на должность статсъ-секретаря. — *Б. С.*: «Лопухинъ». — *Тарасовъ*, II, 39.

Выразивъ далѣе увѣренность, что самые труды Тургенева обратятся ему въ сладость и веселіе, Кутузовъ пишетъ: «Есть-ли нѣтъ вамъ запрещенія переписываться со мною, то увѣдомь пожалуйста обо всемъ обстоятельно. Четыре уже года, какъ отъ всѣхъ васъ не получалъ ни единые строки; зная меня, ты можешь судить, сколько страдало отъ сего чувствительное мое сердце». Онъ просилъ и молилъ, ни мало не мѣшкавъ, переслать ему деньги, о которыхъ уже было написано Федору Михайловичу Кутузову. «Я въ такой крайности, говоритъ Кутузовъ, что иногда бываю безъ пищи. Все уже продано или въ закладѣ; остались одни только книги, до которыхъ,— ибо суть собственность всего нашего общества,— не коснулся и въ самой моей крайности».

За мѣсяцъ передъ тѣмъ «забытый розенкрейцеръ», какъ назвалъ Кутузова его новѣйшій біографъ, обратился съ просьбой о помощи къ самому государю и описалъ ему свое безвыходное положеніе: оставленный всѣми, не имѣя способовъ добыть денегъ ни для себя, ни для своего сопутешественника, бар. Шредера, который къ вящшей его [Кутузова] тягости, обременилъ себя женою и малолѣтнею падчерицею, онъ поневолѣ вступилъ въ долги, которые возрасли до 15 т. талеровъ; заимодавцы, потерявъ терпѣніе, тому уже 16 мѣсяцевъ какъ лишили его свободы, а между тѣмъ, по законамъ страны, предстояло еще оплатить самую стражу и приказныя издержки... (стр. 321).

Лишь тотъ, кто всѣмъ существомъ своимъ стремится къ «истинѣ», способенъ предпочесть голодъ и долговую тюрьму продажѣ цѣнныхъ книгъ, хотя бы и масонскихъ; недаромъ даже кн. Прозоровскій отмѣтилъ въ донесеніи императрицѣ о Кутузовѣ: «онъ больше всѣхъ учился и много читалъ».—«Одно утѣшаетъ меня въ моемъ нещастіи — сознаніе, что есмь жертва любви и дружбы», писалъ Кутузовъ И. П. Тургеневу 17 февраля. Въ теченіе шести мѣсяцевъ, казалось бы, кн. Трубецкой и Лопухинъ, взысканные милостью императора Павла [192]), могли отозваться на мольбы друга, а на самомъ дѣлѣ 9 сентября (н. с.) 1797 Кутузовъ писалъ Тургеневу: «Скажи, любезный друже, что сдѣлалось съ общими нашими друзьями, и чѣмъ имѣлъ я нещастіе заслужить такое отъ нихъ нерадѣніе? Сколь мнѣ ни болѣзненно поносное мое положеніе, но признаюсь, что и они въ глазахъ моихъ не менѣе жалости достойны. Всякому со стороны смотрящему человѣку покажется, что я умышленно принесенъ въ жертву, хотя въ прочемъ и не знаю, что они лишеніемъ моея чести и конечнымъ моимъ разоренiемъ могутъ пріобрѣсть. Про-

---

[192]) Кн. Н. И. Трубецкой былъ пожалованъ въ сенаторы и поспѣшилъ съ сыномъ и братомъ вернуться въ Москву; П. В. Лопухинъ 4 декабря 1796 былъ необычайно ласково принятъ государемъ, а на слѣдующій день пожалованъ въ д. с. с. съ повелѣніемъ «находиться при особѣ Его Величества», иначе говоря, опредѣленъ на должность статсъ-секретаря. — *Б. С.*: «Лопухинъ». — *Тарасовъ*, II, 39.

тиву моея воли отправленъ я ими, — довольно, кажется, доказательствъ моея къ нимъ дружбы и повиновенія; за сіе ли въ награду теперь ими совершенно оставленъ, до того, что и самая моя крайняя нищета ихъ не трогаетъ?.. Увѣдомь меня, пожалуйста, что мнѣ отъ нихъ надѣяться?..»

Надѣяться было нечего.

«27 ноября нынѣшняго 1797 [года] — замѣтилъ И. П. Тургеневъ на послѣдней страницѣ только что приведеннаго письма — скончался Алексѣй Михайл[овичъ] Кутузовъ послѣ 7 дневной горячки въ Берлинѣ. Итакъ, сіе послѣднее ево письмо».

Письмо это — тяжелый камень на совѣсти московскихъ братьевъ Златорозоваго креста; рѣдко расходятся между собой «слово» и «дѣло» до такой степени, какъ разошлись они на этотъ разъ; «забытъ» былъ «братьями» не только розенкрейцеръ, но умный и добрый человѣкъ съ золотымъ сердцемъ, которое умѣли цѣнить Радищевъ, Карамзинъ, супруги Плещеевы и мн. др. Зная, что переписка Кутузова съ прежними «товарищами» по ордену не возобновлялась съ 1792 года, едва ли будетъ ошибкой предположить, что кто-нибудь изъ старыхъ друзей, сохранившихъ сердечную къ нему привязанность, поддерживалъ его въ эти мрачные годы «изгнанія»: прожить болѣе четырехъ лѣтъ въ Берлинѣ, когда война съ Франціей высоко подняла цѣны на предметы первой необходимости, и дѣлать только долги, не получая ничего изъ Россіи, Кутузовъ не могъ; чья добрая рука спасала его жизнь и честь, осталось неизвѣстнымъ: обычная доля многихъ добрыхъ дѣлъ и людей на землѣ.

V.

Новиковъ и Кутузовъ, при значительной разницѣ и даже нѣкоторой враждѣ между ними, сходны были въ одномъ: оба они вѣрили въ безусловное могущество божественной «истины»; любя книгу и человѣка, плохо знали людей или, по крайней мѣрѣ, разбирались въ нихъ хуже, чѣмъ въ книгахъ. Болѣе десяти лѣтъ прошло со дня заключенія Новикова въ Шлиссельбургъ, а онъ по прежнему искалъ «истины» въ книгахъ, особенно — въ масонскихъ; надѣялся, что Господу Богу «угодно будетъ учинить гр. Ѳ. В. Ростопчина [193]) истиннымъ и великимъ орудіемъ милосердія Его къ истинному благу отечества»; совѣтовалъ одному изъ корреспондентовъ А. Ѳ. Лабзина [194]) «потѣснѣе познакомиться со старичкомъ при Фарфоровой мануфактурѣ и съ пасторомъ... да узнать, какъ тѣсно или близко были тотъ и другой съ Вёльнеромъ..., чтобы, позна-

---

[194]) Гр. Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ — 12 марта 1763 † 18 янв. 1826.

[195]) Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ — 28 апр. 1766 † 26 янв. 1825.

тиву моея воли отправленъ я ими, — довольно, кажется, доказательствъ моея къ нимъ дружбы и повиновенія; за сіе ли въ награду теперь ими совершенно оставленъ, до того, что и самая моя крайняя нищета ихъ не трогаетъ?.. Увѣдомь меня, пожалуйста, что мнѣ отъ нихъ надѣяться?..»

Надѣяться было нечего.

«27 ноября нынѣшняго 1797 [года] — замѣтилъ И. П. Тургеневъ на послѣдней страницѣ только что приведеннаго письма — скончался Алексѣй Михайл[овичъ] Кутузовъ послѣ 7 дневной горячки въ Берлинѣ. Итакъ, сіе послѣднее ево письмо».

Письмо это — тяжелый камень на совѣсти московскихъ братьевъ Златорозоваго креста; рѣдко расходятся между собой «слово» и «дѣло» до такой степени, какъ разошлись они на этотъ разъ; «забытъ» былъ «братьями» не только розенкрейцеръ, но умный и добрый человѣкъ съ золотымъ сердцемъ, которое умѣли цѣнить Радищевъ, Карамзинъ, супруги Плещеевы и мн. др. Зная, что переписка Кутузова съ прежними «товарищами» по ордену не возобновлялась съ 1792 года, едва ли будетъ ошибкой предположить, что кто-нибудь изъ старыхъ друзей, сохранившихъ сердечную къ нему привязанность, поддерживалъ его въ эти мрачные годы «изгнанія»: прожить болѣе четырехъ лѣтъ въ Берлинѣ, когда война съ Франціей высоко подняла цѣны на предметы первой необходимости, и дѣлать только долги, не получая ничего изъ Россіи, Кутузовъ не могъ; чья добрая рука спасала его жизнь и честь, осталось неизвѣстнымъ: обычная доля многихъ добрыхъ дѣлъ и людей на землѣ.

V.

Новиковъ и Кутузовъ, при значительной разницѣ и даже нѣкоторой враждѣ между ними, сходны были въ одномъ: оба они вѣрили въ безусловное могущество божественной «истины»; любя книгу и человѣка, плохо знали людей или, по крайней мѣрѣ, разбирались въ нихъ хуже, чѣмъ въ книгахъ. Болѣе десяти лѣтъ прошло со дня заключенія Новикова въ Шлиссельбургъ, а онъ по прежнему искалъ «истины» въ книгахъ, особенно — въ масонскихъ; надѣялся, что Господу Богу «угодно будетъ учинить гр. Ѳ. В. Ростопчина [193]) истиннымъ и великимъ орудіемъ милосердія Его къ истинному благу отечества»; совѣтовалъ одному изъ корреспондентовъ А. Ѳ. Лабзина [194]) «потѣснѣе познакомиться со старичкомъ при Фарфоровой мануфактурѣ и съ пасторомъ... да узнать, какъ тѣсно или близко были тотъ и другой съ Вёльнеромъ...., чтобы, позна-

---

[194]) Гр. Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ — 12 марта 1763 † 18 янв. 1826.

[195]) Александръ Ѳедоровичъ Лабзинъ — 28 апр. 1766 † 26 янв. 1825.

компвшись короче, дойти до имени ордена»... [195]) Очевидно, Новиковъ не зналъ ни того, что Ростопчинъ оклеветалъ «мартинистовъ» передъ [покойнымъ уже тогда] императоромъ Павломъ, ни того, что Вёльнеръ былъ не только удаленъ преемникомъ Фридриха Вильгельма II, но преданъ суду за темныя дѣла, въ которыхъ онъ былъ такимъ же «мастеромъ», какъ и въ дѣлахъ масонскихъ.

Отъ Новикова Вёльнеръ былъ далеко, но передъ Кутузовымъ воочію развертывалась вся жизнь берлинскихъ розенкрейцеровъ; книги и мечты такъ его заполонили, что онъ не замѣчалъ свѣтей, раскинутыхъ Вёльнеромъ отъ Берлина до Москвы и Гатчины. Не удивительно, что тотъ и другой — Новиковъ и Кутузовъ — стали жертвами политической интриги, которую затѣяли нѣмецкіе обскуранты, переодѣвшись по тогдашней модѣ въ масонскій нарядъ. Когда Новикову напомнили и документально доказали, что онъ не просто дарилъ великому князю назидательныя книги, а предлагалъ наслѣднику престола подчиниться министрамъ явно враждебной къ намъ державы, онъ пришелъ въ такой ужасъ, что запутался въ показаніяхъ и уповалъ только на милосердіе государыни. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы выгородить кн. Н. В. Репнина, и тѣмъ только усугубилъ свою вину. «Противъ воли» отправленъ былъ московскими «властями» къ берлинскимъ «начальникамъ» ордена А. М. Кутузовъ; поневолѣ, конечно, онъ сталъ соучастникомъ и въ «преступныхъ замыслахъ» Новикова. Правда, переписку съ нимъ по дѣламъ Златорозоваго креста вели кн. П. И. Трубецкой и И. В. Лопухинъ; но вопросы по масонскимъ дѣламъ служили только «къ расширенію завѣсы», представленіе же Вёльнеру о великомъ князѣ и кн. Репнинѣ дѣлалъ «сопутешественникъ» и личный другъ Кутузова — бар. Шредеръ; притомъ послѣдній велъ переписку съ кн. Репнинымъ, представленную императрицѣ кн. Прозоровскимъ, который и удостоился Высочайшей похвалы за то, что искренность и чистосердечіе предпочелъ личному уваженію [196]). Изъ всей этой связи заключили, что Кутузовъ былъ отправленъ за границу не для практическихъ занятій магіей или химіей, а въ цѣляхъ политическихъ.

Императрица похвалила князя «за искренность и чистосердечіе» 31 августа 1792, а наканунѣ онъ секретно писалъ Шешковскому: «о спискѣ [т. е. о копіи], что у васъ есть отъ меня, [въ донесеніи Ея Величеству я] не упомянулъ, затѣмъ, милостивый государь мой, чтобъ не сдѣлать досады упоминаемой въ томъ письмѣ персонѣ» [197]). Оказался ли Шешковскій «чистосердечнѣе» кн. Прозоровскаго и о какой именно персонѣ идетъ здѣсь рѣчь, изъ документовъ не видать; предположить, что это

[195]) *Модзалевскій*, 49, 33 (Письма 2 мая 1804 и 23 іюля 1803).

[196]) *Лонгиновъ*, 0148.

[197]) *Сборникъ*, II, 111.

компившись короче, дойти до имени ордена»... [195]) Очевидно, Новиковъ не зналъ ни того, что Ростопчинъ оклеветалъ «мартинистовъ» передъ [покойнымъ уже тогда] императоромъ Павломъ, ни того, что Вёльнеръ былъ не только удаленъ преемникомъ Фридриха Вильгельма II, но преданъ суду за темныя дѣла, въ которыхъ онъ былъ такимъ же «мастеромъ», какъ и въ дѣлахъ масонскихъ.

Отъ Новикова Вёльнеръ былъ далеко, но передъ Кутузовымъ воочію развертывалась вся жизнь берлинскихъ розенкрейцеровъ; книги и мечты такъ его заполонили, что онъ не замѣчалъ свѣтей, раскинутыхъ Вёльнеромъ отъ Берлина до Москвы и Гатчины. Не удивительно, что тотъ и другой — Новиковъ и Кутузовъ — стали жертвами политической интриги, которую затѣяли нѣмецкіе обскуранты, переодѣвшись по тогдашней модѣ въ масонскій нарядъ. Когда Новикову напомнили и документально доказали, что онъ не просто дарилъ великому князю назидательныя книги, а предлагалъ наслѣднику престола подчиниться министрамъ явно враждебной къ намъ державы, онъ пришелъ въ такой ужасъ, что запутался въ показаніяхъ и уповалъ только на милосердіе государыни. Онъ принялъ всѣ мѣры, чтобы выгородить кн. Н. В. Репнина, и тѣмъ только усугубилъ свою вину. «Противъ воли» отправленъ былъ московскими «властями» къ берлинскимъ «начальникамъ» ордена А. М. Кутузовъ; поневолѣ, конечно, онъ сталъ соучастникомъ и въ «преступныхъ замыслахъ» Новикова. Правда, переписку съ нимъ по дѣламъ Златорозоваго креста вели кн. П. И. Трубецкой и И. В. Лопухинъ; но вопросы по масонскимъ дѣламъ служили только «къ расширенію завѣсы», представленіе же Вёльнеру о великомъ князѣ и кн. Репнинѣ дѣлалъ «сопутешественникъ» и личный другъ Кутузова — бар. Шредеръ; притомъ послѣдній велъ переписку съ кн. Репнинымъ, представленную императрицѣ кн. Прозоровскимъ, который и удостоился Высочайшей похвалы за то, что искренность и чистосердечіе предпочелъ личному уваженію [196]). Изъ всей этой связи заключили, что Кутузовъ былъ отправленъ за границу не для практическихъ занятій магіей или химіей, а въ цѣляхъ политическихъ.

Императрица похвалила князя «за искренность и чистосердечіе» 31 августа 1792, а наканунѣ онъ секретно писалъ Шешковскому: «о спискѣ [т. е. о копіи], что у васъ есть отъ меня, [въ донесеніи Ея Величеству я] не упомянулъ, затѣмъ, милостивый государь мой, чтобъ не сдѣлать досады упоминаемой въ томъ письмѣ персонѣ» [197]). Оказался ли Шешковскій «чистосердечнѣе» кн. Прозоровскаго и о какой именно персонѣ идетъ здѣсь рѣчь, изъ документовъ не видать; предположить, что это

[195]) *Модзалевскій*, 49, 33 (Письма 2 мая 1804 и 23 іюля 1803).

[196]) *Лонгиновъ*, 0148.

[197]) *Сборникъ*, II, 111.

единственный случай, когда взяло верхъ надъ правдой «личное уваженіе», нѣтъ причины; можно думать, что въ дѣлѣ Новикова далеко не вся правда достигла до высоты престола. Есть что-то обидное для памяти такого поборника правосудія, какимъ выставлялъ себя П. В. Лопухинъ, въ одной его замѣткѣ объ участи Новикова. Онъ пишетъ: «я слышалъ отъ самого князя Прозоровскаго, что государыня нѣсколько разъ говорила ему: «для чего не арестуетъ онъ Новикова»?—Тотчасъ, если только приказать изволите,— отвѣчалъ всегда князь. «Нѣтъ, надобно прежде найти причину», всегда же отзывалась самодержица, предубѣжденная гнѣвомъ. Кто же былъ Новиковъ? Содержатель типографіи, порутчикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ — такая деликатность замѣтна была бы и въ губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія» [198]). Такъ думалъ горячій защитникъ справедливости, неподкупный судья, другъ человѣчества; если для него Новиковъ былъ «человѣкъ подобнаго состоянія», просто «типографщикъ», то чѣмъ же Новиковъ являлся въ глазахъ высокопоставленныхъ и титулованныхъ «братьевъ святого ордена»? А кто былъ для нихъ Кутузовъ? Повыше поручика Новикова, но не слишкомъ — отставной маіоръ Луганскаго полка. Разницу «состояній» учитывалъ, должно быть, и кн. Н. Н. Трубецкой, когда обращался въ письмахъ къ Кутузову «на ты», хотя тотъ и писалъ ему «вы». Эту черту «барства» у московскихъ «каменщиковъ» подмѣтилъ и бар. Шредеръ. Записавъ довольно циничныя слова Вёльснера о томъ, что и Шредеру, какъ всякому нѣмцу, грозитъ участь Шварца — «околѣть для русскихъ», онъ прибавилъ: «Nein, mit dir, Bursche, gab ich mich nicht ab; ich bin nur ein Mugik und dass sind grands Seigneurs» (221 : 6 сн.). Баронъ сдержалъ слово: вмѣсто того, чтобы погибнуть изъ за русскихъ, онъ предпочелъ сѣсть на шею своего русскаго друга, да еще навязать ему жену и падчерицу въ такую пору, когда «большіе господа» о немъ вовсе забыли.

При Екатеринѣ II французское вліяніе сосредоточилось въ Петроградѣ, нѣмецкое — въ Москвѣ. Императрица, нѣмка по происхожденію, рѣшительно не любила нѣмцевъ, предпочитала имъ французовъ и несравненно болѣе — русскихъ. Не уступая матери въ любви къ русскимъ, цесаревичъ высоко цѣнилъ все нѣмецкое и ждалъ для Россіи всякаго блага отъ Пруссіи. Москвичи, холодно относившіеся къ государынѣ, восторгались ея наслѣдникомъ. Когда въ рукахъ «большихъ господъ» остаются лишь «малыя дѣла», они заполняютъ досужее время разговорами о томъ, что «не ими» дѣлается, какъ «при нихъ» бывало и какъ бы «они» поступили, если бы «ихъ» призвали къ власти... Такихъ господъ въ екатерининской Москвѣ было множество. Ихъ

198) *Лопухинъ*, 70.

единственный случай, когда взяло верхъ надъ правдой «личное уваженіе», нѣтъ причины; можно думать, что въ дѣлѣ Новикова далеко не вся правда достигла до высоты престола. Есть что-то обидное для памяти такого поборника правосудія, какимъ выставлялъ себя П. В. Лопухинъ, въ одной его замѣткѣ объ участи Новикова. Онъ пишетъ: «я слышалъ отъ самого князя Прозоровскаго, что государыня нѣсколько разъ говорила ему: «для чего не арестуетъ онъ Новикова»?—Тотчасъ, если только приказать изволите,— отвѣчалъ всегда князь. «Нѣтъ, надобно прежде найти причину», всегда же отзывалась самодержица, предубѣжденная гнѣвомъ. Кто же былъ Новиковъ? Содержатель типографіи, порутчикъ отставной, котораго она считала совершеннымъ злодѣемъ — такая деликатность замѣтна была бы и въ губернаторѣ, досадующемъ въ своей губерніи на человѣка подобнаго состоянія» [198]). Такъ думалъ горячій защитникъ справедливости, неподкупный судья, другъ человѣчества; если для него Новиковъ былъ «человѣкъ подобнаго состоянія», просто «типографщикъ», то чѣмъ же Новиковъ являлся въ глазахъ высокопоставленныхъ и титулованныхъ «братьевъ святого ордена»? А кто былъ для нихъ Кутузовъ? Повыше поручика Новикова, но не слишкомъ — отставной маіоръ Луганскаго полка. Разницу «состояній» учитывалъ, должно быть, и кн. Н. Н. Трубецкой, когда обращался въ письмахъ къ Кутузову «на ты», хотя тотъ и писалъ ему «вы». Эту черту «барства» у московскихъ «каменщиковъ» подмѣтилъ и бар. Шредеръ. Записавъ довольно циничныя слова Вёльснера о томъ, что и Шредеру, какъ всякому нѣмцу, грозитъ участь Шварца — «околѣть для русскихъ», онъ прибавилъ: «Nein, mit dir, Bursche, gab ich mich nicht ab; ich bin nur ein Mugik und dass sind grands Seigneurs» (221 : 6 сн.). Баронъ сдержалъ слово: вмѣсто того, чтобы погибнуть изъ за русскихъ, онъ предпочелъ сѣсть на шею своего русскаго друга, да еще навязать ему жену и падчерицу въ такую пору, когда «большіе господа» о немъ вовсе забыли.

При Екатеринѣ II французское вліяніе сосредоточилось въ Петроградѣ, нѣмецкое — въ Москвѣ. Императрица, нѣмка по происхожденію, рѣшительно не любила нѣмцевъ, предпочитала имъ французовъ и несравненно болѣе — русскихъ. Не уступая матери въ любви къ русскимъ, цесаревичъ высоко цѣнилъ все нѣмецкое и ждалъ для Россіи всякаго блага отъ Пруссіи. Москвичи, холодно относившіеся къ государынѣ, восторгались ея наслѣдникомъ. Когда въ рукахъ «большихъ господъ» остаются лишь «малыя дѣла», они заполняютъ досужее время разговорами о томъ, что «не ими» дѣлается, какъ «при нихъ» бывало и какъ бы «они» поступили, если бы «ихъ» призвали къ власти... Такихъ господъ въ екатерининской Москвѣ было множество. Ихъ

198) *Лопухинъ*, 70.

объединяло все: общественное положеніе, родство, свойство, жизнь не у дѣлъ, на покоѣ или въ опалѣ. Современники замѣчали, что въ Москвѣ гнѣздилась оппозиція «большому двору» и пользовалась вліяніемъ «партія» цесаревича. Дальше разговоровъ дѣло не двигалось, но императрица живо интересовалась и разговорами. Зная по личному опыту, какъ составляются заговоры и производятся перевороты, она долго не придавала серьезнаго значенія вѣстямъ и сплетнямъ, на которыя не скупились ея тайные и явные агенты. Въ концѣ 70-хъ годовъ, послѣ Пугачевскаго бунта, въ Москвѣ пошли толки о тайныхъ масонскихъ собраніяхъ съ участіемъ знатныхъ вельможъ, недовольныхъ правленіемъ императрицы и близкихъ къ меньшому двору. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи масоны выступили публично съ явнымъ стремленіемъ все захватить въ свои руки — управленіе, судъ, школу, печать, благотворительность. Правительство и общество насторожились. Тѣмъ временемъ назрѣлъ кризисъ въ нѣмецкомъ масонствѣ. Желая ослабить вліяніе другихъ націй — англичанъ, французовъ, шведовъ, нѣмецкіе масоны высылали одного за другимъ своихъ агентовъ въ Россію; наиболѣе видными изъ нихъ были Штаркъ, Розенбергъ, Рейхель, Шварцъ. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго московскіе масоны приняли двѣ системы, носившихъ яркую политическую окраску — «строгое наблюденіе» и «Златорозовый крестъ». Москва и Берлинъ вступили въ тѣсную связь въ ту пору, когда за границей и у насъ заговорили о принятіи въ орденъ и наслѣдника русскаго престола. Тому же Шварцу принадлежитъ мысль поставить его во главѣ русскихъ масоновъ, а до тѣхъ поръ онъ самъ принялъ бразды правленія. Роль этого наиболѣе крупнаго дѣятеля среди московскихъ «каменщиковъ» освѣщается различно.

Принято думать, что это былъ идеалистъ, мистикъ, мечтатель, до фанатизма увлеченный служеніемъ «истинному» масонству; потому, можетъ быть, онъ и не разглядѣлъ, что реакціонеры и карьеристы «Вёльнерова круга» практиковали наглый обманъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. Самъ онъ, напротивъ, безкорыстно служилъ человѣчеству, жилъ и умеръ, какъ праведникъ.

Есть однако извѣстія, которыя рисуютъ Шварца иными чертами. Передъ смертью онъ говорилъ о Златорозовомъ крестѣ: «Это дьявольскій орденъ; если Господь пошлетъ мнѣ исцѣленіе, то я поступлю въ общину гернгутеровъ» [199]).

По свидѣтельству Виганда [200]), Шварцъ воспитывался въ Силезіи и получилъ вполнѣ религіозное направленіе; увлекшись по своему страстному характеру новыми идеями, онъ поѣхалъ въ Остъ-Индію, испыталъ

---

[199]) *P. C.*, 1892, іюнь, 561 — 562.

[200]) Иванъ Ивановичъ Вигандъ — 17 іюля 1744 † 31 авг. 1808 (проф. Московскаго университета, гернгутеръ).

объединяло все: общественное положеніе, родство, свойство, жизнь не у дѣлъ, на покоѣ или въ опалѣ. Современники замѣчали, что въ Москвѣ гнѣздилась оппозиція «большому двору» и пользовалась вліяніемъ «партія» цесаревича. Дальше разговоровъ дѣло не двигалось, но императрица живо интересовалась и разговорами. Зная по личному опыту, какъ составляются заговоры и производятся перевороты, она долго не придавала серьезнаго значенія вѣстямъ и сплетнямъ, на которыя не скупились ея тайные и явные агенты. Въ концѣ 70-хъ годовъ, послѣ Пугачевскаго бунта, въ Москвѣ пошли толки о тайныхъ масонскихъ собраніяхъ съ участіемъ знатныхъ вельможъ, недовольныхъ правленіемъ императрицы и близкихъ къ меньшому двору. Въ слѣдующемъ десятилѣтіи масоны выступили публично съ явнымъ стремленіемъ все захватить въ свои руки — управленіе, судъ, школу, печать, благотворительность. Правительство и общество насторожились. Тѣмъ временемъ назрѣлъ кризисъ въ нѣмецкомъ масонствѣ. Желая ослабить вліяніе другихъ націй — англичанъ, французовъ, шведовъ, нѣмецкіе масоны высылали одного за другимъ своихъ агентовъ въ Россію; наиболѣе видными изъ нихъ были Штаркъ, Розенбергъ, Рейхель, Шварцъ. Подъ вліяніемъ этого послѣдняго московскіе масоны приняли двѣ системы, носившихъ яркую политическую окраску — «строгое наблюденіе» и «Златорозовый крестъ». Москва и Берлинъ вступили въ тѣсную связь въ ту пору, когда за границей и у насъ заговорили о принятіи въ орденъ и наслѣдника русскаго престола. Тому же Шварцу принадлежитъ мысль поставить его во главѣ русскихъ масоновъ, а до тѣхъ поръ онъ самъ принялъ бразды правленія. Роль этого наиболѣе крупнаго дѣятеля среди московскихъ «каменщиковъ» освѣщается различно.

Принято думать, что это былъ идеалистъ, мистикъ, мечтатель, до фанатизма увлеченный служеніемъ «истинному» масонству; потому, можетъ быть, онъ и не разглядѣлъ, что реакціонеры и карьеристы «Вёльнерова круга» практиковали наглый обманъ для достиженія своихъ корыстныхъ цѣлей. Самъ онъ, напротивъ, безкорыстно служилъ человѣчеству, жилъ и умеръ, какъ праведникъ.

Есть однако извѣстія, которыя рисуютъ Шварца иными чертами. Передъ смертью онъ говорилъ о Златорозовомъ крестѣ: «Это дьявольскій орденъ; если Господь пошлетъ мнѣ исцѣленіе, то я поступлю въ общину гернгутеровъ» [199]).

По свидѣтельству Виганда [200]), Шварцъ воспитывался въ Силезіи и получилъ вполнѣ религіозное направленіе; увлекшись по своему страстному характеру новыми идеями, онъ поѣхалъ въ Остъ-Индію, испыталъ

---

[199]) *P. C.*, 1892, іюнь, 561 — 562.

[200]) Иванъ Ивановичъ Вигандъ — 17 іюля 1744 † 31 авг. 1808 (проф. Московскаго университета, гернгутеръ).

тамъ не мало приключеній, а по возвращеніи оттуда снова сталъ заниматься наукою и примкнулъ къ масонамъ-мартинистамъ; этимъ обществомъ онъ былъ посланъ въ Москву, гдѣ произвелъ большія реформы среди масоновъ. Питая полное довѣріе къ Виганду, Шварцъ открылъ ему тайныя цѣли общества, клонившіяся къ ниспроверженію православія въ Россіи, — на этомъ пути онъ зашелъ уже далеко, какъ болѣзнь и смерть прервали его работу. По словамъ Елагина, Шварцъ заразилъ братство суевѣрной и корыстолюбивой системой; собравъ великую сумму съ московскихъ братьевъ, особенно — Татищева и прочихъ богатыхъ, обманулъ; ѣздилъ за границу и привезъ оттуда премножество ничего не значущихъ грамотъ и актовъ, обѣщая впредь отъ неизвѣстныхъ начальниковъ неизвѣстныя получать таинства; а между тѣмъ умѣлъ и оныхъ неизвѣстныхъ чужестранцевъ и себя самого обогащать чужимъ стяжаніемъ. Все колебаніе братства Елагинъ объяснялъ тѣмъ, что прелестники новой системой, новымъ лжевымысломъ раздражили природное человѣческое любопытство, а обѣтами несказанныхъ таинствъ уловили души «вѣроятныхъ» братьевъ. Новые мудрецы за превеликія деньги щедро отпускали въ провинціи свои грамоты, повелѣвая, чтобы собираемыя въ префектурахъ отъ частныхъ ложъ и вкладныя суммы безъ дозволенія высшихъ никуда употреблены не были. Не свободныхъ каменщиковъ, а фанатиковъ или пустосвятовъ, яко безсмысленную тварь, себѣ подвластную творить они предпріяли [201]).

Елагинъ, подобно многимъ современникамъ, подозрѣвалъ розенкрейцеровъ въ тѣсной связи съ іезуитами и указывалъ на подражаніе первыхъ послѣднимъ въ организаціи ордена. Въ самомъ дѣлѣ, вся система Златорозоваго креста была задумана очень хитро и разработана съ тончайшей послѣдовательностью. Каждый изъ братьевъ зналъ только своего непосредственнаго начальника и даже этого послѣдняго въ высшихъ степеняхъ только подъ его орденскимъ именемъ. Требовалось свято исполнять предписанія неизвѣстныхъ властей. Никто не вѣдалъ, куда направлялись подробные отчеты, которые обязательны были и для отдѣльныхъ членовъ, и для цѣлыхъ округовъ. Каждый зналъ только свой собственный округъ и ничего не зналъ объ остальной организаціи. Тщательно проведена была въ орденѣ и система шпіонства. Все окутано было величайшей тайной.

Риторъ ложи Трехъ знаменъ хорошо зналъ Шварца, Новикова, Татищева, кн. Н. И. Трубецкого и многихъ другихъ масоновъ. По его словамъ, Шварцъ былъ венгерецъ родомъ, служилъ въ Голландіи унтеръ-офицеромъ Остъ-Индской кампаніи и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Остъ-Индіи. «Это былъ въ собственномъ смыслѣ слова деспотъ, суровый, су-

---

201) *Пекарскій*, 102 — 103.

тамъ не мало приключеній, а по возвращеніи оттуда снова сталъ заниматься наукою и примкнулъ къ масонамъ-мартинистамъ; этимъ обществомъ онъ былъ посланъ въ Москву, гдѣ произвелъ большія реформы среди масоновъ. Питая полное довѣріе къ Виганду, Шварцъ открылъ ему тайныя цѣли общества, клонившіяся къ ниспроверженію православія въ Россіи, — на этомъ пути онъ зашелъ уже далеко, какъ болѣзнь и смерть прервали его работу. По словамъ Елагина, Шварцъ заразилъ братство суевѣрной и корыстолюбивой системой; собравъ великую сумму съ московскихъ братьевъ, особенно — Татищева и прочихъ богатыхъ, обманулъ; ѣздилъ за границу и привезъ оттуда премножество ничего не значущихъ грамотъ и актовъ, обѣщая впредь отъ неизвѣстныхъ начальниковъ неизвѣстныя получать таинства; а между тѣмъ умѣлъ и оныхъ неизвѣстныхъ чужестранцевъ и себя самого обогащать чужимъ стяжаніемъ. Все колебаніе братства Елагинъ объяснялъ тѣмъ, что прелестники новой системой, новымъ лжевымысломъ раздражили природное человѣческое любопытство, а обѣтами несказанныхъ таинствъ уловили души «вѣроятныхъ» братьевъ. Новые мудрецы за превеликія деньги щедро отпускали въ провинціи свои грамоты, повелѣвая, чтобы собираемыя въ префектурахъ отъ частныхъ ложъ и вкладныя суммы безъ дозволенія высшихъ никуда употреблены не были. Не свободныхъ каменщиковъ, а фанатиковъ или пустосвятовъ, яко безсмысленную тварь, себѣ подвластную творить они предпріяли [201]).

Елагинъ, подобно многимъ современникамъ, подозрѣвалъ розенкрейцеровъ въ тѣсной связи съ іезуитами и указывалъ на подражаніе первыхъ послѣднимъ въ организаціи ордена. Въ самомъ дѣлѣ, вся система Златорозоваго креста была задумана очень хитро и разработана съ тончайшей послѣдовательностью. Каждый изъ братьевъ зналъ только своего непосредственнаго начальника и даже этого послѣдняго въ высшихъ степеняхъ только подъ его орденскимъ именемъ. Требовалось свято исполнять предписанія неизвѣстныхъ властей. Никто не вѣдалъ, куда направлялись подробные отчеты, которые обязательны были и для отдѣльныхъ членовъ, и для цѣлыхъ округовъ. Каждый зналъ только свой собственный округъ и ничего не зналъ объ остальной организаціи. Тщательно проведена была въ орденѣ и система шпіонства. Все окутано было величайшей тайной.

Риторъ ложи Трехъ знаменъ хорошо зналъ Шварца, Новикова, Татищева, кн. Н. И. Трубецкого и многихъ другихъ масоновъ. По его словамъ, Шварцъ былъ венгерецъ родомъ, служилъ въ Голландіи унтеръ-офицеромъ Остъ-Индской кампаніи и нѣсколько лѣтъ провелъ въ Остъ-Индіи. «Это былъ въ собственномъ смыслѣ слова деспотъ, суровый, су-

---

201) *Пекарскій*, 102 — 103.

мрачный, никогда не смѣявшійся, не терпѣвшій противорѣчія или сомнѣнія. Никогда онъ не упускалъ изъ виду цѣли масонства и употреблялъ безъ разбору всѣ средства, лишь бы ея достигнуть. Не смотря на плохое знаніе русскаго языка, онъ такъ читалъ, что истины, имъ высказываемыя, были любопытны и казались тѣмъ новѣе, чѣмъ древнѣе и неизвѣстнѣе были источники, изъ которыхъ онъ извлекалъ ихъ. Его разсѣянность доходила иногда до того, что въ изложеніи мыслей Канта и его собственныхъ «оказывалась параллель». Сила, съ которой онъ говорилъ, смѣлость даже безразсудная дерзость, съ которой онъ, не взирая ни на что, бичевалъ политическія и церковныя злоупотребленія, были удивительны; можно было опасаться, что ему начнетъ мстить духовенство и въ особенности монашество. Умъ этого дикаго и неразвитого генія былъ въ постоянной борьбѣ и — это покажется гиперболою — иногда какъ будто бы слышалось клокотанье въ его груди».

Въ свою очередь и Новиковъ показалъ на допросѣ, что Шварцъ родился въ Трансильваніи, былъ въ разныхъ службахъ, а потомъ пріѣхалъ въ Могилевъ (1776); тутъ онъ выучился россійскому языку весьма основательно, такъ что могъ говорить и писать весьма правильно и сильно. Можно подумать, что Новиковъ и неизвѣстный авторъ какъ будто расходятся въ оцѣнкѣ правильности языка въ рѣчахъ и писаніяхъ Шварца; но у нихъ разныя мѣрки: неизвѣстный авторъ полагаетъ, что «Шварцу, какъ и Канту, часто не доставало словъ для выраженія мыслей; у Канта это было вслѣдствіе несовершенства языка, а у Шварца — по незнанію языка».

«По возвращеніи Шварца изъ за границы — пишетъ неизвѣстный авторъ далѣе — измѣнился духъ московскаго масонства. До тѣхъ поръ толковали почти только о распространеніи религіознаго чувства: все же остальное сколько нибудь соотвѣтствовавшее формѣ ордена, хотя и допускалось, даже терпѣлось и разсматривалось на собраніяхъ, но не составляло главной задачи. Теперь же братьямъ стали назначать разныя послушанія: умерщвленіе плоти, посты, молитвы и т. п. Клятвы, суевѣріе, чудеса вошли въ ежедневный обычай. Тѣ немногіе, которые оставались еще не совращенными, были удаляемы и ихъ презирали. Самыя нелѣпыя сказки стали распространяться. Шварцъ привезъ съ собой изъ Германіи prima et secunda Materia золота, что показывалось только избраннымъ или легковѣрнымъ братьямъ, и то съ особенной таинственностью для усиленія ихъ вѣры въ орденъ. Шварцъ властвовалъ грубо надъ цѣлою массою высокоуважаемыхъ братьевъ; лишь одинъ изъ всѣхъ — Новиковъ, кажется, имѣлъ еще собственныя убѣжденія; сначала и онъ все-таки былъ правою рукою Шварца, но впослѣдствіи сталъ, повидимому, его противникомъ. Шварцъ стремился къ своей цѣли съ жаромъ, ему одному свойственнымъ; для того-то, можетъ быть, онъ и пересе-

мрачный, никогда не смѣявшійся, не терпѣвшій противорѣчія или сомнѣнія. Никогда онъ не упускалъ изъ виду цѣли масонства и употреблялъ безъ разбору всѣ средства, лишь бы ея достигнуть. Не смотря на плохое знаніе русскаго языка, онъ такъ читалъ, что истины, имъ высказываемыя, были любопытны и казались тѣмъ новѣе, чѣмъ древнѣе и неизвѣстнѣе были источники, изъ которыхъ онъ извлекалъ ихъ. Его разсѣянность доходила иногда до того, что въ изложеніи мыслей Канта и его собственныхъ «оказывалась параллель». Сила, съ которой онъ говорилъ, смѣлость даже безразсудная дерзость, съ которой онъ, не взирая ни на что, бичевалъ политическія и церковныя злоупотребленія, были удивительны; можно было опасаться, что ему начнетъ мстить духовенство и въ особенности монашество. Умъ этого дикаго и неразвитого генія былъ въ постоянной борьбѣ и — это покажется гиперболою — иногда какъ будто бы слышалось клокотанье въ его груди».

Въ свою очередь и Новиковъ показалъ на допросѣ, что Шварцъ родился въ Трансильваніи, былъ въ разныхъ службахъ, а потомъ пріѣхалъ въ Могилевъ (1776); тутъ онъ выучился россійскому языку весьма основательно, такъ что могъ говорить и писать весьма правильно и сильно. Можно подумать, что Новиковъ и неизвѣстный авторъ какъ будто расходятся въ оцѣнкѣ правильности языка въ рѣчахъ и писаніяхъ Шварца; но у нихъ разныя мѣрки: неизвѣстный авторъ полагаетъ, что «Шварцу, какъ и Канту, часто не доставало словъ для выраженія мыслей; у Канта это было вслѣдствіе несовершенства языка, а у Шварца — по незнанію языка».

«По возвращеніи Шварца изъ за границы — пишетъ неизвѣстный авторъ далѣе — измѣнился духъ московскаго масонства. До тѣхъ поръ толковали почти только о распространеніи религіознаго чувства: все же остальное сколько нибудь соотвѣтствовавшее формѣ ордена, хотя и допускалось, даже терпѣлось и разсматривалось на собраніяхъ, но не составляло главной задачи. Теперь же братьямъ стали назначать разныя послушанія: умерщвленіе плоти, посты, молитвы и т. п. Клятвы, суевѣріе, чудеса вошли въ ежедневный обычай. Тѣ немногіе, которые оставались еще не совращенными, были удаляемы и ихъ презирали. Самыя нелѣпыя сказки стали распространяться. Шварцъ привезъ съ собой изъ Германіи prima et secunda Materia золота, что показывалось только избраннымъ или легковѣрнымъ братьямъ, и то съ особенной таинственностью для усиленія ихъ вѣры въ орденъ. Шварцъ властвовалъ грубо надъ цѣлою массою высокоуважаемыхъ братьевъ; лишь одинъ изъ всѣхъ — Новиковъ, кажется, имѣлъ еще собственныя убѣжденія; сначала и онъ все-таки былъ правою рукою Шварца, но впослѣдствіи сталъ, повидимому, его противникомъ. Шварцъ стремился къ своей цѣли съ жаромъ, ему одному свойственнымъ; для того-то, можетъ быть, онъ и пересе-

лился въ Россію, чтобы скорѣе достигнуть этой, ему одному извѣстной цѣли. Авторъ подтверждаетъ свидѣтельство Елагина о сборахъ большихъ суммъ въ пользу ордена и припоминаетъ, какъ однажды Шварцъ, получивъ крупный подарокъ отъ П. А. Татищева, замѣтилъ: «Вотъ такъ то слѣдуетъ ловить лисицъ! Дуракъ Татищевъ отъ расточенной ему похвалы сдѣлался совершенно ручнымъ и даритъ 18.000 руб., которые намъ надобны черезъ три дня для одной расплаты» [202]).

Изъ показаній Новикова, а также изъ переписки А. М. Кутузова видно, что по временамъ значительныя суммы отправлялись въ Берлинъ «неизвѣстнымъ начальникамъ». Кн. Прозоровскій нашелъ въ масонскихъ бумагахъ какіе-то прожекты, составленные по случаю поѣздки Шварца за границу, «о коммерціи въ Средиземномъ морѣ». Баронъ Шредеръ жаловался впослѣдствіи, что именно Шварцъ отклонилъ его отъ военной службы и обѣщалъ ему большія выгоды отъ участія въ аптекѣ и книгоиздательствѣ.

Многое въ этихъ извѣстіяхъ нельзя согласовать ни съ восторженными отзывами о Шварцѣ его «братьевъ» по ордену, ни съ его собственными писаніями; однако, эти отзывы и писанія даютъ лишь блѣдную тѣнь идеалиста-мистика, запутавшагося въ худшей изъ всѣхъ масонскихъ системъ, а извѣстія Виганда, Елагина и ритора Трехъ знаменъ изображаютъ Шварца яркими чертами, какъ человѣка, одареннаго желѣзной волей и мощной энергіей, самостоятельно и упорно стремившагося къ достиженію ему одному извѣстной цѣли, ради которой онъ считалъ возможнымъ вступить и въ «дьявольскій орденъ». Допустить, что этотъ «дикій геній» былъ искренно увлеченъ «тайнами» розенкрейцерства и вѣрилъ въ могущество «неизвѣстныхъ начальниковъ», способныхъ по своей волѣ измѣнять міровой порядокъ, значило бы отказаться отъ всякой надежды разсѣять мистическій туманъ, которымъ окутана вся дѣятельность Новиковскаго кружка.

Яркій лучъ свѣта бросилъ въ этотъ туманъ геній Пушкина; данная имъ характеристика «мартинизма», при всей ея краткости, остается наиболѣе законченной и реальной. «Мы еще застали — говоритъ онъ о мартинистахъ [203]) — нѣсколько старпковъ, принадлежавшихъ этому полу-политическому, полу-религіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на усилія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцевъ и Сама ихъ одобрявшая Своимъ Царскимъ рукоплесканіемъ,

[202]) *Р. А.*, 1874, стр. 1031 — 1042.

[203]) *Пушкинъ*, V, 337.

лился въ Россію, чтобы скорѣе достигнуть этой, ему одному извѣстной цѣли. Авторъ подтверждаетъ свидѣтельство Елагина о сборахъ большихъ суммъ въ пользу ордена и припоминаетъ, какъ однажды Шварцъ, получивъ крупный подарокъ отъ П. А. Татищева, замѣтилъ: «Вотъ такъ то слѣдуетъ ловить лисицъ! Дуракъ Татищевъ отъ расточенной ему похвалы сдѣлался совершенно ручнымъ и даритъ 18.000 руб., которые намъ надобны черезъ три дня для одной расплаты» [202]).

Изъ показаній Новикова, а также изъ переписки А. М. Кутузова видно, что по временамъ значительныя суммы отправлялись въ Берлинъ «неизвѣстнымъ начальникамъ». Кн. Прозоровскій нашелъ въ масонскихъ бумагахъ какіе-то прожекты, составленные по случаю поѣздки Шварца за границу, «о коммерціи въ Средиземномъ морѣ». Баронъ Шредеръ жаловался впослѣдствіи, что именно Шварцъ отклонилъ его отъ военной службы и обѣщалъ ему большія выгоды отъ участія въ аптекѣ и книгоиздательствѣ.

Многое въ этихъ извѣстіяхъ нельзя согласовать ни съ восторженными отзывами о Шварцѣ его «братьевъ» по ордену, ни съ его собственными писаніями; однако, эти отзывы и писанія даютъ лишь блѣдную тѣнь идеалиста-мистика, запутавшагося въ худшей изъ всѣхъ масонскихъ системъ, а извѣстія Виганда, Елагина и ритора Трехъ знаменъ изображаютъ Шварца яркими чертами, какъ человѣка, одареннаго желѣзной волей и мощной энергіей, самостоятельно и упорно стремившагося къ достиженію ему одному извѣстной цѣли, ради которой онъ считалъ возможнымъ вступить и въ «дьявольскій орденъ». Допустить, что этотъ «дикій геній» былъ искренно увлеченъ «тайнами» розенкрейцерства и вѣрилъ въ могущество «неизвѣстныхъ начальниковъ», способныхъ по своей волѣ измѣнять міровой порядокъ, значило бы отказаться отъ всякой надежды разсѣять мистическій туманъ, которымъ окутана вся дѣятельность Новиковскаго кружка.

Яркій лучъ свѣта бросилъ въ этотъ туманъ геній Пушкина; данная имъ характеристика «мартинизма», при всей ея краткости, остается наиболѣе законченной и реальной. «Мы еще застали — говоритъ онъ о мартинистахъ [203]) — нѣсколько старпковъ, принадлежавшихъ этому полу-политическому, полу-религіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философическаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія отличали ихъ отъ поколѣнія, которому они принадлежали. Люди, находившіе выгоду въ коварномъ злословіи, старались представить мартинистовъ заговорщиками и приписывали имъ преступные политическіе виды. Императрица, долго смотрѣвшая на усилія французскихъ философовъ, какъ на игры искусныхъ бойцевъ и Сама ихъ одобрявшая Своимъ Царскимъ рукоплесканіемъ,

[202]) *Р. А.*, 1874, стр. 1031 — 1042.

[203]) *Пушкинъ*, V, 337.

съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на Русскихъ Мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ: но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонскихъ ужинахъ».

Въ эту толпу русскихъ баръ, политиковъ, мечтателей, мистиковъ, филантроповъ, педагоговъ и книголюбцевъ проникли нѣмецкіе «братья» разныхъ «системъ» съ ихъ политическими и корыстными цѣлями; каковы бы ни были намѣренія, съ которыми появился въ Москвѣ проф. Шварцъ, онъ обладалъ силой увлечь и подчинить своей власти и мечтателей, какъ Новиковъ или Кутузовъ, и вельможъ, какъ Лопухинъ или кн. Трубецкой, и политиковъ, какъ гр. Панинъ или кн. Репнинъ; пользуясь этой силой и властью, онъ убѣдилъ русскихъ «мартинистовъ» предпочесть «Брауншвейгской связи», имъ же самимъ привезенной, «Вёльнеровъ кругъ»; не случайно всѣ источники — показанія мартинистовъ при допросахъ, дневникъ бар. Шредера, переписка масоновъ, свидѣтельства Елагина, Виганда и неизвѣстнаго «ритора» — согласно указываютъ на Шварца, какъ на учредителя ордена розенкрейцеровъ въ Россіи. До возвращенія Шварца изъ за границы друзья Новикова и сподвижники Вёльнера шли различными путями и къ противоположнымъ цѣлямъ; Шварцъ этого не понялъ или не желалъ понять и, хотя не создалъ, за то усилилъ одно изъ противорѣчій, которыми такъ богатъ XVIII вѣкъ. Это противорѣчіе отчетливо выступаетъ и въ перепискѣ московскихъ масоновъ: «Антузіазмъ во всемъ, касающемся до отечества» (9:9), «отмѣнная любовь къ отечеству» (211:8), восторгъ до слезъ при извѣстіяхъ о русскихъ побѣдахъ (9, 18, 74, 136, 158), вражда къ «адской» философіи вольнодумцевъ (204), борьба съ «ложнымъ духомъ свободолюбія» (24), непримиримая ненависть къ революціи (199), къ «чудовищу Мирабо» (33), къ новымъ «тиранамъ нещастнаго ослѣпленнаго французскаго народа» (200) — чуть не въ каждомъ письмѣ. Трудно представить себѣ болѣе благонамѣренныхъ патріотовъ, нежели авторы этихъ писемъ; и нельзя сомнѣваться въ ихъ искренности, потому что она засвидѣтельствована многими вполнѣ достовѣрными источниками. А между тѣмъ всѣ эти письма использованы были въ Новиковскомъ дѣлѣ съ цѣлью доказать, что авторы ихъ были сообщниками въ государственномъ преступленіи Новикова. Далѣе, это — письма «братьевъ во Христѣ и человѣчествѣ», жрецовъ высочайшей гуманности; а сколько въ нихъ злобы, презрѣнія, ненависти не къ врагамъ отечества, а къ недругамъ ордена; при случаѣ не щадили и «своихъ» — такъ, напр., бар. Шредеръ упрекалъ Новикова

съ безпокойствомъ видѣла ихъ торжество и съ подозрѣніемъ обратила вниманіе на Русскихъ Мартинистовъ, которыхъ считала проповѣдниками безначалія и адептами энциклопедистовъ. Нельзя отрицать, чтобы многіе изъ нихъ не принадлежали къ числу недовольныхъ: но ихъ недоброжелательство ограничивалось брюзгливымъ порицаніемъ настоящаго, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фран-масонскихъ ужинахъ».

Въ эту толпу русскихъ баръ, политиковъ, мечтателей, мистиковъ, филантроповъ, педагоговъ и книголюбцевъ проникли нѣмецкіе «братья» разныхъ «системъ» съ ихъ политическими и корыстными цѣлями; каковы бы ни были намѣренія, съ которыми появился въ Москвѣ проф. Шварцъ, онъ обладалъ силой увлечь и подчинить своей власти и мечтателей, какъ Новиковъ или Кутузовъ, и вельможъ, какъ Лопухинъ или кн. Трубецкой, и политиковъ, какъ гр. Панинъ или кн. Репнинъ; пользуясь этой силой и властью, онъ убѣдилъ русскихъ «мартинистовъ» предпочесть «Брауншвейгской связи», имъ же самимъ привезенной, «Вёльнеровъ кругъ»; не случайно всѣ источники — показанія мартинистовъ при допросахъ, дневникъ бар. Шредера, переписка масоновъ, свидѣтельства Елагина, Виганда и неизвѣстнаго «ритора» — согласно указываютъ на Шварца, какъ на учредителя ордена розенкрейцеровъ въ Россіи. До возвращенія Шварца изъ за границы друзья Новикова и сподвижники Вёльнера шли различными путями и къ противоположнымъ цѣлямъ; Шварцъ этого не понялъ или не желалъ понять и, хотя не создалъ, за то усилилъ одно изъ противорѣчій, которыми такъ богатъ XVIII вѣкъ. Это противорѣчіе отчетливо выступаетъ и въ перепискѣ московскихъ масоновъ: «Антузіазмъ во всемъ, касающемся до отечества» (9:9), «отмѣнная любовь къ отечеству» (211:8), восторгъ до слезъ при извѣстіяхъ о русскихъ побѣдахъ (9, 18, 74, 136, 158), вражда къ «адской» философіи вольнодумцевъ (204), борьба съ «ложнымъ духомъ свободолюбія» (24), непримиримая ненависть къ революціи (199), къ «чудовищу Мирабо» (33), къ новымъ «тиранамъ нещастнаго ослѣпленнаго французскаго народа» (200) — чуть не въ каждомъ письмѣ. Трудно представить себѣ болѣе благонамѣренныхъ патріотовъ, нежели авторы этихъ писемъ; и нельзя сомнѣваться въ ихъ искренности, потому что она засвидѣтельствована многими вполнѣ достовѣрными источниками. А между тѣмъ всѣ эти письма использованы были въ Новиковскомъ дѣлѣ съ цѣлью доказать, что авторы ихъ были сообщниками въ государственномъ преступленіи Новикова. Далѣе, это — письма «братьевъ во Христѣ и человѣчествѣ», жрецовъ высочайшей гуманности; а сколько въ нихъ злобы, презрѣнія, ненависти не къ врагамъ отечества, а къ недругамъ ордена; при случаѣ не щадили и «своихъ» — такъ, напр., бар. Шредеръ упрекалъ Новикова

въ томъ, что, разоряя другихъ, онъ обогащался самъ; понятно, что переписка пригодилась какъ одна изъ вѣскихъ уликъ при обвиненіи Новикова въ корыстолюбіи. Наконецъ, авторы этихъ писемъ вѣрятъ въ силу «слова», съ любовью и уваженіемъ относятся къ литературѣ и сами принимаютъ въ ней живое участіе — и тутъ же эти друзья русской національной мысли признаютъ надъ собою, какъ надъ «каменщиками», власть нѣмецкихъ обскурантовъ, готовыхъ гнать у себя и повсюду свободу мысли и слова; стоило Карамзину [204]) слегка задѣть масонскую мистику, какъ мартинисты жестоко его возненавидѣли и осыпали насмѣшками.

Противорѣчіе, которое въ корнѣ подтачивало «работу» русскихъ масоновъ, заключалось въ ихъ равнодушіи къ вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права: Новиковъ по выходѣ изъ Шлиссельбурга, хозяйничалъ въ «крѣпостной» деревнѣ и, какъ заурядный помѣщикъ, курилъ въ ней водку, «изобрѣтая разныя пособія крайне тѣснымъ и труднымъ обстоятельствамъ»; Поздѣевъ довелъ своихъ крѣпостныхъ до бунта; гр. А. С. Строгоновъ, «человѣкъ, по отзыву императрицы, самый мягкій и въ сущности самый гуманный, у котораго доброта сердца граничила со слабостью, горячо защищалъ дѣло рабства, которое бы долженъ изобличать весь складъ его души»... Екатерина II затруднялась найти «и двадцать человѣкъ, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и какъ люди». Въ числѣ этихъ «двадцати» былъ лишь одинъ розенкрейцеръ — Гамалѣя. Русскій гуманистъ XVIII вѣка, даже Новиковъ или Кутузовъ, съ С.-Мартеномъ или Арндтомъ въ рукахъ, оставался владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ: противорѣчіе между «словомъ» и «дѣломъ» было полнымъ. Нигдѣ, по мнѣнію императрицы, крѣпостное право не выступало такъ отчетливо, какъ въ Москвѣ. «Предрасположеніе къ деспотизму, говоритъ она, выращивается тамъ лучше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ на землѣ; оно прививается съ ранняго возраста къ дѣтямъ, которыя видятъ, съ какою жестокостью ихъ родители обращаются со своими слугами; вѣдь нѣтъ дома, въ которомъ не было бы желѣзныхъ ошейниковъ, цѣпей и разныхъ другихъ орудій для пытки при малѣйшей провинности тѣхъ, кого природа помѣстила въ этотъ несчастный классъ, которому нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія. Если посмѣешь сказать, что они такіе же люди, какъ мы, и даже когда я сама это говорю, рискуешь тѣмъ, что въ тебя начнутъ бросать каменьями» [205]). Такъ писала императрица въ 70-хъ годахъ; Москва осталась тою же и въ 90-хъ. Здѣсь-то, кажется, избранный кружокъ гуманистовъ, и долженъ былъ всего скорѣе задуматься надъ участью простого народа, а между тѣмъ «братья» мирно уживались съ крѣпостнымъ строемъ и даже работали въ его пользу.

---

[204]) Николай Михайловичъ Карамзинъ — 1 дек, 1766 1776 † 22 мая 1826 1826.

[205]) *Модзалевскій*, 45. — *Б. С.*: «О. А. Поздѣевъ». — *Императрица Екатерина II*, «Записки», 174—175. См. также *Семевскій, В.*, III, 394—395.

въ томъ, что, разоряя другихъ, онъ обогащался самъ; понятно, что переписка пригодилась какъ одна изъ вѣскихъ уликъ при обвиненіи Новикова въ корыстолюбіи. Наконецъ, авторы этихъ писемъ вѣрятъ въ силу «слова», съ любовью и уваженіемъ относятся къ литературѣ и сами принимаютъ въ ней живое участіе — и тутъ же эти друзья русской національной мысли признаютъ надъ собою, какъ надъ «каменщиками», власть нѣмецкихъ обскурантовъ, готовыхъ гнать у себя и повсюду свободу мысли и слова; стоило Карамзину [204]) слегка задѣть масонскую мистику, какъ мартинисты жестоко его возненавидѣли и осыпали насмѣшками.

Противорѣчіе, которое въ корнѣ подтачивало «работу» русскихъ масоновъ, заключалось въ ихъ равнодушіи къ вопросу объ отмѣнѣ крѣпостного права: Новиковъ по выходѣ изъ Шлиссельбурга, хозяйничалъ въ «крѣпостной» деревнѣ и, какъ заурядный помѣщикъ, курилъ въ ней водку, «изобрѣтая разныя пособія крайне тѣснымъ и труднымъ обстоятельствамъ»; Поздѣевъ довелъ своихъ крѣпостныхъ до бунта; гр. А. С. Строгоновъ, «человѣкъ, по отзыву императрицы, самый мягкій и въ сущности самый гуманный, у котораго доброта сердца граничила со слабостью, горячо защищалъ дѣло рабства, которое бы долженъ изобличать весь складъ его души»... Екатерина II затруднялась найти «и двадцать человѣкъ, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и какъ люди». Въ числѣ этихъ «двадцати» былъ лишь одинъ розенкрейцеръ — Гамалѣя. Русскій гуманистъ XVIII вѣка, даже Новиковъ или Кутузовъ, съ С.-Мартеномъ или Арндтомъ въ рукахъ, оставался владѣльцемъ крѣпостныхъ душъ: противорѣчіе между «словомъ» и «дѣломъ» было полнымъ. Нигдѣ, по мнѣнію императрицы, крѣпостное право не выступало такъ отчетливо, какъ въ Москвѣ. «Предрасположеніе къ деспотизму, говоритъ она, выращивается тамъ лучше, чѣмъ въ какомъ либо другомъ мѣстѣ на землѣ; оно прививается съ ранняго возраста къ дѣтямъ, которыя видятъ, съ какою жестокостью ихъ родители обращаются со своими слугами; вѣдь нѣтъ дома, въ которомъ не было бы желѣзныхъ ошейниковъ, цѣпей и разныхъ другихъ орудій для пытки при малѣйшей провинности тѣхъ, кого природа помѣстила въ этотъ несчастный классъ, которому нельзя разбить свои цѣпи безъ преступленія. Если посмѣешь сказать, что они такіе же люди, какъ мы, и даже когда я сама это говорю, рискуешь тѣмъ, что въ тебя начнутъ бросать каменьями» [205]). Такъ писала императрица въ 70-хъ годахъ; Москва осталась тою же и въ 90-хъ. Здѣсь-то, кажется, избранный кружокъ гуманистовъ, и долженъ былъ всего скорѣе задуматься надъ участью простого народа, а между тѣмъ «братья» мирно уживались съ крѣпостнымъ строемъ и даже работали въ его пользу.

---

[204]) Николай Михайловичъ Карамзинъ — 1 дек, 1766 1776 † 22 мая 1826.

[205]) *Модзалевскій*, 45. — *Б. С.*: «О. А. Поздѣевъ». — *Императрица Екатерина II*, «Записки», 174—175. См. также *Семевскій, В.*, III, 394—395.

Какъ ни трудно было положеніе, въ какое ставилъ себя гуманистъ, принимая подъ свою защиту этотъ строй, была еще возможность выйти изъ затрудненія путемъ филантропической или просвѣтительной дѣятельности. На этотъ путь и сталъ Новиковскій кружокъ, когда организовалъ «Дружеское общество», «Типографическую компанію», больницу, аптеку, школы, щедрую раздачу денегъ и хлѣба. Въ то же время неожиданно явилось новое противорѣчіе. Новиковъ и его друзья отправили изъ Москвы Шварца съ порученіемъ найти въ Германіи самую «истинную» систему, а онъ привезъ самую «ложную», какая только извѣстна во всей исторіи масонства. Мало того, когда Новиковъ почувствовалъ что-то неладное въ новой берлинской связи, Шварцъ «съ клятвою» утверждалъ, что въ ней нѣтъ ничего «политическаго». Вступивъ, по его совѣту, въ «Вельнеровъ кругъ», русскіе «братья» сдѣлали двойную ошибку: направили на ложную дорогу свою просвѣтительную работу и запутались въ политической интригѣ. Второе противорѣчіе привело мартинистовъ къ неизбѣжной гибели.

VI.

Переписка Кутузова имѣетъ значеніе не только для исторіи Новиковскаго кружка — ее оцѣнитъ также историкъ русскаго сентиментализма.

Милыхъ сердцу и надежныхъ друзей, преданныхъ не на словахъ, а на дѣлѣ, имѣлъ Кутузовъ въ лицѣ Радищева, Карамзина и супруговъ Плещеевыхъ совсѣмъ независимо отъ ордена: масонская связь не только не укрѣпляла дружеской, но даже вредила ей.

Пестель не догадался, что письмо 6 декабря 1791 (№ 158) было отъ А. Н. Радищева и помѣтилъ его: «отъ неизвѣстнаго». Отвѣчая другу (№ 184), Кутузовъ искалъ, но не нашелъ словъ утѣшенія; пришло, должно быть, время, когда не только мнѣнія друзей «различествовали во многомъ», но и сердца ихъ перестали «биться согласно»; чувствуется, какъ огонь старой дружбы разгорался при мысли о страданіяхъ Радищева и угасалъ, какъ только вступала въ свои права «масонская» мораль. Къ Радищеву, впрочемъ, Кутузовъ относился гораздо терпимѣе, нежели къ другому изъ-своихъ прежнихъ «сочувственниковъ» — къ Н. М. Карамзину. Убѣдившись, что Карамзинъ измѣнилъ масонской связи, Кутузовъ едва не перешелъ отъ нѣжной когда-то дружбы къ жестокой враждѣ. Примиреніе вносила семья Плещеевыхъ, въ которой Карамзинъ и Кутузовъ были горячо любимы.

Лѣтомъ 1785 [206]), по совѣту И. П. Тургенева, Карамзинъ переѣхалъ въ Москву и поселился въ домѣ «Дружескаго общества», у Мещиковой

[206]) Такъ у *Лонгинова* (237) и въ *Б. С.*; но *Галаховъ* (4) относитъ переселеніе Карамзина въ Москву къ 1784 году.

Какъ ни трудно было положеніе, въ какое ставилъ себя гуманистъ, принимая подъ свою защиту этотъ строй, была еще возможность выйти изъ затрудненія путемъ филантропической или просвѣтительной дѣятельности. На этотъ путь и сталъ Новиковскій кружокъ, когда организовалъ «Дружеское общество», «Типографическую компанію», больницу, аптеку, школы, щедрую раздачу денегъ и хлѣба. Въ то же время неожиданно явилось новое противорѣчіе. Новиковъ и его друзья отправили изъ Москвы Шварца съ порученіемъ найти въ Германіи самую «истинную» систему, а онъ привезъ самую «ложную», какая только извѣстна во всей исторіи масонства. Мало того, когда Новиковъ почувствовалъ что-то неладное въ новой берлинской связи, Шварцъ «съ клятвою» утверждалъ, что въ ней нѣтъ ничего «политическаго». Вступивъ, по его совѣту, въ «Вельнеровъ кругъ», русскіе «братья» сдѣлали двойную ошибку: направили на ложную дорогу свою просвѣтительную работу и запутались въ политической интригѣ. Второе противорѣчіе привело мартинистовъ къ неизбѣжной гибели.

VI.

Переписка Кутузова имѣетъ значеніе не только для исторіи Новиковскаго кружка — ее оцѣнитъ также историкъ русскаго сентиментализма.

Милыхъ сердцу и надежныхъ друзей, преданныхъ не на словахъ, а на дѣлѣ, имѣлъ Кутузовъ въ лицѣ Радищева, Карамзина и супруговъ Плещеевыхъ совсѣмъ независимо отъ ордена: масонская связь не только не укрѣпляла дружеской, но даже вредила ей.

Пестель не догадался, что письмо 6 декабря 1791 (№ 158) было отъ А. Н. Радищева и помѣтилъ его: «отъ неизвѣстнаго». Отвѣчая другу (№ 184), Кутузовъ искалъ, но не нашелъ словъ утѣшенія; пришло, должно быть, время, когда не только мнѣнія друзей «различествовали во многомъ», но и сердца ихъ перестали «биться согласно»; чувствуется, какъ огонь старой дружбы разгорался при мысли о страданіяхъ Радищева и угасалъ, какъ только вступала въ свои права «масонская» мораль. Къ Радищеву, впрочемъ, Кутузовъ относился гораздо терпимѣе, нежели къ другому изъ-своихъ прежнихъ «сочувственниковъ» — къ Н. М. Карамзину. Убѣдившись, что Карамзинъ измѣнилъ масонской связи, Кутузовъ едва не перешелъ отъ нѣжной когда-то дружбы къ жестокой враждѣ. Примиреніе вносила семья Плещеевыхъ, въ которой Карамзинъ и Кутузовъ были горячо любимы.

Лѣтомъ 1785 [206]), по совѣту И. П. Тургенева, Карамзинъ переѣхалъ въ Москву и поселился въ домѣ «Дружескаго общества», у Мещиковой

[206]) Такъ у *Лонгинова* (237) и въ *Б. С.*; но *Галаховъ* (4) относитъ переселеніе Карамзина въ Москву къ 1784 году.

башни; въ томъ же домѣ жилъ и А. М. Кутузовъ, переселившійся въ Москву по выходѣ въ отставку изъ военной службы въ 1783 году [207]). Оба они были тогда масонами: Карамзинъ — «товарищемъ» въ симбирской ложѣ «Златого вѣнца», основанной П. П. Тургеневымъ [208]); Кутузовъ — «мастеромъ стула» въ Московской ложѣ «Свѣтоноснаго треугольника» подъ начальствомъ П. И. Новикова [209]). Передъ отъѣздомъ, за границу въ маѣ 1789 Карамзинъ рѣшилъ порвать масонскія связи, и по возвращеніи на родину въ сентябрѣ 1790 жилъ у Плещеевыхъ, по всей вѣроятности, до самой женитьбы своей (въ апрѣлѣ 1801) на сестрѣ Анастасіи Ивановны Плещеевой — Елизаветѣ Ивановнѣ [210]). Плещеевы жили то въ Москвѣ, то въ селѣ Знаменскомъ [211]). О чувствахъ своихъ къ А. И. Плещеевой Карамзинъ часто писалъ И. И. Дмитріеву [212]); ей, конечно, «другу моего сердца, единственному, безцѣнному», посвящена вторая книжка «Аглаи» 1795, а въ «Аонидахъ» 1796 Карамзинъ писалъ, обращаясь къ своему «генію-хранителю»:

«Нанина! десять лѣтъ тотъ день благословляю,
«Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первый разъ...
«Не мало слышу я привѣтствій, сердцу лестныхъ,
«Но знай, о милый другъ! что дружбою твоей
«Я болѣе всего горжуся въ жизни сей...
. . . . . .
«Что истина своей рукой
«Надпишетъ надъ моей могилой? Онъ любилъ,
«Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ [213])!

Весной 1795 Анастасія Ивановна заболѣла въ Знаменскомъ и не вставала съ постели — Карамзинъ немедленно «скачетъ» къ ней въ деревню; въ 1797 году онъ радуется, что Анастасія Ивановна дружески любитъ Дмитріева и, «какъ самая нѣжная сестра», принимаетъ въ

[207]) О службѣ Кутузова въ Луганскомъ полку, подъ начальствомъ гр. М. П. Голенищева-Кутузова, см. *Тарасовъ*, I, 10 — 19. Въ семьѣ гр. Михаила Илларіоновича А. М. Кутузовъ былъ такъ же «своимъ» человѣкомъ, какъ и въ семьѣ А. А. Плещеева; здѣсь у него была «жена», тамъ «невѣста» (64 : 21); переписка его съ А. И. Плещеевой не уступаетъ въ задушевности перепискѣ съ Е. П. Голенищевой-Кутузовой.

[208]) *О. В.*, II, 368 — 369. *Лонгиновъ*, 0144 — 0145.

[209]) *Лонгиновъ*, 167. *Сборникъ*, II, 149.

[210]) Анастасія Ивановна, р. Протасова, была замужемъ за Алексѣемъ Александровичемъ Плещеевымъ, другомъ Кутузова.

Въ апрѣлѣ 1802 И. М. Карамзинъ овдовѣлъ и въ 1804 женился на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской.

[211]) Въ «Орловскомъ намѣстничествѣ».

[212]) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ 10 окт. 1760 † 3 окт. 1837. *Гротъ*, по указателю.

[213]) «Аониды» или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, книжка 1, М., 1796. «Посланіе къ женщинамъ», 247 — 249.

башни; въ томъ же домѣ жилъ и А. М. Кутузовъ, переселившійся въ Москву по выходѣ въ отставку изъ военной службы въ 1783 году [207]). Оба они были тогда масонами: Карамзинъ — «товарищемъ» въ симбирской ложѣ «Златого вѣнца», основанной П. П. Тургеневымъ [208]); Кутузовъ — «мастеромъ стула» въ Московской ложѣ «Свѣтоноснаго треугольника» подъ начальствомъ П. И. Новикова [209]). Передъ отъѣздомъ, за границу въ маѣ 1789 Карамзинъ рѣшилъ порвать масонскія связи, и по возвращеніи на родину въ сентябрѣ 1790 жилъ у Плещеевыхъ, по всей вѣроятности, до самой женитьбы своей (въ апрѣлѣ 1801) на сестрѣ Анастасіи Ивановны Плещеевой — Елизаветѣ Ивановнѣ [210]). Плещеевы жили то въ Москвѣ, то въ селѣ Знаменскомъ [211]). О чувствахъ своихъ къ А. И. Плещеевой Карамзинъ часто писалъ И. И. Дмитріеву [212]); ей, конечно, «другу моего сердца, единственному, безцѣнному», посвящена вторая книжка «Аглаи» 1795, а въ «Аонидахъ» 1796 Карамзинъ писалъ, обращаясь къ своему «генію-хранителю»:

«Нанина! десять лѣтъ тотъ день благословляю,
«Когда тебя, мой другъ, увидѣлъ въ первый разъ...
«Не мало слышу я привѣтствій, сердцу лестныхъ,
«Но знай, о милый другъ! что дружбою твоей
«Я болѣе всего горжуся въ жизни сей...
. . . . . .
«Что истина своей рукой
«Надпишетъ надъ моей могилой? Онъ любилъ,
«Онъ нѣжной женщины нѣжнѣйшимъ другомъ былъ [213])!

Весной 1795 Анастасія Ивановна заболѣла въ Знаменскомъ и не вставала съ постели — Карамзинъ немедленно «скачетъ» къ ней въ деревню; въ 1797 году онъ радуется, что Анастасія Ивановна дружески любитъ Дмитріева и, «какъ самая нѣжная сестра», принимаетъ въ

[207]) О службѣ Кутузова въ Луганскомъ полку, подъ начальствомъ гр. М. П. Голенищева-Кутузова, см. *Тарасовъ*, I, 10 — 19. Въ семьѣ гр. Михаила Илларіоновича А. М. Кутузовъ былъ такъ же «своимъ» человѣкомъ, какъ и въ семьѣ А. А. Плещеева; здѣсь у него была «жена», тамъ «невѣста» (64 : 21); переписка его съ А. И. Плещеевой не уступаетъ въ задушевности перепискѣ съ Е. П. Голенищевой-Кутузовой.

[208]) *О. В.*, II, 368 — 369. *Лонгиновъ*, 0144 — 0145.

[209]) *Лонгиновъ*, 167. *Сборникъ*, II, 149.

[210]) Анастасія Ивановна, р. Протасова, была замужемъ за Алексѣемъ Александровичемъ Плещеевымъ, другомъ Кутузова.

Въ апрѣлѣ 1802 И. М. Карамзинъ овдовѣлъ и въ 1804 женился на княжнѣ Екатеринѣ Андреевнѣ Вяземской.

[211]) Въ «Орловскомъ намѣстничествѣ».

[212]) Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ 10 окт. 1760 † 3 окт. 1837. *Гротъ*, по указателю.

[213]) «Аониды» или собраніе разныхъ новыхъ стихотвореній, книжка 1, М., 1796. «Посланіе къ женщинамъ», 247 — 249.

немъ участіе; лѣтомъ того же года онъ писалъ другу: «Желаю только спокойствія Настасьѣ Ивановнѣ и семейству ея. Есть-ли жизнь моя нужна въ свѣтѣ, то развѣ для нея; несмотря на частыя и смѣшныя ссоры, она очень любитъ меня. Я также сердечно къ ней привязанъ» [214]).

Въ семьѣ Плещеевыхъ нѣжность къ «милымъ друзьямъ» соединялась съ любовью къ «музамъ». «Жена» Кутузова, еще ребенокъ, хочетъ представлять передъ «женихомъ», когда тотъ вернется на родину, его переводы и собирается посылать ему «Московскій Журналъ», который, «сказываютъ, очень хорошъ» (29 : 4 сн. и 110 : 21); ея коротенькія записочки проникнуты той же чувствительностью, какъ письма матери [215]). Алексѣй Александровичъ готовъ «столько заниматься» будущимъ журналомъ Кутузова, «сколько можно заниматься книгой для него полезною» (110 : 4) [216]). Анастасія Ивановна посылаетъ Кутузову только что появившіяся книжки «Московскаго Журнала». Впослѣдствіи вышелъ въ свѣтъ ея переводъ книги Ле-Пресъ-де-Бомонъ «Жилище бѣдныхъ, работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ нижняго класса людей». (1-е изд., М., 1808; 2-е, СПб., 1834).

«Московскій журналъ» былъ задуманъ до отъѣзда Карамзина за границу — это предвидѣли оба его друга, Плещеева и Кутузовъ (№ 33); оба они не сочувствовали ни поѣздкѣ, ни литературнымъ планамъ «русскаго путешественника», опасаясь измѣны, одна — нѣжнѣйшему чувству дружбы, другой — святому долгу «каменщиковъ.»

Плещеева упрекала Карамзина въ томъ, что онъ кидаетъ ея письмы, не читавъ (2 : 3 сн.); а тотъ писалъ въ свою очередь: «Если бы вы съ такимъ же удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!» [217]) Упрекнувъ друга за молчаніе, Анастасія Ивановна огорчается одной фразой въ письмѣ его изъ Парижа отъ 11 мая 1790 и говоритъ (3 : 10): «ты не стоишь, чтобы я была другомъ твоимъ за в с ѣ твои письма» — значитъ, ихъ было нѣсколько; но тутъ же она жалуется, что «не имѣла удовольствія получить ни единаго отвѣта ни на какое письмо» (3 : 2); фразы, смутившей Плещееву, нѣтъ въ печатномъ изданіи «Писемъ русскаго путешественника», а указаніемъ на «в с ѣ» письма сама же Плещеева свидѣтельствуетъ о существованіи переписки; горе заключалось въ томъ, что за свои «дружескія» письма Плещеева получала «описанія вояжей». «Не стану съ нимъ говорить объ его вояжахъ», пишетъ она Кутузову — вотъ моя сатисфакція за его рѣдкія письма» (6 : 17 — 18); такъ она противорѣчитъ себѣ: раньше жаловалась, что Карамзинъ не писалъ вовсе, а затѣмъ оказывается, что

[214]) *Гротъ*, 53, 54, 55, 72, 77, 033, 034.

[215]) Повидимому, къ этой «женѣ» Кутузова относятся «Стихи [Карамзина] на день рожденія А. А. П. (14 октября)» въ 1-й книжкѣ «Аонидъ», 169.

[216]) Въ 1-й книжкѣ «Аонидъ» (17 — 27) Карамзинъ напечаталъ «Посланіе къ А. А. П[лещееву]».

[217]) *Карамзинъ*, I, 271. См. также I, 53, 278, 298, 299; II, 25, 80, 128.

немъ участіе; лѣтомъ того же года онъ писалъ другу: «Желаю только спокойствія Настасьѣ Ивановнѣ и семейству ея. Есть-ли жизнь моя нужна въ свѣтѣ, то развѣ для нея; несмотря на частыя и смѣшныя ссоры, она очень любитъ меня. Я также сердечно къ ней привязанъ» [214]).

Въ семьѣ Плещеевыхъ нѣжность къ «милымъ друзьямъ» соединялась съ любовью къ «музамъ». «Жена» Кутузова, еще ребенокъ, хочетъ представлять передъ «женихомъ», когда тотъ вернется на родину, его переводы и собирается посылать ему «Московскій Журналъ», который, «сказываютъ, очень хорошъ» (29 : 4 сн. и 110 : 21); ея коротенькія записочки проникнуты той же чувствительностью, какъ письма матери [215]). Алексѣй Александровичъ готовъ «столько заниматься» будущимъ журналомъ Кутузова, «сколько можно заниматься книгой для него полезною» (110 : 4) [216]). Анастасія Ивановна посылаетъ Кутузову только что появившіяся книжки «Московскаго Журнала». Впослѣдствіи вышелъ въ свѣтъ ея переводъ книги Ле-Пресъ-де-Бомонъ «Жилище бѣдныхъ, работниковъ, слугъ, ремесленниковъ и всѣхъ нижняго класса людей». (1-е изд., М., 1808; 2-е, СПб., 1834).

«Московскій журналъ» былъ задуманъ до отъѣзда Карамзина за границу — это предвидѣли оба его друга, Плещеева и Кутузовъ (№ 33); оба они не сочувствовали ни поѣздкѣ, ни литературнымъ планамъ «русскаго путешественника», опасаясь измѣны, одна — нѣжнѣйшему чувству дружбы, другой — святому долгу «каменщиковъ.»

Плещеева упрекала Карамзина въ томъ, что онъ кидаетъ ея письмы, не читавъ (2 : 3 сн.); а тотъ писалъ въ свою очередь: «Если бы вы съ такимъ же удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!» [217]) Упрекнувъ друга за молчаніе, Анастасія Ивановна огорчается одной фразой въ письмѣ его изъ Парижа отъ 11 мая 1790 и говоритъ (3 : 10): «ты не стоишь, чтобы я была другомъ твоимъ за в с ѣ твои письма» — значитъ, ихъ было нѣсколько; но тутъ же она жалуется, что «не имѣла удовольствія получить ни единаго отвѣта ни на какое письмо» (3 : 2); фразы, смутившей Плещееву, нѣтъ въ печатномъ изданіи «Писемъ русскаго путешественника», а указаніемъ на «в с ѣ» письма сама же Плещеева свидѣтельствуетъ о существованіи переписки; горе заключалось въ томъ, что за свои «дружескія» письма Плещеева получала «описанія вояжей». «Не стану съ нимъ говорить объ его вояжахъ», пишетъ она Кутузову — вотъ моя сатисфакція за его рѣдкія письма» (6 : 17 — 18); такъ она противорѣчитъ себѣ: раньше жаловалась, что Карамзинъ не писалъ вовсе, а затѣмъ оказывается, что

[214]) *Гротъ*, 53, 54, 55, 72, 77, 033, 034.

[215]) Повидимому, къ этой «женѣ» Кутузова относятся «Стихи [Карамзина] на день рожденія А. А. П. (14 октября)» въ 1-й книжкѣ «Аонидъ», 169.

[216]) Въ 1-й книжкѣ «Аонидъ» (17 — 27) Карамзинъ напечаталъ «Посланіе къ А. А. П[лещееву]».

[217]) *Карамзинъ*, I, 271. См. также I, 53, 278, 298, 299; II, 25, 80, 128.

онъ писалъ рѣдко. «И ежели онъ начнетъ говорить о вояжахъ, продолжаетъ Плещеева, то слушать не стану; ежели будетъ писать, — читать не стану, и первое мое требованіе, дабы онъ не отдавалъ никакъ въ печать своихъ описаній (6 : 18 — 21). Не изъ-за однихъ «Писемъ русскаго путешественника» поѣхалъ Карамзинъ за границу. Изъ переписки Плещеевой съ Кутузовымъ ясно, что была какая-то исключительная причина, принуждавшая Карамзина на время покинуть отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ дорожилъ этой поѣздкой, желалъ ея, строилъ на ней свои литературные планы; однако, по словамъ Плещеевой и Кутузова, было «нѣчто необыкновенное», было какое то столкновеніе между Карамзинымъ и «однимъ или нѣсколькими человѣками», причемъ Плещеевой пришлось пойти на уступки и, скрѣпя сердце, отпустить друга на чужбину (№ 7, 33 и 55). Можетъ быть, это «нѣчто» заключалось въ разрывѣ Карамзина съ масонами? Вступить въ орденъ было легче, чѣмъ уйти изъ него. Во всякомъ случаѣ путешествіемъ своимъ Карамзинъ возстановилъ противъ себя масонскій кругъ. «Какъ онъ только сказалъ, что ѣдетъ, то прочіе его друзья такъ называемые, пишетъ Плещеева, явнымъ образомъ его возненавидѣли; а какъ онъ пріѣхалъ, то никого болѣе; слѣдственно кто же у него остался? мы одни; онъ у насъ». (№ 96).

Карамзинъ надѣялся увидать Кутузова въ Берлинѣ, но тотъ былъ въ отъѣздѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ; пришлось ограничиться свиданіемъ съ Д (можетъ быть, съ Дюбоскомъ), который хорошо зналъ Кутузова; а отъ послѣдняго пришло 19 іюля 1789 извѣстіе, что его не найти и во Франкфуртѣ, такъ какъ онъ уѣзжалъ на нѣсколько недѣль въ Парижъ [218]). На родину Карамзинъ возвращался моремъ, а Кутузовъ жилъ въ это время въ Берлинѣ; о перепискѣ между ними можно заключить изъ словъ Плещеевой Кутузову о Карамзинѣ: «вы скорѣе свѣдаете, гдѣ онъ, отошлите, Бога ради, къ нему наше письмо» (№ 2). Въ дружбѣ ихъ, однако, вскорѣ обнаружился большой изъянъ. Кутузовъ былъ недоволенъ журналомъ Карамзина — по его мнѣнію, это была праздная затѣя, порожденная самонадѣянностью молодого писателя; въ безхитростной записочкѣ Карамзина (№ 35) онъ усмотрѣлъ «истинную загадку» и заранѣе просилъ «пощадить друга при изданіи новаго журнала (№ 54). Въ письмѣ къ Плещеевой онъ прямо высказался противъ этого изданія, опасаясь, какъ бы Карамзинъ не сдѣлался «предметомъ смѣха и ругательства или, что и того опаснѣе, чтобы успѣхъ его трудовъ не наполнилъ его самолюбіемъ и тщеславіемъ» (58 : 8 и слѣд.); а черезъ двѣ недѣли Кутузовъ сочинилъ-было насмѣшливое «Письмо къ журналисту», которое самому автору показалось «ѣдкимъ» (70 : 13 сн). Рѣзкую характеристику Карамзина и его журнала далъ также Багрянскій [219]) въ письмѣ

[218]) *Карамзинъ*, I, 58 и слѣд., 124, 125.

[219]) Михаилъ Ивановичъ Багрянскій — см. примѣчанія къ № 73.

онъ писалъ рѣдко. «И ежели онъ начнетъ говорить о вояжахъ, продолжаетъ Плещеева, то слушать не стану; ежели будетъ писать, — читать не стану, и первое мое требованіе, дабы онъ не отдавалъ никакъ въ печать своихъ описаній (6 : 18 — 21). Не изъ-за однихъ «Писемъ русскаго путешественника» поѣхалъ Карамзинъ за границу. Изъ переписки Плещеевой съ Кутузовымъ ясно, что была какая-то исключительная причина, принуждавшая Карамзина на время покинуть отечество. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ дорожилъ этой поѣздкой, желалъ ея, строилъ на ней свои литературные планы; однако, по словамъ Плещеевой и Кутузова, было «нѣчто необыкновенное», было какое то столкновеніе между Карамзинымъ и «однимъ или нѣсколькими человѣками», причемъ Плещеевой пришлось пойти на уступки и, скрѣпя сердце, отпустить друга на чужбину (№ 7, 33 и 55). Можетъ быть, это «нѣчто» заключалось въ разрывѣ Карамзина съ масонами? Вступить въ орденъ было легче, чѣмъ уйти изъ него. Во всякомъ случаѣ путешествіемъ своимъ Карамзинъ возстановилъ противъ себя масонскій кругъ. «Какъ онъ только сказалъ, что ѣдетъ, то прочіе его друзья такъ называемые, пишетъ Плещеева, явнымъ образомъ его возненавидѣли; а какъ онъ пріѣхалъ, то никого болѣе; слѣдственно кто же у него остался? мы одни; онъ у насъ». (№ 96).

Карамзинъ надѣялся увидать Кутузова въ Берлинѣ, но тотъ былъ въ отъѣздѣ, во Франкфуртѣ на Майнѣ; пришлось ограничиться свиданіемъ съ Д (можетъ быть, съ Дюбоскомъ), который хорошо зналъ Кутузова; а отъ послѣдняго пришло 19 іюля 1789 извѣстіе, что его не найти и во Франкфуртѣ, такъ какъ онъ уѣзжалъ на нѣсколько недѣль въ Парижъ [218]). На родину Карамзинъ возвращался моремъ, а Кутузовъ жилъ въ это время въ Берлинѣ; о перепискѣ между ними можно заключить изъ словъ Плещеевой Кутузову о Карамзинѣ: «вы скорѣе свѣдаете, гдѣ онъ, отошлите, Бога ради, къ нему наше письмо» (№ 2). Въ дружбѣ ихъ, однако, вскорѣ обнаружился большой изъянъ. Кутузовъ былъ недоволенъ журналомъ Карамзина — по его мнѣнію, это была праздная затѣя, порожденная самонадѣянностью молодого писателя; въ безхитростной записочкѣ Карамзина (№ 35) онъ усмотрѣлъ «истинную загадку» и заранѣе просилъ «пощадить друга при изданіи новаго журнала (№ 54). Въ письмѣ къ Плещеевой онъ прямо высказался противъ этого изданія, опасаясь, какъ бы Карамзинъ не сдѣлался «предметомъ смѣха и ругательства или, что и того опаснѣе, чтобы успѣхъ его трудовъ не наполнилъ его самолюбіемъ и тщеславіемъ» (58 : 8 и слѣд.); а черезъ двѣ недѣли Кутузовъ сочинилъ-было насмѣшливое «Письмо къ журналисту», которое самому автору показалось «ѣдкимъ» (70 : 13 сн). Рѣзкую характеристику Карамзина и его журнала далъ также Багрянскій [219]) въ письмѣ

[218]) *Карамзинъ*, I, 58 и слѣд., 124, 125.

[219]) Михаилъ Ивановичъ Багрянскій — см. примѣчанія къ № 73.

20 января 1791 (№ 74) и ею воспользовался Кутузовъ, когда писалъ Плещеевой, что Карамзину «сама Курляндія, въ сравненіи съ Россіей, представляется раемъ или, по малой мѣрѣ, обѣтованною землею» (100 : 2). Столь значительной казалась Кутузову перемѣна, происшедшая въ Карамзинѣ подъ вліяніемъ путешествія. Дѣло заключалось, конечно, не въ путешествіи — причиной тревоги и негодованія былъ разрывъ «братскихъ связей», о которомъ Карамзинъ заявилъ публично, отказавшись принимать въ «Московскій Журналъ» всѣ «теологическія, мистическія, слишкомъ ученыя, педантическія сухія пьесы». Кутузовъ не зналъ, что и подумать объ этомъ. «Видно, писалъ онъ Плещеевой, что путешествіе Карамзина произвело въ немъ великую перемѣну въ разсужденіи прежнихъ друзей его: можетъ быть, и въ немъ произошла французская революція» (№ 87).

Еще строже взглянулъ на Карамзина кн. П. И. Трубецкой. Князь находилъ, что «чужіе край, надувъ Карамзина гордостію, содѣлали, что онъ никуды не годится». «Онъ былъ у меня однажды, — пишетъ Трубецкой Кутузову (№ 83), — но, видно, разговоры мои касательно до безумнаго предпріятія каждаго неопытнаго молодого человѣка въ томъ, чтобы исправлять писаніями родъ человѣческій, ему не полюбились, ибо онъ съ тѣхъ поръ, какъ ногу переломилъ, и у меня не былъ. Сочиненіе жъ его никому не полюбилось, да и, правду сказать, полюбиться не чему, я пробѣжалъ оныя и не въ состояніи былъ оныхъ дочитать. Словомъ, онъ своимъ журналомъ объявилъ себя въ глазахъ публики дерзновеннымъ и, между нами сказать, дуракомъ; а касательно до экономическаго его положенія, то онъ отъ своего журнала разстроилъ свое состояніе и се есть достойное награжденіе за его гордость»...

Такъ проста была «мораль» этого «мартиниста»: за смиреніе Богъ награждаетъ прибылью, за гордость караетъ убыткомъ.

Перемѣной въ Карамзинѣ взволнована была и Плещеева — она не находила въ любезномъ другѣ прежней «нѣжности», а разрыву его съ масонами была рада, и отъ всего сердца жалѣла Кутузова, какъ невольнаго изгнанника. Масонскимъ исканіямъ и «работамъ» Кутузова она совсѣмъ не сочувствовала и откровенно отвѣчала на вопросъ о цѣли его путешествія:

«Вотъ что, я думаю, цѣль вашего вояжу была, есть и будетъ — пустыя ваши воображенія, которыя только могутъ мысленно существовать, а реализироваться не могутъ. Я не умѣла по русски сказать. Итакъ, разберите все и возвратитесь къ намъ, утѣшьте своимъ пріѣздомъ друзей вашихъ» (28).

Кутузовъ не послушался «друга», остался въ Берлинѣ для «реализаціи пустыхъ воображеній» и, покинутый «братьями», погибъ.

Я. Барсковъ.

---

20 января 1791 (№ 74) и ею воспользовался Кутузовъ, когда писалъ Плещеевой, что Карамзину «сама Курляндія, въ сравненіи съ Россіей, представляется раемъ или, по малой мѣрѣ, обѣтованною землею» (100 : 2). Столь значительной казалась Кутузову перемѣна, происшедшая въ Карамзинѣ подъ вліяніемъ путешествія. Дѣло заключалось, конечно, не въ путешествіи — причиной тревоги и негодованія былъ разрывъ «братскихъ связей», о которомъ Карамзинъ заявилъ публично, отказавшись принимать въ «Московскій Журналъ» всѣ «теологическія, мистическія, слишкомъ ученыя, педантическія сухія пьесы». Кутузовъ не зналъ, что и подумать объ этомъ. «Видно, писалъ онъ Плещеевой, что путешествіе Карамзина произвело въ немъ великую перемѣну въ разсужденіи прежнихъ друзей его: можетъ быть, и въ немъ произошла французская революція» (№ 87).

Еще строже взглянулъ на Карамзина кн. П. И. Трубецкой. Князь находилъ, что «чужіе край, надувъ Карамзина гордостію, содѣлали, что онъ никуды не годится». «Онъ былъ у меня однажды, — пишетъ Трубецкой Кутузову (№ 83), — но, видно, разговоры мои касательно до безумнаго предпріятія каждаго неопытнаго молодого человѣка въ томъ, чтобы исправлять писаніями родъ человѣческій, ему не полюбились, ибо онъ съ тѣхъ поръ, какъ ногу переломилъ, и у меня не былъ. Сочиненіе жъ его никому не полюбилось, да и, правду сказать, полюбиться не чему, я пробѣжалъ оныя и не въ состояніи былъ оныхъ дочитать. Словомъ, онъ своимъ журналомъ объявилъ себя въ глазахъ публики дерзновеннымъ и, между нами сказать, дуракомъ; а касательно до экономическаго его положенія, то онъ отъ своего журнала разстроилъ свое состояніе и се есть достойное награжденіе за его гордость»...

Такъ проста была «мораль» этого «мартиниста»: за смиреніе Богъ награждаетъ прибылью, за гордость караетъ убыткомъ.

Перемѣной въ Карамзинѣ взволнована была и Плещеева — она не находила въ любезномъ другѣ прежней «нѣжности», а разрыву его съ масонами была рада, и отъ всего сердца жалѣла Кутузова, какъ невольнаго изгнанника. Масонскимъ исканіямъ и «работамъ» Кутузова она совсѣмъ не сочувствовала и откровенно отвѣчала на вопросъ о цѣли его путешествія:

«Вотъ что, я думаю, цѣль вашего вояжу была, есть и будетъ — пустыя ваши воображенія, которыя только могутъ мысленно существовать, а реализироваться не могутъ. Я не умѣла по русски сказать. Итакъ, разберите все и возвратитесь къ намъ, утѣшьте своимъ пріѣздомъ друзей вашихъ» (28).

Кутузовъ не послушался «друга», остался въ Берлинѣ для «реализаціи пустыхъ воображеній» и, покинутый «братьями», погибъ.

Я. Барсковъ.

ПИСЬМА И ДНЕВНИКЪ.

(1780—1792).

ПИСЬМА И ДНЕВНИКЪ.

(1780—1792).

1. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 7 іюля, 1790. (18 іюля).

Уже почти два мѣсяца, любезный другъ Алексѣй Михайловичъ, какъ мы твоихъ писемъ не получаемъ. Пріятное удовольствіе получать твои письмы есть увѣреніе твоей дружбы, которая для меня безцѣнна. Теперь не знаемъ мы, гдѣ ты? Еще въ маѣ мы получили отъ тебя письмо, которое однако не сказывало намъ, что ты скоро оставишь Берлинъ. Для того мы и послали вексель на Берлинъ, то есть, тѣ твои деньги пятьсотъ рублей, которые я получилъ отъ Федора Михайловича *). Любезный нашъ Николай Михайловичъ **) долженъ уже мѣсяцъ назадъ быть въ своемъ любезномъ Лондонѣ, а какъ намѣреніе его было симъ городомъ кончить свое путешествіе, то я надѣюсь сего столь мнѣ любезнаго человѣка въ концѣ августа видѣть у себя въ Знаменскомъ. Пожалуй, напиши, естли что-нибудь объ немъ знаешь. Настасьѣ Ивановнѣ моей пришла щастливая мысль въ голову, хотя, по моему, она и пустая, — то есть, что ты будто поѣдешь чрезъ Кіевъ, слѣдовательно, и чрезъ Орелъ, и къ намъ непремѣнно въ Знаменское заѣдешь. Она уже и время назначила, сколько тебя продержать въ Знаменскомъ. О себѣ сказать болѣе ничего не могу, какъ только то, что мы живемъ тихо и спокойно въ своей деревнѣ, и то, что я люблю моего друга любезнаго Алексѣя Михайловича такъ, кажется, сколько могу и умѣю любить, что дружба моя къ нему мнѣ очень дорога, что дѣти мои отвѣтствуютъ моимъ желаніямъ, почитаютъ и любятъ тебя, хотя это заочно. Жена твоя ***) становится постарѣе, слѣдовательно, поумнѣе, ибо исправляется отъ упрямства и учится изрядно; говоритъ по французски хорошо для того, что она великая болтунья. Прощай, любезный другъ, будь благополученъ и люби меня.

---

*) Ф. М. Кутузовъ.

**) Н. М. Карамзинъ.

***) «Женой» Кутузова называли А. А. и А. П. Плещеевы свою дочь Александру.

1. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 7 іюля, 1790. (18 іюля).

Уже почти два мѣсяца, любезный другъ Алексѣй Михайловичъ, какъ мы твоихъ писемъ не получаемъ. Пріятное удовольствіе получать твои письмы есть увѣреніе твоей дружбы, которая для меня безцѣнна. Теперь не знаемъ мы, гдѣ ты? Еще въ маѣ мы получили отъ тебя письмо, которое однако не сказывало намъ, что ты скоро оставишь Берлинъ. Для того мы и послали вексель на Берлинъ, то есть, тѣ твои деньги пятьсотъ рублей, которые я получилъ отъ Федора Михайловича *). Любезный нашъ Николай Михайловичъ **) долженъ уже мѣсяцъ назадъ быть въ своемъ любезномъ Лондонѣ, а какъ намѣреніе его было симъ городомъ кончить свое путешествіе, то я надѣюсь сего столь мнѣ любезнаго человѣка въ концѣ августа видѣть у себя въ Знаменскомъ. Пожалуй, напиши, естли что-нибудь объ немъ знаешь. Настасьѣ Ивановнѣ моей пришла щастливая мысль въ голову, хотя, по моему, она и пустая, — то есть, что ты будто поѣдешь чрезъ Кіевъ, слѣдовательно, и чрезъ Орелъ, и къ намъ непремѣнно въ Знаменское заѣдешь. Она уже и время назначила, сколько тебя продержать въ Знаменскомъ. О себѣ сказать болѣе ничего не могу, какъ только то, что мы живемъ тихо и спокойно въ своей деревнѣ, и то, что я люблю моего друга любезнаго Алексѣя Михайловича такъ, кажется, сколько могу и умѣю любить, что дружба моя къ нему мнѣ очень дорога, что дѣти мои отвѣтствуютъ моимъ желаніямъ, почитаютъ и любятъ тебя, хотя это заочно. Жена твоя ***) становится постарѣе, слѣдовательно, поумнѣе, ибо исправляется отъ упрямства и учится изрядно; говоритъ по французски хорошо для того, что она великая болтунья. Прощай, любезный другъ, будь благополученъ и люби меня.

---

*) Ф. М. Кутузовъ.

**) Н. М. Карамзинъ.

***) «Женой» Кутузова называли А. А. и А. П. Плещеевы свою дочь Александру.

2. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 7 іюля, 1790. (18 іюля).

Я любезному другу Алексѣю Михайловичу скажу, что мнѣ очень, очень грусно, что отъ васъ писемъ нѣтъ. Я не знаю, отчего, а съ недѣлю, какъ чрезвычайно грусно, а еще къ тому прибавьте, что и отъ васъ писемъ нѣтъ. Я боюсь, здоровы-ль вы. Мнѣ очень на себя досадно, что я такъ много люблю. Знавъ свое сердце, мнѣ должно себя отъ всякой любви отучать. Ежели вы такъ не пишете отъ одной лѣни, такъ должно вамъ краснѣть, получа сіе письмо. Дѣлать безпокойствіе людямъ, которые васъ такъ любятъ,—отчего? Отъ того только, что лѣнь недѣли въ двѣ удѣлить нѣсколько часовъ на письмо, дабы насъ успокоить! Къ тому-жъ безпокойству получили мы письмо отъ Николая Михайловича [*]), совсѣмъ на него не похожее; а какъ я люблю душу его, то меня чрезвычайно сіе безпокоитъ. Однако это между нами. Бога ради, ему не сказывайте. Онъ же пишетъ, чтобъ мы къ нему въ Лондонъ не писали; то, такъ какъ вы скорѣе свѣдаете, гдѣ онъ, отошлите, Бога ради, наше къ нему письмо. Я боюсь, чтобы вы чего-нибудь не подумали болѣе,—такъ вотъ что, его словами скажу, меня безпокоитъ одно только это слово: «я васъ вѣчно буду любить, ежели душа моя безсмертна». Вообразите-жъ, каково, ежели онъ въ томъ сомнѣвается! Это „ежели“ меня съ ума сводитъ! Прощай, любезный Алексѣй Михайловичъ. Будьте увѣрены въ истинной дружбѣ моей, которая не кончится никогда.

3. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — Н. М. КАРАМЗИНУ.

Знаменское. 7 іюля, 1790. (18 іюля).

Хотя ты, любезный другъ, и запретилъ намъ писать къ тебѣ однако я никакъ не могу сама себя лишить сего удовольствія. Согласно-ли одно съ другимъ? Самъ же ты пишешь, что письма наши дѣлаютъ тебѣ удовольствіе, и потомъ говоришь: «не пишите ко мнѣ!» Я знаю сей резонъ, — ты пишешь, чтобы мы не писали точно для того, чтобъ мы не послали твои деньги къ тебѣ. La délicatesse très mal placée или, лучше сказать, что ты никогда не бывалъ другомъ нашимъ. Ежели чьи одолженія намъ въ тягость, то уже вѣрно тѣхъ людей мы не любимъ. Да теперь мы уже вамъ и вы намъ деньгами не должны никакъ; а ежели за что-нибудь считаешь дружбу нашу, то за оную только дружбой плати. Но я увѣрена и увѣрена совершенно, что проклятые чужіе краи сдѣлали съ [**]) тебя совсѣмъ другого: не только дружба наша тебѣ въ тягость, но и письмы кидаешь, не читавъ! Я въ томъ столько увѣрена,

*) Н. М. Карамзинъ.

**) Такъ въ подлинникѣ: с ъ.

2. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 7 іюля, 1790. (18 іюля).

Я любезному другу Алексѣю Михайловичу скажу, что мнѣ очень, очень грусно, что отъ васъ писемъ нѣтъ. Я не знаю, отчего, а съ недѣлю, какъ чрезвычайно грусно, а еще къ тому прибавьте, что и отъ васъ писемъ нѣтъ. Я боюсь, здоровы-ль вы. Мнѣ очень на себя досадно, что я такъ много люблю. Знавъ свое сердце, мнѣ должно себя отъ всякой любви отучать. Ежели вы такъ не пишете отъ одной лѣни, такъ должно вамъ краснѣть, получа сіе письмо. Дѣлать безпокойствіе людямъ, которые васъ такъ любятъ,—отчего? Отъ того только, что лѣнь недѣли въ двѣ удѣлить нѣсколько часовъ на письмо, дабы насъ успокоить! Къ тому-жъ безпокойству получили мы письмо отъ Николая Михайловича [*]), совсѣмъ на него не похожее; а какъ я люблю душу его, то меня чрезвычайно сіе безпокоитъ. Однако это между нами. Бога ради, ему не сказывайте. Онъ же пишетъ, чтобъ мы къ нему въ Лондонъ не писали; то, такъ какъ вы скорѣе свѣдаете, гдѣ онъ, отошлите, Бога ради, наше къ нему письмо. Я боюсь, чтобы вы чего-нибудь не подумали болѣе,—такъ вотъ что, его словами скажу, меня безпокоитъ одно только это слово: «я васъ вѣчно буду любить, ежели душа моя безсмертна». Вообразите-жъ, каково, ежели онъ въ томъ сомнѣвается! Это „ежели“ меня съ ума сводитъ! Прощай, любезный Алексѣй Михайловичъ. Будьте увѣрены въ истинной дружбѣ моей, которая не кончится никогда.

3. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — Н. М. КАРАМЗИНУ.

Знаменское. 7 іюля, 1790. (18 іюля).

Хотя ты, любезный другъ, и запретилъ намъ писать къ тебѣ однако я никакъ не могу сама себя лишить сего удовольствія. Согласно-ли одно съ другимъ? Самъ же ты пишешь, что письма наши дѣлаютъ тебѣ удовольствіе, и потомъ говоришь: «не пишите ко мнѣ!» Я знаю сей резонъ, — ты пишешь, чтобы мы не писали точно для того, чтобъ мы не послали твои деньги къ тебѣ. La délicatesse très mal placée или, лучше сказать, что ты никогда не бывалъ другомъ нашимъ. Ежели чьи одолженіи намъ въ тягость, то уже вѣрно тѣхъ людей мы не любимъ. Да теперь мы уже намъ и вы намъ деньгами не должны никакъ; а ежели за что-нибудь считаешь дружбу нашу, то за оную только дружбой плати. Но я увѣрена и увѣрена совершенно, что проклятые чужіе краи сдѣлали съ [**]) тебя совсѣмъ другого: не только дружба наша тебѣ въ тягость, но и письмы кидаешь, не читавъ! Я въ томъ столько увѣрена,

*) Н. М. Карамзинъ.

**) Такъ въ подлинникѣ: с ъ.

какъ въ томъ, que j'existe, потому что съ тѣхъ поръ, какъ ты въ чужихъ краяхъ, я не имѣла удовольствія получить ни единаго отвѣта ни на какое мое письмо; то я самого тебя дѣлаю судьею, что̀ я должна изъ онаго заключить: или ты писемъ не читаешь, или такъ уже презираешь ихъ, что не видишь въ нихъ ничего, достойнаго для отвѣта. Богъ съ тобою, будешь раскаиваться, да поздно! Я только скажу, что письмо твое отъ 11 мая изъ Парижа столько для меня огорчительно, что я въ жизни моей никакимъ такъ не огорчалась. Ежели это письмо прочтешь, то увидишь, что мнѣ чрезмѣрно грустно. Прости, подписывать не хочу для того, что ты совершенно не стоишь того, чтобъ я была другомъ твоимъ за всѣ твои письма, а особливо за послѣднее отъ 11 мая; а иначе подписать не могу, потому что любовь моя все еще чрезвычайная къ неблагодарному, какъ я ни стараюсь истребить оную изъ сердца. Не я одна, но всякъ то-жъ тебѣ скажетъ, каково твое послѣднее письмо. Прочти, да разсмотри хорошенько себя не для насъ, а для самого себя. Ежели ты съ мыслями писалъ это письмо, то очень много надобно тебѣ назадъ оглянуться и подумать, что̀ ты былъ въ Москвѣ, какое имѣлъ сердце и какъ мыслилъ; не то изъ тебя проклятые чужіе краи сдѣлали. Ежели-жъ писалъ ты безъ мыслей, то видно, что ты очень мало насъ любишь. Дай Богъ, дабы мои предвѣщанія были пустыя. Прости, Христосъ съ тобою.

4. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — Н. М. КАРАМЗИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

А я любезному и милому моему другу скажу, что его очень люблю. Пишу для того къ тебѣ мало, что, думаю, уже сіе письмо тебя въ Лондонѣ не застанетъ; второе, что я тебя мѣсяца чрезъ полтора дожидаюсь въ Знаменское; слѣдовательно, словами тебѣ изъясню мою любовь и обниму любезнаго моего друга Николая Михайловича, котораго дружба мнѣ безцѣнна.

5. Кн. П. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 18 іюля, 1790.—№ 21. (20 іюля).

Любезный другъ! Письмо твое подъ № 17 я получилъ такъ-же, какъ и письмо отъ Сацердоса *), на которое при семъ посылаю отвѣтъ, и прошу тебя его увѣрить, что я къ нему писалъ истинну и что я точно его люблю и его искренній другъ. О себѣ скажу, что я здоровъ, но жена моя послѣ претерпѣнной подагры, которая была очень порядочна и совсѣмъ прошла, чувствуетъ странную болѣзнь, а именно: у нее такъ

*) Бар. Шредеръ.

какъ въ томъ, que j'existe, потому что съ тѣхъ поръ, какъ ты въ чужихъ краяхъ, я не имѣла удовольствія получить ни единаго отвѣта ни на какое мое письмо; то я самого тебя дѣлаю судьею, что̀ я должна изъ онаго заключить: или ты писемъ не читаешь, или такъ уже презираешь ихъ, что не видишь въ нихъ ничего, достойнаго для отвѣта. Богъ съ тобою, будешь раскаиваться, да поздно! Я только скажу, что письмо твое отъ 11 мая изъ Парижа столько для меня огорчительно, что я въ жизни моей никакимъ такъ не огорчалась. Ежели это письмо прочтешь, то увидишь, что мнѣ чрезмѣрно грустно. Прости, подписывать не хочу для того, что ты совершенно не стоишь того, чтобъ я была другомъ твоимъ за всѣ твои письма, а особливо за послѣднее отъ 11 мая; а иначе подписать не могу, потому что любовь моя все еще чрезвычайная къ неблагодарному, какъ я ни стараюсь истребить оную изъ сердца. Не я одна, но всякъ то-жъ тебѣ скажетъ, каково твое послѣднее письмо. Прочти, да разсмотри хорошенько себя не для насъ, а для самого себя. Ежели ты съ мыслями писалъ это письмо, то очень много надобно тебѣ назадъ оглянуться и подумать, что̀ ты былъ въ Москвѣ, какое имѣлъ сердце и какъ мыслилъ; не то изъ тебя проклятые чужіе краи сдѣлали. Ежели-жъ писалъ ты безъ мыслей, то видно, что ты очень мало насъ любишь. Дай Богъ, дабы мои предвѣщанія были пустыя. Прости, Христосъ съ тобою.

4. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — Н. М. КАРАМЗИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

А я любезному и милому моему другу скажу, что его очень люблю. Пишу для того къ тебѣ мало, что, думаю, уже сіе письмо тебя въ Лондонѣ не застанетъ; второе, что я тебя мѣсяца чрезъ полтора дожидаюсь въ Знаменское; слѣдовательно, словами тебѣ изъясню мою любовь и обниму любезнаго моего друга Николая Михайловича, котораго дружба мнѣ безцѣнна.

5. Кн. П. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 18 іюля, 1790.—№ 21. (20 іюля).

Любезный другъ! Письмо твое подъ № 17 я получилъ такъ-же, какъ и письмо отъ Сацердоса *), на которое при семъ посылаю отвѣтъ, и прошу тебя его увѣрить, что я къ нему писалъ истинну и что я точно его люблю и его искренній другъ. О себѣ скажу, что я здоровъ, но жена моя послѣ претерпѣнной подагры, которая была очень порядочна и совсѣмъ прошла, чувствуетъ странную болѣзнь, а именно: у нее такъ

*) Бар. Шредеръ.

дуетъ животъ и желудокъ, что оттого животъ ея такъ дѣлается великъ, какъ у брюхатой на сносяхъ, и она въ то время чувствуетъ тягость, мѣшающую ей свободно дышать и тѣсноту въ груди, и хотя это иногда проходитъ, и животъ и желудокъ становится въ обыкновенномъ положеніи, но однакожъ часто и почти всякій день таковое раздуваніе съ нею дѣлается, причемъ хотя она и не чувствуетъ боли въ животѣ, но ежели оный зачнетъ тереть, то имѣетъ несказанное какое-то отвратительное чувство. Пожалуйста, мой другъ, разскажи оное Тедену *) и спроси совѣта, что̀ съ нею дѣлать, а здѣшній нашъ докторъ разсуждаетъ, что это вѣтры, а можетъ быть и обструкція, почему и зачалъ съ нынѣшняго дня давать разводительныя лѣкарства въ пилюляхъ. Еще скажу, что она чувствуетъ, что у нее во рту сохнетъ и все позываетъ ее на кислое, которое-жъ однако, по ея примѣчанію, ей вредно. Сонъ ея изрядный, а аппетитъ, нельзя сказать, чтобъ былъ дуренъ. Пожалуйста, мой другъ, все это разскажи Тедену, и что̀ онъ скажетъ и придумаетъ къ ея облегченію, то отпиши ко мнѣ обстоятельно. Прости, мой другъ; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

6. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

[Включено въ предыдущее письмо].

Cher ami et frère!

A la fin, après un silence trop long pour un ami, j'ai reçu votre lettre, par laquelle je vois que votre amitié pour moi, qui m'est précieuse, ne s'est pas refroidie. Je ne répondrai rien à ce que vous m'écrivez concernant l'idée que vous vous êtes faite en égard aux idées que vous croyez que nous avons à votre égard, puisque je suis sûr que, si Dieu vous ramène dans nos bras, ainsi vous vous assurerez que nous avons été et sommes toujours vos amis, puisque nous n'avons jamais eu d'idée, vous connaissant comme nous vous connaissons, que vous ayez enfreint en quelque point les sentiments d'honneur que nous vous connaissons, mais nous avons toujours regardé votre état comme un état malheureux pour vous dans lequel vous êtes tombé par un oubli de défiance sur vous-même. Mais laissons cela, soyez assuré que vous avez en moi un vrai et fidèle ami, dont l'amitié est stable et qui est prêt à tout moment de vous démontrer par effet que son amitié ne peut jamais recevoir de changement. Adieu, mon cher ami. Je vous embrasse mille et mille fois. Ma femme vous salue comme aussi mon fils et Philus **) et Repertus ***) et Vegetus ****) qui vous aiment du fond de leurs coeurs. Votre fidèle ami.

*) Въ подлинникѣ: Медену.
**) И. В. Лопухинъ.
***) Кн. Ю. Н. Трубецкой (?).
****) П. П. Тургеневъ.

дуетъ животъ и желудокъ, что оттого животъ ея такъ дѣлается великъ, какъ у брюхатой на сносяхъ, и она въ то время чувствуетъ тягость, мѣшающую ей свободно дышать и тѣсноту въ груди, и хотя это иногда проходитъ, и животъ и желудокъ становится въ обыкновенномъ положеніи, но однакожъ часто и почти всякій день таковое раздуваніе съ нею дѣлается, причемъ хотя она и не чувствуетъ боли въ животѣ, но ежели оный зачнетъ тереть, то имѣетъ несказанное какое-то отвратительное чувство. Пожалуйста, мой другъ, разскажи оное Тедену *) и спроси совѣта, что̀ съ нею дѣлать, а здѣшній нашъ докторъ разсуждаетъ, что это вѣтры, а можетъ быть и обструкція, почему и зачалъ съ нынѣшняго дня давать разводительныя лѣкарства въ пилюляхъ. Еще скажу, что она чувствуетъ, что у нее во рту сохнетъ и все позываетъ ее на кислое, которое-жъ однако, по ея примѣчанію, ей вредно. Сонъ ея изрядный, а аппетитъ, нельзя сказать, чтобъ былъ дуренъ. Пожалуйста, мой другъ, все это разскажи Тедену, и что̀ онъ скажетъ и придумаетъ къ ея облегченію, то отпиши ко мнѣ обстоятельно. Прости, мой другъ; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

6. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

[Включено въ предыдущее письмо].

Cher ami et frère!

A la fin, après un silence trop long pour un ami, j'ai reçu votre lettre, par laquelle je vois que votre amitié pour moi, qui m'est précieuse, ne s'est pas refroidie. Je ne répondrai rien à ce que vous m'écrivez concernant l'idée que vous vous êtes faite en égard aux idées que vous croyez que nous avons à votre égard, puisque je suis sûr que, si Dieu vous ramène dans nos bras, ainsi vous vous assurerez que nous avons été et sommes toujours vos amis, puisque nous n'avons jamais eu d'idée, vous connaissant comme nous vous connaissons, que vous ayez enfreint en quelque point les sentiments d'honneur que nous vous connaissons, mais nous avons toujours regardé votre état comme un état malheureux pour vous dans lequel vous êtes tombé par un oubli de défiance sur vous-même. Mais laissons cela, soyez assuré que vous avez en moi un vrai et fidèle ami, dont l'amitié est stable et qui est prêt à tout moment de vous démontrer par effet que son amitié ne peut jamais recevoir de changement. Adieu, mon cher ami. Je vous embrasse mille et mille fois. Ma femme vous salue comme aussi mon fils et Philus **) et Repertus ***) et Vegetus ****) qui vous aiment du fond de leurs coeurs. Votre fidèle ami.

*) Въ подлинникѣ: Медену.

**) И. В. Лопухинъ.

***) Кн. Ю. Н. Трубецкой (?).

****) И. П. Тургеневъ.

7. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 22 іюля, 1790. (31 іюля).

Ежели-бъ вы знали, сколько ваше письмо меня разогорчило, вы бы вѣрно лучше желали обмануть меня, нежели сказать, что вы долго не будете. Я какъ радовалась, дѣлала планы въ головѣ своей, какъ бы васъ уговорить сюда въ деревню погостить. Вы бы здѣсь были такъ уединены, какъ вамъ угодно. По всѣ сіи воображеніи вашимъ письмомъ разрушились, — и я горько заплакала. Право, вы такъ не можете меня любить, какъ я васъ люблю. Ежели бы вы столько-жъ любили, все бы вы оставили. Кто три года чего не могъ сдѣлать, то уже хотя десять живи, такъ все то-жъ будетъ. Я вамъ сіе пророчествую и, истинную правду сказать, я никакого успѣха вамъ не желаю, потому что пользы никому быть не можетъ. Вольно вамъ мучиться и жить въ чужой землѣ ни почто, и никто не скажетъ спасиба. Я сколько-нибудь всѣхъ вашихъ друзей знаю и лучше хочу для нихъ остаться при моемъ недовѣрчивомъ нравѣ, нежели съ вашей легковѣрностью.

Вы очень хорошо разсуждаете и совѣтъ вашъ полезенъ, ежели бы я его уже сто разъ не употребляла. Какая была польза тѣмъ людямъ, которые прежде васъ увѣряли меня въ дружбѣ, обманывать меня, однако-жъ, очень долгое время они сіе продолжали и нынѣ есть нѣкоторые — также продолжаютъ, да я уже знаю, какъ мнѣ съ ними вести себя, то что-жъ вы на сіе скажете? Я вамъ точно докажу это, что сіе со мною было, есть и будетъ. Я не хочу тѣхъ людей именовать. Ежели бы я говорила съ вами, не было бы у меня тайнаго отъ васъ ничего, а то я пишу и осуждена на долгое время писать. А мнѣ тысячу вещей желается вамъ сообщить, но писать никакъ не могу рѣшиться. Первое для того, что письмо можетъ пропасть; второе и для того, какъ вы не захотите отвѣчать, то кто васъ принудитъ, а я только разсержусь, — и опять выйдетъ ссора, которая и такъ мнѣ очень дорого стоила.

А что вы пишете про нашего общаго друга — милорда Рамзея *), то, къ несчастію, я почти всего того-жъ ожидаю. Вы такъ написали, какъ бы вы читали въ моемъ сердцѣ; но, къ счастію, что не всѣ, напримѣръ, вы знаете причины, которыя побудили его ѣхать. Повѣрите-ль, что я изъ первыхъ, плакавъ предъ нимъ, просила его ѣхать; другъ вашъ Алексѣй Александровичъ **) — второй; знать, что сіе было нужно и надобно. Я, которая была вѣчно противъ онаго вояжа, и дорого, дорого мнѣ стоила оная разлука. Да, таковы были обстоятельства друга нашего, что сіе непремѣнно было должно сдѣлать. Послѣ этого скажите, возможно-ли мнѣ было и будетъ любить злодѣя, который всему почти

*) Н. М. Карамзинъ

**) А. А. Плещеевъ.

7. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 22 іюля, 1790. (31 іюля).

Ежели-бъ вы знали, сколько ваше письмо меня разогорчило, вы бы вѣрно лучше желали обмануть меня, нежели сказать, что вы долго не будете. Я какъ радовалась, дѣлала планы въ головѣ своей, какъ бы васъ уговорить сюда въ деревню погостить. Вы бы здѣсь были такъ уединены, какъ вамъ угодно. По всѣ сіи воображеніи вашимъ письмомъ разрушились, — и я горько заплакала. Право, вы такъ не можете меня любить, какъ я васъ люблю. Ежели бы вы столько-жъ любили, все бы вы оставили. Кто три года чего не могъ сдѣлать, то уже хотя десять живи, такъ все то-жъ будетъ. Я вамъ сіе пророчествую и, истинную правду сказать, я никакого успѣха вамъ не желаю, потому что пользы никому быть не можетъ. Вольно вамъ мучиться и жить въ чужой землѣ ни почто, и никто не скажетъ спасиба. Я сколько-нибудь всѣхъ вашихъ друзей знаю и лучше хочу для нихъ остаться при моемъ недовѣрчивомъ нравѣ, нежели съ вашей легковѣрностью.

Вы очень хорошо разсуждаете и совѣтъ вашъ полезенъ, ежели бы я его уже сто разъ не употребляла. Какая была польза тѣмъ людямъ, которые прежде васъ увѣряли меня въ дружбѣ, обманывать меня, однако-жъ, очень долгое время они сіе продолжали и нынѣ есть нѣкоторые — также продолжаютъ, да я уже знаю, какъ мнѣ съ ними вести себя, то что-жъ вы на сіе скажете? Я вамъ точно докажу это, что сіе со мною было, есть и будетъ. Я не хочу тѣхъ людей именовать. Ежели бы я говорила съ вами, не было бы у меня тайнаго отъ васъ ничего, а то я пишу и осуждена на долгое время писать. А мнѣ тысячу вещей желается вамъ сообщить, но писать никакъ не могу рѣшиться. Первое для того, что письмо можетъ пропасть; второе и для того, какъ вы не захотите отвѣчать, то кто васъ принудитъ, а я только разсержусь, — и опять выйдетъ ссора, которая и такъ мнѣ очень дорого стоила.

А что вы пишете про нашего общаго друга — милорда Рамзея *), то, къ несчастію, я почти всего того-жъ ожидаю. Вы такъ написали, какъ бы вы читали въ моемъ сердцѣ; но, къ счастію, что не всѣ, напримѣръ, вы знаете причины, которыя побудили его ѣхать. Повѣрите-ль, что я изъ первыхъ, плакавъ предъ нимъ, просила его ѣхать; другъ вашъ Алексѣй Александровичъ **) — второй; знать, что сіе было нужно и надобно. Я, которая была вѣчно противъ онаго вояжа, и дорого, дорого мнѣ стоила оная разлука. Да, таковы были обстоятельства друга нашего, что сіе непремѣнно было должно сдѣлать. Послѣ этого скажите, возможно-ли мнѣ было и будетъ любить злодѣя, который всему почти

*) Н. М. Карамзинъ

**) А. А. Плещеевъ.

сему главная причина? Каково разставаться съ сыномъ и другомъ, и тогда, когда я не думала уже увидѣться въ здѣшнемъ мірѣ. У меня тогда такъ сильно шла горломъ кровь, что я почитала себя очень близкою къ чахоткѣ. Послѣ сего скажите, что онъ изъ упрямства поѣхалъ. Я все бы вамъ порядочно описала, но, право, силъ нѣтъ писать въ страхѣ, что письмо пропадетъ.

Вы пишете, что онъ будетъ навсегда презирать свое отечество, и сама сего смертельно боюсь. А какъ я составляю часть того-жъ, то и меня, стало, будетъ ненавидѣть. Горько мнѣ сіе думать. Вы говорите, чтобы я ему простила сію слабость. Это уже не слабость, а болѣе; чувствую, къ стыду моему, что я на него буду сердиться и мучить себя стану. А того, кто причиной сего вояжу, вообразить безъ ужаса не могу, сколько я зла ему желаю! О, Тартюфъ!

Что еще болѣе вамъ скажу, что я въ себѣ и за добродѣтель не почитаю, но сіе родилось со мною, что я отъ роду моего никому зла не желала; знать, что мнѣ больно! Полно мнѣ о семъ писать; а скажу вамъ только то, что я, увидѣвъ Рамзея, не стану съ нимъ говорить о его вояжахъ. Вотъ моя сатисфакція за его рѣдкія письма; и ежели онъ начнетъ, то я слушать не стану. Ежели будетъ писать — читать не стану, и первое мое требованіе, дабы онъ не отдавалъ никакъ въ печать своихъ описаній.

Прости, мой любезный Алексѣй Михайловичъ! Бросьте свои гужи и не стыдитесь, что дюжи. Я вашими словами говорю. Право, тяжело съ вами такъ долго быть розно. Я же столько вамъ сказать хочу. Прощайте, любите; я хотя и мало достойна по моимъ всѣмъ недостаткамъ, но по любви моей, право, я стою вашей дружбы. Будьте увѣрены, что вы имѣете всегда вѣрноистиннаго друга въ

Настасьѣ Плещеевой.

А жена ваша *) иначе никакъ не подписывается, какъ Кутузова, а теперь было не захотѣла; однако, отдавъ письмо, вздумала непремѣнно подписаться, и поспѣшила. Прощайте еще. У насъ два уже письма впереди этого къ вамъ, и теперь, не получа отвѣта, къ вамъ писать не буду.

8. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

(Приписка къ предыдущему письму).

Mon cher ami! Je vous aime et vous aime beaucoup, beaucoup. Je souhaite vous voir bientôt. Je vous suis toujours fidèle. Votre fidèle amie

Alexandre de Pleschejeff-Coutousoff.

*) А. А. Плещеева. См. № 1.

сему главная причина? Каково разставаться съ сыномъ и другомъ, и тогда, когда я не думала уже увидѣться въ здѣшнемъ мірѣ. У меня тогда такъ сильно шла горломъ кровь, что я почитала себя очень близкою къ чахоткѣ. Послѣ сего скажите, что онъ изъ упрямства поѣхалъ. Я все бы вамъ порядочно описала, но, право, силъ нѣтъ писать въ страхѣ, что письмо пропадетъ.

Вы пишете, что онъ будетъ навсегда презирать свое отечество, и сама сего смертельно боюсь. А какъ я составляю часть того-жъ, то и меня, стало, будетъ ненавидѣть. Горько мнѣ сіе думать. Вы говорите, чтобы я ему простила сію слабость. Это уже не слабость, а болѣе; чувствую, къ стыду моему, что я на него буду сердиться и мучить себя стану. А того, кто причиной сего вояжу, вообразить безъ ужаса не могу, сколько я зла ему желаю! О, Тартюфъ!

Что еще болѣе вамъ скажу, что я въ себѣ и за добродѣтель не почитаю, но сіе родилось со мною, что я отъ роду моего никому зла не желала; знать, что мнѣ больно! Полно мнѣ о семъ писать; а скажу вамъ только то, что я, увидѣвъ Рамзея, не стану съ нимъ говорить о его вояжахъ. Вотъ моя сатисфакція за его рѣдкія письма; и ежели онъ начнетъ, то я слушать не стану. Ежели будетъ писать — читать не стану, и первое мое требованіе, дабы онъ не отдавалъ никакъ въ печать своихъ описаній.

Прости, мой любезный Алексѣй Михайловичъ! Бросьте свои гужи и не стыдитесь, что дюжи. Я вашими словами говорю. Право, тяжело съ вами такъ долго быть розно. Я же столько вамъ сказать хочу. Прощайте, любите; я хотя и мало достойна по моимъ всѣмъ недостаткамъ, но по любви моей, право, я стою вашей дружбы. Будьте увѣрены, что вы имѣете всегда вѣрноистиннаго друга въ

Настасьѣ Плещеевой.

А жена ваша *) иначе никакъ не подписывается, какъ Кутузова, а теперь было не захотѣла; однако, отдавъ письмо, вздумала непремѣнно подписаться, и поспѣшила. Прощайте еще. У насъ два уже письма впереди этого къ вамъ, и теперь, не получа отвѣта, къ вамъ писать не буду.

8. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

(Приписка къ предыдущему письму).

Mon cher ami! Je vous aime et vous aime beaucoup, beaucoup. Je souhaite vous voir bientôt. Je vous suis toujours fidèle. Votre fidèle amie

Alexandre de Pleschejeff-Coutousoff.

*) А. А. Плещеева. См. № 1.

9. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 22 іюля, 1790. (31 іюля).

Письмо, любезный другъ, мы отъ тебя получили, которое насъ обрадовало и огорчило. Обрадовало тѣмъ, что мы давно отъ тебя не получали писемъ, а огорчило, что нѣтъ по письму твоему ни малой надежды скоро тебя видѣть въ Россіи. Ты справедливо, любезный другъ, завидуешь моему состоянію, особливо, когда я въ деревнѣ. Здѣсь подлинно я имѣю время помышлять о самомъ себѣ, если бы только имѣлъ на то истинное желаніе; та бѣда, что не мѣсто и не уединеніе побуждаютъ быть съ самимъ собою, но твердое и неослабѣвающее намѣреніе, которымъ я не достаточествую; однако-жъ, любезный другъ, не закрасневшись, могу сказать, что я болѣе провождаю полезныхъ часовъ въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Думаю, уже тебѣ извѣстно, что мы въ началѣ нынѣшняго мѣсяца на морѣ одержали надъ шведами совершенную побѣду, какъ надъ большимъ, такъ и надъ галернымъ ихъ флотомъ, ибо взяли болѣе пяти тысячъ плѣнныхъ. Дай, Боже, чтобъ эта побѣда намъ принесла миръ. Пашъ Николай Михайловичъ *) уже, надѣюсь, возвращается отъ англичанъ къ русскимъ. Нетерпѣніе мое велико видѣть этого любезнаго мнѣ человѣка.

Ты меня въ письмѣ твоемъ обрадовалъ, что надѣешься на пользу его путешествія. Дай, Боже, чтобы онъ, пріѣхавъ сюда, сказалъ намъ, что люди вездѣ люди, а ученые его мужи ни на одну минуту не сдѣлали его счастливѣе прежняго.

Прощай, любезный другъ! Люби меня. Дѣти мои тебя помнятъ и цѣлуютъ, а жена моя сама къ тебѣ пишетъ.

10. МАРІЯ ВИЛЕМСОНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

35 верстъ отъ Москвы. 22 іюля, 1790. (14 августа).

Милый и любезный другъ Алексѣй Михайловичъ!

Не знавъ вашего пребыванія, что вы находитесь въ Берлинѣ, писала къ вамъ въ Москву; но, по несчастію, пріѣхавъ сюда, узнала отъ Карла Христофоровича Недергофа, что васъ здѣсь нѣтъ. Жалѣла сердечно, что не могла васъ видѣть, того человѣка, котораго мужъ мой покойный такъ страстно любилъ. Я привезла копію его сюда и хотѣла вамъ показать и оставляю его у крестнаго его отца — Карла Христофоровича Недергофа, который столь великодушенъ, что намѣренъ его самъ въ корпусъ отдать и у себя оставить до весны. Я симъ поступкомъ столь чувствительно тронута, что по гробъ мой благодарностію ему обязана буду, а прочіе покойнаго

*) Н. М. Карамзинъ.

9. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 22 іюля, 1790. (31 іюля).

Письмо, любезный другъ, мы отъ тебя получили, которое насъ обрадовало и огорчило. Обрадовало тѣмъ, что мы давно отъ тебя не получали писемъ, а огорчило, что нѣтъ по письму твоему ни малой надежды скоро тебя видѣть въ Россіи. Ты справедливо, любезный другъ, завидуешь моему состоянію, особливо, когда я въ деревнѣ. Здѣсь подлинно я имѣю время помышлять о самомъ себѣ, если бы только имѣлъ на то истинное желаніе; та бѣда, что не мѣсто и не уединеніе побуждаютъ быть съ самимъ собою, но твердое и неослабѣвающее намѣреніе, которымъ я не достаточествую; однако-жъ, любезный другъ, не закрасневшись, могу сказать, что я болѣе провождаю полезныхъ часовъ въ деревнѣ, нежели въ городѣ. Думаю, уже тебѣ извѣстно, что мы въ началѣ нынѣшняго мѣсяца на морѣ одержали надъ шведами совершенную побѣду, какъ надъ большимъ, такъ и надъ галернымъ ихъ флотомъ, ибо взяли болѣе пяти тысячъ плѣнныхъ. Дай, Боже, чтобъ эта побѣда намъ принесла миръ. Нашъ Николай Михайловичъ *) уже, надѣюсь, возвращается отъ англичанъ къ русскимъ. Нетерпѣніе мое велико видѣть этого любезнаго мнѣ человѣка.

Ты меня въ письмѣ твоемъ обрадовалъ, что надѣешься на пользу его путешествія. Дай, Боже, чтобы онъ, пріѣхавъ сюда, сказалъ намъ, что люди вездѣ люди, а ученые его мужи ни на одну минуту не сдѣлали его счастливѣе прежняго.

Прощай, любезный другъ! Люби меня. Дѣти мои тебя помнятъ и цѣлуютъ, а жена моя сама къ тебѣ пишетъ.

10. МАРІЯ ВИЛЕМСОНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

35 верстъ отъ Москвы. 22 іюля, 1790. (14 августа).

Милый и любезный другъ Алексѣй Михайловичъ!

Не знавъ вашего пребыванія, что вы находитесь въ Берлинѣ, писала къ вамъ въ Москву; но, по несчастію, пріѣхавъ сюда, узнала отъ Карла Христофоровича Недергофа, что васъ здѣсь нѣтъ. Жалѣла сердечно, что не могла васъ видѣть, того человѣка, котораго мужъ мой покойный такъ страстно любилъ. Я привезла копію его сюда и хотѣла вамъ показать и оставляю его у крестнаго его отца — Карла Христофоровича Недергофа, который столь великодушенъ, что намѣренъ его самъ въ корпусъ отдать и у себя оставить до весны. Я симъ поступкомъ столь чувствительно тронута, что по гробъ мой благодарностію ему обязана буду, а прочіе покойнаго

*) Н. М. Карамзинъ.

друзья всѣ замолчали, будто ихъ не было никогда. Но вы, любезный другъ, знаю, что изъ числа не тѣхъ молчаливыхъ. Вы, конечно, вспомните, что вы имѣете сына, который точная копія ваша, т. е., мой Петруша, и вы его, знаю, что возьмете къ себѣ и будете его воспитывать себѣ подобнымъ, любя свою старую и, въ теперешнее время, несчастную Пургу. Вы слово дали вотчиму его, т. е., любезному моему Вилемсону, когда сынъ вашъ только родился; такъ я въ той надеждѣ только остаюсь, что вы слово свое сдержите.

Желаю вамъ всякаго благополучія, наипаче здравія, и остаюсь, любезный мой другъ, ваша по гробъ мой несчастная пріятельница

Марья Вилемсонова.

11. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 1 августа, 1790. — № 22. (3 августа).

Уже нѣсколько почтъ, мой другъ, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ, что меня зачинаетъ жестоко безпокоить. Боже, дай, чтобы твоему молчанію не была причиною болѣзнь! О себѣ скажу, что я стражду обыкновенною моею кислотою въ желудкѣ, которую ничѣмъ вывести не могу; а женѣ, благодаря Бога, лучше и раздуваніе ея живота миновалось. Впрочемъ всѣ наши друзья, благодаря Бога, здоровы. Здѣсь пронесся слухъ, — но я оному не вѣрю, потому что Москва часто вретъ и болтаетъ, — что будто всѣмъ находящимся въ чужихъ краяхъ послано повелѣніе возвратиться; но ежели бы то было, то какъ мнѣ ни больно, что ты, мой другъ, не исцѣлясь совсѣмъ, къ намъ возвратишься, однакожъ я, зная тебя, увѣренъ, что ты тотчасъ повинуешься и возвратишься въ объятія твоихъ друзей. Теперь скажу тебѣ, что посвятившій нѣкогда тебѣ книгу и учившійся съ тобою въ Лейпцигѣ *) находится подъ судомъ за дерзновенное сочиненіе, которое, сказываютъ, такого рода, что стоитъ публичнаго и самаго строгаго наказанія. Вотъ, мой другъ, вѣтренная его и гордая голова куды завела, и вотъ слѣдствіе обыкновенное быстраго разума, не основаннаго на христіанскихъ правилахъ. Я, зная твое прекрасное сердце, знаю, что тебя тронетъ сіе извѣстіе. Но по всему, мною слышанному, онъ точно достоинъ участи, ему угрожающей, почему и огорчаться о немъ ты не долженъ, но воздохнуть только ко Управляющему всѣмъ, да содѣлаетъ Онъ наказаніе, ему угрожающее, средствомъ ко обращенію его на познаніе его мерзостей и на покаяніе объ оныхъ. Прости, мой другъ; я тебя въ мыслихъ обнимаю.

---

*) А. Н. Радищевъ.

друзья всѣ замолчали, будто ихъ не было никогда. Но вы, любезный другъ, знаю, что изъ числа не тѣхъ молчаливыхъ. Вы, конечно, вспомните, что вы имѣете сына, который точная копія ваша, т. е., мой Петруша, и вы его, знаю, что возьмете къ себѣ и будете его воспитывать себѣ подобнымъ, любя свою старую и, въ теперешнее время, несчастную Пургу. Вы слово дали вотчиму его, т. е., любезному моему Вилемсону, когда сынъ вашъ только родился; такъ я въ той надеждѣ только остаюсь, что вы слово свое сдержите.

Желаю вамъ всякаго благополучія, наипаче здравія, и остаюсь, любезный мой другъ, ваша по гробъ мой несчастная пріятельница

Марья Вилемсонова.

11. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 1 августа, 1790. — № 22. (3 августа).

Уже нѣсколько почтъ, мой другъ, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ, что меня зачинаетъ жестоко безпокоить. Боже, дай, чтобы твоему молчанію не была причиною болѣзнь! О себѣ скажу, что я стражду обыкновенною моею кислотою въ желудкѣ, которую ничѣмъ вывести не могу; а женѣ, благодаря Бога, лучше и раздуваніе ея живота миновалось. Впрочемъ всѣ наши друзья, благодаря Бога, здоровы. Здѣсь пронесся слухъ, — но я оному не вѣрю, потому что Москва часто вретъ и болтаетъ, — что будто всѣмъ находящимся въ чужихъ краяхъ послано повелѣніе возвратиться; но ежели бы то было, то какъ мнѣ ни больно, что ты, мой другъ, не исцѣлясь совсѣмъ, къ намъ возвратишься, однакожъ я, зная тебя, увѣренъ, что ты тотчасъ повинуешься и возвратишься въ объятія твоихъ друзей. Теперь скажу тебѣ, что посвятившій нѣкогда тебѣ книгу и учившійся съ тобою въ Лейпцигѣ *) находится подъ судомъ за дерзновенное сочиненіе, которое, сказываютъ, такого рода, что стоитъ публичнаго и самаго строгаго наказанія. Вотъ, мой другъ, вѣтренная его и гордая голова куды завела, и вотъ слѣдствіе обыкновенное быстраго разума, не основаннаго на христіанскихъ правилахъ. Я, зная твое прекрасное сердце, знаю, что тебя тронетъ сіе извѣстіе. Но по всему, мною слышанному, онъ точно достоинъ участи, ему угрожающей, почему и огорчаться о немъ ты не долженъ, но воздохнуть только ко Управляющему всѣмъ, да содѣлаетъ Онъ наказаніе, ему угрожающее, средствомъ ко обращенію его на познаніе его мерзостей и на покаяніе объ оныхъ. Прости, мой другъ; я тебя въ мыслихъ обнимаю.

---

*) А. Н. Радищевъ.

12. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 15 августа, 1790. — № 23. (19 августа)

Письмо твое, мой другъ, подъ № 18-мъ я получилъ; теперь жду съ нетерпѣніемъ Лихаса *). Удивляетъ меня Зенкбейль; видно, онъ раздумалъ ѣхать въ Россію и нашелъ себѣ мѣсто. Теперь скажу о себѣ, что я здоровъ и что мы всѣ въ величайшей радости о заключенномъ мирѣ со Швеціею. Богъ, спаситель нашъ, да благословитъ любезное наше отечество примиреніемъ и съ турками. Ты знаешь, мой другъ, мой антузіазмъ во всемъ, касающемся до отечества нашего, и, слѣдовательно, не дивися, что я плакалъ, какъ баба, отъ радости, узнавъ, что мы со Швеціей примирились; колико-жъ я обрадуюсь, когда и турки принуждены будутъ примириться, — а мнѣ что-то сердце говоритъ, что и сіе не умедлитъ. Соединимъ, мой другъ, молитвы наши и воззовемъ къ Богу, который самъ о себѣ сказалъ, что Онъ есть любовь, да изліетъ Онъ любовь въ сердца человѣческія и да изліетъ на всѣхъ насъ миръ, который Онъ обѣщалъ даровать всѣмъ. Прости, писать мнѣ нечего. Я тебя въ мысляхъ обнимаю, твой другъ

P[orrectus].

13. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 26 августа, 1790. — № 24. (29 августа).

Письмо твое, мой другъ, подъ № 19 и при немъ письмо отъ Сасер[доса] **) я получилъ, и, сказавъ тебѣ, что я и всѣ твои друзья, благодаря Бога, здоровы, отвѣтствую на твое письмо. Что касается до монхъ заботъ о домѣ, то онѣ, кажется, скоро кончатся, ибо строеніе мое приходитъ къ окончанію, чему я чрезвычайно радъ. О разговорѣ твоемъ съ Сокомъ я не имѣю никакого извѣстія, почему и думаю, что ты о немъ писалъ съ Лихас[омъ] *), котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ. Обѣщаніе тебѣ Сока меня весьма обрадовало; Богъ да благословитъ вступленіе твое въ сію ст[епень], въ которой, по моему мнѣнію, великія истины сокрыты подъ буквами, чего ради и совѣтую тебѣ проштудировать въ Бемѣ о семи свойствахъ натуры и о семи металлахъ и, елико возможно, глядѣть на все находящееся духовными глазами. Вотъ, мой другъ, тебѣ совѣтъ истиннаго твоего друга. Радуюсь, что ты приступилъ къ хим[ическимъ] работамъ. Онѣ, конечно, весьма полезны и открываютъ многое, чего бы безъ нихъ въ натурѣ познать было нельзя. О пріятелѣ твоемъ Ради[щевѣ] я уже къ тебѣ писалъ и подтверждаю сказанное

*) М. И. Багрянскій.

**) Бар. Шредеръ.

12. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 15 августа, 1790. — № 23. (19 августа)

Письмо твое, мой другъ, подъ № 18-мъ я получилъ; теперь жду съ нетерпѣніемъ Лихаса *). Удивляетъ меня Зенкбейль; видно, онъ раздумалъ ѣхать въ Россію и нашелъ себѣ мѣсто. Теперь скажу о себѣ, что я здоровъ и что мы всѣ въ величайшей радости о заключенномъ мирѣ со Швеціею. Богъ, спаситель нашъ, да благословитъ любезное наше отечество примиреніемъ и съ турками. Ты знаешь, мой другъ, мой антузіазмъ во всемъ, касающемся до отечества нашего, и, слѣдовательно, не дивися, что я плакалъ, какъ баба, отъ радости, узнавъ, что мы со Швеціей примирились; колико-жъ я обрадуюсь, когда и турки принуждены будутъ примириться, — а мнѣ что-то сердце говоритъ, что и сіе не умедлитъ. Соединимъ, мой другъ, молитвы наши и воззовемъ къ Богу, который самъ о себѣ сказалъ, что Онъ есть любовь, да изліетъ Онъ любовь въ сердца человѣческія и да изліетъ на всѣхъ насъ миръ, который Онъ обѣщалъ даровать всѣмъ. Прости, писать мнѣ нечего. Я тебя въ мысляхъ обнимаю, твой другъ

P[orrectus].

13. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 26 августа, 1790. — № 24. (29 августа).

Письмо твое, мой другъ, подъ № 19 и при немъ письмо отъ Сасер[доса] **) я получилъ, и, сказавъ тебѣ, что я и всѣ твои друзья, благодаря Бога, здоровы, отвѣтствую на твое письмо. Что касается до монхъ заботъ о домѣ, то онѣ, кажется, скоро кончатся, ибо строеніе мое приходитъ къ окончанію, чему я чрезвычайно радъ. О разговорѣ твоемъ съ Сокомъ я не имѣю никакого извѣстія, почему и думаю, что ты о немъ писалъ съ Лихас[омъ] *), котораго ожидаю съ нетерпѣніемъ. Обѣщаніе тебѣ Сока меня весьма обрадовало; Богъ да благословитъ вступленіе твое въ сію ст[епень], въ которой, по моему мнѣнію, великія истины сокрыты подъ буквами, чего ради и совѣтую тебѣ проштудировать въ Бемѣ о семи свойствахъ натуры и о семи металлахъ и, елико возможно, глядѣть на все находящееся духовными глазами. Вотъ, мой другъ, тебѣ совѣтъ истиннаго твоего друга. Радуюсь, что ты приступилъ къ хим[ическимъ] работамъ. Онѣ, конечно, весьма полезны и открываютъ многое, чего бы безъ нихъ въ натурѣ познать было нельзя. О пріятелѣ твоемъ Ради[щевѣ] я уже къ тебѣ писалъ и подтверждаю сказанное

*) М. И. Багрянскій.

**) Бар. Шредеръ.

мною, что, хотя я не читалъ его книги, но слышалъ объ ней отъ такихъ людей, которымъ я вѣрю, что она такого роду, что во всякомъ бы мѣстѣ Европы авторъ подвергся публичному наказанію, и что она имѣетъ основаніемъ своимъ проклятой нынѣшній духъ французовъ и въ ней изблеваны всякія мерзости; почему, мой другъ, что-бъ съ нимъ ни случилось, то онъ того достоинъ; и, яко человѣка, его жаль, но яко преступника, — я увѣренъ, что и ты, бывъ его судьею, не поколебался бы его осудить достойному наказанію за его мерзкое и дерзкое дѣло.

Прости, мой другъ, писать болѣе нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

P[orrectus].

14. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

[Включено въ предыдущее письмо].

Mon cher ami!

Ma réponse sur votre première lettre vous est certainement parvenue, et vous vous êtes assuré par elle que mon amitié pour vous est stable et ne peut jamais changer. En vous répétant derechef ce que j'ai dit dans elle, je viens sur la réponse à votre dernière lettre. Vous me connaissez assez pour être assuré que je suis prêt tous les moments à servir mes amis, et que si j'avais prête la somme qui vous est nécessaire, ainsi sans aucunes façons je vous l'aurais envoyée par cette première poste. Mais je puis vous assurer que ma bourse est vide, mais que cependant je ferai l'impossible pour trouver cette somme et dès que je l'aurais, ainsi je vous l'enverrais par la première poste. Ainsi, mon cher ami, ayez un peu de patience, peut être que dans deux ou trois semaines je pourrai vous envoyer ce que vous avez besoin, mais si par malheur je ne le pourrai point faire, ainsi je vous l'écrirai sans cérémonie. Adieu, mon ami, je vous embrasse mille fois.

P[orrectus].

15. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 1 сентября, 1790.—№ 25. (19 сентября).

Любезный другъ!

Поректусъ *) далъ мнѣ коммиссію къ тебѣ написать, что онъ, по причинѣ той, что его сынъ надѣется вступить въ службу, ѣдетъ съ нимъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, почему и проситъ тебя, чтобы ты, до возвращенія его, къ нему писалъ на имя Филуса **), который уже будетъ къ нему доставлять твои письма. О себѣ скажу, что

*) Кн. Н. П. Трубецкой.

**) И. В. Лопухинъ.

мною, что, хотя я не читалъ его книги, но слышалъ объ ней отъ такихъ людей, которымъ я вѣрю, что она такого роду, что во всякомъ бы мѣстѣ Европы авторъ подвергся публичному наказанію, и что она имѣетъ основаніемъ своимъ проклятой нынѣшній духъ французовъ и въ ней изблеваны всякія мерзости; почему, мой другъ, что-бъ съ нимъ ни случилось, то онъ того достоинъ; и, яко человѣка, его жаль, но яко преступника, — я увѣренъ, что и ты, бывъ его судьею, не поколебался бы его осудить достойному наказанію за его мерзкое и дерзкое дѣло.

Прости, мой другъ, писать болѣе нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

P[orrectus].

14. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

[Включено въ предыдущее письмо].

Mon cher ami!

Ma réponse sur votre première lettre vous est certainement parvenue, et vous vous êtes assuré par elle que mon amitié pour vous est stable et ne peut jamais changer. En vous répétant derechef ce que j'ai dit dans elle, je viens sur la réponse à votre dernière lettre. Vous me connaissez assez pour être assuré que je suis prêt tous les moments à servir mes amis, et que si j'avais prête la somme qui vous est nécessaire, ainsi sans aucunes façons je vous l'aurais envoyée par cette première poste. Mais je puis vous assurer que ma bourse est vide, mais que cependant je ferai l'impossible pour trouver cette somme et dès que je l'aurais, ainsi je vous l'enverrais par la première poste. Ainsi, mon cher ami, ayez un peu de patience, peut être que dans deux ou trois semaines je pourrai vous envoyer ce que vous avez besoin, mais si par malheur je ne le pourrai point faire, ainsi je vous l'écrirai sans cérémonie. Adieu, mon ami, je vous embrasse mille fois.

P[orrectus].

15. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 1 сентября, 1790.—№ 25. (19 сентября).

Любезный другъ!

Поректусъ *) далъ мнѣ коммиссію къ тебѣ написать, что онъ, по причинѣ той, что его сынъ надѣется вступить въ службу, ѣдетъ съ нимъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ, почему и проситъ тебя, чтобы ты, до возвращенія его, къ нему писалъ на имя Филуса **), который уже будетъ къ нему доставлять твои письма. О себѣ скажу, что

*) Кн. Н. П. Трубецкой.

**) И. В. Лопухинъ.

я и всѣ наши, благодаря Бога, здоровы. Новаго у насъ нѣтъ ничего къ твоему свѣдѣнію; итакъ, объемля тебя мысленно, есмь твой другъ

P[orrectus].

16. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 12 сентября, 1790. (19 сентября).

Тебѣ уже извѣстно, мой другъ, изъ послѣдняго моего письма, что Поректусъ *) ѣдетъ въ Петербургъ, и я столь много занятъ его отправленіемъ, что почти не имѣю для себя ничего времени, чего ради и не жди отъ меня, безъ особливой нужды, длинныхъ писемъ до самаго возвращенія Поректуса, который будетъ, коли Богу угодно, въ январѣ. Я здоровъ; Лихасъ **) пріѣхалъ и я получилъ твою посылку, за которую благодарю. Прости. Приложенное письмо отдай Сасердосу ***). Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

P[orrectus].

17. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 12 сентября, 1790. (19 сентября).

Cher ami!

Je me dépêche de vous envoyer une lettre de change pour 100 louis d'or, et puis vous assurer que si j'étais en état, ainsi mon amitié pour vous ferait l'impossible pour vous envoyer les 1,000 louis d'or, qui vous sont nécessaires, mais je ne le puis pas. Cependant pour ce qui concerne les 100 louis d'or, ainsi vous les recevrez tous les ans. Adieu, mon ami, je vous embrasse et suis pour toujours votre ami.

P[orrectus].

18. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Около 20 сентября], 1790. — № 26. (19 [?] сентября).

Любезный другъ!

Письмо твое подъ № 22 я получилъ и на оное скажу, что участь твоего бывшаго пріятеля ****) еще никому неизвѣстна. Я здоровъ, слава Богу, и пишу теперь только для того, чтобы тебя предупредить, чтобъ ты не безпокоился, ежели долго отъ меня не будетъ писемъ, ибо сему будетъ причиною вояжъ Поректусовъ *), который послѣ завтра ѣдетъ. Прости, мой другъ; будь здоровъ и пиши чрезъ Филуса *****) чаще. Твой другъ

P[orrectus].

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.
**) М. П. Багрянскій.
***) Бар. Шредеръ.
****) А. Н. Радищевъ.
*****) И. В. Лопухинъ.

я и всѣ наши, благодаря Бога, здоровы. Новаго у насъ нѣтъ ничего къ твоему свѣдѣнію; итакъ, объемля тебя мысленно, есмь твой другъ

P[orrectus].

16. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 12 сентября, 1790. (19 сентября).

Тебѣ уже извѣстно, мой другъ, изъ послѣдняго моего письма, что Поректусъ *) ѣдетъ въ Петербургъ, и я столь много занятъ его отправленіемъ, что почти не имѣю для себя ничего времени, чего ради и не жди отъ меня, безъ особливой нужды, длинныхъ писемъ до самаго возвращенія Поректуса, который будетъ, коли Богу угодно, въ январѣ. Я здоровъ; Лихасъ **) пріѣхалъ и я получилъ твою посылку, за которую благодарю. Прости. Приложенное письмо отдай Сасердосу ***). Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

P[orrectus].

17. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 12 сентября, 1790. (19 сентября).

Cher ami!

Je me dépêche de vous envoyer une lettre de change pour 100 louis d'or, et puis vous assurer que si j'étais en état, ainsi mon amitié pour vous ferait l'impossible pour vous envoyer les 1,000 louis d'or, qui vous sont nécessaires, mais je ne le puis pas. Cependant pour ce qui concerne les 100 louis d'or, ainsi vous les recevrez tous les ans. Adieu, mon ami, je vous embrasse et suis pour toujours votre ami.

P[orrectus].

18. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Около 20 сентября], 1790. — № 26. (19 [?] сентября).

Любезный другъ!

Письмо твое подъ № 22 я получилъ и на оное скажу, что участь твоего бывшаго пріятеля ****) еще никому неизвѣстна. Я здоровъ, слава Богу, и пишу теперь только для того, чтобы тебя предупредить, чтобъ ты не безпокоился, ежели долго отъ меня не будетъ писемъ, ибо сему будетъ причиною вояжъ Поректусовъ *), который послѣ завтра ѣдетъ. Прости, мой другъ; будь здоровъ и пиши чрезъ Филуса *****) чаще. Твой другъ

P[orrectus].

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

**) М. П. Багрянскій.

***) Бар. Шредеръ.

****) А. Н. Радищевъ.

*****) И. В. Лопухинъ.

19. И. В. ЛОПУХИНЪ [?] — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 23 [?] сентября, 1790. (19 [?] сентября).

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Поректусъ *), объ отъѣздѣ котораго другъ нашъ здѣсь пишетъ, уже уѣхалъ. Недѣли двѣ назадъ я къ тебѣ писалъ; теперь много писать не имѣю времени и новаго ничего нѣтъ. Всѣ твои друзья живутъ спокойно и здорово; у меня только очень теперь голова болитъ. Насморкъ сильный, однако-жъ, дѣло нестрашное. Приложенное письмо, по коммиссіи отъ Поректуса, отдай по надписи. О Радищевѣ сказываютъ, что онъ, лишенный чиновъ и дворянства, отправленъ на 10 лѣтъ въ ссылку. Указа о семъ я еще не читалъ. О семействѣ его государыня, сказываютъ, взяла попеченіе, свойственное ея милосердію. Книгу его, по сіе время, не могу достать прочесть для любопытства.

20. И. В. ЛОПУХИНЪ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 23 [?] сентября, 1790. (19 [?] сентября).

Vous témoignant, très cher frère, mon amitié inviolable, je vous envoye la 2 de la lettre de change du Prince Troubetzkoy et que Porrectus *) en partant d'ici m'a donné la commission de vous envoyer. Tous ceux des frères, qui vous ont toujours cheri, se feront plaisir de vous rendre service, et je m'en fais un d'être toujours de leur nombre. Que la recherche du Royaume de Dieu et de Sa justice soit l'unique fondement de notre amitié, avec la quelle je suis et serai sans cesse votre très dévoué frère et très humble serviteur

Philus **).

P. S. Quoique, mon cher ami, vous ne vous êtes jamais souvenu de moi dans vos lettres à Porrectus, mais j'espère que vous ne m'avez pas oublié.

21. И. П. ТУРГЕНЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 26 сентября, 1790. (17 октября).

Здравствуй, любезный другъ! Сердечно обрадовался я письму твоему, которое получилъ вчера отъ Иван[а] Влад[иміровича] **). Радуюсь, что ты здоровъ. Багрянскаго я не видалъ. Я живу съ женою и съ дѣтьми въ Москвѣ съ марта, а Космань — въ Тургеневѣ. Не ошибаешься, любезный другъ, что я и братъ мой тебя очень любимъ; я думаю, что я тебя еще болѣе любить буду. Чѣмъ болѣе живу, тѣмъ меньшее число людей лю-

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.
**) И. В. Лопухинъ.

19. И. В. ЛОПУХИНЪ [?] — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 23 [?] сентября, 1790. (19 [?] сентября).

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Поректусъ *), объ отъѣздѣ котораго другъ нашъ здѣсь пишетъ, уже уѣхалъ. Недѣли двѣ назадъ я къ тебѣ писалъ; теперь много писать не имѣю времени и новаго ничего нѣтъ. Всѣ твои друзья живутъ спокойно и здорово; у меня только очень теперь голова болитъ. Насморкъ сильный, однако-жъ, дѣло нестрашное. Приложенное письмо, по коммиссіи отъ Поректуса, отдай по надписи. О Радищевѣ сказываютъ, что онъ, лишенный чиновъ и дворянства, отправленъ на 10 лѣтъ въ ссылку. Указа о семъ я еще не читалъ. О семействѣ его государыня, сказываютъ, взяла попеченіе, свойственное ея милосердію. Книгу его, по сіе время, не могу достать прочесть для любопытства.

20. И. В. ЛОПУХИНЪ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 23 [?] сентября, 1790. (19 [?] сентября).

Vous témoignant, très cher frère, mon amitié inviolable, je vous envoye la 2 de la lettre de change du Prince Troubetzkoy et que Porrectus *) en partant d'ici m'a donné la commission de vous envoyer. Tous ceux des frères, qui vous ont toujours cheri, se feront plaisir de vous rendre service, et je m'en fais un d'être toujours de leur nombre. Que la recherche du Royaume de Dieu et de Sa justice soit l'unique fondement de notre amitié, avec la quelle je suis et serai sans cesse votre très dévoué frère et très humble serviteur

Philus **).

P. S. Quoique, mon cher ami, vous ne vous êtes jamais souvenu de moi dans vos lettres à Porrectus, mais j'espère que vous ne m'avez pas oublié.

21. И. П. ТУРГЕНЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 26 сентября, 1790. (17 октября).

Здравствуй, любезный другъ! Сердечно обрадовался я письму твоему, которое получилъ вчера отъ Иван[а] Влад[иміровича] **). Радуюсь, что ты здоровъ. Багрянскаго я не видалъ. Я живу съ женою и съ дѣтьми въ Москвѣ съ марта, а Космань — въ Тургеневѣ. Не ошибаешься, любезный другъ, что я и братъ мой тебя очень любимъ; я думаю, что я тебя еще болѣе любить буду. Чѣмъ болѣе живу, тѣмъ меньшее число людей лю-

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.
**) И. В. Лопухинъ.

быть можно, слѣдовательно, тѣмъ концентрированнѣе, а слѣдовательно, и сильнѣе любовь быть должна. Такъ въ семъ хочетъ меня увѣрить опытность моего разсудка. Да, кажется, она и резонъ имѣетъ, но слѣдовать сему заключенію претитъ всеобъемлющая и всѣхъ много любящая Любовь, которой да посвятятся всѣ желанія и чувствованія и дѣла мои. Принимая ипохондрію просто за ипохондрію, сожалѣю, что она тебя безпокоитъ. Дай, Боже, чтобы ты скорѣе къ намъ возвратился и утѣшился бы въ объятіяхъ дружбы. Дай, Боже, чтобъ дружба сія еще утвердилась, еще умножилась и была бы сильна и дѣйствительна для подаянія тебѣ утѣшенія существеннаго. Космань живетъ для стариковъ, ибо однихъ оставить совѣстно. Я жилъ съ ними полтора года; пожив здѣсь годъ, туды опять поѣду, а его пришлю, коли захочетъ, сюда. Онъ занимается экономіею, а лишнее время употребляетъ на переводъ книги „Economie divine“ par Poiret. Книга добрая; переводя ее, можно научиться многому, а между тѣмъ и писать правильнѣе. Конечно, лучше бы было, естли-бъ переводилъ ее человѣкъ ученѣйшій; но гдѣ ихъ взять? Которые и есть то они упражняются и заняты другими дѣлами и переводами. Я пошлю къ нему письмо твое; оно принесетъ ему удовольствіе и онъ будетъ самъ писать къ тебѣ. Катерина Сем[еновна] *) очень тебя благодаритъ за приписаніе. Андрей **) продолжаетъ быть степеннымъ, изрядно очень учится; Александръ **) болѣе французъ, нежели онъ, лѣнивъ и забывчивъ, но милѣе его, хотя не основателенъ такъ, какъ большой его братъ; есть еще и третій — Николай **), году, живетъ съ дѣдушкою и бабушкою. Новаго у насъ ничего. Всѣ наши здоровы. На сихъ дняхъ князь Ник[олай] Никитичъ ***) уѣхалъ въ Петербургъ на четыре мѣсяца. Николай Ив[ановичъ] ****) въ деревнѣ. Семенъ Ив[ановичъ] *****) туда поѣхалъ въ гости и скоро будетъ. Я живу болѣе съ Лопухиными; не имѣя другого экипажа, рѣдко могу нынѣ за дальностію и за наступающею грязью видѣться съ Семеномъ, живучи на Тверской. Да и лѣто было у насъ очень мокрое и не очень способное къ пѣшему хожденію. Нынѣ не такъ, какъ прежде, никогда нѣтъ собраній масонскихъ, дабы не утвердить въ неосновательномъ подозрѣніи и не дать случая сдѣлать худо. Зрящій сердца и утробы испытующій вѣдаетъ, сколько ошибаются, думая о насъ, якобы мы можемъ быть опасными и вредными. Но пусть всякъ думаетъ такъ, какъ хочетъ, только бы мы оставались и пребывали таковыми, каковыми суть, т. е., отнюдь зла не мыслящими и о вредѣ сожалѣющими, а не предпріемлющими отнюдь никакого.

---

*) Е. С. Тургенева.

**) Андрей, Александръ и Николай — сыновья И. П. Тургенева.

***) Кн. Н. Н. Трубецкой.

****) Н. И. Новиковъ.

*****) С. И. Гамалѣя.

быть можно, слѣдовательно, тѣмъ концентрированнѣе, а слѣдовательно, и сильнѣе любовь быть должна. Такъ въ семъ хочетъ меня увѣрить опытность моего разсудка. Да, кажется, она и резонъ имѣетъ, но слѣдовать сему заключенію претитъ всеобъемлющая и всѣхъ много любящая Любовь, которой да посвятятся всѣ желанія и чувствованія и дѣла мои. Принимая ипохондрію просто за ипохондрію, сожалѣю, что она тебя безпокоитъ. Дай, Боже, чтобы ты скорѣе къ намъ возвратился и утѣшился бы въ объятіяхъ дружбы. Дай, Боже, чтобъ дружба сія еще утвердилась, еще умножилась и была бы сильна и дѣйствительна для подаянія тебѣ утѣшенія существеннаго. Космань живетъ для стариковъ, ибо однихъ оставить совѣстно. Я жилъ съ ними полтора года; пожив здѣсь годъ, туды опять поѣду, а его пришлю, коли захочетъ, сюда. Онъ занимается экономіею, а лишнее время употребляетъ на переводъ книги „Economie divine“ par Poiret. Книга добрая; переводя ее, можно научиться многому, а между тѣмъ и писать правильнѣе. Конечно, лучше бы было, естли-бъ переводилъ ее человѣкъ ученѣйшій; но гдѣ ихъ взять? Которые и есть то они упражняются и заняты другими дѣлами и переводами. Я пошлю къ нему письмо твое; оно принесетъ ему удовольствіе и онъ будетъ самъ писать къ тебѣ. Катерина Сем[еновна] *) очень тебя благодаритъ за приписаніе. Андрей **) продолжаетъ быть степеннымъ, изрядно очень учится; Александръ **) болѣе французъ, нежели онъ, лѣнивъ и забывчивъ, но милѣе его, хотя не основателенъ такъ, какъ большой его братъ; есть еще и третій — Николай **), году, живетъ съ дѣдушкою и бабушкою. Новаго у насъ ничего. Всѣ наши здоровы. На сихъ дняхъ князь Ник[олай] Никитичъ ***) уѣхалъ въ Петербургъ на четыре мѣсяца. Николай Ив[ановичъ] ****) въ деревнѣ. Семенъ Ив[ановичъ] *****) туда поѣхалъ въ гости и скоро будетъ. Я живу болѣе съ Лопухиными; не имѣя другого экипажа, рѣдко могу нынѣ за дальностію и за наступающею грязью видѣться съ Семеномъ, живучи на Тверской. Да и лѣто было у насъ очень мокрое и не очень способное къ пѣшему хожденію. Нынѣ не такъ, какъ прежде, никогда нѣтъ собраній масонскихъ, дабы не утвердить въ неосновательномъ подозрѣніи и не дать случая сдѣлать худо. Зрящій сердца и утробы испытующій вѣдаетъ, сколько ошибаются, думая о насъ, якобы мы можемъ быть опасными и вредными. Но пусть всякъ думаетъ такъ, какъ хочетъ, только бы мы оставались и пребывали таковыми, каковыми суть, т. е., отнюдь зла не мыслящими и о вредѣ сожалѣющими, а не предпріемлющими отнюдь никакого.

---

*) Е. С. Тургенева.

**) Андрей, Александръ и Николай — сыновья И. П. Тургенева.

***) Кн. Н. Н. Трубецкой.

****) Н. И. Новиковъ.

*****) С. И. Гамалѣя.

Съ Прозоровскимъ я почти разстался за его грубость. Виноватъ, будучи самъ во многомъ ему подобенъ, не люблю и отвращаюсь всякаго худа въ другихъ, да и въ себѣ только для того терплю зло, что не могу уйти отъ него, или его изъ себя выгнать. На сихъ дняхъ, чаю, кончилось торжество мирное въ Петербургѣ. Много пожалованныхъ всѣмъ, а паче деньгами. Игельстрому, старому твоему командиру, лента Андреевская, чинъ аншефа и грамота похвальная. Вейдемейеру, старому знакомцу, крестъ третьей степени и по 600 р. въ прибавокъ къ его жалованью, и еще многимъ. Сенатъ говорилъ благодарную рѣчь, которую-бъ можно лучше написать, нежели она писана. Жаль, что нѣтъ у насъ Ломоносовыхъ. Староста говоритъ, что на прошедшее заключеніе мира съ турками рѣчь была лучше. Можетъ быть, и правда, — я не читалъ прежней. На Черномъ морѣ было недавно сраженіе жестокое. Наши побили турковъ и флотъ ихъ разогнанъ. Дай, Боже, миръ землѣ нашей! Можетъ быть, и съ юга будетъ такъ же surprise, какъ и съ сѣвера. Дай Боже! Прощай, любезный другъ. Желаю сердечно, чтобъ любовь и дружба наша возрастала и укрѣплялась паче и паче. Я есмь и желаю быть твоимъ искреннимъ. Всѣмъ нашимъ поклонись.

A propos — бѣднякъ Радищевъ, сказываютъ, посланъ въ ссылку на 10 лѣтъ въ Илимской острогъ, пять тысячъ верстъ отъ Петербурга. О семъ сказывалъ губернаторъ, слѣдовательно, — вѣрно. Онъ здоровъ; только, говоритъ онъ, невеселъ очень и слабъ отъ пути. Жаль очень, право, что онъ страждетъ за вредное свое любописаніе, которое безполезно, а ему только пагубно. Государыня, сказываютъ, его простила за оскорбленіе ея особы. Я книги не читалъ, даже и не видалъ; все подхватили, а говорятъ, будто здѣсь была.

22. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 30 сентября, 1790.

И тебѣ желая сдѣлать удовольствіе дружескими извѣстіями, и себѣ доставить оное въ бесѣдѣ съ тобою, хотя чрезъ письма, пишу къ тебѣ, любезнѣйшій другъ! Друзья твои здѣшніе, сколько мнѣ извѣстно, живутъ спокойно и здорово. Я ожидаю отъ тебя писемъ ко мнѣ и для доставленія къ князю Николаю Никитичу *). Ты, мой другъ любезный, скучаешь, сказываютъ, и весьма желаешь уединенія, что я и изъ писемъ твоихъ знаю. Часто и во мнѣ рождаются чувства такого-жъ желанія. Но я думаю, что для безвреднаго и достойнаго наслажденія уединеніемъ нужно прежде гораздо устроить сердечную пустыню и утвердить въ Единомъ. Что-жъ тебѣ сказать новаго? Ничего интереснаго не знаю.

*) Кн. Н. И. Трубецкой.

Съ Прозоровскимъ я почти разстался за его грубость. Виноватъ, будучи самъ во многомъ ему подобенъ, не люблю и отвращаюсь всякаго худа въ другихъ, да и въ себѣ только для того терплю зло, что не могу уйти отъ него, или его изъ себя выгнать. На сихъ дняхъ, чаю, кончилось торжество мирное въ Петербургѣ. Много пожалованныхъ всѣмъ, а паче деньгами. Игельстрому, старому твоему командиру, лента Андреевская, чинъ аншефа и грамота похвальная. Вейдемейеру, старому знакомцу, крестъ третьей степени и по 600 р. въ прибавокъ къ его жалованью, и еще многимъ. Сенатъ говорилъ благодарную рѣчь, которую-бъ можно лучше написать, нежели она писана. Жаль, что нѣтъ у насъ Ломоносовыхъ. Староста говоритъ, что на прошедшее заключеніе мира съ турками рѣчь была лучше. Можетъ быть, и правда, — я не читалъ прежней. На Черномъ морѣ было недавно сраженіе жестокое. Наши побили турковъ и флотъ ихъ разогнанъ. Дай, Боже, миръ землѣ нашей! Можетъ быть, и съ юга будетъ такъ же surprise, какъ и съ сѣвера. Дай Боже! Прощай, любезный другъ. Желаю сердечно, чтобъ любовь и дружба наша возрастала и укрѣплялась паче и паче. Я есмь и желаю быть твоимъ искреннимъ. Всѣмъ нашимъ поклонись.

A propos — бѣднякъ Радищевъ, сказываютъ, посланъ въ ссылку на 10 лѣтъ въ Илимской острогъ, пять тысячъ верстъ отъ Петербурга. О семъ сказывалъ губернаторъ, слѣдовательно, — вѣрно. Онъ здоровъ; только, говоритъ онъ, невеселъ очень и слабъ отъ пути. Жаль очень, право, что онъ страждетъ за вредное свое любописаніе, которое безполезно, а ему только пагубно. Государыня, сказываютъ, его простила за оскорбленіе ея особы. Я книги не читалъ, даже и не видалъ; все подхватили, а говорятъ, будто здѣсь была.

22. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 30 сентября, 1790.

И тебѣ желая сдѣлать удовольствіе дружескими извѣстіями, и себѣ доставить оное въ бесѣдѣ съ тобою, хотя чрезъ письма, пишу къ тебѣ, любезнѣйшій другъ! Друзья твои здѣшніе, сколько мнѣ извѣстно, живутъ спокойно и здорово. Я ожидаю отъ тебя писемъ ко мнѣ и для доставленія къ князю Николаю Никитичу *). Ты, мой другъ любезный, скучаешь, сказываютъ, и весьма желаешь уединенія, что я и изъ писемъ твоихъ знаю. Часто и во мнѣ рождаются чувства такого-жъ желанія. Но я думаю, что для безвреднаго и достойнаго наслажденія уединеніемъ нужно прежде гораздо устроить сердечную пустыню и утвердить въ Единомъ. Что-жъ тебѣ сказать новаго? Ничего интереснаго не знаю.

*) Кн. Н. И. Трубецкой.

Радищевъ, подлинно, сосланъ на 10 лѣтъ въ одно отдаленное мѣсто въ Сибири, слишкомъ за 5,000 верстъ отъ Москвы, чрезъ которую уже онъ и провезенъ. Онъ, сказываютъ, въ раскаяніи и многіе видѣли его. Я, совсѣмъ не зная его и даже лица его никогда не видавъ, по человѣколюбію жалѣю о его судьбѣ и о заблужденіяхъ его, и не знаю, то или другое заслуживаетъ большаго сожалѣнія въ разсужденіи истиннаго его блага. Камердинеръ его, сказываютъ, желалъ неотмѣнно слѣдовать за нимъ въ ссылку и сіе позволено ему къ чести для него. Приключеніе сего несчастнаго, конечно, болѣзненно сердцу твоему, привыкшему отъ самой юности любить его. Жалѣніе твое о немъ, конечно, извиняютъ всѣ, имѣющіе сентименты честности. Впрочемъ, сіе мучительное, конечно, для тѣла состояніе, въ которомъ онъ нынѣ находится, можетъ быть, полезно будетъ душѣ его, яко могущее ему поспособствовать увидѣть свои заблужденія, обратиться на путь христіанскій, на которомъ стоя, не можно дѣлать такихъ дѣлъ, за каковое онъ теперь страждетъ. Да, конечно, я думаю, не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ. О пріязни твоей съ нимъ здѣсь всѣ знаютъ. Но также знаютъ, кажется, и о разности твоихъ принципій съ нимъ. Книги его я никакъ не могъ достать прочесть по сіе время. Прости, любезнѣйшій другъ. Спѣшу застать почту.

Ph[ilus].

Пожалуй, пиши ко мнѣ.

23. И. В. ЛОПУХИНЪ—А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 7 октября, 1790. (17 октября).

Любезнѣйшій другъ!

Я пустилъ сегодня піявичную кровь отъ мучившихъ меня геммороидовъ и писать много не могу. Однакожъ я не боленъ. Скажу тебѣ только, что сегодня услышалъ я, хотя невѣрно, но вѣроятно, будто Радищевъ прощенъ и велѣно возвратить его изъ опредѣленнаго ему дальняго мѣста для житья, а только не въѣзжать въ обѣ столицы, а чины не возвращены. И это великая милость, ежели правда. Но я вѣрю въ разсужденіи извѣстнаго великодушія и милосердія государыни. Здѣсь объ немъ говорятъ, что онъ мартинистъ, а всіо смѣшивая — и мартинистовъ, и иллюминатовъ, и масоновъ; рады на нихъ горы взвалять. А я не знаю, былъ ли онъ когда и масонъ, совсѣмъ не бывъ съ нимъ знакомъ. Не знаю, есть-ли здѣсь иллюминаты. Ежели онъ имѣлъ нещастіе между нихъ попасть, то поступокъ его могъ оттуда произойти. О мартинистахъ-же совсѣмъ не знаю, существуетъ-ли такое общество по учрежденію. Увѣряютъ только, что поступокъ Радищева основанъ на антихристіанствѣ, которое совсѣмъ противно истинному масонству.

Радищевъ, подлинно, сосланъ на 10 лѣтъ въ одно отдаленное мѣсто въ Сибири, слишкомъ за 5,000 верстъ отъ Москвы, чрезъ которую уже онъ и провезенъ. Онъ, сказываютъ, въ раскаяніи и многіе видѣли его. Я, совсѣмъ не зная его и даже лица его никогда не видавъ, по человѣколюбію жалѣю о его судьбѣ и о заблужденіяхъ его, и не знаю, то или другое заслуживаетъ большаго сожалѣнія въ разсужденіи истиннаго его блага. Камердинеръ его, сказываютъ, желалъ неотмѣнно слѣдовать за нимъ въ ссылку и сіе позволено ему къ чести для него. Приключеніе сего несчастнаго, конечно, болѣзненно сердцу твоему, привыкшему отъ самой юности любить его. Жалѣніе твое о немъ, конечно, извиняютъ всѣ, имѣющіе сентименты честности. Впрочемъ, сіе мучительное, конечно, для тѣла состояніе, въ которомъ онъ нынѣ находится, можетъ быть, полезно будетъ душѣ его, яко могущее ему поспособствовать увидѣть свои заблужденія, обратиться на путь христіанскій, на которомъ стоя, не можно дѣлать такихъ дѣлъ, за каковое онъ теперь страждетъ. Да, конечно, я думаю, не сдѣлалъ бы онъ сего, ежели бы онъ былъ тѣмъ, что называютъ здѣсь мартинистомъ. О пріязни твоей съ нимъ здѣсь всѣ знаютъ. Но также знаютъ, кажется, и о разности твоихъ принципій съ нимъ. Книги его я никакъ не могъ достать прочесть по сіе время. Прости, любезнѣйшій другъ. Спѣшу застать почту.

Ph[ilus].

Пожалуй, пиши ко мнѣ.

23. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 7 октября, 1790. (17 октября).

Любезнѣйшій другъ!

Я пустилъ сегодня піявичную кровь отъ мучившихъ меня геммороидовъ и писать много не могу. Однакожъ я не боленъ. Скажу тебѣ только, что сегодня услышалъ я, хотя невѣрно, но вѣроятно, будто Радищевъ прощенъ и велѣно возвратить его изъ опредѣленнаго ему дальняго мѣста для житья, а только не въѣзжать въ обѣ столицы, а чины не возвращены. И это великая милость, ежели правда. Но я вѣрю въ разсужденіи извѣстнаго великодушія и милосердія государыни. Здѣсь объ немъ говорятъ, что онъ мартинистъ, а всіо смѣшивая — и мартинистовъ, и иллюминатовъ, и масоновъ; рады на нихъ горы взвалять. А я не знаю, былъ ли онъ когда и масонъ, совсѣмъ не бывъ съ нимъ знакомъ. Не знаю, есть-ли здѣсь иллюминаты. Ежели онъ имѣлъ нещастіе между нихъ попасть, то поступокъ его могъ оттуда произойти. О мартинистахъ-же совсѣмъ не знаю, существуетъ-ли такое общество по учрежденію. Увѣряютъ только, что поступокъ Радищева основанъ на антихристіанствѣ, которое совсѣмъ противно истинному масонству.

Богъ да просвѣтитъ его своимъ просвѣщеніемъ! Тебѣ же, мой другъ, спѣшу сообщить слухъ сей, зная, что сіе пріятно будетъ сердцу твоему, не привыкшему соглашаться съ дурными сентиментами твоихъ знакомыхъ, но привыкшему любить навсегда. Прости, — снизу мнѣ идетъ докладъ, что несвободно писать. Прости, другъ сердечный.

24. М. М. ХЕРАСКОВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здравствуй, любезный другъ! Я, слава Богу, со всѣми моими здоровъ и всѣ наши друзья спокойны. Что больше писать, кромѣ того единаго, да благость и премудрость Божья не была бы нами вотще употребляема. Прости, мой другъ, люби меня; а я желалъ бы и тебя, и всѣхъ, и нашихъ, и противныхъ намъ обнять въ сладчайшей любви, которая едина достойна поклоняема и почитаема и послѣдуема быть во вѣки.

25. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 14 октября, 1790. (17 октября).

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Посылаю къ тебѣ копію съ рѣшительнаго указу о повергнувшемъ себя въ нещастіе старинномъ пріятелѣ твоемъ *). Предъ симъ писалъ я къ тебѣ о слухѣ, что его велѣно воротить изъ Сибири и жить ему гдѣ хочетъ. Сей слухъ еще не опровергнутъ, но и не утвержденъ. Вѣрно только то, что государыня, узнавъ о томъ, что онъ отправленъ въ оковахъ, приказала тотчасъ оныя снять и везти его безо всякой строгости. Курьеръ нагналъ его съ симъ повелѣніемъ въ Новѣ-Городѣ, гдѣ оковы и сняты. Это trait очень свойственный добросердечію государыни, которая подлинно во все свое царствованіе даетъ свѣту примѣръ кроткаго и человѣколюбиваго правленія, особливо въ тѣхъ дѣлахъ, которыя до нея доходятъ. И по сіе время не могъ я еще найти книги Радищева, да уже и не надѣюсь читать ее. Она, сказываютъ, очень вѣрно характеризована въ указѣ. По истинѣ таковыя книги весьма вредоносны. Я думаю, что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіянскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему юродствованію Франціи. Да и возможно ли, чтобы тѣ, которые не чтутъ самаго Царя царей, могли любить царей земныхъ и охотно имъ повиноваться? Чувства сіи любви и повиновенія необходимо нужны для благосостоянія общественнаго! Но можетъ ли сіе быть предметомъ тѣхъ, которые токмо ищутъ собственной корысти, на которой основана вся оная модная французская

*) А. Н. Радищевъ.

Богъ да просвѣтитъ его своимъ просвѣщеніемъ! Тебѣ же, мой другъ, спѣшу сообщить слухъ сей, зная, что сіе пріятно будетъ сердцу твоему, не привыкшему соглашаться съ дурными сентиментами твоихъ знакомыхъ, но привыкшему любить навсегда. Прости, — снизу мнѣ идетъ докладъ, что несвободно писать. Прости, другъ сердечный.

24. М. М. ХЕРАСКОВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здравствуй, любезный другъ! Я, слава Богу, со всѣми моими здоровъ и всѣ наши друзья спокойны. Что больше писать, кромѣ того единаго, да благость и премудрость Божья не была бы нами вотще употребляема. Прости, мой другъ, люби меня; а я желалъ бы и тебя, и всѣхъ, и нашихъ, и противныхъ намъ обнять въ сладчайшей любви, которая едина достойна поклоняема и почитаема и послѣдуема быть во вѣки.

25. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 14 октября, 1790. (17 октября).

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Посылаю къ тебѣ копію съ рѣшительнаго указу о повергнувшемъ себя въ нещастіе старинномъ пріятелѣ твоемъ *). Предъ симъ писалъ я къ тебѣ о слухѣ, что его велѣно воротить изъ Сибири и жить ему гдѣ хочетъ. Сей слухъ еще не опровергнутъ, но и не утвержденъ. Вѣрно только то, что государыня, узнавъ о томъ, что онъ отправленъ въ оковахъ, приказала тотчасъ оныя снять и везти его безо всякой строгости. Курьеръ нагналъ его съ симъ повелѣніемъ въ Новѣ-Городѣ, гдѣ оковы и сняты. Это trait очень свойственный добросердечію государыни, которая подлинно во все свое царствованіе даетъ свѣту примѣръ кроткаго и человѣколюбиваго правленія, особливо въ тѣхъ дѣлахъ, которыя до нея доходятъ. И по сіе время не могъ я еще найти книги Радищева, да уже и не надѣюсь читать ее. Она, сказываютъ, очень вѣрно характеризована въ указѣ. По истинѣ таковыя книги весьма вредоносны. Я думаю, что сочиненія Вольтеровъ, Дидеротовъ, Гельвеціевъ и всѣхъ антихристіянскихъ вольнодумцевъ много способствовали къ нынѣшнему юродствованію Франціи. Да и возможно ли, чтобы тѣ, которые не чтутъ самаго Царя царей, могли любить царей земныхъ и охотно имъ повиноваться? Чувства сіи любви и повиновенія необходимо нужны для благосостоянія общественнаго! Но можетъ ли сіе быть предметомъ тѣхъ, которые токмо ищутъ собственной корысти, на которой основана вся оная модная французская

*) А. Н. Радищевъ.

философія. Жалко, что сіе имя профанируется. Зови меня, кто хочетъ, фанатикомъ, мартинистомъ, разпромасономъ, какъ угодно, я увѣренъ, что то государство счастливѣе, въ которомъ больше прямыхъ христіянъ. Они токмо могутъ быть хорошими подданными и гражданами. Недурно сіе предложено въ вышедшей въ нынѣшнемъ году книжкѣ „Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle?". Она здѣсь продается. Писана, видно, масономъ и прямымъ, ибо онъ все основываетъ на христіянствѣ и хулитъ иллюминатовъ. Разсуждая о вредѣ книгъ антихристіянскихъ и о пользѣ христіянскихъ, не могу не потужить о томъ, что пресѣчено здѣсь изданіе любезныхъ монхъ духовныхъ книгъ, которыхъ уже столько было вышло изъ нашихъ типографій. Сіи книги, проповѣдующія на каждой страницѣ истинну, любовь, смиреніе, могутъ ли посѣвать что иное, кромѣ добродѣтели, мира, покорности? Та или другая система о паденіи человѣка, о изученіи натуры, химическіе эксперименты никогда не рождали и не могутъ родить въ народѣ развращенія нравовъ, мятежа и проч. Но полно мнѣ философствовать. Знаютъ про то больше у кого бороды пошире, а наше дѣло молчать, повиноваться и жалѣть о томъ, что кажется достойнымъ сожалѣнія.

Знаешь ли, братецъ, что вновь выдумали умныя головы о тѣхъ книгахъ нашихъ и о какой-то нашей системѣ? Что онѣ заводятъ égalité des conditions. Какое невѣжество! Гдѣ яснѣе и основательнѣе говорится о нуждѣ правительствъ, о повиновеніи, о подчиненіи, какъ въ христіянскомъ ученіи? Развѣ они разумѣютъ о внутреннемъ христіянскомъ равенствѣ въ очахъ Божіихъ и послѣ смерти, — такъ опасенъ и стихъ, поемый при погребеніяхъ, что «царь и воинъ, нищій и богатый въ равномъ достоинствѣ предстоятъ»? И это, слѣдовательно, мартинизмъ! Однакожъ, мой другъ, слава Источнику всякія благости, всевышнему Покровителю невинности, и благодареніе нашей великодушной и весьма человѣколюбивой осторожной монархинѣ, — не смотря на всѣ клеветы на насъ и козни, друзья твои, въ томъ числѣ и пишущій сіе, называемые, какъ еще и при тебѣ было, мартинистами отъ слыхавшихъ о какомъ-то С. Мартинѣ, живутъ спокойно и безвредно. Подлинно должно за сіе благодарить единственно Бога и дѣлать честь мудрой и человѣколюбивой осторожности государынниной, чтобъ не оскорбить невинныхъ, а то бы нашлись охотники помучить нашу братью. Нельзя похвалить безпристрастіемъ въ разсужденіи насъ нынѣшняго главнокомандующаго здѣшняго. Многіе отзывы и поступки его довольно открыли его недоброжелательство. Я не хочу сказывать подробности, ибо не можно сего дѣлать, не браня его, а мнѣ хочется объ немъ только жалѣть. Но я твердо рѣшился при малѣйшемъ явномъ нападеніи или притѣсненіи писать къ государынѣ. Я увѣренъ, что мое письмо скоро и вѣрно дойдетъ до ея рукъ. Увѣренъ также совершенно въ ея

философія. Жалко, что сіе имя профанируется. Зови меня, кто хочетъ, фанатикомъ, мартинистомъ, разпромасономъ, какъ угодно, я увѣренъ, что то государство счастливѣе, въ которомъ больше прямыхъ христіянъ. Они токмо могутъ быть хорошими подданными и гражданами. Недурно сіе предложено въ вышедшей въ нынѣшнемъ году книжкѣ „Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle?". Она здѣсь продается. Писана, видно, масономъ и прямымъ, ибо онъ все основываетъ на христіянствѣ и хулитъ иллюминатовъ. Разсуждая о вредѣ книгъ антихристіянскихъ и о пользѣ христіянскихъ, не могу не потужить о томъ, что пресѣчено здѣсь изданіе любезныхъ монхъ духовныхъ книгъ, которыхъ уже столько было вышло изъ нашихъ типографій. Сіи книги, проповѣдующія на каждой страницѣ истинну, любовь, смиреніе, могутъ ли посѣвать что иное, кромѣ добродѣтели, мира, покорности? Та или другая система о паденіи человѣка, о изученіи натуры, химическіе эксперименты никогда не рождали и не могутъ родить въ народѣ развращенія нравовъ, мятежа и проч. Но полно мнѣ философствовать. Знаютъ про то больше у кого бороды пошире, а наше дѣло молчать, повиноваться и жалѣть о томъ, что кажется достойнымъ сожалѣнія.

Знаешь ли, братецъ, что вновь выдумали умныя головы о тѣхъ книгахъ нашихъ и о какой-то нашей системѣ? Что онѣ заводятъ égalité des conditions. Какое невѣжество! Гдѣ яснѣе и основательнѣе говорится о нуждѣ правительствъ, о повиновеніи, о подчиненіи, какъ въ христіянскомъ ученіи? Развѣ они разумѣютъ о внутреннемъ христіянскомъ равенствѣ въ очахъ Божіихъ и послѣ смерти, — такъ опасенъ и стихъ, поемый при погребеніяхъ, что «царь и воинъ, нищій и богатый въ равномъ достоинствѣ предстоятъ»? И это, слѣдовательно, мартинизмъ! Однакожъ, мой другъ, слава Источнику всякія благости, всевышнему Покровителю невинности, и благодареніе нашей великодушной и весьма человѣколюбивой осторожной монархинѣ, — не смотря на всѣ клеветы на насъ и козни, друзья твои, въ томъ числѣ и пишущій сіе, называемые, какъ еще и при тебѣ было, мартинистами отъ слыхавшихъ о какомъ-то С. Мартинѣ, живутъ спокойно и безвредно. Подлинно должно за сіе благодарить единственно Бога и дѣлать честь мудрой и человѣколюбивой осторожности государынниной, чтобъ не оскорбить невинныхъ, а то бы нашлись охотники помучить нашу братью. Нельзя похвалить безпристрастіемъ въ разсужденіи насъ нынѣшняго главнокомандующаго здѣшняго. Многіе отзывы и поступки его довольно открыли его недоброжелательство. Я не хочу сказывать подробности, ибо не можно сего дѣлать, не браня его, а мнѣ хочется объ немъ только жалѣть. Но я твердо рѣшился при малѣйшемъ явномъ нападеніи или притѣсненіи писать къ государынѣ. Я увѣренъ, что мое письмо скоро и вѣрно дойдетъ до ея рукъ. Увѣренъ также совершенно въ ея

правосудіи и милости. Впрочемъ, надобно отдать справедливость кн. Прозоровскому, что у него много, кажется, усердія къ порядку и къ истребленію дурного; но въ разсужденіи насъ онъ въ совершенномъ заблужденіи. Прости, мой другъ, уже бумага вся.

26. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 октября, 1790. (19 октября).

Здравствуй, братъ и другъ любезнѣйшій! Я безпокоюсь о твоемъ здоровьи, давно не читавъ дружескихъ твоихъ писемъ и не имѣя отвѣтовъ на мои. Я ожидалъ на послѣдней почтѣ. Я, слава Богу, здоровъ. Князь Николай Никитичъ *) пишетъ ко мнѣ изъ Петербурга, что они пріѣхали благополучно.

Не можешь-ли ты прислать еще сочиненій того-жъ автора, котораго ты прислалъ пьесу: „О силѣ вѣры“? Между дерзкими и мерзкими сочиненіями, которыми нынѣ міръ наполняется, какъ-то: „Жизнь Маріи-Антуанеты, королевы французской“ (La vie de Marie-Antoinette reine de France) и проч. французскими произведеніями мнимой вольности, или, лучше сказать, бѣшенства, видно, выходятъ и хорошія книги. Кромѣ той, о которой я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, брошюркѣ: „Кто можетъ быть хорошимъ гражданиномъ“? („Qui peut être un bon citoyen?“), получилъ я еще нѣмецкую: „Georg Neminis von Langenheim — Naturgesetzmässige Untersuchung des Physischen Nichts“, нынѣшняго года и, кажется, книга хорошая и не маленькая. Читалъ-ли ты сіи книги? На нихъ нѣтъ мѣста изданія, но они идутъ изъ Германіи, изъ Гамбурга или Франкфорта-на-Мейнѣ; такъ, кажется, сказывалъ книгопродавецъ, почему, думаю, есть и въ Берлинѣ. И первая, хотя французская, но или нѣмцомъ [написана], или переводъ.

Прости, сердечный братъ. Я хотѣлъ имѣть удовольствіе хотя немножко съ тобою поговорить. Опоздалъ, спѣшу застать почту. Прости.

27. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 21 октября, 1790. (23 октября).

Еще пришла почта, а писемъ отъ тебя, любезнѣйшій другъ, нѣтъ. Я нетерпѣливо ожидаю оныхъ. Пожалуй, пиши ко мнѣ и прямо, а не черезъ кн. Николая Никитича *), который теперь въ С.-Петербургѣ. Все здорово; новаго ничего, развѣ то, что сегодня впервые выпалъ здѣсь снѣгъ. Войски наши въ Молдавіи, слышно, въ движеніи и ожидаемъ побѣдъ. Говорятъ здѣсь, что и пруссаки на насъ поднимаются; видно, они забыли, какова русская лапа. Я увѣренъ, что, по крайней мѣрѣ,

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

правосудіи и милости. Впрочемъ, надобно отдать справедливость кн. Прозоровскому, что у него много, кажется, усердія къ порядку и къ истребленію дурного; но въ разсужденіи насъ онъ въ совершенномъ заблужденіи. Прости, мой другъ, уже бумага вся.

26. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 октября, 1790. (19 октября).

Здравствуй, братъ и другъ любезнѣйшій! Я безпокоюсь о твоемъ здоровьи, давно не читавъ дружескихъ твоихъ писемъ и не имѣя отвѣтовъ на мои. Я ожидалъ на послѣдней почтѣ. Я, слава Богу, здоровъ. Князь Николай Никитичъ *) пишетъ ко мнѣ изъ Петербурга, что они пріѣхали благополучно.

Не можешь-ли ты прислать еще сочиненій того-жъ автора, котораго ты прислалъ пьесу: „О силѣ вѣры“? Между дерзкими и мерзкими сочиненіями, которыми нынѣ міръ наполняется, какъ-то: „Жизнь Маріи-Антуанеты, королевы французской“ (La vie de Marie-Antoinette reine de France) и проч. французскими произведеніями мнимой вольности, или, лучше сказать, бѣшенства, видно, выходятъ и хорошія книги. Кромѣ той, о которой я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, брошюркѣ: „Кто можетъ быть хорошимъ гражданиномъ“? („Qui peut être un bon citoyen?“), получилъ я еще нѣмецкую: „Georg Neminis von Langenheim — Naturgesetzmässige Untersuchung des Physischen Nichts“, нынѣшняго года и, кажется, книга хорошая и не маленькая. Читалъ-ли ты сіи книги? На нихъ нѣтъ мѣста изданія, но они идутъ изъ Германіи, изъ Гамбурга или Франкфорта-на-Мейнѣ; такъ, кажется, сказывалъ книгопродавецъ, почему, думаю, есть и въ Берлинѣ. И первая, хотя французская, но или нѣмцомъ [написана], или переводъ.

Прости, сердечный братъ. Я хотѣлъ имѣть удовольствіе хотя немножко съ тобою поговорить. Опоздалъ, спѣшу застать почту. Прости.

27. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 21 октября, 1790. (23 октября).

Еще пришла почта, а писемъ отъ тебя, любезнѣйшій другъ, нѣтъ. Я нетерпѣливо ожидаю оныхъ. Пожалуй, пиши ко мнѣ и прямо, а не черезъ кн. Николая Никитича *), который теперь въ С.-Петербургѣ. Все здорово; новаго ничего, развѣ то, что сегодня впервые выпалъ здѣсь снѣгъ. Войски наши въ Молдавіи, слышно, въ движеніи и ожидаемъ побѣдъ. Говорятъ здѣсь, что и пруссаки на насъ поднимаются; видно, они забыли, какова русская лапа. Я увѣренъ, что, по крайней мѣрѣ,

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

алтыннаго за грошъ никто у насъ не возьметъ. Вотъ, братецъ, не говори, что я лѣнился писать. Нѣсколько почтъ сряду пишу къ тебѣ; но теперь думаю почту или двѣ подождать твоихъ писемъ, чтобъ уже отвѣчать, и для того не безпокойся, ежели отъ меня не получишь. Прости, сердечный братъ и другъ.

О Радищевѣ ничего болѣе не слыхать.

На послѣдней почтѣ просилъ я отъ тебя еще сочиненій того-жъ пера, коимъ писана пьеса: „О силѣ вѣры"; пожалуй, пришли, ежели есть и можно будетъ.

28. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 октября, 1790. (3 ноября).

Братъ мой!

Наконецъ, любезнѣйшій другъ, получилъ я письмо твое съ великимъ удовольствіемъ. Приложенныя къ моему по надписямъ отправлены.

Не знаю, почему ты сомнѣваешься о Екатеринѣ Ильиничнѣ *). Я не слыхалъ, чтобъ она и нездорова была, и недавно отправлено къ тебѣ ея письмо, которое теперь уже должно быть въ твоихъ рукахъ.

Ты желаешь отъ меня подробнаго описанія объ участи Радищева. Я писалъ къ тебѣ все, что могъ узнать, въ прежнихъ письмахъ моихъ, которыя теперь всѣ почти должны быть у тебя. Что-жъ впредь узнаю, не оставлю сообщить. Нынѣ одни говорятъ, что уже не велѣно его провозить въ Сибирь, а къ отцу; другіе — что онъ на дорогѣ умеръ. Первое можетъ быть правда въ разсужденіи милостиваго и соболѣзновательнаго сердца императрицына, не смотря на то, что онъ ее, сказываютъ, весьма оскорбилъ въ своей книгѣ, которую я еще и по сіе время не читалъ. Другое также могло случиться, особливо потому, что онъ на дорогѣ между Петербургомъ и Москвою былъ боленъ и здѣсь, сказываютъ, слабъ-же былъ. Вотъ, мой другъ, все, что могу сказать и впредь ничего отъ тебя не сокрою. Я знаю, что сердце твое должно интересоваться симъ несчастнымъ, и очень бы дурно рекомендовало себя въ глазахъ добродѣтельныхъ, ежели бы, по двадцатилѣтнему знакомству и навыку любить его, холодно было къ нему во время его несчастія. Онъ самъ себя повергъ въ несчастіе, — это правда, но тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія. Мнѣ никогда не случалось его въ лицо видѣть; но слышалъ, что много имѣлъ достоинствъ. Что принадлежитъ до того, что, не взирая на дружбу вашу, сентименты ваши, въ разсужденіи религіи и политики, совсѣмъ не сходствуютъ, въ томъ, я думаю, теперь

*) Е. И. Голенищева-Кутузова.

алтыннаго за грошъ никто у насъ не возьметъ. Вотъ, братецъ, не говори, что я лѣнился писать. НѢсколько почтъ сряду пишу къ тебѣ; но теперь думаю почту или двѣ подождать твоихъ писемъ, чтобъ уже отвѣчать, и для того не безпокойся, ежели отъ меня не получишь. Прости, сердечный братъ и другъ.

О Радищевѣ ничего болѣе не слыхать.

На послѣдней почтѣ просилъ я отъ тебя еще сочиненій того-жъ пера, коимъ писана пьеса: „О силѣ вѣры"; пожалуй, пришли, ежели есть и можно будетъ.

28. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 октября, 1790. (3 ноября).

Братъ мой!

Наконецъ, любезнѣйшій другъ, получилъ я письмо твое съ великимъ удовольствіемъ. Приложенныя къ моему по надписямъ отправлены.

Не знаю, почему ты сомнѣваешься о Екатеринѣ Ильиничнѣ *). Я не слыхалъ, чтобъ она и нездорова была, и недавно отправлено къ тебѣ ея письмо, которое теперь уже должно быть въ твоихъ рукахъ.

Ты желаешь отъ меня подробнаго описанія объ участи Радищева. Я писалъ къ тебѣ все, что могъ узнать, въ прежнихъ письмахъ моихъ, которыя теперь всѣ почти должны быть у тебя. Что-жъ впредь узнаю, не оставлю сообщить. Нынѣ одни говорятъ, что уже не велѣно его провозить въ Сибирь, а къ отцу; другіе — что онъ на дорогѣ умеръ. Первое можетъ быть правда въ разсужденіи милостиваго и соболѣзновательнаго сердца императрицына, не смотря на то, что онъ ее, сказываютъ, весьма оскорбилъ въ своей книгѣ, которую я еще и по сіе время не читалъ. Другое также могло случиться, особливо потому, что онъ на дорогѣ между Петербургомъ и Москвою былъ боленъ и здѣсь, сказываютъ, слабъ-же былъ. Вотъ, мой другъ, все, что могу сказать и впредь ничего отъ тебя не сокрою. Я знаю, что сердце твое должно интересоваться симъ несчастнымъ, и очень бы дурно рекомендовало себя въ глазахъ добродѣтельныхъ, ежели бы, по двадцатилѣтнему знакомству и навыку любить его, холодно было къ нему во время его несчастія. Онъ самъ себя повергъ въ несчастіе, — это правда, но тѣмъ болѣе достоинъ сожалѣнія. Мнѣ никогда не случалось его въ лицо видѣть; но слышалъ, что много имѣлъ достоинствъ. Что принадлежитъ до того, что, не взирая на дружбу вашу, сентименты ваши, въ разсужденіи религіи и политики, совсѣмъ не сходствуютъ, въ томъ, я думаю, теперь

*) Е. И. Голенищева-Кутузова.

всѣ здѣсь увѣрены, кромѣ развѣ малаго числа несчастныхъ, которые не хотятъ себя лишать адскаго удовольствія — зло мыслить о людяхъ. Но есть, однако-жъ, такіе, и сіи-то, ежели у нихъ попросятъ: помоги бѣдному, или что подобное отъ нихъ потребуютъ, отвѣчаютъ: «вить я не мартинистъ». Сіи-то не хотятъ допускать, чтобъ нѣкоторые друзья твои масоны, и ты въ томъ числѣ, не были бездѣльники, изверги, дураки. Ты скажешь, можетъ быть, что или то, или другое — дичь: не прогнѣвайся, сіи господа не очень искусны въ различеніи свойствъ. Они говорятъ, что дѣла наши хороши, да можетъ-де намѣренія вредны!

И такъ, кто на улицѣ грабитъ, тотъ разбойникъ, а кто и милостыню подаетъ, тотъ подозрителенъ, не имѣетъ-ли намѣренія къ грабежу. Но должно только жалѣть о сихъ бѣдныхъ разсужденіяхъ и быть спокойными. Богъ милосердъ, всевѣдущъ и правосуденъ. Государыню ничто, конечно, не можетъ подвигнуть губить невинныхъ.

И бумага вся, и спѣшу въ гости.

29. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1/12 ноября, 1790. (25 ноября).

Любезный другъ!

По письму вашему справлялся я касательно ΘN: мнѣ сказали, что она быть можетъ употребляема съ пользою въ епилепсіяхъ и параличѣ, въ томъ же количествѣ, какъ я прежде писалъ вамъ. При семъ случаѣ узналъ я то, чего прежде не зналъ, что спѣшу сообщить вамъ. Сія соль не терпитъ ничего металлическаго, прикосновеніе оныхъ отнимаетъ или, по малой мѣрѣ, ослабляетъ ея силы и дѣйствованіе, и для того надлежитъ брать оную деревянною лопаточкою, а и того лучше костянымъ ножичкомъ, т. е., чтобы и самое лезвіе онаго было костяное; однимъ словомъ, такимъ ножикомъ, каковымъ щеголи очищаютъ пудру.

О себѣ скажу, слава Богу, здоровъ. Работы мои на нѣкоторое время остановились по причинѣ той, что, по зрѣломъ размышленіи, нашли, что извѣстное вамъ обѣщаніе не можетъ быть произведено въ дѣйствіе безъ соизволенія свыше.

На сей недѣлѣ Геликонусъ *) писалъ о семъ; по малой мѣрѣ, хотѣлъ писать, ободряя меня, по возможности, съ твердою надеждою, какъ онъ говоритъ, получить желаемое соизволеніе; но до сего времени нѣтъ возможности приступить къ дальнѣйшимъ работамъ, между которыми и сія Θ занимаетъ свое мѣсто; между тѣмъ будемъ, однако-жъ, производить работу весьма важную; но какъ предварительное приготовленіе оныя не зависитъ отъ рукъ человѣческихъ, то и принуждены ожидать сего нѣсколько недѣль съ терпѣніемъ.

*) Бар. Вёльнеръ.

всѣ здѣсь увѣрены, кромѣ развѣ малаго числа несчастныхъ, которые не хотятъ себя лишать адскаго удовольствія — зло мыслить о людяхъ. Но есть, однако-жъ, такіе, и сіи-то, ежели у нихъ попросятъ: помоги бѣдному, или что подобное отъ нихъ потребуютъ, отвѣчаютъ: «вить я не мартинистъ». Сіи-то не хотятъ допускать, чтобъ нѣкоторые друзья твои масоны, и ты въ томъ числѣ, не были бездѣльники, изверги, дураки. Ты скажешь, можетъ быть, что или то, или другое — дичь: не прогнѣвайся, сіи господа не очень искусны въ различеніи свойствъ. Они говорятъ, что дѣла наши хороши, да можетъ-де намѣренія вредны!

И такъ, кто на улицѣ грабитъ, тотъ разбойникъ, а кто и милостыню подаетъ, тотъ подозрителенъ, не имѣетъ-ли намѣренія къ грабежу. Но должно только жалѣть о сихъ бѣдныхъ разсужденіяхъ и быть спокойными. Богъ милосердъ, всевѣдущъ и правосуденъ. Государыню ничто, конечно, не можетъ подвигнуть губить невинныхъ.

И бумага вся, и спѣшу въ гости.

29. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1/12 ноября, 1790. (25 ноября).

Любезный другъ!

По письму вашему справлялся я касательно ΘN: мнѣ сказали, что она быть можетъ употребляема съ пользою въ епилепсіяхъ и параличѣ, въ томъ же количествѣ, какъ я прежде писалъ вамъ. При семъ случаѣ узналъ я то, чего прежде не зналъ, что спѣшу сообщить вамъ. Сія соль не терпитъ ничего металлическаго, прикосновеніе оныхъ отнимаетъ или, по малой мѣрѣ, ослабляетъ ея силы и дѣйствованіе, и для того надлежитъ брать оную деревянною лопаточкою, а и того лучше костянымъ ножичкомъ, т. е., чтобы и самое лезвіе онаго было костяное; однимъ словомъ, такимъ ножикомъ, каковымъ щеголи очищаютъ пудру.

О себѣ скажу, слава Богу, здоровъ. Работы мои на нѣкоторое время остановились по причинѣ той, что, по зрѣломъ размышленіи, нашли, что извѣстное вамъ обѣщаніе не можетъ быть произведено въ дѣйствіе безъ соизволенія свыше.

На сей недѣлѣ Геликонусъ *) писалъ о семъ; по малой мѣрѣ, хотѣлъ писать, ободряя меня, по возможности, съ твердою надеждою, какъ онъ говоритъ, получить желаемое соизволеніе; но до сего времени нѣтъ возможности приступить къ дальнѣйшимъ работамъ, между которыми и сія Θ занимаетъ свое мѣсто; между тѣмъ будемъ, однако-жъ, производить работу весьма важную; но какъ предварительное приготовленіе оныя не зависитъ отъ рукъ человѣческихъ, то и принуждены ожидать сего нѣсколько недѣль съ терпѣніемъ.

*) Бар. Вёльнеръ.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо изъ моего отечества, въ которомъ увѣдомляютъ меня, хотя и не удостовѣрительно, что наша монархиня соблаговолила облегчить нѣсколько состояніе моего нещастнаго друга *), т. е., возвратить его изъ Сибири, съ запрещеніемъ въѣзжать въ обѣ резиденціи и притомъ не возвратя ему чиновъ его. Ежели сіе правда, не умѣшкайте увѣдомить меня, ибо сіе послужитъ не мало къ облегченію моей грусти. Не зная, мой другъ, преступленія, не смѣю судить о наказаніи, а и того менѣе о прежнемъ моемъ другѣ. Вы знаете мои правила: извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я никогда не престану твердить, что критика настоящаго правленія есть не дозволительное дѣло и ни мало не принадлежитъ къ литературѣ.

Позвольте мнѣ попенять вамъ. Я слышу совершенно отъ посторонних людей, что книга моего друга сдѣлала и меня подозрительнымъ, яко бы участвовавшаго въ сочиненіи оныя. Сіе простирается даже такъ далеко, что въ Москвѣ справлялись отъ полиціи, скоро-ли я возвращусь и не возвратился-ли уже? Но вы ничего мнѣ о семъ не пишете. Сіе нѣкоторымъ образомъ непростительно. Легко бы статься могло, что я, не зная сихъ обстоятельствъ, пріѣхалъ прямо въ руки ищущихъ меня. Хотя совѣсть моя чиста, хотя собственныя мои письмы къ нещастному моему другу, ежели токмо суть они въ рукахъ правленія, суть неложные мои оправдатели; но при всемъ томъ неблагоразумно со стороны моей подвергаться опасности, ежели я могу избѣжать оныя. Пожалуйте, увѣдомьте меня обстоятельно. Ежели со мною захотятъ исполнить пословицу: «безъ вины виноватъ», — да будетъ святая Божія воля. Ежели и мнѣ запретятъ въѣзжать въ столицы, право, буду доволенъ. Но ежели прострутъ мщеніе далѣе сего, то лучше жить на хлѣбѣ и водѣ въ свободѣ, нежели сидѣть въ заточеніи. Люблю мое отечество, люблю до безконечности, но не желаю быть безполезною жертвою неправосудія.

Но оставимъ сіе, ибо признаюсь, что я сомнѣваюсь въ правдѣ сего слуха. Простите.

P. S. Ежели увидитесь съ барономъ Рейхелемъ, прошу принять трудъ засвидѣтельствовать ему мою преданность и почтеніе.

30. А. М. КУТУЗОВЪ — Н. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 1/12 ноября, 1790. (25 ноября).

Надѣюсь, любезнѣйшій мой другъ, письмо сіе застанетъ тебя, возвратившаго уже твое здоровье. Желаю сего сердечно, прося тебя щадить себя болѣе, нежели ты дѣлаешь. Помни, сердечный мой другъ, что жизнь твоя многимъ нужна и что она есть сокровище, не тебѣ одному

*) А. Н. Радищевъ.

На сихъ дняхъ получилъ я письмо изъ моего отечества, въ которомъ увѣдомляютъ меня, хотя и не удостовѣрительно, что наша монархиня соблаговолила облегчить нѣсколько состояніе моего нещастнаго друга *), т. е., возвратить его изъ Сибири, съ запрещеніемъ въѣзжать въ обѣ резиденціи и притомъ не возвратя ему чиновъ его. Ежели сіе правда, не умѣшкайте увѣдомить меня, ибо сіе послужитъ не мало къ облегченію моей грусти. Не зная, мой другъ, преступленія, не смѣю судить о наказаніи, а и того менѣе о прежнемъ моемъ другѣ. Вы знаете мои правила: извѣстно вамъ, что я великій врагъ всякаго возмущенія и что я никогда не престану твердить, что критика настоящаго правленія есть не дозволительное дѣло и ни мало не принадлежитъ къ литературѣ.

Позвольте мнѣ попенять вамъ. Я слышу совершенно отъ посторонних людей, что книга моего друга сдѣлала и меня подозрительнымъ, яко бы участвовавшаго въ сочиненіи оныя. Сіе простирается даже такъ далеко, что въ Москвѣ справлялись отъ полиціи, скоро-ли я возвращусь и не возвратился-ли уже? Но вы ничего мнѣ о семъ не пишете. Сіе нѣкоторымъ образомъ непростительно. Легко бы статься могло, что я, не зная сихъ обстоятельствъ, пріѣхалъ прямо въ руки ищущихъ меня. Хотя совѣсть моя чиста, хотя собственныя мои письмы къ нещастному моему другу, ежели токмо суть они въ рукахъ правленія, суть неложные мои оправдатели; но при всемъ томъ неблагоразумно со стороны моей подвергаться опасности, ежели я могу избѣжать оныя. Пожалуйте, увѣдомьте меня обстоятельно. Ежели со мною захотятъ исполнить пословицу: «безъ вины виноватъ», — да будетъ святая Божія воля. Ежели и мнѣ запретятъ въѣзжать въ столицы, право, буду доволенъ. Но ежели прострутъ мщеніе далѣе сего, то лучше жить на хлѣбѣ и водѣ въ свободѣ, нежели сидѣть въ заточеніи. Люблю мое отечество, люблю до безконечности, но не желаю быть безполезною жертвою неправосудія.

Но оставимъ сіе, ибо признаюсь, что я сомнѣваюсь въ правдѣ сего слуха. Простите.

P. S. Ежели увидитесь съ барономъ Рейхелемъ, прошу принять трудъ засвидѣтельствовать ему мою преданность и почтеніе.

30. А. М. КУТУЗОВЪ — Н. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 1/12 ноября, 1790. (25 ноября).

Надѣюсь, любезнѣйшій мой другъ, письмо сіе застанетъ тебя, возвратившаго уже твое здоровье. Желаю сего сердечно, прося тебя щадить себя болѣе, нежели ты дѣлаешь. Помни, сердечный мой другъ, что жизнь твоя многимъ нужна и что она есть сокровище, не тебѣ одному

*) А. Н. Радищевъ.

принадлежащее. Я не хочу оскорбить твоей скромности, но прошу, чтобы ты самъ разсудилъ о семъ безпристрастно. Благодарю тебя за пріятное увѣдомленіе объ облегченіи участи нещастнаго моего друга *); дай, Боже, чтобъ сей слухъ былъ справедливъ. Я радовался бы его нещастію, еслибъ оно послужило къ его обращенію; не знаю отчего, но мнится мнѣ, что оно воспользуетъ его, ежели онъ войдетъ въ самаго себя и усмотритъ на самомъ дѣлѣ, сколь все не твердо и скользко въ мірѣ семъ. Ты справедливо судишь о моихъ правилахъ, я ненавижу возмутительныхъ гражданъ, — они суть враги отечества и, слѣдовательно, мои. Но надлежитъ сдѣлать различіе между преступленіями или, лучше сказать, разсматривать первый оныхъ источникъ. Мнѣ кажется, что мой другъ неудобенъ имѣть злыхъ намѣреній; но нещастіе его находится въ его заблужденіи. Признаюсь, я люблю вольность, сердце мое трепещетъ отъ радости при словѣ семъ; но при всемъ томъ увѣренъ, что истинная вольность состоитъ въ повиновеніи законамъ, а не нарушеніи оныхъ, и что не имѣющіе чистаго понятія о вольности неудобны наслаждаться симъ сокровищемъ. Права и законы натуры вездѣ одинаковы, всѣ цѣпи степенями, нѣтъ нигдѣ скачковъ. Неудивительно мнѣ, что нещастнаго моего друга называютъ мартинистомъ, ибо сіе имя даютъ каждому безъ всякаго разбора; да и какъ сему быть иначе, когда ни о чемъ не размышляютъ, даже и самое слово мартинистъ есть по сіе время загадка, которую они не рѣшили. Я слышалъ, что меня подозрѣваютъ соучастникомъ сочиненія Радищева, котораго, правду сказать, я совершенно не знаю, и что сіе простирается такъ далеко, что уже обо мнѣ справлялись изъ полиціи. Отпиши, пожалуй, что сіе значитъ, ибо симъ не надлежитъ шутить. Прости, мой другъ.

31. М. И. НЕВЗОРОВЪ и В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Лейденъ. 6 ноября, 1790. (2 декабря).

Любезный другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

Послѣднія ваши два письма съ первымъ и вторымъ векселемъ на 725 флориновъ мы получили, за что приносимъ чувствительнѣйшую нашу благодарность. Завтра отправляемся мы въ путь, по совѣту вашему, въ Швейцарію, гдѣ остановимся или въ Бернѣ, или въ Лаузанѣ, потому что въ обоихъ сихъ мѣстахъ имѣются академіи. Чтобы миновать Франціи, то мы поѣдемъ чрезъ нѣкоторые города нѣмецкіе, а именно Клевъ, Кельнъ и Майнцъ; такимъ образомъ мы не токмо минуемъ Франціи, но и Брабанта, гдѣ больше еще мятежа, нежели во Франціи. Отъ послѣдняго сего векселя мы потерпѣли не малой убытокъ, ибо банкиръ Шнейдеръ, на котораго господинъ Гусятниковъ адресовалъ

*) А. Н. Радищевъ.

принадлежащее. Я не хочу оскорбить твоей скромности, но прошу, чтобы ты самъ разсудилъ о семъ безпристрастно. Благодарю тебя за пріятное увѣдомленіе объ облегченіи участи нещастнаго моего друга *); дай, Боже, чтобъ сей слухъ былъ справедливъ. Я радовался бы его нещастію, еслибъ оно послужило къ его обращенію; не знаю отчего, но мнится мнѣ, что оно воспользуетъ его, ежели онъ войдетъ въ самаго себя и усмотритъ на самомъ дѣлѣ, сколь все не твердо и скользко въ мірѣ семъ. Ты справедливо судишь о моихъ правилахъ, я ненавижу возмутительныхъ гражданъ, — они суть враги отечества и, слѣдовательно, мои. Но надлежитъ сдѣлать различіе между преступленіями или, лучше сказать, разсматривать первый оныхъ источникъ. Мнѣ кажется, что мой другъ неудобенъ имѣть злыхъ намѣреній; но нещастіе его находится въ его заблужденіи. Признаюсь, я люблю вольность, сердце мое трепещетъ отъ радости при словѣ семъ; но при всемъ томъ увѣренъ, что истинная вольность состоитъ въ повиновеніи законамъ, а не нарушеніи оныхъ, и что не имѣющіе чистаго понятія о вольности неудобны наслаждаться симъ сокровищемъ. Права и законы натуры вездѣ одинаковы, всѣ цѣпи степенями, нѣтъ нигдѣ скачковъ. Неудивительно мнѣ, что нещастнаго моего друга называютъ мартинистомъ, ибо сіе имя даютъ каждому безъ всякаго разбора; да и какъ сему быть иначе, когда ни о чемъ не размышляютъ, даже и самое слово мартинистъ есть по сіе время загадка, которую они не рѣшили. Я слышалъ, что меня подозрѣваютъ соучастникомъ сочиненія Радищева, котораго, правду сказать, я совершенно не знаю, и что сіе простирается такъ далеко, что уже обо мнѣ справлялись изъ полиціи. Отпиши, пожалуй, что сіе значитъ, ибо симъ не надлежитъ шутить. Прости, мой другъ.

31. М. И. НЕВЗОРОВЪ и В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Лейденъ. 6 ноября, 1790. (2 декабря).

Любезный другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

Послѣднія ваши два письма съ первымъ и вторымъ векселемъ на 725 флориновъ мы получили, за что приносимъ чувствительнѣйшую нашу благодарность. Завтра отправляемся мы въ путь, по совѣту вашему, въ Швейцарію, гдѣ остановимся или въ Бернѣ, или въ Лаузанѣ, потому что въ обоихъ сихъ мѣстахъ имѣются академіи. Чтобы миновать Франціи, то мы поѣдемъ чрезъ нѣкоторые города нѣмецкіе, а именно Клевъ, Кельнъ и Майнцъ; такимъ образомъ мы не токмо минуемъ Франціи, но и Брабанта, гдѣ больше еще мятежа, нежели во Франціи. Отъ послѣдняго сего векселя мы потерпѣли не малой убытокъ, ибо банкиръ Шнейдеръ, на котораго господинъ Гусятниковъ адресовалъ

*) А. Н. Радищевъ.

вексель, живетъ въ Лондонѣ, и потому мы должны бы его были послать въ Лондонъ для акцептаціи и недѣли двѣ или три дожидаться. Безъ акцептаціи же въ Амстердамѣ не платятъ, какъ развѣ только съ убыткомъ, по крайней мѣрѣ, Гусятниковъ долженъ бы вамъ сказать, къ кому въ Амстердамѣ адресоваться надобно, если вексель на лондонскаго банкира адресованъ. Впрочемъ, мы живы и здоровы. Изъ Швейцаріи какъ можно скорѣе васъ увѣдомимъ о нашемъ состояніи; теперь же поручаемъ себя вашей любви. Да управитъ Господь путь нашъ ко благу ближняго и нашему, и да содѣлаетъ насъ достойными вашего желанія и намѣренія. Ваши покорные слуги и братья

Максимъ Невзоровъ.

Василій Колокольниковъ.

32. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 7 ноября, 1790. (14 ноября).

Здравствуй, другъ любезнѣйшій! Я довольно здоровъ, слава Богу. Здѣсь настала зима и Москва-рѣка замерзла. И такъ теперь, точно, то время, въ которое ты знаешь, что другъ твой, засуча рукава, гораздо охотнѣе и больше обыкновеннаго шагаетъ по улицамъ. Вить и это господа примѣчатели, не имѣющіе примѣтливости, кладутъ мнѣ на счетъ мартинизма. Однако-жъ, разсужденія ихъ, право, не стоютъ того, чтобъ я для нихъ лишилъ себя лучшаго средства къ сохраненію моего здоровья.

Очень безпокоюсь я тѣмъ, что очень давно не имѣю писемъ отъ Колокольникова и Невзорова. Они въ Лейденѣ, окончавъ курсъ ученія, получили докторство и намѣрены были для экзерциціи ѣхать въ Парижъ, какъ обыкновенно всѣ учащіеся медицинѣ. Требовали на то моего совѣта и денегъ на путешествіе. Я къ нимъ писалъ, чтобъ они въ Парижъ не ѣздили и потому, что я, въ разсужденіи царствующей тамъ нынѣ мятежности, почитаю за полезное избѣгать тамошняго житья, и что, сверхъ того, я слышалъ, что всѣхъ русскихъ велѣно отъ двора нашего выслать оттуда. И, правда, нечего тамъ добра учиться. Отдалъ на ихъ разсужденіе, съ совѣту профессоровъ ихъ лейденскихъ, ѣхать, куды они заблагоразсудятъ, кромѣ Франціи; послалъ къ нимъ денегъ уже тому болѣе двухъ мѣсяцевъ, но по сіе время отвѣту не имѣю. Не знаю, что имъ приключилось.

Подумай, братецъ, что нашлись такіе злоязычники, которые утверждали, будто они во Франціи, и посланы отъ насъ воспитываться въ духѣ анархическомъ. И за чѣмъ то? Ну, этого пересказать нельзя, потому что очень безтолково говорено. Да и можно-ли толковито говорить нелѣпости такія? Собирая всѣ черныя стороны, не могу я себѣ

вексель, живетъ въ Лондонѣ, и потому мы должны бы его были послать въ Лондонъ для акцептаціи и недѣли двѣ или три дожидаться. Безъ акцептаціи же въ Амстердамѣ не платятъ, какъ развѣ только съ убыткомъ, по крайней мѣрѣ, Гусятниковъ долженъ бы вамъ сказать, къ кому въ Амстердамѣ адресоваться надобно, если вексель на лондонскаго банкира адресованъ. Впрочемъ, мы живы и здоровы. Изъ Швейцаріи какъ можно скорѣе васъ увѣдомимъ о нашемъ состояніи; теперь же поручаемъ себя вашей любви. Да управитъ Господь путь нашъ ко благу ближняго и нашему, и да содѣлаетъ насъ достойными вашего желанія и намѣренія. Ваши покорные слуги и братья

Максимъ Невзоровъ.

Василій Колокольниковъ.

32. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 7 ноября, 1790. (14 ноября).

Здравствуй, другъ любезнѣйшій! Я довольно здоровъ, слава Богу. Здѣсь настала зима и Москва-рѣка замерзла. И такъ теперь, точно, то время, въ которое ты знаешь, что другъ твой, засуча рукава, гораздо охотнѣе и больше обыкновеннаго шагаетъ по улицамъ. Вить и это господа примѣчатели, не имѣющіе примѣтливости, кладутъ мнѣ на счетъ мартинизма. Однако-жъ, разсужденія ихъ, право, не стоютъ того, чтобъ я для нихъ лишилъ себя лучшаго средства къ сохраненію моего здоровья.

Очень безпокоюсь я тѣмъ, что очень давно не имѣю писемъ отъ Колокольникова и Невзорова. Они въ Лейденѣ, окончавъ курсъ ученія, получили докторство и намѣрены были для экзерциціи ѣхать въ Парижъ, какъ обыкновенно всѣ учащіеся медицинѣ. Требовали на то моего совѣта и денегъ на путешествіе. Я къ нимъ писалъ, чтобъ они въ Парижъ не ѣздили и потому, что я, въ разсужденіи царствующей тамъ нынѣ мятежности, почитаю за полезное избѣгать тамошняго житья, и что, сверхъ того, я слышалъ, что всѣхъ русскихъ велѣно отъ двора нашего выслать оттуда. И, правда, нечего тамъ добра учиться. Отдалъ на ихъ разсужденіе, съ совѣту профессоровъ ихъ лейденскихъ, ѣхать, куды они заблагоразсудятъ, кромѣ Франціи; послалъ къ нимъ денегъ уже тому болѣе двухъ мѣсяцевъ, но по сіе время отвѣту не имѣю. Не знаю, что имъ приключилось.

Подумай, братецъ, что нашлись такіе злоязычники, которые утверждали, будто они во Франціи, и посланы отъ насъ воспитываться въ духѣ анархическомъ. И за чѣмъ то? Ну, этого пересказать нельзя, потому что очень безтолково говорено. Да и можно-ли толковито говорить нелѣпости такія? Собирая всѣ черныя стороны, не могу я себѣ

вообразить, что можно подумать на счетъ посылки бѣдныхъ студентовъ, кромѣ того намѣренія, которое въ самомъ дѣлѣ есть, сирѣчь, помочь имъ сдѣлать состояніе честное и отечеству полезное.

Я не знаю, почему оные господа вздумали, что мы охотники до безначалія, котораго мы напротивъ больше, думаю, знаемъ вредъ, нежели они, и по чистѣйшимъ причинамъ отвращеніе къ нему имѣемъ. Они воспѣваютъ власть тогда, когда, пользуясь частичкой ея, услаждаются и величаются надъ другими; а какъ скоро хотя немножко имъ не по шерстки, то уши прожужжатъ жалобами на несправедливости и проч. Кричатъ: вѣрность, любовь къ общему благу! Полноте — хуторишки свои, чины да жалованье только на умѣ. А кабы спросить этихъ молодцовъ хорошенько, что такое вѣрность, любовь, благо, такъ бы въ пень стали.

Я слыву очень мартинистомъ (хотя не знаю, ни вѣдаю, что есть мартинство), отъ природы очень не любостяжателенъ и охотно соглашусь не имѣть ни одного крѣпостного; но притомъ молю и желаю, чтобъ никогда въ отечество наше не проникъ тотъ духъ ложнаго свободолюбія, которой сокрушаетъ многія въ Европѣ страны и которой, по мнѣнію моему, вездѣ губителенъ. При сказанномъ же расположеніи моемъ, смѣю вѣрить, что мнѣніе мое безпристрастно.

Другое объ насъ говорятъ или, лучше сказать, говорили, — теперь, кажется, перестали, — что же? Вить, право, такая мѣшанина, что трудно растолковать. Говорятъ, что насъ обманываетъ и грабитъ Новиковъ. Говорятъ для того, что это говорить хочется, и не хотятъ принимать человѣколюбиваго труда лучше узнать обстоятельства. Человѣколюбиваго труда, — говорю по резону тому, чтобы, узнавши вѣрнѣе, освободили себя отъ весьма непохвальнаго упражненія — ругать по городу людей честныхъ и чернить ихъ въ публикѣ, чего наилучшій успѣхъ, вѣдь, можетъ быть тотъ одинъ, чтобъ и подлинно очернить или, лучше сказать, однихъ гражданъ обратить ненавистію на другихъ, то есть, въ прямомъ смыслѣ, заводить вражду. А кабы лучше узнали, такъ бы увидѣли первое, — что никто изъ насъ, коихъ считаютъ обманутыми, не почитаетъ Новикова за оракула, слѣдовательно, онъ и обманывать не можетъ; второе, — что есть изъ того-жъ числа такіе, у которыхъ ни въ чемъ алтыннаго за грошъ не выторгуютъ сами тѣ господа, которые прозорливо думаютъ на насъ смотрѣть.

Мы, говорятъ они, разоряемся на наши заведенія типографическія и прочія, которыя, NB по ихъ же словамъ, хороши, да для чего то-де дѣлается? Ну, на это послѣднее можно имъ, наконецъ, коротко отвѣчать съ однимъ, не помню, какимъ авторомъ: «Tes pourquoi ne finiront jamais». Въ разсужденіи же перваго, то я не знаю, для чего они не жалѣютъ и не заботятся больше о тѣхъ, которые разоряются, проигрываясь, желая

вообразить, что можно подумать на счетъ посылки бѣдныхъ студентовъ, кромѣ того намѣренія, которое въ самомъ дѣлѣ есть, сирѣчь, помочь имъ сдѣлать состояніе честное и отечеству полезное.

Я не знаю, почему оные господа вздумали, что мы охотники до безначалія, котораго мы напротивъ больше, думаю, знаемъ вредъ, нежели они, и по чистѣйшимъ причинамъ отвращеніе къ нему имѣемъ. Они воспѣваютъ власть тогда, когда, пользуясь частичкой ея, услаждаются и величаются надъ другими; а какъ скоро хотя немножко имъ не по шерстки, то уши прожужжатъ жалобами на несправедливости и проч. Кричатъ: вѣрность, любовь къ общему благу! Полноте — хуторишки свои, чины да жалованье только на умѣ. А кабы спросить этихъ молодцовъ хорошенько, что такое вѣрность, любовь, благо, такъ бы въ пень стали.

Я слыву очень мартинистомъ (хотя не знаю, ни вѣдаю, что есть мартинство), отъ природы очень не любостяжателенъ и охотно соглашусь не имѣть ни одного крѣпостного; но притомъ молю и желаю, чтобъ никогда въ отечество наше не проникъ тотъ духъ ложнаго свободолюбія, которой сокрушаетъ многія въ Европѣ страны и которой, по мнѣнію моему, вездѣ губителенъ. При сказанномъ же расположеніи моемъ, смѣю вѣрить, что мнѣніе мое безпристрастно.

Другое объ насъ говорятъ или, лучше сказать, говорили, — теперь, кажется, перестали, — что же? Вить, право, такая мѣшанина, что трудно растолковать. Говорятъ, что насъ обманываетъ и грабитъ Новиковъ. Говорятъ для того, что это говорить хочется, и не хотятъ принимать человѣколюбиваго труда лучше узнать обстоятельства. Человѣколюбиваго труда, — говорю по резону тому, чтобы, узнавши вѣрнѣе, освободили себя отъ весьма непохвальнаго упражненія — ругать по городу людей честныхъ и чернить ихъ въ публикѣ, чего наилучшій успѣхъ, вѣдь, можетъ быть тотъ одинъ, чтобъ и подлинно очернить или, лучше сказать, однихъ гражданъ обратить ненавистію на другихъ, то есть, въ прямомъ смыслѣ, заводить вражду. А кабы лучше узнали, такъ бы увидѣли первое, — что никто изъ насъ, коихъ считаютъ обманутыми, не почитаетъ Новикова за оракула, слѣдовательно, онъ и обманывать не можетъ; второе, — что есть изъ того-жъ числа такіе, у которыхъ ни въ чемъ алтыннаго за грошъ не выторгуютъ сами тѣ господа, которые прозорливо думаютъ на насъ смотрѣть.

Мы, говорятъ они, разоряемся на наши заведенія типографическія и прочія, которыя, NB по ихъ же словамъ, хороши, да для чего то-де дѣлается? Ну, на это послѣднее можно имъ, наконецъ, коротко отвѣчать съ однимъ, не помню, какимъ авторомъ: «Tes pourquoi ne finiront jamais». Въ разсужденіи же перваго, то я не знаю, для чего они не жалѣютъ и не заботятся больше о тѣхъ, которые разоряются, проигрываясь, желая

обыгрывать, пропиваютъ, проѣдаютъ, простропиваютъ и на разныя проказы издерживаются. И, вдобавокъ, говорятъ это такіе, которые сами въ долгахъ и разорились. А на какихъ матеріяхъ разорились! Я бы не хотѣлъ промѣняться съ ними.

Нѣкоторые мнѣ говорили: какъ не стыдно торговать дворянамъ книгами и аптекою! [Я краснѣлся отъ ихъ безстыдства]. Какъ можно ставить оное въ стыдъ имъ, не почитающимъ за стыдное торговать винными откупами и продажею въ рекруты? Я говорилъ имъ, что, я думаю, нѣту торговли, которая бы въ строжайшемъ смыслѣ была честнѣе книжной и аптечной; ибо онѣ одну пользу людямъ приносятъ. Могутъ быть, правда, книги очень вредныя, но у насъ онѣ не могутъ быть, ибо безъ цензуры нельзя печатать; и ежели бы кто хотѣлъ нецензурованныя книги распускать, то никто сего, кромѣ безумнаго или отчаяннаго, сдѣлать не можетъ, понеже нельзя здѣсь ни одной книги выпустить такъ, чтобъ не провѣдали, отъ кого вышла. Третье, — что упражненіе въ масонствѣ отводитъ отъ службы и мѣшаетъ ей, и что мы странны. На сіе говорилъ я такъ заключающимъ, что хотя теперь я не бываю въ ложахъ, коихъ нынѣ у насъ и нѣту, но навсегда привязанъ къ истинному масонству, которое не можетъ мнѣ ни въ чемъ добромъ помѣшать, будучи наукою добра. Ибо что есть истинное масонство? Христіанская нравственность и дѣятельность ея. Есть въ немъ основаніе къ ученію о Богѣ, о натурѣ и человѣкѣ. Наука наилучшая! и можетъ-ли помѣшать чему, кромѣ какъ злому? Можетъ-де человѣкъ, для упражненія въ ней, оставить всѣ прочія упражненія. Ну, ежели бы это съ нѣкоторыми и случилось, что за бѣда? Поэтому вредны обществу и христіанство, и философія, и физика, и всѣ науки, которымъ иные совершенно посвящаются. Иной скажетъ, что, можетъ быть, Декартъ*), Невтонъ, Лейбницъ лучшіе бы стряпчіе были, ежели бы не были отведены своими упражненіями. Не пожалѣть-ли и о нихъ? Я увѣренъ, что какъ бы масонство ни распространилось, но пока стряпчіе, напримѣръ, нужны въ мірѣ семъ, найдутся въ нихъ (всегда) и не изъ масоновъ, ежели бы сіи и подлинно не годились.

Но какъ не мѣшаетъ масонство въ службѣ всякаго рода, сему можно видѣть примѣръ и здѣсь на тѣхъ, которыхъ почитаютъ мартинистами и которые служили или служатъ, не нарушая скромности, довольно сказать, что ни чѣмъ не хуже другихъ и, конечно, никакою безчестностію въ службѣ опорочены быть не могутъ, развѣ такіе, которые одно только имя масоновъ носятъ, а по существу давно отчислены отъ добрыхъ.

Я самъ долго здѣсь былъ, какъ тебѣ извѣстно, въ уголовной палатѣ, но во все время (не смотря на то, что послѣдній главнокоманду-

*) Въ подлинникѣ: Макарій.

обыгрывать, пропиваютъ, проѣдаютъ, простропаютъ и на разныя проказы издерживаются. И, вдобавокъ, говорятъ это такіе, которые сами въ долгахъ и разорились. А на какихъ матеріяхъ разорились! Я бы не хотѣлъ промѣняться съ ними.

Нѣкоторые мнѣ говорили: какъ не стыдно торговать дворянамъ книгами и аптекою! [Я краснѣлся отъ ихъ безстыдства]. Какъ можно ставить оное въ стыдъ имъ, не почитающимъ за стыдное торговать винными откупами и продажею въ рекруты? Я говорилъ имъ, что, я думаю, нѣту торговли, которая бы въ строжайшемъ смыслѣ была честнѣе книжной и аптечной; ибо онѣ одну пользу людямъ приносятъ. Могутъ быть, правда, книги очень вредныя, но у насъ онѣ не могутъ быть, ибо безъ цензуры нельзя печатать; и ежели бы кто хотѣлъ нецензурованныя книги распускать, то никто сего, кромѣ безумнаго или отчаяннаго, сдѣлать не можетъ, понеже нельзя здѣсь ни одной книги выпустить такъ, чтобъ не провѣдали, отъ кого вышла. Третье, — что упражненіе въ масонствѣ отводитъ отъ службы и мѣшаетъ ей, и что мы странны. На сіе говорилъ я такъ заключающимъ, что хотя теперь я не бываю въ ложахъ, коихъ нынѣ у насъ и нѣту, но навсегда привязанъ къ истинному масонству, которое не можетъ мнѣ ни въ чемъ добромъ помѣшать, будучи наукою добра. Ибо что есть истинное масонство? Христіанская нравственность и дѣятельность ея. Есть въ немъ основаніе къ ученію о Богѣ, о натурѣ и человѣкѣ. Наука наилучшая! и можетъ-ли помѣшать чему, кромѣ какъ злому? Можетъ-де человѣкъ, для упражненія въ ней, оставить всѣ прочія упражненія. Ну, ежели бы это съ нѣкоторыми и случилось, что за бѣда? Поэтому вредны обществу и христіанство, и философія, и физика, и всѣ науки, которымъ иные совершенно посвящаются. Иной скажетъ, что, можетъ быть, Декартъ*), Невтонъ, Лейбницъ лучшіе бы стряпчіе были, ежели бы не были отведены своими упражненіями. Не пожалѣть-ли и о нихъ? Я увѣренъ, что какъ бы масонство ни распространилось, но пока стряпчіе, напримѣръ, нужны въ мірѣ семъ, найдутся въ нихъ (всегда) и не изъ масоновъ, ежели бы сіи и подлинно не годились.

Но какъ не мѣшаетъ масонство въ службѣ всякаго рода, сему можно видѣть примѣръ и здѣсь на тѣхъ, которыхъ почитаютъ мартинистами и которые служили или служатъ, не нарушая скромности, довольно сказать, что ни чѣмъ не хуже другихъ и, конечно, никакою безчестностію въ службѣ опорочены быть не могутъ, развѣ такіе, которые одно только имя масоновъ носятъ, а по существу давно отчислены отъ добрыхъ.

Я самъ долго здѣсь былъ, какъ тебѣ извѣстно, въ уголовной палатѣ, но во все время (не смотря на то, что послѣдній главнокоманду-

*) Въ подлинникѣ: Макарій.

ющій, Брюсъ *), былъ противъ меня) ни одно дѣло не опорочено, а я отставленъ милостиво и съ награжденіемъ. А генералъ-прокуроръ **), въ бытность его въ Москвѣ, послѣ того, по крайней мѣрѣ, при пятидесяти человѣкахъ изъявлялъ мнѣ отъ сената благодарность за отлично-добрую службу и сожалѣніе о томъ, что я взялъ отставку. И я взялъ ее не для масонства, а для того, чтобъ не убить девятой десятокъ живущаго отца, который бы не перенесъ отрѣшенія меня отъ службы, что мнѣ письменно посулено было за то, ежели я въ двѣ недѣли не рѣшу такого дѣла, изъ котораго надобно было, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ одинъ экстрактъ слушать. И сему въ основаніи причиною былъ предразсудокъ противъ масонства, и я въ объясненіи моемъ наединѣ съ Брюсомъ, которой хотя очень былъ противъ меня, но скажу, что имѣетъ много благородства въ сентиментахъ, сказалъ ему то же, что масонство не мѣшаетъ, а пособляетъ доброму отправленію должности, вѣрности въ подданствѣ и любви къ отечеству, и что я не могъ бы быть тамъ, гдѣ бы хотя мало было что противнаго симъ священнымъ для меня должностямъ, что, впрочемъ, я за безчестное почитаю вещь, одобряемую сердцемъ и разумомъ моимъ, оставлять въ угожденіе предразсудкамъ. А что, ежели бы я по сей матеріи какъ-нибудь обнесенъ былъ и самой государынѣ моей, къ которой преданность и точно сыновнюю любовь мою самъ Богъ видитъ, то долгъ честности требуетъ, чтобъ онъ, яко начальникъ, оправдалъ меня предъ нею, и что я увѣренъ въ разсужденіи ея мудрости и благодушія, что она, узнавъ, съ какой стороны и къ какому масонству я привязанъ, не поставитъ мнѣ сего въ преступленіе.

Вотъ, мой другъ, какъ я иногда говорю съ атакующими нашу братію.

Что-жъ принадлежитъ до странности, то я, право, не знаю, съ чего мы имъ странны кажемся, развѣ у нихъ мальчики въ глазахъ? Не ходя далеко, посмотрю на себя, вспомню тебя: молодцы, право, предъ тѣми, которые насъ странными называютъ. Полно, для здѣшней публики немного надобно, чтобъ разжаловать изъ умныхъ въ дураки и сему подобное. Репнина ***) пожаловали въ мартинисты и странѣе потому, что онъ почувствовалъ гнусность гордости, да провѣдали объ немъ, что онъ молится Богу и вѣритъ во Христа.

Какая же вывѣска, что не мартинистъ? Это я собою испыталъ. Прошлаго году случилось мнѣ въ одной веселыхъ пріятелей бесѣдѣ много пить и нѣсколько подпить; такъ одинъ изъ нихъ (люди же были не безъ знати въ публикѣ) говоритъ съ великою радостію, какъ бы городъ взялъ: «какой ты мартинистъ, ты нашъ!» Я согласился. Правда, говорю, вздохнувъ про себя, особливо на сейчасъ.

*) Гр. Я. А. Брюсъ.

**) Кн. А. А. Вяземскій.

***) Кн. Н. В. Репнинъ.

ющій, Брюсъ *), былъ противъ меня) ни одно дѣло не опорочено, а я отставленъ милостиво и съ награжденіемъ. А генералъ-прокуроръ **), въ бытность его въ Москвѣ, послѣ того, по крайней мѣрѣ, при пятидесяти человѣкахъ изъявлялъ мнѣ отъ сената благодарность за отлично-добрую службу и сожалѣніе о томъ, что я взялъ отставку. И я взялъ ее не для масонства, а для того, чтобъ не убить девятой десятокъ живущаго отца, который бы не перенесъ отрѣшенія меня отъ службы, что мнѣ письменно посулено было за то, ежели я въ двѣ недѣли не рѣшу такого дѣла, изъ котораго надобно было, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ одинъ экстрактъ слушать. И сему въ основаніи причиною былъ предразсудокъ противъ масонства, и я въ объясненіи моемъ наединѣ съ Брюсомъ, которой хотя очень былъ противъ меня, но скажу, что имѣетъ много благородства въ сентиментахъ, сказалъ ему то же, что масонство не мѣшаетъ, а пособляетъ доброму отправленію должности, вѣрности въ подданствѣ и любви къ отечеству, и что я не могъ бы быть тамъ, гдѣ бы хотя мало было что противнаго симъ священнымъ для меня должностямъ, что, впрочемъ, я за безчестное почитаю вещь, одобряемую сердцемъ и разумомъ моимъ, оставлять въ угожденіе предразсудкамъ. А что, ежели бы я по сей матеріи какъ-нибудь обнесенъ былъ и самой государынѣ моей, къ которой преданность и точно сыновнюю любовь мою самъ Богъ видитъ, то долгъ честности требуетъ, чтобъ онъ, яко начальникъ, оправдалъ меня предъ нею, и что я увѣренъ въ разсужденіи ея мудрости и благодушія, что она, узнавъ, съ какой стороны и къ какому масонству я привязанъ, не поставитъ мнѣ сего въ преступленіе.

Вотъ, мой другъ, какъ я иногда говорю съ атакующими нашу братію.

Что-жъ принадлежитъ до странности, то я, право, не знаю, съ чего мы имъ странны кажемся, развѣ у нихъ мальчики въ глазахъ? Не ходя далеко, посмотрю на себя, вспомню тебя: молодцы, право, предъ тѣми, которые насъ странными называютъ. Полно, для здѣшней публики немного надобно, чтобъ разжаловать изъ умныхъ въ дураки и сему подобное. Репнина ***) пожаловали въ мартинисты и странѣе потому, что онъ почувствовалъ гнусность гордости, да провѣдали объ немъ, что онъ молится Богу и вѣритъ во Христа.

Какая же вывѣска, что не мартинистъ? Это я собою испыталъ. Прошлаго году случилось мнѣ въ одной веселыхъ пріятелей бесѣдѣ много пить и нѣсколько подпить; такъ одинъ изъ нихъ (люди же были не безъ знати въ публикѣ) говоритъ съ великою радостію, какъ бы городъ взялъ: «какой ты мартинистъ, ты нашъ!» Я согласился. Правда, говорю, вздохнувъ про себя, особливо на сейчасъ.

*) Гр. Я. А. Брюсъ.

**) Кн. А. А. Вяземскій.

***) Кн. Н. В. Репнинъ.

Довольно, кажется, carasteristique.

Впрочемъ, надобно во многомъ извинить невѣжество, заключающее дурно о масонствѣ, вообще по причинѣ многихъ злоупотребленій отъ носящихъ имя онаго и не знающихъ и не могущихъ знать истиннаго. Правда, изъ чего не можно сдѣлать злоупотребленія, нѣтъ такого установленія въ мірѣ. Но такъ смотрятъ на вещи только одни благоразумнѣйшіе; бо́льшая же часть, что́ видятъ, то и бредятъ. Вавилонская работа въ масонствѣ такъ нынѣ распространилась въ Европѣ, что очень кстати говоритъ Falck: «wer nimmt nicht auf und wer ist nicht aufgenommen?». И такъ, диковинка-ли, что много бездѣльниковъ изъ такого множества людей. Но сіе, конечно, не относится на вещь, которую они во зло употребляютъ, особливо сіи новопоявившіеся въ мірѣ иллюминаты, сколько то я видѣлъ изъ журналовъ и книгъ. Здѣсь, однако-жъ, кажется, ихъ нѣтъ, слава Богу! Въ Москвѣ же, кажется, можно увѣрительно сказать, что нѣтъ. Я давно навѣдываюсь, дабы остеречь отъ ихъ знакомства своихъ пріятелей, особливо масоновъ. Дай Богъ, чтобъ они здѣсь и не заводились. Они скорѣе полюбятся. Вить они своимъ знакомымъ не будутъ рекомендовать греческихъ отцовъ, да Кемписовъ, Арндтовъ и проч.

A propos объ Арндтѣ. Еще господа, не жалующіе насъ, выводятъ какъ-то изъ него, что мы отвергаемъ чудеса. Вотъ тутъ играютъ защитниковъ религіи, только такъ не впопадъ, что, право, съ ними и грѣхъ, и смѣхъ.

Вотъ тебѣ, мой другъ, полная реляція и не только реляція, но и диссертація. Можетъ быть, она на нѣсколько минутъ тебя повеселитъ и полечитъ твою ипохондрію. Не прибавила бы она ея, мой другъ, и не подумалъ бы ты, что здѣсь безпокоютъ друзей твоихъ. Нѣту, право, ничего и мы живемъ очень спокойно, grace au regne de Cathérine II. А я разсказываю тебѣ только разсказы, которые разсказываютъ здѣсь люди на досугѣ, думая дѣлать дѣло.

Я нынче много походилъ, мнѣ легко, такъ я и расписался. Но ужъ пора кончить; уже по всѣмъ церквамъ завтрени. Знаю, что ты меня побранишь за позднее сидѣніе. Правда, оно мнѣ много повредило здоровью. Нынче перестаю и очень рѣдко это случается. Теперь гораздо отпустили мнѣ геморроиды, которые и во всякое время не позволяютъ мнѣ долго сряду сидѣть за дѣломъ, особливо послѣ тяжкой прошлогодней болѣзни моей. Одинъ докторъ тогда мнѣ сказалъ напрямикъ: «Какъ настанутъ жары, тогда вы начнете разрушаться».

Многіе изъ нихъ думали, что злая чахотка; однако-жъ, слава милосердому Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу, удивительно, какъ скоро я выздоровѣлъ и потолстѣлъ-было.

Вотъ еще вывѣска немартинизма: чтобъ брюхо было большое, однако-жъ, я его не хочу, пусть слыву мартинистомъ. Прости, сердеч-

Довольно, кажется, carasteristique.

Впрочемъ, надобно во многомъ извинить невѣжество, заключающее дурно о масонствѣ, вообще по причинѣ многихъ злоупотребленій отъ носящихъ имя онаго и не знающихъ и не могущихъ знать истиннаго. Правда, изъ чего не можно сдѣлать злоупотребленія, нѣтъ такого установленія въ мірѣ. Но такъ смотрятъ на вещи только одни благоразумнѣйшіе; бо́льшая же часть, что́ видятъ, то и бредятъ. Вавилонская работа въ масонствѣ такъ нынѣ распространилась въ Европѣ, что очень кстати говоритъ Falck: «wer nimmt nicht auf und wer ist nicht aufgenommen?». И такъ, диковинка-ли, что много бездѣльниковъ изъ такого множества людей. Но сіе, конечно, не относится на вещь, которую они во зло употребляютъ, особливо сіи новопоявившіеся въ мірѣ иллюминаты, сколько то я видѣлъ изъ журналовъ и книгъ. Здѣсь, однако-жъ, кажется, ихъ нѣтъ, слава Богу! Въ Москвѣ же, кажется, можно увѣрительно сказать, что нѣтъ. Я давно навѣдываюсь, дабы остеречь отъ ихъ знакомства своихъ пріятелей, особливо масоновъ. Дай Богъ, чтобъ они здѣсь и не заводились. Они скорѣе полюбятся. Вить они своимъ знакомымъ не будутъ рекомендовать греческихъ отцовъ, да Кемписовъ, Арндтовъ и проч.

A propos объ Арндтѣ. Еще господа, не жалующіе насъ, выводятъ какъ-то изъ него, что мы отвергаемъ чудеса. Вотъ тутъ играютъ защитниковъ религіи, только такъ не впопадъ, что, право, съ ними и грѣхъ, и смѣхъ.

Вотъ тебѣ, мой другъ, полная реляція и не только реляція, но и диссертація. Можетъ быть, она на нѣсколько минутъ тебя повеселитъ и полечитъ твою ипохондрію. Не прибавила бы она ея, мой другъ, и не подумалъ бы ты, что здѣсь безпокоютъ друзей твоихъ. Нѣту, право, ничего и мы живемъ очень спокойно, grace au regne de Cathérine II. А я разсказываю тебѣ только разсказы, которые разсказываютъ здѣсь люди на досугѣ, думая дѣлать дѣло.

Я нынче много походилъ, мнѣ легко, такъ я и расписался. Но ужъ пора кончить; уже по всѣмъ церквамъ завтрени. Знаю, что ты меня побранишь за позднее сидѣніе. Правда, оно мнѣ много повредило здоровью. Нынче перестаю и очень рѣдко это случается. Теперь гораздо отпустили мнѣ геморроиды, которые и во всякое время не позволяютъ мнѣ долго сряду сидѣть за дѣломъ, особливо послѣ тяжкой прошлогодней болѣзни моей. Одинъ докторъ тогда мнѣ сказалъ напрямикъ: «Какъ настанутъ жары, тогда вы начнете разрушаться».

Многіе изъ нихъ думали, что злая чахотка; однако-жъ, слава милосердому Богу и Спасителю нашему Іисусу Христу, удивительно, какъ скоро я выздоровѣлъ и потолстѣлъ-было.

Вотъ еще вывѣска немартинизма: чтобъ брюхо было большое, однако-жъ, я его не хочу, пусть слыву мартинистомъ. Прости, сердеч-

ной другъ и братъ мой. Заочно обнимаю тебя; когда-то, въ самомъ дѣлѣ, будемъ имѣть сіе удовольствіе?

О Радищевѣ ничего не знаю, не будучи совсѣмъ знакомъ съ его знакомыми или интересующимися о немъ. Послѣ письма послѣдняго моего къ тебѣ ничего не слыхалъ. Отпишу къ тебѣ, ежели узнаю, что онъ умеръ или живъ. Въ послѣднемъ случаѣ желаю, чтобъ онъ воспользовался своимъ нещастіемъ на перемѣну своихъ мыслей.

33. А. Н. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 10 ноября, 1790. (14 ноября).

Письмо ваше мы получили, и сперва всего въ отвѣтъ вамъ скажу, чтобы вы мои письмы хорошенько читали, а то я вижу изъ вашего отвѣту, что вы мое письмо не прочли, или совсѣмъ не такъ поняли то, что я вамъ желала сказать. Но я теперь, имѣя ваше письмо предъ глазами, стану на него отвѣчать. Сначала вы пишете, что человѣку надлежитъ всегда готову быть ко всему, что это самое и есть моя ипохондрія. Я никогда щастья себѣ не воображаю, мучусь заранѣе и не знаю, что мучительнѣе: то-ли воображеніе, или настоящія нещастія; такъ живо я себѣ все дурное представляю. Вы и сами себѣ въ концѣ страницы противорѣчите, уговаривая меня не воображать дурного. То вы скажите однимъ словомъ: что̀ лучше? такъ-ли мучиться всегда, какъ я мучусь, или, представляя себѣ все хорошее, вдругъ имѣть нещастье, его не ожидая? На моемъ щетѣ тотъ выигрываетъ, кто спокоенъ, и не ждетъ на себя бѣду; по крайней мѣрѣ то время уже онъ выигралъ, когда былъ покоенъ; а я, не зная горя, всегда мучусь и все дурного жду, то и часу щастливаго не имѣю.

А что вы пишете, что письмо наше нашли вы распечатанное, то и я вамъ скажу то же, что и ваше письмо получили мы распечатанное. Но что до этого дѣла? Пусть всѣ люди видятъ, что мы другъ друга любимъ, и для этого не намѣрена ни крошечки себя женировать и всегда-таки буду писать все то, что у меня на сердцѣ; увѣрена, что я симъ никого не обижаю. И никто у меня не потребуетъ за оное отвѣту. Вашему путешествію предполагаю я цѣль одну. Поймете-ли вы меня, или нѣтъ? Какъ вы спрашиваете, то я жадна отвѣчать. Вотъ что, я думаю, цѣль вашего вояжу была, есть и будетъ — пустыя ваши воображенія, которыя только могутъ мысленно существовать, а реализироваться никогда не могутъ. Я не умѣла по русски сказать. Итакъ разберите все и возвратитесь къ намъ, утѣшьте своимъ пріѣздомъ друзей вашихъ.

А что вы пишете, что я употребляю противъ себя лишнюю строгость въ разсужденіи вояжа друга нашего общаго *), то тутъ-то вы

*) Н. М. Карамзинъ.

ной другъ и братъ мой. Заочно обнимаю тебя; когда-то, въ самомъ дѣлѣ, будемъ имѣть сіе удовольствіе?

О Радищевѣ ничего не знаю, не будучи совсѣмъ знакомъ съ его знакомыми или интересующимися о немъ. Послѣ письма послѣдняго моего къ тебѣ ничего не слыхалъ. Отпишу къ тебѣ, ежели узнаю, что онъ умеръ или живъ. Въ послѣднемъ случаѣ желаю, чтобъ онъ воспользовался своимъ нещастіемъ на перемѣну своихъ мыслей.

33. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 10 ноября, 1790. (14 ноября).

Письмо ваше мы получили, и сперва всего въ отвѣтъ вамъ скажу, чтобы вы мои письмы хорошенько читали, а то я вижу изъ вашего отвѣту, что вы мое письмо не прочли, или совсѣмъ не такъ поняли то, что я вамъ желала сказать. Но я теперь, имѣя ваше письмо предъ глазами, стану на него отвѣчать. Сначала вы пишете, что человѣку надлежитъ всегда готову быть ко всему, что это самое и есть моя ипохондрія. Я никогда щастья себѣ не воображаю, мучусь заранѣе и не знаю, что мучительнѣе: то-ли воображеніе, или настоящія нещастія; такъ живо я себѣ все дурное представляю. Вы и сами себѣ въ концѣ страницы противорѣчите, уговаривая меня не воображать дурного. То вы скажите однимъ словомъ: что̀ лучше? такъ-ли мучиться всегда, какъ я мучусь, или, представляя себѣ все хорошее, вдругъ имѣть нещастье, его не ожидая? На моемъ щетѣ тотъ выигрываетъ, кто спокоенъ, и не ждетъ на себя бѣду; по крайней мѣрѣ то время уже онъ выигралъ, когда былъ покоенъ; а я, не зная горя, всегда мучусь и все дурного жду, то и часу щастливаго не имѣю.

А что вы пишете, что письмо наше нашли вы распечатанное, то и я вамъ скажу то же, что и ваше письмо получили мы распечатанное. Но что до этого дѣла? Пусть всѣ люди видятъ, что мы другъ друга любимъ, и для этого не намѣрена ни крошечки себя женировать и всегда-таки буду писать все то, что у меня на сердцѣ; увѣрена, что я симъ никого не обижаю. И никто у меня не потребуетъ за оное отвѣту. Вашему путешествію предполагаю я цѣль одну. Поймете-ли вы меня, или нѣтъ? Какъ вы спрашиваете, то я жадна отвѣчать. Вотъ что, я думаю, цѣль вашего вояжу была, есть и будетъ — пустыя ваши воображенія, которыя только могутъ мысленно существовать, а реализироваться никогда не могутъ. Я не умѣла по русски сказать. Итакъ разберите все и возвратитесь къ намъ, утѣшьте своимъ пріѣздомъ друзей вашихъ.

А что вы пишете, что я употребляю противъ себя лишнюю строгость въ разсужденіи вояжа друга нашего общаго *), то тутъ-то вы

*) Н. М. Карамзинъ.

меня и не поняли; прочтите хорошенько старое мое письмо, и вы увидите, что я ничуть не себя въ томъ виню. А причиною онаго другіе, которые, сдѣлавъ сіе необходимостію, заставили меня просить его, что[бы] онъ ѣхалъ; то тѣхъ-то людей я не могу теперь простить, хотя онъ и возвратился. Какъ онъ возвратился, онъ теперь съ нами; но я многое вижу въ немъ не то, чего бы я желала. Онъ живетъ съ нами. Я всякій день его вижу, но вижу не того, который поѣхалъ отъ меня. Сердце его сто разъ было нѣжнѣе и чувствительнѣе, а теперь онъ совсѣмъ не тотъ; но *я*, по нещастію, люблю его такъ же, какъ любила. Желала бы чрезвычайно я имѣть столько разума, чтобы возвратить себѣ прежняго моего друга, того же Рамзея, который отъ насъ поѣхалъ; но нѣтъ, не закрыты мои глаза на его перемѣну, кажется или *) я вижу ясно, что онъ совсѣмъ другой и, что всего еще хуже, что онъ самъ думаетъ, что онъ теперь лучше, нежели былъ. Увѣряетъ меня, что онъ насъ такъ-же любитъ, какъ и любилъ; но я не слѣпа, — въ немъ уже нѣтъ той нѣжности, которую душою дружбы почесть можно. Итакъ, все сіе сообразя, есть-ли человѣкъ столь великодушный, которой бы могъ простить злодѣя, причинившаго всѣ эти перемѣны? Считайте меня, какъ хотите, но я не себя виню, а виню того злодѣя, который былъ причиною моего согласія на отъѣздъ Рамзея. Перемѣна его состоитъ еще въ томъ, что онъ болѣе сталъ надеженъ на себя, какъ вы сіе и предвидѣли. Предвидѣли вы и то, что журналъ онъ выдавать станетъ. Я къ вамъ посылаю объявленіе, а здѣсь оно уже и печатанное раздается при газетахъ. Дай Боже, дай Боже, чтобы вы предвидѣли и послѣднее то, что онъ опять попрежнему будетъ! Не то бы сердце его было таково же, какое и прежде; но худа надежда, признаюсь вамъ. Онъ такъ упрямъ, что ни для кого, ни для чего не сдѣлаетъ даже и бездѣлки; никакъ его упросить не можно. Но полно мнѣ объ немъ писать. Скажу вамъ только то, что я прошу Бога, чтобы мнѣ его не любить для того, что мучительно очень любить такого человѣка, отъ коего ни малѣйшаго удовольствія нѣтъ, а только одни огорченіи. Всякой день мы съ нимъ въ ссорѣ и онъ столько всегда мнѣ грубости наговоритъ, что снести невозможно. Вздумаетъ-коли онъ сказать: виноватъ, то я должна ту минуту простить и изъ сердца всѣ досады истребить. Пожалуйте, осторожнѣе мнѣ на сіе отвѣчайте, а мое письмо сожгите, а то изъ онаго выйдетъ важная ссора. Скажу вамъ, что Саша, ваша жена **), имѣвъ свои деньги, пришла ко мнѣ просить 5 рублей. Какъ я спросила: «на что»? то она мнѣ отвѣчала, скажу вамъ точно ея слова: «Маминька, сказываютъ, журналъ Николая Михайловича очень хорошъ, то я его возьму подъ именемъ Кутузовой и пошлю въ Берлинъ

*) Такъ въ подлинникѣ: и л и

**) А. А. Плещеева. См. № 1.

меня и не поняли; прочтите хорошенько старое мое письмо, и вы увидите, что я ничуть не себя въ томъ виню. А причиною онаго другіе, которые, сдѣлавъ сіе необходимостію, заставили меня просить его, что[бы] онъ ѣхалъ; то тѣхъ-то людей я не могу теперь простить, хотя онъ и возвратился. Какъ онъ возвратился, онъ теперь съ нами; но я многое вижу въ немъ не то, чего бы я желала. Онъ живетъ съ нами. Я всякій день его вижу, но вижу не того, который поѣхалъ отъ меня. Сердце его сто разъ было нѣжнѣе и чувствительнѣе, а теперь онъ совсѣмъ не тотъ; но *я*, по нещастію, люблю его такъ же, какъ любила. Желала бы чрезвычайно я имѣть столько разума, чтобы возвратить себѣ прежняго моего друга, того же Рамзея, который отъ насъ поѣхалъ; но нѣтъ, не закрыты мои глаза на его перемѣну, кажется или *) я вижу ясно, что онъ совсѣмъ другой и, что всего еще хуже, что онъ самъ думаетъ, что онъ теперь лучше, нежели былъ. Увѣряетъ меня, что онъ насъ такъ-же любитъ, какъ и любилъ; но я не слѣпа, — въ немъ уже нѣтъ той нѣжности, которую душою дружбы почесть можно. Итакъ, все сіе сообразя, есть-ли человѣкъ столь великодушный, которой бы могъ простить злодѣя, причинившаго всѣ эти перемѣны? Считайте меня, какъ хотите, но я не себя виню, а виню того злодѣя, который былъ причиною моего согласія на отъѣздъ Рамзея. Перемѣна его состоитъ еще въ томъ, что онъ болѣе сталъ надеженъ на себя, какъ вы сіе и предвидѣли. Предвидѣли вы и то, что журналъ онъ выдавать станетъ. Я къ вамъ посылаю объявленіе, а здѣсь оно уже и печатанное раздается при газетахъ. Дай Боже, дай Боже, чтобы вы предвидѣли и послѣднее то, что онъ опять попрежнему будетъ! Не то бы сердце его было таково же, какое и прежде; но худа надежда, признаюсь вамъ. Онъ такъ упрямъ, что ни для кого, ни для чего не сдѣлаетъ даже и бездѣлки; никакъ его упросить не можно. Но полно мнѣ объ немъ писать. Скажу вамъ только то, что я прошу Бога, чтобы мнѣ его не любить для того, что мучительно очень любить такого человѣка, отъ коего ни малѣйшаго удовольствія нѣтъ, а только одни огорченіи. Всякой день мы съ нимъ въ ссорѣ и онъ столько всегда мнѣ грубости наговоритъ, что снести невозможно. Вздумаетъ-коли онъ сказать: виноватъ, то я должна ту минуту простить и изъ сердца всѣ досады истребить. Пожалуйте, осторожнѣе мнѣ на сіе отвѣчайте, а мое письмо сожгите, а то изъ онаго выйдетъ важная ссора. Скажу вамъ, что Саша, ваша жена **), имѣвъ свои деньги, пришла ко мнѣ просить 5 рублей. Какъ я спросила: «на что»? то она мнѣ отвѣчала, скажу вамъ точно ея слова: «Маминька, сказываютъ, журналъ Николая Михайловича очень хорошъ, то я его возьму подъ именемъ Кутузовой и пошлю въ Берлинъ

*) Такъ въ подлинникѣ: и л и

**) А. А. Плещеева. См. № 1.

къ Алексѣю Михайловичу». Повѣрите-ль, что сіе меня чувствительно тронуло, и я не лишу ее этого удовольствія; и ежели эта не чрезъ меня дорога, то вы чрезъ нее будете имѣть этотъ журналъ. Это довольно сказать, какъ она васъ помнитъ. Пишите, Бога ради, чаще; мнѣ чрезмѣрно весело получать ваши письмы. Прощайте. Ежели вы сами насъ любите, то увѣрены, что мы всегда друзья ваши.

34. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 11 ноября, 1790. (14 ноября).

Письмо отъ драгоцѣннаго моего друга Алексѣя Михайловича обрадовало меня тѣмъ, что ты здоровъ, но огорчаетъ тѣмъ, что ни малой надежды не подаешь скоро тебя видѣть въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, что ты, будучи человѣкъ свободный, изъ своего Берлина по сіе время не можешь выѣхать. Дай Боже, чтобы скорѣе всѣ нужды твои кончились, и возвратился бы ты веселъ и здоровъ въ объятіи твоихъ друзей! Правда, что человѣкъ вѣчно противорѣчимъ въ своихъ желаніяхъ; но если онъ и самъ не что иное есть, какъ противорѣчіе, то можетъ-ли онъ не быть противорѣчимъ. Не думаю, чтобы въ истинныхъ и дозволенныхъ желаніяхъ человѣческихъ можно было найти противорѣчіе. Напримѣръ, нѣтъ, кажется, противорѣчія въ томъ, что я люблю моего драгоцѣннаго друга Алексѣя Михайловича; желаю, чтобъ онъ возвратился здоровъ и счастливъ къ намъ; однако-жъ, это не дѣлается, можетъ быть, для того, что его пребываніе тамъ, гдѣ онъ теперь, нужно для будущихъ слѣдствій. Какъ бы то ни было, живи, любезной другъ, тамъ, ежели это для тебя надобно и полезно; только люби меня всегда такъ, какъ ты меня любилъ. Любезной нашъ Николай Михайловичъ пріѣхалъ въ Россію еще въ августѣ. Онъ, кажется мнѣ, таковъ же возвратился изъ своего путешествія, каковъ и поѣхалъ. Въ концѣ сего письма онъ самъ къ тебѣ приписываетъ. Прощай, любезный другъ, люби твоего истиннаго и вѣрнаго друга

Алексѣя Плещеева.

35. Н. М. КАРАМЗИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Я пріѣхалъ. Когда-то вы пріѣдете, любезнѣйшій братъ? О себѣ могу сказать только то, что мнѣ скоро минетъ уже двадцать пять лѣтъ, и въ то время, какъ мы съ вами разстались, не было мнѣ и двадцати двухъ. Естли я перемѣнился, то, по крайней мѣрѣ, не въ любви моей къ

къ Алексѣю Михайловичу». Повѣрите-ль, что сіе меня чувствительно тронуло, и я не лишу ее этого удовольствія; и ежели эта не чрезъ меня дорога, то вы чрезъ нее будете имѣть этотъ журналъ. Это довольно сказать, какъ она васъ помнитъ. Пишите, Бога ради, чаще; мнѣ чрезмѣрно весело получать ваши письмы. Прощайте. Ежели вы сами насъ любите, то увѣрены, что мы всегда друзья ваши.

34. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 11 ноября, 1790. (14 ноября).

Письмо отъ драгоцѣннаго моего друга Алексѣя Михайловича обрадовало меня тѣмъ, что ты здоровъ, но огорчаетъ тѣмъ, что ни малой надежды не подаешь скоро тебя видѣть въ любезномъ нашемъ отечествѣ. Въ самомъ дѣлѣ, удивительно, что ты, будучи человѣкъ свободный, изъ своего Берлина по сіе время не можешь выѣхать. Дай Боже, чтобы скорѣе всѣ нужды твои кончились, и возвратился бы ты веселъ и здоровъ въ объятіи твоихъ друзей! Правда, что человѣкъ вѣчно противорѣчимъ въ своихъ желаніяхъ; но если онъ и самъ не что иное есть, какъ противорѣчіе, то можетъ-ли онъ не быть противорѣчимъ. Не думаю, чтобы въ истинныхъ и дозволенныхъ желаніяхъ человѣческихъ можно было найти противорѣчіе. Напримѣръ, нѣтъ, кажется, противорѣчія въ томъ, что я люблю моего драгоцѣннаго друга Алексѣя Михайловича; желаю, чтобъ онъ возвратился здоровъ и счастливъ къ намъ; однако-жъ, это не дѣлается, можетъ быть, для того, что его пребываніе тамъ, гдѣ онъ теперь, нужно для будущихъ слѣдствій. Какъ бы то ни было, живи, любезной другъ, тамъ, ежели это для тебя надобно и полезно; только люби меня всегда такъ, какъ ты меня любилъ. Любезной нашъ Николай Михайловичъ пріѣхалъ въ Россію еще въ августѣ. Онъ, кажется мнѣ, таковъ же возвратился изъ своего путешествія, каковъ и поѣхалъ. Въ концѣ сего письма онъ самъ къ тебѣ приписываетъ. Прощай, любезный другъ, люби твоего истиннаго и вѣрнаго друга

Алексѣя Плещеева.

35. Н. М. КАРАМЗИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Я пріѣхалъ. Когда-то вы пріѣдете, любезнѣйшій братъ? О себѣ могу сказать только то, что мнѣ скоро минетъ уже двадцать пять лѣтъ, и въ то время, какъ мы съ вами разстались, не было мнѣ и двадцати двухъ. Естли я перемѣнился, то, по крайней мѣрѣ, не въ любви моей къ

вамъ. Въ другое время поговоримъ болѣе, а теперь простите, любезнѣйшій братъ! Будьте здоровы и веселы, и пріѣзжайте скорѣе къ намъ. Вашъ вѣрной братъ

Николай Карамзинъ.

36. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

[Вторая приписка къ тому же письму].

Люблю тебя, другъ мой! И хочу, чтобы ты меня также любилъ. Вѣрная

Кутузова Алексаша.

37. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 12/23 ноября, 1790. (9 декабря).

Любезнѣйшій другъ! Два письма, одно — отъ 17-го, другое — отъ 21-го октября, получилъ я исправно; удивляюсь только тому, что получилъ ихъ въ одно время, хотя и въ разныхъ пакетахъ, — видно, что одно изъ нихъ задержано было внутрь или внѣ россійскихъ предѣловъ. Удивляюсь и тому, что ты не получаешь моихъ писемъ, которыя я отправляю прямо на твое имя, влагая въ твои пакеты письмы къ князю Николаю Никитичу *), отъ котораго, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, получилъ я одно письмо.

Въ предшедшемъ твоемъ письмѣ жаловался ты на притѣсненіи и придирки со стороны намѣстника. Что сіе дѣлается, я сему не удивляюсь, привыкнувъ къ такимъ поступкамъ; но что сіе дѣлаетъ Прозоровскій, сему я дивлюсь, — я всегда почиталъ его чуждымъ таковыхъ низкихъ поступковъ. Онъ казался мнѣ хотя угрюмымъ, но человѣкомъ, любящимъ правду и правосудіе.

Но, имѣя сіи свойства, можно-ли быть гонителемъ тебя и тебѣ подобныхъ?

Извѣстно мнѣ, что, окрестивъ насъ многихъ именемъ мартинистовъ, самымъ тѣмъ думаютъ имѣть право поступать съ нами, какъ угодно, и считаютъ за позволительное отнимать у насъ подпору законовъ. Но, сердечный мой другъ, приличны-ли таковые поступки въ благоучрежденномъ государствѣ? Согласуются-ли оные съ начертаніями нашей монархини? Все сіе заставляетъ меня воззывать: горе землѣ, въ которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами! Всякой изъ нихъ почитаетъ себя мудрецомъ высшей степени; и кто же не ласкается симъ названіемъ, всякой приноситъ свое умствованіе, и отъ сего происходитъ исполненіе россійской старинной

*) Кн. П. И. Трубецкой.

вамъ. Въ другое время поговоримъ болѣе, а теперь простите, любезнѣйшій братъ! Будьте здоровы и веселы, и пріѣзжайте скорѣе къ намъ. Вашъ вѣрной братъ

Николай Карамзинъ.

36. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

[Вторая приписка къ тому же письму].

Люблю тебя, другъ мой! И хочу, чтобы ты меня также любилъ. Вѣрная

Кутузова Алексаша.

37. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 12/23 ноября, 1790. (9 декабря).

Любезнѣйшій другъ! Два письма, одно — отъ 17-го, другое — отъ 21-го октября, получилъ я исправно; удивляюсь только тому, что получилъ ихъ въ одно время, хотя и въ разныхъ пакетахъ, — видно, что одно изъ нихъ задержано было внутрь или внѣ россійскихъ предѣловъ. Удивляюсь и тому, что ты не получаешь моихъ писемъ, которыя я отправляю прямо на твое имя, влагая въ твои пакеты письмы къ князю Николаю Никитичу *), отъ котораго, по пріѣздѣ его въ Петербургъ, получилъ я одно письмо.

Въ предшедшемъ твоемъ письмѣ жаловался ты на притѣсненіи и придирки со стороны намѣстника. Что сіе дѣлается, я сему не удивляюсь, привыкнувъ къ такимъ поступкамъ; но что сіе дѣлаетъ Прозоровскій, сему я дивлюсь, — я всегда почиталъ его чуждымъ таковыхъ низкихъ поступковъ. Онъ казался мнѣ хотя угрюмымъ, но человѣкомъ, любящимъ правду и правосудіе.

Но, имѣя сіи свойства, можно-ли быть гонителемъ тебя и тебѣ подобныхъ?

Извѣстно мнѣ, что, окрестивъ насъ многихъ именемъ мартинистовъ, самымъ тѣмъ думаютъ имѣть право поступать съ нами, какъ угодно, и считаютъ за позволительное отнимать у насъ подпору законовъ. Но, сердечный мой другъ, приличны-ли таковые поступки въ благоучрежденномъ государствѣ? Согласуются-ли оные съ начертаніями нашей монархини? Все сіе заставляетъ меня воззывать: горе землѣ, въ которой подчиненные, начальники и судьи, а не законы управляютъ гражданами и дѣлами! Всякой изъ нихъ почитаетъ себя мудрецомъ высшей степени; и кто же не ласкается симъ названіемъ, всякой приноситъ свое умствованіе, и отъ сего происходитъ исполненіе россійской старинной

*) Кн. П. И. Трубецкой.

пословицы: „у семи нянекъ дитя безъ глазу“. Коль скоро позволяется человѣку судить о намѣреніяхъ человѣка и догадки свои равнять дѣйствительному дѣянію, толь скоро исчезаетъ личная безопасность, ослабѣваетъ довѣренность законовъ, да и сами законы теряютъ свою силу. Граждане содѣлываются нерѣшительными, твердость и мужество уступаютъ мѣсто робости и ползающему духу; правда и праводушіе отступаютъ отъ сердецъ нашихъ; коварство, хитрость и лукавство воздымаютъ смѣло главу свою, попирая все своими мерзкими ногами, истребляя всѣ добродѣтели, все похвальное и великое, которое человѣка дѣлаетъ человѣкомъ; отечество наше становится намъ чуждо, ибо содѣлывается жилищемъ нашего душевнаго мученія. Да и какъ сему быть иначе? Всякое твореніе имѣетъ свои предѣлы; пребывая въ нихъ, всѣ силы находятся въ дѣйствіи, ибо суть сообразны, сосродны окружающему сіе твореніе; но, выступая изъ сихъ предѣловъ, все встрѣчающееся ему есть противородно и всѣ силы его суть недѣйствительны или дѣйствуютъ развратно. Отгадывать мысли человѣческія есть присвоеніе правъ Божіихъ, ибо Ему единому открыты сердца наши и помышленія.

О, мой другъ, сердце мое содрогается при начертаніи сей легко токмо начертанной картины. Ежели-бъ наша монархиня могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлаютъ, вострепетало бы ея нѣжное человѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, справедливой гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечеловѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность; я всегда скажу, безъ всякаго лицемѣрія: не монархиня причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что частію сами мы причиною сего. «Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ»; для чего не прибѣгаемъ къ самой ней и не стараемся пробиться сквозь лицемѣріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ. Она человѣколюбива, она правосудна; безъ сомнѣнія, подала бы намъ руку помощи; собственная ея польза требуетъ сего, ея благоденствіе находится въ благоденствіи ея подданныхъ.

Пьеса „О силѣ вѣры“ вышла совершенно изъ моей памяти; отпиши, пожалуйста, пообстоятельнѣе, и тогда постараюсь удовлетворить твоему желанію.

Книга „Georg Neminis“ мнѣ извѣстна, въ ней много хорошаго и истиннаго. Пріятели мои удивляются ея появленію и радуются, что въ нынѣшнее время есть еще люди, идущіе симъ путемъ.

Прости, мой сердечный другъ, разцѣлуй Петра Владиміровича *) и всѣхъ нашихъ.

Въ заключеніе скажу, ежели бы знали истинныя наши расположенія, престали бы насъ гнать и нашли бы насъ послушнѣйшими и вѣр-

*) П. В. Лопухинъ.

пословицы: „у семи нянекъ дитя безъ глазу“. Коль скоро позволяется человѣку судить о намѣреніяхъ человѣка и догадки свои равнять дѣйствительному дѣянію, толь скоро исчезаетъ личная безопасность, ослабѣваетъ довѣренность законовъ, да и сами законы теряютъ свою силу. Граждане содѣлываются нерѣшительными, твердость и мужество уступаютъ мѣсто робости и ползающему духу; правда и праводушіе отступаютъ отъ сердецъ нашихъ; коварство, хитрость и лукавство воздымаютъ смѣло главу свою, попирая все своими мерзкими ногами, истребляя всѣ добродѣтели, все похвальное и великое, которое человѣка дѣлаетъ человѣкомъ; отечество наше становится намъ чуждо, ибо содѣлывается жилищемъ нашего душевнаго мученія. Да и какъ сему быть иначе? Всякое твореніе имѣетъ свои предѣлы; пребывая въ нихъ, всѣ силы находятся въ дѣйствіи, ибо суть сообразны, сородны окружающему сіе твореніе; но, выступая изъ сихъ предѣловъ, все встрѣчающееся ему есть противородно и всѣ силы его суть недѣйствительны или дѣйствуютъ развратно. Отгадывать мысли человѣческія есть присвоеніе правъ Божіихъ, ибо Ему единому открыты сердца наши и помышленія.

О, мой другъ, сердце мое содрогается при начертаніи сей легко токмо начертанной картины. Ежели-бъ наша монархиня могла видѣть все то, что опредѣленные ею дѣлаютъ, вострепетало бы ея нѣжное человѣколюбивое сердце; гнѣвъ ея, справедливой гнѣвъ, постигъ бы сихъ нечеловѣковъ, злоупотребляющихъ ея довѣренность; я всегда скажу, безъ всякаго лицемѣрія: не монархиня причиною нашего притѣсненія, но одовѣренные частицею ея власти. Скажу и то, что частію сами мы причиною сего. «Дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ»; для чего не прибѣгаемъ къ самой ней и не стараемся пробиться сквозь лицемѣріе, ласкательство и ложь, окружающія ея престолъ. Она человѣколюбива, она правосудна; безъ сомнѣнія, подала бы намъ руку помощи; собственная ея польза требуетъ сего, ея благоденствіе находится въ благоденствіи ея подданныхъ.

Пьеса „О силѣ вѣры“ вышла совершенно изъ моей памяти; отпиши, пожалуйста, пообстоятельнѣе, и тогда постараюсь удовлетворить твоему желанію.

Книга „Georg Neminis“ мнѣ извѣстна, въ ней много хорошаго и истиннаго. Пріятели мои удивляются ея появленію и радуются, что въ нынѣшнее время есть еще люди, идущіе симъ путемъ.

Прости, мой сердечный другъ, разцѣлуй Петра Владиміровича *) и всѣхъ нашихъ.

Въ заключеніе скажу, ежели бы знали истинныя наши расположенія, престали бы насъ гнать и нашли бы насъ послушнѣйшими и вѣр-

*) П. В. Лопухинъ.

нѣйшими гражданами, нежели тѣ, которые противу насъ наущаютъ. Что дѣлать! Оградимся терпѣніемъ, предався въ волю Всевышняго, управляющаго все на благо. Смѣло можно сказать, что изъ среди насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе. Прости, сердечный другъ.

38. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 12/23 ноября, 1790. (9 декабря).

Любезнѣйшій другъ! Письмо ваше отъ 1-го ноября, подъ № 28, я вчерась получилъ исправно. Не удивляюсь вашему разсѣянію. Сему и быть нельзя иначе, увидѣвшись со сродниками и друзьями послѣ столь долговременной разлуки, наипаче въ такомъ городѣ, каковъ Петербургъ. Желаю, однако-жъ, чтобъ сіе разсѣяніе не продлилось на долго и не имѣло вліянія на вашу внутренность. Наружность зависитъ часто отъ посторонніхъ предметовъ, но внутренность бываетъ всегда во власти нашей. Я разумѣю тутъ истиннаго человѣка, а не того, котораго называютъ симъ именемъ. Можно и посреди шумнаго, многочисленнаго собранія быть наединѣ, равно какъ отшельнику, сидя въ своей хижинѣ, находиться въ толпѣ людей веселящихся. Чистому все чисто, и такъ дай, Боже, вамъ сію чистоту; не сомнѣваюсь о прочемъ.

Вы не пишете ничего, какъ вы были приняты императрицею и не удостоены-ли вы были ея разговоровъ. Признаюсь, что я весьма симъ интересуюсь.

Странное дѣло, вы не отвѣчаете ничего на мое письмо касательно моей особы, что для меня весьма важно, то есть, не увѣдомляете меня о дѣйствіи Радищева книги, которая, какъ я слышу, приписана мнѣ; пожалуйте, увѣдомьте меня, я весьма симъ безпокоюсь.

На сихъ дняхъ читалъ я мое письмо, писанное въ отвѣтъ на первую его книгу. Противу моего обыкновенія осталось у меня черное: я разсматривалъ его строго, но, признаюсь, не нашелъ ничего, что бы могло повредить мнѣ въ глазахъ безпристрастнаго человѣка. Ежели-бъ сіе письмо не было довольно длинное, я бы сообщилъ вамъ оное, дабы и вы могли судить о немъ. Я увѣренъ, что сіе письмо взято купно съ прочими бумагами нещастнаго моего друга.

Мой другъ! Я, слава Богу, здоровъ, и, не взирая на мою скверность, вижу явные знаки милосердующаго мнѣ Всевышняго существа. Оно не перестаетъ изливать на меня неизреченныя свои щедроты. Благодѣяніе Его приходитъ съ такой стороны, откуда бы и не могъ ожидать сего. Я могу сказать, что не я ищу, но бываю взыскуемъ. Сколько же я гнусенъ долженъ казаться при таковомъ размышленіи! Прости, мой другъ; дай, Боже, вамъ всѣмъ благополучія.

нѣйшими гражданами, нежели тѣ, которые противу насъ наущаютъ. Что дѣлать! Оградимся терпѣніемъ, предався въ волю Всевышняго, управляющаго все на благо. Смѣло можно сказать, что изъ среди насъ не выдетъ никогда Мирабо и ему подобныя чудовища. Христіанинъ и возмутитель противъ власти, отъ Бога установленныя, есть совершенное противорѣчіе. Прости, сердечный другъ.

38. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 12/23 ноября, 1790. (9 декабря).

Любезнѣйшій другъ! Письмо ваше отъ 1-го ноября, подъ № 28, я вчерась получилъ исправно. Не удивляюсь вашему разсѣянію. Сему и быть нельзя иначе, увидѣвшись со сродниками и друзьями послѣ столь долговременной разлуки, наипаче въ такомъ городѣ, каковъ Петербургъ. Желаю, однако-жъ, чтобъ сіе разсѣяніе не продлилось на долго и не имѣло вліянія на вашу внутренность. Наружность зависитъ часто отъ посторонніхъ предметовъ, но внутренность бываетъ всегда во власти нашей. Я разумѣю тутъ истиннаго человѣка, а не того, котораго называютъ симъ именемъ. Можно и посреди шумнаго, многочисленнаго собранія быть наединѣ, равно какъ отшельнику, сидя въ своей хижинѣ, находиться въ толпѣ людей веселящихся. Чистому все чисто, и такъ дай, Боже, вамъ сію чистоту; не сомнѣваюсь о прочемъ.

Вы не пишете ничего, какъ вы были приняты императрицею и не удостоены-ли вы были ея разговоровъ. Признаюсь, что я весьма симъ интересуюсь.

Странное дѣло, вы не отвѣчаете ничего на мое письмо касательно моей особы, что для меня весьма важно, то есть, не увѣдомляете меня о дѣйствіи Радищева книги, которая, какъ я слышу, приписана мнѣ; пожалуйте, увѣдомьте меня, я весьма симъ безпокоюсь.

На сихъ дняхъ читалъ я мое письмо, писанное въ отвѣтъ на первую его книгу. Противу моего обыкновенія осталось у меня черное: я разсматривалъ его строго, но, признаюсь, не нашелъ ничего, что бы могло повредить мнѣ въ глазахъ безпристрастнаго человѣка. Ежели-бъ сіе письмо не было довольно длинное, я бы сообщилъ вамъ оное, дабы и вы могли судить о немъ. Я увѣренъ, что сіе письмо взято купно съ прочими бумагами нещастнаго моего друга.

Мой другъ! Я, слава Богу, здоровъ, и, не взирая на мою скверность, вижу явные знаки милосердующаго мнѣ Всевышняго существа. Оно не перестаетъ изливать на меня неизреченныя свои щедроты. Благодѣяніе Его приходитъ съ такой стороны, откуда бы и не могъ ожидать сего. Я могу сказать, что не я ищу, но бываю взыскуемъ. Сколько же я гнусенъ долженъ казаться при таковомъ размышленіи! Прости, мой другъ; дай, Боже, вамъ всѣмъ благополучія.

39. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ

Москва. 18 ноября, 1790. (21 ноября).

Любезнѣйшій другъ! На послѣдней почтѣ получилъ я, къ великому моему удовольствію, любезное письмо твое. Приложенное къ оному по надписи отправилъ. Милосердый Богъ да врачуетъ душу твою и да благословляетъ средствы, употребляемыя тобою къ пзцѣленію тѣла. Гораздо-ли убыла шишка твоя и совсѣмъ-ли прошли вертижи?

Здѣсь послѣ сильныхъ морозовъ, такъ что Москва-рѣка стала, сдѣлалась теперь оттепель и претяжелая погода, а особливо для геморроидальныхъ. Я стражду, лишенъ лучшаго моего лекарства, т. е., прогулки пѣшкомъ. Хожу по двору и около, да этого для меня, ты знаешь, не довольно. Только-было я дождался погоды по себѣ и началъ разгуливаться, — собирался уже пѣшкомъ идти обѣдать къ графу Алексѣю Григорьевичу *), подъ Донской и оттуда пѣшкомъ же, что я и понынѣ еще безъ большой усталости дѣлаю, какъ, проснувшись, увидѣлъ дождь и грязь по мѣстамъ. Добрая погода, особливо морозы, для меня не изъ послѣднихъ благъ.

Согласенъ я, сердечной другъ, со мнѣніемъ твоимъ о уединеніи и деревенской жизни, самъ имѣя великую наклонность къ обѣимъ. Часто скучаю столь давно продолжающимся безъѣзднымъ житьемъ моимъ въ Москвѣ; но при томъ желаю, чтобъ скука сія, сколько можно больше, продлилась, ибо мы живемъ здѣсь такъ для батюшки, котораго состояніе глубокой старости не позволяетъ отсюда уѣзжать и котораго жизнь мнѣ очень драгоцѣнна. Боже, продолжи ее!

Что-жъ принадлежитъ до того, что гдѣ больше удобностей достигать до высочайшей добродѣтели, посреди-ли многолюдства, или въ уединеніи, то я думаю, что это разно по разнымъ свойствамъ людей, по мѣрѣ моральнаго возраста и по различнымъ отношеніямъ въ жизни. Часто занятія мірскія и самыя пустыя могутъ, думаю, съ пользою отводить отъ безвременнаго упражненія въ умствованіи, которое, при не очищенномъ умѣ, можетъ иногда быть вреднѣе, нежели оныя. Часто при шумѣ многолюдства не являются тѣ враги, и самые опасные, которые при внѣшней тишинѣ нападаютъ на неочищенное-жъ сердце, носимое волнами внутренняго моря. Ежели не истребится въ человѣкѣ матерія, воспаляемая соблазнами людскими, то и въ самой пустынѣ даже можетъ она зажигаться тварями, обитающими въ его воображеніи. А ежели родится въ немъ любовь къ совершенному добру, то онъ вездѣ, во всемъ и чрезъ все будетъ имѣть въ виду оное, такъ какъ гордой — почестей, сладострастной — плотоугодія, скупой — прибытка во всемъ ищутъ и видятъ, и таковому всякой предметъ, всякое дѣло могутъ быть

*) Гр. А. Г. Орловъ.

39. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ

Москва. 18 ноября, 1790. (21 ноября).

Любезнѣйшій другъ! На послѣдней почтѣ получилъ я, къ великому моему удовольствію, любезное письмо твое. Приложенное къ оному по надписи отправилъ. Милосердый Богъ да врачуетъ душу твою и да благословляетъ средствы, употребляемыя тобою къ пзцѣленію тѣла. Гораздо-ли убыла шишка твоя и совсѣмъ-ли прошли вертижи?

Здѣсь послѣ сильныхъ морозовъ, такъ что Москва-рѣка стала, сдѣлалась теперь оттепель и претяжелая погода, а особливо для геморроидальныхъ. Я стражду, лишенъ лучшаго моего лекарства, т. е., прогулки пѣшкомъ. Хожу по двору и около, да этого для меня, ты знаешь, не довольно. Только-было я дождался погоды по себѣ и началъ разгуливаться, — собирался уже пѣшкомъ идти обѣдать къ графу Алексѣю Григорьевичу *), подъ Донской и оттуда пѣшкомъ же, что я и понынѣ еще безъ большой усталости дѣлаю, какъ, проснувшись, увидѣлъ дождь и грязь по мѣстамъ. Добрая погода, особливо морозы, для меня не изъ послѣднихъ благъ.

Согласенъ я, сердечной другъ, со мнѣніемъ твоимъ о уединеніи и деревенской жизни, самъ имѣя великую наклонность къ обѣимъ. Часто скучаю столь давно продолжающимся безъѣзднымъ житьемъ моимъ въ Москвѣ; но при томъ желаю, чтобъ скука сія, сколько можно больше, продлилась, ибо мы живемъ здѣсь такъ для батюшки, котораго состояніе глубокой старости не позволяетъ отсюда уѣзжать и котораго жизнь мнѣ очень драгоцѣнна. Боже, продолжи ее!

Что-жъ принадлежитъ до того, что гдѣ больше удобностей достигать до высочайшей добродѣтели, посреди-ли многолюдства, или въ уединеніи, то я думаю, что это разно по разнымъ свойствамъ людей, по мѣрѣ моральнаго возраста и по различнымъ отношеніямъ въ жизни. Часто занятія мірскія и самыя пустыя могутъ, думаю, съ пользою отводить отъ безвременнаго упражненія въ умствованіи, которое, при не очищенномъ умѣ, можетъ иногда быть вреднѣе, нежели оныя. Часто при шумѣ многолюдства не являются тѣ враги, и самые опасные, которые при внѣшней тишинѣ нападаютъ на неочищенное-жъ сердце, носимое волнами внутренняго моря. Ежели не истребится въ человѣкѣ матерія, воспаляемая соблазнами людскими, то и въ самой пустынѣ даже можетъ она зажигаться тварями, обитающими въ его воображеніи. А ежели родится въ немъ любовь къ совершенному добру, то онъ вездѣ, во всемъ и чрезъ все будетъ имѣть въ виду оное, такъ какъ гордой — почестей, сладострастной — плотоугодія, скупой — прибытка во всемъ ищутъ и видятъ, и таковому всякой предметъ, всякое дѣло могутъ быть

*) Гр. А. Г. Орловъ.

стезями къ достиженію высочайшей добродѣтели. Впрочемъ, я думаю, что безвинно можетъ удалиться отъ общества токмо тотъ, кто сіе можетъ сдѣлать, не наруша ни единаго обязательства съ онымъ. И я весьма согласенъ, мой другъ, съ тобою, что анахоретъ, по собственному своему плану таковымъ сдѣлавшись, есть тунеядецъ. Ну, ежели бы услышали здѣсь меня, такъ разсуждающа, вѣрно, сказали-бъ, что я разговариваю съ духами, или, по крайней мѣрѣ, теперь только оторвался отъ чтенія „Des Erreurs et de la Vérité“, хотя я ее уже болѣе осьми лѣтъ не читалъ, духъ же одинъ табачный теперь часто мнѣ въ носъ попадаетъ. Да не стану я этакъ разговаривать въ бесѣдѣ насмѣшниковъ надъ нашею братіею и гонителей, хотящихъ, ища, насъ поглотити.

Всѣ твои друзья, сколько я знаю, здоровы. Николай Ивановичъ *) съ іюня живетъ въ деревнѣ своей и весьма заэкономился. Жена его здѣсь, теперь брюхата; скоро должна родить и онъ къ тому времени пріѣдетъ.

Что-жъ сказать тебѣ новаго? Килія взята; скоро ожидаемъ взятія Измаила, и, не смотря на всѣ нѣмецкія штуки, любезное наше отечество торжествуетъ, остается побѣдоноснымъ и симъ исполнится давное гаданіе твое.

A propos, еще я не писалъ къ тебѣ, что бѣдный Енгалычевъ лишенъ своего мѣста, слѣдовательно, и пропитанія, котораго онъ, конечно, не запасъ, сидя въ оном судѣ, отъ котораго отрѣшенъ. Всѣ они, надворные судьи сего департамента, отрѣшены и отданы въ уголовную палату. Еще при Петрѣ Дмитріевичѣ **) ихъ туда тянули и главная цѣль была на Енгалычева, но не натянули; а отданы уже при нынѣшнемъ главнокомандующемъ. Съ начала учрежденія суда всѣ ошибки выписаны, за кои они разнымъ образомъ и штрафованы были въ свое время, и мнѣ нѣсколько разъ случалось пощунять изъ палаты, да это и во всѣхъ судахъ водилось и водится. Какъ безъ ошибокъ? На то и ревизія разныхъ мѣстъ учреждена очень мудро, чтобъ поправлять оныя. Изъ послѣднихъ же ихъ проступокъ самая первая такая, въ которой самое губернское правленіе столько же виновато, какъ и они, и еще болѣе, можетъ быть, ибо оно — директіонное мѣсто. Впрочемъ, мы знаемъ, что Енгалычевъ ничѣмъ не корыстовался, что онъ человѣкъ очень неглупой и существенное въ уголовномъ судопроизводствѣ знаетъ никого не хуже, а лучше многихъ. Мнѣ очень знакомо судейство здѣшней губерніи, бывъ долго у меня подъ главною ревизіею. Весьма много къ чести его то служитъ, что онъ держалъ сторону бѣдныхъ противъ богачей, что ему сдѣлало много непріятелей.

---

*) И. И. Новиковъ.

**) П. Д. Ерошкинъ.

стезями къ достиженію высочайшей добродѣтели. Впрочемъ, я думаю, что безвинно можетъ удалиться отъ общества токмо тотъ, кто сіе можетъ сдѣлать, не наруша ни единаго обязательства съ онымъ. И я весьма согласенъ, мой другъ, съ тобою, что анахоретъ, по собственному своему плану таковымъ сдѣлавшись, есть тунеядецъ. Ну, ежели бы услышали здѣсь меня, такъ разсуждающа, вѣрно, сказали-бъ, что я разговариваю съ духами, или, по крайней мѣрѣ, теперь только оторвался отъ чтенія „Des Erreurs et de la Vérité“, хотя я ее уже болѣе осьми лѣтъ не читалъ, духъ же одинъ табачный теперь часто мнѣ въ носъ попадаетъ. Да не стану я этакъ разговаривать въ бесѣдѣ насмѣшниковъ надъ нашею братіею и гонителей, хотящихъ, ища, насъ поглотити.

Всѣ твои друзья, сколько я знаю, здоровы. Николай Ивановичъ *) съ іюня живетъ въ деревнѣ своей и весьма заэкономился. Жена его здѣсь, теперь брюхата; скоро должна родить и онъ къ тому времени пріѣдетъ.

Что-жъ сказать тебѣ новаго? Килія взята; скоро ожидаемъ взятія Измаила, и, не смотря на всѣ нѣмецкія штуки, любезное наше отечество торжествуетъ, остается побѣдоноснымъ и симъ исполнится давное гаданіе твое.

A propos, еще я не писалъ къ тебѣ, что бѣдный Енгалычевъ лишенъ своего мѣста, слѣдовательно, и пропитанія, котораго онъ, конечно, не запасъ, сидя въ оном судѣ, отъ котораго отрѣшенъ. Всѣ они, надворные судьи сего департамента, отрѣшены и отданы въ уголовную палату. Еще при Петрѣ Дмитріевичѣ **) ихъ туда тянули и главная цѣль была на Енгалычева, но не натянули; а отданы уже при нынѣшнемъ главнокомандующемъ. Съ начала учрежденія суда всѣ ошибки выписаны, за кои они разнымъ образомъ и штрафованы были въ свое время, и мнѣ нѣсколько разъ случалось пощунять изъ палаты, да это и во всѣхъ судахъ водилось и водится. Какъ безъ ошибокъ? На то и ревизія разныхъ мѣстъ учреждена очень мудро, чтобъ поправлять оныя. Изъ послѣднихъ же ихъ проступокъ самая первая такая, въ которой самое губернское правленіе столько же виновато, какъ и они, и еще болѣе, можетъ быть, ибо оно — директіонное мѣсто. Впрочемъ, мы знаемъ, что Енгалычевъ ничѣмъ не корыстовался, что онъ человѣкъ очень неглупой и существенное въ уголовномъ судопроизводствѣ знаетъ никого не хуже, а лучше многихъ. Мнѣ очень знакомо судейство здѣшней губерніи, бывъ долго у меня подъ главною ревизіею. Весьма много къ чести его то служитъ, что онъ держалъ сторону бѣдныхъ противъ богачей, что ему сдѣлало много непріятелей.

---

*) И. И. Новиковъ.

**) П. Д. Ерошкинъ.

Въ отсылкѣ его къ суду не можно обвинять Прозоровскаго, которому трудно было тутъ остеречься, особливо потому, что это было еще почти при началѣ вступленія его въ главнокомандованіе. Надобно сказать правду о семъ князѣ. Въ немъ очень много попечительности, стремленія къ правосудію и благоустройству. Недавно читалъ я предписаніе его палатѣ о порядкѣ въ судѣ и ревизіи уголовныхъ дѣлъ, которое мнѣ очень полюбилось и показываетъ его искусство и вниманіе. Любви бы побольше, любви, да не тѣхъ только слушать, которые бранятъ мнимый мартинизмъ и все бранить готовы, лишь-бы понравиться. Противъ насъ, это правда, что онъ преисполненъ предубѣжденій и несправедливости. Теперь ничего, кажется, не дѣлаетъ.

Да и что-жъ дѣлать? Ложъ нѣтъ, книги печатаются только такія, — и не могу сказать какія, ибо такая дрянь, что я и не интересуюсь нынѣ знать о типографской работѣ. Сказки да побаски, только для выручки денегъ на содержаніе. Впрочемъ, со мною лично, когда мнѣ случалось пріѣзжать къ нему и быть звану на праздники, онъ ласковъ и учтивъ. Не оказывалъ, правда, никогда желанія имѣть меня часто въ своемъ домѣ, но я сего и не ищу, и для того, что я не бригирую ничьего знакомства, и для того, что имѣю нѣкоторую нѣжность менажировать и самыя въ людяхъ слабости, изъ коихъ въ немъ, кажется, не послѣдняя та, чтобъ не прослыть знакомымъ съ тѣми, кои слывутъ мартинистами.

Что онъ сего избѣгаетъ и какъ бы боится и для очистки иногда излишнее на счетъ таковыхъ скажетъ, сіе очень ясно изъ поступка его съ Иваномъ Петровичемъ *) которой и очень былъ съ нимъ коротокъ, какъ ты знаешь, и которой нынѣче и не безпокоитъ его своими пріѣздами, оставаясь всегда ему благодарнымъ за его одолженія и всегда любя его. Какъ же быть! Кто бабѣ не внукъ.

Какъ странно можно предубѣдиться, этому я недавно видѣлъ опытъ въ смѣшномъ и бездѣльномъ со мною приключеніи. У насъ въ сѣняхъ желѣзныя двери; возвращаясь съ прогулки домой, въ шагахъ 10-ти отъ оныхъ дверей, видя ихъ затворенными, вздумайся мнѣ, что онѣ заперты. Подошедъ къ нимъ, стучусь, чтобъ отперли; малой бѣжитъ, отворяетъ и говоритъ: «онѣ, сударь, не заперты были, а только отъ вѣтру притворены, чтобъ не хлопали». Такъ-то и о мнимомъ у насъ мартинистѣ. Вздумайся людямъ, что тутъ есть что-то худое, котораго нѣтъ и не бывало. Еслибъ они попробовали разумно и безпристрастно разсудить, такъ бы по пустому не шумѣли; и я бы тогда не стучалъ по напрасну, попробовавъ прежде отворить.

Вотъ какъ я въ другой разъ сряду расписываюсь къ тебѣ, любезный другъ и братъ! Прости! Напоминаемое тобою исполню, какъ скоро найду.

---

*) И. П. Тургеневъ.

Въ отсылкѣ его къ суду не можно обвинять Прозоровскаго, которому трудно было тутъ остеречься, особливо потому, что это было еще почти при началѣ вступленія его въ главнокомандованіе. Надобно сказать правду о семъ князѣ. Въ немъ очень много попечительности, стремленія къ правосудію и благоустройству. Недавно читалъ я предписаніе его палатѣ о порядкѣ въ судѣ и ревизіи уголовныхъ дѣлъ, которое мнѣ очень полюбилось и показываетъ его искусство и вниманіе. Любви бы побольше, любви, да не тѣхъ только слушать, которые бранятъ мнимый мартинизмъ и все бранить готовы, лишь-бы понравиться. Противъ насъ, это правда, что онъ преисполненъ предубѣжденій и несправедливости. Теперь ничего, кажется, не дѣлаетъ.

Да и что-жъ дѣлать? Ложъ нѣтъ, книги печатаются только такія, — и не могу сказать какія, ибо такая дрянь, что я и не интересуюсь нынѣ знать о типографской работѣ. Сказки да побаски, только для выручки денегъ на содержаніе. Впрочемъ, со мною лично, когда мнѣ случалось пріѣзжать къ нему и быть звану на праздники, онъ ласковъ и учтивъ. Не оказывалъ, правда, никогда желанія имѣть меня часто въ своемъ домѣ, но я сего и не ищу, и для того, что я не бригирую ничьего знакомства, и для того, что имѣю нѣкоторую нѣжность менажировать и самыя въ людяхъ слабости, изъ коихъ въ немъ, кажется, не послѣдняя та, чтобъ не прослыть знакомымъ съ тѣми, кои слывутъ мартинистами.

Что онъ сего избѣгаетъ и какъ бы боится и для очистки иногда излишнее на счетъ таковыхъ скажетъ, сіе очень ясно изъ поступка его съ Иваномъ Петровичемъ *) которой и очень былъ съ нимъ коротокъ, какъ ты знаешь, и которой нынѣче и не безпокоитъ его своими пріѣздами, оставаясь всегда ему благодарнымъ за его одолженія и всегда любя его. Какъ же быть! Кто бабѣ не внукъ.

Какъ странно можно предубѣдиться, этому я недавно видѣлъ опытъ въ смѣшномъ и бездѣльномъ со мною приключеніи. У насъ въ сѣняхъ желѣзныя двери; возвращаясь съ прогулки домой, въ шагахъ 10-ти отъ оныхъ дверей, видя ихъ затворенными, вздумайся мнѣ, что онѣ заперты. Подошедъ къ нимъ, стучусь, чтобъ отперли; малой бѣжитъ, отворяетъ и говоритъ: «онѣ, сударь, не заперты были, а только отъ вѣтру притворены, чтобъ не хлопали». Такъ-то и о мнимомъ у насъ мартинистѣ. Вздумайся людямъ, что тутъ есть что-то худое, котораго нѣтъ и не бывало. Еслибъ они попробовали разумно и безпристрастно разсудить, такъ бы по пустому не шумѣли; и я бы тогда не стучалъ по напрасну, попробовавъ прежде отворить.

Вотъ какъ я въ другой разъ сряду расписываюсь къ тебѣ, любезный другъ и братъ! Прости! Напоминаемое тобою исполню, какъ скоро найду.

---

*) И. П. Тургеневъ.

Отъ Колокольникова и Невзорова все не имѣю писемъ.

Здравствуй, мой другъ!

О Радищевѣ слышу теперь, что онъ живъ: вотъ все, что могу о немъ сказать, а гдѣ онъ, не знаю.

40. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ и М. П. НЕВЗОРОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Страсбургъ. 20 ноября, 1790.

Любезный другъ и благодѣтель!

Послѣднее письмо изъ Лейдена послали мы къ вамъ по почтѣ 8 ноября и въ тотъ же день изъ Лейдена выѣхали, предпріявъ путь нашъ по вашему совѣту въ Швейцарію. Передъ отъѣздомъ со многими хлопотами и съ нѣсколькимъ убыткомъ размѣняли вексель, вами присланный на лондонскаго банкира. На половину сего векселя взяли съ собою вексель другой на женевскаго банкира. Доѣхавъ до Страсбурга, французскаго города, нашли здѣсь двухъ студентовъ, изъ С.-Петербурга присланныхъ въ здѣшнюю Страсбургскую академію для науки. Одинъ изъ сихъ студентовъ, по имени Базилевичъ, прошедшаго лѣта отсюда пѣшкомъ ходилъ въ Швейцарію, въ надеждѣ усовершенствовать тамъ свою науку, однако чрезъ мѣсяцъ оттолѣ выѣхать принужденъ былъ, не нашедши ничего, служащаго къ усовершенствованію въ медицинѣ. Онъ насъ увѣрилъ, что мы и время, и коштъ потеряемъ, если поѣдемъ туда, ибо, кромѣ того, что лекцій почти вовсе нѣтъ, и что въ больницѣ тамошней нашелъ онъ одного только больнаго, кромѣ всего того, Лозанна, Женева и другіе города наполнены теперь удалившимися изъ Франціи знатнѣйшими и богатѣйшими особами, такъ что съ трудностію и за превеликую цѣну можно найти для жилья квартиру. Сіе подтвердили и студенты изъ Швейцаріи, здѣсь находящіеся, которыхъ около 30 человѣкъ въ здѣшнемъ университетѣ. Мы жалѣемъ теперь, что не остались въ Лейденѣ еще на годъ. Въ Гётингъ хотѣли мы поѣхать и слушать лекціи на малознакомомъ намъ нѣмецкомъ языкѣ, но далеко, и надобно ворочаться назадъ съ потерею коштa. Рѣшились-было мы, наконецъ, здѣсь въ Страсбургѣ остаться, но чрезъ цѣлую зиму надобно жить безъ дѣла до начала весны, ибо зимою теперь читается только анатомія и хирургія на нѣмецкомъ языкѣ для фершаловъ, какъ насъ увѣрилъ студентъ Базилевичъ. Въ сей безызвѣстности и безпокойствіи рѣшились мы отсюда поѣхать въ Парижъ, выспросивъ и вывѣдавъ здѣсь у многихъ, что намъ будетъ тамъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи безопасно. Чужестранцы всѣ, какъ въ здѣшнемъ городѣ, такъ и во всей Франціи, не только никакой, какъ сказываютъ, не имѣютъ опасности, но еще особенно обезопашиваются, и отъ двора нашего повелѣнія нѣтъ выѣзжать изъ Франціи, ибо здѣсь, кромѣ помянутыхъ двухъ студентовъ

Отъ Колокольникова и Невзорова все не имѣю писемъ.

Здравствуй, мой другъ!

О Радищевѣ слышу теперь, что онъ живъ: вотъ все, что могу о немъ сказать, а гдѣ онъ, не знаю.

40. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ и М. П. НЕВЗОРОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Страсбургъ. 20 ноября, 1790.

Любезный другъ и благодѣтель!

Послѣднее письмо изъ Лейдена послали мы къ вамъ по почтѣ 8 ноября и въ тотъ же день изъ Лейдена выѣхали, предпріявъ путь нашъ по вашему совѣту въ Швейцарію. Передъ отъѣздомъ со многими хлопотами и съ нѣсколькимъ убыткомъ размѣняли вексель, вами присланный на лондонскаго банкира. На половину сего векселя взяли съ собою вексель другой на женевскаго банкира. Доѣхавъ до Страсбурга, французскаго города, нашли здѣсь двухъ студентовъ, изъ С.-Петербурга присланныхъ въ здѣшнюю Страсбургскую академію для науки. Одинъ изъ сихъ студентовъ, по имени Базилевичъ, прошедшаго лѣта отсюда пѣшкомъ ходилъ въ Швейцарію, въ надеждѣ усовершенствовать тамъ свою науку, однако чрезъ мѣсяцъ оттолѣ выѣхать принужденъ былъ, не нашедши ничего, служащаго къ усовершенствованію въ медицинѣ. Онъ насъ увѣрилъ, что мы и время, и коштъ потеряемъ, если поѣдемъ туда, ибо, кромѣ того, что лекцій почти вовсе нѣтъ, и что въ больницѣ тамошней нашелъ онъ одного только больнаго, кромѣ всего того, Лозанна, Женева и другіе города наполнены теперь удалившимися изъ Франціи знатнѣйшими и богатѣйшими особами, такъ что съ трудностію и за превеликую цѣну можно найти для жилья квартиру. Сіе подтвердили и студенты изъ Швейцаріи, здѣсь находящіеся, которыхъ около 30 человѣкъ въ здѣшнемъ университетѣ. Мы жалѣемъ теперь, что не остались въ Лейденѣ еще на годъ. Въ Гётингъ хотѣли мы поѣхать и слушать лекціи на малознакомомъ намъ нѣмецкомъ языкѣ, но далеко, и надобно ворочаться назадъ съ потерею коштa. Рѣшились-было мы, наконецъ, здѣсь въ Страсбургѣ остаться, но чрезъ цѣлую зиму надобно жить безъ дѣла до начала весны, ибо зимою теперь читается только анатомія и хирургія на нѣмецкомъ языкѣ для фершаловъ, какъ насъ увѣрилъ студентъ Базилевичъ. Въ сей безызвѣстности и безпокойствіи рѣшились мы отсюда поѣхать въ Парижъ, выспросивъ и вывѣдавъ здѣсь у многихъ, что намъ будетъ тамъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи безопасно. Чужестранцы всѣ, какъ въ здѣшнемъ городѣ, такъ и во всей Франціи, не только никакой, какъ сказываютъ, не имѣютъ опасности, но еще особенно обезопашиваются, и отъ двора нашего повелѣнія нѣтъ выѣзжать изъ Франціи, ибо здѣсь, кромѣ помянутыхъ двухъ студентовъ

петербургскихъ, живутъ многіе изъ Россіи дворянскія дѣти, какъ-то: сынъ графа Разумовскаго, г-нъ Новосильцовъ и проч. Много, равнымъ образомъ, какъ мы теперь слышали, находится русскихъ и въ Парижѣ. Жалко, что мы лишній кругъ сдѣлали, ибо можно бы изъ Лейдена ближайшую имѣть дорогу въ Парижъ и съ меньшимъ коштомъ, но, видно, надобно тому быть такъ, чтобы мы съ большими безпокойствами и дальнѣйшими путями достигали до медицины, нежели наши антецессоры. Впрочемъ признаться вамъ надобно, что насъ нѣсколько страшитъ здѣшній воздухъ, шумомъ оружія и барабановъ повсечасно движимый. Но что намъ дѣлать? Ближе теперь отъ Страсбурга университета другого хорошаго мы не находимъ. Гораздо лучше сдѣлали бы вы, если бы намъ приказали повелительнымъ образомъ ѣхать въ какой нибудь именно университетъ, хотя не такъ знаменитый, не оставляя на нашу волю избирать его; мы бы были спокойнѣе. А теперь, отправляясь въ Парижъ, при всѣхъ увѣреніяхъ о безопасности, мы не знаемъ, будемъ ли мы безопасны. Ваши покорнѣйшіе слуги

В. Колокольниковъ.

М. Невзоровъ.

P. S. Отъ Лейдена до Страсбурга ѣхали десять дней, отсюду до Парижа остается 5 дней; денегъ издержали 25 червонцевъ. Здѣсь въ ложиментѣ Виль-де-Віенъ живемъ пятый день, завтра отправляемся въ дорогу.

P. P. S. Удивитесь непостоянству нашему. Письмо сіе писано третьяго дня; мы намѣрены были отправиться въ Парижъ, но вчера, въ день отъѣзда нашего въ Парижъ, напалъ на насъ обоихъ духъ безпокойства, такъ что мы ни обѣдать, ни ужинать не могли. И, такъ, рѣшились совсѣмъ оставить Францію и неотмѣнно отправиться въ Гётингъ, хотя и съ убыткомъ и прибавкою нѣсколькихъ дней на проѣздку, желая лучше остаться съ посредственными познаніями и быть въ покоѣ, нежели питать себя надеждою великихъ познаній и предать безопасность свою неизвѣстности. Чрезъ 6 дней будемъ въ Гётингѣ или быть надѣемся.

41. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790.

Дражайшій другъ! Письмо твое отъ 31 октября я получилъ. Благодарю тебя сердечно за оное. Не дивись, милый мой другъ, моему безпокойствію о Катеринѣ Ильиничнѣ *). Ты знаешь русскую пословицу: «пужаная ворона и куста боится». Я долгое время не получалъ отъ нея писемъ, и сіе случилось въ самое то время, какъ происходило непріятное

*) Е. И. Голенищева-Кутузова.

петербургскихъ, живутъ многіе изъ Россіи дворянскія дѣти, какъ-то: сынъ графа Разумовскаго, г-нъ Новосильцовъ и проч. Много, равнымъ образомъ, какъ мы теперь слышали, находится русскихъ и въ Парижѣ. Жалко, что мы лишній кругъ сдѣлали, ибо можно бы изъ Лейдена ближайшую имѣть дорогу въ Парижъ и съ меньшимъ коштомъ, но, видно, надобно тому быть такъ, чтобы мы съ большими безпокойствами и дальнѣйшими путями достигали до медицины, нежели наши антецессоры. Впрочемъ признаться вамъ надобно, что насъ нѣсколько страшитъ здѣшній воздухъ, шумомъ оружія и барабановъ повсечасно движимый. Но что намъ дѣлать? Ближе теперь отъ Страсбурга университета другого хорошаго мы не находимъ. Гораздо лучше сдѣлали бы вы, если бы намъ приказали повелительнымъ образомъ ѣхать въ какой нибудь именно университетъ, хотя не такъ знаменитый, не оставляя на нашу волю избирать его; мы бы были спокойнѣе. А теперь, отправляясь въ Парижъ, при всѣхъ увѣреніяхъ о безопасности, мы не знаемъ, будемъ ли мы безопасны. Ваши покорнѣйшіе слуги

В. Колокольниковъ.

М. Невзоровъ.

P. S. Отъ Лейдена до Страсбурга ѣхали десять дней, отсюду до Парижа остается 5 дней; денегъ издержали 25 червонцевъ. Здѣсь въ ложиментѣ Виль-де-Віенъ живемъ пятый день, завтра отправляемся въ дорогу.

P. P. S. Удивитесь непостоянству нашему. Письмо сіе писано третьяго дня; мы намѣрены были отправиться въ Парижъ, но вчера, въ день отъѣзда нашего въ Парижъ, напалъ на насъ обоихъ духъ безпокойства, такъ что мы ни обѣдать, ни ужинать не могли. И, такъ, рѣшились совсѣмъ оставить Францію и неотмѣнно отправиться въ Гётингъ, хотя и съ убыткомъ и прибавкою нѣсколькихъ дней на проѣздку, желая лучше остаться съ посредственными познаніями и быть въ покоѣ, нежели питать себя надеждою великихъ познаній и предать безопасность свою неизвѣстности. Чрезъ 6 дней будемъ въ Гётингѣ или быть надѣемся.

41. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790.

Дражайшій другъ! Письмо твое отъ 31 октября я получилъ. Благодарю тебя сердечно за оное. Не дивись, милый мой другъ, моему безпокойствію о Катеринѣ Ильиничнѣ *). Ты знаешь русскую пословицу: «пужаная ворона и куста боится». Я долгое время не получалъ отъ нея писемъ, и сіе случилось въ самое то время, какъ происходило непріятное

*) Е. И. Голенищева-Кутузова.

происшествіе съ моимъ другомъ Радищевымъ, и въ самое то время, когда я былъ въ недоумѣніи моего милаго Багрянскаго о участи. Все сіе умножило обыкновенное мое къ гипохондріи расположеніе. На все глядѣлъ я въ черныхъ краскахъ. Прибавь же къ сему, что мнѣ случилось уже два раза въ жизни моей, что послѣ долговременнаго спокойствія разимъ я былъ ударами [однимъ] вскорѣ послѣ другаго; и такъ, что естественнѣе, какъ представить, что и на сей разъ я лишенъ всѣхъ тѣхъ особъ, которыя мнѣ милы? Но, благодаря Бога, на сей разъ я обманутъ. Ты истинно разсуждаешь о моей связи съ нещастнымъ моимъ другомъ, да и не могъ я ожидать отъ тебя инакаго сужденія. Но, мой сердечный другъ, сколь человѣки различны! Сколь мало тѣхъ, которые глядятъ своими глазами и чувствуютъ собственными своими чувствами. Не надобно ходить далеко, чтобы увѣриться о сей истинѣ. Собственное наше положеніе есть очевидное сему свидѣтельство. Всякій присвоиваетъ себѣ право судить о насъ, но изо ста человѣкъ едва-ли одинъ имѣетъ хотя малое понятіе о насъ. Сколь многіе устыдились бы своей невоздержности, естли-бъ узнали все обстоятельно! Признаюсь, что, разсматривая сихъ людей съ хладнокровіемъ, надлежитъ болѣе жалѣть о нихъ, нежели досадовать; ибо, точная правда, они отрицаются отличительнаго человѣка свойства, разсудка. Вотъ каковъ плодъ привычки говорить слова, не совокупляя съ ними никакихъ мыслей. Увѣренъ равно съ тобою, что наша монархиня имѣетъ нѣжное человѣколюбивое сердце. Имѣвъ счастіе быть нѣсколько лѣтъ близъ ея особы, я знаю сіе не по разсказамъ. Но, мой другъ, могутъ-ли монархи все видѣть своими глазами? Кто же окружаетъ ихъ, кто же окружаетъ и окружающихъ ихъ? Цѣпь безконечная! И такъ, легко случится, какъ и случается то по большей части, что они получаютъ ложныя донесенія и по симъ располагаютъ свои повелѣнія. Слѣдовательно, несправедливо присвоивать ей все то, что мы претерпѣвали и претерпѣваемъ, однако-жъ сіе не лишаетъ меня чувствованія тѣхъ болѣзней, которыми насъ оскорбляютъ. Я смѣло могу сказать, что насъ не одинъ разъ грабили, въ истинномъ смыслѣ сего слова, въ самое то время, какъ монархиня думала, что она умягчаетъ еще правосудіе, стремящееся къ нашему наказанію. Ахъ, мой другъ, трудно сражаться съ ласкательствомъ и хитростію, трудно видѣть правду, покрытую облаками лжи и подлости. Изъ всего сказаннаго мною заключаю, что лучшее для насъ средство есть молчаніе и терпѣніе, лучшій отвѣтъ на всѣ клеветы — добрыя дѣла и ревностное исполненіе должностей добраго гражданина. Не будемъ стараться заслуживать благоволеніе судящихъ насъ, но предадимся Всевышнему Судьѣ, предъ котораго престоломъ мы всѣ предстанемъ и, можетъ быть, въ весьма отличныхъ отъ нынѣшнихъ видахъ. Будемъ молиться, да пошлетъ Всевышній нашей монархинѣ истинныхъ и нелицемѣрныхъ совѣтниковъ, и будемъ

происшествіе съ моимъ другомъ Радищевымъ, и въ самое то время, когда я былъ въ недоумѣніи моего милаго Багрянскаго о участи. Все сіе умножило обыкновенное мое къ гипохондріи расположеніе. На все глядѣлъ я въ черныхъ краскахъ. Прибавь же къ сему, что мнѣ случилось уже два раза въ жизни моей, что послѣ долговременнаго спокойствія разимъ я былъ ударами [однимъ] вскорѣ послѣ другаго; и такъ, что естественнѣе, какъ представить, что и на сей разъ я лишенъ всѣхъ тѣхъ особъ, которыя мнѣ милы? Но, благодаря Бога, на сей разъ я обманутъ. Ты истинно разсуждаешь о моей связи съ нещастнымъ моимъ другомъ, да и не могъ я ожидать отъ тебя инакаго сужденія. Но, мой сердечный другъ, сколь человѣки различны! Сколь мало тѣхъ, которые глядятъ своими глазами и чувствуютъ собственными своими чувствами. Не надобно ходить далеко, чтобы увѣриться о сей истинѣ. Собственное наше положеніе есть очевидное сему свидѣтельство. Всякій присвоиваетъ себѣ право судить о насъ, но изо ста человѣкъ едва-ли одинъ имѣетъ хотя малое понятіе о насъ. Сколь многіе устыдились бы своей невоздержности, естли-бъ узнали все обстоятельно! Признаюсь, что, разсматривая сихъ людей съ хладнокровіемъ, надлежитъ болѣе жалѣть о нихъ, нежели досадовать; ибо, точная правда, они отрицаются отличительнаго человѣка свойства, разсудка. Вотъ каковъ плодъ привычки говорить слова, не совокупляя съ ними никакихъ мыслей. Увѣренъ равно съ тобою, что наша монархиня имѣетъ нѣжное человѣколюбивое сердце. Имѣвъ счастіе быть нѣсколько лѣтъ близъ ея особы, я знаю сіе не по разсказамъ. Но, мой другъ, могутъ-ли монархи все видѣть своими глазами? Кто же окружаетъ ихъ, кто же окружаетъ и окружающихъ ихъ? Цѣпь безконечная! И такъ, легко случится, какъ и случается то по большей части, что они получаютъ ложныя донесенія и по симъ располагаютъ свои повелѣнія. Слѣдовательно, несправедливо присвоивать ей все то, что мы претерпѣвали и претерпѣваемъ, однако-жъ сіе не лишаетъ меня чувствованія тѣхъ болѣзней, которыми насъ оскорбляютъ. Я смѣло могу сказать, что насъ не одинъ разъ грабили, въ истинномъ смыслѣ сего слова, въ самое то время, какъ монархиня думала, что она умягчаетъ еще правосудіе, стремящееся къ нашему наказанію. Ахъ, мой другъ, трудно сражаться съ ласкательствомъ и хитростію, трудно видѣть правду, покрытую облаками лжи и подлости. Изъ всего сказаннаго мною заключаю, что лучшее для насъ средство есть молчаніе и терпѣніе, лучшій отвѣтъ на всѣ клеветы — добрыя дѣла и ревностное исполненіе должностей добраго гражданина. Не будемъ стараться заслуживать благоволеніе судящихъ насъ, но предадимся Всевышнему Судьѣ, предъ котораго престоломъ мы всѣ предстанемъ и, можетъ быть, въ весьма отличныхъ отъ нынѣшнихъ видахъ. Будемъ молиться, да пошлетъ Всевышній нашей монархинѣ истинныхъ и нелицемѣрныхъ совѣтниковъ, и будемъ

покойны, ибо впрочемъ никто изъ смертныхъ не можетъ приключить намъ истиннаго зла, кромѣ насъ самихъ. Постарайся точно узнать о Радищевѣ и увѣдомь меня. Прости, мой другъ! Цѣлую и прижимаю къ моему любящему тебя сердцу.

P. S. Не забудьте пересылку денегъ, я начинаю чувствовать нужду.

42. Бар. ШРЕДЕРЪ — П. А. ТАТИЩЕВУ.

[Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790].

Verehrungswürdigster Freund und Ordens-Bruder!

Bald ist es ein halbes Jahr, dass ich Ihnen durch den Br. B. *) einen Brief zuschickte und Sie ersuchte mir die Figuren von Taulero copieren zu lassen; Sie haben mir aber keine Silbe geschrieben, ob Sie es thun wollen, oder ob ich eine Fehlbitte gethan habe. Drauf schrieb ich Ihnen mit der Post und bat Sie mir eine Summe Geldes zur Bezahlung einer sehr drückenden Schuld zu borgen, da Sie mir so oft und so feierlich versprochen ja zu geschworen haben, dass Sie nichts in der Welt seeliger wünschten, als mir thätig Ihre Liebe und Freundschaft zu bezeugen **). Es soll Ihnen für Ihr Geld die gehörige Sicherheit gegeben werden, das versteht sich, und es ist keine so entsetzliche Summe, die Ihre Familienumstände derangieren könnte. Es sind 300 Luidors, die mir so nöthig sind als die A, die ich geniesse. Ich werde an dieser That erkennen, ob Sie mit dem Munde oder mit dem Herzen mein Freund sind, und erwarte schleunigst Antwort und Hülfe. Meinen Empfehl an Ihren Herrn Sohn, Br. v. Pasdeef ***) und alle Bbr. Ich empfehle Sie dem Schutze Gottes und bin ewig

Dero aufrichtiger Freund und Ordens-Bruder

v. Schröder.

43. Бар. ШРЕДЕРЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

[Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790].

Verehrungswürdiger, geliebter Bruder!

Nichts konnte mir wohl unerwarteter seyn, als ein Brief von Ihnen zu einer Zeit, wo ich glauben musste, ganz von Ihnen vergessen, vielleicht von Ihnen verachtet zu seyn. Gott bewahre Sie von den inneren und äusseren Leiden, die ich ausgestanden und noch ausstehe.

Mit vollem Herzen erneuere ich den Bund mit Ihnen, dass Trachten

*) М. И. Багрянскій [?].

**) Подъ строкой въ подлинникѣ: Dieser Brief muss verloren gegangen seyn.

***) О. А. Поздѣевъ.

покойны, ибо впрочемъ никто изъ смертныхъ не можетъ приключить намъ истиннаго зла, кромѣ насъ самихъ. Постарайся точно узнать о Радищевѣ и увѣдомь меня. Прости, мой другъ! Цѣлую и прижимаю къ моему любящему тебя сердцу.

P. S. Не забудьте пересылку денегъ, я начинаю чувствовать нужду.

42. Бар. ШРЕДЕРЪ — П. А. ТАТИЩЕВУ.

[Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790].

Verehrungswürdigster Freund und Ordens-Bruder!

Bald ist es ein halbes Jahr, dass ich Ihnen durch den Br. B. *) einen Brief zuschickte und Sie ersuchte mir die Figuren von Taulero copieren zu lassen; Sie haben mir aber keine Silbe geschrieben, ob Sie es thun wollen, oder ob ich eine Fehlbitte gethan habe. Drauf schrieb ich Ihnen mit der Post und bat Sie mir eine Summe Geldes zur Bezahlung einer sehr drückenden Schuld zu borgen, da Sie mir so oft und so feierlich versprochen ja zu geschworen haben, dass Sie nichts in der Welt seeliger wünschten, als mir thätig Ihre Liebe und Freundschaft zu bezeugen **). Es soll Ihnen für Ihr Geld die gehörige Sicherheit gegeben werden, das versteht sich, und es ist keine so entsetzliche Summe, die Ihre Familienumstände derangieren könnte. Es sind 300 Luidors, die mir so nöthig sind als die A, die ich geniesse. Ich werde an dieser That erkennen, ob Sie mit dem Munde oder mit dem Herzen mein Freund sind, und erwarte schleunigst Antwort und Hülfe. Meinen Empfehl an Ihren Herrn Sohn, Br. v. Pasdeef ***) und alle Bbr. Ich empfehle Sie dem Schutze Gottes und bin ewig

Dero aufrichtiger Freund und Ordens-Bruder

v. Schröder.

43. Бар. ШРЕДЕРЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

[Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790].

Verehrungswürdiger, geliebter Bruder!

Nichts konnte mir wohl unerwarteter seyn, als ein Brief von Ihnen zu einer Zeit, wo ich glauben musste, ganz von Ihnen vergessen, vielleicht von Ihnen verachtet zu seyn. Gott bewahre Sie von den inneren und äusseren Leiden, die ich ausgestanden und noch ausstehe.

Mit vollem Herzen erneuere ich den Bund mit Ihnen, dass Trachten

*) М. И. Багрянскій [?].

**) Подъ строкой въ подлинникѣ: Dieser Brief muss verloren gegangen seyn.

***) О. А. Поздѣевъ.

nach dem Reiche Gottes und nach Seiner Gerechtigkeit der einzige Grund unserer Freundschaft sey.

Sie meinen, ich hätte Sie vergessen! Da haben sie Sich sehr in meinem Charakter geirrt, da haben Sie noch nie in meinem Herzen gelesen; ich hatte aber alle möglichen Gründe zu vermuthen, dass Sie mich für einen Menschen hielten, der nicht auf dem einzigen Grund bauet, den Sie selbst angeben, obgleich mein einziges Labsal, mein einziger Trost in den harten Trübsalen, in die mich Gott versetzte, stets war, dass das Blut Jesu Christi allein uns rein machen kann von unsern Sünden, dass ein historicher Glaube an dies köstliche Göttliche Medicament mein armes Herz nicht radicaliter curieren kann, sondern dass das Medicament selbst genossen werden, ja sogar Vermögen des geheimen Δ-rs der Weisen in meinem Herzen ausgearbeitet werden muss; dass hingegen der, welcher fremdes Δ, höllisches Δ, Kohlen-Δ auf einen Altar bringt, wo nur ein heiliges erwärmendes Liebe-Δ brennen soll, von Gott selbst verflucht ist; ferner dass es nach der Göttlichen Fr. Maurerischen Lehre der Uebereinstimmung in der grossen Welt so gut als in der kleinen ein geheimes, ernährendes und belebendes Δ giebt, dass das innere in unserer Materie verborgenes Central-Δ reizet, reactioniert und beweget: ich sage, ob ich gleich diese erquickende Wahrheit stets als eine Leuchte auf meinem Wege ansah, so musste ich doch glauben, dass Sie in mir nicht mehr einen Verräther, einen Meineidigen sehen, und da dachte ich, es sey das Beste diese Sache Gott anheim zu stellen, der Sie schon zu seiner Zeit im Lichte darstellen und zeigen wird, was Wahrheit und was Lüge war. Können Sie dies Betragen in der Lage, worin ich bin, missbilligen, da ich vielleicht noch am Bettelstab kommen kann!

Wenn Sie mir einmal wieder schreiben und die Paar Worte wieder mit dem très humble serviteur beschliessen wollen, so bitte ich Sie mir lieber gar nicht zu schreiben: ich habe die Ceremonien in der Welt satt — entweder seyn Sie mein Bruder nnd gehen Sie mit mir um als ein solcher und nicht als ein Fremder, oder, wenn Sie mich als einen Fremden behandeln, so vergeben Sie mir, dass ich Ihnen sagen muss: Es thut meinem Herzen weh *), dergleichen Briefe von Ihnen zu lesen, und da lese ich Sie lieber gar nicht. Sehen Sie, Ihr Brief schien mir so freundschaftlich, dass ich wirklich glaubte Sie hätten mich noch lieb; in dem Augenblick sah ich Ihre Unterschrift, und nun wusste ich nicht, für was ich Ihren Brief nehmen sollte! Ich sah mich gezwungen ihn für einen blossen Komplimentenbrief zu nehmen, weil der Br. P. **) Ihnen eine Commission an mich gegeben. Gott sey mit Ihnen und segne Ihre Arbeiten!

*) Въ подлинникѣ: froh.

**) Porrectus (кн. Н. Н. Трубецкой).

nach dem Reiche Gottes und nach Seiner Gerechtigkeit der einzige Grund unserer Freundschaft sey.

Sie meinen, ich hätte Sie vergessen! Da haben sie Sich sehr in meinem Charakter geirrt, da haben Sie noch nie in meinem Herzen gelesen; ich hatte aber alle möglichen Gründe zu vermuthen, dass Sie mich für einen Menschen hielten, der nicht auf dem einzigen Grund bauet, den Sie selbst angeben, obgleich mein einziges Labsal, mein einziger Trost in den harten Trübsalen, in die mich Gott versetzte, stets war, dass das Blut Jesu Christi allein uns rein machen kann von unsern Sünden, dass ein historicher Glaube an dies köstliche Göttliche Medicament mein armes Herz nicht radicaliter curieren kann, sondern dass das Medicament selbst genossen werden, ja sogar Vermögen des geheimen Δ-rs der Weisen in meinem Herzen ausgearbeitet werden muss; dass hingegen der, welcher fremdes Δ, höllisches Δ, Kohlen-Δ auf einen Altar bringt, wo nur ein heiliges erwärmendes Liebe-Δ brennen soll, von Gott selbst verflucht ist; ferner dass es nach der Göttlichen Fr. Maurerischen Lehre der Uebereinstimmung in der grossen Welt so gut als in der kleinen ein geheimes, ernährendes und belebendes Δ giebt, dass das innere in unserer Materie verborgenes Central-Δ reizet, reactioniert und beweget: ich sage, ob ich gleich diese erquickende Wahrheit stets als eine Leuchte auf meinem Wege ansah, so musste ich doch glauben, dass Sie in mir nicht mehr einen Verräther, einen Meineidigen sehen, und da dachte ich, es sey das Beste diese Sache Gott anheim zu stellen, der Sie schon zu seiner Zeit im Lichte darstellen und zeigen wird, was Wahrheit und was Lüge war. Können Sie dies Betragen in der Lage, worin ich bin, missbilligen, da ich vielleicht noch am Bettelstab kommen kann!

Wenn Sie mir einmal wieder schreiben und die Paar Worte wieder mit dem très humble serviteur beschliessen wollen, so bitte ich Sie mir lieber gar nicht zu schreiben: ich habe die Ceremonien in der Welt satt — entweder seyn Sie mein Bruder nnd gehen Sie mit mir um als ein solcher und nicht als ein Fremder, oder, wenn Sie mich als einen Fremden behandeln, so vergeben Sie mir, dass ich Ihnen sagen muss: Es thut meinem Herzen weh *), dergleichen Briefe von Ihnen zu lesen, und da lese ich Sie lieber gar nicht. Sehen Sie, Ihr Brief schien mir so freundschaftlich, dass ich wirklich glaubte Sie hätten mich noch lieb; in dem Augenblick sah ich Ihre Unterschrift, und nun wusste ich nicht, für was ich Ihren Brief nehmen sollte! Ich sah mich gezwungen ihn für einen blossen Komplimentenbrief zu nehmen, weil der Br. P. **) Ihnen eine Commission an mich gegeben. Gott sey mit Ihnen und segne Ihre Arbeiten!

*) Въ подлинникѣ: froh.

**) Porrectus (кн. Н. Н. Трубецкой).

44. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

[Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790].

Bester Freund und Bruder!

Mit dem Br. B. *) habe ich Ihnen geschrieben, aber bis jetzt vergebens einer Antwort entgegen gesehen. Sie haben mir unterm 12 7-bris einen Wechsel geschickt, für den ich Ihnen danken muss, denn er hat mich aus einer der grössten und drohendsten Gefahren meines Lebens gerettet.

Sie verdienen dafür meinen wärmsten Dank, den ich Ihnen sogleich abgestattet haben würde, aber Velox **) sagte mir, Sie wären auf einige Zeit abwesend, ich habe also bis heute gewartet und hoffe dieser Brief wird Sie wieder zu Hause treffen. In den Paar Worten, die Sie dem Wechsel beygefügt haben, reden Sie von 1000 Louis d'or, die ich brauchte, aber um Gottes Willen, wie kommen Sie dazu, da ich Ihnen schrieb, dass ich nur 300 brauche um einer Schuld entledigt zu seyn, die ich beynahe seit 4 Jahren hier gemacht habe, weil meine Delicatesse, die mich schon so oft ins Malheur gebracht hat und die ich lieber Stolz, Hochmuth oder Ambition nennen sollte, es mir nicht erlaubte von Velox baar Geld zu fordern ob Sie es mir gleich oft schrieben.

Wegen der Tilgung dieser meiner Schuld will ich Ihnen meinen Vorschlag nunmehr bestimmter auseinandersetzen, denn, da ich durch Ihren Wechsel, auf den man mir aber bey weitem nicht 100 Louis d'or, wie Sie schreiben, sondern nur 470 Reichsthaler ausgezahlt hat, aus der Gefahr in wenig Wochen Ehre und alles zu verlieren befreyt bin, — so kann ich nunmehr reiflicher denken und überlegen. Mein Gewissen verbietet mir auf allen Fall diese Summe, die ich nothwendig brauche meine Schulden zubezahlen, von irgend jemand als ein baares Geschenk anzunehmen, meine Hochmuth ist schuld, dass ich zu diesen Schulden gekommen bin; ich muss also dafür büssen, das ist billig, und könnten Sie tief in mein Herz schauen, so würden Sie überzeugt werden, dass ich schwer dafür leide und dass ich mir ordentlich Gewalt anthun muss, um Ihnen meinen Plan, der mich vielleicht in Ihren Augen und in den Augen der Brüder verächtlich macht, zu sagen, aber er muss heraus; jetzt ist noch Zeit, schwilge ich länger — wäre vielleicht alles verloren.

Mein Plan ist also mit wenigen Worten der: Da meine Schulden nicht die Hälfte des baaren Geldes, was ich in die Typographie gegeben, ausmachen, und ich auf keine andere Art vor Schande und Entehrung zu schützen bin, sollte es mir schimpflich seyn, wenn ich Sie bitte diesen mei-

*) М. И. Багрянскій [?].

**) А. М. Кутузовъ.

44. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

[Берлинъ. 24 ноября — 5 декабря, 1790].

Bester Freund und Bruder!

Mit dem Br. B. *) habe ich Ihnen geschrieben, aber bis jetzt vergebens einer Antwort entgegen gesehen. Sie haben mir unterm 12 7-bris einen Wechsel geschickt, für den ich Ihnen danken muss, denn er hat mich aus einer der grössten und drohendsten Gefahren meines Lebens gerettet.

Sie verdienen dafür meinen wärmsten Dank, den ich Ihnen sogleich abgestattet haben würde, aber Velox **) sagte mir, Sie wären auf einige Zeit abwesend, ich habe also bis heute gewartet und hoffe dieser Brief wird Sie wieder zu Hause treffen. In den Paar Worten, die Sie dem Wechsel beygefügt haben, reden Sie von 1000 Louis d'or, die ich brauchte, aber um Gottes Willen, wie kommen Sie dazu, da ich Ihnen schrieb, dass ich nur 300 brauche um einer Schuld entledigt zu seyn, die ich beynahe seit 4 Jahren hier gemacht habe, weil meine Delicatesse, die mich schon so oft ins Malheur gebracht hat und die ich lieber Stolz, Hochmuth oder Ambition nennen sollte, es mir nicht erlaubte von Velox baar Geld zu fordern ob Sie es mir gleich oft schrieben.

Wegen der Tilgung dieser meiner Schuld will ich Ihnen meinen Vorschlag nunmehr bestimmter auseinandersetzen, denn, da ich durch Ihren Wechsel, auf den man mir aber bey weitem nicht 100 Louis d'or, wie Sie schreiben, sondern nur 470 Reichsthaler ausgezahlt hat, aus der Gefahr in wenig Wochen Ehre und alles zu verlieren befreyt bin, — so kann ich nunmehr reiflicher denken und überlegen. Mein Gewissen verbietet mir auf allen Fall diese Summe, die ich nothwendig brauche meine Schulden zubezahlen, von irgend jemand als ein baares Geschenk anzunehmen, meine Hochmuth ist schuld, dass ich zu diesen Schulden gekommen bin; ich muss also dafür büssen, das ist billig, und könnten Sie tief in mein Herz schauen, so würden Sie überzeugt werden, dass ich schwer dafür leide und dass ich mir ordentlich Gewalt anthun muss, um Ihnen meinen Plan, der mich vielleicht in Ihren Augen und in den Augen der Brüder verächtlich macht, zu sagen, aber er muss heraus; jetzt ist noch Zeit, schwilge ich länger — wäre vielleicht alles verloren.

Mein Plan ist also mit wenigen Worten der: Da meine Schulden nicht die Hälfte des baaren Geldes, was ich in die Typographie gegeben, ausmachen, und ich auf keine andere Art vor Schande und Entehrung zu schützen bin, sollte es mir schimpflich seyn, wenn ich Sie bitte diesen mei-

*) М. И. Багрянскій [?].

**) А. М. Кутузовъ.

nen Antheil für 300 Louis d'or jemanden gerichtlich zu übertragen; und sollte P. A. Tadd. *) dies aus alter Liebe für mich nicht annehmen! Sie können es mir nicht glauben, mit welchem Schmerzen ich diese wenigen Worte niedergeschrieben, aber endlich muss es doch einmal ein Ende haben, überdies ist ja die Summe nicht so gross, dass sie nicht aufzutreiben wäre, da ich bereits im Sommer schon davon Nachricht gegeben, und wäre mir nicht ein neues Unglück begegnet seit der Abreise des Br-s B. **) von hier, welches ich dem Br. Velox anvertraute und wobey er mir als ein Br[uder] und Fr[eimaurer] gerathen, so brauchte ich jetzt nur noch 200 L. Es ist wahr — ich habe nicht das Recht eine solche Forderung zu machen, ich gab das Geld ungefordert und entsagte diesem Rechte, ja ich gab es mit solchem Herzen, ganz vom Grund meiner Seele, dass ich 4 Millionen, hätte ich Sie besessen, mit eben der Resignation würde gegeben haben, und ich versichere Ihnen, dass ich mich sogar aufs äusserste gekränkt und beleidigt glaubte, wie der Br. Lap. ***) mir eine Schrift darüber gab; ich konnte Sie ihm nicht zurück geben ohne grob zu seyn, aber ich konnte sie auch ebensowenig behalten; sie liegt noch in Moscau. So wenig stellte ich mir damals vor, dass mir solches Elend, solcher Jammer bevorstände, und dass ich gezwungen seyn würde einen Schritt zu thun, der alle meine Gefühle entehrt. Aber, liebster Bruder, Sie können sich gar nicht in meine Lage versetzen, Sie können also auch gar nicht Theil an meinem Leiden nehmen, Reichel könnte es eher, wenn er von allem genau unterrichtet wäre. Wie ich die Brillanten auf solche einfältige Art durch den Br. Frenkel einzeln verkaufte, handelte ich wie ein Thor. Sie hatten meinem Oncle 6000 Reichsthaler gekostet und diesen Sommer wurden ihm 7000 Reichsthaler vom Mecklenburg-Strelizschen Hof bey Gelegenheit der Verheirathung der Mecklenburgischen Prinzessin an den Erbprinz von Thurn und Taxis geboten, aber sie waren von mir gleichsam weggeworfen. Doch wozu erzähle ich Ihnen das! Geschehene Dinge sind nicht zu ändern, aber ich wünschte nur Sie zu überzeugen, dass ich damals nicht aus interessierten Absichten handelte. Ob Sie meinen Brief an P. A. T. *) abgegeben, schreiben Sie mir nicht; ich vermuthe, es sey nicht geschehen und sende einen zweiten, den ich Ihnen aber auf Ihre Seele lege; es ist meine letzte Ressource, sollte nicht einer von den BB. von L-p-ch. ***) oder Pagadochen ****) einen Theil meines Antheils an dem Fond unserns Instituts auf sich schreiben lassen wollen, und mich durch dies Geld von Schande und Verzweiflung retten; auch die 470 Reichsthaler, die ich

*) П. А. Татищевъ.
**) М. П. Багрянскій.
***) И. В. Лопухинъ.
****) Г. М. Походяшинъ.

nen Antheil für 300 Louis d'or jemanden gerichtlich zu übertragen; und sollte P. A. Tadd. *) dies aus alter Liebe für mich nicht annehmen! Sie können es mir nicht glauben, mit welchem Schmerzen ich diese wenigen Worte niedergeschrieben, aber endlich muss es doch einmal ein Ende haben, überdies ist ja die Summe nicht so gross, dass sie nicht aufzutreiben wäre, da ich bereits im Sommer schon davon Nachricht gegeben, und wäre mir nicht ein neues Unglück begegnet seit der Abreise des Br-s B. **) von hier, welches ich dem Br. Velox anvertraute und wobey er mir als ein Br[uder] und Fr[eimaurer] gerathen, so brauchte ich jetzt nur noch 200 L. Es ist wahr — ich habe nicht das Recht eine solche Forderung zu machen, ich gab das Geld ungefordert und entsagte diesem Rechte, ja ich gab es mit solchem Herzen, ganz vom Grund meiner Seele, dass ich 4 Millionen, hätte ich Sie besessen, mit eben der Resignation würde gegeben haben, und ich versichere Ihnen, dass ich mich sogar aufs äusserste gekränkt und beleidigt glaubte, wie der Br. Lap. ***) mir eine Schrift darüber gab; ich konnte Sie ihm nicht zurück geben ohne grob zu seyn, aber ich konnte sie auch ebensowenig behalten; sie liegt noch in Moscau. So wenig stellte ich mir damals vor, dass mir solches Elend, solcher Jammer bevorstände, und dass ich gezwungen seyn würde einen Schritt zu thun, der alle meine Gefühle entehrt. Aber, liebster Bruder, Sie können sich gar nicht in meine Lage versetzen, Sie können also auch gar nicht Theil an meinem Leiden nehmen, Reichel könnte es eher, wenn er von allem genau unterrichtet wäre. Wie ich die Brillanten auf solche einfältige Art durch den Br. Frenkel einzeln verkaufte, handelte ich wie ein Thor. Sie hatten meinem Oncle 6000 Reichsthaler gekostet und diesen Sommer wurden ihm 7000 Reichsthaler vom Mecklenburg-Strelizschen Hof bey Gelegenheit der Verheirathung der Mecklenburgischen Prinzessin an den Erbprinz von Thurn und Taxis geboten, aber sie waren von mir gleichsam weggeworfen. Doch wozu erzähle ich Ihnen das! Geschehene Dinge sind nicht zu ändern, aber ich wünschte nur Sie zu überzeugen, dass ich damals nicht aus interessierten Absichten handelte. Ob Sie meinen Brief an P. A. T. *) abgegeben, schreiben Sie mir nicht; ich vermuthe, es sey nicht geschehen und sende einen zweiten, den ich Ihnen aber auf Ihre Seele lege; es ist meine letzte Ressource, sollte nicht einer von den BB. von L-p-ch. ***) oder Pagadochen ****) einen Theil meines Antheils an dem Fond unserns Instituts auf sich schreiben lassen wollen, und mich durch dies Geld von Schande und Verzweiflung retten; auch die 470 Reichsthaler, die ich

---

*) П. А. Татищевъ.
**) М. П. Багрянскій.
***) И. В. Лопухинъ.
****) Г. М. Походяшинъ.

erhalten, bitte ich Sie von dieser Summe abzuziehen, wenn ich auch nur noch 500 Rthr in der Typographie behalte, so bin ich ja immer noch Mitglied, und das möchte ich so gern bleiben, weil ich zu Gott hoffe, das werde mich noch einmal in den Stand setzen, thätiger für diese Gesellschaft zu wirken, als ich es bis jetzt konnte. Damit ich also auf keine Weise durch den schlechten Cours oder den Betrug der Banquiere betrogen und ganz aus meinem Elend gerissen werde, wollte ich wohl bitten mir 2000 Rbl zu schicken; das macht einwenig mehr als 300 L. Jetzt bleibt mir noch der letzte Punkt übrig. Sie versprechen mir bis zu meiner Retour nach Moskau jährlich 100 L., aber Sie schreiben mir nicht mit welchen Conditionen. So geschenkt kann ich sie nicht nehmen ohne mich vor Ihnen und vor mich selbst zu schämen; ich will Sie verdienen, ich will dafür arbeiten, doch davon ein andermal. Jetzt ist das Wichtigste die Regulierung meiner Schulden durch mein eigenes Geld. Dann, da ich diese Zeit über hier nicht als Ihr Abgesandter, sondern als Privatmann lebte, so kann ich mich auch nicht von Ihnen bezahlen lassen. Meinen Empfehl an unsern Kreis, Ihre Familie und alle Brüder.

Sacerdos.

45. Е. И. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Елисаветградъ. 27 ноября, 1790.

По долгомъ молчаніи вашемъ, наконецъ получила я письмо отъ 13 окт[ября] черезъ Москву на сихъ дняхъ. Вы пеняете мнѣ или, лучше сказать, вы безпокоитесь, что со мною дѣлается, не получая такъ долго отъ меня писемъ. Я удивляюсь, гдѣ они дѣваются. Кромѣ невольнаго моего молчанія двухъ-мѣсячнаго, о которомъ скажу вамъ въ письмѣ семъ, я писала къ вамъ довольно часто черезъ Москву; но вижу, что моимъ письмамъ та же участь, что вашимъ; а я отъ васъ болѣе 4 мѣс[яцевъ] передъ этимъ письмомъ не получала. Увѣрьтесь, сдѣлайте милость, единожды навсегда, что дружба моя къ вамъ не иначе кончится, какъ съ моею жизнію, что молчаніе мое никогда не будетъ самопроизвольное; но или болѣзнь, или другія, страданія мнѣ дѣлавшія, обстоятельства. Порадована я, что вы здоровы. Вы, кажется, равно со мною предубѣждены, что все утѣшавшее или, лучше сказать, все привязанное къ намъ похищается скорѣе прочаго.

Не получая отъ васъ долго писемъ, безпокоюсь я и думаю, что не удалось-ли что нибудь съ вами, ибо потеря брата Василья Ильича *) сдѣлала, что я въ тѣхъ же мысляхъ, какъ и вы. Не угодно ли Богу лишать меня всѣхъ тѣхъ, кои больше мною занимаются? Вы знаете, что въ

*) В. И. Бибиковъ.

erhalten, bitte ich Sie von dieser Summe abzuziehen, wenn ich auch nur noch 500 Rthr in der Typographie behalte, so bin ich ja immer noch Mitglied, und das möchte ich so gern bleiben, weil ich zu Gott hoffe, das werde mich noch einmal in den Stand setzen, thätiger für diese Gesellschaft zu wirken, als ich es bis jetzt konnte. Damit ich also auf keine Weise durch den schlechten Cours oder den Betrug der Banquiere betrogen und ganz aus meinem Elend gerissen werde, wollte ich wohl bitten mir 2000 Rbl zu schicken; das macht einwenig mehr als 300 L. Jetzt bleibt mir noch der letzte Punkt übrig. Sie versprechen mir bis zu meiner Retour nach Moskau jährlich 100 L., aber Sie schreiben mir nicht mit welchen Conditionen. So geschenkt kann ich sie nicht nehmen ohne mich vor Ihnen und vor mich selbst zu schämen; ich will Sie verdienen, ich will dafür arbeiten, doch davon ein andermal. Jetzt ist das Wichtigste die Regulierung meiner Schulden durch mein eigenes Geld. Dann, da ich diese Zeit über hier nicht als Ihr Abgesandter, sondern als Privatmann lebte, so kann ich mich auch nicht von Ihnen bezahlen lassen. Meinen Empfehl an unsern Kreis, Ihre Familie und alle Brüder.

Sacerdos.

45. Е. П. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Елисаветградъ. 27 ноября, 1790.

По долгомъ молчаніи вашемъ, наконецъ получила я письмо отъ 13 окт[ября] черезъ Москву на сихъ дняхъ. Вы пеняете мнѣ или, лучше сказать, вы безпокоитесь, что со мною дѣлается, не получая такъ долго отъ меня писемъ. Я удивляюсь, гдѣ они дѣваются. Кромѣ невольнаго моего молчанія двухъ-мѣсячнаго, о которомъ скажу вамъ въ письмѣ семъ, я писала къ вамъ довольно часто черезъ Москву; но вижу, что моимъ письмамъ та же участь, что вашимъ; а я отъ васъ болѣе 4 мѣс[яцевъ] передъ этимъ письмомъ не получала. Увѣрьтесь, сдѣлайте милость, единожды навсегда, что дружба моя къ вамъ не иначе кончится, какъ съ моею жизнію, что молчаніе мое никогда не будетъ самопроизвольное; но или болѣзнь, или другія, страданія мнѣ дѣлавшія, обстоятельства. Порадована я, что вы здоровы. Вы, кажется, равно со мною предубѣждены, что все утѣшавшее или, лучше сказать, все привязанное къ намъ похищается скорѣе прочаго.

Не получая отъ васъ долго писемъ, безпокоюсь я и думаю, что не удалось-ли что нибудь съ вами, ибо потеря брата Василья Ильича *) сдѣлала, что я въ тѣхъ же мысляхъ, какъ и вы. Не угодно ли Богу лишать меня всѣхъ тѣхъ, кои больше мною занимаются? Вы знаете, что въ

*) В. И. Бибиковъ.

сіи 5 лѣтъ потеряла я дружбу той, о которой я столько страдала, бывъ въ Москвѣ. Что сему причиною, я и сама не знаю; вы меня довольно знаете, чтобъ быть увѣрену, что не я подала причину. Отдаю я вамъ справедливость и увѣрена, что дружбы вашей ничто перемѣнить ко мнѣ не можетъ, и посему, молчаніе ваше приписываю болѣзни или, Боже сохрани, еще большему нещастію, и оттого всегда въ грусти, не получая *) вашихъ писемъ. Теперь скажу вамъ, отчего я такъ долго молчала. На дѣтей на всѣхъ пришла оспа; сія нечаянность сдѣлала, что не успѣла я отдѣлить маленькаго Николашку, который сдѣлался жертвою сей злой болѣзни. Она его похитила въ сутки; другія всѣ, имѣвъ ее, выздоровѣли; на троихъ была легкая, на четвертой очень сильна, на Аннушкѣ была опасна. Въ то-жъ самое время я, простудясь, получила жабу и была безъ всякой надежды дни четыре. Кровь пустили, поставили нѣсколько шпанскихъ мухъ и спасли меня. Вотъ положеніе, въ которомъ я сіи два мѣсяца проводила, и теперь, исключая слабости, страдаю я жестокой истерикой. Болѣзнь сія дѣлаетъ мнѣ всегдашнюю компанію; усилилась нынѣче такъ, что я боюсь весьма худыхъ слѣдствіевъ. Хотя старанія человѣка искуснаго и коего могу назвать не только другомъ, но и благодѣтелемъ семьи моей, обнадеживаютъ меня о излѣченіи или, по крайней мѣрѣ, о облегченіи отъ нея, но я боюсь, что ничто не успѣетъ. На невѣстѣ вашей оспы не было, потому что ей прививали въ Пет[ербургѣ]. Вы можете представить, каково мнѣ было потерять сына моего, коего дожидалась такъ долго! Но Богу сіе угодно было; да буди Его святая воля.

Михайла Лар[іоновича] **) не видала 8 мѣсяцевъ. Теперь стоятъ подъ Измаиломъ, который, думаю, возьмутъ, ибо Божья помощь и храбрость войскъ нашихъ дѣлаютъ сію побѣду несумнѣнною. Но частные удары на кого упадутъ, неизвѣстно. Боюсь, чтобъ не была я избрана перенести оный въ потерѣ Мих[аила] Лар[іоновича]. Мысль сія меня уже съѣ[да]етъ ***). На сихъ дняхъ онъ сдѣлалъ побѣду, разбивъ ихъ конницу, которая выходила изъ города. Adieu, mon ami, portez vous bien. Ecrivez le plus souvent que vous pouvez et soyez sûr que je suis toujours votre fidèle amie.

46. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 28 ноября, 1790. (2 декабря).

Сегодня, любезнѣйшій другъ, имѣлъ я удовольствіе получить письмо твое отъ 1/12 ноября. Оно подлинно застало меня давно выздоровѣвшаго отъ той болѣзни, въ которой писалъ я къ тебѣ то письмо, на которое

*) Въ подлинникѣ: помия.

**) М. П. Голенищевъ-Кутузовъ.

***) Въ подлинникѣ: съѣстъ.

сіи 5 лѣтъ потеряла я дружбу той, о которой я столько страдала, бывъ въ Москвѣ. Что сему причиною, я и сама не знаю; вы меня довольно знаете, чтобъ быть увѣрену, что не я подала причину. Отдаю я вамъ справедливость и увѣрена, что дружбы вашей ничто перемѣнить ко мнѣ не можетъ, и посему, молчаніе ваше приписываю болѣзни или, Боже сохрани, еще большему нещастію, и оттого всегда въ грусти, не получая *) вашихъ писемъ. Теперь скажу вамъ, отчего я такъ долго молчала. На дѣтей на всѣхъ пришла оспа; сія нечаянность сдѣлала, что не успѣла я отдѣлить маленькаго Николашку, который сдѣлался жертвою сей злой болѣзни. Она его похитила въ сутки; другія всѣ, имѣвъ ее, выздоровѣли; на троихъ была легкая, на четвертой очень сильна, на Аннушкѣ была опасна. Въ то-жъ самое время я, простудясь, получила жабу и была безъ всякой надежды дни четыре. Кровь пустили, поставили нѣсколько шпанскихъ мухъ и спасли меня. Вотъ положеніе, въ которомъ я сіи два мѣсяца проводила, и теперь, исключая слабости, страдаю я жестокой истерикой. Болѣзнь сія дѣлаетъ мнѣ всегдашнюю компанію; усилилась нынѣче такъ, что я боюсь весьма худыхъ слѣдствіевъ. Хотя старанія человѣка искуснаго и коего могу назвать не только другомъ, но и благодѣтелемъ семьи моей, обнадеживаютъ меня о излѣченіи или, по крайней мѣрѣ, о облегченіи отъ нея, но я боюсь, что ничто не успѣетъ. На невѣстѣ вашей оспы не было, потому что ей прививали въ Пет[ербургѣ]. Вы можете представить, каково мнѣ было потерять сына моего, коего дожидалась такъ долго! Но Богу сіе угодно было; да буди Его святая воля.

Михайла Лар[іоновича] **) не видала 8 мѣсяцевъ. Теперь стоятъ подъ Измаиломъ, который, думаю, возьмутъ, ибо Божья помощь и храбрость войскъ нашихъ дѣлаютъ сію побѣду несумнѣнною. Но частные удары на кого упадутъ, неизвѣстно. Боюсь, чтобъ не была я избрана перенести оный въ потерѣ Мих[аила] Лар[іоновича]. Мысль сія меня уже съѣ[да]етъ ***). На сихъ дняхъ онъ сдѣлалъ побѣду, разбивъ ихъ конницу, которая выходила изъ города. Adieu, mon ami, portez vous bien. Ecrivez le plus souvent que vous pouvez et soyez sûr que je suis toujours votre fidèle amie.

46. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 28 ноября, 1790. (2 декабря).

Сегодня, любезнѣйшій другъ, имѣлъ я удовольствіе получить письмо твое отъ 1/12 ноября. Оно подлинно застало меня давно выздоровѣвшаго отъ той болѣзни, въ которой писалъ я къ тебѣ то письмо, на которое

*) Въ подлинникѣ: помия.

**) М. П. Голенищевъ-Кутузовъ.

***) Въ подлинникѣ: съѣстъ.

отвѣчаешь симъ послѣднимъ. Излишнее бы было благодарить тебя, сердечный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ или, лучше сказать, влюбленность въ меня, свидѣтельствуемую и въ семъ письмѣ твоемъ.

Вмѣстѣ съ тобою желаю я, чтобъ нещастіе Радищева послужило къ его обращенію и, конечно, была бы причина радоваться, какъ ты говоришь, сему нещастію его, ежели бы, сдѣлавшись средствомъ перемѣны его мыслей и чувствъ, послужило ему въ познаніе истины въ здѣшней жизни и къ блаженству въ вѣчности. Правда, думаю я, что ежели онъ войдетъ въ себя, то увидитъ, что источникъ заблужденія его и терпимаго имъ теперь бѣдствія есть точно въ невѣжествѣ о истинѣ христіянской и въ непривязанности къ ней. Его почитали мартинистомъ, и всѣ нащетъ сего полагали въ здѣшнемъ городѣ. Но совсѣмъ напротивъ, онъ именно оттого и сдѣлалъ оное дѣло, что не есть то, что здѣсь разумѣется мартинистомъ. Все это доказываетъ просвѣщеніе здѣшней публики. Чтобъ тебя, мой другъ, подозрѣвали соучастникомъ въ сочиненіи Радищева и чтобъ справлялись о тебѣ изъ полиціи, сего совсѣмъ я не слыхалъ. Напротивъ того, говорятъ, будто найдены у него твои письма, ясно показывающія разность твоихъ правилъ, да я и вѣрнымъ почитаю слухъ сей, ежели онъ хранилъ твои письма. И я думаю, что такого подозрѣнія и быть не можетъ по окончаніи дѣла, которое, конечно, со всевозможнымъ раченіемъ изслѣдовано. А здѣсь охотники до вреда ближнимъ вообще участниками Радищева почитали всѣхъ насъ, такъ называемыхъ какими-то мартинистами. Предубѣжденіе сіе такъ далеко простирается, что одинъ, впрочемъ весьма разумный и хорошій человѣкъ, довольно коротко меня знающій и любящій, пришелъ въ превеликое удивленіе, увѣрясь, что я и Радищева въ лицо никогда не видалъ, зная, что онъ есть въ мірѣ только по знакомству моему съ тобою, и не только не зналъ ничего объ изданіи имъ книги, но даже по сіе время не читалъ ея, хотя и желалъ бы впрочемъ прочитать изъ любопытства. Онъ весьма удивлялся, а я, правду сказать, подивился ему и пожалѣлъ объ немъ. Какъ сильно можно предубѣдиться? Отъ чего же сіе? Отъ того, конечно, (и я это многажды видалъ на опытахъ), что эти люди не могутъ никакъ себѣ представить, чтобъ могли найтиться имѣющіе честныя намѣренія, добродѣтели и услуги ближнимъ; и потому-то тѣ книги, которыя мы издавали, помощи учащимся и проч., все кажется имъ затѣями и подозрительными, и они во всемъ томъ, что имъ таковымъ кажется и, можетъ быть, и любезно имъ, ищутъ въ насъ. Привыкнувъ все дѣлать, только имѣя въ виду рубли, чины, ленты или изъ страха, не могутъ повѣрить, чтобы были люди, желающіе безкорыстно удовлетворять должностямъ христіянина, вѣрнаго подданнаго, сына отечества и сочеловѣка.

Справка о тебѣ изъ полиціи, кажется, не могла быть въ Петер-

отвѣчаешь симъ послѣднимъ. Излишнее бы было благодарить тебя, сердечный другъ мой, за любовь твою ко мнѣ или, лучше сказать, влюбленность въ меня, свидѣтельствуемую и въ семъ письмѣ твоемъ.

Вмѣстѣ съ тобою желаю я, чтобъ нещастіе Радищева послужило къ его обращенію и, конечно, была бы причина радоваться, какъ ты говоришь, сему нещастію его, ежели бы, сдѣлавшись средствомъ перемѣны его мыслей и чувствъ, послужило ему въ познаніе истины въ здѣшней жизни и къ блаженству въ вѣчности. Правда, думаю я, что ежели онъ войдетъ въ себя, то увидитъ, что источникъ заблужденія его и терпимаго имъ теперь бѣдствія есть точно въ невѣжествѣ о истинѣ христіянской и въ непривязанности къ ней. Его почитали мартинистомъ, и всѣ нащетъ сего полагали въ здѣшнемъ городѣ. Но совсѣмъ напротивъ, онъ именно оттого и сдѣлалъ оное дѣло, что не есть то, что здѣсь разумѣется мартинистомъ. Все это доказываетъ просвѣщеніе здѣшней публики. Чтобъ тебя, мой другъ, подозрѣвали соучастникомъ въ сочиненіи Радищева и чтобъ справлялись о тебѣ изъ полиціи, сего совсѣмъ я не слыхалъ. Напротивъ того, говорятъ, будто найдены у него твои письма, ясно показывающія разность твоихъ правилъ, да я и вѣрнымъ почитаю слухъ сей, ежели онъ хранилъ твои письма. И я думаю, что такого подозрѣнія и быть не можетъ по окончаніи дѣла, которое, конечно, со всевозможнымъ раченіемъ изслѣдовано. А здѣсь охотники до вреда ближнимъ вообще участниками Радищева почитали всѣхъ насъ, такъ называемыхъ какими-то мартинистами. Предубѣжденіе сіе такъ далеко простирается, что одинъ, впрочемъ весьма разумный и хорошій человѣкъ, довольно коротко меня знающій и любящій, пришелъ въ превеликое удивленіе, увѣрясь, что я и Радищева въ лицо никогда не видалъ, зная, что онъ есть въ мірѣ только по знакомству моему съ тобою, и не только не зналъ ничего объ изданіи имъ книги, но даже по сіе время не читалъ ея, хотя и желалъ бы впрочемъ прочитать изъ любопытства. Онъ весьма удивлялся, а я, правду сказать, подивился ему и пожалѣлъ объ немъ. Какъ сильно можно предубѣдиться? Отъ чего же сіе? Отъ того, конечно, (и я это многажды видалъ на опытахъ), что эти люди не могутъ никакъ себѣ представить, чтобъ могли найтиться имѣющіе честныя намѣренія, добродѣтели и услуги ближнимъ; и потому-то тѣ книги, которыя мы издавали, помощи учащимся и проч., все кажется имъ затѣями и подозрительными, и они во всемъ томъ, что имъ таковымъ кажется и, можетъ быть, и любезно имъ, ищутъ въ насъ. Привыкнувъ все дѣлать, только имѣя въ виду рубли, чины, ленты или изъ страха, не могутъ повѣрить, чтобы были люди, желающіе безкорыстно удовлетворять должностямъ христіянина, вѣрнаго подданнаго, сына отечества и сочеловѣка.

Справка о тебѣ изъ полиціи, кажется, не могла быть въ Петер-

бургѣ, ибо знаютъ, думаю, что ты за границею; и здѣсь также не было. Я не знаю, кто тебѣ о семъ пишетъ; я думаю, это пустое. Спрашивали въ то время, кто директоры типографической компаніи и кто члены? И тутъ, помнится, показали, что ты въ чужихъ краяхъ. Но это все отъ здѣшнихъ городскихъ. Въ то же время приходили тихонько спрашивать, кто и кто чаще ѣздитъ въ типографической компаніи домъ и неоднократно видали въ ономъ ночью подсматривающихъ по двору. Всіо собаки окаянныя правду показывали. Но я всѣми сими развѣдываніями, подсматриваніями, подъискиваніями очень доволенъ. Ибо чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ яснѣе будетъ открываться наша невинность, и тѣ, кои неутомимо стараются насъ обвинить, симъ образомъ наилучше насъ оправдываютъ и оправдали уже, я думаю, въ очахъ безпристрастныхъ. Всѣ сіи подвиги противу насъ, думаю, отъ господъ здѣшняго города блюстителей благочинія распоряжаются. Сковали объ насъ что-то въ своемъ воображеніи и нападаютъ на тѣнь того, что только въ ономъ существуетъ. Между тѣмъ же существенные безпорядки ими не уважаются, напримѣръ: и тебѣ давно извѣстно объ отмѣнно развратномъ одномъ родственникѣ нашемъ Иванѣ Петровичѣ Лопухинѣ, у котораго Картушъ и Ванька Каинъ были любимые авторы и модели отъ самаго ребячества, и самъ онъ, конечно, ежели не превосходилъ ихъ, то ни мало имъ не уступалъ въ нравственномъ расположеніи; да и дѣла-то были щегольскія въ плутовствѣ, разныхъ непстовствахъ, тиранствѣ: рубилъ людей своихъ, питалъ ихъ своимъ каломъ и уриною, и самъ тѣмъ питался. Что-жъ? Градская и сельская полиціи все сіе терпѣли, не даромъ, конечно, (ибо одинъ у него купилъ 250 душъ за четыре тысячи, да и тѣ врядъ заплатилъ-ли). И онъ все сіе отправлялъ спокойно, пока наконецъ принужденными уже нашлись открыть, ибо священникъ деревенскій, убоясь отвѣту за видимыя тиранства и непстовства, пришелъ съ доносомъ. Сестра онаго распутнаго, очень добрая и умная дѣвушка, хотя сокрушаемая имъ, но по крови любящая и жалѣющая его, опасаясь, чтобъ онъ не сдѣлалъ смертоубійства или бы его не убили, проводила того священника къ губернатору съ письмомъ своимъ, чтобъ войти правленію. Тутъ должно бы уже открыться: представили главнокомандующему, по справкѣ оказалось все доносимое справедливымъ; что-жъ послѣдовало? Назвали его безумнымъ и опредѣлили отдать его подъ опеку. Но кто-жъ его возьметъ? И по должности служебной, таковой бы и арестантъ былъ въ наказаніе надзирателю. Приставили къ нему полицейскихъ, которые стоятъ у него съ нѣсколькими при немъ бабами; здѣсь въ столицѣ теперь только двѣ, сказываютъ, осталось у него, а было семь или восемь. Между тѣмъ возятъ къ нему оброки, и на счетъ его и съ нимъ многіе разныхъ сортовъ люди пьютъ, гуляютъ и карманы набиваютъ. Нѣтъ нужды говорить о исправности присмотра.

бургѣ, ибо знаютъ, думаю, что ты за границею; и здѣсь также не было. Я не знаю, кто тебѣ о семъ пишетъ; я думаю, это пустое. Спрашивали въ то время, кто директоры типографической компаніи и кто члены? И тутъ, помнится, показали, что ты въ чужихъ краяхъ. Но это все отъ здѣшнихъ городскихъ. Въ то же время приходили тихонько спрашивать, кто и кто чаще ѣздитъ въ типографической компаніи домъ и неоднократно видали въ ономъ ночью подсматривающихъ по двору. Всіо собаки окаянныя правду показывали. Но я всѣми сими развѣдываніями, подсматриваніями, подъискиваніями очень доволенъ. Ибо чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ яснѣе будетъ открываться наша невинность, и тѣ, кои неутомимо стараются насъ обвинить, симъ образомъ наилучше насъ оправдываютъ и оправдали уже, я думаю, въ очахъ безпристрастныхъ. Всѣ сіи подвиги противу насъ, думаю, отъ господъ здѣшняго города блюстителей благочинія распоряжаются. Сковали объ насъ что-то въ своемъ воображеніи и нападаютъ на тѣнь того, что только въ ономъ существуетъ. Между тѣмъ же существенные безпорядки ими не уважаются, напримѣръ: и тебѣ давно извѣстно объ отмѣнно развратномъ одномъ родственникѣ нашемъ Иванѣ Петровичѣ Лопухинѣ, у котораго Картушъ и Ванька Каинъ были любимые авторы и модели отъ самаго ребячества, и самъ онъ, конечно, ежели не превосходилъ ихъ, то ни мало имъ не уступалъ въ нравственномъ расположеніи; да и дѣла-то были щегольскія въ плутовствѣ, разныхъ непстовствахъ, тиранствѣ: рубилъ людей своихъ, питалъ ихъ своимъ каломъ и уриною, и самъ тѣмъ питался. Что-жъ? Градская и сельская полиціи все сіе терпѣли, не даромъ, конечно, (ибо одинъ у него купилъ 250 душъ за четыре тысячи, да и тѣ врядъ заплатилъ-ли). И онъ все сіе отправлялъ спокойно, пока наконецъ принужденными уже нашлись открыть, ибо священникъ деревенскій, убоясь отвѣту за видимыя тиранства и непстовства, пришелъ съ доносомъ. Сестра онаго распутнаго, очень добрая и умная дѣвушка, хотя сокрушаемая имъ, но по крови любящая и жалѣющая его, опасаясь, чтобъ онъ не сдѣлалъ смертоубійства или бы его не убили, проводила того священника къ губернатору съ письмомъ своимъ, чтобъ войти правленію. Тутъ должно бы уже открыться: представили главнокомандующему, по справкѣ оказалось все доносимое справедливымъ; что-жъ послѣдовало? Назвали его безумнымъ и опредѣлили отдать его подъ опеку. Но кто-жъ его возьметъ? И по должности служебной, таковой бы и арестантъ былъ въ наказаніе надзирателю. Приставили къ нему полицейскихъ, которые стоятъ у него съ нѣсколькими при немъ бабами; здѣсь въ столицѣ теперь только двѣ, сказываютъ, осталось у него, а было семь или восемь. Между тѣмъ возятъ къ нему оброки, и на счетъ его и съ нимъ многіе разныхъ сортовъ люди пьютъ, гуляютъ и карманы набиваютъ. Нѣтъ нужды говорить о исправности присмотра.

Недавно онъ шпагою изкололъ своего повара, одну рану далъ въ полтора вершка глубины. Лекарь Коризна осмотръ дѣлалъ, которой молодецъ-то, сказываютъ, въ печь бросилъ, и ждутъ, что все сіе дѣло зальетъ оброкъ, котораго на сихъ дняхъ онъ ожидаетъ. Мы не вступаемся, не хотя пустяки городить, да онъ уже и въ рукахъ полиціи.

P. S. Я справлялся у знающихъ о мѣстѣ ссылки Радищева, каково оно? Сказываютъ, что изъ лучшихъ тамо; словомъ, при заслуженномъ имъ наказаніи, сколько можно употреблено милосердаго снисхожденія.

47. А. М. КУТУЗОВЪ—И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 3/14 декабря, 1790. (30 декабря).

Сердечный мой другъ! Не имѣя три почты отъ тебя писемъ, начинаю безпокоиться тѣмъ болѣе, что знаю твою точность. Не могу приписать того твоей лѣности. Пожалуй, отпиши и успокой меня. Признаться-ли тебѣ чистосердечно? На сей разъ желаю, чтобъ сіе происходило не отъ иной причины, какъ токмо отъ твоей лѣности, ибо ипохондрической мой духъ заставляетъ меня мыслить, что твое молчаніе есть почти неложный знакъ твоей болѣзни. Дай, Боже, чтобъ я на сей разъ обманулся. Я думаю, что увѣренъ ты о томъ, что сіе желаніе искренно, и что я не имѣю нужду ломать мою голову на увѣреніе тебя. При семъ случаѣ хотя, можетъ быть, ты и понегодуешь на меня, повторяю я мою просьбу о сбереженіи твоего здоровья, о которомъ, позволь сказать, ты мало радѣешь. Не спорю, что смѣшно стараться быть, какъ говорятъ, der Mann nach der Uhr, но непростительно вести непорядочный образъ жизни. Ты знаешь, что я говорю здѣсь о почномъ бдѣніи, о пощеніи и неумѣренномъ яденіи. Иное не говоря, внѣшній безпорядокъ касается и самой внутренности нашей и такъ производитъ онъ себѣ подобное, даже и самыя наши мысли бываютъ въ безпорядкѣ, безпрестанное треніе частицъ производитъ жаръ, чуждый естественному состоянію. По моему мнѣнію, единой тотъ жаръ можетъ быть полезной, который есть дѣйствіе природы. Но, мой другъ, ты самъ знаешь сіе и гораздо лучше моего; стоитъ тебѣ только труда взглянуть на себя безпристрастными глазами. И такъ, я умолчу далѣе, прося простить мнѣ и сіе краткое дружеское напоминовеніе. Ежели время дозволитъ тебѣ, пожалуй, увѣдомь обстоятельнѣе о нашихъ обстоятельствахъ и общихъ нашихъ друзьяхъ. Также скажи, гдѣ Багрянскій и Карамзинъ. Сіи путешественники, по возвращеніи ихъ, совсѣмъ умолкли. Разцѣлуй Петра Владиміровича *). Прости, мой другъ; я, слава Богу, здоровъ.

7-го (18). Послѣднее письмо мое такъ запоздало на почту, что уже не могло быть принято. Между тѣмъ отъ тебя писемъ нѣтъ, новаго у

*) И. В. Лопухинъ.

Недавно онъ шпагою изкололъ своего повара, одну рану далъ въ полтора вершка глубины. Лекарь Коризна осмотръ дѣлалъ, которой молодецъ-то, сказываютъ, въ печь бросилъ, и ждутъ, что все сіе дѣло зальетъ оброкъ, котораго на сихъ дняхъ онъ ожидаетъ. Мы не вступаемся, не хотя пустяки городить, да онъ уже и въ рукахъ полиціи.

P. S. Я справлялся у знающихъ о мѣстѣ ссылки Радищева, каково оно? Сказываютъ, что изъ лучшихъ тамо; словомъ, при заслуженномъ имъ наказаніи, сколько можно употреблено милосердаго снисхожденія.

47. А. М. КУТУЗОВЪ—И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 3/14 декабря, 1790. (30 декабря).

Сердечный мой другъ! Не имѣя три почты отъ тебя писемъ, начинаю безпокоиться тѣмъ болѣе, что знаю твою точность. Не могу приписать того твоей лѣности. Пожалуй, отпиши и успокой меня. Признаться-ли тебѣ чистосердечно? На сей разъ желаю, чтобъ сіе происходило не отъ иной причины, какъ токмо отъ твоей лѣности, ибо ипохондрической мой духъ заставляетъ меня мыслить, что твое молчаніе есть почти неложный знакъ твоей болѣзни. Дай, Боже, чтобъ я на сей разъ обманулся. Я думаю, что увѣренъ ты о томъ, что сіе желаніе искренно, и что я не имѣю нужду ломать мою голову на увѣреніе тебя. При семъ случаѣ хотя, можетъ быть, ты и понегодуешь на меня, повторяю я мою просьбу о сбереженіи твоего здоровья, о которомъ, позволь сказать, ты мало радѣешь. Не спорю, что смѣшно стараться быть, какъ говорятъ, der Mann nach der Uhr, но непростительно вести непорядочный образъ жизни. Ты знаешь, что я говорю здѣсь о почномъ бдѣніи, о пощеніи и неумѣренномъ яденіи. Иное не говоря, внѣшній безпорядокъ касается и самой внутренности нашей и такъ производитъ онъ себѣ подобное, даже и самыя наши мысли бываютъ въ безпорядкѣ, безпрестанное треніе частицъ производитъ жаръ, чуждый естественному состоянію. По моему мнѣнію, единой тотъ жаръ можетъ быть полезной, который есть дѣйствіе природы. Но, мой другъ, ты самъ знаешь сіе и гораздо лучше моего; стоитъ тебѣ только труда взглянуть на себя безпристрастными глазами. И такъ, я умолчу далѣе, прося простить мнѣ и сіе краткое дружеское напоминовеніе. Ежели время дозволитъ тебѣ, пожалуй, увѣдомь обстоятельнѣе о нашихъ обстоятельствахъ и общихъ нашихъ друзьяхъ. Также скажи, гдѣ Багрянскій и Карамзинъ. Сіи путешественники, по возвращеніи ихъ, совсѣмъ умолкли. Разцѣлуй Петра Владиміровича *). Прости, мой другъ; я, слава Богу, здоровъ.

7-го (18). Послѣднее письмо мое такъ запоздало на почту, что уже не могло быть принято. Между тѣмъ отъ тебя писемъ нѣтъ, новаго у

*) И. В. Лопухинъ.

насъ ничего нѣтъ; поздравляю тебя, любезный мой другъ, со взятіемъ Тульчи, но колико бы пріятнѣе было мнѣ поздравить тебя съ окончаніемъ войны, окончаніемъ посредствомъ твердаго, полезнаго и спокоснаго мира. Но, мой другъ, положимся на волю Всевышняго, да творитъ, что Ему угодно; намъ ли червякамъ судить о Его судьбахъ? Увѣрены въ единомъ томъ, что Онъ устроитъ все къ нашему благу, и пребудемъ покойны. Прости, сердечный другъ, цѣлую тебя.

Сейчасъ получилъ я письмо отъ Плещеева, съ приложеніемъ „Объявленія“ Карамзина, изъ котораго усматриваю, что онъ не въ той уже съ нами связи, въ которой былъ прежде. Скажи, что сіе значитъ и что тому причиною?

48. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 3/14 декабря, 1790. (30 декабря).

Сердечный другъ!

Письмо ваше подъ № 29 получилъ. Радуюсь сердечно, что вы здоровы; дай, Боже, чтобы сіе продлилось надолго, какъ въ разсужденіи тѣла, такъ и существеннѣйшихъ частей, составляющихъ истиннаго *я*. Хотя желаніе мое и корыстолюбиво, ибо отъ исполненія онаго зависитъ спокойствіе истинныхъ вашихъ друзей, но думаю, тѣмъ менѣе усумнитесь въ искренности онаго. Поцѣлуйте за меня вашего княжнужку и, какъ скоро надѣнетъ офицерскій мундиръ, поздравьте его отъ меня, сказавъ ему, чтобы онъ старался содѣлаться истиннымъ офицеромъ, ведя безпрестанную брань противу пороковъ и слабостей и употребляя всѣ свои силы на преодолѣніе оныхъ. Тогда токмо вступитъ онъ въ истинное воинство и принесетъ собою честь тому воинству, въ которомъ онъ находится по наружности. Дѣйствіе, мною описанное, не есть еще дѣйствіе ♄, но токмо вещество, которое начинаетъ содѣлываться оною; послѣ сего я видѣлъ еще новое на ☽-ѣ, которое болѣе меня поразило. Хотя неизвѣстенъ мнѣ составъ сего, но благодарю Бога, что далъ мнѣ случай видѣть моими глазами то, въ чемъ высокоученые мужи полагаютъ почти совершенную невозможность. О, мой другъ! Натура богата, сколь великія сокровища въ ней, и какъ сему быть иначе? Творецъ ея всемогущъ.

Исцѣленію моему нельзя предписать извѣстнаго времени; вы знаете, что здоровье человѣка подвержено ежеминутнымъ перемѣнамъ. — Обѣщаніе еще не исполнено. Узнаю о семъ болѣе послѣ 21-го.

Вы изъ прежнихъ моихъ писемъ можете судить, какъ я горю желаніемъ возвратиться въ мое отечество. При семъ упомяну и то, что желаніе уединиться посѣщаетъ меня нерѣдко.

насъ ничего нѣтъ; поздравляю тебя, любезный мой другъ, со взятіемъ Тульчи, но колико бы пріятнѣе было мнѣ поздравить тебя съ окончаніемъ войны, окончаніемъ посредствомъ твердаго, полезнаго и спокоснаго мира. Но, мой другъ, положимся на волю Всевышняго, да творитъ, что Ему угодно; намъ ли червякамъ судить о Его судьбахъ? Увѣрены въ единомъ томъ, что Онъ устроитъ все къ нашему благу, и пребудемъ покойны. Прости, сердечный другъ, цѣлую тебя.

Сейчасъ получилъ я письмо отъ Плещеева, съ приложеніемъ „Объявленія“ Карамзина, изъ котораго усматриваю, что онъ не въ той уже съ нами связи, въ которой былъ прежде. Скажи, что сіе значитъ и что тому причиною?

48. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 3/14 декабря, 1790. (30 декабря).

Сердечный другъ!

Письмо ваше подъ № 29 получилъ. Радуюсь сердечно, что вы здоровы; дай, Боже, чтобы сіе продлилось надолго, какъ въ разсужденіи тѣла, такъ и существеннѣйшихъ частей, составляющихъ истиннаго *я*. Хотя желаніе мое и корыстолюбиво, ибо отъ исполненія онаго зависитъ спокойствіе истинныхъ вашихъ друзей, но думаю, тѣмъ менѣе усумнитесь въ искренности онаго. Поцѣлуйте за меня вашего княжнужку и, какъ скоро надѣнетъ офицерскій мундиръ, поздравьте его отъ меня, сказавъ ему, чтобы онъ старался содѣлаться истиннымъ офицеромъ, ведя безпрестанную брань противу пороковъ и слабостей и употребляя всѣ свои силы на преодолѣніе оныхъ. Тогда токмо вступитъ онъ въ истинное воинство и принесетъ собою честь тому воинству, въ которомъ онъ находится по наружности. Дѣйствіе, мною описанное, не есть еще дѣйствіе ♄, но токмо вещество, которое начинаетъ содѣлываться оною; послѣ сего я видѣлъ еще новое на ☽-ѣ, которое болѣе меня поразило. Хотя неизвѣстенъ мнѣ составъ сего, но благодарю Бога, что далъ мнѣ случай видѣть моими глазами то, въ чемъ высокоученые мужи полагаютъ почти совершенную невозможность. О, мой другъ! Натура богата, сколь великія сокровища въ ней, и какъ сему быть иначе? Творецъ ея всемогущъ.

Исцѣленію моему нельзя предписать извѣстнаго времени; вы знаете, что здоровье человѣка подвержено ежеминутнымъ перемѣнамъ. — Обѣщаніе еще не исполнено. Узнаю о семъ болѣе послѣ 21-го.

Вы изъ прежнихъ моихъ писемъ можете судить, какъ я горю желаніемъ возвратиться въ мое отечество. При семъ упомяну и то, что желаніе уединиться посѣщаетъ меня нерѣдко.

Вы ничего не упоминаете о моихъ обстоятельствахъ касательно происшествія съ моимъ нещастнымъ другомъ *). Пожалуйста, не скрывайте ничего. Увѣдомьте, получили ли вы письмо и малую посылочку чрезъ молодого Алопеуса. Простите, цѣлую васъ. Поклонитесь всѣмъ тѣмъ, кто пожалуетъ **) вспомнить о мнѣ.

49. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 5 декабря, 1790. (9 декабря).

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего. Сей Богъ и Творецъ нашъ, спасенія нашего ради воплотившійся, да дастъ тебѣ въ душевномъ и тѣлесномъ здравіи проводить новое лѣто и впредь многія при возрастеніи благополучія вяще и вяще.

У насъ все здорово. Тургеневъ ***) нашъ поѣхалъ въ Петербургъ для деревенскаго дѣла въ сенатѣ и для прогулки. Хотѣлось мнѣ очень послать сегодня къ тебѣ вексель, но еще никакъ не могъ.

Прощай, сердечный братъ! Болѣе писать недосугъ. Mille compliments au Baron ****), que je vous prie d'embrasser de ma part.

На силу получилъ письмо отъ Колокольникова и Невзорова. Они отправились для практики въ медицынѣ въ Швейцарію, куда проѣдутъ, не захватывая Франціи и даже Брабанта, гдѣ, они пишутъ, еще болѣе мятежный духъ царствуетъ. Изъ послѣдняго письма сего вижу я, что они, кромѣ моего совѣта, сами собою мерзя онымъ мятежничествомъ, удаляются подверженныхъ тому мѣстъ. Какой это démenti здѣсь клевещущимъ насъ, какъ я прежде тебѣ писалъ, пакостнымъ язычишкамъ!

50. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 17/18 декабря, 1790. — № 29. (9 января, 1791).

Дражайшій другъ! Двѣ уже почты не имѣя вашихъ писемъ, начинаю скучать, хотя и не тревожусь ничѣмъ, зная нынѣшнюю вашу разсѣянность. Пожалуйста, пишите мнѣ хотя урывкою понемножку, дабы я удостовѣренъ былъ, что вы здоровы. О себѣ скажу: я, слава Богу, здоровъ; на сихъ дняхъ приступлю къ работѣ, о которой я прежде писалъ и которой матеріалы лежатъ еще въ землѣ.

Скажите, получили-ль вы посланное мною чрезъ Алопеуса? Ежели употребите оное въ дѣло, то не забудьте сказать мнѣ о дѣйствіи. Вы по

*) А. Н. Радищевъ.

**) Такъ въ подлинникѣ: пожалуетъ.

***) Н. П. Тургеневъ.

****) Бар. Шредеръ.

Вы ничего не упоминаете о моихъ обстоятельствахъ касательно происшествія съ моимъ нещастнымъ другомъ *). Пожалуйста, не скрывайте ничего. Увѣдомьте, получили ли вы письмо и малую посылочку чрезъ молодого Алопеуса. Простите, цѣлую васъ. Поклонитесь всѣмъ тѣмъ, кто пожалуетъ **) вспомнить о мнѣ.

49. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 5 декабря, 1790. (9 декабря).

Поздравляю тебя, любезнѣйшій другъ, съ праздникомъ Рождества Христа Спасителя нашего. Сей Богъ и Творецъ нашъ, спасенія нашего ради воплотившійся, да дастъ тебѣ въ душевномъ и тѣлесномъ здравіи проводить новое лѣто и впредь многія при возрастеніи благополучія вяще и вяще.

У насъ все здорово. Тургеневъ ***) нашъ поѣхалъ въ Петербургъ для деревенскаго дѣла въ сенатѣ и для прогулки. Хотѣлось мнѣ очень послать сегодня къ тебѣ вексель, но еще никакъ не могъ.

Прощай, сердечный братъ! Болѣе писать недосугъ. Mille compliments au Baron ****), que je vous prie d'embrasser de ma part.

На силу получилъ письмо отъ Колокольникова и Невзорова. Они отправились для практики въ медицынѣ въ Швейцарію, куда проѣдутъ, не захватывая Франціи и даже Брабанта, гдѣ, они пишутъ, еще болѣе мятежный духъ царствуетъ. Изъ послѣдняго письма сего вижу я, что они, кромѣ моего совѣта, сами собою мерзя онымъ мятежничествомъ, удаляются подверженныхъ тому мѣстъ. Какой это démenti здѣсь клевещущимъ насъ, какъ я прежде тебѣ писалъ, пакостнымъ язычишкамъ!

50. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 17/18 декабря, 1790. — № 29. (9 января, 1791).

Дражайшій другъ! Двѣ уже почты не имѣя вашихъ писемъ, начинаю скучать, хотя и не тревожусь ничѣмъ, зная нынѣшнюю вашу разсѣянность. Пожалуйста, пишите мнѣ хотя урывкою понемножку, дабы я удостовѣренъ былъ, что вы здоровы. О себѣ скажу: я, слава Богу, здоровъ; на сихъ дняхъ приступлю къ работѣ, о которой я прежде писалъ и которой матеріалы лежатъ еще въ землѣ.

Скажите, получили-ль вы посланное мною чрезъ Алопеуса? Ежели употребите оное въ дѣло, то не забудьте сказать мнѣ о дѣйствіи. Вы по

*) А. Н. Радищевъ.

**) Такъ въ подлинникѣ: пожалуетъ.

***) Н. П. Тургеневъ.

****) Бар. Шредеръ.

сіе время ничего не пишете мнѣ о нещастномъ моемъ другѣ *), кажется мнѣ, вамъ легко освѣдомиться о семъ чрезъ Алексѣя Ивановича или чрезъ Александра Васильевича. Я чрезвычайно интересуюсь симъ, ибо неизвѣстность нестерпимая, тако же и о самомъ мнѣ жажду знать, въ какомъ я видѣ представленъ. Мнѣ сказывалъ одинъ пріѣзжій, что меня тако-жъ подозрѣваютъ. Я въ семъ случаѣ такъ чистъ, что даже и содержаніе книги мнѣ неизвѣстно; однако-жъ не желаю быть жертвою злословія, не принеся чрезъ то пользу моему отечеству, ниже кому-либо изъ моихъ ближнихъ, и сіе-то наипаче возбуждаетъ во мнѣ мое любопытство. Поздравляю со взятіемъ Измаила; сказываютъ, будто и Силистрія уже въ нашихъ рукахъ. Дай, Боже, чтобъ сіе ускорило миръ, но миръ выгодный, твердый и надежный.

51. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ 17/28 декабря, 1790. (9 января, 1791).

Theuerster Freund und Ordensbruder!

Vom Br. Velox **) erfahre ich das Unglück, das einen Bruder ***) unserns Ordens betroffen, seine Stelle verloren zu haben, und als ein Missethäter vors Criminal-Gericht gezogen zu seyn. Dieser Unglücksfall hat mich tief in die Seele gerührt, und ich bitte Sie ihm meinen brüderlichen Antheil zu bezeugen, den ich an sein Unglück nehme. Es ist meinem Gedächtniss zwar noch so gegenwärtig, als wäre ich erst gestern aus Moskau gereiset, wie sich dieser gute, für Wahrheit eifernde Bruder gegen mich in meinem Unglück betrug, wie er mich nicht werth hielt, nur einen brüderlichen Abschiedskuss mit auf den Weg zu geben, wie er mir begegnete, da ich ihm einmal beym Ausgehen vor der Hausthüre in den Weg kam, als hätten wir uns nie genau gekannt, und endlich wie er mir ein hitziges Fieber an den Hals wünschte, weil ich, wie er hörte, mein Unglück gelassen, geduldig, und ohne dadurch in meinem Betragen verändert zu seyn ertrüge und auf meine Unschuld mich zu verlassen vorgebe; ich sage, alles dies ist meinem Geiste und meinem Herzen, das entsetzlich viel drüber gelitten, noch ganz gegenwärtig, aber ich habe mich grade bey diesem Unglück, das meinen Bruder, den ich immer herzlich liebte, betroffen, aufs neue überzeugt, dass ich keinen Groll gegen ihn auf meinem Herzen habe. Ich sass mit Velox in seiner Stube aufm Sopha und hatte eben eine Zeitung in der Hand, die ich lesen wollte, wie Velox mir das Unglük erzählte, ich erschrak darüber so, dass mir die Zeitung aus der Hand fiel, und konnte gar nicht wieder zu mir kommen; ich wünschte ihm dass er dies

*) А. Н. Радищевъ.
**) А. М. Кутузовъ.
***) Кн. П. Н. Енгалычевъ.

сіе время ничего не пишете мнѣ о нещастномъ моемъ другѣ *), кажется мнѣ, вамъ легко освѣдомиться о семъ чрезъ Алексѣя Ивановича или чрезъ Александра Васильевича. Я чрезвычайно интересуюсь симъ, ибо неизвѣстность нестерпимая, тако же и о самомъ мнѣ жажду знать, въ какомъ я видѣ представленъ. Мнѣ сказывалъ одинъ пріѣзжій, что меня тако-жъ подозрѣваютъ. Я въ семъ случаѣ такъ чистъ, что даже и содержаніе книги мнѣ неизвѣстно; однако-жъ не желаю быть жертвою злословія, не принеся чрезъ то пользу моему отечеству, ниже кому-либо изъ моихъ ближнихъ, и сіе-то наипаче возбуждаетъ во мнѣ мое любопытство. Поздравляю со взятіемъ Измаила; сказываютъ, будто и Силистрія уже въ нашихъ рукахъ. Дай, Боже, чтобъ сіе ускорило миръ, но миръ выгодный, твердый и надежный.

51. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ 17/28 декабря, 1790. (9 января, 1791).

Theuerster Freund und Ordensbruder!

Vom Br. Velox **) erfahre ich das Unglück, das einen Bruder ***) unserns Ordens betroffen, seine Stelle verloren zu haben, und als ein Missethäter vors Criminal-Gericht gezogen zu seyn. Dieser Unglücksfall hat mich tief in die Seele gerührt, und ich bitte Sie ihm meinen brüderlichen Antheil zu bezeugen, den ich an sein Unglück nehme. Es ist meinem Gedächtniss zwar noch so gegenwärtig, als wäre ich erst gestern aus Moskau gereiset, wie sich dieser gute, für Wahrheit eifernde Bruder gegen mich in meinem Unglück betrug, wie er mich nicht werth hielt, nur einen brüderlichen Abschiedskuss mit auf den Weg zu geben, wie er mir begegnete, da ich ihm einmal beym Ausgehen vor der Hausthüre in den Weg kam, als hätten wir uns nie genau gekannt, und endlich wie er mir ein hitziges Fieber an den Hals wünschte, weil ich, wie er hörte, mein Unglück gelassen, geduldig, und ohne dadurch in meinem Betragen verändert zu seyn ertrüge und auf meine Unschuld mich zu verlassen vorgebe; ich sage, alles dies ist meinem Geiste und meinem Herzen, das entsetzlich viel drüber gelitten, noch ganz gegenwärtig, aber ich habe mich grade bey diesem Unglück, das meinen Bruder, den ich immer herzlich liebte, betroffen, aufs neue überzeugt, dass ich keinen Groll gegen ihn auf meinem Herzen habe. Ich sass mit Velox in seiner Stube aufm Sopha und hatte eben eine Zeitung in der Hand, die ich lesen wollte, wie Velox mir das Unglük erzählte, ich erschrak darüber so, dass mir die Zeitung aus der Hand fiel, und konnte gar nicht wieder zu mir kommen; ich wünschte ihm dass er dies

*) А. Н. Радищевъ.
**) А. М. Кутузовъ.
***) Кн. П. Н. Енгалычевъ.

Unglück, mit eben der Gemüthsruhe ertrage, die er damals an mir tadelte und dass Gott ihn in seinem Leiden nicht verlasse, so wie Er auch mich Unwürdigen nicht ganz verlassen hatte. Die Ursache, warum ich es diesem Br. so ganz von Herzen vergebe, dass er mich mit einem hitzigen Fieber regalieren wollte, liegt in der ersten Ueberzeugung, worin ich bin, dass er diesen Wunsch nicht aus Hass, sondern deswegen äusserte, weil er glaubte, ich wäre wirklich ein Bösewicht, ein Verräther u. s. w. geworden, und da wollte er meinen Leib gern den Teufeln übergeben, damit nur meine Seele gerettet würde. Haben Sie die Güte die gedruckte Beylage nebst dem Zettelchen versiegelt meinem alten Nahmensvetter in Petersburg, durch Reichel oder Zwerak *) zuzustellen, vielleicht erregt es auch Ihre oder einiger Bbr. Aufmerksamkeit auf die Zeit, in der wir leben und auf eine Wissenschaft, von der die Meteorologie bloss eine Tochter ist, nähmlich auf die Astrologie, die jetzt von wenigen verborgenen Weisen allein gekannt ist, und dem grössten Theil der Menschen Thorheit, Aberglaube und Vorwitz scheint. NB: wenigstens habe ich unter den vielen 100 Laboranten, die mit dem Brudermörder oder Kuchen Δ die heiligste Materie der Welt nothzüchtigen, keinen gefunden, der nur eine Spur von ihr hätte, so sehr sie auch Jacob Böhme penetriert hatte, den ich mit Wahrheit einen vollendeten Astrologus nennen darf.— Ist Reichel dennoch böse auf mich, es war doch damals eine sonderbare Epoche meines Lebens? Reichel sein Schicksal hatte mich so gerührt, dass ich nicht davon schlafen konnte, weil ich immer auf ein Mittel sann seine Noth zu lindern. Mit dieser Empfindung schrieb ich ihm und er ward bitter böse auf mich; sagen Sie mir doch, ob er's noch ist, oder ob Sie ihn von seiner falschen Verdacht überzeugt haben; Sie wissen und kennen ja meine Hochachtung für diesen braven und erleuchteten Mann, der mir zuerst die Augen über gewisse Leute öffnete; wolle Gott er hätte auch die Ihrigen eröffnet!

Wegen meiner eigenen Lage kann ich zu dem vorherigen, was ich Ihnen nähmlich im letzten Briefe geschrieben, nichts hinzufügen; ich hoffe immer, dass im äussersten Nothfall P. A. T. **) meine Offerte annehmen wird, falls Pchd. ***) ihm die Sache im gehörigen Lichte darstellt. Simpson seine Frau will sterben; er hat einen Verlust in seinem Handel erlitten, eine Speculation auf die Bank in Danzig ist gescheitert, ich kann also auf ihn nicht so sicher rechnen, als im Sommer, und muss Sie daher aufs neue bitten einen Br. zu suchen, der mein Capital in der Typographie auf sich nehmen und mir diese kleine Summe vorschiessen wolle. Es sind ja lange nicht so viele 100te als der arme redliche Reichel 1000de schuldig ist, dann könnte man noch immer Rath schaffen. Sind Sie also noch mein Freund,

*) Е. Ф. Зверакъ.
**) П. А. Татищевъ.
***) Г. М. Походяшинъ.

Unglück, mit eben der Gemüthsruhe ertrage, die er damals an mir tadelte und dass Gott ihn in seinem Leiden nicht verlasse, so wie Er auch mich Unwürdigen nicht ganz verlassen hatte. Die Ursache, warum ich es diesem Br. so ganz von Herzen vergebe, dass er mich mit einem hitzigen Fieber regalieren wollte, liegt in der ersten Ueberzeugung, worin ich bin, dass er diesen Wunsch nicht aus Hass, sondern deswegen äusserte, weil er glaubte, ich wäre wirklich ein Bösewicht, ein Verräther u. s. w. geworden, und da wollte er meinen Leib gern den Teufeln übergeben, damit nur meine Seele gerettet würde. Haben Sie die Güte die gedruckte Beylage nebst dem Zettelchen versiegelt meinem alten Nahmensvetter in Petersburg, durch Reichel oder Zwerak *) zuzustellen, vielleicht erregt es auch Ihre oder einiger Bbr. Aufmerksamkeit auf die Zeit, in der wir leben und auf eine Wissenschaft, von der die Meteorologie bloss eine Tochter ist, nähmlich auf die Astrologie, die jetzt von wenigen verborgenen Weisen allein gekannt ist, und dem grössten Theil der Menschen Thorheit, Aberglaube und Vorwitz scheint. NB: wenigstens habe ich unter den vielen 100 Laboranten, die mit dem Brudermörder oder Kuchen Δ die heiligste Materie der Welt nothzüchtigen, keinen gefunden, der nur eine Spur von ihr hätte, so sehr sie auch Jacob Böhme penetriert hatte, den ich mit Wahrheit einen vollendeten Astrologus nennen darf.— Ist Reichel dennoch böse auf mich, es war doch damals eine sonderbare Epoche meines Lebens? Reichel sein Schicksal hatte mich so gerührt, dass ich nicht davon schlafen konnte, weil ich immer auf ein Mittel sann seine Noth zu lindern. Mit dieser Empfindung schrieb ich ihm und er ward bitter böse auf mich; sagen Sie mir doch, ob er's noch ist, oder ob Sie ihn von seiner falschen Verdacht überzeugt haben; Sie wissen und kennen ja meine Hochachtung für diesen braven und erleuchteten Mann, der mir zuerst die Augen über gewisse Leute öffnete; wolle Gott er hätte auch die Ihrigen eröffnet!

Wegen meiner eigenen Lage kann ich zu dem vorherigen, was ich Ihnen nähmlich im letzten Briefe geschrieben, nichts hinzufügen; ich hoffe immer, dass im äussersten Nothfall P. A. T. **) meine Offerte annehmen wird, falls Pchd. ***) ihm die Sache im gehörigen Lichte darstellt. Simpson seine Frau will sterben; er hat einen Verlust in seinem Handel erlitten, eine Speculation auf die Bank in Danzig ist gescheitert, ich kann also auf ihn nicht so sicher rechnen, als im Sommer, und muss Sie daher aufs neue bitten einen Br. zu suchen, der mein Capital in der Typographie auf sich nehmen und mir diese kleine Summe vorschiessen wolle. Es sind ja lange nicht so viele 100te als der arme redliche Reichel 1000de schuldig ist, dann könnte man noch immer Rath schaffen. Sind Sie also noch mein Freund,

*) Е. Ф. Звѣракъ.
**) П. А. Татищевъ.
***) Г. М. Походяшинъ.

so bin ich gewiss Sie werden Rath schaffen. Ich verlange ja keinen Copeken geschenkt, und wäre keinen Copeken schuldig, hätte ich nur immer von Velox Geld nehmen können.

Sacerdos.

Der Titel der Beylage lautet—«Anzeigung einer allgemein interessanten physikalischen Entdeckung».

Empfehlen Sie mich Ihrem Herrn Bruder, den Obern unserns Ordens und allen übrigen Brüdern, nebst Ihrer Familie.

52. Бар. ШРЕДЕРЪ — Э. І. ШРЕТЕРУ.

Берлинъ. 17/28 декабря, 1790. (9 января, 1791).

Ehrwürdiger Greis
innigst geliebter Freund!

Mit inniger Freude ergreife ich, die sich mir darbietende Gelegenheit Ihnen meine Dankbarkeit an den Tag legen zu können. Beyfolgende Anzeige wird Sie, wie ich vermuthe, äusserst interessieren; ich verspreche Ihnen auch das, was derselben nachfolgen dürfte; ich bin nahe an der Quelle und kann es gleichsam aus der ersten Hand haben. Will die in Augen liegende Welt sich auch durch diese Entdeckung, die gewiss eintreffen muss, falls der Verfasser die Trugscheine*) und Oppositionen der Maleficorum richtig berechnet hat, sich noch nicht warnen lassen und die Nichtigkeit, wie auch Ungründlichkeit der Wissenschaften unserer Universitäten erkennen, dann möchte man sagen es ist ihr nicht zu helfen, und wenn auch ein Engel vom Himmel käme und ihnen das Ende der Zeit ankündigte. Seit der Zeit, dass ich Sie verlassen habe, liebes altes Väterchen, habe ich zwar viel inneres und äusseres, körperliches und geistliches, Kreuz und Elend ausszustehen gehabt; ich bin einige Male am Rande des Grabes gewesen, aber Gott hat mir immer wiedergeholfen, und ich habe Gelegenheit gehabt mich aufs neue von der Gewissheit der Astrologie zu überzeugen, es ist, deucht mir, eine ausgemachte Wahrheit dass wir alle, wir die im Fleische wandeln, Sclaven und Knechte der siderischen Geister sind, und dass keine wahre Freyheit existiert, als wenn wir durch das Bad der Wiedergeburt und durch einen wesentlichen nicht phantastischen oder imaginairen Genuss des Bluts Jesu Christi, Kraft, Macht, und Gewalt erlangt haben übers Gestirn zu herrschen, wenn wir aus Knechten filii adoptati oder adepti, wahre Adepten oder Kinder Gottes werden, und diese lieben unschuldigen Kindlein sind die einzigen auf der Erde wandelnden Wesen, deren Naivität keiner stellen kann, als ihr Vater im Himmel, dessen Bluthsverwandter sie sind, weil der Herr ihrer Geburth sich in keinem der 12 himmlischen Häuser befindet, sondern Jesus Christus ihr dominus

*) Въ подлинникѣ: Trianscheine.

so bin ich gewiss Sie werden Rath schaffen. Ich verlange ja keinen Copeken geschenkt, und wäre keinen Copeken schuldig, hätte ich nur immer von Velox Geld nehmen können.

Sacerdos.

Der Titel der Beylage lautet—«Anzeigung einer allgemein interessanten physikalischen Entdeckung».

Empfehlen Sie mich Ihrem Herrn Bruder, den Obern unserns Ordens und allen übrigen Brüdern, nebst Ihrer Familie.

52. Бар. ШРЕДЕРЪ — Э. І. ШРЕТЕРУ.

Берлинъ. 17/28 декабря, 1790. (9 января, 1791).

Ehrwürdiger Greis
innigst geliebter Freund!

Mit inniger Freude ergreife ich, die sich mir darbietende Gelegenheit Ihnen meine Dankbarkeit an den Tag legen zu können. Beyfolgende Anzeige wird Sie, wie ich vermuthe, äusserst interessieren; ich verspreche Ihnen auch das, was derselben nachfolgen dürfte; ich bin nahe an der Quelle und kann es gleichsam aus der ersten Hand haben. Will die in Augen liegende Welt sich auch durch diese Entdeckung, die gewiss eintreffen muss, falls der Verfasser die Trugscheine*) und Oppositionen der Maleficorum richtig berechnet hat, sich noch nicht warnen lassen und die Nichtigkeit, wie auch Ungründlichkeit der Wissenschaften unserer Universitäten erkennen, dann möchte man sagen es ist ihr nicht zu helfen, und wenn auch ein Engel vom Himmel käme und ihnen das Ende der Zeit ankündigte. Seit der Zeit, dass ich Sie verlassen habe, liebes altes Väterchen, habe ich zwar viel inneres und äusseres, körperliches und geistliches, Kreuz und Elend ausszustehen gehabt; ich bin einige Male am Rande des Grabes gewesen, aber Gott hat mir immer wiedergeholfen, und ich habe Gelegenheit gehabt mich aufs neue von der Gewissheit der Astrologie zu überzeugen, es ist, deucht mir, eine ausgemachte Wahrheit dass wir alle, wir die im Fleische wandeln, Sclaven und Knechte der siderischen Geister sind, und dass keine wahre Freyheit existiert, als wenn wir durch das Bad der Wiedergeburt und durch einen wesentlichen nicht phantastischen oder imaginairen Genuss des Bluts Jesu Christi, Kraft, Macht, und Gewalt erlangt haben übers Gestirn zu herrschen, wenn wir aus Knechten filii adoptati oder adepti, wahre Adepten oder Kinder Gottes werden, und diese lieben unschuldigen Kindlein sind die einzigen auf der Erde wandelnden Wesen, deren Naivität keiner stellen kann, als ihr Vater im Himmel, dessen Bluthsverwandter sie sind, weil der Herr ihrer Geburth sich in keinem der 12 himmlischen Häuser befindet, sondern Jesus Christus ihr dominus

*) Въ подлинникѣ: Trianscheine.

genituraе worden. Irre ich, liebes Väterchen, so belehren Sie mich eines besseren, aber behalten Sie mich lieb, denn ich suche nur die Wahrheit, alle Secten, alle Parteigeister verfluche ich so sehr, als Sie; Wahrheit, Wahrheit allein sey unser Passwort und damit Gott empfohlen.

v. Schroeder.

Empfehlen Sie mich bestens den Herrn Baron von Reichel.

53. А. М. КУТУЗОВЪ — А. А. ПЛЕЩЕЕВУ.

Берлинъ. 17/28 декабря, 1790.

Сердечный мой другъ АлексѢй Александровичъ!

Благодарю тебя за дружеское письмо. Лестно твое нетерпѢніе видѢть меня въ общее наше отечество. УвѢряю тебя, что и мое желаніе совершенно согласно съ твоимъ, горю желаніемъ прижать всѢхъ друзей моихъ къ моему сердцу, но при всемъ томъ не двигаюсь съ мѢста. Вотъ каковъ человѢкъ! Таковымъ онъ и пребудетъ, доколѢ желаніе его не устремится къ единой и единственной цѢли; тогда токмо достигнетъ онъ истиннаго и ничѢмъ не нарушимаго спокойствія; но доколѢ желанія его суть развлеченныя въ разныя стороны и разными предметами, доколѢ они пребываютъ иногда въ безпокойномъ или, лучше сказать, мучительномъ недѢйствіи, или ежечасно обращаетъ [онъ] ихъ на различные объекты, и самъ тамъ *) во всемъ имѢетъ худой успѢхъ, ибо невозможно угодить двумъ противорѢчущимъ владыкамъ. Сіе противорѢчущее состояніе человѢка да послужитъ извиненіемъ противорѢчію, которое ты примѢчаешь, и справедливо, въ твоемъ другѢ. Я тебѢ скажу еще болѢе: горя желаніемъ возвратиться въ объятія моихъ друзей, нерѢдко рождается во мнѢ и другое довольно сильное, то есть, по возвращеніи удалиться въ мою деревню и проводить жизнь уединенную. Все сіе однако-жъ остается однимъ только желаніемъ, исполненіе котораго предоставляю моему Творцу, да будетъ Его воля со мною. Но оставимъ сіе. Ты извѢстенъ о происшествіи съ нещастнымъ моимъ другомъ Радищевымъ, оно трогаетъ меня чрезвычайно, тѢмъ болѢе, что пребываю въ неизвѢстности о нынѢшнемъ его положеніи; прошу тебя, сердечный другъ, постараться освѢдомится о семъ колико можно обстоятельнѢе и увѢдомь меня. Симъ одолжишь ты искренно и сердечно любящаго тебя друга. РазцѢлуй милыхъ твоихъ дѢтей, въ особенности же мою маленькую любимую жену **). Зная, что Рамзей ***) всякій день у тебя, приписываю къ нему въ твоемъ письмѢ. NB. Прошу вложенный пакетъ вручить.

---

*) Такъ въ подлинникѢ: т а м ъ.

**) А. А. Плещеева. См. № 1.

***) Н. М. Карамзинъ.

genituraе worden. Irre ich, liebes Väterchen, so belehren Sie mich eines besseren, aber behalten Sie mich lieb, denn ich suche nur die Wahrheit, alle Secten, alle Parteigeister verfluche ich so sehr, als Sie; Wahrheit, Wahrheit allein sey unser Passwort und damit Gott empfohlen.

v. Schroeder.

Empfehlen Sie mich bestens den Herrn Baron von Reichel.

53. А. М. КУТУЗОВЪ — А. А. ПЛЕЩЕЕВУ.

Берлинъ. 17/28 декабря, 1790.

Сердечный мой другъ АлексѢй Александровичъ!

Благодарю тебя за дружеское письмо. Лестно твое нетерпѢніе видѢть меня въ общее наше отечество. УвѢряю тебя, что и мое желаніе совершенно согласно съ твоимъ, горю желаніемъ прижать всѢхъ друзей моихъ къ моему сердцу, но при всемъ томъ не двигаюсь съ мѢста. Вотъ каковъ человѢкъ! Таковымъ онъ и пребудетъ, доколѢ желаніе его не устремится къ единой и единственной цѢли; тогда токмо достигнетъ онъ истиннаго и ничѢмъ не нарушимаго спокойствія; но доколѢ желанія его суть развлеченныя въ разныя стороны и разными предметами, доколѢ они пребываютъ иногда въ безпокойномъ или, лучше сказать, мучительномъ недѢйствіи, или ежечасно обращаетъ [онъ] ихъ на различные объекты, и самъ тамъ *) во всемъ имѢетъ худой успѢхъ, ибо невозможно угодить двумъ противорѢчущимъ владыкамъ. Сіе противорѢчущее состояніе человѢка да послужитъ извиненіемъ противорѢчію, которое ты примѢчаешь, и справедливо, въ твоемъ другѢ. Я тебѢ скажу еще болѢе: горя желаніемъ возвратиться въ объятія моихъ друзей, нерѢдко рождается во мнѢ и другое довольно сильное, то есть, по возвращеніи удалиться въ мою деревню и проводить жизнь уединенную. Все сіе однако-жъ остается однимъ только желаніемъ, исполненіе котораго предоставляю моему Творцу, да будетъ Его воля со мною. Но оставимъ сіе. Ты извѢстенъ о происшествіи съ нещастнымъ моимъ другомъ Радищевымъ, оно трогаетъ меня чрезвычайно, тѢмъ болѢе, что пребываю въ неизвѢстности о нынѢшнемъ его положеніи; прошу тебя, сердечный другъ, постараться освѢдомится о семъ колико можно обстоятельнѢе и увѢдомь меня. Симъ одолжишь ты искренно и сердечно любящаго тебя друга. РазцѢлуй милыхъ твоихъ дѢтей, въ особенности же мою маленькую любимую жену **). Зная, что Рамзей ***) всякій день у тебя, приписываю къ нему въ твоемъ письмѢ. NB. Прошу вложенный пакетъ вручить.

---

*) Такъ въ подлинникѢ: т а м ъ.

**) А. А. Плещеева. См. № 1.

***) Н. М. Карамзинъ.

54. А. М. КУТУЗОВЪ — Н. М. КАРАМЗИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Любезный мой другъ! Благодарю тебя за твое приписаніе, показующее мнѣ, что ты не забылъ еще человѣка, искренно и безъ всякихъ интересовъ любящаго тебя. Признаюсь, что восемь начертанныхъ тобою строкъ суть для меня истинная загадка.

Сколько ни ломаю мою голову, не могу добраться до истиннаго смысла. Или ты почти ничего не сказалъ, или сказалъ очень много для чувствительнаго моего сердца. Ты открылъ мнѣ пространное поле для изощренія силы моего воображенія, но къ чему сіе послужитъ? Я буду разсуждать о неизвѣстномъ и, слѣдовательно, говорить, не знаю, съ кѣмъ. To say more to a man, than one thinks with a prospect of interest, is dishonest; and without it — foolish. Такъ говоритъ англинской писатель и я, соглашаясь съ нимъ, умолкаю. Впрочемъ, опасно связываться съ вашею братіею, авторами, тотчасъ попадешь въ лабетъ. Я и самъ знаю многіе мои пороки и недостатки; что-жъ будетъ, ежели они предложатся публикѣ, изображенные искусною кистью? Нѣтъ, нѣтъ, не хочу съ тобою ссориться. Оставя шутки, я тебя не понимаю, говори со мною яснѣе, ты знаешь, что я нѣсколько тупъ. Однако-жъ, какъ ты о мнѣ ни думаешь, но знай, что я любилъ и люблю тебя искренно и желаю тебѣ истинныхъ благъ. При изданіи твоего журнала, ради твоего друга, помни изреченіе аглинскаго же писателя. There are four good Mothers, of whom are often born four unhappy Daughters, Truth begets hatred, Happiness pride, Security Danger, and Familiarity contempt. Прости, любезный другъ, ожидаю съ нетерпѣніемъ, что ты мнѣ скажешь.

55. А. М. КУТУЗОВЪ — А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Берлинъ. 17/28 декабря, 1790.

На дружеское ваше письмо отъ 10-го ноября постараюсь отвѣтствовать съ возможною мнѣ точностію, дабы не подвергнуть себя нареканію, будто я не читаю вашихъ писемъ. Я твердо остаюся при моемъ мнѣніи, что человѣкъ долженъ пріуготовить себя ко всякимъ приключиться ему могущимъ происшествіямъ. Сего требуетъ отъ него собственная его польза, отъ исполненія сей должности зависитъ временное его спокойствіе, а слѣдовательно, совокуплено съ симъ и самое будущее его состояніе. Временность есть земля, человѣкъ — дѣятель, дѣянія — сѣмена, а будущее — плоды. Я нахожу тѣсную связь между временностью и вѣчностью и думаю, что цѣпь всещѣлаго непрерывна. Сказавъ, что человѣкъ долженъ пріуготовить себя ко всему, самымъ тѣмъ говорю я, что онъ долженъ пріуготовить себя и къ такъ называемому щастію и нещастію въ разсужденіи вѣчности. Обѣ сіи крайности бываютъ для не-

54. А. М. КУТУЗОВЪ — Н. М. КАРАМЗИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Любезный мой другъ! Благодарю тебя за твое приписаніе, показующее мнѣ, что ты не забылъ еще человѣка, искренно и безъ всякихъ интересовъ любящаго тебя. Признаюсь, что восемь начертанныхъ тобою строкъ суть для меня истинная загадка.

Сколько ни ломаю мою голову, не могу добраться до истиннаго смысла. Или ты почти ничего не сказалъ, или сказалъ очень много для чувствительнаго моего сердца. Ты открылъ мнѣ пространное поле для изощренія силы моего воображенія, но къ чему сіе послужитъ? Я буду разсуждать о неизвѣстномъ и, слѣдовательно, говорить, не знаю, съ кѣмъ. To say more to a man, than one thinks with a prospect of interest, is dishonest; and without it — foolish. Такъ говоритъ англинской писатель и я, соглашаясь съ нимъ, умолкаю. Впрочемъ, опасно связываться съ вашею братіею, авторами, тотчасъ попадешь въ лабетъ. Я и самъ знаю многіе мои пороки и недостатки; что-жъ будетъ, ежели они предложатся публикѣ, изображенные искусною кистью? Нѣтъ, нѣтъ, не хочу съ тобою ссориться. Оставя шутки, я тебя не понимаю, говори со мною яснѣе, ты знаешь, что я нѣсколько тупъ. Однако-жъ, какъ ты о мнѣ ни думаешь, но знай, что я любилъ и люблю тебя искренно и желаю тебѣ истинныхъ благъ. При изданіи твоего журнала, щадя твоего друга, помни изреченіе аглинскаго же писателя. There are four good Mothers, of whom are often born four unhappy Daughters, Truth begets hatred, Happiness pride, Security Danger, and Familiarity contempt. Прости, любезный другъ, ожидаю съ нетерпѣніемъ, что ты мнѣ скажешь.

55. А. М. КУТУЗОВЪ — А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Берлинъ. 17/28 декабря, 1790.

На дружеское ваше письмо отъ 10-го ноября постараюсь отвѣтствовать съ возможною мнѣ точностію, дабы не подвергнуть себя нареканію, будто я не читаю вашихъ писемъ. Я твердо остаюся при моемъ мнѣніи, что человѣкъ долженъ пріуготовить себя ко всякимъ приключиться ему могущимъ происшествіямъ. Сего требуетъ отъ него собственная его польза, отъ исполненія сей должности зависитъ временное его спокойствіе, а слѣдовательно, совокуплено съ симъ и самое будущее его состояніе. Временность есть земля, человѣкъ — дѣятель, дѣянія — сѣмена, а будущее — плоды. Я нахожу тѣсную связь между временностью и вѣчностью и думаю, что цѣпь всещѣлаго непрерывна. Сказавъ, что человѣкъ долженъ пріуготовить себя ко всему, самымъ тѣмъ говорю я, что онъ долженъ пріуготовить себя и къ такъ называемому щастію и нещастію въ разсужденіи вѣчности. Обѣ сіи крайности бываютъ для не-

пріуготованнаго къ нимъ человѣка почти равно опасны, точно какъ незапная радость или печаль причиняютъ иногда смерть вкусившему ихъ скоропостижно и вдругъ. Мнѣ кажется, что различіе вашего и моего мнѣнія происходитъ отъ несходныхъ понятій, сопрягаемыхъ нами со словомъ „пріуготовленіе“. Я не разумѣю подъ симъ словомъ онаго живого воображенія о будущемъ щастіи или нещастіи, которое, такъ сказать, дѣлаетъ уже ихъ намъ настоящими, такъ что мы уже предварительно вкушаемъ, чувствуемъ и ощущаемъ ихъ сообразно меланхолическому или сангвіническому нашему нраву, ибо, по моему мнѣнію, таковое пріуготовленіе, вмѣсто содѣланія насъ покойными, нарушаетъ нашъ покой: у меланхолика отъемлетъ, хотя и милы *) настоящія минуты его слабаго удовольствія, у сангвиника уменьшаетъ степень будущихъ его пріятностей, которыя онъ уже вкусилъ, не имѣя еще дѣйствительно оныхъ. Пріуготовить себя къ будущимъ происшествіямъ предполагаетъ 1) увѣреніе, что наше настоящее состояніе можетъ перемѣниться; 2) перемѣна можетъ быть въ худшее или въ лучшее — удовольствуемся здѣсь всеобъемлющими понятіями, подробностей не возможно означать, онѣ суть безчисленны; 3) по увѣреніи о могущей произойти перемѣнѣ слѣдуетъ стараніе познать ясно свойствы обоихъ упомянутыхъ состояній, то есть, щастія и нещастія; 4) строгое изслѣдованіе самаго себя, имѣю-ли я все нужно для безвреднаго пребыванія въ томъ или другомъ состояніи; ежели найду въ чемъ недостатокъ, то долженъ стараться пріобрѣсти недостающее. Осенью запасаются шубами для предохраненія себя отъ морозовъ зимъ, ежели знаютъ, что не могутъ переносить хлада; весною созидаютъ себѣ убѣжище отъ солнца, ежели знаютъ, что зной онаго будетъ намъ вреденъ и несносенъ. Вотъ что я называю пріуготовленіемъ. Сіе пріуготовленіе, ежели смѣю такъ сказать, есть уничтоженіе всѣхъ случайностей, не принадлежащихъ истинному существу человѣка.

Щастіе и нещастіе не составляетъ нашей сущности. Лазарь, ликующій посредѣ богатствъ и изобилія, и Лазарь убогій, лежащій на гноищѣ предъ вратами перваго, суть оба человѣка, и кто можетъ означить степень истиннаго ихъ благополучія? Итакъ, говоря о должности пріуготовить себя ко всѣмъ происшествіямъ, я требую, чтобы человѣкъ учился отдѣлять себя отъ всякой случайности, и смотрѣлъ на сіе послѣднее, какъ на совершенно ему постороннее, не умаляющее и не умножающее его сущности; я требую, чтобы онъ свергнулъ постыдныя оковы и списквалъ независимость, свободу. Зная однако-жъ, что совершенство не есть удѣлъ человѣка, пребывающаго въ семъ мірѣ, не могу и въ сей добродѣтели требовать отъ него совершенства, тѣмъ паче, что

*) Такъ въ подлинникѣ: милы.

пріуготованнаго къ нимъ человѣка почти равно опасны, точно какъ незапная радость или печаль причиняютъ иногда смерть вкусившему ихъ скоропостижно и вдругъ. Мнѣ кажется, что различіе вашего и моего мнѣнія происходитъ отъ несходныхъ понятій, сопрягаемыхъ нами со словомъ „пріуготовленіе“. Я не разумѣю подъ симъ словомъ онаго живого воображенія о будущемъ щастіи или нещастіи, которое, такъ сказать, дѣлаетъ уже ихъ намъ настоящими, такъ что мы уже предварительно вкушаемъ, чувствуемъ и ощущаемъ ихъ сообразно меланхолическому или сангвіническому нашему нраву, ибо, по моему мнѣнію, таковое пріуготовленіе, вмѣсто содѣланія насъ покойными, нарушаетъ нашъ покой: у меланхолика отъемлетъ, хотя и милы *) настоящія минуты его слабаго удовольствія, у сангвиника уменьшаетъ степень будущихъ его пріятностей, которыя онъ уже вкусилъ, не имѣя еще дѣйствительно оныхъ. Пріуготовить себя къ будущимъ происшествіямъ предполагаетъ 1) увѣреніе, что наше настоящее состояніе можетъ перемѣниться; 2) перемѣна можетъ быть въ худшее или въ лучшее — удовольствуемся здѣсь всеобъемлющими понятіями, подробностей не возможно означать, онѣ суть безчисленны; 3) по увѣреніи о могущей произойти перемѣнѣ слѣдуетъ стараніе познать ясно свойствы обоихъ упомянутыхъ состояній, то есть, щастія и нещастія; 4) строгое изслѣдованіе самаго себя, имѣю-ли я все нужно для безвреднаго пребыванія въ томъ или другомъ состояніи; ежели найду въ чемъ недостатокъ, то долженъ стараться пріобрѣсти недостающее. Осенью запасаются шубами для предохраненія себя отъ морозовъ зимъ, ежели знаютъ, что не могутъ переносить хлада; весною созидаютъ себѣ убѣжище отъ солнца, ежели знаютъ, что зной онаго будетъ намъ вреденъ и несносенъ. Вотъ что я называю пріуготовленіемъ. Сіе пріуготовленіе, ежели смѣю такъ сказать, есть уничтоженіе всѣхъ случайностей, не принадлежащихъ истинному существу человѣка.

Щастіе и нещастіе не составляетъ нашей сущности. Лазарь, ликующій посредѣ богатствъ и изобилія, и Лазарь убогій, лежащій на гноищѣ предъ вратами перваго, суть оба человѣка, и кто можетъ означить степень истиннаго ихъ благополучія? Итакъ, говоря о должности пріуготовить себя ко всѣмъ происшествіямъ, я требую, чтобы человѣкъ учился отдѣлять себя отъ всякой случайности, и смотрѣлъ на сіе послѣднее, какъ на совершенно ему постороннее, не умаляющее и не умножающее его сущности; я требую, чтобы онъ свергнулъ постыдныя оковы и спискивалъ независимость, свободу. Зная однако-жъ, что совершенство не есть удѣлъ человѣка, пребывающаго въ семъ мірѣ, не могу и въ сей добродѣтели требовать отъ него совершенства, тѣмъ паче, что

*) Такъ въ подлинникѣ: милы.

самъ я есмь изъ несовершенныхъ несовершеннѣйшій, однако-жъ думаю, что каждый обязанъ для собственной своей пользы достиживать сію добродѣтель по мѣрѣ своихъ силъ и что каждый изъ нихъ можетъ пріобрѣсть въ ней довольные успѣхи, одинъ болѣе, другой менѣе, коль же симъ образомъ пріуготованный человѣкъ далекъ отъ того, чтобы ожиданіе могущаго приключиться ему нещастія содѣлывалось ему яко бы уже настоящимъ нещастіемъ! Напротивъ того, онъ затворяетъ оному всѣ пути къ своему сердцу, и дѣлаетъ всѣ усилія его недѣйствительными. Осторожный хозяинъ, зная изъ опытовъ, что бываютъ годы, въ которые земля отказываетъ человѣку свои плоды, и чрезъ то приключаетъ голодъ, сопровождаемый страшными его спутниками; вслѣдствіе сего посредѣ еще обилія отдѣляетъ онъ часть своихъ избытковъ, сложа ихъ въ житницы, дабы при нашествіи дѣйствительнаго голода имѣть надежное прибѣжище. Можно-ли же сказать, что онъ, ожидая сего нещастія, дѣйствительно уже умираетъ съ голоду? Искусный полководецъ прежде, нежели чинить нападеніе на непріятеля, предупреждаетъ свою ретираду и образъ оной въ случаѣ худого успѣха; не можно-ли же сказать, что онъ претерпѣваетъ уже всѣ слѣдствія потерянной баталіи? Ни мало нѣтъ; и тотъ и другой, сдѣлавъ таковыя распоряженія, усугубляютъ свою безопасность, и не тревожатся болѣе могущимъ приключиться имъ нещастіемъ, ибо предварительно оградились противу онаго. Однимъ словомъ, пріуготовленному человѣку нѣтъ ничего незапнаго, онъ доволенъ настоящимъ и безпеченъ о будущемъ; — не забывайте, что я говорю здѣсь единственно о случайномъ; ежели разсмотрите прилежно сказанное мною, увидите, сколь сіе сходно съ ученіемъ нашего Спасителя. Я часто восхищаюсь въ моемъ сердцѣ, видя, [какъ] безпристрастный разсудокъ приводитъ всегда насъ къ источнику, источившему христіянское ученіе, и что щастіе и нещастіе существуютъ по большей части въ единомъ нашемъ воображеніи. По малой мѣрѣ испыталъ я въ моей жизни, что тѣ вещи, которыя меня прежде сего веселили или огорчали, не трогаютъ нынѣ меня ни мало, и я переношу ихъ равнодушно, не напрягая для сего силъ моихъ. Вы видите, что я не сказалъ вамъ ничего противурѣчущаго, а, можетъ быть, изъяснился неясно и недостаточно; но я забылъ, вмѣсто письма началъ писать диссертацію; надѣясь однако-жъ на вашу дружбу, не думаю, чтобы вы поскучали моимъ болтаніемъ.

Касательно моего путешествія, кажется мнѣ, что сужденіе ваше во многомъ справедливо, но есть тутъ и такая *) [сторона], смотря съ которой можно судить нѣсколько снисходительнѣе. Но я не буду говорить о семъ, прошу токмо вѣрить, что отсутствіе отъ моихъ друзей не

*) Далѣе пропускъ въ подлинникѣ.

самъ я есмь изъ несовершенныхъ несовершеннѣйшій, однако-жъ думаю, что каждый обязанъ для собственной своей пользы достиживать сію добродѣтель по мѣрѣ своихъ силъ и что каждый изъ нихъ можетъ пріобрѣсть въ ней довольные успѣхи, одинъ болѣе, другой менѣе, коль же симъ образомъ пріуготованный человѣкъ далекъ отъ того, чтобы ожиданіе могущаго приключиться ему нещастія содѣлывалось ему яко бы уже настоящимъ нещастіемъ! Напротивъ того, онъ затворяетъ оному всѣ пути къ своему сердцу, и дѣлаетъ всѣ усилія его недѣйствительными. Осторожный хозяинъ, зная изъ опытовъ, что бываютъ годы, въ которые земля отказываетъ человѣку свои плоды, и чрезъ то приключаетъ голодъ, сопровождаемый страшными его спутниками; вслѣдствіе сего посредѣ еще обилія отдѣляетъ онъ часть своихъ избытковъ, сложа ихъ въ житницы, дабы при нашествіи дѣйствительнаго голода имѣть надежное прибѣжище. Можно-ли же сказать, что онъ, ожидая сего нещастія, дѣйствительно уже умираетъ съ голоду? Искусный полководецъ прежде, нежели чинить нападеніе на непріятеля, предупреждаетъ свою ретираду и образъ оной въ случаѣ худого успѣха; не можно-ли же сказать, что онъ претерпѣваетъ уже всѣ слѣдствія потерянной баталіи? Ни мало нѣтъ; и тотъ и другой, сдѣлавъ таковыя распоряженія, усугубляютъ свою безопасность, и не тревожатся болѣе могущимъ приключиться имъ нещастіемъ, ибо предварительно оградились противу онаго. Однимъ словомъ, пріуготовленному человѣку нѣтъ ничего незапнаго, онъ доволенъ настоящимъ и безпеченъ о будущемъ; — не забывайте, что я говорю здѣсь единственно о случайномъ; ежели разсмотрите прилежно сказанное мною, увидите, сколь сіе сходно съ ученіемъ нашего Спасителя. Я часто восхищаюсь въ моемъ сердцѣ, видя, [какъ] безпристрастный разсудокъ приводитъ всегда насъ къ источнику, источившему христіянское ученіе, и что щастіе и нещастіе существуютъ по большей части въ единомъ нашемъ воображеніи. По малой мѣрѣ испыталъ я въ моей жизни, что тѣ вещи, которыя меня прежде сего веселили или огорчали, не трогаютъ нынѣ меня ни мало, и я переношу ихъ равнодушно, не напрягая для сего силъ моихъ. Вы видите, что я не сказалъ вамъ ничего противурѣчущаго, а, можетъ быть, изъяснился неясно и недостаточно; но я забылъ, вмѣсто письма началъ писать диссертацію; надѣясь однако-жъ на вашу дружбу, не думаю, чтобы вы поскучали моимъ болтаніемъ.

Касательно моего путешествія, кажется мнѣ, что сужденіе ваше во многомъ справедливо, но есть тутъ и такая *) [сторона], смотря съ которой можно судить нѣсколько снисходительнѣе. Но я не буду говорить о семъ, прошу токмо вѣрить, что отсутствіе отъ моихъ друзей не

*) Далѣе пропускъ въ подлинникѣ.

есть самопроизвольно, и что горы, рѣки, озера, моря и пайпрекраснѣйшіе ландшафты въ мірѣ не были и, надѣюсь, не будутъ никогда предметомъ моего путешествія. Хотя сказано въ прежнемъ вашемъ письмѣ и было для меня нѣсколько темно, однако-жъ соображая оное со словами, вырвавшимися, такъ сказать, у общаго нашего пріятеля *), догадывался я о предполагаемой вами причинѣ его поѣздки — хотя, правду сказать, онъ намѣревался ужъ къ сему при моемъ отъѣздѣ, и мы довольно часто спорили о семъ, и что было нѣчто необыкновенное, побудившее васъ дать ему совѣтъ сей, и, смотря только съ сей стороны, говорилъ я вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Самыя сіи обстоятельствы служатъ къ вашему оправданію. Невозможно никакимъ образомъ приписывать вамъ слѣдствія сего путешествія, потому что нимало не входили они въ вашъ совѣтъ. Впрочемъ совершенно не знаю происшедшаго между упомянаемымъ вами человѣкомъ — или нѣсколькими человѣками и нашимъ другомъ; не могу ничего сказать ни въ оправданіе, ни въ обвиненіе того или другого. А какъ все сіе извѣстно вамъ обстоятельнѣе моего, то и полагаюсь на сказанное вами. Удивляюсь перемѣнѣ нашего друга и признаюсь, что скоропостижное его авторство, равно какъ планъ, такъ его „объявленіе“ поразили меня горестью, ибо я люблю его сердечно. Вы знаете, я давно уже ожидалъ сего явленія, — я говорю о авторствѣ, — но я ожидалъ сего въ совершенно иномъ видѣ. Я наслушался отъ мужей, искусившихся въ наукахъ, да и наглядѣлся во время обращенія моего въ мірѣ, что истинныя знанія бываютъ всегда сопровождаемы скромностью и недовѣрчивостью самому себѣ. Чѣмъ болѣе человѣкъ знаетъ, тѣмъ совершеннѣе видитъ свои недостатки, тѣмъ яснѣе видитъ малость своего знанія, и самымъ тѣмъ бываетъ воздержнѣе въ словахъ своихъ и писаніяхъ, ибо умѣетъ отличить истинную пользу отъ блестящаго и краснорѣчиваго пустословія.

Ежели въ нашемъ отечествѣ будутъ издаваться тысячи журналовъ, подобныхъ Берлинскому и Виландову, то ни одинъ россіянинъ не сдѣлается отъ нихъ лучшимъ, напротивъ того — боюсь, чтобы тысяча таковыхъ журналовъ не положила милліоновъ новыхъ препятствій къ достиженію добродѣтели и къ познанію самихъ себя и Бога. Между нами сказано, страшусь вопервыхъ, чтобы нашъ другъ не сдѣлалъ себя предметомъ смѣха и ругательства или, что и того опаснѣе, чтобы успѣхъ его трудовъ не напоилъ его самолюбіемъ и тщеславіемъ — клиппа, о которую разбивались довольно великіе мужи. Чѣмъ болѣе сіи страсти получатъ пищи, тѣмъ болѣе ослѣпятъ его и сдѣлаютъ своимъ рабомъ. Дай, Боже, чтобы не сбылась моя догадка; искренне однакожъ скажу, что онъ стоитъ теперь на склизкомъ пути, и что присовѣтовающіе ему

*) И. М. Карамзинъ.

есть самопроизвольно, и что горы, рѣки, озера, моря и пипрекраснѣйшіе ландшафты въ мірѣ не были и, надѣюсь, не будутъ никогда предметомъ моего путешествія. Хотя сказано въ прежнемъ вашемъ письмѣ и было для меня нѣсколько темно, однако-жъ соображая оное со словами, вырвавшимися, такъ сказать, у общаго нашего пріятеля *), догадывался я о предполагаемой вами причинѣ его поѣздки — хотя, правду сказать, онъ намѣревался ужъ къ сему при моемъ отъѣздѣ, и мы довольно часто спорили о семъ, и что было нѣчто необыкновенное, побудившее васъ дать ему совѣтъ сей, и, смотря только съ сей стороны, говорилъ я вамъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Самыя сіи обстоятельствы служатъ къ вашему оправданію. Невозможно никакимъ образомъ приписывать вамъ слѣдствія сего путешествія, потому что нимало не входили они въ вашъ совѣтъ. Впрочемъ совершенно не знаю происшедшаго между упомпнаемымъ вами человѣкомъ — или нѣсколькими человѣками и нашимъ другомъ; не могу ничего сказать ни въ оправданіе, ни въ обвпненіе того или другого. А какъ все сіе извѣстно вамъ обстоятельнѣе моего, то и полагаюсь на сказанное вами. Удивляюсь перемѣнѣ нашего друга и признаюсь, что скоропостижное его авторство, равно какъ планъ, такъ его „объявленіе“ поразили меня горестью, ибо я люблю его сердечно. Вы знаете, я давно уже ожидалъ сего явленія, — я говорю о авторствѣ, — но я ожидалъ сего въ совершенно иномъ видѣ. Я наслушался отъ мужей, искусившихся въ наукахъ, да и наглядѣлся во время обращенія моего въ мірѣ, что истинныя знанія бываютъ всегда сопровождаемы скромностью и недовѣрчивостью самому себѣ. Чѣмъ болѣе человѣкъ знаетъ, тѣмъ совершеннѣе видитъ свои недостатки, тѣмъ яснѣе видитъ малость своего знанія, и самымъ тѣмъ бываетъ воздержнѣе въ словахъ своихъ и писаніяхъ, ибо умѣетъ отличить истинную пользу отъ блестящаго и краснорѣчиваго пустословія.

Ежели въ нашемъ отечествѣ будутъ издаваться тысячи журналовъ, подобныхъ Берлинскому и Виландову, то ни одинъ россіянинъ не сдѣлается отъ нихъ лучшимъ, напротивъ того — боюсь, чтобы тысяча таковыхъ журналовъ не положила милліоновъ новыхъ препятствій къ достиженію добродѣтели и къ познанію самихъ себя и Бога. Между нами сказано, страшусь вопервыхъ, чтобы нашъ другъ не сдѣлалъ себя предметомъ смѣха и ругательства или, что и того опаснѣе, чтобы успѣхъ его трудовъ не напоилъ его самолюбіемъ и тщеславіемъ — клиппа, о которую разбивались довольно великіе мужи. Чѣмъ болѣе сіи страсти получатъ пищи, тѣмъ болѣе ослѣпятъ его и сдѣлаютъ своимъ рабомъ. Дай, Боже, чтобы не сбылась моя догадка; искренне однакожъ скажу, что онъ стоитъ теперь на склизкомъ пути, и что присовѣтовающіе ему

*) И. М. Карамзинъ.

сіе дадутъ Богу отвѣтъ, ежели потерпитъ чрезъ то его сердце, которое у него очень хорошо. Жажду видѣть и читать сей журналъ. Кстати о журналѣ, чрезвычайно тронулъ меня поступокъ милой моей жены *), разцѣлуйте ее въ прахъ. О, ежели-бъ могъ въ жизни моей отплатить ей сіе ея намѣреніе! Она желаетъ посылать мнѣ журналъ для того, что онъ хорошъ! Умница моя! Ежели ты и ошибешься въ названіи хорошъ, но твое намѣреніе истинно хорошо. Пожалуйста, разцѣлуйте ее за меня, скажите, что и здѣсь имѣетъ она много любовниковъ. Всѣ, видѣвшіе ея портретъ, стоящій въ моемъ кабинетѣ, влюбляются въ нее; каждый говоритъ: черта сего ребенка предвѣщаетъ доброту сердца и разума. Боже, направь ея дарованіи на истинную пользу. Поцѣлуйте любимую мою Марфу **). Вѣрьте, что я люблю всѣхъ васъ искренно и пребуду съ непрерывною дружбою нижайшій и вѣрный слуга.

56. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 18/29 декабря, 1790. (9 января, 1791).

Сердечный мой другъ! Дружеское твое письмо отъ 18 ноября получилъ исправно и благодарю тебя за братское участіе, которое ты пріемлешь въ моемъ состояніи. Ты спрашиваешь о состояніи моего здоровья, — что сказать тебѣ на сіе? Шишка моя остановилась почти въ одной порѣ, временами увеличивается, а временами умаляется, дѣлается упрѣлой или мягче; но какъ и когда происходятъ сіи перемѣны, къ стыду моему еще не примѣтилъ, думаю, сіе происходитъ оттого, что она ни мало не безпокоитъ меня. Вертижи мои, благодаря Бога, совсѣмъ почти миновались, такъ что со времени возвращенія моего изъ Франціи я не былъ безпокоенъ ими. Впрочемъ, примѣчаю знаки самой той же болѣзни, на которую ты жалуешься, но съ тою разницею, что мой непріятель не употребляетъ иныхъ, кромѣ скрытныхъ, маршей. Дѣйствія его однако-жъ весьма мнѣ чувствительны и по большей части въ желудкѣ. Вотъ каково тѣлесное состояніе! Что касается до души моей, то истинно въ жалкомъ состояніи, покрыта проказою и гноемъ, страждетъ и ищетъ исцѣленія. Но, мой другъ, я препоручаю ее истинному Врачу и отъ Него токмо ожидаю исцѣленія. Знаю однако-жъ, что недостоинъ сего, но надѣюсь на Его неизрѣченное милосердіе. Итакъ, да будетъ святая воля Его.

Въ разсужденіи уединенной жизни мы почти одинаковаго мнѣнія. Не могу однако-жъ согласиться, чтобы мірскія,— даже и самыя пустыя,— упражненія отводили съ пользою отъ безвременнаго умствованія. Здѣсь все зависитъ отъ намѣренія: ежели мое намѣреніе есть шествіе къ средоточію, ежели я притомъ стараюсь учиться, а не судить ***) или летать

*) А. А. Плещеева. См. № 1.

**) М. А. Плещеева.

***) Такъ въ подлинникѣ: судить.

сіе дадутъ Богу отвѣтъ, ежели потерпитъ чрезъ то его сердце, которое у него очень хорошо. Жажду видѣть и читать сей журналъ. Кстати о журналѣ, чрезвычайно тронулъ меня поступокъ милой моей жены *), разцѣлуйте ее въ прахъ. О, ежели-бъ могъ въ жизни моей отплатить ей сіе ея намѣреніе! Она желаетъ посылать мнѣ журналъ для того, что онъ хорошъ! Умница моя! Ежели ты и ошибешься въ названіи хорошъ, но твое намѣреніе истинно хорошо. Пожалуйста, разцѣлуйте ее за меня, скажите, что и здѣсь имѣетъ она много любовниковъ. Всѣ, видѣвшіе ея портретъ, стоящій въ моемъ кабинетѣ, влюбляются въ нее; каждый говоритъ: черта сего ребенка предвѣщаетъ доброту сердца и разума. Боже, направь ея дарованіи на истинную пользу. Поцѣлуйте любимую мою Марфу **). Вѣрьте, что я люблю всѣхъ васъ искренно и пребуду съ непрерывною дружбою нижайшій и вѣрный слуга.

56. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 18/29 декабря, 1790. (9 января, 1791).

Сердечный мой другъ! Дружеское твое письмо отъ 18 ноября получилъ исправно и благодарю тебя за братское участіе, которое ты пріемлешь въ моемъ состояніи. Ты спрашиваешь о состояніи моего здоровья, — что сказать тебѣ на сіе? Шишка моя остановилась почти въ одной порѣ, временами увеличивается, а временами умаляется, дѣлается упрѣлой или мягче; но какъ и когда происходятъ сіи перемѣны, къ стыду моему еще не примѣтилъ, думаю, сіе происходитъ оттого, что она ни мало не безпокоитъ меня. Вертижи мои, благодаря Бога, совсѣмъ почти миновались, такъ что со времени возвращенія моего изъ Франціи я не былъ безпокоенъ ими. Впрочемъ, примѣчаю знаки самой той же болѣзни, на которую ты жалуешься, но съ тою разницею, что мой непріятель не употребляетъ иныхъ, кромѣ скрытныхъ, маршей. Дѣйствія его однако-жъ весьма мнѣ чувствительны и по большей части въ желудкѣ. Вотъ каково тѣлесное состояніе! Что касается до души моей, то истинно въ жалкомъ состояніи, покрыта проказою и гноемъ, страждетъ и ищетъ исцѣленія. Но, мой другъ, я препоручаю ее истинному Врачу и отъ Него токмо ожидаю исцѣленія. Знаю однако-жъ, что недостоинъ сего, но надѣюсь на Его неизрѣченное милосердіе. Итакъ, да будетъ святая воля Его.

Въ разсужденіи уединенной жизни мы почти одинаковаго мнѣнія. Не могу однако-жъ согласиться, чтобы мірскія,— даже и самыя пустыя,— упражненія отводили съ пользою отъ безвременнаго умствованія. Здѣсь все зависитъ отъ намѣренія: ежели мое намѣреніе есть шествіе къ средоточію, ежели я притомъ стараюсь учиться, а не судить ***) или летать

*) А. А. Плещеева. См. № 1.

**) М. А. Плещеева.

***) Такъ въ подлинникѣ: с у д и т ь.

въ селеніяхъ метафизическихъ, то, хотя средствы, мною избираемыя, и часто будутъ ложны, часто буду я блуждать непопаденіемъ на прямую дорогу, однако-жъ, чѣмъ болѣе упражняюсь въ семъ, тѣмъ болѣе уменьшается число ложнаго и самымъ тѣмъ подвигаюсь я къ истинѣ; напротивъ того, упражняяся въ мірскомъ, я стою почти на одномъ мѣстѣ, а что и того еще хуже, безпрестанно погружаюсь во глубину чувственности, влекущей меня къ своему средоточію. Впрочемъ, мой другъ, согласенъ съ тобою, что главное мѣсто нашихъ подвиговъ находится въ самихъ насъ, а слѣдовательно, ни многолюдство, ни уединеніе не составляютъ еще ничего существеннаго. Бывъ въ маскарадѣ, можно молиться и проливать сердечныя слезы; можно и въ пустынѣ прелюбодѣйствовать и дѣлать всякія мерзости. Не сражаясь, не можно приписывать себѣ побѣды. Міръ имѣетъ также свои выгоды; живучи въ немъ, мы имѣемъ болѣе способовъ познавать себя, то есть, наши склонности ко злу, но кажется мнѣ, что, познавъ сіи пороки, надлежитъ удалиться для исцѣленія сея язвы и потомъ возвратиться паки для исполненія поселившейся на мѣсто порока добродѣтели. Уединеніе представляю я себѣ не иначе, какъ нравственною больницею; удаляться съ иными намѣреніями не есть какое назначеніе. Разумѣется, что исключаются изъ сего уединяющіеся по призванію на то. Но сей степень такъ высокъ, что я и мыслить о немъ не дерзаю. Но и въ самомъ моемъ положеніи мое уединеніе не имѣетъ быть совершенно; я все буду между человѣками, хотя и другихъ свойствъ; я могу упражняться въ дѣланіи добра, которое, по моему мнѣнію, умножаетъ силу добродѣтели и возвышаетъ насъ паче и паче. Теоретическое христіянство безъ практики есть уголья, собираемыя на главу мою; но практическое христіянство есть истинный бальзамъ, проникающій все наше истинное существо. Изъ прежнихъ моихъ писемъ ты знаешь, что я говорю сіе не въ защищеніе или оправданіе моего желанія, но точно для разсмотрѣнія сего пункта со всѣхъ сторонъ, дабы не подвергнуться скороспѣлости, къ которой я отъ натуры склоненъ. Шестнадцать уже лѣтъ бродитъ во мнѣ сія мысль и часто дѣйствуетъ съ великою силою; но по сіе время никогда еще не приближался къ рѣшенію; да и нынѣ болѣе, нежели когда либо, предаюсь всеобщему Отцу, да устроятъ о мнѣ, яко же Ему угодно. — Пусть услышатъ насъ, говорящихъ симъ нынѣ такимъ чуждымъ для многихъ языкомъ, да посмѣются на нашъ счетъ, — что намъ до того нужды? Мы будемъ покойны, увѣрены будучи въ нашей совѣсти, что мы гораздо лучшіе граждане, нежели тѣ, которые надъ нами смѣются; въ противномъ случаѣ *) не было бы имъ времени заниматься сими шутками и изображеніями новомоднаго баснословія. Говоря о сихъ людяхъ, не могу

*) Въ подлинникѣ: времени.

въ селеніяхъ метафизическихъ, то, хотя средствы, мною избираемыя, и часто будутъ ложны, часто буду я блуждать непопаденіемъ на прямую дорогу, однако-жъ, чѣмъ болѣе упражняюсь въ семъ, тѣмъ болѣе уменьшается число ложнаго и самымъ тѣмъ подвигаюсь я къ истинѣ; напротивъ того, упражняяся въ мірскомъ, я стою почти на одномъ мѣстѣ, а что и того еще хуже, безпрестанно погружаюсь во глубину чувственности, влекущей меня къ своему средоточію. Впрочемъ, мой другъ, согласенъ съ тобою, что главное мѣсто нашихъ подвиговъ находится въ самихъ насъ, а слѣдовательно, ни многолюдство, ни уединеніе не составляютъ еще ничего существеннаго. Бывъ въ маскарадѣ, можно молиться и проливать сердечныя слезы; можно и въ пустынѣ прелюбодѣйствовать и дѣлать всякія мерзости. Не сражаясь, не можно приписывать себѣ побѣды. Міръ имѣетъ также свои выгоды; живучи въ немъ, мы имѣемъ болѣе способовъ познавать себя, то есть, наши склонности ко злу, но кажется мнѣ, что, познавъ сіи пороки, надлежитъ удалиться для исцѣленія сея язвы и потомъ возвратиться паки для исполненія поселившейся на мѣсто порока добродѣтели. Уединеніе представляю я себѣ не иначе, какъ нравственною больницею; удаляться съ иными намѣреніями не есть какое назначеніе. Разумѣется, что исключаются изъ сего уединяющіеся по призванію на то. Но сей степень такъ высокъ, что я и мыслить о немъ не дерзаю. Но и въ самомъ моемъ положеніи мое уединеніе не имѣетъ быть совершенно; я все буду между человѣками, хотя и другихъ свойствъ; я могу упражняться въ дѣланіи добра, которое, по моему мнѣнію, умножаетъ силу добродѣтели и возвышаетъ насъ паче и паче. Теоретическое христіянство безъ практики есть уголья, собираемыя на главу мою; но практическое христіянство есть истинный бальзамъ, проникающій все наше истинное существо. Изъ прежнихъ моихъ писемъ ты знаешь, что я говорю сіе не въ защищеніе или оправданіе моего желанія, но точно для разсмотрѣнія сего пункта со всѣхъ сторонъ, дабы не подвергнуться скороспѣлости, къ которой я отъ натуры склоненъ. Шестнадцать уже лѣтъ бродитъ во мнѣ сія мысль и часто дѣйствуетъ съ великою силою; но по сіе время никогда еще не приближался къ рѣшенію; да и нынѣ болѣе, нежели когда либо, предаюсь всеобщему Отцу, да устроятъ о мнѣ, яко же Ему угодно. — Пусть услышатъ насъ, говорящихъ симъ нынѣ такимъ чуждымъ для многихъ языкомъ, да посмѣются на нашъ счетъ, — что намъ до того нужды? Мы будемъ покойны, увѣрены будучи въ нашей совѣсти, что мы гораздо лучшіе граждане, нежели тѣ, которые надъ нами смѣются; въ противномъ случаѣ *) не было бы имъ времени заниматься сими шутками и изображеніями новомоднаго баснословія. Говоря о сихъ людяхъ, не могу

*) Въ подлинникѣ: времени.

воздержаться, чтобы не сообщить тебѣ читаннаго мною на сихъ дняхъ и весьма меня поразившаго, ибо ясно изображаетъ свойства и состояніе такъ называемыхъ вольнодумцевъ. Для лучшаго уразумѣнія надобно знать, что авторъ изобрѣлъ пріемъ, посредствомъ котораго проникъ онъ въ умы другихъ людей и видѣлъ тамъ происходящее.

Перваго на десять октября, заперши мое тѣло въ моемъ кабинетѣ, перенесся я въ кофейный домъ, гдѣ, нашедъ одного знатнаго вольнодумца, вступилъ въ его линеальную гландулу и шелъ въ самую высочайшую часть оныя, гдѣ бываетъ обыкновенно жилище „разума“, ожидая найти тутъ обширное познаніе о всѣхъ вещахъ, какъ человѣческихъ, такъ и божественныхъ; но, къ немалому моему удивленію, нашелъ сіе мѣсто гораздо тѣснѣйшимъ, нежели они бываютъ обыкновенно, такъ что не могли въ немъ помѣститься ни чудеса, ни пророчества, ниже вдохновеніе духа. Сіе понудило меня спуститься однимъ жильемъ ниже — въ „воображеніе“. Сіе нашелъ я поистинѣ пространнѣйшимъ, однако-жъ хладнымъ и слабымъ. Я усмотрѣлъ „предубѣжденіе“, стоящее въ углу въ образѣ жены съ затворенными глазами и заткнувшей уши свои пальцами; множество словъ въ великомъ безпорядкѣ и съ сильнымъ жаромъ лились изъ ея устъ. Сіи слова складомъ составляли нѣкоторый родъ тумана, сквозь который, казалось мнѣ, усматривалъ я замокъ, обнесенный укрѣпленіями, съ лежащею возлѣ него башнею, которая, какъ мнѣ видѣлось сквозь ея окны, была наполнена застѣнками и веревками. Также за замками видѣлъ я пространныя темницы, а вокругъ оныхъ разбросанныя человѣческія кости. Горничные*) замки, казалось мнѣ, состояли изъ нѣкотораго рода черныхъ людей, чрезвычайнаго роста и страшнаго вида. Но, подошедъ ближе, страшная внѣшность исчезла, и я увидѣлъ, что замокъ сей былъ не что иное, какъ церковь, которой глава и колоколъ представились мнѣ башнею, наполненною застѣнками и веревками. Страшные исполнены были малое число невинныхъ церковныхъ служителей. Темницы претворились въ погреба, опредѣленные для жилища усопшимъ, а укрѣпленія — въ кладбище съ лежащими костями, окруженное каменною стѣною.

По весьма краткомъ моемъ здѣсь пребываніи, шумъ, происходящій изъ нижняго жилища, возбудилъ мое любопытство.

Сойдя туды, нашелъ я толпу страстей, кричащую страшнымъ образомъ. Шумные ихъ поступки увѣрили меня скоро, что они старались казаться демократами. По многомъ шуму и спору, наконецъ всѣ они обратили вниманіе свое на „тщеславіе“, предлагающее имъ составленіе многочисленнаго войска „понятій“, которымъ хотѣло оно предводительствовать противу страшныхъ мечтаній „воображенія“, причинившаго весь сей шумъ.

---

*) Такъ въ подлинникѣ: горничные.

воздержаться, чтобы не сообщить тебѣ читаннаго мною на сихъ дняхъ и весьма меня поразившаго, ибо ясно изображаетъ свойства и состояніе такъ называемыхъ вольнодумцевъ. Для лучшаго уразумѣнія надобно знать, что авторъ изобрѣлъ пріемъ, посредствомъ котораго проникъ онъ въ умы другихъ людей и видѣлъ тамъ происходящее.

Перваго на десять октября, заперши мое тѣло въ моемъ кабинетѣ, перенесся я въ кофейный домъ, гдѣ, нашедъ одного знатнаго вольнодумца, вступилъ въ его линеальную гландулу и шелъ въ самую высочайшую часть оныя, гдѣ бываетъ обыкновенно жилище „разума“, ожидая найти тутъ обширное познаніе о всѣхъ вещахъ, какъ человѣческихъ, такъ и божественныхъ; но, къ немалому моему удивленію, нашелъ сіе мѣсто гораздо тѣснѣйшимъ, нежели они бываютъ обыкновенно, такъ что не могли въ немъ помѣститься ни чудеса, ни пророчества, ниже вдохновеніе духа. Сіе понудило меня спуститься однимъ жильемъ ниже — въ „воображеніе“. Сіе нашелъ я поистинѣ пространнѣйшимъ, однако-жъ хладнымъ и слабымъ. Я усмотрѣлъ „предубѣжденіе“, стоящее въ углу въ образѣ жены съ затворенными глазами и заткнувшей уши свои пальцами; множество словъ въ великомъ безпорядкѣ и съ сильнымъ жаромъ лились изъ ея устъ. Сіи слова складомъ составляли нѣкоторый родъ тумана, сквозь который, казалось мнѣ, усматривалъ я замокъ, обнесенный укрѣпленіями, съ лежащею возлѣ него башнею, которая, какъ мнѣ видѣлось сквозь ея окны, была наполнена застѣнками и веревками. Также за замками видѣлъ я пространныя темницы, а вокругъ оныхъ разбросанныя человѣческія кости. Горничные*) замки, казалось мнѣ, состояли изъ нѣкотораго рода черныхъ людей, чрезвычайнаго роста и страшнаго вида. Но, подошедъ ближе, страшная внѣшность исчезла, и я увидѣлъ, что замокъ сей былъ не что иное, какъ церковь, которой глава и колоколъ представились мнѣ башнею, наполненною застѣнками и веревками. Страшные исполнены были малое число невинныхъ церковныхъ служителей. Темницы претворились въ погреба, опредѣленные для жилища усопшимъ, а укрѣпленія — въ кладбище съ лежащими костями, окруженное каменною стѣною.

По весьма краткомъ моемъ здѣсь пребываніи, шумъ, происходящій изъ нижняго жилища, возбудилъ мое любопытство.

Сойдя туды, нашелъ я толпу страстей, кричащую страшнымъ образомъ. Шумные ихъ поступки увѣрили меня скоро, что они старались казаться демократами. По многомъ шуму и спору, наконецъ всѣ они обратили вниманіе свое на „тщеславіе“, предлагающее имъ составленіе многочисленнаго войска „понятій“, которымъ хотѣло оно предводительствовать противу страшныхъ мечтаній „воображенія“, причинившаго весь сей шумъ.

---

*) Такъ въ подлинникѣ: горничные.

„Тщеславіе“ и я за нимъ отправились къ магазину „идей“, гдѣ увидѣлъ я великое число безжизненныхъ „понятій“, лежащихъ въ кучѣ одно на другомъ; но, по приближеніи „тщеславія“, всѣ они начали ползать. Здѣсь между прочими странными вещами были спящія божества, тѣлесные духи и міры, составленные нечаянностію, съ безконечнымъ множествомъ различныхъ языческихъ понятій, столь неправильныхъ и странныхъ, какъ токмо возможно вообразить; и съ ними смѣшаны были нѣкоторые христіянскаго происхожденія, но въ такомъ свѣтѣ, въ такой одеждѣ, черты ихъ были такъ обезображены, что они представлялись немного лучшими языческихъ. Было тутъ также собрано немалое число привидѣній въ страшныхъ одеждахъ; сіи суть жрецы идоловъ различныхъ народовъ по повелѣнію „тщеславія“: шаманы, факиры, брамины и бонзы составили особый корпусъ; правое крыло состояло изъ древнихъ языческихъ понятій, а лѣвое изъ христіянскихъ, претворенныхъ въ первыя; всѣ вкупѣ составили они страшную армію; но такъ велика была поспѣшность тщеславія, и такъ велико врожденное въ нихъ противу тиранства, порядка и дисциплины отвращеніе, что они составили паче смѣшанную толпу, нежели благоучрежденное воинство. Однако-жъ я примѣтилъ, что всѣ они искосились или обратили свои глаза на нѣкоторую особу, покрытую маскою и стоящею на срединѣ; по многимъ не нѣжнымъ признакамъ узналъ я, что сіе было „атеистово“.

Какъ скоро „тщеславіе“ ввело войска свои въ „воображеніе“, то и учинили приступъ къ замку, повелѣвая никого не щадить. Приступъ начали великимъ крикомъ и безпорядкомъ. Я же съ моей стороны, избѣгая опасностей, возвратился въ мой домъ.

Вотъ, мой другъ, люди надъ нами смѣющіеся. Пожалѣемъ о нихъ и оставимъ ихъ въ покоѣ.

Поздравляю тебя со взятіемъ Измаила, а какъ слышно, то и Силистріи угрожаетъ сія же участь. Все сіе хорошо, но твердый, непостыдный и полезный миръ всего лучше; дай, Боже, чтобы онъ воспослѣдовалъ сею зимою. Наше любезное отечество имѣетъ нужду отдохнуть нѣсколько, дабы привести себя въ почтенное состояніе, такъ чтобъ другія государства не осмѣлились даже и думать командовать нами, государства, подобящіяся дождевымъ пузырямъ.

Увѣдомленіе о князѣ Енгалычевѣ *) весьма меня огорчаетъ; не могу себѣ представить, чтобъ онъ умышленно сдѣлалъ какой проступокъ; кольми паче, чтобъ онъ подумалъ корыстоваться. Сіе ни мало не сходствуетъ съ его характеромъ. Еще въ мою бытность былъ онъ противъ нѣкоторыхъ особъ, которыя привыкли волю свою поставлять выше законовъ. Честность и правосудіе его, совокупленное съ твердостію, были

*) Кн. П. И. Енгалычевъ.

„Тщеславіе“ и я за нимъ отправились къ магазину „идей“, гдѣ увидѣлъ я великое число безжизненныхъ „понятій“, лежащихъ въ кучѣ одно на другомъ; но, по приближеніи „тщеславія“, всѣ они начали ползать. Здѣсь между прочими странными вещами были спящія божества, тѣлесные духи и міры, составленные нечаянностію, съ безконечнымъ множествомъ различныхъ языческихъ понятій, столь неправильныхъ и странныхъ, какъ токмо возможно вообразить; и съ ними смѣшаны были нѣкоторые христіянскаго происхожденія, но въ такомъ свѣтѣ, въ такой одеждѣ, черты ихъ были такъ обезображены, что они представлялись немного лучшими языческихъ. Было тутъ также собрано немалое число привидѣній въ страшныхъ одеждахъ; сіи суть жрецы идоловъ различныхъ народовъ по повелѣнію „тщеславія“: шаманы, факиры, брамины и бонзы составили особый корпусъ; правое крыло состояло изъ древнихъ языческихъ понятій, а лѣвое изъ христіянскихъ, претворенныхъ въ первыя; всѣ вкупѣ составили они страшную армію; но такъ велика была поспѣшность тщеславія, и такъ велико врожденное въ нихъ противу тиранства, порядка и дисциплины отвращеніе, что они составили паче смѣшанную толпу, нежели благоучрежденное воинство. Однако-жъ я примѣтилъ, что всѣ они искосились или обратили свои глаза на нѣкоторую особу, покрытую маскою и стоящею на срединѣ; по многимъ не нѣжнымъ признакамъ узналъ я, что сіе было „атеистово“.

Какъ скоро „тщеславіе“ ввело войска свои въ „воображеніе“, то и учинили приступъ къ замку, повелѣвая никого не щадить. Приступъ начали великимъ крикомъ и безпорядкомъ. Я же съ моей стороны, избѣгая опасностей, возвратился въ мой домъ.

Вотъ, мой другъ, люди надъ нами смѣющіеся. Пожалѣемъ о нихъ и оставимъ ихъ въ покоѣ.

Поздравляю тебя со взятіемъ Измаила, а какъ слышно, то и Силистріи угрожаетъ сія же участь. Все сіе хорошо, но твердый, непостыдный и полезный миръ всего лучше; дай, Боже, чтобы онъ воспослѣдовалъ сею зимою. Наше любезное отечество имѣетъ нужду отдохнуть нѣсколько, дабы привести себя въ почтенное состояніе, такъ чтобъ другія государства не осмѣлились даже и думать командовать нами, государства, подобящіяся дождевымъ пузырямъ.

Увѣдомленіе о князѣ Енгалычевѣ *) весьма меня огорчаетъ; не могу себѣ представить, чтобъ онъ умышленно сдѣлалъ какой проступокъ; кольми паче, чтобъ онъ подумалъ корыстоваться. Сіе ни мало не сходствуетъ съ его характеромъ. Еще въ мою бытность былъ онъ противъ нѣкоторыхъ особъ, которыя привыкли волю свою поставлять выше законовъ. Честность и правосудіе его, совокупленное съ твердостію, были

*) Кн. П. И. Енгалычевъ.

для нихъ несносны. Горько, мой другъ, видѣть, что въ нашемъ отечествѣ сіе дѣлается. Желалъ бы я, чтобы монархиня узнала всѣ подробности сего, колико бы перемѣнилось ея мнѣніе! Но какъ сего требовать? Увѣдомь меня, пожалуйста, о участи князя; ежели онъ терпитъ за покровительство бѣдныхъ и гонимыхъ, то Богъ, безъ сомнѣнія, будетъ его покровителемъ, и скоро или поздно постыдитъ льстецовъ и лицемѣровъ. Жалко, мой другъ, что и большіе люди живутъ чужимъ умомъ. Но что дѣлать?

И у насъ здѣсь погода весьма странная. A propos, говоря о погодѣ, скажу тебѣ, что здѣсь вышла маленькая книжка, въ которой авторъ обѣщаетъ показать неложное средство къ предузнанію всѣхъ таковыхъ перемѣнъ, а въ доказательство возможности сего средства сообщаетъ свои предсказанія на будущій годъ. Я спишу тебѣ сіе мѣсто.

Dagegen aber kommen in dem jetzt bevorstehenden 1791 Jahre ähnliche, ausserordentlich seltsame nnd starke Constellationen vor, die meiner Theorie aus meinen bisherigen Beobachtungen zufolge, wiederum in verschiedenen Gegenden auf unserm Erdboden sehr fürchterliche verwüstende Erdbeben (wie wir an der durch ein gans neuerliches Erdbeben zerstörten spanischen Festung Oran schon ein merckwürdiges Vorspiel haben) ausserordentliche Stürme und Orcane, Donnerwetter, Wolckenbrüche, seltsame Witterungsläufe, merkwürdige schnelle Veränderungen an Barometer und Thermometer und in der Abweichung der Magnetnadel u. s. w. verursachen werden. Hier ersuche ich alle Freunde der Physik und Meteorologie ganz ergebenst in diesem 1791 Jahre gleich von Anfang desselben an alles, was sich in der Witterung und überhaupft in der Natur ausserordentliches und merkwürdgies gewiss ereignen wird, mit besonderm Fleisse genau zu beobachten und etwa monatlich auf irgend einige Art dem allgemienen Publicum bekannt zu machen; so wie ich auch insbesondere einen jeden Erdbürger, der von vorfallenden heftigen Erdbeben oder Stürmen genaue Kenntniss erhalten wird, inständigst bitte, davon öffentliche, möglichst bestimmte Nachricht mitzutheilen. Vornehmlich aber bitte ich fürs erste, wie überhaupt auf die vier ersten Monate, so noch am meisten auf den 2 — 6ten, 9 — 13ten, 18—21ten, 24—28ten und 31ten Januar, und auf den 2—4,ten 6ten, 9—11ten, 14ten, 16 — 21ten und 25ten Februar, und auf den 4 — 7ten, 10ten, 17 — 21ten und 27 — 30ten März, und auf den 2 — 7ten, 11ten, 14ten, 17 — 19ten, 22ten, 27 — 30ten April besonders aufmerksam zu seyn. Von den folgenden Monaten werde ich auch zum voraus nähere öffentliche Anzeigung thun. Всѣ эти числы суть по новому штилю. Пожалуйста, увѣдомь меня, ежели въ нашемъ отечествѣ случится что сему подобное.

Сей разъ не можешь жаловаться на краткость моего письма; думаю, уже наскучилъ тебѣ болтаніемъ. Поцѣлуй любезнаго моего Петра Владиміровича*) и всѣхъ нашихъ.

*) П. В. Лопухинъ.

для нихъ несносны. Горько, мой другъ, видѣть, что въ нашемъ отечествѣ сіе дѣлается. Желалъ бы я, чтобы монархиня узнала всѣ подробности сего, колико бы перемѣнилось ея мнѣніе! Но какъ сего требовать? Увѣдомь меня, пожалуйста, о участи князя; ежели онъ терпитъ за покровительство бѣдныхъ и гонимыхъ, то Богъ, безъ сомнѣнія, будетъ его покровителемъ, и скоро или поздно постыдитъ льстецовъ и лицемѣровъ. Жалко, мой другъ, что и большіе люди живутъ чужимъ умомъ. Но что дѣлать?

И у насъ здѣсь погода весьма странная. A propos, говоря о погодѣ, скажу тебѣ, что здѣсь вышла маленькая книжка, въ которой авторъ обѣщаетъ показать неложное средство къ предузнанію всѣхъ таковыхъ перемѣнъ, а въ доказательство возможности сего средства сообщаетъ свои предсказанія на будущій годъ. Я спишу тебѣ сіе мѣсто.

Dagegen aber kommen in dem jetzt bevorstehenden 1791 Jahre ähnliche, ausserordentlich seltsame nnd starke Constellationen vor, die meiner Theorie aus meinen bisherigen Beobachtungen zufolge, wiederum in verschiedenen Gegenden auf unserm Erdboden sehr fürchterliche verwüstende Erdbeben (wie wir an der durch ein gans neuerliches Erdbeben zerstörten spanischen Festung Oran schon ein merckwürdiges Vorspiel haben) ausserordentliche Stürme und Orcane, Donnerwetter, Wolckenbrüche, seltsame Witterungsläufe, merkwürdige schnelle Veränderungen an Barometer und Thermometer und in der Abweichung der Magnetnadel u. s. w. verursachen werden. Hier ersuche ich alle Freunde der Physik und Meteorologie ganz ergebenst in diesem 1791 Jahre gleich von Anfang desselben an alles, was sich in der Witterung und überhaupft in der Natur ausserordentliches und merkwürdgies gewiss ereignen wird, mit besonderm Fleisse genau zu beobachten und etwa monatlich auf irgend einige Art dem allgemienen Publicum bekannt zu machen; so wie ich auch insbesondere einen jeden Erdbürger, der von vorfallenden heftigen Erdbeben oder Stürmen genaue Kenntniss erhalten wird, inständigst bitte, davon öffentliche, möglichst bestimmte Nachricht mitzutheilen. Vornehmlich aber bitte ich fürs erste, wie überhaupt auf die vier ersten Monate, so noch am meisten auf den 2 — 6ten, 9 — 13ten, 18—21ten, 24—28ten und 31ten Januar, und auf den 2—4,ten 6ten, 9—11ten, 14ten, 16 — 21ten und 25ten Februar, und auf den 4 — 7ten, 10ten, 17 — 21ten und 27 — 30ten März, und auf den 2 — 7ten, 11ten, 14ten, 17 — 19ten, 22ten, 27 — 30ten April besonders aufmerksam zu seyn. Von den folgenden Monaten werde ich auch zum voraus nähere öffentliche Anzeigung thun. Всѣ эти числы суть по новому штилю. Пожалуйста, увѣдомь меня, ежели въ нашемъ отечествѣ случится что сему подобное.

Сей разъ не можешь жаловаться на краткость моего письма; думаю, уже наскучилъ тебѣ болтаніемъ. Поцѣлуй любезнаго моего Петра Владиміровича*) и всѣхъ нашихъ.

*) П. В. Лопухинъ.

Прости, любезной другъ, желаю тебѣ всѣхъ истинныхъ благъ. Приложенныя письма прошу переслать.

57. А. М. КУТУЗОВЪ — Е. И. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ.

Берлинъ. 6/17 декабря, 1790. (9 января 1791).

Наконецъ получилъ я отъ васъ письмо и до безконечности обрадовался, увидя начертаніе руки вашей. Что радость моя была искренна, о семъ, конечно, не усумнитесь, зная мою къ вамъ привязанность, которую ничто не можетъ ослабить ни въ какое время; и сему также, думаю, повѣрите. Вамъ, [имѣя] весьма чувствительное сердце, удобно чувствовать то, что я чувствовалъ въ сіе время, особливо — ежели же сообразить то состояніе, которое я описывалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Въ состояніи, въ которое приведенъ былъ вашими строками, радость видѣть, читать сіи строчки, дѣйствовала съ такою силою, что въ первыхъ минутахъ ничего иного не ощущалъ, кромѣ опыя; удостовѣреніе, что вы живы, надежда, что вы возвратите и ваше здравіе, и ваше спокойствіе, не позволили заниматься иными мыслями; и теперь еще повторю: слава Богу, сохранившему вашу жизнь, благодареніе Ему, возвратившему вашу дочь! Онъ милосердъ, онъ устроитъ и все прочее въ вашу пользу. Вы пишете о болѣзни вашей дочери, но не именуете, которая была больна; вообще сказать, позвольте попенять: вы никогда и ничего не пишете мнѣ о моей любезной невѣстѣ; сіе истинно огорчаетъ меня. Положимъ, что и весьма вѣроятно, что она меня забыла или, по крайней мѣрѣ, любовь ея ко мнѣ простыла; но сіе однако-жъ не умаляетъ моей любви къ ней; я все ее люблю по-прежнему и желаю знать и самыя бездѣлицы, приключающіяся ей. Вы знаете меня, — таковъ точно и нынѣ; премѣна мѣстъ и времени не перемѣнила моего сердца; я по-прежнему постояненъ; каковъ былъ вашъ Матвѣевичъ, таковъ и я въ Берлинѣ.

Простите мнѣ, что я, заболтавшись, не поздравилъ еще васъ съ новорожденнымъ Николаемъ. Поздравляю васъ отъ всего моего сердца и, вмѣсто вашихъ предсказаній, скажу вамъ мое мнѣніе: мнѣ кажется, что онъ будетъ приносить вамъ толико-жъ утѣшенія и радости, сколько, приходя въ сей міръ, приключилъ вамъ болѣзни. Вы знаете, — чѣмъ драгоцѣннѣе вещь, тѣмъ труднѣе достиженіе оной.

Сего желаетъ мое любящее васъ сердце; о семъ возсылаю молитвы къ общему насъ *) Отцу. Въ разсужденіи моего молчанія скажу вамъ, что я писалъ вамъ нѣсколько разъ; но видно, что письма мои пропали; со всѣмъ тѣмъ не хочу однако-жъ оправдаться, зная, что я въ самомъ

*) Такъ въ подлинникѣ: н а с ъ.

Прости, любезной другъ, желаю тебѣ всѣхъ истинныхъ благъ. Приложенныя письма прошу переслать.

57. А. М. КУТУЗОВЪ — Е. И. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ.

Берлинъ. 6/17 декабря, 1790. (9 января 1791).

Наконецъ получилъ я отъ васъ письмо и до безконечности обрадовался, увидя начертаніе руки вашей. Что радость моя была искренна, о семъ, конечно, не усумнитесь, зная мою къ вамъ привязанность, которую ничто не можетъ ослабить ни въ какое время; и сему также, думаю, повѣрите. Вамъ, [имѣя] весьма чувствительное сердце, удобно чувствовать то, что я чувствовалъ въ сіе время, особливо — ежели же сообразить то состояніе, которое я описывалъ въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Въ состояніи, въ которое приведенъ былъ вашими строками, радость видѣть, читать сіи строчки, дѣйствовала съ такою силою, что въ первыхъ минутахъ ничего иного не ощущалъ, кромѣ опыя; удостовѣреніе, что вы живы, надежда, что вы возвратите и ваше здравіе, и ваше спокойствіе, не позволили заниматься иными мыслями; и теперь еще повторю: слава Богу, сохранившему вашу жизнь, благодареніе Ему, возвратившему вашу дочь! Онъ милосердъ, онъ устроитъ и все прочее въ вашу пользу. Вы пишете о болѣзни вашей дочери, но не именуете, которая была больна; вообще сказать, позвольте попенять: вы никогда и ничего не пишете мнѣ о моей любезной невѣстѣ; сіе истинно огорчаетъ меня. Положимъ, что и весьма вѣроятно, что она меня забыла или, по крайней мѣрѣ, любовь ея ко мнѣ простыла; но сіе однако-жъ не умаляетъ моей любви къ ней; я все ее люблю по-прежнему и желаю знать и самыя бездѣлицы, приключающіяся ей. Вы знаете меня, — таковъ точно и нынѣ; премѣна мѣстъ и времени не перемѣнила моего сердца; я по-прежнему постояненъ; каковъ былъ вашъ Матвѣевичъ, таковъ и я въ Берлинѣ.

Простите мнѣ, что я, заболтавшись, не поздравилъ еще васъ съ новорожденнымъ Николаемъ. Поздравляю васъ отъ всего моего сердца и, вмѣсто вашихъ предсказаній, скажу вамъ мое мнѣніе: мнѣ кажется, что онъ будетъ приносить вамъ толико-жъ утѣшенія и радости, сколько, приходя въ сей міръ, приключилъ вамъ болѣзни. Вы знаете, — чѣмъ драгоцѣннѣе вещь, тѣмъ труднѣе достиженіе оной.

Сего желаетъ мое любящее васъ сердце; о семъ возсылаю молитвы къ общему насъ *) Отцу. Въ разсужденіи моего молчанія скажу вамъ, что я писалъ вамъ нѣсколько разъ; но видно, что письма мои пропали; со всѣмъ тѣмъ не хочу однако-жъ оправдаться, зная, что я въ самомъ

*) Такъ въ подлинникѣ: н а с ъ.

дѣлѣ виноватъ. Не думайте однако-жъ, чтобъ сіе происходило отъ уменшенія моей къ вамъ дружбы; нѣтъ, не оскорбляйте меня сею мыслью.

Я вамъ скажу откровенно истинную причину.

Вы, думаю, наслышались отъ меня о Радищевѣ, которой былъ со мною вмѣстѣ пажемъ, въ Лейпцигѣ и въ сенатѣ, съ которымъ былъ я 14 лѣтъ въ одной комнатѣ. Правы наши и характеры были довольно сходны, такъ что, взявъ все сіе вкупѣ, составило между нами довольно тѣсную дружбу. Послѣ 14 лѣтъ онъ женился. Покойная жена его смотрѣла на меня другими глазами, дружба моя къ ея мужу казалась ей непріятною, а и того менѣе присутствіе мое приносило ей удовольствія. Немудрено было мнѣ примѣтить сіе, равно какъ и непріятное положеніе моего друга, и для того, для сохраненія ихъ домашняго спокойствія и согласія, рѣшился я разстаться съ ними. Отъѣздъ мой въ армію подалъ мнѣ пристойный къ тому случай. Мы разстались совершенно, и сіе продолжалось до самаго того времени, какъ Недергофъ пріѣхалъ къ намъ въ полкъ. Съ нимъ получилъ я первое письмо послѣ нашей разлуки. Съ сего времени началась между нами переписка, и дружба наша возобновилась тѣснѣе, нежели когда-либо. Не взирая, что во время нашей разлуки образъ нашихъ мыслей сдѣлался весьма различенъ, однако-жъ мы спорили, но тѣмъ болѣе другъ друга любили, ибо оба видѣли ясно, что разность находилась въ нашихъ головахъ, а не въ сердцѣ. По отъѣздѣ моемъ изъ Россіи переписка наша продолжалась по-прежнему. Доселѣ, вы скажете, все еще хорошо и нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Но выслушайте меня до конца. Вы знаете, что на всякаго человѣка бываютъ въ жизни его періоды, во время которыхъ выступаетъ онъ изъ обыкновеннаго положенія. Сіи періоды можно точно назвать кризисами нашей жизни. Иногда разрѣшаются они съ пользою, но нерѣдко уничтожаются всѣ труды и заботы протедшихъ нашихъ дней. Мой другъ, нещастный другъ, испыталъ сію истинну. Провождая 40 лѣтъ въ тишинѣ и покоѣ, имѣя четырехъ дѣтей, которыхъ чрезвычайно любилъ и которыми по истиннѣ могъ заниматься съ пріятностію и пользою, вздумалось ему сдѣлаться авторомъ, — нещастное желаніе! Начало къ сему сдѣлалъ книжкою подъ названіемъ „Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова“, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій, но по нещастію былъ человѣкъ необыкновенныхъ свойствъ, не могъ писать, не помѣстивъ множество политическихъ и сему подобныхъ примѣчаній, которыя, извѣстно вамъ, не многимъ нравятся. Онъ изъяснялся живо и свободно, со смѣлостію, на которую во многихъ земляхъ смотрятъ какъ будто бы на странную метеору. Книжку сію приписалъ онъ мнѣ. Признаюсь, что бо́льшую часть его положеній касательно религіи и государственнаго правленія нашелъ [я] совершенно противоположною моей системѣ. Наипаче не нравилось мнѣ, что коснулся онъ нѣкоторыхъ пунктовъ, которые, по моему мнѣнію,

дѣлѣ виноватъ. Не думайте однако-жъ, чтобъ сіе происходило отъ уменшенія моей къ вамъ дружбы; нѣтъ, не оскорбляйте меня сею мыслью.

Я вамъ скажу откровенно истинную причину.

Вы, думаю, наслышались отъ меня о Радищевѣ, которой былъ со мною вмѣстѣ пажемъ, въ Лейпцигѣ и въ сенатѣ, съ которымъ былъ я 14 лѣтъ въ одной комнатѣ. Правы наши и характеры были довольно сходны, такъ что, взявъ все сіе вкупѣ, составило между нами довольно тѣсную дружбу. Послѣ 14 лѣтъ онъ женился. Покойная жена его смотрѣла на меня другими глазами, дружба моя къ ея мужу казалась ей непріятною, а и того менѣе присутствіе мое приносило ей удовольствія. Немудрено было мнѣ примѣтить сіе, равно какъ и непріятное положеніе моего друга, и для того, для сохраненія ихъ домашняго спокойствія и согласія, рѣшился я разстаться съ ними. Отъѣздъ мой въ армію подалъ мнѣ пристойный къ тому случай. Мы разстались совершенно, и сіе продолжалось до самаго того времени, какъ Недергофъ пріѣхалъ къ намъ въ полкъ. Съ нимъ получилъ я первое письмо послѣ нашей разлуки. Съ сего времени началась между нами переписка, и дружба наша возобновилась тѣснѣе, нежели когда-либо. Не взирая, что во время нашей разлуки образъ нашихъ мыслей сдѣлался весьма различенъ, однако-жъ мы спорили, но тѣмъ болѣе другъ друга любили, ибо оба видѣли ясно, что разность находилась въ нашихъ головахъ, а не въ сердцѣ. По отъѣздѣ моемъ изъ Россіи переписка наша продолжалась по-прежнему. Доселѣ, вы скажете, все еще хорошо и нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Но выслушайте меня до конца. Вы знаете, что на всякаго человѣка бываютъ въ жизни его періоды, во время которыхъ выступаетъ онъ изъ обыкновеннаго положенія. Сіи періоды можно точно назвать кризисами нашей жизни. Иногда разрѣшаются они съ пользою, но нерѣдко уничтожаются всѣ труды и заботы протедшихъ нашихъ дней. Мой другъ, нещастный другъ, испыталъ сію истинну. Провождая 40 лѣтъ въ тишинѣ и покоѣ, имѣя четырехъ дѣтей, которыхъ чрезвычайно любилъ и которыми по истиннѣ могъ заниматься съ пріятностію и пользою, вздумалось ему сдѣлаться авторомъ, — нещастное желаніе! Начало къ сему сдѣлалъ книжкою подъ названіемъ „Житіе Ѳедора Васильевича Ушакова“, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій, но по нещастію былъ человѣкъ необыкновенныхъ свойствъ, не могъ писать, не помѣстивъ множество политическихъ и сему подобныхъ примѣчаній, которыя, извѣстно вамъ, не многимъ нравятся. Онъ изъяснялся живо и свободно, со смѣлостію, на которую во многихъ земляхъ смотрятъ какъ будто бы на странную метеору. Книжку сію приписалъ онъ мнѣ. Признаюсь, что бо́льшую часть его положеній касательно религіи и государственнаго правленія нашелъ [я] совершенно противоположною моей системѣ. Наипаче не нравилось мнѣ, что коснулся онъ нѣкоторыхъ пунктовъ, которые, по моему мнѣнію,

не подлежатъ литературѣ. Все сіе изъяснилъ я ему въ весьма пространномъ письмѣ. Въ другомъ маленькомъ письмѣ говорилъ я ему гораздо яснѣе. Я напомянулъ ему слова Халкида, который, приготовляясь говорить правду, требовалъ Ахиллесова покровительства, присовокупя:

For I must speak what Wisdom would conceal,
And Truths invidious the Great reveal.
Bold is the task! when Subjects grown too wise
Instruct a Monarch, where his Error lies,
For tho'we deem the short liv'd jury past
Be sure, the Mighty will revenge at last.

Нещастный мой другъ не имѣлъ Ахиллеса, который бы могъ принять его подъ свое покровительство; и такъ сбылось надъ нимъ Халкидово мнѣніе во всемъ пространствѣ онаго. Книга надѣлала много шуму. Начали кричать: «какая дерзость, позволительно-ли говорить такъ!» и проч. и проч. Но какъ свыше молчали, то и внизу все умолкло. Нашлись и безпристрастные люди, отдававшіе справедливость сочинителю. И сихъ-то послѣднихъ похвала была, можетъ быть, неумышленною причиною послѣдовавшаго съ нимъ. Не успѣлъ еще перестать упомянутый шумъ, какъ является уже онъ вновь предъ публику съ новымъ сочиненіемъ, — котораго, однако-жъ, я не имѣю, въ видѣ Іориковомъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Что писано въ немъ, того не знаю; извѣстно однако-жъ мнѣ то, что тотчасъ онъ былъ арестованъ, отосланъ подъ судъ въ уголовную палату, осужденъ и приговоренъ къ смертной казни. Но когда дошло дѣло до монархини, то изъ высочайшаго милосердія лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безвыходное заточеніе. Сіе получа вдругъ, вообразите, сколь я былъ пораженъ симъ происшествіемъ, и въ состояніи-ли я былъ писать что-либо; ваше нѣжное и справедливое сердце послужитъ мнѣ хотя нѣкоторымъ извиненіемъ. Не успѣлъ еще укротить возмущающуюся мою кровь, какъ слышу отъ проѣзжихъ, что и я, можетъ быть, подобной участи ожидать долженъ. Я забылъ сказать, что и сія книга приписана мнѣ, ибо почитали меня, не знаю, почему, участникомъ въ его преступленіи. Но я не хочу входить въ подробности для моего оправданія. Совѣсть моя чиста, и я ничего не страшусь. Вотъ истинная причина долговременному моему молчанію.

Теперь вы все знаете и можете судить меня безпристрастно. Я увѣренъ, что вы не усумнитесь ни мало въ моей къ вамъ дружбѣ, которую я сохраняю и сохраню къ вамъ вѣчно въ моемъ сердцѣ. Разцѣлуйте мою милую любезную невѣсту и вѣрьте, что я навсегда пребуду вашъ нижайшій и вѣрный

Алексѣй Кутузовъ.

не подлежатъ литературѣ. Все сіе изъяснилъ я ему въ весьма пространномъ письмѣ. Въ другомъ маленькомъ письмѣ говорилъ я ему гораздо яснѣе. Я напомянулъ ему слова Халкида, который, приготовляясь говорить правду, требовалъ Ахиллесова покровительства, присовокупя:

For I must speak what Wisdom would conceal,
And Truths invidious the Great reveal.
Bold is the task! when Subjects grown too wise
Instruct a Monarch, where his Error lies,
For tho'we deem the short liv'd jury past
Be sure, the Mighty will revenge at last.

Нещастный мой другъ не имѣлъ Ахиллеса, который бы могъ принять его подъ свое покровительство; и такъ сбылось надъ нимъ Халкидово мнѣніе во всемъ пространствѣ онаго. Книга надѣлала много шуму. Начали кричать: «какая дерзость, позволительно-ли говорить такъ!» и проч. и проч. Но какъ свыше молчали, то и внизу все умолкло. Нашлись и безпристрастные люди, отдававшіе справедливость сочинителю. И сихъ-то послѣднихъ похвала была, можетъ быть, неумышленною причиною послѣдовавшаго съ нимъ. Не успѣлъ еще перестать упомянутый шумъ, какъ является уже онъ вновь предъ публику съ новымъ сочиненіемъ, — котораго, однако-жъ, я не имѣю, въ видѣ Іориковомъ: „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Что писано въ немъ, того не знаю; извѣстно однако-жъ мнѣ то, что тотчасъ онъ былъ арестованъ, отосланъ подъ судъ въ уголовную палату, осужденъ и приговоренъ къ смертной казни. Но когда дошло дѣло до монархини, то изъ высочайшаго милосердія лишенъ чиновъ и дворянства и сосланъ въ Сибирь въ Илимскій острогъ на десятилѣтнее безвыходное заточеніе. Сіе получа вдругъ, вообразите, сколь я былъ пораженъ симъ происшествіемъ, и въ состояніи-ли я былъ писать что-либо; ваше нѣжное и справедливое сердце послужитъ мнѣ хотя нѣкоторымъ извиненіемъ. Не успѣлъ еще укротить возмущающуюся мою кровь, какъ слышу отъ проѣзжихъ, что и я, можетъ быть, подобной участи ожидать долженъ. Я забылъ сказать, что и сія книга приписана мнѣ, ибо почитали меня, не знаю, почему, участникомъ въ его преступленіи. Но я не хочу входить въ подробности для моего оправданія. Совѣсть моя чиста, и я ничего не страшусь. Вотъ истинная причина долговременному моему молчанію.

Теперь вы все знаете и можете судить меня безпристрастно. Я увѣренъ, что вы не усумнитесь ни мало въ моей къ вамъ дружбѣ, которую я сохраняю и сохраню къ вамъ вѣчно въ моемъ сердцѣ. Разцѣлуйте мою милую любезную невѣсту и вѣрьте, что я навсегда пребуду вашъ нижайшій и вѣрный

Алексѣй Кутузовъ.

58. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 23 ноября, 1790.

Любезнѣйшій другъ!

Письмо твое отъ $\frac{24 \text{ ноября}}{4 \text{ декабря}}$ съ приложенными получилъ исправно. Давно уже не писалъ я къ тебѣ, сердечный другъ мой. Всіо день за день. И теперь не могу писать много; очень ослабѣвъ послѣ бани, и однако-жъ спѣша ѣхать съ двора, долженъ будучи ѣхать къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ *), которая вчерась была у насъ, хотѣла меня видѣть, но не было меня дома. Прилагаю письмо отъ Катерины Ильинишны **). Впредь пространнѣе писать буду. Піеса, о которой ты забылъ, называется „Von der Magia des Glaubens“ и я просилъ другихъ того же писателя. Прощай.

59. А. И. ВЕРЕВКИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Польша]. 31 декабря, 1790.

Сильно завѣщаніе твое, сердечный другъ мой Алексѣй Михайловичъ, которымъ ты меня обязалъ, чтобъ увѣдомлять тебя о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на югѣ и сѣверѣ, ибо въ неисполненіи онаго укоряетъ меня совѣсть и, чѣмъ болѣе проходитъ время въ молчаніи моемъ, тѣмъ вящше возбуждаетъ она во внутренности моей безпокойство, подобно какъ бы кто ударялъ колючимъ терніемъ въ сердце, приводя на мысль сіи слова: «днесь, аще гласъ Господень услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ». Что я толь долго не писалъ къ тебѣ, въ томъ я виноватъ, возлюбленный мой другъ! Причиною тому страхъ или, лучше прямо сказать, невѣрствіе мое въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, а также и лѣность моя, происходящая отъ слабости здоровья, къ тому способствовали и прочіе недосуги; но однако-жъ весьма часто и почти каждый день воспоминаю о тебѣ, дражайшій! Не зная-жъ мѣста пребыванія твоего, писалъ въ Москву, и сколь же обрадовался, узнавши оное. Итакъ, предавъ все подъ защиту Всемогущаго, хотя въ слабой моей вѣрѣ, что безъ воли Его не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы, принялъ намѣреніе писать къ тебѣ, вселюбезный другъ, и принесть чрезъ сіе съ прошедшимъ великимъ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ новымъ годомъ искреннее свое поздравленіе, сердечно желая тебѣ и въ томъ, и другомъ въ сугубой мѣрѣ участвовать. Въ проступкѣ своемъ не осмѣливаюсь я просить у тебя, возлюбленный благодѣтель, прощенія, ибо, по совѣсти, недостойнымъ себя почитаю такой милости, но хотя позволь мнѣ за дружескія твои благодѣянія обнять колѣни свои и донесть при-

*) Графиня А. Р. Чернышева.

**) Е. И. Голенищева-Кутузова.

58. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 23 ноября, 1790.

Любезнѣйшій другъ!

Письмо твое отъ $\frac{24\text{ ноября}}{4\text{ декабря}}$ съ приложенными получилъ исправно. Давно уже не писалъ я къ тебѣ, сердечный другъ мой. Всіо день за день. И теперь не могу писать много; очень ослабѣвъ послѣ бани, и однако-жъ спѣша ѣхать съ двора, долженъ будучи ѣхать къ графинѣ Аннѣ Родіоновнѣ *), которая вчерась была у насъ, хотѣла меня видѣть, но не было меня дома. Прилагаю письмо отъ Катерины Ильинишны **). Впредь пространнѣе писать буду. Піеса, о которой ты забылъ, называется „Von der Magia des Glaubens“ и я просилъ другихъ того же писателя. Прощай.

59. А. И. ВЕРЕВКИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Польша]. 31 декабря, 1790.

Сильно завѣщаніе твое, сердечный другъ мой Алексѣй Михайловичъ, которымъ ты меня обязалъ, чтобъ увѣдомлять тебя о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ на югѣ и сѣверѣ, ибо въ неисполненіи онаго укоряетъ меня совѣсть и, чѣмъ болѣе проходитъ время въ молчаніи моемъ, тѣмъ вящше возбуждаетъ она во внутренности моей безпокойство, подобно какъ бы кто ударялъ колючимъ терніемъ въ сердце, приводя на мысль сіи слова: «днесь, аще гласъ Господень услышите, не ожесточите сердецъ вашихъ». Что я толь долго не писалъ къ тебѣ, въ томъ я виноватъ, возлюбленный мой другъ! Причиною тому страхъ или, лучше прямо сказать, невѣрствіе мое въ разсужденіи нынѣшнихъ обстоятельствъ, а также и лѣность моя, происходящая отъ слабости здоровья, къ тому способствовали и прочіе недосуги; но однако-жъ весьма часто и почти каждый день воспоминаю о тебѣ, дражайшій! Не зная-жъ мѣста пребыванія твоего, писалъ въ Москву, и сколь же обрадовался, узнавши оное. Итакъ, предавъ все подъ защиту Всемогущаго, хотя въ слабой моей вѣрѣ, что безъ воли Его не спадетъ ни одинъ волосъ съ головы, принялъ намѣреніе писать къ тебѣ, вселюбезный другъ, и принесть чрезъ сіе съ прошедшимъ великимъ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ новымъ годомъ искреннее свое поздравленіе, сердечно желая тебѣ и въ томъ, и другомъ въ сугубой мѣрѣ участвовать. Въ проступкѣ своемъ не осмѣливаюсь я просить у тебя, возлюбленный благодѣтель, прощенія, ибо, по совѣсти, недостойнымъ себя почитаю такой милости, но хотя позволь мнѣ за дружескія твои благодѣянія обнять колѣни свои и донесть при-

*) Графиня А. Р. Чернышева.

**) Е. И. Голенищева-Кутузова.

томъ, что я, по бл[агости Божіей], живу еще въ сей горестной юдолѣ, претерпѣвая брани и нестроенія внутрь и внѣ отъ трехъ сильныхъ враговъ, а именно: отъ дьявола, міра-духа и собственной своей самости, которая поистинѣ величайшій и опаснѣйшій паче первыхъ двухъ, понеже оба сіи безъ согласія оной не могутъ сами собою причинить человѣку никакого вреда, но токмо побуждаютъ къ тому собственную его свободную волю, или похотію плотскою, или похотію очесъ, или гордостію житейскою, какъ я, по бл[агости Божіей], самъ надъ собою дознаю. Отъ перваго нерѣдко страдаю я въ плѣну вавилонскомъ, а второй держитъ меня въ домѣ египетскія работы, третій же, прелюбодѣйствуя съ богами чуждыми, или строитъ самъ себѣ вавилонскій столпъ, или производитъ самъ себя въ антихриста и лживаго пророка. Со всѣхъ сторонъ тѣсно мнѣ, многоразличныя воли терзаютъ меня, я мучусь въ адѣ! О, Боже, ниспошли мнѣ бѣдному помощь свою! Чистосердечно признаюсь тебѣ, дражайшій другъ, что плоть и кровь моя ужасается еще узкихъ вратъ и тѣснаго пути и доселѣ еще наносимое мнѣ отъ міра презрѣніе очень оскорбляетъ, еще причиняемыя мнѣ имъ обиды съ великимъ страданіемъ ношу, еще гоненій его, предстоящихъ бѣдствій и напастей весьма страшусь, ибо не имѣю толико въ себѣ силы, чтобъ могъ отвергнуться самаго себя, всей своей злой воли, проклятой самости! Но при первомъ случаѣ, хотя немного важнѣе, падаю — вспомня-жъ, по бл[агости Божіей], сказанное Спасителемъ: «Иже не носитъ креста своего и вслѣдъ Мене не грядетъ, не можетъ Мой быть ученикъ», не желаю съ міромъ идти пространнымъ путемъ, вводящимъ въ погибель вѣчную, лучше пусть погибнетъ душа на узкомъ здѣсь; ибо Св. писаніе удостовѣряетъ: «вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести». Ему же единому всепремудрому, всеблагому и всемилостивому да будетъ хвала, слава, честь и благодареніе нынѣ и въ безконечныя вѣчности вѣчностей. Аминь!

Увѣдомляю тебя, возлюбленный другъ, что въ одной нашей губерніи находится нынѣ, кромѣ трехъ гарнизонныхъ баталіоновъ и пр. командъ, 9 полевыхъ полковъ и 1 гренадерской баталіонъ, въ томъ числѣ 7 конныхъ. Польша весьма покойна, посломъ тамъ на мѣсто графа Стакельберга г-нъ Булгаковъ, котораго поляки очень полюбили. 29 октября Килія взята нашими войсками, и въ ней 2,000 плѣнено турокъ и 30 пушекъ въ добычу досталось. Съ нашей стороны убито подъ нею болѣе 700 человѣкъ, и тяжело раненый генералъ-аншефъ Миллеръ въ 6 день умеръ. Послѣ того взяты генералъ-маіоромъ де-Рибасомъ Тульча и Исакчи, истреблена вся турецкая флотилія на Дунаѣ, устье его занято нашими кораблями и пр. судами; итакъ, мы нынѣ господствуемъ въ той части на водахъ оной рѣки.

томъ, что я, по бл[агости Божіей], живу еще въ сей горестной юдолѣ, претерпѣвая брани и нестроенія внутрь и внѣ отъ трехъ сильныхъ враговъ, а именно: отъ дьявола, міра-духа и собственной своей самости, которая поистинѣ величайшій и опаснѣйшій паче первыхъ двухъ, понеже оба сіи безъ согласія оной не могутъ сами собою причинить человѣку никакого вреда, но токмо побуждаютъ къ тому собственную его свободную волю, или похотію плотскою, или похотію очесъ, или гордостію житейскою, какъ я, по бл[агости Божіей], самъ надъ собою дознаю. Отъ перваго нерѣдко страдаю я въ плѣну вавилонскомъ, а второй держитъ меня въ домѣ египетскія работы, третій же, прелюбодѣйствуя съ богами чуждыми, или строитъ самъ себѣ вавилонскій столпъ, или производитъ самъ себя въ антихриста и лживаго пророка. Со всѣхъ сторонъ тѣсно мнѣ, многоразличныя воли терзаютъ меня, я мучусь въ адѣ! О, Боже, ниспошли мнѣ бѣдному помощь свою! Чистосердечно признаюсь тебѣ, дражайшій другъ, что плоть и кровь моя ужасается еще узкихъ вратъ и тѣснаго пути и доселѣ еще наносимое мнѣ отъ міра презрѣніе очень оскорбляетъ, еще причиняемыя мнѣ имъ обиды съ великимъ страданіемъ ношу, еще гоненій его, предстоящихъ бѣдствій и напастей весьма страшусь, ибо не имѣю толико въ себѣ силы, чтобъ могъ отвергнуться самаго себя, всей своей злой воли, проклятой самости! Но при первомъ случаѣ, хотя немного важнѣе, падаю — вспомня-жъ, по бл[агости Божіей], сказанное Спасителемъ: «Иже не носитъ креста своего и вслѣдъ Мене не грядетъ, не можетъ Мой быть ученикъ», не желаю съ міромъ идти пространнымъ путемъ, вводящимъ въ погибель вѣчную, лучше пусть погибнетъ душа на узкомъ здѣсь; ибо Св. писаніе удостовѣряетъ: «вѣренъ же Богъ, иже не оставитъ васъ искуситися паче, еже можете, но сотворитъ со искушеніемъ и избытіе, яко возмощи вамъ понести». Ему же единому всепремудрому, всеблагому и всемилостивому да будетъ хвала, слава, честь и благодареніе нынѣ и въ безконечныя вѣчности вѣчностей. Аминь!

Увѣдомляю тебя, возлюбленный другъ, что въ одной нашей губерніи находится нынѣ, кромѣ трехъ гарнизонныхъ баталіоновъ и пр. командъ, 9 полевыхъ полковъ и 1 гренадерской баталіонъ, въ томъ числѣ 7 конныхъ. Польша весьма покойна, посломъ тамъ на мѣсто графа Стакельберга г-нъ Булгаковъ, котораго поляки очень полюбили. 29 октября Килія взята нашими войсками, и въ ней 2,000 плѣнено турокъ и 30 пушекъ въ добычу досталось. Съ нашей стороны убито подъ нею болѣе 700 человѣкъ, и тяжело раненый генералъ-аншефъ Миллеръ въ 6 день умеръ. Послѣ того взяты генералъ-маіоромъ де-Рибасомъ Тульча и Исакчи, истреблена вся турецкая флотилія на Дунаѣ, устье его занято нашими кораблями и пр. судами; итакъ, мы нынѣ господствуемъ въ той части на водахъ оной рѣки.

Славнаго Баталъ-бел, состоящаго въ 40,000 во время переправы его чрезъ рѣку Кубань, генералъ-маіоръ Германъ, будучи въ 4,000, разбилъ и взялъ въ полонъ самаго его, 3,000 челов., 30 пушекъ и весь обозъ. 26 декабря проѣхалъ чрезъ Могилевъ ко двору съ извѣстіемъ отъ свѣтлѣйшаго князя курьеромъ г-нъ полковникъ Зубовъ, что 11 сего мѣсяца взятъ генералъ-аншефомъ графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ городъ Измаилъ. Съ нашей стороны убито подъ онымъ 2000 да ранено: тяжело 2,000 и легко 2,000 человѣкъ; колоножные командиры штабъ и оберъ офицеры многіе ранены, а нѣкоторые убиты. Съ турецкой стороны изъ находящагося тамъ гарнизону убито 25,000, въ плѣнъ взято 10,000 человѣкъ, 180 мѣдныхъ пушекъ на станкахъ досталось тамъ и на 35,000 человѣкъ на мѣсяцъ провіанту; городъ же весь разграбленъ.

Поздравляю тебя, дражайшій, съ шведскимъ миромъ; даруй, Боже, и съ туркомъ заключить оный скорѣй, да чтобъ и вездѣ мирно было. Увѣдоми, пожалуй, меня, писать-ли къ тебѣ и куда. Прости! Цѣлую тебя, возлюбленный другъ; съ сердечною любовію въ мысляхъ, съ достодолжнымъ моимъ почитаніемъ, искренною преданностію пребываю на всю жизнь твоимъ вѣрнымъ другомъ и всепокорнымъ слугою

Андрей Веревкинъ.

P. S. Любезному другу Михайлѣ Ивановичу Багрянскому свидѣтельствую истинное мое почтеніе и съ любовію въ мысляхъ цѣлую.

60. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 31 декабря — 11 января, 1790 (20 января, 1791).

Дражайшій другъ! Письмо твое, сердечный мой другъ, получилъ и благодарю тебя за оное. Поздравляю тебя сердечно съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова; дай, Боже, мой другъ, чтобъ ты возмогъ праздновать сей праздникъ въ самомъ себѣ не фигурально, но существенно. Равнымъ образомъ поздравляю тебя съ новымъ годомъ, желаю тебѣ обновленія внутри и всѣхъ благъ совнѣ, и дабы съ симъ новымъ годомъ наши соотчичи получили новый смыслъ и новыя понятія; дабы они, отворя очи, познали свои заблужденія и престали гоняться за пустыми мечтами, которыя въ самое то время, когда уже мы думаемъ ухватить ихъ, исчезаютъ въ нашихъ рукахъ. Я увѣренъ, что съ сею перемѣною перемѣнили бы они и мнѣніе свое о тѣхъ, которыхъ гонятъ и ругаютъ несправедливо, но да будетъ воля Создавшаго вся. — О полицейской справкѣ въ разсужденіи меня знаю я не изъ письма, но отъ одного проѣзжаго. Надлежитъ тебѣ знать, что меня не искали въ Москвѣ, но спрашивали, какъ скоро возвращусь и куда выѣду. Проѣзжій же слышалъ сіе отъ Ивана Крапивина, служащаго

Славнаго Баталъ-бел, состоящаго въ 40,000 во время переправы его чрезъ рѣку Кубань, генералъ-маіоръ Германъ, будучи въ 4,000, разбилъ и взялъ въ полонъ самаго его, 3,000 челов., 30 пушекъ и весь обозъ. 26 декабря проѣхалъ чрезъ Могилевъ ко двору съ извѣстіемъ отъ свѣтлѣйшаго князя курьеромъ г-нъ полковникъ Зубовъ, что 11 сего мѣсяца взятъ генералъ-аншефомъ графомъ Суворовымъ-Рымникскимъ городъ Измаилъ. Съ нашей стороны убито подъ онымъ 2000 да ранено: тяжело 2,000 и легко 2,000 человѣкъ; колоножные командиры штабъ и оберъ офицеры многіе ранены, а нѣкоторые убиты. Съ турецкой стороны изъ находящагося тамъ гарнизону убито 25,000, въ плѣнъ взято 10,000 человѣкъ, 180 мѣдныхъ пушекъ на станкахъ досталось тамъ и на 35,000 человѣкъ на мѣсяцъ провіанту; городъ же весь разграбленъ.

Поздравляю тебя, дражайшій, съ шведскимъ миромъ; даруй, Боже, и съ туркомъ заключить оный скорѣй, да чтобъ и вездѣ мирно было. Увѣдоми, пожалуй, меня, писать-ли къ тебѣ и куда. Прости! Цѣлую тебя, возлюбленный другъ; съ сердечною любовію въ мысляхъ, съ достодолжнымъ моимъ почитаніемъ, искренною преданностію пребываю на всю жизнь твоимъ вѣрнымъ другомъ и всепокорнымъ слугою

Андрей Веревкинъ.

P. S. Любезному другу Михайлѣ Ивановичу Багрянскому свидѣтельствую истинное мое почтеніе и съ любовію въ мысляхъ цѣлую.

60. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 31 декабря — 11 января, 1790 (20 января, 1791).

Дражайшій другъ! Письмо твое, сердечный мой другъ, получилъ и благодарю тебя за оное. Поздравляю тебя сердечно съ прошедшимъ праздникомъ Рождества Христова; дай, Боже, мой другъ, чтобъ ты возмогъ праздновать сей праздникъ въ самомъ себѣ не фигурально, но существенно. Равнымъ образомъ поздравляю тебя съ новымъ годомъ, желаю тебѣ обновленія внутри и всѣхъ благъ совнѣ, и дабы съ симъ новымъ годомъ наши соотчичи получили новый смыслъ и новыя понятія; дабы они, отворя очи, познали свои заблужденія и престали гоняться за пустыми мечтами, которыя въ самое то время, когда уже мы думаемъ ухватить ихъ, исчезаютъ въ нашихъ рукахъ. Я увѣренъ, что съ сею перемѣною перемѣнили бы они и мнѣніе свое о тѣхъ, которыхъ гонятъ и ругаютъ несправедливо, но да будетъ воля Создавшаго вся. — О полицейской справкѣ въ разсужденіи меня знаю я не изъ письма, но отъ одного проѣзжаго. Надлежитъ тебѣ знать, что меня не искали въ Москвѣ, но спрашивали, какъ скоро возвращусь и куда выѣду. Проѣзжій же слышалъ сіе отъ Ивана Крапивина, служащаго

нынѣ у Н. Ивановича *), и который, во время жизни покойной моей тетки, былъ моимъ лакеемъ. Что же изъ моихъ писемъ усмотрѣли несогласіе мнѣній моихъ со мнѣніями нещастнаго моего друга **), сему я вѣрю; однако-жъ сіе ни мало не успокаиваетъ меня, ибо пословица не потеряла еще своей силы: «безъ вины виноватъ;» напротивъ того, мы видѣли событіе ея на самихъ насъ. Вчерась былъ я у одного пріятеля, онъ далъ мнѣ книгу подъ названіемъ: „De l'origine des usages, des abus, des quantités et des mélanges de la raison de la foi". Книгу сію хвалитъ онъ очень, я еще не читалъ оныя, да и достать трудно, но постараюсь. Я думаю, что вы въ Москвѣ сыщите оную. Прости, сердечный другъ, цѣлую тебя и всѣхъ.

61. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 31 декабря — 11 января, 1790. — № 30 (20 января, 1791).

Сердечный другъ! Благодарю за ваше письмо; поздравляю васъ съ праздникомъ Рождества Христова; желаю, чтобы вы возмогли торжествовать сей праздникъ во внутренности вашей существенно, а не фигурально; равнымъ образомъ поздравляю и съ наступающимъ новымъ годомъ, желаю вамъ обновленія ветхаго на новое. Я слышу, что любезный мой Карамзинъ произвелъ себя въ авторы и издаетъ журналъ для просвѣщенія нашего отечества. Признаюсь, что его „Объявленіе" поразило мое сердце, но не мало такъ же удивился и тому, что М. Матв. ***) будетъ участвовать въ томъ. Пожалуйте, скажите мнѣ, что все сіе значитъ, что молодой человѣкъ, снявъ узду, намѣренъ рыскать на полѣ пустыя славы? Сіе больно мнѣ, но не удивляетъ меня; но ежели мужъ важный и степенный одобряетъ такого юношу, сіе приводитъ меня въ изумленіе. Я написалъ-было письмо отъ неизвѣстнаго человѣка къ журналисту, но боюсь, не ѣдко-ли оно, и для того сообщаю вамъ онос. Поступите съ нимъ, какъ вамъ угодно. Вотъ оно:

Forgive me this my virtue
For in the fatness of these pursy times
Virtue itself of vice must pardon beg,
Yea, curb and woo for leave to do him good.

Shakespeare.

Мнѣ минетъ скоро двадцать пять лѣтъ. Въ древнія времена сей возрастъ почитали едва-ли не ребячьимъ. Въ самомъ нашемъ отечествѣ въ прошедшія столѣтія около сихъ лѣтъ не заслуживалъ никто законныя

*) Н. И. Новиковъ.
**) А. Н. Радищевъ.
***) М. М. Херасковъ.

нынѣ у Н. Ивановича *), и который, во время жизни покойной моей тетки, былъ моимъ лакеемъ. Что же изъ моихъ писемъ усмотрѣли несогласіе мнѣній моихъ со мнѣніями нещастнаго моего друга **), сему я вѣрю; однако-жъ сіе ни мало не успокаиваетъ меня, ибо пословица не потеряла еще своей силы: «безъ вины виноватъ;» напротивъ того, мы видѣли событіе ея на самихъ насъ. Вчерась былъ я у одного пріятеля, онъ далъ мнѣ книгу подъ названіемъ: „De l'origine des usages, des abus, des quantités et des mélanges de la raison de la foi". Книгу сію хвалитъ онъ очень, я еще не читалъ оныя, да и достать трудно, но постараюсь. Я думаю, что вы въ Москвѣ сыщите оную. Прости, сердечный другъ, цѣлую тебя и всѣхъ.

61. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 31 декабря — 11 января, 1790. — № 30 (20 января, 1791).

Сердечный другъ! Благодарю за ваше письмо; поздравляю васъ съ праздникомъ Рождества Христова; желаю, чтобы вы возмогли торжествовать сей праздникъ во внутренности вашей существенно, а не фигурально; равнымъ образомъ поздравляю и съ наступающимъ новымъ годомъ, желаю вамъ обновленія ветхаго на новое. Я слышу, что любезный мой Карамзинъ произвелъ себя въ авторы и издаетъ журналъ для просвѣщенія нашего отечества. Признаюсь, что его „Объявленіе" поразило мое сердце, но не мало такъ же удивился и тому, что М. Матв. ***) будетъ участвовать въ томъ. Пожалуйте, скажите мнѣ, что все сіе значитъ, что молодой человѣкъ, снявъ узду, намѣренъ рыскать на полѣ пустыя славы? Сіе больно мнѣ, но не удивляетъ меня; но ежели мужъ важный и степенный одобряетъ такого юношу, сіе приводитъ меня въ изумленіе. Я написалъ-было письмо отъ неизвѣстнаго человѣка къ журналисту, но боюсь, не ѣдко-ли оно, и для того сообщаю вамъ онос. Поступите съ нимъ, какъ вамъ угодно. Вотъ оно:

Forgive me this my virtue
For in the fatness of these pursy times
Virtue itself of vice must pardon beg,
Yea, curb and woo for leave to do him good.

Shakespeare.

Мнѣ минетъ скоро двадцать пять лѣтъ. Въ древнія времена сей возрастъ почитали едва-ли не ребячьимъ. Въ самомъ нашемъ отечествѣ въ прошедшія столѣтія около сихъ лѣтъ не заслуживалъ никто законныя

*) Н. И. Новиковъ.
**) А. Н. Радищевъ.
***) М. М. Херасковъ.

довѣренности; всѣ крѣпости, обязательства и записи таковаго несозрѣлаго юноши — здѣсь принужденъ повторить сіе постылое слово, ибо такъ называли ихъ наши предки, — были недѣйствительны. У нашихъ праотцевъ не было оранжереи ни для физическихъ, ниже для нравственныхъ растеній. Тѣсно ограниченное просвѣщеніе представляло[сь] имъ совершенною невозможностію, чтобы юноша, не знающій человѣка вообще, не знающій нравственныхъ свойствъ своихъ согражданъ, не свѣдущій законовъ и политическихъ связей своего отечества, могъ преподать какое-либо полезное наставленіе. Непрестанно твердили: учись и пріобрѣтай искусство учить, повинуйся и содѣлывайся способнымъ повелѣвать. Странныя варварскія правила! Правда, сіи варвары, надлежитъ отдать справедливость, были здравы и тѣломъ, и душою; всѣ ихъ дѣянія носили на себѣ клеймо силы и твердости, но вотъ и все то, чѣмъ они могли хвалиться, — сколь же сіе маловажно! Всѣ достоинства ихъ проистекали изъ единыя природы, ибо не было еще у нихъ произведеній искусства и хитрости. Жалости достойные бѣдняки! Не можно и подумать безъ смѣха; они не стыдились свойства разума уподоблять растеніямъ, говоря: плоды, взросшія на парникахъ, хотя и скоро поспѣваютъ, не имѣютъ однако-жъ зрѣлости и вкуса тѣхъ, которыя возращаетъ и созрѣваетъ сама природа, суть нездравы и отзываются навозомъ; точно то же бываетъ и съ произведеніями разума, понужденными къ дѣйствію не натурою, но хитростію. Но оставимъ сихъ грубыхъ невѣждъ; нѣчто подобное сему видимъ мы нынѣ токмо между нѣкоторыми крестьянами. О, сколь мы счастливы, государь мой, что не живемъ въ семъ вѣкѣ, налагавшемъ столь тяжкія оковы на разумы человѣческіе! Въ прошедшія времена желающему заслужить въ мірѣ нѣкоторое имя надлежало имѣть самое существо дарованія, но много-ли же сихъ людей въ мірѣ? Сократы, Платоны, Солоны, Ликурги, Титы и Петры не родятся на подобіе грибовъ въ дождливое лѣто. Въ нашемъ XVIII, въ семъ просвѣщенномъ столѣтіи такія пустыя бредни потеряли всю силу; мы пользуемся драгоцѣнною свободою, нужно только умѣть читать и писать — бумаги у насъ довольно; нужно только, кажется, быть писателемъ, и будемъ, конечно, не изъ послѣднихъ. Извините, государь мой, ежели въ самомъ уже началѣ удалился, отъ цѣли моего письма; возможно-ли воздержаться, говоря о сей привлекательной матеріи? Итакъ, возвращаюсь туды, откуда началъ; мнѣ теперь скоро двадцать пять лѣтъ минетъ. Замѣтьте сіе прекрасное новомодное рондо.

Хотя вы могли усмотрѣть сіе изъ прошедшаго, мы скачемъ съ чрезвычайною легкостію на воздушномъ полѣ нашихъ нравственныхъ познаній, — правда, нерѣдко дѣлаемся и калѣками, — но наше физическое состояніе и теченіе времени не повинуются всеоблегчающей философіи;

довѣренности; всѣ крѣпости, обязательства и записи таковаго несозрѣлаго юноши — здѣсь принужденъ повторить сіе постылое слово, ибо такъ называли ихъ наши предки, — были недѣйствительны. У нашихъ праотцевъ не было оранжереи ни для физическихъ, ниже для нравственныхъ растеній. Тѣсно ограниченное просвѣщеніе представляло[сь] имъ совершенною невозможностію, чтобы юноша, не знающій человѣка вообще, не знающій нравственныхъ свойствъ своихъ согражданъ, не свѣдущій законовъ и политическихъ связей своего отечества, могъ преподать какое-либо полезное наставленіе. Непрестанно твердили: учись и пріобрѣтай искусство учить, повинуйся и содѣлывайся способнымъ повелѣвать. Странныя варварскія правила! Правда, сіи варвары, надлежитъ отдать справедливость, были здравы и тѣломъ, и душою; всѣ ихъ дѣянія носили на себѣ клеймо силы и твердости, но вотъ и все то, чѣмъ они могли хвалиться, — сколь же сіе маловажно! Всѣ достоинства ихъ проистекали изъ единыя природы, ибо не было еще у нихъ произведеній искусства и хитрости. Жалости достойные бѣдняки! Не можно и подумать безъ смѣха; они не стыдились свойства разума уподоблять растеніямъ, говоря: плоды, взросшія на парникахъ, хотя и скоро поспѣваютъ, не имѣютъ однако-жъ зрѣлости и вкуса тѣхъ, которыя возращаетъ и созрѣваетъ сама природа, суть нездравы и отзываются навозомъ; точно то же бываетъ и съ произведеніями разума, понужденными къ дѣйствію не натурою, но хитростію. Но оставимъ сихъ грубыхъ невѣждъ; нѣчто подобное сему видимъ мы нынѣ токмо между нѣкоторыми крестьянами. О, сколь мы счастливы, государь мой, что не живемъ въ семъ вѣкѣ, налагавшемъ столь тяжкія оковы на разумы человѣческіе! Въ прошедшія времена желающему заслужить въ мірѣ нѣкоторое имя надлежало имѣть самое существо дарованія, но много-ли же сихъ людей въ мірѣ? Сократы, Платоны, Солоны, Ликурги, Титы и Петры не родятся на подобіе грибовъ въ дождливое лѣто. Въ нашемъ XVIII, въ семъ просвѣщенномъ столѣтіи такія пустыя бредни потеряли всю силу; мы пользуемся драгоцѣнною свободою, нужно только умѣть читать и писать — бумаги у насъ довольно; нужно только, кажется, быть писателемъ, и будемъ, конечно, не изъ послѣднихъ. Извините, государь мой, ежели въ самомъ уже началѣ удалился, отъ цѣли моего письма; возможно-ли воздержаться, говоря о сей привлекательной матеріи? Итакъ, возвращаюсь туды, откуда началъ; мнѣ теперь скоро двадцать пять лѣтъ минетъ. Замѣтьте сіе прекрасное новомодное рондо.

Хотя вы могли усмотрѣть сіе изъ прошедшаго, мы скачемъ съ чрезвычайною легкостію на воздушномъ полѣ нашихъ нравственныхъ познаній, — правда, нерѣдко дѣлаемся и калѣками, — но наше физическое состояніе и теченіе времени не повинуются всеоблегчающей философіи;

итакъ, легко можете себѣ представить, что не въ единое мгновеніе достигъ я сего нынѣшняго моего возраста и что, безъ сомнѣнія, я былъ нѣкогда моложе. Ежели усомнитесь въ истинѣ сказаннаго, то прошу принять на себя трудъ справиться съ метрическими книгами нашего прихода. Мое воспитаніе не отличалось ничѣмъ отъ прочаго нашего дворянства воспитанія: научили меня болтать по-французски и нѣмецки; на сихъ двухъ языкахъ имѣлъ я счастіе читать множество романовъ,— на грубомъ россійскомъ языкѣ сказка, — имѣетъ весьма обширное значеніе слово романъ, — такъ что изъ тысячи книгъ едвали найдутся двѣ, которыя бы не подошли подъ сію главу, не взирая на то, что въ заглавіи поставляются: „Философическое того и того разсмотрѣніе“, „Исторія человѣческаго рода“, „Наука быть счастливымъ“, „Первоначальное происхожденіе наукъ и художествъ“, „Исторія такого или такого государства или государя“ и проч. и проч. Сіе дѣлается единственно изъ любви къ премѣнѣ, дабы не наскучить всегдашнимъ употребленіемъ одного названія, и для надобности отличать одинъ романъ отъ другаго. Наставники мои были чужестранцы; нѣкоторые изъ нихъ на себѣ носили знаки отличія, но по особенной скромности носили оные подъ одеждами на тѣлѣ. Сіи знаки суть не маловажны — іероглифы, изображающіе нѣкоторое растеніе, упоминаемое въ Священномъ Писаніи, и которое въ своей красотѣ превосходитъ великолѣпіе Соломона. Отъ сихъ моихъ учителей позналъ я истинное состояніе моего отечества, между прочимъ и то, что моимъ соотчичамъ недостаетъ еще просвѣщенія, что предубѣжденіе ихъ простирается такъ далеко, что нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ слѣпо всему, что сказано въ Священномъ Писаніи. Окончивъ симъ образомъ курсъ моихъ наукъ, вступилъ я на позорище міра, познакомился съ нашими учеными и остроумными журналистами, и отъ сего родилась во мнѣ охота записаться въ ихъ благородный цехъ. И такъ, рѣшился твердо писать, хотя и самъ еще не зналъ что́; отправился я въ чужіе краи, зная, что сіе придастъ не малую важность будущимъ моимъ сочиненіямъ. Съ симъ намѣреніемъ проскакалъ я чрезъ нѣкоторую часть Европы, посвящая, подобно вашему другу, мое вниманіе натурѣ и человѣку, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, записывая то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ. Окончивъ курьерскую мою поѣздку, возвратился въ мое отечество весьма уже незадолго предъ разрѣшеніемъ отъ авторской моей беременности. Все уже было готово, какъ вдругъ послали меня на проклятую китайскую границу, гдѣ о печатаніи книгъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Представьте же себѣ, государь мой, мое несносное состояніе быть принуждену носить несносное бремя и не имѣть надежды разродиться скоро. Признаюсь, я начиналъ уже предаваться отчаянію, не столько въ разсужденіи самого меня, какъ въ разсужденіи моего отечества,

итакъ, легко можете себѣ представить, что не въ единое мгновеніе достигъ я сего нынѣшняго моего возраста и что, безъ сомнѣнія, я былъ нѣкогда моложе. Ежели усомнитесь въ истинѣ сказаннаго, то прошу принять на себя трудъ справиться съ метрическими книгами нашего прихода. Мое воспитаніе не отличалось ничѣмъ отъ прочаго нашего дворянства воспитанія: научили меня болтать по-французски и нѣмецки; на сихъ двухъ языкахъ имѣлъ я счастіе читать множество романовъ,— на грубомъ россійскомъ языкѣ сказка, — имѣетъ весьма обширное значеніе слово романъ, — такъ что изъ тысячи книгъ едвали найдутся двѣ, которыя бы не подошли подъ сію главу, не взирая на то, что въ заглавіи поставляются: „Философическое того и того разсмотрѣніе“, „Исторія человѣческаго рода“, „Наука быть счастливымъ“, „Первоначальное происхожденіе наукъ и художествъ“, „Исторія такого или такого государства или государя“ и проч. и проч. Сіе дѣлается единственно изъ любви къ премѣнѣ, дабы не наскучить всегдашнимъ употребленіемъ одного названія, и для надобности отличать одинъ романъ отъ другаго. Наставники мои были чужестранцы; нѣкоторые изъ нихъ на себѣ носили знаки отличія, но по особенной скромности носили оные подъ одеждами на тѣлѣ. Сіи знаки суть не маловажны — іероглифы, изображающіе нѣкоторое растеніе, упоминаемое въ Священномъ Писаніи, и которое въ своей красотѣ превосходитъ великолѣпіе Соломона. Отъ сихъ моихъ учителей позналъ я истинное состояніе моего отечества, между прочимъ и то, что моимъ соотчичамъ недостаетъ еще просвѣщенія, что предубѣжденіе ихъ простирается такъ далеко, что нѣкоторые изъ нихъ вѣрятъ слѣпо всему, что сказано въ Священномъ Писаніи. Окончивъ симъ образомъ курсъ моихъ наукъ, вступилъ я на позорище міра, познакомился съ нашими учеными и остроумными журналистами, и отъ сего родилась во мнѣ охота записаться въ ихъ благородный цехъ. И такъ, рѣшился твердо писать, хотя и самъ еще не зналъ что́; отправился я въ чужіе краи, зная, что сіе придастъ не малую важность будущимъ моимъ сочиненіямъ. Съ симъ намѣреніемъ проскакалъ я чрезъ нѣкоторую часть Европы, посвящая, подобно вашему другу, мое вниманіе натурѣ и человѣку, преимущественно предъ всѣмъ прочимъ, записывая то, что видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, думалъ и мечталъ. Окончивъ курьерскую мою поѣздку, возвратился въ мое отечество весьма уже незадолго предъ разрѣшеніемъ отъ авторской моей беременности. Все уже было готово, какъ вдругъ послали меня на проклятую китайскую границу, гдѣ о печатаніи книгъ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Представьте же себѣ, государь мой, мое несносное состояніе быть принуждену носить несносное бремя и не имѣть надежды разродиться скоро. Признаюсь, я начиналъ уже предаваться отчаянію, не столько въ разсужденіи самого меня, какъ въ разсужденіи моего отечества,

лишаемаго симъ образомъ моего просвѣщенія. Но вообразите-жъ и несказанную мою радость при полученіи чрезъ одного пріятеля того „Объявленія", чрезъ которое возвѣщаете вы скорое ваше разрѣшеніе отъ подобнаго моему бремени! Всего болѣе порадовало меня то, что вы приглашаете нашу собратію присылать къ вамъ плоды ихъ невоздержанности, обѣщавъ стараться о нихъ, какъ о собственныхъ вашихъ дѣтяхъ. Теперь остается у меня одно сомнѣніе: вы, наблюдая правила благоразумныхъ благотворителей, предписываете предѣлы вашимъ благодѣяніямъ, ограничивая оныя исключеніемъ нѣкотораго рода присылаемыхъ къ вамъ младенцовъ, какъ то: «теологическихъ, мистическихъ, слишкомъ ученыхъ, педантическихъ и сухихъ». Я совершенно съ вами согласенъ, и какъ не повиноваться вашимъ мнѣніямъ, ибо видна птица по полету — что таковыя сочиненія не должны быть терпимы въ благоучрежденномъ государствѣ; но, признаюсь откровенно, я не разумѣю истиннаго значенія сихъ названій, и для того, чтобъ не прогнѣвать васъ, моего государя, присылкою чего-либо противнаго вашимъ намѣреніямъ, прошу дать мнѣ чистое и ясное понятіе о сихъ употребляемыхъ вами заглавіяхъ. Впрочемъ, получа отъ васъ отвѣтъ, не умедлю отправленіемъ моихъ произведеній, которыми, безъ великаго самолюбія сказать, я обилую. Въ ожиданіи же пребуду государя моего усердный сотрудникъ Попугай Обезьянинъ.

Si nous étions des perroquets et des singes, nous serions excusables de parler et d'agir par l'imitation de ce que nous voyons dire et faire aux autres.

62. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва, 6 января, 1791.

Любезнѣйшій другъ мой!

Сердечно благодарю тебя за послѣднее твое письмо отъ $^{3}/_{14}$ декабря. Ты обо мнѣ гораздо лучше думаешь, нежели я есмь въ самомъ дѣлѣ. Не болѣзнь моя была причиною, что я пропустилъ нѣсколько почтъ, ибо я здоровъ былъ. Нынѣ же болитъ у меня отъ простуды глазъ, и сіе мѣшаетъ мнѣ много писать; какъ скоро можно будетъ, напишу больше. Впрочемъ, всѣ твои пріятели живутъ благополучно, хотя есть такіе бездѣльники, которые говорятъ про меня и про другихъ моихъ пріятелей, что-де не дѣлаютъ-ли они уже фальшивой монеты, что даютъ иногда милостыни рублей по пяти человѣку. Какое безуміе! Какая жалостная черная злоба, какая подлость сентиментовъ въ сихъ несчастныхъ клеветникахъ! Правда, что очень мало этихъ несчастныхъ тварей, ежели еще и не одинъ, — думаю, тотъ, о коемъ я давно къ тебѣ писалъ. Но какая же глупость такъ распускать о людяхъ извѣстныхъ,

лишаемаго симъ образомъ моего просвѣщенія. Но вообразите-жъ и несказанную мою радость при полученіи чрезъ одного пріятеля того „Объявленія", чрезъ которое возвѣщаете вы скорое ваше разрѣшеніе отъ подобнаго моему бремени! Всего болѣе порадовало меня то, что вы приглашаете нашу собратію присылать къ вамъ плоды ихъ невоздержанности, обѣщавъ стараться о нихъ, какъ о собственныхъ вашихъ дѣтяхъ. Теперь остается у меня одно сомнѣніе: вы, наблюдая правила благоразумныхъ благотворителей, предписываете предѣлы вашимъ благодѣяніямъ, ограничивая оныя исключеніемъ нѣкотораго рода присылаемыхъ къ вамъ младенцовъ, какъ то: «теологическихъ, мистическихъ, слишкомъ ученыхъ, педантическихъ и сухихъ». Я совершенно съ вами согласенъ, и какъ не повиноваться вашимъ мнѣніямъ, ибо видна птица по полету — что таковыя сочиненія не должны быть терпимы въ благоучрежденномъ государствѣ; но, признаюсь откровенно, я не разумѣю истиннаго значенія сихъ названій, и для того, чтобъ не прогнѣвать васъ, моего государя, присылкою чего-либо противнаго вашимъ намѣреніямъ, прошу дать мнѣ чистое и ясное понятіе о сихъ употребляемыхъ вами заглавіяхъ. Впрочемъ, получа отъ васъ отвѣтъ, не умедлю отправленіемъ моихъ произведеній, которыми, безъ великаго самолюбія сказать, я обилую. Въ ожиданіи же пребуду государя моего усердный сотрудникъ Попугай Обезьянинъ.

Si nous étions des perroquets et des singes, nous serions excusables de parler et d'agir par l'imitation de ce que nous voyons dire et faire aux autres.

62. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва, 6 января, 1791.

Любезнѣйшій другъ мой!

Сердечно благодарю тебя за послѣднее твое письмо отъ $^{3}/_{14}$ декабря. Ты обо мнѣ гораздо лучше думаешь, нежели я есмь въ самомъ дѣлѣ. Не болѣзнь моя была причиною, что я пропустилъ нѣсколько почтъ, ибо я здоровъ былъ. Нынѣ же болитъ у меня отъ простуды глазъ, и сіе мѣшаетъ мнѣ много писать; какъ скоро можно будетъ, напишу больше. Впрочемъ, всѣ твои пріятели живутъ благополучно, хотя есть такіе бездѣльники, которые говорятъ про меня и про другихъ моихъ пріятелей, что-де не дѣлаютъ-ли они уже фальшивой монеты, что даютъ иногда милостыни рублей по пяти человѣку. Какое безуміе! Какая жалостная черная злоба, какая подлость сентиментовъ въ сихъ несчастныхъ клеветникахъ! Правда, что очень мало этихъ несчастныхъ тварей, ежели еще и не одинъ, — думаю, тотъ, о коемъ я давно къ тебѣ писалъ. Но какая же глупость такъ распускать о людяхъ извѣстныхъ,

о дворянахъ, не худшихъ, ежели и не лучшихъ, нежели тѣ, кои клевещутъ о людяхъ, которые сами или отцы ихъ имѣютъ тысячъ до тридцати доходу. Впрочемъ это натурально. Злонамѣренныхъ людей въ мірѣ больше, нежели добронамѣренныхъ; итакъ, послѣдніе должны быть гонимы.

Слава Богу, даровавшему намъ мудрую и милосердую государыню! Ежели таковыя клеветы до нея доходятъ, то, я думаю, онѣ терзаютъ ея чувствительное нѣжное сердце и въ прензящномъ разумѣ ея рождаютъ презрѣніе къ клеветникамъ. Да, слава Богу, подавшему насъ подъ державу Екатерины II! Я увѣренъ, что никогда злоба и глупость успѣха не будутъ имѣть въ ея царствѣ и сокрушатся ея прозорливостью и благоразуміемъ.

Увѣдомь меня, мой другъ, пожалуйста, есть-ли надежда, чтобъ скоро вышелъ тотъ большой ouvrage, котораго я еще не знаю, какъ назвать, который уже давно, я думаю, начатъ и по сіе время объ немъ продолжается молчаніе. Прости, болѣе писать теперь не могу.

П. Л.

Измаилъ взятъ и тридцать тысячъ войска турецкаго истреблено. Что можетъ противустоять россійскому оружію?

63. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Едва-ли ты, любезный другъ, не впервые видишь, какъ я пишу. Совѣстно мнѣ, что ты часто ко мнѣ приписываешь, а отъ меня ни строки. Благодарю тебя за памятованіе; будь здоровъ, я здоровъ. Изъ письма брата видишь, какіе нападки, и меня выставляютъ въ числѣ товарищей къ производителямъ будто бы глупостей или плутовства. Вѣстовщиковъ, вѣроятно, не больше одного, да и трудно таковымъ злодѣямъ и бездѣльцамъ быть многимъ, должно быть рѣдкой птицѣ. Но что дѣлать? Чужой ротъ не хлѣвъ, не запрешь. Правда свѣтлѣе солнца. Со временемъ все обнажится такъ, какъ и глупость клеветы и клеветниковъ, съ которыми, можетъ быть, въ свое время и объяснится путемъ тотъ, кто не любитъ торопиться. Твой вѣрный слуга

П. Лопухинъ.

Какое ожесточеніе! Какъ жалко, что и пяти или десяти-рублевое иногда подаяніе кажется страннымъ или подозрительнымъ! Что за диковинка, если-бъ это и сто разъ въ годъ случилось сдѣлать человѣку, когда въ одинъ часъ проигрываютъ въ карты многія тысячи тѣ, кои должны наблюдать за благочиніемъ. Тутъ уже явная и прямая злоба. Боже, просвѣти и помилуй сихъ несчастныхъ!

о дворянахъ, не худшихъ, ежели и не лучшихъ, нежели тѣ, кои клевещутъ о людяхъ, которые сами или отцы ихъ имѣютъ тысячъ до тридцати доходу. Впрочемъ это натурально. Злонамѣренныхъ людей въ мірѣ больше, нежели добронамѣренныхъ; итакъ, послѣдніе должны быть гонимы.

Слава Богу, даровавшему намъ мудрую и милосердую государыню! Ежели таковыя клеветы до нея доходятъ, то, я думаю, онѣ терзаютъ ея чувствительное нѣжное сердце и въ презящномъ разумѣ ея рождаютъ презрѣніе къ клеветникамъ. Да, слава Богу, подавшему насъ подъ державу Екатерины II! Я увѣренъ, что никогда злоба и глупость успѣха не будутъ имѣть въ ея царствѣ и сокрушатся ея прозорливостью и благоразуміемъ.

Увѣдомь меня, мой другъ, пожалуйста, есть-ли надежда, чтобъ скоро вышелъ тотъ большой ouvrage, котораго я еще не знаю, какъ назвать, который уже давно, я думаю, начатъ и по сіе время объ немъ продолжается молчаніе. Прости, болѣе писать теперь не могу.

П. Л.

Измаилъ взятъ и тридцать тысячъ войска турецкаго истреблено. Что можетъ противустоять россійскому оружію?

63. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Едва-ли ты, любезный другъ, не впервые видишь, какъ я пишу. Совѣстно мнѣ, что ты часто ко мнѣ приписываешь, а отъ меня ни строки. Благодарю тебя за памятованіе; будь здоровъ, я здоровъ. Изъ письма брата видишь, какіе нападки, и меня выставляютъ въ числѣ товарищей къ производителямъ будто бы глупостей или плутовства. Вѣстовщиковъ, вѣроятно, не больше одного, да и трудно таковымъ злодѣямъ и бездѣльцамъ быть многимъ, должно быть рѣдкой птицѣ. Но что дѣлать? Чужой ротъ не хлѣвъ, не запрешь. Правда свѣтлѣе солнца. Со временемъ все обнажится такъ, какъ и глупость клеветы и клеветниковъ, съ которыми, можетъ быть, въ свое время и объяснится путемъ тотъ, кто не любитъ торопиться. Твой вѣрный слуга

П. Лопухинъ.

Какое ожесточеніе! Какъ жалко, что и пяти или десяти-рублевое иногда подаяніе кажется страннымъ или подозрительнымъ! Что за диковинка, если-бъ это и сто разъ въ годъ случилось сдѣлать человѣку, когда въ одинъ часъ проигрываютъ въ карты многія тысячи тѣ, кои должны наблюдать за благочиніемъ. Тутъ уже явная и прямая злоба. Боже, просвѣти и помилуй сихъ несчастныхъ!

64. М. П. НЕВЗОРОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Гёттингенъ. 1791. (20 января).

Любезной другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

При отъѣздѣ нашемъ изъ Лейдена послали мы къ вамъ письмо, въ которомъ увѣдомили, что мы поѣхали въ Швейцарію, доѣхавъ до Страсбурга, остановились и по многократнымъ изслѣдованіямъ узнали, что въ Швейцарію ѣхать не за чѣмъ, потому что хотя тамъ и есть нѣкоторыя академіи, однако онѣ не стоютъ того, чтобы ѣхать для нихъ издалека, и сами швейцары большею частію пріѣзжаютъ учиться въ Страсбургъ. Путешественники же посѣщаютъ Швейцарію совсѣмъ не для наукъ, а только для гулянья, которое не есть предметомъ. Сіе привело насъ въ замѣшательство, и мы, оставаясь въ нерѣшеніи, не знали, куда ѣхать; думали-было остаться въ Страсбургѣ, но тамъ хирургію и повивальную науку читаютъ на нѣмецкомъ языкѣ страсбургскомъ, то есть, испорченномъ. Натуральная же исторія, по пріѣздѣ нашемъ, кончена и начнется весною съ мая, и потому мѣсяца четыре мы должны были бы прожить безъ дѣла. Хотѣли-было ѣхать въ Парижъ, но французскіе мятежи и неустройства воспрепятствовали; наконецъ, по долгомъ размышленіи рѣшились ѣхать въ Гёттингъ, и мы надѣемся, что лучшую часть избрали, потому что нынѣ Гёттингскій университетъ почитается, особливо въ разсужденіи медицины, первѣйшимъ въ Германіи. Жалѣемъ только, что прямо изъ Лейдена въ Гёттингъ не поѣхали, ибо такимъ образомъ меньше бы денегъ и времени на поѣздку истратили; но мы надѣемся, что вы простите намъ сію ошибку. Больше всего нѣмецкій языкъ, на которомъ въ Гёттингѣ всѣ даются лекціи, насъ удерживалъ. Въ Гёттингъ пріѣхали 4-го декабря и два дня спустя послѣ записались у проректора въ матрикулъ. Курсъ лекцій кончится здѣсь чрезъ полгода, и за каждый курсъ платятся деньги впередъ, за нѣкоторыя по луидору, а за нѣкоторыя по два. Зимній курсъ начался октября 18-го числа, а лѣтній начнется съ мая мѣсяца. Въ нынѣшнемъ курсѣ лекціи хотя не такъ понятны кажутся, какъ на латинскомъ языкѣ, однако я надѣюсь мѣсяца черезъ два съ большимъ успѣхомъ понимать; въ слѣдующій же курсъ надѣюсь понимать совершенно. Василій Яковлевичъ *) намѣренъ чрезъ нѣсколько дней возвратиться въ Лейденъ и тамъ пробыть до лѣта; лѣтомъ же сюда пріѣдетъ. Покорнѣйше оба просимъ во время сего временнаго раздѣленія писать къ намъ порознь. Къ Василію Яковлевичу можете писать по-прежнему въ Лейденскій университетъ, а ко мнѣ по нижеозначенному адресу. Просимъ, наконецъ, не оставить насъ деньгами, въ которыхъ намъ приходитъ немалая нужда. Естли благоволите ко мнѣ прислать деньги, то извольте прислать

*) В. Я. Колокольниковъ.

64. М. П. НЕВЗОРОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Гёттингенъ. 1791. (20 января).

Любезной другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

При отъѣздѣ нашемъ изъ Лейдена послали мы къ вамъ письмо, въ которомъ увѣдомили, что мы поѣхали въ Швейцарію, доѣхавъ до Страсбурга, остановились и по многократнымъ изслѣдованіямъ узнали, что въ Швейцарію ѣхать не за чѣмъ, потому что хотя тамъ и есть нѣкоторыя академіи, однако онѣ не стоютъ того, чтобы ѣхать для нихъ издалека, и сами швейцары большею частію пріѣзжаютъ учиться въ Страсбургъ. Путешественники же посѣщаютъ Швейцарію совсѣмъ не для наукъ, а только для гулянья, которое не есть предметомъ. Сіе привело насъ въ замѣшательство, и мы, оставаясь въ нерѣшеніи, не знали, куда ѣхать; думали-было остаться въ Страсбургѣ, но тамъ хирургію и повивальную науку читаютъ на нѣмецкомъ языкѣ страсбургскомъ, то есть, испорченномъ. Натуральная же исторія, по пріѣздѣ нашемъ, кончена и начнется весною съ мая, и потому мѣсяца четыре мы должны были бы прожить безъ дѣла. Хотѣли-было ѣхать въ Парижъ, но французскіе мятежи и неустройства воспрепятствовали; наконецъ, по долгомъ размышленіи рѣшились ѣхать въ Гёттингъ, и мы надѣемся, что лучшую часть избрали, потому что нынѣ Гёттингскій университетъ почитается, особливо въ разсужденіи медицины, первѣйшимъ въ Германіи. Жалѣемъ только, что прямо изъ Лейдена въ Гёттингъ не поѣхали, ибо такимъ образомъ меньше бы денегъ и времени на поѣздку истратили; но мы надѣемся, что вы простите намъ сію ошибку. Больше всего нѣмецкій языкъ, на которомъ въ Гёттингѣ всѣ даются лекціи, насъ удерживалъ. Въ Гёттингъ пріѣхали 4-го декабря и два дня спустя послѣ записались у проректора въ матрикулъ. Курсъ лекцій кончится здѣсь чрезъ полгода, и за каждый курсъ платятся деньги впередъ, за нѣкоторыя по луидору, а за нѣкоторыя по два. Зимній курсъ начался октября 18-го числа, а лѣтній начнется съ мая мѣсяца. Въ нынѣшнемъ курсѣ лекціи хотя не такъ понятны кажутся, какъ на латинскомъ языкѣ, однако я надѣюсь мѣсяца черезъ два съ большимъ успѣхомъ понимать; въ слѣдующій же курсъ надѣюсь понимать совершенно. Василій Яковлевичъ *) намѣренъ чрезъ нѣсколько дней возвратиться въ Лейденъ и тамъ пробыть до лѣта; лѣтомъ же сюда пріѣдетъ. Покорнѣйше оба просимъ во время сего временнаго раздѣленія писать къ намъ порознь. Къ Василію Яковлевичу можете писать по-прежнему въ Лейденскій университетъ, а ко мнѣ по нижеозначенному адресу. Просимъ, наконецъ, не оставить насъ деньгами, въ которыхъ намъ приходитъ немалая нужда. Естли благоволите ко мнѣ прислать деньги, то извольте прислать

*) В. Я. Колокольниковъ.

вексель на какого-нибудь гамбургскаго банкира, а естли можно, лейденскаго, потому что это ближайшіе къ Гёттингу купеческіе города. Василія же Яковлевича часть по-прежнему можете прислать на Амстердамъ; впрочемъ мы препоручаемъ себя вашей любви и покровительству. Вашъ покорный слуга и братъ

Максимъ Невзоровъ.

Адресъ ко мнѣ въ Гёттингъ слѣдующій: à Monsieur Newsoroff, Docteur en medecine à Goetting. Bei Heinrich David Vogt wohnhaft auf der Johannis Strasse № 134.

65. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здѣсь въ Гёттингѣ и въ Лейденѣ теперь вакація. Я намѣренъ возвратиться въ Лейденъ и пробыть тамъ зиму и весну для дослушанія нѣкоторыхъ лекцій. Отсюда Лейденъ отстоитъ не болѣе шести дней. Тамъ я безъ платежа буду ходить на лекціи, тѣмъ нѣсколько вознагражу убытокъ денегъ, которыя я на дорогу издержу. Лекціи на латинскомъ языкѣ съ большею пользою буду слушать. Максимъ же Ивановичъ останется здѣсь къ началу здѣшняго курса лекцій, которыя лѣтомъ начнутся снова. Я сюда пріѣду и, пробывши здѣсь чрезъ полугодичной курсъ (ибо курсъ здѣсь только полгода продолжается) возвратимся вмѣстѣ, естли вамъ угодно будетъ, въ Россію. Вашъ покорнѣйшій слуга

В. Колокольниковъ.

66. Е. П. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Елизаветградъ. 6 января, 1791.

Слѣдуя обыкновенію общему, поздравляю васъ съ новымъ годомъ; желаю я вамъ провести его въ совершенномъ удовольствіи. Я говорю: „слѣдуя обыкновенію“, ибо чувство дружбы моей къ вамъ, только что не новый годъ, заставляетъ меня желать вамъ всякаго благополучія; но всякій день помня объ васъ, желаю я, чтобъ вы, ежели можно человѣку, то совершенно благоденствовали. Желавъ вамъ сего, къ неудовольствію моему, увѣрена я о противномъ. Сердце ваше мнѣ знакомо. Льщусь я, что оно не перемѣнилось, и по сему чувствую, что совершенно довольны своимъ состояніемъ быть не можете. Почитая васъ душевно, бывъ привязана къ вамъ, искренно желала-бъ я, чтобъ вы были благополучны; желала-бъ, — je sens que je parle contre moi, — n'en parlons plus, mon ami, vous êtes fait pour être heureux soyez le... *).

*) Многоточіе въ подлинникѣ.

вексель на какого-нибудь гамбургскаго банкира, а естли можно, лейденскаго, потому что это ближайшіе къ Гёттингу купеческіе города. Василія же Яковлевича часть по-прежнему можете прислать на Амстердамъ; впрочемъ мы препоручаемъ себя вашей любви и покровительству. Вашъ покорный слуга и братъ

Максимъ Невзоровъ.

Адресъ ко мнѣ въ Гёттингъ слѣдующій: à Monsieur Newsoroff, Docteur en medecine à Goetting. Bei Heinrich David Vogt wohnhaft auf der Johannis Strasse № 134.

65. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здѣсь въ Гёттингѣ и въ Лейденѣ теперь вакація. Я намѣренъ возвратиться въ Лейденъ и пробыть тамъ зиму и весну для дослушанія нѣкоторыхъ лекцій. Отсюда Лейденъ отстоитъ не болѣе шести дней. Тамъ я безъ платежа буду ходить на лекціи, тѣмъ нѣсколько вознагражу убытокъ денегъ, которыя я на дорогу издержу. Лекціи на латинскомъ языкѣ съ большею пользою буду слушать. Максимъ же Ивановичъ останется здѣсь къ началу здѣшняго курса лекцій, которыя лѣтомъ начнутся снова. Я сюда пріѣду и, пробывши здѣсь чрезъ полугодичной курсъ (ибо курсъ здѣсь только полгода продолжается) возвратимся вмѣстѣ, естли вамъ угодно будетъ, въ Россію. Вашъ покорнѣйшій слуга

В. Колокольниковъ.

66. Е. П. ГОЛЕНИЩЕВА-КУТУЗОВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Елизаветградъ. 6 января, 1791.

Слѣдуя обыкновенію общему, поздравляю васъ съ новымъ годомъ; желаю я вамъ провести его въ совершенномъ удовольствіи. Я говорю: „слѣдуя обыкновенію“, ибо чувство дружбы моей къ вамъ, только что не новый годъ, заставляетъ меня желать вамъ всякаго благополучія; но всякій день помня объ васъ, желаю я, чтобъ вы, ежели можно человѣку, то совершенно благоденствовали. Желавъ вамъ сего, къ неудовольствію моему, увѣрена я о противномъ. Сердце ваше мнѣ знакомо. Льщусь я, что оно не перемѣнилось, и по сему чувствую, что совершенно довольны своимъ состояніемъ быть не можете. Почитая васъ душевно, бывъ привязана къ вамъ, искренно желала-бъ я, чтобъ вы были благополучны; желала-бъ, — je sens que je parle contre moi, — n'en parlons plus, mon ami, vous êtes fait pour être heureux soyez le... *).

*) Многоточіе въ подлинникѣ.

Простите мнѣ, я не знаю, что я говорю; можетъ быть, я вамъ досаждаю. Но съ нѣкотораго времени, я не знаю отчего, je me reproche de vous savoir si isolé comme vous êtes, vous qui méritez tant à avoir une compagne à vivre heureux; oui, mon ami, il y a des moments ou cette idée me tue de vous savoir malheureux, et malheureux par moi; il est vrai (et le bon Dieu le voit) que j'étais la cause innocente de cela: soyez heureux, tachez de pouvoir l'être, je le souhaite, — encore une fois n'en parlons plus; mon amitié pour vous ne finira qu'avec ma vie et celle que vous choisirez sera ma meilleure amie. Поговоримъ *) лучше о моихъ обстоятельствахъ. Кажется, писала я къ вамъ, что лишилась я сына, коего такъ долго дожидалась. Сама была при смерти больна жабой. Дѣти всѣ выдержали воспу. Знала штурмъ Измаильскій — и все сіе должна была выдерживать. Награждена за все Божіею милостію, что спасъ Михайла Ив[ларіоновича]. Послѣ такого жестокаго огня, каковъ сей штурмъ былъ, не только оставилъ его живого, но и здороваго. Услыша сіе, была порадована несказанно; думала, что за симъ послѣдуетъ и свиданіе съ нимъ скорое; но онъ, по обыкновенію своему, еще не ѣдетъ, хотя всѣ проѣзжавшіе генералы мнѣ сказывали, что онъ уже отпущенъ, а на мѣсто его командуетъ въ Измаилѣ Ласси, а сначала командовалъ онъ, ибо онъ вошелъ въ городъ первый. Три недѣли скоро, какъ и извѣстіе отъ него **) не имѣю; можете судить о моемъ положеніи. Оно тѣмъ скучнѣе, что дочь одна (Лизанька) очень больна, а благодѣтель мой Павелъ И. Шарой позванъ къ князю. Итакъ кастить ***) некому. Частые припадки и дружба сего человѣка сдѣлали и меня нѣсколько лѣкаремъ и такъ я сама ее лѣчу по его рецептамъ. Все сіе не дѣлаетъ состояніе мое завиднымъ. Молчаніе ваше не есть также цѣлительное средство для чувствительныхъ нервъ моихъ, которые и такъ довольно уже разстроены. Вотъ, батюшка Алексѣй Михайловичъ, положеніе друга вашего. Дай Богъ, чтобъ вы были и здоровы, и веселы. Не знаю, чему приписать молчаніе ваше. Увѣрена, что оно не происходитъ отъ того, что ****) вы забыли меня. Сего я никогда не ожидаю. Скажу вамъ про невѣсту вашу: играетъ на клавикордахъ довольно изрядно и коли-бъ не нетерпѣніе, кое она въ большомъ градусѣ имѣетъ, то была-бъ музыкантка. Богословію всего тверже знаетъ; географію и исторію изрядно; арифметику хорошо; по французски хуже всего; но сіе оттого, что учить некому; по латыни читаетъ и грамматику твердо знаетъ. Натурально очень неглупа, но вѣтрянности много и сіе меня огорчаетъ. Пышечка будетъ степеннѣе, но простѣе. Только очень будетъ учена, прилежна до крайности къ

*) Въ подлинникѣ: поговорить.

**) Въ подлинникѣ: онаго.

***) Такъ въ подлинникѣ: кастить.

****) Въ подлинникѣ вм. „что“ — итакъ

Простите мнѣ, я не знаю, что я говорю; можетъ быть, я вамъ досаждаю. Но съ нѣкотораго времени, я не знаю отчего, je me reproche de vous savoir si isolé comme vous êtes, vous qui méritez tant à avoir une compagne à vivre heureux; oui, mon ami, il y a des moments ou cette idée me tue de vous savoir malheureux, et malheureux par moi; il est vrai (et le bon Dieu le voit) que j'étais la cause innocente de cela: soyez heureux, tachez de pouvoir l'être, je le souhaite, — encore une fois n'en parlons plus; mon amitié pour vous ne finira qu'avec ma vie et celle que vous choisirez sera ma meilleure amie. Поговоримъ *) лучше о моихъ обстоятельствахъ. Кажется, писала я къ вамъ, что лишилась я сына, коего такъ долго дожидалась. Сама была при смерти больна жабой. Дѣти всѣ выдержали воспу. Знала штурмъ Измаильскій — и все сіе должна была выдерживать. Награждена за все Божіею милостію, что спасъ Михайла Ив[ларіоновича]. Послѣ такого жестокаго огня, каковъ сей штурмъ былъ, не только оставилъ его живого, но и здороваго. Услыша сіе, была порадована несказанно; думала, что за симъ послѣдуетъ и свиданіе съ нимъ скорое; но онъ, по обыкновенію своему, еще не ѣдетъ, хотя всѣ проѣзжавшіе генералы мнѣ сказывали, что онъ уже отпущенъ, а на мѣсто его командуетъ въ Измаилѣ Ласси, а сначала командовалъ онъ, ибо онъ вошелъ въ городъ первый. Три недѣли скоро, какъ и извѣстіе отъ него **) не имѣю; можете судить о моемъ положеніи. Оно тѣмъ скучнѣе, что дочь одна (Лизанька) очень больна, а благодѣтель мой Павелъ И. Шарой позванъ къ князю. Итакъ кастить ***) некому. Частые припадки и дружба сего человѣка сдѣлали и меня нѣсколько лѣкаремъ и такъ я сама ее лѣчу по его рецептамъ. Все сіе не дѣлаетъ состояніе мое завиднымъ. Молчаніе ваше не есть также цѣлительное средство для чувствительныхъ нервъ моихъ, которые и такъ довольно уже разстроены. Вотъ, батюшка Алексѣй Михайловичъ, положеніе друга вашего. Дай Богъ, чтобъ вы были и здоровы, и веселы. Не знаю, чему приписать молчаніе ваше. Увѣрена, что оно не происходитъ отъ того, что ****) вы забыли меня. Сего я никогда не ожидаю. Скажу вамъ про невѣсту вашу: играетъ на клавикордахъ довольно изрядно и коли-бъ не нетерпѣніе, кое она въ большомъ градусѣ имѣетъ, то была-бъ музыкантка. Богословію всего тверже знаетъ; географію и исторію изрядно; арифметику хорошо; по французски хуже всего; но сіе оттого, что учить некому; по латыни читаетъ и грамматику твердо знаетъ. Натурально очень неглупа, но вѣтрянности много и сіе меня огорчаетъ. Пышечка будетъ степеннѣе, но простѣе. Только очень будетъ учена, прилежна до крайности къ

*) Въ подлинникѣ: поговорить.

**) Въ подлинникѣ: онаго.

***) Такъ въ подлинникѣ: кастить.

****) Въ подлинникѣ вм. „что“ — и такъ

чтенію. Лизанька остра очень, но къ несчастію болѣзнь ей мѣшаетъ учиться. Вотъ вамъ описаніе дѣтей моихъ; знаю, что вы по дружбѣ своей ко мнѣ берете въ нихъ участіе. Есть у меня малютка Дашенька, которая рѣдкій умъ теперь имѣетъ. Но боюсь, чтобъ не была избалована, я очень къ ней пристрастна. Простите, батюшка. Напишите хотя строчку, что съ вами дѣлается, и вспомните хотя нѣсколько вашего искренняго друга.

67. А. М. КУТУЗОВЪ—П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 11/22 января, 1791.

Дражайшій другъ! По послѣднему твоему письму ожидалъ я новаго, но вотъ уже двѣ почты, а я не имѣю отъ тебя ни единыя строчки. Дай, Боже, чтобы не болѣзнь была сему причиною. Про себя тебѣ скажу, что я, слава Богу, тѣломъ довольно здоровъ, но тѣмъ больнѣе душа моя. Не печаль и не подобное сему причиною сея болѣзни, но мерзости мои, которыя, вмѣсто чтобы уменьшаться, возрастаютъ паче и паче, и сіе-то называю я душевною болѣзнью и думаю, что не ошибаюсь. Ахъ, мой другъ, ежели-бъ я только ощущалъ живо сіе состояніе, таковое ощущеніе могло бы послужить мнѣ степенью къ моему исцѣленію. Но ощущеніе кратко, а погруженіе въ бездну пороковъ постоянно и продолжительно. Воображавъ судъ *), пріиду по номеръ моего шествія! Страшно и подумать. Но не думаю о семъ; нѣтъ надежды возвратиться. Прости, мой другъ, не взыщи, что пишу мало, иду со двора попользоваться хорошею погодою, которая нынѣ такъ рѣдка, дабы разсѣять мою ипохондрію; цѣлую тебя мысленно. Поцѣлуй Петра Володиміровича **) и всѣхъ любящихъ насъ.

68. А. М. КУТУЗОВЪ—Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 11/22 января, 1791.

Любезнѣйшій другъ! Письмо ваше подъ № 32 я исправно получилъ, и сердечно благодарю за оное. Изъ сего вашего письма усматриваю, что я въ предшедшихъ моихъ худо изъяснялся. Я никогда и нимало не безпокоился въ разсужденіи меня самаго въ дѣлѣ моего друга ***), и какъ сему быть иначе? Я до того невиненъ, что даже не имѣю и понятія о содержаніи его книги; весьма странная вещь; книга приписана мнѣ, а я не видалъ ее въ глаза! Невинность моя составляетъ мое внутреннее спокойствіе. Но, мой другъ, я желалъ вѣдать, какое дѣйствіе произвела

*) Въ подлинникѣ: суду. Далѣе: пріиду по номеръ.

**) П. В. Лопухинъ.

***) А. Н. Радищевъ.

чтенію. Лизанька остра очень, но къ несчастію болѣзнь ей мѣшаетъ учиться. Вотъ вамъ описаніе дѣтей моихъ; знаю, что вы по дружбѣ своей ко мнѣ берете въ нихъ участіе. Есть у меня малютка Дашенька, которая рѣдкій умъ теперь имѣетъ. Но боюсь, чтобъ не была избалована, я очень къ ней пристрастна. Простите, батюшка. Напишите хотя строчку, что съ вами дѣлается, и вспомните хотя нѣсколько вашего искренняго друга.

67. А. М. КУТУЗОВЪ—П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 11/22 января, 1791.

Дражайшій другъ! По послѣднему твоему письму ожидалъ я новаго, но вотъ уже двѣ почты, а я не имѣю отъ тебя ни единыя строчки. Дай, Боже, чтобы не болѣзнь была сему причиною. Про себя тебѣ скажу, что я, слава Богу, тѣломъ довольно здоровъ, но тѣмъ больнѣе душа моя. Не печаль и не подобное сему причиною сея болѣзни, но мерзости мои, которыя, вмѣсто чтобы уменьшаться, возрастаютъ паче и паче, и сіе-то называю я душевною болѣзнью и думаю, что не ошибаюсь. Ахъ, мой другъ, ежели-бъ я только ощущалъ живо сіе состояніе, таковое ощущеніе могло бы послужить мнѣ степенью къ моему исцѣленію. Но ощущеніе кратко, а погруженіе въ бездну пороковъ постоянно и продолжительно. Воображавъ судъ *), пріиду по номеръ моего шествія! Страшно и подумать. Но не думаю о семъ; нѣтъ надежды возвратиться. Прости, мой другъ, не взыщи, что пишу мало, иду со двора попользоваться хорошею погодою, которая нынѣ такъ рѣдка, дабы разсѣять мою ипохондрію; цѣлую тебя мысленно. Поцѣлуй Петра Володиміровича **) и всѣхъ любящихъ насъ.

68. А. М. КУТУЗОВЪ—Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 11/22 января, 1791.

Любезнѣйшій другъ! Письмо ваше подъ № 32 я исправно получилъ, и сердечно благодарю за оное. Изъ сего вашего письма усматриваю, что я въ предшедшихъ моихъ худо изъяснялся. Я никогда и нимало не безпокоился въ разсужденіи меня самаго въ дѣлѣ моего друга ***), и какъ сему быть иначе? Я до того невиненъ, что даже не имѣю и понятія о содержаніи его книги; весьма странная вещь; книга приписана мнѣ, а я не видалъ ее въ глаза! Невинность моя составляетъ мое внутреннее спокойствіе. Но, мой другъ, я желалъ вѣдать, какое дѣйствіе произвела

*) Въ подлинникѣ: суду. Далѣе: пріиду по номеръ.
**) П. В. Лопухинъ.
***) А. Н. Радищевъ.

сія книга въ разсужденіи меня, какъ въ глазахъ правленія, такъ и въ глазахъ публики; сія послѣдняя судитъ по одной токмо наружности; быть другомъ и участвовать во всѣхъ предпріятіяхъ онаго *) есть для нихъ почти единозначущее слово. Нерѣдко и сами судьи разсуждаютъ симъ образомъ, и вѣрьте **) мнѣ, что сіи, хотя и на воздухѣ основанныя, разсужденія рѣдко остаются безъ слѣдствій; несчастный опытъ надъ самими нами довольно въ семъ увѣряетъ насъ. Сверхъ сего желалъ я также знать подробности происшествій съ нещастнымъ моимъ другомъ. Симъ именемъ буду всегда называть его, и ежели потребуютъ сего, то обязуюсь сказать сіе всенародно. Вотъ въ чемъ состояло мое желаніе. Но оставимъ сіе; видно, я не узнаю сего прежде возвращенія моего въ отечество. Жаль мнѣ, что вы не могли исполнить просьбы моей въ разсужденіи „Россійскаго Словаря“ и „Кадмуса“ ***), которыхъ я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, но видно, и сіе предоставлено къ моему возвращенію. Касательно моего возвращенія я не могу сказать ничего опредѣлительнаго, ибо по сіе время нѣтъ ничего новаго; все по старому; глубокая тишина и молчаніе царствуютъ непрерывно. Пожалуйста, скажите мнѣ, не знаете-ли вы Пинатуса ****); онъ мнѣ совершенно невзвѣстенъ; я справлялся въ моихъ запискахъ, но не нашелъ его. Совѣтъ вашъ о невъѣзжаніи въ прежній мой домъ пріемлю съ благодареніемъ, хотя и чувствительно мнѣ, что сей домъ пришелъ въ такое дурное состояніе. Надѣюсь, однако-жъ, что вы, возвратившись въ Москву, по дружбѣ вашей пріищите мнѣ приличное жилище. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, я недолго останусь въ Москвѣ, но поѣду повидаться съ моимъ братомъ *****), съ которымъ такъ уже давно разстался, и кто знаетъ, какое дѣйствіе произведетъ на меня деревенскій воздухъ, котораго я почти [лишенъ и] такъ жажду. Сасердосъ ******) занимается прежними своими упражненіями. Сомнѣнія его не только не уменьшились, но паче достигаютъ едва-ли не совершеннаго увѣренія; по крайней мѣрѣ, такъ показываютъ его разговоры, которыхъ я о сей матеріи убѣгаю по возможности. Молчаніе, о которомъ я упоминалъ, утверждаетъ его въ семъ состояніи. Надѣюсь, что могу уже поздравить васъ съ офицеромъ *******). Поцѣлуйте его за меня и поздравьте съ искреннимъ желаніемъ, чтобъ сіе могло послужить къ истинному его благу. Простите. Скоро-ли возвратитесь на старое ваше пепелище?

---

*) Въ подлинникѣ: моего.
**) Въ подлинникѣ: вѣрятъ.
***) Въ подлинникѣ: Слована и Каднуса.
****) Кн. П. Н. Трубецкой.
*****) Ф. М. Кутузовъ.
******) Бар. Шредеръ.
*******) Кн. П. Н. Трубецкой.

сія книга въ разсужденіи меня, какъ въ глазахъ правленія, такъ и въ глазахъ публики; сія послѣдняя судитъ по одной токмо наружности; быть другомъ и участвовать во всѣхъ предпріятіяхъ онаго *) есть для нихъ почти единозначущее слово. Нерѣдко и сами судьи разсуждаютъ симъ образомъ, и вѣрьте **) мнѣ, что сіи, хотя и на воздухѣ основанныя, разсужденія рѣдко остаются безъ слѣдствій; несчастный опытъ надъ самими нами довольно въ семъ увѣряетъ насъ. Сверхъ сего желалъ я также знать подробности происшествій съ нещастнымъ моимъ другомъ. Симъ именемъ буду всегда называть его, и ежели потребуютъ сего, то обязуюсь сказать сіе всенародно. Вотъ въ чемъ состояло мое желаніе. Но оставимъ сіе; видно, я не узнаю сего прежде возвращенія моего въ отечество. Жаль мнѣ, что вы не могли исполнить просьбы моей въ разсужденіи „Россійскаго Словаря“ и „Кадмуса“ ***), которыхъ я ожидалъ съ нетерпѣніемъ, но видно, и сіе предоставлено къ моему возвращенію. Касательно моего возвращенія я не могу сказать ничего опредѣлительнаго, ибо по сіе время нѣтъ ничего новаго; все по старому; глубокая тишина и молчаніе царствуютъ непрерывно. Пожалуйста, скажите мнѣ, не знаете-ли вы Пинатуса ****); онъ мнѣ совершенно невзвѣстенъ; я справлялся въ моихъ запискахъ, но не нашелъ его. Совѣтъ вашъ о невъѣзжаніи въ прежній мой домъ пріемлю съ благодареніемъ, хотя и чувствительно мнѣ, что сей домъ пришелъ въ такое дурное состояніе. Надѣюсь, однако-жъ, что вы, возвратившись въ Москву, по дружбѣ вашей пріищите мнѣ приличное жилище. Впрочемъ, какъ мнѣ кажется, я недолго останусь въ Москвѣ, но поѣду повидаться съ моимъ братомъ *****), съ которымъ такъ уже давно разстался, и кто знаетъ, какое дѣйствіе произведетъ на меня деревенскій воздухъ, котораго я почти [лишенъ и] такъ жажду. Сасердосъ ******) занимается прежними своими упражненіями. Сомнѣнія его не только не уменьшились, но паче достигаютъ едва-ли не совершеннаго увѣренія; по крайней мѣрѣ, такъ показываютъ его разговоры, которыхъ я о сей матеріи убѣгаю по возможности. Молчаніе, о которомъ я упоминалъ, утверждаетъ его въ семъ состояніи. Надѣюсь, что могу уже поздравить васъ съ офицеромъ *******). Поцѣлуйте его за меня и поздравьте съ искреннимъ желаніемъ, чтобъ сіе могло послужить къ истинному его благу. Простите. Скоро-ли возвратитесь на старое ваше пепелище?

---

*) Въ подлинникѣ: моего.
**) Въ подлинникѣ: вѣрятъ.
***) Въ подлинникѣ: Слована и Каднуса.
****) Кн. П. Н. Трубецкой.
*****) Ф. М. Кутузовъ.
******) Бар. Шредеръ.
*******) Кн. П. Н. Трубецкой.

69. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 14/26 января, 1791.

Дражайшій другъ! Благодарю тебя за послѣднее твое письмо и за присылку письма отъ Екатерины Ильиничны Кутузовой. Взявъ въ руки сей твой пакетъ и видя его довольно толстымъ, порадовался-было я, надѣясь найти въ немъ обѣщанный вексель, но на сей разъ обманулся. Пожалуйста, сердечный другъ, не умедлите присылкою онаго. Въ отсутствіи к. Н. Н. *) я къ тебѣ прибѣгаю съ сими подобными просьбами, и такъ не поскучай ими, любезный другъ, и будь увѣренъ, что безъ крайней нужды я не буду безпокоить тебя. — Ежели есть еще сочиненія упоминаемаго тобою автора, то постараюсь достать ихъ. Новаго у насъ нѣтъ. Здѣсь не слыхать ничего иного, кромѣ скорыя войны противу нашего отечества. О, дай, Боже, чтобы все окончилось мирно; ежели-жъ война неминуема, то да благословитъ Богъ нашъ, по мнѣнію моему, правое дѣло и да дастъ намъ побѣду на гордыхъ непріятелей, хотящихъ покорить все своей волѣ и въ самое то время говорящихъ безпрестанно о христіанской любви. Прости, мой другъ, отправь исправнѣе приложенное письмо. Будь здоровъ и покоенъ душею и тѣломъ; сего желаетъ тебѣ искренній твой другъ.

70. А. М. КУТУЗОВЪ — Е. И. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ.

Берлинъ. 14/26 января, 1791.

Милостивая Государыня Екатерина Ильинишна! Поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ, желаю искренне и сердечно, чтобы вы, оставивъ съ прошедшимъ годомъ все то, что васъ огорчало и безпокоило, наслаждались тѣлесно и душевно всѣми истинными благами, а наипаче спокойствіемъ и тишиною духа, безъ которыхъ ничто не возможетъ быть намъ пріятно. Впрочемъ, какъ мы есмы не что иное, какъ слабые смертные, и не взирая на нашу надменность на самихъ насъ, часто не знаемъ сами, чего мы желаемъ, а и того еще менѣе знаемъ, что намъ полезно и что вредно, то, кажется мнѣ, вѣрнѣйшій путь для избѣжанія таковыхъ неудобствъ есть преданіе себя волѣ Всесотворшаго и Всевѣдящаго. Онъ любитъ насъ, не взирая, что мы безпрестанно отвращаемся отъ Него; ежели разсмотримъ безпристрастно, то увидимъ, что и самое то, что мы называемъ нещастіемъ, суть благодѣянія, изливаемыя на насъ, и служащія къ нашему исправленію, то есть, къ обращенію насъ къ сему нашему Благотворителю. Предадимъ же Его святой волѣ и Его вѣдѣнію, возложимъ на Него наше упованіе и будемъ во всемъ покойны. Поздравьте отъ меня и вашихъ дѣтокъ, преимуще-

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

69. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 14/26 января, 1791.

Дражайшій другъ! Благодарю тебя за послѣднее твое письмо и за присылку письма отъ Екатерины Ильиничны Кутузовой. Взявъ въ руки сей твой пакетъ и видя его довольно толстымъ, порадовался-было я, надѣясь найти въ немъ обѣщанный вексель, но на сей разъ обманулся. Пожалуйста, сердечный другъ, не умедлите присылкою онаго. Въ отсутствіи к. Н. Н. *) я къ тебѣ прибѣгаю съ сими подобными просьбами, и такъ не поскучай ими, любезный другъ, и будь увѣренъ, что безъ крайней нужды я не буду безпокоить тебя. — Ежели есть еще сочиненія упоминаемаго тобою автора, то постараюсь достать ихъ. Новаго у насъ нѣтъ. Здѣсь не слыхать ничего иного, кромѣ скорыя войны противу нашего отечества. О, дай, Боже, чтобы все окончилось мирно; ежели-жъ война неминуема, то да благословитъ Богъ нашъ, по мнѣнію моему, правое дѣло и да дастъ намъ побѣду на гордыхъ непріятелей, хотящихъ покорить все своей волѣ и въ самое то время говорящихъ безпрестанно о христіанской любви. Прости, мой другъ, отправь исправнѣе приложенное письмо. Будь здоровъ и покоенъ душею и тѣломъ; сего желаетъ тебѣ искренній твой другъ.

70. А. М. КУТУЗОВЪ — Е. И. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ.

Берлинъ. 14/26 января, 1791.

Милостивая Государыня Екатерина Ильинишна! Поздравляю васъ съ наступающимъ новымъ годомъ, желаю искренне и сердечно, чтобы вы, оставивъ съ прошедшимъ годомъ все то, что васъ огорчало и безпокоило, наслаждались тѣлесно и душевно всѣми истинными благами, а наипаче спокойствіемъ и тишиною духа, безъ которыхъ ничто не возможетъ быть намъ пріятно. Впрочемъ, какъ мы есмы не что иное, какъ слабые смертные, и не взирая на нашу надменность на самихъ насъ, часто не знаемъ сами, чего мы желаемъ, а и того еще менѣе знаемъ, что намъ полезно и что вредно, то, кажется мнѣ, вѣрнѣйшій путь для избѣжанія таковыхъ неудобствъ есть преданіе себя волѣ Всесотворшаго и Всевѣдящаго. Онъ любитъ насъ, не взирая, что мы безпрестанно отвращаемся отъ Него; ежели разсмотримъ безпристрастно, то увидимъ, что и самое то, что мы называемъ нещастіемъ, суть благодѣянія, изливаемыя на насъ, и служащія къ нашему исправленію, то есть, къ обращенію насъ къ сему нашему Благотворителю. Предадимъ же Его святой волѣ и Его вѣдѣнію, возложимъ на Него наше упованіе и будемъ во всемъ покойны. Поздравьте отъ меня и вашихъ дѣтокъ, преимуще-

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

ственно же прочихъ расцѣлуйте мою любезную невѣсту; хотя она меня совершенно забыла, но я люблю ее по прежнему. Ваше письмо отъ 27-го ноября наградило все то, что я претерпѣлъ отъ вашего молчанія; пріимите-жъ искреннюю мою благодарность за всѣ ваши дружескія и усладительныя для меня взрѣченія; истинно невозможно мнѣ изъяснить того, что я чувствовалъ и чувствую, но вы найдете все сіе въ вашемъ нѣжномъ сердцѣ. Я точно увѣренъ въ вашей непремѣнности, но признаюсь, что повтореніе сихъ пріятныхъ мнѣ словъ наполняетъ мое сердце несказанною сладостію. Больно моему сердцу слышать, что вы почти безпрестанно страдаете различными припадками; дай, Боже, чтобъ сіе письмо застало васъ совершенно здоровыми. Поздравляю васъ со взятіемъ Измаила и купно съ вами благодарю Всевышняго за сохраненіе здравымъ Мих[аила] Лар[іоновича] *). Поздравьте его отъ меня съ симъ славнымъ для него происшествіемъ. Желалъ бы я знать подробности сего великаго подвига нашихъ войскъ, но зная его лѣность писать, не смѣю и надѣяться сего. Въ разсужденіи случающихся намъ нещастій я совершенно согласенъ съ Юнгомъ, говорящимъ:

Woes cluster; rare are solitary woes; they love a train, they tread each other's heel.

Въ особенности случается сіе послѣ долговременнаго спокойствія. Случится-ли намъ сдѣлать двѣ или три потери, мы воображаемъ себѣ, что уже имъ и конца не будетъ. Точно въ таковомъ состояніи былъ я, писавъ къ вамъ сіе письмо, на которое вы отвѣчаете; изъясненіе же сего, думаю, получили уже вы въ предшедшемъ. Вижу изъ вашихъ словъ, что и вы сдѣлали подобную мнѣ потерю, но еще жесточайшимъ образомъ. Я разлученъ отъ моего друга **), можетъ быть, навсегда; но дружба его пребываетъ со мною; вы же потеряли дружбу, хотя другъ вашъ и благополученъ. Соболѣзную вамъ сердечно, но притомъ жалѣю о вашемъ другѣ, онъ точно достоинъ сожалѣнія, отвергая самопроизвольно величайшее на землѣ сей сокровище. Оный же Юнгъ говоритъ:

Celestial happiness, whene' er she stoops to visit earth, one shrine the goddess finds, and one alone, to make her sweet amends for absent heaven — the bosom of a friend; where heart meets heart, reciprocally soft, each other's pillow to repose divine.

Не жалокъ, ниже тотъ, кто лишаетъ себя сего блаженства. — Слава Богу, что малютка ваша ***) избѣжала опасности. Правда, вы заплатили за сіе довольно дорого, но что дѣлать, лучше терять въ семъ возрастѣ,

---

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.
**) А. Н. Радищевъ.
***) Е. М. Голенищева-Кутузова.

ственно же прочихъ расцѣлуйте мою любезную невѣсту; хотя она меня совершенно забыла, но я люблю ее по прежнему. Ваше письмо отъ 27-го ноября наградило все то, что я претерпѣлъ отъ вашего молчанія; пріимите-жъ искреннюю мою благодарность за всѣ ваши дружескія и усладительныя для меня взрѣченія; истинно невозможно мнѣ изъяснить того, что я чувствовалъ и чувствую, но вы найдете все сіе въ вашемъ нѣжномъ сердцѣ. Я точно увѣренъ въ вашей непремѣнности, но признаюсь, что повтореніе сихъ пріятныхъ мнѣ словъ наполняетъ мое сердце несказанною сладостію. Больно моему сердцу слышать, что вы почти безпрестанно страдаете различными припадками; дай, Боже, чтобъ сіе письмо застало васъ совершенно здоровыми. Поздравляю васъ со взятіемъ Измаила и купно съ вами благодарю Всевышняго за сохраненіе здравымъ Мих[аила] Лар[іоновича] *). Поздравьте его отъ меня съ симъ славнымъ для него происшествіемъ. Желалъ бы я знать подробности сего великаго подвига нашихъ войскъ, но зная его лѣность писать, не смѣю и надѣяться сего. Въ разсужденіи случающихся намъ нещастій я совершенно согласенъ съ Юнгомъ, говорящимъ:

Woes cluster; rare are solitary woes; they love a train, they tread each other's heel.

Въ особенности случается сіе послѣ долговременнаго спокойствія. Случится-ли намъ сдѣлать двѣ или три потери, мы воображаемъ себѣ, что уже имъ и конца не будетъ. Точно въ таковомъ состояніи былъ я, писавъ къ вамъ сіе письмо, на которое вы отвѣчаете; изъясненіе же сего, думаю, получили уже вы въ предшедшемъ. Вижу изъ вашихъ словъ, что и вы сдѣлали подобную мнѣ потерю, но еще жесточайшимъ образомъ. Я разлученъ отъ моего друга **), можетъ быть, навсегда; но дружба его пребываетъ со мною; вы же потеряли дружбу, хотя другъ вашъ и благополученъ. Соболѣзную вамъ сердечно, но притомъ жалѣю о вашемъ другѣ, онъ точно достоинъ сожалѣнія, отвергая самопроизвольно величайшее на землѣ сей сокровище. Оный же Юнгъ говоритъ:

Celestial happiness, whene' er she stoops to visit earth, one shrine the goddess finds, and one alone, to make her sweet amends for absent heaven — the bosom of a friend; where heart meets heart, reciprocally soft, each other's pillow to repose divine.

Не жалокъ, ниже тотъ, кто лишаетъ себя сего блаженства. — Слава Богу, что малютка ваша ***) избѣжала опасности. Правда, вы заплатили за сіе довольно дорого, но что дѣлать, лучше терять въ семъ возрастѣ,

---

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.
**) А. Н. Радищевъ.
***) Е. М. Голенищева-Кутузова.

нежели въ другомъ. Но оставимъ сію непріятную матерію. У насъ нѣтъ ничего здѣсь новаго. Пріуготовляются къ войнѣ противу россіянъ, завидуютъ нашему щастію противъ турокъ и морятъ нашу армію или голодомъ, или мечемъ убитыхъ турокъ, сказавъ, что при штурмѣ на Измаилъ убито нашихъ 18,000. — Я, слава Богу, здоровъ, чего и вамъ желаю отъ всего моего сердца. Пребуду вашъ нижайшій слуга и вѣрный

Алексѣй Кутузовъ.

Расцѣлуйте милую мою невѣсту; попросите ее, чтобы она хотя побранила меня письменно, дабы я имѣлъ что ни есть отъ руки ея.

NB. Смѣю-ли я утрудить васъ просьбою, купить мнѣ, ежели можно, крымскихъ хорошихъ сѣрыхъ овчинокъ на бекешъ и оставить ихъ у себя до моего пріѣзда.

71. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 25 января—5 февраля, 1791. (18 февраля).

Дражайшій мой другъ! Еще двѣ почты — и ни одной отъ тебя строки. Скажи, что дѣлается или что сдѣлалось съ тобою? Твое молчаніе страшнѣе мнѣ инаго кого, ибо лѣность не есть твой порокъ. Дай, Боже, однако-жъ, чтобъ причина сему молчанію была иная, нежели болѣзнь твоя или твоихъ ближнихъ. Можетъ быть, что, засуча рукава, таскаешься по московскимъ улицамъ, вопреки всѣмъ стихіямъ, устремляющимъ на тебя свою свирѣпость. Можетъ быть, что, вошедъ паки въ какую-либо храмину Нѣмецкія слободы, наслаждаешься зрѣлищемъ жителей оныя, собравшихся вкупѣ и восклицающихъ съ великимъ жаромъ: «les barbares hélas! ils l'ont knoutiffié!» Можетъ быть... Но сіи „можетъ быть“ не кончатся никогда, ежели я захочу привести себѣ на память все то, что тебѣ приключилось въ твоихъ походахъ; итакъ, умолкну и въ терпѣніи ожидать буду твоего повѣствованія.

Оставя всѣ шутки, я безпокоюсь твоимъ молчаніемъ и не знаю, чему приписать оное. Безпокоюсь также и пустотою моего кошелька и напоминаніями требующихъ отъ меня денегъ. Все сіе вмѣстѣ покрываетъ горизонтъ мой мрачными облаками; однако-жъ, не взирая на сіе, вчерашній и сегодняшній день, подобные во всемъ нашимъ хорошимъ днямъ зимнимъ, произвели во мнѣ нѣкую веселость и удовольствіе, разлившееся даже и на сіи мои строки. Сія веселость не нарушается даже и слухами, которые грозятъ нашему отечеству новою войною. Здѣсь ни о чемъ иномъ не слыхать, какъ о походѣ новыхъ войскъ къ лифляндскимъ границамъ, о построеніи плывущихъ батарей, о пришествіи англинскаго и голландскаго флотовъ; ежели сего мало, то посылаютъ

нежели въ другомъ. Но оставимъ сію непріятную матерію. У насъ нѣтъ ничего здѣсь новаго. Пріуготовляются къ войнѣ противу россіянъ, завидуютъ нашему щастію противъ турокъ и морятъ нашу армію или голодомъ, или мечемъ убитыхъ турокъ, сказавъ, что при штурмѣ на Измаилъ убито нашихъ 18,000. — Я, слава Богу, здоровъ, чего и вамъ желаю отъ всего моего сердца. Пребуду вашъ нижайшій слуга и вѣрный

Алексѣй Кутузовъ.

Расцѣлуйте милую мою невѣсту; попросите ее, чтобы она хотя побранила меня письменно, дабы я имѣлъ что ни есть отъ руки ея.

NB. Смѣю-ли я утрудить васъ просьбою, купить мнѣ, ежели можно, крымскихъ хорошихъ сѣрыхъ овчинокъ на бекешъ и оставить ихъ у себя до моего пріѣзда.

71. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 25 января—5 февраля, 1791. (18 февраля).

Дражайшій мой другъ! Еще двѣ почты — и ни одной отъ тебя строки. Скажи, что дѣлается или что сдѣлалось съ тобою? Твое молчаніе страшнѣе мнѣ инаго кого, ибо лѣность не есть твой порокъ. Дай, Боже, однако-жъ, чтобъ причина сему молчанію была иная, нежели болѣзнь твоя или твоихъ ближнихъ. Можетъ быть, что, засуча рукава, таскаешься по московскимъ улицамъ, вопреки всѣмъ стихіямъ, устремляющимъ на тебя свою свирѣпость. Можетъ быть, что, вошедъ паки въ какую-либо храмину Нѣмецкія слободы, наслаждаешься зрѣлищемъ жителей оныя, собравшихся вкупѣ и восклицающихъ съ великимъ жаромъ: «les barbares hélas! ils l'ont knoutiffié!» Можетъ быть... Но сіи „можетъ быть“ не кончатся никогда, ежели я захочу привести себѣ на память все то, что тебѣ приключилось въ твоихъ походахъ; итакъ, умолкну и въ терпѣніи ожидать буду твоего повѣствованія.

Оставя всѣ шутки, я безпокоюсь твоимъ молчаніемъ и не знаю, чему приписать оное. Безпокоюсь также и пустотою моего кошелька и напоминаніями требующихъ отъ меня денегъ. Все сіе вмѣстѣ покрываетъ горизонтъ мой мрачными облаками; однако-жъ, не взирая на сіе, вчерашній и сегодняшній день, подобные во всемъ нашимъ хорошимъ днямъ зимнимъ, произвели во мнѣ нѣкую веселость и удовольствіе, разлившееся даже и на сіи мои строки. Сія веселость не нарушается даже и слухами, которые грозятъ нашему отечеству новою войною. Здѣсь ни о чемъ иномъ не слыхать, какъ о походѣ новыхъ войскъ къ лифляндскимъ границамъ, о построеніи плывущихъ батарей, о пришествіи англинскаго и голландскаго флотовъ; ежели сего мало, то посылаютъ

гишпанскую и датскую соединенную эскадру, и, что всего страшнѣе, польскую армію, осаждаютъ Ригу, Ревель и самый Петербургъ, берутъ всѣ ихъ приступомъ, льютъ ручьями кровь любезныхъ моихъ соотчичей, не щадятъ и самыхъ младенцевъ; однимъ словомъ, все сіе должно кончиться не инымъ чѣмъ, какъ совершеннымъ уничтоженіемъ моего толико мною любимаго отечества. Не удивляешься-ли ты моему равнодушію при семъ ужасномъ позорищѣ? Еще-ли ты не назовешь меня великодушнымъ? Безъ ужаса смотрю на все сіе, и еще нахожу во мнѣ довольно силъ для шутокъ. На сихъ дняхъ по высочайшему повелѣнію приказано берлинскому газетчику убить 18,000 россіянъ въ день взятія Измаила. Какое варварство! Они уже нашихъ столько побили, что уже и счесть не могутъ, и объявляютъ, что вся Россія опустѣла. Какое же мое состояніе! Я оставилъ отечество въ цвѣтущемъ состояніи и буду принужденъ возвратиться въ пустыню. Прости, мой дражайшій другъ! Я болталъ бы съ тобою больше, но долженъ итти со двора. Поцѣлуй Петра Владиміровича *) и поклонись всѣмъ любящимъ меня.

72. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [25 января—5 февраля], 1791. — № 2. (18 февраля).

Дражайшій другъ! Другую недѣлю не имѣя отъ васъ писемъ, не знаю, гдѣ вы теперь находитесь, и думаю по вашему прежнему расположенію, что вы теперь въ дорогѣ между Петербургомъ и Москвою. Желаю, чтобъ сіе путешествіе съ Божіею помощію окончилось для всѣхъ васъ благополучно. Я надѣюсь, что и новопожалованный офицеръ *) съ вами же ѣдетъ, ибо не думаю, чтобы вы оставили его посреди вихря мірскихъ вѣтровъ безъ кормила и кормчаго. Отправивъ мое послѣднее письмо, я самъ надъ собою смѣялся. Слово „Пинатусъ“ было причиною, что я провелъ цѣлую ночь безъ сна и не прежде уже, какъ на другой день послѣ обѣда, вспомнилъ по нѣкоторымъ догадкамъ, что сей человѣкъ есть лучшій мой другъ **). Вотъ, сердечный мой другъ, какъ мы часто мучимся, ища того, что находится возлѣ самихъ насъ! Я думаю, страненъ вамъ показался мой вопросъ, но, вспомня нѣкоторыя обстоятельства, вы сами должны оправдать меня. Съ радостію пріемлю предложеніе Пинатуса и благодарю его сердечно за его ко мнѣ дружбу; однако-жъ предлагаю ему мои условія, состоящія въ слѣдующемъ: ежели положеніе его дома позволитъ помѣстить меня особливо такъ точно,

*) П. В. Лопухинъ.
**) Кн. П. Н. Трубецкой.

гишпанскую и датскую соединенную эскадру, и, что всего страшнѣе, польскую армію, осаждаютъ Ригу, Ревель и самый Петербургъ, берутъ всѣ ихъ приступомъ, льютъ ручьями кровь любезныхъ моихъ соотчичей, не щадятъ и самыхъ младенцевъ; однимъ словомъ, все сіе должно кончиться не инымъ чѣмъ, какъ совершеннымъ уничтоженіемъ моего толико мною любимаго отечества. Не удивляешься-ли ты моему равнодушію при семъ ужасномъ позорищѣ? Еще-ли ты не назовешь меня великодушнымъ? Безъ ужаса смотрю на все сіе, и еще нахожу во мнѣ довольно силъ для шутокъ. На сихъ дняхъ по высочайшему повелѣнію приказано берлинскому газетчику убить 18,000 россіянъ въ день взятія Измаила. Какое варварство! Они уже нашихъ столько побили, что уже и счесть не могутъ, и объявляютъ, что вся Россія опустѣла. Какое же мое состояніе! Я оставилъ отечество въ цвѣтущемъ состояніи и буду принужденъ возвратиться въ пустыню. Прости, мой дражайшій другъ! Я болталъ бы съ тобою больше, но долженъ итти со двора. Поцѣлуй Петра Владиміровича *) и поклонись всѣмъ любящимъ меня.

72. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [25 января—5 февраля], 1791. — № 2. (18 февраля).

Дражайшій другъ! Другую недѣлю не имѣя отъ васъ писемъ, не знаю, гдѣ вы теперь находитесь, и думаю по вашему прежнему расположенію, что вы теперь въ дорогѣ между Петербургомъ и Москвою. Желаю, чтобъ сіе путешествіе съ Божіею помощію окончилось для всѣхъ васъ благополучно. Я надѣюсь, что и новопожалованный офицеръ *) съ вами же ѣдетъ, ибо не думаю, чтобы вы оставили его посреди вихря мірскихъ вѣтровъ безъ кормила и кормчаго. Отправивъ мое послѣднее письмо, я самъ надъ собою смѣялся. Слово „Пинатусъ“ было причиною, что я провелъ цѣлую ночь безъ сна и не прежде уже, какъ на другой день послѣ обѣда, вспомнилъ по нѣкоторымъ догадкамъ, что сей человѣкъ есть лучшій мой другъ **). Вотъ, сердечный мой другъ, какъ мы часто мучимся, ища того, что находится возлѣ самихъ насъ! Я думаю, страненъ вамъ показался мой вопросъ, но, вспомня нѣкоторыя обстоятельства, вы сами должны оправдать меня. Съ радостію пріемлю предложеніе Пинатуса и благодарю его сердечно за его ко мнѣ дружбу; однако-жъ предлагаю ему мои условія, состоящія въ слѣдующемъ: ежели положеніе его дома позволитъ помѣстить меня особливо такъ точно,

*) П. В. Лопухинъ.
**) Кн. П. Н. Трубецкой.

какъ бы я былъ въ особливомъ домѣ. Я всегда любилъ уединеніе, а теперь еще болѣе привыкъ къ оному. Впрочемъ вы знаете меня коротко, итакъ поговорите о семъ съ Пинатусомъ, дабы не причинить ему какого безпокойствія. — Говоря о домахъ, скажите, гдѣ вы купили вашъ домъ, для того, чтобъ, по возвращеніи вашемъ, я могъ вѣрно надписывать мои письмы. Извините, что прерываю мое письмо; сейчасъ иду къ начатію моихъ опытовъ, о которыхъ писалъ къ вамъ нѣкогда. Простите. Дай, Боже, вамъ душевнаго и тѣлеснаго здравія.

73. Кн. П. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 29 января, 1791. — № 2.

Наконецъ, другъ мой любезный, возвратился я въ Москву здоровъ и больныхъ своихъ привезъ благополучно, такъ что, кромѣ слабости, они ничего болѣе не чувствуютъ. Теперь занятъ я визитами и свиданіемъ съ моею роднею и съ моими друзьями, и такъ занятъ, что не имѣлъ времени на прошедшихъ почтахъ къ тебѣ писать; да и теперь пишу только для того, чтобы ты не обезпокоился моимъ молчаніемъ, а то продолжать письма некогда. Отпиши ко мнѣ, мой другъ, получилъ ли ты мое и Вегетусово *) письмо съ приложеніемъ «Кадма» и проч.

Я чрезвычайно доволенъ поѣздкою моею въ Петербургъ и, ежели-бъ не экономическія мои обстоятельства, то сталъ бы искать, чтобы жить въ ономъ городѣ, а наипаче для того, чтобы жить съ сыномъ **), который, бывъ офицеромъ, не можетъ уже жизнь свою располагать въ Москвѣ; а пребываніе его одного въ Петербургѣ приводитъ меня въ ужасъ по его лѣтамъ и по темпераменту его сангвиническому. Но какъ быть? Экономическія мои обстоятельства принуждаютъ меня жить въ Москвѣ и я, препоручая сына Богу моему и Спасителю, отпущу его одного въ Петербургъ, и надѣюсь на Его милосердіе, что Онъ соблюдетъ его на пути истины и не допуститъ его попрать тѣхъ правилъ, которыя я со младенчества старался вкоренить въ его сердцѣ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ; друзья наши, благодаря Бога, здоровы и чрезвычайно обрадовались моимъ возвращеніемъ. Я теперь, мой другъ, опытомъ знаю разницы жить близъ двора и далеко отъ онаго. Ты знаешь омбражъ, который имѣютъ противу такъ называемыхъ мартинистовъ; оное началось еще при тебѣ и мы часто съ тобою удивлялись и смѣялись, что гонятъ вещь несуществующую въ самомъ дѣлѣ, но существующую только въ воображеніи стремящихся поразить оную вещь; омбражъ

*) П. П. Тургеневъ.
**) Кн. П. Н. Трубецкой.

какъ бы я былъ въ особливомъ домѣ. Я всегда любилъ уединеніе, а теперь еще болѣе привыкъ къ оному. Впрочемъ вы знаете меня коротко, итакъ поговорите о семъ съ Пинатусомъ, дабы не причинить ему какого безпокойствія. — Говоря о домахъ, скажите, гдѣ вы купили вашъ домъ, для того, чтобъ, по возвращеніи вашемъ, я могъ вѣрно надписывать мои письмы. Извините, что прерываю мое письмо; сейчасъ иду къ начатію моихъ опытовъ, о которыхъ писалъ къ вамъ нѣкогда. Простите. Дай, Боже, вамъ душевнаго и тѣлеснаго здравія.

73. Кн. П. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 29 января, 1791. — № 2.

Наконецъ, другъ мой любезный, возвратился я въ Москву здоровъ и больныхъ своихъ привезъ благополучно, такъ что, кромѣ слабости, они ничего болѣе не чувствуютъ. Теперь занятъ я визитами и свиданіемъ съ моею роднею и съ моими друзьями, и такъ занятъ, что не имѣлъ времени на прошедшихъ почтахъ къ тебѣ писать; да и теперь пишу только для того, чтобы ты не обезпокоился моимъ молчаніемъ, а то продолжать письма некогда. Отпиши ко мнѣ, мой другъ, получилъ ли ты мое и Вегетусово *) письмо съ приложеніемъ «Кадма» и проч.

Я чрезвычайно доволенъ поѣздкою моею въ Петербургъ и, ежели-бъ не экономическія мои обстоятельства, то сталъ бы искать, чтобы жить въ ономъ городѣ, а наипаче для того, чтобы жить съ сыномъ **), который, бывъ офицеромъ, не можетъ уже жизнь свою располагать въ Москвѣ; а пребываніе его одного въ Петербургѣ приводитъ меня въ ужасъ по его лѣтамъ и по темпераменту его сангвиническому. Но какъ быть? Экономическія мои обстоятельства принуждаютъ меня жить въ Москвѣ и я, препоручая сына Богу моему и Спасителю, отпущу его одного въ Петербургъ, и надѣюсь на Его милосердіе, что Онъ соблюдетъ его на пути истины и не допуститъ его попрать тѣхъ правилъ, которыя я со младенчества старался вкоренить въ его сердцѣ.

Новаго у насъ ничего нѣтъ; друзья наши, благодаря Бога, здоровы и чрезвычайно обрадовались моимъ возвращеніемъ. Я теперь, мой другъ, опытомъ знаю разницы жить близъ двора и далеко отъ онаго. Ты знаешь омбражъ, который имѣютъ противу такъ называемыхъ мартинистовъ; оное началось еще при тебѣ и мы часто съ тобою удивлялись и смѣялись, что гонятъ вещь несуществующую въ самомъ дѣлѣ, но существующую только въ воображеніи стремящихся поразить оную вещь; омбражъ

*) П. П. Тургеневъ.
**) Кн. П. Н. Трубецкой.

сей еще и понынѣ сокрывается подъ пепломъ, то есть, сокрывается оный въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, ибо тамъ увидѣли пустоту и неосновательность подозрѣній на насъ, и ежели-бъ начальникъ московскій *) пустыми и ложными своими подозрѣніями не раздувалъ оной искры, то бы она совсѣмъ погасла; но онъ все еще подозрѣваетъ и, вооружаясь громомъ, бросаетъ молнію; но понеже бросаетъ на несуществующую вещь, то и исчезаетъ сія молнія въ воздухѣ. Сіе, мой другъ, часто подаетъ мнѣ причину смѣяться и практически видать, какъ человѣческій разумъ можетъ сильно заблуждать, когда онъ созиждетъ въ воображеніи своемъ фантомъ и приметъ оной за вещь; ибо начальникъ Москвы, надлежитъ признаться, что человѣкъ не дуракъ и, сколько слышно, человѣкъ честный; однако-жъ фантомъ мартинизма такъ сильно вкорененъ въ его воображеніи, что онъ не можетъ видать ничтожности своего подозрѣнія и мнитъ ихъ быть тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и, не находя ихъ, не выходитъ изъ своего заблужденія и думаетъ только, что они умѣютъ сокрываться. Что-жъ касается до Петербурга, то сколько я могъ видать, то сей фантомъ совсѣмъ исчезъ и даже такъ, что о немъ уже ни слова нигдѣ не говорятъ. Вотъ, мой другъ, тебѣ извѣстіе о сей скучной и столь долго продолжающейся матеріи, которая дѣлала много шуму, да и нынче иногда шумитъ изъ подъ пепла, однако-жъ такъ, какъ и всякій feu follet, скоро исчезаетъ.

Теперь, мой другъ, прошу тебя, чтобы ты удовольствовалъ мое любопытство и, бывъ въ чужихъ краяхъ, освѣдомился обстоятельно о сихъ мартинистахъ, которые и вподлинну, сказываютъ, существуютъ въ чужихъ краяхъ; я очень любопытенъ узнать о ихъ системѣ и ихъ намѣреніяхъ, и причину наименованія ихъ мартинистами, ибо многіе знакомые Сентъ-Мартена, котораго почитали ихъ начальникомъ и учредителемъ, увѣряютъ за подлинно, что онъ къ нимъ не принадлежитъ и ничего объ нихъ не знаетъ, слѣдовательно, и имя своего имъ дать не могъ; описаніе-жъ о нихъ, сдѣланное въ нѣкоторыхъ печатныхъ книгахъ, представляетъ ихъ болѣе дураками, нежели злодѣями; но какъ на печатныя изображенія положиться нельзя, то и прошу тебя, чтобы ты, бывъ при источникѣ, далъ мнѣ истинное понятіе о сихъ людяхъ, какъ ихъ почитать: злодѣями или дураками, или фантастами; а я очень любопытенъ имѣть о нихъ точное свѣдѣніе.

Вотъ, мой другъ, какъ человѣкъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ: я, начиная письмо, думалъ только къ тебѣ написать нѣсколько строкъ, а вмѣсто того вышло цѣлый листъ. Письмы твои я всѣ получилъ; пиши, мой другъ, чаще. Будь здоровъ и вѣрь, что я есмь навсегда твой вѣрный другъ.

---

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

сей еще и понынѣ сокрывается подъ пепломъ, то есть, сокрывается оный въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, ибо тамъ увидѣли пустоту и неосновательность подозрѣній на насъ, и ежели-бъ начальникъ московскій *) пустыми и ложными своими подозрѣніями не раздувалъ оной искры, то бы она совсѣмъ погасла; но онъ все еще подозрѣваетъ и, вооружаясь громомъ, бросаетъ молнію; но понеже бросаетъ на несуществующую вещь, то и исчезаетъ сія молнія въ воздухѣ. Сіе, мой другъ, часто подаетъ мнѣ причину смѣяться и практически видать, какъ человѣческій разумъ можетъ сильно заблуждать, когда онъ созиждетъ въ воображеніи своемъ фантомъ и приметъ оной за вещь; ибо начальникъ Москвы, надлежитъ признаться, что человѣкъ не дуракъ и, сколько слышно, человѣкъ честный; однако-жъ фантомъ мартинизма такъ сильно вкорененъ въ его воображеніи, что онъ не можетъ видать ничтожности своего подозрѣнія и мнитъ ихъ быть тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, и, не находя ихъ, не выходитъ изъ своего заблужденія и думаетъ только, что они умѣютъ сокрываться. Что-жъ касается до Петербурга, то сколько я могъ видать, то сей фантомъ совсѣмъ исчезъ и даже такъ, что о немъ уже ни слова нигдѣ не говорятъ. Вотъ, мой другъ, тебѣ извѣстіе о сей скучной и столь долго продолжающейся матеріи, которая дѣлала много шуму, да и нынче иногда шумитъ изъ подъ пепла, однако-жъ такъ, какъ и всякій feu follet, скоро исчезаетъ.

Теперь, мой другъ, прошу тебя, чтобы ты удовольствовалъ мое любопытство и, бывъ въ чужихъ краяхъ, освѣдомился обстоятельно о сихъ мартинистахъ, которые и вподлинну, сказываютъ, существуютъ въ чужихъ краяхъ; я очень любопытенъ узнать о ихъ системѣ и ихъ намѣреніяхъ, и причину наименованія ихъ мартинистами, ибо многіе знакомые Сентъ-Мартена, котораго почитали ихъ начальникомъ и учредителемъ, увѣряютъ за подлинно, что онъ къ нимъ не принадлежитъ и ничего объ нихъ не знаетъ, слѣдовательно, и имя своего имъ дать не могъ; описаніе-жъ о нихъ, сдѣланное въ нѣкоторыхъ печатныхъ книгахъ, представляетъ ихъ болѣе дураками, нежели злодѣями; но какъ на печатныя изображенія положиться нельзя, то и прошу тебя, чтобы ты, бывъ при источникѣ, далъ мнѣ истинное понятіе о сихъ людяхъ, какъ ихъ почитать: злодѣями или дураками, или фантастами; а я очень любопытенъ имѣть о нихъ точное свѣдѣніе.

Вотъ, мой другъ, какъ человѣкъ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ: я, начиная письмо, думалъ только къ тебѣ написать нѣсколько строкъ, а вмѣсто того вышло цѣлый листъ. Письмы твои я всѣ получилъ; пиши, мой другъ, чаще. Будь здоровъ и вѣрь, что я есмь навсегда твой вѣрный другъ.

---

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

74. М. П. БАГРЯНСКІЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 29 января, 1791.

Cher et respectable ami!

Je ne dois plus vous laisser languir dans l'incertitude sur mon voyage de B[erli]n à S-t P[etersbour]g et delà à M[osco]u. Dieu merci je l'ai fait sans ancun accident facheux et je me trouve depuis plusieurs mois dans une campagne de mon ami. Vous me demanderez, peut être, pourquoi n'avais-je pas écrit un seul mot, à un ami, qui m'a comblé de bienfaits et qui m'aime sincèrement? Hélas, les circonstances exercent sur l'esprit des mortels un tel pouvoir qu'on est obligé quelquefois de contrecarrer ses propres sens et ses inclinations, ou on est mis hors du combat. Mais trêve de compliments, vous devez être sûr que ce n'est pas faute de reconnaissance, que je n'ai pas donné aucune nouvelle de mon heureux retour. Tous nos amis se portent bien. Vos commissions sont remplies, si vous en exceptez une, c'est à dire, la remise d'une lettre. La raison en est telle, que la personne, pour laquelle vous me l'avez donnée, ne réside plus à P[etersbour]g. Je n'ai pas pu savoir, où elle est à présent. Je garde donc votre lettre chez moi, car il serait inutile de vous la renvoyer, à ce que je pense. Lord Ramsay *) est revenu avant moi, vous ne le reconnaitrez plus, il est tout-à-fait changé de corps et d'âme. Tous ceux qu'il a daigné de ses visites se sont brouillés avec lui dès l'instant même de son entrée. Il dit mille choses de nous, choses vraiment drôles. Il donne au public un journal, le plus mauvais sans doute, qu'on peut présenter au monde éclairé. Il croit nous enseigner des choses, que nous n'avons jamais connues. Tout ce qui regarde la patrie, est dit avec mepris et une injustice vraiment criante. Tout ce qui regarde les pays étrangers y est dit avec extase. Entre autre la pauvre Livonie est maltraitée au dernier degré. Il faut la passer, dit-il, les yeux fermés. La chère Courlande n'est rien moins que la terre promise, et il est étonnant, comment les Juifs se sont trompés. Il se dit le premier écrivain russe, il veut nous enseigner notre langue maternelle, que nous n'entendons guère, c'est lui qui nous ouvrira les trésors cachés. Son journal est en forme de lettres. Il y a déjà une centaine de souscripteurs. Pour vous donner quelques idées de son style excellent je vous citerai quelques morceaux des lettres qu'il adresse à ses милые. Mais ce n'est pas à présent. Il me ménage pourtant et certes c'est pour avoir eu l'honneur de voyager comme lui. Dieu veuille nous donner un peu plus de bon sens. Alex. Alex. P — w **) est toujours son ami intime et son apologiste le plus zelé, nous autres qui tenons encore les anciens prejugés, nous sommes des envieux, qui loin de pouvoir imiter les

*) Н. М. Карамзинъ.

**) А. А. Плещеевъ.

74. М. П. БАГРЯНСКІЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 29 января, 1791.

Cher et respectable ami!

Je ne dois plus vous laisser languir dans l'incertitude sur mon voyage de B[erli]n à S-t P[etersbour]g et delà à M[osco]u. Dieu merci je l'ai fait sans ancun accident facheux et je me trouve depuis plusieurs mois dans une campagne de mon ami. Vous me demanderez, peut être, pourquoi n'avais-je pas écrit un seul mot, à un ami, qui m'a comblé de bienfaits et qui m'aime sincèrement? Hélas, les circonstances exercent sur l'esprit des mortels un tel pouvoir qu'on est obligé quelquefois de contrecarrer ses propres sens et ses inclinations, ou on est mis hors du combat. Mais trêve de compliments, vous devez être sûr que ce n'est pas faute de reconnaissance, que je n'ai pas donné aucune nouvelle de mon heureux retour. Tous nos amis se portent bien. Vos commissions sont remplies, si vous en exceptez une, c'est à dire, la remise d'une lettre. La raison en est telle, que la personne, pour laquelle vous me l'avez donnée, ne réside plus à P[etersbour]g. Je n'ai pas pu savoir, où elle est à présent. Je garde donc votre lettre chez moi, car il serait inutile de vous la renvoyer, à ce que je pense. Lord Ramsay *) est revenu avant moi, vous ne le reconnaitrez plus, il est tout-à-fait changé de corps et d'âme. Tous ceux qu'il a daigné de ses visites se sont brouillés avec lui dès l'instant même de son entrée. Il dit mille choses de nous, choses vraiment drôles. Il donne au public un journal, le plus mauvais sans doute, qu'on peut présenter au monde éclairé. Il croit nous enseigner des choses, que nous n'avons jamais connues. Tout ce qui regarde la patrie, est dit avec mepris et une injustice vraiment criante. Tout ce qui regarde les pays étrangers y est dit avec extase. Entre autre la pauvre Livonie est maltraitée au dernier degré. Il faut la passer, dit-il, les yeux fermés. La chère Courlande n'est rien moins que la terre promise, et il est étonnant, comment les Juifs se sont trompés. Il se dit le premier écrivain russe, il veut nous enseigner notre langue maternelle, que nous n'entendons guère, c'est lui qui nous ouvrira les trésors cachés. Son journal est en forme de lettres. Il y a déjà une centaine de souscripteurs. Pour vous donner quelques idées de son style excellent je vous citerai quelques morceaux des lettres qu'il adresse à ses милые. Mais ce n'est pas à présent. Il me ménage pourtant et certes c'est pour avoir eu l'honneur de voyager comme lui. Dieu veuille nous donner un peu plus de bon sens. Alex. Alex. P — w **) est toujours son ami intime et son apologiste le plus zelé, nous autres qui tenons encore les anciens prejugés, nous sommes des envieux, qui loin de pouvoir imiter les

*) Н. М. Карамзинъ.

**) А. А. Плещеевъ.

talents et les mérites des grands hommes de ce siècle, rampons dans la crasse ignorance des siècles superstitieux. Mais il faut vous égayer un peu. Daria Iwanowna est déjà promise. A mon retour j'ai trouvé en elle une fille accomplie. Le sort de cette charmante fille a voulu qu'elle épouse le fils aîné de Mr. Mey, le vrai Pygmée. Ses noces seront célébrées dans l'espace de quelques jours. Imaginez qu'il disparut! Mais quand on est pressé il ne faut pas laisser échapper l'occasion.

Tous ceux qui vous connaissent, vous embrassent et vous saluent. Nous nous entretenons souvent sur votre compte. Si vous voulez m'honorer de votre lettre, adressez la comme vous voudrez, car celui qui vous écrit la présente, est et sera toujours

Votre très humble et dévoué Lichas.

Souworoff *) a joué un trés mauvais tour à Mrs. les Turcs. Leurs alliés, qu'en disent-ils? Je vous prie de faire mes compliments à Mr. le b[aron] de S[chroede]r. Embrassez le pour moi, comme aussi le prêtre Gabriel. Dites à ce dernier que mon frère est en effet devenu évêque d'Irkutsk **). Portez vous bien et n'oubliez pas votre ami. Con. vous embrasse également; il est devenu capitaine.

75. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 4/15 февраля, 1791. (6 марта).

Дражайшій мой другъ! Благодарю тебя, любезный мой, за письмо отъ 6-го января и радуюсь, что не болѣзнь была причиною твоего молчанія. Будь, сердечный мой, здоровъ для пользы и удовольствія твоихъ искреннихъ друзей. Что касается до злословящихъ тебя и другихъ, къ сему, кажется, довольно уже надлежало намъ привыкнуть, ибо нѣсколько уже лѣтъ праздные люди изощряютъ свои языки, упражнялсь въ сей матеріи. Нещастливо было бы наше состояніе, если бы мы основывали наше спокойствіе на мнѣніи сихъ ни мало не мыслящихъ твореній. Основаніе наше должно быть въ самихъ насъ. Имѣя въ разсужденіи нашего отечества, должностей истиннаго гражданина и вѣрнаго подданнаго чистую совѣсть, не должны насъ трогать бредни безумцевъ, и кто же въ состояніи обуздать языки ихъ? Правда, слабость наша не вмѣщаетъ еще въ насъ требуемаго равнодушія; гордость наша оскорбляется сими хулами. Но, мой другъ, будемъ стараться преодолѣвать сію слабость и мало-по-малу усмирять нашу гордость, и тогда таковыя клеветы обратятся въ нашу пользу, ибо подадутъ новый случай къ исполненію нашей должности. Когда размышляю о сихъ людяхъ съ хладнокровіемъ, то признаюсь,

*) А. В. Суворовъ.

**) Веніаминъ (Василій Ивановичъ Багрянскій).

talents et les mérites des grands hommes de ce siècle, rampons dans la crasse ignorance des siècles superstitieux. Mais il faut vous égayer un peu. Daria Iwanowna est déjà promise. A mon retour j'ai trouvé en elle une fille accomplie. Le sort de cette charmante fille a voulu qu'elle épouse le fils aîné de Mr. Mey, le vrai Pygmée. Ses noces seront célébrées dans l'espace de quelques jours. Imaginez qu'il disparut! Mais quand on est pressé il ne faut pas laisser échapper l'occasion.

Tous ceux qui vous connaissent, vous embrassent et vous saluent. Nous nous entretenons souvent sur votre compte. Si vous voulez m'honorer de votre lettre, adressez la comme vous voudrez, car celui qui vous écrit la présente, est et sera toujours

Votre très humble et dévoué Lichas.

Souworoff *) a joué un trés mauvais tour à Mrs. les Turcs. Leurs alliés, qu'en disent-ils? Je vous prie de faire mes compliments à Mr. le b[aron] de S[chroede]r. Embrassez le pour moi, comme aussi le prêtre Gabriel. Dites à ce dernier que mon frère est en effet devenu évêque d'Irkutsk **). Portez vous bien et n'oubliez pas votre ami. Con. vous embrasse également; il est devenu capitaine.

75. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 4/15 февраля, 1791. (6 марта).

Дражайшій мой другъ! Благодарю тебя, любезный мой, за письмо отъ 6-го января и радуюсь, что не болѣзнь была причиною твоего молчанія. Будь, сердечный мой, здоровъ для пользы и удовольствія твоихъ искреннихъ друзей. Что касается до злословящихъ тебя и другихъ, къ сему, кажется, довольно уже надлежало намъ привыкнуть, ибо нѣсколько уже лѣтъ праздные люди изощряютъ свои языки, упражнялсь въ сей матеріи. Нещастливо было бы наше состояніе, если бы мы основывали наше спокойствіе на мнѣніи сихъ ни мало не мыслящихъ твореній. Основаніе наше должно быть въ самихъ насъ. Имѣя въ разсужденіи нашего отечества, должностей истиннаго гражданина и вѣрнаго подданнаго чистую совѣсть, не должны насъ трогать бредни безумцевъ, и кто же въ состояніи обуздать языки ихъ? Правда, слабость наша не вмѣщаетъ еще въ насъ требуемаго равнодушія; гордость наша оскорбляется сими хулами. Но, мой другъ, будемъ стараться преодолѣвать сію слабость и мало-по-малу усмирять нашу гордость, и тогда таковыя клеветы обратятся въ нашу пользу, ибо подадутъ новый случай къ исполненію нашей должности. Когда размышляю о сихъ людяхъ съ хладнокровіемъ, то признаюсь,

*) А. В. Суворовъ.

**) Веніаминъ (Василій Ивановичъ Багрянскій).

вмѣсто негодованія, чувствую къ нимъ жалость. Почти всѣ безъ изъятія болтаютъ они и сами не зная что, и нерѣдко себя дурачатъ безо всякой нужды.

Здѣсь великая при дворѣ перемѣна: первый фаворитъ пришелъ въ упадокъ и вчерась выѣхалъ изъ города; что далѣе произойдетъ, не знаю, но теперь все въ движеніи. Къ Трубецкому *) не пишу, считая его въ дорогѣ. Ты ничего не упоминаешь о пересылкѣ денегъ, а я нахожусь въ чрезвычайной нуждѣ. Пожалуйста, поспѣши пересылкою; впрочемъ, желаю тебѣ истинныхъ благъ, обнимаю тебя сердечно. Прости, мой другъ.

76. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Сердечный другъ Петръ Владиміровичъ! Можетъ быть, будетъ говорить во мнѣ гордость, но скажу искренно, что, не получая отъ тебя и строчки, я былъ всегда увѣренъ, что ты меня любишь, а сіе происходитъ отъ того, что я самъ тебя очень и очень люблю; однако-жъ, скажу и то, что черты твоего пера меня порадовали. Ты говоришь правду, что чужой ротъ не хлѣвъ — не запрешь; оставимъ ихъ болтать, будемъ стараться дѣлаться паче и паче лучшими; можетъ быть, хотя нѣкоторые изъ нихъ устыдятся. Прости, сердечный другъ. Всѣмъ любящимъ меня поклонись.

77. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 3 февраля, 1791. (17 февраля).

Виноватъ я, мой сердечный другъ, что давно не писалъ къ тебѣ и не отвѣчалъ еще на два послѣднія любезныя письмы твои.

Тутъ помѣшали, и я принужденъ былъ оставить до

6 февраля.

Глазъ мой зажилъ, и я теперь довольно здоровъ, кромѣ чувствованія общей теперь почти со всѣми тягости отъ необыкновенной здѣсь погоды. Во весь январь не было мороза болѣе двухъ градусовъ и по большей части оттепель, и теперь съ кровель каплетъ и на улицахъ грязь.

Всѣ извѣстные мнѣ друзья твои здѣшніе живутъ благополучно и здорово. Слывущіе изъ нихъ мартинистами въ невинности своей защищаются Всевышнимъ покровителемъ и мудростію и человѣколюбіемъ помазанницы Его. Злобная и безумная клевета разносится по вѣтру, исчезаетъ и, ежели существуетъ, то развѣ ко вреду клевещущаго.

*) Кн. Н. И. Трубецкой.

вмѣсто негодованія, чувствую къ нимъ жалость. Почти всѣ безъ изъятія болтаютъ они и сами не зная что, и нерѣдко себя дурачатъ безо всякой нужды.

Здѣсь великая при дворѣ перемѣна: первый фаворитъ пришелъ въ упадокъ и вчерась выѣхалъ изъ города; что далѣе произойдетъ, не знаю, но теперь все въ движеніи. Къ Трубецкому *) не пишу, считая его въ дорогѣ. Ты ничего не упоминаешь о пересылкѣ денегъ, а я нахожусь въ чрезвычайной нуждѣ. Пожалуйста, поспѣши пересылкою; впрочемъ, желаю тебѣ истинныхъ благъ, обнимаю тебя сердечно. Прости, мой другъ.

76. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Сердечный другъ Петръ Владиміровичъ! Можетъ быть, будетъ говорить во мнѣ гордость, но скажу искренно, что, не получая отъ тебя и строчки, я былъ всегда увѣренъ, что ты меня любишь, а сіе происходитъ отъ того, что я самъ тебя очень и очень люблю; однако-жъ, скажу и то, что черты твоего пера меня порадовали. Ты говоришь правду, что чужой ротъ не хлѣвъ — не запрешь; оставимъ ихъ болтать, будемъ стараться дѣлаться паче и паче лучшими; можетъ быть, хотя нѣкоторые изъ нихъ устыдятся. Прости, сердечный другъ. Всѣмъ любящимъ меня поклонись.

77. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 3 февраля, 1791. (17 февраля).

Виноватъ я, мой сердечный другъ, что давно не писалъ къ тебѣ и не отвѣчалъ еще на два послѣднія любезныя письмы твои.

Тутъ помѣшали, и я принужденъ былъ оставить до

6 февраля.

Глазъ мой зажилъ, и я теперь довольно здоровъ, кромѣ чувствованія общей теперь почти со всѣми тягости отъ необыкновенной здѣсь погоды. Во весь январь не было мороза болѣе двухъ градусовъ и по большей части оттепель, и теперь съ кровель каплетъ и на улицахъ грязь.

Всѣ извѣстные мнѣ друзья твои здѣшніе живутъ благополучно и здорово. Слывущіе изъ нихъ мартинистами въ невинности своей защищаются Всевышнимъ покровителемъ и мудростію и человѣколюбіемъ помазанницы Его. Злобная и безумная клевета разносится по вѣтру, исчезаетъ и, ежели существуетъ, то развѣ ко вреду клевещущаго.

*) Кн. Н. И. Трубецкой.

Ненавистное заключеніе знатнаго клеветника *) о подлянін нашемъ, какъ я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, такъ уже грубо зло, что всѣ уже, слышащіе таковое разглашеніе, видятъ весь ядъ и все невѣжество въ таковомъ толкованіи. Чему удивляться, что помощь бѣднымъ и добросердечное съ людьми обхожденіе кажутся подозрительными для того человѣка, который говоритъ, что человѣколюбіе и состраданіе къ ближнему свойственно только монахамъ и мартинистамъ, которые здѣсь существуютъ токмо въ бредящей всегда головѣ его?

Богъ и Спаситель мой повелѣваетъ мнѣ помогать ближнимъ моимъ; законы государственные, которые должны быть основаны и суть на божественныхъ, тоже подтверждаютъ, особливо начертанныя Екатерининымъ человѣколюбіемъ. Кто-жъ можетъ сжать мою руку, когда благословляемое Творцемъ моимъ сердечное побужденіе растворяетъ ее на помощь ближнему моему страждущему? Избави насъ, Боже, угождать кому-либо на счетъ добродѣтели. Ты спрашиваешь меня, любезный другъ, о Карамзинѣ. Еще скажу тебѣ при семъ о ложныхъ заключеніяхъ здѣшняго главнокомандующаго *). Онъ говоритъ, что Карамзинъ ученикъ Новикова и на его иждивеніи посыланъ былъ въ чужіе краи, мартинистъ и проч. Возможно-ли такъ все невѣрно знать, при такой охотѣ все развѣдывать и разыскивать, и можно-ли такъ думать, читая журналъ Карамзина, который совсѣмъ анти того, что разумѣютъ мартинизмомъ, и котораго никто болѣе не отвращалъ отъ пустаго и ему убыточнаго вояжу, какъ Новиковъ, да и тѣ изъ его знакомыхъ, кои слывутъ мартинистами? Карамзину хочется непремѣнно сдѣлаться писателемъ такъ, какъ князю Прозоровскому истребить мартинистовъ; но думаю, оба равной будутъ имѣть успѣхъ; обоимъ, чаю, тужить о неудачѣ. Я, право, не сердитъ на послѣдняго, а онъ мнѣ очень жалокъ. Недостатокъ въ немъ любви, которой, лучше сказать, и вовсе нѣту въ немъ, причиною всѣхъ его заблужденій и тому, что всѣ его не любятъ, и ни отъ кого не услышишь объ немъ добраго слова. Нещастіе его права, что онъ все ищетъ только обвинять. Напримѣръ, нѣкоторыя его предписанія, читанныя мною, по уголовному судопроизводству не худы (хотя примѣтить можно, что у него былъ секретарь искусный въ сей части), но что-жъ? Вездѣ только о томъ идетъ дѣло, какъ бы открыть преступленіе, а ничего о томъ, какъ защитить невинность и оградить отъ напраснаго страданія.

Теперь здѣсь графъ Безбородко, пріѣхавшій сюда на нѣсколько дней отдохнуть отъ дѣлъ. Министръ искусный, весьма, сказываютъ, добродушный и рѣдкое имѣющій достоинство — не употреблять во вредъ довѣренность монаршую.

---

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

Ненавистное заключеніе знатнаго клеветника *) о подлянін нашемъ, какъ я писалъ къ тебѣ въ послѣднемъ моемъ письмѣ, такъ уже грубо зло, что всѣ уже, слышащіе таковое разглашеніе, видятъ весь ядъ и все невѣжество въ таковомъ толкованіи. Чему удивляться, что помощь бѣднымъ и добросердечное съ людьми обхожденіе кажутся подозрительными для того человѣка, который говоритъ, что человѣколюбіе и состраданіе къ ближнему свойственно только монахамъ и мартинистамъ, которые здѣсь существуютъ токмо въ бредящей всегда головѣ его?

Богъ и Спаситель мой повелѣваетъ мнѣ помогать ближнимъ моимъ; законы государственные, которые должны быть основаны и суть на божественныхъ, тоже подтверждаютъ, особливо начертанныя Екатерининымъ человѣколюбіемъ. Кто-жъ можетъ сжать мою руку, когда благословляемое Творцемъ моимъ сердечное побужденіе растворяетъ ее на помощь ближнему моему страждущему? Избави насъ, Боже, угождать кому-либо на счетъ добродѣтели. Ты спрашиваешь меня, любезный другъ, о Карамзинѣ. Еще скажу тебѣ при семъ о ложныхъ заключеніяхъ здѣшняго главнокомандующаго *). Онъ говоритъ, что Карамзинъ ученикъ Новикова и на его иждивеніи посыланъ былъ въ чужіе краи, мартинистъ и проч. Возможно-ли такъ все невѣрно знать, при такой охотѣ все развѣдывать и разыскивать, и можно-ли такъ думать, читая журналъ Карамзина, который совсѣмъ анти того, что разумѣютъ мартинизмомъ, и котораго никто болѣе не отвращалъ отъ пустаго и ему убыточнаго вояжу, какъ Новиковъ, да и тѣ изъ его знакомыхъ, кои слывутъ мартинистами? Карамзину хочется непремѣнно сдѣлаться писателемъ такъ, какъ князю Прозоровскому истребить мартинистовъ; но думаю, оба равной будутъ имѣть успѣхъ; обоимъ, чаю, тужить о неудачѣ. Я, право, не сердитъ на послѣдняго, а онъ мнѣ очень жалокъ. Недостатокъ въ немъ любви, которой, лучше сказать, и вовсе нѣту въ немъ, причиною всѣхъ его заблужденій и тому, что всѣ его не любятъ, и ни отъ кого не услышишь объ немъ добраго слова. Нещастіе его права, что онъ все ищетъ только обвинять. Напримѣръ, нѣкоторыя его предписанія, читанныя мною, по уголовному судопроизводству не худы (хотя примѣтить можно, что у него былъ секретарь искусный въ сей части), но что-жъ? Вездѣ только о томъ идетъ дѣло, какъ бы открыть преступленіе, а ничего о томъ, какъ защитить невинность и оградить отъ напраснаго страданія.

Теперь здѣсь графъ Безбородко, пріѣхавшій сюда на нѣсколько дней отдохнуть отъ дѣлъ. Министръ искусный, весьма, сказываютъ, добродушный и рѣдкое имѣющій достоинство — не употреблять во вредъ довѣренность монаршую.

---

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

О нещастномъ твоемъ Радищевѣ ничего я не слыхалъ послѣ того, какъ одинъ пріѣхавшій изъ Сибири сказывалъ мнѣ, что онъ, проѣзжая, встрѣтилъ его по ту сторону Перми, ѣдущаго въ свое мѣсто. Онъ съ нимъ незнакомъ и не видалъ его, а видѣлъ экипажи. Это было въ концѣ ноября. Весьма справедливо твое, мой другъ, мнѣніе, и я съ нимъ согласенъ, что ежели подданный и сынъ отечества почитаетъ за долгъ представить о чемъ-нибудь истину своему государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи, и, какъ я увѣренъ, пріиметъ сіе всегда Екатерина, а не разсѣяніемъ книги, могущей возмутить покой общественный. Vale.

78. М. М. ХЕРАСКОВЪ [?] — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Радъ я случаю, дающему мнѣ возможность сказать вамъ, любезнѣйшій мой Алексѣй Михайловичъ, что я искренно желаю вамъ добра, что я люблю васъ, помню и почитаю. Радъ я буду, когда вы вспомните и что-нибудь молвите о мнѣ, хотя въ письмѣ къ другу вашему. Я молчалъ долго, не получа отвѣтовъ на мои письма; ни мало не взыскиваю на васъ за молчаніе и неуваженіе того, который вамъ сердечно преданъ и есть между прочими данными мнѣ отъ васъ дружескими названіями

Вашъ покорнѣйшій слуга Стихотворцевъ.

Сергѣй вашъ здоровъ, живетъ честно и порядочно.

79. П. В. ЛОПУХИНЪ [?] — А. М. КУТУЗОВУ.

[Вторая приписка къ предыдущему письму].

Братецъ твой Ѳедоръ Михайловичъ пеняетъ, слышно, что ты къ нему не пишешь. Не безпокойся, мой другъ, когда долго не получишь отъ меня письма, особливо, что теперь и князь Николай Никитичъ *) отсюда же къ тебѣ пишетъ. Не переставай же ко мнѣ писать. Прощай, сердечный другъ!

80. Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 13 февраля, 1791. — № 3.

На прошедшей почтѣ я просилъ друга моего Лопухина къ тебѣ отписать, чтобъ ты, мой другъ, не безпокоился, не получая отъ меня писемъ, ибо я былъ въ такомъ положеніи, что не въ состояніи былъ пи-

*) Кн. Н. П. Трубецкой.

О нещастномъ твоемъ Радищевѣ ничего я не слыхалъ послѣ того, какъ одинъ пріѣхавшій изъ Сибири сказывалъ мнѣ, что онъ, проѣзжая, встрѣтилъ его по ту сторону Перми, ѣдущаго въ свое мѣсто. Онъ съ нимъ незнакомъ и не видалъ его, а видѣлъ экипажи. Это было въ концѣ ноября. Весьма справедливо твое, мой другъ, мнѣніе, и я съ нимъ согласенъ, что ежели подданный и сынъ отечества почитаетъ за долгъ представить о чемъ-нибудь истину своему государю, то онъ долженъ сіе сдѣлать лицу его непосредственно и тайно, въ любви и благоговѣніи, и, какъ я увѣренъ, пріиметъ сіе всегда Екатерина, а не разсѣяніемъ книги, могущей возмутить покой общественный. Vale.

78. М. М. ХЕРАСКОВЪ [?] — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Радъ я случаю, дающему мнѣ возможность сказать вамъ, любезнѣйшій мой Алексѣй Михайловичъ, что я искренно желаю вамъ добра, что я люблю васъ, помню и почитаю. Радъ я буду, когда вы вспомните и что-нибудь молвите о мнѣ, хотя въ письмѣ къ другу вашему. Я молчалъ долго, не получа отвѣтовъ на мои письма; ни мало не взыскиваю на васъ за молчаніе и неуваженіе того, который вамъ сердечно преданъ и есть между прочими данными мнѣ отъ васъ дружескими названіями

Вашъ покорнѣйшій слуга Стихотворцевъ.

Сергѣй вашъ здоровъ, живетъ честно и порядочно.

79. П. В. ЛОПУХИНЪ [?] — А. М. КУТУЗОВУ.

[Вторая приписка къ предыдущему письму].

Братецъ твой Ѳедоръ Михайловичъ пеняетъ, слышно, что ты къ нему не пишешь. Не безпокойся, мой другъ, когда долго не получишь отъ меня письма, особливо, что теперь и князь Николай Никитичъ *) отсюда же къ тебѣ пишетъ. Не переставай же ко мнѣ писать. Прощай, сердечный другъ!

80. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 13 февраля, 1791. — № 3.

На прошедшей почтѣ я просилъ друга моего Лопухина къ тебѣ отписать, чтобъ ты, мой другъ, не безпокоился, не получая отъ меня писемъ, ибо я былъ въ такомъ положеніи, что не въ состояніи былъ пи-

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

сать. Княжна Катерина Петровна *) была при послѣднихъ часахъ своей жизни, и доктора на консиліумѣ опредѣлили ей только два часа жизни, но Богъ Спаситель нашъ услышалъ грѣшную молитву нашу и возвратилъ ее en dépit de tous les docteurs къ жизни, и теперь вся опасность миновалась и только слаба. Буди препрославлено имя Господне, Ему же единому буди слава, честь и поклоненіе отъ Его тварей во всѣ вѣчности вѣчностей! Аминь! Аллилуія!

Письмо твое, мой другъ, подъ № 1 я получилъ; радуюсь, что ты здоровъ. Книгу, о которой ты мнѣ писалъ, то есть: «De l'origine des usages, des abus» etc. я досталъ и первой томъ уже прочелъ. Эта книга, по моему сужденію, точно писана изъ помазанія **), но ей ***) рѣдкій изъ тѣхъ разуменъ ****) будетъ, которые не студировали великаго Бёма, и она такъ, какъ и Бёмъ, должна показаться сбродомъ для тѣхъ мнимыхъ великановъ, а въ истинномъ смыслѣ карловъ, которые не дерзаютъ возлетать духомъ выше чувственности и, пребывая на линіи скотовъ, думаютъ, упираясь на чувства и на происходящее отъ нихъ и отъ ихъ воображенія смыслъ, быть философами и, не понимая истины, ее дерзновенно отвергаютъ, и которые, подобно крестьянину, не имѣющему понятія объ электрической силѣ, увидя оную или, лучше сказать, о ней услышавъ, почитаетъ сказанное ему обманомъ или діявольщиною и готовъ вѣдующихъ силу электрическую гнать и истреблять, яко обманщиковъ или еретиковъ. Се есть, мой другъ, обыкновенная участь исходящихъ изъ линіи скотской, чтобы пребывающіе на оной линіи ихъ гнали, проклинали и старались истребить, и се есть ихъ опытъ и чистилище на земли, и горе имъ и въ здѣшней, и будущей жизни, ежели они оборотятся вспять и отъ страха человѣческаго дерзнутъ паки возвратиться на линію скотскую. Надъ ними сбудется сказанное во Евангеліи: «ежели вы отрекете Меня предъ человѣки, то и Я отрекусь васъ предъ Отцемъ Моимъ». Боже милосердый, соблюди человѣковъ на пути къ тому совершенству, ради котораго они опредѣлены во Твоемъ божественномъ совѣтѣ, и не допусти тѣхъ изъ нихъ, которые по слову твоему исходятъ изъ Содома, обратиться вспять, яко Лотова жена, и содѣлаться, подобно ей, землею или солію, смакъ свой или силу потеряющей! Спаси, Господи, весь родъ человѣческій, помилуй и гонителей истины и гонимыхъ, ибо обоимъ, какъ гонителямъ, такъ и поколебавшимся отъ гоненія, едина участь предстоитъ, и Ты обоихъ отвергнешь отъ лица Твоего. Господи, даждь имъ истинный смыслъ, да единые увидятъ свою неправду и покаются, а другіе да не

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) Такъ въ подлинникѣ: изъ помазанія.

***) Такъ въ подлинникѣ: ей.

****) Такъ въ подлинникѣ: разуменъ.

сать. Княжна Катерина Петровна *) была при послѣднихъ часахъ своей жизни, и доктора на консиліумѣ опредѣлили ей только два часа жизни, но Богъ Спаситель нашъ услышалъ грѣшную молитву нашу и возвратилъ ее en dépit de tous les docteurs къ жизни, и теперь вся опасность миновалась и только слаба. Буди препрославлено имя Господне, Ему же единому буди слава, честь и поклоненіе отъ Его тварей во всѣ вѣчности вѣчностей! Аминь! Аллилуія!

Письмо твое, мой другъ, подъ № 1 я получилъ; радуюсь, что ты здоровъ. Книгу, о которой ты мнѣ писалъ, то есть: «De l'origine des usages, des abus» etc. я досталъ и первой томъ уже прочелъ. Эта книга, по моему сужденію, точно писана изъ помазанія **), но ей ***) рѣдкій изъ тѣхъ разуменъ ****) будетъ, которые не студировали великаго Бёма, и она такъ, какъ и Бёмъ, должна показаться сбродомъ для тѣхъ мнимыхъ великановъ, а въ истинномъ смыслѣ карловъ, которые не дерзаютъ возлетать духомъ выше чувственности и, пребывая на линіи скотовъ, думаютъ, упираясь на чувства и на происходящее отъ нихъ и отъ ихъ воображенія смыслъ, быть философами и, не понимая истины, ее дерзновенно отвергаютъ, и которые, подобно крестьянину, не имѣющему понятія объ электрической силѣ, увидя оную или, лучше сказать, о ней услышавъ, почитаетъ сказанное ему обманомъ или діявольщиною и готовъ вѣдующихъ силу электрическую гнать и истреблять, яко обманщиковъ или еретиковъ. Се есть, мой другъ, обыкновенная участь исходящихъ изъ линіи скотской, чтобы пребывающіе на оной линіи ихъ гнали, проклинали и старались истребить, и се есть ихъ опытъ и чистилище на земли, и горе имъ и въ здѣшней, и будущей жизни, ежели они оборотятся вспять и отъ страха человѣческаго дерзнутъ паки возвратиться на линію скотскую. Надъ ними сбудется сказанное во Евангеліи: «ежели вы отрекете Меня предъ человѣки, то и Я отрекусь васъ предъ Отцемъ Моимъ». Боже милосердый, соблюди человѣковъ на пути къ тому совершенству, ради котораго они опредѣлены во Твоемъ божественномъ совѣтѣ, и не допусти тѣхъ изъ нихъ, которые по слову твоему исходятъ изъ Содома, обратиться вспять, яко Лотова жена, и содѣлаться, подобно ей, землею или солію, смакъ свой или силу потеряющей! Спаси, Господи, весь родъ человѣческій, помилуй и гонителей истины и гонимыхъ, ибо обоимъ, какъ гонителямъ, такъ и поколебавшимся отъ гоненія, едина участь предстоитъ, и Ты обоихъ отвергнешь отъ лица Твоего. Господи, даждь имъ истинный смыслъ, да единые увидятъ свою неправду и покаются, а другіе да не

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) Такъ въ подлинникѣ: изъ помазанія.

***) Такъ въ подлинникѣ: ей.

****) Такъ въ подлинникѣ: разуменъ.

убоятся человѣковъ, могущихъ убить только тѣло, а не душу, и да *) пребудутъ неколебимо привержены истинѣ ко прославленію Твоего святаго и великолѣпаго имени.

Вотъ, мой другъ, плодъ той горести, которую я имѣлъ, думая потерять толико для меня дорогую племянницу. Она умягчила мое сердце и извлекла изъ моего сердца тѣ чувствіи, которыя я уже изобразилъ, да укрѣпятся они въ моемъ сердцѣ и да вяще и вяще вижу плоды крестовъ, посылаемыхъ на насъ Спасителевой десницею и толико хорошо изображенныхъ въ великой книгѣ «Mystère de la Croix», которую, къ горю нашему, столь мало мы читаемъ тогда, когда оная книга и Кемписъ были бы довольно сильны удержать насъ непрестанно на пути истины. Но что я говорю? Когда мы не читаемъ и Святаго писанія, то что же уже намъ помочь можетъ! Боже милосердый, помилуй насъ по Твоему милосердію, не вниди въ судъ съ нами и, ради крови Твоей святой, спаси насъ! Аминь!!!

Здѣсь я остановляюсь и хочу тебя предупредить, чтобы писанное мною не подало тебѣ сомнѣнія, нѣтъ-ли какихъ новыхъ исторій, касающихся до насъ. Нѣтъ, мой другъ, будь спокоенъ. Кажется, что рожденный въ воображеніи многихъ, а наипаче нынѣшняго начальника Москвы **), фантомъ мартинизма зачинаетъ исчезать, а теперь уже нѣсколько времени не слыхать, чтобы онъ говорилъ о немъ. А мое разсужденіе есть точно плодъ умягченнаго сердца отъ горестей и радости, которыя я чувствовалъ попеременно отъ болѣзни и чуднаго выздоровленія княжны Катерины; и такъ все мое письмо прими въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ.

Я и всѣ наши, благодаря Бога, здоровы, но Николаю Ивановичу Новикову настоитъ вмѣстѣ съ нами горесть, которая не совершилась, но совершиться можетъ скоро. Жена его, а моя племянница ***), по сужденію докторовъ, — въ жестокой чахоткѣ, такъ что они не имѣютъ никакой надежды къ ея выздоровленію; это его и меня по родству и дружбѣ моей съ нимъ жестоко оскорбляетъ. Спроси, мой другъ, у твоихъ докторовъ, не можетъ-ли въ чахоткахъ помогать ΘN., а я не смѣю оной употребить въ этой болѣзни, и, пожалуйста, на первой почтѣ дай мнѣ на оное отвѣтъ.

Что мнѣ еще тебѣ сказать? О нещастномъ твоемъ другѣ ****) я уже къ тебѣ писалъ изъ Петербурга и подтверждаю, что его участь по неизреченно милосердному сердцу нашей монархини, за которую мы точно всѣ должны непрестанно молить Бога, толико облегчена, сколько преступни-

---

*) Въ подлинникѣ: и е.

**) Кн. А. А. Прозоровскій.

***) А. Е. Новикова.

****) А. Н. Радищевъ.

убоятся человѣковъ, могущихъ убить только тѣло, а не душу, и да *) пребудутъ неколебимо привержены истинѣ ко прославленію Твоего святаго и великолѣпаго имени.

Вотъ, мой другъ, плодъ той горести, которую я имѣлъ, думая потерять толико для меня дорогую племянницу. Она умягчила мое сердце и извлекла изъ моего сердца тѣ чувствіи, которыя я уже изобразилъ, да укрѣпятся они въ моемъ сердцѣ и да вяще и вяще вижу плоды крестовъ, посылаемыхъ на насъ Спасителевой десницею и толико хорошо изображенныхъ въ великой книгѣ «Mystère de la Croix», которую, къ горю нашему, столь мало мы читаемъ тогда, когда оная книга и Кемписъ были бы довольно сильны удержать насъ непрестанно на пути истины. Но что я говорю? Когда мы не читаемъ и Святаго писанія, то что же уже намъ помочь можетъ! Боже милосердый, помилуй насъ по Твоему милосердію, не вниди въ судъ съ нами и, ради крови Твоей святой, спаси насъ! Аминь!!!

Здѣсь я остановляюсь и хочу тебя предупредить, чтобы писанное мною не подало тебѣ сомнѣнія, нѣтъ-ли какихъ новыхъ исторій, касающихся до насъ. Нѣтъ, мой другъ, будь спокоенъ. Кажется, что рожденный въ воображеніи многихъ, а наипаче нынѣшняго начальника Москвы **), фантомъ мартинизма зачинаетъ исчезать, а теперь уже нѣсколько времени не слыхать, чтобы онъ говорилъ о немъ. А мое разсужденіе есть точно плодъ умягченнаго сердца отъ горестей и радости, которыя я чувствовалъ попеременно отъ болѣзни и чуднаго выздоровленія княжны Катерины; и такъ все мое письмо прими въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ.

Я и всѣ наши, благодаря Бога, здоровы, но Николаю Ивановичу Новикову настоитъ вмѣстѣ съ нами горесть, которая не совершилась, но совершиться можетъ скоро. Жена его, а моя племянница ***), по сужденію докторовъ, — въ жестокой чахоткѣ, такъ что они не имѣютъ никакой надежды къ ея выздоровленію; это его и меня по родству и дружбѣ моей съ нимъ жестоко оскорбляетъ. Спроси, мой другъ, у твоихъ докторовъ, не можетъ-ли въ чахоткахъ помогать ΘN., а я не смѣю оной употребить въ этой болѣзни, и, пожалуйста, на первой почтѣ дай мнѣ на оное отвѣтъ.

Что мнѣ еще тебѣ сказать? О нещастномъ твоемъ другѣ ****) я уже къ тебѣ писалъ изъ Петербурга и подтверждаю, что его участь по неизреченно милосердному сердцу нашей монархини, за которую мы точно всѣ должны непрестанно молить Бога, толико облегчена, сколько преступни-

---

*) Въ подлинникѣ: и е.

**) Кн. А. А. Прозоровскій.

***) А. Е. Новикова.

****) А. Н. Радищевъ.

кова участь облегчена быть можетъ. А что онъ — преступникъ, то я сіе утвердить могу по нѣкоторымъ фрагментамъ, которые мнѣ пересказывали изъ его книги; и увѣряю тебя, мой другъ, что вездѣ, кромѣ какъ подъ правленіемъ толико милосердой матери нашей, онъ бы за преступленіе свое потерялъ голову на эшафотѣ; даже бы и при самомъ владѣніи Елисаветы онъ бы истязанъ былъ въ Тайной; ибо онъ не только разрывалъ въ книгѣ своей всѣ союзы общества, но и освященную особу царскую не пощадилъ. И за все оное чѣмъ онъ наказанъ? Отняты у него средствы быть впредь вреднымъ; да и заключенъ онъ не навсегда, а только на время, дабы могъ опомниться и изъ преступника содѣлаться впредь полезнымъ членомъ общества. Итакъ, мой другъ, будь спокоенъ объ его участи и моли Спасителя нашего, толико жаждущаго покаянія и исправленія грѣшника, чтобы Онъ ему далъ слезы покаянія для омовенія дерзновеннаго его поступка, и тогда онъ же вложитъ въ сердце монархини и матери нашей, всегда готовое прощать, что она возвратитъ его въ свое время, и мы его увидимъ изъ преступника полезнымъ гражданиномъ, который самъ будетъ проклинать тѣ правилы, которыя истекли изъ его пера.

Прости, мой другъ, писать больше нечего, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

81. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 14/25 февраля, 1791. (10 марта).

Дражайшій другъ! По сіе время ни писемъ, ни векселя не получаю. Первое больно моему сердцу, послѣднее доводитъ меня до самой крайности. Ты знаешь, сердечный другъ, что точность была одно изъ первѣйшихъ нашихъ условій. Прости, любезный другъ.

82. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 14/25 февраля, 1791. — № 3 (10 марта).

Любезный мой другъ! Странныя начертанія, которыя вы здѣсь видите, нашелъ я, гуляя въ одномъ древнемъ зданіи; и по сіе время не могу догадаться, на какомъ языкѣ они писаны и что бы сіе значило. Повсюду усматриваю единообразность. Изъ любопытства списалъ я сію бумажку, оставя у себя подлинное, и посылаю къ вамъ, дабы и вы поизострили надъ ней ваше вниманіе. Легко случиться можетъ, что кто-нибудь маралъ, и самъ не зная что, такъ, какъ сіе часто случается, а въ позднѣйшія времена ученые спорятъ и ломаютъ надъ симъ свои головы. Какъ бы то ни было, пользы я никакой не получилъ, а вредъ чувствую тотъ, что, списывая, потерялъ мое время и не могу вамъ писать болѣе. Поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ Москву; на будущей почтѣ буду писать порядочно.

кова участь облегчена быть можетъ. А что онъ — преступникъ, то я сіе утвердить могу по нѣкоторымъ фрагментамъ, которые мнѣ пересказывали изъ его книги; и увѣряю тебя, мой другъ, что вездѣ, кромѣ какъ подъ правленіемъ толико милосердой матери нашей, онъ бы за преступленіе свое потерялъ голову на эшафотѣ; даже бы и при самомъ владѣніи Елисаветы онъ бы истязанъ былъ въ Тайной; ибо онъ не только разрывалъ въ книгѣ своей всѣ союзы общества, но и освященную особу царскую не пощадилъ. И за все оное чѣмъ онъ наказанъ? Отняты у него средствы быть впредь вреднымъ; да и заключенъ онъ не навсегда, а только на время, дабы могъ опомниться и изъ преступника содѣлаться впредь полезнымъ членомъ общества. Итакъ, мой другъ, будь спокоенъ объ его участи и моли Спасителя нашего, толико жаждущаго покаянія и исправленія грѣшника, чтобы Онъ ему далъ слезы покаянія для омовенія дерзновеннаго его поступка, и тогда онъ же вложитъ въ сердце монархини и матери нашей, всегда готовое прощать, что она возвратитъ его въ свое время, и мы его увидимъ изъ преступника полезнымъ гражданиномъ, который самъ будетъ проклинать тѣ правилы, которыя истекли изъ его пера.

Прости, мой другъ, писать больше нечего, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

81. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 14/25 февраля, 1791. (10 марта).

Дражайшій другъ! По сіе время ни писемъ, ни векселя не получаю. Первое больно моему сердцу, послѣднее доводитъ меня до самой крайности. Ты знаешь, сердечный другъ, что точность была одно изъ первѣйшихъ нашихъ условій. Прости, любезный другъ.

82. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 14/25 февраля, 1791. — № 3 (10 марта).

Любезный мой другъ! Странныя начертанія, которыя вы здѣсь видите, нашелъ я, гуляя въ одномъ древнемъ зданіи; и по сіе время не могу догадаться, на какомъ языкѣ они писаны и что бы сіе значило. Повсюду усматриваю единообразность. Изъ любопытства списалъ я сію бумажку, оставя у себя подлинное, и посылаю къ вамъ, дабы и вы поизострили надъ ней ваше вниманіе. Легко случиться можетъ, что кто-нибудь маралъ, и самъ не зная что, такъ, какъ сіе часто случается, а въ позднѣйшія времена ученые спорятъ и ломаютъ надъ симъ свои головы. Какъ бы то ни было, пользы я никакой не получилъ, а вредъ чувствую тотъ, что, списывая, потерялъ мое время и не могу вамъ писать болѣе. Поздравляю васъ съ пріѣздомъ въ Москву; на будущей почтѣ буду писать порядочно.

83. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 20 февраля, 1791. — № 4.

Письмо твое, мой другъ любезный, подъ № 2-мъ получилъ. Благодарю Бога, что ты здоровъ. Что-жъ касается до дому П[иннатуса *], то я тебя могу увѣрить, что ты въ его домѣ точно такъ можешь жить, какъ тебѣ хочется, и его домъ, конечно, такъ расположенъ, что ты, живучи въ немъ, можешь думать, что ты живешь въ уединеніи. Однако-жъ все оное исполни не иначе, мой другъ, какъ излѣчась совсѣмъ отъ своихъ болѣзней и получа точное позволеніе отъ твоего доктура Сок. ѣхать въ твое отечество и получа отъ него точное наставленіе, какъ тебѣ себя вести, а безъ того, мой другъ, не спѣши своею поѣздкою; лучше еще нѣсколько времени намъ быть съ тобою въ разлукѣ, нежели тебѣ невылѣченнымъ къ намъ пріѣхать.

Ты хочешь знать, мой другъ, о моемъ домѣ, гдѣ я оный купилъ, то я скажу, что я нѣсколько только шаговъ спустился внизъ по улицѣ отъ прежняго моего дому и, словомъ, я купилъ ту аптеку, которая и на этой улицѣ была; и такъ ты можешь письма свои также подписывать ко мнѣ, какъ ты подписывалъ прежде.

Что мнѣ еще тебѣ сказать? Новаго у насъ ничего нѣтъ и, благодаря Бога, все спокойно. Нынче ждутъ въ Москву князя Потемкина, который ѣдетъ въ Петербургъ, но зачѣмъ? Никто не знаетъ, а думаютъ, что для принятія наставленій отъ государыни касательно до будущей кампаніи.

Касательно до общаго нашего пріятеля, Карамзина, то мнѣ кажется, что онъ бабочку ловитъ и что чужіе край, надувъ его гордостію, содѣлали, что онъ теперь никуды не годится. Онъ былъ у меня однажды съ моего пріѣзду, но, видно, разговоры мои касательно до безумнаго предпріятія каждаго неопытнаго молодого человѣка въ томъ, чтобы исправлять писаніями своими родъ человѣческій, ему не полюбились, ибо онъ съ тѣхъ поръ, какъ ногу переломилъ, и у меня не былъ. Сочиненіе-жъ его никому не полюбилось, да и, правду сказать, полюбиться не чему, я пробѣжалъ оныя и не въ состояніи былъ оныхъ дочитать. Словомъ, онъ своимъ журналомъ объявилъ себя въ глазахъ публики дерзновеннымъ и, между нами сказать, дуракомъ; а касательно до экономическаго его положенія, то онъ отъ своего журнала разстроилъ свое состояніе и се есть достойное награжденіе за его гордость; однако-жъ не прими слова „дерзновеннаго“ въ томъ смыслѣ, яко бы онъ писалъ дерзко; нѣтъ, но я его дерзновеннымъ называю потому, что, бывъ еще почти ребенокъ, онъ дерзнулъ на предпріятіе предложить свои сочиненіи

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

83. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 20 февраля, 1791. — № 4.

Письмо твое, мой другъ любезный, подъ № 2-мъ получилъ. Благодарю Бога, что ты здоровъ. Что-жъ касается до дому П[иннатуса *], то я тебя могу увѣрить, что ты въ его домѣ точно такъ можешь жить, какъ тебѣ хочется, и его домъ, конечно, такъ расположенъ, что ты, живучи въ немъ, можешь думать, что ты живешь въ уединеніи. Однако-жъ все оное исполни не иначе, мой другъ, какъ излѣчась совсѣмъ отъ своихъ болѣзней и получа точное позволеніе отъ твоего доктура Сок. ѣхать въ твое отечество и получа отъ него точное наставленіе, какъ тебѣ себя вести, а безъ того, мой другъ, не спѣши своею поѣздкою; лучше еще нѣсколько времени намъ быть съ тобою въ разлукѣ, нежели тебѣ невылѣченнымъ къ намъ пріѣхать.

Ты хочешь знать, мой другъ, о моемъ домѣ, гдѣ я оный купилъ, то я скажу, что я нѣсколько только шаговъ спустился внизъ по улицѣ отъ прежняго моего дому и, словомъ, я купилъ ту аптеку, которая и на этой улицѣ была; и такъ ты можешь письма свои также подписывать ко мнѣ, какъ ты подписывалъ прежде.

Что мнѣ еще тебѣ сказать? Новаго у насъ ничего нѣтъ и, благодаря Бога, все спокойно. Нынче ждутъ въ Москву князя Потемкина, который ѣдетъ въ Петербургъ, но зачѣмъ? Никто не знаетъ, а думаютъ, что для принятія наставленій отъ государыни касательно до будущей кампаніи.

Касательно до общаго нашего пріятеля, Карамзина, то мнѣ кажется, что онъ бабочку ловитъ и что чужіе край, надувъ его гордостію, содѣлали, что онъ теперь никуды не годится. Онъ былъ у меня однажды съ моего пріѣзду, но, видно, разговоры мои касательно до безумнаго предпріятія каждаго неопытнаго молодого человѣка въ томъ, чтобы исправлять писаніями своими родъ человѣческій, ему не полюбились, ибо онъ съ тѣхъ поръ, какъ ногу переломилъ, и у меня не былъ. Сочиненіе-жъ его никому не полюбилось, да и, правду сказать, полюбиться не чему, я пробѣжалъ оныя и не въ состояніи былъ оныхъ дочитать. Словомъ, онъ своимъ журналомъ объявилъ себя въ глазахъ публики дерзновеннымъ и, между нами сказать, дуракомъ; а касательно до экономическаго его положенія, то онъ отъ своего журнала разстроилъ свое состояніе и се есть достойное награжденіе за его гордость; однако-жъ не прими слова „дерзновеннаго“ въ томъ смыслѣ, яко бы онъ писалъ дерзко; нѣтъ, но я его дерзновеннымъ называю потому, что, бывъ еще почти ребенокъ, онъ дерзнулъ на предпріятіе предложить свои сочиненіи

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

публикѣ, и вздумалъ, что онъ уже авторъ и что онъ въ числѣ великихъ писателей въ нашемъ отечествѣ, и даже осмѣлился рецентію дѣлать на «Кадма»; но что касается до самаго его сочиненія, то въ ономъ никакой дерзости нѣтъ, а есть много глупости и скуки для читателя.

Прости, писать больше нечего, я жду съ нетерпѣніемъ отвѣта, можно-ли при чахоткѣ употреблять Алексашѣ *) бѣлый порошекъ, то есть, ΘN или ♄M. Я тебя въ мысляхъ обнимаю. Твой другъ.

84. Э. І. ШРЕТЕРЪ — бар. ШРЕДЕРУ.

С.-Петербургъ. 23 февраля — 6 марта, 1791. (21 апрѣля).

Geliebter und werthgeschätzter Freund!

Dero mir sehr angenehmes Schreiben vom 25 December nebst der Einlage „Anzeigung einer allgemeinen interessanten Phisicalischen Entdeckung" habe den 12/23 February durch den Herrn Zwerak **) aus Moskau erhalten. Ich muss gestehen, dass ich hierdurch auf eine unerwartete Art bin recht überrascht worden, indem ich bis daher glaubte: 1-s bey Ihnen ganz in Vergessenheit gerathen zu seyn, 2-s aus Ihrer Gegend eine Anzeige zu lesen, die nach unserer heutigen Denkungsart von erleuchteten Zeiten ganz ausgemertzt werden muss, wie solches aus verschiedenen Gelehrten Berlinischen Zeitungen zu ersehen ist.

So lieb mir auch die Anzeige zu lesen gewesen, es mich auch freuet, dass Maurer auftreten diese Wissenschaft öffentlich bekannt zu machen, so trage ich doch Sorge, dass solches vielen Verdruss, Wortstreite und ungegründete Widersprüche, die nicht bessern und lehren, dem Autori bey seinem besten Willen veranlassen und verursachen wird.

Unterdessen wünsche ich recht herzlich das System zu lesen und zu kennen, hoffe bey Gelegenheit es von Ihnen zu erhalten und mit dem meinigen vergleichen zu können. Ich habe seit Ihrer Abreise noch verschiedenes als Beyträge zu den schon gehabten gefunden und gesammelt, die ich mit Nutzen gebrauche, auch zufrieden bin, mache es aber mit meinem System, wie die Schnecke, die sich in ihr Häuschen verbirgt, und denke: In dem Tempel, in dem Stillen deines reinen Heiligthums, wo der Ort voll deines Ruhmes, kann ich die Gelübde erfüllen nach den Pflichten meines Lichtes. Das Gewissen zwingt hier nichts. Vale.

Eberh. Ioh. Schroeter.

P. S. Ich bitte mir den Autor zu nennen und Ihre Adresse anzugeben, damit ich den Umweg vermeide. Vielleicht, wenn diese gesammelten

*) А. Е. Новикова.
**) Е. Ф. Звѣракъ.

публикѣ, и вздумалъ, что онъ уже авторъ и что онъ въ числѣ великихъ писателей въ нашемъ отечествѣ, и даже осмѣлился рецентію дѣлать на «Кадма»; но что касается до самаго его сочиненія, то въ ономъ никакой дерзости нѣтъ, а есть много глупости и скуки для читателя.

Прости, писать больше нечего, я жду съ нетерпѣніемъ отвѣта, можно-ли при чахоткѣ употреблять Алексашѣ *) бѣлый порошекъ, то есть, ΘN или ☽M. Я тебя въ мыслях обнимаю. Твой другъ.

84. Э. І. ШРЕТЕРЪ — бар. ШРЕДЕРУ.

С.-Петербургъ. 23 февраля — 6 марта, 1791. (21 апрѣля).

Geliebter und werthgeschätzter Freund!

Dero mir sehr angenehmes Schreiben vom 25 December nebst der Einlage „Anzeigung einer allgemeinen interessanten Phisicalischen Entdeckung" habe den 12/23 February durch den Herrn Zwerak **) aus Moskau erhalten. Ich muss gestehen, dass ich hierdurch auf eine unerwartete Art bin recht überrascht worden, indem ich bis daher glaubte: 1-s bey Ihnen ganz in Vergessenheit gerathen zu seyn, 2-s aus Ihrer Gegend eine Anzeige zu lesen, die nach unserer heutigen Denkungsart von erleuchteten Zeiten ganz ausgemertzt werden muss, wie solches aus verschiedenen Gelehrten Berlinischen Zeitungen zu ersehen ist.

So lieb mir auch die Anzeige zu lesen gewesen, es mich auch freuet, dass Maurer auftreten diese Wissenschaft öffentlich bekannt zu machen, so trage ich doch Sorge, dass solches vielen Verdruss, Wortstreite und ungegründete Widersprüche, die nicht bessern und lehren, dem Autori bey seinem besten Willen veranlassen und verursachen wird.

Unterdessen wünsche ich recht herzlich das System zu lesen und zu kennen, hoffe bey Gelegenheit es von Ihnen zu erhalten und mit dem meinigen vergleichen zu können. Ich habe seit Ihrer Abreise noch verschiedenes als Beyträge zu den schon gehabten gefunden und gesammelt, die ich mit Nutzen gebrauche, auch zufrieden bin, mache es aber mit meinem System, wie die Schnecke, die sich in ihr Häuschen verbirgt, und denke: In dem Tempel, in dem Stillen deines reinen Heiligthums, wo der Ort voll deines Ruhmes, kann ich die Gelübde erfüllen nach den Pflichten meines Lichtes. Das Gewissen zwingt hier nichts. Vale.

Eberh. Ioh. Schroeter.

P. S. Ich bitte mir den Autor zu nennen und Ihre Adresse anzugeben, damit ich den Umweg vermeide. Vielleicht, wenn diese gesammelten

*) А. Е. Новикова.
**) Е. Ф. Звѣракъ.

Materialien nebst meiner Sammlung und Erfahrungen von mehr als 40 Jahr[illegible] zusammen gebracht werden, so glaube ich, dass die Witterungslehre etc. [illegible] zu einer grossen Vollkommenheit gelangen kann, und welche ei[illegible] nehme und nützliche Correspondenz wird es nicht angeben?

85. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1/12 марта, 1791. — № 4. (21 апрѣля).

Радуюсь, сердечный мой другъ, что вы, наконецъ, возвратились въ нѣдра вашихъ родственныхъ и друзей, однимъ словомъ, что вы дома и можете располагать собою и своимъ временемъ по извѣстному порядку. Я съ вами согласенъ, и, конечно, въ моихъ глазахъ Петербургъ во многомъ предпочтителенъ Москвѣ; да и какъ сему быть иначе: тамъ все подъ глазами самого монарха и, слѣдовательно, господа бояре не имѣютъ столько случаевъ предаваться непомѣрному ихъ властолюбію. Москва изстари была болтлива и справедливо императрица называетъ ее старою вралею. Чему же дивиться пустотамъ, тамъ выдумываемымъ, тѣмъ паче, ежели самъ градодержатель *) старается подстрекать оныя. Я не намѣренъ ни мало отнимать чести у вашего главнокомандующаго; онъ имѣетъ свои достоинства, человѣкъ весьма честный, т. е., по общему понятію; извѣстно мнѣ, что онъ былъ отмѣнно хорошій генералъ, но нынѣ находится-ли на своемъ мѣстѣ, сего судить не въ состояніи и не смѣю. Знаю однако-жъ, что и по одному пути идучи, есть для каждаго человѣка черта, по преступленіи которой человѣкъ теряется и находится совершенно въ чуждой ему сферѣ. Присовокупите-жъ къ сему, что каждый изъ насъ, по словамъ Стерна, имѣетъ своего конька, на которомъ онъ охотно ѣздитъ. Нынѣ всѣ замѣшаны на отличіи и, ежели нѣтъ существенности, то прибѣгаютъ къ вымысламъ. Сіе удалось мнѣ видѣть во время продолженія моей службы. Часто такъ называемые партизаны, разъѣзжая по степямъ, разили и побѣждали непріятелей, которыхъ они никогда не видали, и не рѣдко получали за сіе награжденія. Но что говорить о семъ? Сіе мы довольно испытали на самихъ насъ. Не сердитесь на мою откровенность; я не могъ удержаться отъ смѣха, читая продолженіе вашего письма. Вы вопрошаете меня съ весьма важнымъ видомъ, что такое мартинистъ, откуда происходитъ сіе названіе и какихъ свойствъ суть люди, именуемые симъ названіемъ. Сіе точно такъ же, какъ ежели-бъ кто вопросилъ, какъ назывался и какихъ свойствъ былъ тотъ страшный исполинъ, противъ котораго храбрый витязь Донъ-Кишотъ сражался такъ нещастливо. Вѣрьте мнѣ, что нынѣшній вѣкъ наполненъ множествомъ Донъ-Кишотовъ всякаго рода. Источникъ сего

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

Materialien nebst meiner Sammlung und Erfahrungen von mehr als 40 Jahr[illegible] zusammen gebracht werden, so glaube ich, dass die Witterungslehre etc. [illegible] zu einer grossen Vollkommenheit gelangen kann, und welche ei[illegible] nehme und nützliche Correspondenz wird es nicht angeben?

85. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1/12 марта, 1791. — № 4. (21 апрѣля).

Радуюсь, сердечный мой другъ, что вы, наконецъ, возвратились въ нѣдра вашихъ родственныхъ и друзей, однимъ словомъ, что вы дома и можете располагать собою и своимъ временемъ по извѣстному порядку. Я съ вами согласенъ, и, конечно, въ моихъ глазахъ Петербургъ во многомъ предпочтителенъ Москвѣ; да и какъ сему быть иначе: тамъ все подъ глазами самого монарха и, слѣдовательно, господа бояре не имѣютъ столько случаевъ предаваться непомѣрному ихъ властолюбію. Москва изстари была болтлива и справедливо императрица называетъ ее старою вралею. Чему же дивиться пустотамъ, тамъ выдумываемымъ, тѣмъ паче, ежели самъ градодержатель *) старается подстрекать оныя. Я не намѣренъ ни мало отнимать чести у вашего главнокомандующаго; онъ имѣетъ свои достоинства, человѣкъ весьма честный, т. е., по общему понятію; извѣстно мнѣ, что онъ былъ отмѣнно хорошій генералъ, но нынѣ находится-ли на своемъ мѣстѣ, сего судить не въ состояніи и не смѣю. Знаю однако-жъ, что и по одному пути идучи, есть для каждаго человѣка черта, по преступленіи которой человѣкъ теряется и находится совершенно въ чуждой ему сферѣ. Присовокупите-жъ къ сему, что каждый изъ насъ, по словамъ Стерна, имѣетъ своего конька, на которомъ онъ охотно ѣздитъ. Нынѣ всѣ замѣшаны на отличіи и, ежели нѣтъ существенности, то прибѣгаютъ къ вымысламъ. Сіе удалось мнѣ видѣть во время продолженія моей службы. Часто такъ называемые партизаны, разъѣзжая по степямъ, разили и побѣждали непріятелей, которыхъ они никогда не видали, и не рѣдко получали за сіе награжденія. Но что говорить о семъ? Сіе мы довольно испытали на самихъ насъ. Не сердитесь на мою откровенность; я не могъ удержаться отъ смѣха, читая продолженіе вашего письма. Вы вопрошаете меня съ весьма важнымъ видомъ, что такое мартинистъ, откуда происходитъ сіе названіе и какихъ свойствъ суть люди, именуемые симъ названіемъ. Сіе точно такъ же, какъ ежели-бъ кто вопросилъ, какъ назывался и какихъ свойствъ былъ тотъ страшный исполинъ, противъ котораго храбрый витязь Донъ-Кишотъ сражался такъ нещастливо. Вѣрьте мнѣ, что нынѣшній вѣкъ наполненъ множествомъ Донъ-Кишотовъ всякаго рода. Источникъ сего

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

баснословія есть господинъ Mercier; онъ первый составилъ сію секту въ книгѣ своей «Tableau de Paris»; однако-жъ сей авторъ описалъ ихъ яко добросердечныхъ и миролюбивыхъ сумасбродовъ, ни съ которой стороны не опасныхъ ни правленію, ни частнымъ сочленамъ общества. Но вспомните Сумарокова притчу о снѣжномъ шарѣ и тогда увидите, отчего сіи люди сдѣлались нынѣ страшными и опасными. Основаніе"ъ сей секты положилъ онъ извѣстную книгу «Des Erreurs et de la Verité» и сочинителемъ оныя назначилъ онъ кого-то Saint-Martin. Въ бытность мою въ Парижѣ я прилагалъ всѣ возможные труды сыскать сего Saint-Martin, но тщетно, никто его не знаетъ. По сіе время неизвѣстенъ еще истинный сочинитель сея книги; трое или, лучше сказать, тремъ приписываютъ оную. Впрочемъ, какъ можно положиться на французскія названія? Напримѣръ, нынѣ царствующая партія во французскомъ національномъ собраніи называется les Enragés; можно ли изъ сего заключить, что всѣ сіи люди суть бѣшены? Теперь остается сказать два слова о послѣдователяхъ сей книги. Кто суть оные? Истинно не знаю. Читаютъ и читали ее многіе, но многіе-ли разумѣли читанное, сіе не извѣстно; думаю однако-жъ, что ни одинъ шалунъ не въ состояніи развязать сію претрудную іероглифу. По крайней мѣрѣ, я не могу ни хвалить, ни охуждать по совѣсти моей сей книги. Я мало читалъ оную, нашелъ однако-жъ мѣста ясныя, и сіи мнѣ казались истинны и важны, но вообще не разумѣлъ оныя. Но слѣдуетъ-ли изъ сего, что книга сія безумна? Странная логика! Но по нещастію она теперь господствуетъ между господами просвѣтителями. Кратко сказать, каждая земля имѣетъ нынѣ своихъ мартинистовъ, а сіи суть не что иное, какъ люди, старающіеся, уединясь отъ шумныхъ и безполезныхъ бесѣдъ, приводить въ совершенство свойствы, Творцомъ въ нихъ впечатлѣнныя, и, презря мечтательность и суету, приближаются къ цѣли истиннаго человѣка. Всѣ-ли такъ именуемые мартинисты суть на истинномъ пути, сіе составляетъ другой вопросъ, о которомъ однако-жъ шумящіе вѣтреники не хотятъ, да и не въ состояніи размышлять. Отрицай Бога, обманывай искусно, шути остроумно, разоряй своего ближняго, клевещи и злословь, совращай юныхъ безопытныхъ дѣвицъ — и будешь въ глазахъ ихъ добрымъ и безопаснымъ гражданиномъ; но воздерживайся отъ всѣхъ сихъ модныхъ качествъ,— неотмѣнно заслужишь имя мартиниста или преопаснѣйшаго человѣка въ обществѣ.

Здѣсь, въ Берлинѣ, не слыхалъ я ничего о мартинистахъ, но тѣмъ болѣе о езуитахъ. Не согласующіеся со здѣшнимъ церберомъ, состоящимъ изъ Николаи, Бистра и Гедике,—сей церберъ отличается отъ баснословнаго тѣмъ, что сей послѣдній воспрещаетъ входъ въ адъ, а оный не выпускаетъ никого изъ онаго, — суть, по мнѣнію сихъ мнимыхъ просвѣтителей, или дураки, или обманщики. Сказать-ли вамъ истинное мое

баснословія есть господинъ Mercier; онъ первый составилъ сію секту въ книгѣ своей «Tableau de Paris»; однако-жъ сей авторъ описалъ ихъ яко добросердечныхъ и миролюбивыхъ сумасбродовъ, ни съ которой стороны не опасныхъ ни правленію, ни частнымъ сочленамъ общества. Но вспомните Сумарокова притчу о снѣжномъ шарѣ и тогда увидите, отчего сіи люди сдѣлались нынѣ страшными и опасными. Основа-ніе-ъ сей секты положилъ онъ извѣстную книгу «Des Erreurs et de la Verité» и сочинителемъ оныя назначилъ онъ кого-то Saint-Martin. Въ бытность мою въ Парижѣ я прилагалъ всѣ возможные труды сыскать сего Saint-Martin, но тщетно, никто его не знаетъ. По сіе время неизвѣстенъ еще истинный сочинитель сея книги; трое или, лучше сказать, тремъ приписываютъ оную. Впрочемъ, какъ можно положиться на французскія названія? Напримѣръ, нынѣ царствующая партія во французскомъ національномъ собраніи называется les Enragés; можно ли изъ сего заключить, что всѣ сіи люди суть бѣшены? Теперь остается сказать два слова о послѣдователяхъ сей книги. Кто суть оные? Истинно не знаю. Читаютъ и читали ее многіе, но многіе-ли разумѣли читанное, сіе не извѣстно; думаю однако-жъ, что ни одинъ шалунъ не въ состояніи развязать сію претрудную іероглифу. По крайней мѣрѣ, я не могу ни хвалить, ни охуждать по совѣсти моей сей книги. Я мало читалъ оную, нашелъ однако-жъ мѣста ясныя, и сіи мнѣ казались истинны и важны, но вообще не разумѣлъ оныя. Но слѣдуетъ-ли изъ сего, что книга сія безумна? Странная логика! Но по нещастію она теперь господствуетъ между господами просвѣтителями. Кратко сказать, каждая земля имѣетъ нынѣ своихъ мартинистовъ, а сіи суть не что иное, какъ люди, старающіеся, уединясь отъ шумныхъ и безполезныхъ бесѣдъ, приводить въ совершенство свойствы, Творцомъ въ нихъ впечатлѣнныя, и, презря мечтательность и суету, приближаются къ цѣли истиннаго человѣка. Всѣ-ли такъ именуемые мартинисты суть на истинномъ пути, сіе составляетъ другой вопросъ, о которомъ однако-жъ шумящіе вѣтреники не хотятъ, да и не въ состояніи размышлять. Отрицай Бога, обманывай искусно, шути остроумно, разоряй своего ближняго, клевещи и злословь, совращай юныхъ безопытныхъ дѣвицъ — и будешь въ глазахъ ихъ добрымъ и безопаснымъ гражданиномъ; но воздерживайся отъ всѣхъ сихъ модныхъ качествъ, — неотмѣнно заслужишь имя мартиниста или преопаснѣйшаго человѣка въ обществѣ.

Здѣсь, въ Берлинѣ, не слыхалъ я ничего о мартинистахъ, но тѣмъ болѣе о езуитахъ. Не согласующіеся со здѣшнимъ церберомъ, состоящимъ изъ Николаи, Бистра и Гедике, — сей церберъ отличается отъ баснословнаго тѣмъ, что сей послѣдній воспрещаетъ входъ въ адъ, а оный не выпускаетъ никого изъ онаго, — суть, по мнѣнію сихъ мнимыхъ просвѣтителей, или дураки, или обманщики. Сказать-ли вамъ истинное мое

мнѣніе о всѣхъ сихъ вымыслахъ? Истинный оныхъ источникъ есть ненависть къ ученію нашего Спасителя, ибо Онъ у однихъ обуздываетъ ихъ пылкое воображеніе и полагаетъ предѣлы ихъ вымысламъ, у другихъ претитъ ихъ распутству, роскоши и сластолюбію. Ученіе Спасителя повелѣваетъ намъ быть человѣками, а модное мудрованіе старается превратить насъ въ скотовъ. Большая часть нынѣшнихъ остроумцевъ суть проповѣдники богини Цирцеи, и не безъ успѣха. Хлѣвы ея довольно уже наполнены. Но какъ время еще не пришло шествовать открытымъ лицемъ, то, не говоря ни слова о Спасителѣ, гонятъ Его въ людяхъ, которые хотя нѣколько являютъ желанія послѣдовать Его ученію. Вотъ истинное состояніе нынѣшняго умствованія, вотъ духъ, оживотворяющій гонителей и вралей! Судите-жъ сами, возможно-ли отвѣтствовать на дѣлаемый вами вопросъ? Оставимъ же сихъ пустослововъ, будемъ стараться содѣлываться христіанами, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, вопреки всѣмъ вымысламъ, будемъ добрыми гражданами. Я математически увѣренъ, что истинный христіанинъ не уподобится никогда Мирабо. Будетъ время, ежели уже не настало оно, въ которое монархи откроютъ очи свои и узрятъ, что они пригнетали истинныхъ своихъ друзей, узрятъ, что наушники суть змѣи, которыхъ они согрѣвали за пазухою. «Кадма» и прочее получилъ исправно, и благодарю искренно. Я прочиталъ съ великимъ вниманіемъ и былъ чрезвычайно доволенъ. О семъ поговоримъ въ другой разъ, теперь усталъ. Простите, желаю всѣхъ истинныхъ благъ.

86. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Сердечный мой другъ! Письмо твое отъ 3-го и 6-го февраля съ приписаніемъ нашего стихотворца получено исправно. Благодарю тебя за оное. Но позволь попенять о молчаніи твоемъ въ разсужденіи пересылки денегъ. Мѣсяца два тому назадъ, какъ ты писалъ мнѣ сіи слова: «сегодня хотѣлось мнѣ переслать тебѣ вексель», и съ сего времени не упоминаешь о семъ ни единаго слова; сіе приводитъ меня въ великое удивленіе. Ты не повѣришь, мой сердечный другъ, въ какой я крайности; вообрази нынѣшній отъ часу упадающій курсъ, страшные жидовскіе проценты, которые принуждены платить за то число денегъ, которыя въ состояніи бываю достать, такъ сказать, для моего прокормленія. Все сіе не можетъ иного произвести въ сердцѣ моемъ, какъ чрезвычайнаго безпокойства, приближающагося къ отчаянію; истинно не знаю, чѣмъ сіе кончится.

Признаться тебѣ, я полагался твердо на твое слово; но ты не соотвѣствуешь моему ожиданію. Не обвиняю тебя, но сіе не облегчаетъ

мнѣніе о всѣхъ сихъ вымыслахъ? Истинный оныхъ источникъ есть ненависть къ ученію нашего Спасителя, ибо Онъ у однихъ обуздываетъ ихъ пылкое воображеніе и полагаетъ предѣлы ихъ вымысламъ, у другихъ претитъ ихъ распутству, роскоши и сластолюбію. Ученіе Спасителя повелѣваетъ намъ быть человѣками, а модное мудрованіе старается превратить насъ въ скотовъ. Большая часть нынѣшнихъ остроумцевъ суть проповѣдники богини Цирцеи, и не безъ успѣха. Хлѣвы ея довольно уже наполнены. Но какъ время еще не пришло шествовать открытымъ лицемъ, то, не говоря ни слова о Спасителѣ, гонятъ Его въ людяхъ, которые хотя нѣколько являютъ желанія послѣдовать Его ученію. Вотъ истинное состояніе нынѣшняго умствованія, вотъ духъ, оживотворяющій гонителей и вралей! Судите-жъ сами, возможно-ли отвѣтствовать на дѣлаемый вами вопросъ? Оставимъ же сихъ пустослововъ, будемъ стараться содѣлываться христіанами, и тогда, безъ всякаго сомнѣнія, вопреки всѣмъ вымысламъ, будемъ добрыми гражданами. Я математически увѣренъ, что истинный христіанинъ не уподобится никогда Мирабо. Будетъ время, ежели уже не настало оно, въ которое монархи откроютъ очи свои и узрятъ, что они пригнетали истинныхъ своихъ друзей, узрятъ, что наушники суть змѣи, которыхъ они согрѣвали за пазухою. «Кадма» и прочее получилъ исправно, и благодарю искренно. Я прочиталъ съ великимъ вниманіемъ и былъ чрезвычайно доволенъ. О семъ поговоримъ въ другой разъ, теперь усталъ. Простите, желаю всѣхъ истинныхъ благъ.

86. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Сердечный мой другъ! Письмо твое отъ 3-го и 6-го февраля съ приписаніемъ нашего стихотворца получено исправно. Благодарю тебя за оное. Но позволь попенять о молчаніи твоемъ въ разсужденіи пересылки денегъ. Мѣсяца два тому назадъ, какъ ты писалъ мнѣ сіи слова: «сегодня хотѣлось мнѣ переслать тебѣ вексель», и съ сего времени не упоминаешь о семъ ни единаго слова; сіе приводитъ меня въ великое удивленіе. Ты не повѣришь, мой сердечный другъ, въ какой я крайности; вообрази нынѣшній отъ часу упадающій курсъ, страшные жидовскіе проценты, которые принуждены платить за то число денегъ, которыя въ состояніи бываю достать, такъ сказать, для моего прокормленія. Все сіе не можетъ иного произвести въ сердцѣ моемъ, какъ чрезвычайнаго безпокойства, приближающагося къ отчаянію; истинно не знаю, чѣмъ сіе кончится.

Признаться тебѣ, я полагался твердо на твое слово; но ты не соотвѣствуешь моему ожиданію. Не обвиняю тебя, но сіе не облегчаетъ

моего состоянія. Провалъ возьми твоего знатнаго клеветника *); постарайся лучше объ облегченіи моей участи. Ты знаешь нынѣшнія критическія обстоятельства; можетъ быть, принужденъ буду оставить Берлинъ прежде, нежели думалъ, и не имѣю денегъ не только для путешествія, но и для заплаты долговъ. Прости, мой другъ, не сердись на сіе краткое письмецо, вынужденное изъ меня моими обстоятельствами; правду тебѣ сказать, я не знаю, какъ мнѣ и впредь возможно полагаться на вашу исправность.

87. А. М. КУТУЗОВЪ — А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Пришла и моя чреда пенять вамъ за ваше молчаніе; или письмы наши пропадаютъ, или вы, позвольте мнѣ сказать, залѣнились. Есть еще одно «или», но, кажется мнѣ, теперь оно не у мѣста; я не думаю, чтобы вы на меня за что нибудь сердились, ибо, сколько мнѣ извѣстно, не подалъ вамъ причины къ сему. Сдѣлайте милость, прервите ваше молчаніе; по малой мѣрѣ, ежели думаете имѣть причину наказывать меня такъ строго, то объявите мнѣ мое преступленіе, вспомните законъ, существующій въ нашемъ отечествѣ: «безъ суда никто да не будетъ наказанъ».

Правда, иногда господа судьи, особливо полицейскіе, и преступаютъ законъ сей; нерѣдко, наказавъ уже довольно жестоко, начинаютъ изслѣдовать: наказанный заслужилъ-ли быть наказанъ; но се суть исключенія изъ всеобщихъ правилъ и вы безъ всякаго сомнѣнія не подойдете никогда подъ сію статью. Оставя шутки, я очень болѣзную по причинѣ вашего молчанія; вѣрите-ли мнѣ, или нѣтъ, но я не престану говорить вамъ то, что чувствую: ваши письмы причиняютъ мнѣ великое удовольствіе. И можно-ли сему быть иначе, говоря съ особами, которыхъ мы искренно любимъ и почитаемъ? О себѣ скажу, слава Богу, здоровъ. Здѣсь ничего иного не слышно, какъ война, война, война. Всѣ-ли отъ добраго сердца произносятъ сіе слово? Сомнѣваюсь! Многіе, говоря такъ, желаютъ душевно остаться въ своихъ домахъ, при бутылкѣ пива и трубкѣ табаку, составляющихъ ихъ благоденствіе. Скажите мнѣ, что дѣлаетъ нашъ Рамзей **)? Онъ предложилъ мнѣ загадку, и замолчалъ. Не знаю, что о семъ думать. Видно, что путешествіе его произвело въ немъ великую перемѣну въ разсужденіи прежнихъ друзей его. Можетъ быть, и въ немъ произошла французская революція. Желалъ бы знать, въ чемъ состоитъ его журналъ и какой имѣетъ успѣхъ въ публикѣ. Ежели догадки мои справедливы, то отечество наше изображается имъ

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

**) Н. М. Карамзинъ.

моего состоянія. Провалъ возьми твоего знатнаго клеветника *); постарайся лучше объ облегченіи моей участи. Ты знаешь нынѣшнія критическія обстоятельства; можетъ быть, принужденъ буду оставить Берлинъ прежде, нежели думалъ, и не имѣю денегъ не только для путешествія, но и для заплаты долговъ. Прости, мой другъ, не сердись на сіе краткое письмецо, вынужденное изъ меня моими обстоятельствами; правду тебѣ сказать, я не знаю, какъ мнѣ и впредь возможно полагаться на вашу исправность.

87. А. М. КУТУЗОВЪ — А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Пришла и моя чреда пенять вамъ за ваше молчаніе; или письмы наши пропадаютъ, или вы, позвольте мнѣ сказать, залѣнились. Есть еще одно «или», но, кажется мнѣ, теперь оно не у мѣста; я не думаю, чтобы вы на меня за что нибудь сердились, ибо, сколько мнѣ извѣстно, не подалъ вамъ причины къ сему. Сдѣлайте милость, прервите ваше молчаніе; по малой мѣрѣ, ежели думаете имѣть причину наказывать меня такъ строго, то объявите мнѣ мое преступленіе, вспомните законъ, существующій въ нашемъ отечествѣ: «безъ суда никто да не будетъ наказанъ».

Правда, иногда господа судьи, особливо полицейскіе, и преступаютъ законъ сей; нерѣдко, наказавъ уже довольно жестоко, начинаютъ изслѣдовать: наказанный заслужилъ-ли быть наказанъ; но се суть исключенія изъ всеобщихъ правилъ и вы безъ всякаго сомнѣнія не подойдете никогда подъ сію статью. Оставя шутки, я очень болѣзную по причинѣ вашего молчанія; вѣрите-ли мнѣ, или нѣтъ, но я не престану говорить вамъ то, что чувствую: ваши письмы причиняютъ мнѣ великое удовольствіе. И можно-ли сему быть иначе, говоря съ особами, которыхъ мы искренно любимъ и почитаемъ? О себѣ скажу, слава Богу, здоровъ. Здѣсь ничего иного не слышно, какъ война, война, война. Всѣ-ли отъ добраго сердца произносятъ сіе слово? Сомнѣваюсь! Многіе, говоря такъ, желаютъ душевно остаться въ своихъ домахъ, при бутылкѣ пива и трубкѣ табаку, составляющихъ ихъ благоденствіе. Скажите мнѣ, что дѣлаетъ нашъ Рамзей **)? Онъ предложилъ мнѣ загадку, и замолчалъ. Не знаю, что о семъ думать. Видно, что путешествіе его произвело въ немъ великую перемѣну въ разсужденіи прежнихъ друзей его. Можетъ быть, и въ немъ произошла французская революція. Желалъ бы знать, въ чемъ состоитъ его журналъ и какой имѣетъ успѣхъ въ публикѣ. Ежели догадки мои справедливы, то отечество наше изображается имъ

*) Кн. А. А. Прозоровскій.

**) Н. М. Карамзинъ.

не въ весьма выгодномъ видѣ. Но тѣмъ пріятнѣе описаны прочія государствы. Думаю, что и сама Курляндія, въ сравненіи съ Россіею, представляется ему раемъ или, по малой мѣрѣ, обѣтованною землею. Сіе есть свойство всѣхъ нашихъ молодыхъ писателей: превозносить похвалами то, чего они не знаютъ, и хулить то, чего познать не стараются. Признаюсь, я часто думаю о Рамзеѣ и дѣлаю множество догадокъ о его журналѣ и сіе возбуждаетъ во мнѣ желаніе прочитать оный, дабы повѣрить самого меня. Боюсь, чтобы онъ не надѣлалъ себѣ враговъ своими писаніями, не принеся никому ни малѣйшія пользы.

Разцѣлуйте милую мою женушку; мнѣ кажется, что она становится отъ часу лучше; такъ, по крайней мѣрѣ, я себѣ ее представляю; просите ее, чтобъ она любила меня по прежнему; Марфу *) смиренную поцѣлуйте купно съ рѣзвымъ Шлипомъ; впрочемъ вѣрьте, что я всегда былъ и буду тотъ же искренній и всепокорный слуга.

88. А. М. КУТУЗОВЪ — А. А. ПЛЕЩЕЕВУ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Любезный другъ Алексѣй Александровичъ! Что тебѣ сдѣлалось, что ты не пишешь ко мнѣ ни строчки, зная, какъ я васъ люблю и какъ ваши письмы мнѣ пріятны? Можетъ быть, занимаешься воинскими обстоятельствами? Оставь сіе, мы и безъ того находимся въ безпрестанной войнѣ и счастливъ тотъ, кто не дѣлаетъ перемирія со своими страстями, но или защищается противу нихъ, или безпрестанно поражаетъ. Можетъ быть, занимаешься чтеніемъ лорда Рамзея? **), и къ сему не прилѣпляйся слишкомъ. Онъ не можетъ описывать ничего иного, какъ внѣшняго внѣшнимъ образомъ; но сіе не есть упражненіе человѣка, старающагося шествовать къ цѣли человѣка. Признаюсь, я читалъ множество журналовъ и весьма остроумныхъ, но не сдѣлали они меня лучшимъ; были у англичанъ журналы другого рода, но нынѣ они не въ модѣ. Прости, сердечный другъ, поцѣлуй милыхъ твоихъ дѣтокъ, предпочтительно же прочимъ — милую мою жену; сію разцѣлуй въ прахъ.

Приложенное письмо перешли къ брату, ежели онъ въ Петербургѣ, а ежели въ деревнѣ, то въ деревню.

89. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Милостивый Государь мой, братецъ Федоръ Михайловичъ!

Наконецъ, къ пензрѣченному моему удовольствію, послѣ весьма долговременнаго молчанія, получилъ я ваше письмо чрезъ князя Давы-

*) М. А. Плещеева.

**) Н. М. Карамзина.

не въ весьма выгодномъ видѣ. Но тѣмъ пріятнѣе описаны прочія государствы. Думаю, что и сама Курляндія, въ сравненіи съ Россіею, представляется ему раемъ или, по малой мѣрѣ, обѣтованною землею. Сіе есть свойство всѣхъ нашихъ молодыхъ писателей: превозносить похвалами то, чего они не знаютъ, и хулить то, чего познать не стараются. Признаюсь, я часто думаю о Рамзеѣ и дѣлаю множество догадокъ о его журналѣ и сіе возбуждаетъ во мнѣ желаніе прочитать оный, дабы повѣрить самого меня. Боюсь, чтобы онъ не надѣлалъ себѣ враговъ своими писаніями, не принеся никому ни малѣйшія пользы.

Разцѣлуйте милую мою женушку; мнѣ кажется, что она становится отъ часу лучше; такъ, по крайней мѣрѣ, я себѣ ее представляю; просите ее, чтобъ она любила меня по прежнему; Марфу *) смиренную поцѣлуйте купно съ рѣзвымъ Шлипомъ; впрочемъ вѣрьте, что я всегда былъ и буду тотъ же искренній и всепокорный слуга.

88. А. М. КУТУЗОВЪ — А. А. ПЛЕЩЕЕВУ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Любезный другъ Алексѣй Александровичъ! Что тебѣ сдѣлалось, что ты не пишешь ко мнѣ ни строчки, зная, какъ я васъ люблю и какъ ваши письмы мнѣ пріятны? Можетъ быть, занимаешься воинскими обстоятельствами? Оставь сіе, мы и безъ того находимся въ безпрестанной войнѣ и счастливъ тотъ, кто не дѣлаетъ перемирія со своими страстями, но или защищается противу нихъ, или безпрестанно поражаетъ. Можетъ быть, занимаешься чтеніемъ лорда Рамзея? **), и къ сему не прилѣпляйся слишкомъ. Онъ не можетъ описывать ничего иного, какъ внѣшняго внѣшнимъ образомъ; но сіе не есть упражненіе человѣка, старающагося шествовать къ цѣли человѣка. Признаюсь, я читалъ множество журналовъ и весьма остроумныхъ, но не сдѣлали они меня лучшимъ; были у англичанъ журналы другого рода, но нынѣ они не въ модѣ. Прости, сердечный другъ, поцѣлуй милыхъ твоихъ дѣтокъ, предпочтительно же прочимъ — милую мою жену; сію разцѣлуй въ прахъ.

Приложенное письмо перешли къ брату, ежели онъ въ Петербургѣ, а ежели въ деревнѣ, то въ деревню.

89. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 4/15 марта, 1791.

Милостивый Государь мой, братецъ Федоръ Михайловичъ!

Наконецъ, къ пензрѣченному моему удовольствію, послѣ весьма долговременнаго молчанія, получилъ я ваше письмо чрезъ князя Давы-

*) М. А. Плещеева.

**) Н. М. Карамзина.

дова *). Покорнѣйше благодарю за оное. Пребываніе ваше въ Петербургѣ есть для меня яснымъ доказательствомъ, что сомнѣнія мои о вашемъ здоровьѣ простирались далѣе, нежели настоящее онаго состояніе. Радуюсь сему чрезвычайно и благодарю за сіе Бога, моля Его о сохраненіи васъ. Вы пеняете на мое молчаніе! Сіе приводитъ меня въ немалое удивленіе. Видно, что участь моихъ писемъ — пропадать. Извѣстно мнѣ, что, слѣдуя нынѣшней политикѣ, господа почтмейстеры присвоили себѣ право читать переписку людей частныхъ; но не зналъ я сего права, чтобы ихъ совсѣмъ удерживать и не допускать въ руки тѣхъ, кому принадлежатъ они. Я писалъ къ вамъ три письма и въ двухъ изъ нихъ просилъ васъ о незамѣшканіи присылкою мнѣ денегъ, въ которыхъ претерпѣваю великую нужду; сію просьбу и теперь повторяю, прося покорно о скорѣйшемъ исполненіи оныя. Тѣмъ наипаче, что времена теперь критическія. Кто знаетъ, долго-ли могу остаться здѣсь? Отвсюду угрожаютъ войною. О, дай, Боже, поскорѣе миру, который безъ сомнѣнія полезнѣе войны! Скажу однако-жъ искренно, можетъ быть, сіе есть моя слабость: не желаю мира, подобнаго тому, который заключилъ императоръ. Впрочемъ сіе не мое дѣло, итакъ — замолчу.

Теперь позвольте мнѣ спросить васъ: волею или неволею въ Петербургѣ? Оставя шутки, по должности-ли предводителя, или пріѣхали токмо повидаться съ вашими друзьями? Дѣло пошло на вопросы, — сдѣлаю еще другой. У меня давно уже бродитъ намѣреніе проводить остатки дней моихъ въ уединеніи и наслаждаться деревенскимъ еще менѣе другихъ зараженнымъ воздухомъ, и для сего хотѣлъ бы знать, цѣлъ-ли домъ покойной матушки, или сломанъ, и, ежели цѣлъ, то, въ случаѣ моего пріѣзда, позволится-ли мнѣ жить въ ономъ? Сіе спрашиваю для того, что, можетъ быть, пріѣду я съ пріятелемъ, желающимъ также удалиться отъ мірскихъ суетъ и шумныхъ собраній. Ежели-жъ домъ сломанъ, то невозможно-ли сконопатить нѣсколько горницъ въ Дарашковѣ, только не подобныхъ вашимъ клѣточекъ, и во что бы сіе стало? Одолжите меня обстоятельнымъ на сіе отвѣтомъ. Въ заключеніе скажу, что, благодаря Богу, здоровъ и пребываю всегда съ достодолжнымъ вамъ почтеніемъ и истинною братскою дружбою вашъ покорнѣйшій слуга и братъ.

Ежели сіе письмо застанетъ васъ въ Петербургѣ, то прошу засвидѣтельствовать мое покорное почтеніе князю Семену Михайловичу *) и Маріи Эрастовнѣ. Поклонитесь также Василію Николаевичу,**) ежели токмо онъ не заспѣсивился, подобно...***) Аркадію Усынѣгорыну ****) мой поклонъ

*) Кн. С. М. Давыдовъ.

**) В. Н. Гурьевъ.

***) Пропускъ въ подлинникѣ.

****) А. И. Марковъ.

дова *). Покорнѣйше благодарю за оное. Пребываніе ваше въ Петербургѣ есть для меня яснымъ доказательствомъ, что сомнѣнія мои о вашемъ здоровьѣ простирались далѣе, нежели настоящее онаго состояніе. Радуюсь сему чрезвычайно и благодарю за сіе Бога, моля Его о сохраненіи васъ. Вы пеняете на мое молчаніе! Сіе приводитъ меня въ немалое удивленіе. Видно, что участь моихъ писемъ — пропадать. Извѣстно мнѣ, что, слѣдуя нынѣшней политикѣ, господа почтмейстеры присвоили себѣ право читать переписку людей частныхъ; но не зналъ я сего права, чтобы ихъ совсѣмъ удерживать и не допускать въ руки тѣхъ, кому принадлежатъ они. Я писалъ къ вамъ три письма и въ двухъ изъ нихъ просилъ васъ о незамѣшканіи присылкою мнѣ денегъ, въ которыхъ претерпѣваю великую нужду; сію просьбу и теперь повторяю, прося покорно о скорѣйшемъ исполненіи оныя. Тѣмъ наипаче, что времена теперь критическія. Кто знаетъ, долго-ли могу остаться здѣсь? Отвсюду угрожаютъ войною. О, дай, Боже, поскорѣе миру, который безъ сомнѣнія полезнѣе войны! Скажу однако-жъ искренно, можетъ быть, сіе есть моя слабость: не желаю мира, подобнаго тому, который заключилъ императоръ. Впрочемъ сіе не мое дѣло, итакъ — замолчу.

Теперь позвольте мнѣ спросить васъ: волею или неволею въ Петербургѣ? Оставя шутки, по должности-ли предводителя, или пріѣхали токмо повидаться съ вашими друзьями? Дѣло пошло на вопросы, — сдѣлаю еще другой. У меня давно уже бродитъ намѣреніе проводить остатки дней моихъ въ уединеніи и наслаждаться деревенскимъ еще менѣе другихъ зараженнымъ воздухомъ, и для сего хотѣлъ бы знать, цѣлъ-ли домъ покойной матушки, или сломанъ, и, ежели цѣлъ, то, въ случаѣ моего пріѣзда, позволится-ли мнѣ жить въ ономъ? Сіе спрашиваю для того, что, можетъ быть, пріѣду я съ пріятелемъ, желающимъ также удалиться отъ мірскихъ суетъ и шумныхъ собраній. Ежели-жъ домъ сломанъ, то невозможно-ли сконопатить нѣсколько горницъ въ Дарашковѣ, только не подобныхъ вашимъ клѣточекъ, и во что бы сіе стало? Одолжите меня обстоятельнымъ на сіе отвѣтомъ. Въ заключеніе скажу, что, благодаря Богу, здоровъ и пребываю всегда съ достодолжнымъ вамъ почтеніемъ и истинною братскою дружбою вашъ покорнѣйшій слуга и братъ.

Ежели сіе письмо застанетъ васъ въ Петербургѣ, то прошу засвидѣтельствовать мое покорное почтеніе князю Семену Михайловичу *) и Маріи Эрастовнѣ. Поклонитесь также Василію Николаевичу,**) ежели токмо онъ не заспѣсивился, подобно...***) Аркадію Усынѣгорыну ****) мой поклонъ

*) Кн. С. М. Давыдовъ.

**) В. Н. Гурьевъ.

***) Пропускъ въ подлинникѣ.

****) А. И. Марковъ.

не въ лицѣ министра, но въ лицѣ брата, ибо съ первымъ не имѣю никакого дѣла.

90. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. — № 4. [?] (10 марта).

Двѣ недѣли, мой другъ любезный, какъ я къ тебѣ не писалъ, да отъ тебя давно уже нѣтъ писемъ, что̀ отношу на писанное тобою къ Лопухину, то-есть, что ты щитаешь меня въ дорогѣ. Я не писалъ потому, что нездоровъ былъ желудкомъ, да и былъ встревоженъ болѣзнію племянницы Елисаветы *), которая, послѣ горячки, что̀ имѣла въ Петербургѣ, оправиться не можетъ; у нея сильный кашель, а на этихъ дняхъ шла кровь горломъ, а хотя кровь перестала, но по всѣмъ примѣтамъ у нея, кажется, начинается чахотка. Пожалоста, отпиши, можно ли при чахоткѣ употреблять ΘN. Теперь я и всѣ мои, благодаря Богу, здоровы. Новаго у насъ ничего нѣтъ. Свѣтлѣйшій **) былъ здѣсь нѣсколько дней проѣздомъ въ Петербургъ и столько былъ со всѣми ласковъ, что его всѣ полюбили, да и не мудрено; ты знаешь, что Москва такова, что ласковымъ пріемомъ можно всегда найти ея любовь такъ, какъ угрюмымъ видомъ и грубымъ пріемомъ сдѣлаешься ей ненавистенъ, и сколько бы кто ни думалъ имѣть достоинствъ, но ежели онъ не гостепріименъ и не ласковъ, то не можетъ быть любимъ въ Москвѣ. Что мнѣ еще тебѣ сказать? Толки о такъ называемыхъ мартинистахъ, кажется, совсѣмъ унялись; я же отъ тебя жду извѣстія, какіе это люди, и въ чемъ состоитъ ихъ система, ибо, бывъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ они подлинно, сказываютъ, есть, тебѣ легко провѣдать о касающемся до нихъ. На этихъ дняхъ я получилъ новую эдицію Гіоншиныхъ сочиненій и теперь читаю я письма ея, а наипаче переписку ея съ Фенелономъ. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

91. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Дражайшій другъ!

Письмо подъ № 4 получилъ исправно. Сердечно жалѣю о болѣзни княжны Катерины Петровны ***); однако-жъ не отчаиваюсь о ея выздоровленіи, ежели токмо не опредѣлилъ противнаго Тотъ, Который учреждаетъ все къ истинному нашему благу, которое мы, надменные слѣпцы, почитаемъ часто нещастіемъ и ропщемъ и негодуемъ на Благотворящаго намъ. Употребляйте находящееся въ вашихъ рукахъ чрезъ меня во имя Спасителя и

*) Княжна Е. Н. Трубецкая.
**) Кн. Г. А. Потемкинъ.
***) Княжна Е. Н. Трубецкая.

не въ лицѣ министра, но въ лицѣ брата, ибо съ первымъ не имѣю никакого дѣла.

90. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. — № 4. [?] (10 марта).

Двѣ недѣли, мой другъ любезный, какъ я къ тебѣ не писалъ, да отъ тебя давно уже нѣтъ писемъ, что̀ отношу на писанное тобою къ Лопухину, то-есть, что ты щитаешь меня въ дорогѣ. Я не писалъ потому, что нездоровъ былъ желудкомъ, да и былъ встревоженъ болѣзнію племянницы Елисаветы *), которая, послѣ горячки, что̀ имѣла въ Петербургѣ, оправиться не можетъ; у нея сильный кашель, а на этихъ дняхъ шла кровь горломъ, а хотя кровь перестала, но по всѣмъ примѣтамъ у нея, кажется, начинается чахотка. Пожалоста, отпиши, можно ли при чахоткѣ употреблять ΘN. Теперь я и всѣ мои, благодаря Богу, здоровы. Новаго у насъ ничего нѣтъ. Свѣтлѣйшій **) былъ здѣсь нѣсколько дней проѣздомъ въ Петербургъ и столько былъ со всѣми ласковъ, что его всѣ полюбили, да и не мудрено; ты знаешь, что Москва такова, что ласковымъ пріемомъ можно всегда найти ея любовь такъ, какъ угрюмымъ видомъ и грубымъ пріемомъ сдѣлаешься ей ненавистенъ, и сколько бы кто ни думалъ имѣть достоинствъ, но ежели онъ не гостепріименъ и не ласковъ, то не можетъ быть любимъ въ Москвѣ. Что мнѣ еще тебѣ сказать? Толки о такъ называемыхъ мартинистахъ, кажется, совсѣмъ унялись; я же отъ тебя жду извѣстія, какіе это люди, и въ чемъ состоитъ ихъ система, ибо, бывъ въ чужихъ краяхъ, гдѣ они подлинно, сказываютъ, есть, тебѣ легко провѣдать о касающемся до нихъ. На этихъ дняхъ я получилъ новую эдицію Гіоншиныхъ сочиненій и теперь читаю я письма ея, а наипаче переписку ея съ Фенелономъ. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

91. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Дражайшій другъ!

Письмо подъ № 4 получилъ исправно. Сердечно жалѣю о болѣзни княжны Катерины Петровны ***); однако-жъ не отчаиваюсь о ея выздоровленіи, ежели токмо не опредѣлилъ противнаго Тотъ, Который учреждаетъ все къ истинному нашему благу, которое мы, надменные слѣпцы, почитаемъ часто нещастіемъ и ропщемъ и негодуемъ на Благотворящаго намъ. Употребляйте находящееся въ вашихъ рукахъ чрезъ меня во имя Спасителя и

*) Княжна Е. Н. Трубецкая.
**) Кн. Г. А. Потемкинъ.
***) Княжна Е. Н. Трубецкая.

надѣйтесь всего лучшаго. О сей матерiи писалъ я къ вамъ неоднократно; странно мнѣ, ежели вы не получили сихъ писемъ. Надѣюсь, вы извините краткость сего письма, ежели узнаете о моемъ внутреннемъ смущенiи. Война виситъ на ниточкѣ; я долженъ оставить здѣшнее мое пребываніе въ самое то время, какъ начинаю ощущать начало цѣленія моей болѣзни. Но о семъ вы получите чрезъ неизвѣстный вамъ каналъ обстоятельное письмо, на которое прошу, не мѣшкавъ, отвѣчать, но по зрѣломъ и основательномъ рѣшенiи. Не имѣя денегъ, не токмо съ чѣмъ ѣхать, но даже заплатить долги, не слыша отъ васъ о семъ ни единаго слова, все сіе удивляетъ меня, и дѣлаетъ неспособнымъ не токмо дѣйствовать, но даже и мыслить. При всемъ томъ я готовлюсь къ моему выѣзду въ Гамбургъ. Вотъ, мой другъ, связи сего міра! Я, ничего не значущій человѣкъ, не смѣю здѣсь остаться, для чего? Чтобы не подать какого на меня и друзей моихъ подозрѣнія. Что дѣлать? Повиноваться. Любезный другъ, пожалуйте, поспѣшите переводомъ денегъ, Бога ради, не сдѣлайте меня бездѣльникомъ; благодаря Бога, я избѣжалъ сего въ самое время штудентскія моей жизни, нынѣ же впаду въ сію пропасть, впавъ въ которую, всегда уже тамъ оставаться, — по мнѣнію человѣковъ, легко замараться, но трудно омыться. Прости, мой другъ; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ. Молите купно со мною Всевышняго, да отвратитъ бурю, грозящую нашему любезному отечеству; просите Его, да подастъ мужество и бодрость нашему воинству и да посрамитъ враговъ нашихъ.

92. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 13 марта, 1791. — № 5.

Еще прошло, мой другъ любезный, двѣ почты, а отъ тебя нѣтъ писемъ, что меня очень безпокоитъ. Боже, дай, чтобы сіе было не отъ болѣзни, а отъ недосугу. Я пишу къ тебѣ только для того, чтобы молчаніемъ моимъ не сдѣлать тебѣ безпокойства, а то писать нечего. Мы всѣ, какъ родные мои, такъ и друзья, благодаря Бога, здоровы, окромѣ Александры Егоровны *), которая едва-ли дотянетъ до осени, и княжны Елисаветы **), которая все еще кашляетъ, и о которой я боюсь, чтобы докторское предсказаніе не сбылось ***), то есть, чтобъ не сдѣлалась и у ней чахотка. Я теперь упражняюсь въ чтеніи сочиненій Гіоншиныхъ. Коль велика эта женщина, и хотя многіе не могутъ еще ея сносить или отъ недостатку понятія, или отъ непривычки читать такія сочиненія, или отъ того наипаче, что только пробѣгаютъ ея писанія, а не студируютъ ихъ, и чрезъ то, нѣко-

*) А. Е. Новикова.

**) Княжна Е. П. Трубецкая.

***) Въ подлинникѣ: здѣлалось.

надѣйтесь всего лучшаго. О сей матерiи писалъ я къ вамъ неоднократно; странно мнѣ, ежели вы не получили сихъ писемъ. Надѣюсь, вы извините краткость сего письма, ежели узнаете о моемъ внутреннемъ смущенiи. Война виситъ на ниточкѣ; я долженъ оставить здѣшнее мое пребываніе въ самое то время, какъ начинаю ощущать начало цѣленія моей болѣзни. Но о семъ вы получите чрезъ неизвѣстный вамъ каналъ обстоятельное письмо, на которое прошу, не мѣшкавъ, отвѣчать, но по зрѣломъ и основательномъ рѣшенiи. Не имѣя денегъ, не токмо съ чѣмъ ѣхать, но даже заплатить долги, не слыша отъ васъ о семъ ни единаго слова, все сіе удивляетъ меня, и дѣлаетъ неспособнымъ не токмо дѣйствовать, но даже и мыслить. При всемъ томъ я готовлюсь къ моему выѣзду въ Гамбургъ. Вотъ, мой другъ, связи сего міра! Я, ничего не значущій человѣкъ, не смѣю здѣсь остаться, для чего? Чтобы не подать какого на меня и друзей моихъ подозрѣнія. Что дѣлать? Повиноваться. Любезный другъ, пожалуйте, поспѣшите переводомъ денегъ, Бога ради, не сдѣлайте меня бездѣльникомъ; благодаря Бога, я избѣжалъ сего въ самое время штудентскія моей жизни, нынѣ же впаду въ сію пропасть, впавъ въ которую, всегда уже тамъ оставаться, — по мнѣнію человѣковъ, легко замараться, но трудно омыться. Прости, мой другъ; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ. Молите купно со мною Всевышняго, да отвратитъ бурю, грозящую нашему любезному отечеству; просите Его, да подастъ мужество и бодрость нашему воинству и да посрамитъ враговъ нашихъ.

92. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 13 марта, 1791. — № 5.

Еще прошло, мой другъ любезный, двѣ почты, а отъ тебя нѣтъ писемъ, что меня очень безпокоитъ. Боже, дай, чтобы сіе было не отъ болѣзни, а отъ недосугу. Я пишу къ тебѣ только для того, чтобы молчаніемъ моимъ не сдѣлать тебѣ безпокойства, а то писать нечего. Мы всѣ, какъ родные мои, такъ и друзья, благодаря Бога, здоровы, окромѣ Александры Егоровны *), которая едва-ли дотянетъ до осени, и княжны Елисаветы **), которая все еще кашляетъ, и о которой я боюсь, чтобы докторское предсказаніе не сбылось ***), то есть, чтобъ не сдѣлалась и у ней чахотка. Я теперь упражняюсь въ чтеніи сочиненій Гіошиныхъ. Коль велика эта женщина, и хотя многіе не могутъ еще ея сносить или отъ недостатку понятія, или отъ непривычки читать такія сочиненія, или отъ того наипаче, что только пробѣгаютъ ея писанія, а не студируютъ ихъ, и чрезъ то, нѣко-

*) А. Е. Новикова.

**) Княжна Е. П. Трубецкая.

***) Въ подлинникѣ: здѣлалось.

торыя ея изреченія судя и не входя во весь смыслъ всѣхъ ея сочиненій, почитаютъ оныя за вздорныя или слишкомъ тонкія или строгія; но я говорю, что, несмотря на оныхъ читателей, я въ ея сочиненіяхъ вижу истинное сообразованіе съ духомъ Святаго Писанія, а наипаче сообразованіе со словами нашего Спасителя, и потому почитаю ее за великое свѣтяло на земли. Издатель вновь ея сочиненій, видно, человѣкъ, много студировавшій ея писанія, и его предисловіе къ пятому тому ея писемъ, то есть, къ перепискѣ ея съ Фенелономъ, и предисловіе къ книгѣ „Justification“ достойны вниманія здравомыслящихъ христіанъ, и я бы тебѣ совѣтовалъ оныя прочесть. На этихъ дняхъ видѣлъ я въ „Mercure de France“ рецентію на новой журналъ, подъ именемъ „Bouche de fer“. Признаться надобно, что нынѣшній свѣтъ производитъ во всѣхъ отношеніяхъ много страннаго и вздорнаго, и что таковое сочиненіе, какъ этотъ журналъ, не мудрено, что произведетъ подозрѣніе на масоновъ, ибо издатели онаго, приписывая себѣ основаніе мерзкой революціи во Франціи и украшая свое сочиненіе мистическимъ стилемъ, выдаютъ себя за масоновъ. Боже, прости имъ, что они дерзаютъ имя института, основаннаго на исправленіи нравственнаго человѣка и на вспомоществованіи ближнимъ, употреблять во зло и дѣлать его подозрительнымъ, да и не только подозрительнымъ, но таковымъ, что едва-ли уже можно здравомыслящему человѣку не стыдиться называться этимъ только по внутреннему своему учрежденію почтеннымъ именемъ, то есть, строителемъ, на основаніи слова Божія, своего моральнаго совершенства, на которое всѣ іероглифы сего почтеннаго ордена указываютъ, но которыя нынѣ обращаются злыми человѣками во зло, а глупыми осмѣиваются и почитаются за вздоръ. Вотъ, мой другъ, что производятъ такъ нынѣ называемые просвѣтители рода человѣческаго, которыми исполнена теперь Европа и которые хуже стали іезуитовъ, Равальяковъ и имъ подобныхъ, которые всѣ, какъ мнѣ кажется, суть орудіи сатаны, и стремятся подъ самыми почтеннѣйшими именами возбудить такъ называемую «турбу» великимъ [тев]тоническимъ философомъ, и не токмо стремятся оную возбудить подъ почтенными именами, но даже употребляютъ во зло имя Христово и Его любообильное ученіе употребляютъ на прикрышку своихъ мерзкихъ намѣреній. О, Господи, Спаситель мой, обличи сихъ изверговъ и не даждь чрезъ нихъ распространяться церкви Твоего врага, антихриста! Се есть молитва, исторгнувшаяся изъ глубины моего сердца отъ смотрѣнія на всѣ мерзости, писанныя въ вышеупомянутомъ журналѣ, и на то, что дѣлается во Франціи. О, другъ мой, колико тонокъ діяволъ! Онъ приготовлялъ чрезъ такъ называемыхъ философовъ умы французовъ къ низверженію съ себя религіи и, когда ему сіе удалось, то онъ ослѣпилъ ихъ умъ къ низверженію власти царской, а теперь употребляетъ сущее суевѣріе, подъ краскою и подъ именемъ христіанства, чтобъ утвердить пагубное безна-

торыя ея изреченія судя и не входя во весь смыслъ всѣхъ ея сочиненій, почитаютъ оныя за вздорныя или слишкомъ тонкія или строгія; но я говорю, что, несмотря на оныхъ читателей, я въ ея сочиненіяхъ вижу истинное сообразованіе съ духомъ Святаго Писанія, а наипаче сообразованіе со словами нашего Спасителя, и потому почитаю ее за великое свѣтяло на земли. Издатель вновь ея сочиненій, видно, человѣкъ, много студировавшій ея писанія, и его предисловіе къ пятому тому ея писемъ, то есть, къ перепискѣ ея съ Фенелономъ, и предисловіе къ книгѣ „Justification“ достойны вниманія здравомыслящихъ христіанъ, и я бы тебѣ совѣтовалъ оныя прочесть. На этихъ дняхъ видѣлъ я въ „Mercure de France“ рецентію на новой журналъ, подъ именемъ „Bouche de fer“. Признаться надобно, что нынѣшній свѣтъ производитъ во всѣхъ отношеніяхъ много страннаго и вздорнаго, и что таковое сочиненіе, какъ этотъ журналъ, не мудрено, что произведетъ подозрѣніе на масоновъ, ибо издатели онаго, приписывая себѣ основаніе мерзкой революціи во Франціи и украшая свое сочиненіе мистическимъ стилемъ, выдаютъ себя за масоновъ. Боже, прости имъ, что они дерзаютъ имя института, основаннаго на исправленіи нравственнаго человѣка и на вспомоществованіи ближнимъ, употреблять во зло и дѣлать его подозрительнымъ, да и не только подозрительнымъ, но таковымъ, что едва-ли уже можно здравомыслящему человѣку не стыдиться называться этимъ только по внутреннему своему учрежденію почтеннымъ именемъ, то есть, строителемъ, на основаніи слова Божія, своего моральнаго совершенства, на которое всѣ іероглифы сего почтеннаго ордена указываютъ, но которыя нынѣ обращаются злыми человѣками во зло, а глупыми осмѣиваются и почитаются за вздоръ. Вотъ, мой другъ, что производятъ такъ нынѣ называемые просвѣтители рода человѣческаго, которыми исполнена теперь Европа и которые хуже стали іезуитовъ, Равальяковъ и имъ подобныхъ, которые всѣ, какъ мнѣ кажется, суть орудіи сатаны, и стремятся подъ самыми почтеннѣйшими именами возбудить такъ называемую «турбу» великимъ [тев]тоническимъ философомъ, и не токмо стремятся оную возбудить подъ почтенными именами, но даже употребляютъ во зло имя Христово и Его любообильное ученіе употребляютъ на прикрышку своихъ мерзкихъ намѣреній. О, Господи, Спаситель мой, обличи сихъ изверговъ и не даждь чрезъ нихъ распространяться церкви Твоего врага, антихриста! Се есть молитва, исторгнувшаяся изъ глубины моего сердца отъ смотрѣнія на всѣ мерзости, писанныя въ вышеупомянутомъ журналѣ, и на то, что дѣлается во Франціи. О, другъ мой, колико тонокъ діяволъ! Онъ приготовлялъ чрезъ такъ называемыхъ философовъ умы французовъ къ низверженію съ себя религіи и, когда ему сіе удалось, то онъ ослѣпилъ ихъ умъ къ низверженію власти царской, а теперь употребляетъ сущее суевѣріе, подъ краскою и подъ именемъ христіанства, чтобъ утвердить пагубное безна-

чаліе, въ которомъ, понеже нѣтъ ничего иного, кромѣ безпорядка, онъ можетъ утверждать престолъ свой и гнать истинное Христово ученіе, которое, ради Его царства, пагубно, ибо основано на повиновеніи Богу, царямъ, яко Его орудіямъ, по словамъ Христовымъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей, и правительствамъ, ибо Христосъ есть законъ порядка, и на исправленіи самого себя, ибо Христосъ духомъ своимъ хочетъ царствовать въ пріуготовленныхъ и очищенныхъ сердцахъ человѣческихъ отъ всякія скверны, приверженной человѣку отъ его паденія. О, Господи, утверди престолъ Твой въ сердцахъ нашихъ, обличи антихристическую церковь и даждь человѣкамъ увидѣть, что кто не точно христіанинъ, тотъ не можетъ быть ни добрый гражданинъ, ни вѣрный подданный, ни добродѣтельный другъ царя, отечества и человѣковъ; словомъ, что суевѣріе и невѣріе суть два основанія пагубы царствъ и всего человѣческаго рода. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

93. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 марта, 1791. (21 апрѣля).

Здравствуй, дражайшій другъ!

Письмецо твое ко мнѣ и при немъ приложенное къ князю Николаю Никитичу *) исправно получены. Вотъ тебѣ вексель въ тысячу пятьсотъ рублей. Увѣдомь, пожалуй, о полученіи. Не пенялъ бы ты, мой другъ, ежели бы здѣсь былъ. Какъ скоро можно будетъ, пришлю еще. Вчерась только могъ я получить сіи посылаемыя мною деньги. Безпечностію о тебѣ я, конечно, не погрѣшу. Въ этомъ могу увѣрить. У насъ все благополучно и друзья твои здоровы. Я, по обыкновенію, чувствую нѣсколько весну, но это не страшно. Прощай, спѣшу застать почту, сію только минуту получа вексель. Прости, сердечный братъ и другъ. Скоро надѣюсь больше писать, но ежели неравно замѣшкаюсь, не безпокойся. Ты сегодня именинникъ, цѣлую тебя, дорогого именинника, и поздравляю. Боже, даруй тебѣ многіе, Ему благоугодные годы. Прощай.

94. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 22 марта — 2 апрѣля, 1791. — № 5.

Дражайшій другъ! № 4-й получилъ я исправно и благодарю за оный. Надѣюсь, что получили уже чрезъ особенный случай послѣднее мое письмо въ отвѣтъ касательно ΘN. Ежели же, паче чаянія, оно не дошло до васъ, то скажу чрезъ сіе, что сію Θ можете надежно употреблять во всѣхъ случаяхъ, описанныхъ мною о ♄M и, слѣдова-

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

чаліе, въ которомъ, понеже нѣтъ ничего иного, кромѣ безпорядка, онъ можетъ утверждать престолъ свой и гнать истинное Христово ученіе, которое, ради Его царства, пагубно, ибо основано на повиновеніи Богу, царямъ, яко Его орудіямъ, по словамъ Христовымъ, что сердце царево въ рукѣ Божіей, и правительствамъ, ибо Христосъ есть законъ порядка, и на исправленіи самого себя, ибо Христосъ духомъ своимъ хочетъ царствовать въ пріуготовленныхъ и очищенныхъ сердцахъ человѣческихъ отъ всякія скверны, приверженной человѣку отъ его паденія. О, Господи, утверди престолъ Твой въ сердцахъ нашихъ, обличи антихристическую церковь и даждь человѣкамъ увидѣть, что кто не точно христіанинъ, тотъ не можетъ быть ни добрый гражданинъ, ни вѣрный подданный, ни добродѣтельный другъ царя, отечества и человѣковъ; словомъ, что суевѣріе и невѣріе суть два основанія пагубы царствъ и всего человѣческаго рода. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

93. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 марта, 1791. (21 апрѣля).

Здравствуй, дражайшій другъ!

Письмецо твое ко мнѣ и при немъ приложенное къ князю Николаю Никитичу *) исправно получены. Вотъ тебѣ вексель въ тысячу пятьсотъ рублей. Увѣдомь, пожалуй, о полученіи. Не пенялъ бы ты, мой другъ, ежели бы здѣсь былъ. Какъ скоро можно будетъ, пришлю еще. Вчерась только могъ я получить сіи посылаемыя мною деньги. Безпечностію о тебѣ я, конечно, не погрѣшу. Въ этомъ могу увѣрить. У насъ все благополучно и друзья твои здоровы. Я, по обыкновенію, чувствую нѣсколько весну, но это не страшно. Прощай, спѣшу застать почту, сію только минуту получа вексель. Прости, сердечный братъ и другъ. Скоро надѣюсь больше писать, но ежели неравно замѣшкаюсь, не безпокойся. Ты сегодня именинникъ, цѣлую тебя, дорогого именинника, и поздравляю. Боже, даруй тебѣ многіе, Ему благоугодные годы. Прощай.

94. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 22 марта — 2 апрѣля, 1791. — № 5.

Дражайшій другъ! № 4-й получилъ я исправно и благодарю за оный. Надѣюсь, что получили уже чрезъ особенный случай послѣднее мое письмо въ отвѣтъ касательно ΘN. Ежели же, паче чаянія, оно не дошло до васъ, то скажу чрезъ сіе, что сію Θ можете надежно употреблять во всѣхъ случаяхъ, описанныхъ мною о ♄M и, слѣдова-

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

тельно, и въ чахоткахъ. Я приложилъ вамъ также рецептъ; и сей можете употребить; но какъ сіе послѣднее лѣкарство имѣетъ свойство холодить, то берегитесь употреблять оное чаще предписаннаго; иначе будете препятствовать варенію желудка. Что-жъ принадлежитъ до первыхъ двухъ, то можете давать оныя безъ всякія опасности. Прошу токмо увѣдомить меня о дѣйствіи онаго.

Благодарю васъ за увѣдомленіе меня о томъ расположеніи, которое имѣетъ въ разсужденіи меня Pinnatus *); я отъ сердца моего соглашаюсь на его предложеніе, будучи увѣренъ, что ни съ кѣмъ не могу лучше ужиться, какъ съ нимъ. Что-жъ касается до моего возвращенія, скоро-ли, или не скоро оно послѣдуетъ, на сіе не могу ничего сказать рѣшительнаго, понеже все сіе зависитъ отъ Всеуправляющаго. Мое собственное желаніе влечетъ меня въ объятія моихъ друзей; сіе желаніе подстрекается еще болѣе нынѣшними отяготительными для меня обстоятельствами. Вотъ уже скоро настаетъ и другіе полгода, а я за первые не получилъ еще денегъ. Въ послѣднемъ письмѣ описывалъ вамъ слѣдствія сея неисправности и какъ сіе меня внѣшне и внутренно разстраиваетъ. Ежели, къ нещастію, откроется война, истинно не знаю, что мнѣ будетъ дѣлать. Однако-жъ стараюсь быть терпѣливымъ и, по силамъ моимъ, предаюсь волѣ Всевышняго, да творитъ, яко же Ему угодно.

О Карамзинѣ я истинно сердечно болѣзную и смотрю на него не иначе, какъ на человѣка, одержимаго горячкою. Смѣшно и больно безумное его предпріятіе цѣнить книги, которыхъ безъ всякаго сомнѣнія онъ ни мало не разумѣетъ; сіе доказываютъ его дѣйствія, ибо, ежели-бъ онъ разумѣлъ подобныя симъ книги, то располагалъ бы житія и дѣла свои иначе. Прости, любезный мой другъ, поцѣлуйте всѣхъ, помнящихъ меня.

95. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. — № 6. (21 апрѣля).

Письмо твое, мой другъ любезный, и найденныя тобою странныя начертанія я получилъ. Разсматривалъ я ихъ съ прилежаніемъ, сравнивалъ ихъ съ іероглифами, толико хорошо собранными, столь нелѣпо объясненными Монфокономъ, и съ древностями Іосифа Флавія, котораго малое число людей разумѣютъ, и, словомъ, не нашедъ на оныя объясненія, пересталъ на нихъ глядѣть и оставилъ спокойно.

О себѣ скажу, что я и всѣ мои друзья и семейство таковы-жъ, какъ прежде писалъ. Новаго, къ свѣдѣнію твоему достойнаго, у насъ ничего нѣтъ.

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

тельно, и въ чахоткахъ. Я приложилъ вамъ также рецептъ; и сей можете употребить; но какъ сіе послѣднее лѣкарство имѣетъ свойство холодить, то берегитесь употреблять оное чаще предписаннаго; иначе будете препятствовать варенію желудка. Что-жъ принадлежитъ до первыхъ двухъ, то можете давать оныя безъ всякія опасности. Прошу токмо увѣдомить меня о дѣйствіи онаго.

Благодарю васъ за увѣдомленіе меня о томъ расположеніи, которое имѣетъ въ разсужденіи меня Pinnatus *); я отъ сердца моего соглашаюсь на его предложеніе, будучи увѣренъ, что ни съ кѣмъ не могу лучше ужиться, какъ съ нимъ. Что-жъ касается до моего возвращенія, скоро-ли, или не скоро оно послѣдуетъ, на сіе не могу ничего сказать рѣшительнаго, понеже все сіе зависитъ отъ Всеуправляющаго. Мое собственное желаніе влечетъ меня въ объятія моихъ друзей; сіе желаніе подстрекается еще болѣе нынѣшними отяготительными для меня обстоятельствами. Вотъ уже скоро настаетъ и другіе полгода, а я за первые не получилъ еще денегъ. Въ послѣднемъ письмѣ описывалъ вамъ слѣдствія сея неисправности и какъ сіе меня внѣшне и внутренно разстраиваетъ. Ежели, къ нещастію, откроется война, истинно не знаю, что мнѣ будетъ дѣлать. Однако-жъ стараюсь быть терпѣливымъ и, по силамъ моимъ, предаюсь волѣ Всевышняго, да творитъ, яко же Ему угодно.

О Карамзинѣ я истинно сердечно болѣзную и смотрю на него не иначе, какъ на человѣка, одержимаго горячкою. Смѣшно и больно безумное его предпріятіе цѣнить книги, которыхъ безъ всякаго сомнѣнія онъ ни мало не разумѣетъ; сіе доказываютъ его дѣйствія, ибо, ежели-бъ онъ разумѣлъ подобныя симъ книги, то располагалъ бы житія и дѣла свои иначе. Прости, любезный мой другъ, поцѣлуйте всѣхъ, помнящихъ меня.

95. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. — № 6. (21 апрѣля).

Письмо твое, мой другъ любезный, и найденныя тобою странныя начертанія я получилъ. Разсматривалъ я ихъ съ прилежаніемъ, сравнивалъ ихъ съ іероглифами, толико хорошо собранными, столь нелѣпо объясненными Монфокономъ, и съ древностями Іосифа Флавія, котораго малое число людей разумѣютъ, и, словомъ, не нашедъ на оныя объясненія, пересталъ на нихъ глядѣть и оставилъ спокойно.

О себѣ скажу, что я и всѣ мои друзья и семейство таковы-жъ, какъ прежде писалъ. Новаго, къ свѣдѣнію твоему достойнаго, у насъ ничего нѣтъ.

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

A propos, я забылъ тебѣ давно писать о дѣлѣ, меня интересующемъ. Тебѣ знакомъ другъ мой, господинъ Велоксъ *). Онъ вѣдалъ, что мнѣ хотѣлось имѣть для моихъ воспитанниковъ человѣка, который бы ихъ наставлялъ въ познаніяхъ, касающихся до натуры, и нѣкогда предложилъ мнѣ одного, по его словамъ и по удостовѣренію его друзей, добраго, честнаго и искуснаго человѣка, который имѣетъ жену и пятеро дѣтей, и который наклоненъ къ тому, чтобъ переѣхать къ намъ въ отечество на томъ основаніи, чтобъ по его смерти дѣти его имѣли довольное къ ихъ пропитанію и чтобы сіе пропитаніе такъ было утверждено, чтобъ они въ полученіи онаго были обезпечены. Вотъ, мой другъ, его предложеніе; а какъ господинъ Велоксъ теперь, какъ мнѣ кажется по его письмамъ, долженъ быть въ Берлинѣ, то найди его и изъясни ему мой отвѣтъ, состоящій въ слѣдующемъ: что прежде, нежели мнѣ согласиться на принятіе вышеписанныхъ предложеній, надлежитъ мнѣ вѣдать, съ дѣтьми-ли онъ пріѣдетъ и сколько именно требуетъ капиталу для утвержденія пропитанія его дѣтей, ибо надлежитъ ему вѣдать, что мое состояніе весьма разстроено; что какъ я, такъ и воспитанники мои по разнымъ обстоятельствамъ обременены долгами, и, слѣдовательно, мы и не можемъ его дѣтямъ сдѣлать хорошаго состоянія; однако-жъ, ежели онъ о посредственномъ состояніи думаетъ, то, можетъ быть, и возможемъ удовлетворить его предложенію, то есть, ежели онъ небольшой денежный капиталъ потребуетъ для утвержденія за нимъ и за его дѣтьми, съ котораго получая проценты, какъ онъ, такъ и его дѣти могутъ содержаться, и ежели тотъ капиталъ не великъ, то, можетъ быть, мы и можемъ принять его предложеніе. И такъ, мой другъ, ты отбери отъ него обстоятельное объясненіе его требованій и отпиши ко мнѣ, дабы я могъ тебѣ рѣшительно отвѣтствовать, ибо мнѣ весьма хочется имѣть того человѣка, но ради-жъ собственной его пользы не хочу иначе его имѣть, какъ на томъ основаніи, чтобъ онъ не имѣлъ причины раскаиваться, что переѣхалъ въ отечество наше, и не имѣлъ бы причины на насъ жаловаться.

Вотъ, мой другъ, о чемъ я желаю, чтобъ ты съ господиномъ Велоксомъ объяснился и на что жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта. Прости, мой другъ! Когда-то силанумъ окончится? Пиши чаще, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

96. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Письмо ваше мы получили, которое меня сердечно обрадовало. Выговоры ваши отмѣнно для меня пріятны. Безо всякаго оправданія

*) А. М. Кутузовъ.

А propos, я забылъ тебѣ давно писать о дѣлѣ, меня интересующемъ. Тебѣ знакомъ другъ мой, господинъ Велоксъ *). Онъ вѣдалъ, что мнѣ хотѣлось имѣть для моихъ воспитанниковъ человѣка, который бы ихъ наставлялъ въ познаніяхъ, касающихся до натуры, и нѣкогда предложилъ мнѣ одного, по его словамъ и по удостовѣренію его друзей, добраго, честнаго и искуснаго человѣка, который имѣетъ жену и пятеро дѣтей, и который наклоненъ къ тому, чтобъ переѣхать къ намъ въ отечество на томъ основаніи, чтобъ по его смерти дѣти его имѣли довольное къ ихъ пропитанію и чтобы сіе пропитаніе такъ было утверждено, чтобъ они въ полученіи онаго были обезпечены. Вотъ, мой другъ, его предложеніе; а какъ господинъ Велоксъ теперь, какъ мнѣ кажется по его письмамъ, долженъ быть въ Берлинѣ, то найди его и изъясни ему мой отвѣтъ, состоящій въ слѣдующемъ: что прежде, нежели мнѣ согласиться на принятіе вышеписанныхъ предложеній, надлежитъ мнѣ вѣдать, съ дѣтьми-ли онъ пріѣдетъ и сколько именно требуетъ капиталу для утвержденія пропитанія его дѣтей, ибо надлежитъ ему вѣдать, что мое состояніе весьма разстроено; что какъ я, такъ и воспитанники мои по разнымъ обстоятельствамъ обременены долгами, и, слѣдовательно, мы и не можемъ его дѣтямъ сдѣлать хорошаго состоянія; однако-жъ, ежели онъ о посредственномъ состояніи думаетъ, то, можетъ быть, и возможемъ удовлетворить его предложенію, то есть, ежели онъ небольшой денежный капиталъ потребуетъ для утвержденія за нимъ и за его дѣтьми, съ котораго получая проценты, какъ онъ, такъ и его дѣти могутъ содержаться, и ежели тотъ капиталъ не великъ, то, можетъ быть, мы и можемъ принять его предложеніе. И такъ, мой другъ, ты отбери отъ него обстоятельное объясненіе его требованій и отпиши ко мнѣ, дабы я могъ тебѣ рѣшительно отвѣтствовать, ибо мнѣ весьма хочется имѣть того человѣка, но ради-жъ собственной его пользы не хочу иначе его имѣть, какъ на томъ основаніи, чтобъ онъ не имѣлъ причины раскаиваться, что переѣхалъ въ отечество наше, и не имѣлъ бы причины на насъ жаловаться.

Вотъ, мой другъ, о чемъ я желаю, чтобъ ты съ господиномъ Велоксомъ объяснился и на что жду съ нетерпѣніемъ твоего отвѣта. Прости, мой другъ! Когда-то силанумъ окончится? Пиши чаще, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

96. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Письмо ваше мы получили, которое меня сердечно обрадовало. Выговоры ваши отмѣнно для меня пріятны. Безо всякаго оправданія

*) А. М. Кутузовъ.

скажу, что очень, очень виновата. Только все сіе время не оттого не писала, чтобы васъ не любила; истинная причина тому была та, что мы были въ несносныхъ хлопотахъ и горѣ. У меня Мавренька *) была хотя не опасно больна, однако такъ, что всѣхъ насъ перепугала. Вдругъ здоровая перестала говорить и нѣма бывала часа на два; вышло, что сіе происходило отъ глистъ, но онѣмѣніе сіе было для насъ горестно. Но со всѣми нашими горестями и хлопотами были часы, въ которые я могла писать, но, не думая о себѣ такъ много, чтобы письмы мои могли сдѣлать вамъ много удовольствія, отлагала все до другого дня, и такъ прошло все это время. Вы сами должны признаться, что вы еще два письма лишнія предъ нами написали. Во всѣ тѣ четыре года я всегда писывала по два и по три письма на одно ваше. Но оставя все это, скажу только, что мнѣ легко было по сему заключить, что вы только на скучныя мои письмы для васъ отвѣчали, то теперь я столько обрадовалась вашему письму, что я пересказать вамъ не могу.

Вы спрашиваете меня о Рамзеѣ **), — онъ все груститъ; живетъ онъ теперь у насъ, говоритъ, что оттого невеселъ, что боленъ, что въ самомъ дѣлѣ правда, что доказываетъ и тѣмъ, что, какъ вы отъ него сто разъ слыхали, сколько онъ былъ вооруженъ противъ лѣкарства и докторовъ, но теперь уже третій мѣсяцъ, какъ онъ безпрестанно лѣчится; но голова его все болитъ. Вы себѣ представить не можете, сколько мнѣ больно видѣть его въ такомъ состояніи. Нечего вамъ сказывать, сколько я его люблю; дружба моя чистосердечна къ нему и ничѣмъ истребиться не можетъ, нижѐ самой его холодностью, которую онъ мнѣ очень показываетъ. Чудеса будутъ, ежели вы возвратитесь, такъ же любя насъ, какъ вы съ нами разстались. Я всегда была противъ разлуки, а теперь, по возвращеніи милаго моего Рамзея, болѣе ее ненавижу. Лучшее его удовольствіе было, какъ вы сами знаете, быть со мною, онъ читалъ у меня въ комнатѣ, разсуждалъ со мною, хотя часто мы съ нимъ спорили, писалъ у меня; однимъ словомъ, я была или думала быть его лучшимъ другомъ. Сердце его такъ хорошо, что не можетъ притворяться. Онъ ѣхалъ съ горестію оттого, что разстается съ нами. Лучшіе его разговоры при отъѣздѣ были тѣ, какъ онъ васъ увидитъ; однимъ словомъ, все составляло его удовольствіе — мы, а потомъ — вы. Совѣстно ***) вамъ скажу, онъ болѣе здѣсь ничего не оставлялъ; прочіе его друзья такъ называемые, какъ скоро онъ имъ сказалъ, что онъ ѣдетъ, то явнымъ образомъ его возненавидѣли. А какъ онъ пріѣхалъ, то никого болѣе; слѣдственно — кто же у него остался? Мы одни; онъ у насъ. Но горько мнѣ сіе думать; однако не могу вамъ не сказать:

*) М. А. Плещеева.

**) Н. М. Карамзинъ.

***) Такъ въ подлинникѣ: Совѣстно.

скажу, что очень, очень виновата. Только все сіе время не оттого не писала, чтобы васъ не любила; истинная причина тому была та, что мы были въ несносныхъ хлопотахъ и горѣ. У меня Мавренька *) была хотя не опасно больна, однако такъ, что всѣхъ насъ перепугала. Вдругъ здоровая перестала говорить и нѣма бывала часа на два; вышло, что сіе происходило отъ глистъ, но онѣмѣніе сіе было для насъ горестно. Но со всѣми нашими горестями и хлопотами были часы, въ которые я могла писать, но, не думая о себѣ такъ много, чтобы письмы мои могли сдѣлать вамъ много удовольствія, отлагала все до другого дня, и такъ прошло все это время. Вы сами должны признаться, что вы еще два письма лишнія предъ нами написали. Во всѣ тѣ четыре года я всегда писывала по два и по три письма на одно ваше. Но оставя все это, скажу только, что мнѣ легко было по сему заключить, что вы только на скучныя мои письмы для васъ отвѣчали, то теперь я столько обрадовалась вашему письму, что я пересказать вамъ не могу.

Вы спрашиваете меня о Рамзеѣ **), — онъ все груститъ; живетъ онъ теперь у насъ, говоритъ, что оттого невеселъ, что боленъ, что въ самомъ дѣлѣ правда, что доказываетъ и тѣмъ, что, какъ вы отъ него сто разъ слыхали, сколько онъ былъ вооруженъ противъ лѣкарства и докторовъ, но теперь уже третій мѣсяцъ, какъ онъ безпрестанно лѣчится; но голова его все болитъ. Вы себѣ представить не можете, сколько мнѣ больно видѣть его въ такомъ состояніи. Нечего вамъ сказывать, сколько я его люблю; дружба моя чистосердечна къ нему и ничѣмъ истребиться не можетъ, нижѐ самой его холодностью, которую онъ мнѣ очень показываетъ. Чудеса будутъ, ежели вы возвратитесь, такъ же любя насъ, какъ вы съ нами разстались. Я всегда была противъ разлуки, а теперь, по возвращеніи милаго моего Рамзея, болѣе ее ненавижу. Лучшее его удовольствіе было, какъ вы сами знаете, быть со мною, онъ читалъ у меня въ комнатѣ, разсуждалъ со мною, хотя часто мы съ нимъ спорили, писалъ у меня; однимъ словомъ, я была или думала быть его лучшимъ другомъ. Сердце его такъ хорошо, что не можетъ притворяться. Онъ ѣхалъ съ горестію оттого, что разстается съ нами. Лучшіе его разговоры при отъѣздѣ были тѣ, какъ онъ васъ увидитъ; однимъ словомъ, все составляло его удовольствіе — мы, а потомъ — вы. Совѣстно ***) вамъ скажу, онъ болѣе здѣсь ничего не оставлялъ; прочіе его друзья такъ называемые, какъ скоро онъ имъ сказалъ, что онъ ѣдетъ, то явнымъ образомъ его возненавидѣли. А какъ онъ пріѣхалъ, то никого болѣе; слѣдственно — кто же у него остался? Мы одни; онъ у насъ. Но горько мнѣ сіе думать; однако не могу вамъ не сказать:

*) М. А. Плещеева.

**) Н. М. Карамзинъ.

***) Такъ въ подлинникѣ: Совѣстно.

я почти теперь ясно вижу, что дружба моя ему въ тягость. Вообразите себѣ: живши у насъ, я его только вижу за обѣдомъ, за которымъ онъ морщится, на кого ни есть. Когда я ему стану говорить, то онъ ссылается на болѣзнь свою, старается какъ можно скорѣе отъ меня уйти; мнѣ столько это горестно, что я вамъ описать не въ силахъ. Желала бы перестать любить его, но кто же его любить будетъ? Не думайте, чтобы я слышала отъ него, что эти люди его ненавидятъ, о которыхъ вы знаете, что я говорю, — нѣтъ, они многіе сами мнѣ говорили, и изъ *) сожалѣнія желаютъ ему всякаго зла, какое только быть можетъ и притомъ увѣряютъ, что отмѣнно любятъ. Я въ отмщеніе сама ихъ столько, сколько мое сердце можетъ ненавидѣть, то ихъ ненавижу. Вотъ, милой Алексѣй Михайловичъ, люди, которые проповѣдуютъ добродѣтель! Что вы послѣ этого скажете? Вы, я увѣрена, отвѣтите, что я ихъ не понимаю. Нѣтъ, сударь, очень поняла и знаю, что они многіе изверги, трусы, подлецы и малодушные, какъ малые ребята. Я таю это отъ Рамзея, сколько могу. Онъ ничего этого не знаетъ, и того, что я къ вамъ пишу, и вы, какъ можно осторожнѣе, мнѣ отвѣчайте. Я не могу ему не казать писемъ вашихъ. Прощайте, вѣрьте, что я васъ люблю чрезвычайно и какъ желаю, что[бъ] я могла васъ видѣть и обнаружить совершенно предъ вами мое сердце, а то писать всего не можно. Пріѣзжайте, Бога ради, къ намъ поскорѣе, утѣшьте друзей своихъ искреннихъ, изъ коихъ числа искренній [и] истинный вамъ есмь и буду

Настасья Плещеева.

Письма къ Федору Михайловичу **) мы не получили; пожалуйте, у себя его сыщите, а журналъ Николая Михайловича, можетъ быть, и на той почтѣ три книги къ вамъ пришлю.

97. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Подлинно, любезный мой другъ Алексѣй Михайловичъ, я достоинъ твоихъ выговоровъ, что я къ тебѣ такъ давно не писалъ; однако-жъ причина моего молчанія не есть та, которую ты полагаешь. Хлопоты домашнія и лѣнь сдѣлали то, что я къ тебѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ не писалъ. Чувствую, что ты мнѣ гораздо строжѣ долженъ выговаривать, но нѣжное твое сердце, видно, на то не согласилось, а тѣмъ болѣе сдѣлало моему сердцу раскаянія и стыда. Что же принадлежитъ, мой любезный и неоцѣненный другъ, до моихъ мнѣній, до моей работы и до

*) Въ подлинникѣ вмѣсто «изъ» — съ.

**) Ф. М. Кутузовъ.

я почти теперь ясно вижу, что дружба моя ему въ тягость. Вообразите себѣ: живши у насъ, я его только вижу за обѣдомъ, за которымъ онъ морщится, на кого ни есть. Когда я ему стану говорить, то онъ ссылается на болѣзнь свою, старается какъ можно скорѣе отъ меня уйти; мнѣ столько это горестно, что я вамъ описать не въ силахъ. Желала бы перестать любить его, но кто же его любить будетъ? Не думайте, чтобы я слышала отъ него, что эти люди его ненавидятъ, о которыхъ вы знаете, что я говорю, — нѣтъ, они многіе сами мнѣ говорили, и изъ *) сожалѣнія желаютъ ему всякаго зла, какое только быть можетъ и притомъ увѣряютъ, что отмѣнно любятъ. Я въ отмщеніе сама ихъ столько, сколько мое сердце можетъ ненавидѣть, то ихъ ненавижу. Вотъ, милой Алексѣй Михайловичъ, люди, которые проповѣдуютъ добродѣтель! Что вы послѣ этого скажете? Вы, я увѣрена, отвѣтите, что я ихъ не понимаю. Нѣтъ, сударь, очень поняла и знаю, что они многіе изверги, трусы, подлецы и малодушные, какъ малые ребята. Я таю это отъ Рамзея, сколько могу. Онъ ничего этого не знаетъ, и того, что я къ вамъ пишу, и вы, какъ можно осторожнѣе, мнѣ отвѣчайте. Я не могу ему не казать писемъ вашихъ. Прощайте, вѣрьте, что я васъ люблю чрезвычайно и какъ желаю, что[бъ] я могла васъ видѣть и обнаружить совершенно предъ вами мое сердце, а то писать всего не можно. Пріѣзжайте, Бога ради, къ намъ поскорѣе, утѣшьте друзей своихъ искреннихъ, изъ коихъ числа искренній [и] истинный вамъ есмь и буду

Настасья Плещеева.

Письма къ Федору Михайловичу **) мы не получили; пожалуйте, у себя его сыщите, а журналъ Николая Михайловича, можетъ быть, и на той почтѣ три книги къ вамъ пришлю.

97. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Подлинно, любезный мой другъ Алексѣй Михайловичъ, я достоинъ твоихъ выговоровъ, что я къ тебѣ такъ давно не писалъ; однако-жъ причина моего молчанія не есть та, которую ты полагаешь. Хлопоты домашнія и лѣнь сдѣлали то, что я къ тебѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ не писалъ. Чувствую, что ты мнѣ гораздо строжѣ долженъ выговаривать, но нѣжное твое сердце, видно, на то не согласилось, а тѣмъ болѣе сдѣлало моему сердцу раскаянія и стыда. Что же принадлежитъ, мой любезный и неоцѣненный другъ, до моихъ мнѣній, до моей работы и до

*) Въ подлинникѣ вмѣсто «изъ» — съ.

**) Ф. М. Кутузовъ.

моей цѣли, то увѣряю тебя, что сіе ни мало не перемѣнилось; у меня, кромѣ родныхъ, нѣтъ такого человѣка, котораго бы я любилъ такъ, какъ я люблю тебя. Если ты возвратишься въ Москву и будешь выдавать журналъ, то безъ сомнѣнія я буду имъ заниматься столько, сколько можно заниматься книгою для меня полезною, а притомъ и такою, которую писалъ мой любезный и достойный другъ. До того времени буду заниматься тѣмъ, чѣмъ и всегда занимался. Если же ты, возвратясь, не будешь выдавать журналъ, то твои разговоры мнѣ будутъ служить вмѣсто онаго.

Мы постараемся скоро доставить тебѣ журналъ Николая Михайловича. Братецъ твой, Федоръ Михайловичъ, ѣздилъ въ Петербургъ, но никакъ мнѣ не далъ знать, когда былъ въ Москвѣ; только Алексѣю Ивановичу *) говорилъ, что жалѣетъ о томъ, что давно отъ тебя не получалъ писемъ. Ты въ письмѣ говоришь, чтобы отослать къ нему твое письмо, которое ты положить забылъ. Прощай, любезный другъ, будь здоровъ, благополученъ и люби твоего вѣрнаго друга.

98. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Любезный мой другъ, я на тебя сердита, что ты такъ долго не ѣдешь. Пріѣзжай поскорѣе, другъ мой, увидишь маленькій нашъ театръ, мы будемъ представлять твой переводъ; ежели ты пріѣдешь, то, видя тебя, сидящаго въ партерахъ, буду стараться лучше представлять, чтобы тебя утѣшить. Прощай, мой милый, вѣчно твой другъ.

99. Н. М. КАРАМЗИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Худое состояніе головы моей было причиною того, что я такъ долго не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій братъ Алексѣй Михайловичъ! И теперь шумитъ въ окрестностяхъ моего мозга, однако-жъ на сей разъ это не помѣшаетъ мнѣ сказать вамъ, что никакая головная боль не можетъ уменьшить моей любви къ вамъ.

Что показалось вамъ загадкою въ моихъ осьми строкахъ, — не знаю. Слова: «Я васъ люблю и почитаю» въ нихъ, конечно, были; сихъ словъ вы не почли бы загадкою, а прочаго не помню. Въ рѣчахъ моихъ, любезнѣйшій братъ, не умышленная неясность, но что принадлежитъ до чувствъ моихъ, то они ясны. Если вы думаете, что я пересталъ любить прежнихъ друзей своихъ, то вы думаете несправедливо, любезнѣйшій братъ мой! Но хотѣлось бы мнѣ знать, почему вы это и поду-

*) А. И. Новиковъ.

моей цѣли, то увѣряю тебя, что сіе ни мало не перемѣнилось; у меня, кромѣ родныхъ, нѣтъ такого человѣка, котораго бы я любилъ такъ, какъ я люблю тебя. Если ты возвратишься въ Москву и будешь выдавать журналъ, то безъ сомнѣнія я буду имъ заниматься столько, сколько можно заниматься книгою для меня полезною, а притомъ и такою, которую писалъ мой любезный и достойный другъ. До того времени буду заниматься тѣмъ, чѣмъ и всегда занимался. Если же ты, возвратясь, не будешь выдавать журналъ, то твои разговоры мнѣ будутъ служить вмѣсто онаго.

Мы постараемся скоро доставить тебѣ журналъ Николая Михайловича. Братецъ твой, Федоръ Михайловичъ, ѣздилъ въ Петербургъ, но никакъ мнѣ не далъ знать, когда былъ въ Москвѣ; только Алексѣю Ивановичу *) говорилъ, что жалѣетъ о томъ, что давно отъ тебя не получалъ писемъ. Ты въ письмѣ говоришь, чтобы отослать къ нему твое письмо, которое ты положить забылъ. Прощай, любезный другъ, будь здоровъ, благополученъ и люби твоего вѣрнаго друга.

98. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Любезный мой другъ, я на тебя сердита, что ты такъ долго не ѣдешь. Пріѣзжай поскорѣе, другъ мой, увидишь маленькій нашъ театръ, мы будемъ представлять твой переводъ; ежели ты пріѣдешь, то, видя тебя, сидящаго въ партерахъ, буду стараться лучше представлять, чтобы тебя утѣшить. Прощай, мой милый, вѣчно твой другъ.

99. Н. М. КАРАМЗИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Мартъ], 1791. (21 апрѣля).

Худое состояніе головы моей было причиною того, что я такъ долго не писалъ къ вамъ, любезнѣйшій братъ Алексѣй Михайловичъ! И теперь шумитъ въ окрестностяхъ моего мозга, однако-жъ на сей разъ это не помѣшаетъ мнѣ сказать вамъ, что никакая головная боль не можетъ уменьшить моей любви къ вамъ.

Что показалось вамъ загадкою въ моихъ осьми строкахъ, — не знаю. Слова: «Я васъ люблю и почитаю» въ нихъ, конечно, были; сихъ словъ вы не почли бы загадкою, а прочаго не помню. Въ рѣчахъ моихъ, любезнѣйшій братъ, не умышленная неясность, но что принадлежитъ до чувствъ моихъ, то они ясны. Если вы думаете, что я пересталъ любить прежнихъ друзей своихъ, то вы думаете несправедливо, любезнѣйшій братъ мой! Но хотѣлось бы мнѣ знать, почему вы это и поду-

*) А. И. Новиковъ.

мать могли. Въ журналѣ, который выдаю съ января мѣсяца, суть мои піесы, есть и чужія, но вообще мало такого, что бы для васъ могло быть интересно. Все бездѣлки, мелочи и проч., проч. По сіе время имѣю 210 пренумерантовъ, изъ которыхъ иные, читая сіе собраніе бездѣлокъ, смѣются или улыбаются, иные (NB. на нѣкоторыхъ страницахъ) pass the back of their hands across their eyes, иные зѣваютъ, иные равнодушно говорятъ: что за дрянь! Иные съ сердцемъ кричатъ: какъ можно такъ писать! Иные... но пусть ихъ говорятъ и дѣлаютъ, что хотятъ!

Впрочемъ, любезнѣйшій братъ, не бойтесь, чтобъ я осмѣянъ былъ; а если бы и вздумалось кому посмѣяться надо мною, то я сказалъ бы: пусть смѣются! Есть-ли за глаза и бить меня станутъ, то я ни слова не скажу. Вы, конечно, помните, кто это сказалъ за двѣ тысячи лѣтъ предъ симъ.

Простите, любезнѣйшій милый братъ, любите вашего вѣрнаго

Карамзина.

100. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 3 апрѣля, 1791. — № 7. (21 апрѣля).

Любезный другъ! Два письма твои и рецептъ лекарства отъ чахотки я получилъ; благодарю тебя за оные. Разсужденіе твое о такъ называемыхъ мартинистахъ мнѣ весьма полюбилось, и теперь я вижу ясно, что сія сказка, о которой я думалъ, что она по крайней мѣрѣ имѣетъ какое-нибудь основаніе, созиждена въ пустой головѣ вѣтренаго французскаго писателя *), который, бывъ врагъ исповѣдателей христіанскаго закона, старался подъ симъ названіемъ оныхъ осмѣять. Прости его, Господи! Онъ самъ не вѣдаетъ, что̀ дѣлаетъ. Я увѣренъ, что придетъ время, въ которое бранящіе сихъ мнимыхъ мартинистовъ, закраснѣются, увидя, что они тѣнь бранили и противу тѣни сражались, и писателя, сію тѣнь произведшаго, поставятъ въ число тѣхъ такъ называемыхъ антузіастовъ, копхъ мнимому безумію они смѣются и безуміе копхъ имъ кажется вреднымъ, ибо онъ подлинно въ настоящемъ смыслѣ есть антузіастъ, понеже, составляя въ воображеніи своемъ вещи не существующія, выдаетъ ихъ за бытіе. Просвѣти, Господи, человѣковъ и даждь имъ увидѣть, что не христіане, но такъ называемые мірскіе умницы, покрывающіе себя почтеннымъ именемъ философіи, копми **) они никогда не бывали, опасны для общества, но что христіанинъ есть вѣрный подданный и защитникъ престола и законовъ, и что онъ николи не будетъ Мирабо, и никогда не согласится съ нынѣшними просвѣтителями Франціи, но всегда радъ пролить свою кровь за защищеніе государя,

*) Мерсье.

**) Такъ въ подлинникѣ: философіи, копми.

мать могли. Въ журналѣ, который выдаю съ января мѣсяца, суть мои піесы, есть и чужія, но вообще мало такого, что бы для васъ могло быть интересно. Все бездѣлки, мелочи и проч., проч. По сіе время имѣю 210 пренумерантовъ, изъ которыхъ иные, читая сіе собраніе бездѣлокъ, смѣются или улыбаются, иные (NB. на нѣкоторыхъ страницахъ) pass the back of their hands across their eyes, иные зѣваютъ, иные равнодушно говорятъ: что за дрянь! Иные съ сердцемъ кричатъ: какъ можно такъ писать! Иные... но пусть ихъ говорятъ и дѣлаютъ, что хотятъ!

Впрочемъ, любезнѣйшій братъ, не бойтесь, чтобъ я осмѣянъ былъ; а если бы и вздумалось кому посмѣяться надо мною, то я сказалъ бы: пусть смѣются! Есть-ли за глаза и бить меня станутъ, то я ни слова не скажу. Вы, конечно, помните, кто это сказалъ за двѣ тысячи лѣтъ предъ симъ.

Простите, любезнѣйшій милый братъ, любите вашего вѣрнаго

Карамзина.

100. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 3 апрѣля, 1791. — № 7. (21 апрѣля).

Любезный другъ! Два письма твои и рецептъ лекарства отъ чахотки я получилъ; благодарю тебя за оные. Разсужденіе твое о такъ называемыхъ мартинистахъ мнѣ весьма полюбилось, и теперь я вижу ясно, что сія сказка, о которой я думалъ, что она по крайней мѣрѣ имѣетъ какое-нибудь основаніе, созиждена въ пустой головѣ вѣтренаго французскаго писателя *), который, бывъ врагъ исповѣдателей христіанскаго закона, старался подъ симъ названіемъ оныхъ осмѣять. Прости его, Господи! Онъ самъ не вѣдаетъ, что̀ дѣлаетъ. Я увѣренъ, что придетъ время, въ которое бранящіе сихъ мнимыхъ мартинистовъ, закраснѣютъ, увидя, что они тѣнь бранили и противу тѣни сражались, и писателя, сію тѣнь произведшаго, поставятъ въ число тѣхъ такъ называемыхъ антузіастовъ, копхъ мнимому безумію они смѣются и безуміе копхъ имъ кажется вреднымъ, ибо онъ подлинно въ настоящемъ смыслѣ есть антузіастъ, понеже, составляя въ воображеніи своемъ вещи не существующія, выдаетъ ихъ за бытіе. Просвѣти, Господи, человѣковъ и даждь имъ увидѣть, что не христіане, но такъ называемые мірскіе умницы, покрывающіе себя почтеннымъ именемъ философіи, копми **) они никогда не бывали, опасны для общества, но что христіанинъ есть вѣрный подданный и защитникъ престола и законовъ, и что онъ николи не будетъ Мирабо, и никогда не согласится съ нынѣшними просвѣтителями Франціи, но всегда радъ пролить свою кровь за защищеніе государя,

*) Мерсье.

**) Такъ въ подлинникѣ: философіи, копми.

коему онъ именемъ Бога клялся въ вѣрности, и что, словомъ, христіанинъ, бывъ и подъ правленіемъ Нерона, не нарушитъ своего обѣта и не дерзнетъ возстать противъ власти, коей онъ клялся быть вѣрнымъ, ибо онъ здѣсь не ожидаетъ спокойствія, но вѣдаетъ, что терпѣніе, повиновеніе властямъ и исполненіе должности своей къ Богу и къ государю суть тотъ путь, которой препровождаетъ его къ ожидаемому имъ спокойствію не здѣсь, ибо здѣсь его быть не можетъ, но тамъ, гдѣ онъ спокойствіе получаетъ въ награду за претерпѣнное имъ здѣсь. Но полно объ этомъ. Я и мои домашніе здоровы, даже и княжна Елисавета *), благодаря Бога, кажется получше. Александра Егоровна **) въ деревнѣ, и, я, сдѣлавъ порошки по твоему рецепту, оные къ ней послалъ, но, кажется мнѣ, что поздно, и что она въ такомъ положеніи, что ей ничто не поможетъ. Новаго у насъ ничего нѣтъ; приложенное письмо отдай барону ***). Онъ на меня сердится, что я ему не прислалъ денегъ, и я предъ нимъ оправдываюсь. Жаль мнѣ его; онъ, мнѣ кажется, часъ-отъ-часу болѣе впадаетъ въ свои нещастныя сомнѣнія. Прости, мой другъ! Христосъ съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

Пожалуйста, мой другъ, спроси у тамошнихъ твоихъ знакомыхъ ученыхъ, а наипаче у профессора, коего ты мнѣ такъ выхвалялъ, Сока, его мнѣніе о книгѣ, которая мнѣ очень полюбилась и которой титулъ: «Centrum Naturae oder ein Tractat von dem wiedergebohrnen Saltz der Natur, in Arabischen geschrieben von Ali Puli und ins Hochdeutsche übersetzt aus dem Portugisischen von Johann Otto Helbig, gedruckt im Jahre 1682. А другая єдиція, не помню, въ которомъ году.

Другъ твой Михаилъ Ларіоновичъ ****) пожалованъ въ генералъ-поручики, съ чѣмъ тебя поздравляю.

101. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 3 апрѣля, 1791. (21 апрѣля).

Cher ami et frère! Vous avez toutes les raisons de m'appeller un ami refroidi, de me croire tout à fait changé à votre égard, et cependant nonobstant toutes les apparences, ma conscience est pure, et je puis vous assurer par tout ce qu'il y a de plus sacré, que mon amitié pour vous est toujours la même, et si j'avais été en état, mon plus grand plaisir aurait été de vous démontrer cette amitié par effet. Il viendra un temps, où vous verrez que je vous dis la pure vérité, et que nonobstant que je ne vous ai pas écrit depuis longtemps, et que sur plusieurs points principaux

*) Княжна Е. Н. Трубецкая.
**) А. Е. Новикова.
***) Бар. Шредеръ.
****) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

коему онъ именемъ Бога клялся въ вѣрности, и что, словомъ, христіанинъ, бывъ и подъ правленіемъ Нерона, не нарушитъ своего обѣта и не дерзнетъ возстать противъ власти, коей онъ клялся быть вѣрнымъ, ибо онъ здѣсь не ожидаетъ спокойствія, но вѣдаетъ, что терпѣніе, повиновеніе властямъ и исполненіе должности своей къ Богу и къ государю суть тотъ путь, которой препровождаетъ его къ ожидаемому имъ спокойствію не здѣсь, ибо здѣсь его быть не можетъ, но тамъ, гдѣ онъ спокойствіе получаетъ въ награду за претерпѣнное имъ здѣсь. Но полно объ этомъ. Я и мои домашніе здоровы, даже и княжна Елисавета *), благодаря Бога, кажется получше. Александра Егоровна **) въ деревнѣ, и, я, сдѣлавъ порошки по твоему рецепту, оные къ ней послалъ, но, кажется мнѣ, что поздно, и что она въ такомъ положеніи, что ей ничто не поможетъ. Новаго у насъ ничего нѣтъ; приложенное письмо отдай барону ***). Онъ на меня сердится, что я ему не прислалъ денегъ, и я предъ нимъ оправдываюсь. Жаль мнѣ его; онъ, мнѣ кажется, часъ-отъ-часу болѣе впадаетъ въ свои нещастныя сомнѣнія. Прости, мой другъ! Христосъ съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

Пожалуйста, мой другъ, спроси у тамошнихъ твоихъ знакомыхъ ученыхъ, а наипаче у профессора, коего ты мнѣ такъ выхвалялъ, Сока, его мнѣніе о книгѣ, которая мнѣ очень полюбилась и которой титулъ: «Centrum Naturae oder ein Tractat von dem wiedergebohrnen Saltz der Natur, in Arabischen geschrieben von Ali Puli und ins Hochdeutsche übersetzt aus dem Portugisischen von Johann Otto Helbig, gedruckt im Jahre 1682. А другая єдиція, не помню, въ которомъ году.

Другъ твой Михаилъ Ларіоновичъ ****) пожалованъ въ генералъ-поручики, съ чѣмъ тебя поздравляю.

101. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 3 апрѣля, 1791. (21 апрѣля).

Cher ami et frère! Vous avez toutes les raisons de m'appeller un ami refroidi, de me croire tout à fait changé à votre égard, et cependant nonobstant toutes les apparences, ma conscience est pure, et je puis vous assurer par tout ce qu'il y a de plus sacré, que mon amitié pour vous est toujours la même, et si j'avais été en état, mon plus grand plaisir aurait été de vous démontrer cette amitié par effet. Il viendra un temps, où vous verrez que je vous dis la pure vérité, et que nonobstant que je ne vous ai pas écrit depuis longtemps, et que sur plusieurs points principaux

*) Княжна Е. Н. Трубецкая.
**) А. Е. Новикова.
***) Бар. Шредеръ.
****) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

je sois tout à fait d'un autre sentiment que vous, et que je pleure l'état malheureux, on vous tienent jusqu' à présent vos soupçons, cependant je vous suis attaché du fond du coeur, et mon amitié pour vous ne peut jamais changer. Mais laissons cela, vous me connaissez assez pour penser que j'ai refusé à mon ami de l'aider dans un besoin. Mes affaires sont si dérangées, que malgré tout ce que j'ai fait pour trouver la somme, dont vous avez besoin, je ne l'ai pas encore jusqu' à présent. Je vous dirai même que les affaires de Lap. *) sont dans le même état, que nous ne savons plus que faire et que nous cherchons seulement les moyens de sortir avec honneur de toutes nos affaires. Voilà les raisons, pour lesquelles je n'ai pu vous aider et que je n'ai pas voulu vous écrire et que je ne vous aurais jamais écrit sur ce point, si je n'avais pas vu qu'il était nécessaire de vous démontrer que ce n'est pas à l'amitié, que je vous ai vouée, que j'ai manqué; que l'impossibilité de vous aider a été la cause que je vous ai donné une raison à douter de mon amitié, cependant je vous prie, cher ami, que l'état de nos affaires soit un secret entre nous deux, puisque j'espère que nous pourrons sortir avec honneur de nos affaires et que Dieu, voyant la pureté de nos intentions, nous aidera et mettra derechef dans l'état de pouvoir être utiles à nos semblables et pour cet effet il faut que sans découvrir l'état de nos affaires, nous ayons seulement le temps de les arranger, et dès qu'elles seront arrangées, nous en sortirons avec honneur et sans être à charge à personne. Nous avons fait des pertes considérables et c'est ce qui nous a mis dans l'état où nous sommes. Mais Dieu nous aidera, j'en suis assuré et je suis tranquille. Pour ce qu'il concerne Tat— **) il a vos lettres, mais il a dit qu'il ne pouvait vous aider. Mais pardonnez lui, c'est son caractère. Pour ce que concerne Poch. ***) — je puis vous assurer qu'il n'a point été cette année ci par des raisons que je ne puis vous écrire par la poste, en état de rien faire pour ses amis et souffre qu'il n'a pu rien faire cette année-ci.

Adieu mon ami. Je vous embrasse mille fois. Que Dieu efface vos soupçons et soyez assuré que rien ne peut me changer à votre égard et que je suis pour toujours votre fidèle ami.

102. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ, 12/23 апрѣля. 1791. — № 6. (5 мая).

Дражайшій другъ! Любезное, дружеское ваше письмо получилъ исправно. Надѣюсь, что вы имѣете уже надлежащее свѣдѣніе о употребленіи моихъ къ вамъ присланныхъ Θ и ♄. Я послалъ тоже и дру-

*) П. В. Лопухинъ.
**) П. А. Татищевъ.
***) Г. М. Походяшинъ.

je sois tout à fait d'un autre sentiment que vous, et que je pleure l'état malheureux, on vous tienent jusqu' à présent vos soupçons, cependant je vous suis attaché du fond du coeur, et mon amitié pour vous ne peut jamais changer. Mais laissons cela, vous me connaissez assez pour penser que j'ai refusé à mon ami de l'aider dans un besoin. Mes affaires sont si dérangées, que malgré tout ce que j'ai fait pour trouver la somme, dont vous avez besoin, je ne l'ai pas encore jusqu' à présent. Je vous dirai même que les affaires de Lap. *) sont dans le même état, que nous ne savons plus que faire et que nous cherchons seulement les moyens de sortir avec honneur de toutes nos affaires. Voilà les raisons, pour lesquelles je n'ai pu vous aider et que je n'ai pas voulu vous écrire et que je ne vous aurais jamais écrit sur ce point, si je n'avais pas vu qu'il était nécessaire de vous démontrer que ce n'est pas à l'amitié, que je vous ai vouée, que j'ai manqué; que l'impossibilité de vous aider a été la cause que je vous ai donné une raison à douter de mon amitié, cependant je vous prie, cher ami, que l'état de nos affaires soit un secret entre nous deux, puisque j'espère que nous pourrons sortir avec honneur de nos affaires et que Dieu, voyant la pureté de nos intentions, nous aidera et mettra derechef dans l'état de pouvoir être utiles à nos semblables et pour cet effet il faut que sans découvrir l'état de nos affaires, nous ayons seulement le temps de les arranger, et dès qu'elles seront arrangées, nous en sortirons avec honneur et sans être à charge à personne. Nous avons fait des pertes considérables et c'est ce qui nous a mis dans l'état où nous sommes. Mais Dieu nous aidera, j'en suis assuré et je suis tranquille. Pour ce qu'il concerne Tat — **) il a vos lettres, mais il a dit qu'il ne pouvait vous aider. Mais pardonnez lui, c'est son caractère. Pour ce que concerne Poch. ***) — je puis vous assurer qu'il n'a point été cette année ci par des raisons que je ne puis vous écrire par la poste, en état de rien faire pour ses amis et souffre qu'il n'a pu rien faire cette année-ci.

Adieu mon ami. Je vous embrasse mille fois. Que Dieu efface vos soupçons et soyez assuré que rien ne peut me changer à votre égard et que je suis pour toujours votre fidèle ami.

102. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ, 12/23 апрѣля. 1791. — № 6. (5 мая).

Дражайшій другъ! Любезное, дружеское ваше письмо получилъ исправно. Надѣюсь, что вы имѣете уже надлежащее свѣдѣніе о употребленіи моихъ къ вамъ присланныхъ Θ и ♄. Я послалъ тоже и дру-

*) П. В. Лопухинъ.
**) П. А. Татищевъ.
***) Г. М. Походяшинъ.

гой рецептъ. Дай, Боже, чтобы все сіе послужило къ истинной пользѣ. Я послалъ вамъ два письма чрезъ необыкновенные каналы; увѣдомьте, пожалуйста, о полученіи оныхъ. Здѣсь повторяю мою просьбу о скоромъ и твердомъ рѣшеніи. Я вчерась еще говорилъ о семъ пространно, и особа сія пребываетъ при прежнемъ своемъ мнѣніи. Я не смѣю говорить откровенно, ибо письмы подвержены любопытству подлецовъ, жаждущихъ читать оныя; нѣтъ еще у насъ святого закона, установленнаго нынѣ во Франціи: министръ, обличенный, что онъ повелѣлъ распечатывать письмы, наказывается сосланіемъ на галеры, а исполняющіе его приказаніе осуждаются къ столбу. Пожалуйте, подумайте зрѣло и сообщите ваше мнѣніе. Милосердіе Божіе къ намъ неизрѣченно и не по заслугамъ нашимъ. Медленіе въ пересылкѣ денегъ сдѣлало мнѣ немалый убытокъ. На 1500 рублей получилъ я только 1025 талеровъ и 17 грошей. По сему счету выходитъ, что 1000 рублей дѣлаютъ только 680 талеровъ. Вообрази, какая потеря! Сею суммою я заткнулъ покамѣстъ нужныя дыры, и остался, какъ говорятъ, «впзави дерьень». Однако-жъ, и за сіе благодарю. Страшусь только грозящей войны. Сія можетъ меня совершенно разстроить. Прости, любезный другъ.

103. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 12/23 апрѣля, 1791. (5 мая).

Благодарю тебя, дражайшій мой другъ, за переводъ денегъ, которыя получилъ я исправно. Курсъ страшно низокъ. Вмѣсто 1500 рублей получилъ я 1025 т[алеровъ] 17 грошей. Вообрази, какая потеря: 100 рублей приносятъ только 68 талеровъ! Еще благодарю тебя; по малой мѣрѣ, сею суммою заткнуть можно дыры, не терпящія болѣе времени; а впредь полагаюсь на моего Создателя, не оставившаго меня по сію минуту. Не умѣшкай, мой другъ; вспомни, что чрезъ три мѣсяца наступаетъ другая уже половина года! Прости, мой сердечный другъ. Писать теперь нечего, а притомъ и боюсь писать, что бы хотѣлось, ибо завелись гнусные и подлые бездѣльники, старающіеся читать, что мы другъ съ другомъ говоримъ.

104. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Апрѣль], 1791. — № 8. (21 апрѣля).

Съ наступившимъ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія поздравляю тебя, мой другъ любезный, и, соединяясь съ тобою духомъ, молю Бога и нашего Спасителя, да дастъ намъ внутрь сердецъ нашихъ воскреснуть съ Нимъ и возопить истиннымъ духовнымъ гласомъ: Христосъ Воскресе, во истину Христосъ Воскресе!

гой рецептъ. Дай, Боже, чтобы все сіе послужило къ истинной пользѣ. Я послалъ вамъ два письма чрезъ необыкновенные каналы; увѣдомьте, пожалуйста, о полученіи оныхъ. Здѣсь повторяю мою просьбу о скоромъ и твердомъ рѣшеніи. Я вчерась еще говорилъ о семъ пространно, и особа сія пребываетъ при прежнемъ своемъ мнѣніи. Я не смѣю говорить откровенно, ибо письмы подвержены любопытству подлецовъ, жаждущихъ читать оныя; нѣтъ еще у насъ святого закона, установленнаго нынѣ во Франціи: министръ, обличенный, что онъ повелѣлъ распечатывать письмы, наказывается сосланіемъ на галеры, а исполняющіе его приказаніе осуждаются къ столбу. Пожалуйте, подумайте зрѣло и сообщите ваше мнѣніе. Милосердіе Божіе къ намъ неизрѣченно и не по заслугамъ нашимъ. Медленіе въ пересылкѣ денегъ сдѣлало мнѣ немалый убытокъ. На 1500 рублей получилъ я только 1025 талеровъ и 17 грошей. По сему счету выходитъ, что 1000 рублей дѣлаютъ только 680 талеровъ. Вообрази, какая потеря! Сею суммою я заткнулъ покамѣстъ нужныя дыры, и остался, какъ говорятъ, «впзави дерьень». Однако-жъ, и за сіе благодарю. Страшусь только грозящей войны. Сія можетъ меня совершенно разстроить. Прости, любезный другъ.

103. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 12/23 апрѣля, 1791. (5 мая).

Благодарю тебя, дражайшій мой другъ, за переводъ денегъ, которыя получилъ я исправно. Курсъ страшно низокъ. Вмѣсто 1500 рублей получилъ я 1025 т[алеровъ] 17 грошей. Вообрази, какая потеря: 100 рублей приносятъ только 68 талеровъ! Еще благодарю тебя; по малой мѣрѣ, сею суммою заткнуть можно дыры, не терпящія болѣе времени; а впредь полагаюсь на моего Создателя, не оставившаго меня по сію минуту. Не умѣшкай, мой другъ; вспомни, что чрезъ три мѣсяца наступаетъ другая уже половина года! Прости, мой сердечный другъ. Писать теперь нечего, а притомъ и боюсь писать, что бы хотѣлось, ибо завелись гнусные и подлые бездѣльники, старающіеся читать, что мы другъ съ другомъ говоримъ.

104. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. [Апрѣль], 1791. — № 8. (21 апрѣля).

Съ наступившимъ праздникомъ свѣтлаго Христова Воскресенія поздравляю тебя, мой другъ любезный, и, соединяясь съ тобою духомъ, молю Бога и нашего Спасителя, да дастъ намъ внутрь сердецъ нашихъ воскреснуть съ Нимъ и возопить истиннымъ духовнымъ гласомъ: Христосъ Воскресе, во истину Христосъ Воскресе!

Уже двѣ недѣли, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ, что меня начинаетъ тревожить; я жду съ нетерпѣніемъ нынѣшней почты, авось-либо она хоть строку отъ тебя привезетъ.

Теперь скажу тебѣ извѣстіе, которое меня до внутренности сердца огорчило, да увѣренъ, что и тебя огорчитъ. Нашъ Николай Ивановичъ Новиковъ овдовѣлъ: племянница моя, а его жена, Александра Егоровна, сего апрѣля 12 дня скончалась въ деревнѣ, да и самъ Николай Ивановичъ такъ сталъ слабъ и боленъ, что докторъ боится, чтобъ и онъ не послѣдовалъ скоро за его женою. Моя жена, получивъ объ ономъ извѣстіе, столь сильно огорчилась, что занемогла спазмами, однако я ей далъ два пріема ΘN., и теперь, благодаря Бога, болѣзнь ея почти совсѣмъ миновала.

Прости, помолись о успокоеніи души усопшей Алексаши! Писать нѣтъ силъ, да [и] нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

105. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 23 апрѣля — 3 мая, 1791. — № 7. (12 мая).

Дражайшій мой другъ! Письмо ваше № 6 отъ 29 марта получилъ я исправно. Не дивлюсь, мой другъ, что найденныя мною начертанія причинили вамъ много безполезнаго труда. Трудно развязывать гіероглифы древнихъ, но, кажется мнѣ, безумно отвергать существованіе оныхъ, какъ то дѣлаютъ наши модные господчики, отвергая все то, чего не разумѣютъ они; но много-ли такихъ вещей, которыя они разумѣютъ истинно? Великое различіе между думать, что я разумѣю, и разумѣть въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ токмо исторію такъ называемыхъ мартинистовъ. Всѣ говорятъ о нихъ, но спроси по совѣсти, что и для чего они говорятъ такъ, никто изъ нихъ не въ состояніи отвѣтствовать. Съ Велоксомъ *) я видѣлся; онъ сказалъ мнѣ, что говорилъ съ особою, о которой онъ нѣкогда писалъ вамъ и увѣряетъ, что сей человѣкъ привыкъ жить умѣренно и въ требованіяхъ своихъ весьма умѣренъ; онъ весьма доволенъ и благодаренъ, что симъ образомъ удостовѣрено его состояніе; все же прочее можетъ учредиться по его пріѣздѣ безъ всякаго вамъ отягощенія, прибавивъ еще къ сему, что, ежели Божіе милосердіе продлится къ нему, то онъ и безъ всякой платы, можетъ быть, будетъ служить вамъ по своимъ силамъ.

Сегодня говорятъ о мирѣ; дай, Боже, чтобы сіе сбылось. Пожалуйста, увѣдомьте меня, получили-ли вы мои письмы безъ номеровъ, посланныя необыкновеннымъ путемъ, въ особенности же то, которое писалъ чрезъ Тургенева **). Простите, желаю вамъ и всѣмъ вашимъ истинныхъ благъ, цѣлую васъ мысленно.

*) А. М. Кутузовъ.

**) И. П. Тургеневъ.

Уже двѣ недѣли, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ, что меня начинаетъ тревожить; я жду съ нетерпѣніемъ нынѣшней почты, авось-либо она хоть строку отъ тебя привезетъ.

Теперь скажу тебѣ извѣстіе, которое меня до внутренности сердца огорчило, да увѣренъ, что и тебя огорчитъ. Нашъ Николай Ивановичъ Новиковъ овдовѣлъ: племянница моя, а его жена, Александра Егоровна, сего апрѣля 12 дня скончалась въ деревнѣ, да и самъ Николай Ивановичъ такъ сталъ слабъ и боленъ, что докторъ боится, чтобъ и онъ не послѣдовалъ скоро за его женою. Моя жена, получивъ объ ономъ извѣстіе, столь сильно огорчилась, что занемогла спазмами, однако я ей далъ два пріема ΘN., и теперь, благодаря Бога, болѣзнь ея почти совсѣмъ миновала.

Прости, помолись о успокоеніи души усопшей Алексаши! Писать нѣтъ силъ, да [и] нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

105. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 23 апрѣля — 3 мая, 1791. — № 7. (12 мая).

Дражайшій мой другъ! Письмо ваше № 6 отъ 29 марта получилъ я исправно. Не дивлюсь, мой другъ, что найденныя мною начертанія причинили вамъ много безполезнаго труда. Трудно развязывать гіероглифы древнихъ, но, кажется мнѣ, безумно отвергать существованіе оныхъ, какъ то дѣлаютъ наши модные господчики, отвергая все то, чего не разумѣютъ они; но много-ли такихъ вещей, которыя они разумѣютъ истинно? Великое различіе между думать, что я разумѣю, и разумѣть въ самомъ дѣлѣ. Возьмемъ токмо исторію такъ называемыхъ мартинистовъ. Всѣ говорятъ о нихъ, но спроси по совѣсти, что и для чего они говорятъ такъ, никто изъ нихъ не въ состояніи отвѣтствовать. Съ Велоксомъ *) я видѣлся; онъ сказалъ мнѣ, что говорилъ съ особою, о которой онъ нѣкогда писалъ вамъ и увѣряетъ, что сей человѣкъ привыкъ жить умѣренно и въ требованіяхъ своихъ весьма умѣренъ; онъ весьма доволенъ и благодаренъ, что симъ образомъ удостовѣрено его состояніе; все же прочее можетъ учредиться по его пріѣздѣ безъ всякаго вамъ отягощенія, прибавивъ еще къ сему, что, ежели Божіе милосердіе продлится къ нему, то онъ и безъ всякой платы, можетъ быть, будетъ служить вамъ по своимъ силамъ.

Сегодня говорятъ о мирѣ; дай, Боже, чтобы сіе сбылось. Пожалуйста, увѣдомьте меня, получили-ли вы мои письмы безъ номеровъ, посланныя необыкновеннымъ путемъ, въ особенности же то, которое писалъ чрезъ Тургенева **). Простите, желаю вамъ и всѣмъ вашимъ истинныхъ благъ, цѣлую васъ мысленно.

*) А. М. Кутузовъ.

**) И. П. Тургеневъ.

106. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 24 Апрѣля, 1791.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Посылаю у сего второй вексель на тысячу пятьсотъ, на случай неполученія тобою перваго, хотя я надѣюсь, что ты вѣрно получилъ, и еще новый на тысячу рублевъ. Пожалуй, увѣдомь скорѣе о полученіи, — скоро за симъ пошлю и второй, — послѣдняго. Ежели ты и выѣдешь изъ Берлина, то письмы, въ оный покуда отправленныя, надѣюсь, поручишь кому нибудь изъ знакомыхъ доставлять себѣ и не умедлишь сказать, куды писать къ тебѣ. Странно подлинно, что человѣкъ, столько не связанный съ политическими обстоятельствами, какъ ты, долженъ по онымъ перемѣнять мѣста пребыванія своего. Однако, ты очень благоразумно дѣлаешь, выѣзжая изъ Берлина, ежели близка война, хотя бы то было и на щетъ твоего здоровья, коимъ должно жертвовать отечеству своему. Только — ну, Пруссаки, не плакать бы вамъ! Видно, они забыли, что наши ребята легки на ногу и въ Берлинъ-то имъ прилетѣть не впервые будетъ. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ войска наши одержали за Дунаемъ побѣду, взяли въ полонъ 3-хъ бунчужнаго пашу и нѣсколькихъ чиновниковъ. Тутъ еще отличился твой Михайло Ларіоновичъ *). Прости, любезнѣйшій другъ. Цѣлую тебя въ мысляхъ. Не сердись на меня. Право, не отъ небреженія происходитъ безпокоющая тебя неисправность. Получилъ-ли ты гостинецъ мой съ Фиргаберомъ? Прости, любезный братъ и другъ; не забывай вѣрнаго тебѣ И. Лопухина.

107. И. П. ТУРГЕНЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здравствуй, любезный другъ! Пожалуй, не умедля, дай мнѣ знать, получилъ-ли ты письмо мое изъ Петербурга, къ тебѣ писанное, вложенное въ письмѣ князя Ник. Никит. **), къ коему ты пишешь, а о моемъ не упоминаешь, а мое довольно интересно. Книги также посланы французскія двѣ къ тебѣ; получилъ ты ихъ? «Кадма» ты получилъ и пишешь. Прости.

108. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 28 апрѣля, 1791.

Два письма твои, мой другъ любезный, я получилъ. Одно отъ 22 марта, 2 апрѣля а другое безъ числа; долго не получая отъ тебя писемъ, сильно я удивляюся, увидя твою руку и узнавъ, что ты, благодаря Богу, здо-

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

**) Кн. Н. Н. Трубецкой.

106. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 24 Апрѣля, 1791.

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Посылаю у сего второй вексель на тысячу пятьсотъ, на случай неполученія тобою перваго, хотя я надѣюсь, что ты вѣрно получилъ, и еще новый на тысячу рублевъ. Пожалуй, увѣдомь скорѣе о полученіи, — скоро за симъ пошлю и второй, — послѣдняго. Ежели ты и выѣдешь изъ Берлина, то письмы, въ оный покуда отправленныя, надѣюсь, поручишь кому нибудь изъ знакомыхъ доставлять себѣ и не умедлишь сказать, куды писать къ тебѣ. Странно подлинно, что человѣкъ, столько не связанный съ политическими обстоятельствами, какъ ты, долженъ по онымъ перемѣнять мѣста пребыванія своего. Однако, ты очень благоразумно дѣлаешь, выѣзжая изъ Берлина, ежели близка война, хотя бы то было и на щетъ твоего здоровья, коимъ должно жертвовать отечеству своему. Только — ну, Пруссаки, не плакать бы вамъ! Видно, они забыли, что наши ребята легки на ногу и въ Берлинъ-то имъ прилетѣть не впервые будетъ. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ войска наши одержали за Дунаемъ побѣду, взяли въ полонъ 3-хъ бунчужнаго пашу и нѣсколькихъ чиновниковъ. Тутъ еще отличился твой Михайло Ларіоновичъ *). Прости, любезнѣйшій другъ. Цѣлую тебя въ мысляхъ. Не сердись на меня. Право, не отъ небреженія происходитъ безпокоющая тебя неисправность. Получилъ-ли ты гостинецъ мой съ Фиргаберомъ? Прости, любезный братъ и другъ; не забывай вѣрнаго тебѣ

И. Лопухина.

107. И. П. ТУРГЕНЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здравствуй, любезный другъ! Пожалуй, не умедля, дай мнѣ знать, получилъ-ли ты письмо мое изъ Петербурга, къ тебѣ писанное, вложенное въ письмѣ князя Ник. Никит. **), къ коему ты пишешь, а о моемъ не упоминаешь, а мое довольно интересно. Книги также посланы французскія двѣ къ тебѣ; получилъ ты ихъ? «Кадма» ты получилъ и пишешь. Прости.

108. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 28 апрѣля, 1791.

Два письма твои, мой другъ любезный, я получилъ. Одно отъ 22 марта, 2 апрѣля а другое безъ числа; долго не получая отъ тебя писемъ, сильно я удивляюся, увидя твою руку и узнавъ, что ты, благодаря Богу, здо-

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

**) Кн. Н. Н. Трубецкой.

ровъ; безпокойство твое касательно до денегъ мы нѣсколько поуменьшили; ибо послали къ тебѣ прежде 1500, да на прошедшей почтѣ 1000. Не досадуй, что мы долго не посылали, и вѣрь, что это не отъ нехотѣнія, но точно отъ невозможности происходило. Рѣшеніе твое переѣхать въ случаѣ войны въ Гамбургъ я похваляю, а наипаче, ежели оное тебѣ присовѣтовалъ твой докторъ; ибо я уповаю, что онъ тебя кому нибудь поручитъ, дабы ты могъ продолжать начатое леченіе. Пожалуйста, отпиши ко мнѣ, кому ты порученъ будешь.

Я ожидаю съ нетерпѣніемъ отвѣта на мое письмо подъ № 6-мъ. Писать больше нечего, я здоровъ и въ мысляхъ тебя обнимаю.

109. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 2/13 мая, 1791. (19 мая).

Дражайшій другъ! Двѣ недѣли уже не имѣю отъ васъ писемъ и начинаю безпокоиться вашимъ молчаніемъ; не имѣю однако-жъ ни желанія, ни права попрекать васъ онымъ, ибо и самъ я не часто писалъ къ вамъ. Причина-жъ рѣдкости моихъ писемъ есть не иное что, какъ совершенный недостатокъ въ новостяхъ: у насъ все старое по старому, вновь ничего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего отвѣта на то письмо, которое вы получите чрезъ Тургенева *), ибо оно, какъ вы сами увидите, для всѣхъ насъ чрезвычайной важности, а наипаче для меня. Видя всю важность и самыми тѣлесными моими очами, еще повторяю здѣсь: милосердіе Божіе неизреченно; не упустимъ же случай принять оное съ благоговѣніемъ и должною благодарностію. Желалъ бы вамъ писать яснѣе, но путь писемъ нашихъ невѣренъ, будучи подвергнутъ чтенію подлецовъ, ищущихъ повсюду собственныя своея скверности, живущія въ ихъ сердцахъ. Впрочемъ, святость вещи запечатлѣваетъ уста мои; надѣюсь, однако-жъ, что вы можете дѣлать нѣкоторыя догадки о родѣ, ежели не о самомъ существѣ дѣла. Вы сами знаете, что о семъ дѣлѣ не позволяется говорить ясно и съ самымъ лучшимъ своимъ другомъ.

Здѣсь продолжаются чрезвычайныя военныя приготовленія, но съ нѣкотораго времени начинаютъ говорить о мирѣ и довольно утвердительнымъ образомъ; дай Богъ, чтобъ сіе совершилось для общаго всѣхъ народовъ блага. Товарищъ мой **) уѣхалъ на нѣкоторое время къ дядѣ, и я остался сиротою. Благодарю васъ за поздравленіе съ милымъ моимъ генералъ-поручикомъ ***). Давно уже не имѣю отъ нихъ писемъ. Послѣднее ваше письмо распечатано было и безстыднымъ образомъ замазано клейстеромъ. Простите. Дай, Боже, вамъ всякаго благополучія.

---

*) П. П. Тургеневъ.

**) Бар. Шредеръ.

***) М. П. Голенищевъ-Кутузовъ.

ровъ; безпокойство твое касательно до денегъ мы нѣсколько поуменьшили; ибо послали къ тебѣ прежде 1500, да на прошедшей почтѣ 1000. Не досадуй, что мы долго не посылали, и вѣрь, что это не отъ нехотѣнія, но точно отъ невозможности происходило. Рѣшеніе твое переѣхать въ случаѣ войны въ Гамбургъ я похваляю, а наипаче, ежели оное тебѣ присовѣтовалъ твой докторъ; ибо я уповаю, что онъ тебя кому нибудь поручитъ, дабы ты могъ продолжать начатое леченіе. Пожалуйста, отпиши ко мнѣ, кому ты порученъ будешь.

Я ожидаю съ нетерпѣніемъ отвѣта на мое письмо подъ № 6-мъ. Писать больше нечего, я здоровъ и въ мысляхъ тебя обнимаю.

109. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 2/13 мая, 1791. (19 мая).

Дражайшій другъ! Двѣ недѣли уже не имѣю отъ васъ писемъ и начинаю безпокоиться вашимъ молчаніемъ; не имѣю однако-жъ ни желанія, ни права попрекать васъ онымъ, ибо и самъ я не часто писалъ къ вамъ. Причина-жъ рѣдкости моихъ писемъ есть не иное что, какъ совершенный недостатокъ въ новостяхъ: у насъ все старое по старому, вновь ничего. Съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего отвѣта на то письмо, которое вы получите чрезъ Тургенева *), ибо оно, какъ вы сами увидите, для всѣхъ насъ чрезвычайной важности, а наипаче для меня. Видя всю важность и самыми тѣлесными моими очами, еще повторяю здѣсь: милосердіе Божіе неизреченно; не упустимъ же случай принять оное съ благоговѣніемъ и должною благодарностію. Желалъ бы вамъ писать яснѣе, но путь писемъ нашихъ невѣренъ, будучи подвергнутъ чтенію подлецовъ, ищущихъ повсюду собственныя своея скверности, живущія въ ихъ сердцахъ. Впрочемъ, святость вещи запечатлѣваетъ уста мои; надѣюсь, однако-жъ, что вы можете дѣлать нѣкоторыя догадки о родѣ, ежели не о самомъ существѣ дѣла. Вы сами знаете, что о семъ дѣлѣ не позволяется говорить ясно и съ самымъ лучшимъ своимъ другомъ.

Здѣсь продолжаются чрезвычайныя военныя приготовленія, но съ нѣкотораго времени начинаютъ говорить о мирѣ и довольно утвердительнымъ образомъ; дай Богъ, чтобъ сіе совершилось для общаго всѣхъ народовъ блага. Товарищъ мой **) уѣхалъ на нѣкоторое время къ дядѣ, и я остался сиротою. Благодарю васъ за поздравленіе съ милымъ моимъ генералъ-поручикомъ ***). Давно уже не имѣю отъ нихъ писемъ. Послѣднее ваше письмо распечатано было и безстыднымъ образомъ замазано клейстеромъ. Простите. Дай, Боже, вамъ всякаго благополучія.

---

*) П. П. Тургеневъ.

**) Бар. Шредеръ.

***) М. П. Голенищевъ-Кутузовъ.

110. Э. І. ШРЕТЕРЪ — бар. ШРЕДЕРУ.

С.-Петербургъ. 6/17 мая, 1791. (10 іюля).

Geliebter und werthgeschätzter Freund!

Ich hoffe, dass mein letztabgelassenes Schreiben vom $\frac{\text{23 February}}{\text{6 März}}$ durch den Herrn Zwerak *) über Moskau wird zu Dero Händen eingegangen seyn. Ich habe diesen Umweg machen müssen, weil ich Dero Schreiben aus Moskau erhalten, und pro 2o Dero Adresse weiss ich noch nicht.

Den 1/12 Mai erhielt [ich] das zweite mir recht angenehme Schreiben durch den Herrn von Reichel, datiert den 15 April, nebst der Anzeigung etc. der 2-ten Auflage des Herrn Pastor Stöwe. Für diese mir erwiesene Freundschaft statte meinen verbindlichsten Dank ab. Ich muss gestehen, dass mich die Noten ungemein erfreuet haben, in denen verschiedene Stellen gefunden, die mit meinen neuen astronomischen [und] meteorologischen Wahrnehmungen zu einem Wettersystem gesammelten Materiale harmonieren, nur dass sie mit anderen Worten ausgedrückt lauten, wie ich schon solche Anno 1783 der Academie der Wissenschaften in München, als eine Wettschrift der Preissaufgabe über die wahre Ursache des Steigens und Fallens des Barometers, zugeschickt, auch eine Goldene Medaille nebst einem Diplom Ihres Mitgliedes zugeschickt erhalten habe.

Nun scheint es mir, dass wir aus einer Quelle geschöpft durch Aufmerksamkeit mit Erfahrungs-Jahren bestätigte Wahrheiten und Möglichkeiten entdeckt, weil wir gewiss überzeugt gewesen, dass der alten Weise ihr Lehrsatz Deus et Natura nihil faciunt frustra zuverlässig waren, folglich nicht vergebliche Bemühungen und Nachdenken angenommen haben, welches schon für uns eine grosse Belohnung ist, indem wir Nachforscher der Wahrheit waren. Allein ob die jetzigen sogennanten Herren Gelehrten, solche Entdeckung freundschaftlich annehmen werden, daran zweifele ich, weil nur Vernunftschlüsse, Theorien, Analogien, Hypothesen etc. zu machen, ihre jetzige Hauptsache ist, denn mit Berechnung der Constellationen etc. ist Ihnen zu weitläufig sich abzugeben. Die Wissbegierde eines wahren Meteorologen, welche mit einer astronomischen Kenntniss verbunden seyn muss, wie es hier erforderlich ist, wird schwer und selten zu finden seyn, obgleich uns an wirklichen Astronomen nicht fehlt, die dazu behülflich seyn könnten; unterdessen wünsche [ich], dass es dem Herrn Stöwe nicht so ergehen möchte, wie es schon mir ergangen ist, vide Herren Lamberts Deutscher Gelehrter Briefwechsel des 4 Bandes pag. 252, der LVI und LVII Briefe, item Gazette Litéraire de Berlin, pag. 929 p. Anno 1782. Unterdessen wünsche nochmahls herzlich das System in Extenso zu lesen, hoffe mit Gelegenheit auf Dero

*) Е. Ф. Зверакъ.

110. Э. І. ШРЕТЕРЪ — бар. ШРЕДЕРУ.

С.-Петербургъ. 6/17 мая, 1791. (10 іюля).

Geliebter und werthgeschätzter Freund!

Ich hoffe, dass mein letztabgelassenes Schreiben vom $\frac{\text{23 February}}{\text{6 März}}$ durch den Herrn Zwerak *) über Moskau wird zu Dero Händen eingegangen seyn. Ich habe diesen Umweg machen müssen, weil ich Dero Schreiben aus Moskau erhalten, und pro 2o Dero Adresse weiss ich noch nicht.

Den 1/12 Mai erhielt [ich] das zweite mir recht angenehme Schreiben durch den Herrn von Reichel, datiert den 15 April, nebst der Anzeigung etc. der 2-ten Auflage des Herrn Pastor Stöwe. Für diese mir erwiesene Freundschaft statte meinen verbindlichsten Dank ab. Ich muss gestehen, dass mich die Noten ungemein erfreuet haben, in denen verschiedene Stellen gefunden, die mit meinen neuen astronomischen [und] meteorologischen Wahrnehmungen zu einem Wettersystem gesammelten Materiale harmonieren, nur dass sie mit anderen Worten ausgedrückt lauten, wie ich schon solche Anno 1783 der Academie der Wissenschaften in München, als eine Wettschrift der Preissaufgabe über die wahre Ursache des Steigens und Fallens des Barometers, zugeschickt, auch eine Goldene Medaille nebst einem Diplom Ihres Mitgliedes zugeschickt erhalten habe.

Nun scheint es mir, dass wir aus einer Quelle geschöpft durch Aufmerksamkeit mit Erfahrungs-Jahren bestätigte Wahrheiten und Möglichkeiten entdeckt, weil wir gewiss überzeugt gewesen, dass der alten Weise ihr Lehrsatz Deus et Natura nihil faciunt frustra zuverlässig waren, folglich nicht vergebliche Bemühungen und Nachdenken angenommen haben, welches schon für uns eine grosse Belohnung ist, indem wir Nachforscher der Wahrheit waren. Allein ob die jetzigen sogennanten Herren Gelehrten, solche Entdeckung freundschaftlich annehmen werden, daran zweifele ich, weil nur Vernunftschlüsse, Theorien, Analogien, Hypothesen etc. zu machen, ihre jetzige Hauptsache ist, denn mit Berechnung der Constellationen etc. ist Ihnen zu weitläufig sich abzugeben. Die Wissbegierde eines wahren Meteorologen, welche mit einer astronomischen Kenntniss verbunden seyn muss, wie es hier erforderlich ist, wird schwer und selten zu finden seyn, obgleich uns an wirklichen Astronomen nicht fehlt, die dazu behülflich seyn könnten; unterdessen wünsche [ich], dass es dem Herrn Stöwe nicht so ergehen möchte, wie es schon mir ergangen ist, vide Herren Lamberts Deutscher Gelehrter Briefwechsel des 4 Bandes pag. 252, der LVI und LVII Briefe, item Gazette Litéraire de Berlin, pag. 929 p. Anno 1782. Unterdessen wünsche nochmahls herzlich das System in Extenso zu lesen, hoffe mit Gelegenheit auf Dero

*) Е. Ф. Зверакъ.

gegen mich gethanenes Versprechen es habhaft werden zu können, wobey gerne sehe, dass der Aspecten-Calender damit verbunden sey. — Sollte der Herr Stöwe Verlangen tragen mein System zum täglichen Bestimmen der Witterung nebst den entstehenden starken Winden für alle Gegenden und Örter auf unserer nördlichen Erdhälfte zu haben, so erbitte mich, obgleich sie an die 150 folio Seiten betragen, gegen die seinigen gerne mitzutheilen und sie abschreiben zu lassen. Ich bin überzeugt, dass wir in sehr vielen Stücken harmonieren, und dass meine 40 jährige Erfahrungen und Entdeckungen zum weiteren Nachdenken dienlich seyn werden, um ein Ganzes erhalten zu können, obgleich man zu sagen pflegt: Duo faciunt idem, sed non semper idem. Leben Sie wohl und vergnügt. Bin mit aller Hochachtung

Dero Freund und Diener

Eber. Joh. Schröter.

111. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 10 мая, 1791. (15 мая).

Cher ami! J'ai répondu à votre lettre du 17 avril, j'ai dejà répondu sur tous les points de cette lettre, et je vous assure de nouveau que mon amitié et celle de L-p-n *) pour vous ne s'est jamais refroidie, et que nonobstant toutes les apparences, vous avez dans nous de véritables et fidèles amis. Les raisons de mon silence sur vos lettres vous sont déjà connues par ma dernière lettre du 4 avril, que vous avez déjà reçue à présent et je vous répète de nouveau que la désharmonie dans nos affaires et non point dans nos coeurs, et l'impuissance de faire ce que nous voudrions pour vous et une fausse délicatesse, qui ne nous permettait pas de vous dire notre impuissance, ont été la base de notre silence. Ah, mon ami, vous ne pouvez vous imaginer, combien il coute à un coeur de dire à son ami: je ne puis faire ce que vous demandez, et voyant surtout que cet ami a tous les droits de demander ce qu'il demande, et est dans un état qui l'oblige à recourir à ses amis et de demander ce qui lui appartient. Mais laissons cela; Dieu, à ce que j'espère, nous aidera et le temps vous démontrera que nous sommes innocents à votre égard et que je suis pour toujours Votre fidèle ami.

112. Бар. РЕЙХЕЛЬ — бар. ШРЕДЕРУ.

С.-Петербургъ. 10 мая, 1791. (10 іюля).

Sehr werthgeschätzter Freund und Bruder!

Gewiss man muss Ihnen, von Moskau aus, recht zugesetzt haben, dass Sie mich endlich mit einem Schreiben zu einer Zeit beehren, wo ich mich

*) **Н. В. Лопухинъ.**

gegen mich gethanenes Versprechen es habhaft werden zu können, wobey gerne sehe, dass der Aspecten-Calender damit verbunden sey. — Sollte der Herr Stöwe Verlangen tragen mein System zum täglichen Bestimmen der Witterung nebst den entstehenden starken Winden für alle Gegenden und Örter auf unserer nördlichen Erdhälfte zu haben, so erbitte mich, obgleich sie an die 150 folio Seiten betragen, gegen die seinigen gerne mitzutheilen und sie abschreiben zu lassen. Ich bin überzeugt, dass wir in sehr vielen Stücken harmonieren, und dass meine 40 jährige Erfahrungen und Entdeckungen zum weiteren Nachdenken dienlich seyn werden, um ein Ganzes erhalten zu können, obgleich man zu sagen pflegt: Duo faciunt idem, sed non semper idem. Leben Sie wohl und vergnügt. Bin mit aller Hochachtung

Dero Freund und Diener

Eber. Joh. Schröter.

111. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 10 мая, 1791. (15 мая).

Cher ami! J'ai répondu à votre lettre du 17 avril, j'ai dejà répondu sur tous les points de cette lettre, et je vous assure de nouveau que mon amitié et celle de L-p-n *) pour vous ne s'est jamais refroidie, et que nonobstant toutes les apparences, vous avez dans nous de véritables et fidèles amis. Les raisons de mon silence sur vos lettres vous sont déjà connues par ma dernière lettre du 4 avril, que vous avez déjà reçue à présent et je vous répète de nouveau que la désharmonie dans nos affaires et non point dans nos coeurs, et l'impuissance de faire ce que nous voudrions pour vous et une fausse délicatesse, qui ne nous permettait pas de vous dire notre impuissance, ont été la base de notre silence. Ah, mon ami, vous ne pouvez vous imaginer, combien il coute à un coeur de dire à son ami: je ne puis faire ce que vous demandez, et voyant surtout que cet ami a tous les droits de demander ce qu'il demande, et est dans un état qui l'oblige à recourir à ses amis et de demander ce qui lui appartient. Mais laissons cela; Dieu, à ce que j'espère, nous aidera et le temps vous démontrera que nous sommes innocents à votre égard et que je suis pour toujours Votre fidèle ami.

112. Бар. РЕЙХЕЛЬ — бар. ШРЕДЕРУ.

С.-Петербургъ. 10 мая, 1791. (10 іюля).

Sehr werthgeschätzter Freund und Bruder!

Gewiss man muss Ihnen, von Moskau aus, recht zugesetzt haben, dass Sie mich endlich mit einem Schreiben zu einer Zeit beehren, wo ich mich

*) **Н. В. Лопухинъ.**

schon lange dieses Vergnügens unwürdig erklärt hatte. Böse bin ich nie auf Ihnen gewesen, denn das kann ich auf keinen Menschen in der Welt seyn, aber besorgt, dass Sie vielleicht etwas, der Verachtung würdiges, an mir gefunden haben mögten, das war die ganze Plage meines in diesem Stück sehr fühlbaren Herzens. Dieses trübe Wölkchen ist aber nun schon hierauf in den heiteren Aether verschwunden, und ich bin diesen Augenblick völlig wieder mit Ihnen versöhnt; desto schmerzlicher aber wird mir auf der anderen Seite die Nachricht von Ihren 5-jährigen Leyden. Da ich ein gänzlicher Fremdling von dem Zustande Ihrer inneren Angelegenheiten und Umstände war und noch bin, wie konnte ich da schon den nagenden Wurm Ihres Herzen wahrnehmen, als Sie mich hier mit Ihrem Zuspruch beehrten?

Nehmen Sie also diese Väterliche Züchtigung von der Hand des Allmächtigen, als einen untrüglichen Beweis seiner Liebe an. Er will Sie der Welt als sein Kind darstellen, und durch Ihre Standhaftigkeit und Geduld wahrmachen, dass man einen guten Schiffer im Sturm, so wie einen guten Soldaten mitten in der Schlacht erkennen kann. Auch die Gesellschaft, die Sie eine gewisse nennen und als einen Grund Ihrer ausgestandenen Verdriesslichkeiten angeben, kenne ich ganz und gar nicht. Sie sei indessen welche sie wolle, so würden Ihnen unsere ächten Alten und neuen Meister dergleichen Begebenheiten lange vorher verkündiget haben, denn Sie liessen es sich stets recht eyfrig angelegen seyn, Ihre treuen Schüler, auf dergleichen Arten der Verfolgungen, des Undanks, des Hochmuths, der Habsucht und des Neides als auf gewisse unausbleibliche Uebel zu preparieren, und mit einer mässigen Erfahrung und Menschenkenntniss werden Sie noch immer hierin gerechtfertiget. Wohl Ihnen also, Mein Bruder, dass Sie auch diese herbe Schule durchgegangen und glücklich überstanden haben; nun werden Sie, wie ich schon lange aus ähnlichen Leyden gethan, aus der Vielheit und Menge herausgehen und das Höchste Gut in sich allein zu suchen anfangen. Wird da wohl etwas Ihre Progressen hindern können?

So weit war ich mit meinem Schreiben gekommen, als H. Oberst-Lieutenant Erenazius mich mit seinem Zuspruch beehrte und mir Ihr anderes werthes Schreiben nebst der Meteorologischen Beylage überbrachte. Ich werde Ihnen also auch hierauf gleich antworten. — Zuförderst danke ich Ihnen auf das verbindlichste für die mir hiedurch verschaffte Bekanntschaft des gedachten Herrn Oberst-Lieutenants. Ein lebhafter und versuchter Soldat. Möchte ihm doch hier sein gesuchtes Engagement zum Besten des guten Russlandes gelingen, und ich nach meinen sehr geringen Einsichten zu dienen im Stande seyn, allein ich bin ja auch ein schüchterner Fremdling in hiesigen Thoren!

Beleidigen haben Sie mich nicht können, liebster Br., wie ich schon oben versichert habe. Ich bin sogar dem Worte gram, wenn unter Freunden

schon lange dieses Vergnügens unwürdig erklärt hatte. Böse bin ich nie auf Ihnen gewesen, denn das kann ich auf keinen Menschen in der Welt seyn, aber besorgt, dass Sie vielleicht etwas, der Verachtung würdiges, an mir gefunden haben mögten, das war die ganze Plage meines in diesem Stück sehr fühlbaren Herzens. Dieses trübe Wölkchen ist aber nun schon hierauf in den heiteren Aether verschwunden, und ich bin diesen Augenblick völlig wieder mit Ihnen versöhnt; desto schmerzlicher aber wird mir auf der anderen Seite die Nachricht von Ihren 5-jährigen Leyden. Da ich ein gänzlicher Fremdling von dem Zustande Ihrer inneren Angelegenheiten und Umstände war und noch bin, wie konnte ich da schon den nagenden Wurm Ihres Herzen wahrnehmen, als Sie mich hier mit Ihrem Zuspruch beehrten?

Nehmen Sie also diese Väterliche Züchtigung von der Hand des Allmächtigen, als einen untrüglichen Beweis seiner Liebe an. Er will Sie der Welt als sein Kind darstellen, und durch Ihre Standhaftigkeit und Geduld wahrmachen, dass man einen guten Schiffer im Sturm, so wie einen guten Soldaten mitten in der Schlacht erkennen kann. Auch die Gesellschaft, die Sie eine gewisse nennen und als einen Grund Ihrer ausgestandenen Verdriesslichkeiten angeben, kenne ich ganz und gar nicht. Sie sei indessen welche sie wolle, so würden Ihnen unsere ächten Alten und neuen Meister dergleichen Begebenheiten lange vorher verkündiget haben, denn Sie liessen es sich stets recht eyfrig angelegen seyn, Ihre treuen Schüler, auf dergleichen Arten der Verfolgungen, des Undanks, des Hochmuths, der Habsucht und des Neides als auf gewisse unausbleibliche Uebel zu preparieren, und mit einer mässigen Erfahrung und Menschenkenntniss werden Sie noch immer hierin gerechtfertiget. Wohl Ihnen also, Mein Bruder, dass Sie auch diese herbe Schule durchgegangen und glücklich überstanden haben; nun werden Sie, wie ich schon lange aus ähnlichen Leyden gethan, aus der Vielheit und Menge herausgehen und das Höchste Gut in sich allein zu suchen anfangen. Wird da wohl etwas Ihre Progressen hindern können?

So weit war ich mit meinem Schreiben gekommen, als H. Oberst-Lieutenant Erenazius mich mit seinem Zuspruch beehrte und mir Ihr anderes werthes Schreiben nebst der Meteorologischen Beylage überbrachte. Ich werde Ihnen also auch hierauf gleich antworten. — Zuförderst danke ich Ihnen auf das verbindlichste für die mir hiedurch verschaffte Bekanntschaft des gedachten Herrn Oberst-Lieutenants. Ein lebhafter und versuchter Soldat. Möchte ihm doch hier sein gesuchtes Engagement zum Besten des guten Russlandes gelingen, und ich nach meinen sehr geringen Einsichten zu dienen im Stande seyn, allein ich bin ja auch ein schüchterner Fremdling in hiesigen Thoren!

Beleidigen haben Sie mich nicht können, liebster Br., wie ich schon oben versichert habe. Ich bin sogar dem Worte gram, wenn unter Freunden

die Rede davon ist, ich geschweige denn der Sache: folglich hätten Sie keinen Advocaten auch am Fürsten Nic. Troubetzkoy *) bey mir nöthig, so wichtig auch sonst seine Vorsprache bey mir ist.

Sie meinen: «Es wäre leichter mich von Ihrer Unschuld, als diesen Fürsten von seinen Vorurtheilen für eine gewisse Gesellschaft zu überzeugen, an der er wie angekettet hänge».

Ich gestehe es aufrichtig, liebster Freund, ich habe dergleichen Vorurtheile weder an ihm, noch an dem Br. Tourgenew **) wahrgenommen; Sie waren zu sehr mit der Welt verwickelt als dass Sie mir, Einsiedler, das Vergnügen Ihres Zuspruchs hätten öfters gewähren können, und dann kommen Sie, wenn Sie können, wie andere Nicodemi, immer verstohlener Weise in der Nacht.

Ich glaube Sie haben sich auch allemal wieder durchgeräuchert, wenn Sie mich verliessen, damit die Welt keinen Pedantismum an Ihnen wahrnehmen möge. Einmahl brachten sie mir ein Tapis über den Vitriol, dem man die neugekünstelten Thorheiten gleich an der Stirne ansah; ich konnte nicht anders, als solches mit tief verschlossenem Seufzen in meiner Brust wieder zurückgeben; doch fügte ich noch, aus alter unabänderlicher Bruderliebe, die Mittheilung des wahren Schlüssels über das Wort Vitriol hinzu, damit sie überzeugt werden möchten, dass man dieses Wort nicht au pied de la lettre nehmen müsse, und seit dem redete man nicht mehr davon. Sie wissen ja, theuerster, dass nur eine Weisheit ist, welche darin bestehet, dass man das Wahre untrüglich erkennet und das Gute thut, dass aber auch unendlich viele Hindernisse vorhanden, um zu dieser Wahrheit zu gelangen. Die mehrsten Menschen entwöhnen sich des Denkens und mögen gerne mit geborgten Augen und Ohren sehen und hören.

Wie sehr wissen alle Marktschreyer zum Schaden und Nachtheil dieser armen Menschen nicht solche Verfassung der Gemüther zu missbrauchen. Diesen Zustand der Gemüther meiner Freunde nenne ich die Sonnenfinsterniss Ihrer Seelen. Gleich wie diese Finsternisse nach und nach zunehmen, so nehmen Sie auch nach und nach wieder ab, wenn sie den höchsten Grad der Finsterniss überstiegen haben. Unser lieber Fürst wird sich also schon wieder in vollem Glanze zeigen, wenn er erst alles versucht und nun von Scheinenthusiasmo zu der wahren Erkenntniss des Lichts wieder zurückkehrt. Kein hoher Berg kann mit vollem Rennen erstiegen werden, sondern man geht Schritt vor Schritt hinauf, siehet sich aber um, und wenn man merkt, dass da keine bleibende Stelle vorhanden, und der Himmel ebensoweit von uns entfernt ist, als er unten war, so kommt man gerne Schritt vor Schritt herunter. Glücklich ist

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

**) Н. П. Тургеневъ.

die Rede davon ist, ich geschweige denn der Sache: folglich hätten Sie keinen Advocaten auch am Fürsten Nic. Troubetzkoy *) bey mir nöthig, so wichtig auch sonst seine Vorsprache bey mir ist.

Sie meinen: «Es wäre leichter mich von Ihrer Unschuld, als diesen Fürsten von seinen Vorurtheilen für eine gewisse Gesellschaft zu überzeugen, an der er wie angekettet hänge».

Ich gestehe es aufrichtig, liebster Freund, ich habe dergleichen Vorurtheile weder an ihm, noch an dem Br. Tourgenew **) wahrgenommen; Sie waren zu sehr mit der Welt verwickelt als dass Sie mir, Einsiedler, das Vergnügen Ihres Zuspruchs hätten öfters gewähren können, und dann kommen Sie, wenn Sie können, wie andere Nicodemi, immer verstohlener Weise in der Nacht.

Ich glaube Sie haben sich auch allemal wieder durchgeräuchert, wenn Sie mich verliessen, damit die Welt keinen Pedantismum an Ihnen wahrnehmen möge. Einmahl brachten sie mir ein Tapis über den Vitriol, dem man die neugekünstelten Thorheiten gleich an der Stirne ansah; ich konnte nicht anders, als solches mit tief verschlossenem Seufzen in meiner Brust wieder zurückgeben; doch fügte ich noch, aus alter unabänderlicher Bruderliebe, die Mittheilung des wahren Schlüssels über das Wort Vitriol hinzu, damit sie überzeugt werden möchten, dass man dieses Wort nicht au pied de la lettre nehmen müsse, und seit dem redete man nicht mehr davon. Sie wissen ja, theuerster, dass nur eine Weisheit ist, welche darin bestehet, dass man das Wahre untrüglich erkennet und das Gute thut, dass aber auch unendlich viele Hindernisse vorhanden, um zu dieser Wahrheit zu gelangen. Die mehrsten Menschen entwöhnen sich des Denkens und mögen gerne mit geborgten Augen und Ohren sehen und hören.

Wie sehr wissen alle Marktschreyer zum Schaden und Nachtheil dieser armen Menschen nicht solche Verfassung der Gemüther zu missbrauchen. Diesen Zustand der Gemüther meiner Freunde nenne ich die Sonnenfinsterniss Ihrer Seelen. Gleich wie diese Finsternisse nach und nach zunehmen, so nehmen Sie auch nach und nach wieder ab, wenn sie den höchsten Grad der Finsterniss überstiegen haben. Unser lieber Fürst wird sich also schon wieder in vollem Glanze zeigen, wenn er erst alles versucht und nun von Scheinenthusiasmo zu der wahren Erkenntniss des Lichts wieder zurückkehrt. Kein hoher Berg kann mit vollem Rennen erstiegen werden, sondern man geht Schritt vor Schritt hinauf, siehet sich aber um, und wenn man merkt, dass da keine bleibende Stelle vorhanden, und der Himmel ebensoweit von uns entfernt ist, als er unten war, so kommt man gerne Schritt vor Schritt herunter. Glücklich ist

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

**) Н. П. Тургеневъ.

alsdann freilich derjenige, der seinen Wanderstab und Schnappsack nicht unterwegens verloren hat.

Noch immer bleiben es unumstössliche Wahrheiten, die ich Ihnen bei Ihrem Hierseyn nicht ohne Ursache zu Gemüthe führte. Solange die Kenntnisse der Freymaurerey in uns noch tod sind, solange helfen sie zu nichts und machen uns immer verwirrter. Dass ist der Fall fast aller heutigen Freymaurer, sie denken nicht und bleiben am toden Buchstaben, daher sind auch Ihre Erkenntnisse tod. Wenn sie aber anfangen in uns lebendig zu werden, dann fällt die Decke Mosis vor unseren Augen nieder, die Morgenröthe treibt Finsternisse und Nebel vor sich hin, und wir fangen an Gott und die Welt zu erkennen.

Aus dieser Erkenntniss Besserung unseres Herzens und Vergnügen unserer Seele zu schöpfen, und dann erst eilen wir mit gesetzten und starken Schritten die Ehre und Verherrlichung Gottes, unsere eigene und des Nächsten Wohlfahrt aus allen Kräften zu befördern. Aus diesen wenigen Grundsätzen zog ich Ihnen damals folgende drey von sich selbst fliessende Folgerungen heraus: 1) was und wie in meinen Augen ein wahrer ächter Freymaurer werde; 2) dass ein Freymaurer nur nach den Leben ringen und dieses bey keinem NB. Menschen, sondern einzig und allein in der Quelle des Lebens suchen müsse; 3) dass also das Lesen einer Bourrignon, eines Poirets und d. g. M., so lange es noch tod ist, armseelige Schwätzer, Vernunft und Verstandlose Papagaien und so relative schamlose Heuchler mache. — Glauben Sie sicherlich, mein Bruder, dass so wenige Progressen in der Freimaurerei gemacht werden, daran sind die ungezähmten Affecten, Begierden, Vorurtheile und Faulheit der meisten sogenannten Freymaurer lediglich Shuld. Die bis zur äussersten Bosheit herunter gesunkene Welt hilft durch Ihre unübersehliche Ränke und Betrügereien trefflich dazu, und so wird es uns und unseren Nachkommen weit schwerer die Wahrheit, das höchste Gut zu finden, als den ehemahligen Patriarchen, die ihre vielen Tage und Jahre in höchsten Unschuld, Einfachheit, Beschaulichkeit und Liebe durchlebten. Doch ich kehre wieder zum Zweck zurück und bitte wegen dieser sich eingeschlichenen Episode — Vergebung.

Sie haben mir zu viel Ehre angethan, mein theuerster, dass sie sich, als von mir recipiert, dort in der grossen Loge ausgegeben haben.

Noch in meinem Leben ist keine Reception unter vier Augen von mir vorgenommen worden. Nicht, als ob ich es nicht könnte, sondern weil ich es um der Schwachdenkenden und um der Beruhigung der Aufzunehmenden willen, nicht will. Dass ich also Ihnen, auf Empfehlung des Br. Troubetzkoy (denn ich selbst hatte Sie ja vorher noch nie gesehen, nie gekannt) einige Funken von dem Werth und Wahrheit der Freymaurerey zeigte: mit Ihnen als einem Manne, der denkt und der sich nicht gern mit leerem Stroh abspeisen lässt, eins und anderes redete, was

alsdann freilich derjenige, der seinen Wanderstab und Schnappsack nicht unterwegens verloren hat.

Noch immer bleiben es unumstössliche Wahrheiten, die ich Ihnen bei Ihrem Hierseyn nicht ohne Ursache zu Gemüthe führte. Solange die Kenntnisse der Freymaurerey in uns noch tod sind, solange helfen sie zu nichts und machen uns immer verwirrter. Dass ist der Fall fast aller heutigen Freymaurer, sie denken nicht und bleiben am toden Buchstaben, daher sind auch Ihre Erkenntnisse tod. Wenn sie aber anfangen in uns lebendig zu werden, dann fällt die Decke Mosis vor unseren Augen nieder, die Morgenröthe treibt Finsternisse und Nebel vor sich hin, und wir fangen an Gott und die Welt zu erkennen.

Aus dieser Erkenntniss Besserung unseres Herzens und Vergnügen unserer Seele zu schöpfen, und dann erst eilen wir mit gesetzten und starken Schritten die Ehre und Verherrlichung Gottes, unsere eigene und des Nächsten Wohlfahrt aus allen Kräften zu befördern. Aus diesen wenigen Grundsätzen zog ich Ihnen damals folgende drey von sich selbst fliessende Folgerungen heraus: 1) was und wie in meinen Augen ein wahrer ächter Freymaurer werde; 2) dass ein Freymaurer nur nach den Leben ringen und dieses bey keinem NB. Menschen, sondern einzig und allein in der Quelle des Lebens suchen müsse; 3) dass also das Lesen einer Bourrignon, eines Poirets und d. g. M., so lange es noch tod ist, armseelige Schwätzer, Vernunft und Verstandlose Papagaien und so relative schamlose Heuchler mache. — Glauben Sie sicherlich, mein Bruder, dass so wenige Progressen in der Freimaurerei gemacht werden, daran sind die ungezähmten Affecten, Begierden, Vorurtheile und Faulheit der meisten sogenannten Freymaurer lediglich Shuld. Die bis zur äussersten Bosheit herunter gesunkene Welt hilft durch Ihre unübersehliche Ränke und Betrügereien trefflich dazu, und so wird es uns und unseren Nachkommen weit schwerer die Wahrheit, das höchste Gut zu finden, als den ehemahligen Patriarchen, die ihre vielen Tage und Jahre in höchsten Unschuld, Einfachheit, Beschaulichkeit und Liebe durchlebten. Doch ich kehre wieder zum Zweck zurück und bitte wegen dieser sich eingeschlichenen Episode — Vergebung.

Sie haben mir zu viel Ehre angethan, mein theuerster, dass sie sich, als von mir recipiert, dort in der grossen Loge ausgegeben haben.

Noch in meinem Leben ist keine Reception unter vier Augen von mir vorgenommen worden. Nicht, als ob ich es nicht könnte, sondern weil ich es um der Schwachdenkenden und um der Beruhigung der Aufzunehmenden willen, nicht will. Dass ich also Ihnen, auf Empfehlung des Br. Troubetzkoy (denn ich selbst hatte Sie ja vorher noch nie gesehen, nie gekannt) einige Funken von dem Werth und Wahrheit der Freymaurerey zeigte: mit Ihnen als einem Manne, der denkt und der sich nicht gern mit leerem Stroh abspeisen lässt, eins und anderes redete, was

aber doch immer die Ehre des Ordens und der BB. zum Zweck hatte, das war ja noch keine Reception? Vernünftige Männer reden ja wohl vom Handwerk miteinander ohne desfalls gleich ein Verbrechen, oder einen Meineid zu begehen.

Hauptsächlich aber habe ich mich immer gehütet, da ich die Intraden der dortigen grossen Loge nie vermehren können, dass ich sie auch um das, was sie des Ihrigen zu seyn glaubt, nicht verkürzen möge, und so sind meine Hände und mein Gewissen, Gott sey ewig gedankt, noch immer vom ungerechten Gute und vom Schweisse meiner BB. durch mein ganzes kümmerliches und mühseeliges Leben unbesudelt und rein.

Hierüber nehme ich Himmel und Erde zu Zeugen und erwarte einen jeden getrost, der mich des Gegentheils mit Wahrheit und Gewissheit überführen kann. Es bleibt mir also unbegreiflich, warum die BB. der dortigen grossen Loge so gegen mich eingenommen sein können, dass sie sogar meinen Namen nicht hören mögen? — Allein meine Schritte und Tritte, die ich hier in der Freymaurerey gethan habe, müssen im dortigen Logen Archive befindlich seyn und von jedem Bruder, der sich davon unterrichten will, gelesen werden können; weil ich von allem und jedem an dem seeligen von Zinnendorff (denn die grosse Loge existirte vor 22 Jahren noch nicht förmlich) treu und redlich meinen Bericht abgestattet habe. Dass nun die einige Jahre nachher entstandene Grosse Loge mit allen diesen meinen Verkehrungen zufrieden gewesen sein müsse, schlüsse ich untrüglich daraus, weil sie vor ungefähr 17 Jahren, als ich auf ihr Gutfinden und Geheiss, meine wenigen hier errichteten Logen, an den Herrn von Gilagin *) abgeben musste, völlig und vollkommen mit allen meinen Handlungen zufrieden, mich von allen weiteren Verbindlichkeiten, Obliegenheiten und Rücksichten, schriftlich und unter dem grossen Logen-Insiegel förmlich dechargiert hat. Da ich nun seit diesen 17 Jahren mich weiter in keine Logen-Sachen meliert, noch weniger aber selbst Logen besucht habe, so ist es ganz in der Natur und Beschaffenheit der Sache unmöglich, dass ich den BB. der dortigen grossen Loge etwas nachtheiliges verüben haben könnte. Es müssen also im Finstern schleichende Verläumder seyn, denen man dort aus mir unbekannten Ursachen wider mich Gehör giebt. Was sind das aber für Richter, die auf einseitiges An-und-Vorbringen urtheilen, ohne vorher die Gegenpartey desfalls auch zu hören? Da ich Seit meines Lebens selbt Richter gewesen, so versichere ich Sie, mein Bruder, mein Herz bebt vor den gleichen Richter zurück, und ich bitte Gott herzlich, dass meine Seele nicht wieder in ihren Rath komme. Was diesen Abscheu noch vergrössert ist dies, dass wahrscheinlich die gegenwärtige Grosse Loge aus Gliedern bestehet, von denen kein einziger vor 22 Jahren als Mitglied

*) И. И. Елагинъ.

aber doch immer die Ehre des Ordens und der BB. zum Zweck hatte, das war ja noch keine Reception? Vernünftige Männer reden ja wohl vom Handwerk miteinander ohne desfalls gleich ein Verbrechen, oder einen Meineid zu begehen.

Hauptsächlich aber habe ich mich immer gehütet, da ich die Intraden der dortigen grossen Loge nie vermehren können, dass ich sie auch um das, was sie des Ihrigen zu seyn glaubt, nicht verkürzen möge, und so sind meine Hände und mein Gewissen, Gott sey ewig gedankt, noch immer vom ungerechten Gute und vom Schweisse meiner BB. durch mein ganzes kümmerliches und mühseeliges Leben unbesudelt und rein.

Hierüber nehme ich Himmel und Erde zu Zeugen und erwarte einen jeden getrost, der mich des Gegentheils mit Wahrheit und Gewissheit überführen kann. Es bleibt mir also unbegreiflich, warum die BB. der dortigen grossen Loge so gegen mich eingenommen sein können, dass sie sogar meinen Namen nicht hören mögen? — Allein meine Schritte und Tritte, die ich hier in der Freymaurerey gethan habe, müssen im dortigen Logen Archive befindlich seyn und von jedem Bruder, der sich davon unterrichten will, gelesen werden können; weil ich von allem und jedem an dem seeligen von Zinnendorff (denn die grosse Loge existirte vor 22 Jahren noch nicht förmlich) treu und redlich meinen Bericht abgestattet habe. Dass nun die einige Jahre nachher entstandene Grosse Loge mit allen diesen meinen Verkehrungen zufrieden gewesen sein müsse, schlüsse ich untrüglich daraus, weil sie vor ungefähr 17 Jahren, als ich auf ihr Gutfinden und Geheiss, meine wenigen hier errichteten Logen, an den Herrn von Gilagin *) abgeben musste, völlig und vollkommen mit allen meinen Handlungen zufrieden, mich von allen weiteren Verbindlichkeiten, Obliegenheiten und Rücksichten, schriftlich und unter dem grossen Logen-Insiegel förmlich dechargiert hat. Da ich nun seit diesen 17 Jahren mich weiter in keine Logen-Sachen meliert, noch weniger aber selbst Logen besucht habe, so ist es ganz in der Natur und Beschaffenheit der Sache unmöglich, dass ich den BB. der dortigen grossen Loge etwas nachtheiliges verüben haben könnte. Es müssen also im Finstern schleichende Verläumder seyn, denen man dort aus mir unbekannten Ursachen wider mich Gehör giebt. Was sind das aber für Richter, die auf einseitiges An-und-Vorbringen urtheilen, ohne vorher die Gegenpartey desfalls auch zu hören? Da ich Seit meines Lebens selbt Richter gewesen, so versichere ich Sie, mein Bruder, mein Herz bebt vor den gleichen Richter zurück, und ich bitte Gott herzlich, dass meine Seele nicht wieder in ihren Rath komme. Was diesen Abscheu noch vergrössert ist dies, dass wahrscheinlich die gegenwärtige Grosse Loge aus Gliedern bestehet, von denen kein einziger vor 22 Jahren als Mitglied

*) И. И. Елагинъ.

derselben existieret hat, von denen also kein einziger weder persönlich, noch aus ächten Urkunden mich kennt, folglich auch nicht weiss, in was für einer Beziehung ich so wohl mit der dortigen Freymaurerey, als auch mit dem seeligen Zinnendorff gestanden, und noch weniger was für Verabredungen unter uns beyden damals gewesen. Verdienen nun wohl die Urtheile solcher in Umsehung meiner unkundiger Männer einige Considération?

Wo bleibt doch nun wohl der alte ehemahlige Werth der freyen Maurerey, als man noch bey Eröffnung der Logen sang:

Hinweg, wer von Gewalt und Raube
Nicht seine Hände rein behält,
Hinweg, wem Wahrheit, Treu und Glaube
Verächtlich scheint, wer Unschuld fällt,
Wer Brüder drückt, Gerechte plagt,
Dem sey der Eintritt hier versagt.

Punktum, ewig Streusand darauf.

Für die mir zugleich übermachte Meteorologische Piece danke ich Ihnen recht sehr. Unter allen neueren Meteorologen kommt keiner des hiesigen Herrn Schröders Systeme so nahe, welcher sich wohl auch in seinem Schreiben an Sie für das ihm geschickte Exemplar bedanken wird. Ist nur erst der Einfluss der übrigen Planeten auf unsere Erde bewiesen, und da hat Herr Stöwe recht feine Argumente, so wird sich das übrige, in dieser beyden Männer Meinungen schon geben und endlich den Sieg behalten.

Sie schreiben am Ende: «Ihr Herr Oncle habe Ihnen Aussöhnung angeboten». Hätten Sie sich doch eines anderen Wortes bedient, weil es das einzige in Ihrem ganzen Brief ist, das mir sehr misfällt. Wie ein Mann, dessen Äusserungen gegen Sie lauter Väterliche Liebe anzeigen, müsste der wohl zu einer solchen Herablassung gebracht werden?

Wahrlich, wäre ich bey dem würdigen Manne, ich würde ihn mit der äussersten Zärtlichkeit an meine Brust drücken, so sehr erhöhet dieser übelgewählte Ausdruck den moralischen Werth des Herzens Ihres Herrn Oncles.

O, Freund! wie sehr beyde haben wir nöthig unseren stolzen Herzen die wachsamsten Hüter zu setzen!

Doch weg mit aller Sittenpredigt — eilen Sie unter dem Geleite Gottes zu Ihrem Herrn Oncle, arrangiren Sie mit dessen gutem Rath Ihre Umstände ambesten. — Bleiben Sie auf Ihren Gütern; Sie können nirgends stiller, friedsamer, erbaulicher und nützlicher leben, wie da. Seyen Sie Ihr eigener Verwalter, denn die Augen des Eigenthums-Herren verbreiten lauter Segen auf seinen Fluren und unter jedem seiner Tritte quillt Fruchtbarkeit

derselben existieret hat, von denen also kein einziger weder persönlich, noch aus ächten Urkunden mich kennt, folglich auch nicht weiss, in was für einer Beziehung ich so wohl mit der dortigen Freymaurerey, als auch mit dem seeligen Zinnendorff gestanden, und noch weniger was für Verabredungen unter uns beyden damals gewesen. Verdienen nun wohl die Urtheile solcher in Umsehung meiner unkundiger Männer einige Considération?

Wo bleibt doch nun wohl der alte ehemahlige Werth der freyen Maurerey, als man noch bey Eröffnung der Logen sang:

Hinweg, wer von Gewalt und Raube
Nicht seine Hände rein behält,
Hinweg, wem Wahrheit, Treu und Glaube
Verächtlich scheint, wer Unschuld fällt,
Wer Brüder drückt, Gerechte plagt,
Dem sey der Eintritt hier versagt.

Punktum, ewig Streusand darauf.

Für die mir zugleich übermachte Meteorologische Piece danke ich Ihnen recht sehr. Unter allen neueren Meteorologen kommt keiner des hiesigen Herrn Schröders Systeme so nahe, welcher sich wohl auch in seinem Schreiben an Sie für das ihm geschickte Exemplar bedanken wird. Ist nur erst der Einfluss der übrigen Planeten auf unsere Erde bewiesen, und da hat Herr Stöwe recht feine Argumente, so wird sich das übrige, in dieser beyden Männer Meinungen schon geben und endlich den Sieg behalten.

Sie schreiben am Ende: «Ihr Herr Oncle habe Ihnen Aussöhnung angeboten». Hätten Sie sich doch eines anderen Wortes bedient, weil es das einzige in Ihrem ganzen Brief ist, das mir sehr misfällt. Wie ein Mann, dessen Äusserungen gegen Sie lauter Väterliche Liebe anzeigen, müsste der wohl zu einer solchen Herablassung gebracht werden?

Wahrlich, wäre ich bey dem würdigen Manne, ich würde ihn mit der äussersten Zärtlichkeit an meine Brust drücken, so sehr erhöhet dieser übelgewählte Ausdruck den moralischen Werth des Herzens Ihres Herrn Oncles.

O, Freund! wie sehr beyde haben wir nöthig unseren stolzen Herzen die wachsamsten Hüter zu setzen!

Doch weg mit aller Sittenpredigt — eilen Sie unter dem Geleite Gottes zu Ihrem Herrn Oncle, arrangiren Sie mit dessen gutem Rath Ihre Umstände ambesten. — Bleiben Sie auf Ihren Gütern; Sie können nirgends stiller, friedsamer, erbaulicher und nützlicher leben, wie da. Seyen Sie Ihr eigener Verwalter, denn die Augen des Eigenthums-Herren verbreiten lauter Segen auf seinen Fluren und unter jedem seiner Tritte quillt Fruchtbarkeit

und Wohlfahrt hervor. Halten Sie sich schöne Reitpferde und verreiten Sie mit diesen alle Maulhaukeley und Hipochondrie, denn

Wir machen unser Kreuz und Leid
Nur grösser durch die Traurigkeit.

Nürnberg, die Mutter aller Tändeleyen, ist kein Ort für Sie. Montanus dachte auch da viel zu erforschen, und da er sich selbst betrogen hatte, betrog er nun andere und wurde zugleich zu einem boshaften Verräther; ein Glück, dass er keine Realia zu verrathen wusste. Sie, mein Bruder, müssen stets in freyer, gesunder Luft, unter einem hellgestirnten Himmel das grosse Spiel der Natur vor Ihren Augen haben und sich mit dieser unrastbaren grossen Werkmeisterin beschäftigen, bey Ruhestunden, ein schönes gutes Buch lesen, dann wird Ihnen wohl seyn. — Sie mögen nun leben, wo Sie wollen, so versicheren Sie sich, dass niemand mich in dem Wunsch für Ihr Bestes übertrifft. Sollten wir uns dann hier auf Erden nicht wiedersehen, so gebe der Allmächtige, dass es vor seinem Throne geschehe. Amen.

Hiermit bin und bleibe ich Dero aufrichtigster Freund und Bruder

V. Reichel.

113. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 12 мая, 1791. — № 10. (15 мая).

Любезный другъ! Письмо твое подъ № 6 я получилъ. Что касается до рѣшенія нашего о извѣстномъ человѣкѣ, я уже къ тебѣ писалъ, и паки подтверждаю, что мы нетерпѣливо жаждемъ его имѣть, но желаемъ знать, сколько онъ потребуетъ капитала для утвержденія за нимъ и его дѣтьми, и тогда мы увидимъ, въ состояніи-ли мы оный ему дать, ибо дѣла наши поразстроены, и мы много дать не можемъ, а обѣщать и не исполнить мы не хотимъ.

На сіе ожидаю съ нетерпѣніемъ рѣшенія. О себѣ скажу, что я здоровъ и переѣхалъ въ Подмосковную. Когда то Сокъ *) и твое выздоровленіе допустятъ тебя жить съ нами вмѣстѣ, сего жаждетъ душа моя. Моя кн. Елисавета Петровна **) зачала пить козье молоко, но столь сильна ея болѣзнь, что я сомнѣваюсь о ея выздоровленіи и сіе исполняетъ горестью мое сердце. Боже, помилуй ее и, ежели, какъ то кажется, она должна умереть, то даждь намъ Господи твердость перенести оный ударъ съ терпѣніемъ ***). Прости, мой другъ любезный, у насъ новаго ничего нѣтъ; мы ожидаемъ рѣшительныхъ новостей, но ты о нихъ, бывъ на мѣстѣ, прежде узнаешь, нежели мы. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

*) Въ подлинникѣ — Сна:

**) Княжна Е. П. Трубецкая.

***) Въ подлинникѣ: съ преданіемъ.

und Wohlfahrt hervor. Halten Sie sich schöne Reitpferde und verreiten Sie mit diesen alle Maulhaukeley und Hipochondrie, denn

Wir machen unser Kreuz und Leid
Nur grösser durch die Traurigkeit.

Nürnberg, die Mutter aller Tändeleyen, ist kein Ort für Sie. Montanus dachte auch da viel zu erforschen, und da er sich selbst betrogen hatte, betrog er nun andere und wurde zugleich zu einem boshaften Verräther; ein Glück, dass er keine Realia zu verrathen wusste. Sie, mein Bruder, müssen stets in freyer, gesunder Luft, unter einem hellgestirnten Himmel das grosse Spiel der Natur vor Ihren Augen haben und sich mit dieser unrastbaren grossen Werkmeisterin beschäftigen, bey Ruhestunden, ein schönes gutes Buch lesen, dann wird Ihnen wohl seyn. — Sie mögen nun leben, wo Sie wollen, so versicheren Sie sich, dass niemand mich in dem Wunsch für Ihr Bestes übertrifft. Sollten wir uns dann hier auf Erden nicht wiedersehen, so gebe der Allmächtige, dass es vor seinem Throne geschehe. Amen.

Hiermit bin und bleibe ich Dero aufrichtigster Freund und Bruder

V. Reichel.

113. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 12 мая, 1791. — № 10. (15 мая).

Любезный другъ! Письмо твое подъ № 6 я получилъ. Что касается до рѣшенія нашего о извѣстномъ человѣкѣ, я уже къ тебѣ писалъ, и паки подтверждаю, что мы нетерпѣливо жаждемъ его имѣть, но желаемъ знать, сколько онъ потребуетъ капитала для утвержденія за нимъ и его дѣтьми, и тогда мы увидимъ, въ состояніи-ли мы оный ему дать, ибо дѣла наши поразстроены, и мы много дать не можемъ, а обѣщать и не исполнить мы не хотимъ.

На сіе ожидаю съ нетерпѣніемъ рѣшенія. О себѣ скажу, что я здоровъ и переѣхалъ въ Подмосковную. Когда то Сокъ *) и твое выздоровленіе допустятъ тебя жить съ нами вмѣстѣ, сего жаждетъ душа моя. Моя кн. Елисавета Петровна **) зачала пить козье молоко, но столь сильна ея болѣзнь, что я сомнѣваюсь о ея выздоровленіи и сіе исполняетъ горестью мое сердце. Боже, помилуй ее и, ежели, какъ то кажется, она должна умереть, то даждь намъ Господи твердость перенести оный ударъ съ терпѣніемъ ***). Прости, мой другъ любезный, у насъ новаго ничего нѣтъ; мы ожидаемъ рѣшительныхъ новостей, но ты о нихъ, бывъ на мѣстѣ, прежде узнаешь, нежели мы. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

*) Въ подлинникѣ — Сна:

**) Княжна Е. П. Трубецкая.

***) Въ подлинникѣ: съ преданіемъ.

114. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 13/24 мая, 1791. (29 мая).

Дражайшій другъ! Послѣднее письмо ваше, извѣщающее меня о смерти Александры Егоровны *), весьма меня растрогало тѣмъ болѣе, что вы пишете при томъ и о слабомъ состояніи Николая Ивановича **). Богъ да сохранитъ его жизнь! Признаюсь, что сія послѣдняя потеря была бы со многихъ сторонъ важнѣе, какъ для малолѣтнихъ его дѣтей, такъ и для друзей, ибо, говоря чистосердечно, кажется мнѣ, что покойная мало участвовала въ воспитаніи ихъ, да и не имѣла довольной къ тому способности. Надѣюсь на правила Николая Ивановича, что онъ перенесетъ сей ударъ, какъ надлежитъ мужу, христіанину. Нѣтъ нужды мнѣ увѣщевать васъ о неоставленіи его въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ, — ваше сердце и ваша къ нему дружба суть вѣрныя мнѣ поруки. Старайтесь однако-жъ о возвращеніи его здоровья, употребите извѣстныя вамъ средства, но паче всего попекитесь о успокоеніи его духа, сіе-жъ воздѣйствуется наиболѣе молитвою и преданіемъ себя въ волю Всемогущаго. Облегчите его въ трудахъ и на нѣкоторое время отвлеките отъ надмѣру ***) многихъ трудовъ. Духъ нашъ точно такъ же, какъ и тѣло, имѣетъ нужду въ отдохновеніи; безпрестанное напряженіе разстроиваетъ весь составъ и наконецъ всѣ силы онаго дѣлаетъ недѣйствительными. Умѣренность во всѣхъ случаяхъ есть необходима; преступающій ея предѣлы дѣлается врагомъ самого себя и врагомъ натуры. Слѣдствія сего довольно вамъ извѣстны. Надѣюсь, что теперь получили уже два мои письма, чрезъ необыкновенный каналъ писанныя, и престанете упрекать меня молчаніемъ. Я, слава Богу, здоровъ и теперь спѣшу къ особѣ, о которой вы велѣли мнѣ навѣдаться чрезъ Велокса. Простите; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

115. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 26 мая, 1791. — № 11. (29 мая).

Любезный другъ! Я уже къ тебѣ дней съ десять не писалъ, потому что былъ встревоженъ смертію брата князя Петра ****), да и самъ себя чувствовалъ не очень здоровымъ отъ геморроидовъ, которые, бывъ у меня внутренные, дѣлаютъ, что кровь ударяетъ въ голову, и что я бываю ни къ чему не способенъ. Теперь же, благодаря Бога, я здоровъ, и моей княжнѣ Елисаветѣ *****), кажется, начинаетъ становиться получше отъ ишачьяго

*) А. Е. Новикова.

**) Н. И. Новиковъ.

***) Такъ въ подлинникѣ: отъ надмѣру.

****) Кн. П. Н. Трубецкой.

*****) Княжна Е. П. Трубецкая.

114. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 13/24 мая, 1791. (29 мая).

Дражайшій другъ! Послѣднее письмо ваше, извѣщающее меня о смерти Александры Егоровны *), весьма меня растрогало тѣмъ болѣе, что вы пишете при томъ и о слабомъ состояніи Николая Ивановича **). Богъ да сохранитъ его жизнь! Признаюсь, что сія послѣдняя потеря была бы со многихъ сторонъ важнѣе, какъ для малолѣтнихъ его дѣтей, такъ и для друзей, ибо, говоря чистосердечно, кажется мнѣ, что покойная мало участвовала въ воспитаніи ихъ, да и не имѣла довольной къ тому способности. Надѣюсь на правила Николая Ивановича, что онъ перенесетъ сей ударъ, какъ надлежитъ мужу, христіанину. Нѣтъ нужды мнѣ увѣщевать васъ о неоставленіи его въ сихъ печальныхъ обстоятельствахъ, — ваше сердце и ваша къ нему дружба суть вѣрныя мнѣ поруки. Старайтесь однако-жъ о возвращеніи его здоровья, употребите извѣстныя вамъ средства, но паче всего попекитесь о успокоеніи его духа, сіе-жъ воздѣйствуется наиболѣе молитвою и преданіемъ себя въ волю Всемогущаго. Облегчите его въ трудахъ и на нѣкоторое время отвлеките отъ надмѣру ***) многихъ трудовъ. Духъ нашъ точно такъ же, какъ и тѣло, имѣетъ нужду въ отдохновеніи; безпрестанное напряженіе разстроиваетъ весь составъ и наконецъ всѣ силы онаго дѣлаетъ недѣйствительными. Умѣренность во всѣхъ случаяхъ есть необходима; преступающій ея предѣлы дѣлается врагомъ самого себя и врагомъ натуры. Слѣдствія сего довольно вамъ извѣстны. Надѣюсь, что теперь получили уже два мои письма, чрезъ необыкновенный каналъ писанныя, и престанете упрекать меня молчаніемъ. Я, слава Богу, здоровъ и теперь спѣшу къ особѣ, о которой вы велѣли мнѣ навѣдаться чрезъ Велокса. Простите; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

115. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 26 мая, 1791. — № 11. (29 мая).

Любезный другъ! Я уже къ тебѣ дней съ десять не писалъ, потому что былъ встревоженъ смертію брата князя Петра ****), да и самъ себя чувствовалъ не очень здоровымъ отъ геморроидовъ, которые, бывъ у меня внутренные, дѣлаютъ, что кровь ударяетъ въ голову, и что я бываю ни къ чему не способенъ. Теперь же, благодаря Бога, я здоровъ, и моей княжнѣ Елисаветѣ *****), кажется, начинаетъ становиться получше отъ ишачьяго

*) А. Е. Новикова.

**) Н. И. Новиковъ.

***) Такъ въ подлинникѣ: отъ надмѣру.

****) Кн. П. Н. Трубецкой.

*****) Княжна Е. П. Трубецкая.

молока, которое она зачинаетъ пить, и отъ деревенской жизни. Два номера твоихъ писемъ, 7 и 8, я получилъ. Ты въ обоихъ сихъ нумерахъ упоминаешь о письмѣ, которое я долженъ получить отъ Тургенева *), но я сего письма не получалъ, а чрезвычайно желаю оное получить, и безпокоюсь, что онаго не получаю. Всѣхъ полученныхъ твоихъ писемъ ко мнѣ дошли 8 нумеровъ, да сверхъ того два письма безъ №: одно отъ 10 (21) марта, а другое безъ числа, на которыя на оба я тебѣ отвѣчалъ. Итакъ, мой другъ, справься по твоему журналу, сколько именно не дошло твоихъ писемъ до меня; ибо, не получая вышерѣченнаго отъ тебя письма, я боюсь, чтобы и болѣе писемъ не пропало, и сіе меня чрезвычайно тревожитъ, не для того, чтобы я боялся чтенія нашей переписки, нѣтъ, чистота оной насъ охраняетъ отъ всякой опасности, но я боюсь, чтобы читающіе, поправъ ногами находящіяся иногда въ нихъ истины, не погрѣшили вновь противъ той истины, которая по законамъ вѣчныя правды наказуетъ попирающихъ ее. А впрочемъ пусть нашу переписку читаютъ. Мы съ тобою, мой другъ, въ политическія дѣла государей и государствъ не входимъ, и вѣдая, что всякая власть есть отъ Бога, мы повинуемся оной безъ роптанія, повинуясь чрезъ то власти нашего Бога и Спасителя, который сіе повиновеніе предписалъ своимъ ученикамъ, и который Самъ сказалъ: «отдавайте Божіе Богу, а Кесарево Кесарю».

Итакъ, мой другъ, будемъ спокойны; пусть наша переписка читана будетъ, — препоручимъ ее управляющей всѣмъ десницѣ Божіей. Онъ сохранитъ находящееся иногда въ оной такое, которое по обязательствамъ скромности должно быть отъ другихъ сокрываемо, скрытымъ; а ежели есть Его воля, чтобы и оное было открыто, то да исполнится она, — только бы не мы своею волею оное открывали и не предупредили нашею нескромностію и неосторожностію блаженнаго того времени, о которомъ сказано въ Евангеліи, что говоренное на ухо будетъ проповѣдуемо на кровляхъ. Прости, мой другъ! Пиши чаще и вѣрь, что я навсегда твой вѣрный другъ.

116. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ 7/18 іюня, 1791. — № 10. (23 іюня).

Дражайшій другъ! Краткое ваше письмецо наполнило сердце мое горестію, видя изъ него ваше непріятное положеніе. Вы потеряли племянницу, а другая на пути слѣдовать за оною. Вѣдая нѣжное ваше сердце, знаю, сколь сіе вамъ чувствительно; но, любезный другъ, надлежитъ во всемъ полагаться на волю Создателя. Что возможемъ мы, бѣдные червяки, противъ Его судебъ? Христіанское терпѣніе и предан-

*) Н. П. Тургеневъ.

молока, которое она зачинаетъ пить, и отъ деревенской жизни. Два номера твоихъ писемъ, 7 и 8, я получилъ. Ты въ обоихъ сихъ нумерахъ упоминаешь о письмѣ, которое я долженъ получить отъ Тургенева *), но я сего письма не получалъ, а чрезвычайно желаю оное получить, и безпокоюсь, что онаго не получаю. Всѣхъ полученныхъ твоихъ писемъ ко мнѣ дошли 8 нумеровъ, да сверхъ того два письма безъ №: одно отъ 10 (21) марта, а другое безъ числа, на которыя на оба я тебѣ отвѣчалъ. Итакъ, мой другъ, справься по твоему журналу, сколько именно не дошло твоихъ писемъ до меня; ибо, не получая вышерѣченнаго отъ тебя письма, я боюсь, чтобы и болѣе писемъ не пропало, и сіе меня чрезвычайно тревожитъ, не для того, чтобы я боялся чтенія нашей переписки, нѣтъ, чистота оной насъ охраняетъ отъ всякой опасности, но я боюсь, чтобы читающіе, поправъ ногами находящіяся иногда въ нихъ истины, не погрѣшили вновь противъ той истины, которая по законамъ вѣчныя правды наказуетъ попирающихъ ее. А впрочемъ пусть нашу переписку читаютъ. Мы съ тобою, мой другъ, въ политическія дѣла государей и государствъ не входимъ, и вѣдая, что всякая власть есть отъ Бога, мы повинуемся оной безъ роптанія, повинуясь чрезъ то власти нашего Бога и Спасителя, который сіе повиновеніе предписалъ своимъ ученикамъ, и который Самъ сказалъ: «отдавайте Божіе Богу, а Кесарево Кесарю».

Итакъ, мой другъ, будемъ спокойны; пусть наша переписка читана будетъ, — препоручимъ ее управляющей всѣмъ десницѣ Божіей. Онъ сохранитъ находящееся иногда въ оной такое, которое по обязательствамъ скромности должно быть отъ другихъ сокрываемо, скрытымъ; а ежели есть Его воля, чтобы и оное было открыто, то да исполнится она, — только бы не мы своею волею оное открывали и не предупредили нашею нескромностію и неосторожностію блаженнаго того времени, о которомъ сказано въ Евангеліи, что говоренное на ухо будетъ проповѣдуемо на кровляхъ. Прости, мой другъ! Пиши чаще и вѣрь, что я навсегда твой вѣрный другъ.

116. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ 7/18 іюня, 1791. — № 10. (23 іюня).

Дражайшій другъ! Краткое ваше письмецо наполнило сердце мое горестію, видя изъ него ваше непріятное положеніе. Вы потеряли племянницу, а другая на пути слѣдовать за оною. Вѣдая нѣжное ваше сердце, знаю, сколь сіе вамъ чувствительно; но, любезный другъ, надлежитъ во всемъ полагаться на волю Создателя. Что возможемъ мы, бѣдные червяки, противъ Его судебъ? Христіанское терпѣніе и предан-

*) Н. П. Тургеневъ.

ность, вотъ все, что отъ насъ требуется. Зная ваши правилы, я твердо надеженъ, что вы не отступитесь отъ оныхъ. Въ разсужденіи княжны Катерины Петровны *), я бы совѣтовалъ употребить извѣстную вамъ Ѳ. Касательно человѣка, о которомъ я говорилъ съ Велоксомъ, не могу еще сказать ничего рѣшительно; думаю, что завтра увижусь съ нимъ; знаю только то, что онъ человѣкъ весьма умѣренный, и, ежели онъ согласится на предложеніе, то, конечно, не отяготитъ насъ. Я не могу описать вамъ всего, чѣмъ я обязанъ ему; скажу только то, что много людей, трудящихся многіе годы, которымъ однако-жъ не удалось видѣть того, что онъ показалъ мнѣ. Ясно говорить о семъ не смѣю; не дерзнулъ бы сего, даже и бывъ съ вами лично вмѣстѣ. Ваше письмо къ барону **), содержаніе котораго касательно экономіи сообщилъ онъ мнѣ, преисполнило меня горестію, и признаюсь, что страшная перспектива открывается предо мною. Честь моя, репутація и пр. и пр. подвергаются великой опасности. Одно меня ободряетъ: я думаю, что вы увеличили опасность. Но да будетъ святая Его воля! Прискорбно однако-жъ мнѣ, что вы скрываете сіе отъ меня, участвующаго во всемъ. Отпишите, получили-ль письмо чрезъ Тургенева ***). Прощайте; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

117. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 16 іюня, 1791. — № 13. (19 іюня).

Тщетно я жду, мой другъ любезный, упоминаемыхъ тобою писемъ, которыя я долженъ получить чрезъ Тургенева ***). Видно, они пропали, а сіе больно моему сердцу. На нынѣшней недѣлѣ и чрезъ почту я не получалъ отъ тебя писемъ, и тебѣ пишу только для того теперь, чтобы ты, не получая отъ меня писемъ, не безпокоился, а то писать нечего. Я немножко простудился и болитъ ухо. Впрочемъ, мы всѣ, благодаря Бога, здоровы. Прости, мой другъ! Христосъ съ тобою. Другъ твой

P[orrectus].

118. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Гётингенъ. 17 іюня, 1791. (3 іюля).

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

Въ началѣ сего іюня простился я съ Лейденомъ и пріѣхалъ въ Гётингенъ сего-жъ 11 благополучно. Я спѣшилъ сюда пріѣхать сколько можно, тѣмъ болѣе, что получилъ непріятную вѣсть, что Максимъ

*) Княжна Е. П. Трубецкая.
**) Бар. Шредеръ.
***) И. П. Тургеневъ.

ность, вотъ все, что отъ насъ требуется. Зная ваши правилы, я твердо надеженъ, что вы не отступитесь отъ оныхъ. Въ разсужденіи княжны Катерины Петровны *), я бы совѣтовалъ употребить извѣстную вамъ Ѳ. Касательно человѣка, о которомъ я говорилъ съ Велоксомъ, не могу еще сказать ничего рѣшительно; думаю, что завтра увижусь съ нимъ; знаю только то, что онъ человѣкъ весьма умѣренный, и, ежели онъ согласится на предложеніе, то, конечно, не отяготитъ насъ. Я не могу описать вамъ всего, чѣмъ я обязанъ ему; скажу только то, что много людей, трудящихся многіе годы, которымъ однако-жъ не удалось видѣть того, что онъ показалъ мнѣ. Ясно говорить о семъ не смѣю; не дерзнулъ бы сего, даже и бывъ съ вами лично вмѣстѣ. Ваше письмо къ барону **), содержаніе котораго касательно экономіи сообщилъ онъ мнѣ, преисполнило меня горестію, и признаюсь, что страшная перспектива открывается предо мною. Честь моя, репутація и пр. и пр. подвергаются великой опасности. Одно меня ободряетъ: я думаю, что вы увеличили опасность. Но да будетъ святая Его воля! Прискорбно однако-жъ мнѣ, что вы скрываете сіе отъ меня, участвующаго во всемъ. Отпишите, получили-ль письмо чрезъ Тургенева ***). Прощайте; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

117. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 16 іюня, 1791. — № 13. (19 іюня).

Тщетно я жду, мой другъ любезный, упоминаемыхъ тобою писемъ, которыя я долженъ получить чрезъ Тургенева ***). Видно, они пропали, а сіе больно моему сердцу. На нынѣшней недѣлѣ и чрезъ почту я не получалъ отъ тебя писемъ, и тебѣ пишу только для того теперь, чтобы ты, не получая отъ меня писемъ, не безпокоился, а то писать нечего. Я немножко простудился и болитъ ухо. Впрочемъ, мы всѣ, благодаря Бога, здоровы. Прости, мой другъ! Христосъ съ тобою. Другъ твой

P[orrectus].

118. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Гётингенъ. 17 іюня, 1791. (3 іюля).

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель Иванъ Владиміровичъ!

Въ началѣ сего іюня простился я съ Лейденомъ и пріѣхалъ въ Гётингенъ сего-жъ 11 благополучно. Я спѣшилъ сюда пріѣхать сколько можно, тѣмъ болѣе, что получилъ непріятную вѣсть, что Максимъ

*) Княжна Е. П. Трубецкая.
**) Бар. Шредеръ.
***) И. П. Тургеневъ.

Ивановичъ *) боленъ; по пріѣздѣ же моемъ нашелъ его въ состояніи выздоровленія, однако еще весьма слабаго. Болѣзнь его была сильная лихорадка, такъ что докторъ, лечившій его, принужденъ былъ неоднократно приходить къ нему въ одинъ и тотъ же день. Продолжалась сія болѣзнь около шести недѣль. Теперь, при выздоровленіи его, имѣетъ онъ, можно сказать, другую болѣзнь, ипохондричаетъ слишкомъ. Въ первый день моего пріѣзда почти ничего не говорилъ со мною, на другой день вызвалъ я его прогуляться за городъ и узналъ причину его молчанія. Онъ подозрѣваетъ всѣхъ безъ разбора, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, и чтобы изъ того чего-нибудь худаго не воспослѣдовало. Таковое расположеніе мыслей послѣ сильныхъ болѣзней почти обыкновенно остается въ Максимѣ Ивановичѣ, оно даже около трехъ недѣль продолжается. Медлительнаго выздоравливанія причиною я почитаю то, что онъ боится, чтобы чего-нибудь вреднаго ему и въ кускѣ хлѣба не подали, и такимъ образомъ не довольно можетъ подкрѣплять силы пищею. Я намѣренъ здѣсь пробыть такъ, какъ и Максимъ Ивановичъ, до конца сего полугодичнаго академическаго курса, то есть, до конца сентября сего года, а потомъ возвратиться въ отечество. Упражненіемъ моимъ здѣсь будутъ нѣкоторыя части натуральной исторіи въ профессорскихъ коллегіяхъ, а домашнимъ упражненіемъ будетъ по большей части переповтореніе лейденскихъ упражненій.

119. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 21 іюня, 1791. (26 іюня).

Дружеское письмо ваше я получила, вы говорите, что вы меня прощаете, и радуетесь тому, что чрезъ сіе сдѣлали мнѣ болѣе увѣренія въ вашей дружбѣ. Вы удивитесь, когда вамъ скажу, что нынѣшнее письмо ваше совсѣмъ опровергло мое легковѣріе. Я чувствую, что бы я на вашемъ мѣстѣ не такъ легко простила (ежели я люблю, разумѣется). Дочь больна, не всегда-жъ она была [больна] опасно. Любя своихъ друзей, первое придетъ мнѣ въ голову раздѣлить съ ними мое горе. То я попеняла бы въ вашемъ мѣстѣ, для чего со мною раздѣлить не хотѣли. Вотъ видите, какъ я сужу; то самое сіе прощеніе ваше доказываетъ малую вашу къ намъ любовь. Но быть тому такъ, сильно милъ не будешь. Видно, моя такая участь: кого я какъ много ни люблю во всемъ свѣтѣ, не сыскался еще человѣкъ, кто бы прямо мнѣ платилъ. Вы любите, можетъ быть, меня такъ, какъ любятъ тѣхъ, кои навязываются своею дружбой. Я вамъ часто жалка бываю своимъ проклятымъ нѣжнымъ сердцемъ; то вы хотите сколько нибудь изъ жалости утѣшать

*) М. П. Невзоровъ.

Ивановичъ *) боленъ; по пріѣздѣ же моемъ нашелъ его въ состояніи выздоровленія, однако еще весьма слабаго. Болѣзнь его была сильная лихорадка, такъ что докторъ, лечившій его, принужденъ былъ неоднократно приходить къ нему въ одинъ и тотъ же день. Продолжалась сія болѣзнь около шести недѣль. Теперь, при выздоровленіи его, имѣетъ онъ, можно сказать, другую болѣзнь, ипохондричаетъ слишкомъ. Въ первый день моего пріѣзда почти ничего не говорилъ со мною, на другой день вызвалъ я его прогуляться за городъ и узналъ причину его молчанія. Онъ подозрѣваетъ всѣхъ безъ разбора, чтобы кто-нибудь не подслушалъ, и чтобы изъ того чего-нибудь худаго не воспослѣдовало. Таковое расположеніе мыслей послѣ сильныхъ болѣзней почти обыкновенно остается въ Максимѣ Ивановичѣ, оно даже около трехъ недѣль продолжается. Медлительнаго выздоравливанія причиною я почитаю то, что онъ боится, чтобы чего-нибудь вреднаго ему и въ кускѣ хлѣба не подали, и такимъ образомъ не довольно можетъ подкрѣплять силы пищею. Я намѣренъ здѣсь пробыть такъ, какъ и Максимъ Ивановичъ, до конца сего полугодичнаго академическаго курса, то есть, до конца сентября сего года, а потомъ возвратиться въ отечество. Упражненіемъ моимъ здѣсь будутъ нѣкоторыя части натуральной исторіи въ профессорскихъ коллегіяхъ, а домашнимъ упражненіемъ будетъ по большей части переповтореніе лейденскихъ упражненій.

119. А. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 21 іюня, 1791. (26 іюня).

Дружеское письмо ваше я получила, вы говорите, что вы меня прощаете, и радуетесь тому, что чрезъ сіе сдѣлали мнѣ болѣе увѣренія въ вашей дружбѣ. Вы удивитесь, когда вамъ скажу, что нынѣшнее письмо ваше совсѣмъ опровергло мое легковѣріе. Я чувствую, что бы я на вашемъ мѣстѣ не такъ легко простила (ежели я люблю, разумѣется). Дочь больна, не всегда-жъ она была [больна] опасно. Любя своихъ друзей, первое придетъ мнѣ въ голову раздѣлить съ ними мое горе. То я попеняла бы въ вашемъ мѣстѣ, для чего со мною раздѣлить не хотѣли. Вотъ видите, какъ я сужу; то самое сіе прощеніе ваше доказываетъ малую вашу къ намъ любовь. Но быть тому такъ, сильно милъ не будешь. Видно, моя такая участь: кого я какъ много ни люблю во всемъ свѣтѣ, не сыскался еще человѣкъ, кто бы прямо мнѣ платилъ. Вы любите, можетъ быть, меня такъ, какъ любятъ тѣхъ, кои навязываются своею дружбой. Я вамъ часто жалка бываю своимъ проклятымъ нѣжнымъ сердцемъ; то вы хотите сколько нибудь изъ жалости утѣшать

*) М. П. Невзоровъ.

меня. Имѣвъ сами совершенно доброе сердце, вамъ кажется, что вы мнѣ платите; но, разобравъ всѣ ваши чувствы, найдете только единую жалость. Есть ли что нибудь грустнѣе, какъ быть заплачену за нѣжнѣйшую дружбу единою жалостію. Мнѣ бываетъ отъ этого такъ грустно, что я не имѣю человѣка, кто бы вошелъ прямо въ мои чувствы, кто бы ласкою своею и прямою дружбою утѣшилъ меня. Божусь вамъ, что я боюсь сойти съ ума: можно-ль, что я всѣхъ такъ люблю много, а меня никто? Алексѣй Александровичъ *) любитъ меня, это правда, но не такъ, какъ я его. Его пасмурный видъ меня сокрушаетъ, какъ бы я на него сердита ни была, а ежели онъ огорчится, то я уже плачу и прошу прощенія. Усмѣшка на его лицѣ дѣлаетъ меня довольной. Я чувствую уже въ сердцѣ отъ горя облегченіе, когда я его спокойна вижу. Но это-жъ онъ какъ платитъ? Это правда, что онъ рѣдкій супругъ; то дѣлаетъ, что рѣдкіе могутъ сдѣлать; но нѣтъ въ немъ той нѣжности, которую я имѣю. Онъ можетъ видѣть меня грустною и не спроситъ меня, о чемъ грущу. Это будто любовь! А другъ мой Николай Михайловичъ **) совсѣмъ перемѣнился. Не только не находитъ со мною удовольствія, онъ уже всеминутно скучаетъ. Выговоры мои ему надоѣли. Ласки, вы говорите, чтобъ я ихъ умножила. О, какъ вы его мало знаете, ежели думаете, что я ласками моими опять возвращу его ко мнѣ дружбу; напротивъ, я совсѣмъ ему надоѣла; ласки мои не иначе принимаются, какъ наморщенными бровями, примѣчанія мои — презрительной миной; однимъ словомъ, я вижу совершенно, что я ему такая тягость, какъ камень на сердцѣ. Много, много бы я съ вами говорила и поплакала; знаю, что вы, если не отъ дружбы, то бы изъ жалости выслушали меня, пожалѣли бы обо мнѣ. А чувствительному сердцу и то великое облегченіе. Повѣрите-ль тому, что я теперь только о томъ Бога прошу, чтобы дружба моя къ нему совсѣмъ въ холодность превратилась. Это — совершенное мое желаніе. Вотъ говорятъ, что дружбы ничего на свѣтѣ нѣтъ лучше, что она вѣчная и измѣны въ ней не бываетъ. А я, право, любви не знаю, какъ въ ней люди страдаютъ, и не вѣдаю, но отъ дружбы во вѣкъ мой много страдала. Теперь только стану просить и молиться Богу такъ, какъ «избави насъ отъ лукаваго», такъ избави дѣтей моихъ отъ дружбы и отъ чуствительнаго сердца. Я за минуты удовольствія плачу годами страданія. Ну, какъ и на томъ свѣтѣ то-жъ будетъ, то не лучше-ли желать совершеннаго уничтоженія. Божусь вамъ, что я всего боюсь, и теперь въ такомъ положеніи, что жестокая ипохондрія мучитъ меня и конца ничему не вижу. Все грустно. Ахъ, какъ горестно страдать одной и не имѣть человѣка, съ кѣмъ бы раздѣлить оное. Ежели-бъ я могла увѣриться въ томъ, что мои письмы вамъ не въ тягость, то всякую бы

*) А. А. Плещеевъ.

**) Н. М. Карамзинъ.

меня. Имѣвъ сами совершенно доброе сердце, вамъ кажется, что вы мнѣ плотите; но, разобравъ всѣ ваши чувствы, найдете только единую жалость. Есть ли что нибудь грустнѣе, какъ быть заплачену за нѣжнѣйшую дружбу единою жалостію. Мнѣ бываетъ отъ этого такъ грустно, что я не имѣю человѣка, кто бы вошелъ прямо въ мои чувствы, кто бы ласкою своею и прямою дружбою утѣшилъ меня. Божусь вамъ, что я боюсь сойти съ ума: можно-ль, что я всѣхъ такъ люблю много, а меня никто? Алексѣй Александровичъ *) любитъ меня, это правда, но не такъ, какъ я его. Его пасмурный видъ меня сокрушаетъ, какъ бы я на него сердита ни была, а ежели онъ огорчится, то я уже плачу и прошу прощенія. Усмѣшка на его лицѣ дѣлаетъ меня довольной. Я чувствую уже въ сердцѣ отъ горя облегченіе, когда я его спокойна вижу. Но это-жъ онъ какъ плотитъ? Это правда, что онъ рѣдкій супругъ; то дѣлаетъ, что рѣдкіе могутъ сдѣлать; но нѣтъ въ немъ той нѣжности, которую я имѣю. Онъ можетъ видѣть меня грустною и не спроситъ меня, о чемъ грущу. Это будто любовь! А другъ мой Николай Михайловичъ **) совсѣмъ перемѣнился. Не только не находитъ со мною удовольствія, онъ уже всеминутно скучаетъ. Выговоры мои ему надоѣли. Ласки, вы говорите, чтобъ я ихъ умножила. О, какъ вы его мало знаете, ежели думаете, что я ласками моими опять возвращу его ко мнѣ дружбу; напротивъ, я совсѣмъ ему надоѣла; ласки мои не иначе принимаются, какъ наморщенными бровями, примѣчанія мои — презрительной миной; однимъ словомъ, я вижу совершенно, что я ему такая тягость, какъ камень на сердцѣ. Много, много бы я съ вами говорила и поплакала; знаю, что вы, если не отъ дружбы, то бы изъ жалости выслушали меня, пожалѣли бы обо мнѣ. А чувствительному сердцу и то великое облегченіе. Повѣрите-ль тому, что я теперь только о томъ Бога прошу, чтобы дружба моя къ нему совсѣмъ въ холодность превратилась. Это — совершенное мое желаніе. Вотъ говорятъ, что дружбы ничего на свѣтѣ нѣтъ лучше, что она вѣчная и измѣны въ ней не бываетъ. А я, право, любви не знаю, какъ въ ней люди страдаютъ, и не вѣдаю, но отъ дружбы во вѣкъ мой много страдала. Теперь только стану просить и молиться Богу такъ, какъ «избави насъ отъ лукаваго», такъ избави дѣтей моихъ отъ дружбы и отъ чуствительнаго сердца. Я за минуты удовольствія плачу годами страданія. Ну, какъ и на томъ свѣтѣ то-жъ будетъ, то не лучше-ли желать совершеннаго уничтоженія. Божусь вамъ, что я всего боюсь, и теперь въ такомъ положеніи, что жестокая ипохондрія мучитъ меня и конца ничему не вижу. Все грустно. Ахъ, какъ горестно страдать одной и не имѣть человѣка, съ кѣмъ бы раздѣлить оное. Ежели-бъ я могла увѣриться въ томъ, что мои письмы вамъ не въ тягость, то всякую бы

*) А. А. Плещеевъ.

**) Н. М. Карамзинъ.

недѣлю къ вамъ писала, но та бѣда, что недовѣрчивость моя часъ отъ часу прибавляется. Вѣрите-ли, что я справедлива? Кто думалъ, чтобы Николай Михайловичъ пересталъ любить меня. Анъ, вотъ это случилось! Онъ меня иногда увѣряетъ, что любитъ; но въ самое то же время говоритъ, что онъ имѣетъ понятія о лучшемъ другѣ и о живѣйшей дружбѣ, — то неужели я могу думать, что человѣкъ можетъ быть доволенъ этакой дружбой? Вообразите-жъ себѣ, каково все это выносить!

Правда, правда, что того не перенесешь, чего Богъ не пошлетъ! Полно мнѣ писать. Я боюсь враньемъ моимъ вамъ наскучить, но человѣколюбія примѣта есть — не скучать. Помните, что и васъ я считаю за драгоцѣнную вещь, что дружба ваша есть неоцѣненна. Пріѣзжайте, Бога ради, и пишите чаще. Прощайте; и еще скоро писать буду. Вѣрьте, что я навѣки вѣрнѣйшая изъ друзей вашихъ

Настасья Плещеева.

Алексѣй Александровичъ, слава Богу здоровъ, не пишетъ за хлопотами; ежели его и милорда Рамзея ждать, то вѣкъ не писать. Они увѣряютъ — въ четвергъ писать будутъ.

120. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Милый мой другъ! Желаю тебѣ всякаго блага. Сдѣлай милость, напиши ко мнѣ особливое письмо. Какъ пріѣдешь, услышишь, что я говорю по французски. Mon cher ami, venez me consoler de votre absence. Adieu, mon ami, je suis votre amie

Александра Плещеева.

121. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 24 іюня—4 іюля, 1791.—№ 11. (10 іюля).

Дражайшій другъ! Прискорбно мнѣ видѣть изъ каждаго вашего письма, что ваши безпокойствы намѣсто уменьшенія умножаются безпрестанно. Что дѣлать, надлежитъ предаться въ волю Всеуправляющаго: Онъ знаетъ, что кому потребно и полезно. Ваши правилы суть мнѣ порукою вашей твердости. Порадовало меня нѣсколько, что княжна Екатерина Петровна *) начинаетъ оправляться, я бы совѣтовалъ ей по нѣсколько капель присланнаго вамъ отъ меня ♄. Онѣ, сказываютъ, весьма дѣйствительны. Впрочемъ, во всемъ надлежитъ полагаться на истиннаго Врача, Онъ единъ подаетъ истинное неложное исцѣленіе. — Изъ вашихъ писемъ усматриваю, что всѣ мои письмы вами получены исправно, исключая посланнаго въ письмѣ Тургенева **), на которое по сіе

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) И. П. Тургеневъ.

недѣлю къ вамъ писала, но та бѣда, что недовѣрчивость моя часъ отъ часу прибавляется. Вѣрите-ли, что я справедлива? Кто думалъ, чтобы Николай Михайловичъ пересталъ любить меня. Анъ, вотъ это случилось! Онъ меня иногда увѣряетъ, что любитъ; но въ самое то же время говоритъ, что онъ имѣетъ понятія о лучшемъ другѣ и о живѣйшей дружбѣ, — то неужели я могу думать, что человѣкъ можетъ быть доволенъ этакой дружбой? Вообразите-жъ себѣ, каково все это выносить!

Правда, правда, что того не перенесешь, чего Богъ не пошлетъ! Полно мнѣ писать. Я боюсь враньемъ моимъ вамъ наскучить, но человѣколюбія примѣта есть — не скучать. Помните, что и васъ я считаю за драгоцѣнную вещь, что дружба ваша есть неоцѣненна. Пріѣзжайте, Бога ради, и пишите чаще. Прощайте; и еще скоро писать буду. Вѣрьте, что я навѣки вѣрнѣйшая изъ друзей вашихъ

Настасья Плещеева.

Алексѣй Александровичъ, слава Богу здоровъ, не пишетъ за хлопотами; ежели его и милорда Рамзея ждать, то вѣкъ не писать. Они увѣряютъ — въ четвергъ писать будутъ.

120. А. А. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Милый мой другъ! Желаю тебѣ всякаго блага. Сдѣлай милость, напиши ко мнѣ особливое письмо. Какъ пріѣдешь, услышишь, что я говорю по французски. Mon cher ami, venez me consoler de votre absence. Adieu, mon ami, je suis votre amie

Александра Плещеева.

121. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 24 іюня—4 іюля, 1791.—№ 11. (10 іюля).

Дражайшій другъ! Прискорбно мнѣ видѣть изъ каждаго вашего письма, что ваши безпокойствы намѣсто уменьшенія умножаются безпрестанно. Что дѣлать, надлежитъ предаться въ волю Всеуправляющаго: Онъ знаетъ, что кому потребно и полезно. Ваши правилы суть мнѣ порукою вашей твердости. Порадовало меня нѣсколько, что княжна Екатерина Петровна *) начинаетъ оправляться, я бы совѣтовалъ ей по нѣсколько капель присланнаго вамъ отъ меня ♄. Онѣ, сказываютъ, весьма дѣйствительны. Впрочемъ, во всемъ надлежитъ полагаться на истиннаго Врача, Онъ единъ подаетъ истинное неложное исцѣленіе. — Изъ вашихъ писемъ усматриваю, что всѣ мои письмы вами получены исправно, исключая посланнаго въ письмѣ Тургенева **), на которое по сіе

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) И. П. Тургеневъ.

время не имѣю отвѣта. Сіе безпокоитъ меня тѣмъ болѣе, что оно пошло чрезъ вѣрный каналъ. Путешественникъ, которому оно вручено, по извѣстіямъ находится уже въ С.-Петербургѣ, но и самъ онъ ничего ко мнѣ не пишетъ, хотя и обѣщалъ. — На сей день извините мою краткость, головная болѣзнь и ожиданіе человѣка, о которомъ я говорилъ съ Велоксомъ, суть сему причиною. Простите; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

122. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 30 іюня, 1791. — № 14. (3 іюля).

Любезный и дражайшій другъ! Письмо твое подъ № 10 я получилъ. Не получая недѣли двѣ отъ тебя писемъ, я началъ было сильно безпокоиться, схватилъ полученное твое письмо и увидя изъ него, что ты здоровъ, возблагодарилъ моего Бога и Спасителя. Пожалуйста, пиши чаще, ибо неполученіе твоихъ писемъ жестоко больно сердцу твоего друга. Я здоровъ, но кн. Елизавета Петровна *) весьма нехороша, еще третьяго дня столь сильно у нее пошла кровь горломъ, что я думалъ, что это пришелъ ея конецъ. Ты же, вѣдая, какъ я ее люблю, можешь судить, каково было моему сердцу, видя ее, умирающую на моихъ рукахъ. Боже, помилуй ее, а мнѣ и женѣ дай твердость перенести безъ роптанія и съ преданіемъ **) потеряніе ея, когда Тебѣ угодно будетъ ее взять отъ земли! Что-жъ касается до кн. Катерины Петровны ***), то, благодаря Бога, ея болѣзнь совсѣмъ миновала, но боюсь, чтобы горесть отъ состоянія ея сестры и друга, ее опять не разстроила. Разтрогавшее тебя состояніе нашей экономіи, о которомъ я описывалъ барону ****), подлинно теперь въ весьма дурномъ положеніи. Но я надѣюсь на Бога, что Онъ намъ подастъ средство исправить наше состояніе и выйти честнымъ образомъ изъ экономическихъ нашихъ дѣлъ, почему и не безпокойся симъ извѣстіемъ, а мы всѣ средства къ соблюденію тебя и себя отъ поруганія употребимъ, и надѣюсь, что твоя честь и репутація останутся спокойны.

Описаніе твое о томъ, сколь много ты обязанъ извѣстному твоему пріятелю, меня много обрадовало и я, благодаря Бога за оное, молю Его, да Онъ тебя соблюдетъ отъ излишняго о семъ радованія и похоти къ таковому дѣлу, которое, хотя велѣно, но есть и камень претыканія для тѣхъ, которые, оставляя искать „единое только нужное“, за онымъ погонятся. Я увѣренъ, что другъ мой, бывъ въ сей истинѣ увѣренъ, будетъ соблюдать себя отъ излишней похоти къ открываемому ему, и

*) Княжна Е. П. Трубецкая.
**) Такъ въ подлинникѣ: съ преданіемъ.
***) Княжна Е. П. Трубецкая.
****) Бар. Шредеръ.

время не имѣю отвѣта. Сіе безпокоитъ меня тѣмъ болѣе, что оно пошло чрезъ вѣрный каналъ. Путешественникъ, которому оно вручено, по извѣстіямъ находится уже въ С.-Петербургѣ, но и самъ онъ ничего ко мнѣ не пишетъ, хотя и обѣщалъ. — На сей день извините мою краткость, головная болѣзнь и ожиданіе человѣка, о которомъ я говорилъ съ Велоксомъ, суть сему причиною. Простите; дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

122. Кн. П. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 30 іюня, 1791. — № 14. (3 іюля).

Любезный и дражайшій другъ! Письмо твое подъ № 10 я получилъ. Не получая недѣли двѣ отъ тебя писемъ, я началъ было сильно безпокоиться, схватилъ полученное твое письмо и увидя изъ него, что ты здоровъ, возблагодарилъ моего Бога и Спасителя. Пожалуйста, пиши чаще, ибо неполученіе твоихъ писемъ жестоко больно сердцу твоего друга. Я здоровъ, но кн. Елизавета Петровна *) весьма нехороша, еще третьяго дня столь сильно у нее пошла кровь горломъ, что я думалъ, что это пришелъ ея конецъ. Ты же, вѣдая, какъ я ее люблю, можешь судить, каково было моему сердцу, видя ее, умирающую на моихъ рукахъ. Боже, помилуй ее, а мнѣ и женѣ дай твердость перенести безъ роптанія и съ преданіемъ **) потеряніе ея, когда Тебѣ угодно будетъ ее взять отъ земли! Что-жъ касается до кн. Катерины Петровны ***), то, благодаря Бога, ея болѣзнь совсѣмъ миновала, но боюсь, чтобы горесть отъ состоянія ея сестры и друга, ее опять не разстроила. Разтрогавшее тебя состояніе нашей экономіи, о которомъ я описывалъ барону ****), подлинно теперь въ весьма дурномъ положеніи. Но я надѣюсь на Бога, что Онъ намъ подастъ средство исправить наше состояніе и выйти честнымъ образомъ изъ экономическихъ нашихъ дѣлъ, почему и не безпокойся симъ извѣстіемъ, а мы всѣ средства къ соблюденію тебя и себя отъ поруганія употребимъ, и надѣюсь, что твоя честь и репутація останутся спокойны.

Описаніе твое о томъ, сколь много ты обязанъ извѣстному твоему пріятелю, меня много обрадовало и я, благодаря Бога за оное, молю Его, да Онъ тебя соблюдетъ отъ излишняго о семъ радованія и похоти къ таковому дѣлу, которое, хотя велѣно, но есть и камень претыканія для тѣхъ, которые, оставляя искать „единое только нужное“, за онымъ погонятся. Я увѣренъ, что другъ мой, бывъ въ сей истинѣ увѣренъ, будетъ соблюдать себя отъ излишней похоти къ открываемому ему, и

*) Княжна Е. П. Трубецкая.
**) Такъ въ подлинникѣ: съ преданіемъ.
***) Княжна Е. П. Трубецкая.
****) Бар. Шредеръ.

что Богъ, по своему милосердію, соблюдетъ его непоколебимымъ въ соблюденіи всѣхъ его обязанностей. Чего ради и прошу тебя, мой другъ, ко мнѣ отписать, знаетъ-ли другъ твой Сокъ связь твою съ симъ человѣкомъ, одобряетъ-ли онъ ее и вѣдаетъ всю довѣренность, которую сей человѣкъ къ тебѣ имѣетъ? Сіе извѣстіе меня успокоитъ и я съ нетерпѣніемъ на сіе отвѣта отъ тебя буду ожидать.

Письма твоего черезъ Тургенева *) нѣтъ, и меня до крайности безпокоитъ неполученіе онаго.

Прости, мой другъ, Христосъ съ тобой.

123. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 4/15 іюля, 1791. — № 12. (21 іюля).

Дражайшій другъ! Не стану вамъ сей день пенять на ваше молчаніе, ибо самъ столько-жъ, ежели не болѣе, виноватъ, да впрочемъ и моя голова занята другими предметами. Не пустая гипохондрія терзаетъ мое сердце, нѣчто существеннѣе бродитъ въ моемъ мозгу. Сколь ни стараюсь разбивать мои мысли, все тщетно. Онѣ возвращаются съ свѣжею силою и, овладѣвъ моимъ воображеніемъ, покрываютъ все настоящее и будущее чернымъ покрываломъ; вопреки всѣхъ моихъ стараній, глаза мои стремятся въ мрачную, печальную, горести и поруганія исполненную перспективу. Непонятно, странно представится вамъ сіе предисловіе, но, мой другъ, необходимость, предосторожность и страхъ исторгнули у меня оное. Счастливъ, кто еще возможетъ пользоваться несчастіями своего ближняго, я говорю — пользоваться, то есть, въ происшествіяхъ съ нашими друзьями видѣть самихъ себя и, находясь въ подобныхъ ихъ обстоятельствахъ, ожидать и себѣ подобнаго, но, ожидая, пріуготовляться къ перенесенію грядущаго, а ежели можно, то стараться оградить себя, поелику то человѣку возможно. Прежде, нежели приступлю къ моему намѣренію, прошу васъ братски, прошу именемъ всего, что есть свято, принимать мои слова въ прямомъ смыслѣ и увѣрить себя, что все, сказанное мною, истекаетъ изъ чистаго источника истинныя братскія любви и дружбы; все, что я буду говорить, не есть досада или пораканіе. Нѣтъ, истинно сердце мое непричастно симъ чувствованіямъ: оно наполнено почтеніемъ къ вамъ и искреннею любовію. Ежели мы, сердечный мой другъ, будемъ обходиться на чинахъ, ежели между нами будетъ употребляться языкъ придворныхъ, то что же воспослѣдуетъ со всѣми нашими обязательствами? То гдѣ же дружба обрѣтается, гдѣ найдетъ убѣжище, будучи отвсюду изгоняема? Языкъ дружбы, языкъ братскій, языкъ христіанскій есть и языкъ истинный, прямъ, истиненъ,

*) П. П. Тургеневъ.

что Богъ, по своему милосердію, соблюдетъ его непоколебимымъ въ соблюденіи всѣхъ его обязанностей. Чего ради и прошу тебя, мой другъ, ко мнѣ отписать, знаетъ-ли другъ твой Сокъ связь твою съ симъ человѣкомъ, одобряетъ-ли онъ ее и вѣдаетъ всю довѣренность, которую сей человѣкъ къ тебѣ имѣетъ? Сіе извѣстіе меня успокоитъ и я съ нетерпѣніемъ на сіе отвѣта отъ тебя буду ожидать.

Письма твоего черезъ Тургенева *) нѣтъ, и меня до крайности безпокоитъ неполученіе онаго.

Прости, мой другъ, Христосъ съ тобой.

123. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 4/15 іюля, 1791. — № 12. (21 іюля).

Дражайшій другъ! Не стану вамъ сей день пенять на ваше молчаніе, ибо самъ столько-жъ, ежели не болѣе, виноватъ, да впрочемъ и моя голова занята другими предметами. Не пустая гипохондрія терзаетъ мое сердце, нѣчто существеннѣе бродитъ въ моемъ мозгу. Сколь ни стараюсь разбивать мои мысли, все тщетно. Онѣ возвращаются съ свѣжею силою и, овладѣвъ моимъ воображеніемъ, покрываютъ все настоящее и будущее чернымъ покрываломъ; вопреки всѣхъ моихъ стараній, глаза мои стремятся въ мрачную, печальную, горести и поруганія исполненную перспективу. Непонятно, странно представится вамъ сіе предисловіе, но, мой другъ, необходимость, предосторожность и страхъ исторгнули у меня оное. Счастливъ, кто еще возможетъ пользоваться несчастіями своего ближняго, я говорю — пользоваться, то есть, въ происшествіяхъ съ нашими друзьями видѣть самихъ себя и, находясь въ подобныхъ ихъ обстоятельствахъ, ожидать и себѣ подобнаго, но, ожидая, пріуготовляться къ перенесенію грядущаго, а ежели можно, то стараться оградить себя, поелику то человѣку возможно. Прежде, нежели приступлю къ моему намѣренію, прошу васъ братски, прошу именемъ всего, что есть свято, принимать мои слова въ прямомъ смыслѣ и увѣрить себя, что все, сказанное мною, истекаетъ изъ чистаго источника истинныя братскія любви и дружбы; все, что я буду говорить, не есть досада или пораканіе. Нѣтъ, истинно сердце мое непричастно симъ чувствованіямъ: оно наполнено почтеніемъ къ вамъ и искреннею любовію. Ежели мы, сердечный мой другъ, будемъ обходиться на чинахъ, ежели между нами будетъ употребляться языкъ придворныхъ, то что же воспослѣдуетъ со всѣми нашими обязательствами? То гдѣ же дружба обрѣтается, гдѣ найдетъ убѣжище, будучи отвсюду изгоняема? Языкъ дружбы, языкъ братскій, языкъ христіанскій есть и языкъ истинный, прямъ, истиненъ,

*) П. П. Тургеневъ.

откровенъ, не терпитъ никакія кривизны или увертки. Изъ сея-то точки смотрите на мое письмо, и съ сими-то чувствованіями изслѣдуйте мои слова.

Сегодня получилъ я письмо отъ моего сопутешественника *); въ немъ описалъ онъ подробно свое прошедшее и настоящее положеніе. Многое изъ сказаннаго имъ было мнѣ уже извѣстно, но до сего часа я не останавливался никогда иначе, какъ только на нѣкоторыхъ частицахъ, но прочевъ картину, имъ предложенную, въ которой живо изобразилъ онъ собраніе всецѣлаго, сердце мое содрогнулось, глаза мои наполнились слезами, и я, противъ моей воли, погрузился въ горесть, отъ которой не скоро могу освободиться. Дражайшій мой братъ! Мы обязаны сострадать всякому человѣку, мы поставили себѣ за долгъ помогать ближнему, кольми-жъ паче требуетъ отъ насъ сего человѣкъ, пожертвовавшій намъ всѣмъ мірскимъ своимъ благосостояніемъ. Таковъ есть мой сопутешественникъ. Многія его обстоятельства знакомѣе вамъ, нежели мнѣ, и для того упомяну о семъ токмо сокращенно. Подобно мнѣ, убѣжденъ онъ былъ покойнымъ Горгонусомъ **) оставить службу и подобно же мнѣ разстался съ оною съ великимъ неудовольствіемъ. Неоднократно представлялъ онъ, что сей шагъ имѣть будетъ весьма важныя и, можетъ быть, и горестныя для него слѣдствія: что онъ лишится довѣренности и любви своего дяди, что̀ и воспослѣдовало, а купно съ симъ лишится и своего имѣнія; что, въ случаѣ смерти Горгонуса, узритъ онъ себя посреди людей ему чуждыхъ, безъ всякой подпоры и помощи, — всѣ сіи возраженія остались безуспѣшны, и онъ былъ принужденъ повиноваться, наипаче, когда покойный его увѣрилъ, что Поректусъ ***) во всѣхъ случаяхъ заступитъ его мѣсто, что̀ и самъ Поректусъ подтвердилъ неоднократно. По исполненіи сего и по смерти Горгонуса надлежало ему предпринять извѣстное вамъ путешествіе, во время котораго онъ сдѣлалъ 2.000 долгу и по нѣжному его обхожденію никому не объявилъ сего. Подаренные ему его теткою алмазы продалъ онъ за безцѣнокъ и деньги помѣстилъ по совѣту Поректуса и Коловіона ****) въ извѣстное вамъ мѣсто, въ надеждѣ получать по 12 процентовъ. За симъ послѣдовало второе путешествіе. Главный источникъ всего, что ему потомъ случилось, — Поректусъ, хотя и невиннымъ образомъ, такъ какъ и другіе соучаствовали въ оскорбленіи его чести и въ лишеніи его всего, что любящему честь человѣку здѣсь драгоцѣнно. Наконецъ, Поректусъ получаетъ письменное свидѣтельство, что онъ невиненъ, при всемъ томъ однако-жъ не пишетъ и не упоминаетъ о семъ моему сопутешественнику.

*) Бар. Шредеръ.
**) И. Е. Шварцъ.
***) Кн. Н. Н. Трубецкой.
****) Н. И. Новиковъ.

откровенъ, не терпитъ никакія кривизны или увертки. Изъ сея-то точки смотрите на мое письмо, и съ сими-то чувствованіями изслѣдуйте мои слова.

Сегодня получилъ я письмо отъ моего сопутешественника *); въ немъ описалъ онъ подробно свое прошедшее и настоящее положеніе. Многое изъ сказаннаго имъ было мнѣ уже извѣстно, но до сего часа я не останавливался никогда иначе, какъ только на нѣкоторыхъ частицахъ, но прочевъ картину, имъ предложенную, въ которой живо изобразилъ онъ собраніе всецѣлаго, сердце мое содрогнулось, глаза мои наполнились слезами, и я, противъ моей воли, погрузился въ горесть, отъ которой не скоро могу освободиться. Дражайшій мой братъ! Мы обязаны сострадать всякому человѣку, мы поставили себѣ за долгъ помогать ближнему, кольми-жъ паче требуетъ отъ насъ сего человѣкъ, пожертвовавшій намъ всѣмъ мірскимъ своимъ благосостояніемъ. Таковъ есть мой сопутешественникъ. Многія его обстоятельства знакомѣе вамъ, нежели мнѣ, и для того упомяну о семъ токмо сокращенно. Подобно мнѣ, убѣжденъ онъ былъ покойнымъ Горгонусомъ **) оставить службу и подобно же мнѣ разстался съ оною съ великимъ неудовольствіемъ. Неоднократно представлялъ онъ, что сей шагъ имѣть будетъ весьма важныя и, можетъ быть, и горестныя для него слѣдствія: что онъ лишится довѣренности и любви своего дяди, что́ и воспослѣдовало, а купно съ симъ лишится и своего имѣнія; что, въ случаѣ смерти Горгонуса, узритъ онъ себя посреди людей ему чуждыхъ, безъ всякой подпоры и помощи, — всѣ сіи возраженія остались безуспѣшны, и онъ былъ принужденъ повиноваться, наипаче, когда покойный его увѣрилъ, что Поректусъ ***) во всѣхъ случаяхъ заступитъ его мѣсто, что́ и самъ Поректусъ подтвердилъ неоднократно. По исполненіи сего и по смерти Горгонуса надлежало ему предпринять извѣстное вамъ путешествіе, во время котораго онъ сдѣлалъ 2.000 долгу и по нѣжному его обхожденію никому не объявилъ сего. Подаренные ему его теткою алмазы продалъ онъ за безцѣнокъ и деньги помѣстилъ по совѣту Поректуса и Коловіона ****) въ извѣстное вамъ мѣсто, въ надеждѣ получать по 12 процентовъ. За симъ послѣдовало второе путешествіе. Главный источникъ всего, что ему потомъ случилось, — Поректусъ, хотя и невиннымъ образомъ, такъ какъ и другіе соучаствовали въ оскорбленіи его чести и въ лишеніи его всего, что любящему честь человѣку здѣсь драгоцѣнно. Наконецъ, Поректусъ получаетъ письменное свидѣтельство, что онъ невиненъ, при всемъ томъ однако-жъ не пишетъ и не упоминаетъ о семъ моему сопутешественнику.

*) Бар. Шредеръ.
**) И. Е. Шварцъ.
***) Кн. Н. Н. Трубецкой.
****) Н. И. Новиковъ.

Оскорбленный до глубины своего сердца симъ поступкомъ Сацердосъ *) возлагаетъ на себя молчаніе, и всего болѣе огорчается мнѣніемъ, что онъ лишился Поректусовой дружбы, на которую всегда полагался онъ твердо. Понуждаемъ скудостію и нуждою принуждается прервать сіе молчаніе, пишетъ къ Поректусу и проситъ его о помощи, объявляя при томъ, что онъ намѣренъ предпринять масонскую работу, и для сего долженъ удалиться въ уединеніе; не довольно сего, — предлагаетъ переводить (дабы не даромъ получать деньги, хотя впрочемъ и требуетъ токмо своего собственнаго) на условіяхъ, сдѣланныхъ нами съ Зенкбейлемъ. Поректусъ на все сіе не отвѣтствуетъ прямо, но обязуется присылать ему въ годъ по сту лундоровъ (прислалъ однако-жъ токмо 372 талера по нынѣшнему курсу). Сацердосъ, положившись на сіе слово, дѣлаетъ распоряженія и предпріемлетъ свои мѣры, и въ сіе-то самое время получаетъ отъ Поректуса письмецо, въ которомъ уничтожается вся его надежда. Вообразите же, дражайшій другъ, состояніе Сацердоса! Онъ поражается симъ, якобы громовою стрѣлою; не менѣе и я почувствовалъ морозъ, ліющійся во всемъ моемъ тѣлѣ, узнавъ все сіе обстоятельно, и вотъ истинная причина моей меланхоліи. Вы сами знаете, что я нынѣ стою на самой той степени, гдѣ былъ Сацердосъ, и слѣдовательно, подверженъ той же самой участи. Пожалуйте, успокойте меня и разрѣшите сію загадку, каковой все сіе представляется мнѣ. Впрочемъ, ежели вы имѣете какое-либо сомнѣніе на Сацердоса, то я клянусь вамъ живымъ Богомъ, что онъ преисполненъ чести и богобоязненности, и я истинно не могу равняться ему ни съ которой стороны, ибо въ сравненіи съ нимъ есть мерзокъ и гнусенъ. Самъ мой водитель **) находитъ его таковымъ, какъ я описываю, и онъ во всѣхъ нашихъ работахъ участвуетъ. Но на сей разъ довольно. Почта отходитъ; скажу только, что на сихъ дняхъ водитель мой имѣлъ нужду въ 200 червонцахъ. которые я досталъ ему у нашего посла, давъ ему ассигнацію на Филуса ***). Пожалуйста, не умедлите заплатою, дабы въ случаѣ необходимости имѣть мнѣ надежное прибѣжище. Простите.

124. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 10 іюля, 1791. (14 іюля).

Кстати, любезнѣйшій другъ, замѣшкался я посылкою приложеннаго здѣсь второго векселя, ибо о полученіи перваго таковаго-жъ я отъ тебя еще отвѣту не имѣю; пожалуй, увѣдомь также и о томъ, получилъ-ли ты мой гостинецъ чрезъ музыканта Фирнгабера и поправился-ли гостинецъ.

*) Бар. Шредеръ.
**) Сокъ.
***) И. В. Лопухинъ.

Оскорбленный до глубины своего сердца симъ поступкомъ Сацердосъ *) возлагаетъ на себя молчаніе, и всего болѣе огорчается мнѣніемъ, что онъ лишился Поректусовой дружбы, на которую всегда полагался онъ твердо. Понуждаемъ скудостію и нуждою принуждается прервать сіе молчаніе, пишетъ къ Поректусу и проситъ его о помощи, объявляя при томъ, что онъ намѣренъ предпринять масонскую работу, и для сего долженъ удалиться въ уединеніе; не довольно сего, — предлагаетъ переводить (дабы не даромъ получать деньги, хотя впрочемъ и требуетъ токмо своего собственнаго) на условіяхъ, сдѣланныхъ нами съ Зенкбейлемъ. Поректусъ на все сіе не отвѣтствуетъ прямо, но обязуется присылать ему въ годъ по сту лундоровъ (прислалъ однако-жъ токмо 372 талера по нынѣшнему курсу). Сацердосъ, положившись на сіе слово, дѣлаетъ распоряженія и предпріемлетъ свои мѣры, и въ сіе-то самое время получаетъ отъ Поректуса письмецо, въ которомъ уничтожается вся его надежда. Вообразите же, дражайшій другъ, состояніе Сацердоса! Онъ поражается симъ, якобы громовою стрѣлою; не менѣе и я почувствовалъ морозъ, ліющійся во всемъ моемъ тѣлѣ, узнавъ все сіе обстоятельно, и вотъ истинная причина моей меланхоліи. Вы сами знаете, что я нынѣ стою на самой той степени, гдѣ былъ Сацердосъ, и слѣдовательно, подверженъ той же самой участи. Пожалуйте, успокойте меня и разрѣшите сію загадку, каковой все сіе представляется мнѣ. Впрочемъ, ежели вы имѣете какое-либо сомнѣніе на Сацердоса, то я клянусь вамъ живымъ Богомъ, что онъ преисполненъ чести и богобоязненности, и я истинно не могу равняться ему ни съ которой стороны, ибо въ сравненіи съ нимъ есть мерзокъ и гнусенъ. Самъ мой водитель **) находитъ его таковымъ, какъ я описываю, и онъ во всѣхъ нашихъ работахъ участвуетъ. Но на сей разъ довольно. Почта отходитъ; скажу только, что на сихъ дняхъ водитель мой имѣлъ нужду въ 200 червонцахъ. которые я досталъ ему у нашего посла, давъ ему ассигнацію на Филуса ***). Пожалуйста, не умедлите заплатою, дабы въ случаѣ необходимости имѣть мнѣ надежное прибѣжище. Простите.

124. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 10 іюля, 1791. (14 іюля).

Кстати, любезнѣйшій другъ, замѣшкался я посылкою приложеннаго здѣсь второго векселя, ибо о полученіи перваго таковаго-жъ я отъ тебя еще отвѣту не имѣю; пожалуй, увѣдомь также и о томъ, получилъ-ли ты мой гостинецъ чрезъ музыканта Фирнгабера и поправился-ли гостинецъ.

*) Бар. Шредеръ.
**) Сокъ.
***) И. В. Лопухинъ.

О побѣдѣ за Дунаемъ, одержанной твоимъ Кутузовымъ *), ты, я чаю, уже знаешь изъ вѣдомостей. Я слыхалъ, что сему искусному и храброму генералу пожалованъ крестъ святаго Георгія второй степени. Еще генералъ Гудовичъ, командующій войсками на Кубани, взялъ Анапу съ истребленіемъ множества непріятелей. Мы еще всякій день ожидаемъ новыхъ побѣдъ, и готовы огнемъ и мечемъ сказать „цыцъ" всякому, кто бы ни сунулся.

Писемъ твоихъ при письмѣ къ Тургеневу **) еще не получили.

Что это, братецъ, дѣлается во Франціи-то? Гнѣвъ Божій!

Прости, мой другъ сердечный.

125. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 14 іюля. 1791.—№ 15. (17 іюля).

Уже дней съ двѣнадцать, какъ нѣтъ отъ тебя, мой другъ любезный, писемъ. Дай, Боже, чтобы причиною тому не иное что было, какъ неимѣніе, что писать. О себѣ скажу и о всѣхъ нашихъ, что мы, благодаря Бога, здоровы. Отпиши, мой другъ, что дѣлается съ барономъ ***) и примирился-ли онъ съ дядею; мнѣ очень хочется, чтобъ это примиреніе исполнилось, ибо для временной его жизни это весьма полезно будетъ, а успокоеніе его извнѣ можетъ имѣть инфлюенцію и на внутреннее и открывать его глаза на то паденіе, въ которомъ онъ находится, и таковое воззрѣніе на себя содѣлаетъ, что онъ, отвратясь и изторгнувъ себя изъ паденія, придетъ опять на то мѣсто, съ котораго онъ уклонился. Боже, дай, чтобъ сіе исполнилось, и чтобы онъ покаялся въ томъ письмѣ, которое онъ писалъ къ другу моему Рейхелю; но о семъ писать ясно не могу, но скажу только, что я письмо оное читалъ и что мнѣ больно, что человѣкъ, обязавшійся не именовать предъ другими р. +, забывъ обѣтъ свой, именуетъ друзей своихъ таковыми; прости, мой другъ, писать болѣе нечего. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

126. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 15/26 іюля, 1791. — № 13. (4 августа).

Дражайшій другъ!

Сейчасъ получилъ я письмо отъ господина подполковника и генералисъ адъютанта князя Потемкина, барона Еренаціуса, черезъ котораго отправлено часто упоминаемое мною письмо. Онъ пишетъ ко мнѣ, что всѣ мои письма исправно по надписямъ отдалъ, упоминаемое-жъ мною письмо адресовано на имя Ивана Андреевича Вейдемейера въ письмѣ къ

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

**) Н. П. Тургеневъ.

***) Бар. Шредеръ.

О побѣдѣ за Дунаемъ, одержанной твоимъ Кутузовымъ *), ты, я чаю, уже знаешь изъ вѣдомостей. Я слыхалъ, что сему искусному и храброму генералу пожалованъ крестъ святаго Георгія второй степени. Еще генералъ Гудовичъ, командующій войсками на Кубани, взялъ Анапу съ истребленіемъ множества непріятелей. Мы еще всякій день ожидаемъ новыхъ побѣдъ, и готовы огнемъ и мечемъ сказать „цыцъ" всякому, кто бы ни сунулся.

Писемъ твоихъ при письмѣ къ Тургеневу **) еще не получили.

Что это, братецъ, дѣлается во Франціи-то? Гнѣвъ Божій!

Прости, мой другъ сердечный.

125. Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 14 іюля. 1791.—№ 15. (17 іюля).

Уже дней съ двѣнадцать, какъ нѣтъ отъ тебя, мой другъ любезный, писемъ. Дай, Боже, чтобы причиною тому не иное что было, какъ неимѣніе, что писать. О себѣ скажу и о всѣхъ нашихъ, что мы, благодаря Бога, здоровы. Отпиши, мой другъ, что дѣлается съ барономъ ***) и примирился-ли онъ съ дядею; мнѣ очень хочется, чтобъ это примиреніе исполнилось, ибо для временной его жизни это весьма полезно будетъ, а успокоеніе его извнѣ можетъ имѣть инфлюенцію и на внутреннее и открывать его глаза на то паденіе, въ которомъ онъ находится, и таковое воззрѣніе на себя содѣлаетъ, что онъ, отвратясь и изторгнувъ себя изъ паденія, придетъ опять на то мѣсто, съ котораго онъ уклонился. Боже, дай, чтобъ сіе исполнилось, и чтобы онъ покаялся въ томъ письмѣ, которое онъ писалъ къ другу моему Рейхелю; но о семъ писать ясно не могу, но скажу только, что я письмо оное читалъ и что мнѣ больно, что человѣкъ, обязавшійся не именовать предъ другими р. +, забывъ обѣтъ свой, именуетъ друзей своихъ таковыми; прости, мой другъ, писать болѣе нечего. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

126. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 15/26 іюля, 1791. — № 13. (4 августа).

Дражайшій другъ!

Сейчасъ получилъ я письмо отъ господина подполковника и генералисъ адъютанта князя Потемкина, барона Еренаціуса, черезъ котораго отправлено часто упоминаемое мною письмо. Онъ пишетъ ко мнѣ, что всѣ мои письма исправно по надписямъ отдалъ, упоминаемое-жъ мною письмо адресовано на имя Ивана Андреевича Вейдемейера въ письмѣ къ

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

**) П. П. Тургеневъ.

***) Бар. Шредеръ.

Ивану Петровичу Тургеневу, и такъ вы можете искать его по симъ примѣтамъ. До нынѣ не упоминалъ я о имени Еренаціуса по здѣшнимъ его обстоятельствамъ, дабы не причинить ему вреда, въ случаѣ, ежели не вступилъ онъ въ россійскую службу. Ежели же, паче чаянія, письмо мое пропало, то повторяю здѣсь вкратцѣ содержаніе онаго. По особливой благости Всевышняго, имѣлъ я счастіе вступить въ тѣсную связь съ братомъ, о которомъ мнѣ предлагалъ Велоксъ *), и о которомъ я уже писалъ къ вамъ, и еще съ другимъ братомъ такихъ же высокихъ знаній. Они получили ко мнѣ совершенную довѣренность, а потомъ и къ моему сопутешественнику Сацердосу **) (изъ сего можете заключить, сколь ваши подозрѣнія о семъ братѣ не основательны и сколь жестокъ вашъ поступокъ съ нимъ). Они открыли мнѣ то, о чемъ я писать не смѣю, и думаю, что вы уже сами догадаться можете, съ условіемъ, чтобы по крайней мѣрѣ остаться съ ними здѣсь три года, дабы привести общими трудами въ совершенство наше намѣреніе. Вслѣдствіе чего писалъ я къ вамъ, что ежели вы разсудите за благо участвовать въ ожидаемомъ нами, чтобы приняли надлежащія мѣры для нашего содержанія, и дабы не имѣть со стороны сей никакихъ безпокойствъ, ибо мірскія заботы суть все и главнѣйшее препятствіе. Сдѣлайте самое то же, что вы сдѣлали тому три года назадъ предъ моимъ путешествіемъ въ Парижъ. Ежели-жъ не пожелаете участвовать, то-бъ дать мнѣ наискорѣйшій отвѣтъ, ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ, хотя сіе и больно моему сердцу, принужденъ я буду продать послѣднее мое имѣніе; я говорю „больно“ не для того, чтобъ лишеніе имущества меня огорчало, но сіе будетъ имѣть то слѣдствіе, что я могу получить вражду моего брата ***); но какъ бы то ни было, я рѣшился твердо презрѣть все и шествовать прямо къ цѣли, на которую управляюсь я, такъ сказать, самимъ Провидѣніемъ, ибо ложно и дерзко утверждать мнѣ, что мои достоинства привели меня къ сему. Нѣтъ, любезный другъ! Я совершенно увѣренъ въ моей мерзости. Итакъ, вторично прошу васъ и заклинаю самимъ живымъ Богомъ, не медлите вашимъ отвѣтомъ, а въ первомъ случаѣ не медлите пересылкою кредитива, ибо, какъ уже вамъ сказалъ, спокойствіе духа есть первое условіе при сей работѣ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что и въ томъ, и другомъ случаѣ я пребуду вѣренъ моимъ обязательствамъ и дружба моя къ вамъ непремѣнна. О семъ можете сообщить братьямъ Репертусу ****) и Филусу *****); для прочихъ же да пребываетъ сіе таинствомъ; наипаче да не вѣдаетъ о

*) А. М. Кутузовъ.
**) Бар. Шредеръ.
***) Ф. М. Кутузовъ.
****) Кн. Ю. Н. Трубецкой [?].
*****) П. В. Лопухинъ.

Ивану Петровичу Тургеневу, и такъ вы можете искать его по симъ примѣтамъ. До нынѣ не упоминалъ я о имени Еренаціуса по здѣшнимъ его обстоятельствамъ, дабы не причинить ему вреда, въ случаѣ, ежели не вступилъ онъ въ россійскую службу. Ежели же, паче чаянія, письмо мое пропало, то повторяю здѣсь вкратцѣ содержаніе онаго. По особливой благости Всевышняго, имѣлъ я счастіе вступить въ тѣсную связь съ братомъ, о которомъ мнѣ предлагалъ Велоксъ *), и о которомъ я уже писалъ къ вамъ, и еще съ другимъ братомъ такихъ же высокихъ знаній. Они получили ко мнѣ совершенную довѣренность, а потомъ и къ моему сопутешественнику Сацердосу **) (изъ сего можете заключить, сколь ваши подозрѣнія о семъ братѣ не основательны и сколь жестокъ вашъ поступокъ съ нимъ). Они открыли мнѣ то, о чемъ я писать не смѣю, и думаю, что вы уже сами догадаться можете, съ условіемъ, чтобы по крайней мѣрѣ остаться съ ними здѣсь три года, дабы привести общими трудами въ совершенство наше намѣреніе. Вслѣдствіе чего писалъ я къ вамъ, что ежели вы разсудите за благо участвовать въ ожидаемомъ нами, чтобы приняли надлежащія мѣры для нашего содержанія, и дабы не имѣть со стороны сей никакихъ безпокойствъ, ибо мірскія заботы суть все и главнѣйшее препятствіе. Сдѣлайте самое то же, что вы сдѣлали тому три года назадъ предъ моимъ путешествіемъ въ Парижъ. Ежели-жъ не пожелаете участвовать, то-бъ дать мнѣ наискорѣйшій отвѣтъ, ибо въ семъ послѣднемъ случаѣ, хотя сіе и больно моему сердцу, принужденъ я буду продать послѣднее мое имѣніе; я говорю „больно“ не для того, чтобъ лишеніе имущества меня огорчало, но сіе будетъ имѣть то слѣдствіе, что я могу получить вражду моего брата ***); но какъ бы то ни было, я рѣшился твердо презрѣть все и шествовать прямо къ цѣли, на которую управляюсь я, такъ сказать, самимъ Провидѣніемъ, ибо ложно и дерзко утверждать мнѣ, что мои достоинства привели меня къ сему. Нѣтъ, любезный другъ! Я совершенно увѣренъ въ моей мерзости. Итакъ, вторично прошу васъ и заклинаю самимъ живымъ Богомъ, не медлите вашимъ отвѣтомъ, а въ первомъ случаѣ не медлите пересылкою кредитива, ибо, какъ уже вамъ сказалъ, спокойствіе духа есть первое условіе при сей работѣ. Впрочемъ, будьте увѣрены, что и въ томъ, и другомъ случаѣ я пребуду вѣренъ моимъ обязательствамъ и дружба моя къ вамъ непремѣнна. О семъ можете сообщить братьямъ Репертусу ****) и Филусу *****); для прочихъ же да пребываетъ сіе таинствомъ; наипаче да не вѣдаетъ о

*) А. М. Кутузовъ.
**) Бар. Шредеръ.
***) Ф. М. Кутузовъ.
****) Кн. Ю. Н. Трубецкой [?].
*****) П. В. Лопухинъ.

семъ ни одна изъ женщинъ, иначе подвергаете себя страшному проклятію, — вы давно уже сіе знаете. Въ заключеніи прошу васъ принять во уваженіе состояніе Сацердоса, истинно оно страшно; я клялся ему свято раздѣлять съ нимъ его участь; сію клятву сохраню, сколь бы дорого то мнѣ ни стоило.

Состояніе его съ моимъ нераздѣльно. Нищета и благоденствіе, честь и поруганіе суть намъ общи. Еще прошу не медлить, ибо черезъ то подвергаете мою честь невозвратному поруганію, и не лишите меня того, что Всевышній посылаетъ намъ. Всѣмъ мое братское лобызаніе.

127. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 22 іюля, 1791. — № 14. (8 августа).

Дражайшій другъ! Я писалъ уже къ вамъ о средствахъ для отысканія пропадающаго моего письма, повторилъ также и содержаніе онаго, теперь же скажу вамъ на послѣднее ваше письмо, что все, описаное мною, происходитъ подъ смотрѣніемъ Сока, а упоминаемый мною пріятель живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ; безъ Сока не получилъ бы я и знакомства его и, слѣдовательно, съ сей стороны можете быть спокойны. Я самъ знаю, что сіе не должно быть главною цѣлію, но извѣстно вамъ, что сіе служитъ почти неложнымъ къ тому средствомъ. Обязательствы мои суть для меня святы, какъ то писалъ я и въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Здѣсь прилагаю вамъ письмо отъ барона *) и, ежели моя просьба что-либо возможетъ, то прошу принять во уваженіе горестное положеніе сего брата, которому по истинѣ оказано много жестокости. Простите, писать некогда, иду къ Соку.

128. Бар. ШРЕДЕРЪ — Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 24 іюля, 1791. (8 августа).

Liebster Freund und Bruder!

Es freuete mich von Ihrer Feder selbst zu lesen: «Vous avez toutes les raisons de m'appeler un ami refroidi — de me croire tout à fait changé en regard à Vous». Ich schweige daher ganz über dies delicate Capitel, weil ich vorzüglich in Ihrem darauf folgenden Billetchen die mir freylich höchst unwahrscheinlich vorkommende Paradoxe, Bestätigung Ihrer Freundschaft erhalten, und alles nun für — fausse delicatesse halten soll. Es scheinet mir zwar gegen einen Mann, der in der Gefahr ist täglich in die Hände der Polizey zu fallen, der so maltraitiert ist, als Sie mich vor 4 Jahren in Moskau auf Befehl der H[erren] O[bern] maltraitirt haben, wäre diese Delicatesse, die Sie doch nicht bezeugten, wie Sie die Gesetze des

*) Бар. Шредеръ.

семъ ни одна изъ женщинъ, иначе подвергаете себя страшному проклятію, — вы давно уже сіе знаете. Въ заключеніи прошу васъ принять во уваженіе состояніе Сацердоса, истинно оно страшно; я клялся ему свято раздѣлять съ нимъ его участь; сію клятву сохраню, сколь бы дорого то мнѣ ни стоило.

Состояніе его съ моимъ нераздѣльно. Нищета и благоденствіе, честь и поруганіе суть намъ общи. Еще прошу не медлить, ибо черезъ то подвергаете мою честь невозвратному поруганію, и не лишите меня того, что Всевышній посылаетъ намъ. Всѣмъ мое братское лобызаніе.

127. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 22 іюля, 1791. — № 14. (8 августа).

Дражайшій другъ! Я писалъ уже къ вамъ о средствахъ для отысканія пропадающаго моего письма, повторилъ также и содержаніе онаго, теперь же скажу вамъ на послѣднее ваше письмо, что все, описаное мною, происходитъ подъ смотрѣніемъ Сока, а упоминаемый мною пріятель живетъ съ нимъ въ одномъ домѣ; безъ Сока не получилъ бы я и знакомства его и, слѣдовательно, съ сей стороны можете быть спокойны. Я самъ знаю, что сіе не должно быть главною цѣлію, но извѣстно вамъ, что сіе служитъ почти неложнымъ къ тому средствомъ. Обязательствы мои суть для меня святы, какъ то писалъ я и въ послѣднемъ моемъ письмѣ. Здѣсь прилагаю вамъ письмо отъ барона *) и, ежели моя просьба что-либо возможетъ, то прошу принять во уваженіе горестное положеніе сего брата, которому по истинѣ оказано много жестокости. Простите, писать некогда, иду къ Соку.

128. Бар. ШРЕДЕРЪ — Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 24 іюля, 1791. (8 августа).

Liebster Freund und Bruder!

Es freuete mich von Ihrer Feder selbst zu lesen: «Vous avez toutes les raisons de m'appeler un ami refroidi — de me croire tout à fait changé en regard à Vous». Ich schweige daher ganz über dies delicate Capitel, weil ich vorzüglich in Ihrem darauf folgenden Billetchen die mir freylich höchst unwahrscheinlich vorkommende Paradoxe, Bestätigung Ihrer Freundschaft erhalten, und alles nun für — fausse delicatesse halten soll. Es scheinet mir zwar gegen einen Mann, der in der Gefahr ist täglich in die Hände der Polizey zu fallen, der so maltraitiert ist, als Sie mich vor 4 Jahren in Moskau auf Befehl der H[erren] O[bern] maltraitirt haben, wäre diese Delicatesse, die Sie doch nicht bezeugten, wie Sie die Gesetze des

*) Бар. Шредеръ.

Völker-und Naturrechts gegen mich übertraten und par force meine Papiere haben wollten, um sie an unbekannte (das heisst, damals noch unbekannte) Menschen zu übersenden, sehr übel angebracht, aber ich erinnere mich, dass ich noch keinen Fall weiss, wo Sie eine schlechte Absicht zum Zweck Ihrer Handlungen gehabt haben, und dass Sie eine viel zu sanguinische Seele besitzen, als dass es Ihnen möglich wäre einen Menschen, der Sie nie beleidiget hat, zu hassen. Ich will Ihnen also alles, was Sie schreiben, aufs Wort glauben, wenn sich mein Kopf und mein Herz auch gegen manches empört wie zum Beispiele, wenn ich Ihre Schilderungen von L-p-n *) seiner derangierten Lage und ebendesselben L-p-n seine verschiedene Vorschläge an Velox **) miteinander verbinde — sapienti sat!

Wenn Sie meinen Brief, den ich Ausgangs April mit dem Obersten Erenatius, der nach S-t Petersburg reiste, übersand, bekommen haben, so werden Sie bereits wissen, dass ich schon lange die Hoffnung von Ihren, oder von irgend einem meiner dortigen BBrr. geholfen zu werden (die mir nur mein eigen Geld verschaffen sollten) aufgegeben und bereits schon im April durch den Br. Heliconus ***) auf ein Jahr aus der Gefahr im Schuldthurm zu verschmachten gerissen bin, welche Gefahr über meinem Haupte nicht wegen 1.000 Louis d'or, wie Sie schreiben, sondern nur wegen 300, wie ich schrieb, schwebte. Wie sehr es mein Herz durchstochen, dass der Mann, auf den ich mich, wie auf einen leiblichen Bruder verlassen hatte, nicht einmal die Summe wusste, die mich zu Boden drückte, und statt 300 Louis d'or von 1.000 schreibt, mag Ihr eigenes Herz beurtheilen. Ich sah wenigstens daraus, mit welchem Geist Sie meine Noth gelesen und wie sehr Sie sie zu Herzen genommen. Es muss mir zwar höchst sonderbar vorkommen, wenn ich in Berl[in] von Ihren eigenen unmittelbaren Obern seit 3 Jahren zu den höchsten Versammlungen als Mitglied zugelassen worden, in welche weder Sie, noch ein einziger Russischer Bruder kommen dürfte, oder höchstens nur als Gast; wenn ich als unschuldig Ihnen bekannt gemacht worden, und wenn sogar Heliconus ***) erstaunet, dass Sie nicht wieder mit mir so umgehen, wie vor diesem, dass Sie noch immer in einem Ton an mich schreiben, als wenn ich ein Ketzer oder Sectirer wäre. Sie sagen: sur plusieurs points, sur tous les principaux, je suis tout-à-fait d'un autre sentiment, que Vous, et je pleure l'état malheureux où Vous tiennent jusqu'à présent Vos subçons ****) und s. w. Wir lebten viele Monate in Eintracht und in völliger Übereinstimmung unserer Grundsätze, wir liebten uns, und Sie sahen in

---

*) И. В. Лопухинъ.
**) А. М. Кутузовъ.
***) Велльперъ.
****) Такъ въ подлинникѣ: subçons.

Völker-und Naturrechts gegen mich übertraten und par force meine Papiere haben wollten, um sie an unbekannte (das heisst, damals noch unbekannte) Menschen zu übersenden, sehr übel angebracht, aber ich erinnere mich, dass ich noch keinen Fall weiss, wo Sie eine schlechte Absicht zum Zweck Ihrer Handlungen gehabt haben, und dass Sie eine viel zu sanguinische Seele besitzen, als dass es Ihnen möglich wäre einen Menschen, der Sie nie beleidiget hat, zu hassen. Ich will Ihnen also alles, was Sie schreiben, aufs Wort glauben, wenn sich mein Kopf und mein Herz auch gegen manches empört wie zum Beispiele, wenn ich Ihre Schilderungen von L-p-n *) seiner derangierten Lage und ebendesselben L-p-n seine verschiedene Vorschläge an Velox **) miteinander verbinde — sapienti sat!

Wenn Sie meinen Brief, den ich Ausgangs April mit dem Obersten Erenatius, der nach S-t Petersburg reiste, übersand, bekommen haben, so werden Sie bereits wissen, dass ich schon lange die Hoffnung von Ihren, oder von irgend einem meiner dortigen BBrr. geholfen zu werden (die mir nur mein eigen Geld verschaffen sollten) aufgegeben und bereits schon im April durch den Br. Heliconus ***) auf ein Jahr aus der Gefahr im Schuldthurm zu verschmachten gerissen bin, welche Gefahr über meinem Haupte nicht wegen 1.000 Louis d'or, wie Sie schreiben, sondern nur wegen 300, wie ich schrieb, schwebte. Wie sehr es mein Herz durchstochen, dass der Mann, auf den ich mich, wie auf einen leiblichen Bruder verlassen hatte, nicht einmal die Summe wusste, die mich zu Boden drückte, und statt 300 Louis d'or von 1.000 schreibt, mag Ihr eigenes Herz beurtheilen. Ich sah wenigstens daraus, mit welchem Geist Sie meine Noth gelesen und wie sehr Sie sie zu Herzen genommen. Es muss mir zwar höchst sonderbar vorkommen, wenn ich in Berl[in] von Ihren eigenen unmittelbaren Obern seit 3 Jahren zu den höchsten Versammlungen als Mitglied zugelassen worden, in welche weder Sie, noch ein einziger Russischer Bruder kommen dürfte, oder höchstens nur als Gast; wenn ich als unschuldig Ihnen bekannt gemacht worden, und wenn sogar Heliconus ***) erstaunet, dass Sie nicht wieder mit mir so umgehen, wie vor diesem, dass Sie noch immer in einem Ton an mich schreiben, als wenn ich ein Ketzer oder Sectirer wäre. Sie sagen: sur plusieurs points, sur tous les principaux, je suis tout-à-fait d'un autre sentiment, que Vous, et je pleure l'état malheureux où Vous tiennent jusqu'à présent Vos subçons ****) und s. w. Wir lebten viele Monate in Eintracht und in völliger Übereinstimmung unserer Grundsätze, wir liebten uns, und Sie sahen in

---

*) П. В. Лопухинъ.
**) А. М. Кутузовъ.
***) Вельперъ.
****) Такъ въ подлинникѣ: subçons.

mir nicht den Mann, der mit Ihnen in den Hauptpunkten nicht übereinstimme, vielmehr erinnere ich mich, dass wir auch in keinem einzigen Punkte disharmonierten, sogar, dass Sie einen angeborenen Widerwillen gegen Sudeleien mit dem höllischen zerstörenden, tödtenden und von Gott verfluchten Δ hatten, und ich auch; darauf war ich grosser Verbrechen angeklaget, und ich nehme es Ihnen wenig übel, das Sie Ihr Urtheil über mich dispensierten, bis Sie erfahren, ob ich unschuldig oder schuldig wäre, dass ich mich vielmehr wundere, wie Sie es mir übel nehmen, wenn ich misstrauisch gegen Personen bin, von welchen ich mehr Laster kenne, als Sie Verirrungen von mir lasen. Endlich ward ich aber freygesprochen, für unschuldig erklärt; ich habe nicht allein die Erklärung gelesen, sondern auch Ihre Antwort musste mir Soc, der mein Todfeind gewisser Ursachen wegen ist, auf Heliconus *) Befehl in meine Hände geben. Ich zweifelte damals, dass man diese Erklärung nach Moskau so geschickt hatte, wie Heliconus *) sie mir vorgelesen, weil ich glaubte sobald diese dort angelangt wäre, würden alle Brüder mir glückwünschen, dass ich nicht solcher Teufel geworden, wie man von mir geschrieben und wofür man mich gehalten hatte. Vorzüglich erwartete ich von Ihrer Christlichen Denkungsart, von Ihrer Freundschaft und Liebe für mich, die Sie mir so oft mit Worten aber noch nie mit That bewiesen hatten, dass Ihr Herz ganz gegen mich in Freude über meine Rechtfertigung ausbrechen würde, aber—o, lassen Sie mich schweigen! Mein Herz mögte mir noch heute, nach so viel Jahren im Leibe vor bittern Schmerz zerspringen, wenn ich nur daran denke? Glauben Sie mir aber bey dem lebendigen Gott: ich habe noch dieselben Hauptgrundsätze, die ich in Moskau hatte, die damals das Glück Ihres Lebens machten und die Sie unmöglich verleugnet haben können ohne sich der Sünde wider dem Heiligen Geist schuldig zu machen, ohne ein eingefleischter Teufel geworden zu seyn. Hätten Sie gewisse Menschen so in der Nähe gesehen und gekannt, als ich, sie müssten so denken, als ich, oder ein Bösewicht seyn: das ist ja aber kein Glaubensartikel. Wann sich wahre Obern einmal entdecken, glauben Sie doch nicht, dass Sie einen armen schwachen Menschen darnach beurtheilen, wie er von diesem oder jenem Individuo denkt, sondern wie der Grund seines Herzens beschaffen ist. Zweifel an einzelnen Personen, die sich täglich den gröbsten und oft unnatürlichen Sünden überlassen, ist ja nicht Zweifel an Wahrheiten, an Ordenslehren und s. w. Das Blut Jesu Christi macht uns rein von unseren Sünden; nicht sein äusseres Leiden allein, sondern der Prozess in uns selbst, der mit dem Äussern ganz übereinstimmt, weil Gott nicht Gott wäre, wenn seine Wirkungen im Innern und Äussern nicht übereinstimmten. Dies ist der Fundamentalpunkt meines Glaubens, meiner

*) Веллнеръ.

mir nicht den Mann, der mit Ihnen in den Hauptpunkten nicht übereinstimme, vielmehr erinnere ich mich, dass wir auch in keinem einzigen Punkte disharmonierten, sogar, dass Sie einen angeborenen Widerwillen gegen Sudeleien mit dem höllischen zerstörenden, tödtenden und von Gott verfluchten Δ hatten, und ich auch; darauf war ich grosser Verbrechen angeklaget, und ich nehme es Ihnen wenig übel, das Sie Ihr Urtheil über mich dispensierten, bis Sie erfahren, ob ich unschuldig oder schuldig wäre, dass ich mich vielmehr wundere, wie Sie es mir übel nehmen, wenn ich misstrauisch gegen Personen bin, von welchen ich mehr Laster kenne, als Sie Verirrungen von mir lasen. Endlich ward ich aber freygesprochen, für unschuldig erklärt; ich habe nicht allein die Erklärung gelesen, sondern auch Ihre Antwort musste mir Soc, der mein Todfeind gewisser Ursachen wegen ist, auf Heliconus *) Befehl in meine Hände geben. Ich zweifelte damals, dass man diese Erklärung nach Moskau so geschickt hatte, wie Heliconus *) sie mir vorgelesen, weil ich glaubte sobald diese dort angelangt wäre, würden alle Brüder mir glückwünschen, dass ich nicht solcher Teufel geworden, wie man von mir geschrieben und wofür man mich gehalten hatte. Vorzüglich erwartete ich von Ihrer Christlichen Denkungsart, von Ihrer Freundschaft und Liebe für mich, die Sie mir so oft mit Worten aber noch nie mit That bewiesen hatten, dass Ihr Herz ganz gegen mich in Freude über meine Rechtfertigung ausbrechen würde, aber—o, lassen Sie mich schweigen! Mein Herz mögte mir noch heute, nach so viel Jahren im Leibe vor bittern Schmerz zerspringen, wenn ich nur daran denke? Glauben Sie mir aber bey dem lebendigen Gott: ich habe noch dieselben Hauptgrundsätze, die ich in Moskau hatte, die damals das Glück Ihres Lebens machten und die Sie unmöglich verleugnet haben können ohne sich der Sünde wider dem Heiligen Geist schuldig zu machen, ohne ein eingefleischter Teufel geworden zu seyn. Hätten Sie gewisse Menschen so in der Nähe gesehen und gekannt, als ich, sie müssten so denken, als ich, oder ein Bösewicht seyn: das ist ja aber kein Glaubensartikel. Wann sich wahre Obern einmal entdecken, glauben Sie doch nicht, dass Sie einen armen schwachen Menschen darnach beurtheilen, wie er von diesem oder jenem Individuo denkt, sondern wie der Grund seines Herzens beschaffen ist. Zweifel an einzelnen Personen, die sich täglich den gröbsten und oft unnatürlichen Sünden überlassen, ist ja nicht Zweifel an Wahrheiten, an Ordenslehren und s. w. Das Blut Jesu Christi macht uns rein von unseren Sünden; nicht sein äusseres Leiden allein, sondern der Prozess in uns selbst, der mit dem Äussern ganz übereinstimmt, weil Gott nicht Gott wäre, wenn seine Wirkungen im Innern und Äussern nicht übereinstimmten. Dies ist der Fundamentalpunkt meines Glaubens, meiner

*) Веллнеръ.

Religion und meines Studii. Unterstehen Sie sich diesen mit Füssen zu treten? Wenn Sie es nicht können, wie ich gewiss bin, dass Sie es nicht können, so lassen Sie uns wieder als Brüder miteinander umgehen und gewisse Personen nicht erwähnen, die Ihnen bald, sehr bald, ich könnte Ihnen die Zeit bestimmen, wann! in ihrem wahren Lichte erscheinen werden! nur Geduld!

Da Sie doch den unglücklichen Zustand bedauern, worin ich mich, wie Sie schreiben, durch mein Misstrauen gestürzt habe; so lege ich einen Brief meines alten reichen, sehr reichen Oncle und seiner Frau vom January hiebey, worin dieser alte redliche Greis einmal ganz von Herzen spricht. Sie werden daraus gründlicher den Ursprung meines Unglücks sehen, als Sie ihn in Ihrem Briefe angeben. Gerade ein unumgeschränktes Vertrauen und nicht Misstrauen ist schuld, dass ich, nachdem ich bereits ins 5-te Jahr, ein Leben geführet, das zum Erbarmen war, endlich kein Mittel mehr weiss, wovon ich leben soll. In der Noth, worin ich armer Mensch gerathen bin, dass ich mich jetzt von Ihnen und Ihren RBrr. als einen Bettler von Condition behandelt sehen muss, darin besteht mein Elend. Ich habe alle Versuche gemacht, meinen Oncle umzustimmen, wie ich Ihnen in dem erwähnten Briefe davon schrieb, dass ich es thun wollte, aber vergebens, — er bestehet darauf, ich solle allen meinen Verbindungen mit Ihnen und dem Orden entsagen; Sie beyde wären schuld an meiner jetzigen Lage und ohne dem will er nichts von mir wissen. Da ich das nun nicht thun kann nach meinem Gewissen, und wenn ich noch ärger maltraitirt würde, so kann ich nicht auf seine Hülfe rechnen, vielmehr sitze ich aufs neue im Labirinth. Ich habe Berlin verlassen, um doch meinen Oncle einigermassen zu beruhigen und bin hierher in eine freye Reichsstadt gezogen, lebe ohne Bedienten, ich klopfe selbst meine Kleider aus, und putze mir selbst meine Schuhe, kurz ich lebe hier wie der gemeinste ärmste Bürger, aber ich habe kein Geld als ein paar Goldstücke, die kaum solange hinreichen, bis ich Ihre Antwort erhalte, und wenn diese Antwort wieder eine Versicherung Ihrer Freundschaft und keine Wechsel erhält, so bin ich ganz ohne Wiederbringung verloren, aber nicht durch meine strafbare Grundsätze, sondern weil ich durch das erste Band, welches ich mit Ihnen, Ihrem Brud[er] und dem Orden zu knüpfen glaubte, um die Liebe meines Oncles gekommen, der mir einst die schönsten Güter anbot, die ich ausschlug und jetzt elender leben muss, als mancher Diener, den ich mir hätte halten können. Sie werden sagen, ich sey unverschämt, was ich denn immer haben wollte. Das sollen Sie in wenig Worten wiederholt hören. Ich will nichts, als dass Sie mir Ihre gegebene Parole vom vorigen Jahre halten und mir die versprochenen 100 Louis d'or aufs 1791 schicken, wovon ich schon einen Theil an Simpson schuldig bin, der mir die ganze Summe nicht

Religion und meines Studii. Unterstehen Sie sich diesen mit Füssen zu treten? Wenn Sie es nicht können, wie ich gewiss bin, dass Sie es nicht können, so lassen Sie uns wieder als Brüder miteinander umgehen und gewisse Personen nicht erwähnen, die Ihnen bald, sehr bald, ich könnte Ihnen die Zeit bestimmen, wann! in ihrem wahren Lichte erscheinen werden! nur Geduld!

Da Sie doch den unglücklichen Zustand bedauern, worin ich mich, wie Sie schreiben, durch mein Misstrauen gestürzt habe; so lege ich einen Brief meines alten reichen, sehr reichen Oncle und seiner Frau vom January hiebey, worin dieser alte redliche Greis einmal ganz von Herzen spricht. Sie werden daraus gründlicher den Ursprung meines Unglücks sehen, als Sie ihn in Ihrem Briefe angeben. Gerade ein unumgeschränktes Vertrauen und nicht Misstrauen ist schuld, dass ich, nachdem ich bereits ins 5-te Jahr, ein Leben geführet, das zum Erbarmen war, endlich kein Mittel mehr weiss, wovon ich leben soll. In der Noth, worin ich armer Mensch gerathen bin, dass ich mich jetzt von Ihnen und Ihren RBrr. als einen Bettler von Condition behandelt sehen muss, darin besteht mein Elend. Ich habe alle Versuche gemacht, meinen Oncle umzustimmen, wie ich Ihnen in dem erwähnten Briefe davon schrieb, dass ich es thun wollte, aber vergebens, — er bestehet darauf, ich solle allen meinen Verbindungen mit Ihnen und dem Orden entsagen; Sie beyde wären schuld an meiner jetzigen Lage und ohne dem will er nichts von mir wissen. Da ich das nun nicht thun kann nach meinem Gewissen, und wenn ich noch ärger maltraitirt würde, so kann ich nicht auf seine Hülfe rechnen, vielmehr sitze ich aufs neue im Labirinth. Ich habe Berlin verlassen, um doch meinen Oncle einigermassen zu beruhigen und bin hierher in eine freye Reichsstadt gezogen, lebe ohne Bedienten, ich klopfe selbst meine Kleider aus, und putze mir selbst meine Schuhe, kurz ich lebe hier wie der gemeinste ärmste Bürger, aber ich habe kein Geld als ein paar Goldstücke, die kaum solange hinreichen, bis ich Ihre Antwort erhalte, und wenn diese Antwort wieder eine Versicherung Ihrer Freundschaft und keine Wechsel erhält, so bin ich ganz ohne Wiederbringung verloren, aber nicht durch meine strafbare Grundsätze, sondern weil ich durch das erste Band, welches ich mit Ihnen, Ihrem Brud[er] und dem Orden zu knüpfen glaubte, um die Liebe meines Oncles gekommen, der mir einst die schönsten Güter anbot, die ich ausschlug und jetzt elender leben muss, als mancher Diener, den ich mir hätte halten können. Sie werden sagen, ich sey unverschämt, was ich denn immer haben wollte. Das sollen Sie in wenig Worten wiederholt hören. Ich will nichts, als dass Sie mir Ihre gegebene Parole vom vorigen Jahre halten und mir die versprochenen 100 Louis d'or aufs 1791 schicken, wovon ich schon einen Theil an Simpson schuldig bin, der mir die ganze Summe nicht

avanciren konnte, wie ich reisete, weil er gerade nicht so viel hatte, und was er mir avancirte, ist auf der Reise und in der Zeit, dass ich hier lebe, welches schon 3 Monate ist, daraufgegangen. Wenn Sie die 100 Louis d'or, die Sie mir vor ein Jahr schicken, etwa auf dies Jahr rechnen wollen, so bitte ich Sie den Bruder Repertus einmal zu fragen, wie viel Interessen an Juden man davon bezahlen kann. Es gereuet mich noch nicht die Schätze meines Oncles ausgeschlagen und mich dem Orden gewidmet zu haben, wenn ich nur nicht am Ende Hungers sterben soll. Meine ganze Ambition, oder Pretension, oder wie Sie es nennen wollen, gehet dahin— durch meiner Hände Arbeit mein Brod zu verdienen, wenn Senkbeil nach Moskau gekommen wäre, hätten Sie Ihm gewiss Ihre Parole gehalten. das Sie mir dasselbe thun, mir folglich wenigstens etwas Geld schicken und bis zum künftigen Frühling von meinem Gelde so viel schicken, dass ich das Capital und Interessen, wofür Heliconus cavirt hat, bezahlen kann; Heliconus weinte bitterlich, wenn ich ihm einen Theil meines Elends schilderte, und unterchrieb selbst den Wechsel! Das ist alles, was ich von Ihnen und Ihrer ganzen Bruderschaft bitte und wofür ich Ihnen meine Bedingungen auch als ein ehrlicher Mann halte: für Sie aus lateinischen Autoren übersetzen will, was Senkbeil nicht übersetzt haben würde, nicht übersetzen konnte, mir aber auch eben die Freiheit, die Sie Senkbeil accordirten ausbitte, nähmlich in meiner Arbeit weder genirt, noch pressirt zu werden. Ich entsage allen Ansprüchen an Logenmeister und dergleichen Ehrentiteln; in der Stille will ich mein Leben hier zubringen, bis Gott es anders über mich verhängt! Vielleicht glauben Sie, ich könne mich mit Velox nicht vertragen und habe mich deswegen von ihm entfernt: da irren Sie so sehr, dass ich Ihnen vielmehr sage, dass ich den Bruder Velox nicht allein hochschätze, wenn ich mich auch manchemal über sein Phlegma einwenig geärgert habe, und dass ich Sie wahrhaftig nicht so wiederholentlich bitten würde, wenn er so viel baar Geld hätte, dass er mich unterstützen könnte: er hat mich kennen lernen, wie mich gerade die ganze Welt verliess, Sie und Ihre Brüder wegen mein Misstrauen und mein Oncle wegen mein Vertrauen. Er, Velox, ward sogar von seinen Oberen gegen mich preveniert. Alle diese Intriguen sind vorbey, und ich versichere Ihnen — noch heute theilte er seinen lezten Heller mit mir und weiss, dass ichs mit ihm thun werde. Es konnte aber schon einmal nicht anders werden. In Berlin musste ich viel mehr Aufwand machen, als hier; ich musste einen Bedienten haben, in honneter Kleidung gehen und s. w. Das ist hier in einer freien Reichsstadt alles nicht nöthig, hier kann ich von 100 Louis d'or leben, in Berlin nicht; da fragen Sie mir Velox selbst! Es ist in Berlin alles seit kurzem so entsetzlich theuer geworden. Ja ich wiederhole es, wäre Velox bei Geld, ich hätte Ihnen keine Silbe geschrieben, aber leider will mein Unglück, dass er mir nicht helfen kann!

avanciren konnte, wie ich reisete, weil er gerade nicht so viel hatte, und was er mir avancirte, ist auf der Reise und in der Zeit, dass ich hier lebe, welches schon 3 Monate ist, daraufgegangen. Wenn Sie die 100 Louis d'or, die Sie mir vor ein Jahr schicken, etwa auf dies Jahr rechnen wollen, so bitte ich Sie den Bruder Repertus einmal zu fragen, wie viel Interessen an Juden man davon bezahlen kann. Es gereuet mich noch nicht die Schätze meines Oncles ausgeschlagen und mich dem Orden gewidmet zu haben, wenn ich nur nicht am Ende Hungers sterben soll. Meine ganze Ambition, oder Pretension, oder wie Sie es nennen wollen, gehet dahin— durch meiner Hände Arbeit mein Brod zu verdienen, wenn Senkbeil nach Moskau gekommen wäre, hätten Sie Ihm gewiss Ihre Parole gehalten. das Sie mir dasselbe thun, mir folglich wenigstens etwas Geld schicken und bis zum künftigen Frühling von meinem Gelde so viel schicken, dass ich das Capital und Interessen, wofür Heliconus cavirt hat, bezahlen kann; Heliconus weinte bitterlich, wenn ich ihm einen Theil meines Elends schilderte, und unterchrieb selbst den Wechsel! Das ist alles, was ich von Ihnen und Ihrer ganzen Bruderschaft bitte und wofür ich Ihnen meine Bedingungen auch als ein ehrlicher Mann halte: für Sie aus lateinischen Autoren übersetzen will, was Senkbeil nicht übersetzt haben würde, nicht übersetzen konnte, mir aber auch eben die Freiheit, die Sie Senkbeil accordirten ausbitte, nähmlich in meiner Arbeit weder genirt, noch pressirt zu werden. Ich entsage allen Ansprüchen an Logenmeister und dergleichen Ehrentiteln; in der Stille will ich mein Leben hier zubringen, bis Gott es anders über mich verhängt! Vielleicht glauben Sie, ich könne mich mit Velox nicht vertragen und habe mich deswegen von ihm entfernt: da irren Sie so sehr, dass ich Ihnen vielmehr sage, dass ich den Bruder Velox nicht allein hochschätze, wenn ich mich auch manchemal über sein Phlegma einwenig geärgert habe, und dass ich Sie wahrhaftig nicht so wiederholentlich bitten würde, wenn er so viel baar Geld hätte, dass er mich unterstützen könnte: er hat mich kennen lernen, wie mich gerade die ganze Welt verliess, Sie und Ihre Brüder wegen mein Misstrauen und mein Oncle wegen mein Vertrauen. Er, Velox, ward sogar von seinen Oberen gegen mich preveniert. Alle diese Intriguen sind vorbey, und ich versichere Ihnen — noch heute theilte er seinen lezten Heller mit mir und weiss, dass ichs mit ihm thun werde. Es konnte aber schon einmal nicht anders werden. In Berlin musste ich viel mehr Aufwand machen, als hier; ich musste einen Bedienten haben, in honneter Kleidung gehen und s. w. Das ist hier in einer freien Reichsstadt alles nicht nöthig, hier kann ich von 100 Louis d'or leben, in Berlin nicht; da fragen Sie mir Velox selbst! Es ist in Berlin alles seit kurzem so entsetzlich theuer geworden. Ja ich wiederhole es, wäre Velox bei Geld, ich hätte Ihnen keine Silbe geschrieben, aber leider will mein Unglück, dass er mir nicht helfen kann!

Aus der Überschrift dieses Briefes werden Sie sehen, dass es ganz unnöthig war, mir eine grosse Verschwiegenheit wegen meines Zustandes zu empfehlen, da ich hier keinen einzigen Bekannten habe, dass ich nach Moskau mit niemand correspondiere; wissen Sie, denn ich muss Ihnen sagen, Peter Alexejewitsch *) hätte mich nicht im Stiche gelassen, wenn ich ohne durch Ihren Canal mit ihm correspondiert hätte. Wenn er mich in solchem Elende stecken lässt, wie ihm meine Briefe angekündigt haben, so weiss ich wohl, woher es kommt, Sie wissen es noch besser, und also hierüber kein Wort weiter, ich bin einmal im Unglück, und ein Unglücklicher wird von der ganzen Welt verachtet, besonders wenn Partheygeist oder Sectenhass im Spiele ist. Für Velox kann unsere Compagnie aber keine Geheimnisse haben, er ist ja selbst ein Haupt davon. Wir haben ihm ja selbst dazu creirt. Oft habe ich mir schon gedacht, sollten Sie mich vielleicht für einen Cacomagum halten, weil ich Ihnen einmal was von Magie schrieb! Das wäre entsetzlich und fehlte nur noch, um mich aller Hoffnung vollends zu berauben; ich muss Ihnen aber sagen, dass Velox meine ganze Arbeit kennet, und dass er, so wie ich, überzeugt ist, dass sie heilig und unschuldig ist und wohl dem Menshenkinde, der von Gott gewürdiget wird, sie zu unternehmen. Hätten Sie und Ihr Haus mit Otschakowa so gehandelt, wie Sie es Gott, dem Orden und Ihren Generals versprochen hatten, so würde vielleicht irgend ein Bruder, vielleicht Velox selbst, diese Arbeit dort unternehmen können, und wenn ich mir nachdenke, wie heilig, wie gewiss, die Versicherungen im Anfang meiner Ueberkunft nach Moskau bey I. G. Schwarz Lebzeiten dieses Gutes wegen waren, und dann innere Vergleiche anstelle und mir selbst sage: Sollte man dir wohl besser Parole halten als Gott, dem Orden und Ordensbrüder, dann werde ich einmal recht melancholisch und alle Menschen nennen mich dann hypochondrisch! Ins 5 te Jahr habe ich noch keine Nachricht, ob meine wichtigen Schriften noch versiegelt sind. Sie haben abermals ein schöneres Haus bezogen, ist das Siegel auch beym Umziehen zerbrochen? ist das edel gehandelt? Meine Empfehlung an die Brüder unseres Ordens, an Ihre Familie und an alle die mich nicht mit verfluchen!

129. Ф. Г. ШРЕДЕРЪ — Г. [Я.] ШРЕДЕРУ.

[Приложено къ предыдущему письму].

Ростокъ. 25 января, 1791.

Mein lieber Vetter!

Dero beyde Briefe sind richtig eingegangen. Für den Revers danke ich; aber Wilhelm soll noch zur Zeit nichts davon wissen, um erst seine Wirtschaft näher kennen zu lernen. Dass Sie mir alle Hoffnung benehmen

*) И. А. Татищевъ.

Aus der Überschrift dieses Briefes werden Sie sehen, dass es ganz unnöthig war, mir eine grosse Verschwiegenheit wegen meines Zustandes zu empfehlen, da ich hier keinen einzigen Bekannten habe, dass ich nach Moskau mit niemand correspondiere; wissen Sie, denn ich muss Ihnen sagen, Peter Alexejewitsch *) hätte mich nicht im Stiche gelassen, wenn ich ohne durch Ihren Canal mit ihm correspondiert hätte. Wenn er mich in solchem Elende stecken lässt, wie ihm meine Briefe angekündigt haben, so weiss ich wohl, woher es kommt, Sie wissen es noch besser, und also hierüber kein Wort weiter, ich bin einmal im Unglück, und ein Unglücklicher wird von der ganzen Welt verachtet, besonders wenn Partheygeist oder Sectenhass im Spiele ist. Für Velox kann unsere Compagnie aber keine Geheimnisse haben, er ist ja selbst ein Haupt davon. Wir haben ihm ja selbst dazu creirt. Oft habe ich mir schon gedacht, sollten Sie mich vielleicht für einen Cacomagum halten, weil ich Ihnen einmal was von Magie schrieb! Das wäre entsetzlich und fehlte nur noch, um mich aller Hoffnung vollends zu berauben; ich muss Ihnen aber sagen, dass Velox meine ganze Arbeit kennet, und dass er, so wie ich, überzeugt ist, dass sie heilig und unschuldig ist und wohl dem Menshenkinde, der von Gott gewürdiget wird, sie zu unternehmen. Hätten Sie und Ihr Haus mit Otschakowa so gehandelt, wie Sie es Gott, dem Orden und Ihren Generals versprochen hatten, so würde vielleicht irgend ein Bruder, vielleicht Velox selbst, diese Arbeit dort unternehmen können, und wenn ich mir nachdenke, wie heilig, wie gewiss, die Versicherungen im Anfang meiner Ueberkunft nach Moskau bey I. G. Schwarz Lebzeiten dieses Gutes wegen waren, und dann innere Vergleiche anstelle und mir selbst sage: Sollte man dir wohl besser Parole halten als Gott, dem Orden und Ordensbrüder, dann werde ich einmal recht melancholisch und alle Menschen nennen mich dann hypochondrisch! Ins 5 te Jahr habe ich noch keine Nachricht, ob meine wichtigen Schriften noch versiegelt sind. Sie haben abermals ein schöneres Haus bezogen, ist das Siegel auch beym Umziehen zerbrochen? ist das edel gehandelt? Meine Empfehlung an die Brüder unseres Ordens, an Ihre Familie und an alle die mich nicht mit verfluchen!

129. Ф. Г. ШРЕДЕРЪ — Г. [Я.] ШРЕДЕРУ.

[Приложено къ предыдущему письму].

Ростокъ. 25 января, 1791.

Mein lieber Vetter!

Dero beyde Briefe sind richtig eingegangen. Für den Revers danke ich; aber Wilhelm soll noch zur Zeit nichts davon wissen, um erst seine Wirtschaft näher kennen zu lernen. Dass Sie mir alle Hoffnung benehmen

*) И. А. Татищевъ.

uns noch in diesem Leben zu sehen, ist mir leid und um so unerwarteter, als Sie sich nicht weit von hier befinden, und immer incognito hätten kommen können.

Meine Frau ist seit 6 Wochen wiederum sehr krank, und kann zwar nicht schreiben, hat mir aber angeschlossenen Zettel dictirt und noch 5 Worte, auch eigenhändig ihren Namen darunter geschrieben.

Dero Geschwistern hier im Lande sind in voriger Woche alle bey mir gewesen, und es geht ihnen recht gut. Wilhelm hat eine verehrungswürdige Frau, die sehr oeconomisch, tugendhaft, und sein wahres Glück ist, besonders da sie die Religion liebt, aber bisher ist noch nie Hoffnung zur Schwangerschaft gewesen.

Unser Hannoveran ist zuweilen hypochondrisch, weil es mit dem Avancement zum Capitaine sehr langsam gehet, wobey ich aber nichts helfen kann.

Aus dero letztem Schreiben, lieber Vetter, merke ich, dass mit dero Gesundheit misslich aussiehet, und dass Sie stark zur Melancholie incliniren, welche beyde Umstände mir auch aus anderen Canälen bekannt sind. Ich bedauere solches herzlich, und bin überzeugt, dass Sie nie werden zu einer guten Gesundheit gelangen, falls Sie nicht das Studiren in einem gewissen Fach aufgeben. Ein guter Freund von mir ist ehedem davon ganz verrückt im Kopfe geworden, und Ihnen wird es eben so gehen, wenn Sie das bewusste studiren continuiren. Nie muss man solches Exprofesso, oder Tag und Nacht, sondern nur nebenher treiben, oder man erreicht nimmer seinen Zweck, sondern macht sich gemeinlich unglücklich.

Es ist mir ein grosses Kreutz, dass Sie Russland haben kennen gelernt; aber Sie waren davon nicht abzuhalten; gleichwie dann auch Sie immer gegen meine Wünsche nach Berlin gleichsam sich haben reissen lassen, um Gesundheit und Leben zu verlieren, und mir eo ipso die Hoffnung zu zernichten, welche ich ehedem auf meinen geliebten Heinrich gesetzt hatte.

Sed sic fata trahunt und mein silbergraues Haupt weiss sich jetzt trefflich in allem zu finden, was nicht hat gehen wollen. Aus der Fülle meines Herzens wünsche ich Ihnen Segen Gottes und ein dauerhaftes Glück, besonders die Herstellung des edelsten Kleinods der Gesundheit, gegen welche Göttliche Wohlthat das solideste Studium für nichts zu achten ist, es bestehe auch diese Wissenschaft, worin sie wolle. Wäre ich nicht zu alt und zu kümmerlich, so würde ich schon längst dort gewesen seyn, und solche Vorkehr getroffen haben, dass Sie von Ihrem Lieblings-studio hätten abstehen müssen; aber jetzt kann ich nichts weiter thun, als mit meinem Gebet Sie zu begleiten und zu Gott zu flehen, dass er Sie in seinen heiligen Schutz nehme. Es umarmt und küsset Sie herzlich

Dero redlichster Freund

Fr. H. v. Schröder.

uns noch in diesem Leben zu sehen, ist mir leid und um so unerwarteter, als Sie sich nicht weit von hier befinden, und immer incognito hätten kommen können.

Meine Frau ist seit 6 Wochen wiederum sehr krank, und kann zwar nicht schreiben, hat mir aber angeschlossenen Zettel dictirt und noch 5 Worte, auch eigenhändig ihren Namen darunter geschrieben.

Dero Geschwistern hier im Lande sind in voriger Woche alle bey mir gewesen, und es geht ihnen recht gut. Wilhelm hat eine verehrungswürdige Frau, die sehr oeconomisch, tugendhaft, und sein wahres Glück ist, besonders da sie die Religion liebt, aber bisher ist noch nie Hoffnung zur Schwangerschaft gewesen.

Unser Hannoveran ist zuweilen hypochondrisch, weil es mit dem Avancement zum Capitaine sehr langsam gehet, wobey ich aber nichts helfen kann.

Aus dero letztem Schreiben, lieber Vetter, merke ich, dass mit dero Gesundheit misslich aussiehet, und dass Sie stark zur Melancholie incliniren, welche beyde Umstände mir auch aus anderen Canälen bekannt sind. Ich bedauere solches herzlich, und bin überzeugt, dass Sie nie werden zu einer guten Gesundheit gelangen, falls Sie nicht das Studiren in einem gewissen Fach aufgeben. Ein guter Freund von mir ist ehedem davon ganz verrückt im Kopfe geworden, und Ihnen wird es eben so gehen, wenn Sie das bewusste studiren continuiren. Nie muss man solches Exprofesso, oder Tag und Nacht, sondern nur nebenher treiben, oder man erreicht nimmer seinen Zweck, sondern macht sich gemeinlich unglücklich.

Es ist mir ein grosses Kreutz, dass Sie Russland haben kennen gelernt; aber Sie waren davon nicht abzuhalten; gleichwie dann auch Sie immer gegen meine Wünsche nach Berlin gleichsam sich haben reissen lassen, um Gesundheit und Leben zu verlieren, und mir eo ipso die Hoffnung zu zernichten, welche ich ehedem auf meinen geliebten Heinrich gesetzt hatte.

Sed sic fata trahunt und mein silbergraues Haupt weiss sich jetzt trefflich in allem zu finden, was nicht hat gehen wollen. Aus der Fülle meines Herzens wünsche ich Ihnen Segen Gottes und ein dauerhaftes Glück, besonders die Herstellung des edelsten Kleinods der Gesundheit, gegen welche Göttliche Wohlthat das solideste Studium für nichts zu achten ist, es bestehe auch diese Wissenschaft, worin sie wolle. Wäre ich nicht zu alt und zu kümmerlich, so würde ich schon längst dort gewesen seyn, und solche Vorkehr getroffen haben, dass Sie von Ihrem Lieblings-studio hätten abstehen müssen; aber jetzt kann ich nichts weiter thun, als mit meinem Gebet Sie zu begleiten und zu Gott zu flehen, dass er Sie in seinen heiligen Schutz nehme. Es umarmt und küsset Sie herzlich

Dero redlichster Freund

Fr. H. v. Schröder.

130. Г. А. ШРЕДЕРЪ — Г. [Я.] ШРЕДЕРЪ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Mein lieber Heinrich!

Du hast mir nie was zu Leide gethan, und ich bin dir nie böse gewesen. Glaubst du aber das Gegentheil, so versichere ich dir, dass alles vergessen und vergeben ist, dass ich dir herzlich gut bin und für dich bete. Schone nur deine Gesundheit und besuche uns, wo du kannst. Ich bitte recht sehr darum.

H. A. v. Schröder.

131. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 24 іюля, 1791. — № 16. (28 іюля).

Любезный другъ! Письмо твое подъ 11 № мною получено. Благодарю моего Бога, что ты здоровъ. Совѣты твои касательно до преданія себя волѣ Спасителя нашего святы. Но я человѣкъ и человѣкъ слабый, почему и, желая предаться Его волѣ, чувствую, что оная воля бунтуетъ; почему и не обманываю тебя, что болѣзнь кн. Елисаветы Петровны *) жестоко мучитъ мое сердце. Не знаю, что будетъ, ежели я ее потеряю, но вижу только, что болѣзнь ея не уменьшается, и страшусь осени, которая, тебѣ извѣстно, что для чахоточныхъ есть смертоносна. Но о сей матеріи говорить не хочу, а скажу, что я живу въ деревнѣ, гдѣ сынъ и другія мои племянницы забавляютъ насъ на маленькомъ нашемъ театрѣ, и часто играютъ піесы, сочиненные Михаиломъ Матвѣевичемъ **). Это меня занимаетъ, и я, мѣшая дѣла съ бездѣльемъ, провожу изрядно мое время.

Новое у насъ, что Репнинъ ***) разбилъ визиря за Дунаемъ; это я знаю, что тебя порадуетъ. Прости, другъ мой! Всѣ мои тебѣ кланяются, и я тебя въ мысляхъ обнимаю.

132. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 іюля, 1791. (4 августа).

Здравствуй, любезный другъ!

Удивляюсь, что давно не получалъ отъ тебя ни одной строчки. Я послалъ къ тебѣ два векселя, одинъ на тысячу пятьсотъ, а другой на тысячу рублей. Но только о полученіи перваго имѣю отвѣтъ, хотя и послѣдній еще въ маѣ послалъ. Но мнѣ-ли кому пенять за неакуратность, мнѣ-ли, изъ лѣнивыхъ лѣнивцу?

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) М. М. Херасковъ.

***) Кн. Н. В. Репнинъ.

130. Г. А. ШРЕДЕРЪ — Г. [Я.] ШРЕДЕРЪ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Mein lieber Heinrich!

Du hast mir nie was zu Leide gethan, und ich bin dir nie böse gewesen. Glaubst du aber das Gegentheil, so versichere ich dir, dass alles vergessen und vergeben ist, dass ich dir herzlich gut bin und für dich bete. Schone nur deine Gesundheit und besuche uns, wo du kannst. Ich bitte recht sehr darum.

H. A. v. Schröder.

131. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 24 іюля, 1791. — № 16. (28 іюля).

Любезный другъ! Письмо твое подъ 11 № мною получено. Благодарю моего Бога, что ты здоровъ. Совѣты твои касательно до преданія себя волѣ Спасителя нашего святы. Но я человѣкъ и человѣкъ слабый, почему и, желая предаться Его волѣ, чувствую, что оная воля бунтуетъ; почему и не обманываю тебя, что болѣзнь кн. Елисаветы Петровны *) жестоко мучитъ мое сердце. Не знаю, что будетъ, ежели я ее потеряю, но вижу только, что болѣзнь ея не уменьшается, и страшусь осени, которая, тебѣ извѣстно, что для чахоточныхъ есть смертоносна. Но о сей матеріи говорить не хочу, а скажу, что я живу въ деревнѣ, гдѣ сынъ и другія мои племянницы забавляютъ насъ на маленькомъ нашемъ театрѣ, и часто играютъ піесы, сочиненные Михаиломъ Матвѣевичемъ **). Это меня занимаетъ, и я, мѣшая дѣла съ бездѣльемъ, провожу изрядно мое время.

Новое у насъ, что Репнинъ ***) разбилъ визиря за Дунаемъ; это я знаю, что тебя порадуетъ. Прости, другъ мой! Всѣ мои тебѣ кланяются, и я тебя въ мысляхъ обнимаю.

132. П. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 іюля, 1791. (4 августа).

Здравствуй, любезный другъ!

Удивляюсь, что давно не получалъ отъ тебя ни одной строчки. Я послалъ къ тебѣ два векселя, одинъ на тысячу пятьсотъ, а другой на тысячу рублей. Но только о полученіи перваго имѣю отвѣтъ, хотя и послѣдній еще въ маѣ послалъ. Но мнѣ-ли кому пенять за неакуратность, мнѣ-ли, изъ лѣнивыхъ лѣнивцу?

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) М. М. Херасковъ.

***) Кн. Н. В. Репнинъ.

Пиши однако-жъ, любезный другъ, иногда для утѣшенія сердца моего. Не получилъ я также отвѣту на гостинецъ мой съ Фирингаберомъ, еще зимою поѣхавшимъ отсюда. Давно такъ-же обѣщалъ ты отвѣтъ доктора и примѣчанія на картину Филину, представляющую храмъ премудрости. Но послѣ о семъ ни слова. Мы въ такъ дальнемъ разлученіи! Желательно бы обстоятельнѣе другъ о другѣ вѣдать.

Здѣшніе друзья твои, сколько мнѣ извѣстно, всѣ здоровы. Николай Ивановичъ *) съ іюня мѣсяца прошлаго года по сіе время только на два дня пріѣзжалъ въ Москву, въ болѣзнь покойной жены его, которая потомъ умерла въ деревнѣ съ нимъ. Я его только и видѣлъ, а нынѣшній годъ и писемъ отъ него почти не имѣлъ. Онъ то боленъ, то упражняется въ экономіи.

Возвращаю у сего высланную отъ тебя на меня ассигнацію, съ которою ко мнѣ нечаянно явились, однако мнѣ удалось скоро ее очистить и тѣмъ сдѣлать, конечно, и тебѣ, и себѣ удовольствіе. Всегда радъ всѣмъ сердцемъ, когда могу.

Уже, я чаю, имѣете вы извѣстіе о славной побѣдѣ надъ визиремъ за Дунаемъ, одержанной княземъ Репнинымъ **). А недавно проѣхалъ отъ него, сказываютъ, курьеръ въ С.-Петербургъ съ письмами отъ визиря о мирныхъ предложеніяхъ. Сему князю случилось сдѣлать совсѣмъ вопреки тѣмъ безумцамъ, которые называютъ его мартинистомъ и неспособнымъ почитаютъ къ дѣламъ. Князь Потемкинъ выѣхалъ на сихъ дняхъ изъ С.-Петербурга къ арміи, и мы уповаемъ скоро услышать утвержденіе мира. Даруй сіе, Боже!

И на оной баталіи съ визиремъ, между прочими отличился твой Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, коему всѣ отдаютъ справедливость. За сію баталію пожалована ему, сказываютъ, шпага съ брильянтами. А за дѣло его при Бабадагѣ 2-го класса Георгія. Adieu.

133. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 2 августа, 1791. (14 августа).

Мы, любезной и безцѣнной мой другъ, давно уже отъ тебя не получали писемъ; однако-жъ, черезъ другихъ я слышалъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, что ты, слава Богу, здоровъ. Послѣднее твое письмо, мой другъ, кажется, еще болѣе доказываетъ твою ко мнѣ дружбу. Ты пишешь: «хотя бы я вовсе къ тебѣ не писалъ, то и тогда бы ты меня не пересталъ любить». Сіе хотя и нѣчто кажется высокое, однако-жъ не менѣе доказываетъ мнѣ, что я любезенъ безцѣнному моему другу! Что-жъ принадлежитъ до того, что ты боишься, чтобы я тебя не послу-

*) Н. И. Новиковъ.

**) Кн. Н. В. Репнинъ.

Пиши однако-жъ, любезный другъ, иногда для утѣшенія сердца моего. Не получилъ я также отвѣту на гостинецъ мой съ Фирингаберомъ, еще зимою поѣхавшимъ отсюда. Давно такъ-же обѣщалъ ты отвѣтъ доктора и примѣчанія на картину Филину, представляющую храмъ премудрости. Но послѣ о семъ ни слова. Мы въ такъ дальнемъ разлученіи! Желательно бы обстоятельнѣе другъ о другѣ вѣдать.

Здѣшніе друзья твои, сколько мнѣ извѣстно, всѣ здоровы. Николай Ивановичъ *) съ іюня мѣсяца прошлаго года по сіе время только на два дня пріѣзжалъ въ Москву, въ болѣзнь покойной жены его, которая потомъ умерла въ деревнѣ съ нимъ. Я его только и видѣлъ, а нынѣшній годъ и писемъ отъ него почти не имѣлъ. Онъ то боленъ, то упражняется въ экономіи.

Возвращаю у сего высланную отъ тебя на меня ассигнацію, съ которою ко мнѣ нечаянно явились, однако мнѣ удалось скоро ее очистить и тѣмъ сдѣлать, конечно, и тебѣ, и себѣ удовольствіе. Всегда радъ всѣмъ сердцемъ, когда могу.

Уже, я чаю, имѣете вы извѣстіе о славной побѣдѣ надъ визиремъ за Дунаемъ, одержанной княземъ Репнинымъ **). А недавно проѣхалъ отъ него, сказываютъ, курьеръ въ С.-Петербургъ съ письмами отъ визиря о мирныхъ предложеніяхъ. Сему князю случилось сдѣлать совсѣмъ вопреки тѣмъ безумцамъ, которые называютъ его мартинистомъ и неспособнымъ почитаютъ къ дѣламъ. Князь Потемкинъ выѣхалъ на сихъ дняхъ изъ С.-Петербурга къ арміи, и мы уповаемъ скоро услышать утвержденіе мира. Даруй сіе, Боже!

И на оной баталіи съ визиремъ, между прочими отличился твой Михаилъ Ларіоновичъ Кутузовъ, коему всѣ отдаютъ справедливость. За сію баталію пожалована ему, сказываютъ, шпага съ брильянтами. А за дѣло его при Бабадагѣ 2-го класса Георгія. Adieu.

133. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 2 августа, 1791. (14 августа).

Мы, любезной и безцѣнной мой другъ, давно уже отъ тебя не получали писемъ; однако-жъ, черезъ другихъ я слышалъ въ прошедшемъ мѣсяцѣ, что ты, слава Богу, здоровъ. Послѣднее твое письмо, мой другъ, кажется, еще болѣе доказываетъ твою ко мнѣ дружбу. Ты пишешь: «хотя бы я вовсе къ тебѣ не писалъ, то и тогда бы ты меня не пересталъ любить». Сіе хотя и нѣчто кажется высокое, однако-жъ не менѣе доказываетъ мнѣ, что я любезенъ безцѣнному моему другу! Что-жъ принадлежитъ до того, что ты боишься, чтобы я тебя не послу-

*) Н. И. Новиковъ.

**) Кн. Н. В. Репнинъ.

шалъ, въ самомъ дѣлѣ не пересталъ бы писать, то сіе доказываетъ, мой милый другъ, твою нѣжность и знаніе любить твоихъ друзей! Право, я почитаю себя часто щастливымъ, что имѣю въ тебѣ искренняго и любезнаго друга. Тѣмъ безцѣннѣе для меня твоя дружба, что я совершенно въ оной увѣренъ. Побѣды русскихъ надъ турками, я думаю, уже тебѣ извѣстны, то есть, что Гудовичъ взялъ Анапу, и что Репнинъ въ глазахъ визиря разбилъ семьдесятъ тысячъ турокъ. Мы живемъ теперь въ деревнѣ, слѣдовательно, и военныя дѣйствія къ намъ очень поздно доходятъ. Николай Михайловичъ *) нашъ остался въ Москвѣ для того, [что] выдаетъ свой журналъ. Думаю, онъ и самъ на этой почтѣ къ тебѣ напишетъ. Дѣти мои всѣ тебя помнятъ и любятъ. Женѣ **) твоей я сказывалъ, что тебѣ не нравится, что она пошла въ актрисы, но она говоритъ, развѣ ты пріѣдешь, то тогда только представлять перестанетъ. Она совершенно сердится, что ты тамъ живешь, а я, право, потерялъ терпѣніе, дожидаясь тебя всякій годъ. Отпиши, пожалуйста, любезный другъ, будетъ-ли когда нибудь этому конецъ? Скоро-ли ты оставишь свои чужіе краи? Скоро-ли ты пріѣдешь обнять твоихъ друзей, которымъ ты такъ дорогъ! Прощай, мой любезный другъ. Будь здоровъ, благополученъ и люби меня.

134. П. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 2 августа, 1791. (14 августа).

Я скажу только любезному Алексѣю Михайловичу, что мы теперь въ деревнѣ, и я спокойнѣе здѣсь, нежели тогда была, какъ послѣднее письмо къ вамъ писала. Тогда у меня такова была голова, что я боялась съ ума сойти, и тѣмъ болѣе была жалка, что не имѣла человѣка, кто бы прямо вошелъ въ мое состояніе, для того то письмо мое таково было, а теперь, слава Богу, мы пріѣхали въ свою пустыню и, хотя одни одинехоньки, однако я спокойнѣе. Можетъ быть, и оттого моя ипохондрія была такъ сильна, что мнѣ отмѣнно хотѣлось въ деревню, а ѣхать было по обстоятельствамъ невозможно, но Богъ милосердъ, все перемѣнилось и мы здѣсь, желаніе мое исполнилось.

Льщусь надеждою, что всѣ мои желанія исполнятся и что наконецъ я васъ здѣсь увижу такъ же, какъ любезнаго моего Николая Михайловича ***), хотя онъ теперь совсѣмъ отказался на сей годъ къ намъ пріѣхать. Скажу вамъ, что хотя я намедни писала, что я имъ недовольна и теперь не совсѣмъ, однако доброе его сердце заставляетъ меня все ему прощать. Я чувствую, что безъ его дружбы я пренещастливой чело-

*) Н. М. Карамзинъ.
**) А. А. Плещеева.
***) Н. М. Карамзинъ.

шалъ, въ самомъ дѣлѣ не пересталъ бы писать, то сіе доказываетъ, мой милый другъ, твою нѣжность и знаніе любить твоихъ друзей! Право, я почитаю себя часто щастливымъ, что имѣю въ тебѣ искренняго и любезнаго друга. Тѣмъ безцѣннѣе для меня твоя дружба, что я совершенно въ оной увѣренъ. Побѣды русскихъ надъ турками, я думаю, уже тебѣ извѣстны, то есть, что Гудовичъ взялъ Анапу, и что Репнинъ въ глазахъ визиря разбилъ семьдесятъ тысячъ турокъ. Мы живемъ теперь въ деревнѣ, слѣдовательно, и военныя дѣйствія къ намъ очень поздно доходятъ. Николай Михайловичъ *) нашъ остался въ Москвѣ для того, [что] выдаетъ свой журналъ. Думаю, онъ и самъ на этой почтѣ къ тебѣ напишетъ. Дѣти мои всѣ тебя помнятъ и любятъ. Женѣ **) твоей я сказывалъ, что тебѣ не нравится, что она пошла въ актрисы, но она говоритъ, развѣ ты пріѣдешь, то тогда только представлять перестанетъ. Она совершенно сердится, что ты тамъ живешь, а я, право, потерялъ терпѣніе, дожидаясь тебя всякій годъ. Отпиши, пожалуйста, любезный другъ, будетъ-ли когда нибудь этому конецъ? Скоро-ли ты оставишь свои чужіе краи? Скоро-ли ты пріѣдешь обнять твоихъ друзей, которымъ ты такъ дорогъ! Прощай, мой любезный другъ. Будь здоровъ, благополученъ и люби меня.

134. П. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Знаменское. 2 августа, 1791. (14 августа).

Я скажу только любезному Алексѣю Михайловичу, что мы теперь въ деревнѣ, и я спокойнѣе здѣсь, нежели тогда была, какъ послѣднее письмо къ вамъ писала. Тогда у меня такова была голова, что я боялась съ ума сойти, и тѣмъ болѣе была жалка, что не имѣла человѣка, кто бы прямо вошелъ въ мое состояніе, для того то письмо мое таково было, а теперь, слава Богу, мы пріѣхали въ свою пустыню и, хотя одни одинехоньки, однако я спокойнѣе. Можетъ быть, и оттого моя ипохондрія была такъ сильна, что мнѣ отмѣнно хотѣлось въ деревню, а ѣхать было по обстоятельствамъ невозможно, но Богъ милосердъ, все перемѣнилось и мы здѣсь, желаніе мое исполнилось.

Льщусь надеждою, что всѣ мои желанія исполнятся и что наконецъ я васъ здѣсь увижу такъ же, какъ любезнаго моего Николая Михайловича ***), хотя онъ теперь совсѣмъ отказался на сей годъ къ намъ пріѣхать. Скажу вамъ, что хотя я намедни писала, что я имъ недовольна и теперь не совсѣмъ, однако доброе его сердце заставляетъ меня все ему прощать. Я чувствую, что безъ его дружбы я пренещастливой чело-

*) Н. М. Карамзинъ.
**) А. А. Плещеева.
***) Н. М. Карамзинъ.

вѣкъ. Ежели и вы перестанете меня любить, то я не знаю, какъ возмогу я перенести сіе. Хотя у васъ я и всегда въ десятыхъ была, но что дѣлать, по нещастію вы у меня въ сердцѣ не десятый и очень, очень я васъ люблю. Прощайте. Бога ради, бросьте всѣ вздоры и пріѣзжайте къ намъ, утѣшьте вѣрнѣйшихъ своихъ друзей, изъ коихъ любящая васъ прямо есть

Настасья Плещеева.

135. Н. М. КАРАМЗИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Давно уже, любезнѣйшій Алексѣй Михайловичъ, не писалъ я къ вамъ, давно уже и отъ васъ не получалъ ни строки. Ужели совсѣмъ прервалась наша переписка? Мое письмо было, кажется, послѣднее. Я ждалъ отвѣта и — молчалъ. Увѣдомьте, любезнѣйшій братъ, какъ вы живете въ Берлинѣ. Что принадлежитъ до меня, то я живу въ Москвѣ по большей части въ уединеніи, курю кнастеръ, пью кофе, читаю иностранные журналы и вѣдомости, аплодирую добрымъ дѣламъ и добрымъ людямъ и проч. Когда-то вы будете къ намъ! Дай Богъ, чтобы поскорѣе! — Часто-ли ходите въ театръ? часто-ли въ звѣринецъ? Наконецъ, вспоминаете-ли вы иногда вашего покорнѣшаго слугу

Николая Карамзина?

136. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 4 августа, 1791. — № 17. (8 августа).

Письмо твое, мой другъ любезный, подъ № 12 получилъ и, сказавъ о себѣ, что я, благодаря Бога, здоровъ, буду на него отвѣтствовать. Письмо твоего сопутешественника *) тебя разтрогало, но разтрогало напрасно, ибо мы ему всегда помогали и теперь помогать готовы, то есть, столько помогать, сколько возможно намъ, но болѣе возможности никто требовать не можетъ, и я для предупрежденія, чтобъ онъ не слишкомъ думалъ много о нашихъ возможностяхъ и дабы принудить его искать примиренія съ его дядей, описалъ ему наши обстоятельствы, но и во описаніи оныхъ не отказывался въ воспомоществованіи ему при нуждѣ, а только хотѣлъ чрезъ письмо сіе положить границы его надеждѣ на наши обстоятельствы.

Что Горгопусъ **) принудилъ его оставить службу, то сіе для меня мудрено, а ежели онъ сіе и сдѣлалъ, то онъ былъ человѣкъ и могъ

*) Бар. Шредеръ.

**) П. Е. Шварцъ.

вѣкъ. Ежели и вы перестанете меня любить, то я не знаю, какъ возмогу я перенести сіе. Хотя у васъ я и всегда въ десятыхъ была, но что дѣлать, по нещастію вы у меня въ сердцѣ не десятый и очень, очень я васъ люблю. Прощайте. Бога ради, бросьте всѣ вздоры и пріѣзжайте къ намъ, утѣшьте вѣрнѣйшихъ своихъ друзей, изъ коихъ любящая васъ прямо есть

Настасья Плещеева.

135. Н. М. КАРАМЗИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Давно уже, любезнѣйшій Алексѣй Михайловичъ, не писалъ я къ вамъ, давно уже и отъ васъ не получалъ ни строки. Ужели совсѣмъ прервалась наша переписка? Мое письмо было, кажется, послѣднее. Я ждалъ отвѣта и — молчалъ. Увѣдомьте, любезнѣйшій братъ, какъ вы живете въ Берлинѣ. Что принадлежитъ до меня, то я живу въ Москвѣ по большей части въ уединеніи, курю кнастеръ, пью кофе, читаю иностранные журналы и вѣдомости, аплодирую добрымъ дѣламъ и добрымъ людямъ и проч. Когда-то вы будете къ намъ! Дай Богъ, чтобы поскорѣе! — Часто-ли ходите въ театръ? часто-ли въ звѣринецъ? Наконецъ, вспоминаете-ли вы иногда вашего покорнѣшаго слугу

Николая Карамзина?

136. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 4 августа, 1791. — № 17. (8 августа).

Письмо твое, мой другъ любезный, подъ № 12 получилъ и, сказавъ о себѣ, что я, благодаря Бога, здоровъ, буду на него отвѣтствовать. Письмо твоего сопутешественника *) тебя разтрогало, но разтрогало напрасно, ибо мы ему всегда помогали и теперь помогать готовы, то есть, столько помогать, сколько возможно намъ, но болѣе возможности никто требовать не можетъ, и я для предупрежденія, чтобъ онъ не слишкомъ думалъ много о нашихъ возможностяхъ и дабы принудить его искать примиренія съ его дядей, описалъ ему наши обстоятельствы, но и во описаніи оныхъ не отказывался въ воспомоществованіи ему при нуждѣ, а только хотѣлъ чрезъ письмо сіе положить границы его надеждѣ на наши обстоятельствы.

Что Горгопусъ **) принудилъ его оставить службу, то сіе для меня мудрено, а ежели онъ сіе и сдѣлалъ, то онъ былъ человѣкъ и могъ

*) Бар. Шредеръ.

**) П. Е. Шварцъ.

ошибаться и думалъ, видя охоту твоего товарища къ наукамъ, что ему выгоднѣе будетъ въ оныхъ упражняться, нежели шататься по его бывшему званію по лѣсамъ и степямъ. Что-жъ Поректусъ *) обѣщался заступить ради твоего товарища мѣсто Горгонуса, то онъ отъ сего николи не отказывался и не отказывается, и есть всегда его другомъ; но и Горгонусъ не могъ ничего сверхъ силъ ни обѣщевать, ни исполнять, а по силамъ Поректусъ и его друзья желали и никакъ не отказывались ему въ справедливомъ требованіи вспомоществовать. Что товарищъ твой послѣ смерти Горгонуса сдѣлалъ долгу 2000, то о семъ никто не зналъ, и онъ дурно сдѣлалъ, что того не сказывалъ, ибо оный долгъ былъ бы тогда еще заплоченъ. Что же онъ продалъ за безцѣнокъ алмазы, то сіе, какъ мнѣ помнится, онъ сдѣлалъ для поддержанія заведенія апт[еки] и продалъ оные чрезъ Анифаруса и, мнѣ кажется, Поректусъ онаго ему не совѣтовалъ, и ему было досадно, что онъ это сдѣлалъ. Что-жъ принадлежитъ до остальныхъ денегъ, съ которыхъ онъ долженъ получать по 12 процентовъ, то неполученіе имъ оныхъ сдѣлалось точно отъ mesentendu, ибо почитали, что оныя въ числѣ тѣхъ денегъ ему посылаются, которыя употребляются тобою на его содержаніе. Здѣсь идетъ дѣло до его второго путешествія. Ты пишешь, что не смотря на то, что Поректусъ получилъ свидѣтельство письменное, что товарищъ твой не виновенъ, онъ къ нему ничего о томъ не пишетъ; но, другъ мой, вспомни о письмѣ твоего товарища, которое Поректусъ къ тебѣ доставилъ, что товарищъ твой не отходитъ отъ своихъ сомнѣній, вспомни мое письмо къ тебѣ подъ № 15 и потомъ суди, могъ-ли, не смотря на всѣ увѣренія, Поректусъ признавать по совѣсти твоего товарища невиннымъ? Нѣтъ, мой другъ, сего онъ сдѣлать не могъ, да и теперь сдѣлать не можетъ, а можетъ только его извинить, яко слабаго человѣка, и плакать о его слѣпотѣ, но признавать его вѣрнымъ и невиннымъ, того онъ по совѣсти не можетъ.

Что-жъ принадлежитъ до масонской работы, о которой твой товарищъ писалъ къ Поректусу, то на сіе онъ для того не отвѣчалъ, что онъ увѣренъ, что въ таковомъ положеніи духа, въ каковомъ находится твой товарищъ, безумно приступить къ оной работѣ, и ему жалко было, что сей молодой человѣкъ имѣетъ дерзновеніе приступать къ ней прежде совершенія ея въ себѣ, или прежде, нежели получитъ на то повелѣніе отъ имѣющихъ право оное ему давать, но отъ которыхъ онъ, по положенію его духа, повелѣнія такого получить не могъ. Что-жъ до 100 лундровъ касается, то сіе произошло оттого, что сія монета Поректусу неизвѣстна, а контора, въ которой, взятъ былъ вексель, сказала, что сто лундоровъ стоютъ ту сумму, которую твоему товарищу перевели.

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

ошибаться и думалъ, видя охоту твоего товарища къ наукамъ, что ему выгоднѣе будетъ въ оныхъ упражняться, нежели шататься по его бывшему званію по лѣсамъ и степямъ. Что-жъ Поректусъ *) обѣщался заступить ради твоего товарища мѣсто Горгонуса, то онъ отъ сего николи не отказывался и не отказывается, и есть всегда его другомъ; но и Горгонусъ не могъ ничего сверхъ силъ ни обѣщевать, ни исполнять, а по силамъ Поректусъ и его друзья желали и никакъ не отказывались ему въ справедливомъ требованіи вспомоществовать. Что товарищъ твой послѣ смерти Горгонуса сдѣлалъ долгу 2000, то о семъ никто не зналъ, и онъ дурно сдѣлалъ, что того не сказывалъ, ибо оный долгъ былъ бы тогда еще заплоченъ. Что же онъ продалъ за безцѣнокъ алмазы, то сіе, какъ мнѣ помнится, онъ сдѣлалъ для поддержанія заведенія апт[еки] и продалъ оные чрезъ Анифаруса и, мнѣ кажется, Поректусъ онаго ему не совѣтовалъ, и ему было досадно, что онъ это сдѣлалъ. Что-жъ принадлежитъ до остальныхъ денегъ, съ которыхъ онъ долженъ получать по 12 процентовъ, то неполученіе имъ оныхъ сдѣлалось точно отъ mesentendu, ибо почитали, что оныя въ числѣ тѣхъ денегъ ему посылаются, которыя употребляются тобою на его содержаніе. Здѣсь идетъ дѣло до его второго путешествія. Ты пишешь, что не смотря на то, что Поректусъ получилъ свидѣтельство письменное, что товарищъ твой не виновенъ, онъ къ нему ничего о томъ не пишетъ; но, другъ мой, вспомни о письмѣ твоего товарища, которое Поректусъ къ тебѣ доставилъ, что товарищъ твой не отходитъ отъ своихъ сомнѣній, вспомни мое письмо къ тебѣ подъ № 15 и потомъ суди, могъ-ли, не смотря на всѣ увѣренія, Поректусъ признавать по совѣсти твоего товарища невиннымъ? Нѣтъ, мой другъ, сего онъ сдѣлать не могъ, да и теперь сдѣлать не можетъ, а можетъ только его извинить, яко слабаго человѣка, и плакать о его слѣпотѣ, но признавать его вѣрнымъ и невиннымъ, того онъ по совѣсти не можетъ.

Что-жъ принадлежитъ до масонской работы, о которой твой товарищъ писалъ къ Поректусу, то на сіе онъ для того не отвѣчалъ, что онъ увѣренъ, что въ таковомъ положеніи духа, въ каковомъ находится твой товарищъ, безумно приступить къ оной работѣ, и ему жалко было, что сей молодой человѣкъ имѣетъ дерзновеніе приступать къ ней прежде совершенія ея въ себѣ, или прежде, нежели получитъ на то повелѣніе отъ имѣющихъ право оное ему давать, но отъ которыхъ онъ, по положенію его духа, повелѣнія такого получить не могъ. Что-жъ до 100 лундровъ касается, то сіе произошло оттого, что сія монета Поректусу неизвѣстна, а контора, въ которой, взятъ былъ вексель, сказала, что сто лундоровъ стоютъ ту сумму, которую твоему товарищу перевели.

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

Что-жъ до тебя принадлежитъ, то, другъ мой, ты позволь себѣ сказать, безумствуешь, дѣлая изъ всего вышеписаннаго себѣ страшную перспективу; тебѣ извѣстны всѣхъ насъ правилы, а притомъ извѣстны тебѣ и всѣхъ насъ обстоятельствы, слѣдовательно, ты не можешь имѣть сомнѣнія въ нашей дружбѣ, а мы увѣрены, что ты сверхъ силъ нашихъ ничего отъ насъ требовать не можешь. Итакъ, мой другъ, успокойся и будь увѣренъ, что ты имѣешь во всѣхъ насъ друзей, которые готовы непрестанно доказать тебѣ всѣмъ только возможнымъ свою дружбу. Вексель, адресованный на Лопухина *), заплоченъ. Онъ самъ хотѣлъ къ тебѣ писать.

Отпиши, мой другъ, о Сокѣ-ли ты упоминаешь, называя водителемъ Велоксовымъ **) того, кому нужны были 200 червонныхъ; а ежели не онъ, то почему ты оное названіе даешь другому? Развѣ Велоксъ отъ Сока другому порученъ? А ежели оно такъ, то мнѣ больно, что ты меня о семъ не увѣдомилъ. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

NB. Твой товарищъ писалъ, что онъ имѣетъ нужду примириться съ дядею и что препятствіе къ оному есть склонность твоего товарища къ таковымъ наукамъ, которыхъ дядя его не любитъ. Отпиши, сдѣлалось-ли оное примиреніе, а я молю Бога, чтобъ оное исполнилось, ибо я боюсь за твоего товарища, чтобы отъ его склонности не зашелъ умъ за разумъ, потому что я о любящихъ оныя науки думаю, что они упражняются въ оныхъ въ тишинѣ и такъ, что другіе о томъ не должны вѣдать. Но таковая вывѣска, что они могутъ дѣлать раздоръ въ семьѣ, дѣлаетъ мнѣ ихъ подозрительными, что тѣ-ли они [изучаютъ] науки, въ которыхъ упражняются мудрые, ибо тѣ умягчаютъ сердце, дѣлаютъ человѣка любообильнѣе и, показывая ему его должности, содѣлываютъ его во всѣхъ отношеніяхъ вяще привязаннымъ къ выполненію всѣхъ обязательствъ какъ подданнаго гражданина, такъ и семьянина, словомъ, онѣ содѣлываютъ его точнымъ исполнителемъ всѣхъ обязанностей, въ каковыя соблаговолилъ Богъ человѣка поставить. Противное-жъ оному содѣлывающія науки суть ложны и такового ученія человѣкъ долженъ остерегаться, какъ яда.

Прости еще разъ, писать негдѣ, да и нечего. Репнину ***) за побѣду пожалованъ первый крестъ Егорьевскій.

137. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. В. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [Августъ], 1791. (18 августа).

Дражайшій другъ! Двѣ почты отъ васъ не имѣю писемъ, и сіе нѣсколько безпокоитъ меня, но надѣюсь на милость Божью и думаю,

*) П. В. Лопухинъ.

**) А. М. Кутузовъ.

***) Кн. Н. В. Репнинъ.

Что-жъ до тебя принадлежитъ, то, другъ мой, ты позволь себѣ сказать, безумствуешь, дѣлая изъ всего вышеписаннаго себѣ страшную перспективу; тебѣ извѣстны всѣхъ насъ правилы, а притомъ извѣстны тебѣ и всѣхъ насъ обстоятельствы, слѣдовательно, ты не можешь имѣть сомнѣнія въ нашей дружбѣ, а мы увѣрены, что ты сверхъ силъ нашихъ ничего отъ насъ требовать не можешь. Итакъ, мой другъ, успокойся и будь увѣренъ, что ты имѣешь во всѣхъ насъ друзей, которые готовы непрестанно доказать тебѣ всѣмъ только возможнымъ свою дружбу. Вексель, адресованный на Лопухина *), заплоченъ. Онъ самъ хотѣлъ къ тебѣ писать.

Отпиши, мой другъ, о Сокѣ-ли ты упоминаешь, называя водителемъ Велоксовымъ **) того, кому нужны были 200 червонныхъ; а ежели не онъ, то почему ты оное названіе даешь другому? Развѣ Велоксъ отъ Сока другому порученъ? А ежели оно такъ, то мнѣ больно, что ты меня о семъ не увѣдомилъ. Прости, мой другъ, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

NB. Твой товарищъ писалъ, что онъ имѣетъ нужду примириться съ дядею и что препятствіе къ оному есть склонность твоего товарища къ таковымъ наукамъ, которыхъ дядя его не любитъ. Отпиши, сдѣлалось-ли оное примиреніе, а я молю Бога, чтобъ оное исполнилось, ибо я боюсь за твоего товарища, чтобы отъ его склонности не зашелъ умъ за разумъ, потому что я о любящихъ оныя науки думаю, что они упражняются въ оныхъ въ тишинѣ и такъ, что другіе о томъ не должны вѣдать. Но таковая вывѣска, что они могутъ дѣлать раздоръ въ семьѣ, дѣлаетъ мнѣ ихъ подозрительными, что тѣ-ли они [изучаютъ] науки, въ которыхъ упражняются мудрые, ибо тѣ умягчаютъ сердце, дѣлаютъ человѣка любообильнѣе и, показывая ему его должности, содѣлываютъ его во всѣхъ отношеніяхъ вяще привязаннымъ къ выполненію всѣхъ обязательствъ какъ подданнаго гражданина, такъ и семьянина, словомъ, онѣ содѣлываютъ его точнымъ исполнителемъ всѣхъ обязанностей, въ каковыя соблаговолилъ Богъ человѣка поставить. Противное-жъ оному содѣлывающія науки суть ложны и такового ученія человѣкъ долженъ остерегаться, какъ яда.

Прости еще разъ, писать негдѣ, да и нечего. Репнину ***) за побѣду пожалованъ первый крестъ Егорьевскій.

137. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. В. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [Августъ], 1791. (18 августа).

Дражайшій другъ! Двѣ почты отъ васъ не имѣю писемъ, и сіе нѣсколько безпокоитъ меня, но надѣюсь на милость Божью и думаю,

*) П. В. Лопухинъ.

**) А. М. Кутузовъ.

***) Кн. Н. В. Репнинъ.

что сіе происходитъ отъ какихъ ни есть иныхъ причинъ, а не отъ болѣзни или чего еще худшаго. Удивляетъ меня ужасно, что письмо мое, писанное чрезъ Ивана Андреевича Вейдемейера, пропадаетъ. Самое лучшее, что я предположить могу, что онъ, бывъ въ суетахъ, забылъ послать мое. Не могу представить, чтобъ онъ, забывъ всѣ правилы дружбы, чести и довѣренности, удержалъ сіе письмо въ намѣреніи злоупотребить оное. Ежели же и имѣлъ сіе намѣреніе, чему однако-жъ не могу повѣрить, то чрезвычайно ошибся, ибо не могъ найтить въ немъ ничего иного, кромѣ нашихъ или, лучше сказать, моихъ домашнихъ обстоятельствъ, не могущихъ никого интересовать. Весьма ложно думаютъ найтить между нами нѣчто, касающееся до политики, пора бы уже удостовѣриться въ семъ. Непріятели наши и подозрѣвающіе насъ имѣли уже безчисленные опыты противнаго ихъ мнѣніямъ. Столь долгое время употребляютъ они для изторженія изъ нашихъ сердецъ предполагаемаго ими, но не существующаго таинства. Но оставимъ сихъ людей, собственная ихъ совѣсть да будетъ имъ судьею; не думаю, чтобы сердце ихъ наслаждалось тою тишиною, которая принадлежитъ невинности. Я еще васъ прошу отвѣчать мнѣ на содержаніе извѣстнаго вамъ письма, какъ можно обстоятельнѣе, дабы въ нужномъ случаѣ могъ я принять мои мѣры и обезпечить честь мою и совѣсть. Признаюсь, что шагъ сей будетъ мнѣ дорого стоить, однако-жъ я твердо рѣшился слѣдовать зовущему меня гласу. — Августъ уже въ исходѣ. — Отпишите о состояніи вашихъ домашнихъ, есть-ли надежда на ихъ выздоровленіе. Увѣдомьте меня, чѣмъ награжденъ Репнинъ *) за послѣднюю побѣду и получилъ-ли что мой Кутузовъ **), участвовавшій въ оной? Поздравляю васъ съ щастливою развязкою негоціяціи между нашимъ и союзными дворами. Боже, даруй намъ скорый, твердый и полезный миръ. Простите; васъ и всѣхъ нашихъ цѣлую.

138. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

[Включено въ предыдущее письмо].

Дражайшій мой другъ и братъ! Письмецо твое и вложенный вторичный вексель получилъ исправно и за первое благодарю тебя сердечно. Второе меня обмануло, ибо, по прочтеніи онаго, надежда моя исчезла, какъ тѣнь. Удивляюсь, что ты не получилъ отвѣта моего о полученіи «примы». Я даже увѣдомлялъ и о числѣ талеровъ, мною полученныхъ: 1000 рублей по тогдашнему курсу составляли 676 талеровъ; но ежели ты не получилъ сего письма, то чрезъ сіе подтверждаю исправное полученіе и благодарю за дружескій твой трудъ и стараніе. Удивляетъ

*) Кн. Н. В. Репнинъ.

**) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

что сіе происходитъ отъ какихъ ни есть иныхъ причинъ, а не отъ болѣзни или чего еще худшаго. Удивляетъ меня ужасно, что письмо мое, писанное чрезъ Ивана Андреевича Вейдемейера, пропадаетъ. Самое лучшее, что я предположить могу, что онъ, бывъ въ суетахъ, забылъ послать мое. Не могу представить, чтобъ онъ, забывъ всѣ правилы дружбы, чести и довѣренности, удержалъ сіе письмо въ намѣреніи злоупотребить оное. Ежели же и имѣлъ сіе намѣреніе, чему однако-жъ не могу повѣрить, то чрезвычайно ошибся, ибо не могъ найтить въ немъ ничего иного, кромѣ нашихъ или, лучше сказать, моихъ домашнихъ обстоятельствъ, не могущихъ никого интересовать. Весьма ложно думаютъ найтить между нами нѣчто, касающееся до политики, пора бы уже удостовѣриться въ семъ. Непріятели наши и подозрѣвающіе насъ имѣли уже безчисленные опыты противнаго ихъ мнѣніямъ. Столь долгое время употребляютъ они для изторженія изъ нашихъ сердецъ предполагаемаго ими, но не существующаго таинства. Но оставимъ сихъ людей, собственная ихъ совѣсть да будетъ имъ судьею; не думаю, чтобы сердце ихъ наслаждалось тою тишиною, которая принадлежитъ невинности. Я еще васъ прошу отвѣчать мнѣ на содержаніе извѣстнаго вамъ письма, какъ можно обстоятельнѣе, дабы въ нужномъ случаѣ могъ я принять мои мѣры и обезпечить честь мою и совѣсть. Признаюсь, что шагъ сей будетъ мнѣ дорого стоить, однако-жъ я твердо рѣшился слѣдовать зовущему меня гласу. — Августъ уже въ исходѣ. — Отпишите о состояніи вашихъ домашнихъ, есть-ли надежда на ихъ выздоровленіе. Увѣдомьте меня, чѣмъ награжденъ Репнинъ *) за послѣднюю побѣду и получилъ-ли что мой Кутузовъ **), участвовавшій въ оной? Поздравляю васъ съ щастливою развязкою негоціяціи между нашимъ и союзными дворами. Боже, даруй намъ скорый, твердый и полезный миръ. Простите; васъ и всѣхъ нашихъ цѣлую.

138. А. М. КУТУЗОВЪ — И. В. ЛОПУХИНУ.

[Включено въ предыдущее письмо].

Дражайшій мой другъ и братъ! Письмецо твое и вложенный вторичный вексель получилъ исправно и за первое благодарю тебя сердечно. Второе меня обмануло, ибо, по прочтеніи онаго, надежда моя исчезла, какъ тѣнь. Удивляюсь, что ты не получилъ отвѣта моего о полученіи «примы». Я даже увѣдомлялъ и о числѣ талеровъ, мною полученныхъ: 1000 рублей по тогдашнему курсу составляли 676 талеровъ; но ежели ты не получилъ сего письма, то чрезъ сіе подтверждаю исправное полученіе и благодарю за дружескій твой трудъ и стараніе. Удивляетъ

*) Кн. Н. В. Репнинъ.

**) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

меня, что упоминаемое мною письмо пропало. Оно послано было чрезъ одного моего пріятеля, барона Еренаціуса, принятаго въ нашу службу подполковникомъ отъ кавалеріи и генералисъ адъютантомъ у князя Потемкина; вложено-жъ было въ кувертѣ къ Ивану Андреевичу Вейдемейеру. Я имѣю уже отвѣтъ отъ Еренаціуса, что онъ всѣ мои письмы отдалъ исправно по надписямъ. Впрочемъ, мой другъ, въ нынѣшнія времена ничто, подобное сему, не должно удивлять насъ. Ежели возможно подозрѣвать тебя въ дѣланіи ложной монеты, то и того легче подозрѣвать человѣка въ вредныхъ намѣреніяхъ. Ты знаешь, что каждый человѣкъ мѣряетъ другихъ собственнымъ своимъ аршиномъ. Я такъ уже привыкъ къ таковымъ поступкамъ, что ни мало и не досадую на нихъ. Содержаніе потеряннаго письма повторяю я въ письмѣ къ князю Николаю Никитичу *) и просилъ его сообщить тебѣ оное. Теперь же прошу тебя, сердечный мой другъ, посовѣтовать съ нимъ зрѣло, и какъ можно скорѣе сообщить мнѣ ваше рѣшеніе, ибо съ нимъ сопряжены мое спокойствіе, моя репутація, а частію и успѣхъ моего предпріятія. Съ тобою, мой другъ, не имѣю нужды прибѣгать къ кудрявымъ комплиментамъ. Ты въ состояніи слушать правду, хотя иногда и непріятную. Я увѣренъ, что ты не припишешь дурнотѣ моей нѣкоторую недовѣренность, которая по нѣкоторымъ опытамъ поселилась во мнѣ въ разсужденіи моихъ экономическихъ обстоятельствъ. Неисправность сроковъ причинила и причиняетъ мнѣ несказанный вредъ. Вопервыхъ, нарушаетъ мое толико мнѣ необходимое спокойствіе духа; вовторыхъ, умеьшаетъ примѣтнымъ и чувствительнымъ образомъ число пересылаемыхъ мнѣ денегъ; съ одной стороны теряю чрезъ курсъ, а съ другой — платя жидовскіе проценты. Ты, можетъ быть, не сдѣлалъ еще опыта, каково чужестранцу быть безъ денегъ. Страшное состояніе, мой другъ, особливо въ землѣ, въ которой я нынѣ! И вотъ истинная причина, для которой прошу я васъ рѣшиться по зрѣломъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ. Ежели вы найдете мое намѣреніе пустымъ, то дайте мнѣ знать о семъ скорѣе. Что до меня касается, я рѣшился твердо лучше лишиться малаго моего имѣнія, нежели чести моей; дѣло же мое я никакъ не оставлю. Я благодарю также тебя за твой гостинецъ, о свойствахъ котораго предоставляю говорить съ тобою, когда я буду спокойнѣе, теперь истинно не въ состояніи. Прости, мой дражайшій другъ, поцѣлуй моего милаго Петра Владиміровича **) и всѣхъ общихъ друзей. Не умѣшкайте, пожалуста, заплатить Борису Владиміровичу Пестелю; сію сумму взялъ я для извѣстнаго тебѣ человѣка, обстоятельнѣе-жъ скажетъ о семъ Поректусъ.

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

**) П. В. Лопухинъ.

меня, что упоминаемое мною письмо пропало. Оно послано было чрезъ одного моего пріятеля, барона Еренаціуса, принятаго въ нашу службу подполковникомъ отъ кавалеріи и генералисъ адъютантомъ у князя Потемкина; вложено-жъ было въ кувертѣ къ Ивану Андреевичу Вейдемейеру. Я имѣю уже отвѣтъ отъ Еренаціуса, что онъ всѣ мои письмы отдалъ исправно по надписямъ. Впрочемъ, мой другъ, въ нынѣшнія времена ничто, подобное сему, не должно удивлять насъ. Ежели возможно подозрѣвать тебя въ дѣланіи ложной монеты, то и того легче подозрѣвать человѣка въ вредныхъ намѣреніяхъ. Ты знаешь, что каждый человѣкъ мѣряетъ другихъ собственнымъ своимъ аршиномъ. Я такъ уже привыкъ къ таковымъ поступкамъ, что ни мало и не досадую на нихъ. Содержаніе потеряннаго письма повторяю я въ письмѣ къ князю Николаю Никитичу *) и просилъ его сообщить тебѣ оное. Теперь же прошу тебя, сердечный мой другъ, посовѣтовать съ нимъ зрѣло, и какъ можно скорѣе сообщить мнѣ ваше рѣшеніе, ибо съ нимъ сопряжены мое спокойствіе, моя репутація, а частію и успѣхъ моего предпріятія. Съ тобою, мой другъ, не имѣю нужды прибѣгать къ кудрявымъ комплиментамъ. Ты въ состояніи слушать правду, хотя иногда и непріятную. Я увѣренъ, что ты не припишешь дурнотѣ моей нѣкоторую недовѣренность, которая по нѣкоторымъ опытамъ поселилась во мнѣ въ разсужденіи моихъ экономическихъ обстоятельствъ. Неисправность сроковъ причинила и причиняетъ мнѣ несказанный вредъ. Вопервыхъ, нарушаетъ мое толико мнѣ необходимое спокойствіе духа; вовторыхъ, уменьшаетъ примѣтнымъ и чувствительнымъ образомъ число пересылаемыхъ мнѣ денегъ; съ одной стороны теряю чрезъ курсъ, а съ другой — платя жидовскіе проценты. Ты, можетъ быть, не сдѣлалъ еще опыта, каково чужестранцу быть безъ денегъ. Страшное состояніе, мой другъ, особливо въ землѣ, въ которой я нынѣ! И вотъ истинная причина, для которой прошу я васъ рѣшиться по зрѣломъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ. Ежели вы найдете мое намѣреніе пустымъ, то дайте мнѣ знать о семъ скорѣе. Что до меня касается, я рѣшился твердо лучше лишиться малаго моего имѣнія, нежели чести моей; дѣло же мое я никакъ не оставлю. Я благодарю также тебя за твой гостинецъ, о свойствахъ котораго предоставляю говорить съ тобою, когда я буду спокойнѣе, теперь истинно не въ состояніи. Прости, мой дражайшій другъ, поцѣлуй моего милаго Петра Владиміровича **) и всѣхъ общихъ друзей. Не умѣшкайте, пожалуста, заплатить Борису Владиміровичу Пестелю; сію сумму взялъ я для извѣстнаго тебѣ человѣка, обстоятельнѣе-жъ скажетъ о семъ Поректусъ.

---

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

**) П. В. Лопухинъ.

139. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — Н. В. ЛОПУХИНУ.

Геттингенъ. 15 августа, 1791. (28 августа).

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель! По сіе время не знаю я, что сдѣлалось съ Максимомъ Ивановичемъ *). До пріѣзда моего былъ онъ боленъ мѣсяца съ полтора, какъ я къ вамъ писалъ уже; по пріѣздѣ моемъ въ Геттингъ онъ выздоравливалъ, былъ однако-жъ весьма слабъ, задумчивъ и подозрѣвалъ всѣхъ безъ разбору; мнѣ однако-жъ открывался въ мысляхъ своихъ, однако не на квартирѣ, гдѣ безпрестанно молчалъ, и развѣ только на вопросы отвѣтствовалъ, и то не на всѣ, и открывался тогда только, когда я его вызывалъ прогуливаться за городъ. Въ чемъ же онъ открывался? Перечислялъ грѣхи свои и всѣ поступки, случившіеся въ его жизни, жалѣлъ, что ѣлъ иногда много и пилъ, многимъ насмѣхался и за удовольствіе почиталъ насмѣхаться. Пересказывая такимъ образомъ, глубоко воздыхалъ и часто плакалъ. Сіи и симъ подобныя раскаянія и жалѣнія о грѣхахъ нельзя не признать похвальными, если бы другіе его разсказы не доказывали, что все сіе происходитъ въ немъ отъ глубокой и совершенно больной ипохондріи. Какъ напримѣръ, онъ увѣряетъ меня, что онъ содержится здѣсь подъ карауломъ, что онъ многихъ изъ голландцевъ и изъ россіянъ здѣсь часто видитъ, которыхъ однако-жъ никогда здѣсь не бывало, и проч. Докторъ философіи, наставлявшій его въ нѣмецкомъ языкѣ и который каждодневно къ нему до болѣзни прихаживалъ и во время болѣзни посѣщалъ, увѣряетъ меня, что сіе случилось ему отъ безмѣрнаго прилежанія, и что онъ, поелику времени немного оставалось быть въ чужихъ краяхъ, хотѣлъ въ короткое время успѣть во всѣхъ частяхъ, особливо натуральной исторіи, которую онъ, чтобы между тѣмъ и въ нѣмецкомъ языкѣ успѣть, принялся перевести съ нѣмецкаго языка на латинскій, ночи просиживалъ, чтобы къ концу привесть переводъ, и большую половину перевелъ уже, какъ болѣзнь ему трудиться далѣе не дала. Докторъ медицины, лѣчившій его, и всѣ, здѣсь въ домѣ живущіе, сію же причину болѣзни его подтверждаютъ. Но самъ онъ причиною болѣзни, печали и задумчивости не иное что поставляетъ, какъ только, что онъ ѣлъ, пилъ, лѣнился и прочее, а особливо, что онъ здѣшнихъ профессоровъ, въ письмѣ къ Михаилу Ивановичу Багрянскому, якобы пересмѣхалъ, и якобы сіе письмо перехвачено профессорами, прочитано и опредѣлено наказать пересмѣшника. Впрочемъ, докторъ и другіе, знающіе его, увѣряютъ, что онъ жилъ препорядочно. Ипохондрическое его состояніе продолжалось долго по пріѣздѣ моемъ сюда и такъ мы съ докторомъ не совѣтовали ему совсѣмъ ходить на лекціи до совершеннаго выздоровленія и онъ не ходилъ, не совѣтовали также и читать много; однако, онъ, не

*) М. И. Невзоровъ.

139. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Геттингенъ. 15 августа, 1791. (28 августа).

Любезнѣйшій другъ и благодѣтель! По сіе время не знаю я, что сдѣлалось съ Максимомъ Ивановичемъ *). До пріѣзда моего былъ онъ боленъ мѣсяца съ полтора, какъ я къ вамъ писалъ уже; по пріѣздѣ моемъ въ Геттингъ онъ выздоравливалъ, былъ однако-жъ весьма слабъ, задумчивъ и подозрѣвалъ всѣхъ безъ разбору; мнѣ однако-жъ открывался въ мысляхъ своихъ, однако не на квартирѣ, гдѣ безпрестанно молчалъ, и развѣ только на вопросы отвѣтствовалъ, и то не на всѣ, и открывался тогда только, когда я его вызывалъ прогуливаться за городъ. Въ чемъ же онъ открывался? Перечислялъ грѣхи свои и всѣ поступки, случившіеся въ его жизни, жалѣлъ, что ѣлъ иногда много и пилъ, многимъ насмѣхался и за удовольствіе почиталъ насмѣхаться. Пересказывая такимъ образомъ, глубоко воздыхалъ и часто плакалъ. Сіи и симъ подобныя раскаянія и жалѣнія о грѣхахъ нельзя не признать похвальными, если бы другіе его разсказы не доказывали, что все сіе происходитъ въ немъ отъ глубокой и совершенно больной ипохондріи. Какъ напримѣръ, онъ увѣряетъ меня, что онъ содержится здѣсь подъ карауломъ, что онъ многихъ изъ голландцевъ и изъ россіянъ здѣсь часто видитъ, которыхъ однако-жъ никогда здѣсь не бывало, и проч. Докторъ философіи, наставлявшій его въ нѣмецкомъ языкѣ и который каждодневно къ нему до болѣзни прихаживалъ и во время болѣзни посѣщалъ, увѣряетъ меня, что сіе случилось ему отъ безмѣрнаго прилежанія, и что онъ, поелику времени немного оставалось быть въ чужихъ краяхъ, хотѣлъ въ короткое время успѣть во всѣхъ частяхъ, особливо натуральной исторіи, которую онъ, чтобы между тѣмъ и въ нѣмецкомъ языкѣ успѣть, принялся перевести съ нѣмецкаго языка на латинскій, ночи просиживалъ, чтобы къ концу привесть переводъ, и большую половину перевелъ уже, какъ болѣзнь ему трудиться далѣе не дала. Докторъ медицины, лѣчившій его, и всѣ, здѣсь въ домѣ живущіе, сію же причину болѣзни его подтверждаютъ. Но самъ онъ причиною болѣзни, печали и задумчивости не иное что поставляетъ, какъ только, что онъ ѣлъ, пилъ, лѣнился и прочее, а особливо, что онъ здѣшнихъ профессоровъ, въ письмѣ къ Михаилу Ивановичу Багрянскому, якобы пересмѣхалъ, и якобы сіе письмо перехвачено профессорами, прочитано и опредѣлено наказать пересмѣшника. Впрочемъ, докторъ и другіе, знающіе его, увѣряютъ, что онъ жилъ препорядочно. Ипохондрическое его состояніе продолжалось долго по пріѣздѣ моемъ сюда и такъ мы съ докторомъ не совѣтовали ему совсѣмъ ходить на лекціи до совершеннаго выздоровленія и онъ не ходилъ, не совѣтовали также и читать много; однако, онъ, не

*) М. И. Невзоровъ.

смотря на короткое время, т. е. недѣль въ шесть, шесть томовъ Бомара на французскомъ языкѣ, три тома Шаршмида на нѣмецкомъ и Бонетовы сочиненія нѣкоторыя на нѣмецкомъ прочиталъ.

Наконецъ, съ недѣлю тому назадъ, болѣзнь возобновилась во всей силѣ. Принесли мѣсячной щетъ столовой и болѣе какъ въ сіе время никакихъ расходовъ не было, то и въ реестрѣ ничего болѣе не стояло, какъ только обѣды и ужины. «Боже мой, сказалъ онъ, я къ коллегіи на лекціи не хожу, а только обѣдаю и ужинаю!» Послѣ чего онъ всю ночь не спалъ и все только думалъ, что онъ недостойно обѣдаетъ и ужинаетъ; наконецъ, онъ приказалъ, чтобы порціи ему вовсе не приносили. Цѣлые четыре дни прошли и онъ ничего не ѣлъ и не хотѣлъ ѣсть. Когда я ему напомяну о хлѣбѣ или позову съ собой обѣдать изъ моей порціи, то онъ при воспоминаніи одного слова «ѣсть» блѣднѣетъ и почти конвульсіи терпитъ. На четвертый день въ вечеру насилу убѣдить я могъ его кусокъ хлѣба съѣсть; онъ согласился, наконецъ, съ великимъ неудовольствіемъ; однако всю слѣдующую ночь провоздыхалъ и проплакалъ объ ономъ, что онъ недостойно кусокъ хлѣба съѣлъ. Отъ слабости уже не можетъ по покоямъ ходить, въ лицѣ весь перемѣнился, окошко у себя затворилъ и днемъ не открываетъ. Я не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать, ибо онъ уже ничего не отвѣчаетъ, если что я и спрашиваю.

Онъ говаривалъ иногда прежде, что профессоры на него сердятся по вышеупомянутой причинѣ, но напрасно: всѣ профессоры, напротивъ того, которые его знаютъ, жалѣютъ объ его болѣзни сердечно. Онъ говаривалъ иногда также, что хотѣлось бы ему еще здѣсь поучиться и остаться еще по крайней мѣрѣ на годъ. Но докторъ, лѣчившій его, совсѣмъ ему не совѣтуетъ оставаться, ибо онъ по выздоровленіи прежде только два дня походилъ въ коллегію и отъ того ему хуже опять сдѣлалось. О расположеніи же моемъ я къ вамъ уже писалъ. Ожидаемъ отъ васъ рѣшенія. Денегъ мы уже отъ васъ сей годъ весьма много перевели, однако, признаться, на возвратный путь не станетъ. Вашъ покорнѣйшій слуга

Василій Колокольниковъ.

P. S. На прошедшей почтѣ опоздалъ послать сіе письмо. Другой день, какъ Максиму Ивановичу немного полегче стало. Онъ поспокойнѣе сталъ немного.

140. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 20 августа, 1791. — № 19. (25 августа).

Подтверждая тебѣ, мой другъ, писанное мною отъ 17 числа въ № 18, скажу тебѣ, что мы еще ни кредитиву тебѣ, ни денегъ для твоего товарища достать не могли, но какъ скоро достанемъ, то и от-

смотря на короткое время, т. е. недѣль въ шесть, шесть томовъ Бомара на французскомъ языкѣ, три тома Шаршмида на нѣмецкомъ и Бонетовы сочиненія нѣкоторыя на нѣмецкомъ прочиталъ.

Наконецъ, съ недѣлю тому назадъ, болѣзнь возобновилась во всей силѣ. Принесли мѣсячной щетъ столовой и болѣе какъ въ сіе время никакихъ расходовъ не было, то и въ реестрѣ ничего болѣе не стояло, какъ только обѣды и ужины. «Боже мой, сказалъ онъ, я къ коллегіи на лекціи не хожу, а только обѣдаю и ужинаю!» Послѣ чего онъ всю ночь не спалъ и все только думалъ, что онъ недостойно обѣдаетъ и ужинаетъ; наконецъ, онъ приказалъ, чтобы порціи ему вовсе не приносили. Цѣлые четыре дни прошли и онъ ничего не ѣлъ и не хотѣлъ ѣсть. Когда я ему напомяну о хлѣбѣ или позову съ собой обѣдать изъ моей порціи, то онъ при воспоминаніи одного слова «ѣсть» блѣднѣетъ и почти конвульсіи терпитъ. На четвертый день въ вечеру насилу убѣдить я могъ его кусокъ хлѣба съѣсть; онъ согласился, наконецъ, съ великимъ неудовольствіемъ; однако всю слѣдующую ночь провоздыхалъ и проплакалъ объ ономъ, что онъ недостойно кусокъ хлѣба съѣлъ. Отъ слабости уже не можетъ по покоямъ ходить, въ лицѣ весь перемѣнился, окошко у себя затворилъ и днемъ не открываетъ. Я не знаю, что мнѣ съ нимъ дѣлать, ибо онъ уже ничего не отвѣчаетъ, если что я и спрашиваю.

Онъ говаривалъ иногда прежде, что профессоры на него сердятся по вышеупомянутой причинѣ, но напрасно: всѣ профессоры, напротивъ того, которые его знаютъ, жалѣютъ объ его болѣзни сердечно. Онъ говаривалъ иногда также, что хотѣлось бы ему еще здѣсь поучиться и остаться еще по крайней мѣрѣ на годъ. Но докторъ, лѣчившій его, совсѣмъ ему не совѣтуетъ оставаться, ибо онъ по выздоровленіи прежде только два дня походилъ въ коллегію и отъ того ему хуже опять сдѣлалось. О расположеніи же моемъ я къ вамъ уже писалъ. Ожидаемъ отъ васъ рѣшенія. Денегъ мы уже отъ васъ сей годъ весьма много перевели, однако, признаться, на возвратный путь не станетъ. Вашъ покорнѣйшій слуга

Василій Колокольниковъ.

P. S. На прошедшей почтѣ опоздалъ послать сіе письмо. Другой день, какъ Максиму Ивановичу немного полегче стало. Онъ поспокойнѣе сталъ немного.

140. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 20 августа, 1791. — № 19. (25 августа).

Подтверждая тебѣ, мой другъ, писанное мною отъ 17 числа въ № 18, скажу тебѣ, что мы еще ни кредитиву тебѣ, ни денегъ для твоего товарища достать не могли, но какъ скоро достанемъ, то и от-

правимъ къ вамъ; а ты, мой другъ, между тѣмъ отпиши къ твоему товарищу, чтобы онъ не безпокоился, не получая отъ меня письма, потому что мое молчаніе отъ того происходитъ только, что деньги еще не найдены. Я и всѣ наши здоровы и веселы чрезвычайно полученіемъ извѣстія, что миръ между нами и Портою заключенъ 31 числа, и что мы получаемъ степь Очаковскую, и Днѣстръ отнынѣ будетъ границею обѣихъ имперій. Богъ да благословитъ императрицу нашу; ея твердость и разумъ заставили Европу замолчать, и она то получила, чего хотѣла, и, новые лавры надѣвъ на свою главу, прославила вновь наше отечество. Буди Господь благословенъ! Прости, мой другъ; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

141. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 23 августа — 3 сентября, 1791.—№ 15. (8 сентября).

Любезный дражайшій другъ и братъ! Я давно уже не имѣю отъ васъ писемъ, но не смѣю пенять за сіе, ибо самъ давно не писалъ, не имѣя ничего сказать новаго, и бывъ занятъ опытами въ изслѣдованіи путей натуры. Не имѣя по сіе время отвѣта на сдѣланные мною запросы, весьма симъ безпокоюсь, тѣмъ паче, что оттого частію зависитъ спокойствіе моего духа, а отъ сего послѣдняго успѣхи моихъ работъ, ибо разсѣянный мятущійся духъ неудобенъ быть ученикомъ натуры, глаза его покрыты мракомъ видѣть даже и того, что, такъ сказать, лежитъ подъ его носомъ. Вамъ не должно быть нескорыми, я не настою на ваше согласіе, но требую токмо вашего рѣшенія, и рѣшенія твердаго, дабы могъ принять надлежащія мѣры. Неизвѣстность можетъ подвергнуть мою репутацію и доброе имя. Я говорю «можетъ», и сіе неложно, ибо начинаю уже испытывать сіе самимъ дѣломъ. Но я умолкну, дабы не показать вамъ, что я хочу упрекать васъ. Боже, сохрани меня отъ сего. Скажу однако-жъ, ежели-бъ вы сличили получаемыя отъ меня письмы съ присылкою отъ васъ нужнаго на наше содержаніе, то бы не могли поступить иначе. Благодарю васъ сердечно, а купно съ вами и любезнаго моего Филуса *) за исправную заплату Борису Владиміровичу Пестелю. Признаюсь, я трепеталъ, опасаясь противнаго. Еще повторяю здѣсь, что изъ сей суммы не получилъ я ни полушки и, слѣдовательно, не поставляйте оныя на мой щетъ. Съ августа мѣсяца прошедшаго года получилъ я только 1665 талеровъ, включая въ сіе число и сдѣланные мною прежде того долги. Вотъ уже сентябрь другого года. Не знаю, помышляете ли вы о семъ, но я весьма сіе чувствую и кредитъ мой начинаетъ умирать. Еще прошу, не замѣшкайте отвѣтомъ на мою неоднократную просьбу. Приложенное письмо перешлите скорѣе къ

*) И. В. Лопухинъ.

правимъ къ вамъ; а ты, мой другъ, между тѣмъ отпиши къ твоему товарищу, чтобы онъ не безпокоился, не получая отъ меня письма, потому что мое молчаніе отъ того происходитъ только, что деньги еще не найдены. Я и всѣ наши здоровы и веселы чрезвычайно полученіемъ извѣстія, что миръ между нами и Портою заключенъ 31 числа, и что мы получаемъ степь Очаковскую, и Днѣстръ отнынѣ будетъ границею обѣихъ имперій. Богъ да благословитъ императрицу нашу; ея твердость и разумъ заставили Европу замолчать, и она то получила, чего хотѣла, и, новые лавры надѣвъ на свою главу, прославила вновь наше отечество. Буди Господь благословенъ! Прости, мой другъ; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

141. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 23 августа — 3 сентября, 1791.—№ 15. (8 сентября).

Любезный дражайшій другъ и братъ! Я давно уже не имѣю отъ васъ писемъ, но не смѣю пенять за сіе, ибо самъ давно не писалъ, не имѣя ничего сказать новаго, и бывъ занятъ опытами въ изслѣдованіи путей натуры. Не имѣя по сіе время отвѣта на сдѣланные мною запросы, весьма симъ безпокоюсь, тѣмъ паче, что оттого частію зависитъ спокойствіе моего духа, а отъ сего послѣдняго успѣхи моихъ работъ, ибо разсѣянный мятущійся духъ неудобенъ быть ученикомъ натуры, глаза его покрыты мракомъ видѣть даже и того, что, такъ сказать, лежитъ подъ его носомъ. Вамъ не должно быть нескорыми, я не настою на ваше согласіе, но требую токмо вашего рѣшенія, и рѣшенія твердаго, дабы могъ принять надлежащія мѣры. Неизвѣстность можетъ подвергнуть мою репутацію и доброе имя. Я говорю «можетъ», и сіе неложно, ибо начинаю уже испытывать сіе самимъ дѣломъ. Но я умолкну, дабы не показать вамъ, что я хочу упрекать васъ. Боже, сохрани меня отъ сего. Скажу однако-жъ, ежели-бъ вы сличили получаемыя отъ меня письмы съ присылкою отъ васъ нужнаго на наше содержаніе, то бы не могли поступить иначе. Благодарю васъ сердечно, а купно съ вами и любезнаго моего Филуса *) за исправную заплату Борису Владиміровичу Пестелю. Признаюсь, я трепеталъ, опасаясь противнаго. Еще повторяю здѣсь, что изъ сей суммы не получилъ я ни полушки и, слѣдовательно, не поставляйте оныя на мой щетъ. Съ августа мѣсяца прошедшаго года получилъ я только 1665 талеровъ, включая въ сіе число и сдѣланные мною прежде того долги. Вотъ уже сентябрь другого года. Не знаю, помышляете ли вы о семъ, но я весьма сіе чувствую и кредитъ мой начинаетъ умирать. Еще прошу, не замѣшкайте отвѣтомъ на мою неоднократную просьбу. Приложенное письмо перешлите скорѣе къ

*) И. В. Лопухинъ.

моему брату. Поздравляю васъ съ миромъ. Возблагодаримъ за сіе Всевышняго и помолимся ему, да благословитъ состояніе нашего любезнаго отечества. Не знаете ли чего о моемъ нещастномъ другѣ *)? Простите, и вѣрьте мнѣ, что я по гробъ есть истинный вамъ другъ и братъ.

142. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 23 августа — 3 сентября, 1791. (8 сентября).

Милостивый Государь и братъ Федоръ Михайловичъ!

Весьма уже давно лишенъ я удовольствія получать ваши письмы. Послѣднее получилъ я чрезъ князя Давыдова **) изъ Петербурга, на которое и отвѣчалъ чрезъ него же. Удивляюсь я, что вы не получаете моихъ писемъ; я весьма симъ безпокоюсь, не зная, чему приписать сіе. Въ двухъ моихъ письмахъ просилъ я васъ о пересылкѣ оброчныхъ денегъ за прошедшій годъ, но по сіе время ни денегъ, ни отвѣта отъ васъ не имѣю. Сдѣлайте милость, перешлите деньги, какъ можно поскорѣе, ибо я чрезвычайно нуждаюсь ими. Сами судите, сколь разстраиваетъ неисправное полученіе денегъ, наипаче въ чужой землѣ, гдѣ я лишенъ средствъ и способовъ доставать оныя иначе, какъ токмо изъ моего отечества. Помнится мнѣ, я писалъ уже къ вамъ неоднократно о пересылкѣ моихъ доходовъ, не ожидая моей просьбы; пожалуста, доставьте ихъ Алексѣю Александровичу Плещееву. Поздравляю васъ съ щастливымъ окончаніемъ достославныя войны и съ заключеніемъ довольно выгоднаго мира. Сіе происшествіе служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ, сколь ничтожны суть человѣческія предпріятія. Едва ли не вся Европа возстала противъ нашего отечества съ намѣреніемъ изторгнуть изъ нашихъ рукъ плоды побѣдъ россійскаго мужественнаго воинства, но что же они успѣли? Принуждены были уступить твердости и великодушію нашей монархини и со стыдомъ согласились, на условія давно уже ею предложенныя. Дай, Боже, чтобы мы на долгое время пользовались миромъ и плодами бы онаго вознаградили понесенные нами убытки. Отпишите, пожалуста, о состояніи вашего здоровья. Вы не можете представить, сколь грустно мнѣ незнаніе, что съ вами дѣлается. Поклонитесь всѣмъ, кто пожалуетъ о мнѣ вспомнить и вѣрьте, что я на вѣкъ пребываю вашимъ истиннымъ другомъ и вѣрнымъ братомъ.

143. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 20 августа, 1791. — № 16. (6 октября).

Дражайшій другъ и братъ! Причиною долговременному моему молчанію суть хлопоты, въ которыхъ я находился. Мой Пиренбергской

*) А. Н. Радищевъ.

**) Кн. С. М. Давыдовъ.

моему брату. Поздравляю васъ съ миромъ. Возблагодаримъ за сіе Всевышняго и помолимся ему, да благословитъ состояніе нашего любезнаго отечества. Не знаете ли чего о моемъ нещастномъ другѣ *)? Простите, и вѣрьте мнѣ, что я по гробъ есть истинный вамъ другъ и братъ.

142. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 23 августа — 3 сентября, 1791. (8 сентября).

Милостивый Государь и братъ Федоръ Михайловичъ!

Весьма уже давно лишенъ я удовольствія получать ваши письмы. Послѣднее получилъ я чрезъ князя Давыдова **) изъ Петербурга, на которое и отвѣчалъ чрезъ него же. Удивляюсь я, что вы не получаете моихъ писемъ; я весьма симъ безпокоюсь, не зная, чему приписать сіе. Въ двухъ моихъ письмахъ просилъ я васъ о пересылкѣ оброчныхъ денегъ за прошедшій годъ, но по сіе время ни денегъ, ни отвѣта отъ васъ не имѣю. Сдѣлайте милость, перешлите деньги, какъ можно поскорѣе, ибо я чрезвычайно нуждаюсь ими. Сами судите, сколь разстраиваетъ неисправное полученіе денегъ, наипаче въ чужой землѣ, гдѣ я лишенъ средствъ и способовъ доставать оныя иначе, какъ токмо изъ моего отечества. Помнится мнѣ, я писалъ уже къ вамъ неоднократно о пересылкѣ моихъ доходовъ, не ожидая моей просьбы; пожалуста, доставьте ихъ Алексѣю Александровичу Плещееву. Поздравляю васъ съ щастливымъ окончаніемъ достославныя войны и съ заключеніемъ довольно выгоднаго мира. Сіе происшествіе служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ, сколь ничтожны суть человѣческія предпріятія. Едва ли не вся Европа возстала противъ нашего отечества съ намѣреніемъ изторгнуть изъ нашихъ рукъ плоды побѣдъ россійскаго мужественнаго воинства, но что же они успѣли? Принуждены были уступить твердости и великодушію нашей монархини и со стыдомъ согласились, на условія давно уже ею предложенныя. Дай, Боже, чтобы мы на долгое время пользовались миромъ и плодами бы онаго вознаградили понесенные нами убытки. Отпишите, пожалуста, о состояніи вашего здоровья. Вы не можете представить, сколь грустно мнѣ незнаніе, что съ вами дѣлается. Поклонитесь всѣмъ, кто пожалуетъ о мнѣ вспомнить и вѣрьте, что я на вѣкъ пребываю вашимъ истиннымъ другомъ и вѣрнымъ братомъ.

143. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 20 августа, 1791. — № 16. (6 октября).

Дражайшій другъ и братъ! Причиною долговременному моему молчанію суть хлопоты, въ которыхъ я находился. Мой Пиренбергской

*) А. Н. Радищевъ.

**) Кн. С. М. Давыдовъ.

другъ *) былъ и, можетъ быть, и теперь еще есть въ весьма горестномъ состояніи въ надеждѣ скорой присылки денегъ, а еще и того болѣе по необходимости сдѣлалъ онъ тамъ нѣкоторые долги, за которые хотѣли посадить его въ заключеніе. Представьте-жъ себѣ мое состояніе, узнавъ сіе происшествіе, и точно въ такое время, когда у меня самаго ни полушки денегъ не было! Я совался во всѣ стороны и едва могъ сыскать сто червонныхъ, изъ которыхъ послалъ ему семьдесятъ. Дай, Боже, только, чтобъ они дошли до него во время! Сердечно благодарю васъ за дружеское согласіе на мой планъ и за скорый отвѣтъ на вопросъ мой. Я сердечно увѣренъ въ вашей доброй волѣ и въ дружескомъ ко мнѣ расположеніи и съ сей стороны никогда и ни мало не безпокоился, но, признаюсь, безпокоитъ меня собственное ваше всѣхъ расположеніе и сего-то ради, дабы обезпечить обѣ стороны, желалъ бы я предпочтительно всему имѣть кредитивъ. Вы, находясь въ нѣдрахъ своего отечества, имѣете множество пособій, которыхъ я лишенъ здѣсь, яко чужестранецъ. Вы, по крайней мѣрѣ, увѣрены въ насущномъ хлѣбѣ, а я не имѣю сего увѣренія. Занимая деньги, принужденъ бываю платить по двадцати пяти процентовъ, но и сіе сопряжено почти съ непреоборимыми препятствіями. Ежели-бъ не сіи обстоятельствы, то истинно было бы для меня все равно, рано или поздно получу деньги. Вотъ истинная причина, для которой докучаю вамъ моими просьбами. — Сокъ боленъ и, слѣдовательно, не могъ говорить съ нимъ по вашему письму; что касается до меня, то, кажется мнѣ, вы требуете невозможнаго. Прочтите только со вниманіемъ 1-ю ст., то усмотрите сіе ясно. Впрочемъ скажу вамъ, что отвѣтъ можетъ данъ быть токмо изъ перваго мѣста; здѣшнее-жъ мѣсто есть еще весьма далеко и едва ли на половинѣ; то какъ могутъ рѣшить требуемое? Не взирая на сіе, я буду говорить. — Поздравляю, любезнѣйшіе друзья, съ дарованнымъ миромъ; помолитесь купно, да продлится оный на многія лѣты. Возблагодаримъ Бога и за твердость и великодушіе, оказанныя въ семъ случаѣ нашею монархинею, не упоминая о Божіей помощи, безъ которой все человѣческое есть ничто. Ей единой одолжены мы симъ славнымъ миромъ вопреки почти всей Европѣ. — Увѣдомьте меня, правда ли мною слышанное, что нещастный мой другъ Рад[ищевъ] изъ Сибири переведенъ въ Оренбургъ, и что ему пожаловано десять тысячъ рублей съ условіемъ, чтобы онъ впредь не писалъ. Простите, обнимаю васъ всѣхъ, сердечныхъ друзей моихъ.

144. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 28 августа, 1791. (1 сентября).

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Письмо твое получилъ. Еще спасибо за дружбу. Требованія твои еще стараться буду исполнять, сколько

*) Бар. Шредеръ.

другъ *) былъ и, можетъ быть, и теперь еще есть въ весьма горестномъ состояніи въ надеждѣ скорой присылки денегъ, а еще и того болѣе по необходимости сдѣлалъ онъ тамъ нѣкоторые долги, за которые хотѣли посадить его въ заключеніе. Представьте-жъ себѣ мое состояніе, узнавъ сіе происшествіе, и точно въ такое время, когда у меня самаго ни полушки денегъ не было! Я совался во всѣ стороны и едва могъ сыскать сто червонныхъ, изъ которыхъ послалъ ему семьдесятъ. Дай, Боже, только, чтобъ они дошли до него во время! Сердечно благодарю васъ за дружеское согласіе на мой планъ и за скорый отвѣтъ на вопросъ мой. Я сердечно увѣренъ въ вашей доброй волѣ и въ дружескомъ ко мнѣ расположеніи и съ сей стороны никогда и ни мало не безпокоился, но, признаюсь, безпокоитъ меня собственное ваше всѣхъ расположеніе и сего-то ради, дабы обезпечить обѣ стороны, желалъ бы я предпочтительно всему имѣть кредитивъ. Вы, находясь въ нѣдрахъ своего отечества, имѣете множество пособій, которыхъ я лишенъ здѣсь, яко чужестранецъ. Вы, по крайней мѣрѣ, увѣрены въ насущномъ хлѣбѣ, а я не имѣю сего увѣренія. Занимая деньги, принужденъ бываю платить по двадцати пяти процентовъ, но и сіе сопряжено почти съ непреоборимыми препятствіями. Ежели-бъ не сіи обстоятельствы, то истинно было бы для меня все равно, рано или поздно получу деньги. Вотъ истинная причина, для которой докучаю вамъ моими просьбами. — Сокъ боленъ и, слѣдовательно, не могъ говорить съ нимъ по вашему письму; что касается до меня, то, кажется мнѣ, вы требуете невозможнаго. Прочтите только со вниманіемъ 1-ю ст., то усмотрите сіе ясно. Впрочемъ скажу вамъ, что отвѣтъ можетъ данъ быть токмо изъ перваго мѣста; здѣшнее-жъ мѣсто есть еще весьма далеко и едва ли на половинѣ; то какъ могутъ рѣшить требуемое? Не взирая на сіе, я буду говорить. — Поздравляю, любезнѣйшіе друзья, съ дарованнымъ миромъ; помолитесь купно, да продлится оный на многія лѣты. Возблагодаримъ Бога и за твердость и великодушіе, оказанныя въ семъ случаѣ нашею монархинею, не упоминая о Божіей помощи, безъ которой все человѣческое есть ничто. Ей единой одолжены мы симъ славнымъ миромъ вопреки почти всей Европѣ. — Увѣдомьте меня, правда ли мною слышанное, что нещастный мой другъ Рад[ищевъ] изъ Сибири переведенъ въ Оренбургъ, и что ему пожаловано десять тысячъ рублей съ условіемъ, чтобы онъ впредь не писалъ. Простите, обнимаю васъ всѣхъ, сердечныхъ друзей моихъ.

144. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 28 августа, 1791. (1 сентября).

Здравствуй, любезнѣйшій другъ! Письмо твое получилъ. Еще спасибо за дружбу. Требованія твои еще стараться буду исполнять, сколько

*) Бар. Шредеръ.

можно и безъ промедленія. Только «на нѣтъ суда нѣтъ», ты знаешь,— русской человѣкъ. Ассигнацію, тобою на меня адресованную, уже я заплатилъ и разодранную возвратилъ тебѣ.

Ну, любезный другъ, сердечно тебя обнимая, поздравляю съ миромъ. Сбылось и твое доброе предчувствіе, что отечество наше, не смотря на всѣ противу его ковы, выйдетъ съ обыкновенною ему славою. Подлинно — славно и полезно. Слава Богу, даровавшему намъ миръ и очень выгодный. Непріятели наши, думаю, не ожидали этого. На чемъ миръ, о томъ, думаю, уже изъ газетъ знаешь. Какъ же сіе сдѣлалось, о томъ подробнаго здѣсь ничего нѣтъ, а слухи сходны съ письмомъ, которое здѣсь ходитъ, писанное, видно, изъ близкихъ мѣстъ къ театру тѣхъ дѣйствій и которое спѣшилъ сегодня списать для посылки къ тебѣ. Жаль, ежели его нѣтъ въ иностранныхъ газетахъ; я бы очень желалъ, чтобъ оно было напечатано. Тутъ видно, какъ Русь-матушка всѣмъ носъ утерла. Прости, спѣшу пользоваться гуляньемъ въ прекрасный нынѣ день. Еще обнимаетъ тебя радующійся

П. Л.

Я не ставлю, откуда къ тебѣ пишу, ибо седьмой годъ ни единаго разу внѣ Москвы не ночевалъ и дай, Боже, чтобы еще долго не выѣзжать, ибо житіе мое здѣсь сопряжено съ жизнею батюшки. Сегодня въ первый разъ пріѣхалъ въ 5-мъ часу пополуночи домой изъ Очакова отъ Трубецкихъ. Тамъ была играна новая драма Хераскова *) и недурна, а послѣ сюрпри: иллюминованъ садъ, данъ фейерверкъ и еще маленькая пьеса во время гулянья при входѣ въ храмъ дружбы, въ которомъ были имена княгини Варв[ары] Александровны **), Елисаветы Васильевны и одной княжны Волконской, кн. Петра Михайловича дочери, которой было, сказываютъ, рожденіе. Праздникъ давалъ князь Юрій Никитичъ на радости, что князь Петра ***) отпустили по генварь. А весною они горевали, думая, что или прусская, или шведская пуля можетъ ему въ лобъ попасть. И для того хотѣли было отпускать волонтеромъ къ князю Потемкину въ Молдавію, на что и обѣщаніе имѣли, ежели Брюсъ не отпуститъ. Кн. Юрій Никитичъ тогда сказалъ, что, ежели его отпустятъ, то онъ дастъ праздникъ, какого у нихъ не бывало. Наконецъ, сдержалъ слово. Князя Петра отпустили въ началѣ іюня и онъ, съ перваго дня начавъ готовиться, насилу ко вчерашнему поспѣлъ. Кн. Николай Никитичъ въ разсужденіи пустоты этого и кармана, его отговаривалъ сильно, да не успѣлъ. Знаешь его упрямство. Праздникъ не очень дорогой, да пышной.

*) М. М. Херасковъ.

**) Княгиня В. А. Трубецкая.

***) Кн. П. И. Трубецкой.

можно и безъ промедленія. Только «на нѣтъ суда нѣтъ», ты знаешь,— русской человѣкъ. Ассигнацію, тобою на меня адресованную, уже я заплатилъ и разодранную возвратилъ тебѣ.

Ну, любезный другъ, сердечно тебя обнимая, поздравляю съ миромъ. Сбылось и твое доброе предчувствіе, что отечество наше, не смотря на всѣ противу его ковы, выйдетъ съ обыкновенною ему славою. Подлинно — славно и полезно. Слава Богу, даровавшему намъ миръ и очень выгодный. Непріятели наши, думаю, не ожидали этого. На чемъ миръ, о томъ, думаю, уже изъ газетъ знаешь. Какъ же сіе сдѣлалось, о томъ подробнаго здѣсь ничего нѣтъ, а слухи сходны съ письмомъ, которое здѣсь ходитъ, писанное, видно, изъ близкихъ мѣстъ къ театру тѣхъ дѣйствій и которое спѣшилъ сегодня списать для посылки къ тебѣ. Жаль, ежели его нѣтъ въ иностранныхъ газетахъ; я бы очень желалъ, чтобъ оно было напечатано. Тутъ видно, какъ Русь-матушка всѣмъ носъ утерла. Прости, спѣшу пользоваться гуляньемъ въ прекрасный нынѣ день. Еще обнимаетъ тебя радующійся

П. Л.

Я не ставлю, откуда къ тебѣ пишу, ибо седьмой годъ ни единаго разу внѣ Москвы не ночевалъ и дай, Боже, чтобы еще долго не выѣзжать, ибо житіе мое здѣсь сопряжено съ жизнею батюшки. Сегодня въ первый разъ пріѣхалъ въ 5-мъ часу пополуночи домой изъ Очакова отъ Трубецкихъ. Тамъ была играна новая драма Хераскова *) и недурна, а послѣ сюрпри: иллюминованъ садъ, данъ фейерверкъ и еще маленькая пьеса во время гулянья при входѣ въ храмъ дружбы, въ которомъ были имена княгини Варв[ары] Александровны **), Елисаветы Васильевны и одной княжны Волконской, кн. Петра Михайловича дочери, которой было, сказываютъ, рожденіе. Праздникъ давалъ князь Юрій Никитичъ на радости, что князь Петра ***) отпустили по генварь. А весною они горевали, думая, что или прусская, или шведская пуля можетъ ему въ лобъ попасть. И для того хотѣли было отпускать волонтеромъ къ князю Потемкину въ Молдавію, на что и обѣщаніе имѣли, ежели Брюсъ не отпуститъ. Кн. Юрій Никитичъ тогда сказалъ, что, ежели его отпустятъ, то онъ дастъ праздникъ, какого у нихъ не бывало. Наконецъ, сдержалъ слово. Князя Петра отпустили въ началѣ іюня и онъ, съ перваго дня начавъ готовиться, насилу ко вчерашнему поспѣлъ. Кн. Николай Никитичъ въ разсужденіи пустоты этого и кармана, его отговаривалъ сильно, да не успѣлъ. Знаешь его упрямство. Праздникъ не очень дорогой, да пышной.

*) М. М. Херасковъ.

**) Княгиня В. А. Трубецкая.

***) Кн. П. И. Трубецкой.

145. Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 августа, 1791. — № 20. (4 сентября).

Другъ мой сердешный!

Хотя я и въ хлопотахъ по причинѣ переѣзда моего въ Москву, которымъ для того спѣшу, что болѣзнь кн. Елисаветы Петровны *) начала умножаться и доктору нужно ее видѣть всякой день, но пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ, чтобъ не подать тебѣ безпокойства моимъ молчаніемъ; итакъ скажу о себѣ, что, не смотря на мое сердечное безпокойство, видя племянницу въ такомъ положеніи, въ какомъ она теперь находится, я, благодаря Бога, ничего не чувствую, кромѣ безпокойныхъ моихъ болѣзней, то есть, закрытаго почечуя и испорченнаго желудка который всякой день болитъ.

Денегъ по сихъ поръ не могли мы найтить ни для тебя, ни для твоего товарища **), къ которому, пожалуйста, отпиши, чтобъ онъ не безпокоился моимъ молчаніемъ, ибо оно не отъ другой причины происходитъ, какъ отъ той, что безъ вложенія векселя на требуемую имъ сумму я писать къ нему не хочу, ибо и онъ требуетъ и пишетъ, что онъ не увѣреніевъ дружбы, а векселя отъ насъ ожидаетъ.

Новаго здѣсь твоему свѣдѣнію ничего нѣтъ. Всѣ радуются миромъ и имена Потемкина, яко главнокомандующаго, и Репнина, яко исполнителя и утвердителя миру, прославляются.

Прости, мой другъ, Христосъ съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

146. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 15 сентября, 1791. — № 21. (18 сентября).

Я къ тебѣ, мой другъ любезный, не писалъ двѣ недѣли потому, что желудокъ и емороиды были разстроены, и голова моя такъ была глупа, что ни читать, ни писать былъ не въ состояніи.

Письмо твое подъ № 15 получилъ. Богъ Спаситель нашъ да благословитъ начатое тобою дѣло, да дастъ тебѣ восхвалить Его всемогущество, правду и любовь въ дѣлѣ рукъ Его, ибо сія есть единая цѣль сыновей мудрости при испытаніи ихъ, и горе тому, кто при дѣлѣ своемъ воспохотствуетъ чѣмъ либо инымъ. Богъ да сохранитъ всѣхъ насъ отъ какого либо чуждаго сей цѣли походствія.

Что касается до экономическихъ твоихъ дѣлъ, то уже я къ тебѣ писалъ, что кредитиву найтить мало имѣю надежды, но что мы, желая столь нужнаго спокойствія духа, по малымъ суммамъ и сколько

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) Бар. Шредеръ.

145. Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 августа, 1791. — № 20. (4 сентября).

Другъ мой сердешный!

Хотя я и въ хлопотахъ по причинѣ переѣзда моего въ Москву, которымъ для того спѣшу, что болѣзнь кн. Елисаветы Петровны *) начала умножаться и доктору нужно ее видѣть всякой день, но пишу къ тебѣ нѣсколько строкъ, чтобъ не подать тебѣ безпокойства моимъ молчаніемъ; итакъ скажу о себѣ, что, не смотря на мое сердечное безпокойство, видя племянницу въ такомъ положеніи, въ какомъ она теперь находится, я, благодаря Бога, ничего не чувствую, кромѣ безпокойныхъ моихъ болѣзней, то есть, закрытаго почечуя и испорченнаго желудка который всякой день болитъ.

Денегъ по сихъ поръ не могли мы найтить ни для тебя, ни для твоего товарища **), къ которому, пожалуйста, отпиши, чтобъ онъ не безпокоился моимъ молчаніемъ, ибо оно не отъ другой причины происходитъ, какъ отъ той, что безъ вложенія векселя на требуемую имъ сумму я писать къ нему не хочу, ибо и онъ требуетъ и пишетъ, что онъ не увѣреніевъ дружбы, а векселя отъ насъ ожидаетъ.

Новаго здѣсь твоему свѣдѣнію ничего нѣтъ. Всѣ радуются миромъ и имена Потемкина, яко главнокомандующаго, и Репнина, яко исполнителя и утвердителя миру, прославляются.

Прости, мой другъ, Христосъ съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

146. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 15 сентября, 1791. — № 21. (18 сентября).

Я къ тебѣ, мой другъ любезный, не писалъ двѣ недѣли потому, что желудокъ и емороиды были разстроены, и голова моя такъ была глупа, что ни читать, ни писать былъ не въ состояніи.

Письмо твое подъ № 15 получилъ. Богъ Спаситель нашъ да благословитъ начатое тобою дѣло, да дастъ тебѣ восхвалить Его всемогущество, правду и любовь въ дѣлѣ рукъ Его, ибо сія есть единая цѣль сыновей мудрости при испытаніи ихъ, и горе тому, кто при дѣлѣ своемъ воспохотствуетъ чѣмъ либо инымъ. Богъ да сохранитъ всѣхъ насъ отъ какого либо чуждаго сей цѣли походствія.

Что касается до экономическихъ твоихъ дѣлъ, то уже я къ тебѣ писалъ, что кредитиву найтить мало имѣю надежды, но что мы, желая столь нужнаго спокойствія духа, по малымъ суммамъ и сколько

*) Княжна Е. П. Трубецкая.

**) Бар. Шредеръ.

можемъ, часто, будемъ къ тебѣ переводить деньги. Вѣрь, мой другъ, что мы дѣлали, дѣлаемъ и будемъ дѣлать все, что есть возможно къ успокоенію тебя съ этой стороны.

Прилагаю при семъ письмо къ барону *), съ приложеніемъ векселя на сто лундоровъ; онъ пишетъ, что терпитъ крайность, и такъ отошли къ нему оное скорѣе.

Новаго тебѣ сказать ничего не имѣю. Мы, благодаря Бога, здоровы, окромя княжны Елисаветы **), которой болѣзнь не уменьшается. Прости, мой другъ. Катерина Петровна ***) велѣла тебѣ объявить печаль, что попугай, тобою ей данный, не имѣетъ никакого иного недостатка, кромѣ того, который имѣла въ свое время Роландова лошадь, то есть, что ему не достаетъ только къ его достоинствамъ жизни, ибо онъ стоялъ, стоялъ, упалъ и умеръ.

Прости, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

147. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 15 сентября, 1791.

Cher ami et frère!

Vous me pardonnerez que je ne vous ai répondu jusqu'à présent sur votre lettre écrite de Nürnberg, mais la raison de mon silence était que jusqu'à présent je n'ai point pu vous envoyer l'argent que vous avez besoin, mais l'ayant trouvé je me depêche de vous envoyer la lettre de change et vous répondre sur votre lettre.

Vous me croyez refroidi à votre égard, mais le temps vous demontrera que mon coeur est toujours le même, et que mon amitié pour vous est stable. Ecrivant par la poste laquelle je suis assuré n'est point des plus fidèles, je n'entre dans aucune discussion concernant les autres points de votre lettre, mais je vous dirais que vos soupçons sur votre ami Porrect[us] ****) sont faux, qu'il vous aime, et que votre coffre n'est et ne sera jamais ouvert avant que vous ne l'ayez permis, et que Porrect[us] se croirait le plus malhonnête des hommes s'il pouvait penser seulement à trahir la confiance que vous lui aviez faite.

Pardonnez la brieveté de ma lettre et soyez assuré que vous avez en moi un ami fidèle et stable qui vous embrasse de tout son coeur.

148. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 22 сентября, 1791. — № 22. (29 сентября).

Посылаю къ тебѣ, мой другъ, секундовексель для твоего товарища, который ты къ нему отошли. Скажу, что, удовольствуя теперь его, мы

*) Бар. Шредеръ.
**) Княжна Е. П. Трубецкая.
***) Княжна Е. П. Трубецкая.
****) Кн. Н. Н. Трубецкой.

можемъ, часто, будемъ къ тебѣ переводить деньги. Вѣрь, мой другъ, что мы дѣлали, дѣлаемъ и будемъ дѣлать все, что есть возможно къ успокоенію тебя съ этой стороны.

Прилагаю при семъ письмо къ барону *), съ приложеніемъ векселя на сто лундоровъ; онъ пишетъ, что терпитъ крайность, и такъ отошли къ нему оное скорѣе.

Новаго тебѣ сказать ничего не имѣю. Мы, благодаря Бога, здоровы, окромя княжны Елисаветы **), которой болѣзнь не уменьшается. Прости, мой другъ. Катерина Петровна ***) велѣла тебѣ объявить печаль, что попугай, тобою ей данный, не имѣетъ никакого иного недостатка, кромѣ того, который имѣла въ свое время Роландова лошадь, то есть, что ему не достаетъ только къ его достоинствамъ жизни, ибо онъ стоялъ, стоялъ, упалъ и умеръ.

Прости, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

147. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 15 сентября, 1791.

Cher ami et frère!

Vous me pardonnerez que je ne vous ai répondu jusqu'à présent sur votre lettre écrite de Nürnberg, mais la raison de mon silence était que jusqu'à présent je n'ai point pu vous envoyer l'argent que vous avez besoin, mais l'ayant trouvé je me depêche de vous envoyer la lettre de change et vous répondre sur votre lettre.

Vous me croyez refroidi à votre égard, mais le temps vous demontrera que mon coeur est toujours le même, et que mon amitié pour vous est stable. Ecrivant par la poste laquelle je suis assuré n'est point des plus fidèles, je n'entre dans aucune discussion concernant les autres points de votre lettre, mais je vous dirais que vos soupçons sur votre ami Porrect[us] ****) sont faux, qu'il vous aime, et que votre coffre n'est et ne sera jamais ouvert avant que vous ne l'ayez permis, et que Porrect[us] se croirait le plus malhonnête des hommes s'il pouvait penser seulement à trahir la confiance que vous lui aviez faite.

Pardonnez la brieveté de ma lettre et soyez assuré que vous avez en moi un ami fidèle et stable qui vous embrasse de tout son coeur.

148. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 22 сентября, 1791. — № 22. (29 сентября).

Посылаю къ тебѣ, мой другъ, секундовексель для твоего товарища, который ты къ нему отошли. Скажу, что, удовольствуя теперь его, мы

*) Бар. Шредеръ.
**) Княжна Е. П. Трубецкая.
***) Княжна Е. П. Трубецкая.
****) Кн. Н. Н. Трубецкой.

стараемся съ Лоп. *) тебя удовольствовать и, какъ скоро будетъ возможно, то и къ тебѣ станемъ пересылать векселя, а между тѣмъ, мой другъ потерпи и вѣрь, что не отъ нерадѣнія нашего мы бываемъ иногда неисправны, но невозможность оное производитъ. Писемъ отъ тебя нѣтъ недѣли съ двѣ; новаго-жъ къ твоему свѣдѣнію ничего нѣтъ, и такъ, сказавъ, что мы, благодаря Бога, здоровы, обнимаю тебя мысленно и есмь твой другъ.

149. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 6 октября, 1791. — № 23. (9 октября).

Уже болѣе двухъ недѣль, мой другъ любезный, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ. Боже, дай, чтобъ сіе молчаніе твое происходило не отъ болѣзни, а отъ упражненія твоего въ познаніи природы. Сія мысль успокаиваетъ меня, а первая ужасаетъ. О себѣ и о всѣхъ нашихъ скажу, что мы, благодаря Бога, здоровы, только я немного простудился по причинѣ бывшаго подлѣ меня пожару, который былъ силенъ и такъ для моего дому опасенъ, что я принужденъ былъ изъ онаго убираться, въ которое время, стоявъ непрестанно на дворѣ, отъ сильнаго вѣтру простудился; однако-жъ теперь сія простуда почти совсѣмъ миновалась. О деньгахъ для тебя, мой другъ, потерпи. Что дѣлать? Теперь осень и самое глухое время для полученія оныхъ. Но вѣрь, мой другъ, что мы съ Лоп. *) всѣ силы употребляемъ достать оныхъ скорѣе и, сколько достанемъ и доставать будемъ впредь, столько станемъ къ тебѣ переводить. Прости, мой другъ, Христосъ съ тобою.

150. А. М. КУТУЗОВЪ — Е. П. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ.

Берлинъ. 8/19 октября, 1791.

Милостивая Государыня Екатерина Ильинишна!

Не могу себѣ представить, чтобъ вы забыли совершенно человѣка, чрезвычайно васъ почитающаго и любящаго, человѣка, котораго вы удостоивали вашею дружбою; сердечныя ваши свойствы подтверждаютъ мое мнѣніе. Но чему-жъ припису я ваше столь упрямое молчаніе?

Истинно не знаю, на чемъ мнѣ остановиться. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ хотя строчку; чрезъ сіе выведете меня изъ несноснаго состоянія, въ которомъ нахожусь. Иногда приходитъ мнѣ мысль, что вы сердитесь на меня, нашедъ что-либо противное въ послѣднихъ моихъ письмахъ; правда, слѣдуя, нѣкогда данному мнѣ отъ васъ совѣту, не оставляю никогда черныхъ писемъ, ибо пишу прямо, что думаю, не

*) И. В. Лопухинъ.

стараемся съ Лоп. *) тебя удовольствовать и, какъ скоро будетъ возможно, то и къ тебѣ станемъ пересылать векселя, а между тѣмъ, мой другъ потерпи и вѣрь, что не отъ нерадѣнія нашего мы бываемъ иногда неисправны, но невозможность оное производитъ. Писемъ отъ тебя нѣтъ недѣли съ двѣ; новаго-жъ къ твоему свѣдѣнію ничего нѣтъ, и такъ, сказавъ, что мы, благодаря Бога, здоровы, обнимаю тебя мысленно и есмь твой другъ.

149. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 6 октября, 1791. — № 23. (9 октября).

Уже болѣе двухъ недѣль, мой другъ любезный, какъ нѣтъ отъ тебя писемъ. Боже, дай, чтобъ сіе молчаніе твое происходило не отъ болѣзни, а отъ упражненія твоего въ познаніи природы. Сія мысль успокаиваетъ меня, а первая ужасаетъ. О себѣ и о всѣхъ нашихъ скажу, что мы, благодаря Бога, здоровы, только я немного простудился по причинѣ бывшаго подлѣ меня пожару, который былъ силенъ и такъ для моего дому опасенъ, что я принужденъ былъ изъ онаго убираться, въ которое время, стоявъ непрестанно на дворѣ, отъ сильнаго вѣтру простудился; однако-жъ теперь сія простуда почти совсѣмъ миновалась. О деньгахъ для тебя, мой другъ, потерпи. Что дѣлать? Теперь осень и самое глухое время для полученія оныхъ. Но вѣрь, мой другъ, что мы съ Лоп. *) всѣ силы употребляемъ достать оныхъ скорѣе и, сколько достанемъ и доставать будемъ впредь, столько станемъ къ тебѣ переводить. Прости, мой другъ, Христосъ съ тобою.

150. А. М. КУТУЗОВЪ — Е. П. ГОЛЕНИЩЕВОЙ-КУТУЗОВОЙ.

Берлинъ. 8/19 октября, 1791.

Милостивая Государыня Екатерина Ильинишна!

Не могу себѣ представить, чтобъ вы забыли совершенно человѣка, чрезвычайно васъ почитающаго и любящаго, человѣка, котораго вы удостоивали вашею дружбою; сердечныя ваши свойствы подтверждаютъ мое мнѣніе. Но чему-жъ припису я ваше столь упрямое молчаніе?

Истинно не знаю, на чемъ мнѣ остановиться. Сдѣлайте милость, напишите мнѣ хотя строчку; чрезъ сіе выведете меня изъ несноснаго состоянія, въ которомъ нахожусь. Иногда приходитъ мнѣ мысль, что вы сердитесь на меня, нашедъ что-либо противное въ послѣднихъ моихъ письмахъ; правда, слѣдуя, нѣкогда данному мнѣ отъ васъ совѣту, не оставляю никогда черныхъ писемъ, ибо пишу прямо, что думаю, не

*) И. В. Лопухинъ.

ломая моей головы, и, слѣдовательно, не могу повѣрить себя; однако-жъ твердо увѣренъ, что въ письмахъ моихъ не можетъ быть ничего оскорбительнаго, ибо, бывъ они ясное изображеніе моего сердца, не могутъ содержать иного, какъ чувствіи неограниченной моей къ вамъ дружбы. Съ самаго начала моего знакомства не приходила мысль въ мою голову, которыя бы не могъ сообщить вамъ откровенно и безъ всякія закрышки. Я не намѣренъ углубляться въ изслѣдованіе причинъ, мнѣ неизвѣстныхъ, скажу только вкратцѣ, что молчаніе ваше убиваетъ меня. Не забывайте старой пословицы: «напуганная ворона и куста боится», обратите оную на меня и представьте, съ какими страшными чудовищами воображенія оныя я принужденъ сражаться! И такъ, хотя изъ сожалѣнія, разсѣйте одною строчкою руки вашей мрачныя сомнѣнія, въ которыя я погружаюсь. Послѣ послѣдняго вашего письма множество случилось достопамятнаго, касающагося и васъ особенно; какъ же возмогли вы воздержаться и не сообщить онаго вѣрнѣйшему и преданнѣйшему изъ вашихъ друзей? Сіе нѣсколько жестоко. Но я прерву мои жалобы, не зная воспользуютъ ли онѣ мнѣ.—Поздравляю васъ съ побѣдою, одержанною М. Л. *), съ повышеніемъ его въ чинъ, съ данною ему кавалеріею. Вы, конечно, увѣрены, что я порадовался сему искренно, зная мою къ дому вашему привязанность. Благодаря Бога, кровопролитіе окончилось, наступаетъ миръ, а купно съ нимъ и спокойствіе нашего отечества; поздравляю васъ съ симъ происшествіемъ; дай, Боже, чтобы миръ продлился надолго, и чтобъ мы всѣ купно воспользовались плодами онаго. Сіе желаніе подкрѣпляется еще надеждою, что во время мира переписка наша можетъ быть исправнѣе и чаще. Вы не можете представить, сколь грустно мнѣ ваше молчаніе, тѣмъ паче, что не знаю, чему приписать оное. Еще прошу васъ, сдѣлайте милость, отпишите мнѣ, гдѣ вы и что съ вами дѣлается. — Поздравляю — истинно не знаю, что и самъ пишу, хочу поздравлять, съ чѣмъ?—не знаю. Простите, дай, Боже, вамъ всякаго благополучія; вѣрьте, что дружба моя ни въ какомъ случаѣ не поколеблется. Разцѣлуйте милую мою невѣсту. — И ею забытъ! — Простите, вспомните иногда вашего нижайшаго и вѣрнаго.

151. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 8/19 октября, 1791. — № 17.

Любезный другъ и братъ!

Новаго у насъ ничего нѣтъ; Сокъ еще не выздоровѣлъ и, слѣдовательно, [я] не могъ говорить съ нимъ. О себѣ скажу: слава Богу, здоровъ, сорадуюсь вамъ о мирѣ; дай, Боже, чтобъ скорѣе заключили

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

ломая моей головы, и, слѣдовательно, не могу повѣрить себя; однако-жъ твердо увѣренъ, что въ письмахъ моихъ не можетъ быть ничего оскорбительнаго, ибо, бывъ они ясное изображеніе моего сердца, не могутъ содержать иного, какъ чувствіи неограниченной моей къ вамъ дружбы. Съ самаго начала моего знакомства не приходила мысль въ мою голову, которыя бы не могъ сообщить вамъ откровенно и безъ всякія закрышки. Я не намѣренъ углубляться въ изслѣдованіе причинъ, мнѣ неизвѣстныхъ, скажу только вкратцѣ, что молчаніе ваше убиваетъ меня. Не забывайте старой пословицы: «напуганная ворона и куста боится», обратите оную на меня и представьте, съ какими страшными чудовищами воображенія оныя я принужденъ сражаться! И такъ, хотя изъ сожалѣнія, разсѣйте одною строчкою руки вашей мрачныя сомнѣнія, въ которыя я погружаюсь. Послѣ послѣдняго вашего письма множество случилось достопамятнаго, касающагося и васъ особенно; какъ же возмогли вы воздержаться и не сообщить онаго вѣрнѣйшему и преданнѣйшему изъ вашихъ друзей? Сіе нѣсколько жестоко. Но я прерву мои жалобы, не зная воспользуютъ ли онѣ мнѣ.—Поздравляю васъ съ побѣдою, одержанною М. Л. *), съ повышеніемъ его въ чинъ, съ данною ему кавалеріею. Вы, конечно, увѣрены, что я порадовался сему искренно, зная мою къ дому вашему привязанность. Благодаря Бога, кровопролитіе окончилось, наступаетъ миръ, а купно съ нимъ и спокойствіе нашего отечества; поздравляю васъ съ симъ происшествіемъ; дай, Боже, чтобы миръ продлился надолго, и чтобъ мы всѣ купно воспользовались плодами онаго. Сіе желаніе подкрѣпляется еще надеждою, что во время мира переписка наша можетъ быть исправнѣе и чаще. Вы не можете представить, сколь грустно мнѣ ваше молчаніе, тѣмъ паче, что не знаю, чему приписать оное. Еще прошу васъ, сдѣлайте милость, отпишите мнѣ, гдѣ вы и что съ вами дѣлается. — Поздравляю — истинно не знаю, что и самъ пишу, хочу поздравлять, съ чѣмъ?—не знаю. Простите, дай, Боже, вамъ всякаго благополучія; вѣрьте, что дружба моя ни въ какомъ случаѣ не поколеблется. Разцѣлуйте милую мою невѣсту. — И ею забытъ! — Простите, вспомните иногда вашего нижайшаго и вѣрнаго.

151. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 8/19 октября, 1791. — № 17.

Любезный другъ и братъ!

Новаго у насъ ничего нѣтъ; Сокъ еще не выздоровѣлъ и, слѣдовательно, [я] не могъ говорить съ нимъ. О себѣ скажу: слава Богу, здоровъ, сорадуюсь вамъ о мирѣ; дай, Боже, чтобъ скорѣе заключили

*) М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

оный. Я всѣмъ бы былъ теперь доволенъ, но мое и моего товарища *) положеніе жестоко меня безпокоитъ, и я претерпѣваю крайнюю нужду. Знаю, что добрая ваша воля **) не участвуетъ въ семъ, но сіе не облегчаетъ моего состоянія. Ежели можно, ускорите пересылкою. — Простите. Дай, Боже, вамъ всякаго благополучія, не забывайте искренно любящаго васъ. Приложенное письмо прошу, не умѣшкавъ, переслать. Сейчасъ получилъ ваше письмо и сей же часъ приложенное посылаю къ Сацердосу *), оно послужитъ ему успокоеніемъ. Я радуюсь по крайней мѣрѣ, что мой товарищъ *) выйдетъ изъ нужды. Теперь остается мнѣ только мое собственное положеніе. Отъ августа 1790 до 15 октября 1791 почти 15 мѣсяцевъ, а я не получилъ въ сіе время и 12 мѣсячнаго положенія. Сами судите, что сіе обстоятельство неотмѣнно сопряжено съ долгами, которые вездѣ суть тяжки, но здѣсь почти не сносны, наипаче для чужестранца. Я никогда не сомнѣвался и нынѣ не сомнѣваюсь въ вашихъ благосклонныхъ ко мнѣ расположеніяхъ, увѣренъ сердечно въ вашихъ добрыхъ ко мнѣ желаніяхъ, но самимъ вамъ извѣстно, что желанія безъ исполненія не приносятъ никакой помощи страждущему. Сего-то ради хотѣлось мнѣ получить кредитивъ; ежели-жъ сего невозможно, то по крайней мѣрѣ порядочный постоянный и никакому сомнѣнію не подверженный переводъ денегъ; и сего-жъ ради просилъ я васъ неоднократно разсмотрѣть и обмыслить сіе обстоятельство зрѣло. Знаю, что шагъ ***) мой съ моимъ братомъ ****) можетъ меня съ нимъ навсегда разстроить, и для того оставляю оный до послѣдней крайности, но признаюсь, что неизвѣстность и неувѣренность и того страшнѣе; ибо можетъ лишить меня и ожидаемаго мною, и самой моей чести, висящей уже на самомъ тоненькомъ волоскѣ. Бога ради, примите слова мои въ уваженіе и употребите ту пылкость, которая производитъ великія дѣла и почти все изъ ничего. — Одинъ изъ братьевъ возвратился изъ путешествія, во время котораго имѣлъ счастье видѣть довольно высокихъ особъ; отъ нихъ слышалъ, что П. суть теперь въ Персіи и что чрезъ годъ навѣрно все рѣшится. Многіе округи будутъ вычеркены, между прочимъ Регенсбургскіе, Аугсбургскіе и Нюренбергскіе. Они говорятъ, что процесы донынѣ были даны умышленно для испытанія братьевъ, а что по окончаніи *****) — оставшіе отъ бр[атьевъ] получатъ нѣчто существеннѣйшее. Дай, Боже, чтобъ мы остались, помолитеся со мною и о мнѣ. — Пожалуйста, изторгните меня изъ мірскихъ заботъ.

---

*) Бар. Шредеръ.

**) Въ подлинникѣ вм. «воля» — с и л а.

***) Такъ въ подлинникѣ: ш а г ъ.

****) Ф. М. Кутузовъ.

*****) Въ подлинникѣ послѣ «окончаніи» одно слово [м. б., silanum] пропущено; далѣе слѣдуетъ: о с т а в ш і е.

оный. Я всѣмъ бы былъ теперь доволенъ, но мое и моего товарища *) положеніе жестоко меня безпокоитъ, и я претерпѣваю крайнюю нужду. Знаю, что добрая ваша воля **) не участвуетъ въ семъ, но сіе не облегчаетъ моего состоянія. Ежели можно, ускорите пересылкою. — Простите. Дай, Боже, вамъ всякаго благополучія, не забывайте искренно любящаго васъ. Приложенное письмо прошу, не умѣшкавъ, переслать. Сейчасъ получилъ ваше письмо и сей же часъ приложенное посылаю къ Сацердосу *), оно послужитъ ему успокоеніемъ. Я радуюсь по крайней мѣрѣ, что мой товарищъ *) выйдетъ изъ нужды. Теперь остается мнѣ только мое собственное положеніе. Отъ августа 1790 до 15 октября 1791 почти 15 мѣсяцевъ, а я не получилъ въ сіе время и 12 мѣсячнаго положенія. Сами судите, что сіе обстоятельство неотмѣнно сопряжено съ долгами, которые вездѣ суть тяжки, но здѣсь почти не сносны, наипаче для чужестранца. Я никогда не сомнѣвался и нынѣ не сомнѣваюсь въ вашихъ благосклонныхъ ко мнѣ расположеніяхъ, увѣренъ сердечно въ вашихъ добрыхъ ко мнѣ желаніяхъ, но самимъ вамъ извѣстно, что желанія безъ исполненія не приносятъ никакой помощи страждущему. Сего-то ради хотѣлось мнѣ получить кредитивъ; ежели-жъ сего невозможно, то по крайней мѣрѣ порядочный постоянный и никакому сомнѣнію не подверженный переводъ денегъ; и сего-жъ ради просилъ я васъ неоднократно разсмотрѣть и обмыслить сіе обстоятельство зрѣло. Знаю, что шагъ ***) мой съ моимъ братомъ ****) можетъ меня съ нимъ навсегда разстроить, и для того оставляю оный до послѣдней крайности, но признаюсь, что неизвѣстность и неувѣренность и того страшнѣе; ибо можетъ лишить меня и ожидаемаго мною, и самой моей чести, висящей уже на самомъ тоненькомъ волоскѣ. Бога ради, примите слова мои въ уваженіе и употребите ту пылкость, которая производитъ великія дѣла и почти все изъ ничего. — Одинъ изъ братьевъ возвратился изъ путешествія, во время котораго имѣлъ счастье видѣть довольно высокихъ особъ; отъ нихъ слышалъ, что П. суть теперь въ Персіи и что чрезъ годъ навѣрно все рѣшится. Многіе округи будутъ вычернены, между прочимъ Регенсбургскіе, Аугсбургскіе и Нюренбергскіе. Они говорятъ, что процесы донынѣ были даны умышленно для испытанія братьевъ, а что по окончаніи *****) — оставшіе отъ бр[атьевъ] получатъ нѣчто существеннѣйшее. Дай, Боже, чтобъ мы остались, помолитеся со мною и о мнѣ. — Пожалуйста, изторгните меня изъ мірскихъ заботъ.

---

*) Бар. Шредеръ.

**) Въ подлинникѣ вм. «воля» — с и л а.

***) Такъ въ подлинникѣ: ш а г ъ.

****) Ф. М. Кутузовъ.

*****) Въ подлинникѣ послѣ «окончаніи» одно слово [м. б., silanum] пропущено; далѣе слѣдуетъ: о с т а в ш і е.

152. Кн. П. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 октября, 1791. — № 24. (20 октября).

Другъ мой сердечный!

Письмо твое подъ № 16-мъ меня успокоило, ибо увидалъ, что не болѣзнь была причиною, что ты долго ко мнѣ не писалъ. Состояніе твоего товарища *) растрогало меня до слезъ, но я не причиною, что онъ долго не получалъ денегъ, ибо могу по совѣсти сказать, что Лоп. **) и я употребляли всѣ силы къ доставленію оныхъ, но никакъ не могли оныхъ прежде достать. Сіе самое положеніе и теперь съ нами дѣлается. Касательно до тебя, вѣрь, мой другъ, что не небреженіе причиною, что до сихъ поръ ты оныхъ не получаешь, но до сихъ поръ мы не могли оныхъ достать; и какъ скоро достанемъ, то не упустимъ минуты, чтобы къ тебѣ ихъ не перевесть; возьми, мой другъ, терпѣніе, ибо теперь самое глухое время; но зимою, я надѣюсь, что не такъ трудно будетъ оныя доставать. Что-жъ касается до кредитива, то къ полученію онаго я никакой надежды не имѣю, а ты будешь получать по маленькимъ отъ насъ суммамъ деньги, которыя тебѣ нужны.

Я ожидаю съ нетерпѣніемъ слѣдствія твоего разговора съ Сокомъ. Касательно до нещастнаго твоего друга ***) я не имѣю никакого свѣдѣнія, но увѣренъ, что его участь не такъ дурна, какъ воображаютъ. О себѣ и всѣхъ нашихъ скажу, что мы, благодаря Бога Спасителя, здоровы и спокойны; новаго-жъ къ твоему свѣдѣнію ничего не имѣю. Прости, мой другъ, Христосъ съ тобою, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

153. Ф. М. КУТУЗОВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

С. Щельское. 21 октября, 1791. (12 февраля, 1792).

Государь мой братецъ Алексѣй Михайловичъ!

Не имѣвъ уже отъ васъ полтора года писемъ, въ великомъ былъ безпокойствѣ, но сего мѣсяца 8-го числа къ удовольствію моему письмо отъ васъ получилъ и сердечно порадовался, что вы здоровы. Пишете вы, что ко мнѣ уже нѣсколько разъ писали, но я вамъ скажу, что ни одного письма не получалъ. Изъ С.-Петербурга писалъ къ вамъ съ княземъ Давыдовымъ ****), которое такъ, какъ вы и пишете, и получили, но на оное отвѣта отъ васъ не имѣлъ, а онъ пишетъ только ко мнѣ, что мое письмо вамъ отдалъ. Дозвольте мнѣ, братецъ, вамъ сказать, что такъ близко, какъ мы съ тобою связаны родствомъ, и вы, я думаю, не со-

*) Бар. Шредеръ.
**) П. В. Лопухинъ.
***) А. Н. Радищевъ.
****) Кн. С. М. Давыдовъ.

152. Кн. П. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 октября, 1791. — № 24. (20 октября).

Другъ мой сердечный!

Письмо твое подъ № 16-мъ меня успокоило, ибо увидалъ, что не болѣзнь была причиною, что ты долго ко мнѣ не писалъ. Состояніе твоего товарища *) растрогало меня до слезъ, но я не причиною, что онъ долго не получалъ денегъ, ибо могу по совѣсти сказать, что Лоп. **) и я употребляли всѣ силы къ доставленію оныхъ, но никакъ не могли оныхъ прежде достать. Сіе самое положеніе и теперь съ нами дѣлается. Касательно до тебя, вѣрь, мой другъ, что не небреженіе причиною, что до сихъ поръ ты оныхъ не получаешь, но до сихъ поръ мы не могли оныхъ достать; и какъ скоро достанемъ, то не упустимъ минуты, чтобы къ тебѣ ихъ не перевесть; возьми, мой другъ, терпѣніе, ибо теперь самое глухое время; но зимою, я надѣюсь, что не такъ трудно будетъ оныя доставать. Что-жъ касается до кредитива, то къ полученію онаго я никакой надежды не имѣю, а ты будешь получать по маленькимъ отъ насъ суммамъ деньги, которыя тебѣ нужны.

Я ожидаю съ нетерпѣніемъ слѣдствія твоего разговора съ Сокомъ. Касательно до нещастнаго твоего друга ***) я не имѣю никакого свѣдѣнія, но увѣренъ, что его участь не такъ дурна, какъ воображаютъ. О себѣ и всѣхъ нашихъ скажу, что мы, благодаря Бога Спасителя, здоровы и спокойны; новаго-жъ къ твоему свѣдѣнію ничего не имѣю. Прости, мой другъ, Христосъ съ тобою, я тебя въ мысляхъ обнимаю.

153. Ф. М. КУТУЗОВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

С. Щельское. 21 октября, 1791. (12 февраля, 1792).

Государь мой братецъ Алексѣй Михайловичъ!

Не имѣвъ уже отъ васъ полтора года писемъ, въ великомъ былъ безпокойствѣ, но сего мѣсяца 8-го числа къ удовольствію моему письмо отъ васъ получилъ и сердечно порадовался, что вы здоровы. Пишете вы, что ко мнѣ уже нѣсколько разъ писали, но я вамъ скажу, что ни одного письма не получалъ. Изъ С.-Петербурга писалъ къ вамъ съ княземъ Давыдовымъ ****), которое такъ, какъ вы и пишете, и получили, но на оное отвѣта отъ васъ не имѣлъ, а онъ пишетъ только ко мнѣ, что мое письмо вамъ отдалъ. Дозвольте мнѣ, братецъ, вамъ сказать, что такъ близко, какъ мы съ тобою связаны родствомъ, и вы, я думаю, не со-

*) Бар. Шредеръ.
**) П. В. Лопухинъ.
***) А. Н. Радищевъ.
****) Кн. С. М. Давыдовъ.

мнѣваетесь, что я васъ люблю, то непростительно вамъ меня забывать; что-жъ увѣдомляете, будто вы писали ко мнѣ, то если-бъ это правда была, то не получить мнѣ оныхъ нельзя, ибо я, будучи въ Москвѣ, у всѣхъ вашихъ пріятелей о васъ навѣдывался, и отъ нихъ только и слышалъ, что письма есть къ Трубецкому *) и, когда онъ получалъ, слѣдственно, и я-бъ получить долженъ; но какъ [бы] уже то ни было, а прошу впредь не оставлять меня увѣдомленіемъ, и хочу очень знать, скоро ли вы возвратитесь къ намъ.

О себѣ-жъ вамъ скажу, я сталъ очень слабъ и нездоровъ. Деньги пятьсотъ рублей чрезъ Алексѣя Александровича **) съ симъ письмомъ къ вамъ препровождаю. Я бы уже и давно къ вамъ послалъ, но не зналъ, куды и чрезъ кого переслать.

Новаго ничего здѣсь нѣтъ; итакъ, желая вамъ всякаго благополучія, а паче всего добраго здоровья и чтобъ вы вздумали меня старика скорѣе увидѣть, пребуду навсегда вѣрный вамъ другъ, братъ и покорнѣйшій слуга.

154. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 27 октября, 1791. — № 25. (30 октября).

Я къ тебѣ, мой другъ любезный, пишу коротко потому, что некогда, да и нечего писать, кромѣ кончины князь Григорья Александровича Потемкина, о которой, я думаю, уже ты знаешь и которая великую сенсацію надъ всѣми сдѣлала. Деньги для тебя еще не найдены, но обѣщаніе дать оныхъ сдѣлано, почему, какъ скоро оныя получимъ, то, ни мало не умедливъ, оныя тебѣ доставимъ.

Прости, мой другъ. Опять двѣ недѣли нѣтъ отъ тебя писемъ. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

155. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 28 октября — 8 ноября, 1791. — № 18. (17 ноября).

Дражайшій другъ!

Каждый почтовый день встрѣчаю я съ сердцемъ, наполненнымъ надеждою, но къ прискорбію моему разстаюсь съ нимъ погруженъ въ грусть и несказанныя сомнѣнія, ибо не токмо ожидаемой помощи, но даже и писемъ не имѣю. Не намѣренъ наполнять письма мои жалобами. — Сіе не подастъ мнѣ ни малаго облегченія, — скажу токмо: крайность моя достигнула такой степени, что. не взирая на жестокую стужу, я принужденъ сидѣть въ нетопленныхъ горницахъ и, вмѣсто полезныхъ

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

**) А. А. Плещеевъ.

мнѣваетесь, что я васъ люблю, то непростительно вамъ меня забывать; что-жъ увѣдомляете, будто вы писали ко мнѣ, то если-бъ это правда была, то не получить мнѣ оныхъ нельзя, ибо я, будучи въ Москвѣ, у всѣхъ вашихъ пріятелей о васъ навѣдывался, и отъ нихъ только и слышалъ, что письма есть къ Трубецкому *) и, когда онъ получалъ, слѣдственно, и я-бъ получить долженъ; но какъ [бы] уже то ни было, а прошу впредь не оставлять меня увѣдомленіемъ, и хочу очень знать, скоро ли вы возвратитесь къ намъ.

О себѣ-жъ вамъ скажу, я сталъ очень слабъ и нездоровъ. Деньги пятьсотъ рублей чрезъ Алексѣя Александровича **) съ симъ письмомъ къ вамъ препровождаю. Я бы уже и давно къ вамъ послалъ, но не зналъ, куды и чрезъ кого переслать.

Новаго ничего здѣсь нѣтъ; итакъ, желая вамъ всякаго благополучія, а паче всего добраго здоровья и чтобъ вы вздумали меня старика скорѣе увидѣть, пребуду навсегда вѣрный вамъ другъ, братъ и покорнѣйшій слуга.

154. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 27 октября, 1791. — № 25. (30 октября).

Я къ тебѣ, мой другъ любезный, пишу коротко потому, что некогда, да и нечего писать, кромѣ кончины князь Григорья Александровича Потемкина, о которой, я думаю, уже ты знаешь и которая великую сенсацію надъ всѣми сдѣлала. Деньги для тебя еще не найдены, но обѣщаніе дать оныхъ сдѣлано, почему, какъ скоро оныя получимъ, то, ни мало не умедливъ, оныя тебѣ доставимъ.

Прости, мой другъ. Опять двѣ недѣли нѣтъ отъ тебя писемъ. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

155. А. М. КУТУЗОВЪ — Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 28 октября — 8 ноября, 1791. — № 18. (17 ноября).

Дражайшій другъ!

Каждый почтовый день встрѣчаю я съ сердцемъ, наполненнымъ надеждою, но къ прискорбію моему разстаюсь съ нимъ погруженъ въ грусть и несказанныя сомнѣнія, ибо не токмо ожидаемой помощи, но даже и писемъ не имѣю. Не намѣренъ наполнять письма мои жалобами. — Сіе не подастъ мнѣ ни малаго облегченія, — скажу токмо: крайность моя достигнула такой степени, что. не взирая на жестокую стужу, я принужденъ сидѣть въ нетопленныхъ горницахъ и, вмѣсто полезныхъ

*) Кн. Н. Н. Трубецкой.

**) А. А. Плещеевъ.

упражненій, стараюсь токмо о способахъ согрѣвать цѣпенѣющее мое тѣло; не упоминаю о мрачныхъ мысляхъ, представляющихъ мнѣ ожидающую меня участь со всѣми оными бѣдствіями. Сіе краткое изображеніе можетъ подать вамъ нѣкоторое понятіе о прочихъ моихъ обстоятельствахъ. Наслаждаюсь ли я только нужнымъ для меня спокойствіемъ духа и возможно ли сіе въ моемъ положеніи, сіе оставляю на собственное ваше разсужденіе. Неоднократно говорилъ вамъ и нынѣ искренно повторяю: не имѣлъ и не имѣю ни малаго сомнѣнія въ вашемъ доброхотствѣ, въ вашей готовности помогать и прочимъ, но въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, сіе не приноситъ мнѣ ни малѣйшей отрады. Человѣку, борющемуся съ морскими волнами и находящемуся близь минуты утопленія, какая польза знать, что у него есть друзья, которые, ежели-бъ были присутственны, употребляли бы всѣ способы къ избавленію его? Ежели-бъ сія мысль и была ему возможна, то бы послужила токмо къ увеличенію его отчаянія, и при всемъ томъ содѣлался бы онъ пищею чудовищъ, населяющихъ морскую пучину. Таково точно мое состояніе; увѣреніе о вашей готовности умножаетъ мою горесть, ибо изъ недѣйствительности оныя заключаю *) къ невозможности моихъ друзей. Сія и подобныя сей мысли причиняютъ мнѣ безсонныя ночи; настоящее и наипаче будущее приводятъ меня въ трепетъ. — Сегодня былъ у меня братъ нашего посла съ извѣстіемъ, что не доплачено ему 300 рублей. Пестель **) для доказательства переслалъ ему въ оригиналѣ два письма отъ Пв. Вол. ***) Сіе происшествіе служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ въ моихъ сомнѣніяхъ. Не изъясняйте сего моего письма ложно, я не имѣю ни малѣйшей досады, тѣмъ паче, что, по моему мнѣнію, не имѣю никакого права на требованіе. Не сомнѣваюсь ни мало въ вашей дружбѣ, но возможно ли молчать, когда чувствуешь боль? Не взирая на мою терпѣливость, извинительно простонать въ то время, когда бы другой наполнилъ воздухъ воплемъ. Я самъ стараюсь оправдать васъ и — съ довольнымъ успѣхомъ; одинъ токмо пунктъ, и сей одинъ есть, можетъ быть, источникъ прочихъ, одинъ пунктъ не могу опровергнуть: нѣкотораго рода, ежели смѣю сказать, безпечность, «авось либо», «утро мудренѣе вечера» и пр. пр. Но оставимъ сію непріятную матерію. Я готовъ на все, предаюсь въ волю моего Создателя и съ преданностію ожидаю безчестія и заточенія, которыя грозятъ мнѣ, ибо знаю, что лучшаго недостоинъ. Для примѣчанія скажу, что неисправный переводъ денегъ причиною, что, получивъ деньги, я остаюсь безъ денегъ и дѣлаю вновь долги, а сіе умножаетъ мои расходы. Простите, желаю вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

*) Въ подлинникѣ: замѣчаю.

**) Б. В. Пестель.

***) И. В. Лопухинъ.

упражненій, стараюсь токмо о способахъ согрѣвать цѣпенѣющее мое тѣло; не упоминаю о мрачныхъ мысляхъ, представляющихъ мнѣ ожидающую меня участь со всѣми оными бѣдствіями. Сіе краткое изображеніе можетъ подать вамъ нѣкоторое понятіе о прочихъ моихъ обстоятельствахъ. Наслаждаюсь ли я только нужнымъ для меня спокойствіемъ духа и возможно ли сіе въ моемъ положеніи, сіе оставляю на собственное ваше разсужденіе. Неоднократно говорилъ вамъ и нынѣ искренно повторяю: не имѣлъ и не имѣю ни малаго сомнѣнія въ вашемъ доброхотствѣ, въ вашей готовности помогать и прочимъ, но въ положеніи, въ которомъ я нахожусь, сіе не приноситъ мнѣ ни малѣйшей отрады. Человѣку, борющемуся съ морскими волнами и находящемуся близь минуты утопленія, какая польза знать, что у него есть друзья, которые, ежели-бъ были присутственны, употребляли бы всѣ способы къ избавленію его? Ежели-бъ сія мысль и была ему возможна, то бы послужила токмо къ увеличенію его отчаянія, и при всемъ томъ содѣлался бы онъ пищею чудовищъ, населяющихъ морскую пучину. Таково точно мое состояніе; увѣреніе о вашей готовности умножаетъ мою горесть, ибо изъ недѣйствительности оныя заключаю *) къ невозможности моихъ друзей. Сія и подобныя сей мысли причиняютъ мнѣ безсонныя ночи; настоящее и наипаче будущее приводятъ меня въ трепетъ. — Сегодня былъ у меня братъ нашего посла съ извѣстіемъ, что не доплачено ему 300 рублей. Пестель **) для доказательства переслалъ ему въ оригиналѣ два письма отъ Пв. Вол. ***) Сіе происшествіе служитъ мнѣ новымъ доказательствомъ въ моихъ сомнѣніяхъ. Не изъясняйте сего моего письма ложно, я не имѣю ни малѣйшей досады, тѣмъ паче, что, по моему мнѣнію, не имѣю никакого права на требованіе. Не сомнѣваюсь ни мало въ вашей дружбѣ, но возможно ли молчать, когда чувствуешь боль? Не взирая на мою терпѣливость, извинительно простонать въ то время, когда бы другой наполнилъ воздухъ воплемъ. Я самъ стараюсь оправдать васъ и — съ довольнымъ успѣхомъ; одинъ токмо пунктъ, и сей одинъ есть, можетъ быть, источникъ прочихъ, одинъ пунктъ не могу опровергнуть: нѣкотораго рода, ежели смѣю сказать, безпечность, «авось либо», «утро мудренѣе вечера» и пр. пр. Но оставимъ сію непріятную матерію. Я готовъ на все, предаюсь въ волю моего Создателя и съ преданностію ожидаю безчестія и заточенія, которыя грозятъ мнѣ, ибо знаю, что лучшаго недостоинъ. Для примѣчанія скажу, что неисправный переводъ денегъ причиною, что, получивъ деньги, я остаюсь безъ денегъ и дѣлаю вновь долги, а сіе умножаетъ мои расходы. Простите, желаю вамъ всѣхъ истинныхъ благъ.

*) Въ подлинникѣ: замѣчаю.

**) Б. В. Пестель.

***) И. В. Лопухинъ.

156. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 ноября, 1791. (20 ноября).

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій другъ, при семъ два векселя, каждый на тысячу рублей. Радъ очень, что и сіе могу доставить. Пожалуй, увѣдомь немедленно о полученіи. Секунды оставлю, можетъ быть, до самаго твоего отвѣта, и такъ поспѣши. Можетъ статься, между тѣмъ еще къ тебѣ отправлю; однимъ словомъ, въ разсужденіи попеченія о дѣлахъ твоихъ, будь спокоенъ. За то, что небреженія не будетъ, отвѣчаю. Давно, сердечный другъ, я отъ тебя ни строчки не имѣю. И я, правда, давно не писалъ къ тебѣ; однако-жъ, на нѣсколько моихъ писемъ не только отвѣту не имѣю, да и не знаю, дошли-ли къ тебѣ. Прости; душевно обнимаю тебя.

157. Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 ноября, 1791. — № 26. (20 ноября).

Любезный другъ!

Давно уже я къ тебѣ не писалъ, но сему причиною весьма для меня важныя обстоятельства. Я уже давно видѣлъ худѣющаго моего сына *) и тающаго, какъ воскъ. Онъ кашлялъ и, словомъ, я не зналъ, что о немъ подумать, но наконецъ открылась причина его болѣзни, и причина оная есть любовь и любовь, столь сильно въ молодое его сердце вкоренившаяся, что никакія мои увѣщанія не могли оной поколебать, а паипаче потому, что взаимная страсть, основанная на невинности и добродѣтели, вяще и вяще утвердила сію любовь въ его сердцѣ; словомъ, слезы и страданіе обоихъ сихъ любовниковъ понудили меня ихъ благословить, и сего ноября 6 дня помолвилъ называемаго тобою княжнушку на Надеждѣ Ивановнѣ Пестовой, которую, другъ мой, рекомендую въ твою любовь, и увѣряю, что она достойна твоей дружбы; она привезена ко мнѣ въ домъ двѣнадцати лѣтъ и уже пять лѣтъ, какъ въ моемъ домѣ воспитывается. Словомъ, мой другъ, любя меня, я увѣренъ, что ты и дѣтей моихъ любить будешь. Мнѣ смѣшно себя видѣть свекромъ и смѣшно смотрѣть на моихъ молодыхъ любовниковъ, изъ которыхъ одному девятнадцать, а другому семнадцать лѣтъ. Ихъ невинныя ласки и чистая любовь утѣшаютъ мое сердце. Богъ да благословитъ ихъ, а ты помолись за нихъ, да будутъ въ союзѣ ихъ благополучны.

О деньгахъ для тебя я надѣюсь, что на сихъ дняхъ ты голландскіе векселя получишь; а на сколько оныхъ будетъ, столько тотчасъ и перешлемъ къ тебѣ.

Писать болѣе нечего. Христосъ съ тобою; я тебя въ мысляхъ обнимаю, мой другъ.

---

*) Кн. П. Н. Трубецкой.

156. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 ноября, 1791. (20 ноября).

Посылаю тебѣ, любезнѣйшій другъ, при семъ два векселя, каждый на тысячу рублей. Радъ очень, что и сіе могу доставить. Пожалуй, увѣдомь немедленно о полученіи. Секунды оставлю, можетъ быть, до самаго твоего отвѣта, и такъ поспѣши. Можетъ статься, между тѣмъ еще къ тебѣ отправлю; однимъ словомъ, въ разсужденіи попеченія о дѣлахъ твоихъ, будь спокоенъ. За то, что небреженія не будетъ, отвѣчаю. Давно, сердечный другъ, я отъ тебя ни строчки не имѣю. И я, правда, давно не писалъ къ тебѣ; однако-жъ, на нѣсколько моихъ писемъ не только отвѣту не имѣю, да и не знаю, дошли-ли къ тебѣ. Прости; душевно обнимаю тебя.

157. Кн. Н. П. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 17 ноября, 1791. — № 26. (20 ноября).

Любезный другъ!

Давно уже я къ тебѣ не писалъ, но сему причиною весьма для меня важныя обстоятельства. Я уже давно видѣлъ худѣющаго моего сына *) и тающаго, какъ воскъ. Онъ кашлялъ и, словомъ, я не зналъ, что о немъ подумать, но наконецъ открылась причина его болѣзни, и причина оная есть любовь и любовь, столь сильно въ молодое его сердце вкоренившаяся, что никакія мои увѣщанія не могли оной поколебать, а паипаче потому, что взаимная страсть, основанная на невинности и добродѣтели, вяще и вяще утвердила сію любовь въ его сердцѣ; словомъ, слезы и страданіе обоихъ сихъ любовниковъ понудили меня ихъ благословить, и сего ноября 6 дня помолвилъ называемаго тобою княжнушку на Надеждѣ Ивановнѣ Пестовой, которую, другъ мой, рекомендую въ твою любовь, и увѣряю, что она достойна твоей дружбы; она привезена ко мнѣ въ домъ двѣнадцати лѣтъ и уже пять лѣтъ, какъ въ моемъ домѣ воспитывается. Словомъ, мой другъ, любя меня, я увѣренъ, что ты и дѣтей моихъ любить будешь. Мнѣ смѣшно себя видѣть свекромъ и смѣшно смотрѣть на моихъ молодыхъ любовниковъ, изъ которыхъ одному девятнадцать, а другому семнадцать лѣтъ. Ихъ невинныя ласки и чистая любовь утѣшаютъ мое сердце. Богъ да благословитъ ихъ, а ты помолись за нихъ, да будутъ въ союзѣ ихъ благополучны.

О деньгахъ для тебя я надѣюсь, что на сихъ дняхъ ты голландскіе векселя получишь; а на сколько оныхъ будетъ, столько тотчасъ и перешлемъ къ тебѣ.

Писать болѣе нечего. Христосъ съ тобою; я тебя въ мысляхъ обнимаю, мой другъ.

---

*) Кн. П. Н. Трубецкой.

158. А. Н. РАДИЩЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

6 декабря, 1791. (23 февраля, 1792).

Гдѣ ты, возлюбленный мой другъ? Естли вѣрилъ когда, что я тебя люблю и любилъ, то подай мнѣ о себѣ извѣстіе, и вѣрь, что письмо твое будетъ мнѣ въ утѣшеніе. Прости, мой любезной! Естли хочешь ко мнѣ писать, то адресуй письмо брату моему Моисею, живущему въ Архангельскѣ. Сколько возможно мнѣ быть спокойну, я, конечно, таковъ и столько, сколько можетъ человѣчество; больше не требуй. Письмо твое спокойствіе мое возвыситъ еще на одну степень, и я буду знать, что ты меня любишь.

159. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ и М. Н. НЕВЗОРОВЪ — Н. В. ЛОПУХИНУ.

Геттингенъ, 12 декабря, 1791. (26 декабря).

Любезный другъ и благодѣтель!

На прошедшихъ недѣляхъ мы ожидали было отъ васъ каждодневно письма, да и нынѣ еще ожидаемъ. Провизія у насъ уже вся вышла, а скоро будетъ и нечѣмъ содержаться. Сей годъ приходитъ уже къ концу, и при наступленіи новаго, мы не знаемъ, какъ намъ располагаться, нанимать-ли еще квартиру, или возвращаться домой. Просимъ покорнѣйше насъ о семъ увѣдомить съ вашей стороны. Съ нашей же стороны мы бы готовы съ новаго года возвратиться въ отечество наше. — Максимъ Ивановичъ уже почти совершенно здоровъ мѣсяца тому три назадъ, кромѣ того, что во все сіе время (съ позволенія сказать) урину выпускалъ въ такомъ множествѣ, что почти каждую четверть часа раза по два и по три бѣгалъ къ урыльнику. — Въ разсужденіи упражненій нашихъ: я здѣсь слушалъ всѣ части натуральной исторіи у г. Блюменбаха и сравнительную анатомію всѣхъ животныхъ. Максимъ Ивановичъ также одинъ курсъ прошелъ натуральной исторіи, но другой разъ ходить на лекцію помѣшала ему болѣзнь его. Во время болѣзни онъ дома занимался переводомъ книжки „Mystère de la Croix“. Теперь штудируемъ мы съ нимъ вмѣстѣ написанныя лекціи въ Лейденской академіи. — Не оставьте насъ, паки просимъ, писаніемъ вашимъ. Ваши покорнѣйшіе слуги.

160. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 15 декабря, 1791. — № 29. (18 декабря).

Письмо твое, исполненное безпокойства отъ неполученія денегъ, я получилъ; но ты теперь успокоенъ; пожалуйста, мой другъ, и впредь не безпокойся и будь увѣренъ, что друзья твои, сколько только возможно, то помогать тебѣ готовы, ибо, помогая тебѣ, они себѣ помогаютъ и, слѣдова-

158. А. Н. РАДИЩЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

6 декабря, 1791. (23 февраля, 1792).

Гдѣ ты, возлюбленный мой другъ? Естли вѣрилъ когда, что я тебя люблю и любилъ, то подай мнѣ о себѣ извѣстіе, и вѣрь, что письмо твое будетъ мнѣ въ утѣшеніе. Прости, мой любезной! Естли хочешь ко мнѣ писать, то адресуй письмо брату моему Моисею, живущему въ Архангельскѣ. Сколько возможно мнѣ быть спокойну, я, конечно, таковъ и столько, сколько можетъ человѣчество; больше не требуй. Письмо твое спокойствіе мое возвыситъ еще на одну степень, и я буду знать, что ты меня любишь.

159. В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ и М. Н. НЕВЗОРОВЪ — Н. В. ЛОПУХИНУ.

Геттингенъ, 12 декабря, 1791. (26 декабря).

Любезный другъ и благодѣтель!

На прошедшихъ недѣляхъ мы ожидали было отъ васъ каждодневно письма, да и нынѣ еще ожидаемъ. Провизія у насъ уже вся вышла, а скоро будетъ и нечѣмъ содержаться. Сей годъ приходитъ уже къ концу, и при наступленіи новаго, мы не знаемъ, какъ намъ располагаться, нанимать-ли еще квартиру, или возвращаться домой. Просимъ покорнѣйше насъ о семъ увѣдомить съ вашей стороны. Съ нашей же стороны мы бы готовы съ новаго года возвратиться въ отечество наше. — Максимъ Ивановичъ уже почти совершенно здоровъ мѣсяца тому три назадъ, кромѣ того, что во все сіе время (съ позволенія сказать) урину выпускалъ въ такомъ множествѣ, что почти каждую четверть часа раза по два и по три бѣгалъ къ урыльнику. — Въ разсужденіи упражненій нашихъ: я здѣсь слушалъ всѣ части натуральной исторіи у г. Блюменбаха и сравнительную анатомію всѣхъ животныхъ. Максимъ Ивановичъ также одинъ курсъ прошелъ натуральной исторіи, но другой разъ ходить на лекцію помѣшала ему болѣзнь его. Во время болѣзни онъ дома занимался переводомъ книжки „Mystère de la Croix“. Теперь штудируемъ мы съ нимъ вмѣстѣ написанныя лекціи въ Лейденской академіи. — Не оставьте насъ, паки просимъ, писаніемъ вашимъ. Ваши покорнѣйшіе слуги.

160. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 15 декабря, 1791. — № 29. (18 декабря).

Письмо твое, исполненное безпокойства отъ неполученія денегъ, я получилъ; но ты теперь успокоенъ; пожалуйста, мой другъ, и впредь не безпокойся и будь увѣренъ, что друзья твои, сколько только возможно, то помогать тебѣ готовы, ибо, помогая тебѣ, они себѣ помогаютъ и, слѣдова-

тельно, сверхъ обязанностей дружбы и собственный интересъ побуждаетъ ихъ дѣлать все возможное для твоего успокоенія. Ты только будь скупъ и береги, сколько возможно, деньги, ибо ихъ не всегда, да и не скоро находить можно. Я и всѣ наши, благодаря Бога, здоровы. Новаго у насъ только то, что графъ Брюсъ умеръ, да еще умеръ другъ нашъ и мой благодѣтель баронъ Рейхель, о смерти котораго дай знать барону *). Прости, мой другъ, писать нечего. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

161. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 24 декабря, 1791. (12 февраля 1792).

Theuerster Freund und Bruder!

Wundern Sie sich nicht, dass ich Ihren Brief oder vielmehr das Billetchen vom 15-ten September dieses Jahres, so lange unbeantwortet lasse: ich versichere Ihnen, dass ich es mir nicht einbildete, dass Sie es bey diesem Zettelchen würden bewenden und ich erwartete von Posttag zu Posttag einen ausführlichen Brief, aber jetzt überzeuge ich mich, dass ich vergebens noch ein Jahr warten könnte, daher ich denn nicht länger ausstehen will Ihnen zu schreiben; dass ich den Wechsel richtig erhalten habe, wird Ihnen Velox gleich gemeldet haben. Dieser ehrliche und wahre Freund hat mich allein gerettet, sonst wäre Ihr Wechsel zu spät gekommen, ich hatte bereits alle meine Sachen versetzt, und es blieb mir nicht so viel Geld übrig um das Postgeld für Velox seinen Brief zu bezahlen, worin er mir etwas Geld zu meiner Existenz schickte, das er selbst hatte borgen müssen.

Ohne dieser Hülfe hätten Sie Ihren Wechsel zurück bekommen, denn bey mir wäre er zu spät angekommen: so wie alle Ihre Freundschafts-Betheurungen, Ihr Mitleiden alles zu spät gewesen wäre. Ich verehre abermals die erbarmende Hand meines Heilandes Jesus Christus, der mich nie ganz zu Grunde gehen lässt, sondern mir bis jetzt immer noch hilft, wenn ich keine Hülfe mehr möglich halte. — Einige Wochen später wäre auch Velox seine Hülfe zu spät gekommen. Sie werden es mir verzeihen, dass ich zu sonderbaren Betrachtungen, durch mein Unglück und durch die elende Lage, worin ich gerathen bin, veranlasst werde. Alle meine Ordensbrüder, die Verstellungskunst genug besassen, Ihre Zweifel gegen gewisse Personen zu verbergen, sind alle durch den Spiritum Mundi auf das reichlichste versorgt, sind alle mit Geld, Ehrenstellen, Charactere, Standes-Erhebungen, nachdem eines jeden Lage es bedurfte, überflüssig begnadigt; 2) davon die vor ein paar Jahren noch so wohl im Stande, als Range weit, sehr weit hinter mir waren, sind jetzt wirkliche dirigirende

*) Бар. Шредеръ.

тельно, сверхъ обязанностей дружбы и собственный интересъ побуждаетъ ихъ дѣлать все возможное для твоего успокоенія. Ты только будь скупъ и береги, сколько возможно, деньги, ибо ихъ не всегда, да и не скоро находить можно. Я и всѣ наши, благодаря Бога, здоровы. Новаго у насъ только то, что графъ Брюсъ умеръ, да еще умеръ другъ нашъ и мой благодѣтель баронъ Рейхель, о смерти котораго дай знать барону *). Прости, мой другъ, писать нечего. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

161. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 24 декабря, 1791. (12 февраля 1792).

Theuerster Freund und Bruder!

Wundern Sie sich nicht, dass ich Ihren Brief oder vielmehr das Billetchen vom 15-ten September dieses Jahres, so lange unbeantwortet lasse: ich versichere Ihnen, dass ich es mir nicht einbildete, dass Sie es bey diesem Zettelchen würden bewenden und ich erwartete von Posttag zu Posttag einen ausführlichen Brief, aber jetzt überzeuge ich mich, dass ich vergebens noch ein Jahr warten könnte, daher ich denn nicht länger ausstehen will Ihnen zu schreiben; dass ich den Wechsel richtig erhalten habe, wird Ihnen Velox gleich gemeldet haben. Dieser ehrliche und wahre Freund hat mich allein gerettet, sonst wäre Ihr Wechsel zu spät gekommen, ich hatte bereits alle meine Sachen versetzt, und es blieb mir nicht so viel Geld übrig um das Postgeld für Velox seinen Brief zu bezahlen, worin er mir etwas Geld zu meiner Existenz schickte, das er selbst hatte borgen müssen.

Ohne dieser Hülfe hätten Sie Ihren Wechsel zurück bekommen, denn bey mir wäre er zu spät angekommen: so wie alle Ihre Freundschafts-Betheurungen, Ihr Mitleiden alles zu spät gewesen wäre. Ich verehre abermals die erbarmende Hand meines Heilandes Jesus Christus, der mich nie ganz zu Grunde gehen lässt, sondern mir bis jetzt immer noch hilft, wenn ich keine Hülfe mehr möglich halte. — Einige Wochen später wäre auch Velox seine Hülfe zu spät gekommen. Sie werden es mir verzeihen, dass ich zu sonderbaren Betrachtungen, durch mein Unglück und durch die elende Lage, worin ich gerathen bin, veranlasst werde. Alle meine Ordensbrüder, die Verstellungskunst genug besassen, Ihre Zweifel gegen gewisse Personen zu verbergen, sind alle durch den Spiritum Mundi auf das reichlichste versorgt, sind alle mit Geld, Ehrenstellen, Charactere, Standes-Erhebungen, nachdem eines jeden Lage es bedurfte, überflüssig begnadigt; 2) davon die vor ein paar Jahren noch so wohl im Stande, als Range weit, sehr weit hinter mir waren, sind jetzt wirkliche dirigirende

*) Бар. Шредеръ.

Staats-Minister; der 3-te starb, wie er es werden sollte; ein vierter regirt sogar eine der grössten Monarchien der Welt und ruinirt das Reich; und so nach Verhältniss mit allen. Dabey haben Sie die bewusste Sache ganz negligirt und sich ganz mit allen ihren Leibes- und Seelen-Kräften in die politischen Händel dieser sublunarischen Welt gleichsam eingetaucht; auch mir wurden grosse Versprechungen gemacht, auch ich könnte jetzt ein wichtiger Mann seyn und im Spiritu Mundi glänzen und wohlleben, wenn ich gewisse Dinge hätte thun wollen, die gegen mein Gewissen laufen; ich that es nicht, ich wollte mein Herz rein bewahren, und dafür bin ich in solcher Situation, dass ich alle Jahr, wenn Sie mich vergessen, in Gefahr bin den Bettelstab in der Hand zu nehmen und um mein täglich Brod betteln zu gehen, denn zum arbeiten ist meine Gesundheit zu sehr ruinirt, gelernt habe ich nichts, als das Soldaten-Metier, und Soldat will ich nicht wieder werden; es bleibt mir also, wenn Sie den eingegangenen Contract einmal brechen, nichts übrig, als zu betteln, und wenn ich so weit herunter bin, und dazu greiffen muss, dann kann es leicht seyn, dass Sie mich einmal mit einem lumpenen Kittel und vom Elende entstellt vor Ihrer Thüre um einen Pfenning bittend finden. Merken Sie sich das, es wird Ihnen ein erbaulicher Anblick seyn, und bin ich einmal so weit degradirt, werde ich mich nie wieder in Ihre Arme werfen, sondern meinen Bettelstab solange fortsetzen, bis mein alter, auf mich des Ordens wegen erzürnter Onkel todt ist, und ich mich wieder von meinem in der Welt ausgestandenen Elend in dem Schoosse meiner Familie erhohlen kann, denn solange mein Onkel lebt, muss ich meine ganze Familie, die von Ihm dependirt, für todt ansehen.

Diese Betrachtungen sind aber wahrlich nicht hypochondrische Launen, denn vor wenig Monaten war ich schon bis zum Bettelstab verarmt, während meine alten Ordens-Obern den niederträchtigen Huren eines Königs den Staub von den Füssen lecken, sie auf ihre frisch angekaufte prächtige Landgüter heraus nehmen, wo ein magnifiques Fest dem andern folgt; doch im Grunde bin ich doch wohl ein melancholischer Schwärmer, dass dergleichen alltägliche Dinge meine Aufmerksamkeit auf sich ziehen, ich will also davon schweigen und Ihnen nur so viel sagen, dass ich von Ihnen eine bestimmte Erklärung mir ausbitte, ob es Ihnen gefällig ist den mit mir eingegangenen Contract jährlich, auf Ehre und Gewissen, zu erfüllen. Das heilige Versprechen, das Sie schon schriftlich dem Senkbeil durch Velox thun liessen, sollte mich zwar beruhigen, aber das Aussenbleiben des Geldes dieses Jahr, bis Velox sich für mich ins Mittel schlug, hat meinen Argwohn erweckt; und ehe ich ganz dadurch ins Elend komme, würde ich lieber diesen Sommer nach Wien reisen, und dort einen geringen Dienst suchen, der mir wenigstens zu leben gäbe, bis mein Onkel todt ist. Sie werden mir eine Gefälligkeit thun,

Staats-Minister; der 3-te starb, wie er es werden sollte; ein vierter regirt sogar eine der grössten Monarchien der Welt und ruinirt das Reich; und so nach Verhältniss mit allen. Dabey haben Sie die bewusste Sache ganz negligirt und sich ganz mit allen ihren Leibes- und Seelen-Kräften in die politischen Händel dieser sublunarischen Welt gleichsam eingetaucht; auch mir wurden grosse Versprechungen gemacht, auch ich könnte jetzt ein wichtiger Mann seyn und im Spiritu Mundi glänzen und wohlleben, wenn ich gewisse Dinge hätte thun wollen, die gegen mein Gewissen laufen; ich that es nicht, ich wollte mein Herz rein bewahren, und dafür bin ich in solcher Situation, dass ich alle Jahr, wenn Sie mich vergessen, in Gefahr bin den Bettelstab in der Hand zu nehmen und um mein täglich Brod betteln zu gehen, denn zum arbeiten ist meine Gesundheit zu sehr ruinirt, gelernt habe ich nichts, als das Soldaten-Metier, und Soldat will ich nicht wieder werden; es bleibt mir also, wenn Sie den eingegangenen Contract einmal brechen, nichts übrig, als zu betteln, und wenn ich so weit herunter bin, und dazu greiffen muss, dann kann es leicht seyn, dass Sie mich einmal mit einem lumpenen Kittel und vom Elende entstellt vor Ihrer Thüre um einen Pfenning bittend finden. Merken Sie sich das, es wird Ihnen ein erbaulicher Anblick seyn, und bin ich einmal so weit degradirt, werde ich mich nie wieder in Ihre Arme werfen, sondern meinen Bettelstab solange fortsetzen, bis mein alter, auf mich des Ordens wegen erzürnter Onkel todt ist, und ich mich wieder von meinem in der Welt ausgestandenen Elend in dem Schoosse meiner Familie erhohlen kann, denn solange mein Onkel lebt, muss ich meine ganze Familie, die von Ihm dependirt, für todt ansehen.

Diese Betrachtungen sind aber wahrlich nicht hypochondrische Launen, denn vor wenig Monaten war ich schon bis zum Bettelstab verarmt, während meine alten Ordens-Obern den niederträchtigen Huren eines Königs den Staub von den Füssen lecken, sie auf ihre frisch angekaufte prächtige Landgüter heraus nehmen, wo ein magnifiques Fest dem andern folgt; doch im Grunde bin ich doch wohl ein melancholischer Schwärmer, dass dergleichen alltägliche Dinge meine Aufmerksamkeit auf sich ziehen, ich will also davon schweigen und Ihnen nur so viel sagen, dass ich von Ihnen eine bestimmte Erklärung mir ausbitte, ob es Ihnen gefällig ist den mit mir eingegangenen Contract jährlich, auf Ehre und Gewissen, zu erfüllen. Das heilige Versprechen, das Sie schon schriftlich dem Senkbeil durch Velox thun liessen, sollte mich zwar beruhigen, aber das Aussenbleiben des Geldes dieses Jahr, bis Velox sich für mich ins Mittel schlug, hat meinen Argwohn erweckt; und ehe ich ganz dadurch ins Elend komme, würde ich lieber diesen Sommer nach Wien reisen, und dort einen geringen Dienst suchen, der mir wenigstens zu leben gäbe, bis mein Onkel todt ist. Sie werden mir eine Gefälligkeit thun,

wenn Sie die zu meiner Sicherheit und Beruhigung mir zu übersendende Schrift von Ihren H[erre]n B[rüder]n und Philus *) unterschreiben lassen, und meine Gegenverpflichtung, nemlich lateinische Autores ins Deutsche zu übersetzen, mit anführen; alsdann werde ich hier in Nürnberg in Ruhe und Friede studiren, übersetzen und meine Pflichten erfüllen können. Bis dahin weiss ich immer nicht woran ich bin. Sie haben sich noch nie deutlich mit mir, über meinen Vorschlag eingelassen, wenn Sie also stürben, dann sässe ich im blossen. Velox hat mir in Ihrem Namen geschrieben, die Brüder wollten mich nie verlassen; wenn das Wahrheit ist, warum schreiben Sie mir es nicht selbst? war es also vielleicht nur gesagt um Velox, den meine Lage bis ins Herz gerührt hat, zu beruhigen! Wenn Sie und Ihre Freunde es ehrlich und christlich mit mir meinen, so werden Sie auch keine Schwierigkeiten und Einwendungen machen, eine ordentliche Schrift an mich zu senden und sich darin zu 100 Louis d'or jährlich eidlich zu verbinden, alsdann bin ich beruhigt, denn ich will für dies Geld arbeiten, ich will es nicht umsonst als ein Almosen empfangen — das erlaubt mir mein Gewissen nicht. — Aus Ihrer Antwort auf diesen Brief werde ich sehen, wie Sie gegen mich denken. Alles was Sie mir schreiben, sind blosse Complimente. Auch über Ihre Besorgniss wegen der Post würde ich lachen, wenn meine Lage das Lachen nicht seit 5 Jahren aus meiner Seele verscheucht hätte. Bedenken Sie nur, dass ich weiss, was Sie zu eben der Zeit an andere Personen durch die Post schicken. — Doch um auch diesen Stein zu heben: so sage ich Ihnen, dass Nürnberg einen grossen Handel directe mit Russland, auch besonders mit Moscau führt, Sie werden dort leicht durch Frenkel, Sundbladt, oder einen andern Deutschen, ein dortiges Kaufmanns-Haus erfahren, das gern Briefe und Paquette an mich directe durch Einschluss besorgt; alsdann ist meine Adresse: Herrn Herrn Heinrich Jacob von Schröder in Nürnberg, logirt in der inneren Caufer-gasse im Schmithmerischen Hause. Ich habe hier meinen Character verschwiegen um desto oeconomischer zu leben.

Durch den Canal der Nürnberger-Kaufleute kann ich Ihnen auch beständig, es mag in der Welt Krieg oder Frieden seyn, meine Übersetzungen zusenden und wenn Sie dort lateinische Bücher haben, die Sie übersetzt wünschen, können Sie sie mir zuschicken, und ich kann Sie Ihnen mit der Übersetzung zurückschicken. Jetzt dependirt also alles von Ihnen, wenn Sie jetzt Difficultäten oder Ausflüchte suchen, dann sind Ihre Briefe blosse Complimente im Hofton. Sie werden mir einen grossen Beweiss Ihres Zutrauens und Ihrer alten echten Freundschaft und Bruderliebe dadurch geben, wenn Sie mir einen oder ein paar Autores zuschicken zum übersetzen. Wie ich in Moscau war, wünschten Sie so viele übersetzt zu

*) **И. В. Лопухинъ.**

wenn Sie die zu meiner Sicherheit und Beruhigung mir zu übersendende Schrift von Ihren H[erre]n B[rüder]n und Philus *) unterschreiben lassen, und meine Gegenverpflichtung, nemlich lateinische Autores ins Deutsche zu übersetzen, mit anführen; alsdann werde ich hier in Nürnberg in Ruhe und Friede studiren, übersetzen und meine Pflichten erfüllen können. Bis dahin weiss ich immer nicht woran ich bin. Sie haben sich noch nie deutlich mit mir, über meinen Vorschlag eingelassen, wenn Sie also stürben, dann sässe ich im blossen. Velox hat mir in Ihrem Namen geschrieben, die Brüder wollten mich nie verlassen; wenn das Wahrheit ist, warum schreiben Sie mir es nicht selbst? war es also vielleicht nur gesagt um Velox, den meine Lage bis ins Herz gerührt hat, zu beruhigen! Wenn Sie und Ihre Freunde es ehrlich und christlich mit mir meinen, so werden Sie auch keine Schwierigkeiten und Einwendungen machen, eine ordentliche Schrift an mich zu senden und sich darin zu 100 Louis d'or jährlich eidlich zu verbinden, alsdann bin ich beruhigt, denn ich will für dies Geld arbeiten, ich will es nicht umsonst als ein Almosen empfangen — das erlaubt mir mein Gewissen nicht. — Aus Ihrer Antwort auf diesen Brief werde ich sehen, wie Sie gegen mich denken. Alles was Sie mir schreiben, sind blosse Complimente. Auch über Ihre Besorgniss wegen der Post würde ich lachen, wenn meine Lage das Lachen nicht seit 5 Jahren aus meiner Seele verscheucht hätte. Bedenken Sie nur, dass ich weiss, was Sie zu eben der Zeit an andere Personen durch die Post schicken. — Doch um auch diesen Stein zu heben: so sage ich Ihnen, dass Nürnberg einen grossen Handel directe mit Russland, auch besonders mit Moscau führt, Sie werden dort leicht durch Frenkel, Sundbladt, oder einen andern Deutschen, ein dortiges Kaufmanns-Haus erfahren, das gern Briefe und Paquette an mich directe durch Einschluss besorgt; alsdann ist meine Adresse: Herrn Herrn Heinrich Jacob von Schröder in Nürnberg, logirt in der inneren Caufer-gasse im Schmithmerischen Hause. Ich habe hier meinen Character verschwiegen um desto oeconomischer zu leben.

Durch den Canal der Nürnberger-Kaufleute kann ich Ihnen auch beständig, es mag in der Welt Krieg oder Frieden seyn, meine Übersetzungen zusenden und wenn Sie dort lateinische Bücher haben, die Sie übersetzt wünschen, können Sie sie mir zuschicken, und ich kann Sie Ihnen mit der Übersetzung zurückschicken. Jetzt dependirt also alles von Ihnen, wenn Sie jetzt Difficultäten oder Ausflüchte suchen, dann sind Ihre Briefe blosse Complimente im Hofton. Sie werden mir einen grossen Beweiss Ihres Zutrauens und Ihrer alten echten Freundschaft und Bruderliebe dadurch geben, wenn Sie mir einen oder ein paar Autores zuschicken zum übersetzen. Wie ich in Moscau war, wünschten Sie so viele übersetzt zu

*) **И. В. Лопухинъ.**

haben: jetzt werde ich sehen, ob Sie noch der alte sind oder ob Sie sich wircklich in Ihrer Denkungsart geändert haben. Vielleicht befürchten Sie, wenn Sie sich nach 5 Jahren endlich einmal mit einem alten Freunde wieder einlassen, dass ich suchen würde im Ernst Sie von Ihrem Favoritsystem abzubringen.

Um Sie zu überzeugen, dass Sie von dieser Seite nichts zu fürchten haben, muss ich Ihnen sagen, dass ich es recht gern sehe, wenn davon unter uns so wenig die Rede ist, als zwischen mir und Velox. Seit dem Tode meines unvergesslichen Freundes v. Rüts in Berlin bin ich mit Velox so genau verbunden, als wenn wir von einer Nation, ja als wenn wir leibliche Brüder wären: wir waren die ganzen Tage allein und immer beysammen, dennoch habe ich nie mit Ihm über gewisse Menschen gestritten. Wenn ich in meinen Briefen an Sie, auch sogar in dem Anfang des heutigen einige Anzüglichkeiten habe merken lassen, so kommt das von Ihrem sonderbaren Betragen, das himmelschreyend ist. Sie thun in Ihren Briefen, als hätten Sie nicht eine Minute Zeit mit mir sich zu unterhalten, beantworten mir keinen einzigen Brief, wie es sich für einen Freund schickt, und verschwenden dabey immer Ihre Betheuerungen von Liebe. Sie kennen mein Delicatesse, ja ich muss es nur gerade heraus sagen — mein empfindliches Herz. Wäre es zu viel Mühe für Sie, wenn Sie mir alle Monate einmal schrieben, besonders da Sie directe durch ein dortiges Kaufmanns-Haus, wenn Sie nur wollen, an mich schreiben können!

Sie können ja die unbedeutendsten Sachen alsdann durch Velox als Einlage an mich schreiben und die wichtigeren durch den Kaufmann. Es sind ja so viele andere Materien, die, wie Sie leicht denken können, mir an's Herz liegen, ohne dass man gerade von Personen zu sprechen braucht, die Sie nicht kennen und die ich ganz genau kenne. Zum Erwähnen: ich bin zum Vormund von meines lieben seeligen Bruders S[chwarz] Kindern gemacht. Noch haben Sie nie mit einer Sylbe in so vielen Jahren dieser meiner Mündel erwähnt. Wie werden sie erzogen? wie gerathen sie? Was für ein Gemüth zeigt sich in diesen Sprösslingen eines grossen Vaters! Bekommt S[chwarz] seine Mutter in Bresslaw noch richtig ihr Geld? Ist die Wittwe wieder verheyratet? Lebt Heyn noch? Von seinem Protector lese ich viel in den Zeitungen. Sind Ihre eigene Brüder noch gesund? Hat Philus noch immer solche Krankheiten, wie vor 5 Jahren? Es müssen sich in dieser langen Zeit nothwendig grosse Veränderungen unter unseren Freunden zugetragen haben, ich habe aber nichts von Ihnen erfahren. Senkbeil ist gleichsam verschwunden, er hat Ihren Versprechungen nicht getraut und ich fürchte, er hat sich in eine schreckliche Lage gestürzt, wahrscheinlich ist er nach America oder nach Ostindien gegangen; ich will Ihren Worten aber trauen und ich werde sehen, wie ich dabei fahre. Seit meinem letzten Brief an Sie, erfahre ich von Velox, dass sogar Soc, mein grösster Feind

haben: jetzt werde ich sehen, ob Sie noch der alte sind oder ob Sie sich wircklich in Ihrer Denkungsart geändert haben. Vielleicht befürchten Sie, wenn Sie sich nach 5 Jahren endlich einmal mit einem alten Freunde wieder einlassen, dass ich suchen würde im Ernst Sie von Ihrem Favoritsystem abzubringen.

Um Sie zu überzeugen, dass Sie von dieser Seite nichts zu fürchten haben, muss ich Ihnen sagen, dass ich es recht gern sehe, wenn davon unter uns so wenig die Rede ist, als zwischen mir und Velox. Seit dem Tode meines unvergesslichen Freundes v. Rüts in Berlin bin ich mit Velox so genau verbunden, als wenn wir von einer Nation, ja als wenn wir leibliche Brüder wären: wir waren die ganzen Tage allein und immer beysammen, dennoch habe ich nie mit Ihm über gewisse Menschen gestritten. Wenn ich in meinen Briefen an Sie, auch sogar in dem Anfang des heutigen einige Anzüglichkeiten habe merken lassen, so kommt das von Ihrem sonderbaren Betragen, das himmelschreyend ist. Sie thun in Ihren Briefen, als hätten Sie nicht eine Minute Zeit mit mir sich zu unterhalten, beantworten mir keinen einzigen Brief, wie es sich für einen Freund schickt, und verschwenden dabey immer Ihre Betheuerungen von Liebe. Sie kennen mein Delicatesse, ja ich muss es nur gerade heraus sagen — mein empfindliches Herz. Wäre es zu viel Mühe für Sie, wenn Sie mir alle Monate einmal schrieben, besonders da Sie directe durch ein dortiges Kaufmanns-Haus, wenn Sie nur wollen, an mich schreiben können!

Sie können ja die unbedeutendsten Sachen alsdann durch Velox als Einlage an mich schreiben und die wichtigeren durch den Kaufmann. Es sind ja so viele andere Materien, die, wie Sie leicht denken können, mir an's Herz liegen, ohne dass man gerade von Personen zu sprechen braucht, die Sie nicht kennen und die ich ganz genau kenne. Zum Erwähnen: ich bin zum Vormund von meines lieben seeligen Bruders S[chwarz] Kindern gemacht. Noch haben Sie nie mit einer Sylbe in so vielen Jahren dieser meiner Mündel erwähnt. Wie werden sie erzogen? wie gerathen sie? Was für ein Gemüth zeigt sich in diesen Sprösslingen eines grossen Vaters! Bekommt S[chwarz] seine Mutter in Bresslaw noch richtig ihr Geld? Ist die Wittwe wieder verheyratet? Lebt Heyn noch? Von seinem Protector lese ich viel in den Zeitungen. Sind Ihre eigene Brüder noch gesund? Hat Philus noch immer solche Krankheiten, wie vor 5 Jahren? Es müssen sich in dieser langen Zeit nothwendig grosse Veränderungen unter unseren Freunden zugetragen haben, ich habe aber nichts von Ihnen erfahren. Senkbeil ist gleichsam verschwunden, er hat Ihren Versprechungen nicht getraut und ich fürchte, er hat sich in eine schreckliche Lage gestürzt, wahrscheinlich ist er nach America oder nach Ostindien gegangen; ich will Ihren Worten aber trauen und ich werde sehen, wie ich dabei fahre. Seit meinem letzten Brief an Sie, erfahre ich von Velox, dass sogar Soc, mein grösster Feind

vor diesem, mit einer Hochachtung von mir und mit einem Mitleiden über mein Unglück spräche, dass nicht zu beschreiben wäre. W. correspondirt mit mir, Sr. Excellenz haben mir noch in Velox letztem Briefe 1000 mal grüssen lassen und wollen mir nächstens wieder selbst schreiben. Wagen Sie es also nur mit diesem Heretico und empfehlen Sie mich Ihrer Frau Gemahlin und meinen Ordens-Verwandten.

162. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1791. (30 декабря).

Дражайшій другъ!

Начало вашего письма привело меня въ безпокойство. Я уже начиналъ было трепетать о моей милой княжнушкѣ *), — послѣдній разъ такъ назвалъ его, — но, прочевъ нѣсколько далѣе, не могъ воздержаться отъ смѣху — слышать, что оставленный мною такъ сказать, младенецъ дѣлается мужемъ и, можетъ, по возвращеніи моемъ, найду уже его отцемъ. Истинну сказать, молоды еще ваши супружники и, по мнѣнію моему, недовольно еще зрѣлы для важнаго размышленія о взаимныхъ обязательствахъ и сопряженныхъ съ ними слѣдствіяхъ. Но что дѣлать, въ сихъ лѣтахъ натура сильнѣе разсудка; не возмогши покорить оную, надлежитъ уступить ей. Богъ да благословитъ бракъ сей и да не отыметъ отъ нихъ руки Своей; Онъ да наградитъ и выполнитъ недостатки ихъ. Я съ моей стороны, любя васъ и любя князя Петра Николаевича *), желаю ему и будущей его супругѣ **) всякаго благополучія и желаю отъ искренняго сердца, прошу васъ рекомендовать меня обоимъ супругамъ, а особливо Надеждѣ Ивановнѣ **), которою не имѣю чести быть еще знаемъ; вы и милый мой князекъ можете увѣриться, сколь я ко всѣмъ вамъ привязанъ. Ежели ея сердце, въ чемъ не имѣю ни малаго сомнѣнія, столь же не испорчено, какъ ея супруга, то надѣюсь твердо, что молодыя ихъ лѣта не воспрепятствуютъ имъ вникнуть въ важность нынѣшняго ихъ званія; ежели будутъ привержены къ добродѣтели, ежели будутъ просить Бога, то, конечно, обрѣтутъ награду здѣсь и въ будущемъ.

Поздравляю васъ, сердечный другъ, съ симъ происшествіемъ, которое, видно, опредѣлено свыше. — Два векселя получилъ и по оным 1490 талеровъ. Слава Богу, пришли еще во время и я успѣю заплатить кричащіе долги. Прости, сердечный другъ; спѣшу, чтобы не пропустить почту.

---

*) Кн. П. Н. Трубецкой.
**) Н. И. Пестова.

vor diesem, mit einer Hochachtung von mir und mit einem Mitleiden über mein Unglück spräche, dass nicht zu beschreiben wäre. W. correspondirt mit mir, Sr. Excellenz haben mir noch in Velox letztem Briefe 1000 mal grüssen lassen und wollen mir nächstens wieder selbst schreiben. Wagen Sie es also nur mit diesem Heretico und empfehlen Sie mich Ihrer Frau Gemahlin und meinen Ordens-Verwandten.

162. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1791. (30 декабря).

Дражайшій другъ!

Начало вашего письма привело меня въ безпокойство. Я уже начиналъ было трепетать о моей милой княжнушкѣ *), — послѣдній разъ такъ назвалъ его, — но, прочевъ нѣсколько далѣе, не могъ воздержаться отъ смѣху — слышать, что оставленный мною такъ сказать, младенецъ дѣлается мужемъ и, можетъ, по возвращеніи моемъ, найду уже его отцемъ. Истинну сказать, молоды еще ваши супружники и, по мнѣнію моему, недовольно еще зрѣлы для важнаго размышленія о взаимныхъ обязательствахъ и сопряженныхъ съ ними слѣдствіяхъ. Но что дѣлать, въ сихъ лѣтахъ натура сильнѣе разсудка; не возмогши покорить оную, надлежитъ уступить ей. Богъ да благословитъ бракъ сей и да не отыметъ отъ нихъ руки Своей; Онъ да наградитъ и выполнитъ недостатки ихъ. Я съ моей стороны, любя васъ и любя князя Петра Николаевича *), желаю ему и будущей его супругѣ **) всякаго благополучія и желаю отъ искренняго сердца, прошу васъ рекомендовать меня обоимъ супругамъ, а особливо Надеждѣ Ивановнѣ **), которою не имѣю чести быть еще знаемъ; вы и милый мой князекъ можете увѣриться, сколь я ко всѣмъ вамъ привязанъ. Ежели ея сердце, въ чемъ не имѣю ни малаго сомнѣнія, столь же не испорчено, какъ ея супруга, то надѣюсь твердо, что молодыя ихъ лѣта не воспрепятствуютъ имъ вникнуть въ важность нынѣшняго ихъ званія; ежели будутъ привержены къ добродѣтели, ежели будутъ просить Бога, то, конечно, обрѣтутъ награду здѣсь и въ будущемъ.

Поздравляю васъ, сердечный другъ, съ симъ происшествіемъ, которое, видно, опредѣлено свыше. — Два векселя получилъ и по оным 1490 талеровъ. Слава Богу, пришли еще во время и я успѣю заплатить кричащіе долги. Прости, сердечный другъ; спѣшу, чтобы не пропустить почту.

---

*) Кн. П. Н. Трубецкой.
**) Н. И. Пестова.

163. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 1791. (30 декабря).

Дражайшій другъ!

При маленькомъ твоемъ письмецѣ два векселя и по онымъ деньги 1490 талеровъ (или 298 фридрихсдора) я исправно получилъ. Сердечно благодарю моего друга. Запасъ сей точно пришелъ во время, ибо, какъ уже и въ прежнихъ письмахъ писалъ, былъ въ обстоятельствахъ, оскорбительныхъ для меня, а слѣдственно и для вашей чести. Благодаря Бога, теперь освободился отъ сего на нѣкоторое время, ибо крячащіе долги уплачу. Ты видишь, мой другъ, какая потеря на деньги; сей разъ еще лучше прежняго, но и тутъ изъ двухъ тысячъ потерялъ 510 талеровъ, а по надлежащему надлежало бы получить 2400. Прибавь къ сему проценты изрядьтянъ; когда у нихъ занимаешь, то ясно тебѣ будетъ, какая страшная выходитъ разница отъ неисправной пересылки. Я увѣренъ, сердечный мой другъ, въ вашей готовности, а наипаче въ твоей. Никогда не приходило мнѣ сомнѣнія о семъ и, ежели обвиняю васъ небреженіемъ, то понимаю сіе слово въ пространнѣйшемъ онаго значеніи, и хочу чрезъ то сказать, что вы не приготовляетесь къ сему заблаговременно, хоть уже отвѣтами знаете, сколь трудно иногда въ скорости перевертываться. Не скрою и того, что изъ многихъ обстоятельствъ, хотя и вы молчите, усматриваю разстройку въ экономіи и сіе причиняетъ мнѣ задумчивость и пасмурные часы, нарушающіе мой покой; не страшусь настоящаго, но ужасаетъ меня будущее, мнѣ открывается весьма непріятная перспектива.

Не спорю, можетъ быть, участвуетъ въ томъ моя ипохондрія, заставляющая меня смотрѣть на все въ темныхъ краскахъ; однако-жъ, думаю, что, ежели я и увеличиваю опасность, но опасность находится въ самомъ дѣлѣ. Присовокупите къ сему, что ипохондрія, сопровождаемая неизвѣстностію, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе. Почти съ самаго моего отъѣзда я ничего не знаю о нашихъ дѣлахъ. Сердечный другъ, знаю, что виноватъ и весьма виноватъ предъ тобою въ моемъ молчаніи, извини меня. Главная сему причина была — мои вкорененныя хлопоты; освободився же опыхъ, все возприметъ надлежащее теченіе. Впрочемъ, сердце мое въ разсужденіи васъ ни мало не перемѣнилось. Всѣ вы живете непрестанно и твердо въ немъ. Извергъ, а не человѣкъ былъ бы я, ежели-бъ перемѣнился противу толь многихъ любезныхъ мнѣ друзей. Будь увѣренъ единожды навсегда, что, въ какомъ бы состояніи я ни находился, любовь моя къ вамъ безпредѣльная. Ты знаешь, сердечный мой другъ, какъ я горячо тебя люблю; не хочу и не могу изъявить сего словами; дай, Боже, чтобы я могъ доказать сіе дѣломъ. Прости, милый мой, люби меня попрежнему. Я прерываю сіе письмо, боясь пропустить

163. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 1791. (30 декабря).

Дражайшій другъ!

При маленькомъ твоемъ письмецѣ два векселя и по онымъ деньги 1490 талеровъ (или 298 фридрихсдора) я исправно получилъ. Сердечно благодарю моего друга. Запасъ сей точно пришелъ во время, ибо, какъ уже и въ прежнихъ письмахъ писалъ, былъ въ обстоятельствахъ, оскорбительныхъ для меня, а слѣдственно и для вашей чести. Благодаря Бога, теперь освободился отъ сего на нѣкоторое время, ибо крячащіе долги уплачу. Ты видишь, мой другъ, какая потеря на деньги; сей разъ еще лучше прежняго, но и тутъ изъ двухъ тысячъ потерялъ 510 талеровъ, а по надлежащему надлежало бы получить 2400. Прибавь къ сему проценты изрядьтянъ; когда у нихъ занимаешь, то ясно тебѣ будетъ, какая страшная выходитъ разница отъ неисправной пересылки. Я увѣренъ, сердечный мой другъ, въ вашей готовности, а наипаче въ твоей. Никогда не приходило мнѣ сомнѣнія о семъ и, ежели обвиняю васъ небреженіемъ, то понимаю сіе слово въ пространнѣйшемъ онаго значеніи, и хочу чрезъ то сказать, что вы не приготовляетесь къ сему заблаговременно, хоть уже отвѣтами знаете, сколь трудно иногда въ скорости перевертываться. Не скрою и того, что изъ многихъ обстоятельствъ, хотя и вы молчите, усматриваю разстройку въ экономіи и сіе причиняетъ мнѣ задумчивость и пасмурные часы, нарушающіе мой покой; не страшусь настоящаго, но ужасаетъ меня будущее, мнѣ открывается весьма непріятная перспектива.

Не спорю, можетъ быть, участвуетъ въ томъ моя ипохондрія, заставляющая меня смотрѣть на все въ темныхъ краскахъ; однако-жъ, думаю, что, ежели я и увеличиваю опасность, но опасность находится въ самомъ дѣлѣ. Присовокупите къ сему, что ипохондрія, сопровождаемая неизвѣстностію, дѣйствуетъ гораздо сильнѣе. Почти съ самаго моего отъѣзда я ничего не знаю о нашихъ дѣлахъ. Сердечный другъ, знаю, что виноватъ и весьма виноватъ предъ тобою въ моемъ молчаніи, извини меня. Главная сему причина была — мои вкорененныя хлопоты; освободився же опыхъ, все возприметъ надлежащее теченіе. Впрочемъ, сердце мое въ разсужденіи васъ ни мало не перемѣнилось. Всѣ вы живете непрестанно и твердо въ немъ. Извергъ, а не человѣкъ былъ бы я, ежели-бъ перемѣнился противу толь многихъ любезныхъ мнѣ друзей. Будь увѣренъ единожды навсегда, что, въ какомъ бы состояніи я ни находился, любовь моя къ вамъ безпредѣльная. Ты знаешь, сердечный мой другъ, какъ я горячо тебя люблю; не хочу и не могу изъявить сего словами; дай, Боже, чтобы я могъ доказать сіе дѣломъ. Прости, милый мой, люби меня попрежнему. Я прерываю сіе письмо, боясь пропустить

почту. Цѣлую тебя мысленно, а ты поцѣлуй любимаго моего Петра Владиміровича *) и Тургенева **). Предъ симъ также виноватъ, какъ собака, но [зная] нѣжное и доброе его сердце, увѣренъ, что онъ на меня не сердится. Я думаю, теперь много у насъ новаго въ отечествѣ по причинѣ смерти Потемкина.

164. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 3 января, 1792. — № 1. (8 января).

Письмо ваше, дражайшій другъ и братъ, подъ № 27, отъ 20 ноября, съ приложенными шестью векселями получилъ исправно и благодарю сердечно. Векселя пришли, благодаря Бога, во время и на сей разъ я всѣхъ хлопотъ избавленъ. Я уже много разъ писалъ къ вамъ и теперь еще повторяю, что никогда не имѣлъ сомнѣнія на вашу готовность и желаніе способствовать моему спокойствію и благосостоянію. По мнѣнію моему, все сіе происходило отъ разстроенныхъ обстоятельствъ; но мнѣ кажется, что, зная сіе, надлежало бы принимать свои мѣры заблаговременно; что можно сдѣлать въ четыре или три мѣсяца, то иногда бываетъ невозможно въ двѣ или три недѣли. Пора уже намъ научиться изъ опытовъ, что «авось» либо, сей почти всеобщій характеръ россіянъ, заводитъ насъ часто въ страшный лабиринтъ, въ которомъ мы теряемся, не зная, какъ выйти. Но оставимъ сіе; слава Богу, что все сіе кончилось благополучно. Извѣстіе ваше о новомъ положеніи компаніи причинило мнѣ не малую радость. Истинно неизрѣченное милосердіе Божіе! Онъ подаетъ намъ помощь точно въ такое время, гдѣ мы никакой надежды уже не видимъ. Я неоднократно давалъ вамъ знать въ моихъ письмахъ, что я подозрѣвалъ сію разстройку и ужасался, смотря открывающуюся намъ страшную перспективу; но вы всегда молчали и не изъяснялись о семъ пунктѣ; теперь же все мнѣ ясно. Безъ сомнѣнія Poch. ***) можетъ исправить и привести все въ хорошее состояніе; но надлежитъ ему быть осторожну и ограничить планы Colow ****). Я всегда думалъ и нынѣ твердо увѣренъ, что дѣло сіе есть купеческое и, слѣдовательно, надлежитъ поступать купечески. Небреженіе сего правила было источникомъ нашей разстройки. Купецъ не долженъ никогда быть метафизикомъ. Вотъ ошибка Кол[овіона]; сберегая будущіе и, можетъ быть, никогда не случащіеся расходы, онъ лишался, и лишалъ насъ настоящихъ выгодъ. Я говорю здѣсь о пространныхъ изданіяхъ; легче продать 300 книгъ, нежели 1.500. Второе правило: надлежитъ располагаться

*) П. В. Лопухинъ.
**) П. И. Тургеневъ.
***) Г. М. Походяшинъ.
****) Н. И. Новиковъ.

почту. Цѣлую тебя мысленно, а ты поцѣлуй любимаго моего Петра Владиміровича *) и Тургенева **). Предъ симъ также виноватъ, какъ собака, но [зная] нѣжное и доброе его сердце, увѣренъ, что онъ на меня не сердится. Я думаю, теперь много у насъ новаго въ отечествѣ по причинѣ смерти Потемкина.

164. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 3 января, 1792. — № 1. (8 января).

Письмо ваше, дражайшій другъ и братъ, подъ № 27, отъ 20 ноября, съ приложенными шестью векселями получилъ исправно и благодарю сердечно. Векселя пришли, благодаря Бога, во время и на сей разъ я всѣхъ хлопотъ избавленъ. Я уже много разъ писалъ къ вамъ и теперь еще повторяю, что никогда не имѣлъ сомнѣнія на вашу готовность и желаніе способствовать моему спокойствію и благосостоянію. По мнѣнію моему, все сіе происходило отъ разстроенныхъ обстоятельствъ; но мнѣ кажется, что, зная сіе, надлежало бы принимать свои мѣры заблаговременно; что можно сдѣлать въ четыре или три мѣсяца, то иногда бываетъ невозможно въ двѣ или три недѣли. Пора уже намъ научиться изъ опытовъ, что «авось» либо, сей почти всеобщій характеръ россіянъ, заводитъ насъ часто въ страшный лабиринтъ, въ которомъ мы теряемся, не зная, какъ выйти. Но оставимъ сіе; слава Богу, что все сіе кончилось благополучно. Извѣстіе ваше о новомъ положеніи компаніи причинило мнѣ не малую радость. Истинно неизрѣченное милосердіе Божіе! Онъ подаетъ намъ помощь точно въ такое время, гдѣ мы никакой надежды уже не видимъ. Я неоднократно давалъ вамъ знать въ моихъ письмахъ, что я подозрѣвалъ сію разстройку и ужасался, смотря открывающуюся намъ страшную перспективу; но вы всегда молчали и не изъяснялись о семъ пунктѣ; теперь же все мнѣ ясно. Безъ сомнѣнія Poch. ***) можетъ исправить и привести все въ хорошее состояніе; но надлежитъ ему быть осторожну и ограничить планы Colow ****). Я всегда думалъ и нынѣ твердо увѣренъ, что дѣло сіе есть купеческое и, слѣдовательно, надлежитъ поступать купечески. Небреженіе сего правила было источникомъ нашей разстройки. Купецъ не долженъ никогда быть метафизикомъ. Вотъ ошибка Кол[овіона]; сберегая будущіе и, можетъ быть, никогда не случащіеся расходы, онъ лишался, и лишалъ насъ настоящихъ выгодъ. Я говорю здѣсь о пространныхъ изданіяхъ; легче продать 300 книгъ, нежели 1.500. Второе правило: надлежитъ располагаться

*) П. В. Лопухинъ.
**) П. И. Тургеневъ.
***) Г. М. Походяшинъ.
****) Н. И. Новиковъ.

по вкусу читателей. Посовѣтуйте дружески о семъ обоимъ нашимъ друзьямъ; ибо, не взирая, что они отдѣлились, они всегда суть привязаны къ нашимъ сердцамъ. Сказать-ли вамъ откровенно, — я радъ, что мы избавились отъ долговъ; но не знаю, нахожу нѣчто непріятное въ отдѣленіи семъ; впрочемъ не могу и самому себѣ сказать, что сему причиною. Чувствованіе сіе есть изъ оныхъ темныхъ, въ которыхъ и сами мы не можемъ дать себѣ отчета; но дѣло сдѣлано; видно, такъ угодно Всеуправляющему. — Барону *) писалъ и что́ отъ него получу въ отвѣтъ, не умедлю сообщить вамъ. За день до полученія векселей писалъ онъ мнѣ просить васъ о присылкѣ ему ежегодно по сту лувдоровъ, а дабы не имѣть ему никакого сомнѣнія, то-бъ дать ему письменное обязательство, подписанное Поректусомъ и Репертусомъ **) мнѣ кажется, что сія осторожность весьма нужная и нѣтъ ничего въ ней для васъ оскорбительнаго, ибо мы всѣ смертны, и кто можетъ отвѣчать за продолженіе нашей жизни, хотя только на одинъ день? Ахъ, мой другъ, положеніе сего брата весьма непріятно; постараемся по нашимъ спламъ облегчить ему его состояніе, состояніе, въ которое онъ впалъ по любви къ вещи и къ намъ. Что онъ къ вещи привязанъ всѣмъ сердцемъ, за сіе отвѣчать смѣю. Всѣ сомнѣнія его были и суть объ орудіяхъ. Истинно, сей братъ рѣдкихъ достоинствъ и можетъ сдѣлаться великимъ; можетъ быть, время докажетъ сіе. Отъ Филуса ***), кромѣ двухъ векселей, никакого [письма] еще не получалъ. Прости, сердечный другъ; я теперь все бѣгаю для заплаты долговъ и сіе мѣшаетъ писать болѣе. Поцѣлуйте Филуса. Простите, цѣлую васъ всѣхъ мысленно. Дай, Боже, вамъ на сей новый годъ новыхъ истинныхъ благъ. Приведя дѣла въ порядокъ, буду писать и чаще, и пространнѣе. Ежели Походяшинъ въ Москвѣ, поклонитесь ему отъ меня.

165. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 29 декабря, 1791. — № 30. (1 января 1792).

Любезный другъ!

Я къ тебѣ уже нѣсколько почтъ не писалъ, по причинѣ болѣзни и смерти сестры кн. Катерины ****), которую я третьяго дня похоронилъ. О себѣ скажу, что я и всѣ мои, благодаря Бога, здоровы. Писемъ отъ тебя давно нѣтъ, что меня безпокоитъ. Пожалуйста, хотя по нѣсколько строчекъ пиши почаще: по крайней мѣрѣ, пиши о томъ, что ты здо-

*) Бар. Шредеру.

**) Поректусъ — кн. П. Н. Трубецкой; Репертусъ — кн. Ю. Н. Трубецкой [?].

***) И. В. Лопухинъ.

****) Княжна Е. П. Трубецкая; ея сестра — Елизавета Петровна.

по вкусу читателей. Посовѣтуйте дружески о семъ обоимъ нашимъ друзьямъ; ибо, не взирая, что они отдѣлились, они всегда суть привязаны къ нашимъ сердцамъ. Сказать-ли вамъ откровенно, — я радъ, что мы избавились отъ долговъ; но не знаю, нахожу нѣчто непріятное въ отдѣленіи семъ; впрочемъ не могу и самому себѣ сказать, что сему причиною. Чувствованіе сіе есть изъ оныхъ темныхъ, въ которыхъ и сами мы не можемъ дать себѣ отчета; но дѣло сдѣлано; видно, такъ угодно Всеуправляющему. — Барону *) писалъ и что́ отъ него получу въ отвѣтъ, не умедлю сообщить вамъ. За день до полученія векселей писалъ онъ мнѣ просить васъ о присылкѣ ему ежегодно по сту лувдоровъ, а дабы не имѣть ему никакого сомнѣнія, то-бъ дать ему письменное обязательство, подписанное Поректусомъ и Репертусомъ **) мнѣ кажется, что сія осторожность весьма нужная и нѣтъ ничего въ ней для васъ оскорбительнаго, ибо мы всѣ смертны, и кто можетъ отвѣчать за продолженіе нашей жизни, хотя только на одинъ день? Ахъ, мой другъ, положеніе сего брата весьма непріятно; постараемся по нашимъ спламъ облегчить ему его состояніе, состояніе, въ которое онъ впалъ по любви къ вещи и къ намъ. Что онъ къ вещи привязанъ всѣмъ сердцемъ, за сіе отвѣчать смѣю. Всѣ сомнѣнія его были и суть объ орудіяхъ. Истинно, сей братъ рѣдкихъ достоинствъ и можетъ сдѣлаться великимъ; можетъ быть, время докажетъ сіе. Отъ Филуса ***), кромѣ двухъ векселей, никакого [письма] еще не получалъ. Прости, сердечный другъ; я теперь все бѣгаю для заплаты долговъ и сіе мѣшаетъ писать болѣе. Поцѣлуйте Филуса. Простите, цѣлую васъ всѣхъ мысленно. Дай, Боже, вамъ на сей новый годъ новыхъ истинныхъ благъ. Приведя дѣла въ порядокъ, буду писать и чаще, и пространнѣе. Ежели Походяшинъ въ Москвѣ, поклонитесь ему отъ меня.

165. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 29 декабря, 1791. — № 30. (1 января 1792).

Любезный другъ!

Я къ тебѣ уже нѣсколько почтъ не писалъ, по причинѣ болѣзни и смерти сестры кн. Катерины ****), которую я третьяго дня похоронилъ. О себѣ скажу, что я и всѣ мои, благодаря Бога, здоровы. Писемъ отъ тебя давно нѣтъ, что меня безпокоитъ. Пожалуйста, хотя по нѣсколько строчекъ пиши почаще: по крайней мѣрѣ, пиши о томъ, что ты здо-

*) Бар. Шредеру.

**) Поректусъ — кн. П. Н. Трубецкой; Репертусъ — кн. Ю. Н. Трубецкой [?].

***) И. В. Лопухинъ.

****) Княжна Е. П. Трубецкая; ея сестра — Елизавета Петровна.

ровъ. Поваго къ твоему свѣдѣнію нѣтъ ничего, кромѣ того, что Михайла Сергѣевичъ Потемкинъ умеръ, что на его мѣсто порученъ Комисаріатъ Николаю Дмитріевичу Дурнову, который прежде Потемкина имъ правилъ, и что ко принятію челобитенъ опредѣленъ Гаврила Романовичъ Державинъ. Вотъ, мой другъ, наши вѣсти, а наипріятнѣйшая есть то, что всѣ ждутъ къ новому году совершеннаго заключенія мирныхъ договоровъ. Прости, мой другъ; поздравляю тебя съ наступающимъ новымъ годомъ. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

166. М. И. НЕВЗОРОВЪ и В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ—И. В. ЛОПУХИНУ.

Геттингенъ. 2 января, 1792. (15 января).

Любезный другъ и благодѣтель!

Письмы ваши и при нихъ два векселя на тысячу рублей получили мы третьяго дня, за что покорнѣйше благодарствуемъ. Мы намѣрены отсюда выѣхать и возвратиться въ отечество, коль скоро размѣняемъ векселя. Сихъ денегъ намъ весьма довольно будетъ и расплатиться здѣсь, и на дорогу. Впрочемъ мы остаемся живы и здоровы, и просимъ продолжать къ намъ вашу отеческую любовь и попеченіе. Ваши покорные слуги.

167. Ф. М. КУТУЗОВЪ—А. М. КУТУЗОВУ.

4 января, 1792. (8 марта).

Поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ и сердечно желаю вамъ какъ оный, такъ и предбудущіе многіе годы препроводить благополучно и быть въ совершенномъ здоровіи. Дружеское ваше письмо безъ числа и безъ означенія мѣста, откуда писано, въ кувертѣ, подписанномъ на мое имя изъ Москвы 22 числа прошедшаго мѣсяца, получилъ; но чрезъ кого послано, не знаю, и печать на письмѣ вашемъ, кажется, была поднята и каковымъ гербомъ запечатана была, не видно; все сіе меня удивляетъ; но какъ то ни на есть, я очень обрадованъ, что вы здоровы. Пеняете, что давно я вамъ не пишу; то дозвольте сказать мнѣ, что вы свое на меня полагаете. Я очень тѣмъ прискорбенъ, что полтора года отъ васъ никакого свѣдѣнія не имѣлъ и не зналъ, гдѣ вы; слѣдовательно, писать я, не знавъ, гдѣ вы, не могъ; что-жъ до любви моей къ вамъ, вы никакъ сомнѣваться не можете: я столько вамъ добра желаю, болѣе, нежели себѣ. Видя-же изъ письма вашего, что вы имѣете нужду въ деньгахъ, то я нынѣ посылаю пятьсотъ рублей сверхъ посланныхъ въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ пятисотъ же рублей. Больше писать теперича некогда; но, при желаніи вамъ всякаго благополучія и увѣряя васъ въ непрестанной моей и вѣчной дружбѣ, пребуду навсегда вѣрный вашъ другъ и братъ и покорнѣйшій слуга.

ровъ. Поваго къ твоему свѣдѣнію нѣтъ ничего, кромѣ того, что Михайла Сергѣевичъ Потемкинъ умеръ, что на его мѣсто порученъ Комисаріатъ Николаю Дмитріевичу Дурнову, который прежде Потемкина имъ правилъ, и что ко принятію челобитенъ опредѣленъ Гаврила Романовичъ Державинъ. Вотъ, мой другъ, наши вѣсти, а наиприятнѣйшая есть то, что всѣ ждутъ къ новому году совершеннаго заключенія мирныхъ договоровъ. Прости, мой другъ; поздравляю тебя съ наступающимъ новымъ годомъ. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

166. М. И. НЕВЗОРОВЪ и В. Я. КОЛОКОЛЬНИКОВЪ—И. В. ЛОПУХИНУ.

Геттингенъ. 2 января, 1792. (15 января).

Любезный другъ и благодѣтель!

Письмы ваши и при нихъ два векселя на тысячу рублей получили мы третьяго дня, за что покорнѣйше благодарствуемъ. Мы намѣрены отсюда выѣхать и возвратиться въ отечество, коль скоро размѣняемъ векселя. Сихъ денегъ намъ весьма довольно будетъ и расплатиться здѣсь, и на дорогу. Впрочемъ мы остаемся живы и здоровы, и просимъ продолжать къ намъ вашу отеческую любовь и попеченіе. Ваши покорные слуги.

167. Ф. М. КУТУЗОВЪ—А. М. КУТУЗОВУ.

4 января, 1792. (8 марта).

Поздравляю васъ съ наступившимъ новымъ годомъ и сердечно желаю вамъ какъ оный, такъ и предбудущіе многіе годы препроводить благополучно и быть въ совершенномъ здоровіи. Дружеское ваше письмо безъ числа и безъ означенія мѣста, откуда писано, въ кувертѣ, подписанномъ на мое имя изъ Москвы 22 числа прошедшаго мѣсяца, получилъ; но чрезъ кого послано, не знаю, и печать на письмѣ вашемъ, кажется, была поднята и каковымъ гербомъ запечатана была, не видно; все сіе меня удивляетъ; но какъ то ни на есть, я очень обрадованъ, что вы здоровы. Пеняете, что давно я вамъ не пишу; то дозвольте сказать мнѣ, что вы свое на меня полагаете. Я очень тѣмъ прискорбенъ, что полтора года отъ васъ никакого свѣдѣнія не имѣлъ и не зналъ, гдѣ вы; слѣдовательно, писать я, не знавъ, гдѣ вы, не могъ; что-жъ до любви моей къ вамъ, вы никакъ сомнѣваться не можете: я столько вамъ добра желаю, болѣе, нежели себѣ. Видя-же изъ письма вашего, что вы имѣете нужду въ деньгахъ, то я нынѣ посылаю пятьсотъ рублей сверхъ посланныхъ въ прошедшемъ ноябрѣ мѣсяцѣ пятисотъ же рублей. Больше писать теперича некогда; но, при желаніи вамъ всякаго благополучія и увѣряя васъ въ непрестанной моей и вѣчной дружбѣ, пребуду навсегда вѣрный вашъ другъ и братъ и покорнѣйшій слуга.

168. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 13 января, 1792. (26 января).

Дражайшій другъ!

Письмо твое и вексель на 1.000 рублей получилъ; за то и другое благодарю тебя сердечно. Успокойся, мой другъ, касательно твоихъ писемъ. Я всѣ получилъ исправно. Молчаніе мое происходило отъ хлопотъ, а частію и отъ упражненій. Надлежитъ тебѣ знать, что работы мои происходятъ внѣ моего дома и оттого происходитъ, что часто почтовый день принужденъ пропустить, не писавъ. Впрочемъ, мой сердечный другъ, ты, думаю, увѣренъ, что дружба моя къ тебѣ ни мало не умалилась, да и умалиться не можетъ. Желалъ бы токмо сдѣлаться достойнѣе оной; впрочемъ уповаю, что ты привыкъ нисходить къ слабостямъ твоихъ братей, не презришь и меня въ разсужденіи моихъ; по крайней мѣрѣ, ты сіе доказываешь мнѣ безпрестанно. Извѣстіе о перемѣнѣ нашихъ дѣлъ причинило мнѣ не малое удовольствіе, но при томъ оставившее во мнѣ не малое негодованіе, причины котораго не могу дознаться. Но какъ бы то ни было, возблагодаримъ нашего Создателя, не отнимающаго отъ насъ руки Своей; Онъ помогаетъ намъ въ самой крайности; построимъ благодарность Ему добрыми дѣлами; се пріятнѣйшая Ему жертва. Увѣдомь, пожалуйста, обстоятельнѣе о семъ происшествіи. Также хотѣлъ бы я знать, гдѣ теперь мои вещи и книги, которые я оставилъ въ бывшемъ нашемъ домѣ; между прочимъ есть тамъ весьма нужныя для меня бумаги, которыхъ бы не хотѣлъ лишиться. Извини, мой другъ, что и сіе письмо коротко; причиною тому мое безпрестанное бѣганіе для заплаты долговъ. Прости, мой другъ; цѣлую тебя въ мысляхъ, а ты поцѣлуй любезныхъ моихъ Петра Володиміровича *) и всѣхъ нашихъ.

169. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 16 января, 1792. — № 1. (26 января).

Любезный и неоцѣненный другъ мой!

Письмо твое подъ № 1-мъ получилъ. Слава Богу, что векселя, къ тебѣ посланные, пришли въ свое время; теперь ожидаю рѣшенія отъ барона **), согласится-ли онъ тебѣ оставить свои деньги; а мы на оное дадимъ такое обязательство, какое онъ хочетъ. Что-жъ касается до требуемаго имъ обязательства на присылку ему ежегодно по сту лундоровъ, то пришли мнѣ форму, какъ оное дать; а мы, подписавъ, тотчасъ пришлемъ. А о себѣ и о своихъ скажу, что мы, благодаря Богу, здоровы и всѣ въ великой радости отъ заключенія мира, такъ что, кромѣ мира,

*) П. В. Лопухинъ.

**) Бар. Шредеръ.

168. А. М. КУТУЗОВЪ — П. В. ЛОПУХИНУ.

Берлинъ. 13 января, 1792. (26 января).

Дражайшій другъ!

Письмо твое и вексель на 1.000 рублей получилъ; за то и другое благодарю тебя сердечно. Успокойся, мой другъ, касательно твоихъ писемъ. Я всѣ получилъ исправно. Молчаніе мое происходило отъ хлопотъ, а частію и отъ упражненій. Надлежитъ тебѣ знать, что работы мои происходятъ внѣ моего дома и оттого происходитъ, что часто почтовый день принужденъ пропустить, не писавъ. Впрочемъ, мой сердечный другъ, ты, думаю, увѣренъ, что дружба моя къ тебѣ ни мало не умалилась, да и умалиться не можетъ. Желалъ бы токмо сдѣлаться достойнѣе оной; впрочемъ уповаю, что ты привыкъ нисходить къ слабостямъ твоихъ братей, не презришь и меня въ разсужденіи моихъ; по крайней мѣрѣ, ты сіе доказываешь мнѣ безпрестанно. Извѣстіе о перемѣнѣ нашихъ дѣлъ причинило мнѣ не малое удовольствіе, но при томъ оставившее во мнѣ не малое негодованіе, причины котораго не могу дознаться. Но какъ бы то ни было, возблагодаримъ нашего Создателя, не отнимающаго отъ насъ руки Своей; Онъ помогаетъ намъ въ самой крайности; построимъ благодарность Ему добрыми дѣлами; се пріятнѣйшая Ему жертва. Увѣдомь, пожалуйста, обстоятельнѣе о семъ происшествіи. Также хотѣлъ бы я знать, гдѣ теперь мои вещи и книги, которые я оставилъ въ бывшемъ нашемъ домѣ; между прочимъ есть тамъ весьма нужныя для меня бумаги, которыхъ бы не хотѣлъ лишиться. Извини, мой другъ, что и сіе письмо коротко; причиною тому мое безпрестанное бѣганіе для заплаты долговъ. Прости, мой другъ; цѣлую тебя въ мысляхъ, а ты поцѣлуй любезныхъ моихъ Петра Володиміровича *) и всѣхъ нашихъ.

169. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 16 января, 1792. — № 1. (26 января).

Любезный и неоцѣненный другъ мой!

Письмо твое подъ № 1-мъ получилъ. Слава Богу, что векселя, къ тебѣ посланные, пришли въ свое время; теперь ожидаю рѣшенія отъ барона **), согласится-ли онъ тебѣ оставить свои деньги; а мы на оное дадимъ такое обязательство, какое онъ хочетъ. Что-жъ касается до требуемаго имъ обязательства на присылку ему ежегодно по сту лундоровъ, то пришли мнѣ форму, какъ оное дать; а мы, подписавъ, тотчасъ пришлемъ. А о себѣ и о своихъ скажу, что мы, благодаря Богу, здоровы и всѣ въ великой радости отъ заключенія мира, такъ что, кромѣ мира,

*) П. В. Лопухинъ.

**) Бар. Шредеръ.

во всей Москвѣ ничего не говорятъ. Гдѣ-жъ будетъ оный праздноваться, о томъ еще никто не знаетъ. Писать болѣе нечего; прости, мой другъ; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

170. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 16 января, 1792. (12 февраля).

Verehrungswürdiger Freund und Ordens-Bruder!

Die ganz unerwartete Nachricht, die ich von der Contrerevolution, welche in unsrer Gesellschaft vorgefallen, vor wenigen Tagen erhalten, verändert meinen Plan für mein künftiges Leben ganz und gar. Sehen Sie meinen letzten Brief also als nicht geschrieben an, wenn es Ihnen möglich ist meinen heutigen Plan in Erfüllung zu bringen.

Sie können Sich keine Idée machen von der Freude, welche ich in meinem Herzen über die glückliche Aenderung unserer Compagnie empfand, doch darf ich es nicht bergen, dass es mir wehe thut den Br. Colovion *) abermals, und immer, und ewig à la tête zu sehen. Freylich muss ich mein Urtheil zurück halten, da ich bis jetzt noch nicht weiss, wie und wodurch es eingeschränkt worden ist, aber ich fürchte, wenn P — d — n **) auch Millionen in die Compagnie steckt, so hat er an Colovion, wenn der freye Hände zu agiren und freyes Feld zu speculiren hat, gerade den Mann gefunden, der wenn er noch recht lange lebt, auch Millionen so gut verschleudert, als vorher die Hunderttausende? Ehe ich Ihnen meinen Plan eröffne, muss ich Ihnen voraus sagen, dass ich keine grosse Hoffnung habe, dass mir derselbe reussiren wird, weil eben Colovion zu viel dabey interessirt ist, und ich überzeugt bin, dass Colovion jetzt als Despote über alles regiren wird, wenn er sein ganzes Wesen nicht verändert hat. Gewiss werden Sie diese Zeilen mit Unwillen lesen und sagen — die Hypochondrie habe meinen ganzen Charackter verdorben, aber erlauben Sie mir nur eine Anmerkung: Sie, Sie selbst haben mir Ihr Ehrenwort, Ihr Maurerwort gegeben, Sie haben es mir zugeschworen, ehe ich aus R[usslan]d reiste, dass Colovion gewiss nicht in der Bel-Etage des Hauses, das ich gekauft habe, wohnen solle! und er wohnt schon jahrelang drein. Ja was noch mehr, ob er gleich wenig in der Stadt ist, so ist dennoch die Bel-Etage für Ihn eingerichtet. Sie können und werden mir das Factum nicht ableugnen, weil der Geselle aus unsrer Apotheke, der sich jetzt in Schlesien etablirt hat, es mir und Velox ***) zu unsrer beyder Erstaunen und Missvergnügen schon vor einem Jahr erzählt hat. Vielleicht haben Sie Ihr Versprechen lange vergessen; genug, Sie haben es mir geschworen und keine Parole gehalten.

*) И. П. Новиковъ.
**) Г. М. Походяшинъ.
***) А. М. Кутузовъ.

во всей Москвѣ ничего не говорятъ. Гдѣ-жъ будетъ оный праздноваться, о томъ еще никто не знаетъ. Писать болѣе нечего; прости, мой другъ; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

170. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 16 января, 1792. (12 февраля).

Verehrungswürdiger Freund und Ordens-Bruder!

Die ganz unerwartete Nachricht, die ich von der Contrerevolution, welche in unsrer Gesellschaft vorgefallen, vor wenigen Tagen erhalten, verändert meinen Plan für mein künftiges Leben ganz und gar. Sehen Sie meinen letzten Brief also als nicht geschrieben an, wenn es Ihnen möglich ist meinen heutigen Plan in Erfüllung zu bringen.

Sie können Sich keine Idée machen von der Freude, welche ich in meinem Herzen über die glückliche Aenderung unserer Compagnie empfand, doch darf ich es nicht bergen, dass es mir wehe thut den Br. Colovion *) abermals, und immer, und ewig à la tête zu sehen. Freylich muss ich mein Urtheil zurück halten, da ich bis jetzt noch nicht weiss, wie und wodurch es eingeschränkt worden ist, aber ich fürchte, wenn P — d — n **) auch Millionen in die Compagnie steckt, so hat er an Colovion, wenn der freye Hände zu agiren und freyes Feld zu speculiren hat, gerade den Mann gefunden, der wenn er noch recht lange lebt, auch Millionen so gut verschleudert, als vorher die Hunderttausende? Ehe ich Ihnen meinen Plan eröffne, muss ich Ihnen voraus sagen, dass ich keine grosse Hoffnung habe, dass mir derselbe reussiren wird, weil eben Colovion zu viel dabey interessirt ist, und ich überzeugt bin, dass Colovion jetzt als Despote über alles regiren wird, wenn er sein ganzes Wesen nicht verändert hat. Gewiss werden Sie diese Zeilen mit Unwillen lesen und sagen — die Hypochondrie habe meinen ganzen Charackter verdorben, aber erlauben Sie mir nur eine Anmerkung: Sie, Sie selbst haben mir Ihr Ehrenwort, Ihr Maurerwort gegeben, Sie haben es mir zugeschworen, ehe ich aus R[usslan]d reiste, dass Colovion gewiss nicht in der Bel-Etage des Hauses, das ich gekauft habe, wohnen solle! und er wohnt schon jahrelang drein. Ja was noch mehr, ob er gleich wenig in der Stadt ist, so ist dennoch die Bel-Etage für Ihn eingerichtet. Sie können und werden mir das Factum nicht ableugnen, weil der Geselle aus unsrer Apotheke, der sich jetzt in Schlesien etablirt hat, es mir und Velox ***) zu unsrer beyder Erstaunen und Missvergnügen schon vor einem Jahr erzählt hat. Vielleicht haben Sie Ihr Versprechen lange vergessen; genug, Sie haben es mir geschworen und keine Parole gehalten.

*) И. П. Новиковъ.
**) Г. М. Походяшинъ.
***) А. М. Кутузовъ.

Da Colovion aber noch immer solches grosses Pouvoir über Sie zu haben scheint, wie vor diesem, so muss ich allerdings vermuthen, dass er meinem Plan Schwierigkeiten entgegenstellen, und alles mögliche anwenden wird ihn zu hintertreiben, wodurch ich dann auch diese, vielleicht und wahrscheinlich die letzte Gelegencheit in meinem Leben verlieren würde meine brouillirten Affaires wieder zu arrangiren, meine Schulden successive zu bezahlen und endlich in Ruhe, Frieden und Einsamkeit den Wissenschaften obzuliegen, welche meine einzige Wonne auf der Erde und im Himmel ausmachen. — Wahrscheinlich ist Ihre Erwartung diesen Plan zu erfahren äusserst gespannt, vergeben Sie es aber der Nothwendigkeit, dass ich einwenig zurück gehe, und die verflossene Zeit Ihnen, der Sie gar leicht etwas vergessen, wieder ins Gedächtniss führe.

Ich kam nicht nach R[usslan]d in der Absicht mich mit russischem Gelde zu bereichern, wie man meinen Landsleuten grösstentheils dort Schuld giebt, ich kam Ihrem Vaterland mein Leib und Leben, ja mein Blut, das Kostbarste, was der Mensch besitzt und was kein Gold aufwiegen kann, aufzuopfern, und verlangte dafür bloss Gelegenheit auf der Bahn der Ehre und des Ruhms geführt zu werden, denn, dass ich in keinem Dienst als Soldat reich werden würde, war mir, da ich von Kindheit an Soldat gewesen, zu gut bekannt. Der selige Schw. *) führte mich nach langem Sträuben wider meinen Willen von dieser Bahn ab, wofür ich ihm noch in der Ewigkeit danken muss; er glaubte gewiss nicht, dass ich je so unglücklich werden würde, als ich es geworden, dass ich um meine Gesundheit, um meine Ehre, ja sogar um den Rest meines Vermögens kommen und in Gefahr laufen würde, den Bettelstab zu ergreifen, wie ich denn wirklich im vorigen Jahr auf dem Point gewesen bin zu betteln? Von dem Verlust meiner Gesundheit, die auf ewig ruinirt ist, von dem Verluste meiner Ehre, die einen Fleck behält, und wenn die Oberen noch 10 mal von Missverständnissen schreiben, und dadurch ihre Schande und Uebereilung verbergen wollen, von meinem ausgestandenen halbjährigen Arrest, von alledem, ob es mir gleich noch immer das Herz abdrücken will, und mir noch im 70 Jahre empfindlich bleiben wird, will ich keine Sylbe schreiben, blos von meiner oeconomischen Lage etwas.

Der selige Sch[warz] versprach mir: es solle mir in der Comp[agnie] ein solches anständiges Capital ausgemacht werden, wovon ich auf jeden Fall ehrlich leben könnte, und nicht in den schimpflichen Verdacht eines Avanturiers käme, der von der Gnade anderer Menschen leben müsse. Meine Ehre lag mir damals noch so sehr am Herzen, dass ich nicht eher in den Abschied willigte, bis er mir aufs heyligste versprach, dass ich von dieser Seite völlig gedeckt seyn sollte. Sein Tod stürtzte mich

*) И. Е. Шварцъ.

Da Colovion aber noch immer solches grosses Pouvoir über Sie zu haben scheint, wie vor diesem, so muss ich allerdings vermuthen, dass er meinem Plan Schwierigkeiten entgegenstellen, und alles mögliche anwenden wird ihn zu hintertreiben, wodurch ich dann auch diese, vielleicht und wahrscheinlich die letzte Gelegencheit in meinem Leben verlieren würde meine brouillirten Affaires wieder zu arrangiren, meine Schulden successive zu bezahlen und endlich in Ruhe, Frieden und Einsamkeit den Wissenschaften obzuliegen, welche meine einzige Wonne auf der Erde und im Himmel ausmachen. — Wahrscheinlich ist Ihre Erwartung diesen Plan zu erfahren äusserst gespannt, vergeben Sie es aber der Nothwendigkeit, dass ich einwenig zurück gehe, und die verflossene Zeit Ihnen, der Sie gar leicht etwas vergessen, wieder ins Gedächtniss führe.

Ich kam nicht nach R[usslan]d in der Absicht mich mit russischem Gelde zu bereichern, wie man meinen Landsleuten grösstentheils dort Schuld giebt, ich kam Ihrem Vaterland mein Leib und Leben, ja mein Blut, das Kostbarste, was der Mensch besitzt und was kein Gold aufwiegen kann, aufzuopfern, und verlangte dafür bloss Gelegenheit auf der Bahn der Ehre und des Ruhms geführt zu werden, denn, dass ich in keinem Dienst als Soldat reich werden würde, war mir, da ich von Kindheit an Soldat gewesen, zu gut bekannt. Der selige Schw. *) führte mich nach langem Sträuben wider meinen Willen von dieser Bahn ab, wofür ich ihm noch in der Ewigkeit danken muss; er glaubte gewiss nicht, dass ich je so unglücklich werden würde, als ich es geworden, dass ich um meine Gesundheit, um meine Ehre, ja sogar um den Rest meines Vermögens kommen und in Gefahr laufen würde, den Bettelstab zu ergreifen, wie ich denn wirklich im vorigen Jahr auf dem Point gewesen bin zu betteln? Von dem Verlust meiner Gesundheit, die auf ewig ruinirt ist, von dem Verluste meiner Ehre, die einen Fleck behält, und wenn die Oberen noch 10 mal von Missverständnissen schreiben, und dadurch ihre Schande und Uebereilung verbergen wollen, von meinem ausgestandenen halbjährigen Arrest, von alledem, ob es mir gleich noch immer das Herz abdrücken will, und mir noch im 70 Jahre empfindlich bleiben wird, will ich keine Sylbe schreiben, blos von meiner oeconomischen Lage etwas.

Der selige Sch[warz] versprach mir: es solle mir in der Comp[agnie] ein solches anständiges Capital ausgemacht werden, wovon ich auf jeden Fall ehrlich leben könnte, und nicht in den schimpflichen Verdacht eines Avanturiers käme, der von der Gnade anderer Menschen leben müsse. Meine Ehre lag mir damals noch so sehr am Herzen, dass ich nicht eher in den Abschied willigte, bis er mir aufs heyligste versprach, dass ich von dieser Seite völlig gedeckt seyn sollte. Sein Tod stürtzte mich

*) И. Е. Шварцъ.

aber in einen Abgrund, aus welchem ich jetzt erst heraufgerissen werde, wenn mir Colovion nicht einen Strich durch die Rechnung macht. Nach seinem Tode lernte ich erst die verwirrte Lage der Comp[agnie] und den Urheber dieser Confusion genauer kennen: ich sah also wohl, dass da nichts zu machen war. Meine militärische Ambition machte es mir unmöglich mit Ihnen von Sch[warz] Versprechen zu reden, wie ich sah, dass Sie nicht von selbst davon sprachen, auch in Schw[arz] seinen Schriften nichts darüber befindlich war, noch unmöglicher war es mir, als einem preussischen Officier, die grösste Beleidigung, dass Sie mir sagten: wenn ich Geld brauchte, mögte ich es Ihnen nur sagen; ich borgte lieber heimlich und fing an heimlich Schulden zu machen, ehe ich mich so weit hätte überwinden können, von Ihnen Geld zu nehmen. Ich sah wohl ein, dass wenn ich dem Orden reelle Dienste in der hohen Stufe, auf der ich mit einmal, auch wider meinen Willen, welches Sie und Heliconus *) am besten wissen, postiert stand, leisten wollte, ich nicht das Ansehen eines Avanturiers, oder eines armen Schluckers, der von diesem oder jenem Particulier lebt, haben musste; Schw[arz] selbst hatte diesen Grundsatz vorher, wie ich noch eine Null im Orden war, dennoch in mir bestätigt. In dieser desperaten Lage entschloss ich mich, wie der Zufall wollte, dass mein Onkel auf die Idée kam, mir seine Güter auf Conditionen abzutreten, mich in Moscau zu etabliren, mich völlig zu nationalisiren u. s. w. Wie viel, oder wie wenig meine Hochachtung für eine gewisse Person, die ich noch von Herzen hochschätzen und deren sanfter Charackter gewiss das Glück eines braven Mannes machen würde, meine Entschlüsse bestärkte, gehört nicht hieher. — Genug, Frenkel weiss, dass ich aus der Absicht das Haus kaufte, um mich in eine solche Lage zu setzen, dass ich nicht für einen betrügerischen ausländischen Avanturier passiren, und also dem Orden wesentlich dienen mögte; befragen Sie ihn darüber auf sein Gewissen. Es ist so viele Jahre her, aber wir haben zu oft davon gesprochen, als das er's hätte vergessen können. Der Kauf des Hauses war zustande, ehe Colovion die Carten zu mischen bekam. Aber mein Unglück wollte, wie mein Onkel in meine Ideen nicht entrirte, dass ich die Unterstützung von guten Freunden, eigentlich aber nur Ihren Credit, auf einige Jahre brauchte. Erinnern Sie sich noch wohl, wie ich Ihnen nach meiner Zurückkunft aus Meklenburg von meinem misslungenen Geschäfte Nachricht gab, dass ich Sie blos bat meine Situation einigen oder mehreren Brüdern zu offenbaren, damit sie mich durch ihren Credit unterstützten, dass ich kein Wort davon schrieb, dass man mir die ganze Sache nehmen und sie mit der Comp[agnie] vereinigen sollte.

---

*) Вёлльнеръ.

aber in einen Abgrund, aus welchem ich jetzt erst heraufgerissen werde, wenn mir Colovion nicht einen Strich durch die Rechnung macht. Nach seinem Tode lernte ich erst die verwirrte Lage der Comp[agnie] und den Urheber dieser Confusion genauer kennen: ich sah also wohl, dass da nichts zu machen war. Meine militärische Ambition machte es mir unmöglich mit Ihnen von Sch[warz] Versprechen zu reden, wie ich sah, dass Sie nicht von selbst davon sprachen, auch in Schw[arz] seinen Schriften nichts darüber befindlich war, noch unmöglicher war es mir, als einem preussischen Officier, die grösste Beleidigung, dass Sie mir sagten: wenn ich Geld brauchte, mögte ich es Ihnen nur sagen; ich borgte lieber heimlich und fing an heimlich Schulden zu machen, ehe ich mich so weit hätte überwinden können, von Ihnen Geld zu nehmen. Ich sah wohl ein, dass wenn ich dem Orden reelle Dienste in der hohen Stufe, auf der ich mit einmal, auch wider meinen Willen, welches Sie und Heliconus *) am besten wissen, postiert stand, leisten wollte, ich nicht das Ansehen eines Avanturiers, oder eines armen Schluckers, der von diesem oder jenem Particulier lebt, haben musste; Schw[arz] selbst hatte diesen Grundsatz vorher, wie ich noch eine Null im Orden war, dennoch in mir bestätigt. In dieser desperaten Lage entschloss ich mich, wie der Zufall wollte, dass mein Onkel auf die Idée kam, mir seine Güter auf Conditionen abzutreten, mich in Moscau zu etabliren, mich völlig zu nationalisiren u. s. w. Wie viel, oder wie wenig meine Hochachtung für eine gewisse Person, die ich noch von Herzen hochschätzen und deren sanfter Charackter gewiss das Glück eines braven Mannes machen würde, meine Entschlüsse bestärkte, gehört nicht hieher. — Genug, Frenkel weiss, dass ich aus der Absicht das Haus kaufte, um mich in eine solche Lage zu setzen, dass ich nicht für einen betrügerischen ausländischen Avanturier passiren, und also dem Orden wesentlich dienen mögte; befragen Sie ihn darüber auf sein Gewissen. Es ist so viele Jahre her, aber wir haben zu oft davon gesprochen, als das er's hätte vergessen können. Der Kauf des Hauses war zustande, ehe Colovion die Carten zu mischen bekam. Aber mein Unglück wollte, wie mein Onkel in meine Ideen nicht entrirte, dass ich die Unterstützung von guten Freunden, eigentlich aber nur Ihren Credit, auf einige Jahre brauchte. Erinnern Sie sich noch wohl, wie ich Ihnen nach meiner Zurückkunft aus Meklenburg von meinem misslungenen Geschäfte Nachricht gab, dass ich Sie blos bat meine Situation einigen oder mehreren Brüdern zu offenbaren, damit sie mich durch ihren Credit unterstützten, dass ich kein Wort davon schrieb, dass man mir die ganze Sache nehmen und sie mit der Comp[agnie] vereinigen sollte.

---

*) Вёлльнеръ.

Es konnte auch nur Colovion auf solche für mich unglückliche Idéen verfallen, und nur ein unglücklich Verliebter, wie ich damals war, konnte diese Idée gutheissen, aber sagen Sie selbst, hätte Colovion, als Freund, als Christ, als Ordens-Bruder, ja als R. + *) nicht alle seine Kräfte für mich anspannen müssen, mich zu souteniren. Der entsetzliche Bau, die gewaltigen Summen, die immer zu Tausenden verschwendet wurden, um ein wahres Babel aus dem Hause zu machen, sind die sichersten Bürgen, dass er mich hätte souteniren können, wenn er nur gewollt hätte.

Ich hätte nicht den 8-ten Theil von dem baaren Geld verbraucht, was er drinn gesteckt hat, alles was er dazu an Materialien geborgt hat, gar nicht zu rechnen; und hätte alsdann ein ehrliches Etablissement gehabt, und wäre dadurch nationalisirt worden: Klaproth hat eine der ersten, grössten und magnifiquesten Apotheken, als ein armer Apothekergeselle angenommen und kein Capital als Credit auf 5000 Rth gehabt. Jetzt hat er sein Haus frey, seine Apotheke frey, seine Schulden alle, auch die ersten 5000 Rth. bezahlt und schon Capitalien auf Interessen stehen. Und mir fehlte blos die erste Einrichtung, denn der Hauskauf war in Ordnung. Von dieser Epoche [an], wie Colovion sich nicht allein in meine Sache metirte, um mir als ein Christ und Bruder zu helfen, sondern wie er sie mir wegnahm, um die Kraft seines Astralgeistes dran zu üben, bin ich so in meinen oeconomischen Verhältnissen durch Colovions Betragen grösstentheils brouillirt worden, dass ich bis jetzt kein Ende sehe, und auch heute noch sehr schwache Hoffnung habe mit meinen Vorschlägen Colovions hartes Herz zu überzeugen und es zu bewegen in meinen Plan zu willigen. — Jetzt muss ich auf meine Abreise aus Moscau zurückkommen: Hier bekam ich das erste Geld, nehmlich Reisegeld, aber leider musste ich davon meine Schulden dort liquidiren, so dass ich wenig übrig behielt: ich hatte doch Kleider, Bedienten und dergleichen gebraucht; kein Mensch hatte mir einen Heller gegeben, in Luft konnte ich mich nicht kleiden, von Luft weder meinen Bedienten, noch andere nöthige Ausgaben, als Wäsche und dergleiche bezahlen: ich war also nach meiner Idée nicht strafbar. In Meklenburg musste ich schon 20000 Rth. schwer Geld gegen jüdische Interessen aufnehmen, um davon nur in Berlin, wo ich doch nicht in meinen Privat-Angelegenheiten, sondern als Gesandter der Comp[agnie] lebte, honnet zu leben, und die Rückreise bezahlen zu können. Wenn Sie Ihren jetzigen Geschäftsträger auch zuweilen auf Geld warten lassen, so schicken Sie ihm doch hernach so viel, dass er davon die gemachten Schulden bezahlen kann. Dieser hat überdies eigenes Vermögen, und ich bin gerade durch meine Anhänglichkeit an Rosenkreuzerdinge um meine Erbschaft gekommen; ich schrieb Ihnen dieses mein Malheur. Weil ich aber kein Geld verlangte, so bot mir auch

*) Rosenkreuzer.

Es konnte auch nur Colovion auf solche für mich unglückliche Idéen verfallen, und nur ein unglücklich Verliebter, wie ich damals war, konnte diese Idée gutheissen, aber sagen Sie selbst, hätte Colovion, als Freund, als Christ, als Ordens-Bruder, ja als R. + *) nicht alle seine Kräfte für mich anspannen müssen, mich zu souteniren. Der entsetzliche Bau, die gewaltigen Summen, die immer zu Tausenden verschwendet wurden, um ein wahres Babel aus dem Hause zu machen, sind die sichersten Bürgen, dass er mich hätte souteniren können, wenn er nur gewollt hätte.

Ich hätte nicht den 8-ten Theil von dem baaren Geld verbraucht, was er drinn gesteckt hat, alles was er dazu an Materialien geborgt hat, gar nicht zu rechnen; und hätte alsdann ein ehrliches Etablissement gehabt, und wäre dadurch nationalisirt worden: Klaproth hat eine der ersten, grössten und magnifiquesten Apotheken, als ein armer Apothekergeselle angenommen und kein Capital als Credit auf 5000 Rth gehabt. Jetzt hat er sein Haus frey, seine Apotheke frey, seine Schulden alle, auch die ersten 5000 Rth. bezahlt und schon Capitalien auf Interessen stehen. Und mir fehlte blos die erste Einrichtung, denn der Hauskauf war in Ordnung. Von dieser Epoche [an], wie Colovion sich nicht allein in meine Sache metirte, um mir als ein Christ und Bruder zu helfen, sondern wie er sie mir wegnahm, um die Kraft seines Astralgeistes dran zu üben, bin ich so in meinen oeconomischen Verhältnissen durch Colovions Betragen grösstentheils brouillirt worden, dass ich bis jetzt kein Ende sehe, und auch heute noch sehr schwache Hoffnung habe mit meinen Vorschlägen Colovions hartes Herz zu überzeugen und es zu bewegen in meinen Plan zu willigen. — Jetzt muss ich auf meine Abreise aus Moscau zurückkommen: Hier bekam ich das erste Geld, nehmlich Reisegeld, aber leider musste ich davon meine Schulden dort liquidiren, so dass ich wenig übrig behielt: ich hatte doch Kleider, Bedienten und dergleichen gebraucht; kein Mensch hatte mir einen Heller gegeben, in Luft konnte ich mich nicht kleiden, von Luft weder meinen Bedienten, noch andere nöthige Ausgaben, als Wäsche und dergleiche bezahlen: ich war also nach meiner Idée nicht strafbar. In Meklenburg musste ich schon 20000 Rth. schwer Geld gegen jüdische Interessen aufnehmen, um davon nur in Berlin, wo ich doch nicht in meinen Privat-Angelegenheiten, sondern als Gesandter der Comp[agnie] lebte, honnet zu leben, und die Rückreise bezahlen zu können. Wenn Sie Ihren jetzigen Geschäftsträger auch zuweilen auf Geld warten lassen, so schicken Sie ihm doch hernach so viel, dass er davon die gemachten Schulden bezahlen kann. Dieser hat überdies eigenes Vermögen, und ich bin gerade durch meine Anhänglichkeit an Rosenkreuzerdinge um meine Erbschaft gekommen; ich schrieb Ihnen dieses mein Malheur. Weil ich aber kein Geld verlangte, so bot mir auch

*) Rosenkreuzer.

kein Mensch was an, und hätte ich darum gebeten, so hätte Colovion doch keinen Rat zu schaffen gewusst, der damals seine ungeheuren Pläne ausführte und uns alle dadurch, mich aber besonders, in Schimpf und Schande und Verlegenheit brachte. Ich entschloss mich daher auf bessere Zeiten in Geduld zu warten. Gott gebe, dass Sie endlich gekommen seyn mögen, denn der Zustand, in welchen ich geraten bin, wird mir täglich unausstehlicher und verdirbt den ganzen Grund meines Herzens. Also kam ich mit 2000 Rth. schwer Geld Schulden nach Moscau zurück, wo die allgemeine Not mich meine Privatnoth wirklich ganz vergessen machte. Dass ich dadurch, dass ich mich nach dem Exempel von Klaproth dort etabliren wollte, und im Anfang einige Tausende Credit brauchte, an der Zerstöhrung, die Colovion anrichtete, schuld seyn konnte, ist Ihnen gewiss nie in den Kopf gekommen, und dennoch giebt es viele Brüder, die mich für den Urheber dieses Greuels hielten und noch halten. Doch das gehört so wenig hierher, als meine Absicht die schönen Säle und Zimmer, worin Colovion und seine Familie sich niedergelassen haben, zu etwas anderm aufzubewahren. Wenn Colovion nur einwenig christliche Demuth besässe, so hätte er diese Säle lieber 50 Jahre leer stehen lassen, ehe er sie zu seinen Wohnzimmern praepariren konnte.

Jetzt komme ich an den Hauptknoten meines Schicksals, gegen welchen Colovion sich am mehrsten sträuben wird: nehmlich an meine Brillanten. Dieser Schmuck war wenigstens 6000 Rth., welches 7000 Rubel ausmacht am Werth, ja mir wird er von meiner eigenen Familie für 7000 Reichsthaler angerechnet, weil der regirende Herzog von Meklenburg-Strelitz meinem Onkel 7000 Reichsthaler dafür hat bieten lassen, der es aber refusiren musste ihn dafür hinzugeben.Diesen Schmuck habe ich so schändlich in Moscau vereinzeln und in Eile verkrändeln müssen, dass ich nicht die Hälfte seines Werths dafür bekommen. Aber wer war denn schuld? Habe ich ihn für mich vertrödelt, oder habe ich die Apotheke dadurch in Gang gebracht, und fragen Sie Frenkel, ob sie ohne diese schmerzliche Hülfe damals hätte können eröffnet werden? Wer soll denn nach der Gerechtigkeit und Billigkeit den Schaden tragen? Ich, der ich weniger als arm, der ich zum Bettler worden, oder Colovion, dessen Affaires jetzt ins reine kommen? Können Sie sagen, dass ich jemals bey dem vorigen Verhältniss und den traurigen Umständen der Comp[agnie] diesen Wunsch geäussert habe? Sollte es also die Bruderliebe nicht fordern, dass man mir jetzt meine gerechte Pretension gelte, und das für Colovions Sottisen aufgeopferte Bijoux nach seinem Werth, so wie mir's meine Familie anrechnet, und nicht nach dem, was ich dafür in der Eile und vielleicht von Betrügern, nehmlich, von den Juveliers selbst erhalten habe. Es war kein Opfer, dass ich dem Orden brachte, sondern Colovions rasende Bauten forcirten mich zu diesem Schritt.

kein Mensch was an, und hätte ich darum gebeten, so hätte Colovion doch keinen Rat zu schaffen gewusst, der damals seine ungeheuren Pläne ausführte und uns alle dadurch, mich aber besonders, in Schimpf und Schande und Verlegenheit brachte. Ich entschloss mich daher auf bessere Zeiten in Geduld zu warten. Gott gebe, dass Sie endlich gekommen seyn mögen, denn der Zustand, in welchen ich geraten bin, wird mir täglich unausstehlicher und verdirbt den ganzen Grund meines Herzens. Also kam ich mit 2000 Rth. schwer Geld Schulden nach Moscau zurück, wo die allgemeine Not mich meine Privatnoth wirklich ganz vergessen machte. Dass ich dadurch, dass ich mich nach dem Exempel von Klaproth dort etabliren wollte, und im Anfang einige Tausende Credit brauchte, an der Zerstöhrung, die Colovion anrichtete, schuld seyn konnte, ist Ihnen gewiss nie in den Kopf gekommen, und dennoch giebt es viele Brüder, die mich für den Urheber dieses Greuels hielten und noch halten. Doch das gehört so wenig hierher, als meine Absicht die schönen Säle und Zimmer, worin Colovion und seine Familie sich niedergelassen haben, zu etwas anderm aufzubewahren. Wenn Colovion nur einwenig christliche Demuth besässe, so hätte er diese Säle lieber 50 Jahre leer stehen lassen, ehe er sie zu seinen Wohnzimmern praepariren konnte.

Jetzt komme ich an den Hauptknoten meines Schicksals, gegen welchen Colovion sich am mehrsten sträuben wird: nehmlich an meine Brillanten. Dieser Schmuck war wenigstens 6000 Rth., welches 7000 Rubel ausmacht am Werth, ja mir wird er von meiner eigenen Familie für 7000 Reichsthaler angerechnet, weil der regirende Herzog von Meklenburg-Strelitz meinem Onkel 7000 Reichsthaler dafür hat bieten lassen, der es aber refusiren musste ihn dafür hinzugeben.Diesen Schmuck habe ich so schändlich in Moscau vereinzeln und in Eile verkrändeln müssen, dass ich nicht die Hälfte seines Werths dafür bekommen. Aber wer war denn schuld? Habe ich ihn für mich vertrödelt, oder habe ich die Apotheke dadurch in Gang gebracht, und fragen Sie Frenkel, ob sie ohne diese schmerzliche Hülfe damals hätte können eröffnet werden? Wer soll denn nach der Gerechtigkeit und Billigkeit den Schaden tragen? Ich, der ich weniger als arm, der ich zum Bettler worden, oder Colovion, dessen Affaires jetzt ins reine kommen? Können Sie sagen, dass ich jemals bey dem vorigen Verhältniss und den traurigen Umständen der Comp[agnie] diesen Wunsch geäussert habe? Sollte es also die Bruderliebe nicht fordern, dass man mir jetzt meine gerechte Pretension gelte, und das für Colovions Sottisen aufgeopferte Bijoux nach seinem Werth, so wie mir's meine Familie anrechnet, und nicht nach dem, was ich dafür in der Eile und vielleicht von Betrügern, nehmlich, von den Juveliers selbst erhalten habe. Es war kein Opfer, dass ich dem Orden brachte, sondern Colovions rasende Bauten forcirten mich zu diesem Schritt.

Wenden Sie mir nicht ein, dass andre Brüder z. B. L-p-n *), grössere Opfer den Thorheiten des Colovions gebracht haben. Darauf sage ich, dass es eine Sünde ist, dass Sie es gethan hatten, dadurch haben Sie dazu beygetragen, dass er alles ruiniren konnte; ohne solche Unterstützungen hätte er den unglücklichen Bau, der sogar durch Menschen-Blut versiegelt ist, nicht vollführen können. Wenn Colovion jetzt in dem grossen Hause in seinen prächtigen Sälen und Zimmern im Fenster liegt, so kann er gerade den Fleck sehen, wo der Arbeiter herunterfiel, und seine Seele unter den grässlichsten Schmerzen aushauchte, und sein köstliches Blut vergoss, wo auch ein andrer zum Krüppel ward. Sie wissen, wo Menschen-Blut vergossen, darf auch in symbolischen Kirchen, der Tempel nie geweihet werden. Sapienti sat. Ich will Colovion nicht wünschen, dass ihm dies unnöthiger Weise geflossene Blut, denn der ganze Bau des colossalischen Nebengebäudes war unnöthig, in der Todesstunde seinen Abschied erschwere: es ist und bleibt mir aber immer ein Räthsel, wie der Mann sich vis-à-vis von dieser Blut-Scene einlogiren konnte; hätte er sich fein christlich und demüthig in das für ihn preparirte hölzerne Haus, was doch auch Tausende gekostet hat, einquartirt, so hätte er diese Erinnerung doch nicht stets vor Augen, so weit hin von **). Vielleicht sind Sie verwundert, dass Sie meine Aufopferungen jetzt aus einem ganz andern Licht dargestellt sehen. Es mag sein, aber die Noth bricht Eisen und eine grössere Noth, als die, worin ich lebe, seit Sie mich mit Complimenten überhäufen, und seitdem mein Onkel seine Hand von mir abgezogen und mich enterbt hat, ist nicht zu denken. Wenn Sie es redlich mit mir im Herzen meinten, so würden Sie mir durch den Br. Velox nicht die Frage vorgelegt haben, ob ich die 4000 Reichsthaler baar empfangen oder zu 10 Procent in der Handlung stehen lassen wollte. Sie würden, da Sie wissen, dass mich die Schulden, die ich successive machen musste und die ich weder durch Huren, Saufen, noch Spielen gemacht habe, fast in Verzweyflung stürtzen, selbst auf ein Mittel gedacht haben meine Affaires zu arrangiren, jetzt da Colovion, (der so viele Tausende auf eine schändlichere Art, als durch Saufen und Spielen, in die Schanze geschlagen) seine Affaires arrangirt werden; und dieser Mangel von Attention, von Delicatesse für einen Mann, den Sie Ihren Freund nennen und dessen unglückliches Schicksal Sie kennen, hat mich auf den Gedanken gebracht, das strengste Recht zu verlangen, und wenn Sie sich wieder von Colovion bereden lassen, meinen Plan zu verwerfen, so werde ich einen Schritt thun, der Sie und Colovion in Erstaunen setzen soll. Hiemit fahre ich fort. Ehe ich mit Velox aus Moscau abreisete, war meine Schuld, die ich in baarem Gelde schuldig war, durch

*) И. В. Лопухинъ.

**) Пропускъ въ подлинникѣ.

Wenden Sie mir nicht ein, dass andre Brüder z. B. L-p-n *), grössere Opfer den Thorheiten des Colovions gebracht haben. Darauf sage ich, dass es eine Sünde ist, dass Sie es gethan hatten, dadurch haben Sie dazu beygetragen, dass er alles ruiniren konnte; ohne solche Unterstützungen hätte er den unglücklichen Bau, der sogar durch Menschen-Blut versiegelt ist, nicht vollführen können. Wenn Colovion jetzt in dem grossen Hause in seinen prächtigen Sälen und Zimmern im Fenster liegt, so kann er gerade den Fleck sehen, wo der Arbeiter herunterfiel, und seine Seele unter den grässlichsten Schmerzen aushauchte, und sein köstliches Blut vergoss, wo auch ein andrer zum Krüppel ward. Sie wissen, wo Menschen-Blut vergossen, darf auch in symbolischen Kirchen, der Tempel nie geweihet werden. Sapienti sat. Ich will Colovion nicht wünschen, dass ihm dies unnöthiger Weise geflossene Blut, denn der ganze Bau des colossalischen Nebengebäudes war unnöthig, in der Todesstunde seinen Abschied erschwere: es ist und bleibt mir aber immer ein Räthsel, wie der Mann sich vis-à-vis von dieser Blut-Scene einlogiren konnte; hätte er sich fein christlich und demüthig in das für ihn preparirte hölzerne Haus, was doch auch Tausende gekostet hat, einquartirt, so hätte er diese Erinnerung doch nicht stets vor Augen, so weit hin von **). Vielleicht sind Sie verwundert, dass Sie meine Aufopferungen jetzt aus einem ganz andern Licht dargestellt sehen. Es mag sein, aber die Noth bricht Eisen und eine grössere Noth, als die, worin ich lebe, seit Sie mich mit Complimenten überhäufen, und seitdem mein Onkel seine Hand von mir abgezogen und mich enterbt hat, ist nicht zu denken. Wenn Sie es redlich mit mir im Herzen meinten, so würden Sie mir durch den Br. Velox nicht die Frage vorgelegt haben, ob ich die 4000 Reichsthaler baar empfangen oder zu 10 Procent in der Handlung stehen lassen wollte. Sie würden, da Sie wissen, dass mich die Schulden, die ich successive machen musste und die ich weder durch Huren, Saufen, noch Spielen gemacht habe, fast in Verzweyflung stürtzen, selbst auf ein Mittel gedacht haben meine Affaires zu arrangiren, jetzt da Colovion, (der so viele Tausende auf eine schändlichere Art, als durch Saufen und Spielen, in die Schanze geschlagen) seine Affaires arrangirt werden; und dieser Mangel von Attention, von Delicatesse für einen Mann, den Sie Ihren Freund nennen und dessen unglückliches Schicksal Sie kennen, hat mich auf den Gedanken gebracht, das strengste Recht zu verlangen, und wenn Sie sich wieder von Colovion bereden lassen, meinen Plan zu verwerfen, so werde ich einen Schritt thun, der Sie und Colovion in Erstaunen setzen soll. Hiemit fahre ich fort. Ehe ich mit Velox aus Moscau abreisete, war meine Schuld, die ich in baarem Gelde schuldig war, durch

*) И. В. Лопухинъ.

**) Пропускъ въ подлинникѣ.

zweyjährige jüdische Interessen, durch die Nothwendigkeit, worin ich war, meine goldenen Dosen, Uhren und andre Bijoux wieder einzulösen, von 2000 auf 3000 Reichsthaler gestiegen, ich habe bis 20 Procent zum Theil geben müssen, um nur baar Geld zu bekommen, und fragen Sie Frenkel, fragen Sie Helwig, wie oft sie nichts zu essen auf Ihren Tisch hätten schaffen können, wenn ich nicht Sachen zum versetzen gegeben, und sie hernach selbst wieder eingelösst hätte. Wo war damals Colovion? Jetzt übernimmt er mit einem reichen Mann, wie ein grosser Mathador, die ganze Sache, und ich liege, wie ein zertretener Wurm, in einem Winkel der Erde, auf den ein jeder das Recht zu haben glaubt auf ihn zu treten. Aber auch der Wurm krümmt sich vor Schmerz! Hätten Colovion, L-p-n *) und so weiter mich im Anfang ehrlich und brüderlich mit ihrem Credit unterstützt, so hätte die Apotheke jetzt schon was die Typographie früh gemacht und ich brauchte nicht, wie ein Schuft zu flehen, dass [man] mir nur so viel zu gut rechnen mögte, als ich dabey verloren. Wir hätten alle die Schande nicht gehabt und brauchten keinen Richard wie P-d-n **), um Colovion wieder ins Reine zu bringen, und ihm Gelegenheit zu schaffen alle Vortheile der Gesellschaft allein zu geniessen. Ich bin nur begierig zu wissen, an wen die Apotheke, denn die Typographie geht mich nichts an, nach Colovions Tod und nach P-d-n **) Tod fällt? Ich will doch unmöglich hoffen an ihre Familien.

Unser Geselle hat uns und auch Klaproth zugeschworen: Tonnen Goldes könnten mit der Zeit aus der Apotheke gewonnen werden, wenn die Sache von einem ordentlichen und oeconomischen Particulier verwaltet würde — doch davon ein andermal. Wie ich mit Velox abreisete, boten Sie mir durch Velox Geld an, ich verachtete eine Anleihe oder gar ein Geschenk von einem Mann, der mich so gegen alle Gesetze der Ehre und Gastfreyheit als einem Criminalverbrecher behandelt hatte, ich borgte lieber aufs neue in Berlin von einem Juden, dem ich 300 Louis d'or successive abnahm, wofür eben derselbe Heliconus vor einem Jahr den Wechsel mitunterschrieb, welcher jetzt Ihrem Gesandten Velox eine Kleinigkeit an Geld refusirte, wie der in Gefahr war seine Ehre darüber zu verlieren! Jetzt, kurz und gut, meinen Plan: ich habe nach der strengsten Gerechtigkeit und Billigkeit von der Gesellschaft elftausend fünfhundert Reichsthaler oder 11500 Rubel zu fordern, die verlange ich aber nicht ausgezahlt, sondern Sie mögen in den von Mäusen gefressenen Papieren des Colovion angeschrieben stehen bleiben, wie vorher die 4000, nur die Interessen muss ich haben um successive meine Schulden zu bezahlen. Auf diese Art kann ich auf Erden wieder in Ruhe kommen. Aber

*) П. В. Лопухинъ.
**) Г. М. Походяшинъ.

zweyjährige jüdische Interessen, durch die Nothwendigkeit, worin ich war, meine goldenen Dosen, Uhren und andre Bijoux wieder einzulösen, von 2000 auf 3000 Reichsthaler gestiegen, ich habe bis 20 Procent zum Theil geben müssen, um nur baar Geld zu bekommen, und fragen Sie Frenkel, fragen Sie Helwig, wie oft sie nichts zu essen auf Ihren Tisch hätten schaffen können, wenn ich nicht Sachen zum versetzen gegeben, und sie hernach selbst wieder eingelösst hätte. Wo war damals Colovion? Jetzt übernimmt er mit einem reichen Mann, wie ein grosser Mathador, die ganze Sache, und ich liege, wie ein zertretener Wurm, in einem Winkel der Erde, auf den ein jeder das Recht zu haben glaubt auf ihn zu treten. Aber auch der Wurm krümmt sich vor Schmerz! Hätten Colovion, L-p-n *) und so weiter mich im Anfang ehrlich und brüderlich mit ihrem Credit unterstützt, so hätte die Apotheke jetzt schon was die Typographie früh gemacht und ich brauchte nicht, wie ein Schuft zu flehen, dass [man] mir nur so viel zu gut rechnen mögte, als ich dabey verloren. Wir hätten alle die Schande nicht gehabt und brauchten keinen Richard wie P-d-n **), um Colovion wieder ins Reine zu bringen, und ihm Gelegenheit zu schaffen alle Vortheile der Gesellschaft allein zu geniessen. Ich bin nur begierig zu wissen, an wen die Apotheke, denn die Typographie geht mich nichts an, nach Colovions Tod und nach P-d-n **) Tod fällt? Ich will doch unmöglich hoffen an ihre Familien.

Unser Geselle hat uns und auch Klaproth zugeschworen: Tonnen Goldes könnten mit der Zeit aus der Apotheke gewonnen werden, wenn die Sache von einem ordentlichen und oeconomischen Particulier verwaltet würde — doch davon ein andermal. Wie ich mit Velox abreisete, boten Sie mir durch Velox Geld an, ich verachtete eine Anleihe oder gar ein Geschenk von einem Mann, der mich so gegen alle Gesetze der Ehre und Gastfreyheit als einem Criminalverbrecher behandelt hatte, ich borgte lieber aufs neue in Berlin von einem Juden, dem ich 300 Louis d'or successive abnahm, wofür eben derselbe Heliconus vor einem Jahr den Wechsel mitunterschrieb, welcher jetzt Ihrem Gesandten Velox eine Kleinigkeit an Geld refusirte, wie der in Gefahr war seine Ehre darüber zu verlieren! Jetzt, kurz und gut, meinen Plan: ich habe nach der strengsten Gerechtigkeit und Billigkeit von der Gesellschaft elftausend fünfhundert Reichsthaler oder 11500 Rubel zu fordern, die verlange ich aber nicht ausgezahlt, sondern Sie mögen in den von Mäusen gefressenen Papieren des Colovion angeschrieben stehen bleiben, wie vorher die 4000, nur die Interessen muss ich haben um successive meine Schulden zu bezahlen. Auf diese Art kann ich auf Erden wieder in Ruhe kommen. Aber

*) П. В. Лопухинъ.
**) Г. М. Походяшинъ.

so wohl über Capital, als Interessen, muss ich gerichtliche Attestate haben, denn Sie wissen, ich traue dem Colovion gar nicht. 1000 Empfehlungen.

171. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 января, 1792. — № 2. (9 февраля).

Другъ мой любезный!

Уже давно нѣтъ отъ тебя писемъ, но я спокоенъ, увидя письмо твое къ П. В. Лоп[ухину] въ которомъ ясно показаны причины твоего рѣдкаго писанія. Да благословитъ Богъ Спаситель нашъ твое упражненіе и да дастъ тебѣ увидѣть ожидаемый плодъ и да возвратитъ тебя къ пользѣ всѣхъ насъ здоровымъ въ мои объятія. О себѣ скажу, что я, кромѣ моего желудка и геморроидъ, благодаря Бога, здоровъ. Пишу къ тебѣ не часто потому, что точно писать нечего, ибо нѣтъ ничего такого, которое бы стоило быть тебѣ сообщено. Всѣ наши здоровы, кромѣ Петра Владиміровича *), который занемогъ было горячкой; но и тому теперь гораздо лучше и одна слабость осталась. На тѣхъ дняхъ я получилъ очень давно писанное тобою ко мнѣ письмо съ бывшимъ силуетистомъ, а нынѣ авторомъ. Я хохоталъ до слезъ его шарлатанству, однако-жъ ты обѣщаешь въ этомъ письмѣ прислать нѣкоторыя капли; исполни, мой другъ, сіе обѣщаніе, я оныхъ жду съ нетерпѣніемъ. Прости, мой другъ. Христосъ съ тобою; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

172. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 4 февраля, 1792. — № 2. (12 февраля).

Дражайшій другъ и братъ!

Здѣсь прилагаю два письма отъ моего товарища **), въ которыхъ, какъ я думаю, изъясняется онъ въ разсужденіи своего капитала, о издержкахъ, сдѣланныхъ имъ въ поѣздку его послѣ смерти Горгонуса ***), о брилліантахъ, которые принужденъ былъ продать за безцѣнокъ по принужденію обстоятельствъ, о заведеніи аптеки и какимъ образомъ отдѣлилъ его Коловіонъ ****) отъ оныя. Письмо его на сію матерію ко мнѣ читалъ я нѣсколько разъ со вниманіемъ, и признаюсь, что доказательства его нашелъ весьма основательными и справедливыми, то есть, судя по братски и по совѣсти, что касается до юристическаго или приказнаго порядка, то безъ сомнѣнія процессъ его потерянъ, то теперь предстоитъ вопросъ, прилично-ли намъ играть лице стряпчихъ и не требуетъ-ли отъ насъ

*) П. В. Лопухинъ.
**) Бар. Шредеръ.
***) И. Е. Шварцъ.
****) Н. И. Новиковъ.

so wohl über Capital, als Interessen, muss ich gerichtliche Attestate haben, denn Sie wissen, ich traue dem Colovion gar nicht. 1000 Empfehlungen.

171. Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 31 января, 1792. — № 2. (9 февраля).

Другъ мой любезный!

Уже давно нѣтъ отъ тебя писемъ, но я спокоенъ, увидя письмо твое къ П. В. Лоп[ухину] въ которомъ ясно показаны причины твоего рѣдкаго писанія. Да благословитъ Богъ Спаситель нашъ твое упражненіе и да дастъ тебѣ увидѣть ожидаемый плодъ и да возвратитъ тебя къ пользѣ всѣхъ насъ здоровымъ въ мои объятія. О себѣ скажу, что я, кромѣ моего желудка и геморроидъ, благодаря Бога, здоровъ. Пишу къ тебѣ не часто потому, что точно писать нечего, ибо нѣтъ ничего такого, которое бы стоило быть тебѣ сообщено. Всѣ наши здоровы, кромѣ Петра Владиміровича *), который занемогъ было горячкой; но и тому теперь гораздо лучше и одна слабость осталась. На тѣхъ дняхъ я получилъ очень давно писанное тобою ко мнѣ письмо съ бывшимъ силуетистомъ, а нынѣ авторомъ. Я хохоталъ до слезъ его шарлатанству, однако-жъ ты обѣщаешь въ этомъ письмѣ прислать нѣкоторыя капли; исполни, мой другъ, сіе обѣщаніе, я оныхъ жду съ нетерпѣніемъ. Прости, мой другъ. Христосъ съ тобою; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

172. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 4 февраля, 1792. — № 2. (12 февраля).

Дражайшій другъ и братъ!

Здѣсь прилагаю два письма отъ моего товарища **), въ которыхъ, какъ я думаю, изъясняется онъ въ разсужденіи своего капитала, о издержкахъ, сдѣланныхъ имъ въ поѣздку его послѣ смерти Горгонуса ***), о брилліантахъ, которые принужденъ былъ продать за безцѣнокъ по принужденію обстоятельствъ, о заведеніи аптеки и какимъ образомъ отдѣлилъ его Коловіонъ ****) отъ оныя. Письмо его на сію матерію ко мнѣ читалъ я нѣсколько разъ со вниманіемъ, и признаюсь, что доказательства его нашелъ весьма основательными и справедливыми, то есть, судя по братски и по совѣсти, что касается до юристическаго или приказнаго порядка, то безъ сомнѣнія процессъ его потерянъ, то теперь предстоитъ вопросъ, прилично-ли намъ играть лице стряпчихъ и не требуетъ-ли отъ насъ

*) П. В. Лопухинъ.
**) Бар. Шредеръ.
***) И. Е. Шварцъ.
****) Н. И. Новиковъ.

должность нашего званія судить по совѣсти, по человѣчески, по христіански? Рѣшеніе сего вопроса оставляю вамъ и прочимъ нашимъ друзьямъ тѣмъ паче, что всѣ обстоятельства сего дѣла вамъ гораздо извѣстнѣе. Прошу токмо судъ оставить всѣ предразсудки и представить себѣ, что вы судите брата, которому мы всѣ много обязаны, брата, который пожертвовалъ намъ все временное его благосостояніе, ибо какъ ни говорить, но я увѣренъ въ моемъ сердцѣ, что потерянное его состояніе и такое, по которому онъ теперь близокъ нищетѣ, есть слѣдствіе его привязанности къ вещи и неограниченной къ намъ довѣренности. Не надлежитъ никогда смотрѣть на форму, но на существо вещи; смотря же изъ сей точки, я нахожу, что онъ и по сіе время достоинъ нашей дружбы. Но положимъ, что онъ и лишился требованія на нашу настоящую и будущую дружбу; но сіе не лишаетъ его нашей благодарности за прошедшія его услуги; мнѣ кажется, что прошедшее дѣло надлежитъ судить по связямъ и законамъ того времени, въ которое оно свершилось; иначе не будетъ никакаго правосудія. Не надобно никогда забывать различія между согрѣшеніемъ и согрѣшеніемъ, чему учитъ насъ христіанская религія. Итакъ, любезный мой другъ, я вручаю сіе дѣло, точно какъ мое собственное, вамъ, Репертусу *) и Филусу **). Вы трое судите оное безпристрастно по долгу вашего званія и, что рѣшите, не умедлите сообщить мнѣ. Я признаюсь, что Сацердосъ ***) простираетъ весьма далеко неудовольствія свои противу Коловіона, но сіе весьма естественно, претерпѣвъ толикія несчастія, угнетающія его по сіе время. О, мой сердечный другъ, ежели-бъ вы могли видѣть всѣ скорби Сацердоса, конечно бы пролили слезы состраданія. Я увѣренъ въ семъ, ибо знаю ваше сердце. Я знаю вашу привязанность къ Коловіону; то тѣмъ должны вы быть осторожнѣе, ибо всякій человѣкъ имѣетъ свои страсти и слабости. Можно, любя сердечно своего друга, ненавидѣть его пороки и не покоряться слѣпо его желаніямъ и умствованіямъ; но что говорю — „можно“? Должно такъ и мыслить, и поступать. Судя своего ближняго, надлежитъ представить, что мы судимъ самихъ насъ и преселиться мысленно въ его положеніе. Поздравляю васъ съ заключеніемъ мира; дай, Боже, чтобы онъ былъ твердъ и продолжителенъ. Мы имѣемъ нужду въ ономъ. Простите; цѣлую васъ мысленно.

173. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 6 февраля, 1792. (12 февраля).

Уже мы и не помнимъ, когда отъ любезнаго моего друга Алексѣя Михайловича получили чисьмы. Скажи, мой безцѣнный другъ, что за

*) Кн. Ю. Н. Трубецкой [?].

**) Н. В. Лопухинъ.

***) Бар. Шредеръ.

должность нашего званія судить по совѣсти, по человѣчески, по христіански? Рѣшеніе сего вопроса оставляю вамъ и прочимъ нашимъ друзьямъ тѣмъ паче, что всѣ обстоятельства сего дѣла вамъ гораздо извѣстнѣе. Прошу токмо судъ оставить всѣ предразсудки и представить себѣ, что вы судите брата, которому мы всѣ много обязаны, брата, который пожертвовалъ намъ все временное его благосостояніе, ибо какъ ни говорить, но я увѣренъ въ моемъ сердцѣ, что потерянное его состояніе и такое, по которому онъ теперь близокъ нищетѣ, есть слѣдствіе его привязанности къ вещи и неограниченной къ намъ довѣренности. Не надлежитъ никогда смотрѣть на форму, но на существо вещи; смотря же изъ сей точки, я нахожу, что онъ и по сіе время достоинъ нашей дружбы. Но положимъ, что онъ и лишился требованія на нашу настоящую и будущую дружбу; но сіе не лишаетъ его нашей благодарности за прошедшія его услуги; мнѣ кажется, что прошедшее дѣло надлежитъ судить по связямъ и законамъ того времени, въ которое оно свершилось; иначе не будетъ никакаго правосудія. Не надобно никогда забывать различія между согрѣшеніемъ и согрѣшеніемъ, чему учитъ насъ христіанская религія. Итакъ, любезный мой другъ, я вручаю сіе дѣло, точно какъ мое собственное, вамъ, Репертусу *) и Филусу **). Вы трое судите оное безпристрастно по долгу вашего званія и, что рѣшите, не умедлите сообщить мнѣ. Я признаюсь, что Сацердосъ ***) простираетъ весьма далеко неудовольствія свои противу Коловіона, но сіе весьма естественно, претерпѣвъ толикія несчастія, угнетающія его по сіе время. О, мой сердечный другъ, ежели-бъ вы могли видѣть всѣ скорби Сацердоса, конечно бы пролили слезы состраданія. Я увѣренъ въ семъ, ибо знаю ваше сердце. Я знаю вашу привязанность къ Коловіону; то тѣмъ должны вы быть осторожнѣе, ибо всякій человѣкъ имѣетъ свои страсти и слабости. Можно, любя сердечно своего друга, ненавидѣть его пороки и не покоряться слѣпо его желаніямъ и умствованіямъ; но что говорю — „можно“? Должно такъ и мыслить, и поступать. Судя своего ближняго, надлежитъ представить, что мы судимъ самихъ насъ и преселиться мысленно въ его положеніе. Поздравляю васъ съ заключеніемъ мира; дай, Боже, чтобы онъ былъ твердъ и продолжителенъ. Мы имѣемъ нужду въ ономъ. Простите; цѣлую васъ мысленно.

173. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 6 февраля, 1792. (12 февраля).

Уже мы и не помнимъ, когда отъ любезнаго моего друга Алексѣя Михайловича получили чисьмы. Скажи, мой безцѣнный другъ, что за

*) Кн. Ю. Н. Трубецкой [?].
**) Н. В. Лопухинъ.
***) Бар. Шредеръ.

причина твоего молчанія? Мы нѣсколько разъ къ тебѣ писали, но ты оставляешь насъ безъ отвѣта. Не думаю, чтобы ты на меня сердился, ибо я не подалъ ни малѣйшей причины, а чтобъ ты совсѣмъ пересталъ меня любить, о томъ я никому не повѣрю. Нѣтъ, любезный мой другъ, такое сомнѣніе можетъ только быть у меня одну минуту, но когда я вспоминаю твои увѣренія, твою нелестную и безкорыстную дружбу, тогда совершенно увѣренъ, что ты меня любишь. Хотя Федоръ Михайловичъ*) уже мѣсяцъ какъ прислалъ ко мнѣ твои деньги, но я ихъ для того къ тебѣ не переслалъ, что, мнѣ сказывали, къ тебѣ недавно отъ другихъ людей посланы деньги, то дожидался лучшаго курса денегъ, теперь же оныя посылаю, также и письмо отъ Федора Михайловича. Шишка твоя меня очень безпокоитъ, мнѣ сказывали, что она прибавляется. Пожалуй, любезный другъ, напиши о твоей шишкѣ и сколь скоро мы будемъ имѣть пріятнѣйшее удовольствіе тебя видѣть въ Москвѣ съ твоими друзьями. Вѣсти скажу тебѣ только тѣ, что у насъ совершенно миръ подписанъ съ турками. Самойловъ**) привезъ въ Петербургъ ратификацію; ему дана Андреевская лента и тридцать тысячъ рублей. Дѣти мои всѣ тебя любятъ и помнятъ, а жена твоя***) куда ростетъ. Прощай, мой милый и безцѣнный другъ; помни, и люби меня такъ, какъ ты всегда меня любилъ. Твой другъ и братъ.

174. Н. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 6 февраля, 1792. (12 февраля).

Я только то скажу любезному Алексѣю Михайловичу, что я никогда не могла ожидать отъ него того, что теперь случилось, а болѣе еще тогда, когда я, бывъ въ жестокой ипохондріи, искала себѣ утѣшенія писать къ вамъ, думая, что письмо ваше будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ и наградитъ дружба ваша за мнимыя мои потери; но, по счастію, ипохондрія моя миновалась и я ясно увидѣла, что въ семъ мірѣ люди всѣ одинакіе человѣки, и всѣ равны, привержены къ измѣнамъ и ко всему подобному. По нещастію, я еще не сыскала въ здѣшнемъ мірѣ такого, кто бы, подобно мнѣ, нѣжно любить могъ; но теперь я о семъ и не тужу; всякій любитъ своимъ манеромъ, и я должна быть довольна тѣмъ что есть люди, которые любятъ меня безкорыстно, прямымъ сердцемъ столько, сколько могутъ, изъ котораго числа вы теперь совсѣмъ исключены. Я совершенно увѣрена, что вы не только не любите меня, но совершенно никогда и не думали. Теперь я только для того пишу въ послѣдній разъ, чтобы вамъ все сіе сказать, да еще сказать вамъ про

*) Ф. М. Кутузовъ.
**) А. Н. Самойловъ.
***) А. А. Плещеева.

причина твоего молчанія? Мы нѣсколько разъ къ тебѣ писали, но ты оставляешь насъ безъ отвѣта. Не думаю, чтобы ты на меня сердился, ибо я не подалъ ни малѣйшей причины, а чтобъ ты совсѣмъ пересталъ меня любить, о томъ я никому не повѣрю. Нѣтъ, любезный мой другъ, такое сомнѣніе можетъ только быть у меня одну минуту, но когда я вспоминаю твои увѣренія, твою нелестную и безкорыстную дружбу, тогда совершенно увѣренъ, что ты меня любишь. Хотя Федоръ Михайловичъ*) уже мѣсяцъ какъ прислалъ ко мнѣ твои деньги, но я ихъ для того къ тебѣ не переслалъ, что, мнѣ сказывали, къ тебѣ недавно отъ другихъ людей посланы деньги, то дожидался лучшаго курса денегъ, теперь же оныя посылаю, также и письмо отъ Федора Михайловича. Шишка твоя меня очень безпокоитъ, мнѣ сказывали, что она прибавляется. Пожалуй, любезный другъ, напиши о твоей шишкѣ и сколь скоро мы будемъ имѣть пріятнѣйшее удовольствіе тебя видѣть въ Москвѣ съ твоими друзьями. Вѣсти скажу тебѣ только тѣ, что у насъ совершенно миръ подписанъ съ турками. Самойловъ**) привезъ въ Петербургъ ратификацію; ему дана Андреевская лента и тридцать тысячъ рублей. Дѣти мои всѣ тебя любятъ и помнятъ, а жена твоя***) куда ростетъ. Прощай, мой милый и безцѣнный другъ; помни, и люби меня такъ, какъ ты всегда меня любилъ. Твой другъ и братъ.

174. Н. И. ПЛЕЩЕЕВА — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 6 февраля, 1792. (12 февраля).

Я только то скажу любезному Алексѣю Михайловичу, что я никогда не могла ожидать отъ него того, что теперь случилось, а болѣе еще тогда, когда я, бывъ въ жестокой ипохондріи, искала себѣ утѣшенія писать къ вамъ, думая, что письмо ваше будетъ служить мнѣ утѣшеніемъ и наградитъ дружба ваша за мнимыя мои потери; но, по счастію, ипохондрія моя миновалась и я ясно увидѣла, что въ семъ мірѣ люди всѣ одинакіе человѣки, и всѣ равны, привержены къ измѣнамъ и ко всему подобному. По нещастію, я еще не сыскала въ здѣшнемъ мірѣ такого, кто бы, подобно мнѣ, нѣжно любить могъ; но теперь я о семъ и не тужу; всякій любитъ своимъ манеромъ, и я должна быть довольна тѣмъ что есть люди, которые любятъ меня безкорыстно, прямымъ сердцемъ столько, сколько могутъ, изъ котораго числа вы теперь совсѣмъ исключены. Я совершенно увѣрена, что вы не только не любите меня, но совершенно никогда и не думали. Теперь я только для того пишу въ послѣдній разъ, чтобы вамъ все сіе сказать, да еще сказать вамъ про

*) Ф. М. Кутузовъ.
**) А. Н. Самойловъ.
***) А. А. Плещеева.

деньги ваши, что онѣ лежали мѣсяцъ у банкира съ тѣмъ, что, когда прибавится курсъ, то тотчасъ и вексель намъ дастъ, и онъ вчерашній день прислалъ его, который при семъ съ приложеннымъ письмомъ и посылается. Впрочемъ я остаюсь на всегда съ должнымъ къ вамъ почтеніемъ покорнѣйшая слуга.

175. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1792. (23 февраля).

Дражайшій другъ и братъ!

Давно уже не получалъ отъ васъ писемъ; приписываю однако-жъ сіе не чему иному, какъ вашимъ недосугамъ, а частію и моему собственному нерѣдкому молчанію. Любезный другъ, не взыскивай на мнѣ такъ строго слишкомъ пунктуальной переписки; я думаю, излишне мнѣ уже увѣрять васъ въ моей дружбѣ; пора намъ взаимно о семъ увѣриться; я чистосердечно скажу, что пропускаю почты иногда отъ забвенія, иногда отъ лѣности, а иногда отъ недосуговъ; но во всѣхъ сихъ случаяхъ дружба моя непремѣнна, привязанность ко всѣмъ вамъ совершенна.

Зная, что у меня нѣтъ ничего для васъ скрытаго, и что я врагъ невременной скромности, а наипаче ложной нѣжности, увѣрьтесь, что сообщилъ бы я вамъ и самыя мои нещастія, ежели-бъ токмо приключились мнѣ оныя, и такъ прошу и съ сей стороны быть спокойными. — Ежели можете сдѣлать, не нарушая должной скромности, то просилъ бы васъ увѣдомить обстоятельно меня о разлученіи нашемъ съ компаніею и о новомъ ея положеніи. На какомъ основаніи Коловіонъ *) соединился съ П? **) Какой капиталъ внесъ онъ въ новую компанію? Кто управляетъ типографіею? И кто главою аптеки? Говоря о семъ, скажу вамъ одну мысль, — я говорю мысль, ибо оно есть ничто болѣе — ежели Коловіонъ, въ чемъ я метафизически увѣренъ, вмѣсто денегъ положилъ книги, а П[оходяшинъ] наличныя деньги, то хотѣлось бы мнѣ знать, въ какой цѣнѣ пошли книги. Справедливость требуетъ измѣрять вещи одною мѣрою, а не разными. Чрезъ сіе хочу я сказать, что раздѣлъ нашъ кажется мнѣ неправеденъ. Правосудіе и братское простосердечіе требовало взять начало того времени, въ которое мы соединились, и сумму, въ деньгахъ и книгахъ тогда бывшую, положить капиталомъ, потомъ взять день нашего раздѣла и сложить или, лучше сказать, сличить обѣ сіи суммы. Излишнее въ послѣдней сей суммѣ есть не что иное, какъ пріобрѣтенное имѣніе всей Компаніи; сіе пріобрѣтенное надлежитъ раздѣлить на равныя части, соразмѣрно нашимъ акціямъ. Разсматривая изъ сей послѣдней точки, мнѣ кажется, что наши части долженствовали быть гораздо большими, ибо никто изъ насъ не

*) Н. И. Новиковъ.

**) Г. М. Походяшинъ.

деньги ваши, что онѣ лежали мѣсяцъ у банкира съ тѣмъ, что, когда прибавится курсъ, то тотчасъ и вексель намъ дастъ, и онъ вчерашній день прислалъ его, который при семъ съ приложеннымъ письмомъ и посылается. Впрочемъ я остаюсь на всегда съ должнымъ къ вамъ почтеніемъ покорнѣйшая слуга.

175. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 1792. (23 февраля).

Дражайшій другъ и братъ!

Давно уже не получалъ отъ васъ писемъ; приписываю однако-жъ сіе не чему иному, какъ вашимъ недосугамъ, а частію и моему собственному нерѣдкому молчанію. Любезный другъ, не взыскивай на мнѣ такъ строго слишкомъ пунктуальной переписки; я думаю, излишне мнѣ уже увѣрять васъ въ моей дружбѣ; пора намъ взаимно о семъ увѣриться; я чистосердечно скажу, что пропускаю почты иногда отъ забвенія, иногда отъ лѣности, а иногда отъ недосуговъ; но во всѣхъ сихъ случаяхъ дружба моя непремѣнна, привязанность ко всѣмъ вамъ совершенна.

Зная, что у меня нѣтъ ничего для васъ скрытаго, и что я врагъ невременной скромности, а наипаче ложной нѣжности, увѣрьтесь, что сообщилъ бы я вамъ и самыя мои нещастія, ежели-бъ токмо приключились мнѣ оныя, и такъ прошу и съ сей стороны быть спокойными. — Ежели можете сдѣлать, не нарушая должной скромности, то просилъ бы васъ увѣдомить обстоятельно меня о разлученіи нашемъ съ компаніею и о новомъ ея положеніи. На какомъ основаніи Коловіонъ *) соединился съ П? **) Какой капиталъ внесъ онъ въ новую компанію? Кто управляетъ типографіею? И кто главою аптеки? Говоря о семъ, скажу вамъ одну мысль, — я говорю мысль, ибо оно есть ничто болѣе — ежели Коловіонъ, въ чемъ я метафизически увѣренъ, вмѣсто денегъ положилъ книги, а П[оходяшинъ] наличныя деньги, то хотѣлось бы мнѣ знать, въ какой цѣнѣ пошли книги. Справедливость требуетъ измѣрять вещи одною мѣрою, а не разными. Чрезъ сіе хочу я сказать, что раздѣлъ нашъ кажется мнѣ неправеденъ. Правосудіе и братское простосердечіе требовало взять начало того времени, въ которое мы соединились, и сумму, въ деньгахъ и книгахъ тогда бывшую, положить капиталомъ, потомъ взять день нашего раздѣла и сложить или, лучше сказать, сличить обѣ сіи суммы. Излишнее въ послѣдней сей суммѣ есть не что иное, какъ пріобрѣтенное имѣніе всей Компаніи; сіе пріобрѣтенное надлежитъ раздѣлить на равныя части, соразмѣрно нашимъ акціямъ. Разсматривая изъ сей послѣдней точки, мнѣ кажется, что наши части долженствовали быть гораздо большими, ибо никто изъ насъ не

*) Н. И. Новиковъ.

**) Г. М. Походяшинъ.

пользовался излишнимъ и весьма ясно, что пріобрѣтенное пріобрѣтено нашими деньгами, а не гніющею бумагою. Второе, кажется мнѣ, что разрушая какой либо контрактъ, надобно имѣть согласіе заключившихъ оный, но ни баронъ, ни я не имѣли о томъ никакаго извѣстія, слѣдовательно, никто изъ васъ не могъ знать, довольны-ли мы будемъ сдѣланными условіями. Все сіе оставляю на ваше благоразсужденіе. Будьте увѣрены, что я съ моей стороны не имѣю никакого желанія начинать тяжбы, говорю же сіе токмо какъ примѣчаніе, какъ надлежитъ раздѣлываться братьямъ, которые хотятъ послѣдовать добродѣтели; въ сихъ токмо случаяхъ знаменуется истинный характеръ человѣка. Но дѣло уже сдѣлано, и такъ оставимъ сіе; прошу взять вѣрющее мое письмо для закладу моихъ деревень и разорвать оное; ежели-жъ онѣ ужъ заложены, то постараться выкупить оныя скорѣя. Вы знаете, что мое сердце никогда не лежало къ сему дѣлу, и такъ я радъ, что свободился сихъ обстоятельствъ, и желаю, чтобы совершенно быть отъ нихъ свободну. Увѣдомьте меня о смерти Рейхеля и въ какомъ состояніи остались экономическія его обстоятельства. Простите; желаю вамъ всякаго благополучія.

176. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 23 февраля, 1792. — № 3. (26 февраля).

Письмо твое, мой другъ, съ приложеніемъ писемъ отъ барона *), получилъ вчерашній день и ничего еще на оныя отвѣчать не могу, а, разсмотрѣвъ требованіе бароново и подумавъ объ ономъ съ моими друзьями, отвѣтствовать чрезъ нѣсколько времени буду. Теперь о себѣ скажу, что я и всѣ мы, благодаря Бога, здоровы; новостей у насъ никакихъ нѣтъ; братъ кн. Юр[ій] **) поѣхалъ въ Петербургъ на нѣсколько дней повидаться съ родными, которыхъ онъ не видалъ четыре года. Прости, мой другъ, писать нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю. Христосъ съ тобою.

177. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 24 февраля, 1792. (8 марта).

Дражайшій другъ и братъ!

Сорадуясь вамъ заключенному достославному, — и по многимъ причинамъ достославному, — миру, поздравляю васъ съ онымъ, моля Всевышняго, да благословитъ плоды онаго и да дастъ долговременную тишину и спокойствіе нашему любезному отечеству, дабы возмогло оно возстановить и усугубить утомленныя его силы, едва-ли не въ столѣтнихъ безпрестанныхъ военныхъ подвигахъ. Прошедшая война и пріобрѣтенный

*) Бар. Шредеръ.

**) Кн. Ю. Н. Трубецкой.

пользовался излишнимъ и весьма ясно, что пріобрѣтенное пріобрѣтено нашими деньгами, а не гніющею бумагою. Второе, кажется мнѣ, что разрушая какой либо контрактъ, надобно имѣть согласіе заключившихъ оный, но ни баронъ, ни я не имѣли о томъ никакаго извѣстія, слѣдовательно, никто изъ васъ не могъ знать, довольны-ли мы будемъ сдѣланными условіями. Все сіе оставляю на ваше благоразсужденіе. Будьте увѣрены, что я съ моей стороны не имѣю никакого желанія начинать тяжбы, говорю же сіе токмо какъ примѣчаніе, какъ надлежитъ раздѣлываться братьямъ, которые хотятъ послѣдовать добродѣтели; въ сихъ токмо случаяхъ знаменуется истинный характеръ человѣка. Но дѣло уже сдѣлано, и такъ оставимъ сіе; прошу взять вѣрющее мое письмо для закладу моихъ деревень и разорвать оное; ежели-жъ онѣ ужъ заложены, то постараться выкупить оныя скорѣя. Вы знаете, что мое сердце никогда не лежало къ сему дѣлу, и такъ я радъ, что свободился сихъ обстоятельствъ, и желаю, чтобы совершенно быть отъ нихъ свободну. Увѣдомьте меня о смерти Рейхеля и въ какомъ состояніи остались экономическія его обстоятельства. Простите; желаю вамъ всякаго благополучія.

176. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 23 февраля, 1792. — № 3. (26 февраля).

Письмо твое, мой другъ, съ приложеніемъ писемъ отъ барона *), получилъ вчерашній день и ничего еще на оныя отвѣчать не могу, а, разсмотрѣвъ требованіе бароново и подумавъ объ ономъ съ моими друзьями, отвѣтствовать чрезъ нѣсколько времени буду. Теперь о себѣ скажу, что я и всѣ мы, благодаря Бога, здоровы; новостей у насъ никакихъ нѣтъ; братъ кн. Юр[ій] **) поѣхалъ въ Петербургъ на нѣсколько дней повидаться съ родными, которыхъ онъ не видалъ четыре года. Прости, мой другъ, писать нечего; я тебя въ мысляхъ обнимаю. Христосъ съ тобою.

177. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 24 февраля, 1792. (8 марта).

Дражайшій другъ и братъ!

Сорадуясь вамъ заключенному достославному, — и по многимъ причинамъ достославному, — миру, поздравляю васъ съ онымъ, моля Всевышняго, да благословитъ плоды онаго и да дастъ долговременную тишину и спокойствіе нашему любезному отечеству, дабы возмогло оно возстановить и усугубить утомленныя его силы, едва-ли не въ столѣтнихъ безпрестанныхъ военныхъ подвигахъ. Прошедшая война и пріобрѣтенный

*) Бар. Шредеръ.

**) Кн. Ю. Н. Трубецкой.

миръ суть безъ всякаго сомнѣнія неувядаемыя вѣтви, составляющія вѣнецъ великодушныя Екатерины; вопреки почти всей противъ насъ вооруженной Европы соблюла она славу и честь россійскаго имени. Вы не повѣрите, какую сердечную радость чувствую отъ сего происшествія; ибо, по моему мнѣнію, лучше и достославнѣе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели согласиться принимать законы отъ державъ, никѣмъ на то не званныхъ. При многихъ случаяхъ, во время смутныхъ прошедшихъ для Россіи обстоятельствъ, удавалось мнѣ говорить съ гордящимися пруссаками, грозившими намъ совершеннымъ паденіемъ; всегда утверждалъ я, что никогда не успѣютъ они устрашить мужества россіянъ, и что никогда изъ Екатерины не сдѣлаютъ Леопольда. Я присовокупилъ къ тому, что Екатерина въ дни наши представляетъ мужа, а Леопольдъ боязливую жену. Вы знаете, что сіи слова суть порожденіе моего сердца, не привыкшаго ласкательствовать, тѣмъ болѣе, что я говорю ихъ моему другу, а не публичной какой либо особѣ; всякому другому я сего не скажу, зная, что наши враги почитаютъ насъ недоброжелающими нашему правленію, ибо въ такомъ случаѣ и самая истина покажется имъ ласкательствомъ, а сверхъ того я почитаю низкостію оправдываться предъ сими ползающими подлецами инымъ чѣмъ, какъ не дѣлами; пусть ихъ говорятъ, что̀ хотятъ, а мы будемъ дѣлать, что̀ намъ должно.

О требуемой вами формѣ я писалъ къ Сацердосу *) и, какъ скоро получу, сообщу вамъ оную. — Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ, попросите Филуса **) о заплатѣ послѣднихъ денегъ господину Пестелю ***). Я уже два письма имѣю о семъ отъ нашего посланника ****), негодующаго на сію медленность и неисправность; сіе можетъ повредить мой кредитъ, который мнѣ здѣсь весьма нуженъ. Простите; желаю вамъ всякаго благополучія. Увѣдомьте меня, не слыхать-ли чего о моемъ братѣ *****); я уже болѣе полутора года не имѣю отъ него ни строчки; такъ понавѣдайтесь и о моихъ любезныхъ друзьяхъ Кутузовыхъ ******), и отъ нихъ не имѣю писемъ.

178. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 1 марта, 1792. (8 марта).

Долго-ли любезный другъ нашъ Алексѣй Михайловичъ будетъ оставлять насъ въ невѣденіи той причины, для которой онъ къ намъ пересталъ писать?

---

*) Бар. Шредеръ.
**) И. В. Лопухинъ.
***) Б. В. Пестель.
****) М. М. Алопеусъ.
*****) Ф. М. Кутузовъ.
******) М. И. и Е. П. Голенищевы-Кутузовы.

миръ суть безъ всякаго сомнѣнія неувядаемыя вѣтви, составляющія вѣнецъ великодушныя Екатерины; вопреки почти всей противъ насъ вооруженной Европы соблюла она славу и честь россійскаго имени. Вы не повѣрите, какую сердечную радость чувствую отъ сего происшествія; ибо, по моему мнѣнію, лучше и достославнѣе умереть съ оружіемъ въ рукахъ, нежели согласиться принимать законы отъ державъ, никѣмъ на то не званныхъ. При многихъ случаяхъ, во время смутныхъ прошедшихъ для Россіи обстоятельствъ, удавалось мнѣ говорить съ гордящимися пруссаками, грозившими намъ совершеннымъ паденіемъ; всегда утверждалъ я, что никогда не успѣютъ они устрашить мужества россіянъ, и что никогда изъ Екатерины не сдѣлаютъ Леопольда. Я присовокупилъ къ тому, что Екатерина въ дни наши представляетъ мужа, а Леопольдъ боязливую жену. Вы знаете, что сіи слова суть порожденіе моего сердца, не привыкшаго ласкательствовать, тѣмъ болѣе, что я говорю ихъ моему другу, а не публичной какой либо особѣ; всякому другому я сего не скажу, зная, что наши враги почитаютъ насъ недоброжелающими нашему правленію, ибо въ такомъ случаѣ и самая истина покажется имъ ласкательствомъ, а сверхъ того я почитаю низкостію оправдываться предъ сими ползающими подлецами инымъ чѣмъ, какъ не дѣлами; пусть ихъ говорятъ, что̀ хотятъ, а мы будемъ дѣлать, что̀ намъ должно.

О требуемой вами формѣ я писалъ къ Сацердосу *) и, какъ скоро получу, сообщу вамъ оную. — Поклонитесь отъ меня всѣмъ нашимъ, попросите Филуса **) о заплатѣ послѣднихъ денегъ господину Пестелю ***). Я уже два письма имѣю о семъ отъ нашего посланника ****), негодующаго на сію медленность и неисправность; сіе можетъ повредить мой кредитъ, который мнѣ здѣсь весьма нуженъ. Простите; желаю вамъ всякаго благополучія. Увѣдомьте меня, не слыхать-ли чего о моемъ братѣ *****); я уже болѣе полутора года не имѣю отъ него ни строчки; такъ понавѣдайтесь и о моихъ любезныхъ друзьяхъ Кутузовыхъ ******), и отъ нихъ не имѣю писемъ.

178. А. А. ПЛЕЩЕЕВЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 1 марта, 1792. (8 марта).

Долго-ли любезный другъ нашъ Алексѣй Михайловичъ будетъ оставлять насъ въ невѣденіи той причины, для которой онъ къ намъ пересталъ писать?

---

*) Бар. Шредеръ.
**) И. В. Лопухинъ.
***) Б. В. Пестель.
****) М. М. Алопеусъ.
*****) Ф. М. Кутузовъ.
******) М. И. и Е. П. Голенищевы-Кутузовы.

Какъ бы то ни было, сердитъ-ли ты на меня, или нѣтъ, пересталъ-ли ты меня любить, или еще любишь, но я ни любить тебя, нижѐ писать къ тебѣ не перестану, хотя и не такъ часто. Полученныя во второй разъ отъ твоего братца деньги по пятисотъ рублей къ тебѣ посылаю, также и письмо.

Пожалуй, любезный другъ, отвѣчай, хотя на то, что ты получилъ мои письмы, если не хочешь сказать причины тому, что ты къ намъ совсѣмъ пересталъ писать. Дѣти мои тебѣ кланяются, тебя помнятъ и любятъ. Прощай, любезный и безцѣнный мой другъ. Я все надѣюсь, что ты меня еще любишь.

Остаюсь твой другъ и братъ.

179. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 14 марта, 1792. (18 марта).

Любезный другъ!

Я къ тебѣ не писалъ давно, да и теперь пишу только нѣсколько строкъ. Причиною-жъ оному была моя болѣзнь. Я простудился и слишкомъ двѣ недѣли былъ боленъ, однако-жъ теперь лучше; пожалуйста. дай знать и барону *) о причинѣ того, что я не отвѣчаю на его письмо. Прости, другъ мой. Я еще слабъ и не въ силахъ писать. Христосъ съ тобою,

180. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 22 марта, 1792. — № 4. (18 марта).

Прилагая при семъ, мой другъ любезный, письмо къ барону *), не запечаталъ для того, чтобъ ты его прочелъ, а, прочитавъ, ты его запечатай и отошли къ нему и притомъ прикажи, чтобъ онъ на тѣ деньги, которыя для него къ тебѣ посланы, взялъ обязательство съ меня и Л. **), а на остальныя онъ въ іюнѣ получитъ вексель отъ Н. ***) и П. ****), а первыя, ежели онъ согласится, оставь ты, мой другъ, для твоего употребленія и дай мнѣ знать, что оныя у тебя остались.

О себѣ скажу, что я еще слабъ; новаго къ твоему свѣдѣнію у насъ ничего нѣтъ. Прости, мой другъ. Поздравляю тебя съ наступающимъ праздникомъ, да воскреснетъ въ насъ Спаситель, и да возгласитъ внутрь сердецъ нашихъ «Христосъ Воскресе»! Прости; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

---

*) Бар. Шредеръ.
**) И. В. Лопухинъ.
***) Н. И. Новиковъ.
****) Г. М. Походяшинъ.

Какъ бы то ни было, сердитъ-ли ты на меня, или нѣтъ, пересталъ-ли ты меня любить, или еще любишь, но я ни любить тебя, ниже писать къ тебѣ не перестану, хотя и не такъ часто. Полученныя во второй разъ отъ твоего братца деньги по пятисотъ рублей къ тебѣ посылаю, также и письмо.

Пожалуй, любезный другъ, отвѣчай, хотя на то, что ты получилъ мои письмы, если не хочешь сказать причины тому, что ты къ намъ совсѣмъ пересталъ писать. Дѣти мои тебѣ кланяются, тебя помнятъ и любятъ. Прощай, любезный и безцѣнный мой другъ. Я все надѣюсь, что ты меня еще любишь.

Остаюсь твой другъ и братъ.

179. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 14 марта, 1792. (18 марта).

Любезный другъ!

Я къ тебѣ не писалъ давно, да и теперь пишу только нѣсколько строкъ. Причиною-жъ оному была моя болѣзнь. Я простудился и слишкомъ двѣ недѣли былъ боленъ, однако-жъ теперь лучше; пожалуйста. дай знать и барону *) о причинѣ того, что я не отвѣчаю на его письмо. Прости, другъ мой. Я еще слабъ и не въ силахъ писать. Христосъ съ тобою,

180. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 22 марта, 1792. — № 4. (18 марта).

Прилагая при семъ, мой другъ любезный, письмо къ барону *), не запечаталъ для того, чтобъ ты его прочелъ, а, прочитавъ, ты его запечатай и отошли къ нему и притомъ прикажи, чтобъ онъ на тѣ деньги, которыя для него къ тебѣ посланы, взялъ обязательство съ меня и Л. **), а на остальныя онъ въ іюнѣ получитъ вексель отъ Н. ***) и П. ****), а первыя, ежели онъ согласится, оставь ты, мой другъ, для твоего употребленія и дай мнѣ знать, что оныя у тебя остались.

О себѣ скажу, что я еще слабъ; новаго къ твоему свѣдѣнію у насъ ничего нѣтъ. Прости, мой другъ. Поздравляю тебя съ наступающимъ праздникомъ, да воскреснетъ въ насъ Спаситель, и да возгласитъ внутрь сердецъ нашихъ «Христосъ Воскресе»! Прости; я тебя въ мысляхъ обнимаю.

---

*) Бар. Шредеръ.
**) И. В. Лопухинъ.
***) Н. И. Новиковъ.
****) Г. М. Походяшинъ.

181. Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 22 марта, 1792. (18 марта).

Cher ami!

Je n'ai pas répondu à deux de vos lettres et même à présent je vous répondrai fort courtement par la raison que je suis encore faible de la maladie que j'ai essuyée et qui même jusqu'à présent n'est pas tout à fait passée.

Vous croyez que mon amitié pour vous est refroidie, mais si Dieu veut que nous nous voyons un jour sur la terre, ainsi une demie heure d'explication vous démontrera la stabilité de mes sentiments. Ainsi laissons cette explication jusqu'à un temps propice, où nous pourrons nous expliquer verbalement.

Pour ce qui concerne votre prétention de 11.500 roubles, ainsi comme les affaires de la C[ompagnie] ne sont pas encore tout à fait arrangées ainsi vous ne pourrez recevoir une lettre de change sur cette somme et les intérêts qu'au mois de juin, où vous recevrez pour sûr la lettre de change et les intérêts qui vous seront payés toutes les années jusqu'au temps que toute la somme vous soit payée. Ainsi prenez patience jusqu'à ce temps et soyez assuré que tout sera fait selon vos désirs.

Nos pupilles ainsi que leur mère *) se portent bien. Tous nos amis vous saluent. Adieu, mon ami, je vous embrasse, portez vous bien et soyez assuré que je suis votre ami.

182. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Дражайшій мой другъ и братъ!

Извините, что давно уже не писалъ къ вамъ; признаться, что нѣсколько залѣнился, да къ тому же и писать нечего, ибо все старое по старому, а вновь ничего. Я, слава Богу, здоровъ и нѣсколько веселѣе обыкновеннаго, ибо узналъ точно, что нещастный мой другъ **) живъ; для подробнѣйшихъ же о немъ извѣстій рѣшился наконецъ писать къ его брату ***); отъ васъ по сіе время ничего не добился; одолжите пересылкою сего письма, какъ можно скорѣе. У насъ здѣсь ничего новаго нѣтъ, занимаются всѣ французскою революціею и намѣреваемымъ убивствомъ короля шведскаго.

Въ моихъ глазахъ оба сіи происшествіи суть едва-ли не одинаковы; разница только та, что въ одной землѣ убиваютъ тысячи и погубляютъ все государство, а въ другой умышляли убить монарха; и тѣ, и другіе суть злодѣи. Се суть плоды новомодной философіи! Мой другъ, я часто, размышляя, скорблю, предвидя страшныя слѣдствіи. Простите, любите и помните меня; всѣхъ нашихъ поцѣлуйте.

---

*) Супруга и дѣти П. Е. Шварца.

**) А. Н. Радищевъ.

***) М. Н. Радищевъ.

181. Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

Москва. 22 марта, 1792. (18 марта).

Cher ami!

Je n'ai pas répondu à deux de vos lettres et même à présent je vous répondrai fort courtement par la raison que je suis encore faible de la maladie que j'ai essuyée et qui même jusqu'à présent n'est pas tout à fait passée.

Vous croyez que mon amitié pour vous est refroidie, mais si Dieu veut que nous nous voyons un jour sur la terre, ainsi une demie heure d'explication vous démontrera la stabilité de mes sentiments. Ainsi laissons cette explication jusqu'à un temps propice, où nous pourrons nous expliquer verbalement.

Pour ce qui concerne votre prétention de 11.500 roubles, ainsi comme les affaires de la C[ompagnie] ne sont pas encore tout à fait arrangées ainsi vous ne pourrez recevoir une lettre de change sur cette somme et les intérêts qu'au mois de juin, où vous recevrez pour sûr la lettre de change et les intérêts qui vous seront payés toutes les années jusqu'au temps que toute la somme vous soit payée. Ainsi prenez patience jusqu'à ce temps et soyez assuré que tout sera fait selon vos désirs.

Nos pupilles ainsi que leur mère *) se portent bien. Tous nos amis vous saluent. Adieu, mon ami, je vous embrasse, portez vous bien et soyez assuré que je suis votre ami.

182. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Дражайшій мой другъ и братъ!

Извините, что давно уже не писалъ къ вамъ; признаться, что нѣсколько залѣнился, да къ тому же и писать нечего, ибо все старое по старому, а вновь ничего. Я, слава Богу, здоровъ и нѣсколько веселѣе обыкновеннаго, ибо узналъ точно, что нещастный мой другъ **) живъ; для подробнѣйшихъ же о немъ извѣстій рѣшился наконецъ писать къ его брату ***); отъ васъ по сіе время ничего не добился; одолжите пересылкою сего письма, какъ можно скорѣе. У насъ здѣсь ничего новаго нѣтъ, занимаются всѣ французскою революціею и намѣреваемымъ убивствомъ короля шведскаго.

Въ моихъ глазахъ оба сіи происшествіи суть едва-ли не одинаковы; разница только та, что въ одной землѣ убиваютъ тысячи и погубляютъ все государство, а въ другой умышляли убить монарха; и тѣ, и другіе суть злодѣи. Се суть плоды новомодной философіи! Мой другъ, я часто, размышляя, скорблю, предвидя страшныя слѣдствіи. Простите, любите и помните меня; всѣхъ нашихъ поцѣлуйте.

---

*) Супруга и дѣти П. Е. Шварца.

**) А. Н. Радищевъ.

***) М. Н. Радищевъ.

183. А. М. КУТУЗОВЪ — М. Н. РАДИЩЕВУ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Милостивый Государь Моисей Николаевичъ!

Дружество, соединяющее меня едва-ли не съ самаго младенчества съ нещастнымъ вашимъ братомъ *), подаетъ мнѣ несомнѣнную надежду, что вы не отрѣчетесь доставить ему вложеннаго письмеца, чѣмъ вы чувствительно меня обяжете. Бывъ уже нѣсколько лѣтъ удаленъ отъ моего отечества и не зная всѣхъ обстоятельствъ, не смѣю открыть вамъ прямо моего желанія.

Но ежели и ваше сердце подобно сердцу моего нещастнаго друга, то увѣренъ, что, ежели только вамъ возможно, вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ. Съ самой той минуты, какъ арестованъ былъ А[лександръ] Н[иколаевичъ], до полученія отъ него присланнаго чрезъ васъ письма, я не имѣлъ объ немъ ни малѣйшаго извѣстія и не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось, исключая токмо по нѣкоторымъ доходящимъ до меня слухамъ, которые, какъ вы сами знаете, рѣдко бываютъ справедливы. Теперь, слава Богу, я знаю, что онъ живъ; но довольно-ли сего для сердца, пылающаго дружбою? Я бы хотѣлъ знать обстоятельно его нынѣшнее положеніе и на какомъ основаніи есть его ссылка? Сидитъ-ли онъ въ заточеніи, или позволяется ему выходить? Однимъ словомъ, каждая малость, касающаяся моего друга, есть для меня великой важности.

Итакъ прошу васъ, — повторяю: ежели сіе возможно, — увѣдомить меня обо всемъ обстоятельно; симъ подадите вы отраду страждущему моему сердцу; вы отдалите отъ меня неизвѣстность, которая страшнѣе самаго нещастія. Впрочемъ, препоруча себя въ вашу благосклонность, пребуду съ отличнымъ моимъ почтеніемъ вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга.

NB. Адресъ мой вамъ уже извѣстенъ.

184. А. М. КУТУЗОВЪ — А. Н. РАДИЩЕВУ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Будучи удостовѣренъ въ моей къ тебѣ истинно нелестной дружбѣ, легко можешь себѣ представить мою радость при воззрѣніи на строки, рукою твоею начертанныя. Радость моя дѣйствовала тѣмъ живѣе, чѣмъ неожидаемѣе была она. Послѣ нещастнаго съ тобою происшествія могъ-ли я ожидать отъ тебя какого-либо извѣстія? О, ежели-бъ сія радость не нарушалась горестными напоминаніями, ежели-бъ я могъ предаться оной чисто безъ всякой примѣси! Но, мой другъ, почто желать невозможнаго?

*) А. Н. Радищевъ.

183. А. М. КУТУЗОВЪ — М. Н. РАДИЩЕВУ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Милостивый Государь Моисей Николаевичъ!

Дружество, соединяющее меня едва-ли не съ самаго младенчества съ нещастнымъ вашимъ братомъ *), подаетъ мнѣ несомнѣнную надежду, что вы не отрѣчетесь доставить ему вложеннаго письмеца, чѣмъ вы чувствительно меня обяжете. Бывъ уже нѣсколько лѣтъ удаленъ отъ моего отечества и не зная всѣхъ обстоятельствъ, не смѣю открыть вамъ прямо моего желанія.

Но ежели и ваше сердце подобно сердцу моего нещастнаго друга, то увѣренъ, что, ежели только вамъ возможно, вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ. Съ самой той минуты, какъ арестованъ былъ А[лександръ] Н[иколаевичъ], до полученія отъ него присланнаго чрезъ васъ письма, я не имѣлъ объ немъ ни малѣйшаго извѣстія и не зналъ, что съ нимъ сдѣлалось, исключая токмо по нѣкоторымъ доходящимъ до меня слухамъ, которые, какъ вы сами знаете, рѣдко бываютъ справедливы. Теперь, слава Богу, я знаю, что онъ живъ; но довольно-ли сего для сердца, пылающаго дружбою? Я бы хотѣлъ знать обстоятельно его нынѣшнее положеніе и на какомъ основаніи есть его ссылка? Сидитъ-ли онъ въ заточеніи, или позволяется ему выходить? Однимъ словомъ, каждая малость, касающаяся моего друга, есть для меня великой важности.

Итакъ прошу васъ, — повторяю: ежели сіе возможно, — увѣдомить меня обо всемъ обстоятельно; симъ подадите вы отраду страждущему моему сердцу; вы отдалите отъ меня неизвѣстность, которая страшнѣе самаго нещастія. Впрочемъ, препоруча себя въ вашу благосклонность, пребуду съ отличнымъ моимъ почтеніемъ вашъ, милостиваго государя, покорнѣйшій слуга.

NB. Адресъ мой вамъ уже извѣстенъ.

184. А. М. КУТУЗОВЪ — А. Н. РАДИЩЕВУ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Будучи удостовѣренъ въ моей къ тебѣ истинно нелестной дружбѣ, легко можешь себѣ представить мою радость при воззрѣніи на строки, рукою твоею начертанныя. Радость моя дѣйствовала тѣмъ живѣе, чѣмъ неожидаемѣе была она. Послѣ нещастнаго съ тобою происшествія могъ-ли я ожидать отъ тебя какого-либо извѣстія? О, ежели-бъ сія радость не нарушалась горестными напоминаніями, ежели-бъ я могъ предаться оной чисто безъ всякой примѣси! Но, мой другъ, почто желать невозможнаго?

*) А. Н. Радищевъ.

Доколѣ мы носимъ на насъ одежду тлѣнности, нѣтъ намъ надежды наслаждаться чистою радостію. Существуетъ-ли она на землѣ сей? Мы окружены здѣсь тлѣнностію, все здѣсь мечта и сонъ. То, что мы называемъ щастіемъ, есть не что иное, какъ кратковременное отсутствіе горестей. Справедливо говоритъ любимый мною стихотворецъ:

I know the terms on which he — человѣкъ — sees the light!
He that is born, is listed; life is war;
Eternal war with woe. Who bears it best,
Deserves it least.

Итакъ, истинное щастіе находится внутри насъ и зависитъ отъ самихъ насъ, оно есть поставленіе себя превыше всѣхъ случаевъ; сего-то щастія всегда я желалъ тебѣ, а нынѣ и еще жарчѣе желаю. Ты имѣешь нужду въ семъ. Мужайся, сердечный мой другъ, побѣждай мысли твоего воображенія, будь тѣмъ, чѣмъ бы намъ всѣмъ быть долженствовало, — человѣкомъ. Бога ради, не предавайся отчаянію. Горько мнѣ, другъ мой, сказать тебѣ, но дружба моя исторгаетъ сію истину: твое положеніе имѣетъ свои выгоды. Отдѣленъ, такъ сказать, отъ всѣхъ человѣковъ, отчужденъ отъ всѣхъ ослѣпляющихъ насъ предметовъ, — тѣмъ удачнѣе имѣешь ты странствовать въ собственной твоей области, въ самомъ тебѣ; съ хладнокровіемъ можешь ты взирать на самого тебя и, слѣдовательно, съ меньшимъ пристрастіемъ будешь судить о вещахъ, на которыя ты прежде гладѣлъ сквозь покрывало честолюбія и мірскихъ суетъ. Можетъ быть, многое представится тебѣ въ совершенно новомъ видѣ, и, кто знаетъ, не перемѣнишь-ли ты образа твоего мыслить и не откроешь-ли многихъ истинъ, о которыхъ ты прежде сего не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. О, сердечный другъ, говоря сіе, сердце мое обливается кровью; не знаю, чѣмъ бы не пожертвовать, ежели-бъ возмогъ освободить тебя изъ сего училища нещастія, но доколѣ ты въ немъ, желаю и прошу тебя — воспользуйся имъ. Извини, мой сердечный другъ, ежели письмо мое найдешь безпорядочнымъ, — возможетъ-ли оно быть иначе въ моемъ положеніи? Мысли мои стремятся толпами и самимъ тѣмъ заграждаютъ путь къ исшествію. Я горю желаніемъ говорить съ тобою и не знаю, что сказать тебѣ. Письмо твое такъ коротко, что я не могу представить себѣ твоего положенія, а не знавъ онаго, какъ возмогу говорить съ тобою откровенно? Одно неосторожное слово можетъ растравить твои раны вмѣсто того, что я пылаю желаніемъ подать тебѣ возможное отъ меня утѣшеніе. Дражайшій мой, ежели тебѣ возможно, скажи мнѣ, гдѣ ты, на какомъ основаніи и есть-ли мнѣ хотя малая надежда прижать тебя нѣкогда ко груди моей? Утѣшь меня, милый мой, — но, увы, что я болтаю? Можетъ быть, тебѣ не позволятъ сего, хотя я и не вижу сему причины. Не смѣю, но не могу воздержаться попенять тебѣ, что ты презрилъ мой дружескій совѣтъ и чрезъ то ввергнулъ

Доколѣ мы носимъ на насъ одежду тлѣнности, нѣтъ намъ надежды наслаждаться чистою радостію. Существуетъ-ли она на землѣ сей? Мы окружены здѣсь тлѣнностію, все здѣсь мечта и сонъ. То, что мы называемъ щастіемъ, есть не что иное, какъ кратковременное отсутствіе горестей. Справедливо говоритъ любимый мною стихотворецъ:

I know the terms on which he — человѣкъ — sees the light!
He that is born, is listed; life is war;
Eternal war with woe. Who bears it best,
Deserves it least.

Итакъ, истинное щастіе находится внутри насъ и зависитъ отъ самихъ насъ, оно есть поставленіе себя превыше всѣхъ случаевъ; сего-то щастія всегда я желалъ тебѣ, а нынѣ и еще жарчѣе желаю. Ты имѣешь нужду въ семъ. Мужайся, сердечный мой другъ, побѣждай мысли твоего воображенія, будь тѣмъ, чѣмъ бы намъ всѣмъ быть долженствовало, — человѣкомъ. Бога ради, не предавайся отчаянію. Горько мнѣ, другъ мой, сказать тебѣ, но дружба моя исторгаетъ сію истину: твое положеніе имѣетъ свои выгоды. Отдѣленъ, такъ сказать, отъ всѣхъ человѣковъ, отчужденъ отъ всѣхъ ослѣпляющихъ насъ предметовъ, — тѣмъ удачнѣе имѣешь ты странствовать въ собственной твоей области, въ самомъ тебѣ; съ хладнокровіемъ можешь ты взирать на самого тебя и, слѣдовательно, съ меньшимъ пристрастіемъ будешь судить о вещахъ, на которыя ты прежде глядѣлъ сквозь покрывало честолюбія и мірскихъ суетъ. Можетъ быть, многое представится тебѣ въ совершенно новомъ видѣ, и, кто знаетъ, не перемѣнишь-ли ты образа твоего мыслить и не откроешь-ли многихъ истинъ, о которыхъ ты прежде сего не имѣлъ ни малѣйшаго подозрѣнія. О, сердечный другъ, говоря сіе, сердце мое обливается кровью; не знаю, чѣмъ бы не пожертвовать, ежели-бъ возмогъ освободить тебя изъ сего училища нещастія, но доколѣ ты въ немъ, желаю и прошу тебя — воспользуйся имъ. Извини, мой сердечный другъ, ежели письмо мое найдешь безпорядочнымъ, — возможетъ-ли оно быть иначе въ моемъ положеніи? Мысли мои стремятся толпами и самимъ тѣмъ заграждаютъ путь къ исшествію. Я горю желаніемъ говорить съ тобою и не знаю, что сказать тебѣ. Письмо твое такъ коротко, что я не могу представить себѣ твоего положенія, а не знавъ онаго, какъ возмогу говорить съ тобою откровенно? Одно неосторожное слово можетъ растравить твои раны вмѣсто того, что я пылаю желаніемъ подать тебѣ возможное отъ меня утѣшеніе. Дражайшій мой, ежели тебѣ возможно, скажи мнѣ, гдѣ ты, на какомъ основаніи и есть-ли мнѣ хотя малая надежда прижать тебя нѣкогда ко груди моей? Утѣшь меня, милый мой, — но, увы, что я болтаю? Можетъ быть, тебѣ не позволятъ сего, хотя я и не вижу сему причины. Не смѣю, но не могу воздержаться попенять тебѣ, что ты презрилъ мой дружескій совѣтъ и чрезъ то ввергнулъ

обоихъ насъ въ сіе несносное для меня состояніе. Но дѣло уже сдѣлано; къ чему напоминать невозвратимое! — Я, мой другъ, слава Богу, тѣломъ здоровъ; теперь еще въ Берлинѣ; ежели обстоятельства не воспрепятствуютъ, то хочется мнѣ будущимъ лѣтомъ ѣхать въ Англію и оттуда водою въ Петербургъ; въ Петербургѣ пробывъ нѣсколько, ѣхать въ мою деревню и тамъ препроводить остатокъ дней моихъ, посвятивъ себя уединенію. Но по пословицѣ: l'homme propose, Dieu dispose, кто знаетъ, исполнится-ли мое намѣреніе. Прости, сердечный мой другъ, люби меня и будь увѣренъ, что дружба моя къ тебѣ ничѣмъ и никакъ не уменьшится. Дай, Боже, тебѣ душевнаго и тѣлеснаго здоровья. Превозмогай твои обстоятельства и помни, что ты человѣкъ.

185. А. М. КУТУЗОВЪ — А. А. ПЛЕЩЕЕВУ.

Берлинъ. [Мартъ, 1792].

Дражайшій мой другъ!

Ты совершенно правъ, не давая мѣста въ твоемъ сердцѣ сомнѣніямъ о моей къ тебѣ дружбѣ; никогда, сердечный мой другъ, не забывалъ я васъ, безпрестанно вы присутственны моему сердцу и моимъ мыслямъ, и возможно-ли мнѣ забыть васъ, подавшихъ мнѣ толикіе знаки вашей дружбы? Искренно признаюсь въ моемъ проступкѣ, но никогда не признаюсь, чтобы сей проступокъ происходилъ отъ моей къ вамъ перемѣны. — Ты знаешь, мой другъ, суеты путешественника, ты знаешь, что часто противу своего желанія вовлекается онъ въ различныя тяготящія его знакомства, переписки и пр. и пр.; все сіе выводитъ его изъ обыкновеннаго положенія, нерѣдко дѣлаетъ его разсѣяннымъ и забывчивымъ, присовокупи къ сему мой къ меланхоліи наклонный нравъ и нынѣшнія смутныя обстоятельства, занимающія меня иногда по цѣлой недѣлѣ. Да и какъ быть равнодушну, видя пагубу толикихъ милліоновъ себѣ подобныхъ и воображая дальнѣйшія слѣдствія, которыя могутъ произойти изъ сего! Тѣмъ болѣе все сіе меня оскорбляетъ, что источникъ сея разстройки есть дѣйствіе развращеннаго человѣчества и презрѣнія ученія, проповѣданнаго нашимъ Спасителемъ. Монархи веселились сочиненіями Вольтера, Гельвеція и имъ подобныхъ; ласками награждали ихъ, не вѣдая, что, по русской пословицѣ, согрѣвали змѣю въ своей пазухѣ; теперь видятъ слѣдствіи блистательныхъ словъ, но не имѣютъ уже почти средствъ къ истребленію попущеннаго ими! Вотъ, мой другъ, нѣсколько къ моему извиненію; не думай однако-жъ, что я почитаю себя правымъ; нѣтъ, чѣмъ ты снисходительнѣе, тѣмъ болѣе нахожу себя виноватымъ. Я чрезвычайно предъ вами виноватъ, не есмь однако-жъ преступникъ. Простите же мнѣ великодушно, и не лишайте меня вашей дружбы, не-

обоихъ насъ въ сіе несносное для меня состояніе. Но дѣло уже сдѣлано; къ чему напоминать невозвратимое! — Я, мой другъ, слава Богу, тѣломъ здоровъ; теперь еще въ Берлинѣ; ежели обстоятельства не воспрепятствуютъ, то хочется мнѣ будущимъ лѣтомъ ѣхать въ Англію и оттуда водою въ Петербургъ; въ Петербургѣ пробывъ нѣсколько, ѣхать въ мою деревню и тамъ препроводить остатокъ дней моихъ, посвятивъ себя уединенію. Но по пословицѣ: l'homme propose, Dieu dispose, кто знаетъ, исполнится-ли мое намѣреніе. Прости, сердечный мой другъ, люби меня и будь увѣренъ, что дружба моя къ тебѣ ничѣмъ и никакъ не уменьшится. Дай, Боже, тебѣ душевнаго и тѣлеснаго здоровья. Превозмогай твои обстоятельства и помни, что ты человѣкъ.

185. А. М. КУТУЗОВЪ — А. А. ПЛЕЩЕЕВУ.

Берлинъ. [Мартъ, 1792].

Дражайшій мой другъ!

Ты совершенно правъ, не давая мѣста въ твоемъ сердцѣ сомнѣніямъ о моей къ тебѣ дружбѣ; никогда, сердечный мой другъ, не забывалъ я васъ, безпрестанно вы присутственны моему сердцу и моимъ мыслямъ, и возможно-ли мнѣ забыть васъ, подавшихъ мнѣ толикіе знаки вашей дружбы? Искренно признаюсь въ моемъ проступкѣ, но никогда не признаюсь, чтобы сей проступокъ происходилъ отъ моей къ вамъ перемѣны. — Ты знаешь, мой другъ, суеты путешественника, ты знаешь, что часто противу своего желанія вовлекается онъ въ различныя тяготящія его знакомства, переписки и пр. и пр.; все сіе выводитъ его изъ обыкновеннаго положенія, нерѣдко дѣлаетъ его разсѣяннымъ и забывчивымъ, присовокупи къ сему мой къ меланхоліи наклонный нравъ и нынѣшнія смутныя обстоятельства, занимающія меня иногда по цѣлой недѣлѣ. Да и какъ быть равнодушну, видя пагубу толикихъ милліоновъ себѣ подобныхъ и воображая дальнѣйшія слѣдствія, которыя могутъ произойти изъ сего! Тѣмъ болѣе все сіе меня оскорбляетъ, что источникъ сея разстройки есть дѣйствіе развращеннаго человѣчества и презрѣнія ученія, проповѣданнаго нашимъ Спасителемъ. Монархи веселились сочиненіями Вольтера, Гельвеція и имъ подобныхъ; ласками награждали ихъ, не вѣдая, что, по русской пословицѣ, согрѣвали змѣю въ своей пазухѣ; теперь видятъ слѣдствіи блистательныхъ словъ, но не имѣютъ уже почти средствъ къ истребленію попущеннаго ими! Вотъ, мой другъ, нѣсколько къ моему извиненію; не думай однако-жъ, что я почитаю себя правымъ; нѣтъ, чѣмъ ты снисходительнѣе, тѣмъ болѣе нахожу себя виноватымъ. Я чрезвычайно предъ вами виноватъ, не есмь однако-жъ преступникъ. Простите же мнѣ великодушно, и не лишайте меня вашей дружбы, не-

обходимой къ моему благосостоянію. Любите меня попрежнему такъ, какъ я васъ люблю. Благодарю, сердечный другъ, за пересылку денегъ, которыя я получилъ исправно. Увѣдомь меня, что дѣлается въ общемъ нашемъ отечествѣ; я думаю, теперь всѣ веселятся миромъ; да и, конечно, имѣютъ причину. Прости, мой сердечный другъ; поцѣлуй твоихъ дѣтушекъ, наипаче мою милую жену *). Рамзея **) поцѣлуй; я люблю его искренно, хотя и кажется мнѣ, что онъ мною недоволенъ.

186. А. М. КУТУЗОВЪ — А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Не знаю, чѣмъ начать письмо мое? Оправдываться невозможно, совѣсть моя обличаетъ меня въ противномъ. Признаться во всемъ томъ, чѣмъ вы обвиняете меня? И сіе также, ежели не болѣе, невозможно; ибо и въ мысляхъ моихъ не былъ никогда такимъ извергомъ, чтобы въ состояніи былъ забыть долгъ дружбы и благодарности, которыми обязанъ вамъ по самому строжайшему правосудію. Что же сказать вамъ? Умолчу совершенно о всемъ случившемся, а открою настоящее положеніе дѣла, оставляя вашему правосудію, — на правосудіе дружбы и добросердечія, — рѣшить мою судьбу и произнести приговоръ мой. Это правда, — молчаніе мое было долговременно, однако-жъ не таково и не по тѣмъ причинамъ, какъ вы предполагаете. Изъ вашего письма вижу, что вы не получили двухъ моихъ писемъ, писанныхъ чрезъ двухъ россійскихъ курьеровъ, проѣхавшихъ въ разныя времена чрезъ Берлинъ. Послѣ послѣдняго вашего письма я ожидалъ каждую почту другого письма съ журналомъ любезнаго нашего Рамзея **), вы сами дали мнѣ на сіе право, обѣщая писать на первой почтѣ; сіе заставило меня умедлить отвѣтомъ, дабы въ одно время сообщить вамъ и мои примѣчанія на могущее мнѣ встрѣтиться въ Рамзеевомъ сочиненіи; видя однако-жъ, что ожиданіе мое было тщетно, я написалъ къ вамъ два упомянутыя письма, безпокоясь жестоко необыкновеннымъ вашимъ молчаніемъ, ибо не могъ придумать истинной ему причины. Не думайте однако-жъ, чтобъ ваше молчаніе заставило и меня подражать оному; нѣтъ, я бы все писалъ къ вамъ попрежнему, ибо я полагалъ себѣ за правило не щитаться визитами съ особами, которыхъ я искренно люблю и почитаю. Чины, принужденія и излишняя точность суть истинные антиподы прямыя дружбы. Письмо есть не что иное, какъ разговоръ съ отсутствую-

*) А. А. Плещеева.
**) Н. М. Карамзинъ.

обходимой къ моему благосостоянію. Любите меня попрежнему такъ, какъ я васъ люблю. Благодарю, сердечный другъ, за пересылку денегъ, которыя я получилъ исправно. Увѣдомь меня, что дѣлается въ общемъ нашемъ отечествѣ; я думаю, теперь всѣ веселятся миромъ; да и, конечно, имѣютъ причину. Прости, мой сердечный другъ; поцѣлуй твоихъ дѣтушекъ, наипаче мою милую жену *). Рамзея **) поцѣлуй; я люблю его искренно, хотя и кажется мнѣ, что онъ мною недоволенъ.

186. А. М. КУТУЗОВЪ — А. И. ПЛЕЩЕЕВОЙ.

Берлинъ. 27 марта — 7 апрѣля, 1792.

Не знаю, чѣмъ начать письмо мое? Оправдываться невозможно, совѣсть моя обличаетъ меня въ противномъ. Признаться во всемъ томъ, чѣмъ вы обвиняете меня? И сіе также, ежели не болѣе, невозможно; ибо и въ мысляхъ моихъ не былъ никогда такимъ извергомъ, чтобы въ состояніи былъ забыть долгъ дружбы и благодарности, которыми обязанъ вамъ по самому строжайшему правосудію. Что же сказать вамъ? Умолчу совершенно о всемъ случившемся, а открою настоящее положеніе дѣла, оставляя вашему правосудію, — на правосудіе дружбы и добросердечія, — рѣшить мою судьбу и произнести приговоръ мой. Это правда, — молчаніе мое было долговременно, однако-жъ не таково и не по тѣмъ причинамъ, какъ вы предполагаете. Изъ вашего письма вижу, что вы не получили двухъ моихъ писемъ, писанныхъ чрезъ двухъ россійскихъ курьеровъ, проѣхавшихъ въ разныя времена чрезъ Берлинъ. Послѣ послѣдняго вашего письма я ожидалъ каждую почту другого письма съ журналомъ любезнаго нашего Рамзея **), вы сами дали мнѣ на сіе право, обѣщая писать на первой почтѣ; сіе заставило меня умедлить отвѣтомъ, дабы въ одно время сообщить вамъ и мои примѣчанія на могущее мнѣ встрѣтиться въ Рамзеевомъ сочиненіи; видя однако-жъ, что ожиданіе мое было тщетно, я написалъ къ вамъ два упомянутыя письма, безпокоясь жестоко необыкновеннымъ вашимъ молчаніемъ, ибо не могъ придумать истинной ему причины. Не думайте однако-жъ, чтобъ ваше молчаніе заставило и меня подражать оному; нѣтъ, я бы все писалъ къ вамъ попрежнему, ибо я полагалъ себѣ за правило не щитаться визитами съ особами, которыхъ я искренно люблю и почитаю. Чины, принужденія и излишняя точность суть истинные антиподы прямыя дружбы. Письмо есть не что иное, какъ разговоръ съ отсутствую-

*) А. А. Плещеева.
**) Н. М. Карамзинъ.

щимъ. Что-жъ скажете вы о друзьяхъ, которые въ своихъ ожиданіяхъ будутъ исчислять строго число словъ, каждымъ изъ нихъ произнесенныхъ, и, ежели одинъ изъ нихъ на десять словъ скажетъ только восемь, то изъ сего другой заключитъ, что любовь его друга не столь горяча, какъ его ему оказываемая? Не говорю уже о семъ, ежели изъ сего будетъ выводить важнѣйшія и для друга его оскорбительныя заключенія. Вы видите, что я не столько виноватъ въ разсужденіи моего молчанія, какъ вы думали. Что касается до расположенія моего сердца, то увѣряю васъ всѣмъ, что есть свято, что оно ни мало противу васъ не перемѣнилось; оно столь же исполнено къ вамъ дружбы и искренняго почтенія, какъ и въ самое то время, какъ я пользовался личною вашею дружескою бесѣдою. Самолюбіе не ослѣпило меня такъ много, чтобы я почиталъ себя свободнымъ отъ всѣхъ пороковъ и слабостей; нѣтъ, я знаю, что преисполненъ многими и великими; но смѣло и не краснѣяся могу сказать, что никогда не примѣтилъ во мнѣ непостоянства и неблагодарности. Надѣюсь, и вы сами не можете сказать сему противнаго. Впрочемъ, скажите сами, какую бы могъ имѣть причину премѣняться въ разсужденіи васъ? Что приключилось между нами новаго? По крайней мѣрѣ, я ничего не знаю. Повѣрьте мнѣ, я никогда вамъ не лицемѣрилъ; все, что я говорилъ, все, что я писалъ, все сіе было и есть изліянія прежнихъ моихъ чувствованій. О, когда бы возмогъ увѣрить васъ въ моей дружбѣ не словами, но дѣломъ! Бога ради, не предавайтесь меланхолическому вашему расположенію, старайтесь разсѣвать мрачныя мысли, рождаемыя имъ, и не огорчайте чернымъ воображеніемъ неоцѣненныя сладости дружбы. Человѣки подвержены многимъ скорбямъ и горести, — почто же умножать число ихъ мнимыми? Молчаніе ваше столь же долговременно, какъ и мое; для чего же не вывожу изъ него такихъ же черныхъ мыслей? Во все сіе время не приходило мнѣ ни единожды на мысль, что вы лишили меня вашей дружбы; я даже не въ состояніи сего и представить себѣ. Не скажу вамъ, чтобы таковое молчаніе принималъ я равнодушно; сказавъ сіе, я бы солгалъ; я безпокоился имъ, но не обвинялъ моего друга; не провозглашалъ ему приговора, не выслушавъ его оправданія. Говоря симъ образомъ, не намѣренъ однако-жъ оправдывать себя совершенно; нѣтъ, я знаю, что много виноватъ предъ вами, — повинную голову и мечъ не сѣчетъ, — но надѣюсь на вашу дружбу, на ваше доброе сердце: вы, конечно, простите мнѣ мое преступленіе. Еще повторяю, увѣрьтесь единожды навсегда, что дружба моя къ вамъ непремѣнна; весьма несправедливо поступите противу меня, ежели усумнитесь въ ней хотя на единую минуту. Ужели хотите простирать вашу жестокость такъ далеко, что рѣшитесь наказывать меня дважды за одно преступленіе? Довольно уже и того, что вы наказали меня столь долговременнымъ молчаніемъ; истинно оно было мнѣ

щимъ. Что-жъ скажете вы о друзьяхъ, которые въ своихъ ожиданіяхъ будутъ исчислять строго число словъ, каждымъ изъ нихъ произнесенныхъ, и, ежели одинъ изъ нихъ на десять словъ скажетъ только восемь, то изъ сего другой заключитъ, что любовь его друга не столь горяча, какъ его ему оказываемая? Не говорю уже о семъ, ежели изъ сего будетъ выводить важнѣйшія и для друга его оскорбительныя заключенія. Вы видите, что я не столько виноватъ въ разсужденіи моего молчанія, какъ вы думали. Что касается до расположенія моего сердца, то увѣряю васъ всѣмъ, что есть свято, что оно ни мало противу васъ не перемѣнилось; оно столь же исполнено къ вамъ дружбы и искренняго почтенія, какъ и въ самое то время, какъ я пользовался личною вашею дружескою бесѣдою. Самолюбіе не ослѣпило меня такъ много, чтобы я почиталъ себя свободнымъ отъ всѣхъ пороковъ и слабостей; нѣтъ, я знаю, что преисполненъ многими и великими; но смѣло и не краснѣяся могу сказать, что никогда не примѣтилъ во мнѣ непостоянства и неблагодарности. Надѣюсь, и вы сами не можете сказать сему противнаго. Впрочемъ, скажите сами, какую бы могъ имѣть причину премѣняться въ разсужденіи васъ? Что приключилось между нами новаго? По крайней мѣрѣ, я ничего не знаю. Повѣрьте мнѣ, я никогда вамъ не лицемѣрилъ; все, что я говорилъ, все, что я писалъ, все сіе было и есть изліянія прежнихъ моихъ чувствованій. О, когда бы возмогъ увѣрить васъ въ моей дружбѣ не словами, но дѣломъ! Бога ради, не предавайтесь меланхолическому вашему расположенію, старайтесь разсѣвать мрачныя мысли, рождаемыя имъ, и не огорчайте чернымъ воображеніемъ неоцѣненныя сладости дружбы. Человѣки подвержены многимъ скорбямъ и горести, — почто же умножать число ихъ мнимыми? Молчаніе ваше столь же долговременно, какъ и мое; для чего же не вывожу изъ него такихъ же черныхъ мыслей? Во все сіе время не приходило мнѣ ни единожды на мысль, что вы лишили меня вашей дружбы; я даже не въ состояніи сего и представить себѣ. Не скажу вамъ, чтобы таковое молчаніе принималъ я равнодушно; сказавъ сіе, я бы солгалъ; я безпокоился имъ, но не обвинялъ моего друга; не провозглашалъ ему приговора, не выслушавъ его оправданія. Говоря симъ образомъ, не намѣренъ однако-жъ оправдывать себя совершенно; нѣтъ, я знаю, что много виноватъ предъ вами, — повинную голову и мечъ не сѣчетъ, — но надѣюсь на вашу дружбу, на ваше доброе сердце: вы, конечно, простите мнѣ мое преступленіе. Еще повторяю, увѣрьтесь единожды навсегда, что дружба моя къ вамъ непремѣнна; весьма несправедливо поступите противу меня, ежели усумнитесь въ ней хотя на единую минуту. Ужели хотите простирать вашу жестокость такъ далеко, что рѣшитесь наказывать меня дважды за одно преступленіе? Довольно уже и того, что вы наказали меня столь долговременнымъ молчаніемъ; истинно оно было мнѣ

очень больно; къ чему же грозить мнѣ совершеннымъ прекращеніемъ нашей переписки? Но нѣтъ, я знаю ваше нѣжное и доброе сердце; оно будетъ моимъ ходатаемъ, оно защититъ меня противу вашей гипохондріи, ибо сія-то наиболѣе на меня враждуетъ. Бога ради, оставьте всѣ чины, будемъ обращаться просто, изгонимъ всякое принужденіе; но для сего потребна взаимная довѣренность, безъ сея всѣ наши старанія останутся недѣйствительны. Я съ моей стороны, не взирая на сказанное вами, увѣренъ, что вы меня любите и любите попрежнему. Я такъ въ семъ увѣренъ, что вы ничѣмъ не возможете убѣдить меня въ противномъ; самые же ваши упреки служатъ мнѣ доказательствомъ. Простите же меня грѣшнаго въ моемъ преступленіи; вспомните, что нынѣ великій постъ, что вы пойдете на исповѣдь; какъ же возможете ожидать прощенія вашимъ грѣхамъ, ежели не простите, не говорю — врагу, но искреннѣйшему вашему другу? Оставя всѣ шутки, простите меня въ семъ преступленіи и не наказывайте меня такъ строго за оное. Скажите мнѣ, какъ у насъ веселятся заключеніемъ мира; я думаю, всѣ довольны; что до меня касается, я чрезмѣрно радъ сему; дай, Боже, чтобы онъ продлился колико можно долѣе. Здѣсь у насъ новаго ничего нѣтъ; всѣ занимаются приключеніемъ шведскаго короля и французскою революціею. Нещастная Франція! Сія прекрасная земля приносится въ жертву ложной философіи и нѣсколькимъ вскруженнымъ головамъ. Дай, Боже, чтобы сей плачевный примѣръ открылъ глаза монархамъ и показалъ бы имъ ясно, что христіанская религія есть единственное основаніе народнаго благосостоянія и ихъ собственной законной власти. Да научатся нещастіемъ ближняго, что поощреніе остроумія, истекающаго не изъ прямого источника, есть истинный ядъ, пожирающій жизненные соки всякаго порядка и подчиненности. Простите, разцѣлуйте милую мою жену *), скажите ей, что я люблю ее прямо, и часто занимаюсь ея портретами, поцѣлуйте также и смиренную мою Марфушку **), и рѣзваго Шлипа; я думаю, всѣ они выросли. Не могу заключить моего письма, не повторя моей сердечной просьбы: простите мнѣ мое преступленіе, не сердитесь на меня и любите попрежнему; я истинно васъ люблю, никогда не премѣнялся и не премѣнюся. — Рамзею поклонитесь отъ меня и скажите ему, что я нѣсколько на него сердитъ, что онъ не сообщаетъ мнѣ своего журнала; ежели онъ не прислалъ перваго года, то хотя бы на сей не забылъ меня; при всемъ томъ я люблю его попрежнему; знаю, что молчанію его причина есть его авторство, а не забытіе меня. По крайней мѣрѣ, я думаю, что сердце его неудобно къ забытію искреннихъ его друзей.

---

*) А. А. Плещеева.

**) М. А. Плещеева.

очень больно; къ чему же грозить мнѣ совершеннымъ прекращеніемъ нашей переписки? Но нѣтъ, я знаю ваше нѣжное и доброе сердце; оно будетъ моимъ ходатаемъ, оно защититъ меня противу вашей гипохондріи, ибо сія-то наиболѣе на меня враждуетъ. Бога ради, оставьте всѣ чины, будемъ обращаться просто, изгонимъ всякое принужденіе; но для сего потребна взаимная довѣренность, безъ сея всѣ наши старанія останутся недѣйствительны. Я съ моей стороны, не взирая на сказанное вами, увѣренъ, что вы меня любите и любите попрежнему. Я такъ въ семъ увѣренъ, что вы ничѣмъ не возможете убѣдить меня въ противномъ; самые же ваши упреки служатъ мнѣ доказательствомъ. Простите же меня грѣшнаго въ моемъ преступленіи; вспомните, что нынѣ великій постъ, что вы пойдете на исповѣдь; какъ же возможете ожидать прощенія вашимъ грѣхамъ, ежели не простите, не говорю — врагу, но искреннѣйшему вашему другу? Оставя всѣ шутки, простите меня въ семъ преступленіи и не наказывайте меня такъ строго за оное. Скажите мнѣ, какъ у насъ веселятся заключеніемъ мира; я думаю, всѣ довольны; что до меня касается, я чрезмѣрно радъ сему; дай, Боже, чтобы онъ продлился колико можно долѣе. Здѣсь у насъ новаго ничего нѣтъ; всѣ занимаются приключеніемъ шведскаго короля и французскою революціею. Нещастная Франція! Сія прекрасная земля приносится въ жертву ложной философіи и нѣсколькимъ вскруженнымъ головамъ. Дай, Боже, чтобы сей плачевный примѣръ открылъ глаза монархамъ и показалъ бы имъ ясно, что христіанская религія есть единственное основаніе народнаго благосостоянія и ихъ собственной законной власти. Да научатся нещастіемъ ближняго, что поощреніе остроумія, истекающаго не изъ прямого источника, есть истинный ядъ, пожирающій жизненные соки всякаго порядка и подчиненности. Простите, разцѣлуйте милую мою жену *), скажите ей, что я люблю ее прямо, и часто занимаюсь ея портретами, поцѣлуйте также и смиренную мою Марфушку **), и рѣзваго Шлипа; я думаю, всѣ они выросли. Не могу заключить моего письма, не повторя моей сердечной просьбы: простите мнѣ мое преступленіе, не сердитесь на меня и любите попрежнему; я истинно васъ люблю, никогда не премѣнялся и не премѣнюся. — Рамзею поклонитесь отъ меня и скажите ему, что я нѣсколько на него сердитъ, что онъ не сообщаетъ мнѣ своего журнала; ежели онъ не прислалъ перваго года, то хотя бы на сей не забылъ меня; при всемъ томъ я люблю его попрежнему; знаю, что молчанію его причина есть его авторство, а не забытіе меня. По крайней мѣрѣ, я думаю, что сердце его неудобно къ забытію искреннихъ его друзей.

---

*) А. А. Плещеева.

**) М. А. Плещеева.

187. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 5/16 апрѣля, 1792. — № 5.

Дражайшій другъ и братъ!

Вопервыхъ скажу, что для васъ никакихъ интересныхъ новостей нѣтъ; молчаніе продолжается и самое строгое. Думаю, что нынѣшнія критическія обстоятельства отчасти суть тому причиною; да и немудрено, ибо въ наши толико прославляемыя времена просвѣщенія и такъ называемыя здравыя истинныя философіи нѣтъ ничего святого, и все подвержено насилію. Изъ гнѣзда сего просвѣщенія, справедливѣе же сказать, цареубійцъ, ядомѣшателей, грабителей, разбойниковъ, изъ Франціи разосланы повсюду апостолы, снабженные акватофаною и прочими орудіями, взирая на которыя, думаю, и самъ адъ ужаснется. Сіи апостолы для достиженія своей скверныя цѣли, стараются перехватывать всякія письмы, особливо ежели гдѣ подозрѣваютъ что важное и разсѣваютъ повсюду раздоръ и несогласіе, — то не естественно-ли благоразумнымъ мужамъ употреблять строжайшую осторожность и обождать въ терпѣніи, доколѣ пройдетъ сія адская буря? По многимъ обстоятельствамъ заключаю я и весьма вѣроятно, что въ семъ заговорѣ противу святости и порядка не послѣднюю роль играютъ господа иллюминаты, которыхъ, какъ я знаю, и въ нашемъ отечествѣ есть не мало. Блюдитесь, друзья мои, отъ сихъ изверговъ, и употребите всѣ ваши способности къ обнаруженію ихъ; наипаче всего остерегайтесь, чтобы они не вкрались въ среду васъ; убѣгайте ихъ, какъ язвы; вамъ извѣстно, что истинный свободный каменьщикъ, что истинный христіанинъ, долженъ быть непримиримымъ врагомъ всякаго возмущенія противу законныя власти и общественнаго блага. Пусть наши клеветники, окрещая насъ различными именами, приписываютъ собственныя ихъ намѣренія; мы, презирая ихъ, будемъ стараться пребывать вѣрными и послушными гражданами. Я увѣряюсь, что недалеко то время, въ которое монархиня наша узнаетъ нашихъ клеветниковъ и увидитъ, какое различіе между ими и нами. Опыты болѣе, нежели всякіе доводы, удостовѣрятъ ее, что, не бывъ христіанином, что, не послѣдуя ученію Спасителя, не можно быть хорошимъ гражданином и вѣрнымъ подданнымъ. Впрочемъ, ежели и не откроется сего, то по малой мѣрѣ мы насладимся чистою совѣстію и внутреннимъ спокойствіемъ, чего не могутъ имѣть наши клеветники.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ, всѣ бесѣды наполнены слухами о убійствахъ, содѣланныхъ и намѣреваемыхъ; всѣ занимаются состояніемъ нещастнаго ослѣпленнаго французскаго народа и злодѣйствами ихъ тирановъ.

Здѣсь теперь княгиня Барятинская съ ея семействомъ, у которой я, хотя и въ свойствѣ съ нею, не былъ, ибо не лежитъ мое сердце къ

187. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. П. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 5/16 апрѣля, 1792. — № 5.

Дражайшій другъ и братъ!

Вопервыхъ скажу, что для васъ никакихъ интересныхъ новостей нѣтъ; молчаніе продолжается и самое строгое. Думаю, что нынѣшнія критическія обстоятельства отчасти суть тому причиною; да и немудрено, ибо въ наши толико прославляемыя времена просвѣщенія и такъ называемыя здравыя истинныя философіи нѣтъ ничего святого, и все подвержено насилію. Изъ гнѣзда сего просвѣщенія, справедливѣе же сказать, цареубійцъ, ядомѣшателей, грабителей, разбойниковъ, изъ Франціи разосланы повсюду апостолы, снабженные акватофаною и прочими орудіями, взирая на которыя, думаю, и самъ адъ ужаснется. Сіи апостолы для достиженія своей скверныя цѣли, стараются перехватывать всякія письмы, особливо ежели гдѣ подозрѣваютъ что важное и разсѣваютъ повсюду раздоръ и несогласіе, — то не естественно-ли благоразумнымъ мужамъ употреблять строжайшую осторожность и обождать въ терпѣніи, доколѣ пройдетъ сія адская буря? По многимъ обстоятельствамъ заключаю я и весьма вѣроятно, что въ семъ заговорѣ противу святости и порядка не послѣднюю роль играютъ господа иллюминаты, которыхъ, какъ я знаю, и въ нашемъ отечествѣ есть не мало. Блюдитесь, друзья мои, отъ сихъ изверговъ, и употребите всѣ ваши способности къ обнаруженію ихъ; наипаче всего остерегайтесь, чтобы они не вкрались въ среду васъ; убѣгайте ихъ, какъ язвы; вамъ извѣстно, что истинный свободный каменьщикъ, что истинный христіанинъ, долженъ быть непримиримымъ врагомъ всякаго возмущенія противу законныя власти и общественнаго блага. Пусть наши клеветники, окрещая насъ различными именами, приписываютъ собственныя ихъ намѣренія; мы, презирая ихъ, будемъ стараться пребывать вѣрными и послушными гражданами. Я увѣряюсь, что недалеко то время, въ которое монархиня наша узнаетъ нашихъ клеветниковъ и увидитъ, какое различіе между ими и нами. Опыты болѣе, нежели всякіе доводы, удостовѣрятъ ее, что, не бывъ христіанином, что, не послѣдуя ученію Спасителя, не можно быть хорошимъ гражданином и вѣрнымъ подданнымъ. Впрочемъ, ежели и не откроется сего, то по малой мѣрѣ мы насладимся чистою совѣстію и внутреннимъ спокойствіемъ, чего не могутъ имѣть наши клеветники.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ, всѣ бесѣды наполнены слухами о убійствахъ, содѣланныхъ и намѣреваемыхъ; всѣ занимаются состояніемъ нещастнаго ослѣпленнаго французскаго народа и злодѣйствами ихъ тирановъ.

Здѣсь теперь княгиня Барятинская съ ея семействомъ, у которой я, хотя и въ свойствѣ съ нею, не былъ, ибо не лежитъ мое сердце къ

женѣ, оставившей своего мужа. На сихъ дняхъ сдѣлалъ мнѣ честь Александръ Васильевичъ Парышкинъ, купно съ нашимъ посломъ Максимомъ Максимовичемъ Алопеусомъ посѣтилъ меня вчера; я провелъ у него цѣлое утро; онъ очень мнѣ полюбился, тѣмъ болѣе, что нахожу его истиннымъ россіяниномъ, преданнымъ своему государю и своему отечеству; я постараюсь воспользоваться его ласкою въ краткое время его здѣсь пребыванія. — Простите, любезные друзья, я всѣхъ васъ цѣлую. Приложенное письмо перешлите, пожалуйста, къ моему брату.

188. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 5/16 апрѣля, 1792.

Милостивый Государь, братецъ Федоръ Михайловичъ!

Два ваши письма и съ приложенными двумя векселями, каждый на 500 рублевъ, я почти въ одно время исправно получилъ, и благодарю васъ сердечно какъ за письмы, такъ и за скорое и точное исполненіе моей просьбы. Ваши упреки въ разсужденіи нечастаго отъ меня писанія имѣютъ нѣкоторую справедливость, хотя и не точно такъ, какъ вы себѣ воображаете; я точно писалъ къ вамъ нѣсколько разъ; но, кромѣ письма чрезъ князя Давыдова *), отъ васъ не получалъ ни строчки и на самое письмо, чрезъ сего же Давыдова писанное, не имѣлъ отвѣта; въ семъ письмѣ просилъ я васъ сдѣлать смѣту, во что станетъ домикъ, состоящій изъ четырехъ или много что пяти горницъ, но видно, и сего вы не получили; изъ сего можете заключать, что ежели пропадаютъ письма, посланныя чрезъ знакомыхъ, то коль легче можетъ случаться сіе чрезъ почту, а къ тому же переходящее чрезъ столь многія руки прежде, нежели придетъ къ вамъ. Но какъ бы то ни было, я не намѣренъ оправдываться, ибо признаюся много и много виноватымъ и прошу васъ братски простить мнѣ мое преступленіе, обѣщаяся не впадать уже никогда въ подобное сему. Что касается до вашихъ сомнѣній въ моей къ вамъ любви и дружбы, то признаюсь, что они огорчаютъ меня много, тѣмъ болѣе, что я во всю мою жизнь не подавалъ вамъ къ сему причины; я ссылался на самихъ васъ, сколь я любилъ васъ въ самомъ моемъ ребячествѣ, когда еще не имѣлъ, такъ сказать, понятія ни о себѣ, ни о связяхъ братства; самому мнѣ неизвѣстное чувствованіе влекло меня всегда къ вамъ и, исключая покойнаго брата Александра Михайловича, вы всегда были мнѣ любезнѣе прочихъ, и сія моя любовь изъявлялась во многихъ тогдашнихъ ребяческихъ моихъ дѣйствіяхъ; сія самая любовь возрастала купно съ моими лѣтами и съ распространяющимися понятіями; къ симъ темнымъ и внутреннимъ моимъ чувствова-

*) Кн. С. М. Давыдовъ.

женѣ, оставившей своего мужа. На сихъ дняхъ сдѣлалъ мнѣ честь Александръ Васильевичъ Парышкинъ, купно съ нашимъ посломъ Максимомъ Максимовичемъ Алопеусомъ посѣтилъ меня вчера; я провелъ у него цѣлое утро; онъ очень мнѣ полюбился, тѣмъ болѣе, что нахожу его истиннымъ россіяниномъ, преданнымъ своему государю и своему отечеству; я постараюсь воспользоваться его ласкою въ краткое время его здѣсь пребыванія. — Простите, любезные друзья, я всѣхъ васъ цѣлую. Приложенное письмо перешлите, пожалуйста, къ моему брату.

188. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 5/16 апрѣля, 1792.

Милостивый Государь, братецъ Федоръ Михайловичъ!

Два ваши письма и съ приложенными двумя векселями, каждый на 500 рублевъ, я почти въ одно время исправно получилъ, и благодарю васъ сердечно какъ за письмы, такъ и за скорое и точное исполненіе моей просьбы. Ваши упреки въ разсужденіи нечастаго отъ меня писанія имѣютъ нѣкоторую справедливость, хотя и не точно такъ, какъ вы себѣ воображаете; я точно писалъ къ вамъ нѣсколько разъ; но, кромѣ письма чрезъ князя Давыдова *), отъ васъ не получалъ ни строчки и на самое письмо, чрезъ сего же Давыдова писанное, не имѣлъ отвѣта; въ семъ письмѣ просилъ я васъ сдѣлать смѣту, во что станетъ домикъ, состоящій изъ четырехъ или много что пяти горницъ, но видно, и сего вы не получили; изъ сего можете заключать, что ежели пропадаютъ письма, посланныя чрезъ знакомыхъ, то коль легче можетъ случаться сіе чрезъ почту, а къ тому же переходящее чрезъ столь многія руки прежде, нежели придетъ къ вамъ. Но какъ бы то ни было, я не намѣренъ оправдываться, ибо признаюся много и много виноватымъ и прошу васъ братски простить мнѣ мое преступленіе, обѣщаяся не впадать уже никогда въ подобное сему. Что касается до вашихъ сомнѣній въ моей къ вамъ любви и дружбы, то признаюсь, что они огорчаютъ меня много, тѣмъ болѣе, что я во всю мою жизнь не подавалъ вамъ къ сему причины; я ссылался на самихъ васъ, сколь я любилъ васъ въ самомъ моемъ ребячествѣ, когда еще не имѣлъ, такъ сказать, понятія ни о себѣ, ни о связяхъ братства; самому мнѣ неизвѣстное чувствованіе влекло меня всегда къ вамъ и, исключая покойнаго брата Александра Михайловича, вы всегда были мнѣ любезнѣе прочихъ, и сія моя любовь изъявлялась во многихъ тогдашнихъ ребяческихъ моихъ дѣйствіяхъ; сія самая любовь возрастала купно съ моими лѣтами и съ распространяющимися понятіями; къ симъ темнымъ и внутреннимъ моимъ чувствова-

*) Кн. С. М. Давыдовъ.

ніямъ присовокупились нынѣ познанный мною долгъ и благодарность за вашу ко мнѣ любовь; познаніе сердечныхъ вашихъ свойствъ не только не ослабило, но усугубило мою дружбу; умаленіе нашего семейства сблизило насъ еще болѣе; изъ всѣхъ нашихъ родныхъ остались мы только двое; скажите же сами, что можетъ и что могло простудить сію мою къ вамъ дружбу? Я не вижу никакой причины, но, не предполагая причины, какъ возможно предполагать дѣйствіе? Бога ради, прошу васъ, не давайте мѣста таковымъ мрачнымъ мыслямъ, не попускайте въ вашемъ сердцѣ зародиться сѣменамъ подозрѣнія, могущаго породить плоды весьма горькіе. Искренно признаюсь вамъ, что таковыя сомнѣнія угнетаютъ мой духъ и оскорбляютъ мое любящее васъ сердце. Вы знаете, что я съ ребячества не умѣлъ притворяться и всегда шелъ прямою дорогою; ежели-бъ я имѣлъ что противу васъ, то, конечно бы сказалъ вамъ, ежели не на словахъ, то на письмѣ. Еще прошу, не сомнѣвайтесь и единожды навсегда увѣрьтесь въ моей нелицемѣрной дружбѣ и преданности. Впрочемъ, скажу вамъ о себѣ: — *я*, слава Богу, здоровъ; ежели Богу угодно, то намѣренъ будущимъ лѣтомъ ѣхать въ Англію и, пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратиться въ мое отечество водою и, ежели не воспрепятствуетъ что либо непредвидимое, то препроводить остатокъ дней моихъ въ деревенской жизни, посвятивъ себя дружбѣ и уединенію, и сего-то ради прошу васъ вторично о сообщеніи мнѣ смѣты на вышесказанный мною домикъ. Простите. Желаю вамъ сердечно всѣхъ истинныхъ благъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ; увѣрьтеся въ непремѣнной моей къ вамъ дружбѣ и любви, съ которыми пребуду по гробъ мой вашъ искренній другъ и братъ.

189. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 3 мая, 1792. (9 мая).

Письмо твое и предостереженіе отъ иллюминатовъ я получилъ. Не получая отъ тебя долго писемъ, порадовался, мой другъ, что ты здоровъ и что не болѣзнь, но неимѣніе, что писать, было причиною твоего долгаго молчанія. Описаніе твое о иллюминатахъ и ихъ сообщникахъ привели въ ужасъ всю внутренность моего сердца; а наипаче слова твои, что ты знаешь, «что и въ нашемъ отечествѣ есть таковые изверги», меня до крайности поразили. Ты знаешь мое сердце и мои правилы и, слѣдовательно, тебѣ легко представить чувствы мои при чтеніи сихъ словъ. Другъ мой, старайся и старайся всѣми силами, и не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, узнать, кто именно сіи изверги въ отечествѣ нашемъ. Долгъ всякаго гражданина и христіянина есть таковыхъ обнаруживать и ежели-бъ можно было хоть одного изъ нихъ узнать, то бы и

ніямъ присовокупились нынѣ познанный мною долгъ и благодарность за вашу ко мнѣ любовь; познаніе сердечныхъ вашихъ свойствъ не только не ослабило, но усугубило мою дружбу; умаленіе нашего семейства сблизило насъ еще болѣе; изъ всѣхъ нашихъ родныхъ остались мы только двое; скажите же сами, что можетъ и что могло простудить сію мою къ вамъ дружбу? Я не вижу никакой причины, но, не предполагая причины, какъ возможно предполагать дѣйствіе? Бога ради, прошу васъ, не давайте мѣста таковымъ мрачнымъ мыслямъ, не попускайте въ вашемъ сердцѣ зародиться сѣменамъ подозрѣнія, могущаго породить плоды весьма горькіе. Искренно признаюсь вамъ, что таковыя сомнѣнія угнетаютъ мой духъ и оскорбляютъ мое любящее васъ сердце. Вы знаете, что я съ ребячества не умѣлъ притворяться и всегда шелъ прямою дорогою; ежели-бъ я имѣлъ что противу васъ, то, конечно бы сказалъ вамъ, ежели не на словахъ, то на письмѣ. Еще прошу, не сомнѣвайтесь и единожды навсегда увѣрьтесь въ моей нелицемѣрной дружбѣ и преданности. Впрочемъ, скажу вамъ о себѣ: — *я*, слава Богу, здоровъ; ежели Богу угодно, то намѣренъ будущимъ лѣтомъ ѣхать въ Англію и, пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, возвратиться въ мое отечество водою и, ежели не воспрепятствуетъ что либо непредвидимое, то препроводить остатокъ дней моихъ въ деревенской жизни, посвятивъ себя дружбѣ и уединенію, и сего-то ради прошу васъ вторично о сообщеніи мнѣ смѣты на вышесказанный мною домикъ. Простите. Желаю вамъ сердечно всѣхъ истинныхъ благъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ; увѣрьтеся въ непремѣнной моей къ вамъ дружбѣ и любви, съ которыми пребуду по гробъ мой вашъ искренній другъ и братъ.

189. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 3 мая, 1792. (9 мая).

Письмо твое и предостереженіе отъ иллюминатовъ я получилъ. Не получая отъ тебя долго писемъ, порадовался, мой другъ, что ты здоровъ и что не болѣзнь, но неимѣніе, что писать, было причиною твоего долгаго молчанія. Описаніе твое о иллюминатахъ и ихъ сообщникахъ привели въ ужасъ всю внутренность моего сердца; а наипаче слова твои, что ты знаешь, «что и въ нашемъ отечествѣ есть таковые изверги», меня до крайности поразили. Ты знаешь мое сердце и мои правилы и, слѣдовательно, тебѣ легко представить чувствы мои при чтеніи сихъ словъ. Другъ мой, старайся и старайся всѣми силами, и не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, узнать, кто именно сіи изверги въ отечествѣ нашемъ. Долгъ всякаго гражданина и христіянина есть таковыхъ обнаруживать и ежели-бъ можно было хоть одного изъ нихъ узнать, то бы и

другіе по немъ открылись. Ахъ, другъ мой, коль сильно я и Лопухинъ *) поражены были симъ извѣстіемъ! Старайся, мой другъ, исполнить долгъ твой и, ежели нельзя именно узнать хоть одного изъ сихъ изверговъ въ отечествѣ нашемъ, то, по крайней мѣрѣ, опиши мнѣ, почему и по какимъ признакамъ таковыхъ людей узнать можно. Я жду съ нетерпѣніемъ на сіе письмо твоего отвѣта. Боже Спаситель нашъ, изобличи сихъ изверговъ, да посрамлены они и истреблены будутъ съ лица земли! Услышь молитву мою, Господи, и избави отъ нихъ отечество наше!

Прости, мой другъ. Христосъ съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

190. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ!

Я, слава Богу, здоровъ; пользуясь временемъ довольно хорошимъ, хожу по улицамъ, и теперь, пришедъ къ вышеписавшему и заставъ его за письмомъ, приписываю. Виноватъ, что давно къ тебѣ не писалъ; однако-жъ, мы — квиты съ тобою. Что принадлежитъ до иллюминатовъ, то мы давно употребляемъ наиприлежнѣйшее раченіе къ открытію ихъ, не только для охраненія отъ ихъ заразы малаго числа друзей нашихъ, но и для блага отечества нашего, къ которому усердіе и особая любовь и вѣрность къ государынѣ нашей, можетъ быть, докажутся когда-нибудь и тѣмъ самымъ, которые по незнанію многіе толки о насъ дѣлаютъ. Давно уже сдѣланы нами всевозможныя распоряженія къ обнаруженію оныхъ скрытыхъ просвѣтителей, и я думаю, что масоны доброй системы наилучше ихъ открыть могутъ. Старайся, мой другъ, наиприлежнѣйше помогать намъ въ томъ свѣдѣніями. Прости, сердечно цѣлую тебя.

191. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [май, 1792].

Дражайшій другъ!

Краткое ваше письмецо съ дружескими упреками получилъ и благодарю за оное. Повинуяся вашему желанію, не хочу пускаться въ пространное поле догадокъ, но признаюсь откровенно, что съ нѣкотораго времени ваши письмы погружаютъ меня въ непріятную задумчивость! Я усматриваю въ нихъ нѣчто мрачное, которое не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго. Но одинъ разъ предавшись въ волю моего Создателя, ожидаю всего съ твердостію и покоряюсь Его судьбамъ безъ роптанія. Сла-

*) И. В. Лопухинъ.

другіе по немъ открылись. Ахъ, другъ мой, коль сильно я и Лопухинъ *) поражены были симъ извѣстіемъ! Старайся, мой другъ, исполнить долгъ твой и, ежели нельзя именно узнать хоть одного изъ сихъ изверговъ въ отечествѣ нашемъ, то, по крайней мѣрѣ, опиши мнѣ, почему и по какимъ признакамъ таковыхъ людей узнать можно. Я жду съ нетерпѣніемъ на сіе письмо твоего отвѣта. Боже Спаситель нашъ, изобличи сихъ изверговъ, да посрамлены они и истреблены будутъ съ лица земли! Услышь молитву мою, Господи, и избави отъ нихъ отечество наше!

Прости, мой другъ. Христосъ съ тобою. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

190. И. В. ЛОПУХИНЪ — А. М. КУТУЗОВУ.

[Приписка къ предыдущему письму].

Здравствуй, мой любезнѣйшій другъ!

Я, слава Богу, здоровъ; пользуясь временемъ довольно хорошимъ, хожу по улицамъ, и теперь, пришедъ къ вышеписавшему и заставъ его за письмомъ, приписываю. Виноватъ, что давно къ тебѣ не писалъ; однако-жъ, мы — квиты съ тобою. Что принадлежитъ до иллюминатовъ, то мы давно употребляемъ наиприлежнѣйшее раченіе къ открытію ихъ, не только для охраненія отъ ихъ заразы малаго числа друзей нашихъ, но и для блага отечества нашего, къ которому усердіе и особая любовь и вѣрность къ государынѣ нашей, можетъ быть, докажутся когда-нибудь и тѣмъ самымъ, которые по незнанію многіе толки о насъ дѣлаютъ. Давно уже сдѣланы нами всевозможныя распоряженія къ обнаруженію оныхъ скрытыхъ просвѣтителей, и я думаю, что масоны доброй системы наилучше ихъ открыть могутъ. Старайся, мой другъ, наиприлежнѣйше помогать намъ въ томъ свѣдѣніями. Прости, сердечно цѣлую тебя.

191. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [май, 1792].

Дражайшій другъ!

Краткое ваше письмецо съ дружескими упреками получилъ и благодарю за оное. Повинуяся вашему желанію, не хочу пускаться въ пространное поле догадокъ, но признаюсь откровенно, что съ нѣкотораго времени ваши письмы погружаютъ меня въ непріятную задумчивость! Я усматриваю въ нихъ нѣчто мрачное, которое не предвѣщаетъ мнѣ ничего добраго. Но одинъ разъ предавшись въ волю моего Создателя, ожидаю всего съ твердостію и покоряюсь Его судьбамъ безъ роптанія. Сла-

*) И. В. Лопухинъ.

бость моего здоровья была причиною, что я пропустилъ нѣсколько почтъ, не писавъ къ вамъ. Тонъ вашихъ писемъ и состояніе моего любезнаго сопутешественника *) имѣютъ также вліяніе на мое здоровье. Sacerdos *) находится въ самой крайности, едва-ли остается у него столько денегъ, чтобы пропитать себя бѣдственно. Представьте-жъ, сколь больно чувствительному сердцу видѣть ближняго въ такомъ состояніи и не быть въ силахъ подать ему руку помощи! Грусть моя еще болѣе умножается, знавъ, что онъ пришелъ въ сіе состояніе оттого, что положился на слово брата **), котораго онъ и теперь еще почитаетъ; ему обѣщался прислать въ іюлѣ сто лундоровъ, но и по сейчасъ не получилъ онъ ни единыя полушки. Кто не былъ въ Нѣмецкой землѣ, тотъ, конечно, не знаетъ, каково быть здѣсь безъ денегъ; по малой мѣрѣ я не желаю сего и моему злодѣю. Но оставимъ сей печальный и непріятный предметъ. Простите и обымите всѣхъ моихъ друзей. Боже да сохранитъ васъ всѣхъ здравыми и да дастъ вамъ единодушіе и согласіе.

192. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ, 25 мая, 1792. — № 7.

Дражайшій другъ!

Послѣднее ваше письмо нѣсколько успокоило меня; вы увѣдомляете, что вы выздоровѣли, но только остается еще слабость; дай, Боже, чтобы сіи строки застали васъ совершенно здоровымъ. Поздравляю васъ съ новою дочерью. Боже, благослови бракъ сихъ молодыхъ людей! Мой сердечный другъ, я желаю отъ всего моего сердца, чтобы сіи ваши дѣти ***) составили нѣкогда вамъ радость и истинное веселіе. Поздравьте ихъ отъ меня и пожелайте имъ всѣхъ истинныхъ благъ. У насъ новаго ничего нѣтъ. Ни о чемъ болѣе здѣсь не слышно, какъ о войнѣ; на всѣхъ улицахъ видно предуготовленіе. Что-то изъ сего выйдетъ? Здѣсь навѣрно говорятъ, что и наши войски, ежели не вступили, то вступятъ въ Польшу и что около 20 тысячъ пойдетъ на берега Рейна для опроверженія адской философіи національнаго французскаго собранія.

Простите меня, что я прерву сіе письмо; причиною тому посѣщеніе моего свойственника, молодого Демидова, сына Александра Григорьевича, который возвращается въ наше отечество. Дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ. Поцѣлуйте всѣхъ нашихъ.

---

*) Бар. Шредеръ.
**) Кн. Н. Н. Трубецкой.
***) Кн. П. Н. Трубецкой и Н. Н. Пестова.

бость моего здоровья была причиною, что я пропустилъ нѣсколько почтъ, не писавъ къ вамъ. Тонъ вашихъ писемъ и состояніе моего любезнаго сопутешественника *) имѣютъ также вліяніе на мое здоровье. Sacerdos *) находится въ самой крайности, едва-ли остается у него столько денегъ, чтобы пропитать себя бѣдственно. Представьте-жъ, сколь больно чувствительному сердцу видѣть ближняго въ такомъ состояніи и не быть въ силахъ подать ему руку помощи! Грусть моя еще болѣе умножается, знавъ, что онъ пришелъ въ сіе состояніе оттого, что положился на слово брата **), котораго онъ и теперь еще почитаетъ; ему обѣщался прислать въ іюлѣ сто лундоровъ, но и по сейчасъ не получилъ онъ ни единыя полушки. Кто не былъ въ Нѣмецкой землѣ, тотъ, конечно, не знаетъ, каково быть здѣсь безъ денегъ; по малой мѣрѣ я не желаю сего и моему злодѣю. Но оставимъ сей печальный и непріятный предметъ. Простите и обымите всѣхъ моихъ друзей. Боже да сохранитъ васъ всѣхъ здравыми и да дастъ вамъ единодушіе и согласіе.

192. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ, 25 мая, 1792. — № 7.

Дражайшій другъ!

Послѣднее ваше письмо нѣсколько успокоило меня; вы увѣдомляете, что вы выздоровѣли, но только остается еще слабость; дай, Боже, чтобы сіи строки застали васъ совершенно здоровымъ. Поздравляю васъ съ новою дочерью. Боже, благослови бракъ сихъ молодыхъ людей! Мой сердечный другъ, я желаю отъ всего моего сердца, чтобы сіи ваши дѣти ***) составили нѣкогда вамъ радость и истинное веселіе. Поздравьте ихъ отъ меня и пожелайте имъ всѣхъ истинныхъ благъ. У насъ новаго ничего нѣтъ. Ни о чемъ болѣе здѣсь не слышно, какъ о войнѣ; на всѣхъ улицахъ видно предуготовленіе. Что-то изъ сего выйдетъ? Здѣсь навѣрно говорятъ, что и наши войски, ежели не вступили, то вступятъ въ Польшу и что около 20 тысячъ пойдетъ на берега Рейна для опроверженія адской философіи національнаго французскаго собранія.

Простите меня, что я прерву сіе письмо; причиною тому посѣщеніе моего свойственника, молодого Демидова, сына Александра Григорьевича, который возвращается въ наше отечество. Дай, Боже, вамъ всѣхъ истинныхъ благъ. Поцѣлуйте всѣхъ нашихъ.

---

*) Бар. Шредеръ.
**) Кн. Н. Н. Трубецкой.
***) Кн. П. Н. Трубецкой и Н. Н. Пестова.

193. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [Іюнь, 1792].

Дражайшій другъ и братъ!

Что давно я не писалъ, причиною тому хлопоты, ежели хотите, самопроизвольныя. Нашъ министръ ѣдетъ съ королемъ къ арміи, и такъ надлежало ему одѣться и экипироваться воиномъ, а какъ онъ съ самой молодости служилъ въ гражданской службѣ, то и просилъ меня постараться о всемъ. Они, думаю, скоро поѣдутъ и тогда буду отвѣчать порядочно на ваши письма. Впрочемъ здѣсь ничего новаго нѣтъ, кромѣ того, что въ газетахъ. Бьютъ безпрестанно россійскія войски. Простите, любезные друзья. Приложенное письмо отошлите, куда надлежитъ.

194. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 2 іюня, 1792.

Herzensliebster Freund und Bruder!

Sie können sich nicht vorstellen, welches lebhafte Gefühl von Freude es mir machte, wie ich wieder einen Brief von Ihrer Hand zu sehen bekam, da mir Br. Velox *) bereits vorher von Ihrer schweren Krankheit [Nachricht] gegeben hat und ich in meiner düstern Melancholie schon gewiss glaubte, ich würde Sie verlieren, so wie ich meinen ewig geliebten Iwan Gregoritsch **) und meinen Berliner Mentor den seeligen Hauptmann von Ruits verloren habe! Gott sey von Herzen gelobt, dass Er Sie mir wiedergeschenkt hat und dass Er Ihr Herz wieder der Liebe und Freundschaft für mich geöffnet hat. Ich nehme mit ganzer Seele Ihre Aufforderung an, dass wir unsere Explication bis zur mündlichen Unterredung aufschieben wollen, mir ist es genug, wenn Sie mir sagen, dass Sie mich nicht für einen falschen, einen Scheinheiligen oder gar für einen Verräther meiner liebsten, meiner besten Freunde und für einen Schänder der heiligen Geheimnisse meines Herren u. Heilandes, den ich über alles in der ganzen Welt liebe und in Ehren halte. Ihre wenigen Zeilen überzeugen mich so vollkommen davon, dass mir kein Zweifel übrig bleibt, und ich werde seit 6 Jahren zum ersten Mal ruhig.

Sie können und werden es mir also nicht zur Bosheit und Verstocktheit auslegen, wenn ich über gewisse Personen noch ebendieselben Zweifel habe, die mich bis am Abgrund alles menschl[ichen] Elends gestürtzt haben, weil ich diese Zweifel nicht gegen mein Gewissen und gegen meine Ueberzeugung abschwören wollte und konnte. Irre ich mich, so wird mir der barmherzige Gott es nicht zurechnen, dass ich bei den jetzigen bösen Zeiten, bei der allgemei-

*) А. М. Кутузовъ.
**) И. Г. Шварцъ.

193. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. [Іюнь, 1792].

Дражайшій другъ и братъ!

Что давно я не писалъ, причиною тому хлопоты, ежели хотите, самопроизвольныя. Нашъ министръ ѣдетъ съ королемъ къ арміи, и такъ надлежало ему одѣться и экипироваться воиномъ, а какъ онъ съ самой молодости служилъ въ гражданской службѣ, то и просилъ меня постараться о всемъ. Они, думаю, скоро поѣдутъ и тогда буду отвѣчать порядочно на ваши письма. Впрочемъ здѣсь ничего новаго нѣтъ, кромѣ того, что въ газетахъ. Бьютъ безпрестанно россійскія войски. Простите, любезные друзья. Приложенное письмо отошлите, куда надлежитъ.

194. Бар. ШРЕДЕРЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Нюренбергъ. 2 іюня, 1792.

Herzensliebster Freund und Bruder!

Sie können sich nicht vorstellen, welches lebhafte Gefühl von Freude es mir machte, wie ich wieder einen Brief von Ihrer Hand zu sehen bekam, da mir Br. Velox *) bereits vorher von Ihrer schweren Krankheit [Nachricht] gegeben hat und ich in meiner düstern Melancholie schon gewiss glaubte, ich würde Sie verlieren, so wie ich meinen ewig geliebten Iwan Gregoritsch **) und meinen Berliner Mentor den seeligen Hauptmann von Ruits verloren habe! Gott sey von Herzen gelobt, dass Er Sie mir wiedergeschenkt hat und dass Er Ihr Herz wieder der Liebe und Freundschaft für mich geöffnet hat. Ich nehme mit ganzer Seele Ihre Aufforderung an, dass wir unsere Explication bis zur mündlichen Unterredung aufschieben wollen, mir ist es genug, wenn Sie mir sagen, dass Sie mich nicht für einen falschen, einen Scheinheiligen oder gar für einen Verräther meiner liebsten, meiner besten Freunde und für einen Schänder der heiligen Geheimnisse meines Herren u. Heilandes, den ich über alles in der ganzen Welt liebe und in Ehren halte. Ihre wenigen Zeilen überzeugen mich so vollkommen davon, dass mir kein Zweifel übrig bleibt, und ich werde seit 6 Jahren zum ersten Mal ruhig.

Sie können und werden es mir also nicht zur Bosheit und Verstocktheit auslegen, wenn ich über gewisse Personen noch ebendieselben Zweifel habe, die mich bis am Abgrund alles menschl[ichen] Elends gestürtzt haben, weil ich diese Zweifel nicht gegen mein Gewissen und gegen meine Ueberzeugung abschwören wollte und konnte. Irre ich mich, so wird mir der barmherzige Gott es nicht zurechnen, dass ich bei den jetzigen bösen Zeiten, bei der allgemei-

*) А. М. Кутузовъ.
**) И. Г. Шварцъ.

nen Irreligiosität, Bosheit und Gottlosigkeit keinen blinden Glauben an Menschen hege, sondern mich fest an Sein Wort halte. Auf Gott und nicht auf Menschen Rath sollst du dein Glück bauen und Dem Der dich geschaffen hat, von ganzer Seele trauen! Auch Sie und Ihre Brüder wird Gott mit der Zeit überzeugen, ob diese Personen Seine Boten oder Gefässe der Bosheit, des Betrugs, der Politik einer im finstern schleichenden Hierarchie des Antichrists und dergl[eichen] sind. Wir wollen unsere Freundschaft nicht ferner durch Secktirerey und Partheygeist vergiften, aber thun Sie mir die Liebe, wenn Ihnen Gott Ihre noch delicate Gesundheit in diesem herrlichen Frühjahr mehr befestigt und schreiben Sie mir öfter und umständlicher. Ich habe Ihnen in meinem letzten Schreiben die Mittel gesagt, wie Sie durch die vielen dortigen Deutschen, ja nürnberger Kaufleute directe und sicher an mich hierher schreiben können, da Nürnberg einen so grossen Handel mit Moscau directe führet; ich werde es als einen Beweis Ihrer fortdauernden Freundschaft ansehen, wenn Sie mir directe durch nürenberger Kaufleute schreiben; Frenkel wird Ihnen dort genug nürnberger Kaufleute in den Buden auftreiben. Zu dem Ende schicke ich Ihnen zum 2-ten Mal meine Adresse, ich habe mein Quartier verändern müssen und wohne jetzt bei einem Manne, der bloss von Handel nach Russland lebt: Herrn Heinr[ich] Jac[ob] Von Schroeder in Nürnberg, logiert in der Wirs[c]hinger Kunsthandl[ung] unter den Westen. Dieser Wirs[c]hing schickt alle die schönsten Kupfer und Bilder nach Petersburg; wenn er nach Moscau directe handelte, würden Sie diesen Brief schon durch Wirs[c]hings Correspondenten erhalten haben, weil Ihr Brief von Monat März erst im Juny in meine Hände gekommen und wenn ein Wechsel drin gewesen wäre, derselbe bereits längst verfallen wäre, ehe er von hier wieder nach Amsterdam kommt. Ich muss Sie auch bitten, das Praedicat Baron von meiner Adresse wegzulassen, weil ich mich hier bloss mit meinem Namen angegeben, auch den Land-Jägermeister weggeworfen haben, um desto oeconomischer leben zu können. Ich halte sogar keinen Bedienten, zum ersten Mal in meinem ganzen Leben, um nur zu subsistiren; der Krieg mit Franckreich macht hier alle Lebensmittel so theuer, dass ich Mühe habe mit aller Oeconomie hier auszukommen.

Auch besteht meine Börse jetzt bloss in 50 Rthl. Sie sehen leicht ein, dass es mir unmöglich wird, damit bis zum Winter, wo Sie mir vielleicht die Interessen vom Jahr 1792 zuschicken, auszukommen, und werden sich wundern, wie ich den vorigen Wechsel sobald habe durchbringen können. Wenn Sie aber den schlechten Cours bedenken und erfahren, dass ich einen grossen Theil des Wechsels, wegen des Elends, worin ich stehe, dass ich alle meine Sachen versetzen musste, gleich baar weggeben musste für meine Sachen und Interessen und also nur einen kleinen Theil zu meinem Lebensunterhalt übrig behielt, so werden Sie mir meine Bitte,

nen Irreligiosität, Bosheit und Gottlosigkeit keinen blinden Glauben an Menschen hege, sondern mich fest an Sein Wort halte. Auf Gott und nicht auf Menschen Rath sollst du dein Glück bauen und Dem Der dich geschaffen hat, von ganzer Seele trauen! Auch Sie und Ihre Brüder wird Gott mit der Zeit überzeugen, ob diese Personen Seine Boten oder Gefässe der Bosheit, des Betrugs, der Politik einer im finstern schleichenden Hierarchie des Antichrists und dergl[eichen] sind. Wir wollen unsere Freundschaft nicht ferner durch Secktirerey und Partheygeist vergiften, aber thun Sie mir die Liebe, wenn Ihnen Gott Ihre noch delicate Gesundheit in diesem herrlichen Frühjahr mehr befestigt und schreiben Sie mir öfter und umständlicher. Ich habe Ihnen in meinem letzten Schreiben die Mittel gesagt, wie Sie durch die vielen dortigen Deutschen, ja nürnberger Kaufleute directe und sicher an mich hierher schreiben können, da Nürnberg einen so grossen Handel mit Moscau directe führet; ich werde es als einen Beweis Ihrer fortdauernden Freundschaft ansehen, wenn Sie mir directe durch nürenberger Kaufleute schreiben; Frenkel wird Ihnen dort genug nürnberger Kaufleute in den Buden auftreiben. Zu dem Ende schicke ich Ihnen zum 2-ten Mal meine Adresse, ich habe mein Quartier verändern müssen und wohne jetzt bei einem Manne, der bloss von Handel nach Russland lebt: Herrn Heinr[ich] Jac[ob] Von Schroeder in Nürnberg, logiert in der Wirs[c]hinger Kunsthandl[ung] unter den Westen. Dieser Wirs[c]hing schickt alle die schönsten Kupfer und Bilder nach Petersburg; wenn er nach Moscau directe handelte, würden Sie diesen Brief schon durch Wirs[c]hings Correspondenten erhalten haben, weil Ihr Brief von Monat März erst im Juny in meine Hände gekommen und wenn ein Wechsel drin gewesen wäre, derselbe bereits längst verfallen wäre, ehe er von hier wieder nach Amsterdam kommt. Ich muss Sie auch bitten, das Praedicat Baron von meiner Adresse wegzulassen, weil ich mich hier bloss mit meinem Namen angegeben, auch den Land-Jägermeister weggeworfen haben, um desto oeconomischer leben zu können. Ich halte sogar keinen Bedienten, zum ersten Mal in meinem ganzen Leben, um nur zu subsistiren; der Krieg mit Franckreich macht hier alle Lebensmittel so theuer, dass ich Mühe habe mit aller Oeconomie hier auszukommen.

Auch besteht meine Börse jetzt bloss in 50 Rthl. Sie sehen leicht ein, dass es mir unmöglich wird, damit bis zum Winter, wo Sie mir vielleicht die Interessen vom Jahr 1792 zuschicken, auszukommen, und werden sich wundern, wie ich den vorigen Wechsel sobald habe durchbringen können. Wenn Sie aber den schlechten Cours bedenken und erfahren, dass ich einen grossen Theil des Wechsels, wegen des Elends, worin ich stehe, dass ich alle meine Sachen versetzen musste, gleich baar weggeben musste für meine Sachen und Interessen und also nur einen kleinen Theil zu meinem Lebensunterhalt übrig behielt, so werden Sie mir meine Bitte,

mir sogleich nach Empfang dieses Schreibens einen Theil meiner diesjährigen Interessen zu übersenden damit ich nicht zum 2-ten Mal hier als ein Fremder in die schimpfliche Nothwendigkeit gesetzt werde meine Sachen vom Leib in Versatz zu geben; ich habe hier keinen einzigen bekannten Menschen, daher ist solcher Versatz immer mit wahrer Prostitution und grossen Kosten verbunden.

Was Sie mir von Regulierung meiner Geldforderungen an die vormahlige Compagnie schreiben, habe ich nicht verstanden, ich muss also abwarten, was ihr Brief, den Sie mir pour sûr im Juny versprochen haben, mir für nähere Aufklärung darüber giebt, besonders da der Monat Juny bereits da ist, und ich also den versprochenen Brief eben so bald von Ihnen erhalten kann, als Sie diesen, den ich durch den lieben Br. Velox sende, von mir bekommen. Ich füge daher nur noch das einzige zu meinem letzten Brief hinzu. Glauben Sie nicht, dass mein Herz an Geld hängt, aber ich bin in Schulden: NB. habe diese Schulden machen müssen, die fressen mich durch die jüdischen Interessen beinahe auf, die Melancholie über solche unglückliche Lage schwächt meinen Geist, zerdrückt mein Herz, dies ist für mich endlich ganz unerträglich worden, und daher bitte ich Sie die jetzige Gelegenheit mit der Veränderung der Compagnie als mein Freund zu nützen, dass ich aus dieser infamen Situation herauskomme. Schreiben Sie mir doch, wer hat sich des seeligen Reichel hinterlassenen schönen Tochter angenommen? Wer hat seine Ordens-Bücher u. dergl[eichen] bekommen? Wer hat seine Schulden bezahlt? Wie ist dieser vortreffliche Mann gestorben? Wer drückte ihm die Augen zu? Sie antworten mir nicht ein Wort, wegen meiner Ihnen vorgelegten Fragen, den bewusten Coffre betreffend. Werden Sie mir denselben zuschicken, wenn ich ihn verlange? Auf diese Frage werde ich eine bestimmte zuverlässige, aber keine equivoque Antwort haben? Ich muss sie ohne Fehl bekommen; dass meine kleinen Pupillen mit ihrer Mutter wohl sind, freut mich herzlich; wie sehr ich wünschte Particularia von den dortigen Verhältnissen z. B. zwischen Frenkel und Colovion *) u. s. w. zu wissen, können Sie leicht denken! Empfehlen Sie mich Ihrer Familie und allen dortigen Freunden. Sehen wir uns in dieser Welt noch 1 mahl wieder, dann sollen Sie sich wundern.

Ihr Fr[eund] u[nd] Br[uder] S[acerdos].

195. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 19 іюля, 1792.

Насилу, мой другъ, чрезъ семь недѣль получилъ я отъ тебя письмо, которое, хотя въ четырехъ строкахъ, но, удостовѣряя меня,

*) Н. И. Новиковъ.

mir sogleich nach Empfang dieses Schreibens einen Theil meiner diesjährigen Interessen zu übersenden damit ich nicht zum 2-ten Mal hier als ein Fremder in die schimpfliche Nothwendigkeit gesetzt werde meine Sachen vom Leib in Versatz zu geben; ich habe hier keinen einzigen bekannten Menschen, daher ist solcher Versatz immer mit wahrer Prostitution und grossen Kosten verbunden.

Was Sie mir von Regulierung meiner Geldforderungen an die vormahlige Compagnie schreiben, habe ich nicht verstanden, ich muss also abwarten, was ihr Brief, den Sie mir pour sûr im Juny versprochen haben, mir für nähere Aufklärung darüber giebt, besonders da der Monat Juny bereits da ist, und ich also den versprochenen Brief eben so bald von Ihnen erhalten kann, als Sie diesen, den ich durch den lieben Br. Velox sende, von mir bekommen. Ich füge daher nur noch das einzige zu meinem letzten Brief hinzu. Glauben Sie nicht, dass mein Herz an Geld hängt, aber ich bin in Schulden: NB. habe diese Schulden machen müssen, die fressen mich durch die jüdischen Interessen beinahe auf, die Melancholie über solche unglückliche Lage schwächt meinen Geist, zerdrückt mein Herz, dies ist für mich endlich ganz unerträglich worden, und daher bitte ich Sie die jetzige Gelegenheit mit der Veränderung der Compagnie als mein Freund zu nützen, dass ich aus dieser infamen Situation herauskomme. Schreiben Sie mir doch, wer hat sich des seeligen Reichel hinterlassenen schönen Tochter angenommen? Wer hat seine Ordens-Bücher u. dergl[eichen] bekommen? Wer hat seine Schulden bezahlt? Wie ist dieser vortreffliche Mann gestorben? Wer drückte ihm die Augen zu? Sie antworten mir nicht ein Wort, wegen meiner Ihnen vorgelegten Fragen, den bewusten Coffre betreffend. Werden Sie mir denselben zuschicken, wenn ich ihn verlange? Auf diese Frage werde ich eine bestimmte zuverlässige, aber keine equivoque Antwort haben? Ich muss sie ohne Fehl bekommen; dass meine kleinen Pupillen mit ihrer Mutter wohl sind, freut mich herzlich; wie sehr ich wünschte Particularia von den dortigen Verhältnissen z. B. zwischen Frenkel und Colovion *) u. s. w. zu wissen, können Sie leicht denken! Empfehlen Sie mich Ihrer Familie und allen dortigen Freunden. Sehen wir uns in dieser Welt noch 1 mahl wieder, dann sollen Sie sich wundern.

Ihr Fr[eund] u[nd] Br[uder] S[acerdos].

195. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Москва. 19 іюля, 1792.

Насилу, мой другъ, чрезъ семь недѣль получилъ я отъ тебя письмо, которое, хотя въ четырехъ строкахъ, но, удостовѣряя меня,

*) Н. И. Новиковъ.

что ты здоровъ и спокоенъ, преисполнило сердце мое чувствами радости, которыхъ оно давно уже не ощущало. О себѣ скажу, что я здоровъ; но въ мысляхъ моихъ и чувствахъ такъ же безпокоенъ, какъ уже много разъ къ тебѣ описывалъ.

Богъ Спаситель нашъ да подкрѣпитъ и устроитъ пути наши, якоже Ему угодно и да творится въ насъ, съ нами и чрезъ насъ то, что Ему угодно, а не то, что мы хотимъ; но — полно объ этомъ! Это — такая матерія, которая безъ пользы меня разстраиваетъ и о которой я паки подтверждаю, что писать не могу, да и прошу тебя, чтобы ты не дѣлалъ на нее своихъ догадокъ, и не сообщалъ бы мнѣ опыхъ, но, предаваясь въ молитвѣ волѣ нашего Спасителя, воззывалъ къ Нему въ духѣ, да помилуетъ насъ всѣхъ, и да содѣлаетъ всѣхъ насъ путями, Ему благоугодными, чистыми и праведными какъ предъ очами Его, такъ и предъ очами человѣковъ, и чтобы утвердилъ насъ на путяхъ Его непоколебимыми и недремлющими.

Письмо отъ барона *) я получилъ, но напиши къ нему, что теперь мы не въ силахъ исполнить его требованія, и чтобы онъ увѣрился, что, какъ скоро мы въ силахъ будемъ, то его претензію исполнимъ; а между, тѣмъ, ежели у тебя есть нѣсколько излишнихъ денегъ, которыхъ онъ требуетъ въ процентъ его капитала, то, пожалуйста, ему доставь.

Прости, Христосъ съ тобою, пиши чаще о твоемъ здоровіи, да не забывай ставить числа: и послѣднее твое письмо безъ числа. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

196. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ, 3 августа, 1792.

Дражайшій другъ и братъ!

Извините, любезнѣйшій мой другъ, мое толь долговременное молчаніе; недосуги, которыхъ не имѣю нужды упоминать, суть тому причиною. Впрочемъ я увѣренъ, что вы не имѣете ни малаго поводу къ сомнѣніямъ о моей дружбѣ. Ваша грусть, упоминаемая въ двухъ послѣднихъ письмахъ, причиняетъ и мнѣ грусть. Не смѣю основываться на моихъ догадкахъ, но соображая тонъ вашего письма и относящееся къ моему товарищу *) подаетъ мнѣ нѣкоторый лучъ, по которому я достигаю къ источнику вашей грусти. Дай, Боже, чтобы я не ошибся! Но ежели догадки мои основательны, то кто же болѣе меня восчувствуетъ слѣдствія сего происшествія? Я не смѣю даже и останавливаться на сей мысли. Мы живемъ въ вѣкѣ странныхъ перемѣнъ; то позволительно

*) Бар. Шредеръ.

что ты здоровъ и спокоенъ, преисполнило сердце мое чувствами радости, которыхъ оно давно уже не ощущало. О себѣ скажу, что я здоровъ; но въ мысляхъ моихъ и чувствахъ такъ же безпокоенъ, какъ уже много разъ къ тебѣ описывалъ.

Богъ Спаситель нашъ да подкрѣпитъ и устроитъ пути наши, якоже Ему угодно и да творится въ насъ, съ нами и чрезъ насъ то, что Ему угодно, а не то, что мы хотимъ; но — полно объ этомъ! Это — такая матерія, которая безъ пользы меня разстраиваетъ и о которой я паки подтверждаю, что писать не могу, да и прошу тебя, чтобы ты не дѣлалъ на нее своихъ догадокъ, и не сообщалъ бы мнѣ опыхъ, но, предаваясь въ молитвѣ волѣ нашего Спасителя, воззывалъ къ Нему въ духѣ, да помилуетъ насъ всѣхъ, и да содѣлаетъ всѣхъ насъ путями, Ему благоугодными, чистыми и праведными какъ предъ очами Его, такъ и предъ очами человѣковъ, и чтобы утвердилъ насъ на путяхъ Его непоколебимыми и недремлющими.

Письмо отъ барона *) я получилъ, но напиши къ нему, что теперь мы не въ силахъ исполнить его требованія, и чтобы онъ увѣрился, что, какъ скоро мы въ силахъ будемъ, то его претензію исполнимъ; а между, тѣмъ, ежели у тебя есть нѣсколько излишнихъ денегъ, которыхъ онъ требуетъ въ процентъ его капитала, то, пожалуйста, ему доставь.

Прости, Христосъ съ тобою, пиши чаще о твоемъ здоровіи, да не забывай ставить числа: и послѣднее твое письмо безъ числа. Я тебя въ мысляхъ обнимаю.

196. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ, 3 августа, 1792.

Дражайшій другъ и братъ!

Извините, любезнѣйшій мой другъ, мое толь долговременное молчаніе; недосуги, которыхъ не имѣю нужды упоминать, суть тому причиною. Впрочемъ я увѣренъ, что вы не имѣете ни малаго поводу къ сомнѣніямъ о моей дружбѣ. Ваша грусть, упоминаемая въ двухъ послѣднихъ письмахъ, причиняетъ и мнѣ грусть. Не смѣю основываться на моихъ догадкахъ, но соображая тонъ вашего письма и относящееся къ моему товарищу *) подаетъ мнѣ нѣкоторый лучъ, по которому я достигаю къ источнику вашей грусти. Дай, Боже, чтобы я не ошибся! Но ежели догадки мои основательны, то кто же болѣе меня восчувствуетъ слѣдствія сего происшествія? Я не смѣю даже и останавливаться на сей мысли. Мы живемъ въ вѣкѣ странныхъ перемѣнъ; то позволительно

*) Бар. Шредеръ.

предполагать ихъ и тамъ, гдѣ бы имъ никогда и быть не надлежало. Ежели-бъ, не нарушая скромности, я смѣлъ просить объяснить нѣсколько ваше положеніе, то признаюсь, что отвѣтъ вашъ послужилъ бы мнѣ къ великому утѣшенію. Впрочемъ, все сіе зависитъ отъ васъ. Здѣсь у насъ ничего новаго нѣтъ, царствуетъ тишина. Ожидаютъ ежедневно извѣстія о дѣйствіяхъ здѣшнихъ войскъ. Слава Богу, исторія польская скоро кончилась, и кончилась согласно моимъ желаніямъ. Се новый лавръ въ вѣнцѣ Екатерины! Дай, Боже, чтобы и французская исторія кончилась такимъ же образомъ. Я, слава Богу, здоровъ, желаю и вамъ всѣмъ того же; не забывайте меня и будьте увѣрены въ моей непремѣнной дружбѣ.

197. А. М. КУТУЗОВЪ — М. Н. РАДИЩЕВУ.

Берлинъ. 3 августа, 1792.

Милостивый Государь Моисей Николаевичъ!

Отсутствіе мое тому причиною, что я такъ долго не отвѣчалъ на письмо, которымъ вы изволили меня удостоить. Возвратившись изъ моего пути, почитаю первымъ моимъ долгомъ возблагодарить васъ за ваше письмо такъ, какъ и за утѣшительное содержаніе онаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самое уменьшеніе нещастія можно уже почитать благополучіемъ, — точно таково состояніе моего дражайшаго друга *). По малой мѣрѣ имѣетъ онъ утѣшеніе зрѣть своихъ милыхъ дѣтей и упражняться посѣяніемъ въ нихъ сѣмянъ пріобрѣтенныхъ имъ опытовъ, поистинѣ весьма дорого ему стоящихъ. Ежели-бъ не опасался васъ обезпокоить, то просилъ бы, милостивый государь, отъ времени до времени увѣдомлять меня о состояніи моего сердечнаго друга, чѣмъ вы чувствительно меня обяжете. Пребываніе мое въ Берлинѣ продлится еще довольное время. Ежели-жъ случится мнѣ отбыть, то не оставлю васъ о томъ увѣдомить.

Впрочемъ пребуду навсегда, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга.

198. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 15/26 сентября, 1792.

Дражайшій мой другъ!

Двѣ уже почты не имѣю отъ васъ писемъ; не смѣю однако же упрекать, бывъ самъ часто виноватъ предъ вами. 21-е прошло такъ же, какъ прежніе дни; нѣтъ ничего новаго, всѣ молчатъ; ласкаются однако же надеждою, что скоро молчаніе прервется, но, какъ говорятъ, сіе

*) А. Н. Радищевъ.

предполагать ихъ и тамъ, гдѣ бы имъ никогда и быть не надлежало. Ежели-бъ, не нарушая скромности, я смѣлъ просить объяснить нѣсколько ваше положеніе, то признаюсь, что отвѣтъ вашъ послужилъ бы мнѣ къ великому утѣшенію. Впрочемъ, все сіе зависитъ отъ васъ. Здѣсь у насъ ничего новаго нѣтъ, царствуетъ тишина. Ожидаютъ ежедневно извѣстія о дѣйствіяхъ здѣшнихъ войскъ. Слава Богу, исторія польская скоро кончилась, и кончилась согласно моимъ желаніямъ. Се новый лавръ въ вѣнцѣ Екатерины! Дай, Боже, чтобы и французская исторія кончилась такимъ же образомъ. Я, слава Богу, здоровъ, желаю и вамъ всѣмъ того же; не забывайте меня и будьте увѣрены въ моей непремѣнной дружбѣ.

197. А. М. КУТУЗОВЪ — М. Н. РАДИЩЕВУ.

Берлинъ. 3 августа, 1792.

Милостивый Государь Моисей Николаевичъ!

Отсутствіе мое тому причиною, что я такъ долго не отвѣчалъ на письмо, которымъ вы изволили меня удостоить. Возвратившись изъ моего пути, почитаю первымъ моимъ долгомъ возблагодарить васъ за ваше письмо такъ, какъ и за утѣшительное содержаніе онаго. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ и самое уменьшеніе нещастія можно уже почитать благополучіемъ, — точно таково состояніе моего дражайшаго друга *). По малой мѣрѣ имѣетъ онъ утѣшеніе зрѣть своихъ милыхъ дѣтей и упражняться посѣяніемъ въ нихъ сѣмянъ пріобрѣтенныхъ имъ опытовъ, поистинѣ весьма дорого ему стоящихъ. Ежели-бъ не опасался васъ обезпокоить, то просилъ бы, милостивый государь, отъ времени до времени увѣдомлять меня о состояніи моего сердечнаго друга, чѣмъ вы чувствительно меня обяжете. Пребываніе мое въ Берлинѣ продлится еще довольное время. Ежели-жъ случится мнѣ отбыть, то не оставлю васъ о томъ увѣдомить.

Впрочемъ пребуду навсегда, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга.

198. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. П. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 15/26 сентября, 1792.

Дражайшій мой другъ!

Двѣ уже почты не имѣю отъ васъ писемъ; не смѣю однако же упрекать, бывъ самъ часто виноватъ предъ вами. 21-е прошло такъ же, какъ прежніе дни; нѣтъ ничего новаго, всѣ молчатъ; ласкаются однако же надеждою, что скоро молчаніе прервется, но, какъ говорятъ, сіе

*) А. Н. Радищевъ.

зависитъ нѣсколько отъ смутныхъ нынѣшнихъ обстоятельствъ въ Европѣ. Земля новыхъ XVIII вѣка каннбаловъ имѣетъ и здѣсь свое дѣйствіе. Время, въ которое устремляютъ всѣ мысли на истребленіе всѣхъ связей между человѣками, на разрушеніе числа, положенія и порядка, на изобрѣтеніе новыхъ средствъ къ пагубѣ своего ближняго, таковое время удобно-ли къ наукамъ, требующимъ внутренняго и внѣшняго спокойствія, тишины и единодушія? Что я назвалъ Францію обиталищемъ каннбаловъ, сіе ни мало не излишне. Въ день убійствъ швейцаровъ жители Парижа, поймавъ одного швейцарскаго маіора, изжарили его живого, изрѣзали въ мелкіе куски и принуждали всѣхъ ѣсть оные. Не думайте, что сіе есть выдумка враговъ новой, хотя и уничтоженной конституціи; нѣтъ, сіе происшествіе извѣщено намъ очевидными свидѣтелями. Но отвратимся отъ сея мрачныя и постыдныя картины!

Состояніе моего сопутешественника *) содѣлывается день отъ дня печальнѣйшимъ; все, что у него было, заложено или продано, и скоро уже лишится дневного пропитанія. Дороговизна въ здѣшнихъ мѣстахъ непостижима, кредитъ исчезаетъ; каждый, имѣющій деньги, скрываетъ ихъ въ безопасныя мѣста. Представьте же себѣ состояніе чужестранца! Истинно я неоднократно проливалъ о немъ слезы состраданія, но какое отъ сего получитъ онъ облегченіе? Ежели есть вамъ хотя малѣйшая возможность, помогите сему страждущему, я купно съ нимъ возлагаю руки на главу и взываю: помогите чадамъ вдовицы нафтальскія! — Простите, будьте счастливы; дай, Боже, чтобы вы не чувствовали намъ подобнаго.

199. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 9 октября, 1792. (18 октября).

Дражайшій другъ!

Тонъ послѣднихъ вашихъ писемъ и пропущеніе нѣсколькихъ почтъ причиняетъ мнѣ немалое безпокойство. Скромность запрещаетъ мнѣ любопытствовать узнать, что вы сокрыть стараетесь; но нѣтъ, темное ощущеніе говоритъ мнѣ, что тайна ваша касается и меня. Сіе бореніе возбуждаетъ мою природную ипохондрію, но я при всемъ томъ утѣшаюсь помощію Всевышняго, который по сіе время не переставалъ меня покровительствовать. Одну просьбу, думаю, не отринете вы. Ежели ваша тайна можетъ имѣть слѣдствіе на мое здѣшнее пребываніе, то не скрывайте отъ меня оныя; во всякомъ иномъ случаѣ полагаюсь на ваше благоразсужденіе и на вашу дружбу. Бога ради, постарайтесь облегчить

*) Бар. Шредеръ.

зависитъ нѣсколько отъ смутныхъ нынѣшнихъ обстоятельствъ въ Европѣ. Земля новыхъ XVIII вѣка каннбаловъ имѣетъ и здѣсь свое дѣйствіе. Время, въ которое устремляютъ всѣ мысли на истребленіе всѣхъ связей между человѣками, на разрушеніе числа, положенія и порядка, на изобрѣтеніе новыхъ средствъ къ пагубѣ своего ближняго, таковое время удобно-ли къ наукамъ, требующимъ внутренняго и внѣшняго спокойствія, тишины и единодушія? Что я назвалъ Францію обиталищемъ каннбаловъ, сіе ни мало не излишне. Въ день убійствъ швейцаровъ жители Парижа, поймавъ одного швейцарскаго маіора, изжарили его живого, изрѣзали въ мелкіе куски и принуждали всѣхъ ѣсть оные. Не думайте, что сіе есть выдумка враговъ новой, хотя и уничтоженной конституціи; нѣтъ, сіе происшествіе извѣщено намъ очевидными свидѣтелями. Но отвратимся отъ сея мрачныя и постыдныя картины!

Состояніе моего сопутешественника *) содѣлывается день отъ дня печальнѣйшимъ; все, что у него было, заложено или продано, и скоро уже лишится дневного пропитанія. Дороговизна въ здѣшнихъ мѣстахъ непостижима, кредитъ исчезаетъ; каждый, имѣющій деньги, скрываетъ ихъ въ безопасныя мѣста. Представьте же себѣ состояніе чужестранца! Истинно я неоднократно проливалъ о немъ слезы состраданія, но какое отъ сего получитъ онъ облегченіе? Ежели есть вамъ хотя малѣйшая возможность, помогите сему страждущему, я купно съ нимъ возлагаю руки на главу и взываю: помогите чадамъ вдовицы нафтальскія! — Простите, будьте счастливы; дай, Боже, чтобы вы не чувствовали намъ подобнаго.

199. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 9 октября, 1792. (18 октября).

Дражайшій другъ!

Тонъ послѣднихъ вашихъ писемъ и пропущеніе нѣсколькихъ почтъ причиняетъ мнѣ немалое безпокойство. Скромность запрещаетъ мнѣ любопытствовать узнать, что вы сокрыть стараетесь; но нѣтъ, темное ощущеніе говоритъ мнѣ, что тайна ваша касается и меня. Сіе бореніе возбуждаетъ мою природную ипохондрію, но я при всемъ томъ утѣшаюсь помощію Всевышняго, который по сіе время не переставалъ меня покровительствовать. Одну просьбу, думаю, не отринете вы. Ежели ваша тайна можетъ имѣть слѣдствіе на мое здѣшнее пребываніе, то не скрывайте отъ меня оныя; во всякомъ иномъ случаѣ полагаюсь на ваше благоразсужденіе и на вашу дружбу. Бога ради, постарайтесь облегчить

*) Бар. Шредеръ.

состояніе моего сопутешественника *); оно таково, что сердце мое обливается кровью, помышляя о семъ. Простите; дай, Боже, вамъ всякаго благополучія; обымите всѣхъ нашихъ.

200. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 6 ноября, 1792. (25 ноября).

Дражайшій другъ!

Мракъ, покрывавшій смыслъ многихъ донынѣ непостигаемыхъ мною словъ въ вашихъ письмахъ, начинаетъ разсѣваться. Я усматриваю, хотя еще и неясно, постигнувшее и ожидаю безпрестанно могущаго постигнуть насъ. Но оставимъ сію струну; касаться оныя опасно. Можетъ быть, вы имѣли и имѣете важныя причины скрывать отъ меня то, что весьма близко меня касается. Я знаю ваше сердце, увѣренъ въ вашей ко мнѣ дружбѣ; какъ же могу обвинять васъ, не зная вашихъ обстоятельствъ? Долговременные опыты научили меня быть осторожнымъ въ сужденіи моего ближняго; ибо знаю, сколь дерзко, сколь страшно основываться на догадкахъ и на разсѣянныхъ страхахъ. Истину сего испыталъ я, къ нещастію, на самомъ мнѣ. Ежели-бъ каждый человѣкъ восполнилъ свои несовершенства и ограниченность своихъ силъ, колико-бъ ослабѣли стрѣлы клеветы и колико-бъ уменьшилось число гонителей и гонимыхъ! Но, увы, рѣдко судимъ, а и того рѣже дѣйствуемъ съ хладнокровіемъ. Пылкость нашихъ страстей изощряетъ наше воображеніе, сопутешествуетъ намъ повсюду. Мечты наши представляются намъ сущностію и мы находимъ ихъ въ каждомъ почти человѣкѣ, отличающемся отъ насъ во мнѣніяхъ. Всѣ вѣка свидѣтельствуютъ сію истину; времена премѣнились, но человѣкъ пребылъ и пребудетъ человѣкомъ. Почто же приносить жалобу на то, что дѣйствіе проистекаетъ изъ причины?

Сіе предисловіе заставитъ васъ, можетъ быть, думать, что содержаніе вашего письма меня оскорбило. Нѣтъ, дражайшій другъ, — прочитавъ ваше письмо, пребылъ я хладнокровенъ; скажу еще болѣе, можетъ быть, бывъ въ иныхъ обстоятельствахъ, я бы чрезвычайно обрадовался. Вы знаете, что я съ младенчества имѣю отмѣнную любовь къ моему отечеству; знаете, что я оставилъ тамъ моихъ родныхъ и друзей; можете-ли же усумниться въ радости, которую я ощутилъ, услыша гласъ, зовущій меня къ симъ толико дражайшимъ мнѣ предметамъ?

Но радость моя нарушается встрѣчающимися мнѣ препятствіями, которыхъ вы, можетъ быть, не предвидѣли. Вопервыхъ, состояніе моего

*) Бар. Шредеръ.

состояніе моего сопутешественника *); оно таково, что сердце мое обливается кровью, помышляя о семъ. Простите; дай, Боже, вамъ всякаго благополучія; обымите всѣхъ нашихъ.

200. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 6 ноября, 1792. (25 ноября).

Дражайшій другъ!

Мракъ, покрывавшій смыслъ многихъ донынѣ непостигаемыхъ мною словъ въ вашихъ письмахъ, начинаетъ разсѣваться. Я усматриваю, хотя еще и неясно, постигнувшее и ожидаю безпрестанно могущаго постигнуть насъ. Но оставимъ сію струну; касаться оныя опасно. Можетъ быть, вы имѣли и имѣете важныя причины скрывать отъ меня то, что весьма близко меня касается. Я знаю ваше сердце, увѣренъ въ вашей ко мнѣ дружбѣ; какъ же могу обвинять васъ, не зная вашихъ обстоятельствъ? Долговременные опыты научили меня быть осторожнымъ въ сужденіи моего ближняго; ибо знаю, сколь дерзко, сколь страшно основываться на догадкахъ и на разсѣянныхъ страхахъ. Истину сего испыталъ я, къ нещастію, на самомъ мнѣ. Ежели-бъ каждый человѣкъ восполнилъ свои несовершенства и ограниченность своихъ силъ, колико-бъ ослабѣли стрѣлы клеветы и колико-бъ уменьшилось число гонителей и гонимыхъ! Но, увы, рѣдко судимъ, а и того рѣже дѣйствуемъ съ хладнокровіемъ. Пылкость нашихъ страстей изощряетъ наше воображеніе, сопутешествуетъ намъ повсюду. Мечты наши представляются намъ сущностію и мы находимъ ихъ въ каждомъ почти человѣкѣ, отличающемся отъ насъ во мнѣніяхъ. Всѣ вѣка свидѣтельствуютъ сію истину; времена премѣнились, но человѣкъ пребылъ и пребудетъ человѣкомъ. Почто же приносить жалобу на то, что дѣйствіе проистекаетъ изъ причины?

Сіе предисловіе заставитъ васъ, можетъ быть, думать, что содержаніе вашего письма меня оскорбило. Нѣтъ, дражайшій другъ, — прочитавъ ваше письмо, пребылъ я хладнокровенъ; скажу еще болѣе, можетъ быть, бывъ въ иныхъ обстоятельствахъ, я бы чрезвычайно обрадовался. Вы знаете, что я съ младенчества имѣю отмѣнную любовь къ моему отечеству; знаете, что я оставилъ тамъ моихъ родныхъ и друзей; можете-ли же усумниться въ радости, которую я ощутилъ, услыша гласъ, зовущій меня къ симъ толико дражайшимъ мнѣ предметамъ?

Но радость моя нарушается встрѣчающимися мнѣ препятствіями, которыхъ вы, можетъ быть, не предвидѣли. Вопервыхъ, состояніе моего

*) Бар. Шредеръ.

здоровья не позволяетъ мнѣ пуститься въ толь дальный путь при нынѣшней осенней погодѣ; но думаю я презрилъ бы и сіе, хотя и важное, обстоятельство, ежели-бъ пустота моего кошелька не представляла мнѣ совершенно непреоборимыя преграды.

Въ письмѣ вашемъ вы говорите ясно, что отнынѣ всѣ братскія связи навсегда разрываются; слѣдовательно, какъ я и самъ удостовѣренъ въ семъ названіи, не имѣю я никакого права дѣлать хотя какое либо малѣйшее требованіе. Но разрывъ, имѣющій основаніемъ систему мнѣній, не долженъ, да и не можетъ, кажется мнѣ, разрывать связей сердца и человѣчества. Впрочемъ и первая связь не дѣлаетъ меня виновнымъ въ слѣдствіяхъ, отъ оныя происшедшихъ. Итакъ не въ званіи брата, но какъ человѣкъ и другъ, прошу васъ прислать мнѣ, какъ возможно скорѣе, три тысячи талеровъ (о курсѣ можно справиться у банкировъ), дабы я при первой оттепели могъ пуститься въ мой путь. По пріѣздѣ моемъ я заложу, а ежели нужда потребуетъ, и продамъ послѣднюю мою деревнишку, дабы возвратить вамъ сію сумму. Увѣдомьте также, на чье имя могу я переслать книги, мною здѣсь въ разныя времена купленныя, ибо я не имѣю теперь никого въ С.-Петербургѣ. Я такъ увѣренъ въ вашей дружбѣ, что напередъ уже восхищаюсь скорымъ узрѣніемъ моего любезнаго отечества. Присовокупите къ сему исполненіе долголѣтняго моего желанія проводить остатокъ дней моихъ уединенно въ деревнѣ, гдѣ, кромѣ моего брата *), я никого не имѣю знакомыхъ и, слѣдовательно, могу жить такъ, какъ отшельникъ.

Бога ради, исполните оную просьбу, соблюдите мое доброе имя, совокупленное въ семъ случаѣ съ собственнымъ вашимъ, и не ввергните меня въ крайность, могущую привести къ отчаяннымъ дѣйствіямъ. Желаніе вашего письма я исполняю и частію уже исполнилъ.

201. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 13 ноября, 1792. (30 ноября).

Дражайшій другъ!

Долголѣтнее наше знакомство, одолженія, которыми я отъ васъ пользовался, а болѣе всего ваше сердце увѣряютъ меня, что никакія обстоятельства не могутъ отнять у меня сего названія. Ежели я не исполняю вашего желанія не писать къ вамъ болѣе, то причиною сему то, что я горю исполнять оное совершенно или, сказать яснѣе, горю желаніемъ возвратиться въ мое любезное отечество. Но какъ возвращеніе мое зависитъ отъ васъ, то и повторяю мою просьбу о скорѣйшемъ переводѣ денегъ, дабы я могъ обнять васъ, друзей моихъ, и сохранить

*) Ф. М. Кутузовъ.

здоровья не позволяетъ мнѣ пуститься въ толь дальный путь при нынѣшней осенней погодѣ; но думаю я презрилъ бы и сіе, хотя и важное, обстоятельство, ежели-бъ пустота моего кошелька не представляла мнѣ совершенно непреоборимыя преграды.

Въ письмѣ вашемъ вы говорите ясно, что отнынѣ всѣ братскія связи навсегда разрываются; слѣдовательно, какъ я и самъ удостовѣренъ въ семъ названіи, не имѣю я никакого права дѣлать хотя какое либо малѣйшее требованіе. Но разрывъ, имѣющій основаніемъ систему мнѣній, не долженъ, да и не можетъ, кажется мнѣ, разрывать связей сердца и человѣчества. Впрочемъ и первая связь не дѣлаетъ меня виновнымъ въ слѣдствіяхъ, отъ оныя происшедшихъ. Итакъ не въ званіи брата, но какъ человѣкъ и другъ, прошу васъ прислать мнѣ, какъ возможно скорѣе, три тысячи талеровъ (о курсѣ можно справиться у банкировъ), дабы я при первой оттепели могъ пуститься въ мой путь. По пріѣздѣ моемъ я заложу, а ежели нужда потребуетъ, и продамъ послѣднюю мою деревнишку, дабы возвратить вамъ сію сумму. Увѣдомьте также, на чье имя могу я переслать книги, мною здѣсь въ разныя времена купленныя, ибо я не имѣю теперь никого въ С.-Петербургѣ. Я такъ увѣренъ въ вашей дружбѣ, что напередъ уже восхищаюсь скорымъ узрѣніемъ моего любезнаго отечества. Присовокупите къ сему исполненіе долголѣтняго моего желанія проводить остатокъ дней моихъ уединенно въ деревнѣ, гдѣ, кромѣ моего брата *), я никого не имѣю знакомыхъ и, слѣдовательно, могу жить такъ, какъ отшельникъ.

Бога ради, исполните оную просьбу, соблюдите мое доброе имя, совокупленное въ семъ случаѣ съ собственнымъ вашимъ, и не ввергните меня въ крайность, могущую привести къ отчаяннымъ дѣйствіямъ. Желаніе вашего письма я исполняю и частію уже исполнилъ.

201. А. М. КУТУЗОВЪ — кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОМУ.

Берлинъ. 13 ноября, 1792. (30 ноября).

Дражайшій другъ!

Долголѣтнее наше знакомство, одолженія, которыми я отъ васъ пользовался, а болѣе всего ваше сердце увѣряютъ меня, что никакія обстоятельства не могутъ отнять у меня сего названія. Ежели я не исполняю вашего желанія не писать къ вамъ болѣе, то причиною сему то, что я горю исполнять оное совершенно или, сказать яснѣе, горю желаніемъ возвратиться въ мое любезное отечество. Но какъ возвращеніе мое зависитъ отъ васъ, то и повторяю мою просьбу о скорѣйшемъ переводѣ денегъ, дабы я могъ обнять васъ, друзей моихъ, и сохранить

*) Ф. М. Кутузовъ.

мое доброе имя, которое мнѣ всего дороже въ мірѣ. Я не намѣренъ утруждать ваше терпѣніе, описывая мое положеніе. Оно должно быть вамъ извѣстно и вы можете знать, сколь оно печально. Все сіе подаетъ мнѣ надежду, что вы не затворите вашихъ ушей къ просьбѣ вашего друга. Приложенное при семъ письмо прошу переслать, какъ можно скорѣе, къ моему брату. Оно содержитъ мою просьбу о учрежденіи будущаго моего жилища. Остатокъ моей жизни посвящаю я уединенію, ежели только не исполнится на мнѣ французская пословица: l'homme propose et Dieu dispose. Съ нетерпѣніемъ ожидаю удовлетворительнаго отвѣта и увѣряю васъ, что ничто не можетъ ослабить той дружбы, которую къ вамъ имѣлъ и нынѣ имѣю. Всѣхъ любящихъ меня прошу обнять. Дай, Боже, скорѣе намъ увидѣться.

202. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 13 ноября, 1792. (30 ноября).

Милостивый Государь мой, братецъ Федоръ Михайловичъ!

Я увѣренъ, что вамъ происходящее въ нашемъ отечествѣ гораздо извѣстнѣе, нежели мнѣ, и, слѣдовательно, вступать въ изъясненія будетъ весьма излишно. Кратко скажу вамъ, что источникъ, изъ котораго почерпалъ я мое содержаніе, пресѣкся, и я чрезъ сіе обстоятельство не токмо лишился знатныя суммы, но и приведенъ въ такое положеніе, изъ котораго выкарабкаться весьма трудно; однимъ словомъ, безъ вашей помощи сіе почти невозможно. Представьте себѣ человѣка, находящагося въ чужихъ земляхъ, располагающаго содержаніе свое по суммѣ, которую при отъѣздѣ своемъ ввѣрилъ своему другу, представьте себѣ человѣка, получающаго извѣстіе, что сей его другъ непредвидимыми обстоятельствами приведенъ въ величайшее нещастіе и лишенъ всего имѣнія. Вотъ точно мое положеніе. Я не токмо не имѣю теперь нужнаго для моего возвращенія, но даже не имѣю, чѣмъ заплатить малыхъ моихъ долговъ, которые принужденъ былъ здѣсь сдѣлать. Признаюсь, что, ежели-бъ не увѣренъ былъ въ вашей братской дружбѣ, то бы сей нечаянный ударъ могъ привести меня въ отчаяніе. Но я надѣюсь, что не токмо ваша дружба, которою вы удостоивали меня съ самаго моего ребячества, но и собственная ваша честь не попуститъ васъ подать на поруганіе человѣка, носящаго съ вами одно имя. И такъ я съ твердымъ упованіемъ прибѣгаю къ вамъ, прося вашей помощи. Бога ради, пришлите мнѣ какъ можно скорѣе двѣ тысячи рублей (включая въ сію сумму и мой годовой доходъ). Получивъ сіи деньги, ни мало не мѣшкая, отправлюсь я въ мое отечество и пріѣду прямо въ ваши объятія. И тамъ въ уединеніи намѣренъ [я] проводить остатокъ дней моей жизни. Болѣе писать я теперь не въ состояніи, ибо положеніе мое разстроило всѣ мои мысли.

мое доброе имя, которое мнѣ всего дороже въ мірѣ. Я не намѣренъ утруждать ваше терпѣніе, описывая мое положеніе. Оно должно быть вамъ извѣстно и вы можете знать, сколь оно печально. Все сіе подаетъ мнѣ надежду, что вы не затворите вашихъ ушей къ просьбѣ вашего друга. Приложенное при семъ письмо прошу переслать, какъ можно скорѣе, къ моему брату. Оно содержитъ мою просьбу о учрежденіи будущаго моего жилища. Остатокъ моей жизни посвящаю я уединенію, ежели только не исполнится на мнѣ французская пословица: l'homme propose et Dieu dispose. Съ нетерпѣніемъ ожидаю удовлетворительнаго отвѣта и увѣряю васъ, что ничто не можетъ ослабить той дружбы, которую къ вамъ имѣлъ и нынѣ имѣю. Всѣхъ любящихъ меня прошу обнять. Дай, Боже, скорѣе намъ увидѣться.

202. А. М. КУТУЗОВЪ — Ф. М. КУТУЗОВУ.

Берлинъ. 13 ноября, 1792. (30 ноября).

Милостивый Государь мой, братецъ Федоръ Михайловичъ!

Я увѣренъ, что вамъ происходящее въ нашемъ отечествѣ гораздо извѣстнѣе, нежели мнѣ, и, слѣдовательно, вступать въ изъясненія будетъ весьма излишно. Кратко скажу вамъ, что источникъ, изъ котораго почерпалъ я мое содержаніе, пресѣкся, и я чрезъ сіе обстоятельство не токмо лишился знатныя суммы, но и приведенъ въ такое положеніе, изъ котораго выкарабкаться весьма трудно; однимъ словомъ, безъ вашей помощи сіе почти невозможно. Представьте себѣ человѣка, находящагося въ чужихъ земляхъ, располагающаго содержаніе свое по суммѣ, которую при отъѣздѣ своемъ ввѣрилъ своему другу, представьте себѣ человѣка, получающаго извѣстіе, что сей его другъ непредвидимыми обстоятельствами приведенъ въ величайшее нещастіе и лишенъ всего имѣнія. Вотъ точно мое положеніе. Я не токмо не имѣю теперь нужнаго для моего возвращенія, но даже не имѣю, чѣмъ заплатить малыхъ моихъ долговъ, которые принужденъ былъ здѣсь сдѣлать. Признаюсь, что, ежели-бъ не увѣренъ былъ въ вашей братской дружбѣ, то бы сей нечаянный ударъ могъ привести меня въ отчаяніе. Но я надѣюсь, что не токмо ваша дружба, которою вы удостоивали меня съ самаго моего ребячества, но и собственная ваша честь не попуститъ васъ подать на поруганіе человѣка, носящаго съ вами одно имя. И такъ я съ твердымъ упованіемъ прибѣгаю къ вамъ, прося вашей помощи. Бога ради, пришлите мнѣ какъ можно скорѣе двѣ тысячи рублей (включая въ сію сумму и мой годовой доходъ). Получивъ сіи деньги, ни мало не мѣшкая, отправлюсь я въ мое отечество и пріѣду прямо въ ваши объятія. И тамъ въ уединеніи намѣренъ [я] проводить остатокъ дней моей жизни. Болѣе писать я теперь не въ состояніи, ибо положеніе мое разстроило всѣ мои мысли.

Еще повторяю, Бога ради, не отрините моей просьбы. Впрочемъ ожидая благосклоннаго отвѣта, пребуду на всегда вашъ вѣрный другъ и братъ.

P. S. Прошу пріуготовить мнѣ мое жилище.

203. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Слобода Никитовка. 22 декабря, 1792. (13 января).

Любезный другъ Алексѣй Михайловичъ!

Благодарю тебя за два письма, мною отъ тебя полученныя. Скажу о себѣ, что я хотя не такъ боленъ, чтобъ лежать въ постели, но однако-жъ чувствую, все мое тѣло разстроено, наипаче-жъ всего желудокъ и глаза, которые начинаютъ очень болѣть; также и жена не очень здорова, а хуже всего, что въ здѣшней сторонѣ и доктора такого, на котораго бы можно положиться, нѣтъ.

Что принадлежитъ до требуемыхъ тобою у меня денегъ, то у меня ихъ такъ, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ; но я даю коммиссію брату *), который ѣдетъ въ Москву, чтобъ оныя сыскать; и ежели оныя могутъ найтиться, то ихъ къ тебѣ тотчасъ доставятъ. Я увѣренъ, что ты нетерпѣливо хочешь возвратиться въ Россію; но болѣзни твои допустятъли тебя скоро твое желаніе исполнить, не знаю. Прости, мой другъ, письмо къ твоему брату **) я отправилъ по почтѣ. Прости и вѣрь, что я навсегда твой истинный другъ.

Ты спрашиваешь совѣту, что тебѣ дѣлать и куды доставить купленныя тобою книги, — то мой совѣтъ, оныя, ежели возможно, продать; а впрочемъ поступи съ ними, какъ тебѣ заблагоразсудится.

---

*) Кн. Ю. Н. Трубецкой.

**) Ф. М. Кутузовъ.

Еще повторяю, Бога ради, не отрините моей просьбы. Впрочемъ ожидая благосклоннаго отвѣта, пребуду на всегда вашъ вѣрный другъ и братъ.

P. S. Прошу пріуготовить мнѣ мое жилище.

203. Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. М. КУТУЗОВУ.

Слобода Никитовка. 22 декабря, 1792. (13 января).

Любезный другъ Алексѣй Михайловичъ!

Благодарю тебя за два письма, мною отъ тебя полученныя. Скажу о себѣ, что я хотя не такъ боленъ, чтобъ лежать въ постели, но однако-жъ чувствую, все мое тѣло разстроено, наипаче-жъ всего желудокъ и глаза, которые начинаютъ очень болѣть; также и жена не очень здорова, а хуже всего, что въ здѣшней сторонѣ и доктора такого, на котораго бы можно положиться, нѣтъ.

Что принадлежитъ до требуемыхъ тобою у меня денегъ, то у меня ихъ такъ, какъ тебѣ извѣстно, нѣтъ; но я даю коммиссію брату *), который ѣдетъ въ Москву, чтобъ оныя сыскать; и ежели оныя могутъ найтиться, то ихъ къ тебѣ тотчасъ доставятъ. Я увѣренъ, что ты нетерпѣливо хочешь возвратиться въ Россію; но болѣзни твои допустятъли тебя скоро твое желаніе исполнить, не знаю. Прости, мой другъ, письмо къ твоему брату **) я отправилъ по почтѣ. Прости и вѣрь, что я навсегда твой истинный другъ.

Ты спрашиваешь совѣту, что тебѣ дѣлать и куды доставить купленныя тобою книги, — то мой совѣтъ, оныя, ежели возможно, продать; а впрочемъ поступи съ ними, какъ тебѣ заблагоразсудится.

---

*) Кн. Ю. Н. Трубецкой.

**) Ф. М. Кутузовъ.

ДНЕВНИКЪ БАР. Г. Я. ШРЕДЕРА.

№ 1. 1784.

Meines Alters im 28-sten Jahre oder in der Crisis von 4 mal 7, die auch den 23 oder 24-sten December n. S. durch «Elle ne sent ni l'un ni l'autre» ziemlich stark ward und sich nur durch geistliche Raserey oder unnatürliche Laster [17]85 im Winter etwas moderirte und den 12 Jan[uar] [17]85 durch totalen Korb noch stärker.

In der Nacht vom Montag auf den Dienstag krank in Petersburg angekommen.

Dienstag den... Oct[ober] früh zu Rschewsky, hundsföttisch von ihm behandelt, selbst nachdem er die Adresse des Erlasses gelesen. Heute sehr krank, so dass ich befürchte, ich muss hier liegenbleiben. Von ihm Br[uder] Reichel gesucht; ihn ½ 1 gefunden, bis ½ 8 Abends bey ihm gewesen. Einen ganz andern Mann gefunden dessen reines Gesicht mir gleich gefiel. Er war sehr freundschaftlich. Er kam in eine engl[ische] Loge des General Kingsley in der allieten Armee bis den 6-ten Grad; erhielt einen Recept[ions] Brief nach Schweden, gab ihn in Berlin ab. Der Gesandte mit diesem Briefe von Berlin aus, ein Doktor, desertirte; nachdem ging Baumann, der gab an Zinnendorf auf Reichel seinen Rath nicht alles. An Pfau, Golze und Manstein hat Reichel viel communicirt. Er sagt: Sophia ist so jaloux, dass man nicht einmal von ihr zu jemanden reden darf.

Wer einmal Erscheinung gehabt, und nur 3 Tage nicht in der Einfalt lebt, der braucht unbeschreib[lich] viel Ringen sie wiederzufinden. Er hat 92 Grad. Die wahren Rosen-Kreutzer sind die wahren Restaurateurs des Ordens in Europa; die Weisheit lässt sich nicht bey Menschen suchen. Die Traditionen sind sehr unsicher. Abraham war der erste Restaurateur der Maurerey in Aegypten. Die Memoires de la Chine machen ihm glauben, dass die Chineser die ächten Nachkommen Sems sind, und die wahre Maurerey besitzen. Ein Reisender hat auf dem Berge Libanon 7 oder 9 vortreffliche Brüder gefunden, und einen Discours mit ihnen drucken lassen, der sehr schön ist. R[usslan]d ist ein Kamel, das *) mit Kostbarkeiten beladen ist, sie aber selbst nicht kennt. Die Deutschen waren so dumm und ehrlich, haben sie ihm

*) Въ подлинникѣ: d e r.

ДНЕВНИКЪ БАР. Г. Я. ШРЕДЕРА.

№ 1. 1784.

Meines Alters im 28-sten Jahre oder in der Crisis von 4 mal 7, die auch den 23 oder 24-sten December n. S. durch «Elle ne sent ni l'un ni l'autre» ziemlich stark ward und sich nur durch geistliche Raserey oder unnatürliche Laster [17]85 im Winter etwas moderirte und den 12 Jan[uar] [17]85 durch totalen Korb noch stärker.

In der Nacht vom Montag auf den Dienstag krank in Petersburg angekommen.

Dienstag den... Oct[ober] früh zu Rschewsky, hundsföttisch von ihm behandelt, selbst nachdem er die Adresse des Erlasses gelesen. Heute sehr krank, so dass ich befürchte, ich muss hier liegenbleiben. Von ihm Br[uder] Reichel gesucht; ihn ½ 1 gefunden, bis ½ 8 Abends bey ihm gewesen. Einen ganz andern Mann gefunden dessen reines Gesicht mir gleich gefiel. Er war sehr freundschaftlich. Er kam in eine engl[ische] Loge des General Kingsley in der allieten Armee bis den 6-ten Grad; erhielt einen Recept[ions] Brief nach Schweden, gab ihn in Berlin ab. Der Gesandte mit diesem Briefe von Berlin aus, ein Doktor, desertirte; nachdem ging Baumann, der gab an Zinnendorf auf Reichel seinen Rath nicht alles. An Pfau, Golze und Manstein hat Reichel viel communicirt. Er sagt: Sophia ist so jaloux, dass man nicht einmal von ihr zu jemanden reden darf.

Wer einmal Erscheinung gehabt, und nur 3 Tage nicht in der Einfalt lebt, der braucht unbeschreib[lich] viel Ringen sie wiederzufinden. Er hat 92 Grad. Die wahren Rosen-Kreutzer sind die wahren Restaurateurs des Ordens in Europa; die Weisheit lässt sich nicht bey Menschen suchen. Die Traditionen sind sehr unsicher. Abraham war der erste Restaurateur der Maurerey in Aegypten. Die Memoires de la Chine machen ihm glauben, dass die Chineser die ächten Nachkommen Sems sind, und die wahre Maurerey besitzen. Ein Reisender hat auf dem Berge Libanon 7 oder 9 vortreffliche Brüder gefunden, und einen Discours mit ihnen drucken lassen, der sehr schön ist. R[usslan]d ist ein Kamel, das *) mit Kostbarkeiten beladen ist, sie aber selbst nicht kennt. Die Deutschen waren so dumm und ehrlich, haben sie ihm

*) Въ подлинникѣ: d e r.

kennen und gebrauchen gelehrt, darum treten sie sie mit Füssen. Der Mensch war schon vorher zum Fall bestimmt, um über alle Engel erhaben zu werden. Er glaubt, dass Troya nie existirt hat. In seiner Stube hängt die Tafel der Isis und 1 Gemählde aus Keves einen *) gr[iechischen] Auteur von R[eichel] in Deutsch übersetzt. Der Mensch muss sich fähig machen, dass die Männer, so die Maurerey haben, zu ihm kommen, er selbst wird die wahren Maurer nicht finden. Gelagin hat von Calliostro Gold machen lernen wollen, die Ingredienzen hat derselbe aus Pohlen schicken wollen, es ist aber nicht geschehen. Zur Naturkenntniss braucht man keinen Ofen mit verfluchten elementarisch **) Feuer. Ohne Natur kann man die Weisheit nicht finden, aber ohne Chymie; alles Arbeiten mit Kohlen ist nicht naturgemäss. Welling ist nur für vollkommene Meister geschrieben. Die wahre Maurerey muss verschwiegen seyn können, also die, die viele Bücher davon schreiben, ächte Maurer seyn. Cheraskow ist ihm böse, weil er ihm mal, aus Plato, was zu lesen gegeben über die Dichter. Kein Deutscher wird von Russen geliebt seyn, leicht geschmeichelt, wenn sie ihn brauchen, aber auch ebenso bald hernach mit Füssen getreten, und innerlich immer gehasst und veracht[et]. Er schätzt die Hernhuter.

Man muss nur in Collusion mit Russen kommen, und sie unter sich von Deutschen urtheilen hören. Ein schlechter Deutscher kann sein Glück hier machen, aber ein ehrlicher nie. Das leichte wankelmüthige der Nation beweist, dass der Grundcharakter nicht so wohl im Clima, als in den von der N[ation] erlittenen Revolutionen in älteren Zeiten herrührt. Es praeparirt sich schon alles zum Ende der Welt nach der Apocalipse. Freiherr von Schr[öder] in Wien hat ein schönes Buch über die Aufnahme Oesterreichs geschrieben. Man muss nicht par force die Weisheit jemanden lehren wollen, sie simpel sagen, und das Werk Gott überlassen. Einige Weisen haben die Maurerey unter ein 6 Eck, andere unter ein 5 Eck versteckt. Wer sie versteht, dem ***) ist es eins. So lange man jung, ist nicht an Weisheit zu denken, das Feuer muss erst verraucht seyn. Wir sind glücklicher, dass wir die Kenntniss des Guten und Bösen fühlbar erlangt haben, als die Engel, die sie nur anschaulich haben. Stille und Geduld so nothwendig die Weisheit zu finden. Iohann de Padua ist ächt für Lehrlinge. Böhm kleidete die Weisheit in das Kleid der Alchimie, damit sie mehr Ingress finden möge. Weder Geister citiren noch Gold machen ist der Zweck der Maurerey. Die Schweden haben auch sogar die ächten freym[aurerischen] Grade nicht mehr rein, und den Schlüssel mit Eklef ganz verlohren. Pythagoras nahm die Buchstaben φ υ λ ο ins gr[iechische] ABC. Diese 4 Hyeroglyphen standen über alle aegyptische Tempel. Die Hyeroglyphen der Kirche und der Maurerey sind egal. Er estimirt die gr[iechische] K[irche]. Wir Menschen müssen sinnliche Bilder haben als Erweckung zum Suchen der Weisheit, weil wir sinnlich sind. Weil die Weisheit der Menschen so nahe ist, darum finden Sie sie nicht, Sie glauben, sie ist in der Ferne und springen daher über sie weg.

---

*) Такъ въ подлинникѣ: einen.

**) Такъ въ подлинникѣ: verfluchten elementarisch.

***) Въ подлинникѣ: den.

kennen und gebrauchen gelehrt, darum treten sie sie mit Füssen. Der Mensch war schon vorher zum Fall bestimmt, um über alle Engel erhaben zu werden. Er glaubt, dass Troya nie existirt hat. In seiner Stube hängt die Tafel der Isis und 1 Gemählde aus Keves einen *) gr[iechischen] Auteur von R[eichel] in Deutsch übersetzt. Der Mensch muss sich fähig machen, dass die Männer, so die Maurerey haben, zu ihm kommen, er selbst wird die wahren Maurer nicht finden. Gelagin hat von Calliostro Gold machen lernen wollen, die Ingredienzen hat derselbe aus Pohlen schicken wollen, es ist aber nicht geschehen. Zur Naturkenntniss braucht man keinen Ofen mit verfluchten elementarisch **) Feuer. Ohne Natur kann man die Weisheit nicht finden, aber ohne Chymie; alles Arbeiten mit Kohlen ist nicht naturgemäss. Welling ist nur für vollkommene Meister geschrieben. Die wahre Maurerey muss verschwiegen seyn können, also die, die viele Bücher davon schreiben, ächte Maurer seyn. Cheraskow ist ihm böse, weil er ihm mal, aus Plato, was zu lesen gegeben über die Dichter. Kein Deutscher wird von Russen geliebt seyn, leicht geschmeichelt, wenn sie ihn brauchen, aber auch ebenso bald hernach mit Füssen getreten, und innerlich immer gehasst und veracht[et]. Er schätzt die Hernhuter.

Man muss nur in Collusion mit Russen kommen, und sie unter sich von Deutschen urtheilen hören. Ein schlechter Deutscher kann sein Glück hier machen, aber ein ehrlicher nie. Das leichte wankelmüthige der Nation beweist, dass der Grundcharakter nicht so wohl im Clima, als in den von der N[ation] erlittenen Revolutionen in älteren Zeiten herrührt. Es praeparirt sich schon alles zum Ende der Welt nach der Apocalipse. Freiherr von Schr[öder] in Wien hat ein schönes Buch über die Aufnahme Oesterreichs geschrieben. Man muss nicht par force die Weisheit jemanden lehren wollen, sie simpel sagen, und das Werk Gott überlassen. Einige Weisen haben die Maurerey unter ein 6 Eck, andere unter ein 5 Eck versteckt. Wer sie versteht, dem ***) ist es eins. So lange man jung, ist nicht an Weisheit zu denken, das Feuer muss erst verraucht seyn. Wir sind glücklicher, dass wir die Kenntniss des Guten und Bösen fühlbar erlangt haben, als die Engel, die sie nur anschaulich haben. Stille und Geduld so nothwendig die Weisheit zu finden. Iohann de Padua ist ächt für Lehrlinge. Böhm kleidete die Weisheit in das Kleid der Alchimie, damit sie mehr Ingress finden möge. Weder Geister citiren noch Gold machen ist der Zweck der Maurerey. Die Schweden haben auch sogar die ächten freym[aurerischen] Grade nicht mehr rein, und den Schlüssel mit Eklef ganz verlohren. Pythagoras nahm die Buchstaben φ υ λ ο ins gr[iechische] ABC. Diese 4 Hyeroglyphen standen über alle aegyptische Tempel. Die Hyeroglyphen der Kirche und der Maurerey sind egal. Er estimirt die gr[iechische] K[irche]. Wir Menschen müssen sinnliche Bilder haben als Erweckung zum Suchen der Weisheit, weil wir sinnlich sind. Weil die Weisheit der Menschen so nahe ist, darum finden Sie sie nicht, Sie glauben, sie ist in der Ferne und springen daher über sie weg.

*) Такъ въ подлинникѣ: einen.

**) Такъ въ подлинникѣ: verfluchten elementarisch.

***) Въ подлинникѣ: den.

Gott ist im Centro und der Mensch immer in der Peripherie herum, darum finden sie ihn mit so vieler Mühe. Ein Maurer muss kein Kopfhänger werden, dies ist ein grosser Irrweg, auf dem viele wandeln, er soll ja lieber freudiger, als andere Menschen seyn. Die Zeit auf der Welt ist so kostbar und wir haben viel zu lernen. Gelagin schläft, geht in Senat, isst und schläft. Er thut nicht leicht Böses, aber auch nichts Gutes; er sucht Gold machen. Der grösste Rechtsgelehrte muss hier wieder anfangen zu lernen, so fein und lustig sind die Krutschky. So bald ein Deutscher sich durch Verdienste distinguirt, ist er von der ganzen Nation verhasst. So lange er seine Verdienste verbirgt, sich hinter andere steckt, die mit seinem Haaken pflügen, ist er sicher von denselben geschmeichelt, aber nie estimirt.

Mittewoch. Den ganzen Tag zu Hause toll und verrückt über einen Brief aus Moskau. Wassokowitsch, Zwerak und Rschevsky bey mir. Der erste viel von einer Confusion in den hiesigen Logen gesprochen. Den ganzen Abend Briefe nach Moskau geschrieben. Rschevsky putzte die Lichter und sagte: «wir sind zu sehr im Dunkeln».

Donnerstag. Vom Lübschen Agenten hässlich über meine Carte blanche abgefertigt. Nach Tisch von Ulich die Versicherung erhalten, er wolle mir so viel Tausend borgen, als mein Oncle wollte. Den Abend vom 5 bis 9 bey Reichel. Er war eine Stunde kalt, endlich kamen wir so tief herein, dass er sagte: Sie haben viel Gutes gelesen, es ist aber nicht arrangirt, sie brauchen noch 15 Jahre ihr Feuer zu verlieren. Die wahre Cabale ist von Zerstörung des Sanhedrins zu Titus Zeiten zu suchen. Esra der 2-te stoppelte alles zusammen, und so entstand der Talmud, drum ist wenig Gutes und viel Schlechtes drin. Mitrefsky ist erstaunt neugierig, aber ein reiner Comediant. Die hier suchen, arbeiten alle auf Gold. Trubezkoy schickte ihm einen Russen, der einen Mönch zum Lehrer gehabt, auch gut griechisch versteht, der hat ihn aber verlassen. Wenn wir auch Christum gefunden haben, so ist das doch noch nicht alles. Weigelius war nahe an der Wahrheit, ist dennoch falsch. Oetinger hat im Reich eine Gesellschaft gestiftet, die sein Sohn fortgesetzt und auf Gold arbeitet *). Flud ward von seiner grossen Imagination irre geführt, schwang sich aber sehr hoch; Schwedenborg ist ihm unverständlich, darum wagt er nicht ihn zu beurtheilen. Daher kommen alle die neuen Rosen-Kreuzer-Schriften. Mesmer und P. Hill sind Betrüger, ersterer durch heimliche Gänge unter der Erde und Elektrisirerey. Er hat blos hysterische Weiber bis jetzt curirt. Annulus Platonis und Compas der Weisen sind falsch. Von den Astrall-Einflüssen will er nichts wissen. Die Bibel kann durch häufiges Lesen und Nachdenken verstanden werden. Die alten Rabiner verstanden unter Gesetz die 5 Bücher Moses ganz. Die Essener existiren noch. In London ist nur eine heimliche ächte Loge. Der hessische Cap. Linstaedt ist darin gewesen. Materie kann nicht Geist seyn. Werdet wie die Kinder heisst unschuldig, und ohne Stolz, wir sollen aber unsern Verstand zum Nachdenken anstrengen, dazu ist er uns gegeben. Es ist kein Lehrer als Gott. In der Maurerey ist die Wahrheit nicht zu suchen, sie ist nur so zu sagen ein Werst-

*) Въ подлинникѣ: arbeiten.

Gott ist im Centro und der Mensch immer in der Peripherie herum, darum finden sie ihn mit so vieler Mühe. Ein Maurer muss kein Kopfhänger werden, dies ist ein grosser Irrweg, auf dem viele wandeln, er soll ja lieber freudiger, als andere Menschen seyn. Die Zeit auf der Welt ist so kostbar und wir haben viel zu lernen. Gelagin schläft, geht in Senat, isst und schläft. Er thut nicht leicht Böses, aber auch nichts Gutes; er sucht Gold machen. Der grösste Rechtsgelehrte muss hier wieder anfangen zu lernen, so fein und lustig sind die Krutschky. So bald ein Deutscher sich durch Verdienste distinguirt, ist er von der ganzen Nation verhasst. So lange er seine Verdienste verbirgt, sich hinter andere steckt, die mit seinem Haaken pflügen, ist er sicher von denselben geschmeichelt, aber nie estimirt.

Mittewoch. Den ganzen Tag zu Hause toll und verrückt über einen Brief aus Moskau. Wassokowitsch, Zwerak und Rschevsky bey mir. Der erste viel von einer Confusion in den hiesigen Logen gesprochen. Den ganzen Abend Briefe nach Moskau geschrieben. Rschevsky putzte die Lichter und sagte: «wir sind zu sehr im Dunkeln».

Donnerstag. Vom Lübschen Agenten hässlich über meine Carte blanche abgefertigt. Nach Tisch von Ulich die Versicherung erhalten, er wolle mir so viel Tausend borgen, als mein Oncle wollte. Den Abend vom 5 bis 9 bey Reichel. Er war eine Stunde kalt, endlich kamen wir so tief herein, dass er sagte: Sie haben viel Gutes gelesen, es ist aber nicht arrangirt, sie brauchen noch 15 Jahre ihr Feuer zu verlieren. Die wahre Cabale ist von Zerstörung des Sanhedrins zu Titus Zeiten zu suchen. Esra der 2-te stoppelte alles zusammen, und so entstand der Talmud, drum ist wenig Gutes und viel Schlechtes drin. Mitrefsky ist erstaunt neugierig, aber ein reiner Comediant. Die hier suchen, arbeiten alle auf Gold. Trubezkoy schickte ihm einen Russen, der einen Mönch zum Lehrer gehabt, auch gut griechisch versteht, der hat ihn aber verlassen. Wenn wir auch Christum gefunden haben, so ist das doch noch nicht alles. Weigelius war nahe an der Wahrheit, ist dennoch falsch. Oetinger hat im Reich eine Gesellschaft gestiftet, die sein Sohn fortgesetzt und auf Gold arbeitet *). Flud ward von seiner grossen Imagination irre geführt, schwang sich aber sehr hoch; Schwedenborg ist ihm unverständlich, darum wagt er nicht ihn zu beurtheilen. Daher kommen alle die neuen Rosen-Kreuzer-Schriften. Mesmer und P. Hill sind Betrüger, ersterer durch heimliche Gänge unter der Erde und Elektrisirerey. Er hat blos hysterische Weiber bis jetzt curirt. Annulus Platonis und Compas der Weisen sind falsch. Von den Astrall-Einflüssen will er nichts wissen. Die Bibel kann durch häufiges Lesen und Nachdenken verstanden werden. Die alten Rabiner verstanden unter Gesetz die 5 Bücher Moses ganz. Die Essener existiren noch. In London ist nur eine heimliche ächte Loge. Der hessische Cap. Linstaedt ist darin gewesen. Materie kann nicht Geist seyn. Werdet wie die Kinder heisst unschuldig, und ohne Stolz, wir sollen aber unsern Verstand zum Nachdenken anstrengen, dazu ist er uns gegeben. Es ist kein Lehrer als Gott. In der Maurerey ist die Wahrheit nicht zu suchen, sie ist nur so zu sagen ein Werst-

*) Въ подлинникѣ: arbeiten.

pfahl. Dass Licht und Leben in der todten Materie sey, ist nicht wahr. Der Mensch kann seinen Leib beherrschen und den Geist der Seele zuwenden. Dass man nicht mehr braucht die Bibel zu lesen, wenn man die Wahrheit gefunden hat, ist hernhütisch. Die Masonnerie ist weder Religion noch Christenthum. Der Auctor «Des erreurs et de la verité» hat gewiss alles gesagt, was er gewusst, auch der ist nichts werth, führt nur ab. Die Gesellschaft in Holland, die das Urim und Thumim besitzt, ist nicht in Holland, sondern dieselbe von Oetinger, man muss 100 Rubel zum Entrée bezahlen. Von Christo hat er niemals anbinden wollen, da ist es nicht richtig. Die Moskauer deutsche Drukerey ist scandaleuse. Ely ist der Verfasser des Zadeyk. Rosenberg ein Windbeutel — Gelagin von ihm zum Provincial Gross-Meister constituirt. Das Wort «die Hügel 9 werden Gott preisen» setzt auch in der Grundsprache einen wirklichen Mund voraus, muss also mystisch verstanden werden. Meine Ideen einer Erde übern Himmel, der Finsternis des Abgrunds, von Lucifers Fall, dem Leibe Adams sind falsch. Die Wahrheit kann nicht in ein System gebracht werden, dennoch ist Speculation, sie zu finden, nöthig. Die Maurerey will einen homme fait, darum recipirt man keinen vor 24 Jahr, und darum ist sie für Russland viel zu früh. Ehe man in sich Gefühle bekommt, die man nicht ausdrücken kann, ist man der Wahrheit nicht nahe. Mit Zinnendorf hat er gebrochen, weil der Geld haben wollte. Er fragte, warum hat Gott den Himmel und die Erde aber kein Wasser im Anfange geschaffen, warum war Licht vor der Sonne u s. w. Die alten schwedischen Grade sind die ächten. Die stricte Observanz ist blos politisch. In Moskau macht man keine gute Auswahl mit dem Druck der Bücher, man sollte das lieber einstellen. Tretiakovsky ist ein gut ehrlich Blut, sucht aber nur Gold. Frehse ist ein ziemlich guter und ehrlicher Mann. Mir fehlt sehr das Nosce te ipsum; ich muss nicht mehr lesen, sondern verdauen.

Dorpat: auf Lenz ein rein und aufrichtig Gesicht und eine gute Absicht seines Suchens bemerkt; es wären in der Loge noch Brüder, die ihn in Kenntnissen weit überträfen; er wird sie sammeln bey meiner Retour, sie mir bekannt machen, einen Brief zur Vereinigung mit der Loge zu den 3 Fahnen mitgeben, und wünscht nicht Ritter Ordens, sondern Natur-Geheimnisse, die auf Christum aber gegründet seyn müssen. Er redete frey von den Juniorats Ackten und fragte mich gerade, ob wir in Moskau Rosen-Kreuzer wären? Die Loge ist von Böttfeyer, Rathsherr in Riga, auf Zinnendorfs Erlaubniss constituirt und besteht aus vielen vortrefflichen und fast lauter guten Gliedern.

Riga. Der A. Bergm[ann] hält Schwarz, Fröhlich u. andere für Schwärmer, correspondirt mit Willermoz, mit den *) Illuminaten, deren Ackten er in einem grossen Buch hat, glaubt aber, dass in Wismar noch viel versteckt ist im Clericat. Der Pastor B. wünscht sehnlichst die Clericats-Ackten zu haben. Der A. B[ergmann] sagt, das Clericat wäre schon in Wismar gewesen, wie Starck noch Compagnon war. In Petersburg wären ihm par force alle Ackten auf Firks Befehl weggenommen, er

*) Въ подлинникѣ: die.

pfahl. Dass Licht und Leben in der todten Materie sey, ist nicht wahr. Der Mensch kann seinen Leib beherrschen und den Geist der Seele zuwenden. Dass man nicht mehr braucht die Bibel zu lesen, wenn man die Wahrheit gefunden hat, ist hernhütisch. Die Masonnerie ist weder Religion noch Christenthum. Der Auctor «Des erreurs et de la verité» hat gewiss alles gesagt, was er gewusst, auch der ist nichts werth, führt nur ab. Die Gesellschaft in Holland, die das Urim und Thumim besitzt, ist nicht in Holland, sondern dieselbe von Oetinger, man muss 100 Rubel zum Entrée bezahlen. Von Christo hat er niemals anbinden wollen, da ist es nicht richtig. Die Moskauer deutsche Drukerey ist scandaleuse. Ely ist der Verfasser des Zadeyk. Rosenberg ein Windbeutel — Gelagin von ihm zum Provincial Gross-Meister constituirt. Das Wort «die Hügel 9 werden Gott preisen» setzt auch in der Grundsprache einen wirklichen Mund voraus, muss also mystisch verstanden werden. Meine Ideen einer Erde übern Himmel, der Finsternis des Abgrunds, von Lucifers Fall, dem Leibe Adams sind falsch. Die Wahrheit kann nicht in ein System gebracht werden, dennoch ist Speculation, sie zu finden, nöthig. Die Maurerey will einen homme fait, darum recipirt man keinen vor 24 Jahr, und darum ist sie für Russland viel zu früh. Ehe man in sich Gefühle bekommt, die man nicht ausdrücken kann, ist man der Wahrheit nicht nahe. Mit Zinnendorf hat er gebrochen, weil der Geld haben wollte. Er fragte, warum hat Gott den Himmel und die Erde aber kein Wasser im Anfange geschaffen, warum war Licht vor der Sonne u s. w. Die alten schwedischen Grade sind die ächten. Die stricte Observanz ist blos politisch. In Moskau macht man keine gute Auswahl mit dem Druck der Bücher, man sollte das lieber einstellen. Tretiakovsky ist ein gut ehrlich Blut, sucht aber nur Gold. Frehse ist ein ziemlich guter und ehrlicher Mann. Mir fehlt sehr das Nosce te ipsum; ich muss nicht mehr lesen, sondern verdauen.

Dorpat: auf Lenz ein rein und aufrichtig Gesicht und eine gute Absicht seines Suchens bemerkt; es wären in der Loge noch Brüder, die ihn in Kenntnissen weit überträfen; er wird sie sammeln bey meiner Retour, sie mir bekannt machen, einen Brief zur Vereinigung mit der Loge zu den 3 Fahnen mitgeben, und wünscht nicht Ritter Ordens, sondern Natur-Geheimnisse, die auf Christum aber gegründet seyn müssen. Er redete frey von den Juniorats Ackten und fragte mich gerade, ob wir in Moskau Rosen-Kreuzer wären? Die Loge ist von Böttfeyer, Rathsherr in Riga, auf Zinnendorfs Erlaubniss constituirt und besteht aus vielen vortrefflichen und fast lauter guten Gliedern.

Riga. Der A. Bergm[ann] hält Schwarz, Fröhlich u. andere für Schwärmer, correspondirt mit Willermoz, mit den *) Illuminaten, deren Ackten er in einem grossen Buch hat, glaubt aber, dass in Wismar noch viel versteckt ist im Clericat. Der Pastor B. wünscht sehnlichst die Clericats-Ackten zu haben. Der A. B[ergmann] sagt, das Clericat wäre schon in Wismar gewesen, wie Starck noch Compagnon war. In Petersburg wären ihm par force alle Ackten auf Firks Befehl weggenommen, er

*) Въ подлинникѣ: die.

hätte also daher nichts bringen können. Bode hätte mit vielem Verstand von der Maurerey geschrieben, und ihm viel communicirt. Die Brüder hatten eine hässliche Antwort auf ihre Declaration vom Herzog Ferd[inand] erhalten, die machten sie aber nicht bekannt. Er hält Pr[inz] Fr[iedrich] in Berlin für einen Heuchler, aber Pr[inz] Fr[iedrich] von Hessen für einen grossen Mann. Er will selbst mit der Zeit nochmal der Maurerey wegen reisen. Auf Willermoz und Bode hält er grosse Stücke, Stark für einen Betrüger. Der P[astor] B. hat aus Frankfurth am Mayn 9 R[osen] K[reuzer] Gr[ade] erhalten, wo aber nichts in ist. Im 9-ten Gr. ist die Fahne mit dem Lam, wie in den schwedischen Ackten, woraus sie genommen zu seyn scheinen.

In Kurland sind noch 2 Clerici: Graf Keyserling und Saken. Firks hat Schulden hinterlassen, daran ist der Pohl[nische] Legations-Rath Dörper in Mietau schuld, der lebt vom Orden; man nimmt 2 und mehr 100 Rubel für Receptionen.

Den 7-ten 9-ber n. S. in Berlin angekommen; den Abend zu Wöllner, den 6-ten Gr[ad] erhalten. Der 91-ste Psalm ist ein O[rdens] Psalm *), den des Morgens auf den Knien, mit gegen Orient gewandten Gesicht, mit Andacht gebeten, schützt für alle Gefahren magisch. Ein Bruder hörte dies von Wöllner, erstaunte, dasselbe ungefähr hatte ihm im 7-jährigen Kriege ein alter Reuter gesagt, dass der Psalm fest mache, der hatte es als ein Geheimniss von seinem Vater erhalten. Der Orden wird im folgenden Decennio nicht so versteckt bleiben. Theden hat mit der Medicin, so er mir mitgeben will, einen Mann curirt, den alle Aerzte aufgegeben. Liefland solle an Preussen abgegeben werden, da wären sehr grosse Brüder, vorzügl[ich] 2 in Königsberg: ein Cap[itain] und ein Major. Wir erkennten noch den huntertausendsten Theil das Glück nicht im Orden zu seyn, im folgenden Decennio würden wir es wohl merken. Es wäre gewiss, dass Gott mit Russland etwas grosses vorhabe; wir sollten es aber nicht durch Nachlässigkeit mit Füssen treten. Ich solle ihm alles erzählen, was geschehen; er wisse vielleicht mehr als ich glaube, und viel dumm[es] Zeug, woran die Weiber schuld wären, es möchte aber nicht zum 2-ten Male so durchgehen. NB Die Frauens müssten ausser aller Verbindung mit dem Orden seyn, von denen habe R[ussland] noch so viel Böses zu erwarten, und überhaupt wer ausser aller Verbindung mit ihnen seyn könnte, wäre am glücklichsten, man müsste die immer mehr und mehr einschränken aber nicht erweitern.

Den 8-ten 9-ber Nachmittags um 2 bey Wöllner; ihm die Calculatur-Listen der Fürstin, die Briefe und die in Petersburg gefundene Figur gegeben. Er fragte nach 1000 Ordens-Sachen, worauf ich ihm nichs zu antworten wusste. In den jüngern Graden muss man nur die vorgeschriebenen Bücher, hernach kann man alles lesen. Einen Manipulanten müssen wir wohl zu grossen Arbeiten haben. Vielleicht wird Russland ein Ober-Haupt-Direktorium; Sacerdos muss das meiste dabey thun, von ihm wird es gefordert. Der Bau der Weiber ist nicht zu magischen Arbeiten, die

*) Въ подлинникѣ: Psalmen.

hätte also daher nichts bringen können. Bode hätte mit vielem Verstand von der Maurerey geschrieben, und ihm viel communicirt. Die Brüder hatten eine hässliche Antwort auf ihre Declaration vom Herzog Ferd[inand] erhalten, die machten sie aber nicht bekannt. Er hält Pr[inz] Fr[iedrich] in Berlin für einen Heuchler, aber Pr[inz] Fr[iedrich] von Hessen für einen grossen Mann. Er will selbst mit der Zeit nochmal der Maurerey wegen reisen. Auf Willermoz und Bode hält er grosse Stücke, Stark für einen Betrüger. Der P[astor] B. hat aus Frankfurth am Mayn 9 R[osen] K[reuzer] Gr[ade] erhalten, wo aber nichts in ist. Im 9-ten Gr. ist die Fahne mit dem Lam, wie in den schwedischen Ackten, woraus sie genommen zu seyn scheinen.

In Kurland sind noch 2 Clerici: Graf Keyserling und Saken. Firks hat Schulden hinterlassen, daran ist der Pohl[nische] Legations-Rath Dörper in Mietau schuld, der lebt vom Orden; man nimmt 2 und mehr 100 Rubel für Receptionen.

Den 7-ten 9-ber n. S. in Berlin angekommen; den Abend zu Wöllner, den 6-ten Gr[ad] erhalten. Der 91-ste Psalm ist ein O[rdens] Psalm *), den des Morgens auf den Knien, mit gegen Orient gewandten Gesicht, mit Andacht gebeten, schützt für alle Gefahren magisch. Ein Bruder hörte dies von Wöllner, erstaunte, dasselbe ungefähr hatte ihm im 7-jährigen Kriege ein alter Reuter gesagt, dass der Psalm fest mache, der hatte es als ein Geheimniss von seinem Vater erhalten. Der Orden wird im folgenden Decennio nicht so versteckt bleiben. Theden hat mit der Medicin, so er mir mitgeben will, einen Mann curirt, den alle Aerzte aufgegeben. Liefland solle an Preussen abgegeben werden, da wären sehr grosse Brüder, vorzügl[ich] 2 in Königsberg: ein Cap[itain] und ein Major. Wir erkennten noch den huntertausendsten Theil das Glück nicht im Orden zu seyn, im folgenden Decennio würden wir es wohl merken. Es wäre gewiss, dass Gott mit Russland etwas grosses vorhabe; wir sollten es aber nicht durch Nachlässigkeit mit Füssen treten. Ich solle ihm alles erzählen, was geschehen; er wisse vielleicht mehr als ich glaube, und viel dumm[es] Zeug, woran die Weiber schuld wären, es möchte aber nicht zum 2-ten Male so durchgehen. NB Die Frauens müssten ausser aller Verbindung mit dem Orden seyn, von denen habe R[ussland] noch so viel Böses zu erwarten, und überhaupt wer ausser aller Verbindung mit ihnen seyn könnte, wäre am glücklichsten, man müsste die immer mehr und mehr einschränken aber nicht erweitern.

Den 8-ten 9-ber Nachmittags um 2 bey Wöllner; ihm die Calculatur-Listen der Fürstin, die Briefe und die in Petersburg gefundene Figur gegeben. Er fragte nach 1000 Ordens-Sachen, worauf ich ihm nichs zu antworten wusste. In den jüngern Graden muss man nur die vorgeschriebenen Bücher, hernach kann man alles lesen. Einen Manipulanten müssen wir wohl zu grossen Arbeiten haben. Vielleicht wird Russland ein Ober-Haupt-Direktorium; Sacerdos muss das meiste dabey thun, von ihm wird es gefordert. Der Bau der Weiber ist nicht zu magischen Arbeiten, die

*) Въ подлинникѣ: Psalmen.

Reinigkeit fällt weg, dennoch will er der Fürstin Geschichte nach Oben schicken. Sie ist aber nicht simple und demüthig sondern stolz und eitel, und das schlimmste ist, dass sie es nicht weiss, Schwartz hätte sollen ihrentwegen anfragen, er hat es aber nicht gethan. Die Ordens-Geschichte wird erst in einem sehr hohen Grade gelehrt.

Den 9-ten 9-ber Morgen bey W[öllner], die Petita abgegeben, den Eid mit meinem Blute geschrieben, und meine Selbsterkenntniss. NB. Wöllner kennt Reichel kaum dem Namen nach; er schickt das Stück, was in Petersburg unter der Erde gefunden, nach den Obern; er meldet ihnen *) heute meine Ankunft; sie rechnen mir meine Reisen und Sorgen sehr hoch an.

Den 10-ten 9-ber zu W[öllner]; ihm das Gold-Recept von Frenkel gebracht; es war aber so viel aus dem Annulus Platonis darinn. Hymen kommt gewiss in Ordens-Bann, ich soll Schwartz sagen, er sey nun los von seinem Versprechen an Hymen. Er hat die ersten 14 Tage gleich Gold machen wollen. Ich soll mich nicht mit ihm abgeben; er hat abscheuliche Sachen gemacht. Die Verläugnung hat wohl 1000 Stufen; keiner als Christus kam auf Erden zur Höchsten.

Den 11-ten N[achmit]T[ags] 3, [bey] W[öllner]; ihm 2 Br[iefe] von Repnin und von Hymen gegeben. Bischofswerder hat noch heute aus Potsdam geschrieben, und kann nicht über Repnin von seinen Erstaunen zurückkommen; alle Menschen sagen, er sey un homme sans foi et loi. Seine Briefe gefielen Wöllner. Er sprach von der Fürstin, sie müsse sich sehr vor Schwärmerey und einer erhitzten Einbildungskraft hüten. An seinem Tische bekam er oft Antworten auf Gedanken. Gestern habe er mit Theden darüber gesprochen, 1 Regime für die Brüder aus der grossen Welt in Russland aufzusetzen. Die Zeit ist noch nicht da, wo der Orden sich öffentlich in seiner ganzen Macht darstellen dürfte, aber nicht weit. Der Orden bliebe nicht auf dem Fuss wie er jetzt sey. Die aufgeführten Comedien seyen abscheulich, und Zeugen von dem wahren Seelengrund der Auteurs; man müsse sie nun in der Noth besuchen, und wir veranstallten sie selbst, R[osen] K[reuzer] — in ihren Häusern, mit ihren eigenen Anverwandten, die dem **) Teufel zur Hure hinzugeben, das Eheweib eines Dir[ectors] eine Coquette vor ein[em] Publicum spielen lassen. O, Russenteufel! o, weh! Und dann ***) von Gesichten-Träumern mal reden und denken, — das ist entsetzlich. Wir wären in Nebensachen zu streng, im Wahren zu nachlässig, gegen andere zur unrechten Zeit absurd streng — o, Russen! Es scheine ihm vieles in der Fürstin Geschichte vom Bösen herzukommen, er wolle nicht darüber entscheiden, sondern es einschicken. Der Mag[us] Magorum sieht Christum so, als ich ihn. Es steht in der Apocalipsis: ich wollte zu dir kommen, aber der Geist des Landes wiederstand mir. So wiedersteht jetzt der Teufel allen R[osen] K[reuzern] in Russland, um in einem finstern Reiche die Finsterniss zu behalten.

---

*) Въ подлинникѣ: i h m.
**) Въ подлинникѣ: d e n.
***) Въ подлинникѣ: d e n.

Reinigkeit fällt weg, dennoch will er der Fürstin Geschichte nach Oben schicken. Sie ist aber nicht simple und demüthig sondern stolz und eitel, und das schlimmste ist, dass sie es nicht weiss, Schwartz hätte sollen ihrentwegen anfragen, er hat es aber nicht gethan. Die Ordens-Geschichte wird erst in einem sehr hohen Grade gelehrt.

Den 9-ten 9-ber Morgen bey W[öllner], die Petita abgegeben, den Eid mit meinem Blute geschrieben, und meine Selbsterkenntniss. NB. Wöllner kennt Reichel kaum dem Namen nach; er schickt das Stück, was in Petersburg unter der Erde gefunden, nach den Obern; er meldet ihnen *) heute meine Ankunft; sie rechnen mir meine Reisen und Sorgen sehr hoch an.

Den 10-ten 9-ber zu W[öllner]; ihm das Gold-Recept von Frenkel gebracht; es war aber so viel aus dem Annulus Platonis darinn. Hymen kommt gewiss in Ordens-Bann, ich soll Schwartz sagen, er sey nun los von seinem Versprechen an Hymen. Er hat die ersten 14 Tage gleich Gold machen wollen. Ich soll mich nicht mit ihm abgeben; er hat abscheuliche Sachen gemacht. Die Verläugnung hat wohl 1000 Stufen; keiner als Christus kam auf Erden zur Höchsten.

Den 11-ten N[achmit]T[ags] 3, [bey] W[öllner]; ihm 2 Br[iefe] von Repnin und von Hymen gegeben. Bischofswerder hat noch heute aus Potsdam geschrieben, und kann nicht über Repnin von seinen Erstaunen zurückkommen; alle Menschen sagen, er sey un homme sans foi et loi. Seine Briefe gefielen Wöllner. Er sprach von der Fürstin, sie müsse sich sehr vor Schwärmerey und einer erhitzten Einbildungskraft hüten. An seinem Tische bekam er oft Antworten auf Gedanken. Gestern habe er mit Theden darüber gesprochen, 1 Regime für die Brüder aus der grossen Welt in Russland aufzusetzen. Die Zeit ist noch nicht da, wo der Orden sich öffentlich in seiner ganzen Macht darstellen dürfte, aber nicht weit. Der Orden bliebe nicht auf dem Fuss wie er jetzt sey. Die aufgeführten Comedien seyen abscheulich, und Zeugen von dem wahren Seelengrund der Auteurs; man müsse sie nun in der Noth besuchen, und wir veranstallten sie selbst, R[osen] K[reuzer] — in ihren Häusern, mit ihren eigenen Anverwandten, die dem **) Teufel zur Hure hinzugeben, das Eheweib eines Dir[ectors] eine Coquette vor ein[em] Publicum spielen lassen. O, Russenteufel! o, weh! Und dann ***) von Gesichten-Träumern mal reden und denken, — das ist entsetzlich. Wir wären in Nebensachen zu streng, im Wahren zu nachlässig, gegen andere zur unrechten Zeit absurd streng — o, Russen! Es scheine ihm vieles in der Fürstin Geschichte vom Bösen herzukommen, er wolle nicht darüber entscheiden, sondern es einschicken. Der Mag[us] Magorum sieht Christum so, als ich ihn. Es steht in der Apocalipsis: ich wollte zu dir kommen, aber der Geist des Landes wiederstand mir. So wiedersteht jetzt der Teufel allen R[osen] K[reuzern] in Russland, um in einem finstern Reiche die Finsterniss zu behalten.

---

*) Въ подлинникѣ: i h m.
**) Въ подлинникѣ: d e n.
***) Въ подлинникѣ: d e n.

Den 12-ten. Der Fürstin Clericato Papiren einen Brief von Repnin, und einen Aufsatz von mistischen Fragen.

Den 14-ten. Simson denkt gar zu schlecht von den Russen, warum die Hernhuter sich dahin begeben hätten, wo kein Mensch Wort hielte. Ach, sagte er, der Druck der Ungerechtigkeit ist da zu gross, aber er glaubt gewiss dass höhere Ordens Brüder da sind. Er wünscht alles gute, aber es sey da schwer was zu machen, der Druck, Betrug und Ungerechtigkeit sey da zu gross.

Den 15. Es ist wegen Russlands Verrath ein Silanum bis nach Norden gewesen, also auch in Preussen, und just in R[ussland] nicht. Welche erstaunende Nachricht! Die Ritter von Licht, Minervalen und Illuminaten ist ein Trifolium, um Bayern nicht an den Prinzen von Zwaybrück, sondern an den Kayser zu bringen, drum unterstütze er es; nur im höchsten Grad erführe man es; bis dahin lauten Religion und Wissenschaften.

Den 18-ten. Gott nahm Schwarz zu früh für die Moskauschen Brüder, denn *) B[aron] v[on] Schroeder ist eifrig und thätig aber zu gut. Er kennt die Russische Nation zu wenig. Ich wünschte, er wäre mit der Aufnahme der Russen vorsichtiger.

Den 23-sten. Noch zittere ich an Händen und Füssen. Lestwitz war bey mir. Welch ein Gesicht! Ich sollte suchen Stender kennen zu lernen. Solms ist ein grosser Bruder, gleich nach ihm kam Theden. Er kannte alle die Russen; ihre Namen waren Lestwitz geläufiger, als mir. Bruder, sagt er, welch Glück im Orden zu seyn, nehmen Sie nur die Russen auf, die Ihnen Gott zuschickt, als R[osenkreuzer]: es wird sicher etwas grosses mit Russland, wenn ihre Brüder nur recht verschwiegen werden.

Den 25-sten. Der Orden ist die erste Apostolische Kirche, bis zu ungefähr den 3-ten Papsten war derselbe, und die ersten Priester um ihn das Haupt-Directorium des Ordens in der Christl[ichen] Kirche; wie sich die griechische und römische Kirche trennte, war jene die Beste. Papst Leo, wie ihm deucht, nahm die magischen Kenntnisse aus der Kirche, und gab sie dem grossen Orden retour, dadurch ward sie Babel, und da in der russischen noch das alte Ceremonial am wenigsten verändert ist, so muss es auch am mehrsten mit dem Orden correspondiren. Dennoch ist das Geheimniss in keiner Kirche mehr, sondern weggenommen durch obermagische Macht und Gewalt.

Den 26-sten. Kein Land hat noch so viel und solche geschwinde Unterstützung vom Orden erhalten als R[ussland]. Wenn die Seigneurs Fürsten nur recht einsehen und begreifen könnten, so würden sie bald von ihrem irdischen Stolz herunterkommen und anfangen Hand anzulegen, sonst geht's auch nicht. Ihnen kann's so gehen als S[chwarz]; in ein Paar Jahren todt, und dann werden sie denken, ein Deutscher muss schon vor Ihnen crepiren. Nein, mit dir, Bursche, gab ich mich nicht ab; ich bin nur ein Mugik, und dass sind grands Seigneurs.

De Thou (de Samand), so deucht mir, ist kein Narr. Simson hat mit ihm deutsch correspondirt. Er hat ihm geschrieben, die Zeiten sind sehr nahe, wo noch grössere Männer als Paulus aufstehen werden; dass er mit den Franzosen Narrens-

*) Въ подлинникѣ: d e n.

Den 12-ten. Der Fürstin Clericato Papiren einen Brief von Repnin, und einen Aufsatz von mistischen Fragen.

Den 14-ten. Simson denkt gar zu schlecht von den Russen, warum die Hernhuter sich dahin begeben hätten, wo kein Mensch Wort hielte. Ach, sagte er, der Druck der Ungerechtigkeit ist da zu gross, aber er glaubt gewiss dass höhere Ordens Brüder da sind. Er wünscht alles gute, aber es sey da schwer was zu machen, der Druck, Betrug und Ungerechtigkeit sey da zu gross.

Den 15. Es ist wegen Russlands Verrath ein Silanum bis nach Norden gewesen, also auch in Preussen, und just in R[ussland] nicht. Welche erstaunende Nachricht! Die Ritter von Licht, Minervalen und Illuminaten ist ein Trifolium, um Bayern nicht an den Prinzen von Zwaybrück, sondern an den Kayser zu bringen, drum unterstütze er es; nur im höchsten Grad erführe man es; bis dahin lauten Religion und Wissenschaften.

Den 18-ten. Gott nahm Schwarz zu früh für die Moskauschen Brüder, denn *) B[aron] v[on] Schroeder ist eifrig und thätig aber zu gut. Er kennt die Russische Nation zu wenig. Ich wünschte, er wäre mit der Aufnahme der Russen vorsichtiger.

Den 23-sten. Noch zittere ich an Händen und Füssen. Lestwitz war bey mir. Welch ein Gesicht! Ich sollte suchen Stender kennen zu lernen. Solms ist ein grosser Bruder, gleich nach ihm kam Theden. Er kannte alle die Russen; ihre Namen waren Lestwitz geläufiger, als mir. Bruder, sagt er, welch Glück im Orden zu seyn, nehmen Sie nur die Russen auf, die Ihnen Gott zuschickt, als R[osenkreuzer]: es wird sicher etwas grosses mit Russland, wenn ihre Brüder nur recht verschwiegen werden.

Den 25-sten. Der Orden ist die erste Apostolische Kirche, bis zu ungefähr den 3-ten Papsten war derselbe, und die ersten Priester um ihn das Haupt-Directorium des Ordens in der Christl[ichen] Kirche; wie sich die griechische und römische Kirche trennte, war jene die Beste. Papst Leo, wie ihm deucht, nahm die magischen Kenntnisse aus der Kirche, und gab sie dem grossen Orden retour, dadurch ward sie Babel, und da in der russischen noch das alte Ceremonial am wenigsten verändert ist, so muss es auch am mehrsten mit dem Orden correspondiren. Dennoch ist das Geheimniss in keiner Kirche mehr, sondern weggenommen durch obermagische Macht und Gewalt.

Den 26-sten. Kein Land hat noch so viel und solche geschwinde Unterstützung vom Orden erhalten als R[ussland]. Wenn die Seigneurs Fürsten nur recht einsehen und begreifen könnten, so würden sie bald von ihrem irdischen Stolz herunterkommen und anfangen Hand anzulegen, sonst geht's auch nicht. Ihnen kann's so gehen als S[chwarz]; in ein Paar Jahren todt, und dann werden sie denken, ein Deutscher muss schon vor Ihnen crepiren. Nein, mit dir, Bursche, gab ich mich nicht ab; ich bin nur ein Mugik, und dass sind grands Seigneurs.

De Thou (de Samand), so deucht mir, ist kein Narr. Simson hat mit ihm deutsch correspondirt. Er hat ihm geschrieben, die Zeiten sind sehr nahe, wo noch grössere Männer als Paulus aufstehen werden; dass er mit den Franzosen Narrens-

*) Въ подлинникѣ: d e n.

possen macht, ist mögl[ich], weil er die Narrennation kennt; dennoch mag nicht alles so seyn, als unser Franzose es erzählt. Nach seiner Retour wollen wir mit Klaproth practisch arbeiten.

Lestwitz sagt: lasst uns Gott danken, dass wir an der rechten Quelle sind. Er las einen Brief vom Erbprinz v. Schönaich, der war schön. Ich muss ihn bitten, dass er mir wegen die Illuminaten die Stelle für meine Russen copiren lässt.

Röpert sagt die Hamburger seufzen noch über Rosenberg. Wie die Russen so einen Hundsfott so lange tragen können, er müsste gebrandmarkt werden!

Die Illuminaten haben sogar durch die regierende Fürstin von Bayern ein politisches Project beym Minister Herzberg ausführen wollen. Der entdeckte und fragte Herrn von Falkenheim, ob die ganze Frey-Maurerey so wäre; zum Glück war der einige Tage vorher bey uns recipirt und von den Illuminaten avertirt, der machte demselben eine andere Idee.

Lestwiz sagte: die Ordnung ist das schwerste bey einem Russen, und ohne Ordnung kann keiner im Orden fortkommen. Er sagte den Meklenburgern, dass unser Malheur in Riga schuld sey wegen des Silanum. Da waren sie böse; vorzügl[ich] Seine Eminentz. Ich tournirte die Sache aber so, als habe Keller alles aus Deutschland gebracht; also müsse es in Deutschland verrathen seyn.

Raven kann sich einen ganzen Tag mit einem Satz beschäftigen; so tief denkend ist er, sagte Röpert. Lestwitz warnte erstaunend für alle Eile mit dem Gr[oss]-F[ürst] u. R[e]pn[in].

Den Abend im Logen-Hause. Ein wichtiger Abend. Bischofswerder war gegenwärtig, wie Schröpfer von einem bösen Geiste überwunden und getödtet ward. Er selbst war ein starker Cacomagus, hat einen Frankenberg dazu recipirt. Er beschrieb, dass die Luftgeister, die er sehr speciel kenne, menschliche Gestalten hätten, aber viel reiner und glänzender; Fröhlich in Görlitz konnte einmal in Bischofswerders Gegenwart einen Geist nicht überwinden, so erschien eine Wolke vorm Spiegel, darauf zwey schwarze Piramiden; die drückten ihn untern Tisch, dass er den Tag darauf Blut spuckte; Bischofswerder wollte ihn auf den rechten Weg bringen, jener läugnet aber, dass es Cacomagie gäbe nach Christus, und hält alles für erlaubt. In Lestwiz Gegenwart lief er zur Stube heraus, wie eine Wolke vorm Spiegel kam, aber nie hat Lestwitz was bey ihm gesehen, nur viel gehört. Fröhlich hat gesagt sein Schutzgeist sey zu stark, er könne ihn nicht überwinden, viel Pfeifen, Sausen und Heulen hat er gehört, dass die ganze Stube um ihn lebendig gewesen. Bischofswerder kannte alle die Geister und Seelen, so Lestwitz nicht hatte können zu sehen bekommen, unter andern ein Weib, so in Fröhlichs Hause gewohnt, ein Kind gemordet hatte, und noch immer in der Region bleiben muss. Bischofswerder sagte zum Prinz Carl von Hessen, der des Königs von Dännemark Schwester hat: Gehen Sie zum Teufel mit ihrer ganzen Höllenbrut von Illuminaten. Der antwortete: Sie machen sich unglücklich, Sie wissen noch nicht, welche magische Kraft die Menschen haben, und in dem Augenblick wird die ganze Stube lebendig, es pocht, es klopft u s. w. Bischofswerder sagt: Was sind das für Narrenstreiche, komm her, du Satan, der du hier uns

possen macht, ist mögl[ich], weil er die Narrennation kennt; dennoch mag nicht alles so seyn, als unser Franzose es erzählt. Nach seiner Retour wollen wir mit Klaproth practisch arbeiten.

Lestwitz sagt: lasst uns Gott danken, dass wir an der rechten Quelle sind. Er las einen Brief vom Erbprinz v. Schönaich, der war schön. Ich muss ihn bitten, dass er mir wegen die Illuminaten die Stelle für meine Russen copiren lässt.

Röpert sagt die Hamburger seufzen noch über Rosenberg. Wie die Russen so einen Hundsfott so lange tragen können, er müsste gebrandmarkt werden!

Die Illuminaten haben sogar durch die regierende Fürstin von Bayern ein politisches Project beym Minister Herzberg ausführen wollen. Der entdeckte und fragte Herrn von Falkenheim, ob die ganze Frey-Maurerey so wäre; zum Glück war der einige Tage vorher bey uns recipirt und von den Illuminaten avertirt, der machte demselben eine andere Idee.

Lestwiz sagte: die Ordnung ist das schwerste bey einem Russen, und ohne Ordnung kann keiner im Orden fortkommen. Er sagte den Meklenburgern, dass unser Malheur in Riga schuld sey wegen des Silanum. Da waren sie böse; vorzügl[ich] Seine Eminentz. Ich tournirte die Sache aber so, als habe Keller alles aus Deutschland gebracht; also müsse es in Deutschland verrathen seyn.

Raven kann sich einen ganzen Tag mit einem Satz beschäftigen; so tief denkend ist er, sagte Röpert. Lestwitz warnte erstaunend für alle Eile mit dem Gr[oss]-F[ürst] u. R[e]pn[in].

Den Abend im Logen-Hause. Ein wichtiger Abend. Bischofswerder war gegenwärtig, wie Schröpfer von einem bösen Geiste überwunden und getödtet ward. Er selbst war ein starker Cacomagus, hat einen Frankenberg dazu recipirt. Er beschrieb, dass die Luftgeister, die er sehr speciel kenne, menschliche Gestalten hätten, aber viel reiner und glänzender; Fröhlich in Görlitz konnte einmal in Bischofswerders Gegenwart einen Geist nicht überwinden, so erschien eine Wolke vorm Spiegel, darauf zwey schwarze Piramiden; die drückten ihn untern Tisch, dass er den Tag darauf Blut spuckte; Bischofswerder wollte ihn auf den rechten Weg bringen, jener läugnet aber, dass es Cacomagie gäbe nach Christus, und hält alles für erlaubt. In Lestwiz Gegenwart lief er zur Stube heraus, wie eine Wolke vorm Spiegel kam, aber nie hat Lestwitz was bey ihm gesehen, nur viel gehört. Fröhlich hat gesagt sein Schutzgeist sey zu stark, er könne ihn nicht überwinden, viel Pfeifen, Sausen und Heulen hat er gehört, dass die ganze Stube um ihn lebendig gewesen. Bischofswerder kannte alle die Geister und Seelen, so Lestwitz nicht hatte können zu sehen bekommen, unter andern ein Weib, so in Fröhlichs Hause gewohnt, ein Kind gemordet hatte, und noch immer in der Region bleiben muss. Bischofswerder sagte zum Prinz Carl von Hessen, der des Königs von Dännemark Schwester hat: Gehen Sie zum Teufel mit ihrer ganzen Höllenbrut von Illuminaten. Der antwortete: Sie machen sich unglücklich, Sie wissen noch nicht, welche magische Kraft die Menschen haben, und in dem Augenblick wird die ganze Stube lebendig, es pocht, es klopft u s. w. Bischofswerder sagt: Was sind das für Narrenstreiche, komm her, du Satan, der du hier uns

stöhren willst und zeige dich in deiner ganzen Schrecklichkeit, hier bin ich, ich fürchte mich nicht, weder vor dir, Bösewicht, noch vor deiner ganzen höllischen Rotte, kommt alle, wenn ihr das Angesicht eines Christen ertragen könnt. Es kam nichts. — Das ist ein Waghals, sagte Prinz Carl, ich weiss zuweilen nicht vor Angst, wo ich hin soll, denn ich kenne die Macht der Illuminaten in der Magie. — Cacomagie, sagt jener, und die ist vom Teufel. Dennoch hat Fröhlich Bischofswerder von seinem wilden Leben zurückgebracht.

Raven sagte mir, in Petersburg wäre ein gewisser Green, der habe viel, sey auch im Clericat. Er versicherte mir, ich würde ihn mit schwarzen Haaren und Zähnen wiedersehen. Schon als ein Kind war Chymie sein Lieblings-Studium.

Mit Bischofswerder, des Kronprintzen Favorit, habe ich mich abgeredet, uns in 7 Jahren wieder solchen herzigen Kuss zu geben, wie diesen Abend, wenn wir auch 350 Meilen auseinander wären. Wir können es, sagte er.

Er erzählte viel über Tische von den Russen, vorzüglich Gen[eral] Rosen seiner Frau. Man wollte ihn forciren F[ürst] Menzikoff zu gratuliren; er wollte sich aber lieber todt stechen lassen.

Bischofswerder hat schon Plans zu Forts gegen d[ie] R[ussen] gesehen, er sprach mit vieler Beurtheilungskraft von R[ussland], dem Kayser, Frankreich *), dass man ohne Praevention dennoch den grossen Mann nicht verkennen konnte.

Wöllner sagt: Sagen sie den Russen sie sollen nur fromme Leute werden und sich der Führung überlassen. Ich redete einmal wie sehr sie Theosophie und mystische Bücher liebten, und welchen Wiederwillen sie für Chymie hätten. Er sagte: ich muss einen aparten Bericht darüber machen. Man müsste nicht just alles mystisch erklären, es läge Chymie zum Grunde.

Nach Tisch bey Wöllner, ihm die Frey-Maurer-Ackten, Clavicula Salomonis, und einen Brief von Repnin gegeben. Er war übler Laune, gab mir zu verstehen, dass ich Sachen fragte, die wir noch lange nicht zu wissen brauchten. Der 8-te Gr[ad] wäre erst die erste Stufe der Magie, wir lernten darin das heilige Feuer kennen, und müssten es leiblich mit unsern Fäusten greifen können. Ich sagte ihm, wir hätten uns das alles mystisch explicirt. Er sagte, es ist beydes, was die Seelen-Wiedergeburth, dasselbe ist die Tinctur. Ich erzählte ihm vieles aus der Russischen Kirche, das ihn frappirte, ich soll in R[ussland] alles zusammen tragen und einschicken, wenn wir einen sichern Weg haben werden.

Wir sollen die Brüder nicht gleich im Theoretischen Grade so sehr ins Mystische führen, damit wir nicht einmal Seelen zu verantworten kämen. Die russische Nation wäre so zu allen Extremitaeten geneigt, meine Lage wäre da kritischer, als mir mein Enthusiasmus für die Nation zuliesse, ich sollte ihnen nicht trauen, es wäre eine veränderliche Nation wie die Franzosen und je vornehmer, desto weichlicher und verdorbener, sie hassen jeden Deutschen, und auch mich liebten sie nicht, er wisse es besser.

---

*) Въ подлинникѣ: R. dem Kayser Frankreich.

stöhren willst und zeige dich in deiner ganzen Schrecklichkeit, hier bin ich, ich fürchte mich nicht, weder vor dir, Bösewicht, noch vor deiner ganzen höllischen Rotte, kommt alle, wenn ihr das Angesicht eines Christen ertragen könnt. Es kam nichts. — Das ist ein Waghals, sagte Prinz Carl, ich weiss zuweilen nicht vor Angst, wo ich hin soll, denn ich kenne die Macht der Illuminaten in der Magie. — Cacomagie, sagt jener, und die ist vom Teufel. Dennoch hat Fröhlich Bischofswerder von seinem wilden Leben zurückgebracht.

Raven sagte mir, in Petersburg wäre ein gewisser Green, der habe viel, sey auch im Clericat. Er versicherte mir, ich würde ihn mit schwarzen Haaren und Zähnen wiedersehen. Schon als ein Kind war Chymie sein Lieblings-Studium.

Mit Bischofswerder, des Kronprintzen Favorit, habe ich mich abgeredet, uns in 7 Jahren wieder solchen herzigen Kuss zu geben, wie diesen Abend, wenn wir auch 350 Meilen auseinander wären. Wir können es, sagte er.

Er erzählte viel über Tische von den Russen, vorzüglich Gen[eral] Rosen seiner Frau. Man wollte ihn forciren F[ürst] Menzikoff zu gratuliren; er wollte sich aber lieber todt stechen lassen.

Bischofswerder hat schon Plans zu Forts gegen d[ie] R[ussen] gesehen, er sprach mit vieler Beurtheilungskraft von R[ussland], dem Kayser, Frankreich *), dass man ohne Praevention dennoch den grossen Mann nicht verkennen konnte.

Wöllner sagt: Sagen sie den Russen sie sollen nur fromme Leute werden und sich der Führung überlassen. Ich redete einmal wie sehr sie Theosophie und mystische Bücher liebten, und welchen Wiederwillen sie für Chymie hätten. Er sagte: ich muss einen aparten Bericht darüber machen. Man müsste nicht just alles mystisch erklären, es läge Chymie zum Grunde.

Nach Tisch bey Wöllner, ihm die Frey-Maurer-Ackten, Clavicula Salomonis, und einen Brief von Repnin gegeben. Er war übler Laune, gab mir zu verstehen, dass ich Sachen fragte, die wir noch lange nicht zu wissen brauchten. Der 8-te Gr[ad] wäre erst die erste Stufe der Magie, wir lernten darin das heilige Feuer kennen, und müssten es leiblich mit unsern Fäusten greifen können. Ich sagte ihm, wir hätten uns das alles mystisch explicirt. Er sagte, es ist beydes, was die Seelen-Wiedergeburth, dasselbe ist die Tinctur. Ich erzählte ihm vieles aus der Russischen Kirche, das ihn frappirte, ich soll in R[ussland] alles zusammen tragen und einschicken, wenn wir einen sichern Weg haben werden.

Wir sollen die Brüder nicht gleich im Theoretischen Grade so sehr ins Mystische führen, damit wir nicht einmal Seelen zu verantworten kämen. Die russische Nation wäre so zu allen Extremitaeten geneigt, meine Lage wäre da kritischer, als mir mein Enthusiasmus für die Nation zuliesse, ich sollte ihnen nicht trauen, es wäre eine veränderliche Nation wie die Franzosen und je vornehmer, desto weichlicher und verdorbener, sie hassen jeden Deutschen, und auch mich liebten sie nicht, er wisse es besser.

---

*) Въ подлинникѣ: R. dem Kayser Frankreich.

Der Gr[oss] F[ürst] geht mit Deutschen, wenn kein Russe da ist, sehr familiär um, aber ist bey Hofe sehr hautain gegen die Russen, hat sich deswegen bey B[ruder] Holland excusirt, es schmerze ihm, aber er müsse es so machen.

Wenn wir die Arbeit des 8-ten Gr[ades] vollbracht haben, sind wir projectionsfähig; kennen die ganze Körper-Welt, haben alle Körper unter Commando.

Mit Schmerzen fiel mir gerade ein, wie die Fürstin nicht begreifen konnte, dass ich nicht weine oder wenigstens traurig wäre, über den Einsturtz des verfluchten Theaters, wie sogar Porrectus seine Empfindung darüber mit maurerischer Offenherzigkeit gestand, und ich wünschte dies Weib zu kennen, das bey Jugend einen hässlichen aber reichen Mann, bey allen Gelegenheiten zu Ausschweifungen, meinen ersten Triumvirats-Verwandten übertrifft. Man muss den Weibern sehr vorsichtig mystische und ascetische Bücher geben, sie verirren sich zu leicht und mir ist bang nach Schwarz seinem Tode, dass es bey euch nicht gut geht. Lieber Bruder, bleiben Sie nur treu, bald werden Sie den Gipfel erreichen, da hingegen der, so in der Nacht einen oft herlichen Traum, Gesicht oder Offenbarung gehabt hat, und am Tage von den Toilette und Millionen andern Eitelkeiten, die uns der Teufel praesentirt, oft unter dem herlichsten Schmuck nur eins wählt, immer nicht weiss woran er ist.

In Surinam ist eine Loge von Portugiesischen Juden.

Bischoffswerder ist Hofkavalier, alle Tage bald beym Pr[inzen] Heinrich, Ferdinand, dem König dabey Flügel-Adjutant, und ein grosser R[osen] K[reuzer].

Auf der Leipziger Messe sind viel 1000 Exemplare von Böhm verkauft, und die mehrsten sind nach Amerika gegangen.

Minister Herzberg hat Lestwitz zugeschworen, wir haben gar kein System. Seit 1740 führt der König immerwährend Krieg mit seinen Unterthanen. Wir saugen alle aus, aber ohne Maxime, wir nehmen Gold, wo wir kriegen können, und wissen von Financen, Oeconomie etc. nichts, wohl aber vom stinkenden Geitz und Schinderey. Es ist in Preussen gar kein Verhältniss zwischen den Bauern und dem Edelmann. Der Edelmann schindet die Bauern, der König die Edelleute. Um Berlin herum wird das beste Bauholz schon zu Brennholz geschlagen, aus Mangel und voriger schlechter Oeconomie. Der regirende Herzog von Sachsen-Gotha hat zu Woellner gesagt: Euer König ist Barbar für seine Unterthanen, aber ein Engel fürs Deutsche Reich, und die regierenden Deutschen Fürsten sind toll, dass sie Subsidien Truppen an Engelland geben; jedermann sollte uns schätzbar seyn, um ihn dem Oesterreichischen Stolz entgegen zu setzen, der uns gern auch so zu Sklaven machen möchte, als der R[ussische] Kaiser die Bojaren. Preussen hat den siebenjährigen Krieg noch nicht überwunden, noch lange nicht so viel Einwohner als damals. Man machte viel Glossen über die Acquisition der Krim.

Der Teufel mag wissen, was der Sonne fehlt, sagte ein Soldat zum andern, dass sie immer den ganzen Sommer roth, blutig über uns scheint. Du Narr, sagt der andere, weisst du das nicht, der König hat sie verpacht[et]. Der König schika-

Der Gr[oss] F[ürst] geht mit Deutschen, wenn kein Russe da ist, sehr familiär um, aber ist bey Hofe sehr hautain gegen die Russen, hat sich deswegen bey B[ruder] Holland excusirt, es schmerze ihm, aber er müsse es so machen.

Wenn wir die Arbeit des 8-ten Gr[ades] vollbracht haben, sind wir projectionsfähig; kennen die ganze Körper-Welt, haben alle Körper unter Commando.

Mit Schmerzen fiel mir gerade ein, wie die Fürstin nicht begreifen konnte, dass ich nicht weine oder wenigstens traurig wäre, über den Einsturtz des verfluchten Theaters, wie sogar Porrectus seine Empfindung darüber mit maurerischer Offenherzigkeit gestand, und ich wünschte dies Weib zu kennen, das bey Jugend einen hässlichen aber reichen Mann, bey allen Gelegenheiten zu Ausschweifungen, meinen ersten Triumvirats-Verwandten übertrifft. Man muss den Weibern sehr vorsichtig mystische und ascetische Bücher geben, sie verirren sich zu leicht und mir ist bang nach Schwarz seinem Tode, dass es bey euch nicht gut geht. Lieber Bruder, bleiben Sie nur treu, bald werden Sie den Gipfel erreichen, da hingegen der, so in der Nacht einen oft herlichen Traum, Gesicht oder Offenbarung gehabt hat, und am Tage von den Toilette und Millionen andern Eitelkeiten, die uns der Teufel praesentirt, oft unter dem herlichsten Schmuck nur eins wählt, immer nicht weiss woran er ist.

In Surinam ist eine Loge von Portugiesischen Juden.

Bischoffswerder ist Hofkavalier, alle Tage bald beym Pr[inzen] Heinrich, Ferdinand, dem König dabey Flügel-Adjutant, und ein grosser R[osen] K[reuzer].

Auf der Leipziger Messe sind viel 1000 Exemplare von Böhm verkauft, und die mehrsten sind nach Amerika gegangen.

Minister Herzberg hat Lestwitz zugeschworen, wir haben gar kein System. Seit 1740 führt der König immerwährend Krieg mit seinen Unterthanen. Wir saugen alle aus, aber ohne Maxime, wir nehmen Gold, wo wir kriegen können, und wissen von Financen, Oeconomie etc. nichts, wohl aber vom stinkenden Geitz und Schinderey. Es ist in Preussen gar kein Verhältniss zwischen den Bauern und dem Edelmann. Der Edelmann schindet die Bauern, der König die Edelleute. Um Berlin herum wird das beste Bauholz schon zu Brennholz geschlagen, aus Mangel und voriger schlechter Oeconomie. Der regirende Herzog von Sachsen-Gotha hat zu Woellner gesagt: Euer König ist Barbar für seine Unterthanen, aber ein Engel fürs Deutsche Reich, und die regierenden Deutschen Fürsten sind toll, dass sie Subsidien Truppen an Engelland geben; jedermann sollte uns schätzbar seyn, um ihn dem Oesterreichischen Stolz entgegen zu setzen, der uns gern auch so zu Sklaven machen möchte, als der R[ussische] Kaiser die Bojaren. Preussen hat den siebenjährigen Krieg noch nicht überwunden, noch lange nicht so viel Einwohner als damals. Man machte viel Glossen über die Acquisition der Krim.

Der Teufel mag wissen, was der Sonne fehlt, sagte ein Soldat zum andern, dass sie immer den ganzen Sommer roth, blutig über uns scheint. Du Narr, sagt der andere, weisst du das nicht, der König hat sie verpacht[et]. Der König schika-

nirte einen Officier bis er sich todt schoss, weil er ihm bewiesen, wie Silberberg einzunehmen.

Wenn 20 Personen bey Hoffe essen, so ist für 8 Essen.

Minister Zedlitz vom geistl[ichen] Departement sagt: es muss einem die Mühe vergehen den Missbrauch der Christl[ichen] Religion zu ändern, weil ich weiss, dass gleich nachs Königs Todte, die protestantischen Jesuiten das Commando haben werden.

Lestwitz seine Frau lag in schweren Wochen, der Mann sitzt oft vor ihr[em] Bette, und eben so poltert und winselt es in der Nebenstube, es hörts niemand als er. In der Nacht vor der Entbindung erscheint der Baronesse ihre Mutter, sagt ihr: Fritze stirbt. Sie zielt das auf einen entfernten Verwandten und die Geburtschmerzen verhindern ihr, es irgend jemand zu sagen. Endlich wird das Kind gebohren; sehr schwach. Lestwitz lässt es gleich taufen und von ungefähr Friedrich nennen; in 6 Stunden stirbt das Kind. Gegen Abend will die Mutter ihr Kind sehen, man muss ihr dessen Todt melden. Sie frägt, was es für einen Namen bekommen. — Fritz. — «So, so, sagte sie, das war also der», und trägt diese Todesnachricht mit anscheinender Gelassenheit. Wird besser, so dass Lestwitz nach Berlin reiset; sie bekommt in dessen Abwesenheit ein Recidif; er findet sie fast todt. Wie es recht schlecht ist, erscheint ein Tableau, mit ihrem ganzen künftigen Lebenslaufe. Wie alle Menschen glauben, sie muss sterben, sagt sie, ich sterbe nicht; und bald ist sie gesund; hat sich aber des Tableau nicht ganz erinnern können, wenn sie gewollt hat, aber just, wenn sie am wenigsten daran gedacht hat, ist es vor ihr, wie aus den Wolken niedergesunken. Auf seinem letzten Geburtstag, bringt sie gerade eine schalkhafte Gesundheit an ihre Nachbarinn aus, wegen eines Liebesverständnisses mit einem jungen Officier. Mit einmal wird sie todtenblass und still, gibt aber Kopfschmerzen vor. Es ist aber das Tableau wie ein Blitz vor ihr niedergefahren und seitdem kann sie es sehen, wenn sie will, und weiss jeden Zufall ihres Lebens, ihre Todtesstunde, alles auf den Augenblick; ist froh und heiter, klagt nicht mehr über Leiden.

Die grössten Herren des Reichs frequentiren die Logen, z[um] B[eispiel] der Feldmarschall Pelegrini, Kaunitz, Montecuculi, der Statthalter von Ungarn.

Ein Oberster in Schlesien hört von einem Priester, dass Christus alle unsere Schulden bezahle. Gottlob, sagte er, von mir bekommen meine Creditores so nicht einen Pfennig.

Schwedenborg liess oft in seinem Garten vor 40 Personen die Tafel serviren; wenns fertig, schloss er sich allein im Garten ein. Ich sagte zu Roepert: aber kann ein Verklärter noch essen? Ey, sagte er: ass Christus nicht nach seiner Auferstehung. Ein guter Freund besucht ihn, er antwortet nichts, ist in tiefen Gedanken. Endlich kommt er zu sich und excusirt sich, er habe mit Gellert in Leipzig disputirt. Ein R[osen] K[reuzer] konnte nicht begreifen, dass die Seele im principio Gottes seye, und noch die Anfälle auf Geist und Leib fühlen könne. Der H[erzog] Fr[iedrich] bewies es ihm; so lange der Geist noch mit Finsterniss angefüllt sey, können alle finstern Kräfte, besonders die kakomagischen auf ihn wirken, drum

nirte einen Officier bis er sich todt schoss, weil er ihm bewiesen, wie Silberberg einzunehmen.

Wenn 20 Personen bey Hoffe essen, so ist für 8 Essen.

Minister Zedlitz vom geistl[ichen] Departement sagt: es muss einem die Mühe vergehen den Missbrauch der Christl[ichen] Religion zu ändern, weil ich weiss, dass gleich nachs Königs Todte, die protestantischen Jesuiten das Commando haben werden.

Lestwitz seine Frau lag in schweren Wochen, der Mann sitzt oft vor ihr[em] Bette, und eben so poltert und winselt es in der Nebenstube, es hörts niemand als er. In der Nacht vor der Entbindung erscheint der Baronesse ihre Mutter, sagt ihr: Fritze stirbt. Sie zielt das auf einen entfernten Verwandten und die Geburtschmerzen verhindern ihr, es irgend jemand zu sagen. Endlich wird das Kind gebohren; sehr schwach. Lestwitz lässt es gleich taufen und von ungefähr Friedrich nennen; in 6 Stunden stirbt das Kind. Gegen Abend will die Mutter ihr Kind sehen, man muss ihr dessen Todt melden. Sie frägt, was es für einen Namen bekommen. — Fritz. — «So, so, sagte sie, das war also der», und trägt diese Todesnachricht mit anscheinender Gelassenheit. Wird besser, so dass Lestwitz nach Berlin reiset; sie bekommt in dessen Abwesenheit ein Recidif; er findet sie fast todt. Wie es recht schlecht ist, erscheint ein Tableau, mit ihrem ganzen künftigen Lebenslaufe. Wie alle Menschen glauben, sie muss sterben, sagt sie, ich sterbe nicht; und bald ist sie gesund; hat sich aber des Tableau nicht ganz erinnern können, wenn sie gewollt hat, aber just, wenn sie am wenigsten daran gedacht hat, ist es vor ihr, wie aus den Wolken niedergesunken. Auf seinem letzten Geburtstag, bringt sie gerade eine schalkhafte Gesundheit an ihre Nachbarinn aus, wegen eines Liebesverständnisses mit einem jungen Officier. Mit einmal wird sie todtenblass und still, gibt aber Kopfschmerzen vor. Es ist aber das Tableau wie ein Blitz vor ihr niedergefahren und seitdem kann sie es sehen, wenn sie will, und weiss jeden Zufall ihres Lebens, ihre Todtesstunde, alles auf den Augenblick; ist froh und heiter, klagt nicht mehr über Leiden.

Die grössten Herren des Reichs frequentiren die Logen, z[um] B[eispiel] der Feldmarschall Pelegrini, Kaunitz, Montecuculi, der Statthalter von Ungarn.

Ein Oberster in Schlesien hört von einem Priester, dass Christus alle unsere Schulden bezahle. Gottlob, sagte er, von mir bekommen meine Creditores so nicht einen Pfennig.

Schwedenborg liess oft in seinem Garten vor 40 Personen die Tafel serviren; wenns fertig, schloss er sich allein im Garten ein. Ich sagte zu Roepert: aber kann ein Verklärter noch essen? Ey, sagte er: ass Christus nicht nach seiner Auferstehung. Ein guter Freund besucht ihn, er antwortet nichts, ist in tiefen Gedanken. Endlich kommt er zu sich und excusirt sich, er habe mit Gellert in Leipzig disputirt. Ein R[osen] K[reuzer] konnte nicht begreifen, dass die Seele im principio Gottes seye, und noch die Anfälle auf Geist und Leib fühlen könne. Der H[erzog] Fr[iedrich] bewies es ihm; so lange der Geist noch mit Finsterniss angefüllt sey, können alle finstern Kräfte, besonders die kakomagischen auf ihn wirken, drum

kann ein ziemlich frommer Mensch dennoch citirt werden. Der vollendete R[osen] K[reuzer] kann sich hier chymisch, physisch und geistig so reinigen, dass er nicht mehr mit geistiger und materieller Finsterniss harmonirt. A, ha! sagt jener, das ist das Kunststück. Halt, sagte der Herzog, dazu gehören, wie in den Naturarbeiten, zwey Feuer; wenn Sie blos das innere erwecken und kömmt das äussere nicht dazu, so werden Sie verbrennen; es wird das Feuer sich in zornige Centralhitze werwandeln, und es entsteht der Cacomagus; aber wenn es von dem andern tingirt wird, so gehen Sie den von Christo vorgeschriebenen Weg. Ein Priester machte ihm den Einwurf, ein Seeliger könne nie wieder retour kommen, der gute Gott würde ihn nicht in seiner Ruhe stöhren. Wissen Sie, warum er das glaubt, weil er weiss, wie fatal es ihm ist, wenn er des Nachts zum Kranken muss. Ich sagte, das ist die Bauchstheologie.

Der Geheimrath Beyer, der sich ganz erstaunend an mich attachirte, erzählte von einem Astrologen, den ein Minister bat, er solle ihm doch seine Todtesstunde sagen. Er antwortet mir: jetzt nicht, aber 3 Wochen vor ihrem Todte, und wenn ich auch sterbe, so will ich Sie vorher avertiren lassen. Endlich stirbt er nach vielen Jahren; so geht einmal ein Bedienter, der eben vom Minister kommt im Thiergarten: es kommt ihm ein Mensch aus dem Gebüsche entgegen, der ihm sagt: Kehre sogleich um, und sage dem Minister, nun wär's Zeit, er würde wohl wissen. Er wurde gleichsam magisch umgedreht und retournirt.

Der Minister hört ihn freudig zu, lässt Prediger kommen, die ihm seine Idee ausreden wollen, aber umsonst. Bestellt sein Haus. Den letzten Tag der 3-ten Woche giebt er eine grosse Fete; während derselben, wird mit einmal die Thüre aufgerissen. Keiner sieht was, der Minister steht auf, bückt sich tief gegen die offene Thüre sagt: «ich komme mit Freuden», geht auf die Thüre los. So wie er drinn tritt, rührt ihn aufm Fleck der Schlag: todt ist er. In Postdam war noch vor kurzem ein Soldat; der wusste alle Todtesfälle, Leichenbegängnisse der Stadt voraus, war selbst melancolisch, und keiner mochte ihn am Ende mehr fragen, weil alles eintraf. Der Auditeur von der Garde spasst einmal mit ihm, jener will nicht antworten, endlich wird er böse und sagt: lassen Sie mich ungeschoren, sonst werden Sie traurig zu Hause gehen. Er will nicht. Gut! Aus ihrem Hause wird eine Leiche so und so ausgetragen. Der Auditeur wohnt ganz allein, wird also confuse, es besucht ihn aber ein Freund, und der war's. Eine Mutter bittet ihre 3 Kinder zu sich, sagt ihnen, sie würde sterben, bittet an ihrem Sterbtage eine grosse Gesellschaft, erscheint im weissen Todtenkleide, ist munter, nach Tisch legt sie sich ins Bette und stirbt.

In Stettin soll vor Zeiten ein Mensch alle Todesfälle voraus gewusst haben, endlich sagte er auch seinen in der nächsten Nacht. Er setzt sich den Abend in seiner Stube auf einen grossen Stuhl, hängt seine Uhr an die Wand, betet, und sieht auf die Uhr, alle Thüren sind voll Zuschauer, den Morgen um 3 zweifelt er an der Wahrheit, schüttelt mit dem Kopfe vor Verwunderung, dass er nicht todt ist, will aufstehen, greift nach der Uhr, in dem Augenblick fällt vor ihm was nieder und schlägt ihn todt. In Preussen in einer kleinen Stadt ist ein anderer Schwedenborg, der

kann ein ziemlich frommer Mensch dennoch citirt werden. Der vollendete R[osen] K[reuzer] kann sich hier chymisch, physisch und geistig so reinigen, dass er nicht mehr mit geistiger und materieller Finsterniss harmonirt. A, ha! sagt jener, das ist das Kunststück. Halt, sagte der Herzog, dazu gehören, wie in den Naturarbeiten, zwey Feuer; wenn Sie blos das innere erwecken und kömmt das äussere nicht dazu, so werden Sie verbrennen; es wird das Feuer sich in zornige Centralhitze werwandeln, und es entsteht der Cacomagus; aber wenn es von dem andern tingirt wird, so gehen Sie den von Christo vorgeschriebenen Weg. Ein Priester machte ihm den Einwurf, ein Seeliger könne nie wieder retour kommen, der gute Gott würde ihn nicht in seiner Ruhe stöhren. Wissen Sie, warum er das glaubt, weil er weiss, wie fatal es ihm ist, wenn er des Nachts zum Kranken muss. Ich sagte, das ist die Bauchstheologie.

Der Geheimrath Beyer, der sich ganz erstaunend an mich attachirte, erzählte von einem Astrologen, den ein Minister bat, er solle ihm doch seine Todtesstunde sagen. Er antwortet mir: jetzt nicht, aber 3 Wochen vor ihrem Todte, und wenn ich auch sterbe, so will ich Sie vorher avertiren lassen. Endlich stirbt er nach vielen Jahren; so geht einmal ein Bedienter, der eben vom Minister kommt im Thiergarten: es kommt ihm ein Mensch aus dem Gebüsche entgegen, der ihm sagt: Kehre sogleich um, und sage dem Minister, nun wär's Zeit, er würde wohl wissen. Er wurde gleichsam magisch umgedreht und retournirt.

Der Minister hört ihn freudig zu, lässt Prediger kommen, die ihm seine Idee ausreden wollen, aber umsonst. Bestellt sein Haus. Den letzten Tag der 3-ten Woche giebt er eine grosse Fete; während derselben, wird mit einmal die Thüre aufgerissen. Keiner sieht was, der Minister steht auf, bückt sich tief gegen die offene Thüre sagt: «ich komme mit Freuden», geht auf die Thüre los. So wie er drinn tritt, rührt ihn aufm Fleck der Schlag: todt ist er. In Postdam war noch vor kurzem ein Soldat; der wusste alle Todtesfälle, Leichenbegängnisse der Stadt voraus, war selbst melancolisch, und keiner mochte ihn am Ende mehr fragen, weil alles eintraf. Der Auditeur von der Garde spasst einmal mit ihm, jener will nicht antworten, endlich wird er böse und sagt: lassen Sie mich ungeschoren, sonst werden Sie traurig zu Hause gehen. Er will nicht. Gut! Aus ihrem Hause wird eine Leiche so und so ausgetragen. Der Auditeur wohnt ganz allein, wird also confuse, es besucht ihn aber ein Freund, und der war's. Eine Mutter bittet ihre 3 Kinder zu sich, sagt ihnen, sie würde sterben, bittet an ihrem Sterbtage eine grosse Gesellschaft, erscheint im weissen Todtenkleide, ist munter, nach Tisch legt sie sich ins Bette und stirbt.

In Stettin soll vor Zeiten ein Mensch alle Todesfälle voraus gewusst haben, endlich sagte er auch seinen in der nächsten Nacht. Er setzt sich den Abend in seiner Stube auf einen grossen Stuhl, hängt seine Uhr an die Wand, betet, und sieht auf die Uhr, alle Thüren sind voll Zuschauer, den Morgen um 3 zweifelt er an der Wahrheit, schüttelt mit dem Kopfe vor Verwunderung, dass er nicht todt ist, will aufstehen, greift nach der Uhr, in dem Augenblick fällt vor ihm was nieder und schlägt ihn todt. In Preussen in einer kleinen Stadt ist ein anderer Schwedenborg, der

so, wie dieser Stokholms Brand mit der Minute in London wusste, in seinem Städtchen Koenigsbergs Brand wusste. Ein Freund küsste ihn auf der Strasse, er antwortet ihm: gehen Sie geschwind zu Hause, bekehren Sie sich, sie müssen in ein paar Stunden sterben. Das Consistorium frägt ihn, wie er das wissen könne. «Ich sahe einen feurigen Strahl durch sein Herz fahren, wie sollte ich also seinen Todt nicht wissen, sie mögen mich martern, es ist Marter genug für mich, dass ich so viel sehe».

Hymen sagt. W[öllner] hätte gestern eine Rede gehalten, dass man ihm die Hände küssen sollte; er wäre erst bange gewesen und hätte gedacht, das muss besser kommen; endlich aber sey es gewesen comme il faut. Er adressirt sich immer an mich wegen Russland; da kommt er nun schön weg, er wollte den 3-ten Theil der Bibliotheck an Trubezkoy ,und Taddischef zusammen adressiren; das habe ich ihm ausgeredet, Trubezkoy wäre derangirt in seinen affaires domestiques, und Taddischef wäre ein Richard; Schade um den Mann, welch ein Eifer für Christum und seine Religion.

Pr[inz] Friedr[ich] sagte gestern: niemand als ein R[osen] Kr[eutzer] könne per analogiam (wenn er practisch die Verbindung und Harmonie des Untern mit dem Obern, die Nothwendigkeit des innern und äussern Natur-Feuers zum Universal Werk erkannt) die absolute Busse und Erleuchtung oder die Taufe mit Wasser und Geist begreifen.

Ich glaubte Gr[af] Lepell würde den 8-ten Gr[ad] bekommen, wie es heisst *), soll er erst den 5-ten haben, und ist doch ein Kerl über 30 Jahr, der den 4-ten Gr[ad] hatte, ehe ich Junior ward. Das ist zu toll mit uns Russen; Klaproth sagte, 2 Monath wäre zu wenig um die Chymie zu studieren; indessen würde es auf meinen Fleiss ankommen, also bin ich mit Lepell 2 Apotheker-Jungen, die recht beym krummen Vulcan blasen. Schlabbendorf sagte zu Gr. Lepell: Nehmen Sie sich in Acht, in Glogau ist eine Loge, die schwärmt; NB das ist Lestwitz seine.

Wenn ein R[osen] K[reuzer] stirbt, muss sein Wappen eingesandt werden, und jeder R[osen] K[reuzer] muss während jeder Minute seines Lebens solche Anstallten, mit den geheimen Schriften treffen, dass nicht ein Blätchen davon bey dem allerschleunigsten Todesfall in fremde Hände kömmt, welches noch der Ruhe seiner Seelen, wenn sie nicht schon ganz rein abgeschieden, Schaden bringen kann. Diess muss jedem Junior schon eingeprägt werden, und Garganus sein Wappen muss übersendet werden.

Du Bosque ist ein grosser Bruder, er war bey Schröpfer und starck in der Cacomagie.

W[öllner] sagte mir, das Volk glaube sogar in Berlin noch, dass der Teufel sich alle Jahr einen Braten von den Maçons hole am Johannis-Tage, und dass alle ihre guten Werke nur Blendwerk wären. Ich sagte W[öllner]: es scheine, das Simson den Russen nicht traue. Nein, sagte er, ganz und gar nicht, er hält sie immer für falsch und befürchtet, dass Sie ihr Opfer werden, denn Sie sind und bleiben doch immer ein Nemetz oder Canaille in den Augen der Nation.

---

*) Въ подлинникѣ: lässt.

so, wie dieser Stokholms Brand mit der Minute in London wusste, in seinem Städtchen Koenigsbergs Brand wusste. Ein Freund küsste ihn auf der Strasse, er antwortet ihm: gehen Sie geschwind zu Hause, bekehren Sie sich, sie müssen in ein paar Stunden sterben. Das Consistorium frägt ihn, wie er das wissen könne. «Ich sahe einen feurigen Strahl durch sein Herz fahren, wie sollte ich also seinen Todt nicht wissen, sie mögen mich martern, es ist Marter genug für mich, dass ich so viel sehe».

Hymen sagt. W[öllner] hätte gestern eine Rede gehalten, dass man ihm die Hände küssen sollte; er wäre erst bange gewesen und hätte gedacht, das muss besser kommen; endlich aber sey es gewesen comme il faut. Er adressirt sich immer an mich wegen Russland; da kommt er nun schön weg, er wollte den 3-ten Theil der Bibliotheck an Trubezkoy ,und Taddischef zusammen adressiren; das habe ich ihm ausgeredet, Trubezkoy wäre derangirt in seinen affaires domestiques, und Taddischef wäre ein Richard; Schade um den Mann, welch ein Eifer für Christum und seine Religion.

Pr[inz] Friedr[ich] sagte gestern: niemand als ein R[osen] Kr[eutzer] könne per analogiam (wenn er practisch die Verbindung und Harmonie des Untern mit dem Obern, die Nothwendigkeit des innern und äussern Natur-Feuers zum Universal Werk erkannt) die absolute Busse und Erleuchtung oder die Taufe mit Wasser und Geist begreifen.

Ich glaubte Gr[af] Lepell würde den 8-ten Gr[ad] bekommen, wie es heisst *), soll er erst den 5-ten haben, und ist doch ein Kerl über 30 Jahr, der den 4-ten Gr[ad] hatte, ehe ich Junior ward. Das ist zu toll mit uns Russen; Klaproth sagte, 2 Monath wäre zu wenig um die Chymie zu studieren; indessen würde es auf meinen Fleiss ankommen, also bin ich mit Lepell 2 Apotheker-Jungen, die recht beym krummen Vulcan blasen. Schlabbendorf sagte zu Gr. Lepell: Nehmen Sie sich in Acht, in Glogau ist eine Loge, die schwärmt; NB das ist Lestwitz seine.

Wenn ein R[osen] K[reuzer] stirbt, muss sein Wappen eingesandt werden, und jeder R[osen] K[reuzer] muss während jeder Minute seines Lebens solche Anstallten, mit den geheimen Schriften treffen, dass nicht ein Blätchen davon bey dem allerschleunigsten Todesfall in fremde Hände kömmt, welches noch der Ruhe seiner Seelen, wenn sie nicht schon ganz rein abgeschieden, Schaden bringen kann. Diess muss jedem Junior schon eingeprägt werden, und Garganus sein Wappen muss übersendet werden.

Du Bosque ist ein grosser Bruder, er war bey Schröpfer und starck in der Cacomagie.

W[öllner] sagte mir, das Volk glaube sogar in Berlin noch, dass der Teufel sich alle Jahr einen Braten von den Maçons hole am Johannis-Tage, und dass alle ihre guten Werke nur Blendwerk wären. Ich sagte W[öllner]: es scheine, das Simson den Russen nicht traue. Nein, sagte er, ganz und gar nicht, er hält sie immer für falsch und befürchtet, dass Sie ihr Opfer werden, denn Sie sind und bleiben doch immer ein Nemetz oder Canaille in den Augen der Nation.

---

*) Въ подлинникѣ: lässt.

Unter den katholischen Mönchen gabs viele wahre Weise als Basilius Valentinus. Der Compass der Weisen ist für den 8-ten Gr[ad] geschrieben. Die Brüder müssen absolut den äussern Gottesdienst nicht verabsäumen; das ist Ordensbefehl, denn wir sollen in der Welt mit der Welt, und im Herzen ohne der Welt leben, und uns nicht davon kehren, wenn Gott für andere etwa einen andern Weg hat. Die Orden haben freylich einen weit kürzern Weg, aber wir sind noch nicht so weit.

Der Orden ist nicht eine Religionssekte, sondern das wahre hohe Priesterthum Christi, so lange er unbekannt bleibt; sonst würde er so gut zertrümmert, wie alle andere Partheyen.

Zu W[öllner], gab ihm den heuterhaltenen Brief von R[e]pn[in]; er sagte: nach dem was Holland vom Gr[oss] F[ürsten] gesagt, können wir ihn ohne Furcht der Zukunft recipiren.

Den Eid müssen wir den Russen recht ans Herz legen: dass dadurch die Ordens phisische Mittel im Nothfall zu brauchen berechtiget wären, weil sie Priester ja Ober Priester Jesu.

Pr[inz] Eugen u[nd] W[öllner] sagt, der Gr[oss] F[ürst] sey in guten Händen, gewiss sehr gut! W[öllner] sagte: es ist dem Orden mit grossen Herren nicht gedient, ja die Väter sehen es nicht einmal gern: aber wenn sie unverdorben sind, was so rar, so muss man sie bei jetzigen Zeiten für Cacomagisten in Schutz nehmen, ihre und ihrer Unterthanen Seelen dadurch retten.

Ein Bruder bringt W[öllner] die Calculatur-Listen, und die Originale im Chiffre verliert er; ist untröstbar. W[öllner] tröstet ihn, es würde schon jemand sie finden, sie würden nicht in böse Hände fallen. Ein gemeiner Mensch findet sie, hält den Chiffre für Russisch; hört, dass Baron Schroeder aus Russland hier sey, wollte sie mir bringen; wie er von der Recompense eines Friedrichs d'or hört, und sie an Theden bringt. Ich soll den Russen deutlich expliciren, dass die Ordens-Obern mit ihren Schatten gesund machen, und so gut wie die Apostel sagen könnten, «wache auf von den Todten», wenn sie es dem Plane Gottes gemäss fänden. Den ganzen Abend mit Theden laborirt; 3 verschiedene Röthen gesehen, wovon eine ganz christall-helle war. Er hat mir hart verboten keinem Russen zu sagen, aber ich kanns Ihnen nicht verbergen. Nunmehr habe es mit meinen Augen gesehen von einem Greise von 80 Jahren; wer kann es also mir abdisputiren?

Der Herzog von Curland ist ein solcher Feind von Massons, dass er sich von seinen beyden Schwägern hat schwören lassen, dass sie nie Frey-Maurer werden wollten.

Die Illuminaten erlauben vielen von ihren Jüngern, sich in alle geheimen Verbindungen einzulassen, um nur zu rapportiren. Niemand wird besser das schöne Buch «des Geheimnisses vom Kreutz» verstehen, als ein R[osen] K[reuzer], denn der weiss die Verbindung des Obern mit dem Untern, des Innern mit dem Äussern.

W[öllner] hat zu Raven gesagt, das elende Goldmachen sey nur ein Punkt von den Kenntnissen des Ordens, nur eine Zugabe; der Alte hat es, glaube ich, noch immer im Kopf.

Unter den katholischen Mönchen gabs viele wahre Weise als Basilius Valentinus. Der Compass der Weisen ist für den 8-ten Gr[ad] geschrieben. Die Brüder müssen absolut den äussern Gottesdienst nicht verabsäumen; das ist Ordensbefehl, denn wir sollen in der Welt mit der Welt, und im Herzen ohne der Welt leben, und uns nicht davon kehren, wenn Gott für andere etwa einen andern Weg hat. Die Orden haben freylich einen weit kürzern Weg, aber wir sind noch nicht so weit.

Der Orden ist nicht eine Religionssekte, sondern das wahre hohe Priesterthum Christi, so lange er unbekannt bleibt; sonst würde er so gut zertrümmert, wie alle andere Partheyen.

Zu W[öllner], gab ihm den heuterhaltenen Brief von R[e]pn[in]; er sagte: nach dem was Holland vom Gr[oss] F[ürsten] gesagt, können wir ihn ohne Furcht der Zukunft recipiren.

Den Eid müssen wir den Russen recht ans Herz legen: dass dadurch die Ordens phisische Mittel im Nothfall zu brauchen berechtiget wären, weil sie Priester ja Ober Priester Jesu.

Pr[inz] Eugen u[nd] W[öllner] sagt, der Gr[oss] F[ürst] sey in guten Händen, gewiss sehr gut! W[öllner] sagte: es ist dem Orden mit grossen Herren nicht gedient, ja die Väter sehen es nicht einmal gern: aber wenn sie unverdorben sind, was so rar, so muss man sie bei jetzigen Zeiten für Cacomagisten in Schutz nehmen, ihre und ihrer Unterthanen Seelen dadurch retten.

Ein Bruder bringt W[öllner] die Calculatur-Listen, und die Originale im Chiffre verliert er; ist untröstbar. W[öllner] tröstet ihn, es würde schon jemand sie finden, sie würden nicht in böse Hände fallen. Ein gemeiner Mensch findet sie, hält den Chiffre für Russisch; hört, dass Baron Schroeder aus Russland hier sey, wollte sie mir bringen; wie er von der Recompense eines Friedrichs d'or hört, und sie an Theden bringt. Ich soll den Russen deutlich expliciren, dass die Ordens-Obern mit ihren Schatten gesund machen, und so gut wie die Apostel sagen könnten, «wache auf von den Todten», wenn sie es dem Plane Gottes gemäss fänden. Den ganzen Abend mit Theden laborirt; 3 verschiedene Röthen gesehen, wovon eine ganz christall-helle war. Er hat mir hart verboten keinem Russen zu sagen, aber ich kanns Ihnen nicht verbergen. Nunmehr habe es mit meinen Augen gesehen von einem Greise von 80 Jahren; wer kann es also mir abdisputiren?

Der Herzog von Curland ist ein solcher Feind von Massons, dass er sich von seinen beyden Schwägern hat schwören lassen, dass sie nie Frey-Maurer werden wollten.

Die Illuminaten erlauben vielen von ihren Jüngern, sich in alle geheimen Verbindungen einzulassen, um nur zu rapportiren. Niemand wird besser das schöne Buch «des Geheimnisses vom Kreutz» verstehen, als ein R[osen] K[reuzer], denn der weiss die Verbindung des Obern mit dem Untern, des Innern mit dem Äussern.

W[öllner] hat zu Raven gesagt, das elende Goldmachen sey nur ein Punkt von den Kenntnissen des Ordens, nur eine Zugabe; der Alte hat es, glaube ich, noch immer im Kopf.

Ungeachtet ich heute um 3 Uhr bey W[öllner] kam, so hatte er noch nicht so viel Zeit sich abmüssigen können, ein bischen zu essen. Ich blieb in seiner Stube allein, er sagte: «Sie können sehen, welch uneingeschränktes Vertrauen ich zu Sie habe, dess hat sich noch kein Ordens-Bruder rühmen können; sein Ordens Buch lag da offen.

Raven sagte: der Kranz so sich ganz oben am Tochte ansetze, wenn es brenne, sey wahre jungfräuliche Erde.

Den 9-ten. Heute endlich eingeweyht zum R[osen] K[reuzer]. Ach, erbarmender Gott, lass mich nicht fallen. Du Herr Cebaoth! O, wie ruhig könnte ich nun das Ende abwarten, wie wohl wäre mir, wenn ich nicht durch Eine noch an Welt und irdisches vergängliches Wesen angebunden wäre. Dennoch ist mir schon leichter, Liebe unter Seelen ist eine göttliche Empfindung, und nicht strafbar, so lange der schwache Mensch sich bemüht, die Wollust nicht zum Gegenstand seiner Liebe zu machen. Ist doch auch 8-ten Gr[ads] Brüdern das Heyrathen nicht untersagt, aber besser ists freylich. Nun mag Gott über mich disponiren. Ich ging nach der Reception zu Hause, betete, blieb in mir concentrirt, um die heilige Reception nachzudenken. Mit Gewalt sollte ich bey Herz[og] Fr[iedrich] zu Tische bleiben, der Tag war mir zu heilig, ich schlich mich fort, um mich nicht zu zerstreuen, um mir nichts für meine Russen entwischen zu lassen und um die schweren Sachen zu verdauen. Gott sey gelobt. — Amen. Amen. Amen.

W[öllner] sprach viel von dem ungebildeten Charakter der Russen, dass vorzüglich ihr Mangel der edeln Schamhaftigkeit das Barbarische der Nation caracterisire, dass sie dies mit den allerwildesten Völckern gemein hätten. Das Iesuiten-Tapis will er express einschicken. Die Silhuettes aller Brüder gab ich heute. Von ihm wieder zu Theden, der brummte, wie ich ihm etwas nicht zu Dank laborirte. Hören Sie, sagte er, wenn ich bey Ihnen nach Russland käme etwas zu lernen, so würde ich mich nach Ihrer Art richten, richten Sie sich also hübsch hier nach meiner. Ja, ja, sagte ich, kommen Sie nur einmal zu uns, wir werden Sie auf den Händen tragen, das wäre mein grösstes Unglück, wenn ich in das Land müsste, wo keine Redlichkeit zu finden ist. Nein, lieber heute sterben.

Theden gab mir eine Probe von Golde, das in der Putrefaction begriffen.

Man thut unrecht, wenn man den Russen den Ihnen mit der Muttermilch eingeprägten Hass gegen Fremde Nemetz so übel auslegt. Das Würtembergische Haus hat die Heyrath von Pr[inz] Louis mit der ersten Starosten-Tochter in Pohlen, Tschartoriskij *) nicht zugeben wollen, eine Parthie die eben so ungleich, als mit einer russischen Fürstin wäre.

Also Stolz, Eigendünkel regiert die ganze Welt; ein Mensch verachtet den andern. Warum soll man denn **) just von den Russen alles Gute erwarten.

Der Styl der Rosen-Kreutzer-Akten ist noch in vielen Oberdeutschen Provinzen recipirt, als Oesterreich, Schwaben etc. Es ist das alte deutsche, was im 15-ten Seculo von den Hochdeutschen unterdrückt ward. Wahrscheinlich hat der Orden im

*) Въ подлинникѣ: Schatorinsky.

**) Въ подлинникѣ: den.

Ungeachtet ich heute um 3 Uhr bey W[öllner] kam, so hatte er noch nicht so viel Zeit sich abmüssigen können, ein bischen zu essen. Ich blieb in seiner Stube allein, er sagte: «Sie können sehen, welch uneingeschränktes Vertrauen ich zu Sie habe, dess hat sich noch kein Ordens-Bruder rühmen können; sein Ordens Buch lag da offen.

Raven sagte: der Kranz so sich ganz oben am Tochte ansetze, wenn es brenne, sey wahre jungfräuliche Erde.

Den 9-ten. Heute endlich eingeweyht zum R[osen] K[reuzer]. Ach, erbarmender Gott, lass mich nicht fallen. Du Herr Cebaoth! O, wie ruhig könnte ich nun das Ende abwarten, wie wohl wäre mir, wenn ich nicht durch Eine noch an Welt und irdisches vergängliches Wesen angebunden wäre. Dennoch ist mir schon leichter, Liebe unter Seelen ist eine göttliche Empfindung, und nicht strafbar, so lange der schwache Mensch sich bemüht, die Wollust nicht zum Gegenstand seiner Liebe zu machen. Ist doch auch 8-ten Gr[ads] Brüdern das Heyrathen nicht untersagt, aber besser ists freylich. Nun mag Gott über mich disponiren. Ich ging nach der Reception zu Hause, betete, blieb in mir concentrirt, um die heilige Reception nachzudenken. Mit Gewalt sollte ich bey Herz[og] Fr[iedrich] zu Tische bleiben, der Tag war mir zu heilig, ich schlich mich fort, um mich nicht zu zerstreuen, um mir nichts für meine Russen entwischen zu lassen und um die schweren Sachen zu verdauen. Gott sey gelobt. — Amen. Amen. Amen.

W[öllner] sprach viel von dem ungebildeten Charakter der Russen, dass vorzüglich ihr Mangel der edeln Schamhaftigkeit das Barbarische der Nation caracterisire, dass sie dies mit den allerwildesten Völckern gemein hätten. Das Iesuiten-Tapis will er express einschicken. Die Silhuettes aller Brüder gab ich heute. Von ihm wieder zu Theden, der brummte, wie ich ihm etwas nicht zu Dank laborirte. Hören Sie, sagte er, wenn ich bey Ihnen nach Russland käme etwas zu lernen, so würde ich mich nach Ihrer Art richten, richten Sie sich also hübsch hier nach meiner. Ja, ja, sagte ich, kommen Sie nur einmal zu uns, wir werden Sie auf den Händen tragen, das wäre mein grösstes Unglück, wenn ich in das Land müsste, wo keine Redlichkeit zu finden ist. Nein, lieber heute sterben.

Theden gab mir eine Probe von Golde, das in der Putrefaction begriffen.

Man thut unrecht, wenn man den Russen den Ihnen mit der Muttermilch eingeprägten Hass gegen Fremde Nemetz so übel auslegt. Das Würtembergische Haus hat die Heyrath von Pr[inz] Louis mit der ersten Starosten-Tochter in Pohlen, Tschartoriskij *) nicht zugeben wollen, eine Parthie die eben so ungleich, als mit einer russischen Fürstin wäre.

Also Stolz, Eigendünkel regiert die ganze Welt; ein Mensch verachtet den andern. Warum soll man denn **) just von den Russen alles Gute erwarten.

Der Styl der Rosen-Kreutzer-Akten ist noch in vielen Oberdeutschen Provinzen recipirt, als Oesterreich, Schwaben etc. Es ist das alte deutsche, was im 15-ten Seculo von den Hochdeutschen unterdrückt ward. Wahrscheinlich hat der Orden im

*) Въ подлинникѣ: Schatorinsky.

**) Въ подлинникѣ: den.

Catholischen noch seinen Hauptsitz und in Oberdeutschland. Schon Gugumus hatte die wahre Ordens-Gradation, dass der Grosse Orden bis zur Trennung der beyden Kirchen stets bey den ersten Vorstehern der selben gewesen sey, nachdem aber sich zurückgezogen, dennoch die Griechische Kirche nicht so ganz verlassen habe als die Catholische.

Die Schröpferischen Geschichten und die vielen interessanten Connoisancen von W[öllner] und Hymen auf den vielen Conventen und Reisen, waren die Ursache, dass die Brüder überzeugt wurden, es wären noch diese hohen geheimen Wissenschaften, an deren Existenz so viele zweifeln, würcklich in der Welt und in der Maurerey.

Röpert gab Stark ein italienisches Cabalistisches Manuscript, welches die Obern gerühmt, aber ihm verboten es zu lesen, weil es noch zu hoch für ihn; er will sich Erlaubniss ausbitten es mir nach Russland communiciren zu dürfen. Das wäre ein Schatz. Der Process der Clericorum ist ohne Feuer; vor Sonnenaufgang wird die Materie gesammelt, und muss fest verschlossen im Glase seyn, ehe die Sonne aufgeht; 40 Tage und Nächte in einem Loche im Berge stehen; aus dem Grabe genommen, das hellblaue Wasser von der Erde geschieden, und jene immer damit getränkt werden, nachdem die Arbeit 6 mal repetirt um ins Goldreich damit zu würken. Der Mensch blieb in der Peripherie, der Teufel fiel heraus, hätte Gott ihn nicht mit Fellen bekleidet, wäre er auch heraus gefallen. Im Hauptplan № 1 geht es herunter bis 9, das ist die Zahl des Menschen; er muss durch alle retour bis in 1 — 5. 6. oder 11 ist die abscheuligste Zahl 5/5 die nächstfolgende auf die Zahl 4, so des Menschen, der aus der Dreyeinigkeit geschaffen; 5/5 die Zahl wodurch er muss um ins Licht zu kommen, die wahre Quintessenz. Die Natur ist ja nicht um Gottes Willen, son dern um der Menschen Willen da. Alles wird durch 1 wieder in die 0 zurückkehren.

Simson bewies Pr[inz] Carl von Hessen, dass es ein Unterschied sey, wenn Geister von selbst aus freyer Wahl mit uns harmoniren und zu uns kommen, als wenn sie durch Naturzwang herbeygeruft. Die Juden sollen in allen Häusern diese Hieroglyphe ✡ worinn der Name Iehova stecken soll, haben, darum käme nie Feuer bey Ihnen aus.

ik. l..	a e.	q r.	W	Dies Alphabet erhielt mein Bruder in Göttingen.
bc. d..	f g.	s t.	Z X	
mn. o..	h p.	u v.	Y	

W[öllner] schrieb expres dem Herzog Ferd[inand]: da die Zeiten gekommen sind, wo die Cacomagie überhand nimmt, so haben uns unsere Obern das Gefährliche derselben erkennen lernen, und gewarnt; er schrieb auch ungefähr verblümt an den Herzog von Südermannland was ähnliches, aber alles umsonst.

W[öllner] sagt, Klaproth sey einer der grössten Profanen-Chymisten. Christus soll zu einem Juden der am Sabbath arbeitete, gesagt haben: weisst du, was du thust, so bist du heilig, weisst du es nicht, so bist du verflucht. W[öllner] erzählte mir, es habe ihn so frappirt, dass er nicht Contenance halten können, wie ich ihm

Catholischen noch seinen Hauptsitz und in Oberdeutschland. Schon Gugumus hatte die wahre Ordens-Gradation, dass der Grosse Orden bis zur Trennung der beyden Kirchen stets bey den ersten Vorstehern der selben gewesen sey, nachdem aber sich zurückgezogen, dennoch die Griechische Kirche nicht so ganz verlassen habe als die Catholische.

Die Schröpferischen Geschichten und die vielen interessanten Connoisancen von W[öllner] und Hymen auf den vielen Conventen und Reisen, waren die Ursache, dass die Brüder überzeugt wurden, es wären noch diese hohen geheimen Wissenschaften, an deren Existenz so viele zweifeln, würcklich in der Welt und in der Maurerey.

Röpert gab Stark ein italienisches Cabalistisches Manuscript, welches die Obern gerühmt, aber ihm verboten es zu lesen, weil es noch zu hoch für ihn; er will sich Erlaubniss ausbitten es mir nach Russland communiciren zu dürfen. Das wäre ein Schatz. Der Process der Clericorum ist ohne Feuer; vor Sonnenaufgang wird die Materie gesammelt, und muss fest verschlossen im Glase seyn, ehe die Sonne aufgeht; 40 Tage und Nächte in einem Loche im Berge stehen; aus dem Grabe genommen, das hellblaue Wasser von der Erde geschieden, und jene immer damit getränkt werden, nachdem die Arbeit 6 mal repetirt um ins Goldreich damit zu würken. Der Mensch blieb in der Peripherie, der Teufel fiel heraus, hätte Gott ihn nicht mit Fellen bekleidet, wäre er auch heraus gefallen. Im Hauptplan № 1 geht es herunter bis 9, das ist die Zahl des Menschen; er muss durch alle retour bis in 1 — 5. 6. oder 11 ist die abscheuligste Zahl 5/5 die nächstfolgende auf die Zahl 4, so des Menschen, der aus der Dreyeinigkeit geschaffen; 5/5 die Zahl wodurch er muss um ins Licht zu kommen, die wahre Quintessenz. Die Natur ist ja nicht um Gottes Willen, son dern um der Menschen Willen da. Alles wird durch 1 wieder in die 0 zurückkehren.

Simson bewies Pr[inz] Carl von Hessen, dass es ein Unterschied sey, wenn Geister von selbst aus freyer Wahl mit uns harmoniren und zu uns kommen, als wenn sie durch Naturzwang herbeygeruft. Die Juden sollen in allen Häusern diese Hieroglyphe ✡ worinn der Name Iehova stecken soll, haben, darum käme nie Feuer bey Ihnen aus.

ik. l..	a e.	q r.	W	Dies Alphabet erhielt mein Bruder in Göttingen.
bc. d..	f g.	s t.	Z X	
mn. o..	h p.	u v.	Y	

W[öllner] schrieb expres dem Herzog Ferd[inand]: da die Zeiten gekommen sind, wo die Cacomagie überhand nimmt, so haben uns unsere Obern das Gefährliche derselben erkennen lernen, und gewarnt; er schrieb auch ungefähr verblümt an den Herzog von Südermannland was ähnliches, aber alles umsonst.

W[öllner] sagt, Klaproth sey einer der grössten Profanen-Chymisten. Christus soll zu einem Juden der am Sabbath arbeitete, gesagt haben: weisst du, was du thust, so bist du heilig, weisst du es nicht, so bist du verflucht. W[öllner] erzählte mir, es habe ihn so frappirt, dass er nicht Contenance halten können, wie ich ihm

erzählt von meiner Reception im 8-ten Gr[ad], dass ein Greis meinem Vater das ganze Weltsystem in einem Glase auf einen Zimmer-Teller mit dem Lapide gezeigt habe. Ich kann mich Reichel nähern. Unser patriarchalischer Weg ist auch ohne Δ (Feuer). Anno 77 wurden die Arbeiten heruntergesetzt, daher die Δ Arbeiten in diesem Decennio; den Annulum versteht man nur nicht, sonst würde man ihn wohl patriarchalisch finden.

Er hat einen ganzen Rapport allein von R[epnin] gemacht und herrlich, 1) dass alles auf mich beruhe, 2) dass die R[ussen] überspannt, und zwar schon vor Gorgonus. 3) dass er um Hülfe bitte, 4) dass die Erndte in R[ussland] gross, der Arbeiter aber wenig 5) Repnin, seine Gedanken, 6) dass wunderliche Sachen aus der Geisterwelt in Russland täglich passirten, wovon Sacerdos eine Menge aparter Geschichten übersandt, 7) dass R[epnin] den Gr[oss] Fü[rsten] vortrefflich disponirt habe.

Seit vielen Decenniis haben wir solchen Bruder nicht gehabt als Heliconus.

Schröpfer citirte eine Frau, die zwey böse Geister verscheuchte. Bischofswerder erzählte es einem alten Rosenkreuzer, der sagte: Gott! Welch ein Bösewicht, dass *) war meine Frau, ein gutes Weib, wenig eitel, sie wird aber bald ausgelitten haben.

Gause sagte mir, der kenne in Wien ein Frauenzimmer, die blind, aber das schönste Clavier spiele, er habe Mesmer soweit geholfen, dass sie auf einen Augenblick sehen könne, sie habe aber vor Schmerzen die Kur nicht fortsetzen können. Auf 30 Schritte hätte er durch sein Magnetisiren ihr die schrecklichsten Schmerzen verursacht. Dieser Kaufmann betheuerte aus mehrerer Erfahrung, Mesmer müsse was besonders wissen, so auch Calliostro; der habe verschiedene in Strasburg kurirt, die von allen aufgegeben. Das fast unbekannte Thibet soll von alten Christen bewohnt werden. Ihr König wird Priester genannt. Fast 10 Stämme Israels sind verloren. Kein Mensch weiss, wo sie hingekommen. Viele glauben, dass die Russen Juden sind. Wenigstens flohen die 10 Stämmen durchs Schwarze Meer gegen Norden nach der judischen Tradition.

Simson glaubt dass noch einmal die Wahre Maurerey aus dem Königreiche Thibet, Ritsch, hingegen, dass sie noch mal aus dem östlichen Russland kömmt. 1635 solle in Arabia mit Samaritanischen Buchstaben und vielerley Character in Syrischer Sprache geschrieben seyn gefunden worden

Q. V.	10
B. W.	20
F. K.	40
	70

Den 24-sten April erhielt ich von Porrectus den Brief, wo er meinetwegen die Bibel gefragt und Epistel an die Epheser [Cap.] 4, V. 12 gefunden. An eben diesem Tage erzählte mir W[öllner] folgendes: Ein Bar[on] Schroeder, Reichshofrath, nahm den Kaiser Franz auf; da er nun dem den 3-ten Grad gegeben, wollte er absolut Gold machen, und Schroeder, der so intim mit ihm umging, dass er in der Kayserl[ichen] Burg stets unangemeldet in sein geheimstes Cabinet ging, — einstens blieb er allein,

*) Такъ въ подлинникѣ: d a s s.

erzählt von meiner Reception im 8-ten Gr[ad], dass ein Greis meinem Vater das ganze Weltsystem in einem Glase auf einen Zimmer-Teller mit dem Lapide gezeigt habe. Ich kann mich Reichel nähern. Unser patriarchalischer Weg ist auch ohne Δ (Feuer). Anno 77 wurden die Arbeiten heruntergesetzt, daher die Δ Arbeiten in diesem Decennio; den Annulum versteht man nur nicht, sonst würde man ihn wohl patriarchalisch finden.

Er hat einen ganzen Rapport allein von R[epnin] gemacht und herrlich, 1) dass alles auf mich beruhe, 2) dass die R[ussen] überspannt, und zwar schon vor Gorgonus. 3) dass er um Hülfe bitte, 4) dass die Erndte in R[ussland] gross, der Arbeiter aber wenig 5) Repnin, seine Gedanken, 6) dass wunderliche Sachen aus der Geisterwelt in Russland täglich passirten, wovon Sacerdos eine Menge aparter Geschichten übersandt, 7) dass R[epnin] den Gr[oss] Fü[rsten] vortrefflich disponirt habe.

Seit vielen Decenniis haben wir solchen Bruder nicht gehabt als Heliconus.

Schröpfer citirte eine Frau, die zwey böse Geister verscheuchte. Bischofswerder erzählte es einem alten Rosenkreuzer, der sagte: Gott! Welch ein Bösewicht, dass *) war meine Frau, ein gutes Weib, wenig eitel, sie wird aber bald ausgelitten haben.

Gause sagte mir, der kenne in Wien ein Frauenzimmer, die blind, aber das schönste Clavier spiele, er habe Mesmer soweit geholfen, dass sie auf einen Augenblick sehen könne, sie habe aber vor Schmerzen die Kur nicht fortsetzen können. Auf 30 Schritte hätte er durch sein Magnetisiren ihr die schrecklichsten Schmerzen verursacht. Dieser Kaufmann betheuerte aus mehrerer Erfahrung, Mesmer müsse was besonders wissen, so auch Calliostro; der habe verschiedene in Strasburg kurirt, die von allen aufgegeben. Das fast unbekannte Thibet soll von alten Christen bewohnt werden. Ihr König wird Priester genannt. Fast 10 Stämme Israels sind verloren. Kein Mensch weiss, wo sie hingekommen. Viele glauben, dass die Russen Juden sind. Wenigstens flohen die 10 Stämmen durchs Schwarze Meer gegen Norden nach der judischen Tradition.

Simson glaubt dass noch einmal die Wahre Maurerey aus dem Königreiche Thibet, Ritsch, hingegen, dass sie noch mal aus dem östlichen Russland kömmt. 1635 solle in Arabia mit Samaritanischen Buchstaben und vielerley Character in Syrischer Sprache geschrieben seyn gefunden worden

Q. V.	10
B. W.	20
F. K.	40
	70

Den 24-sten April erhielt ich von Porrectus den Brief, wo er meinetwegen die Bibel gefragt und Epistel an die Epheser [Cap.] 4, V. 12 gefunden. An eben diesem Tage erzählte mir W[öllner] folgendes: Ein Bar[on] Schroeder, Reichshofrath, nahm den Kaiser Franz auf; da er nun dem den 3-ten Grad gegeben, wollte er absolut Gold machen, und Schroeder, der so intim mit ihm umging, dass er in der Kayserl[ichen] Burg stets unangemeldet in sein geheimstes Cabinet ging, — einstens blieb er allein,

*) Такъ въ подлинникѣ: d a s s.

und befahl dem Bedienten, alle[n] Menschen abzusagen; den Abend fand der Bediente ihn ohne Kopf in seinem Laboratorio. Habe ich dies etwa zu erwarten? Wie Gott will.

Ein Mann kann durch den Magnetismum ein Weib so weit bringen, dass sie das thun muss, was er scharf denkt. Auf den Obelisken war immer ein Schmetterling oder Schlange, das erste bedeutet die Aufsteigung oder Wiedergeburth, das 2-te — Seele; Heva, Eva. Das alte schwedische System ist Religion. Im 7-ten Grade bey der Reception wird was rothes in einer Büchse gegeben. August der 1-ste von Sachsen machte nach der Reformation sicher Gold, baute viel, fand das Land in Schulden. Er oder sein Nachfolger zeigte an den Kaiser Rudolph den 2-ten, 18 millionen in Gold, einer borgte über 7.000.000 an den Kaiser wofür Sachsen noch die Niederlausitz hat.

Ein Reisender durch Africa hat versichert, dass just da, wo man auf der Karte Wüsten mahlte, die herlichsten Gegenden und Clima wären. Der König von Abyssinien heisst der Priester St. Iohannis; man findet lauter griechische Ceremonien, Klöster unter ihnen.

Dem Fürst Dolgorucki in Berlin erschien ein Fürst Gallitzin bey Tafel in Uniform, wie er gegen die Türken erschossen ward.

Schröpfer citirte Wolcken, und liess den Blitz im Baum schlagen, er soll jemand durch den Teufel bewiesen haben, dass Jesus der Sohn Gottes, dessen Herrschaft sie fühlten.

Nach Christi Tod wich die Gegenwart Gottes aus dem Tempel, und mit ihr alle Kraft. daher die Idee, Christus habe das Schemhamphorasch gestohlen.

In Portugal soll eine Dame seyn, die in der Erde und im Menschen sieht. Z[um] E[xempel], als Kind sagte sie ihrer Mutter: unsere Magd hat ein Kleines; auf einer Reise: hier liegt eine schöne Antique. Die Akademie in Paris soll sie haben wollen kommen lassen; es hat viel davon in Zeitungen gestanden; ihr Mann liess sie aber nicht. Der seelige Churfürst von Maynz war ein Magus, einer der 72 Jünger; er gab Schroepfer Pension und die wahre Weihe. Zwey oder drey Tage vor Schröpfers Tod erschien bey der Arbeit ein alter Tempel-Ritter, schalt ihn wegen seines Frevels und kündigte ihm den Tod an. Er sagte: ich folge, und es schien, dass alle elektrische Materie aus seinem Körper ausströme, der wie Lappen ward. Vorher war sein Spiegel schwarz geworden.

Wächter soll jährlich 40.000 Reichsthaler Pension von den Jesuiten haben, um junge regierende Herrn oder Trohnfolger ins Garn zu locken. NB.

In Ungarn soll Hochverrath in den Logen traktirt seyn, in Schweden Politik. Schroepfer soll nicht alle Menschen zugelassen, und sie erst mit Punsch traktirt haben. Ferner haben die Geister neumodische Schnallen getragen; es ist bekannt, dass er nach seinem Tode für einige 100 Reichsthaler Phosphorus in einer Apotheke schuldig geblieben. Er trug beständig Pistolen in der Tasche, um den zu erschiessen der ihn entlarvte. Die Zuseher aber waren durch seine im Punsch gemischten Sachen in solcher Situation, dass sie nichts unterscheiden konnten, zum Theil übel oder sehr angst wurden. In Wien soll schrecklich Zeug unter dem Deckmantel der Maurerey vorgehen.

und befahl dem Bedienten, alle[n] Menschen abzusagen; den Abend fand der Bediente ihn ohne Kopf in seinem Laboratorio. Habe ich dies etwa zu erwarten? Wie Gott will.

Ein Mann kann durch den Magnetismum ein Weib so weit bringen, dass sie das thun muss, was er scharf denkt. Auf den Obelisken war immer ein Schmetterling oder Schlange, das erste bedeutet die Aufsteigung oder Wiedergeburth, das 2-te — Seele; Heva, Eva. Das alte schwedische System ist Religion. Im 7-ten Grade bey der Reception wird was rothes in einer Büchse gegeben. August der 1-ste von Sachsen machte nach der Reformation sicher Gold, baute viel, fand das Land in Schulden. Er oder sein Nachfolger zeigte an den Kaiser Rudolph den 2-ten, 18 millionen in Gold, einer borgte über 7.000.000 an den Kaiser wofür Sachsen noch die Niederlausitz hat.

Ein Reisender durch Africa hat versichert, dass just da, wo man auf der Karte Wüsten mahlte, die herlichsten Gegenden und Clima wären. Der König von Abyssinien heisst der Priester St. Iohannis; man findet lauter griechische Ceremonien, Klöster unter ihnen.

Dem Fürst Dolgorucki in Berlin erschien ein Fürst Gallitzin bey Tafel in Uniform, wie er gegen die Türken erschossen ward.

Schröpfer citirte Wolcken, und liess den Blitz im Baum schlagen, er soll jemand durch den Teufel bewiesen haben, dass Jesus der Sohn Gottes, dessen Herrschaft sie fühlten.

Nach Christi Tod wich die Gegenwart Gottes aus dem Tempel, und mit ihr alle Kraft. daher die Idee, Christus habe das Schemhamphorasch gestohlen.

In Portugal soll eine Dame seyn, die in der Erde und im Menschen sieht. Z[um] E[xempel], als Kind sagte sie ihrer Mutter: unsere Magd hat ein Kleines; auf einer Reise: hier liegt eine schöne Antique. Die Akademie in Paris soll sie haben wollen kommen lassen; es hat viel davon in Zeitungen gestanden; ihr Mann liess sie aber nicht. Der seelige Churfürst von Maynz war ein Magus, einer der 72 Jünger; er gab Schroepfer Pension und die wahre Weihe. Zwey oder drey Tage vor Schröpfers Tod erschien bey der Arbeit ein alter Tempel-Ritter, schalt ihn wegen seines Frevels und kündigte ihm den Tod an. Er sagte: ich folge, und es schien, dass alle elektrische Materie aus seinem Körper ausströme, der wie Lappen ward. Vorher war sein Spiegel schwarz geworden.

Wächter soll jährlich 40.000 Reichsthaler Pension von den Jesuiten haben, um junge regierende Herrn oder Trohnfolger ins Garn zu locken. NB.

In Ungarn soll Hochverrath in den Logen traktirt seyn, in Schweden Politik. Schroepfer soll nicht alle Menschen zugelassen, und sie erst mit Punsch traktirt haben. Ferner haben die Geister neumodische Schnallen getragen; es ist bekannt, dass er nach seinem Tode für einige 100 Reichsthaler Phosphorus in einer Apotheke schuldig geblieben. Er trug beständig Pistolen in der Tasche, um den zu erschiessen der ihn entlarvte. Die Zuseher aber waren durch seine im Punsch gemischten Sachen in solcher Situation, dass sie nichts unterscheiden konnten, zum Theil übel oder sehr angst wurden. In Wien soll schrecklich Zeug unter dem Deckmantel der Maurerey vorgehen.

Zum Buchhändler Brönner in Frankfurth kommt ein Fremder und sagt, Sie sind Meister vom Stuhl einer Loge, ich hätte Ihnen wohl etwas zu zeigen, kommen Sie heute Abend zu mir. Der Fremde kommt und nimmt Fensterbley, lässt es schmelzen, schmeisst ein Bisschen Pulver darauf, und giesst es auf die Erde, gibt es ihm (die Massa sah schwarz, unansehnlich aus) und bittet es probiren zu lassen. Sie laufen zum Goldschmidt, der erstaunt über solches schönes reines Gold. Sie suchen sogleich den Fremden wieder, weg war er.

Einen lebenden zu citiren ist gefährlich, denn er erscheint in der Beschäftigung, worinn er ist, und fällt dort in Ohnmacht.

Einmal erschien eine grosse Feuerkugel und lief immer in der Stube herum. Oft musste Schr[öpfer] vor der Thüre mit dem Geiste hinaus, und da gings ans Balgen. Wenn die Geister auch nicht gleich die ganze menschliche Figur angenommen hatten, wenn sie erschienen, so formirten sie sich doch nach und nach von unten auf wie ein Rauch. Grattman musste Schr[öpfer] oft zu Hülfe kommen. Oft war so ein Brausen und Sausen um sie herum, dass ihnen der Othem stehen blieb, und oft einer umfiel. Nach der Arbeit, wurden [sie] erst wieder zu sich gebracht.

Herzog Ferdinand schickte einen Cavalier nach Leipzig, weil Schröpfer den Tempel-Orden öffentlich ridicul machte, ihn anzugreifen. Schr[öpfer] sagte es ihm aber, dass er's wisse, machte ihm eine Arbeit den Abend, der fiel vor ihm auf die Knie und sagte: Herr, nun bin ich dein Jünger, nimm mich an. Er drang einmal mit Gewalt in D. Eck seine Loge, sagte dem eben aufgenommenen, dies wären alles Lügen, er wolle ihm die Wahrheit zeigen und fing seine Operations des Citirens an. Er brusquirte alle alte ehrliche Maçons durch seine Teufelskünste.

Den 10-ten März kam der alte Taddischef und hat grässlich von Nowikow gesprochen.

Den 21-ten März. Heute Morgen mir zur Ader gelassen, und mit meinem Blute dem R[osen] K[reuzer] O[rden] verschrieben. Heute Mittag wurde bey Tisch erzählt, dass der Pr[inz] Wesemsky 3.000 Bauern durch einen Process gewonnen; gleich war mein Viehmensch da, und machte Plans; ich, der ich schon versichert, blos für den Orden zu leben — Weh mir!

Wie ich eben die alten Papiere arrangirte, die viele Jahre in einem Chaos bey mir gelegen, fiel mir mit einmal dies alte Journal in die Hände, und ich bat Gott um Beystand von heute an, es wieder fortzusetzen. Dies Journal soll auf folgenden Grundsätzen *) gebaut seyn, nähmlich da die hochgeehrte M[-elle] A[ntoinette] Bourignon im Traité admirable de la solide vertu, welches ich just an Lapuchin zurückgegeben ohne es gelesen zu [haben], beweist:

Que pour atteindre à la vraie vertu il faut

1) Abandonner le monde, et ne se plus comformer à lui.

2) — la convoitise, par une totale mortification de la nature corrompue, se contentant du simple necessaire et du moindre en toutes choses.

---

*) Въ подлинникѣ: folgende grundsätze.

Zum Buchhändler Brönner in Frankfurth kommt ein Fremder und sagt, Sie sind Meister vom Stuhl einer Loge, ich hätte Ihnen wohl etwas zu zeigen, kommen Sie heute Abend zu mir. Der Fremde kommt und nimmt Fensterbley, lässt es schmelzen, schmeisst ein Bisschen Pulver darauf, und giesst es auf die Erde, gibt es ihm (die Massa sah schwarz, unansehnlich aus) und bittet es probiren zu lassen. Sie laufen zum Goldschmidt, der erstaunt über solches schönes reines Gold. Sie suchen sogleich den Fremden wieder, weg war er.

Einen lebenden zu citiren ist gefährlich, denn er erscheint in der Beschäftigung, worinn er ist, und fällt dort in Ohnmacht.

Einmal erschien eine grosse Feuerkugel und lief immer in der Stube herum. Oft musste Schr[öpfer] vor der Thüre mit dem Geiste hinaus, und da gings ans Balgen. Wenn die Geister auch nicht gleich die ganze menschliche Figur angenommen hatten, wenn sie erschienen, so formirten sie sich doch nach und nach von unten auf wie ein Rauch. Grattman musste Schr[öpfer] oft zu Hülfe kommen. Oft war so ein Brausen und Sausen um sie herum, dass ihnen der Othem stehen blieb, und oft einer umfiel. Nach der Arbeit, wurden [sie] erst wieder zu sich gebracht.

Herzog Ferdinand schickte einen Cavalier nach Leipzig, weil Schröpfer den Tempel-Orden öffentlich ridicul machte, ihn anzugreifen. Schr[öpfer] sagte es ihm aber, dass er's wisse, machte ihm eine Arbeit den Abend, der fiel vor ihm auf die Knie und sagte: Herr, nun bin ich dein Jünger, nimm mich an. Er drang einmal mit Gewalt in D. Eck seine Loge, sagte dem eben aufgenommenen, dies wären alles Lügen, er wolle ihm die Wahrheit zeigen und fing seine Operations des Citirens an. Er brusquirte alle alte ehrliche Maçons durch seine Teufelskünste.

Den 10-ten März kam der alte Taddischef und hat grässlich von Nowikow gesprochen.

Den 21-ten März. Heute Morgen mir zur Ader gelassen, und mit meinem Blute dem R[osen] K[reuzer] O[rden] verschrieben. Heute Mittag wurde bey Tisch erzählt, dass der Pr[inz] Wesemsky 3.000 Bauern durch einen Process gewonnen; gleich war mein Viehmensch da, und machte Plans; ich, der ich schon versichert, blos für den Orden zu leben — Weh mir!

Wie ich eben die alten Papiere arrangirte, die viele Jahre in einem Chaos bey mir gelegen, fiel mir mit einmal dies alte Journal in die Hände, und ich bat Gott um Beystand von heute an, es wieder fortzusetzen. Dies Journal soll auf folgenden Grundsätzen *) gebaut seyn, nähmlich da die hochgeehrte M[-elle] A[ntoinette] Bourignon im Traité admirable de la solide vertu, welches ich just an Lapuchin zurückgegeben ohne es gelesen zu [haben], beweist:

Que pour atteindre à la vraie vertu il faut

1) Abandonner le monde, et ne se plus comformer à lui.

2) — la convoitise, par une totale mortification de la nature corrompue, se contentant du simple necessaire et du moindre en toutes choses.

---

*) Въ подлинникѣ: folgende grundsätze.

3) Abandonner et renoncer la propre volonté tant grands que petits, irregenerés que regenerés, et la combattre jusq' à la mort ainsi qu'a fait J. C. même venant nous montrer par Lui même et Sa propre Personne, comment en Le suivant et faisant comme Lui nous pourrons trouver la voye, de sortir hors de nos ordures pour être réunis à Dieu.

So muss ich mir besser und tiefer auf die Zähne fühlen den Schaden erst entdecken, und nicht aufs gerade Wohl in den Tag hineinrasen. Gott kann ohnedem meiner Astrol[ogie] wegen mich strenger als andere richten; dies Journal muss also so astrologisch wie mögl[ich] d. i. so genau und so unpartheisch seyn als Gott mir Kräfte dazu schenken wird.

Träume. Gesichter.

In der Nacht vom 8-ten auf den 9-ten November sahe ich erst einen aufsteigenden kleinen Rauch, dann loderndes Feuer; es war mir bekannt, dass Verräther diss angelegt hätten, um das Haus zu zerstören, auf einmal gab es schreckliche Knalle, und das Haus ging zu Grunde.

Den 4-ten Febr[uar] 1787. des Nachts in Moskau nach einem vorhergegangenen Aerger und zwey darauf ausgetrunkenen Portionen Caffé stieg vor mir ein sehr dunkel bluthrothes Quadrat in der Grösse eines Thalers und 3 Schritte von mir ab die Strahlen darum waren matt, und hellgelb. Es fing an zu steigen und verlohr sich.

Skizzen aus meinem Leben.

Zu künftiger Ordnung meiner Geschichte und also zu genauem Selbsterkenntniss zu gebrauchen.

Gebohren 1757 d. 8-ten July Morgens zwischen 5 u 6 Uhr, also in einer Planeten-Nacht und Sonnen-Tag.

Ein Weib aus dem Dorfe soll gesagt haben bald nach der Geburth im Erstaunen über meine Grösse: «Wat dat förn groter Esel ist, wie dö seine Mutter beschwert hat».

Ein altes Weib hat mir als Kind gesagt: «Das arme Kind wird sein Brod weit, weit suchen müssen», am Ende hat sie mir viel Glück und Reichthum geweissagt.

Als Kind war ich stupid, stets ungeschickt und ausserordentlich blöde und schamhaft. Ich war geizig zur Wollust geneigt, hochmüthig und s. w.

1776 d. 17 Febr[uar] ist der Tag meiner Reception in der Loge zu den 3 Sternen in Rostok.

1778 d. 8-ten April ist das Datum meines Johanns Meisters Patents. Ein wichtig Jahr für meine Geschichte.

3) Abandonner et renoncer la propre volonté tant grands que petits, irregenerés que regenerés, et la combattre jusq' à la mort ainsi qu'a fait J. C. même venant nous montrer par Lui même et Sa propre Personne, comment en Le suivant et faisant comme Lui nous pourrons trouver la voye, de sortir hors de nos ordures pour être réunis à Dieu.

So muss ich mir besser und tiefer auf die Zähne fühlen den Schaden erst entdecken, und nicht aufs gerade Wohl in den Tag hineinrasen. Gott kann ohnedem meiner Astrol[ogie] wegen mich strenger als andere richten; dies Journal muss also so astrologisch wie mögl[ich] d. i. so genau und so unpartheisch seyn als Gott mir Kräfte dazu schenken wird.

Träume. Gesichter.

In der Nacht vom 8-ten auf den 9-ten November sahe ich erst einen aufsteigenden kleinen Rauch, dann loderndes Feuer; es war mir bekannt, dass Verräther diss angelegt hätten, um das Haus zu zerstören, auf einmal gab es schreckliche Knalle, und das Haus ging zu Grunde.

Den 4-ten Febr[uar] 1787. des Nachts in Moskau nach einem vorhergegangenen Aerger und zwey darauf ausgetrunkenen Portionen Caffé stieg vor mir ein sehr dunkel bluthrothes Quadrat in der Grösse eines Thalers und 3 Schritte von mir ab die Strahlen darum waren matt, und hellgelb. Es fing an zu steigen und verlohr sich.

Skizzen aus meinem Leben.

Zu künftiger Ordnung meiner Geschichte und also zu genauem Selbsterkenntniss zu gebrauchen.

Gebohren 1757 d. 8-ten July Morgens zwischen 5 u 6 Uhr, also in einer Planeten-Nacht und Sonnen-Tag.

Ein Weib aus dem Dorfe soll gesagt haben bald nach der Geburth im Erstaunen über meine Grösse: «Wat dat förn groter Esel ist, wie dö seine Mutter beschwert hat».

Ein altes Weib hat mir als Kind gesagt: «Das arme Kind wird sein Brod weit, weit suchen müssen», am Ende hat sie mir viel Glück und Reichthum geweissagt.

Als Kind war ich stupid, stets ungeschickt und ausserordentlich blöde und schamhaft. Ich war geizig zur Wollust geneigt, hochmüthig und s. w.

1776 d. 17 Febr[uar] ist der Tag meiner Reception in der Loge zu den 3 Sternen in Rostok.

1778 d. 8-ten April ist das Datum meines Johanns Meisters Patents. Ein wichtig Jahr für meine Geschichte.

I.

А. А. РЖЕВСКІЙ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

С.-Петербургъ. 25 февраля, 1780.

П. бр. кн. Николай Никитичъ!

Братски прошу васъ меня извинить, что я вамъ не отвѣчалъ на письмо ваше ко мнѣ, отправленное прежде. Здѣсь столько суетъ и недосуговъ, что ей-ей, время не было, но теперь хочу вамъ писать на него.

Я не дивлюсь, высокопочт. бр., что вы, разполагая мнѣніе свое по первымъ моимъ разсужденіямъ или паче словамъ о Царственной Наукѣ, были со мною не чистосердечны. Я извиняю тѣмъ паче, что я бы самъ такъ сдѣлалъ, какъ отчасти я въ томъ же проступкѣ и былъ самъ передъ тобою въ первомъ моемъ письмѣ, говоря о еврейскомъ языкѣ, говорилъ закрыто; теперь я вижу, высок. бр., что вы не только радикъ аллегоріи сего языка имѣете извѣстнымъ, но и литеръ С. Б. М. значеніе знаете. Ети-то науки или секреты я называлъ въ первомъ моемъ письмѣ чистительнымъ знаніемъ (но заклинаю тебя святостію и важностію сихъ литеръ о етомъ не говорить никому, что я объясняюсь съ вами тако).

Вы мнѣ пишете, что вамъ извѣстно значеніе литеръ І. — В. — М. — В.; слѣдовательно, вамъ должно знать, что нѣкогда вы мнѣ сказывали знаменованіе или толкованіе сихъ литеръ, что сіе толкованіе не есть послѣднее значеніе сихъ литеръ, и что ето ваше толкованіе есть одного приключенія историческаго, которое было въ 1314 году; но гораздо прежде слова*) І. и В. извѣстны были, какъ и теперь видить можно во 2-й кн[игѣ] Царствъ въ библіи ети слова, гдѣ Соломонъ еще говоритъ въ пріуготовленіи Храма Іерусалимскаго, что по лѣвую сторону соорудить столбъ І., а по правую В.; слѣдовательно, прежде еще б. ети слова уже были, и такъ

*) Въ подлинникѣ: слово.

I.

А. А. РЖЕВСКІЙ — кн. Н. И. ТРУБЕЦКОМУ.

С.-Петербургъ. 25 февраля, 1780.

П. бр. кн. Николай Никитичъ!

Братски прошу васъ меня извинить, что я вамъ не отвѣчалъ на письмо ваше ко мнѣ, отправленное прежде. Здѣсь столько суетъ и недосуговъ, что ей-ей, время не было, но теперь хочу вамъ писать на него.

Я не дивлюсь, высокопочт. бр., что вы, разполагая мнѣніе свое по первымъ моимъ разсужденіямъ или паче словамъ о Царственной Наукѣ, были со мною не чистосердечны. Я извиняю тѣмъ паче, что я бы самъ такъ сдѣлалъ, какъ отчасти я въ томъ же проступкѣ и былъ самъ передъ тобою въ первомъ моемъ письмѣ, говоря о еврейскомъ языкѣ, говорилъ закрыто; теперь я вижу, высок. бр., что вы не только радиксъ аллегоріи сего языка имѣете извѣстнымъ, но и литеръ С. Б. М. значеніе знаете. Ети-то науки или секреты я называлъ въ первомъ моемъ письмѣ чистительнымъ знаніемъ (но заклинаю тебя святостію и важностію сихъ литеръ о етомъ не говорить никому, что я объясняюсь съ вами тако).

Вы мнѣ пишете, что вамъ извѣстно значеніе литеръ І. — В. — М. — В.; слѣдовательно, вамъ должно знать, что нѣкогда вы мнѣ сказывали знаменованіе или толкованіе сихъ литеръ, что сіе толкованіе не есть послѣднее значеніе сихъ литеръ, и что ето ваше толкованіе есть одного приключенія историческаго, которое было въ 1314 году; но гораздо прежде слова*) І. и В. извѣстны были, какъ и теперь видить можно во 2-й кн[игѣ] Царствъ въ библіи ети слова, гдѣ Соломонъ еще говоритъ въ пріуготовленіи Храма Іерусалимскаго, что по лѣвую сторону соорудить столбъ І., а по правую В.; слѣдовательно, прежде еще б. ети слова уже были, и такъ

*) Въ подлинникѣ: слово.

должны они и значить что нибудь важнѣе, нежели какъ только имя начальника Тамп[ліеровъ]. Но я васъ спрошу теперь, екзистировало ли мас[онство] прежде учрежденія ордена западныхъ кавал[еровъ] или тамплiеровъ и подъ какимъ оно названіемъ было, ежели оно прежде ихъ находилось.

Вы пишете, что не въ словахъ заключается таинство науки Авраамовой или С. Б. М., а что она переходила изъ устъ въ уста отъ самого Авраама. Такъ, высок. бр., но она то и сокрыта въ литерахъ. Ети литеры и писаны и печатаны были, но въ печати имѣютъ значеніе другое, но сокрываютъ тотъ смыслъ, который Авраамъ и его послѣдователи не иначе сообщали, какъ изъ устъ въ уста; я въ томъ то значеніи се прежде къ тебѣ и писалъ, не объяснясь; но сто правда, что смыслъ Авраамовой науки не былъ никогда печати преданъ въ словахъ.

Еще, любезный бр., вы пишете, что какъ можетъ смертный разсуждать о духовномъ, не зная телеснаго; позвольте-жъ мнѣ на ето сказать: я думаю, какъ возможно смертному разсуждать правильно о тѣлесномъ, не зная ессансу вещей, а ессансъ не тѣлесное; слѣдовательно, чтобъ знать вещь по надлежащему, то надобно знать ессансъ ея, но сверхъ того смертный и не можетъ разсуждать о вещахъ, но разсуждаетъ не смертная его часть, а безсмертная; но безсмертная часть не тѣлесная, слѣдовательно, и можетъ она разсуждать о духовномъ — но и по самому слову ĕlôgîm мы можемъ разумѣть, что ессансъ всѣхъ вещей земныхъ не есть земный и, позная справедливый смыслъ Елогимъ, полнѣе можно проникнуть въ знаніе истинное вещей земныхъ. И не можно не знать слова Елогимъ тому, кто знаетъ значеніе третьей линейки изъ той пирамидической фигуры, которую вы означали тако , гдѣ я нахожу окончаніе тьмы и начало свѣта, т. е. въ лѣвомъ углу треугольника. И ту-жъ фигуру пирамидальную мнѣ случилось видѣть иначе изображенною, а именно такъ , которая мнѣ кажется больше приличною для того, что ею показывается нѣчто вѣчное . И сіе кажется лучше изображается циркулями, не имѣющими ни начала, ни конца, нежели какъ вы изобразили линіями.

II.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. [1780].

Я виноватъ передъ вами, высокопочт. бр., что, судя по прежнимъ вашимъ мыслямъ о Царской Наукѣ, былъ не чистосердеченъ съ вами въ прошедшемъ письмѣ. Важность и нужда еврейскаго языка мнѣ извѣстны. Прямое означеніе I. В. М. В., показывающія путь ко истинѣ, мнѣ

должны они и значить что нибудь важнѣе, нежели какъ только имя начальника Тамп[лiеровъ]. Но я васъ спрошу теперь, екзистировало ли мас[онство] прежде учрежденiя ордена западныхъ кавал[еровъ] или тамплiеровъ и подъ какимъ оно названiемъ было, ежели оно прежде ихъ находилось.

Вы пишете, что не въ словахъ заключается таинство науки Авраамовой или С. Б. М., а что она переходила изъ устъ въ уста отъ самого Авраама. Такъ, высок. бр., но она то и сокрыта въ литерахъ. Ети литеры и писаны и печатаны были, но въ печати имѣютъ значенiе другое, но сокрываютъ тотъ смыслъ, который Авраамъ и его послѣдователи не иначе сообщали, какъ изъ устъ въ уста; я въ томъ то значенiи се прежде къ тебѣ и писалъ, не объясняясь; но сто правда, что смыслъ Авраамовой науки не былъ никогда печати преданъ въ словахъ.

Еще, любезный бр., вы пишете, что какъ можетъ смертный разсуждать о духовномъ, не зная телеснаго; позвольте-жъ мнѣ на ето сказать: я думаю, какъ возможно смертному разсуждать правильно о тѣлесномъ, не зная ессансу вещей, а ессансъ не тѣлесное; слѣдовательно, чтобъ знать вещь по надлежащему, то надобно знать ессансъ ея, но сверхъ того смертный и не можетъ разсуждать о вещахъ, но разсуждаетъ не смертная его часть, а безсмертная; но безсмертная часть не тѣлесная, слѣдовательно, и можетъ она разсуждать о духовномъ — но и по самому слову ĕlôgîm мы можемъ разумѣть, что ессансъ всѣхъ вещей земныхъ не есть земный и, позная справедливый смыслъ Елогимъ, полнѣе можно проникнуть въ знанiе истинное вещей земныхъ. И не можно не знать слова Елогимъ тому, кто знаетъ значенiе третьей линейки изъ той пирамидической фигуры, которую вы означали тако , гдѣ я нахожу окончанiе тьмы и начало свѣта, т. е. въ лѣвомъ углу треугольника. И ту-жъ фигуру пирамидальную мнѣ случилось видѣть иначе изображенною, а именно такъ , которая мнѣ кажется больше приличною для того, что ею показывается нѣчто вѣчное . И сiе кажется лучше изображается циркулями, не имѣющими ни начала, ни конца, нежели какъ вы изобразили линiями.

II.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. [1780].

Я виноватъ передъ вами, высокопочт. бр., что, судя по прежнимъ вашимъ мыслямъ о Царской Наукѣ, былъ не чистосердеченъ съ вами въ прошедшемъ письмѣ. Важность и нужда еврейскаго языка мнѣ извѣстны. Прямое означенiе I. В. М. В., показывающiи путь ко истинѣ, мнѣ

давно знакомо *) и уже нѣсколько лѣтъ я по оному, елико возможно, слѣдую и вседневно нахожу новыя побуждающія причины твердо на пути семъ основаться; истина, которая есть награжденіемъ трудящемуся, озаряетъ вседневно новымъ лучемъ слѣдующаго по пути сему. Однако, почт. бр., я отъ словъ моихъ въ прошедшемъ письмѣ не отпираюсь: таинственный смыслъ Моисеевыхъ писаній, мнѣ кажется, не численіемъ и не произведеніемъ изъ всякой буквы новаго слова познается; ибо слова, кои писалъ Моисей, уже не тѣ суть теперь, которыя были; но сіи послѣднія введены отъ Ездры, по возвращеніи изъ Вавилона; но прямой путь къ достиженію истины есть тотъ, чтобы познать такъ, какъ Авраамъ прежде рабыню, прижить съ ней Измаила, а потомъ получить отъ Сары Исаака; ибо наука сія не только о духовныхъ вещахъ открываетъ, но и сама можно сказать, духовна; то какъ можетъ судить смертной о духовномъ, не знавъ прежде тѣлесное; онъ попадетъ въ преступленіе пророка Валаама; да и упражняющіеся въ сей наукѣ намъ правильно преподаютъ, что «всѣ нижнія вещи представляютъ вышнія и, какъ въ нижнихъ произходитъ, такъ и произходитъ въ вышнихъ; и потому самъ бы Моисей не могъ дойти до духовнаго, когда бы не зналъ совершенно тѣлеснаго, почему и заключаю, что знаменованіе смысла Моисеева отъ него произходитъ до сихъ временъ изъ устъ въ уста, и что въ самыхъ словахъ, а не въ буквахъ таинственное сіе знаменованіе заключается такъ, какъ, напримѣръ, въ Бытіи въ 1-й главѣ части[ца] «етъ» на еврейскомъ языкѣ знаменуетъ эссенцію самую чистую; но она же служитъ союзомъ «и», то въ переводѣ и назначена союзомъ — «и землю»; но перевести можно — эссенцію земли; однакожъ, ежели человѣкъ упражнялся прежде въ познаніи тѣлеснаго въ натурѣ и имѣетъ малое познаніе въ еврейскомъ языкѣ, то ему легко съ малымъ трудомъ, безъ помощи изчисленія, познать истинный смыслъ Моисеевъ, ибо онъ довольно, по моему мнѣнію, ясно истину людямъ представляетъ, и кто знаетъ истинный смыслъ Елогимъ, который у него есть дѣйствующимъ лицемъ въ первой главѣ Бытія, то легко познаетъ, что прежде тѣлесное узнать должно, а не духовное; однако я надѣюсь, почт. бр., на вашу скромность, что вы по прочтеніи сіе письмо издерете и ни съ кѣмъ о говоренномъ въ ономъ говорить не станете; что же до 7 ступеней принадлежитъ, то также мнѣ извѣстно, что товарищъ, пройдя оныя 7, еще дѣлаетъ 3 великіе шага, а безъ того приближиться ко свѣту не можетъ, почему и видите, что мнѣ X извѣстно такъ-же, какъ

мнѣ знакомъ. Болѣе писать я не дерзаю; да и теперь спокоенъ не буду, пока не получу отъ васъ извѣстія, что письмо ето въ вашихъ рукахъ.— Жду съ нетерпѣніемъ к[нязя] Г[аврила] П[етровича Гагарина].

*) Въ подлинникѣ: знакомъ.

давно знакомо *) и уже нѣсколько лѣтъ я по оному, елико возможно, слѣдую и вседневно нахожу новыя побуждающія причины твердо на пути семъ основаться; истина, которая есть награжденіемъ трудящемуся, озаряетъ вседневно новымъ лучемъ слѣдующаго по пути сему. Однако, почт. бр., я отъ словъ моихъ въ прошедшемъ письмѣ не отпираюсь: таинственный смыслъ Моисеевыхъ писаній, мнѣ кажется, не численіемъ и не произведеніемъ изъ всякой буквы новаго слова познается; ибо слова, кои писалъ Моисей, уже не тѣ суть теперь, которыя были; но сіи послѣднія введены отъ Ездры, по возвращеніи изъ Вавилона; но прямой путь къ достиженію истины есть тотъ, чтобы познать такъ, какъ Авраамъ прежде рабыню, прижить съ ней Измаила, а потомъ получить отъ Сары Исаака; ибо наука сія не только о духовныхъ вещахъ открываетъ, но и сама можно сказать, духовна; то какъ можетъ судить смертной о духовномъ, не знавъ прежде тѣлесное; онъ попадетъ въ преступленіе пророка Валаама; да и упражняющіеся въ сей наукѣ намъ правильно преподаютъ, что «всѣ нижнія вещи представляютъ вышнія и, какъ въ нижнихъ произходитъ, такъ и произходитъ въ вышнихъ; и потому самъ бы Моисей не могъ дойти до духовнаго, когда бы не зналъ совершенно тѣлеснаго, почему и заключаю, что знаменованіе смысла Моисеева отъ него произходитъ до сихъ временъ изъ устъ въ уста, и что въ самыхъ словахъ, а не въ буквахъ таинственное сіе знаменованіе заключается такъ, какъ, напримѣръ, въ Бытіи въ 1-й главѣ части[ца] «етъ» на еврейскомъ языкѣ знаменуетъ эссенцію самую чистую; но она же служитъ союзомъ «и», то въ переводѣ и назначена союзомъ — «и землю»; но перевести можно — эссенцію земли; однакожъ, ежели человѣкъ упражнялся прежде въ познаніи тѣлеснаго въ натурѣ и имѣетъ малое познаніе въ еврейскомъ языкѣ, то ему легко съ малымъ трудомъ, безъ помощи изчисленія, познать истинный смыслъ Моисеевъ, ибо онъ довольно, по моему мнѣнію, ясно истину людямъ представляетъ, и кто знаетъ истинный смыслъ Елогимъ, который у него есть дѣйствующимъ лицемъ въ первой главѣ Бытія, то легко познаетъ, что прежде тѣлесное узнать должно, а не духовное; однако я надѣюсь, почт. бр., на вашу скромность, что вы по прочтеніи сіе письмо издерете и ни съ кѣмъ о говоренномъ въ ономъ говорить не станете; что же до 7 ступеней принадлежитъ, то также мнѣ извѣстно, что товарищъ, пройдя оныя 7, еще дѣлаетъ 3 великіе шага, а безъ того приближиться ко свѣту не можетъ, почему и видите, что мнѣ X извѣстно такъ-же, какъ

мнѣ знакомъ. Болѣе писать я не дерзаю; да и теперь спокоенъ не буду, пока не получу отъ васъ извѣстія, что письмо ето въ вашихъ рукахъ.— Жду съ нетерпѣніемъ к[нязя] Г[аврила] П[етровича Гагарина].

*) Въ подлинникѣ: знакомъ.

III.

Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва [сентябрь, 1782].

Люб. бр. Алек. Анд.!

Дружеское письмо ваше получилъ, на которое безъ закрыши то отвѣтствовать буду, что возможно чрезъ письмо написать. А для лучшаго объясненія раздѣлю письмо свое на два истинныя отдѣленія ордена, т. е. на внѣшность его и на внутренность.

Что касается до внѣшняго или іероглифическаго масонства, то мы, видя, что несмотря на всѣ обѣщанія Швеціи и на всѣ старанія кн. Г[аврила] Пет[ровича], она намъ ничего не сообщаетъ, и что письма, которыя оттуда пишутъ, наполнены политическихъ учтивствъ и больше ничѣмъ, притомъ зная, что самомовластный поступокъ г[ерцога] Зюдермандандскаго въ сооруженіи 9-ой пров(инціи) и въ приписаніи къ ней Россіи и большей части Европы вооружилъ весь орденъ противъ него, притомъ стыдясь покоренія россійскаго братства братству шведскому и зная, что самое сіе покореніе, а наипаче требованіе безумныхъ шведскихъ брр. когда-нибудь могутъ великой ударъ въ Россіи ордену сдѣлать; притомъ получа достовѣрное извѣстіе, что въ орденѣ собирается конвентъ, состоящій изъ депутатовъ всѣхъ разсѣянныхъ капитулей и провинцій, дабы неустройства, вкравшіяся въ орденѣ, истребить и несогласія брр. прекратить, мы разсудили, что не можетъ быть удобнѣе случаю освободить россійское братство отъ всякаго подчиненства, какъ оной. И съ симъ намѣреніемъ, соединя прежде воедино партіи, бывшія въ Москвѣ, мы послали депутацію въ орденъ и требовали или, лучше сказать, просили орденъ, чтобы на конвентѣ намъ имѣть своихъ депутатовъ и дѣйствовать на ономъ не яко подчиненному братству кому-либо то ни было, но яко корпусу брр.; притомъ изъяснялись, что Россія столь обширна, что имѣетъ право требовать и просить у ордена для самой себя провинціи; мы притомъ, зная, что въ орденѣ великое уваженіе имѣютъ къ герцогу Брауншвейгскому, интересовали и его въ наше требованіе; депутаты наши ѣздили и, отъ одного капителя переѣзжая до другого, наконецъ, столь счастливо успѣли, что позволено намъ было имѣть депутатовъ на конвентѣ и свои требованія на ономъ изъяснять; мы, получа это извѣстіе, уполномочили своими депутатами самого герцога Брауншвейскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника и тайнаго секретаря Шварца, и съ прописаніемъ всѣхъ нашихъ требованій послали письменное представленіе на конвентъ. Между тѣмъ депутаты, посланные нами, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, привезли къ намъ изо всѣхъ капителей и архива ордена все то, что до внѣшняго и іероглифическаго ордена принадлежитъ, такъ что всѣхъ системъ работу мы теперь

III.

Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва [сентябрь, 1782].

Люб. бр. Алек. Анд.!

Дружеское письмо ваше получилъ, на которое безъ закрыши то отвѣтствовать буду, что возможно чрезъ письмо написать. А для лучшаго объясненія раздѣлю письмо свое на два истинныя отдѣленія ордена, т. е. на внѣшность его и на внутренность.

Что касается до внѣшняго или іероглифическаго масонства, то мы, видя, что несмотря на всѣ обѣщанія Швеціи и на всѣ старанія кн. Г[аврила] Пет[ровича], она намъ ничего не сообщаетъ, и что письма, которыя оттуда пишутъ, наполнены политическихъ учтивствъ и больше ничѣмъ, притомъ зная, что самомовластный поступокъ г[ерцога] Зюдермандандскаго въ сооруженіи 9-ой пров(инціи) и въ приписаніи къ ней Россіи и большей части Европы вооружилъ весь орденъ противъ него, притомъ стыдясь покоренія россійскаго братства братству шведскому и зная, что самое сіе покореніе, а наипаче требованіе безумныхъ шведскихъ брр. когда-нибудь могутъ великой ударъ въ Россіи ордену сдѣлать; притомъ получа достовѣрное извѣстіе, что въ орденѣ собирается конвентъ, состоящій изъ депутатовъ всѣхъ разсѣянныхъ капитулей и провинцій, дабы неустройства, вкравшіяся въ орденѣ, истребить и несогласія брр. прекратить, мы разсудили, что не можетъ быть удобнѣе случаю освободить россійское братство отъ всякаго подчиненства, какъ оной. И съ симъ намѣреніемъ, соединя прежде воедино партіи, бывшія въ Москвѣ, мы послали депутацію въ орденъ и требовали или, лучше сказать, просили орденъ, чтобы на конвентѣ намъ имѣть своихъ депутатовъ и дѣйствовать на ономъ не яко подчиненному братству кому-либо то ни было, но яко корпусу брр.; притомъ изъяснялись, что Россія столь обширна, что имѣетъ право требовать и просить у ордена для самой себя провинціи; мы притомъ, зная, что въ орденѣ великое уваженіе имѣютъ къ герцогу Брауншвейгскому, интересовали и его въ наше требованіе; депутаты наши ѣздили и, отъ одного капителя переѣзжая до другого, наконецъ, столь счастливо успѣли, что позволено намъ было имѣть депутатовъ на конвентѣ и свои требованія на ономъ изъяснять; мы, получа это извѣстіе, уполномочили своими депутатами самого герцога Брауншвейскаго и дѣйствительнаго статскаго совѣтника и тайнаго секретаря Шварца, и съ прописаніемъ всѣхъ нашихъ требованій послали письменное представленіе на конвентъ. Между тѣмъ депутаты, посланные нами, не жалѣя ни трудовъ, ни денегъ, привезли къ намъ изо всѣхъ капителей и архива ордена все то, что до внѣшняго и іероглифическаго ордена принадлежитъ, такъ что всѣхъ системъ работу мы теперь

у себя имѣемъ, и еще, что̀ недостаетъ, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что, соединяясь съ капителями всѣхъ системъ внѣшняго ордена, мы сдѣлались такъ какъ средоточіемъ, въ которое все то, что капители всѣхъ партій имѣютъ, стекается, и наша архива богатѣе становится, нежели во всей Европѣ, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятся и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣми въ связи и не объявлялись ничьей партіи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ брр., токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что они только имѣютъ; а, наконецъ, мы столько счастливы были, что на конвентѣ, который кончился въ прошедшемъ мѣсяцѣ *), Россія прокламирована VIII провинціей и независящею ни отъ кого. Вотъ, люб. бр., успѣхи наши въ разсужденіи внѣшняго ордена: мы провинція, мы независимы ни отъ кого, и мы все то у себя имѣемъ, и, за то отвѣчать можно, что Швеція того у себя не имѣетъ, что имѣетъ Россія. Много трудовъ намъ стоило получить провинцію, ибо Голландія и Польша той же провинціи просили; но Богъ благословилъ наши работы и мы, побѣдя всѣ препятствія, единогласно признаны и прокламированы VIII провинціей; окончивъ такимъ образомъ первое отдѣленіе моего письма, приступаю къ другому, наиважнѣйшему для меня, то есть касающемуся до внутренняго ордена.

Мы столько, люб. и почт. бр., счастливы, и Богъ, который единъ источникъ бывъ премудрости и знанія, можетъ единъ и препровождать стремящихся къ Нему чистымъ сердцемъ до познанія чистаго источника или до познанія тѣхъ избранныхъ Имъ, которые путемъ правымъ ведутъ, чрезъ познаніе Натуры и познаніе себя, къ ощущенію и познанію Самого Его, что Онъ благословилъ труды наши, и я могу васъ, какъ христіанинъ, увѣрить, что чудеснымъ и непостижимымъ для меня образомъ рука Божія, препровождая нашихъ депутатовъ съ нашими письмами ко внутреннему Ордену, довела ихъ до чистѣйшаго и ничѣмъ не помраченнаго источника, единаго, гдѣ истина безъ іероглифовъ въ сіяніи своемъ блистаетъ. Сей-то источникъ есть намъ путеводецъ; и такъ какъ мы теперь знаемъ, кто суть въ Европѣ братьи, которые симъ единственнымъ источникомъ путеводимы, то увѣрены, что Швеція сама, кромѣ іероглифовъ, ничего и дать намъ не могла, ибо и сама зная, что есть гдѣ-то этотъ источникъ, его ищетъ и искала, но найти не могла; и не уповательно, чтобы скоро открылся ей. Вотъ, люб. бр., все то, что могъ письменно вамъ сообщить. Теперь остается мнѣ васъ увѣрить именемъ всѣхъ бр., состоящихъ въ теснѣйшемъ союзѣ, что они васъ любятъ, почитаютъ, и что когда вы будете въ М[осквѣ]. то вы очевидно удостовѣритесь обо всемъ, что я вамъ теперь пишу.

*) Засѣданія конвента въ Вильгельмсбадѣ кончились 29 августа 1782 г. н. с.

у себя имѣемъ, и еще, что̀ недостаетъ, то получаемъ почти на всякой почтѣ, такъ что, соединяясь съ капителями всѣхъ системъ внѣшняго ордена, мы сдѣлались такъ какъ средоточіемъ, въ которое все то, что капители всѣхъ партій имѣютъ, стекается, и наша архива богатѣе становится, нежели во всей Европѣ, ибо тамъ капители разныхъ системъ другъ отъ друга таятся и другъ другу ничего не даютъ, а мы, бывъ съ ними со всѣми въ связи и не объявлялись ничьей партіи, но признавая всѣхъ ихъ за истинныхъ брр., токмо стремящихся разными путями къ той же и единственной цѣли ордена, все то отъ всѣхъ ихъ получили и получаемъ, что они только имѣютъ; а, наконецъ, мы столько счастливы были, что на конвентѣ, который кончился въ прошедшемъ мѣсяцѣ *), Россія прокламирована VIII провинціей и независящею ни отъ кого. Вотъ, люб. бр., успѣхи наши въ разсужденіи внѣшняго ордена: мы провинція, мы независимы ни отъ кого, и мы все то у себя имѣемъ, и, за то отвѣчать можно, что Швеція того у себя не имѣетъ, что имѣетъ Россія. Много трудовъ намъ стоило получить провинцію, ибо Голландія и Польша той же провинціи просили; но Богъ благословилъ наши работы и мы, побѣдя всѣ препятствія, единогласно признаны и прокламированы VIII провинціей; окончивъ такимъ образомъ первое отдѣленіе моего письма, приступаю къ другому, наиважнѣйшему для меня, то есть касающемуся до внутренняго ордена.

Мы столько, люб. и почт. бр., счастливы, и Богъ, который единъ источникъ бывъ премудрости и знанія, можетъ единъ и препровождать стремящихся къ Нему чистымъ сердцемъ до познанія чистаго источника или до познанія тѣхъ избранныхъ Имъ, которые путемъ правымъ ведутъ, чрезъ познаніе Натуры и познаніе себя, къ ощущенію и познанію Самого Его, что Онъ благословилъ труды наши, и я могу васъ, какъ христіанинъ, увѣрить, что чудеснымъ и непостижимымъ для меня образомъ рука Божія, препровождая нашихъ депутатовъ съ нашими письмами ко внутреннему Ордену, довела ихъ до чистѣйшаго и ничѣмъ не помраченнаго источника, единаго, гдѣ истина безъ іероглифовъ въ сіяніи своемъ блистаетъ. Сей-то источникъ есть намъ путеводецъ; и такъ какъ мы теперь знаемъ, кто суть въ Европѣ братьи, которые симъ единственнымъ источникомъ путеводимы, то увѣрены, что Швеція сама, кромѣ іероглифовъ, ничего и дать намъ не могла, ибо и сама зная, что есть гдѣ-то этотъ источникъ, его ищетъ и искала, но найти не могла; и не уповательно, чтобы скоро открылся ей. Вотъ, люб. бр., все то, что могъ письменно вамъ сообщить. Теперь остается мнѣ васъ увѣрить именемъ всѣхъ бр., состоящихъ въ теснѣйшемъ союзѣ, что они васъ любятъ, почитаютъ, и что когда вы будете въ М[осквѣ]. то вы очевидно удостовѣритесь обо всемъ, что я вамъ теперь пишу.

*) Засѣданія конвента въ Вильгельмсбадѣ кончились 29 августа 1782 г. н. с.

Еще вы требовали извѣстія, что кн. Г[аврілъ] П[етровичъ] съ нами ли въ союзѣ, или нѣтъ, то на сіе скажу, что мы всѣ силы употребляли соединить его съ собою, но успѣть въ томъ не могли; однако мы съ нимъ не въ ссорѣ, но онъ ни во что не входитъ и не мѣшается.

IV.

Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 1782.

Люб. и высокопоч. б. Ал. Ап.!

Благодарю васъ за дружеское ваше письмо и притомъ, зная всегдашнюю вашу привязанность къ истинному ордену, поздравляю васъ съ открытіемъ или, лучше сказать, съ утвержденіемъ въ восьмую провинцію, на что мы уже и рѣшеніе оптантическимъ образомъ получили; а чтобъ вамъ дать извѣстіе, какъ расположенъ теперь орденъ, то скажу вамъ, что вопервыхъ намѣреніе возстановить орденъ Тем. совершенно уничтожено; но намѣреніе ихъ въ содѣйствіи блага и исправленія человѣческаго оставлено; и принятіе въ кавалеры, яко въ число таковыхъ людей, которые рѣшились жертвовать всѣмъ своимъ временнымъ благомъ для пользы и просвѣщенія человѣковъ, оставлено; также и правленіе ордена оставлено въ томъ порядкѣ, какъ было прежде; почему и утверждены нижеслѣдующимъ образомъ провинціи:

I. Нижняя Германія, которая прежде VII-ю почиталась. II. Овернія. III. Окситанія. IV. Италія и къ ней префектура Шамбери. V. Бургонія. VI. Вышняя Германія. VII. Австрія. — Къ ней: капители вѣнская, венгерская, трансильванская префектура, прагская, учрежденная въ Галиціи, Лодомиріи, Ломбардія австрійская и Фландрія австрійская. VIII. Вся Россія. IX. Осталась вакантною, дабы дать Швеціи средство раскаяться и присоединиться къ ордену.

Сверхъ того, учрежденъ генеральнымъ мастеромъ всѣхъ провинцій его выс. бр. Фердинандъ герцогъ Брауншвейгскій и Люнебургскій.

Три степени Св. Кам. утверждены по актамъ древнимъ, которыя суть тѣ, которыми мы работаемъ, токмо не полныя; послѣдующихъ три признаны, яко степени управляющія.

Вотъ, почт. бр., краткое начертаніе учиненнаго въ конвентѣ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы тѣхъ брр. петербургскихъ, которые преданы ордену, о положеніи ономъ предувѣдомили, дабы они были спокойны и не отдавались бы въ обманъ; ибо сказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ колеблются и не знаютъ, что имъ дѣлать; мы же, получа для Россіи всѣ выгоды, которыя внѣшной орденъ дать ей можетъ, какъ

Еще вы требовали извѣстія, что кн. Г[аврилъ] П[етровичъ] съ нами ли въ союзѣ, или нѣтъ, то на сіе скажу, что мы всѣ силы употребляли соединить его съ собою, но успѣть въ томъ не могли; однако мы съ нимъ не въ ссорѣ, но онъ ни во что не входитъ и не мѣшается.

IV.

Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 1782.

Люб. и высокопоч. б. Ал. Ап.!

Благодарю васъ за дружеское ваше письмо и притомъ, зная всегдашнюю вашу привязанность къ истинному ордену, поздравляю васъ съ открытіемъ или, лучше сказать, съ утвержденіемъ въ восьмую провинцію, на что мы уже и рѣшеніе оптантическимъ образомъ получили; а чтобъ вамъ дать извѣстіе, какъ расположенъ теперь орденъ, то скажу вамъ, что вопервыхъ намѣреніе возстановить орденъ Тем. совершенно уничтожено; но намѣреніе ихъ въ содѣйствіи блага и исправленія человѣческаго оставлено; и принятіе въ кавалеры, яко въ число таковыхъ людей, которые рѣшились жертвовать всѣмъ своимъ временнымъ благомъ для пользы и просвѣщенія человѣковъ, оставлено; также и правленіе ордена оставлено въ томъ порядкѣ, какъ было прежде; почему и утверждены нижеслѣдующимъ образомъ провинціи:

I. Нижняя Германія, которая прежде VII-ю почиталась. II. Овернія. III. Окситанія. IV. Италія и къ ней префектура Шамбери. V. Бургонія. VI. Вышняя Германія. VII. Австрія. — Къ ней: капители вѣнская, венгерская, трансильванская префектура, прагская, учрежденная въ Галиціи, Лодомиріи, Ломбардія австрійская и Фландрія австрійская. VIII. Вся Россія. IX. Осталась вакантною, дабы дать Швеціи средство раскаяться и присоединиться къ ордену.

Сверхъ того, учрежденъ генеральнымъ мастеромъ всѣхъ провинцій его выс. бр. Фердинандъ герцогъ Брауншвейгскій и Люнебургскій.

Три степени Св. Кам. утверждены по актамъ древнимъ, которыя суть тѣ, которыми мы работаемъ, токмо не полныя; послѣдующихъ три признаны, яко степени управляющія.

Вотъ, почт. бр., краткое начертаніе учиненнаго въ конвентѣ; мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы тѣхъ брр. петербургскихъ, которые преданы ордену, о положеніи ономъ предувѣдомили, дабы они были спокойны и не отдавались бы въ обманъ; ибо сказываютъ, что нѣкоторые изъ нихъ колеблются и не знаютъ, что имъ дѣлать; мы же, получа для Россіи всѣ выгоды, которыя внѣшной орденъ дать ей можетъ, какъ

скоро учредимъ все, что̀ ей нужно для твердаго основанія провинціи, то петербургскимъ брр. дадимъ знать овтантически о учрежденіи нашемъ; но какъ сего скоро исполнить нельзя, то желали бы мы, чтобы они до того времени были спокойны, работали бы въ тишинѢ, и увѢрились бы, что тѢ, которымъ теперь поручилъ орденъ учрежденіе провинціи, бывъ русскіе и честные люди, обманывать ихъ не станутъ, и не для своей пользы или своихъ выгодъ трудятся, но для истинной пользы отечества; когда же они захотятъ еще и прежде присоединены быть къ истинному ордену, то стоитъ имъ только на имя національнаго комитета въ МосквѢ написать письмо и вступить въ связь съ онымъ, яко съ тѣмъ мѢстомъ, которое для открытія провинціальнаго капитела орденомъ въ Россіи управляетъ; а письмо сіе я берусь, ежели имъ угодно, въ комитетъ доставить.

Что же до васъ принадлежитъ, то я именемъ начальствующихъ брр. и всѢхъ вообще соединенныхъ могу васъ увѢрить, что они васъ всѢ любятъ, почитаютъ и все то, что̀ въ ихъ силѢ есть, то все для васъ сдѢлаютъ, и уже считаютъ васъ отнынѢ соединеннымъ неразрывнымъ узломъ дружбы со всѣми ими.

V.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 14 февраля, 1783.

Высокопочт. бр. ордена, Мил. Гос. Ал. Андр.!

Драгоцѣнное письмо ваше отъ 25-го ноября минувшаго 1782-го года я имѢлъ честь получить съ совершеннѢйшимъ моимъ удовольствіемъ декабря 8-го дня. Оно тѣмъ паче для меня уважительно, что чрезъ него удостовѢрились высокіе чиновники VIII провинціи ордена о вашемъ, высокопоч. бр. ордена, тѣснѢйшемъ къ нимъ присоединеніи. Заслуги ваши ордену и отечеству и ваши добродѢтели, равно какъ и ревностное ваше ко благу ордена стремленіе, подаютъ имъ надежду, что чрезъ васъ дѢла орденскія въ П[етербургѢ] придутъ наконецъ въ надлежащее устройство и порядокъ: примутъ надлежащій и собственный свой видъ и наконецъ очистятся отъ всѢхъ шарлатанствъ и освободятся отъ всѢхъ иногда корыстолюбивыхъ, иногда честолюбивыхъ, а иногда мечтательныхъ видовъ нѢкоторыхъ брр. Смѣшно было бы глядѢть на такого изобрѢтателя, который бы захотѢлъ умножать всесогрѢвающую теплоту солнца зженіемъ костровъ; глупо вѢрить тому, кто бы началъ утверждать, что чистый свѢтъ солнца можно умножить зажженіемъ свѢчъ; и безумно бы было согласиться съ такимъ, которой бы захотѢлъ благотворныя вліянія

скоро учредимъ все, что̀ ей нужно для твердаго основанія провинціи, то петербургскимъ бр. дадимъ знать овтантически о учрежденіи нашемъ; но какъ сего скоро исполнить нельзя, то желали бы мы, чтобы они до того времени были спокойны, работали бы въ тишинѢ, и увѢрились бы, что тѢ, которымъ теперь поручилъ орденъ учрежденіе провинціи, бывъ русскіе и честные люди, обманывать ихъ не станутъ, и не для своей пользы или своихъ выгодъ трудятся, но для истинной пользы отечества; когда же они захотятъ еще и прежде присоединены быть къ истинному ордену, то стоитъ имъ только на имя національнаго комитета въ МосквѢ написать письмо и вступить въ связь съ онымъ, яко съ тѣмъ мѢстомъ, которое для открытія провинціальнаго капитела орденомъ въ Россіи управляетъ; а письмо сіе я берусь, ежели имъ угодно, въ комитетъ доставить.

Что же до васъ принадлежитъ, то я именемъ начальствующихъ бр. и всѢхъ вообще соединенныхъ могу васъ увѢрить, что они васъ всѢ любятъ, почитаютъ и все то, что̀ въ ихъ силѢ есть, то все для васъ сдѢлаютъ, и уже считаютъ васъ отнынѢ соединеннымъ неразрывнымъ узломъ дружбы со всѣми ими.

V.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 14 февраля, 1783.

Высокопочт. бр. ордена, Мил. Гос. Ал. Андр.!

Драгоцѣнное письмо ваше отъ 25-го ноября минувшаго 1782-го года я имѢлъ честь получить съ совершеннѢйшимъ моимъ удовольствіемъ декабря 8-го дня. Оно тѣмъ паче для меня уважительно, что чрезъ него удостовѢрились высокіе чиновники VIII провинціи ордена о вашемъ, высокопоч. бр. ордена, тѣснѢйшемъ къ нимъ присоединеніи. Заслуги ваши ордену и отечеству и ваши добродѢтели, равно какъ и ревностное ваше ко благу ордена стремленіе, подаютъ имъ надежду, что чрезъ васъ дѢла орденскія въ П[етербургѢ] придутъ наконецъ въ надлежащее устройство и порядокъ: примутъ надлежащій и собственный свой видъ и наконецъ очистятся отъ всѢхъ шарлатанствъ и освободятся отъ всѢхъ иногда корыстолюбивыхъ, иногда честолюбивыхъ, а иногда мечтательныхъ видовъ нѢкоторыхъ бр. Смѣшно было бы глядѢть на такого изобрѢтателя, который бы захотѢлъ умножать всесогрѢвающую теплоту солнца зженіемъ костровъ; глупо вѢрить тому, кто бы началъ утверждать, что чистый свѢтъ солнца можно умножить зажженіемъ свѢчъ; и безумно бы было согласиться съ такимъ, которой бы захотѢлъ благотворныя вліянія

солнца замѣнять какими-нибудь вымышленными забобонами: чистый свѣтъ солнца, благотворная и всеоживляющая его теплота были отъ начала вѣковъ спасительны и пребудутъ такими до конца оныхъ; а вымышленные бредни изчезаютъ при своемъ рожденіи ко стыду и сраму своихъ изобрѣтателей. Но не сыщется ли подобнаго сему въ исторіи рос. масонства? Увѣряютъ достойные вѣроятія и истинные сыны ордена, что наши истинные начальники древнѣйшаго, единственнаго и свѣтлѣйшаго ордена давно уже съ отеческимъ прискорбіемъ взираютъ на недостойные поступки многихъ брр., и уповательно, что всѣмъ такимъ нестроеніямъ приближается конецъ: да сбудется ко благу человѣчества сія лестная надежда!

Во вторыхъ, ваше любезнѣйшее, высокопочт. бр. ордена, письмо и въ особенности мнѣ было радостно потому, что въ разсужденіи вашихъ требованій могу я вамъ показать нѣкоторыя услуги, а тѣмъ самымъ удостовѣрить васъ о истинномъ и всегдашнемъ моемъ къ вамъ высокопочитаніи. Итакъ, приступая къ исполненію вашего желанія, для лучшей точности въ отвѣтѣ и ясности, я извлекъ изъ письма вашего слѣдующіе три пункта:

1) Вы желаете получить объясненіе о настоящемъ положеніи орденскихъ дѣлъ.

2) Вы желаете имѣть свѣдѣніе о именахъ брр., составляющихъ національный комитетъ VIII провинціи ордена, и

3) Спрашиваете вы, какъ далеко и съ кѣмъ именно изъ пе[тербургскихъ] брр. ордена поручаетъ вамъ національный комитетъ вступить въ содѣйствія и кто особливо нуженъ изъ тамошнихъ брр. національному комитету. На всѣ сіи требованія, весьма справедливыя сами по себѣ, хотя бы я и усерднѣйше желалъ сообщить вамъ, высокопоч. бр. ордена, достаточныя, ясныя и убѣдительныя объясненія, но на сей разъ буду довольствоваться только тѣмъ, что можно вѣрить обыкновенной почтѣ, и что позволяетъ сообщить краткость времени и собственныя мои познанія.

На 1) извѣстныя вамъ, высокоп. бр. ордена, обязательства пе[тербургскихъ] брр. со шведскимъ капитулемъ, требованная онымъ строгая подчиненность, вручение всей довѣренности иностранному брату (коего не весьма чистое поведеніе давно уже многимъ было подозрительно), и нѣкоторыя не искреннія, но частію хитрыя и не точныя обѣщанія, частію скрытный и свой особенной предметъ показующіе поступки, столь показались многимъ изъ москов[скихъ] брр. несоразмѣрными тѣмъ понятіямъ, которыя имѣли объ орденѣ, что ревность ихъ къ ордену не только была тѣмъ воспящена, но и устрашена: ибо видѣли они тѣсное соединеніе съ такимъ капитулемъ, которой по честолюбивымъ своимъ замысламъ желалъ только на счетъ величества отечества нашего возвы-

солнца замѣнять какими-нибудь вымышленными забобонами: чистый свѣтъ солнца, благотворная и всеоживляющая его теплота были отъ начала вѣковъ спасительны и пребудутъ такими до конца оныхъ; а вымышленные бредни изчезаютъ при своемъ рожденіи ко стыду и сраму своихъ изобрѣтателей. Но не сыщется ли подобнаго сему въ исторіи рос. масонства? Увѣряютъ достойные вѣроятія и истинные сыны ордена, что наши истинные начальники древнѣйшаго, единственнаго и свѣтлѣйшаго ордена давно уже съ отеческимъ прискорбіемъ взираютъ на недостойные поступки многихъ бpp., и уповательно, что всѣмъ такимъ нестроеніямъ приближается конецъ: да сбудется ко благу человѣчества сія лестная надежда!

Во вторыхъ, ваше любезнѣйшее, высокопочт. бр. ордена, письмо и въ особенности мнѣ было радостно потому, что въ разсужденіи вашихъ требованій могу я вамъ показать нѣкоторыя услуги, а тѣмъ самымъ удостовѣрить васъ о истинномъ и всегдашнемъ моемъ къ вамъ высокопочитаніи. Итакъ, приступая къ исполненію вашего желанія, для лучшей точности въ отвѣтѣ и ясности, я извлекъ изъ письма вашего слѣдующіе три пункта:

1) Вы желаете получить объясненіе о настоящемъ положеніи орденскихъ дѣлъ.

2) Вы желаете имѣть свѣдѣніе о именахъ бpp., составляющихъ національный комитетъ VIII провинціи ордена, и

3) Спрашиваете вы, какъ далеко и съ кѣмъ именно изъ пе[тербургскихъ] бpp. ордена поручаетъ вамъ національный комитетъ вступить въ содѣйствія и кто особливо нуженъ изъ тамошнихъ бpp. національному комитету. На всѣ сіи требованія, весьма справедливыя сами по себѣ, хотя бы я и усерднѣйше желалъ сообщить вамъ, высокопоч. бр. ордена, достаточныя, ясныя и убѣдительныя объясненія, но на сей разъ буду довольствоваться только тѣмъ, что можно вѣрить обыкновенной почтѣ, и что позволяетъ сообщить краткость времени и собственныя мои познанія.

На 1) извѣстныя вамъ, высокоп. бр. ордена, обязательства пе[тербургскихъ] бpp. со шведскимъ капитулемъ, требованная онымъ строгая подчиненность, вручение всей довѣренности иностранному брату (коего не весьма чистое поведеніе давно уже многимъ было подозрительно), и нѣкоторыя не искреннія, но частію хитрыя и не точныя обѣщанія, частію скрытный и свой особенной предметъ показующіе поступки, столь показались многимъ изъ москов[скихъ] бpp. несоразмѣрными тѣмъ понятіямъ, которыя имѣли объ орденѣ, что ревность ихъ къ ордену не только была тѣмъ воспящена, но и устрашена: ибо видѣли они тѣсное соединеніе съ такимъ капитулемъ, которой по честолюбивымъ своимъ замысламъ желалъ только на счетъ величества отечества нашего возвы-

ситься въ достоинство провинціи ордена, учиня въ награжденіе, да и то безъ согласія цѣлаго ордена, вѣчно зависимымъ отъ себя пріоратумъ такое государство, которое справедливѣе бы себѣ сіе право на счетъ шведскаго капитула присвоить долженствовало. Притомъ же щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитуляхъ, о иллюминованныхъ капитуляхъ, о брр. фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч. и проч.—всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частію только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей, играющихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ, почему и показались они сказаннымъ м[осковскимъ] братьямъ не только что страшными, но и чуждыми истиннаго ордена, а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ блистательныхъ капитуляхъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались имъ совершенно ложными и поддѣльными (не взирая ни на благовонное куреніе, которое не заглушало, однако-жъ, нечистаго запаха, и которой имѣющіе тонкое обоняніе чувствовать могли, ни на священныя молитвы, которыми дерзали прикрывать пагубныя намѣренія), ибо думали они (какъ то и дѣйствительно послѣ того удостовѣрились самымъ дѣломъ), что орденскія обязательства, не взирая на долженствующую быть въ орденѣ подчиненность въ разсужденіи познаній, всегда, однако-жъ, долженствуетъ она оставаться братскою зависимостію, а не рабскою, что капитель малой или великой, иллюминованной или совсѣмъ просвѣщенной, долженствуетъ быть великимъ или просвѣщеннымъ не по числу 81 бр. и не по великолѣпнымъ обрядамъ, но по архивѣ, какую онъ имѣетъ, по искусству въ орденскихъ познаніяхъ членовъ, которые его составляютъ, и по связямъ, съ кѣмъ оныя имѣютъ; что фіолетовая лента можетъ служить только знакомъ отличныхъ познаній, а не существомъ оныхъ; что магистеры храма, кажется, долженствовали бы лучше сидѣть при гробѣ І., нежели при М.; что призываніе духовъ не что иное есть, какъ мерзость Ваалова или такъ называемая како-магія, проклинаемая на многихъ мѣстахъ Св. Писанія и пр. и пр.

Всѣ сіи обстоятельства, а наипаче совѣты, объясненія, наставленія, откровенность и чистосердечіе, ревность и пламенное желаніе доставить благо нашему отечеству, чуждая всякаго корыстолюбія братская любовь нашего любезнѣйшаго бр. ордена Ивана Григорьевича Шварца и также подлинные орденскіе документы въ рукахъ его находившіеся, дали имъ узрѣть орденъ въ истинномъ его красотою все превосходящемъ видѣ, а наконецъ, по не заслуженному ихъ щастію, удостоились они превышающаго и самыя величайшія награжденія орденскія объятія и благословенія; они обоняютъ уже небесный и чистый и натуру человѣческую оживляющій запахъ ордена; позволили уже имъ утолять жажду ихъ къ познаніямъ изъ источника Едемскаго, изобильно и непрестанно протекающаго отъ начала вѣковъ во всѣ четыре конца вселенныя. — При толи-

ситься въ достоинство провинціи ордена, учиня въ награжденіе, да и то безъ согласія цѣлаго ордена, вѣчно зависимымъ отъ себя пріоратумъ такое государство, которое справедливѣе бы себѣ сіе право на счетъ шведскаго капитула присвоить долженствовало. Притомъ же щедро и вездѣ разсѣиваемыя понятія о малыхъ капитуляхъ, о иллюминованныхъ капитуляхъ, о брр. фіолетовой ленты, о магистрахъ храма, о клерикатѣ, о призываніи духовъ и проч. и проч.—всѣ сіи великія познанія и высокія понятія большею частію только весьма забавны и подобны забавамъ дѣтей, играющихъ Геркулесовымъ вооруженіемъ, почему и показались они сказаннымъ м[осковскимъ] братьямъ не только что страшными, но и чуждыми истиннаго ордена, а нѣкоторыя церемоніи и обряды, употребляемые въ сихъ блистательныхъ капитуляхъ, несмотря на прекрасную и привлекательную личину, показались имъ совершенно ложными и поддѣльными (не взирая ни на благовонное куреніе, которое не заглушало, однако-жъ, нечистаго запаха, и которой имѣющіе тонкое обоняніе чувствовать могли, ни на священныя молитвы, которыми дерзали прикрывать пагубныя намѣренія), ибо думали они (какъ то и дѣйствительно послѣ того удостовѣрились самымъ дѣломъ), что орденскія обязательства, не взирая на долженствующую быть въ орденѣ подчиненность въ разсужденіи познаній, всегда, однако-жъ, долженствуетъ она оставаться братскою зависимостію, а не рабскою, что капитель малой или великой, иллюминованной или совсѣмъ просвѣщенной, долженствуетъ быть великимъ или просвѣщеннымъ не по числу 81 бр. и не по великолѣпнымъ обрядамъ, но по архивѣ, какую онъ имѣетъ, по искусству въ орденскихъ познаніяхъ членовъ, которые его составляютъ, и по связямъ, съ кѣмъ оныя имѣютъ; что фіолетовая лента можетъ служить только знакомъ отличныхъ познаній, а не существомъ оныхъ; что магистеры храма, кажется, долженствовали бы лучше сидѣть при гробѣ І., нежели при М.; что призываніе духовъ не что иное есть, какъ мерзость Ваалова или такъ называемая како-магія, проклинаемая на многихъ мѣстахъ Св. Писанія и пр. и пр.

Всѣ сіи обстоятельства, а наипаче совѣты, объясненія, наставленія, откровенность и чистосердечіе, ревность и пламенное желаніе доставить благо нашему отечеству, чуждая всякаго корыстолюбія братская любовь нашего любезнѣйшаго бр. ордена Ивана Григорьевича Шварца и также подлинные орденскіе документы въ рукахъ его находившіеся, дали имъ узрѣть орденъ въ истинномъ его красотою все превосходящемъ видѣ, а наконецъ, по не заслуженному ихъ щастію, удостоились они превышающаго и самыя величайшія награжденія орденскія объятія и благословенія; они обоняютъ уже небесный и чистый и натуру человѣческую оживляющій запахъ ордена; позволили уже имъ утолять жажду ихъ къ познаніямъ изъ источника Едемскаго, изобильно и непрестанно протекающаго отъ начала вѣковъ во всѣ четыре конца вселенныя. — При толи-

комъ счастіи, позавидуютъ ли они бѣднымъ и чернымъ познаніямъ шведскимъ? Да не будетъ сего во вѣки! До сего счастія достигли московскіе брр. слѣдующимъ порядкомъ: 1) они учредили въ Москвѣ сіентифическую тайную, такъ-называемую ложу Гармонію. Въ бытность въ Москвѣ в. п. б. ордена кн. Г. П. Г[агарина] пригласили его къ себѣ въ члены, показали ему предметъ своихъ исканій, то-есть соединеніе съ орденомъ; объявили ему свое сомнѣніе о шведахъ: онъ на все согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій и съ тѣмъ разстался; отъѣзжая въ П[етербургъ], былъ основательными доказательствами убѣжденъ о честности намѣреній, какъ помянутаго бр. ордена Шварца, такъ и всѣхъ соединившихся брр. Между тѣмъ, соединенные брр. рѣшились отправить бр. ордена Шварца и съ нимъ бр. ордена Петра Петровича Татищева для достиженія къ цѣли своихъ желаній. Они отправились и не токмо что исполнили, но и превзошли желаніе московскихъ соединившихся брр. По возвращеніи же ихъ, они отправили полномочіе на генеральной конвентъ. Между тѣмъ в. п. бр. ордена Гагаринъ прибылъ въ Москву. Со стороны московскихъ брр. все употреблено было, но ни въ чемъ у него не успѣли. Наконецъ, конвентъ кончился, Россія возвышена въ достоинство VIII провинціи, и нынѣ уже учредился провинціальной капитель и директорія: изъ сего, в. п. бр. ордена, изволите усмотрѣть, что московскіе брр. столько были успѣшны въ исканіяхъ своихъ на генеральномъ конвентѣ, что пріобрѣли въ орденѣ мѣсто, котораго и самъ шведскій капитель законнымъ образомъ еще не имѣетъ; и столько учинилися блаженными, что въ отечествѣ нашемъ существуютъ уже спасительныя, истинныя и единственныя познанія древнѣйшаго, единаго и святѣйшаго ордена. Боже всемогущій, призри и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!

Я прилагаю къ вамъ, в. п. бр. ордена, на сей разъ слѣдующія піесы:

1) Циркулярное письмо верховнаго великаго мастера ордена, ко всѣмъ провинціямъ, пріоратамъ, префектурамъ и капителямъ. Оно подастъ вамъ объясненіе о причинахъ созыва генеральнаго конвента.

2) Отвѣтъ на оное Берлинской Шотландской Матери-ложи.

3) Уставъ благотворныхъ рыцарей, принятой во французскихъ провинціяхъ, который приняли и здѣшнія капители.

4) Копія съ письма герцога Зюдерманландскаго къ графу Албанскому и отвѣтъ на оное. Сіе одно письмо довольно уже показуетъ о познаніяхъ шведскаго капителя и его начальника.

5) Обязательство, которое учинили здѣшніе брр. ордена при возстановленіи капителей и подписали оное.

6) Копія съ письма герцога Зюдерманландскаго къ Берлинской старой Шотландской Матери-ложѣ.

комъ счастіи, позавидуютъ ли они бѣднымъ и чернымъ познаніямъ шведскимъ? Да не будетъ сего во вѣки! До сего счастія достигли московскіе брр. слѣдующимъ порядкомъ: 1) они учредили въ Москвѣ сіентифическую тайную, такъ-называемую ложу Гармонію. Въ бытность въ Москвѣ в. п. б. ордена кн. Г. П. Г[агарина] пригласили его къ себѣ въ члены, показали ему предметъ своихъ исканій, то-есть соединеніе съ орденомъ; объявили ему свое сомнѣніе о шведахъ: онъ на все согласился, сдѣлался почетнымъ членомъ ложи Гармоніи, одобрилъ предметъ исканій и съ тѣмъ разстался; отъѣзжая въ П[етербургъ], былъ основательными доказательствами убѣжденъ о честности намѣреній, какъ помянутаго бр. ордена Шварца, такъ и всѣхъ соединившихся брр. Между тѣмъ, соединенные брр. рѣшились отправить бр. ордена Шварца и съ нимъ бр. ордена Петра Петровича Татищева для достиженія къ цѣли своихъ желаній. Они отправились и не токмо что исполнили, но и превзошли желаніе московскихъ соединившихся брр. По возвращеніи же ихъ, они отправили полномочіе на генеральной конвентъ. Между тѣмъ в. п. бр. ордена Гагаринъ прибылъ въ Москву. Со стороны московскихъ брр. все употреблено было, но ни въ чемъ у него не успѣли. Наконецъ, конвентъ кончился, Россія возвышена въ достоинство VIII провинціи, и нынѣ уже учредился провинціальной капитель и директорія: изъ сего, в. п. бр. ордена, изволите усмотрѣть, что московскіе брр. столько были успѣшны въ исканіяхъ своихъ на генеральномъ конвентѣ, что пріобрѣли въ орденѣ мѣсто, котораго и самъ шведскій капитель законнымъ образомъ еще не имѣетъ; и столько учинилися блаженными, что въ отечествѣ нашемъ существуютъ уже спасительныя, истинныя и единственныя познанія древнѣйшаго, единаго и святѣйшаго ордена. Боже всемогущій, призри и посѣти виноградъ сей, его же насади десница Твоя!

Я прилагаю къ вамъ, в. п. бр. ордена, на сей разъ слѣдующія піесы:

1) Циркулярное письмо верховнаго великаго мастера ордена, ко всѣмъ провинціямъ, пріоратамъ, префектурамъ и капителямъ. Оно подастъ вамъ объясненіе о причинахъ созыва генеральнаго конвента.

2) Отвѣтъ на оное Берлинской Шотландской Матери-ложи.

3) Уставъ благотворныхъ рыцарей, принятой во французскихъ провинціяхъ, который приняли и здѣшнія капители.

4) Копія съ письма герцога Зюдерманландскаго къ графу Албанскому и отвѣтъ на оное. Сіе одно письмо довольно уже показуетъ о познаніяхъ шведскаго капителя и его начальника.

5) Обязательство, которое учинили здѣшніе брр. ордена при возстановленіи капителей и подписали оное.

6) Копія съ письма герцога Зюдерманландскаго къ Берлинской старой Шотландской Матери-ложѣ.

7) Выбранныя мѣста изъ отвѣтнаго къ Его Свѣтлости письма отъ нѣкотораго достойнѣйшаго нѣмецкаго бр. ордена.

Объ сіи піесы весьма достойны вниманія, ибо въ первой и самъ герцогъ признается, что всѣ они Плуменфельтомъ были обмануты; во второй же достойнѣйшій нѣмецкій братъ ордена весьма учтивымъ образомъ сказываетъ герцогу, что они весьма обманываются, ища въ разрушенномъ Т тѣхъ познаній, кои существовали прежде, и пр.

8) Отвѣты брр. великихъ чиновниковъ провинціи Оверискої.

9) Regles Maçonniques, которыя на сихъ дняхъ получены изъ ордена для употребленія въ ивановскихъ ложахъ при каждомъ принятіи ученическомъ. Я скоро сообщу вамъ оныя на нѣмецкомъ и россійскомъ языкѣ. Я бы сообщилъ къ вамъ, в. п. бр. ордена, и другія многія піесы, какъ то голоса почти всѣхъ капителей на земномъ шарѣ находящихся, которыя всѣ въ нашей архивѣ находятся, и изъ коихъ вы бы весьма ясно усмотрѣли, что весьма не во многихъ еще мѣстахъ пахнетъ чистымъ запахомъ; но недостатокъ въ переписчикахъ полагаетъ усердію моему границы. Есть также и цѣлыя книги, кои бы желалъ я сообщить вамъ, но по той же причинѣ и сего исполнить теперь не могу. Но о семъ на сей случай довольно.

Теперь приступаю отвѣтствовать вамъ, в. п. бр. ордена на 2-е ваше требованіе.

Какъ теперь уже учредился здѣсь провинціальный капитель и директорія, то и сообщаю вамъ имена членовъ оныхъ, а не членовъ національнаго комитета.

1) Провинціальнаго великаго мастера мѣсто еще вакантное. 2) Пріоръ VIII провинціи въ орденѣ именуемый Петръ рыцарь a cygno *) triumphante, Петръ Алексѣевичъ Татищевъ. 3) Деканъ провинціи, Георгій рыцарь a fortitudine, кн. Юрій Никитичъ Трубецкой. 4) Генеральной визитаторъ провинціи, кн. Николай рыцарь ab aquila borcali, кн. Николай Никитичъ Трубецкой. 5) Казначей провинціи имѣю честь быть я; въ орденѣ мое имя Николай рыцарь ab ancora. 6) Канцлеръ провинціи, Георгій рыцарь ab aquila crescente, Иванъ Егоровичъ Шварцъ. 7) Генеральный прокураторъ, кн. Алексѣй рыцарь ab aequitate, князь Алексѣй Александровичъ Черкаскій **). Члены провинціальнаго капителя: 1) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ. 2) Петръ Петровичъ Татищевъ. 3) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій и другіе.

Директорія VIII провинціи. Въ ней присутствуютъ провинціальные чиновники всегда, когда имъ угодно, а сверхъ того, по введенному порядку, назначены для исправленія текущихъ дѣлъ въ директоріи презп-

---

*) Въ подлинникѣ: signo.

**) Въ подлинникѣ: Черкасовъ.

7) Выбранныя мѣста изъ отвѣтнаго къ Его Свѣтлости письма отъ нѣкотораго достойнѣйшаго нѣмецкаго бр. ордена.

Объ сіи піесы весьма достойны вниманія, ибо въ первой и самъ герцогъ признается, что всѣ они Плуменфельтомъ были обмануты; во второй же достойнѣйшій нѣмецкій братъ ордена весьма учтивымъ образомъ сказываетъ герцогу, что они весьма обманываются, ища въ разрушенномъ Т тѣхъ познаній, кои существовали прежде, и пр.

8) Отвѣты брр. великихъ чиновниковъ провинціи Оверискої.

9) Regles Maçonniques, которыя на сихъ дняхъ получены изъ ордена для употребленія въ ивановскихъ ложахъ при каждомъ принятіи ученическомъ. Я скоро сообщу вамъ оныя на нѣмецкомъ и россійскомъ языкѣ. Я бы сообщилъ къ вамъ, в. п. бр. ордена, и другія многія піесы, какъ то голоса почти всѣхъ капителей на земномъ шарѣ находящихся, которыя всѣ въ нашей архивѣ находятся, и изъ коихъ вы бы весьма ясно усмотрѣли, что весьма не во многихъ еще мѣстахъ пахнетъ чистымъ запахомъ; но недостатокъ въ переписчикахъ полагаетъ усердію моему границы. Есть также и цѣлыя книги, кои бы желалъ я сообщить вамъ, но по той же причинѣ и сего исполнить теперь не могу. Но о семъ на сей случай довольно.

Теперь приступаю отвѣтствовать вамъ, в. п. бр. ордена на 2-е ваше требованіе.

Какъ теперь уже учредился здѣсь провинціальный капитель и директорія, то и сообщаю вамъ имена членовъ оныхъ, а не членовъ національнаго комитета.

1) Провинціальнаго великаго мастера мѣсто еще вакантное. 2) Пріоръ VIII провинціи въ орденѣ именуемый Петръ рыцарь a cygno *) triumphante, Петръ Алексѣевичъ Татищевъ. 3) Деканъ провинціи, Георгій рыцарь a fortitudine, кн. Юрій Никитичъ Трубецкой. 4) Генеральной визитаторъ провинціи, кн. Николай рыцарь ab aquila borcali, кн. Николай Никитичъ Трубецкой. 5) Казначей провинціи имѣю честь быть я; въ орденѣ мое имя Николай рыцарь ab ancora. 6) Канцлеръ провинціи, Георгій рыцарь ab aquila crescente, Иванъ Егоровичъ Шварцъ. 7) Генеральный прокураторъ, кн. Алексѣй рыцарь ab aequitate, князь Алексѣй Александровичъ Черкаскій **). Члены провинціальнаго капителя: 1) Михайло Матвѣевичъ Херасковъ. 2) Петръ Петровичъ Татищевъ. 3) Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій и другіе.

Директорія VIII провинціи. Въ ней присутствуютъ провинціальные чиновники всегда, когда имъ угодно, а сверхъ того, по введенному порядку, назначены для исправленія текущихъ дѣлъ въ директоріи презп-

---

*) Въ подлинникѣ: signo.

**) Въ подлинникѣ: Черкасовъ.

дентъ и члены. Первымъ имѣю честь быть я, а члены: 1) рыцарь Василій a pila, Василій Васильевичъ Чулковъ, 2) рыцарь Иванъ ab aurora boreali, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, 3) Iacobus a concordia, господинъ профессоръ Шнейдеръ, 4) рыцарь Феодоръ ab oliva tenebra, Федоръ Петровичъ Ключаревъ, 5) рыцарь Григорій a cuba, Григорій Прохоровичъ Крупениковъ.

Префектъ ложи Коронованнаго Знамени Петръ Алексѣевичъ Татищевъ.

Префектъ ложи Латоны князь Николай Никитичъ Трубецкой.

Здѣсь я сообщилъ вамъ, высокопочтенный бр. ордена имяна всѣхъ брр., которые имѣютъ участіе въ правленіи VIII провинціи ордена, что же касается до членовъ Дружескаго Ученаго Общества, то я ихъ здѣсь не пишу для того, что пришлю вскорѣ къ вамъ списокъ. Касательно до 3-го вопроса, который, в. п. бр, дѣлаете, я могу вамъ сказать, что всѣ достойные брр. ордена, въ Петербургѣ находящіеся, на коихъ твердость, ревность и усердіе вы положиться можете, всѣ такіе суть нужны и пріятны національному капителю, а наипаче такіе, кои по связямъ своимъ, а болѣе по ревности своей къ ордену имѣютъ нѣкоторое право быть пріобщенными къ содѣйствію. Итакъ, если вы, выс. п. б., соберете токмо числомъ 9, то можете написать письмо въ директорію и возстановить капитель. Еще лучше будетъ, если приступятъ къ вамъ въ зависимость и работающія въ П[етербургѣ] іоановскія ложи; тогда можете вы присовокупить къ письму вашему и списки тѣхъ ложъ. По мнѣнію провинціальнаго капителя большее всѣхъ право имѣетъ в. п. б. ордена Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, какъ первый возстановитель на твердую степень въ Россіи масонства; равномѣрно в. пров. бр. ордена к. Куракинъ, в. п. бр. Перфильевъ, и другіе; короче сказать: правит. брр. не берутъ на себя предписывать и означить имянно кого, но вамъ все оное ввѣряютъ, и на сей случай, по полученіи вашего письма съ подпискою еще другихъ, в. бр. ордена вручитъ вамъ достоинство префекта до дальнѣйшаго расположенія, ибо въ Петербургѣ долженствуетъ быть пріоратъ. В. б. Фрезъ, какъ ревнительный бр., заслуживаетъ совершенно мѣсто въ числѣ правительствующихъ брр. Я рекомендую вамъ в. п. бр. Ивана Афанасьевича Дмитревскаго.

Наконецъ я прошу васъ, в. п. бр. ордена, прислать имена орденскія и гербы всѣхъ п. орденскихъ братьевъ.

Впрочемъ, ежели вы какія найдете сомнѣнія или недостатокъ въ объясненіи, то можете вы, в. п. бр. ордена, спрашивать; я не могу безъ вопросовъ дѣлать изъясненія, не вѣдая, что сообщено вамъ и что нѣтъ.

Приложенія, о коихъ упоминается здѣсь, вручитъ вамъ в. п. бр. ордена Чулковъ.

дентъ и члены. Первымъ имѣю честь быть я, а члены: 1) рыцарь Василій a pila, Василій Васильевичъ Чулковъ, 2) рыцарь Иванъ ab aurora boreali, Иванъ Петровичъ Тургеневъ, 3) Iacobus a concordia, господинъ профессоръ Шнейдеръ, 4) рыцарь Феодоръ ab oliva tenebra, Федоръ Петровичъ Ключаревъ, 5) рыцарь Григорій a cuba, Григорій Прохоровичъ Крупениковъ.

Префектъ ложи Коронованнаго Знамени Петръ Алексѣевичъ Татищевъ.

Префектъ ложи Латоны князь Николай Никитичъ Трубецкой.

Здѣсь я сообщилъ вамъ, высокопочтенный бр. ордена имяна всѣхъ брр., которые имѣютъ участіе въ правленіи VIII провинціи ордена, что же касается до членовъ Дружескаго Ученаго Общества, то я ихъ здѣсь не пишу для того, что пришлю вскорѣ къ вамъ списокъ. Касательно до 3-го вопроса, который, в. п. бр, дѣлаете, я могу вамъ сказать, что всѣ достойные брр. ордена, въ Петербургѣ находящіеся, на коихъ твердость, ревность и усердіе вы положиться можете, всѣ такіе суть нужны и пріятны національному капителю, а наипаче такіе, кои по связямъ своимъ, а болѣе по ревности своей къ ордену имѣютъ нѣкоторое право быть пріобщенными къ содѣйствію. Итакъ, если вы, выс. п. б., соберете токмо числомъ 9, то можете написать письмо въ директорію и возстановить капитель. Еще лучше будетъ, если приступятъ къ вамъ въ зависимость и работающія въ П[етербургѣ] іоановскія ложи; тогда можете вы присовокупить къ письму вашему и списки тѣхъ ложъ. По мнѣнію провинціальнаго капителя большее всѣхъ право имѣетъ в. п. б. ордена Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, какъ первый возстановитель на твердую степень въ Россіи масонства; равномѣрно в. пров. бр. ордена к. Куракинъ, в. п. бр. Перфильевъ, и другіе; короче сказать: правит. брр. не берутъ на себя предписывать и означить имянно кого, но вамъ все оное ввѣряютъ, и на сей случай, по полученіи вашего письма съ подпискою еще другихъ, в. бр. ордена вручитъ вамъ достоинство префекта до дальнѣйшаго расположенія, ибо въ Петербургѣ долженствуетъ быть пріоратъ. В. б. Фрезъ, какъ ревнительный бр., заслуживаетъ совершенно мѣсто въ числѣ правительствующихъ брр. Я рекомендую вамъ в. п. бр. Ивана Афанасьевича Дмитревскаго.

Наконецъ я прошу васъ, в. п. бр. ордена, прислать имена орденскія и гербы всѣхъ п. орденскихъ братьевъ.

Впрочемъ, ежели вы какія найдете сомнѣнія или недостатокъ въ объясненіи, то можете вы, в. п. бр. ордена, спрашивать; я не могу безъ вопросовъ дѣлать изъясненія, не вѣдая, что сообщено вамъ и что нѣтъ.

Приложенія, о коихъ упоминается здѣсь, вручитъ вамъ в. п. бр. ордена Чулковъ.

VI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 16 января, 1783.

Высокоп. и люб. бр. Алекс. Андр.!

Простите мнѣ, что я къ вамъ такъ давно не писалъ. Причина тому та, что я и жена были больны. Поздравляю васъ съ прошедшимъ новымъ годомъ.

Дай, Боже, вамъ всего того, чего вы достойны; что же касается до братскихъ дѣлъ нашихъ, то я не писалъ къ вамъ для того, что провинціальный капитель поручилъ переписку съ вами бр. Новикову. Желаю я очень, чтобы вы взяли на себя должность префекта въ Петербургѣ, о чемъ, я думаю, и бр. Чулковъ, который теперь тамъ, говорилъ съ вами. Теперь позвольте мнѣ дать себѣ комисію, чтобъ вы поговорили съ в. п. брр. Александромъ Серг. Строгоновымъ и Федоромъ Петр. Фрезомъ, что я имъ, яко префектъ капителя Латоны въ Москвѣ, предлагаю дружеское названіе и братское почетныхъ членовъ сего капителя, что я въ разсужденіи васъ, и не переписываясь съ вами, уже исполнилъ. Я думаю, что рѣченные брр. не отрекутся отъ сего названія, которое доказываетъ искреннее мое къ нимъ почтеніе, что же до васъ принадлежитъ, то я ожидаю съ нетерпѣніемъ рѣшенія вашего въ разсужденіи должности префекта въ П[етербургѣ]. Однако, такъ какъ ето дѣло общее, то на сіе послѣднее жду отвѣта не къ себѣ, но къ тому, которому орденъ поручилъ о сихъ дѣлахъ переписываться съ вами; но я бы желалъ, чтобъ вы въ П[етербургѣ] учинились центромъ или орудіемъ ордена, которой бы всѣ различные радіусы привелъ во едино; сіе было бы истинная для всего ордена услуга, а наипаче для VIII провинціи.

N. B. Пришлите мнѣ какъ ваше, такъ и в. п. брр. Строгонова и Фреза, имя, печать и девизъ.

VII.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 26 апрѣля, 1783.

Высокопочтеннѣйшій бр. ордена, М. Г. м. Алек. Андр.!

По сіе время не имѣлъ еще я чести получить вашего отвѣта на большое мое письмо съ приложеніями; я приписывалъ это невозможности и ожидая онаго, дабы могъ что еще къ вамъ сообщить. Между тѣмъ довѣренность, любовь и уваженіе здѣшнихъ начальствующихъ брр. къ вамъ доставили *) мнѣ случай сообщить вамъ копію съ протокола

*) Въ подлинникѣ: доставила.

VI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 16 января, 1783.

Высокоп. и люб. бр. Алекс. Андр.!

Простите мнѣ, что я къ вамъ такъ давно не писалъ. Причина тому та, что я и жена были больны. Поздравляю васъ съ прошедшимъ новымъ годомъ.

Дай, Боже, вамъ всего того, чего вы достойны; что же касается до братскихъ дѣлъ нашихъ, то я не писалъ къ вамъ для того, что провинціальный капитель поручилъ переписку съ вами бр. Новикову. Желаю я очень, чтобы вы взяли на себя должность префекта въ Петербургѣ, о чемъ, я думаю, и бр. Чулковъ, который теперь тамъ, говорилъ съ вами. Теперь позвольте мнѣ дать себѣ комисію, чтобъ вы поговорили съ в. п. брр. Александромъ Серг. Строгоновымъ и Федоромъ Петр. Фрезомъ, что я имъ, яко префектъ капителя Латоны въ Москвѣ, предлагаю дружеское названіе и братское почетныхъ членовъ сего капителя, что я въ разсужденіи васъ, и не переписываясь съ вами, уже исполнилъ. Я думаю, что рѣченные брр. не отрекутся отъ сего названія, которое доказываетъ искреннее мое къ нимъ почтеніе, что же до васъ принадлежитъ, то я ожидаю съ нетерпѣніемъ рѣшенія вашего въ разсужденіи должности префекта въ П[етербургѣ]. Однако, такъ какъ ето дѣло общее, то на сіе послѣднее жду отвѣта не къ себѣ, но къ тому, которому орденъ поручилъ о сихъ дѣлахъ переписываться съ вами; но я бы желалъ, чтобъ вы въ П[етербургѣ] учинились центромъ или орудіемъ ордена, которой бы всѣ различные радіусы привелъ во едино; сіе было бы истинная для всего ордена услуга, а наипаче для VIII провинціи.

N. B. Пришлите мнѣ какъ ваше, такъ и в. п. брр. Строгонова и Фреза, имя, печать и девизъ.

VII.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 26 апрѣля, 1783.

Высокопочтеннѣйшій бр. ордена, М. Г. м. Алек. Андр.!

По сіе время не имѣлъ еще я чести получить вашего отвѣта на большое мое письмо съ приложеніями; я приписывалъ это невозможности и ожидая онаго, дабы могъ что еще къ вамъ сообщить. Между тѣмъ довѣренность, любовь и уваженіе здѣшнихъ начальствующихъ брр. къ вамъ доставили *) мнѣ случай сообщить вамъ копію съ протокола

*) Въ подлинникѣ: доставила.

директоріи VIII пров. ордена, коею извѣститесь вы, что вамъ вручено достоинство петербургскаго префекта. Я усерднѣйше поздравляю васъ съ наложенною на васъ должностію, прошу о назначеніи вашего репрезентанта для присутствія въ директоріи. Я съ моей стороны рекомендовалъ бы вамъ в. п. б. Вас. Вас. Чулкова, яко основательнаго, твердаго и прилежнаго бр., есть ли вы другова кого не имѣете.

VIII.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 1 мая, 1783.

В. п. бр. М. Г. Ал. Ан.!

Вложенный здѣсь пакетъ просятъ васъ усерднѣйше чиновники VIII пров. вѣрно и на первой почтѣ переслать въ Ригу по адресу.

Сими коммисіями они и впредь намѣрены васъ обременять; увѣдомьте, не будетъ ли вамъ это въ тягость? Письма великой важности и, слѣдовательно, всю осторожность надлежитъ употребить къ выпровожденію ихъ. Расходъ при сихъ коммисіяхъ просимъ приказать записывать на нашъ щетъ.

H. Ed. ab ancora.

A M-r M-r Bergmann, Grand Fiscal du Gouvernement au service de S. M. I. à Riga.

IX.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 18 мая, 1783.

В. п. б., М. Г. Ал. Анд.!

Благодарю васъ за письмо ваше, мною полученное отъ 8 числа сего мѣсяца, и радуюсь вседушно, что усердіе моск. брр. столь вамъ пріятно. Я смѣю увѣрить васъ, что расположеніе всѣхъ здѣшнихъ брр. къ вамъ напусерднѣйшее и что отъ васъ самого зависитъ приближиться къ свѣту нашего святѣйшаго ордена столь близко, сколь много силы наши тотъ свѣтъ снести возмогутъ. Благость Божія къ отечеству нашему проложила *) нынѣ путь ко свѣту сему, и мы можемъ быть уже не странниками скитающимися, слѣдуя блудящимъ огнямъ, но истинными воинами нашего высокославнаго вел. мастера, имѣя путь, по коему шествовать долженствуемъ, начертанъ неизгладимыми знаками. Путь чистъ, преграда отъята, можетъ быть, дойдемъ... **) лишь бы стопы наши были

*) Въ подлинникѣ: проложили.

**) Многоточіе въ подлинникѣ.

директоріи VIII пров. ордена, коею извѣститесь вы, что вамъ вручено достоинство петербургскаго префекта. Я усерднѣйше поздравляю васъ съ наложенною на васъ должностію, прошу о назначеніи вашего репрезентанта для присутствія въ директоріи. Я съ моей стороны рекомендовалъ бы вамъ в. п. б. Вас. Вас. Чулкова, яко основательнаго, твердаго и прилежнаго бр., есть ли вы другова кого не имѣете.

VIII.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 1 мая, 1783.

В. п. бр. М. Г. Ал. Ан.!

Вложенный здѣсь пакетъ просятъ васъ усерднѣйше чиновники VIII пров. вѣрно и на первой почтѣ переслать въ Ригу по адресу.

Сими коммисіями они и впредь намѣрены васъ обременять; увѣдомьте, не будетъ ли вамъ это въ тягость? Письма великой важности и, слѣдовательно, всю осторожность надлежитъ употребить къ выпровожденію ихъ. Расходъ при сихъ коммисіяхъ просимъ приказать записывать на нашъ щетъ.

H. Ed. ab ancora.

A M-r M-r Bergmann, Grand Fiscal du Gouvernement au service de S. M. I. à Riga.

IX.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 18 мая, 1783.

В. п. б., М. Г. Ал. Анд.!

Благодарю васъ за письмо ваше, мною полученное отъ 8 числа сего мѣсяца, и радуюсь вседушно, что усердіе моск. брр. столь вамъ пріятно. Я смѣю увѣрить васъ, что расположеніе всѣхъ здѣшнихъ брр. къ вамъ напусерднѣйшее и что отъ васъ самого зависитъ приближиться къ свѣту нашего святѣйшаго ордена столь близко, сколь много силы наши тотъ свѣтъ снести возмогутъ. Благость Божія къ отечеству нашему проложила *) нынѣ путь ко свѣту сему, и мы можемъ быть уже не странниками скитающимися, слѣдуя блудящимъ огнямъ, но истинными воинами нашего высокославнаго вел. мастера, имѣя путь, по коему шествовать долженствуемъ, начертанъ неизгладимыми знаками. Путь чистъ, преграда отъята, можетъ быть, дойдемъ... **) лишь бы стопы наши были

*) Въ подлинникѣ: проложили.

**) Многоточіе въ подлинникѣ.

тверды, лишь бы не прельщали насъ по обѣ стороны находящіяся призраки; лишь бы лѣность не удерживала насъ на мягкой муравѣ, которая не для роскоши нашей, но для облегченія ногъ нашихъ на пути семъ находится; лишь бы малодушіе не устрашало насъ трудностями, то вѣрьте, что безпредѣльная благость Божія къ ищущимъ Его человѣкамъ допуститъ насъ приближиться ко свѣту пресвятѣйшаго ордена нашего.

Я радуюсь, в. п. бр., вашему намѣренію пріѣхать сюда: исполните оное, сколь скоро возможно; вы, конечно, не раскаетесь въ семъ предпріятіи.

В. п. бр. Чулкову я не могъ еще сообщить вашего желанія за его болѣзнію, но надѣюсь, что онъ не откажется отъ всего, что можетъ дѣлать пользу ордену, почему и прошу прислать сюда полномочіе ваше на его имя.

Теперь прилагаю письмо в. п. бр. Шварца къ Рибасу и копію съ онаго для васъ; постарайтесь отдать ему оное сами и потребуйте на оное отвѣта. Я надѣюсь, что вы будете имѣть предъ собою хорошее явленіе при чтеніи имъ сего письма.

Благодарю васъ также, в. п. бр., за обѣщаніе пересылать письма; нѣтъ нужды ожидать оказіи для пересылки оныхъ; но лучше отправлять по почтѣ, лишь бы не были они подвержены распечатанію.

Ожиданіе ваше открытіемъ капителя хорошо и спѣшить онымъ не надобно. Самое лучшее средство пріѣхать вамъ сюда, чего мы всѣ съ нетерпѣливостію ожидаемъ.

П. Eq. ab ancora.

X.

В. П. МИТУСОВЪ — кн. А. Н. ЗАСѢКИНУ.

С.-Петербургъ. 29 іюня, 1783.

М. Г. м. кн. Александръ Николаевичъ!

Мы разсуждали здѣсь о состояніи своего общества, которое совсѣмъ почти къ паденію наклоненіе имѣетъ, ибо, имѣя очень много весьма достойныхъ брр. и не имѣя состоянія давать онымъ просвѣщенія, мы оныхъ лишаемся, равно и цѣлыя ложи почти закрываютъ свои священныя работы. Въ такомъ случаѣ, болѣзнуя объ ономъ сердечно, положили высокопросвѣщеннѣйшій бр. Андрей Андреевичъ Нартовъ, высокопр. брр. Александръ Петровичъ Митусовъ, Григорій Михайловичъ Лукашевичъ и другіе, хотя въ свѣтскомъ состояніи малоименитые, но душевными качествами и высокими степеньми по достоинству украшенные брр., пылая святѣйшимъ рвеніемъ къ ордену, приступить съ братскою просьбою къ

тверды, лишь бы не прельщали насъ по обѣ стороны находящіяся призраки; лишь бы лѣность не удерживала насъ на мягкой муравѣ, которая не для роскоши нашей, но для облегченія ногъ нашихъ на пути семъ находится; лишь бы малодушіе не устрашало насъ трудностями, то вѣрьте, что безпредѣльная благость Божія къ ищущимъ Его человѣкамъ допуститъ насъ приближиться ко свѣту пресвятѣйшаго ордена нашего.

Я радуюсь, в. п. бр., вашему намѣренію пріѣхать сюда: исполните оное, сколь скоро возможно; вы, конечно, не раскаетесь въ семъ предпріятіи.

В. п. бр. Чулкову я не могъ еще сообщить вашего желанія за его болѣзнію, но надѣюсь, что онъ не откажется отъ всего, что можетъ дѣлать пользу ордену, почему и прошу прислать сюда полномочіе ваше на его имя.

Теперь прилагаю письмо в. п. бр. Шварца къ Рибасу и копію съ онаго для васъ; постарайтесь отдать ему оное сами и потребуйте на оное отвѣта. Я надѣюсь, что вы будете имѣть предъ собою хорошее явленіе при чтеніи имъ сего письма.

Благодарю васъ также, в. п. бр., за обѣщаніе пересылать письма; нѣтъ нужды ожидать оказіи для пересылки оныхъ; но лучше отправлять по почтѣ, лишь бы не были они подвержены распечатанію.

Ожиданіе ваше открытіемъ капителя хорошо и спѣшить онымъ не надобно. Самое лучшее средство пріѣхать вамъ сюда, чего мы всѣ съ нетерпѣливостію ожидаемъ.

П. Eq. ab ancora.

X.

В. П. МИТУСОВЪ — кн. А. Н. ЗАСѢКИНУ.

С.-Петербургъ. 29 іюня, 1783.

М. Г. м. кн. Александръ Николаевичъ!

Мы разсуждали здѣсь о состояніи своего общества, которое совсѣмъ почти къ паденію наклоненіе имѣетъ, ибо, имѣя очень много весьма достойныхъ брр. и не имѣя состоянія давать онымъ просвѣщенія, мы оныхъ лишаемся, равно и цѣлыя ложи почти закрываютъ свои священныя работы. Въ такомъ случаѣ, болѣзнуя объ ономъ сердечно, положили высокопросвѣщеннѣйшій бр. Андрей Андреевичъ Нартовъ, высокопр. брр. Александръ Петровичъ Митусовъ, Григорій Михайловичъ Лукашевичъ и другіе, хотя въ свѣтскомъ состояніи малоименитые, но душевными качествами и высокими степеньми по достоинству украшенные брр., пылая святѣйшимъ рвеніемъ къ ордену, приступить съ братскою просьбою къ

вамъ, высокопр. братъ, къ самому наусерднѣйшему изъ знаемыхъ мною въ Москвѣ братьевъ, чтобы вы были въ московской префектурѣ представителемъ исходатайствовать учрежденіе оной и здѣсь, получая отъ вашего капитула изъ присылаемыхъ отъ вел. Брауншвейгской ложи бумагъ копіи за рукою московской префектуры, такъ какъ отъ начальствующей въ Россіи провинціи, а здѣшняя чтобы была по оной вторая капитулярная ложа. Вотъ, просьба, высокопр. бр., которую на вашу благоразумную апробацію представляемъ, приступить намъ съ формальною просьбой къ вышней московской ложѣ, при вашемъ отвѣтѣ мы себя по оному расположимъ.

Василій Митусовъ.

Съ подлиннымъ читалъ рег. VIII пров. М. Багрянскій.

XI.

Кн. А. Н. ЗАСѢКИНЪ — ДИРЕКТОРІИ VIII ПРОВИНЦІИ.

Москва. 10 іюля, 1783.

Въ высокодостойную Директорію VIII орденской пров. покорнѣйшее представленіе.

На сихъ дняхъ получилъ я изъ С.-Пб. отъ почт. бр. Василія Петр. Митусова письмо касательно до разпространенія и разширенія ордена воль. кам. въ семъ мѣстѣ. Я оное письмо симъ покорнѣйше предлагаю высокод. членамъ Директоріи, ожидая наставленія въ томъ, какой отвѣтъ должно дать сему брату на его требованіе.

Покорнѣйшій бр. Александръ Eq. ab apibus.

Съ подл. читалъ регис. VIII орденской пров. Мих. Багрянскій.

XII.

ДИРЕКТОРІЯ VIII ПРОВИНЦІИ кн. А. Н. ЗАСѢКИНУ.

Москва. 12 іюля, 1783.

Высокод. бр.!

Директорія VIII орденской пров. съ удовольствіемъ приняла представленіе ваше и письмо, адресованное къ вамъ отъ почт. бр. Митус. именемъ нѣкоторыхъ брр., въ С.-Пб. находящихся, отъ 29 іюня 1783., въ которомъ они показываютъ свое желаніе, чтобы въ С.-Пб. была учреждена префектура, вслѣдствіе чего директорія за долгъ себѣ поставляетъ увѣдомить ихъ чрезъ васъ, высокопр. бр., что провинція уже исполнила сіе, и что въ С.-Пб. учреждена префектура, и префектомъ

вамъ, высокопр. братъ, къ самому наусерднѣйшему изъ знаемыхъ мною въ Москвѣ братьевъ, чтобы вы были въ московской префектурѣ представителемъ исходатайствовать учрежденіе оной и здѣсь, получая отъ вашего капитула изъ присылаемыхъ отъ вел. Брауншвейгской ложи бумагъ копіи за рукою московской префектуры, такъ какъ отъ начальствующей въ Россіи провинціи, а здѣшняя чтобы была по оной вторая капитулярная ложа. Вотъ, просьба, высокопр. бр., которую на вашу благоразумную апробацію представляемъ, приступить намъ съ формальною просьбой къ вышней московской ложѣ, при вашемъ отвѣтѣ мы себя по оному расположимъ.

Василій Митусовъ.

Съ подлиннымъ читалъ рег. VIII пров. М. Багрянскій.

XI.

Кн. А. Н. ЗАСѢКИНЪ — ДИРЕКТОРІИ VIII ПРОВИНЦІИ.

Москва. 10 іюля, 1783.

Въ высокодостойную Директорію VIII орденской пров. покорнѣйшее представленіе.

На сихъ дняхъ получилъ я изъ С.-Пб. отъ почт. бр. Василія Петр. Митусова письмо касательно до разпространенія и разширенія ордена воль. кам. въ семъ мѣстѣ. Я оное письмо симъ покорнѣйше предлагаю высокод. членамъ Директоріи, ожидая наставленія въ томъ, какой отвѣтъ должно дать сему брату на его требованіе.

Покорнѣйшій бр. Александръ Eq. ab apibus.

Съ подл. читалъ регис. VIII орденской пров. Мих. Багрянскій.

XII.

ДИРЕКТОРІЯ VIII ПРОВИНЦІИ кн. А. Н. ЗАСѢКИНУ.

Москва. 12 іюля, 1783.

Высокод. бр.!

Директорія VIII орденской пров. съ удовольствіемъ приняла представленіе ваше и письмо, адресованное къ вамъ отъ почт. бр. Митус. именемъ нѣкоторыхъ брр., въ С.-Пб. находящихся, отъ 29 іюня 1783., въ которомъ они показываютъ свое желаніе, чтобы въ С.-Пб. была учреждена префектура, вслѣдствіе чего директорія за долгъ себѣ поставляетъ увѣдомить ихъ чрезъ васъ, высокопр. бр., что провинція уже исполнила сіе, и что въ С.-Пб. учреждена префектура, и префектомъ

оной поставленъ уже высокоп. бр. Алексѣй a bona spe; чего ради, если имъ то угодно будетъ, могутъ адресоваться къ нему. Впрочемъ, съ братскою любовію и должнымъ уваженіемъ пребываемъ:

бр. Іоаннъ Eq. a luce orta Vice praes.

Александръ Eq. a luna crescente, Propret. et Repres. Capit. Mosc.

Петръ Eq. a campana, Repres. Capit. Petropolit.

Петръ Eq. a speculatione, Rep. Capit. R — s.

1783 г. іюля 12-го. Высокод. бр. Александру ab apibus.

Съ под. чит. регис. VIII пров. Мих. Багрянскій.

XIII.

П. А. ВЕЛЬЯМИНОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 13 іюля, 1783.

Высокод. бр. М. Г. м.!

Имѣю честь послать при семъ, в. п. [бр.], нѣмецкіе и французскіе Стриктъ-обсервансъ бумаги по приложенному реестру для сохраненія въ архивѣ вашей. Притомъ прилагаю полученное изъ Петербурга бр. Александромъ Eq. ab apibus (кн. Ал. Засѣкинъ), отъ почт. бр. Митусова письмо и представленное въ директорію, съ которыхъ всѣхъ писемъ и отвѣта директоріи имѣю честь послать къ в. п. [бр.] копіи.

Петръ Вель[яминовъ]. Eq a campana.

Реестръ бумагамъ, въ пакетѣ находящимся:

Нѣмецкіе.—4 степени.—8 инструкцій чиновникамъ ложи.—1. Законы и учрежденія.—2 ковра,—ученической и екосской. NB. Французскіе.—3 первыя степени.

Копіи—съ писемъ кн. Засѣкина въ директорію, бр. Митус. и отвѣтъ директоріи къ кн. Засѣкину.

NB. Коверъ ученической съ товарищескимъ одинъ; для учиненія его товарищескимъ должно поставить въ звѣздѣ лит. G, а литера B на правомъ столбѣ снимается для ученическаго.

XIV.

Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 23 іюля, 1783.

Высокоп. и люб. бр. Алек. Андр.!

Дружеское письмо ваше отъ 13 получилъ, за которое много и премного благодарю, на которое отвѣтствую нижеслѣдующее:

1) Необходимо нужно, чтобъ вы сами, яко префектъ петербургской, вошли въ переписку съ герц. Брауншвейгскимъ и съ секретаремъ ге-

оной поставленъ уже высокоп. бр. Алексѣй a bona spe; чего ради, если имъ то угодно будетъ, могутъ адресоваться къ нему. Впрочемъ, съ братскою любовію и должнымъ уваженіемъ пребываемъ:

бр. Іоаннъ Eq. a luce orta Vice praes.

Александръ Eq. a luna crescente, Propret. et Repres. Capit. Mosc.

Петръ Eq. a campana, Repres. Capit. Petropolit.

Петръ Eq. a speculatione, Rep. Capit. R — s.

1783 г. іюля 12-го. Высокод. бр. Александру ab apibus.

Съ под. чит. регис. VIII пров. Мих. Багрянскій.

XIII.

П. А. ВЕЛЬЯМИНОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 13 іюля, 1783.

Высокод. бр. М. Г. м.!

Имѣю честь послать при семъ, в. п. [бр.], нѣмецкіе и французскіе Стриктъ-обсервансъ бумаги по приложенному реестру для сохраненія въ архивѣ вашей. Притомъ прилагаю полученное изъ Петербурга бр. Александромъ Eq. ab apibus (кн. Ал. Засѣкинъ), отъ почт. бр. Митусова письмо и представленное въ директорію, съ которыхъ всѣхъ писемъ и отвѣта директоріи имѣю честь послать къ в. п. [бр.] копіи.

Петръ Вель[яминовъ]. Eq a campana.

Реестръ бумагамъ, въ пакетѣ находящимся:

Нѣмецкіе.—4 степени.—8 инструкцій чиновникамъ ложи.—1. Законы и учрежденіи.—2 ковра,—ученической и екосской. NB. Французскіе.—3 первыя степени.

Копіи—съ писемъ кн. Засѣкина въ директорію, бр. Митус. и отвѣтъ директоріи къ кн. Засѣкину.

NB. Коверъ ученической съ товарищескимъ одинъ; для учиненія его товарищескимъ должно поставить въ звѣздѣ лит. G, а литера B на правомъ столбѣ снимается для ученическаго.

XIV.

Кн. П. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 23 іюля, 1783.

Высокоп. и люб. бр. Алек. Андр.!

Дружеское письмо ваше отъ 13 получилъ, за которое много и премного благодарю, на которое отвѣтствую нижеслѣдующее:

1) Необходимо нужно, чтобъ вы сами, яко префектъ петербургской, вошли въ переписку съ герц. Брауншвейгскимъ и съ секретаремъ ге-

неральнымъ ордена Шварцомъ, почему и посылаю вамъ, во первыхъ, для примѣру, какъ къ нимъ писать, копіи съ писемъ, писанныхъ нами къ герцогу и принцу Карлу; да для васъ въ примѣръ написанные письма къ герц. и къ генеральному секретарю; почему, сообразуясь симъ письмамъ, совѣтуемъ вамъ, не мѣшкавъ, написать первые комплиментарныя къ нимъ письма, а мы между тѣмъ напишемъ сами, чтобы генеральный секретарь поспѣшилъ доставить вамъ все то, что для вашего капителя нужно; вамъ же, кромѣ комплемента, въ первомъ письмѣ писать не о чемъ. Однако же и мы къ вамъ тоже, какъ скоро у насъ перепишится 6-й градусъ, доставимъ, ибо мы по актамъ брауншвейгскимъ работать не будемъ, но они нужны для васъ, дабы шарлатаны не могли дѣлать безпокойства. Однако же вы можете и прежде еще полученія отъ насъ VI степени капитель свой открыть и работать въ VI-й степ. наученіемъ вашихъ капитуляровъ о разположеніи ордена, о видахъ его, и о всемъ томъ, что уже вы въ архивѣ своемъ имѣете, ибо и мы до сихъ поръ въ сей степени не иначе, какъ такъ работали.

2) Что касается до сіантифическаго градуса нашего, то какъ скоро возможно будетъ его совсѣмъ изготовить, то и перешлемъ къ вамъ, а что касается до того, что Рибасъ хвасталъ внутреннимъ орденомъ, то я также къ тебѣ скоро доставлю ихъ внутренніе градусы. Они нами получены и уже переводются, однако ети градусы будутъ для твоего только свѣдѣнія и архива, дабы ты могъ отражать хвастуновъ.

3) Я разхохотался, когда увидѣлъ, мой другъ, изъ твоего письма, что Рибасъ принимаетъ Р. К. за градусъ; дай, Боже, чтобъ ты впредь, когда начальникамъ нашимъ угодно будетъ, достовѣрнѣе увѣрился о его въ семъ случаѣ невѣжествѣ; а между тѣмъ скажу только тебѣ, что Розе и Круцисъ, изъ котораго имя Р. К. произходитъ есть во истину іероглифъ такой же, какъ наименованіе Своб. Каменьщикъ, и что подъ симъ именемъ скрывающіеся Мудрецы уже въ дальнѣйшихъ вѣкахъ выдали множество книгъ, изъ которыхъ нѣкоторые напечатаны, и въ ученомъ свѣтѣ извѣстны; а другіе, какъ печатныя, такъ и манускрипты, извѣстны только братьямъ, что ясно доказываетъ тебѣ, что ето не градусъ; а есть подлинно градусъ Розъ Круа, выдуманной подъ освященнымъ симъ имянемъ французами, который сущій вздоръ, и я его къ тебѣ скоро доставлю.

4) Что касается до Бебера, то мы сами думали, что его поѣздка сдѣлаетъ, что мы должны будемъ для объясненія много переписываться съ орденомъ, и тѣмъ утруднимся, но онъ такъ благоразумно поступилъ, что насъ сего труда, повидимому, избавляетъ; для свѣдѣнія же твоего о его поступкахъ прилагаю при семъ копію съ письма, полученнаго нами объ немъ отъ генеральнаго секретаря; если его себѣ перевести, оно нужно для твоего свѣдѣнія. Мы думали, что должны будемъ также

неральнымъ ордена Шварцомъ, почему и посылаю вамъ, во первыхъ, для примѣру, какъ къ нимъ писать, копіи съ писемъ, писанныхъ нами къ герцогу и принцу Карлу; да для васъ въ примѣръ написанные письма къ герц. и къ генеральному секретарю; почему, сообразуясь симъ письмамъ, совѣтуемъ вамъ, не мѣшкавъ, написать первые комплиментарныя къ нимъ письма, а мы между тѣмъ напишемъ сами, чтобы генеральный секретарь поспѣшилъ доставить вамъ все то, что для вашего капителя нужно; вамъ же, кромѣ комплемента, въ первомъ письмѣ писать не о чемъ. Однако же и мы къ вамъ тоже, какъ скоро у насъ перепишится 6-й градусъ, доставимъ, ибо мы по актамъ брауншвейгскимъ работать не будемъ, но они нужны для васъ, дабы шарлатаны не могли дѣлать безпокойства. Однако же вы можете и прежде еще полученія отъ насъ VI степени капитель свой открыть и работать въ VI-й степ. наученіемъ вашихъ капитуляровъ о разположеніи ордена, о видахъ его, и о всемъ томъ, что уже вы въ архивѣ своемъ имѣете, ибо и мы до сихъ поръ въ сей степени не иначе, какъ такъ работали.

2) Что касается до сіантифическаго градуса нашего, то какъ скоро возможно будетъ его совсѣмъ изготовить, то и перешлемъ къ вамъ, а что касается до того, что Рибасъ хвасталъ внутреннимъ орденомъ, то я также къ тебѣ скоро доставлю ихъ внутренніе градусы. Они нами получены и уже переводются, однако ети градусы будутъ для твоего только свѣдѣнія и архива, дабы ты могъ отражать хвастуновъ.

3) Я разхохотался, когда увидѣлъ, мой другъ, изъ твоего письма, что Рибасъ принимаетъ Р. К. за градусъ; дай, Боже, чтобъ ты впредь, когда начальникамъ нашимъ угодно будетъ, достовѣрнѣе увѣрился о его въ семъ случаѣ невѣжествѣ; а между тѣмъ скажу только тебѣ, что Розе и Круцисъ, изъ котораго имя Р. К. произходитъ есть во истину іероглифъ такой же, какъ наименованіе Своб. Каменьщикъ, и что подъ симъ именемъ скрывающіеся Мудрецы уже въ дальнѣйшихъ вѣкахъ выдали множество книгъ, изъ которыхъ нѣкоторые напечатаны, и въ ученомъ свѣтѣ извѣстны; а другіе, какъ печатныя, такъ и манускрипты, извѣстны только братьямъ, что ясно доказываетъ тебѣ, что ето не градусъ; а есть подлинно градусъ Розъ Круа, выдуманной подъ освященнымъ симъ имянемъ французами, который сущій вздоръ, и я его къ тебѣ скоро доставлю.

4) Что касается до Бебера, то мы сами думали, что его поѣздка сдѣлаетъ, что мы должны будемъ для объясненія много переписываться съ орденомъ, и тѣмъ утруднимся, но онъ такъ благоразумно поступилъ, что насъ сего труда, повидимому, избавляетъ; для свѣдѣнія же твоего о его поступкахъ прилагаю при семъ копію съ письма, полученнаго нами объ немъ отъ генеральнаго секретаря; если его себѣ перевести, оно нужно для твоего свѣдѣнія. Мы думали, что должны будемъ также

доказывать, что Гагаринъ нами не изключенъ былъ, что бы сдѣлало лишнюю переписку; но онъ и того насъ избавилъ, ибо самъ объ увѣдомленія нашемъ Гагарина и о призывѣ его братьевъ формально объявилъ.

5) Что же касается до того, что петербургскіе брр. судятъ, у кого имъ быть въ подчиненіи и кого имъ имѣть префек., то также указываетъ ясно ихъ невѣжество, ибо не брр., а законная власть назначаетъ префектовъ; законная же власть въ VIII пров. теперь въ рукахъ провинціальнаго капителя, который назначилъ васъ, и который учрежденъ въ Москвѣ, то ихъ о семъ разсужденіе не стоитъ и вниманія, а точно только показуетъ невѣжество ихъ.

6) Я уповаю, что вы уже теперь извѣстны отъ вашего репрезентанта, что есть еще партія въ Петербургѣ, въ которой и бр. Партовъ, которая адресовалась было въ Ліонъ во 2 пров. и искала актовъ и пр., но когда получили въ отвѣтъ, что въ Россіи, кромѣ провинціальнаго капителя, который въ Москвѣ, никто ничего учредить не можетъ, то адресовались къ намъ; но мы, учредивъ уже васъ въ Петербургѣ префектомъ, препроводили ихъ къ вамъ, что̀ и впредь по должности нашей и обязательствъ съ вами исполнять со всѣми адресующимися къ намъ изъ вашей префектуры будемъ; сей поступокъ петерб. брр., уповаю я, когда другимъ россіянамъ извѣстенъ учинится, то отучитъ ихъ не въ законномъ для нихъ мѣстѣ чего-либо искать, а понудитъ ихъ законную и учрежденную власть провинціальнаго капителя VIII пров. признать, чѣмъ всѣ и безпокойства кончатся.

7) Я расхохотался, видя изъ письма вашего, что Рибасъ хвастаетъ, что онъ имѣетъ внутреннія орденскія познанія; видно, что для него природа скачокъ сдѣлала и, поступая вездѣ постепенно, его, яко избраннаго изъ всѣхъ смертныхъ, вдругъ учинила совершеннымъ; нѣтъ, другъ мой, словъ сихъ: «знаю внутреннія познанія ордена», кромѣ невѣжды и шарлатана, никто сказать не можетъ, а наипаче черезъ такое короткое время, какое Рибасъ на ето имѣлъ, ибо и мы, несмотря на то, что подлинно къ истинному внутреннему ордену принадлежимъ, и несмотря на то, что нѣсколько лѣтъ денно и нощно въ томъ упражняемся, можемъ только то единое о себѣ сказать, что мы всѣ тѣ орудія въ рукахъ имѣемъ, по которымъ до оныхъ познаній непрестанными трудами и повиновеніемъ безмолвнымъ къ начальникамъ дойдти можемъ, ибо сіе дѣло не одного десятка лѣтъ, но нѣсколькихъ требуетъ; когда же онъ называетъ познаніемъ размышленія и толкованія іероглифовъ, подобно книгѣ Des Erreurs et de la Verité, я вамъ скоро изобиліе такихъ толкованій доставлю; и кто, подобно Рибасу, думаетъ, что онъ по онымъ имѣетъ внутреннія познанія, тотъ уподобляется мальчику, начертившему изъ Вобана чертежъ и потому воображающему быть уже инженеромъ. Вотъ, другъ мой, мое разсужденіе о познаніяхъ Рибасовыхъ, которыя не дѣло,

доказывать, что Гагаринъ нами не изключенъ былъ, что бы сдѣлало лишнюю переписку; но онъ и того насъ избавилъ, ибо самъ объ увѣдомленія нашемъ Гагарина и о призывѣ его братьевъ формально объявилъ.

5) Что же касается до того, что петербургскіе брр. судятъ, у кого имъ быть въ подчиненіи и кого имъ имѣть префек., то также указываетъ ясно ихъ невѣжество, ибо не брр., а законная власть назначаетъ префектовъ; законная же власть въ VIII пров. теперь въ рукахъ провинціальнаго капителя, который назначилъ васъ, и который учрежденъ въ Москвѣ, то ихъ о семъ разсужденіе не стоитъ и вниманія, а точно только показуетъ невѣжество ихъ.

6) Я уповаю, что вы уже теперь извѣстны отъ вашего репрезентанта, что есть еще партія въ Петербургѣ, въ которой и бр. Партовъ, которая адресовалась было въ Ліонъ во 2 пров. и искала актовъ и пр., но когда получили въ отвѣтъ, что въ Россіи, кромѣ провинціальнаго капителя, который въ Москвѣ, никто ничего учредить не можетъ, то адресовались къ намъ; но мы, учредивъ уже васъ въ Петербургѣ префектомъ, препроводили ихъ къ вамъ, что̀ и впредь по должности нашей и обязательствъ съ вами исполнять со всѣми адресующимися къ намъ изъ вашей префектуры будемъ; сей поступокъ петерб. брр., уповаю я, когда другимъ россіянамъ извѣстенъ учинится, то отучитъ ихъ не въ законномъ для нихъ мѣстѣ чего-либо искать, а понудитъ ихъ законную и учрежденную власть провинціальнаго капителя VIII пров. признать, чѣмъ всѣ и безпокойства кончатся.

7) Я расхохотался, видя изъ письма вашего, что Рибасъ хвастаетъ, что онъ имѣетъ внутреннія орденскія познанія; видно, что для него природа скачокъ сдѣлала и, поступая вездѣ постепенно, его, яко избраннаго изъ всѣхъ смертныхъ, вдругъ учинила совершеннымъ; нѣтъ, другъ мой, словъ сихъ: «знаю внутреннія познанія ордена», кромѣ невѣжды и шарлатана, никто сказать не можетъ, а наипаче черезъ такое короткое время, какое Рибасъ на ето имѣлъ, ибо и мы, несмотря на то, что подлинно къ истинному внутреннему ордену принадлежимъ, и несмотря на то, что нѣсколько лѣтъ денно и нощно въ томъ упражняемся, можемъ только то единое о себѣ сказать, что мы всѣ тѣ орудія въ рукахъ имѣемъ, по которымъ до оныхъ познаній непрестанными трудами и повиновеніемъ безмолвнымъ къ начальникамъ дойдти можемъ, ибо сіе дѣло не одного десятка лѣтъ, но нѣсколькихъ требуетъ; когда же онъ называетъ познаніемъ размышленія и толкованія іероглифовъ, подобно книгѣ Des Erreurs et de la Verité, я вамъ скоро изобиліе такихъ толкованій доставлю; и кто, подобно Рибасу, думаетъ, что онъ по онымъ имѣетъ внутреннія познанія, тотъ уподобляется мальчику, начертившему изъ Вобана чертежъ и потому воображающему быть уже инженеромъ. Вотъ, другъ мой, мое разсужденіе о познаніяхъ Рибасовыхъ, которыя не дѣло,

но пыль и мыльные пузыри; однако же нужно, чтобы ты для посрамленія таковыхъ знахарей имѣлъ нѣкоторые матеріалы, чѣмъ ихъ побѣждать, и для того необходимо нужно тебѣ не мѣшкавъ прислать въ Москву брата Зверягу, которому нужно въѣхать прямо къ Шварцу и у него жить, дабы многое для тебя списать, и для тебя быть изучену и воспитану въ орденѣ, почему совѣтую тебѣ скорѣе сіе исполнить и отправить его въ Москву.

8) Что касается до намѣренія твоего послать циркуляръ въ ивановскія ложи, то ето весьма полезно, и ты можешь въ ономъ циркулярѣ все то написать, что благоразуміе твое за нужное почтетъ открыть предъ братьями, и что по обстоятельствамъ полезно и безопасно будетъ.

Прости, другъ мой, будь здоровъ; дай, Боже, тебѣ успѣха привести въ порядокъ твою префектуру; но прими совѣтъ мой и вѣрь, что безъ искренней молитвы внутри сердца своего, къ Тому «кто былъ, кто есть и кто будетъ», то есть къ истиному Отцу свѣтовъ, всѣ намѣренія тщетны, а наипаче тѣ люди, которые до истинныхъ внутреннихъ познаній ордена достигнуть желаютъ, тѣ всѣ дѣла свои начинать и кончать должны молитвою, которая есть данное намъ отъ милосердія Божія орудіе, коимъ мы всемогущи быть можемъ и побѣждать всѣ препятствія, но о семъ впредь пространнѣе я къ тебѣ писать буду. Прости еще разъ, и вѣрь, что я всѣмъ сердцемъ къ тебѣ привязанъ, и что молю вседневно Отца нашего во имя Единороднаго Сына Его, да подастъ мнѣ силу доказать тебѣ на самомъ дѣлѣ, когда то угодно будетъ нашимъ начальникамъ, сколь много къ тебѣ привязанъ.

Другъ твой и бр.
Eq. ab aquila boreali.

XV.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 30 іюня, [1783].

Высок. дост. и люб. бр. Алек. Андр.!

Благодарю тебя за дружеское письмо и, хотя уже почти на всѣ пункты онаго послѣднее мое письмо изъясненіе подаетъ, однако же нѣкоторые пункты еще изъяснить почитаю за нужное.

Когда мы искали ордена и провинціи въ Россіи, то намѣреніе наше клонилось токмо къ тому, чтобы показать чужестраннымъ брр., что Россія, подобно имъ, есть корпусъ масонской, и что потому ею, какъ трепицею, посужаться (какъ то до того времени было) невозможно, ибо намъ казалось и кажется стыдно, что Россія, занимающая бо́льшую часть

но пыль и мыльные пузыри; однако же нужно, чтобы ты для посрамленія таковыхъ знахарей имѣлъ нѣкоторые матеріалы, чѣмъ ихъ побѣждать, и для того необходимо нужно тебѣ не мѣшкавъ прислать въ Москву брата Зверягу, которому нужно въѣхать прямо къ Шварцу и у него жить, дабы многое для тебя списать, и для тебя быть изучену и воспитану въ орденѣ, почему совѣтую тебѣ скорѣе сіе исполнить и отправить его въ Москву.

8) Что касается до намѣренія твоего послать циркуляръ въ ивановскія ложи, то ето весьма полезно, и ты можешь въ ономъ циркулярѣ все то написать, что благоразуміе твое за нужное почтетъ открыть предъ братьями, и что по обстоятельствамъ полезно и безопасно будетъ.

Прости, другъ мой, будь здоровъ; дай, Боже, тебѣ успѣха привести въ порядокъ твою префектуру; но прими совѣтъ мой и вѣрь, что безъ искренней молитвы внутри сердца своего, къ Тому «кто былъ, кто есть и кто будетъ», то есть къ истинному Отцу свѣтовъ, всѣ намѣренія тщетны, а наипаче тѣ люди, которые до истинныхъ внутреннихъ познаній ордена достигнуть желаютъ, тѣ всѣ дѣла свои начинать и кончать должны молитвою, которая есть данное намъ отъ милосердія Божія орудіе, коимъ мы всемогущи быть можемъ и побѣждать всѣ препятствія, но о семъ впредь пространнѣе я къ тебѣ писать буду. Прости еще разъ, и вѣрь, что я всѣмъ сердцемъ къ тебѣ привязанъ, и что молю вседневно Отца нашего во имя Единороднаго Сына Его, да подастъ мнѣ силу доказать тебѣ на самомъ дѣлѣ, когда то угодно будетъ нашимъ начальникамъ, сколь много къ тебѣ привязанъ.

Другъ твой и бр.
Eq. ab aquila boreali.

XV.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 30 іюня, [1783].

Высок. дост. и люб. бр. Алек. Андр.!

Благодарю тебя за дружеское письмо и, хотя уже почти на всѣ пункты онаго послѣднее мое письмо изъясненіе подаетъ, однако же нѣкоторые пункты еще изъяснить почитаю за нужное.

Когда мы искали ордена и провинціи въ Россіи, то намѣреніе наше клонилось токмо къ тому, чтобы показать чужестраннымъ брр., что Россія, подобно имъ, есть корпусъ масонской, и что потому ею, какъ трепицею, посужаться (какъ то до того времени было) невозможно, ибо намъ казалось и кажется стыдно, что Россія, занимающая бо́льшую часть

Европы пространствомъ своимъ, долженствуетъ зависѣть отъ другого меньшаго ел государства. Сіе съ помощію Божіею удалось намъ, и Россія не только корпусомъ, но и провинціею, не однимъ человѣкомъ, но и цѣлымъ собраніемъ всѣхъ провинцій признана. Итакъ, другъ мой, что̀ сдѣлали всѣ провинціи вообще, того ни герцогъ Брауншвейгскій и никто въ мірѣ перемѣнить не можетъ; а поелику мы искали для однихъ россіянъ, то и все стараніе твое должно быть о соединеніи токмо русскихъ; а чужестранцевъ не намъ искать, но они искать насъ должны; ибо присоединеніе чужестранцевъ, живущихъ въ Россіи, къ намъ дѣлаетъ имъ честь; а ихъ къ намъ присоединеніе никакой пользы намъ не приноситъ. Сіе-то мнѣніе нужно, чтобы русскіе бpp. впечатлѣли въ свое сердце и перестали бы волочиться за всякимъ побродягой, который, бывъ ничего въ орденѣ, выдаетъ себя здѣсь за велико; и чтобъ они получили ету амбицію, которая во всѣхъ народахъ царствуетъ, что корпусъ національный дѣлаетъ честь чужестранцу, когда его къ себѣ присоединяетъ, а не чужестранецъ дѣлаетъ честь корпусу. Сіе-то основаніе сдѣлало, что мы брата Шварца, который столь великіе услуги намъ сдѣлалъ и былъ орудіе, черезъ которое мы все получили, въ воздаяніе за его услуги присоединили къ себѣ и офицеромъ провинціи сдѣлали; но, кромѣ его и безъ подобныхъ его услугъ, никакой чужестранецъ въ правленіе провинціи впущенъ не будетъ. Итакъ, другъ мой, презри всѣмъ тѣмъ, что̀ Рибасы, Розенберхи, Фрезы, и подобные имъ дѣлаютъ, и притомъ будь увѣренъ, что ни герцогъ и никто въ мірѣ уже теперь не можетъ отнять у россіянъ то право, которое имъ дано цѣлымъ конвентомъ всѣхъ провинцій; итакъ, желаю, чтобы ты, при Божьей помощи, открылъ капитель изъ россіянъ и извѣстилъ бы объ ономъ герцога и директорію.

Что же до градусовъ принадлѣжитъ, то подтверждаю то же, что и въ прошедшемъ письмѣ, что ты скоро и отъ насъ, и прямо изъ Брауншвейга ритуели получишь, ибо мы туда объ ономъ писали, но мы не думаемъ по брауншвейгскому ритуелю работать, а будемъ работать въ четвертомъ градусѣ по тому ритуелю, который тебѣ сообщимъ; однако тотъ нуженъ для архива. Что же принадлежитъ до VII-го, то также, какъ возможно будетъ скоро, такъ и его къ тебѣ доставимъ; однако, сіе такъ скоро совершиться не можетъ, но требуетъ время, а чтобы скорѣе совершилось, то необходимо нужно, чтобы ты бр. Зверягу къ намъ прислалъ. Что же принадлежитъ до учрежденія препозитурнаго капителя для чужестранныхъ въ Кронштадтѣ, которой не самъ бы собою дѣйствовалъ, но былъ бы подъ правленіемъ префектурнаго петербургскаго капителя, и коего право только бы было, чтобы по дозволенію префектурнаго капителя давать всѣ градусы и имѣть въ префектурномъ капителѣ репрезентанта, то сіе точно отъ тебя зависитъ; и какъ обстоятельства

Европы пространствомъ своимъ, долженствуетъ зависѣть отъ другого меньшаго ел государства. Сіе съ помощію Божіею удалось намъ, и Россія не только корпусомъ, но и провинціею, не однимъ человѣкомъ, но и цѣлымъ собраніемъ всѣхъ провинцій признана. Итакъ, другъ мой, что̀ сдѣлали всѣ провинціи вообще, того ни герцогъ Брауншвейгскій и никто въ мірѣ перемѣнить не можетъ; а поелику мы искали для однихъ россіянъ, то и все стараніе твое должно быть о соединеніи токмо русскихъ; а чужестранцевъ не намъ искать, но они искать насъ должны; ибо присоединеніе чужестранцевъ, живущихъ въ Россіи, къ намъ дѣлаетъ имъ честь; а ихъ къ намъ присоединеніе никакой пользы намъ не приноситъ. Сіе-то мнѣніе нужно, чтобы русскіе брр. впечатлѣли въ свое сердце и перестали бы волочиться за всякимъ побродягой, который, бывъ ничего въ орденѣ, выдаетъ себя здѣсь за велико; и чтобъ они получили ету амбицію, которая во всѣхъ народахъ царствуетъ, что корпусъ національный дѣлаетъ честь чужестранцу, когда его къ себѣ присоединяетъ, а не чужестранецъ дѣлаетъ честь корпусу. Сіе-то основаніе сдѣлало, что мы брата Шварца, который столь великіе услуги намъ сдѣлалъ и былъ орудіе, черезъ которое мы все получили, въ воздаяніе за его услуги присоединили къ себѣ и офицеромъ провинціи сдѣлали; но, кромѣ его и безъ подобныхъ его услугъ, никакой чужестранецъ въ правленіе провинціи впущенъ не будетъ. Итакъ, другъ мой, презри всѣмъ тѣмъ, что̀ Рибасы, Розенберхи, Фрезы, и подобные имъ дѣлаютъ, и притомъ будь увѣренъ, что ни герцогъ и никто въ мірѣ уже теперь не можетъ отнять у россіянъ то право, которое имъ дано цѣлымъ конвентомъ всѣхъ провинцій; итакъ, желаю, чтобы ты, при Божьей помощи, открылъ капитель изъ россіянъ и извѣстилъ бы объ оном̀ъ герцога и директорію.

Что же до градусовъ принадлѣжитъ, то подтверждаю то же, что и въ прошедшемъ письмѣ, что ты скоро и отъ насъ, и прямо изъ Брауншвейга ритуели получишь, ибо мы туда объ оном̀ъ писали, но мы не думаемъ по брауншвейгскому ритуелю работать, а будемъ работать въ четвертомъ градусѣ по тому ритуелю, который тебѣ сообщимъ; однако тотъ нуженъ для архива. Что же принадлежитъ до VII-го, то также, какъ возможно будетъ скоро, такъ и его къ тебѣ доставимъ; однако, сіе такъ скоро совершиться не можетъ, но требуетъ время, а чтобы скорѣе совершилось, то необходимо нужно, чтобы ты бр. Зверягу къ намъ прислалъ. Что же принадлежитъ до учрежденія препозитурнаго капителя для чужестранныхъ въ Кронштадтѣ, которой не самъ бы собою дѣйствовалъ, но былъ бы подъ правленіемъ префектурнаго петербургскаго капителя, и коего право только бы было, чтобы по дозволенію префектурнаго капителя давать всѣ градусы и имѣть въ префектурномъ капителѣ репрезентанта, то сіе точно отъ тебя зависитъ; и какъ обстоятельства

велятъ, такъ ты и сдѣлать можешь; однако я бы совѣтовалъ этимъ не спѣшить, авось-либо современемъ это можно будетъ въ Петербургѣ тебѣ учредить; а не худо было бы, ежели бы могли учрежденіи масонскія сдѣлать въ Новгородѣ такъ, какъ въ мѣстѣ, принадлежащемъ префектурѣ петербургской, а въ Кронштадтѣ можешь до времени, по моему мнѣнію, учредить шотландскую ложу для тамошнихъ братій. Впрочемъ, это все только мнѣніе мое, а ты по обстоятельствамъ, благоразумію и нуждѣ такъ поступать долженъ, какъ обстоятельства потребуютъ.

Въ прежнемъ предъ симъ письмѣ послалъ я къ тебѣ копію съ письма генеральнаго секретаря, да забылъ написать, что оно только для твоего свѣдѣнія и для твоего архива, а другіе братья объ ономъ знать не имѣютъ нужды.

Вотъ, другъ мой, тебѣ отвѣтъ на все то, что ты писалъ; теперь совѣтую тебѣ не ослабѣвать въ трудахъ своихъ, помня что человѣкъ поставленъ отъ Бога на сей землѣ для дѣйствія и что дѣйствующій учиняется орудіемъ, чрезъ котораго и въ которомъ Самъ Богъ дѣйствуетъ и видимымъ изъ невидимаго дѣлается, ибо Богъ видимымъ учиниться хочетъ, но дѣлается таковымъ только чрезъ такое орудіе, которое, бывъ одарено свободою, содѣйствуетъ его намѣренію и данную свободу не употребляетъ во зло и, покоряясь Его воли, соединяетъ свою волю съ Его волею, такъ что Божія воля становится волей человѣка, а своей воли человѣкъ уже не имѣетъ, что намъ ясно показано въ Зерцалѣ, въ которомъ невидимый Богъ показалъ намъ, каковъ онъ хощетъ быть въ человѣкѣ, а имянно во Христѣ, коего жизнь есть для насъ нить, по которой мы слѣдуя можемъ учиниться богочеловѣками и такіе орудіи, чрезъ которыя и въ которыхъ Богъ все во всемъ будетъ, а поелику Христосъ непрестанно дѣйствовалъ для спасенія рода человѣческаго, то и мы къ той же цѣли непрестанно стремиться должны. А какъ масонство есть единое средство, чрезъ которое мы можемъ человѣковъ возбуждать къ воззрѣнію на самихъ себя, къ почувствованію своей ничтожности и къ покоренію своей воли, то всѣ силы наши къ тому стремиться должны, чтобъ средство сіе разпространить и тѣмъ собратій нашихъ изъ когтей сатанинскихъ изторгнуть, что, другъ мой, современемъ тебѣ будетъ весьма ясно, когда Богъ благословитъ тебя присоединиться къ стаду его избранныхъ, а дотолѣ прими совѣтъ мой дружескій и читай съ прилежаніемъ священное Писаніе съ истинною внутреннею молитвою; не умствуй, читая его, и вѣрь, что оно день отъ дня, когда его съ молитвою читаешь, вразумительнѣе для человѣка становится и что въ семъ есть море премудрости, которую Богъ постепенно человѣку Самъ открываетъ.

Eq. ab aquila boreali.

Дай мнѣ, бр., знать, часто ли у тебя Дмитревскій и думаешь ли ты его къ себѣ присоединить.

велятъ, такъ ты и сдѣлать можешь; однако я бы совѣтовалъ этимъ не спѣшить, авось-либо современемъ это можно будетъ въ Петербургѣ тебѣ учредить; а не худо было бы, ежели бы могли учрежденіи масонскія сдѣлать въ Новгородѣ такъ, какъ въ мѣстѣ, принадлежащемъ префектурѣ петербургской, а въ Кронштадтѣ можешь до времени, по моему мнѣнію, учредить шотландскую ложу для тамошнихъ братій. Впрочемъ, это все только мнѣніе мое, а ты по обстоятельствамъ, благоразумію и нуждѣ такъ поступать долженъ, какъ обстоятельства потребуютъ.

Въ прежнемъ предъ симъ письмѣ послалъ я къ тебѣ копію съ письма генеральнаго секретаря, да забылъ написать, что оно только для твоего свѣдѣнія и для твоего архива, а другіе братья объ ономъ знать не имѣютъ нужды.

Вотъ, другъ мой, тебѣ отвѣтъ на все то, что ты писалъ; теперь совѣтую тебѣ не ослабѣвать въ трудахъ своихъ, помня что человѣкъ поставленъ отъ Бога на сей землѣ для дѣйствія и что дѣйствующій учиняется орудіемъ, чрезъ котораго и въ которомъ Самъ Богъ дѣйствуетъ и видимымъ изъ невидимаго дѣлается, ибо Богъ видимымъ учиниться хочетъ, но дѣлается таковымъ только чрезъ такое орудіе, которое, бывъ одарено свободою, содѣйствуетъ его намѣренію и данную свободу не употребляетъ во зло и, покоряясь Его воли, соединяетъ свою волю съ Его волею, такъ что Божія воля становится волей человѣка, а своей воли человѣкъ уже не имѣетъ, что намъ ясно показано въ Зерцалѣ, въ которомъ невидимый Богъ показалъ намъ, каковъ онъ хощетъ быть въ человѣкѣ, а имянно во Христѣ, коего жизнь есть для насъ нить, по которой мы слѣдуя можемъ учиниться богочеловѣками и такіе орудіи, чрезъ которыя и въ которыхъ Богъ все во всемъ будетъ, а поелику Христосъ непрестанно дѣйствовалъ для спасенія рода человѣческаго, то и мы къ той же цѣли непрестанно стремиться должны. А какъ масонство есть единое средство, чрезъ которое мы можемъ человѣковъ возбуждать къ воззрѣнію на самихъ себя, къ почувствованію своей ничтожности и къ покоренію своей воли, то всѣ силы наши къ тому стремиться должны, чтобъ средство сіе разпространить и тѣмъ собратій нашихъ изъ когтей сатанинскихъ изторгнуть, что, другъ мой, современемъ тебѣ будетъ весьма ясно, когда Богъ благословитъ тебя присоединиться къ стаду его избранныхъ, а дотолѣ прими совѣтъ мой дружескій и читай съ прилежаніемъ священное Писаніе съ истинною внутреннею молитвою; не умствуй, читая его, и вѣрь, что оно день отъ дня, когда его съ молитвою читаешь, вразумительнѣе для человѣка становится и что въ семъ есть море премудрости, которую Богъ постепенно человѣку Самъ открываетъ.

Eq. ab aquila boreali.

Дай мнѣ, бр., знать, часто ли у тебя Дмитревскій и думаешь ли ты его къ себѣ присоединить.

XVI.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 17 августа, 1783.

Высокопросвѣщеннѣйшій бр. М. Г. м. Ал. Андр.!

Сейчасъ я получилъ для доставленія вамъ 6-й гр. Принадлежности же къ оному мало по малу къ вамъ доставлены будутъ, равно какъ и переводъ сего гр. по окончаніи онаго.

P. S. Я имѣю честь рекомендовать вамъ въ капитель вашъ Игнатья Антоновича де Тейльса, коего вы можете чрезъ Степ. Васильев. Перфильева ввести. Онъ человѣкъ по всему заслуживающій наисправедливѣйшимъ образомъ эту честь; онъ же вамъ совершенно годится и далѣе.

Адресы писемъ:

A. S. A. S. M-gneur le Duc Ferdinand de Brunswic-Luene-Bourg.

A M-r M-r Schartwz, Conseiller d'etat de S. M. le Roi de Danemarc à Brunswic.

XVII.

Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 19 августа, [1783].

Высокопочтеннѣйшій и люб. другъ!

Письмо твое отъ 8-го авг. получилъ, но не отвѣчалъ на него затѣмъ, что былъ у Троицы; а теперь пріѣхавъ, спѣшу въ кратцѣ отвѣчать на всѣ пункты твоего письма. Для екосской ложи посылаю музыку и гимнъ, который поется при открытіи оной, какъ то въ актахъ назначено. Что касается до того, что ты хочешь отказаться отъ префектства, то я объ ономъ предложу викаріату, однако же до полученія на сіе позволенія старайся, мой другъ, яко префектъ, привести капитель въ порядокъ. Что касается до устроенія теоретическаго градуса, то обо всемъ, что нужно для онаго, то написано въ актахъ, а именно надобно сдѣлать:

1) По данному тебѣ при актахъ рисунку и по той мѣрѣ семиручный свѣтильникъ и три одинакихъ свѣтильника, которые всѣ ставются на жертвенникъ.

2) Оный жертвенникъ покрывается чернымъ атласнымъ покровомъ; на оный кладется черная подушка для Евангелія.

3) Сверхъ того для секретаря и ритора дѣлаются два маленькихъ треугольныхъ стола и покрываются также чернымъ покровомъ, и на оныя ставются въ простыхъ шандалахъ по одной свѣчѣ.

4) Для надзирателя креслы покрываются чернымъ атласнымъ покровомъ.

XVI.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 17 августа, 1783.

Высокопросвѣщеннѣйшій бр. М. Г. м. Ал. Андр.!

Сейчасъ я получилъ для доставленія вамъ 6-й гр. Принадлежности же къ оному мало по малу къ вамъ доставлены будутъ, равно какъ и переводъ сего гр. по окончаніи онаго.

P. S. Я имѣю честь рекомендовать вамъ въ капитель вашъ Игнатья Антоновича де Тейльса, коего вы можете чрезъ Степ. Васильев. Перфильева ввести. Онъ человѣкъ по всему заслуживающій наиспаведливѣйшимъ образомъ эту честь; онъ же вамъ совершенно годится и далѣе.

Адресы писемъ:

A. S. A. S. M-gneur le Duc Ferdinand de Brunswic-Luene-Bourg.

A M-r M-r Schartwz, Conseiller d'etat de S. M. le Roi de Danemarc à Brunswic.

XVII.

Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 19 августа, [1783].

Высокопочтеннѣйшій и люб. другъ!

Письмо твое отъ 8-го авг. получилъ, но не отвѣчалъ на него затѣмъ, что былъ у Троицы; а теперь пріѣхавъ, спѣшу въ кратцѣ отвѣчать на всѣ пункты твоего письма. Для екосской ложи посылаю музыку и гимнъ, который поется при открытіи оной, какъ то въ актахъ назначено. Что касается до того, что ты хочешь отказаться отъ префектства, то я объ ономъ предложу викаріату, однако же до полученія на сіе позволенія старайся, мой другъ, яко префектъ, привести капитель въ порядокъ. Что касается до устроенія теоретическаго градуса, то обо всемъ, что нужно для онаго, то написано въ актахъ, а именно надобно сдѣлать:

1) По данному тебѣ при актахъ рисунку и по той мѣрѣ семиручный свѣтильникъ и три одинакихъ свѣтильника, которые всѣ ставются на жертвенникъ.

2) Оный жертвенникъ покрывается чернымъ атласнымъ покровомъ; на оный кладется черная подушка для Евангелія.

3) Сверхъ того для секретаря и ритора дѣлаются два маленькихъ треугольныхъ стола и покрываются также чернымъ покровомъ, и на оныя ставются въ простыхъ шандалахъ по одной свѣчѣ.

4) Для надзирателя креслы покрываются чернымъ атласнымъ покровомъ.

5) Сверхъ того приготовляется по данному тебѣ рисунку тапи и около онаго по угламъ тапи ставются четыре свѣтильника.

6) Въ передней комнатѣ ставится столъ, на который поставляются двѣ свѣчи и между ими рукомойникъ съ водою и полотенцо.

Вотъ, мой другъ, все то, что надобно тебѣ наискорѣе приготовить, и спѣшите открыть градусъ, дабы онымъ могли воспользоваться достойные и дабы мы нерадѣніемъ своимъ не подверглись изрѣченію Евангелія: «скрывый талантъ да будетъ проклятъ». Объ отпускѣ старайся, мой другъ, всячески, чтобы позволѣніе скорѣе намъ доставить. Переводъ Anulus Platonis, хотя ты и пишешь, что посылаешь, но я его не получилъ, и не знаю, гдѣ онъ; что же принадлежитъ до Р. К. рѣчей, которыя я къ тебѣ пересылалъ, то я для того пересталъ пересылать ихъ, что онѣ дурно переведены, я ихъ вновь отдалъ одному бр. переводить, почему, какъ скоро онѣ переведутся вновь, то ихъ и перешлю къ тебѣ. Прости, другъ мой, спѣши ко мнѣ переслать мой отпускъ и твое увѣдомленіе, чтобы *) я могъ далѣе съ тобой идти; и вѣрь, что я навсегда есмь другъ твой.

XVIII.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 28 августа, 1783.

Высокод. бр. М. Г. Алек. Андр.!

Письмо ваше съ приложенными еще двумя отъ 21 авг. я получилъ и свидѣтельствую мою за оное благодарность. Приложенныя письма я доставлю вѣрно. По требованію же вашему посылаю къ вамъ переводъ 6 гр. Прочее же, какъ скоро, что будетъ готово, то немедленно доставлю.

N [Eq.] ab ancora.

XIX.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 5 сентября, [1783].

В. П. бр. и другъ!

На письма твои теперь коротко отвѣчаю потому, что некогда писать. О твоемъ предложеніи, чтобы отказаться отъ префектства, я предлагалъ викаріату и тебѣ позволено оное учинить; почему ты, собравши капитель и представя свои недосуги, откажись; и всѣ тѣ бумаги, которыя у тебя принадлежатъ до рыцарства, въ капитель внеси и отдай; а какія именно бумаги внесешь, пришли реестръ; а брр. заставь выбрать префекта и о утвержденіи онаго представить чрезъ Директорію письмомъ

*) Въ подлинникѣ: т о б ы.

5) Сверхъ того приготовляется по данному тебѣ рисунку тапи и около онаго по угламъ тапи ставются четыре свѣтильника.

6) Въ передней комнатѣ ставится столъ, на который поставляются двѣ свѣчи и между ими рукомойникъ съ водою и полотенцо.

Вотъ, мой другъ, все то, что надобно тебѣ наискорѣе приготовить, и спѣшите открыть градусъ, дабы онымъ могли воспользоваться достойные и дабы мы нерадѣніемъ своимъ не подверглись изрѣченію Евангелія: «скрывый талантъ да будетъ проклятъ». Объ отпускѣ старайся, мой другъ, всячески, чтобы позволѣніе скорѣе намъ доставить. Переводъ Anulus Platonis, хотя ты и пишешь, что посылаешь, но я его не получилъ, и не знаю, гдѣ онъ; что же принадлежитъ до Р. К. рѣчей, которыя я къ тебѣ пересылалъ, то я для того пересталъ пересылать ихъ, что онѣ дурно переведены, я ихъ вновь отдалъ одному бр. переводить, почему, какъ скоро онѣ переведутся вновь, то ихъ и перешлю къ тебѣ. Прости, другъ мой, спѣши ко мнѣ переслать мой отпускъ и твое увѣдомленіе, чтобы *) я могъ далѣе съ тобой идти; и вѣрь, что я навсегда есмь другъ твой.

XVIII.

Н. И. НОВИКОВЪ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 28 августа, 1783.

Высокод. бр. М. Г. Алек. Андр.!

Письмо ваше съ приложенными еще двумя отъ 21 авг. я получилъ и свидѣтельствую мою за оное благодарность. Приложенныя письма я доставлю вѣрно. По требованію же вашему посылаю къ вамъ переводъ 6 гр. Прочее же, какъ скоро, что будетъ готово, то немедленно доставлю.

N [Eq.] ab ancora.

XIX.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 5 сентября, [1783].

В. П. бр. и другъ!

На письма твои теперь коротко отвѣчаю потому, что некогда писать. О твоемъ предложеніи, чтобы отказаться отъ префектства, я предлагалъ викаріату и тебѣ позволено оное учинить; почему ты, собравши капитель и представя свои недосуги, откажись; и всѣ тѣ бумаги, которыя у тебя принадлежатъ до рыцарства, въ капитель внеси и отдай; а какія именно бумаги внесешь, пришли реестръ; а брр. заставь выбрать префекта и о утвержденіи онаго представить чрезъ Директорію письмомъ

*) Въ подлинникѣ: т о б ы.

въ викаріатъ. Самому же тебѣ, мой другъ, совѣтую прилежно упражняться въ поученіи братій, въ теоретической степени; также совѣтую открыть для себя ложу изъ избранныхъ братій, подвергнуть ее въ правленіе одной изъ матерей-ложъ, о усыновленіи которой напиши въ мать-ложу письмо, которая, ложу твою принявъ, дозволитъ ей работать въ четырехъ степеняхъ. И черезъ то ты совершенно отъ рыцарства уклонисся, ибо въ теоретическую степень чтобъ войти, нѣтъ нужды быть рыцаремъ, но достойные входятъ въ оную прямо изъ е к о с с о в ъ, акты же 4-ой степени ты имѣешь, а три нижнія степени, какъ нынѣ во всѣхъ матеряхъ-ложахъ и во всей провинціи приняты, тѣ къ тебѣ сообщимъ весьма скоро, ибо они готовы; а какъ братъ посылаетъ человѣка на будущей недѣлѣ въ Петербургъ, то съ нимъ и они къ тебѣ отправятся.

Что принадлежитъ до твоего извѣстнаго тайнаго герба, такъ имяна на оном не вырѣзываются, но одинъ гербъ; имяна же ты долженъ сохранить въ тайности, а ко мнѣ въ своихъ увѣдомленіяхъ подписываться тѣмъ изъ имянъ только, которое подчеркнуто. Что принадлежитъ до Репнина, то мы о немъ имѣемъ извѣстіе, но онъ насъ еще знать до времени не долженъ; почему и ты будь остороженъ, пока тебѣ дозволено будетъ съ нимъ говорить.

Что принадлежитъ до того, что ты по сіе время отпуску моего не присылаешь и не отвѣтствуешь увѣдомленіемъ, то онаго извинить по должности моей я не могу. Тутъ оправданія быть не можетъ, ибо въ суткахъ 24 часа и лучше намъ нѣсколько часовъ провести во бдѣніи и долгъ свой исполнить, нежели провести въ спокойномъ снѣ и онаго не исполнять. Спаситель и Его послѣдователи не о покоѣ своемъ и не о удовольствіяхъ, но о исполненіи званія своего пеклись: однако о себѣ полно, впредь буду больше писать. Прости, да наставитъ тебя Богъ на путь истины.

Матери-ложи въ Россіи суть 4, а имянно: Т р е х ъ з н а м е н ъ подъ начальствомъ Татищева, О з и р и с ъ — моимъ, Л а т о н а — Новикова, С ф и н к с ъ — Гагарина.

Итакъ, избравъ одну изъ 4 ложъ, свою подвергни правленію оной и о усыновленіи проси письмомъ, чрезъ что ты совсѣмъ отъ рыцарства отклонисся.

XX.

Кн. Н. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 10 сентября, [1783. .

Любезный другъ и братъ!

Письмо твое и копію съ медали я получилъ. Мнѣніе мое объ оной есть согласно съ твоимъ, т. е. что обѣ магіи на оной показаны, но чтобъ вѣрнѣе объ ономъ судить, то я пошлю къ нашимъ начальникамъ

въ викаріатъ. Самому же тебѣ, мой другъ, совѣтую прилежно упражняться въ поученіи братій, въ теоретической степени; также совѣтую открыть для себя ложу изъ избранныхъ братій, подвергнуть ее въ правленіе одной изъ матерей-ложъ, о усыновленіи которой напиши въ мать-ложу письмо, которая, ложу твою принявъ, дозволитъ ей работать въ четырехъ степеняхъ. И черезъ то ты совершенно отъ рыцарства уклонисся, ибо въ теоретическую степень чтобъ войти, нѣтъ нужды быть рыцаремъ, но достойные входятъ въ оную прямо изъ е к о с с о в ъ, акты же 4-ой степени ты имѣешь, а три нижнія степени, какъ нынѣ во всѣхъ матеряхъ-ложахъ и во всей провинціи приняты, тѣ къ тебѣ сообщимъ весьма скоро, ибо они готовы; а какъ братъ посылаетъ человѣка на будущей недѣлѣ въ Петербургъ, то съ нимъ и они къ тебѣ отправятся.

Что принадлежитъ до твоего извѣстнаго тайнаго герба, такъ имяна на оном не вырѣзываются, но одинъ гербъ; имяна же ты долженъ сохранить въ тайности, а ко мнѣ въ своихъ увѣдомленіяхъ подписываться тѣмъ изъ имянъ только, которое подчеркнуто. Что принадлежитъ до Репнина, то мы о немъ имѣемъ извѣстіе, но онъ насъ еще знать до времени не долженъ; почему и ты будь остороженъ, пока тебѣ дозволено будетъ съ нимъ говорить.

Что принадлежитъ до того, что ты по сіе время отпуску моего не присылаешь и не отвѣтствуешь увѣдомленіемъ, то онаго извинить по должности моей я не могу. Тутъ оправданія быть не можетъ, ибо въ суткахъ 24 часа и лучше намъ нѣсколько часовъ провести во бдѣніи и долгъ свой исполнить, нежели провести въ спокойномъ снѣ и онаго не исполнять. Спаситель и Его послѣдователи не о покоѣ своемъ и не о удовольствіяхъ, но о исполненіи званія своего пеклись: однако о себѣ полно, впредь буду больше писать. Прости, да наставитъ тебя Богъ на путь истины.

Матери-ложи въ Россіи суть 4, а имянно: Т р е х ъ з н а м е н ъ подъ начальствомъ Татищева, О з и р и с ъ — моимъ, Л а т о н а — Новикова, С ф и н к с ъ — Гагарина.

Итакъ, избравъ одну изъ 4 ложъ, свою подвергни правленію оной и о усыновленіи проси письмомъ, чрезъ что ты совсѣмъ отъ рыцарства отклонисся.

XX.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 10 сентября, [1783. .

Любезный другъ и братъ!

Письмо твое и копію съ медали я получилъ. Мнѣніе мое объ оной есть согласно съ твоимъ, т. е. что обѣ магіи на оной показаны, но чтобъ вѣрнѣе объ ономъ судить, то я пошлю къ нашимъ начальникамъ

и отъ нихъ изъясненій на оную буду просить, почему прикажи вѣрнѣе оную скопировать, ибо мнѣ кажется въ надписи по еврейски есть въ копіи ошибки, и я ее тотчасъ пошлю.

Слова, на которыя ты требуешь изъясненія, суть: Б. Д. Н. С. М. И. Е. Боже, даждь намъ согласіе, миръ и единство.

Что касается до того, что тебѣ дѣлать, когда таковымъ же образомъ, какъ медалію, какія-нибудь задирки тебѣ будутъ дѣлать, то, другъ мой, подтверждаю тебѣ наивеличайшую осторожность и наипаче скромность объ имяни того ордена, къ которому ты имѣешь счастіе быть причисленъ. Что же до разговоровъ принадлежитъ о наукахъ и о законахъ, то яко твое собственное размышленіе, а не яко орденское ученіе, ты съ осторожностію обо всемъ говорить можешь съ благоразумными людьми, но никакъ въ споръ не вступать и, ежели противъ тебя спорить будетъ, то уступи ему и замолчи, дабы не почли тебя упрямымъ въ тѣхъ истинахъ, которыя таковыми казаться не могутъ не изготовленному, и дабы не предупредить назначеннаго времяни Спасителемъ, къ привлеченію спорющагося съ тобою къ симъ истинамъ. О семъ ты впредь ясное понятіе получишь чрезъ ученіе святого ордена. Но дабы могли тѣ изъ тайныхъ братьевъ, которые находятся въ П[етербургѣ], подозрѣвать, что ты въ числѣ избранныхъ, то сіе да явятъ дѣла твои, по словамъ Спасителевымъ: «Свѣтъ вашъ да сіяетъ предъ человѣки», ибо истинный Р. К. долженъ быть совсѣмъ не тотъ человѣкъ. который былъ до вступленія въ орденъ. Онъ долженъ суетныя забавы, какъ-то: картошную игру, сладострастіе въ столѣ и сему подобное совсѣмъ отъ себя отторгнуть, а наипаче въ домѣ своемъ онъ николи не тратитъ драгоцѣннаго времяни въ забавѣ картошной или въ пѣгахъ столовыхъ, но яко истинный воинъ Христовъ; домъ его есть храмъ, въ которомъ онъ, упражнясь въ познаніи себя и въ чтеніи божественныхъ книгъ, познаетъ свою немощь, злодѣянія свои, свое паденіе и грѣхъ, и непрестанно самъ съ собою борится и, такъ упражняясь и познавъ ничтожность свою и что онъ есть падшій грѣшникъ, онъ упражняется кротостію, дѣлвольскую духовную гордость отъ себя отторгаетъ и такъ, украшенъ смиреніемъ, онъ примѣромъ своимъ свѣтитъ предъ человѣками и неизвѣстнымъ братьямъ, не говоря, даетъ о себѣ знать, что онъ въ числѣ ихъ; но о семъ полно, впредь болѣе говорить будемъ.

Поелику ты, другъ мой, есть главный надзиратель въ теоретической степени, то посылаю къ тебѣ при семъ книгу, штудируй ее день и ночь, такъ чтобъ она въ тебѣ внутренно оживотворилась, и изъ нея поучай ввѣренныхъ тебѣ братій, не показывая однакожъ имъ *до времяни* источника, изъ котораго ты ихъ учишь: собирай ихъ, другъ мой, чаще, дабы они совершенно познали теоретическую степень, которая по прочтеніи приложенной при семъ книги тебѣ гораздо яснѣе будетъ и

и отъ нихъ изъясненій на оную буду просить, почему прикажи вѣрнѣе оную скопировать, ибо мнѣ кажется въ надписи по еврейски есть въ копіи ошибки, и я ее тотчасъ пошлю.

Слова, на которыя ты требуешь изъясненія, суть: Б. Д. Н. С. М. И. Е. Боже, даждь намъ согласіе, миръ и единство.

Что касается до того, что тебѣ дѣлать, когда таковымъ же образомъ, какъ медалію, какія-нибудь задирки тебѣ будутъ дѣлать, то, другъ мой, подтверждаю тебѣ наивеличайшую осторожность и наипаче скромность объ имяни того ордена, къ которому ты имѣешь счастіе быть причисленъ. Что же до разговоровъ принадлежитъ о наукахъ и о законахъ, то яко твое собственное размышленіе, а не яко орденское ученіе, ты съ осторожностію обо всемъ говорить можешь съ благоразумными людьми, но никакъ въ споръ не вступать и, ежели противъ тебя спорить будетъ, то уступи ему и замолчи, дабы не почли тебя упрямымъ въ тѣхъ истинахъ, которыя таковыми казаться не могутъ не изготовленному, и дабы не предупредить назначеннаго времяни Спасителемъ, къ привлеченію спорющагося съ тобою къ симъ истинамъ. О семъ ты впредь ясное понятіе получишь чрезъ ученіе святого ордена. Но дабы могли тѣ изъ тайныхъ братьевъ, которые находятся въ П[етербургѣ], подозрѣвать, что ты въ числѣ избранныхъ, то сіе да явятъ дѣла твои, по словамъ Спасителевымъ: «Свѣтъ вашъ да сіяетъ предъ человѣки», ибо истинный Р. К. долженъ быть совсѣмъ не тотъ человѣкъ. который былъ до вступленія въ орденъ. Онъ долженъ суетныя забавы, какъ-то: картошную игру, сладострастіе въ столѣ и сему подобное совсѣмъ отъ себя отторгнуть, а наипаче въ домѣ своемъ онъ николи не тратитъ драгоцѣннаго времяни въ забавѣ картошной или въ пѣгахъ столовыхъ, но яко истинный воинъ Христовъ; домъ его есть храмъ, въ которомъ онъ, упражнясь въ познаніи себя и въ чтеніи божественныхъ книгъ, познаетъ свою немощь, злодѣянія свои, свое паденіе и грѣхъ, и непрестанно самъ съ собою борится и, такъ упражняясь и познавъ ничтожность свою и что онъ есть падшій грѣшникъ, онъ упражняется кротостію, дѣлвольскую духовную гордость отъ себя отторгаетъ и такъ, украшенъ смиреніемъ, онъ примѣромъ своимъ свѣтитъ предъ человѣками и неизвѣстнымъ братьямъ, не говоря, даетъ о себѣ знать, что онъ въ числѣ ихъ; но о семъ полно, впредь болѣе говорить будемъ.

Поелику ты, другъ мой, есть главный надзиратель въ теоретической степени, то посылаю къ тебѣ при семъ книгу, штудируй ее день и ночь, такъ чтобъ она въ тебѣ внутренно оживотворилась, и изъ нея поучай ввѣренныхъ тебѣ братій, не показывая однакожъ имъ *до времяни* источника, изъ котораго ты ихъ учишь: собирай ихъ, другъ мой, чаще, дабы они совершенно познали теоретическую степень, которая по прочтеніи приложенной при семъ книги тебѣ гораздо яснѣе будетъ и

притомъ пріуготовляй ихъ черезъ проповѣдываніе словомъ и дѣломъ дѣятельнаго христіанства вступить въ святой орденъ. Прости. Да благословитъ тебя Богъ и помилуетъ и наставитъ для Единороднаго Сына Своего Спасителя нашего Іисуса Христа.

NB. Увѣдомляю тебя, мой другъ, что благодаря Спасителю нашему мы открыли тайную орденскую типографію, въ которой нужныя переведенныя книги для брр. печататься будутъ. Бр. Новиковъ посылаетъ тебѣ при семъ начатыя въ оной печатать книги «О молитвѣ» и «Духъ масонства». Сокрывай оныя отъ всѣхъ, а употребляй только самъ для своего чтенія и познанія. Приложенная мною къ тебѣ письменная книга есть «О семи дняхъ творенія». Мы и ее, поправя, будемъ современемъ въ орд. типографіи печатать.

Постарайся, мой другъ, достать отъ Круза или Рожерсона отвѣтъ ихъ на консультацію о болѣзни покойнаго Чернышева; мнѣ въ оном крайняя нужда.

Указъ о позволеніи аптеки Френкелю мы не получили. Пожалуй, доставь его къ намъ скорѣе.

Акты приложенные объяви капителю и доставьте оные тотчасъ во всѣ ложи, работающія подъ капителемъ, дабы всѣ зачали точно по онымъ работать.

Державинъ поѣхалъ въ П[етербургъ]; онъ, мнѣ кажется, готовъ быть въ орденѣ. Испытай его, а ежели онъ таковъ, то бы я тебѣ совѣтовалъ дать ему четыре степени рука на руку, а потомъ принять въ теоретическую степень; впрочемъ, предаю это твоему благоразумію и осторожности.

XXI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 3 октября, [1783].

Высокоп. и любезный братъ!

Вчерашній день я свѣдалъ, что вы будете въ отпускѣ на годъ, а поелику на васъ возложена должность главнаго надзирателя теорет. степ. и грѣхъ будетъ, чтобы за вашимъ отъѣздомъ братья лишились онаго, то я за долгъ почитаю вамъ предписать, чтобы во время вашего пребыванія въ Петербургѣ изготовили такъ брата Зверягу, чтобъ онъ могъ до вашего возвращенія онымъ градусомъ управлять, да и брр. бы привели на то, чтобъ они къ нему вниманіе получили, что учиня, градусъ со всѣми бумагами принадлежащими къ оному, при отъѣздѣ вашемъ оставленъ у брата Зверяги, а съ него возьмите подписку, что онъ въ

притомъ пріуготовляй ихъ черезъ проповѣдываніе словомъ и дѣломъ дѣятельнаго христіанства вступить въ святой орденъ. Прости. Да благословитъ тебя Богъ и помилуетъ и наставитъ для Единороднаго Сына Своего Спасителя нашего Іисуса Христа.

NB. Увѣдомляю тебя, мой другъ, что благодаря Спасителю нашему мы открыли тайную орденскую типографію, въ которой нужныя переведенныя книги для брр. печататься будутъ. Бр. Новиковъ посылаетъ тебѣ при семъ начатыя въ оной печатать книги «О молитвѣ» и «Духъ масонства». Сокрывай оныя отъ всѣхъ, а употребляй только самъ для своего чтенія и познанія. Приложенная мною къ тебѣ письменная книга есть «О семи дняхъ творенія». Мы и ее, поправя, будемъ современемъ въ орд. типографіи печатать.

Постарайся, мой другъ, достать отъ Круза или Рожерсона отвѣтъ ихъ на консультацію о болѣзни покойнаго Чернышева; мнѣ въ оном крайняя нужда.

Указъ о позволеніи аптеки Френкелю мы не получили. Пожалуй, доставь его къ намъ скорѣе.

Акты приложенные объяви капителю и доставьте оные тотчасъ во всѣ ложи, работающія подъ капителемъ, дабы всѣ зачали точно по онымъ работать.

Державинъ поѣхалъ въ П[етербургъ]; онъ, мнѣ кажется, готовъ быть въ орденѣ. Испытай его, а ежели онъ таковъ, то бы я тебѣ совѣтовалъ дать ему четыре степени рука на руку, а потомъ принять въ теоретическую степень; впрочемъ, предаю это твоему благоразумію и осторожности.

XXI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 3 октября, [1783].

Высокоп. и любезный братъ!

Вчерашній день я свѣдалъ, что вы будете въ отпускѣ на годъ, а поелику на васъ возложена должность главнаго надзирателя теорет. степ. и грѣхъ будетъ, чтобы за вашимъ отъѣздомъ братья лишились онаго, то я за долгъ почитаю вамъ предписать, чтобы во время вашего пребыванія въ Петербургѣ изготовили такъ брата Зверягу, чтобъ онъ могъ до вашего возвращенія онымъ градусомъ управлять, да и брр. бы привели на то, чтобъ они къ нему вниманіе получили, что учиня, градусъ со всѣми бумагами принадлежащими къ оному, при отъѣздѣ вашемъ оставленъ у брата Зверяги, а съ него возьмите подписку, что онъ въ

точности по оному поступать будетъ и пунктуально обо всемъ станетъ увѣдомлять васъ, и что когда оный градусъ отъ него обратно потребуется отъ васъ или меня, или Новикова, или Татищева, то онъ безпрекословно оный возвратитъ, также, что онъ его списывать не будетъ. О прочемъ обо всемъ переговорите съ Шредеромъ. Богъ да благославитъ васъ и пр.

Pinnatus.

XXII.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 25 ноября, [1783].

Высокод. бр.!

Не имѣю времяни много на ваши письма отвѣчать и потому вкратцѣ на вопросы ваши скажу:

1) Викаріатъ утвердилъ избраніе префекта, почему и отдайте въ капитель всѣ рыцарскія бумаги; а что и что отдадите, привезите съ собою реестръ.

2) Поелику шотландская степень прислана къ намъ изъ чужихъ краевъ, и мы ее въ практикѣ не видимъ, то о многомъ просили изъясненіе; а какъ братъ князь Г. П. Гагаринъ самъ зимою будетъ въ Петербургѣ, а до тѣхъ поръ изъясненія присланы будутъ, то онъ и изъясненія привезетъ съ собою.

3) Что же касается до теоретической степени, то собраніе называется собраніемъ просто, а не кругомъ.

4) Бумаги теоретическія для работъ оставьте, какъ я прежде писалъ брату Зверягѣ, токмо къ тому еще присовокупляю, дабы не ему одному оныя отдать, но ему и брату Вукашевичу, дабы въ случаѣ смерти или неожидаемаго какого случая бумаги могли быть сохранены, почему и возьмите росписку объ оныхъ бумагахъ съ нихъ съ обоихъ; также оставьте у нихъ и книги «О семи дняхъ творенія», дабы братъ имѣлъ, откуду почерпать ученіе свое братьямъ.

Прости, мой другъ, да благословитъ тебя Спаситель.

Pinnatus.

XXIII.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 24 декабря, [1783].

Здравствуй, мой другъ любезный; съ наступающимъ праздникомъ Рождества нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа! Да родится онъ, возрастетъ, распнется и воскреснетъ въ сердцѣ вашемъ, и симъ процес-

точности по оному поступать будетъ и пунктуально обо всемъ станетъ увѣдомлять васъ, и что когда оный градусъ отъ него обратно потребуется отъ васъ или меня, или Новикова, или Татищева, то онъ безпрекословно оный возвратитъ, также, что онъ его списывать не будетъ. О прочемъ обо всемъ переговорите съ Шредеромъ. Богъ да благославитъ васъ и пр.

Pinnatus.

XXII.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 25 ноября, [1783].

Высокод. бр.!

Не имѣю времяни много на ваши письма отвѣчать и потому вкратцѣ на вопросы ваши скажу:

1) Викаріатъ утвердилъ избраніе префекта, почему и отдайте въ капитель всѣ рыцарскія бумаги; а что и что отдадите, привезите съ собою реестръ.

2) Поелику шотландская степень прислана къ намъ изъ чужихъ краевъ, и мы ее въ практикѣ не видимъ, то о многомъ просили изъясненіе; а какъ братъ князь Г. П. Гагаринъ самъ зимою будетъ въ Петербургѣ, а до тѣхъ поръ изъясненія присланы будутъ, то онъ и изъясненія привезетъ съ собою.

3) Что же касается до теоретической степени, то собраніе называется собраніемъ просто, а не кругомъ.

4) Бумаги теоретическія для работъ оставьте, какъ я прежде писалъ брату Зверягѣ, токмо къ тому еще присовокупляю, дабы не ему одному оныя отдать, но ему и брату Вукашевичу, дабы въ случаѣ смерти или неожидаемаго какого случая бумаги могли быть сохранены, почему и возьмите росписку объ оныхъ бумагахъ съ нихъ съ обоихъ; также оставьте у нихъ и книги «О семи дняхъ творенія», дабы братъ имѣлъ, откуду почерпать ученіе свое братьямъ.

Прости, мой другъ, да благословитъ тебя Спаситель.

Pinnatus.

XXIII.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 24 декабря, [1783].

Здравствуй, мой другъ любезный; съ наступающимъ праздникомъ Рождества нашего Господа и Спасителя Іисуса Христа! Да родится онъ, возрастетъ, распнется и воскреснетъ въ сердцѣ вашемъ, и симъ процес-

сомъ да учинитесь вы истиннымъ членомъ Его тѣла. Поздравляю васъ также съ Нов[ымъ] Год[омъ]; да взыдетъ ради васъ истинный новый годъ духовный, и да возсіяетъ для васъ истинное Солнце, которое едино можетъ лучами своими насытить алчущій духъ человѣка. Боже, благослови, просвѣти и возроди плотію Твоею и кровію любезнаго и драгоцѣннаго мнѣ брата Христуса, и учини всѣхъ насъ живыми орудіями Твоей воли святой!

Писать теперь мнѣ некогда и такъ скажу только, что я получилъ ваше письмо и на оное, улуча время, буду обстоятельно отвѣтствовать; а теперь для упражненія вашего посылаю книгу блаженнаго брата нашего Бема «О созерцаніи». Боже, дай познать вамъ оную книгу не буквально, но духовно, въ чемъ я надѣюсь на милосердіе Спасителя, ежели только съ молитвою и съ призываніемъ Духа Святаго будете читать сего автора.

Посылаю къ вамъ также нѣкоторыя рѣчи, писанныя братьями какъ здѣсь, такъ и въ чужихъ краяхъ; также вступленіе, переведенное изъ одной книги и которое мнѣ очень полюбилось; также посылаю вамъ и работу одного въ Богѣ почивающаго мужа, которая также мнѣ полюбилась, а наконецъ посылаю вамъ французскую книгу, которая хотя и не орденская, но мнѣ очень полюбилась, и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы ее отъ себя доставили тому человѣку, о которомъ вамъ извѣстно, что я интересуюсь. Постарайтесь объ ономъ, ибо мнѣ кажется, что она ради его весьма нужна.

Pinnatus.

XXIV.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 1 февраля, [1784].

Выс. люб. бр.!

1) По причинѣ смерти тетки моей и болѣзни моей жены, случившихся во время пребыванія въ Москвѣ любезнаго нашего брата Глѣбова, я почти съ нимъ не видался, да и теперь длиннаго письма писать не имѣю время, а постараюсь только въ кратцѣ отвѣтствовать, сколько возможно на письмо ваше отъ 17-го генваря.

2) Благодарю Бога, что сочиненіи высокопросвѣщеннаго въ Богѣ почивающаго брата нашего Іакова Бема пріятны вашему сердцу; читай ихъ, мой другъ, читай съ молитвою, и вѣрь, что чѣмъ болѣе читать ихъ будешь, тѣмъ болѣе духъ Господень, открывающійся чрезъ сего великаго мужа и угодника или, лучше сказать, друга Божія, будетъ вкореняться въ сердце ваше и, возбуждая спящія магическія ваши свойства и

сомъ да учинитесь вы истиннымъ членомъ Его тѣла. Поздравляю васъ также съ Нов[ымъ] Год[омъ]; да взыдетъ ради васъ истинный новый годъ духовный, и да возсіяетъ для васъ истинное Солнце, которое едино можетъ лучами своими насытить алчущій духъ человѣка. Боже, благослови, просвѣти и возроди плотію Твоею и кровію любезнаго и драгоцѣннаго мнѣ брата Христуса, и учини всѣхъ насъ живыми орудіями Твоей воли святой!

Писать теперь мнѣ некогда и такъ скажу только, что я получилъ ваше письмо и на оное, улуча время, буду обстоятельно отвѣтствовать; а теперь для упражненія вашего посылаю книгу блаженнаго брата нашего Бема «О созерцаніи». Боже, дай познать вамъ оную книгу не буквально, но духовно, въ чемъ я надѣюсь на милосердіе Спасителя, ежели только съ молитвою и съ призываніемъ Духа Святаго будете читать сего автора.

Посылаю къ вамъ также нѣкоторыя рѣчи, писанныя братьями какъ здѣсь, такъ и въ чужихъ краяхъ; также вступленіе, переведенное изъ одной книги и которое мнѣ очень полюбилось; также посылаю вамъ и работу одного въ Богѣ почивающаго мужа, которая также мнѣ полюбилась, а наконецъ посылаю вамъ французскую книгу, которая хотя и не орденская, но мнѣ очень полюбилась, и мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы вы ее отъ себя доставили тому человѣку, о которомъ вамъ извѣстно, что я интересуюсь. Постарайтесь объ ономъ, ибо мнѣ кажется, что она ради его весьма нужна.

Pinnatus.

XXIV.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 1 февраля, [1784].

Выс. люб. бр.!

1) По причинѣ смерти тетки моей и болѣзни моей жены, случившихся во время пребыванія въ Москвѣ любезнаго нашего брата Глѣбова, я почти съ нимъ не видался, да и теперь длиннаго письма писать не имѣю время, а постараюсь только въ кратцѣ отвѣтствовать, сколько возможно на письмо ваше отъ 17-го генваря.

2) Благодарю Бога, что сочиненіи высокопросвѣщеннаго въ Богѣ почивающаго брата нашего Іакова Бема пріятны вашему сердцу; читай ихъ, мой другъ, читай съ молитвою, и вѣрь, что чѣмъ болѣе читать ихъ будешь, тѣмъ болѣе духъ Господень, открывающійся чрезъ сего великаго мужа и угодника или, лучше сказать, друга Божія, будетъ вкореняться въ сердце ваше и, возбуждая спящія магическія ваши свойства и

силы, преображать васъ будетъ въ члены нашего Архи-Мага и Спасителя, Который и откроетъ вамъ то въ сочиненіяхъ Бема, чего никакой языкъ человѣческій и никакой человѣкъ ни открыть, ни описать вамъ не можетъ. Вѣрьте, мой другъ, что писанное мною не есть фантастическое или нѣчто фанатическое, но есть нѣчто существенное и истинное, которое тогда только можетъ быть для васъ вразумительно, когда практически испытаете оное въ сердцѣ вашемъ, но которое однако же не можете вы прежде испытать, пока чрезъ долгое время не будете съ истинною молитвою и съ непрестанною медитаціею и прилежаніемъ штудировать сего мужа и приводить въ дѣятельность ученіе его, дабы свѣтъ Христовъ, возгарающійся, въ васъ, возсіялъ предъ человѣки отмѣнными дѣлами вашими отъ другихъ человѣковъ и дабы дѣла ваши помощію сего свѣта получили также магическую силу, чтобъ они могли и ради другихъ человѣковъ служить тинктурою для трансмутаціи ихъ изъ плотскихъ астральныхъ скотскихъ человѣковъ въ духовные ангельскіе божественные человѣки. Вотъ, мой другъ, цѣль истиннаго послѣдователя Златому Розовому Кресту нашего Божественнаго Брата-Мастера и Спасителя.

3) Вы у меня спрашиваете, что значитъ жемчужина, упомнпаемая Бемомъ; то я, не въ силахъ будучи человѣческимъ языкомъ сдѣлать на оное удовлетворительнаго отвѣта, выписалъ изъ самого Бема нѣкоторыя статьи, въ которыхъ онъ упоминаетъ о жемчужинѣ, и сообщаю вамъ оныя для размышленія о нихъ при сердечной къ Богу обращенной молитвѣ.

4) Что касается до того, что можете-ли вы читать ради нѣкоторыхъ братьевъ сіи и другіе сочиненія, то сіе въ волѣ вашей; вы можете ихъ читать съ ними или поручать читать ихъ для другихъ вѣрному и надежному брату. Но остерегитесь только, чтобы бисеръ не былъ поверженъ предъ свиньями, а въ противномъ случаѣ вы сами за оное отвѣчать будете нашему Спасителю и другу душъ нашихъ. Словомъ, сіе точно вашему благоразумію и гласу вашей совѣсти поручается. А въ примѣчаніе только скажу, что не выдавайте другимъ сего ученія за ученіе орденское, но предлагайте сего и другихъ ему подобныхъ авторовъ за такихъ, которые вамъ кажутся хороши.

5) Что жъ касается до теорет[ической] степ[ени], то мнѣ кажется весьма хорошо, ежели брр. подъ присмотромъ вашимъ штудировать будутъ сію степень.

А что касается до Пушкина, то намъ о немъ сказать нечего, кромѣ того, что, кажется, онъ болтливъ; но мы можемъ ошибиться, а вы его узнайте и потомъ каковымъ его найдете, такъ и учредите съ нимъ вашъ поступокъ.

6) Бр. Гагаринъ не есть Р. К. и потому поступайте съ нимъ какъ съ теор. бр. и наставляйте его, дабы онъ могъ содѣлаться достойнымъ того, чтобы при окончаніи силанума можно было взять съ него петитъ.

силы, преображать васъ будетъ въ члены нашего Архи-Мага и Спасителя, Который и откроетъ вамъ то въ сочиненіяхъ Бема, чего никакой языкъ человѣческій и никакой человѣкъ ни открыть, ни описать вамъ не можетъ. Вѣрьте, мой другъ, что писанное мною не есть фантастическое или нѣчто фанатическое, но есть нѣчто существенное и истинное, которое тогда только можетъ быть для васъ вразумительно, когда практически испытаете оное въ сердцѣ вашемъ, но которое однако же не можете вы прежде испытать, пока чрезъ долгое время не будете съ истинною молитвою и съ непрестанною медитаціею и прилежаніемъ штудировать сего мужа и приводить въ дѣятельность ученіе его, дабы свѣтъ Христовъ, возгарающійся, въ васъ, возсіялъ предъ человѣки отмѣнными дѣлами вашими отъ другихъ человѣковъ и дабы дѣла ваши помощію сего свѣта получили также магическую силу, чтобъ они могли и ради другихъ человѣковъ служить тинктурою для трансмутаціи ихъ изъ плотскихъ астральныхъ скотскихъ человѣковъ въ духовные ангельскіе божественные человѣки. Вотъ, мой другъ, цѣль истиннаго послѣдователя Златому Розовому Кресту нашего Божественнаго Брата-Мастера и Спасителя.

3) Вы у меня спрашиваете, что значитъ жемчужина, упомнпаемая Бемомъ; то я, не въ силахъ будучи человѣческимъ языкомъ сдѣлать на оное удовлетворительнаго отвѣта, выписалъ изъ самого Бема нѣкоторыя статьи, въ которыхъ онъ упоминаетъ о жемчужинѣ, и сообщаю вамъ оныя для размышленія о нихъ при сердечной къ Богу обращенной молитвѣ.

4) Что касается до того, что можете-ли вы читать ради нѣкоторыхъ братьевъ сіи и другіе сочиненія, то сіе въ волѣ вашей; вы можете ихъ читать съ ними или поручать читать ихъ для другихъ вѣрному и надежному брату. Но остерегитесь только, чтобы бисеръ не былъ поверженъ предъ свиньями, а въ противномъ случаѣ вы сами за оное отвѣчать будете нашему Спасителю и другу душъ нашихъ. Словомъ, сіе точно вашему благоразумію и гласу вашей совѣсти поручается. А въ примѣчаніе только скажу, что не выдавайте другимъ сего ученія за ученіе орденское, но предлагайте сего и другихъ ему подобныхъ авторовъ за такихъ, которые вамъ кажутся хороши.

5) Что жъ касается до теорет[ической] степ[ени], то мнѣ кажется весьма хорошо, ежели брр. подъ присмотромъ вашимъ штудировать будутъ сію степень.

А что касается до Пушкина, то намъ о немъ сказать нечего, кромѣ того, что, кажется, онъ болтливъ; но мы можемъ ошибиться, а вы его узнайте и потомъ каковымъ его найдете, такъ и учредите съ нимъ вашъ поступокъ.

6) Бр. Гагаринъ не есть Р. К. и потому поступайте съ нимъ какъ съ теор. бр. и наставляйте его, дабы онъ могъ содѣлаться достойнымъ того, чтобы при окончаніи силанума можно было взять съ него петитъ.

7) Чувства ваши и разсужденіи о прибѣжищѣ къ Богу исполнили сердце мое благодаренія ко Спасителю. Будь, мой другъ, твердъ на пути семъ, воззывай къ Богу въ духѣ и истинѣ чрезъ или во имя Его Единороднаго Сына Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа; ибо никакая молитва не пріятна Богу, окромѣ той, которая облечена сущностію Его Сына, въ которомъ Онъ весь любовь и въ коемъ нѣтъ гнѣва. А сущность Сына сего, въ коемъ Богъ любовь есть, находится въ возможности во всѣхъ насъ и приводится въ дѣйствіе помощію послѣдованія жизни Христовой, слѣдовательно, по мѣрѣ согласія нашего со Христомъ, и молитва наша облекается въ Христову сущность и благоугодна бываетъ Богу, а каждая другая молитва съ какими бы обрядами и трудомъ она ни дѣлалась, есть пустое болтаніе, облеченное въ сущность суеты и отвергается Богомъ подобно Каиновой жертвы.

Но о семъ впредь постараюсь вамъ доставить яснѣйшее объясненіе.

Вы писали ко мнѣ прежде о томъ, чтобы доставить вамъ практическую степень, но на сіе скажу, что пока силанумъ въ орденѣ продолжается, то дотолѣ никому никакой степени достаться не можетъ; а долго ли силанумъ продолжится, то сего, кромѣ высочайшихъ начальниковъ, никто не вѣдаетъ. Чего ради будь, мой другъ, спокоенъ, молись Богу и вѣрь, что въ свое время вы достигнете цѣли, предлагаемой каждому достойному брату святаго нашего союза.

Pinnatus.
16 февраля.

NB. Письмо сіе было писано для отправленія съ братомъ Глѣбовымъ, но онъ уѣхалъ, со мною не простясь. И такъ посылаю его теперь съ братомъ Новиковымъ и посылаю еще піесу Бемову о томъ, что есть христіанинъ, да піесу о самопознаніи, и еще піесу о сверхъ-натуральной жизни.

При семъ не помню, есть ли у васъ книга франц. «Harmonie du Monde», почему и ее также посылаю къ вамъ и, ежели она уже у васъ есть, то вы можете ее отдать отъ себя кому нибудь другому изъ брр., ибо книга весьма и весьма хорошая и ей, право, по моему мнѣнію, цѣны нѣтъ.

Подъ жемчужиною (драгоцѣннымъ бисеромъ) дѣвы Мудрости, разумѣется чистое Божество, которымъ наслаждался Адамъ прежде паденія и которое явилъ Іисусъ Христосъ въ человѣчествѣ, и которое предлагаетъ себя каждому слѣдующему жизни и ученію Іисуса Христа. Жемчужина сія есть искра Божественныя любви, и влеченіе отчее въ Его любовь; сія искра, находящаяся въ человѣкѣ, раздувается въ силу послѣдованія нами жизни Христовой и открывается человѣку въ воли его Духа, въ силу того и по мѣрѣ того, какъ воля сія жаждетъ и стремится

7) Чувства ваши и разсужденіи о прибѣжищѣ къ Богу исполнили сердце мое благодаренія ко Спасителю. Будь, мой другъ, твердъ на пути семъ, воззывай къ Богу въ духѣ и истинѣ чрезъ или во имя Его Единороднаго Сына Господа нашего и Спасителя Іисуса Христа; ибо никакая молитва не пріятна Богу, окромѣ той, которая облечена сущностію Его Сына, въ которомъ Онъ весь любовь и въ коемъ нѣтъ гнѣва. А сущность Сына сего, въ коемъ Богъ любовь есть, находится въ возможности во всѣхъ насъ и приводится въ дѣйствіе помощію послѣдованія жизни Христовой, слѣдовательно, по мѣрѣ согласія нашего со Христомъ, и молитва наша облекается въ Христову сущность и благоугодна бываетъ Богу, а каждая другая молитва съ какими бы обрядами и трудомъ она ни дѣлалась, есть пустое болтаніе, облеченное въ сущность суеты и отвергается Богомъ подобно Каиновой жертвы.

Но о семъ впредь постараюсь вамъ доставить яснѣйшее объясненіе.

Вы писали ко мнѣ прежде о томъ, чтобы доставить вамъ практическую степень, но на сіе скажу, что пока силанумъ въ орденѣ продолжается, то дотолѣ никому никакой степени достаться не можетъ; а долго ли силанумъ продолжится, то сего, кромѣ высочайшихъ начальниковъ, никто не вѣдаетъ. Чего ради будь, мой другъ, спокоенъ, молись Богу и вѣрь, что въ свое время вы достигнете цѣли, предлагаемой каждому достойному брату святаго нашего союза.

Pinnatus.
16 февраля.

NB. Письмо сіе было писано для отправленія съ братомъ Глѣбовымъ, но онъ уѣхалъ, со мною не простясь. И такъ посылаю его теперь съ братомъ Новиковымъ и посылаю еще піесу Бемову о томъ, что есть христіанинъ, да піесу о самопознаніи, и еще піесу о сверхъ-натуральной жизни.

При семъ не помню, есть ли у васъ книга франц. «Harmonie du Monde», почему и ее также посылаю къ вамъ и, ежели она уже у васъ есть, то вы можете ее отдать отъ себя кому нибудь другому изъ брр., ибо книга весьма и весьма хорошая и ей, право, по моему мнѣнію, цѣны нѣтъ.

Подъ жемчужиною (драгоцѣннымъ бисеромъ) дѣвы Мудрости, разумѣется чистое Божество, которымъ наслаждался Адамъ прежде паденія и которое явилъ Іисусъ Христосъ въ человѣчествѣ, и которое предлагаетъ себя каждому слѣдующему жизни и ученію Іисуса Христа. Жемчужина сія есть искра Божественныя любви, и влеченіе отчее въ Его любовь; сія искра, находящаяся въ человѣкѣ, раздувается въ силу послѣдованія нами жизни Христовой и открывается человѣку въ воли его Духа, въ силу того и по мѣрѣ того, какъ воля сія жаждетъ и стремится

послѣдовать жизни и ученію Христову, для полученія или лучше сказать для ощущенія внутрь себя возбужденной сей искры или жемчужины.

Тинктура въ философскомъ дѣлѣ есть жемчужина сего міра.

Наконецъ, пишетъ авторъ: О, ты, ищущій жемчужины, ты не обрѣтешь ее помощію твоего смысла (коего ты почитаешь своимъ Богомъ); но ежели хочешь ты оную обрѣсти, то вѣдай, что она обрѣтается познаніемъ себя, покаяніемъ о грѣхахъ, и твердою и рѣшимою дѣятельною волею слѣдовать самому въ себѣ тому процессу, который Христосъ показалъ намъ своею жизнію и ученіемъ.

Ищите — и обрящете, толцыте — и отверзется вамъ, просите — и дастся вамъ.—Ищите истиннымъ путемъ Христовымъ; толцыте молитвою въ сердцахъ вашихъ; просите единаго Бога въ духѣ; и онъ дастъ вамъ Духа Своего Святаго, а сей испытуетъ вся и даже глубины Божіи.

XXV.

ДИРЕКТОРІЯ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 6 мая, 1784.

Достойный главный надзиратель!

По повелѣнію высокихъ начальниковъ учреждена здѣсь для теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ директорія, отъ которой всѣ дѣла и учрежденія, касающіяся до оного, впредь зависѣть долженствуютъ. Вслѣдствіе чего всѣ достойные главные надзиратели, до сего времени учрежденные, оною подтверждены, и положено о семъ ихъ извѣстить, дабы они впредь обо всемъ касающемся до сего градуса адресовались въ директорію, и притомъ знали и помнили, что оная, кромѣ главныхъ надзирателей, никому не должна быть извѣстна.

Предложенные вами братья, Третьяковской, князь Несвицкой, Сабуровъ, Бороздинъ и два брата Митусовы, директоріею къ принятію въ теоретич[ескую] степ[ень] соломонскихъ наукъ назначены; почему вы имѣете, по надлежащемъ ихъ пріуготовленіи, когда они по совѣсти вашей удобными къ принятію учинятся, приступить ко введенію ихъ надлежащимъ образомъ въ сію степень, въ чемъ вы предъ орденомъ отвѣтствовать имѣете, и въ чемъ директорія на вашу собственную совѣсть полагается и препоручаетъ ихъ вашему руководству. По принятіи же ихъ, благоволите объ ономъ извѣстить письменно директорію и прислать также списокъ вашихъ братьевъ. Брата Митусова, находящагося въ Москвѣ, опредѣлено на вашъ счетъ принять здѣсь, дабы онъ, бывъ здѣсь наученъ всему нужному, могъ быть полезенъ въ вашемъ собраніи, въ исправленіи таковой должности, каковую вы на него возложить заблагоразсудите.

послѣдовать жизни и ученію Христову, для полученія или лучше сказать для ощущенія внутрь себя возбужденной сей искры или жемчужины.

Тинктура въ философскомъ дѣлѣ есть жемчужина сего міра.

Наконецъ, пишетъ авторъ: О, ты, ищущій жемчужины, ты не обрѣтешь ее помощію твоего смысла (коего ты почитаешь своимъ Богомъ); но ежели хочешь ты оную обрѣсти, то вѣдай, что она обрѣтается познаніемъ себя, покаяніемъ о грѣхахъ, и твердою и рѣшимою дѣятельною волею слѣдовать самому въ себѣ тому процессу, который Христосъ показалъ намъ своею жизнію и ученіемъ.

Ищите — и обрящете, толцыте — и отверзется вамъ, просите — и дастся вамъ.—Ищите истиннымъ путемъ Христовымъ; толцыте молитвою въ сердцахъ вашихъ; просите единаго Бога въ духѣ; и онъ дастъ вамъ Духа Своего Святаго, а сей испытуетъ вся и даже глубины Божіи.

XXV.

ДИРЕКТОРІЯ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 6 мая, 1784.

Достойный главный надзиратель!

По повелѣнію высокихъ начальниковъ учреждена здѣсь для теоретическаго градуса соломонскихъ наукъ директорія, отъ которой всѣ дѣла и учрежденія, касающіяся до оного, впредь зависѣть долженствуютъ. Вслѣдствіе чего всѣ достойные главные надзиратели, до сего времени учрежденные, оною подтверждены, и положено о семъ ихъ извѣстить, дабы они впредь обо всемъ касающемся до сего градуса адресовались въ директорію, и притомъ знали и помнили, что оная, кромѣ главныхъ надзирателей, никому не должна быть извѣстна.

Предложенные вами братья, Третьяковской, князь Несвицкой, Сабуровъ, Бороздинъ и два брата Митусовы, директоріею къ принятію въ теоретич[ескую] степ[ень] соломонскихъ наукъ назначены; почему вы имѣете, по надлежащемъ ихъ пріуготовленіи, когда они по совѣсти вашей удобными къ принятію учинятся, приступить ко введенію ихъ надлежащимъ образомъ въ сію степень, въ чемъ вы предъ орденомъ отвѣтствовать имѣете, и въ чемъ директорія на вашу собственную совѣсть полагается и препоручаетъ ихъ вашему руководству. По принятіи же ихъ, благоволите объ ономъ извѣстить письменно директорію и прислать также списокъ вашихъ братьевъ. Брата Митусова, находящагося въ Москвѣ, опредѣлено на вашъ счетъ принять здѣсь, дабы онъ, бывъ здѣсь наученъ всему нужному, могъ быть полезенъ въ вашемъ собраніи, въ исправленіи таковой должности, каковую вы на него возложить заблагоразсудите.

Ваши, достойный главный надзиратель, вѣрныя друзья и братья Николай Новиковъ, князь Николай Трубецкой, Петръ Татищевъ.

XXVI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва, 21 іюля, [1784].

Люб. и высокоп. бр.!

Имѣя случай для назиданія вашего вамъ доставить нѣкоторыя сочиненія высокопр. нашего бр. Іакова Бема, яко продолженіе тѣхъ изъ его сочиненій, которыя вы уже имѣете, посылаю оныя (съ бр. кн. Юр[іемъ], Никит[ичемъ], который на нѣсколько дней ѣдетъ въ П[етербургъ] и ни съ кѣмъ, кромѣ ближайшихъ своихъ родныхъ не, увидится *), подъ 1 и 2 №; также посылаю вамъ подъ 3 и 4 № піесы, которыя мнѣ полюбились и, кажется, достойны прочтенія; а наконецъ посылаю вамъ двѣ орден. піесы подъ № 5 и 6, которыя прошу и заклинаю васъ студировать такъ, чтобы онѣ въ кровь вашу обратились. Сіи двѣ піесы суть для васъ однихъ, и больше ни для кого въ П[етербургѣ], а что касается до другихъ піесъ, то вы оныя, по благоразсмотрѣнію вашему, можете сообщать достойнымъ для прочтенія; при семъ также посылаю къ вамъ два екземпляра печатныхъ Бема на франц. языкѣ; оныя, ежели вамъ разсудится, то вы можете сообщить кому либо изъ достойныхъ брр., но сообщить отъ вашего имяни, и яко такія книги, которыя вамъ полюбились, но отнюдь не сообщать въ томъ видѣ, яко бы онѣ были книги орденскія **)...

Теперь скажу вамъ, что силанумъ еще продолжается; и подтверждая вамъ паки терпѣніе и непрестанную работу въ самомъ себѣ, и живую вѣру, поручаю васъ благодати нашего Спасителя и есмь.

P[innatus].

XXVII.

ДИРЕКТОРІЯ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. Августъ, 1784.

Достойный главный надзиратель!

Предложенные вами къ принятію въ теорет[ическую] сте[пень] сол[оновыхъ] на[укъ] братья, графъ и баронъ Строгоновы, директоріею назначены. Сверхъ сего, въ разсужденіи затрудненій въ перепискахъ,

*) Въ подлинникѣ: у в и д и т ъ.

**) Многоточіе въ подлинникѣ.

Ваши, достойный главный надзиратель, вѣрныя друзья и братья Николай Новиковъ, князь Николай Трубецкой, Петръ Татищевъ.

XXVI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва, 21 іюля, [1784].

Люб. и высокоп. бр.!

Имѣя случай для назиданія вашего вамъ доставить нѣкоторыя сочиненія высокопр. нашего бр. Іакова Бема, яко продолженіе тѣхъ изъ его сочиненій, которыя вы уже имѣете, посылаю оныя (съ бр. кн. Юр[іемъ], Никит[ичемъ], который на нѣсколько дней ѣдетъ въ П[етербургъ] и ни съ кѣмъ, кромѣ ближайшихъ своихъ родныхъ не, увидится *), подъ 1 и 2 №; также посылаю вамъ подъ 3 и 4 № піесы, которыя мнѣ полюбились и, кажется, достойны прочтенія; а наконецъ посылаю вамъ двѣ орден. піесы подъ № 5 и 6, которыя прошу и заклинаю васъ студировать такъ, чтобы онѣ въ кровь вашу обратились. Сіи двѣ піесы суть для васъ однихъ, и больше ни для кого въ П[етербургѣ], а что касается до другихъ піесъ, то вы оныя, по благоразсмотрѣнію вашему, можете сообщать достойнымъ для прочтенія; при семъ также посылаю къ вамъ два екземпляра печатныхъ Бема на франц. языкѣ; оныя, ежели вамъ разсудится, то вы можете сообщить кому либо изъ достойныхъ брр., но сообщить отъ вашего имяни, и яко такія книги, которыя вамъ полюбились, но отнюдь не сообщать въ томъ видѣ, яко бы онѣ были книги орденскія **)...

Теперь скажу вамъ, что силанумъ еще продолжается; и подтверждая вамъ паки терпѣніе и непрестанную работу въ самомъ себѣ, и живую вѣру, поручаю васъ благодати нашего Спасителя и есмь.

P[innatus].

XXVII.

ДИРЕКТОРІЯ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. Августъ, 1784.

Достойный главный надзиратель!

Предложенные вами къ принятію въ теорет[ическую] сте[пень] сол[оновыхъ] на[укъ] братья, графъ и баронъ Строгоновы, директоріею назначены. Сверхъ сего, въ разсужденіи затрудненій въ перепискахъ,

*) Въ подлинникѣ: у в и д и т ъ.

**) Многоточіе въ подлинникѣ.

оного опредѣлено дозволить вамъ принять въ сію степень еще до десяти братьевъ, не требуя дозволенія отъ директоріи, увѣдомляя токмо, по принятіи каждаго, съ тѣмъ притомъ условіемъ, что вы совѣстію своею отвѣтствовать за нихъ долженствуете передъ орденомъ.

Ваши усердныя братья Петръ Татищевъ, князь Николай Трубецкой, Николай Новиковъ.

XXVIII.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 24 генваря, 1789 [?].

Люб. и почт. бр.!

Письмо ваше, писанное еще въ октябрѣ, я получилъ только нынѣ, при ономъ письмо къ бр. Звераку, которое ему и отдалъ; причиною же того, что я оное письмо такъ поздно получилъ, есть болѣзнь или неисправность того человѣка, чрезъ котораго оное послалъ Гаг[аринъ].

Итакъ, благодаря васъ за оное письмо, скажу, что въ разсужденіи вашего упражненія познавать самаго себя, я похваляю вашу работу, но совѣтую упражняться въ великой и Божественной наукѣ самопознанія съ помощію данныхъ вамъ указателей къ оной наукѣ, а именно: при неутомимомъ студированіи Іоанна Масона и піесы Бемовой «О четырехъ комплекціяхъ», ибо безъ таковаго подкрѣпленія вы легко, идучи сами собою, можете заблудиться и, представя себя самому себѣ въ видѣ и одеждѣ Ангела Свѣта, въ которую одежду діаволъ, смыслъ и плоть непрестанно насъ облечь стараются, вы себя не узнаете и, подумая прежде времяни, что вы уже добры, никогда не придете къ познанію въ себѣ всей человѣческой скверны; а безъ откровенія оной и безъ признанія ея вы не можете вступить на путь покаянія, а тѣмъ менѣе на путь крестный, и все будете шествовать путемъ тихимъ, усыпаннымъ цвѣтами, на которомъ, оправдывая предъ собою такъ называемыя міромъ les faiblesses de l'humanitè, вы сами себѣ льстить будете и таковымъ образомъ, идучи путемъ, освѣщеннымъ ложнымъ свѣтомъ оправданія самаго себя, вы достигнете конца дней своихъ и, уже за дверями гроба познавъ ошибку свою, вы оплакивать будете неосторожное ваше шествіе. Но, напротивъ того, ежели вы будете при молитвѣ въ духѣ и истинѣ студировать вышереченныя книги и Св. Писаніе и помощію ихъ обращать почерпаемое въ нихъ на самихъ себя, то вы вяще и вяще обозрѣвать себя будете въ той скверинѣ, въ которую мы приведены паденіемъ нашихъ праотцевъ, яко тѣхъ корней, въ которыхъ весь человѣческій родъ въ возможности, яко то родомъ образованія находился и который, осквер-

оного опредѣлено дозволить вамъ принять въ сію степень еще до десяти братьевъ, не требуя дозволенія отъ директоріи, увѣдомляя токмо, по принятіи каждаго, съ тѣмъ притомъ условіемъ, что вы совѣстію своею отвѣтствовать за нихъ долженствуете передъ орденомъ.

Ваши усердныя братья Петръ Татищевъ, князь Николай Трубецкой, Николай Новиковъ.

XXVIII.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва. 24 генваря, 1789 [?].

Люб. и почт. бр.!

Письмо ваше, писанное еще въ октябрѣ, я получилъ только нынѣ, при ономъ письмо къ бр. Звераку, которое ему и отдалъ; причиною же того, что я оное письмо такъ поздно получилъ, есть болѣзнь или неисправность того человѣка, чрезъ котораго оное послалъ Гаг[аринъ].

Итакъ, благодаря васъ за оное письмо, скажу, что въ разсужденіи вашего упражненія познавать самаго себя, я похваляю вашу работу, но совѣтую упражняться въ великой и Божественной наукѣ самопознанія съ помощію данныхъ вамъ указателей къ оной наукѣ, а именно: при неутомимомъ студированіи Іоанна Масона и піесы Бемовой «О четырехъ комплекціяхъ», ибо безъ таковаго подкрѣпленія вы легко, идучи сами собою, можете заблудиться и, представя себя самому себѣ въ видѣ и одеждѣ Ангела Свѣта, въ которую одежду діаволъ, смыслъ и плоть непрестанно насъ облечь стараются, вы себя не узнаете и, подумая прежде времяни, что вы уже добры, никогда не придете къ познанію въ себѣ всей человѣческой скверны; а безъ откровенія оной и безъ признанія ея вы не можете вступить на путь покаянія, а тѣмъ менѣе на путь крестный, и все будете шествовать путемъ тихимъ, усыпаннымъ цвѣтами, на которомъ, оправдывая предъ собою такъ называемыя міромъ les faiblesses de l'humanitè, вы сами себѣ льстить будете и таковымъ образомъ, идучи путемъ, освѣщеннымъ ложнымъ свѣтомъ оправданія самаго себя, вы достигнете конца дней своихъ и, уже за дверями гроба познавъ ошибку свою, вы оплакивать будете неосторожное ваше шествіе. Но, напротивъ того, ежели вы будете при молитвѣ въ духѣ и истинѣ студировать вышереченныя книги и Св. Писаніе и помощію ихъ обращать почерпаемое въ нихъ на самихъ себя, то вы вяще и вяще обозрѣвать себя будете въ той скверинѣ, въ которую мы приведены паденіемъ нашихъ праотцевъ, яко тѣхъ корней, въ которыхъ весь человѣческій родъ въ возможности, яко то родомъ образованія находился и который, осквер-

нившись возбужденіемъ или впущеніемъ въ себя чуждой и ему (въ возбужденіи или вшествіи своемъ) несообразной сущности, мерзость свою и осквернение проліялъ на весь человѣческій родъ, долженствующій прозябнуть изъ сего корня; итакъ, обозрѣвъ себя въ оной, вы почувствуете омерзѣніе къ самому себѣ и нужду изъ-идти изъ вашея скверны; тогда вступите вы на путь покаянія и воззовете къ путеводцу вашему на пути крестномъ, а именно ко Іисусу Христу, а Онъ пошлетъ на васъ для вашего очищенія въ надлежащей и сообразной вашимъ силамъ мѣрѣ кресты Свои, которые, угнетя въ васъ похоть плоти, очесъ и житейскія гордости, сдѣлаютъ васъ удобными познать великость и мерзость человѣка, и въ свое время возродятъ васъ изъ плотскаго въ духовнаго человѣка и приведутъ въ ту размѣрность или сообразность, въ которой Богъ безъ поврежденія числа Своего, или Своея чистоты возможетъ быть въ васъ все во всемъ, яко же Онъ былъ все во всемъ во Христѣ, который есть нашъ путь, истина и жизнь, и вы содѣлаетесь здѣсь на земли Его орудіемъ, а за дверями гроба сонаслѣдникомъ Христу во всѣхъ обѣтованіяхъ Отчихъ. Вотъ, мой любезный другъ, что я почелъ за нужное напомянуть вамъ при упражненіи вашемъ въ самопознаніи. Краткость времяни не дозволяетъ мнѣ подробно объ ономъ писать; итакъ, оставляя сію матерію до удобнаго случая и напомянувъ, что путь святаго нашего союза есть человѣкъ и натура, чрезъ познаніе которыхъ мы должны достигнуть до познанія Бога, скажу вамъ, что силанумъ еще не кончился и что намъ подлѣжитъ въ насъ самихъ вяще и вяще угнетать нашу плоть, похоть міра и гордость діавола, ежели хотимъ удобными сдѣлаться воспріять то великое благо, которое изліется при окончаніи силанума на всѣхъ обрѣтенныхъ вѣрными бдящими и неколеблемыми братьями. Чего ради молю васъ, нашихъ мудрыхъ начальниковъ, чтобы вы не ослабѣвали противу самихъ себя, противу похоти міра и противу гордости діавола и чтобы, наипаче убѣгая праздности и разсѣянія драгоцѣннаго времяни, вы бы упражнялись и штудировали тѣ бумаги и тѣ книги, которые вы уже отъ меня получили и чрезъ что содѣлывались бы удобными воспріять отъ ордена при новой его реакціи всѣ блага, которыя онъ готовъ излить на удобныхъ къ воспріятію оныхъ, но которыя дарованы быть не могутъ безъ повреждения своея чистоты тѣмъ, которые, не шествуя путемъ, имъ предписаннымъ орденомъ, не содѣлались удобными ихъ воспріять.

P[innatus].

N. B. При семъ посылаю къ вамъ еще маленькую піесу нашего высокопросвѣщеннаго бр. Іакова Бема. Да откроетъ Богъ вамъ истинный смыслъ всѣхъ его писаній.

нившись возбужденіемъ или впущеніемъ въ себя чуждой и ему (въ возбужденіи или вшествіи своемъ) несообразной сущности, мерзость свою и осквернение проліялъ на весь человѣческій родъ, долженствующій прозябнуть изъ сего корня; итакъ, обозрѣвъ себя въ оной, вы почувствуете омерзѣніе къ самому себѣ и нужду изъ-идти изъ вашея скверны; тогда вступите вы на путь покаянія и воззовете къ путеводцу вашему на пути крестномъ, а именно ко Іисусу Христу, а Онъ пошлетъ на васъ для вашего очищенія въ надлежащей и сообразной вашимъ силамъ мѣрѣ кресты Свои, которые, угнетя въ васъ похоть плоти, очесъ и житейскія гордости, сдѣлаютъ васъ удобными познать великость и мерзость человѣка, и въ свое время возродятъ васъ изъ плотскаго въ духовнаго человѣка и приведутъ въ ту размѣрность или сообразность, въ которой Богъ безъ поврежденія числа Своего, или Своея чистоты возможетъ быть въ васъ все во всемъ, яко же Онъ былъ все во всемъ во Христѣ, который есть нашъ путь, истина и жизнь, и вы содѣлаетесь здѣсь на земли Его орудіемъ, а за дверями гроба сонаслѣдникомъ Христу во всѣхъ обѣтованіяхъ Отчихъ. Вотъ, мой любезный другъ, что я почелъ за нужное напомянуть вамъ при упражненіи вашемъ въ самопознаніи. Краткость времяни не дозволяетъ мнѣ подробно объ ономъ писать; итакъ, оставляя сію матерію до удобнаго случая и напомянувъ, что путь святаго нашего союза есть человѣкъ и натура, чрезъ познаніе которыхъ мы должны достигнуть до познанія Бога, скажу вамъ, что силанумъ еще не кончился и что намъ подлѣжитъ въ насъ самихъ вяще и вяще угнетать нашу плоть, похоть міра и гордость діавола, ежели хотимъ удобными сдѣлаться воспріять то великое благо, которое изліется при окончаніи силанума на всѣхъ обрѣтенныхъ вѣрными бдящими и неколеблемыми братьями. Чего ради молю васъ, нашихъ мудрыхъ начальниковъ, чтобы вы не ослабѣвали противу самихъ себя, противу похоти міра и противу гордости діавола и чтобы, наипаче убѣгая праздности и разсѣянія драгоцѣннаго времяни, вы бы упражнялись и штудировали тѣ бумаги и тѣ книги, которые вы уже отъ меня получили и чрезъ что содѣлывались бы удобными воспріять отъ ордена при новой его реакціи всѣ блага, которыя онъ готовъ излить на удобныхъ къ воспріятію оныхъ, но которыя дарованы быть не могутъ безъ поврежденія своея чистоты тѣмъ, которые, не шествуя путемъ, имъ предписаннымъ орденомъ, не содѣлались удобными ихъ воспріять.

P[innatus].

N. B. При семъ посылаю къ вамъ еще маленькую піесу нашего высокопросвѣщеннаго бр. Іакова Бема. Да откроетъ Богъ вамъ истинный смыслъ всѣхъ его писаній.

XXIX.

Кн. П. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва.

Высокопр. бр. Алек. Андр.!

По полученіи письма вашего немедля исполняю ваше приказаніе и посылаю при семъ реестръ провинціальныхъ ложъ, теоретическаго градуса и капитуля. Простите мнѣ, л. бр., что я на прежнѣе письмо къ вамъ еще не отвѣчалъ; клянусь, что некогда приняться за перо. Долгорукіе ѣдутъ, почему всѣ хлопоты остались на мою шею; и я заваленъ дѣломъ; но, какъ скоро немного удосужусь, то буду писать чистосердечно мои мысли съ условіемъ, чтобы, кромѣ васъ, никто моихъ писемъ не видалъ, потому что я и съ Гагаринымъ ни слова о вышнихъ познаніяхъ не говорилъ, а съ вами привыкнувъ быть чистосердечнымъ и привыкнувъ быть къ вамъ нелицемѣрно привязанъ, буду говорить, что думаю, надѣясь и отъ васъ взаимной довѣренности и того чистосердечія, что, гдѣ я ошибусь въ моихъ мысляхъ, тамъ меня поправите. Однако теперь оканчиваю письмо; ко мнѣ сходются переписывать акты, такъ долженъ я съ ними хлопотать. Простите, высокопросвѣщенный бр., желалъ бы я очень, чтобъ нынѣшній годъ вы въ Москву пріѣхали и пожили съ нами, мы бы поработали вмѣстѣ и взаимною довѣренностію, можетъ быть, сдѣлали бъ нѣсколько шаговъ поближе къ истинѣ; сдѣлайте мнѣ одолженіе и пришлите реестръ такой же, какъ я къ вамъ посылаю *), пет[ербургскихъ] бр[атьевъ].

---

*) Члены провинціальной ложи: Кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ. Кн. Николай Никитичъ Трубецкой, п. мастеръ. Кн. Николай Ивановичъ Одоевскій, 1-й надзиратель. Кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, 2-й надзиратель. Алексѣй Яковлевичъ Клейнъ, секретарь. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, риторъ. Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, казначей. Борисъ Александровичъ Загряжскій, обрядоначальникъ. Кн. Николай Ивановичъ Трубецкой, 1-й собиратель милостыни. Кн. Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, 2-й собиратель милостыни. Николай Семеновичъ Лаптевъ, великій придверникъ.

Члены теоретическаго градуса. Кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ. Кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, п. мастеръ. Кн. Николай Никитичъ Трубецкой, 1-й надзиратель. Кн. Николай Ивановичъ Одоевскій 2-й надзиратель. Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, секретарь. Николай Ивановичъ Новиковъ, риторъ. Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, обрядоначальникъ.

Члены капитула. Пред. кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Кап. кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Капитулъ. Кн. Николай Никитичъ Трубецкой, Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Кн. Николай Ивановичъ Трубецкой. Николай Ивановичъ Новиковъ. Кн. Николай Ивановичъ Одоевскій. Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ. Кн. Григ. Алек.-Щербатовъ. Кн. Иванъ Петровичъ Гагаринъ. Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.

XXIX.

Кн. П. И. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва.

Высокопр. бр. Алек. Андр.!

По полученіи письма вашего немедля исполняю ваше приказаніе и посылаю при семъ реестръ провинціальныхъ ложъ, теоретическаго градуса и капитуля. Простите мнѣ, л. бр., что я на прежнѣе письмо къ вамъ еще не отвѣчалъ; клянусь, что некогда приняться за перо. Долгорукіе ѣдутъ, почему всѣ хлопоты остались на мою шею; и я заваленъ дѣломъ; но, какъ скоро немного удосужусь, то буду писать чистосердечно мои мысли съ условіемъ, чтобы, кромѣ васъ, никто моихъ писемъ не видалъ, потому что я и съ Гагаринымъ ни слова о вышнихъ познаніяхъ не говорилъ, а съ вами привыкнувъ быть чистосердечнымъ и привыкнувъ быть къ вамъ нелицемѣрно привязанъ, буду говорить, что думаю, надѣясь и отъ васъ взаимной довѣренности и того чистосердечія, что, гдѣ я ошибусь въ моихъ мысляхъ, тамъ меня поправите. Однако теперь оканчиваю письмо; ко мнѣ сходются переписывать акты, такъ долженъ я съ ними хлопотать. Простите, высокопросвѣщенный бр., желалъ бы я очень, чтобъ нынѣшній годъ вы въ Москву пріѣхали и пожили съ нами, мы бы поработали вмѣстѣ и взаимною довѣренностію, можетъ быть, сдѣлали бъ нѣсколько шаговъ поближе къ истинѣ; сдѣлайте мнѣ одолженіе и пришлите реестръ такой же, какъ я къ вамъ посылаю *), пет[ербургскихъ] бр[атьевъ].

---

*) Члены провинціальной ложи: Кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ. Кн. Николай Никитичъ Трубецкой, п. мастеръ. Кн. Николай Ивановичъ Одоевскій, 1-й надзиратель. Кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, 2-й надзиратель. Алексѣй Яковлевичъ Клейнъ, секретарь. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ, риторъ. Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, казначей. Борисъ Александровичъ Загряжскій, обрядоначальникъ. Кн. Николай Ивановичъ Трубецкой, 1-й собиратель милостыни. Кн. Григорій Алексѣевичъ Щербатовъ, 2-й собиратель милостыни. Николай Семеновичъ Лаптевъ, великій придверникъ.

Члены теоретическаго градуса. Кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій, великій мастеръ. Кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій, п. мастеръ. Кн. Николай Никитичъ Трубецкой, 1-й надзиратель. Кн. Николай Ивановичъ Одоевскій 2-й надзиратель. Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ, секретарь. Николай Ивановичъ Новиковъ, риторъ. Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ, обрядоначальникъ.

Члены капитула. Пред. кн. Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Кап. кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Капитулъ. Кн. Николай Никитичъ Трубецкой, Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Кн. Николай Ивановичъ Трубецкой. Николай Ивановичъ Новиковъ. Кн. Николай Ивановичъ Одоевскій. Алексѣй Николаевичъ Щепотьевъ. Кн. Григ. Алек.-Щербатовъ. Кн. Иванъ Петровичъ Гагаринъ. Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ.

XXX.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва.

Высокод. бр.!

Благодарю тебя за два дружескія письма твои; скажу, что я для того не отвѣчалъ къ тебѣ на прошедшей почтѣ, что не успѣлъ отвѣты изготовить на присланные отъ Нартова вопросы; но теперь, изготовя ихъ, при семъ посылаю, дабы ты, позвавъ къ себѣ Нартова, сказалъ, что ты препроводилъ вопросы его къ тѣмъ, которые тебѣ извѣстны, и что получилъ на оные отвѣты, которые и прочти ему. И ежели хочетъ, то дай и списать. Только не сказывай, чьи они и отъ кого ихъ получилъ. Мы великое имѣемъ сомнѣніе, не принадлежитъ ли онъ къ тому тайному обществу, о которомъ въ отвѣтахъ упомянуто и отъ котораго отцы наши насъ весьма остерегаютъ и для познанія онаго прислали намъ ихъ акты всѣхъ степеней, которые, какъ скоро перепишутъ и переведутъ, то къ тебѣ сообщимъ. А наипаче это сомнѣніе въ насъ родилось отъ его знака, который есть въ тѣхъ актахъ и въ первой степени знаменуетъ Moises, Messias, Christos, почему совѣтую тебѣ быть съ нимъ осторожнымъ; въ рыцарствѣ можетъ быть онъ съ тобою въ связи, но о внутреннихъ познаніяхъ весьма остерегаться отъ него должно.

Что касается до бр. Перфильева, то тебѣ отъ викаріата дозволяется его сдѣлать пропрефектомъ и всѣхъ другихъ назначенныхъ тобою въ письмѣ братьевъ причислить къ капителю и непринятыхъ въ рыцарство принять, дать всѣмъ имъ имяна, девизы и гербы и потомъ для свѣдѣнія представить имяна ихъ, девизы и гербы въ директорію для внесенія въ матрикулъ и сообщенія въ орденъ.

Теперь совѣтую тебѣ скорѣе открыть новиціатъ, а рыцарскій градусъ недѣли черезъ три тебѣ доставимъ; онъ уже переводится.

Также и сіантифической станемъ стараться доставить тебѣ скорѣе.

О бр. Перфильевѣ и о тебѣ самомъ мы забыли тебѣ сказать, что еще когда вы и не были съ нами въ связи, мы объ вашихъ имянахъ уже писали на конвентъ, и вы тамо извѣстны, яко усердные и старые и упражняющіеся брр.

Вотъ, другъ мой, все то, что имѣю теперь тебѣ сказать; подтверждаю писанное уже мною въ первыхъ письмахъ, да начинаешь всѣ намѣренія и дѣла твои, касающіяся до ордена, съ истинною внутреннею молитвою. Это — ключь, побѣждающій всякія препятствія и привлекающій помазаніе Духа на человѣка; теперь ты еще занятъ учрежденіями, тебѣ порученными, но когда ты нѣсколько успокоишься, то я по силамъ моимъ при благословеніи Божіемъ стараться буду въ письмахъ моихъ отъ времяни

XXX.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва.

Высокод. бр.!

Благодарю тебя за два дружескія письма твои; скажу, что я для того не отвѣчалъ къ тебѣ на прошедшей почтѣ, что не успѣлъ отвѣты изготовить на присланные отъ Нартова вопросы; но теперь, изготовя ихъ, при семъ посылаю, дабы ты, позвавъ къ себѣ Нартова, сказалъ, что ты препроводилъ вопросы его къ тѣмъ, которые тебѣ извѣстны, и что получилъ на оные отвѣты, которые и прочти ему. И ежели хочетъ, то дай и списать. Только не сказывай, чьи они и отъ кого ихъ получилъ. Мы великое имѣемъ сомнѣніе, не принадлежитъ ли онъ къ тому тайному обществу, о которомъ въ отвѣтахъ упомянуто и отъ котораго отцы наши насъ весьма остерегаютъ и для познанія онаго прислали намъ ихъ акты всѣхъ степеней, которые, какъ скоро перепишутъ и переведутъ, то къ тебѣ сообщимъ. А наипаче это сомнѣніе въ насъ родилось отъ его знака, который есть въ тѣхъ актахъ и въ первой степени знаменуетъ Moises, Messias, Christos, почему совѣтую тебѣ быть съ нимъ осторожнымъ; въ рыцарствѣ можетъ быть онъ съ тобою въ связи, но о внутреннихъ познаніяхъ весьма остерегаться отъ него должно.

Что касается до бр. Перфильева, то тебѣ отъ викаріата дозволяется его сдѣлать пропрефектомъ и всѣхъ другихъ назначенныхъ тобою въ письмѣ братьевъ причислить къ капителю и непринятыхъ въ рыцарство принять, дать всѣмъ имъ имяна, девизы и гербы и потомъ для свѣдѣнія представить имяна ихъ, девизы и гербы въ директорію для внесенія въ матрикулъ и сообщенія въ орденъ.

Теперь совѣтую тебѣ скорѣе открыть новиціатъ, а рыцарскій градусъ недѣли черезъ три тебѣ доставимъ; онъ уже переводится.

Также и сіантифической станемъ стараться доставить тебѣ скорѣе.

О бр. Перфильевѣ и о тебѣ самомъ мы забыли тебѣ сказать, что еще когда вы и не были съ нами въ связи, мы объ вашихъ имянахъ уже писали на конвентъ, и вы тамо извѣстны, яко усердные и старые и упражняющіеся брр.

Вотъ, другъ мой, все то, что имѣю теперь тебѣ сказать; подтверждаю писанное уже мною въ первыхъ письмахъ, да начинаешь всѣ намѣренія и дѣла твои, касающіяся до ордена, съ истинною внутреннею молитвою. Это — ключь, побѣждающій всякія препятствія и привлекающій помазаніе Духа на человѣка; теперь ты еще занятъ учрежденіями, тебѣ порученными, но когда ты нѣсколько успокоишься, то я по силамъ моимъ при благословеніи Божіемъ стараться буду въ письмахъ моихъ отъ времяни

до времяни дѣлать тебѣ ясное понятіе о молитвѣ и о пути, по которому мы достигнуть можемъ къ истиннымъ внутреннимъ познаніямъ ордена. Только тебя прошу и заклинаю въ томъ, чтобы ты былъ со мною чистосердеченъ и все то писалъ ко мнѣ, что при чтеніи моихъ писемъ ощущать станешь и какія сомнѣнія въ нихъ находить будешь. Прости, другъ мой; благослови тебя Богъ въ трудахъ твоихъ; молись за меня, да укрѣпитъ меня Богъ на пути истинны; а я вседневно въ сердцѣ моемъ воззываю о тебѣ къ Нему молитвы. Прости еще разъ и вѣрь, что я есмь проч.

Eq. ab aquila boreali.

Постарайся скорѣе прислать къ намъ брата Зверягу. Прилагаю при семъ слѣпки печати; я же и теперь запечаталъ орденскими печатьми.

XXXI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ—А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва.

Высокоп. и люб. бр.!

Простите мнѣ, что я давно къ вамъ не писалъ; причиною тому болѣзнь и смерть моей тещи. Съ в. п. бр. Новиковымъ я говорилъ о письмѣ, которое велѣно ему было отъ начальствующихъ бр[атьевъ] къ вамъ писать и онъ мнѣ сказалъ, что оное къ вамъ отправлено. Также и Чулковъ, пріѣхавъ, сказывалъ мнѣ, что онъ съ вами видѣлся, порученныя ему для васъ бумаги вамъ отдалъ, и при томъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что вы сами собираетесь въ Москву; я жду съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзду. Ето необходимо нужно какъ для собственной вашей персоны, такъ и для того, ежели хотѣть порядочное что учредить въ П[етербургѣ] и разсѣянныхъ брр. соединить воедино; поспѣшите къ друзьямъ вашимъ, которые нелицемѣрно къ вамъ привязаны.

Eq. ab aquila boreali.

до времяни дѣлать тебѣ ясное понятіе о молитвѣ и о пути, по которому мы достигнуть можемъ къ истиннымъ внутреннимъ познаніямъ ордена. Только тебя прошу и заклинаю въ томъ, чтобы ты былъ со мною чистосердеченъ и все то писалъ ко мнѣ, что при чтеніи моихъ писемъ ощущать станешь и какія сомнѣнія въ нихъ находить будешь. Прости, другъ мой; благослови тебя Богъ въ трудахъ твоихъ; молись за меня, да укрѣпитъ меня Богъ на пути истинны; а я вседневно въ сердцѣ моемъ воззываю о тебѣ къ Нему молитвы. Прости еще разъ и вѣрь, что я есмь проч.

Eq. ab aquila boreali.

Постарайся скорѣе прислать къ намъ брата Зверягу. Прилагаю при семъ слѣпки печати; я же и теперь запечаталъ орденскими печатьми.

XXXI.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ—А. А. РЖЕВСКОМУ.

Москва.

Высокоп. и люб. бр.!

Простите мнѣ, что я давно къ вамъ не писалъ; причиною тому болѣзнь и смерть моей тещи. Съ в. п. бр. Новиковымъ я говорилъ о письмѣ, которое велѣно ему было отъ начальствующихъ бр[атьевъ] къ вамъ писать и онъ мнѣ сказалъ, что оное къ вамъ отправлено. Также и Чулковъ, пріѣхавъ, сказывалъ мнѣ, что онъ съ вами видѣлся, порученныя ему для васъ бумаги вамъ отдалъ, и при томъ обрадовалъ меня извѣстіемъ, что вы сами собираетесь въ Москву; я жду съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзду. Ето необходимо нужно какъ для собственной вашей персоны, такъ и для того, ежели хотѣть порядочное что учредить въ П[етербургѣ] и разсѣянныхъ брр. соединить воедино; поспѣшите къ друзьямъ вашимъ, которые нелицемѣрно къ вамъ привязаны.

Eq. ab aquila boreali.

А.

И. И. НОВИКОВЪ — И. П. ТУРГЕНЕВУ.

6 сентября 1788.

О. С. D. A. N. S. E.

Высокопочтенный и достойный бр. Вегетусъ!

1. Всемилосердый Отецъ не по беззаконіямъ нашимъ творитъ намъ, ниже по грѣхамъ нашимъ воздаетъ намъ; но по неизмѣримой безднѣ щедротъ своихъ исполняетъ сердца отцевъ и высокихъ начальниковъ нашихъ любовію, которая изобильно изливается на всѣ, даже и самоотдаленнѣйшія отрасли Св. Ордена, и на самыхъ недостойнѣйшихъ сродственниковъ и сочленовъ онаго. Истину сію никто не можетъ ощущать столь живо, какъ мы, ежели только захотимъ исчислить всѣ благодѣянія, милосердіе и щедроты, Св. Орденомъ на насъ изліянныя, да и въ толь краткое время; а притомъ ежели устремимъ во глубину сердецъ нашихъ строгій и правосудный взоръ и ежели сравнимъ полученное съ тѣмъ, чѣмъ мы воздали, то стыдъ и срамъ покрыть насъ долженъ. Ежели пройдемъ строго, сколько въ теченіе сего времени исполнили мы изъ 7 пунктовъ Св. нашей Присяги, предъ лицемъ самаго *) Высочайшаго и Правосуднаго Бога учиненной, тогда страхъ и трепетъ объять насъ долженъ. Но, какъ выше я уже сказалъ, что Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, за наше зло воздаетъ добромъ своимъ и для показанія ничѣмъ не измѣримаго милосердія своего продолжаетъ осыпать насъ щедротами своими, посредствомъ Св. Ордена, дабы благодѣяніями и щедротами принудить насъ опомниться. Доказательствомъ сему служитъ нынѣ полученное нами отъ вышнихъ начальниковъ нашихъ милосердіе. Мы возведены выше, хотя и малѣйше не заслуживали и того, гдѣ мы находились. Изъ приложеннаго при семъ ерласа (отпуска) усмотрите вы, в. п. и серд. люб. братъ, новое ваше званіе, съ коимъ искренно сердечнѣйше поздравляя, молю въ недостойныхъ молитвахъ моихъ источника всякаго

*) Въ рукописи дважды: самаго, самаго.

А.

Н. И. НОВИКОВЪ — И. П. ТУРГЕНЕВУ.

6 сентября 1788.

О. С. D. A. N. S. E.

Высокопочтенный и достойный бр. Вегетусъ!

1. Всемилосердый Отецъ не по беззаконіямъ нашимъ творитъ намъ, ниже по грѣхамъ нашимъ воздаетъ намъ; но по неизмѣримой безднѣ щедротъ своихъ исполняетъ сердца отцевъ и высокихъ начальниковъ нашихъ любовію, которая изобильно изливается на всѣ, даже и самоотдаленнѣйшія отрасли Св. Ордена, и на самыхъ недостойнѣйшихъ сродственниковъ и сочленовъ онаго. Истину сію никто не можетъ ощущать столь живо, какъ мы, ежели только захотимъ исчислить всѣ благодѣянія, милосердіе и щедроты, Св. Орденомъ на насъ изліянныя, да и въ толь краткое время; а притомъ ежели устремимъ во глубину сердецъ нашихъ строгій и правосудный взоръ и ежели сравнимъ полученное съ тѣмъ, чѣмъ мы воздали, то стыдъ и срамъ покрыть насъ долженъ. Ежели пройдемъ строго, сколько въ теченіе сего времени исполнили мы изъ 7 пунктовъ Св. нашей Присяги, предъ лицемъ самаго *) Высочайшаго и Правосуднаго Бога учиненной, тогда страхъ и трепетъ объять насъ долженъ. Но, какъ выше я уже сказалъ, что Господь долготерпѣливъ и многомилостивъ, за наше зло воздаетъ добромъ своимъ и для показанія ничѣмъ не измѣримаго милосердія своего продолжаетъ осыпать насъ щедротами своими, посредствомъ Св. Ордена, дабы благодѣяніями и щедротами принудить насъ опомниться. Доказательствомъ сему служитъ нынѣ полученное нами отъ вышнихъ начальниковъ нашихъ милосердіе. Мы возведены выше, хотя и малѣйше не заслуживали и того, гдѣ мы находились. Изъ приложеннаго при семъ ерласа (отпуска) усмотрите вы, в. п. и серд. люб. братъ, новое ваше званіе, съ коимъ искренно сердечнѣйше поздравляя, молю въ недостойныхъ молитвахъ моихъ источника всякаго

*) Въ рукописи дважды: самаго, самаго.

милосердія Господа, Спасителя и Мастера нашего Іисуса Христа, да благословитъ Онъ васъ и всѣхъ насъ проходить званіе наше, къ чести и славѣ Пресвятаго имени Его; да вразумитъ, научитъ, наставитъ и просвѣтитъ Онъ васъ, и всѣхъ насъ на семъ Св. пути, да исполнитъ сердца наши взаимною любовью и да даруетъ намъ миръ, согласіе и единство. Аминь!!!

2. Впрочемъ вы, в. п. и люб. бр., остаетесь при [окру]гѣ вашемъ до дальнѣйшаго свыше распоряженія; корреспонденція ваша съ в. д. нач. и бр. Порректусомъ должна происходить чрезъ меня, по силѣ высокихъ О[рденски]хъ предписаній, какъ то вамъ уже извѣстно: равномѣрно и повелѣнія съ верху имѣете вы получать чрезъ меня-же.

3. Впрочемъ, за краткостію времени и по неизвѣстности еще мѣста пребыванія вашего, я умалчиваю о многихъ подробностяхъ, кои желалъ бы сообщить вамъ. И такъ, въ заключеніе, да Б. и Е. П. С. И. б. препоручая васъ в. п. и серд. возлюбл. братъ, щедротамъ всемилосердаго Бога, Спасителя нашего, и призывая на васъ благословеніе Св. Ордена, пребываю съ искреннею и сердечною любовію яко сродственникъ и членъ З. Р. К. вашимъ искреннимъ, вѣрнымъ и покорнымъ братомъ

Colovion.

B.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — И. П. ТУРГЕНЕВУ.

Москва.

O. C. D. A. N. S. E.

Въ силу полученныхъ мною повелѣній свыше, учрежденная Гауптъ-Директорія въ ⊓ ⊦ ⊤ ⊐ ⊐ приняла нынѣ свое дѣйствіе, и в. п. бр. назначенъ быть въ ней регистраторомъ, въ которомъ званіи дарованною мнѣ властію я васъ, в. п. и люб. брата Вегетуса, утверждаю и признаю во Имя великаго Te-tra-gram-ma-ton. Вы же, соединивъ себя изреченіемъ предъ лицемъ Единаго нашего Мастера и Спасителя Іисуса Христа, учиненнаго вами обязательства съ Нимъ, чрезъ Св. Орденъ, возблагодарите Его за оказуемое вамъ милосердіе и устремитесь всѣми вашими силами, хотя и слабыми (но всемогущими при помощи Спасителя) къ дѣятельному исполненію сихъ обязательствъ, помощію коихъ вы ваще и ваще приближитесь ко Спасителю нашему, и къ воздаянію, которое Онъ въ Своемъ святилищѣ приготовляетъ несомнѣвающимся сочленамъ Св. Ордена, Ему Единому посвященнаго. Разсмотрите, в. п. и л. бр., все вами содѣянное и упущенное во время силанума въ должностяхъ вашихъ и положа оное предъ лицемъ Спасителя на бумагу, возблагодарите Его за то, что вы помощію Его исполнили, и принесите покаяніе о томъ, что вы упустили исполнить. И такимъ образомъ, очистивъ совѣсть свою,

милосердія Господа, Спасителя и Мастера нашего Іисуса Христа, да благословитъ Онъ васъ и всѣхъ насъ проходитъ званіе наше, къ чести и славѣ Пресвятаго имени Его; да вразумитъ, научитъ, наставитъ и просвѣтитъ Онъ васъ, и всѣхъ насъ на семъ Св. пути, да исполнитъ сердца наши взаимною любовью и да даруетъ намъ миръ, согласіе и единство. Аминь!!!

2. Впрочемъ вы, в. п. и люб. бр., остаетесь при [окру]гѣ вашемъ до дальнѣйшаго свыше распоряженія; корреспонденція ваша съ в. д. нач. и бр. Порректусомъ должна происходить чрезъ меня, по силѣ высокихъ О[рденски]хъ предписаній, какъ то вамъ уже извѣстно: равномѣрно и повелѣнія съ верху имѣете вы получать чрезъ меня-же.

3. Впрочемъ, за краткостію времени и по неизвѣстности еще мѣста пребыванія вашего, я умалчиваю о многихъ подробностяхъ, кои желалъ бы сообщить вамъ. И такъ, въ заключеніе, да Б. и Е. П. С. И. б. препоручая васъ в. п. и серд. возлюбл. братъ, щедротамъ всемилосердаго Бога, Спасителя нашего, и призывая на васъ благословеніе Св. Ордена, пребываю съ искреннею и сердечною любовію яко сродственникъ и членъ З. Р. К. вашимъ искреннимъ, вѣрнымъ и покорнымъ братомъ

Colovion.

B.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — И. П. ТУРГЕНЕВУ.

Москва.

O. C. D. A. N. S. E.

Въ силу полученныхъ мною повелѣній свыше, учрежденная Гауптъ-Директорія въ ⊓ ⊦ ⊤ ⊓ ⊓ приняла нынѣ свое дѣйствіе, и в. п. бр. назначенъ быть въ ней регистраторомъ, въ которомъ званіи дарованною мнѣ властію я васъ, в. п. и люб. брата Вегетуса, утверждаю и признаю во Имя великаго Te-tra-gram-ma-ton. Вы же, соединивъ себя изреченіемъ предъ лицемъ Единаго нашего Мастера и Спасителя Іисуса Христа, учиненнаго вами обязательства съ Нимъ, чрезъ Св. Орденъ, возблагодарите Его за оказуемое вамъ милосердіе и устремитесь всѣми вашими силами, хотя и слабыми (но всемогущими при помощи Спасителя) къ дѣятельному исполненію сихъ обязательствъ, помощію коихъ вы ваще и ваще приближитесь ко Спасителю нашему, и къ воздаянію, которое Онъ въ Своемъ святилищѣ приготовляетъ несомнѣвающимся сочленамъ Св. Ордена, Ему Единому посвященнаго. Разсмотрите, в. п. и л. бр., все вами содѣянное и упущенное во время силанума въ должностяхъ вашихъ и положа оное предъ лицемъ Спасителя на бумагу, возблагодарите Его за то, что вы помощію Его исполнили, и принесите покаяніе о томъ, что вы упустили исполнить. И такимъ образомъ, очистивъ совѣсть свою,

устремитесь къ новому рожденію, безъ достиженія коего мы есмы мерзость предъ лицемъ Отца, и всѣ дары, получаемые нами, суть для насъ зерцало, покрытое тьмой и ядомъ сатаны, и мы въ оныхъ ничего, кромѣ лжи, видѣть не можемъ. Ибо, бывъ сами ложь, мы, кромѣ сообразнаго себѣ, и въ самой святынѣ ничего видѣть не можемъ, такъ что и самая святыня, не бывъ сообразна намъ, кажется быть намъ сообразною, т. е. ложью.

Содѣланное же вами исповѣданіе сообщите ко мнѣ или лучше привезите съ собою, когда Богъ благословитъ вамъ къ намъ возвратиться.

2. О должностяхъ и обстоятельствахъ Г. Директоріи не дерзаю писать чрезъ письмо, но вы, возвратясь къ намъ, обо всемъ узнаете, а скажу только, что членами въ оной суть: я, Репертусъ, Коловіонъ, Еліомасъ, Филусъ, Вегетусъ и Велоксъ или Сацердосъ, какъ высшіе опредѣлятъ.

3. Сообщаю вамъ, что въ силу полученныхъ свыше извѣстій, хотя силанумъ и не совсѣмъ кончился, но кончится въ непродолжительномъ времени, и новая Реакція въ Орденѣ будетъ весьма благополучна для вѣрныхъ и пагубна для сомнѣвающихся, утопающихъ въ своемъ сомнѣніи.

4. Вотъ, л. б., что могу письменно вамъ сообщить, оставляя прочее до свиданія, вы же дотолѣ устремите всѣ силы къ разширенію сердца вашего къ любви, безъ которой николи Духомъ мы не можемъ быть съ орудіями Бога любви, подъ знаменемъ коего мы служить обязались. Совѣтую вамъ прилѣжнѣе читать и впечатлѣть себѣ въ сердцѣ слѣдующія изреченія Св. Писанія, яко тѣ, кои теперь точно принадлежатъ къ нашему общему званію: Исаія LVI. 10. 11. — Іерем. III. 15. XXXI. 1. Іезек. XXXIV. 2. 3. 4. — Іоан. X. 1 — 4. XXI. 15 — 17. — Дѣян. I. 24 — 26. VI. 5. XI. 23. XIV. 15. XX. 18 — 20, 28. — 1 Коринѳ. III. 10. IV. 1. XVI. 15. — 2 Коринѳ. III. 2. IV. 5. 6. II. 34. — Ефес. III. 8. 9. — Колос. I. 9. — 1 Тимо. всю III гл. — 2 Тимо. IV. 2. 5. — Тит. I, 7 — 9. — 1 Петр. V. 1 — 3.

Богъ да благословитъ васъ, и да дастъ вамъ Духа Своего Святаго! Я же есмь и пребуду навсегда вамъ в. п. и л. бр., вѣрнымъ др. и бр.

Porrectus.

С.

Н. И. НОВИКОВЪ — И. П. ТУРГЕНЕВУ.

Москва. 22 октября, 1788.

O. C. D. A. N. S. E.

Высокопочтенный и любезный бр. Вегетусъ!

Умѣдлилъ я, бывъ схваченъ обстоятельствами, а къ тому и частыми хотя по благости Господней и легкими припадками, писать къ вамъ, л. б., и увѣдомить васъ о полученіи мною съ верху ерласа, касающагося до васъ, что нынѣ, хотя нѣсколько и поздно, исполняю.

устремитесь къ новому рожденію, безъ достиженія коего мы есмы мерзость предъ лицемъ Отца, и всѣ дары, получаемые нами, суть для насъ зерцало, покрытое тьмой и ядомъ сатаны, и мы въ оныхъ ничего, кромѣ лжи, видѣть не можемъ. Ибо, бывъ сами ложь, мы, кромѣ сообразнаго себѣ, и въ самой святынѣ ничего видѣть не можемъ, такъ что и самая святыня, не бывъ сообразна намъ, кажется быть намъ сообразною, т. е. ложью.

Содѣланное же вами исповѣданіе сообщите ко мнѣ или лучше привезите съ собою, когда Богъ благословитъ вамъ къ намъ возвратиться.

2. О должностяхъ и обстоятельствахъ Г. Директоріи не дерзаю писать чрезъ письмо, но вы, возвратясь къ намъ, обо всемъ узнаете, а скажу только, что членами въ оной суть: я, Репертусъ, Коловіонъ, Еліомасъ, Филусъ, Вегетусъ и Велоксъ или Сацердосъ, какъ высшіе опредѣлятъ.

3. Сообщаю вамъ, что въ силу полученныхъ свыше извѣстій, хотя силанумъ и не совсѣмъ кончился, но кончится въ непродолжительномъ времени, и новая Реакція въ Орденѣ будетъ весьма благополучна для вѣрныхъ и пагубна для сомнѣвающихся, утопающихъ въ своемъ сомнѣніи.

4. Вотъ, л. б., что могу письменно вамъ сообщить, оставляя прочее до свиданія, вы же дотолѣ устремите всѣ силы къ разширенію сердца вашего къ любви, безъ которой николи Духомъ мы не можемъ быть съ орудіями Бога любви, подъ знаменемъ коего мы служить обязались. Совѣтую вамъ прилѣжнѣе читать и впечатлѣть себѣ въ сердцѣ слѣдующія изреченія Св. Писанія, яко тѣ, кои теперь точно принадлежатъ къ нашему общему званію: Исаія LVI. 10. 11. — Іерем. III. 15. XXXI. 1. Іезек. XXXIV. 2. 3. 4. — Іоан. X. 1 — 4. XXI. 15 — 17. — Дѣян. I. 24 — 26. VI. 5. XI. 23. XIV. 15. XX. 18 — 20, 28. — 1 Коринѳ. III. 10. IV. 1. XVI. 15. — 2 Коринѳ. III. 2. IV. 5. 6. II. 34. — Ефес. III. 8. 9. — Колос. I. 9. — 1 Тимо. всю III гл. — 2 Тимо. IV. 2. 5. — Тит. I, 7 — 9. — 1 Петр. V. 1 — 3.

Богъ да благословитъ васъ, и да дастъ вамъ Духа Своего Святаго! Я же есмь и пребуду навсегда вамъ в. п. и л. бр., вѣрнымъ др. и бр.

Porrectus.

С.

Н. И. НОВИКОВЪ — И. П. ТУРГЕНЕВУ.

Москва. 22 октября, 1788.

O. C. D. A. N. S. E.

Высокопочтенный и любезный бр. Вегетусъ!

Умѣдлилъ я, бывъ схваченъ обстоятельствами, а къ тому и частыми хотя по благости Господней и легкими припадками, писать къ вамъ, л. б., и увѣдомить васъ о полученіи мною съ верху ерласа, касающагося до васъ, что нынѣ, хотя нѣсколько и поздно, исполняю.

1. Высокопочтенная Гауптъ-Директорія Пиннатусъ, по безпредѣльнымъ Отца милосердія щедротамъ къ отечеству нашему, воспріяла свое теченіе и открыла работы, въ слѣдствіе чего и получилъ я повелѣніе, призывающее меня къ другому служенію; братьевъ-же, составляющихъ о[кру]гъ Коловіонъ, размѣстить въ другіе о[кру]-ги. Почему вы, в. п. б., до дальнѣйшаго повелѣнія впредь причислены въ о[кру]-гъ Филусъ и непосредственнымъ начальникомъ вашимъ назначенъ быть в. п. и с. л. бр. Филусъ, о[кру]-га Директоръ; почему и имѣете вы отозваться къ нему письменно.

2. Не сомнѣваюсь я ни мало, в. п. бр., что вы чувствуете въ полной мѣрѣ достоинство, важность и заслуги в. п. бр. Филуса, а потому не сомнѣваюсь я нимало и въ томъ, что сердце ваше, ежели бъ отъ выбора вашего зависѣло, само бы назначило въ начальника себѣ, охотно и свободно, сего многодостойнаго и сердцу вашему давно любезнѣйшаго Филуса. Я поздравляю васъ отъ искренности сердца съ симъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ и желаю и молю, да Господь, Спаситель и Мастеръ исполнитъ сердце ваше повиновеніемъ, смиреніемъ, кротостію, любовію и неколебимою вѣрностію ко Св. Ордену и къ предоставленнымъ отъ него начальникамъ. Я радуюсь, что препоручаю васъ, во имя Св. Ордена, столь достойному любви, почтенія и покорности Начальнику, и увѣренъ, что усердіе, ревность и неколебимая ваша вѣрность мною до нынѣ въ васъ видѣнныя, богато вознаградятся. Наконецъ, я прошу васъ, в. п. бр., изъ глубины сердца моего, простить мнѣ всѣ мои предъ вами погрѣшности, проступки, неосторожности, и все то, чѣмъ я когда-нибудь въ теченіе времени, въ кое находились вы подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, прошу васъ, л. бр., простить мнѣ всѣ оныя въ любви, изъ любви и для любви, по словамъ Божественнаго Мастера нашего: отпустите и отпустится вамъ; а я въ недостойныхъ молитвахъ моихъ молю Его безпредѣльное милосердіе и любовь къ бѣднымъ грѣшникамъ. Да проститъ Онъ вамъ и всѣмъ намъ, и да помилуетъ васъ и всѣхъ насъ. Аминь!

Въ заключеніе же, да Б. и. Е. П. С. И. б., препоручаю васъ, в. п. бр., Его помилованію и щедротамъ, и есмь яко истинный сродственникъ и сочленъ З. Р. К., пребывая на всегда съ искренно сердечно братскою любовію и неограниченнымъ почтеніемъ вашимъ искрен. вѣрн. и покорн. бр. и слугою.

Коловіонъ.

---

1. Высокопочтенная Гауптъ-Директорія Пиннатусъ, по безпредѣльнымъ Отца милосердія щедротамъ къ отечеству нашему, воспріяла свое теченіе и открыла работы, въ слѣдствіе чего и получилъ я повелѣніе, призывающее меня къ другому служенію; братьевъ-же, составляющихъ о[кру]гъ Коловіонъ, размѣстить въ другіе о[кру]-ги. Почему вы, в. п. б., до дальнѣйшаго повелѣнія впредь причислены въ о[кру]-гъ Филусъ и непосредственнымъ начальникомъ вашимъ назначенъ быть в. п. и с. л. бр. Филусъ, о[кру]-га Директоръ; почему и имѣете вы отозваться къ нему письменно.

2. Не сомнѣваюсь я ни мало, в. п. бр., что вы чувствуете въ полной мѣрѣ достоинство, важность и заслуги в. п. бр. Филуса, а потому не сомнѣваюсь я нимало и въ томъ, что сердце ваше, ежели бъ отъ выбора вашего зависѣло, само бы назначило въ начальника себѣ, охотно и свободно, сего многодостойнаго и сердцу вашему давно любезнѣйшаго Филуса. Я поздравляю васъ отъ искренности сердца съ симъ драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ и желаю и молю, да Господь, Спаситель и Мастеръ исполнитъ сердце ваше повиновеніемъ, смиреніемъ, кротостію, любовію и неколебимою вѣрностію ко Св. Ордену и къ предпоставленнымъ отъ него начальникамъ. Я радуюсь, что препоручаю васъ, во имя Св. Ордена, столь достойному любви, почтенія и покорности Начальнику, и увѣренъ, что усердіе, ревность и неколебимая ваша вѣрность мною до нынѣ въ васъ видѣнныя, богато вознаградятся. Наконецъ, я прошу васъ, в. п. бр., изъ глубины сердца моего, простить мнѣ всѣ мои предъ вами погрѣшности, проступки, неосторожности, и все то, чѣмъ я когда-нибудь въ теченіе времени, въ кое находились вы подъ непосредственнымъ моимъ начальствомъ, прошу васъ, л. бр., простить мнѣ всѣ оныя въ любви, изъ любви и для любви, по словамъ Божественнаго Мастера нашего: отпустите и отпустится вамъ; а я въ недостойныхъ молитвахъ моихъ молю Его безпредѣльное милосердіе и любовь къ бѣднымъ грѣшникамъ. Да проститъ Онъ вамъ и всѣмъ намъ, и да помилуетъ васъ и всѣхъ насъ. Аминь!

Въ заключеніе же, да Б. и. Е. П. С. И. б., препоручаю васъ, в. п. бр., Его помилованію и щедротамъ, и есмь яко истинный сродственникъ и сочленъ З. Р. К., пребывая на всегда съ искренно сердечно братскою любовію и неограниченнымъ почтеніемъ вашимъ искрен. вѣрн. и покорн. бр. и слугою.

Коловіонъ.

D.

AN SACERDOS ZU SAGEN.

Das sein eigenes Gewissen ihm zur Genüge sagen werde, wie gröblich er sich während seines letzten Aufenthalts in Berlin, und auf seiner Rückreise gegen den Orden vergangen; seinen Instructorem den Br. Helyconus durch satanische Heucheleien betrogen, die von ihm auf Befehl höherer Ordens-Obern, zum Besten der guten Br. in Russland erhaltene Ordensachen, schändlich profaniret, und mithin sich als ein sehr unwürdiges Mitglied betragen habe.

b) Das sein langer Brief d.d. E. O-s a. c. an den Br. Helyconus welcher dieser seiner Pflicht nach an höhere Instanzien eingeschickt habe, vom E. H. W. G. E. Gross-Priorat für eine förmliche Schmähschrift gegen den Orden um so mehr anerkannt und aufgenommen worden; da gedachte Ordensstelle mit Zuferlässigkeit einsehe, wisse und erkenne, dass die Abscheulichkeiten, welche er den dortigen Br. und sonderlich dem H. Br. Porrectus in den Mund lege, allesammt, theils aus seinem eigenem Gehirn, theils von den Feinden des Ordens herrüren; mithin ihm einzig und allein zur Last fielen und er dafür responsable werden müsse.

c) Dass er also vor der Hand den Ord. Gesetzen gemäss sogleich mit der Suspension cum effectu belegt werden, und also alle seine Ordenschriften und Papiere, sie haben Nahmen wie sie wollen, nicht das Mindeste davon ausgenommen, desgleichen seine Verbrüderungs-Correspondenzen denen Hochw. Br. Porrectus und Repertus, nachdem es Sacerdos sie mit seinem eigenen Pertschafte in ihrer Gegenwart vorher selbst versiegelt habe, in ihre Hände abliefern müsse, als welche zu der Annahme derselben hiedurch von oberbrüderl. Rechts wegen authorisirt und bevollmächtigt worden.

d) Dass er der Ordnung gemäss zwar zu dieser Stunde denen über die heil. Gerechtigkeit des Ord. wachenden Br. Richtern bereits übergeben

D.

AN SACERDOS ZU SAGEN.

Das sein eigenes Gewissen ihm zur Genüge sagen werde, wie gröblich er sich während seines letzten Aufenthalts in Berlin, und auf seiner Rückreise gegen den Orden vergangen; seinen Instructorem den Br. Helyconus durch satanische Heucheleien betrogen, die von ihm auf Befehl höherer Ordens-Obern, zum Besten der guten Br. in Russland erhaltene Ordensachen, schändlich profaniret, und mithin sich als ein sehr unwürdiges Mitglied betragen habe.

b) Das sein langer Brief d.d. E. O-s a. c. an den Br. Helyconus welcher dieser seiner Pflicht nach an höhere Instanzien eingeschickt habe, vom E. H. W. G. E. Gross-Priorat für eine förmliche Schmähschrift gegen den Orden um so mehr anerkannt und aufgenommen worden; da gedachte Ordensstelle mit Zuferlässigkeit einsehe, wisse und erkenne, dass die Abscheulichkeiten, welche er den dortigen Br. und sonderlich dem H. Br. Porrectus in den Mund lege, allesammt, theils aus seinem eigenem Gehirn, theils von den Feinden des Ordens herrüren; mithin ihm einzig und allein zur Last fielen und er dafür responsable werden müsse.

c) Dass er also vor der Hand den Ord. Gesetzen gemäss sogleich mit der Suspension cum effectu belegt werden, und also alle seine Ordenschriften und Papiere, sie haben Nahmen wie sie wollen, nicht das Mindeste davon ausgenommen, desgleichen seine Verbrüderungs-Correspondenzen denen Hochw. Br. Porrectus und Repertus, nachdem es Sacerdos sie mit seinem eigenen Pertschafte in ihrer Gegenwart vorher selbst versiegelt habe, in ihre Hände abliefern müsse, als welche zu der Annahme derselben hiedurch von oberbrüderl. Rechts wegen authorisirt und bevollmächtigt worden.

d) Dass er der Ordnung gemäss zwar zu dieser Stunde denen über die heil. Gerechtigkeit des Ord. wachenden Br. Richtern bereits übergeben

sey; weil aber diese ungehört niemand verdammeten, so wird dem Sacerdos zu gleicher Zeit anbefohlen über die sub. litt. a. und litt. b. befindliche Klagepunkte seine Vertheidigung so gut er könne und möge ganz ausführlich aufzusetzen, und bei den Hochw. Br. Porrectus und Repertus einzureichen.

E.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

[«Mit diplomatischer Genauigkeit abgedruckt». Подъ строкой приведены замѣчанія бар. Шредера].

Cher ami et Mal'heureu frere. Votre Lettre à La place de M'aporrter un Balsame salutaire sur les Plais que les Dernieres Lettres et Ordres De Nos superieurs on fait Dans Mon Cœur, Mont arrachés Des Larmes en egard à vous, en vous voyant Dans un Etat D'endurissement, qui Me demontre combien et Grande Votre Erreur. Pardonnés Moi si je Comense Ma Lettre Par De Telle Paroles, je vous suis Trop attaché, Pour ne Point vous Dire Les Vérités que je sens.

Un Woelner, un Theden, un Fridrich, un Simson, etc... sont Trompés selon Votre jugement: sentés Mon ami combien il y à D'orgueil Dans ses Paroles: vous, si jeune; vous, qui Ne pouvés Point avoir eu egard à votre age, L'experience que les hommes Respectables ont; vous pouvés consture, et asés Decider, qu'ils sont Trompés.

Non Mon ami, j'amais, j'amais, je Noseres Les juger, je suis sur, et Le sauveur qui voit Le fond De Mon Coeur Vois, que je vous Dis La Verités, que je suis assurés que vous N'avés j'amais voulu, N'y Ne voudrés j'amais Tromper personne. Mais je Ne puis Ne pas Croire aux Paroles Du Respectable Heli Conus, Sacerdos ce pauvre Frere est Tombés Dans les Mains Des seducteurs, et Des Ennemis De Notre saint Ordre, qui Lui ont fait Tourner La Tête. C'es Paroles M'assurent que vous avés étés Trompes et que ayant Donnés à L'ennemis comun De genre humain un Moyen De Parler à vous Par les Emissaires, vous Etes Tombés en Erreur, et que c'est La cette Faute, que vous Ne sentés Pas, et cette ainsensibilites Pour votre faute, est un poignard pour un Coeur qui vous est aussi attachés que le Mien. Ah! Mon ami, ce seroit un vrais Balsame Pour Mon Coeur si je voyois Dans Des Larmes De Repetir pour ce Moment D'erreur que vous avés eu; si à la Place de juger Nos augustes supérieurs Vous

sey; weil aber diese ungehört niemand verdammeten, so wird dem Sacerdos zu gleicher Zeit anbefohlen über die sub. litt. a. und litt. b. befindliche Klagepunkte seine Vertheidigung so gut er könne und möge ganz ausführlich aufzusetzen, und bei den Hochw. Br. Porrectus und Repertus einzureichen.

E.

Кн. Н. Н. ТРУБЕЦКОЙ — бар. ШРЕДЕРУ.

[«Mit diplomatischer Genauigkeit abgedruckt». Подъ строкой приведены замѣчанія бар. Шредера].

Cher ami et Mal'heureu frere. Votre Lettre à La place de M'aporrter un Balsame salutaire sur les Plais que les Dernieres Lettres et Ordres De Nos superieurs on fait Dans Mon Cœur, Mont arrachés Des Larmes en egard à vous, en vous voyant Dans un Etat D'endurissement, qui Me demontre combien et Grande Votre Erreur. Pardonnés Moi si je Comense Ma Lettre Par De Telle Paroles, je vous suis Trop attaché, Pour ne Point vous Dire Les Vérités que je sens.

Un Woelner, un Theden, un Fridrich, un Simson, etc... sont Trompés selon Votre jugement: sentés Mon ami combien il y à D'orgueil Dans ses Paroles: vous, si jeune; vous, qui Ne pouvés Point avoir eu egard à votre age, L'experience que les hommes Respectables ont; vous pouvés consture, et asés Decider, qu'ils sont Trompés.

Non Mon ami, j'amais, j'amais, je Noseres Les juger, je suis sur, et Le sauveur qui voit Le fond De Mon Coeur Vois, que je vous Dis La Verités, que je suis assurés que vous N'avés j'amais voulu, N'y Ne voudrés j'amais Tromper personne. Mais je Ne puis Ne pas Croire aux Paroles Du Respectable Heli Conus, Sacerdos ce pauvre Frere est Tombés Dans les Mains Des seducteurs, et Des Ennemis De Notre saint Ordre, qui Lui ont fait Tourner La Tête. C'es Paroles M'assurent que vous avés étés Trompes et que ayant Donnés à L'ennemis comun De genre humain un Moyen De Parler à vous Par les Emissaires, vous Etes Tombés en Erreur, et que c'est La cette Faute, que vous Ne sentés Pas, et cette ainsensibilites Pour votre faute, est un poignard pour un Coeur qui vous est aussi attachés que le Mien. Ah! Mon ami, ce seroit un vrais Balsame Pour Mon Coeur si je voyois Dans Des Larmes De Repetir pour ce Moment D'erreur que vous avés eu; si à la Place de juger Nos augustes supérieurs Vous

Vous Regettiés Dans Leurs Bras, si vous Executiés Leurs Ordres Ponctuellements, et remettiés Par Mon Canal, Dans Leurs Mains, Toute votre Correspondance, que vous apelles Philosophique ce qui par cela Même est Necessaire, pour Demontre votre Innossence, et Tous les Majens Dont Les Ennemis de L'O. se sont servis Pour vous faire Tombes Dans L'Erreur *).

N'oubliés Pas que vous avés jurés Dans Mes Mains en Entrans Le St. O. d'être fidel à L'O. jusqu'à La Mort d'être soumis à vos superieurs: et de Ne rien Cacher a eux de ce qui regarde Le St. O. C'est unt serment Positif, faite devant L'être Des Etres, et que vous ne pouvés Rompre sans Rompre avec tous les Membres aux quels le serment Meme vous a attachés, sentes Cher ami La force De ce serment qui vous Lie à L'Ordre, resolvés vous a suivre Les Conseilles de votre ami, et Les Ordres de Votre Legitime superieur Hely Conus; je suis sur que Nos augustes superieurs N'attendent que Le Moment De votre Repentir pour L'erreur Dans La quel vous etes Tombés pour vous Ressevoir Derectif Dans Leur Brads; et oter de dessus vous Cette suspension Dans La quel vous êtes Tombés alors Mon ami avec Des forces Reunis Nous Benirons La providence De vous avoir Dessillés Les yeux, et cette Meme Erreurs Nous service de sauve Garde pour Ne pas Tomber une autre fois, et de Rester ferme Dans Le vrais chemain.

Hely Conus se venerable Mortel M'ecrit ses Paroles: je vous supplie Par Tout ce qui vous est cher et vous Conjure Par L'amour De Notre sauveur De Réster fidel à Notre saint Ordre, il viendra un Temps ou vous benirés Mille fois Le Moment que vous avés Pris cette resolution, et au vous arrosérés encore Mes cendres De Larmes de gratitude et de reconnoissance, de vous avoir Montrés Le Bon chemin. Pesés cher ami ses Paroles, regettés vous dans Les Brads De ce venerable Conducteur cessés De vous fier sur votre Propre jugemens. Priés Le sauveur avec servence De vous Montrer votre Erreur, et Croyés que vous N'éte Plus cher que vous Ne pouvés vous imaginer et que Tout Ce que je vous Dis Provient Du fond D'un Coeur qui vous est unis D'une amitiés sacrés.

Pour ce qui Conserne Votre Conseille de Ne pas M'ouvrire sur ce point aux freres; ainsi Mon ami je ne puis autrement agir que selon Les Ordres ponstuels qui Ne sont precrits, ainsi encore hier, Les freres ont su Votre Malheur. Vous Ne Pouvés

*) Hätte ich doch lieber nie einen Fuss in Russland gesetzt, als dass durch mich die heilige Lehre der Correspondence so entweihet und mit Füssen getreten und in den Staub und Dreck getreten wird.

Vous Regettiés Dans Leurs Bras, si vous Executiés Leurs Ordres Ponctuellements, et remettiés Par Mon Canal, Dans Leurs Mains, Toute votre Correspondance, que vous apelles Philosophique ce qui par cela Même est Necessaire, pour Demontre votre Innossence, et Tous les Majens Dont Les Ennemis de L'O. se sont servis Pour vous faire Tombes Dans L'Erreur *).

N'oubliés Pas que vous avés jurés Dans Mes Mains en Entrans Le St. O. d'être fidel à L'O. jusqu'à La Mort d'être soumis à vos superieurs: et de Ne rien Cacher a eux de ce qui regarde Le St. O. C'est unt serment Positif, faite devant L'être Des Etres, et que vous ne pouvés Rompre sans Rompre avec tous les Membres aux quels le serment Meme vous a attachés, sentes Cher ami La force De ce serment qui vous Lie à L'Ordre, resolvés vous a suivre Les Conseilles de votre ami, et Les Ordres de Votre Legitime superieur Hely Conus; je suis sur que Nos augustes superieurs N'attendent que Le Moment De votre Repentir pour L'erreur Dans La quel vous etes Tombés pour vous Ressevoir Derectif Dans Leur Brads; et oter de dessus vous Cette suspension Dans La quel vous êtes Tombés alors Mon ami avec Des forces Reunis Nous Benirons La providence De vous avoir Dessillés Les yeux, et cette Meme Erreurs Nous service de sauve Garde pour Ne pas Tomber une autre fois, et de Rester ferme Dans Le vrais chemain.

Hely Conus se venerable Mortel M'ecrit ses Paroles: je vous supplie Par Tout ce qui vous est cher et vous Conjure Par L'amour De Notre sauveur De Réster fidel à Notre saint Ordre, il viendra un Temps ou vous benirés Mille fois Le Moment que vous avés Pris cette resolution, et au vous arrosérés encore Mes cendres De Larmes de gratitude et de reconnoissance, de vous avoir Montrés Le Bon chemin. Pesés cher ami ses Paroles, regettés vous dans Les Brads De ce venerable Conducteur cessés De vous fier sur votre Propre jugemens. Priés Le sauveur avec servence De vous Montrer votre Erreur, et Croyés que vous N'éte Plus cher que vous Ne pouvés vous imaginer et que Tout Ce que je vous Dis Provient Du fond D'un Coeur qui vous est unis D'une amitiés sacrés.

Pour ce qui Conserne Votre Conseille de Ne pas M'ouvrire sur ce point aux freres; ainsi Mon ami je ne puis autrement agir que selon Les Ordres ponstuels qui Ne sont precrits, ainsi encore hier, Les freres ont su Votre Malheur. Vous Ne Pouvés

*) Hätte ich doch lieber nie einen Fuss in Russland gesetzt, als dass durch mich die heilige Lehre der Correspondence so entweihet und mit Füssen getreten und in den Staub und Dreck getreten wird.

Point Prendre Cela en Mauvaise Part puisque un Moment de Desobeissance De Ma part, M'aurait pu Mener D'erreur en Erreurs, et j'aurais Non seulement en à Repondre à Pour Moi Meme, Mais Meme Pour ceux, qui sont sous Ma direction. Vous sentés vous Même que je ne pouvais Point agir autrement. Adieu Mon ami, Vous voulés que je ne vous voyé point 3 jourds, fort bien, j'ettudirés Tous Les Papieds que j'ai; Mais surtout je prierés Le sauveur De Vous Montrer Votre Erreur; adieu je vous Embrasse et Puis vous assurer Devant Dieu que L'on Ne peut vous etre plus attachés que je vous le suis.

Porrectus.

N.B. Je voudrais que Vous Me Marquiés si Vous Vous Portes bien.

F.

ЗАМѢЧАНІЯ бар. ШРЕДЕРА.

Auf mein Wort: Uebereinstimmung? — Gott, vergieb mir! meine philosophische «Correspondence est necessaire etc. de remettre à l'Ordre». Ueber Materien können die BBr. mit mir reden, die nichts von O. Sachen reden sollen.

Noch mehr, wenn ich sie nicht abgebe, breche ich den Eid, und dadurch mit allen BBrn. NB. NB. NB.

Ich bin ein solcher Br., dem das Recht gegeben ist, sich zu defendiren. Kann das ein Mousquetier beim Standrecht nicht, ja der Missethäter der Mord, ja Königsmord, Kirchenraub, Sodomiterei u. s. w. begangen? und dies werde ich erst nach meinem Bekenntniss, eher nicht. NB. NB. NB.

«Si je suis coupable, je le suis par l'Orgueil!»

W[oellner] soll repondiren bei Gott für den Irrweg: s. «Erreurs et la vérité», welches gelesen, studirt etc.

Mein Brief beweisst, dass ich dem Teufel ein Mittel gegeben, durch mich Irthum zu predigen.

Ich soll mich gegen diese edlen Männer setzen; indem ich die Uebereinstimmung dagegen setze.

In einer Lage, wo man seiner Sinne nicht Herr ist, eine Art von Importance vornehmen, NB. mich zu proscribiren.

Den Abend nach der Versiegelung mich bitten, nach Gewissen in allen zweifelhaften Dingen selbst zu rathen, mein Versprechen darüber annehmen, den andern Morgen zu mir kommen, den Abend mich zu proscribiren. NB. NB. NB.

Point Prendre Cela en Mauvaise Part puisque un Moment de Desobeissance De Ma part, M'aurait pu Mener D'erreur en Erreurs, et j'aurais Non seulement en à Repondre à Pour Moi Meme, Mais Meme Pour ceux, qui sont sous Ma direction. Vous sentés vous Même que je ne pouvais Point agir autrement. Adieu Mon ami, Vous voulés que je ne vous voyé point 3 jourds, fort bien, j'ettudirés Tous Les Papieds que j'ai; Mais surtout je prierés Le sauveur De Vous Montrer Votre Erreur; adieu je vous Embrasse et Puis vous assurer Devant Dieu que L'on Ne peut vous etre plus attachés que je vous le suis.

Porrectus.

N.B. Je voudrais que Vous Me Marquiés si Vous Vous Portes bien.

F.

ЗАМѢЧАНІЯ бар. ШРЕДЕРА.

Auf mein Wort: Uebereinstimmung? — Gott, vergieb mir! meine philosophische «Correspondence est necessaire etc. de remettre à l'Ordre». Ueber Materien können die BBr. mit mir reden, die nichts von O. Sachen reden sollen.

Noch mehr, wenn ich sie nicht abgebe, breche ich den Eid, und dadurch mit allen BBrn. NB. NB. NB.

Ich bin ein solcher Br., dem das Recht gegeben ist, sich zu defendiren. Kann das ein Mousquetier beim Standrecht nicht, ja der Missethäter der Mord, ja Königsmord, Kirchenraub, Sodomiterei u. s. w. begangen? und dies werde ich erst nach meinem Bekenntniss, eher nicht. NB. NB. NB.

«Si je suis coupable, je le suis par l'Orgueil!»

W[oellner] soll repondiren bei Gott für den Irrweg: s. «Erreurs et la vérité», welches gelesen, studirt etc.

Mein Brief beweisst, dass ich dem Teufel ein Mittel gegeben, durch mich Irthum zu predigen.

Ich soll mich gegen diese edlen Männer setzen; indem ich die Uebereinstimmung dagegen setze.

In einer Lage, wo man seiner Sinne nicht Herr ist, eine Art von Importance vornehmen, NB. mich zu proscribiren.

Den Abend nach der Versiegelung mich bitten, nach Gewissen in allen zweifelhaften Dingen selbst zu rathen, mein Versprechen darüber annehmen, den andern Morgen zu mir kommen, den Abend mich zu proscribiren. NB. NB. NB.

Meine Offerte, selbst mit den Schriften zu reisen; NB. dass ich also bis dahin nicht Herr darüber bin, anzunehmen, obzwar mit einer sehr feinen Manier.

Einen Abend diesen Brief, und den andern Abend mit einem Munde voll Vertraulichkeit, Liebe u. s. w. bei mir. — Diese 2 Opposita sind zu subit.

Erlangte Erkenntniss (auf meiner Reise) von Schwed. Status. Zwei Körper nahe, ihre Seelen weit entfernt, et vice versa.

Trub[ezkoy] sagt erstlich: wer hat Macht Siegel zu öffnen nach einer Viertelstunde; wenn der Befehl kömmt will er mich avertiren. O Verwirrung!

Nicht eine Nacht Dilation wollte Lapuchin mir geben den Wechsel zu schreiben, und in allen andern Dingen schlafen sie. NB.

Trub[ezkoy] liest Schwedenb[org] sagt, er mögte es mit denen zu thun, und gleichen Lohn mit ihnen haben, die ihn verworfen. Nach wenig Wochen — — Ja! Schwedenborg hat auch etliche Mal — O weh! ich kann das Wort nicht ausschreiben!

Erreurs hatte solche Sensation auf ihn gemacht, dass er sich enthusiasmirt zeigte, in wenig Tagen, welche Gleichgültigkeit gegen dies Buch, und der Mann, der den Schlüssel dazu hat, kann es wagen, ohne sich vor sich selbst zu entsetzen, in meiner Stube, der ich armer Sünder ihm diesen Schlüssel gab, Willermatz Urtheil an einen Fremden, NB. über das Buch ohne Schlüssel; Lapuchin in der Art zu sagen, dass es auch auf den geht, der den Schlüssel besitzt.

1) alle BBr. zum 8-ten Grade.

2) die Schriften peu à peu schicken.

3) Wegen Antwort auf meinen Brief an d. Obern.

Ja ist capable das Wort, Lügen bei Erreurs über seine Zunge zu bringen. (Es enthielte so viel Lügen als Wahrheiten etc.) und welche Pantomime bei diesen Worten. Mir war, als wenn mich der Henker zum Viertheln oder dergleichen ergriff; ich hatte selbst gesagt: Willermatz sein Urtheil sey in allen Dingen so richtig etc. Wie konnte ich glauben, dass Trub[ezkoy] so unedel handeln und nicht dazu setzen würde: Wohl uns, dass wir den Schlüssel haben.

Ueberhaupt im Allgemeinen: dieser Mann, welcher weiss, was eigentlich meinen Verstand und Herz in Berlin verdunkelte, hat das Gefühl der Wahrheit in solchem entsetzlichen Grad verloren, dass er solche Beschuldigungen acceptirt, und dabei ruhig ist, und sich mit Sophistereien ausredet!

Meine Offerte, selbst mit den Schriften zu reisen; NB. dass ich also bis dahin nicht Herr darüber bin, anzunehmen, obzwar mit einer sehr feinen Manier.

Einen Abend diesen Brief, und den andern Abend mit einem Munde voll Vertraulichkeit, Liebe u. s. w. bei mir. — Diese 2 Opposita sind zu subit.

Erlangte Erkenntniss (auf meiner Reise) von Schwed. Status. Zwei Körper nahe, ihre Seelen weit entfernt, et vice versa.

Trub[ezkoy] sagt erstlich: wer hat Macht Siegel zu öffnen nach einer Viertelstunde; wenn der Befehl kömmt will er mich avertiren. O Verwirrung!

Nicht eine Nacht Dilation wollte Lapuchin mir geben den Wechsel zu schreiben, und in allen andern Dingen schlafen sie. NB.

Trub[ezkoy] liest Schwedenb[org] sagt, er mögte es mit denen zu thun, und gleichen Lohn mit ihnen haben, die ihn verworfen. Nach wenig Wochen — — Ja! Schwedenborg hat auch etliche Mal — O weh! ich kann das Wort nicht ausschreiben!

Erreurs hatte solche Sensation auf ihn gemacht, dass er sich enthusiasmirt zeigte, in wenig Tagen, welche Gleichgültigkeit gegen dies Buch, und der Mann, der den Schlüssel dazu hat, kann es wagen, ohne sich vor sich selbst zu entsetzen, in meiner Stube, der ich armer Sünder ihm diesen Schlüssel gab, Willermatz Urtheil an einen Fremden, NB. über das Buch ohne Schlüssel; Lapuchin in der Art zu sagen, dass es auch auf den geht, der den Schlüssel besitzt.

1) alle BBr. zum 8-ten Grade.

2) die Schriften peu à peu schicken.

3) Wegen Antwort auf meinen Brief an d. Obern.

Ja ist capable das Wort, Lügen bei Erreurs über seine Zunge zu bringen. (Es enthielte so viel Lügen als Wahrheiten etc.) und welche Pantomime bei diesen Worten. Mir war, als wenn mich der Henker zum Viertheln oder dergleichen ergriff; ich hatte selbst gesagt: Willermatz sein Urtheil sey in allen Dingen so richtig etc. Wie konnte ich glauben, dass Trub[ezkoy] so unedel handeln und nicht dazu setzen würde: Wohl uns, dass wir den Schlüssel haben.

Ueberhaupt im Allgemeinen: dieser Mann, welcher weiss, was eigentlich meinen Verstand und Herz in Berlin verdunkelte, hat das Gefühl der Wahrheit in solchem entsetzlichen Grad verloren, dass er solche Beschuldigungen acceptirt, und dabei ruhig ist, und sich mit Sophistereien ausredet!

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

№1 — 4. Вторая копія каждаго изъ этихъ писемъ помѣчена 4 іюля 1790.

Свѣдѣнія объ А. И. Плещеевой — въ *Б. С.* *), а также въ письмахъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву (по указателю). Новѣйшія свѣдѣнія объ А. М. Кутузовѣ содержатъ статьи г. г. *Тарасова* и *Тукалевскаго*. Этими трудами не могъ воспользоваться авторъ статьи объ А. М. Кутузовѣ въ *Б. С.* — она нуждается въ дополненіяхъ и поправкахъ.

Свѣдѣнія о перепискѣ Н. М. Карамзина у *Сиповскаго* и въ *Б. С.* (статья *К. Д. Бестужева-Рюмина*); библіографія — тамъ же.

№ 5. — *Р. С.*, 1874, февраль, 258. Здѣсь напечатано донесеніе Пестеля князю Прозоровскому, относящееся къ № 5 и 6:

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь!

«По сегодняшнюю почту принесенныя въ иностранные города письма конча принимать, нашелъ я, при осматриваніи опыхъ, одно только копированія достойнымъ по причинѣ страннаго его содержанія. Включеніе онаго адресомъ слѣдующимъ надписано: à notre cher frère Sacerdos. Сказываютъ, что новиковская секта называетъ своихъ братьевъ frères sacerdos. Въ концѣ сего письма пишутъ поклоны отъ Philus, Repertus et Vegetus **). Сіи три слова неотмѣнно должны имѣть какое либо означеніе, ибо полатынѣ Philus значитъ любезный, Repertus — найденый, а Vegetus — цвѣтущій. Я подозрѣваю, что сіи слова не означаютъ ли первыхъ трехъ градусовъ новиковскаго собратства. Наконецъ, подозрительнѣе всего то, что письма вовсе никѣмъ не подписаны. Письма отданы на почту мужикомъ, а отъ кого онъ посланъ — неизвѣстно, потому что осторожность мнѣ не позволила его спросить. Я буду всячески стараться навѣдывать и доходить до нужной цѣли. Оригиналы сихъ двухъ писемъ [№ 5 и 6] отправлю я съ сегодняшнею почтою по ихъ надписямъ. Рука въ письмѣ и на кувертѣ, также и печать, вовсе не похожи на тѣ, кои и Вашему Сіятельству имѣлъ честь представлять третьяго дня, хотя письмо и адресовано тому же Кутузову».

Письма, представленныя «третьяго дня», вѣроятно, были № 1 и 2; они адресованы «тому же Кутузову», а «рука и печать» въ нихъ, конечно, были «другія». Но донесеніе къ № 5 и 6, напечатанное въ *Р. С.*, помѣчено 18 іюля, между тѣмъ какъ «реестръ» при № 5 и 6, сохранившійся въ *П. Г. А.*, относится къ 20 іюля; къ этому числу слѣдуетъ пріурочить и «донесеніе».

Въ *Р. С.*, 1874, январь, 61, напечатано и «отношеніе» Пестеля, помѣченное 19 іюля 1790:

---

*) См. ниже «Списокъ сокращеній»; тамъ же приведены подробныя *заглавія* трудовъ, на которые я кратко ссылаюсь въ примѣчаніяхъ.

**) См. примѣчаніе къ № 6.

№1 — 4. Вторая копія каждаго изъ этихъ писемъ помѣчена 4 іюля 1790.

Свѣдѣнія объ А. И. Плещеевой — въ *Б. С.* *), а также въ письмахъ Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву (по указателю). Новѣйшія свѣдѣнія объ А. М. Кутузовѣ содержатъ статьи г. г. *Тарасова* и *Тукалевскаго*. Этими трудами не могъ воспользоваться авторъ статьи объ А. М. Кутузовѣ въ *Б. С.* — она нуждается въ дополненіяхъ и поправкахъ.

Свѣдѣнія о перепискѣ Н. М. Карамзина у *Сиповскаго* и въ *Б. С.* (статья *К. Д. Бестужева-Рюмина*); библіографія — тамъ же.

№ 5. — *Р. С.*, 1874, февраль, 258. Здѣсь напечатано донесеніе Пестеля князю Прозоровскому, относящееся къ № 5 и 6:

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь!

«По сегодняшнюю почту принесенныя въ иностранные города письма конча принимать, нашелъ я, при осматриваніи оныхъ, одно только копированія достойнымъ по причинѣ страннаго его содержанія. Включеніе онаго адресомъ слѣдующимъ надписано: à notre cher frère Sacerdos. Сказываютъ, что новиковская секта называетъ своихъ братьевъ frères sacerdos. Въ концѣ сего письма пишутъ поклоны отъ Philus, Repertus et Vegetus **). Сіи три слова неотмѣнно должны имѣть какое либо означеніе, ибо полатынѣ Philus значитъ любезный, Repertus — найденый, а Vegetus — цвѣтущій. Я подозрѣваю, что сіи слова не означаютъ ли первыхъ трехъ градусовъ новиковскаго собратства. Наконецъ, подозрительнѣе всего то, что письма вовсе никѣмъ не подписаны. Письма отданы на почту мужикомъ, а отъ кого онъ посланъ — неизвѣстно, потому что осторожность мнѣ не позволила его спросить. Я буду всячески стараться навѣдывать и доходить до нужной цѣли. Оригиналы сихъ двухъ писемъ [№ 5 и 6] отправлю я съ сегодняшнею почтою по ихъ надписямъ. Рука въ письмѣ и на кувертѣ, также и печать, вовсе не похожи на тѣ, кои и Вашему Сіятельству имѣлъ честь представлять третьяго дня, хотя письмо и адресовано тому же Кутузову».

Письма, представленныя «третьяго дня», вѣроятно, были № 1 и 2; они адресованы «тому же Кутузову», а «рука и печать» въ нихъ, конечно, были «другія». Но донесеніе къ № 5 и 6, напечатанное въ *Р. С.*, помѣчено 18 іюля, между тѣмъ какъ «реестръ» при № 5 и 6, сохранившійся въ *П. Г. А.*, относится къ 20 іюля; къ этому числу слѣдуетъ пріурочить и «донесеніе».

Въ *Р. С.*, 1874, январь, 61, напечатано и «отношеніе» Пестеля, помѣченное 19 іюля 1790:

---

*) См. ниже «Списокъ сокращеній»; тамъ же приведены подробныя *заглавія* трудовъ, на которые я кратко ссылаюсь въ примѣчаніяхъ.

**) См. примѣчаніе къ № 6.

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь!

«У сего имѣю честь представить извѣстную Вашему Сіятельству копію, съ покорною просьбою о возвращеніи мнѣ вчерашней таковой же на пояснение только. Считая, что Ваше Сіятельство по прочтеніи опую ко мнѣ обратить изволите для сохраненія, не оставилъ у себя копію, которую непремѣнно мнѣ должно имѣть; по сличеніи оной не премину Вашему Сіятельству вторично представить.

«Важнымъ себѣ долгомъ поставляю употребленіе всевозможнаго старанія по сей корреспонденціи».

Пестель сообщилъ сначала кн. Прозоровскому о письмахъ Плещеевыхъ къ Кутузову и Карамзину отъ 7 іюля 1790 при рапортѣ 18 іюля; на другой день въ его рукахъ были письма кн. Трубецкого къ Кутузову и Сапердосу отъ 18 іюля; «для пояснения» ему потребовалась копія, о которой онъ говоритъ въ «отношеніи» 19 іюля; на третій день онъ представилъ при новомъ «донесеніи» — не 18, а 20 іюля — копіи съ писемъ кн. Трубецкого, а 22 іюля были изготовлены вторичныя копіи къ № 1 — 6. Даты рапортовъ и реестровъ Пестеля не всегда надежны; ср., напримѣръ, № 17 — 19.

Отвѣтъ Сапердосу (№ 6) былъ «включенъ» въ письмо № 5 и адресованъ «à notre cher frère Sacerdos».

Кн. Николай Никитичъ Трубецкой — equ. ab aquila boreali, Pinnatus, Porrectus; онъ былъ женатъ на княжнѣ Черкасской Варварѣ Александровнѣ (1748 † 1833); о болѣзни ея писалъ императрицѣ кн. Прозоровскій, препровождая копію съ настоящаго письма *).

Теденъ — equ. a tarda, въ началѣ Семилѣтней войны первый генералъ-хирургъ прусской арміи; въ 1765 году онъ вступилъ въ орденъ «Строгаго наблюденія», съ 1784 по 1794 былъ мастеромъ стула въ ложѣ «Трехъ глобусовъ»; подъ его начальствомъ «работалъ» Новиковскій кружокъ со времени поѣздки Шварца за границу — онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Вёльнера. *Kloss*, 1764: «Opfer der Freundschaft zum 50 jährigen Amtsjubiläum des General-Chirurgen I. Chr. Ant. Theden in der Loge zu den 3 Weltkugeln. Berlin, 27/VII. 1787».

Сапердосъ — бар. Г. Я. Шредеръ. Въ русскихъ изслѣдованіяхъ по исторіи масонства свѣдѣнія о бар. Шредерѣ взяты изъ нѣмецкихъ справочныхъ изданій, а здѣсь они крайне запутаны.

Леннингъ сообщаетъ, что Ioachim Heinrich von Schröder († 28 іюня 1795)... въ орденѣ «Строгаго наблюденія» носилъ имя equ. a grue I..., а его братъ Christian Nicolaus v. S-r назывался equ. a grue II и у розенкрейцеровъ Sacerdos — «von diesen ward er als Missionair nach Moskau gesandt. Da er aber dem Vertrauen seiner Obern nicht genug entsprach, so fiel er bei ihnen in Ungnade». Во 2 изданіи «Энциклопедіи» Леннинга о Хр. Ник. Шредерѣ сказано: «Bruder des Vorigen [Ioach. Heinr. v. S-r], geb. zu Rostock 1729 (oder 1731)... trat 1765 unter dem Namen Christianus equ. a grue II der stricten Observanz zu... Er soll auch Rosenkreuzer geworden sein und als solcher Sacerdos geheissen haben». Тутъ же сказано: «Schröder v. Unter den verschiedenen problematischen Figuren XVIII Jahrhunderts nimmt derselbe auch eine Stelle ein und darf nicht mit I. H. v. S-r in Mecklenburg (a grue) verwechselt werden. Dieser S-r hier war ein Avanturier, der eine Zeit lang sich in Warschau als Meister vom Stuhle gerirt hatte, dann 1773 nach Hamburg kam und endlich Emissarius der Rosenkreuzer in Russland ward, wo selbst er verschiedenen Gerüchten zufolge den Brüdern viel Geld abgeschwindelt haben soll. Als Professor Schwarz... 1784 starb, wurde S-r (Sacerdos) specieller Oberer derselben in Russland und war derjenige, welcher die Rosenkreuzer in Berlin angriff und das Silanum (Stillstand der Arbeiten)

*) *Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ*, 148, 248 — 250. — *Пекарскій*, 130.

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь!

«У сего имѣю честь представить извѣстную Вашему Сіятельству копію, съ покорною просьбою о возвращеніи мнѣ вчерашней таковой же на пояснение только. Считая, что Ваше Сіятельство по прочтеніи опую ко мнѣ обратить изволите для сохраненія, не оставилъ у себя копію, которую непремѣнно мнѣ должно имѣть; по сличеніи оной не премину Вашему Сіятельству вторично представить.

«Важнымъ себѣ долгомъ поставляю употребленіе всевозможнаго старанія по сей корреспонденціи».

Пестель сообщилъ сначала кн. Прозоровскому о письмахъ Плещеевыхъ къ Кутузову и Карамзину отъ 7 іюля 1790 при рапортѣ 18 іюля; на другой день въ его рукахъ были письма кн. Трубецкого къ Кутузову и Сапердосу отъ 18 іюля; «для пояснения» ему потребовалась копія, о которой онъ говоритъ въ «отношеніи» 19 іюля; на третій день онъ представилъ при новомъ «донесеніи» — не 18, а 20 іюля — копіи съ писемъ кн. Трубецкого, а 22 іюля были изготовлены вторичныя копіи къ № 1 — 6. Даты рапортовъ и реестровъ Пестеля не всегда надежны; ср., напримѣръ, № 17 — 19.

Отвѣтъ Сапердосу (№ 6) былъ «включенъ» въ письмо № 5 и адресованъ «à notre cher frère Sacerdos».

Кн. Николай Никитичъ Трубецкой — equ. ab aquila boreali, Pinnatus, Porrectus; онъ былъ женатъ на княжнѣ Черкасской Варварѣ Александровнѣ (1748 † 1833); о болѣзни ея писалъ императрицѣ кн. Прозоровскій, препровождая копію съ настоящаго письма *).

Теденъ — equ. a tarda, въ началѣ Семилѣтней войны первый генералъ-хирургъ прусской арміи; въ 1765 году онъ вступилъ въ орденъ «Строгаго наблюденія», съ 1784 по 1794 былъ мастеромъ стула въ ложѣ «Трехъ глобусовъ»; подъ его начальствомъ «работалъ» Новиковскій кружокъ со времени поѣздки Шварца за границу — онъ былъ ближайшимъ сотрудникомъ Вёльнера. *Kloss*, 1764: «Opfer der Freundschaft zum 50 jährigen Amtsjubiläum des General-Chirurgen I. Chr. Ant. Theden in der Loge zu den 3 Weltkugeln. Berlin, 27/VII. 1787».

Сапердосъ — бар. Г. Я. Шредеръ. Въ русскихъ изслѣдованіяхъ по исторіи масонства свѣдѣнія о бар. Шредерѣ взяты изъ нѣмецкихъ справочныхъ изданій, а здѣсь они крайне запутаны.

Леннингъ сообщаетъ, что Ioachim Heinrich von Schröder († 28 іюня 1795)... въ орденѣ «Строгаго наблюденія» носилъ имя equ. a grue I..., а его братъ Christian Nicolaus v. S-r назывался equ. a grue II и у розенкрейцеровъ Sacerdos — «von diesen ward er als Missionair nach Moskau gesandt. Da er aber dem Vertrauen seiner Obern nicht genug entsprach, so fiel er bei ihnen in Ungnade». Во 2 изданіи «Энциклопедіи» Леннинга о Хр. Ник. Шредерѣ сказано: «Bruder des Vorigen [Ioach. Heinr. v. S-r], geb. zu Rostock 1729 (oder 1731)... trat 1765 unter dem Namen Christianus equ. a grue II der stricten Observanz zu... Er soll auch Rosenkreuzer geworden sein und als solcher Sacerdos geheissen haben». Тутъ же сказано: «Schröder v. Unter den verschiedenen problematischen Figuren XVIII Jahrhunderts nimmt derselbe auch eine Stelle ein und darf nicht mit I. H. v. S-r in Mecklenburg (a grue) verwechselt werden. Dieser S-r hier war ein Avanturier, der eine Zeit lang sich in Warschau als Meister vom Stuhle gerirt hatte, dann 1773 nach Hamburg kam und endlich Emissarius der Rosenkreuzer in Russland ward, wo selbst er verschiedenen Gerüchten zufolge den Brüdern viel Geld abgeschwindelt haben soll. Als Professor Schwarz... 1784 starb, wurde S-r (Sacerdos) specieller Oberer derselben in Russland und war derjenige, welcher die Rosenkreuzer in Berlin angriff und das Silanum (Stillstand der Arbeiten)

*) *Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ*, 148, 248 — 250. — *Пекарскій*, 130.

hervorrief. Man erzählt von diesem S., dass er um den erkrankten Schwarz zu retten, mit Courierpferden von Moskau nach Berlin geritten sei, um von Wöllner (Ophiron) die verheissene Universalmedicin zu holen, welche er auch erhielt, die aber glücklicherweise für Schwarz zu spät kam, denn die chemische Untersuchung erwiess, dass die Dosis tödtlich gewesen wäre. (Dieser v. S-r ist vielleicht mit dem vorgehenden Christian Nicolaus v. S-r identisch). Лепнингъ пишетъ также, что «Baron v. S-r Friedrich Leopold... war Mitglied der stricten Observanz unter dem Ordensnamen Eustachius a scarabaeo und einer der Cleriker oder unbekannten Obern dieses Systems, worin er Dominicus hiess». «In einem Schreiben aus Berlin — продолжаетъ Лепнингъ — im «Polit. Journale» vom J. 1804, St. 9, S. 851, berichtete ein Ungenannter: Der verstorbene Staatsminister von Wöllner, der mit dem generale v. Bischofswerder, dem Generalchirurgus Theden [dem Signore Simson], dem geheimen Oberfinanz-Rathe Boumann *) u s. w. auf das uralte rechtgläubige Christenthum hinarbeitete und selbst nicht recht wusste, wie das Wesentliche zu finden sey, sandte den Herrn von Schröder, der alle seine Güter im Mecklenburgischen verkaufte, nach Russland; weil es hiess, das alte Griechische Kirchen-Ritual harmoniere sehr mit der Maurerey, und unter den Griechen könne man das wahre Geheimniss entdecken».

Во второмъ изданіи «Энциклопедіи», редакція этой статьи измѣнена: Schrödter (Friedrich Leopold Baron v., geb. 1743)... war 1773 unter dem Namen Fridericus Eques a Tigride insurgente Senior des Präfectur-Kapitels in Königsberg; 1778... unter dem Namen Fr. Dominicus a Scarabaeo, Kleriker. Ihn soll Wöllner nachher (nach einer Behauptung im «Polit. Journ.» 1804, St. 9, S. 851) nach Russland geschickt haben; weil es hiess, das alte griechische Kirchenritual harmonire sehr mit dem Maurerei, und unter der Griechen könne man das wahre Geheimniss entdecken. — Er starb als preussischer Staatsminister 30 Juni 1815».

Въ 3 изданіи нѣсколько измѣнена редакція статьи о Хр. Ник. Шредерѣ: «Bruder des Vorigen, geb. 1729 (oder 1731) in Rostock... trat 1765 der stricten Observanz zu... Er soll auch Rosenkreuzer geworden sein.»; дальнѣйшій текстъ о Шредерѣ [«Unter den verschiedenen...»] опущенъ и нѣсколько измѣнена статья о Фр. Леоп. Шредтерѣ: «Schrödter (Friedr. Leopold Baron v.) geb 1743, gest. 30 Juni 1815..., war 1773 Senior des Präfekturkapitels in Königsberg... Ihn soll Wöllner nachher (nach einer Behauptung im «Polit. Journ.» 1804, St. 9, S. 851) nach Russland geschickt haben, weil es hiess, das alte griechische Kirchenritual harmoniere sehr mit dem Maurerei und unter den Griechen könne man das wahre Geheimniss entdecken. Er endete seine politische Laufbahn als preussischer Staatsminister».

Такъ прусскій министръ, Schroetter, Reichsfreiherr Friedrich Leopold, geb. 1/II 1743, gest. 30/VI 1815, «einer der hervorragendsten Mitarbeiter Stein's» (какъ говорится о немъ въ «Allgemeine deutsche Biographie» B. XXXII), спутанъ съ бар. Schröder, котораго Веллнеръ, дѣйствительно, посылалъ въ Россію.

Приведенная выше цитата «Политическаго журнала» («Politisches Journal», B., 1804, 9. St., S. 850—852) взята изъ бумагъ Веллнера: «Seine Papiere fielen in die Hände des Bruders K**; dieser übergab sie der grossen Landes-Loge von Deutschland. Ein anderer Theil dieser Papiere aber theils Originale theils Duplicaten, fielen in die Hände eines Maurers der höchsten Grade, der aber längst abgegangen war und der Maurerey förmlichst entsagt hatte».

Свѣдѣнія о Фридр. Леоп. Шредерѣ имѣются въ сборникѣ «Der Signatstern» (3 Th., S. 161—163); здѣсь помѣщено письмо Штарка изъ Кенигсберга, 6 мая 1776; онъ пишетъ: «werden wir... Friedrich Leopold B. v. Schröder (fr. Dominicus)... zu Novicen machen». Въ письмѣ изъ Митавы 11 февраля 1778 (и въ «дополненіи»

*) Можетъ быть, Michael Philipp Boumann (22 апр. 1847, † 2 авг. 1803)?

hervorrief. Man erzählt von diesem S., dass er um den erkrankten Schwarz zu retten, mit Courierpferden von Moskau nach Berlin geritten sei, um von Wöllner (Ophiron) die verheissene Universalmedicin zu holen, welche er auch erhielt, die aber glücklicherweise für Schwarz zu spät kam, denn die chemische Untersuchung erwiess, dass die Dosis tödtlich gewesen wäre. (Dieser v. S-r ist vielleicht mit dem vorgehenden Christian Nicolaus v. S-r identisch). Лепнингъ пишетъ также, что «Baron v. S-r Friedrich Leopold.., war Mitglied der stricten Observanz unter dem Ordensnamen Eustachius a scarabaeo und einer der Cleriker oder unbekannten Obern dieses Systems, worin er Dominicus hiess». «In einem Schreiben aus Berlin — продолжаетъ Лепнингъ — im «Polit. Journale» vom J. 1804, St. 9, S. 851, berichtete ein Ungenannter: Der verstorbene Staatsminister von Wöllner, der mit dem generale v. Bischofswerder, dem Generalchirurgus Theden [dem Signore Simson], dem geheimen Oberfinanz-Rathe Boumann *) u s. w. auf das uralte rechtgläubige Christenthum hinarbeitete und selbst nicht recht wusste, wie das Wesentliche zu finden sey, sandte den Herrn von Schröder, der alle seine Güter im Mecklenburgischen verkaufte, nach Russland; weil es hiess, das alte Griechische Kirchen-Ritual harmoniere sehr mit der Maurerey, und unter den Griechen könne man das wahre Geheimniss entdecken».

Во второмъ изданіи «Энциклопедіи», редакція этой статьи измѣнена: Schrödter (Friedrich Leopold Baron v., geb. 1743)... war 1773 unter dem Namen Fridericus Eques a Tigride insurgente Senior des Präfectur-Kapitels in Königsberg; 1778... unter dem Namen Fr. Dominicus a Scarabaeo, Kleriker. Ihn soll Wöllner nachher (nach einer Behauptung im «Polit. Journ.» 1804, St. 9, S. 851) nach Russland geschickt haben; weil es hiess, das alte griechische Kirchenritual harmonire sehr mit dem Maurerei, und unter der Griechen könne man das wahre Geheimniss entdecken. — Er starb als preussischer Staatsminister 30 Juni 1815».

Въ 3 изданіи нѣсколько измѣнена редакція статьи о Хр. Ник. Шредерѣ: «Bruder des Vorigen, geb. 1729 (oder 1731) in Rostock... trat 1765 der stricten Observanz zu... Er soll auch Rosenkreuzer geworden sein.»; дальнѣйшій текстъ о Шредерѣ [«Unter den verschiedenen...»] опущенъ и нѣсколько измѣнена статья о Фр. Леоп. Шредтерѣ: «Schrödter (Friedr. Leopold Baron v.) geb 1743, gest. 30 Juni 1815..., war 1773 Senior des Präfekturkapitels in Königsberg... Ihn soll Wöllner nachher (nach einer Behauptung im «Polit. Journ.» 1804, St. 9, S. 851) nach Russland geschickt haben, weil es hiess, das alte griechische Kirchenritual harmoniere sehr mit dem Maurerei und unter den Griechen könne man das wahre Geheimniss entdecken. Er endete seine politische Laufbahn als preussischer Staatsminister».

Такъ прусскій министръ, Schroetter, Reichsfreiherr Friedrich Leopold, geb. 1/II 1743, gest. 30/VI 1815, «einer der hervorragendsten Mitarbeiter Stein's» (какъ говорится о немъ въ «Allgemeine deutsche Biographie» B. XXXII), спутанъ съ бар. Schröder, котораго Веллнеръ, дѣйствительно, посылалъ въ Россію.

Приведенная выше цитата «Политическаго журнала» («Politisches Journal», B., 1804, 9. St., S. 850—852) взята изъ бумагъ Веллнера: «Seine Papiere fielen in die Hände des Bruders K**; dieser übergab sie der grossen Landes-Loge von Deutschland. Ein anderer Theil dieser Papiere aber theils Originale theils Duplicaten, fielen in die Hände eines Maurers der höchsten Grade, der aber längst abgegangen war und der Maurerey förmlichst entsagt hatte».

Свѣдѣнія о Фридр. Леоп. Шредерѣ имѣются въ сборникѣ «Der Signatstern» (3 Th., S. 161—163); здѣсь помѣщено письмо Штарка изъ Кенигсберга, 6 мая 1776; онъ пишетъ: «werden wir... Friedrich Leopold B. v. Schröder (fr. Dominicus)... zu Novicen machen». Въ письмѣ изъ Митавы 11 февраля 1778 (и въ «дополненіи»

*) Можетъ быть, Michael Philipp Boumann (22 апр. 1847, † 2 авг. 1803)?

9 сентября 1777) Штаркъ говоритъ: «Die Sache des Dominicus und des ab Aquila rubra [Firks] *) gegen mich ist ja noch nicht entschieden!» (S. 167). «Dominicus hat mich bei Firks angeschwärzt... Ist nicht der Nov. Dominicus Schröder Rebell, wenn er sich dem Concluss eines ganzen Capitels widergesetzt und dazu dagegen klagt? Da nicht einmal die Novicen zur Wahl eines Novicii nach der Regel gefordert werden». (S. 168).

Въ 5-й части «Signatstern», въ статьѣ «Das System der stricten Observanz», приписывается іезуитамъ ближайшее участіе въ системѣ «клериката»: «Der Professor Stark, damals in Rostock, dann Hofprediger in Königsberg, endlich in Darmstadt (Archidemides ab Aquila Fulva) war der Hauptsächlichste dieses Systems», а далѣе въ группѣ «Novicii» поименованъ Baron v. Schröder, preussischer Dragoner-Capitain «Dominicus» — (S. 187 — 188). Конвентъ въ Вильгельмсбадѣ 1782 постановилъ считать Австрію и Ломбардію VII провинціей; она дѣлилась на префектуры, изъ коихъ 19-я называлась «Das Capitulum Generale Canonicorum Regularium oder Klericalische Branche»; въ числѣ ея членовъ, на ряду съ Велльперомъ, Штаркомъ, Теденомъ, Дюбоскомъ, Бишофсвердеромъ и др. лицами, большей частью встрѣчающимися въ «Дневникѣ» бар. Г. Я. Шредера, указанъ и «Dominicus, Freyherr v. S-r, Clericus» (S. 195 — 199).

Въ 3-й части «Signatstern» упомянутъ и «Eustachius a scarabaeo», но это не Schröder, а Schröter. Въ письмѣ изъ Кенигсберга 20 марта 1751 [1770?] Archidemides [Штаркъ] говоритъ: «Gewiss der Gift ist ärger als Aqua di fontana, als hätten Canonici selbst eine wider mich gerichtete Acte unterschrieben. Es sind keine andere in ganz R[ussland] vom Anfang bis zum Niedergang der Sonne, als diese viere, die sich unter den Briefen unterschrieben haben, nemlich Alexander, d. i. Grien, Eustachius a Scarabaeo, d. i. Schröter, Sergius a Luna, d. i. Schulze, Alexius d. i. Hochmuth **). Diese sind noch mehr meine Freunde geblieben, da ich mich von dem Haufen der Kaufmannsburschen, die die ganze Cabale wider mich gemacht, entfernt habe. — Eustachius a Scarabaeo sollte aus dem O. C. ausgestossen seyn? Wer will ihn herausstossen? Die 5 neugeborene Equites die die Akte wieder mich abgefasst haben?»... «Die 5 Equites — пишетъ Штаркъ далѣе — blieben also für sich... und ich blieb bei den Canonicis, mit denen ich auch in Freundschaft umgegangen bin. Von diesen erhielt ich die Freiheit, die Ordenspapiere für sie und ihre Brüder zu copieren; doch sind bei dem Br. Eustachio noch einige magische Piecen übrig geblieben die der verstorbene Br. Lorenz Natter aus Italien mitgebracht hatte». Изложивъ далѣе непріятное дѣло съ бумагами ордена, Штаркъ замѣчаетъ: «wurde ich von Eustachius und Alexander gewarnt und von ihnen bald veranstalt, dass ich beim Fürst Wesemskoy kam», (S. 139 — 142. — Ibid., B. IV, S. 59 — 61). — «24 февр. 60 — 7 марта 54» [1772?] Штаркъ писалъ: «Da ich weg hatte was ich weg haben wollte, habe ich seit Jahr und Tag mit niemand als Schröter correspondiert». (S. 148). — Въ статьѣ «Zusammengezogene Geschichte vom Ursprung der geheimen Wissenschaften, welchen die Fratres Canonici Regulares des Ordens der Tempelherren zu Jerusalem besessen haben» говорится, что шотландецъ лордъ Вильямсъ основалъ въ Россіи этотъ капитулъ, къ нему принадлежалъ и Штаркъ, и отсюда, благодаря послѣднему, «die Stiftung nach Wismar und Königsberg übergegangen ist, da immittelst der Orden in Russland ganz aufgehört haben soll. Den 20 März 1770 waren annoch 4 Mitglieder davon in Petersburg übrig: als 1) Alexander, i. e. Green, 2) Eustachius a Scarabaeo, i. e. Schröter, 3) Sergius a Luna, i. e. Schulze, 4) Alexius, i. e. Hochmuth sonst Wissack genannt». (S. 222). Здѣсь же (S. 225 — 229) напечатанъ «Prioris Patent», выданный «Anno Ordinis 650» [1768?] за собственноручной подписью «Fr. Eustachius

*) Ernst Ioh. Firks — 17 ноября 1737 †?

**) См. ниже, строка 44.

9 сентября 1777) Штаркъ говоритъ: «Die Sache des Dominicus und des ab Aquila rubra [Firks] *) gegen mich ist ja noch nicht entschieden!» (S. 167). «Dominicus hat mich bei Firks angeschwärzt... Ist nicht der Nov. Dominicus Schröder Rebell, wenn er sich dem Concluss eines ganzen Capitels widergesetzt und dazu dagegen klagt? Da nicht einmal die Novicen zur Wahl eines Novicii nach der Regel gefordert werden». (S. 168).

Въ 5-й части «Signatstern», въ статьѣ «Das System der stricten Observanz», приписывается іезуитамъ ближайшее участіе въ системѣ «клериката»: «Der Professor Stark, damals in Rostock, dann Hofprediger in Königsberg, endlich in Darmstadt (Archidemides ab Aquila Fulva) war der Hauptsächlichste dieses Systems», а далѣе въ группѣ «Novicii» поименованъ Baron v. Schröder, preussischer Dragoner-Capitain «Dominicus» — (S. 187 — 188). Конвентъ въ Вильгельмсбадѣ 1782 постановилъ считать Австрію и Ломбардію VII провинціей; она дѣлилась на префектуры, изъ коихъ 19-я называлась «Das Capitulum Generale Canonicorum Regularium oder Klericalische Branche»; въ числѣ ея членовъ, на ряду съ Велльперомъ, Штаркомъ, Теденомъ, Дюбоскомъ, Бишофсвердеромъ и др. лицами, большей частью встрѣчающимися въ «Дневникѣ» бар. Г. Я. Шредера, указанъ и «Dominicus, Freyherr v. S-r, Clericus» (S. 195 — 199).

Въ 3-й части «Signatstern» упомянутъ и «Eustachius a scarabaeo», но это не Schröder, а Schröter. Въ письмѣ изъ Кенигсберга 20 марта 1751 [1770?] Archidemides [Штаркъ] говоритъ: «Gewiss der Gift ist ärger als Aqua di fontana, als hätten Canonici selbst eine wider mich gerichtete Acte unterschrieben. Es sind keine andere in ganz R[ussland] vom Anfang bis zum Niedergang der Sonne, als diese viere, die sich unter den Briefen unterschrieben haben, nemlich Alexander, d. i. Grien, Eustachius a Scarabaeo, d. i. Schröter, Sergius a Luna, d. i. Schulze, Alexius d. i. Hochmuth **). Diese sind noch mehr meine Freunde geblieben, da ich mich von dem Haufen der Kaufmannsburschen, die die ganze Cabale wider mich gemacht, entfernt habe. — Eustachius a Scarabaeo sollte aus dem O. C. ausgestossen seyn? Wer will ihn herausstossen? Die 5 neugeborene Equites die die Akte wieder mich abgefasst haben?»... «Die 5 Equites — пишетъ Штаркъ далѣе — blieben also für sich... und ich blieb bei den Canonicis, mit denen ich auch in Freundschaft umgegangen bin. Von diesen erhielt ich die Freiheit, die Ordenspapiere für sie und ihre Brüder zu copieren; doch sind bei dem Br. Eustachio noch einige magische Piecen übrig geblieben die der verstorbene Br. Lorenz Natter aus Italien mitgebracht hatte». Изложивъ далѣе непріятное дѣло съ бумагами ордена, Штаркъ замѣчаетъ: «wurde ich von Eustachius und Alexander gewarnt und von ihnen bald veranstalt, dass ich beim Fürst Wesemskoy kam», (S. 139 — 142. — Ibid., B. IV, S. 59 — 61). — «24 февр. 60 — 7 марта 54» [1772?] Штаркъ писалъ: «Da ich weg hatte was ich weg haben wollte, habe ich seit Jahr und Tag mit niemand als Schröter correspondiert». (S. 148). — Въ статьѣ «Zusammengezogene Geschichte vom Ursprung der geheimen Wissenschaften, welchen die Fratres Canonici Regulares des Ordens der Tempelherren zu Jerusalem besessen haben» говорится, что шотландецъ лордъ Вильямсъ основалъ въ Россіи этотъ капитулъ, къ нему принадлежалъ и Штаркъ, и отсюда, благодаря послѣднему, «die Stiftung nach Wismar und Königsberg übergegangen ist, da immittelst der Orden in Russland ganz aufgehört haben soll. Den 20 März 1770 waren annoch 4 Mitglieder davon in Petersburg übrig: als 1) Alexander, i. e. Green, 2) Eustachius a Scarabaeo, i. e. Schröter, 3) Sergius a Luna, i. e. Schulze, 4) Alexius, i. e. Hochmuth sonst Wissack genannt». (S. 222). Здѣсь же (S. 225 — 229) напечатанъ «Prioris Patent», выданный «Anno Ordinis 650» [1768?] за собственноручной подписью «Fr. Eustachius

*) Ernst Ioh. Firks — 17 ноября 1737 †?

**) См. ниже, строка 44.

Presb. Canonic. regul. de O. s[anc]ti ☐ et Conduct. Noviciorum (а также «Александра», «Сергія» и «Алексія»).

Гринъ (Green) упомянутъ и въ дневникѣ бар. Шредера (223 : 8); о Шрётерѣ см. № 52.

Штаркъ былъ пріоромъ въ клерикальномъ капитулѣ и велъ переписку съ саксонскимъ министромъ Вурмбомъ; въ извлеченія изъ этой переписки («Signatstern», 3 Th., S. 315) есть замѣтка о переводѣ капитула изъ Петербурга въ Висмаръ: «In Petersburg mögen noch gute Nachrichten zu haben sein. Fr[ater] a Grue schrieb mir einmal es sei Hofnung, dass das dasige Kapitel nach Wismar transferirt werden würde».

Въ VII провинціи 12-ю префектуру представлялъ собой «Das Sub-Priorat Ratzeburg [Mecklenburg], incl. der Präfectur Eckhorst (Rostock) in Mecklenburg, подъ управленіемъ бар. Шредера «Geh. Just.-Rath, Eques a Grue» («Signatstern», 5 Th., S. 197; здѣсь опечатка: v. Schrader вм. v. Schröder).

Поликъ пишетъ: «Der Br. v. Schröder (Equ. a grue I) wurde von dem Baron von Hund zum Sub-Prior von Ratzeburg... ernannt» (1 Th., S. 29). Это былъ «Ioachim Heinrich v. Schröder, Geh. Justiz-Rath, später Canzlei-Vice-Director in Rostock» (Septbr. 1725 † 28 Juni 1795), одинъ изъ основателей ростокской ложи «Zu den drei Sternen» (1760). Его братъ, «Equ. a grue II, Christian Niclas v. Schröder, kgl. preuss. Hauptmann und Cavalier zu Röversha-gen (geb. 1731 und Schotte 1775), принадлежалъ къ ложѣ «Трехъ звѣздъ», былъ также розенкрейцеромъ «und hiess als solcher Sacerdos» (1 Th., S. 31, 41, 60). Послѣднее замѣчаніе взято, повидимому, изъ «Энциклопедіи» Леннинга и не основано на подлинныхъ актахъ, которыми пользовался Поликъ. Онъ указываетъ и другихъ членовъ ложи «Трехъ звѣздъ» съ той же фамиліей v. Schröder: 1) Dietrich, Gerichtsprocurator und Notarius in Rostock (geb. 15 April 1727 und 1775 Schotte), 2) Heinrich Gottlieb, Rath und Burgemeister in Neubrandenburg (geb. 14 Febr. 1729, recip. als Lehrling am 2 Octbr. 1765...), 3) Georg Friedrich, Geh. Kammersecretair in Neu-Strelitz (geb. 1734... 1775 zur Loge in Neubrandenburg übergetreten), 4) Johann Christian Fähnrich in Minden (geb, 14 Juni 1756, aufgenommen den 19 Septb. 1772, als Gesell den 9 April 1774 in Göttingen), 5) «Heinrich Jacob, Porte-epée Fähnrich in Stettin, geb. den 8 Juli 1757, recip. den 19 Septbr. 1772, 1776 Gesell». (1 Th., S. 62, 71, 72). Авторъ дневника (215 — 234) родился 8 іюля 1757 и 17 февраля 1776 былъ принятъ въ ложу «Трехъ звѣздъ» въ Ростокѣ (234 : 24) — отсюда ясно, что это былъ Heinrich Jacob v. Schröder; а изъ письма № 161 слѣдуетъ, что это былъ Sacerdos (171 : 28).

№ 6. Свѣдѣнія объ И. В. Лопухинѣ у *Пиксанова* и въ *Б. С.*

Кто былъ Repertus, трудно сказать; повидимому, кн. Юрій Никитичъ Трубецкой (2 ноября 1736 † 22 авг. 1811) назывался сначала Neastes, а потомъ — Repertus, подобно тому, какъ масонское имя кн. Николая Никитича было сначала Pinnatus, а впослѣдствіи — Porrectus.

Объ И. П. Тургеневѣ см. № 21.

№ 7 — 9. — Р. С., 1874, январь, 62 — 65. Копій въ *И. Г. А.* нѣтъ.

Редакція *Р. С.* видитъ въ Тартюфѣ и злодѣѣ, котораго не любила А. И. Плещеева (6 : 13), Семена Ивановича Гамалѣю (31 іюля 1743 † 10 мая 1822); извѣстно, что Гамалѣя написалъ для Карамзина «инструкцію» *); трудно, однако, предположить, чтобы эти обидные эпитеты были даны Анастасіей Ивановной «Божьему человѣку», какимъ въ глазахъ современниковъ былъ Гамалѣя. См. также № 33 и 55.

*) *Старчевскій*, 29.

Presb. Canonic. regul. de O. s[anc]ti ☐ et Conduct. Noviciorum (а также «Александра», «Сергія» и «Алексія»).

Гринъ (Green) упомянутъ и въ дневникѣ бар. Шредера (223 : 8); о Шрётерѣ см. № 52.

Штаркъ былъ пріоромъ въ клерикальномъ капитулѣ и велъ переписку съ саксонскимъ министромъ Вурмбомъ; въ извлеченія изъ этой переписки («Signatstern», 3 Th., S. 315) есть замѣтка о переводѣ капитула изъ Петербурга въ Висмаръ: «In Petersburg mögen noch gute Nachrichten zu haben sein. Fr[ater] a Grue schrieb mir einmal es sei Hofnung, dass das dasige Kapitel nach Wismar transferirt werden würde».

Въ VII провинціи 12-ю префектуру представлялъ собой «Das Sub-Priorat Ratzeburg [Mecklenburg], incl. der Präfectur Eckhorst (Rostock) in Mecklenburg, подъ управленіемъ бар. Шредера «Geh. Just.-Rath, Eques a Grue» («Signatstern», 5 Th., S. 197; здѣсь опечатка: v. Schrader вм. v. Schröder).

Поликъ пишетъ: «Der Br. v. Schröder (Equ. a grue I) wurde von dem Baron von Hund zum Sub-Prior von Ratzeburg... ernannt» (1 Th., S. 29). Это былъ «Ioachim Heinrich v. Schröder, Geh. Justiz-Rath, später Canzlei-Vice-Director in Rostock» (Septbr. 1725 † 28 Juni 1795), одинъ изъ основателей ростокской ложи «Zu den drei Sternen» (1760). Его братъ, «Equ. a grue II, Christian Niclas v. Schröder, kgl. preuss. Hauptmann und Cavalier zu Röversha-gen (geb. 1731 und Schotte 1775), принадлежалъ къ ложѣ «Трехъ звѣздъ», былъ также розенкрейцеромъ «und hiess als solcher Sacerdos» (1 Th., S. 31, 41, 60). Послѣднее замѣчаніе взято, повидимому, изъ «Энциклопедіи» Леннинга и не основано на подлинныхъ актахъ, которыми пользовался Поликъ. Онъ указываетъ и другихъ членовъ ложи «Трехъ звѣздъ» съ той же фамиліей v. Schröder: 1) Dietrich, Gerichtsprocurator und Notarius in Rostock (geb. 15 April 1727 und 1775 Schotte), 2) Heinrich Gottlieb, Rath und Burgemeister in Neubrandenburg (geb. 14 Febr. 1729, recip. als Lehrling am 2 Octbr. 1765...), 3) Georg Friedrich, Geh. Kammersecretair in Neu-Strelitz (geb. 1734... 1775 zur Loge in Neubrandenburg übergetreten), 4) Johann Christian Fähnrich in Minden (geb, 14 Juni 1756, aufgenommen den 19 Septb. 1772, als Gesell den 9 April 1774 in Göttingen), 5) «Heinrich Jacob, Porte-epée Fähnrich in Stettin, geb. den 8 Juli 1757, recip. den 19 Septbr. 1772, 1776 Gesell». (1 Th., S. 62, 71, 72). Авторъ дневника (215 — 234) родился 8 іюля 1757 и 17 февраля 1776 былъ принятъ въ ложу «Трехъ звѣздъ» въ Ростокѣ (234 : 24) — отсюда ясно, что это былъ Heinrich Jacob v. Schröder; а изъ письма № 161 слѣдуетъ, что это былъ Sacerdos (171 : 28).

№ 6. Свѣдѣнія объ И. В. Лопухинѣ у *Пиксанова* и въ *Б. С.*

Кто былъ Repertus, трудно сказать; повидимому, кн. Юрій Никитичъ Трубецкой (2 ноября 1736 † 22 авг. 1811) назывался сначала Neastes, а потомъ — Repertus, подобно тому, какъ масонское имя кн. Николая Никитича было сначала Pinnatus, а впослѣдствіи — Porrectus.

Объ И. П. Тургеневѣ см. № 21.

№ 7 — 9. — Р. С., 1874, январь, 62 — 65. Копій въ *И. Г. А.* нѣтъ.

Редакція *Р. С.* видитъ въ Тартюфѣ и злодѣѣ, котораго не любила А. И. Плещеева (6 : 13), Семена Ивановича Гамалѣю (31 іюля 1743 † 10 мая 1822); извѣстно, что Гамалѣя написалъ для Карамзина «инструкцію» *); трудно, однако, предположить, чтобы эти обидные эпитеты были даны Анастасіей Ивановной «Божьему человѣку», какимъ въ глазахъ современниковъ былъ Гамалѣя. См. также № 33 и 55.

*) *Старчевскій*, 29.

№ 10. — *Р. С.* 1874, январь, 65. Реестръ Пестеля:

«Копія съ письма Марьи Вилемсоновой къ Алексѣю Михайловичу Кутузову въ Берлинъ. По обстоятельнѣйшимъ выправкамъ оное письмо прислано на почту отъ Семена Ивановича Гамалѣя и запечатано его печатью, также и подпись его руки».

«Оригиналъ съ первою почтою отправленъ быть имѣетъ.

Иванъ Пестель.

«Москва. 14 августа, 1790».

Копіи въ *П. Г. А.* нѣтъ, по императрицѣ она была доставлена. Препровождая копію, кн. Прозоровскій писалъ (22 іюля 1790): «Изволите, всемилостивѣйшая Государыня, увидѣть, пишетъ къ нему будто женщина, а у Кутузова жены нѣтъ, и онъ и женатъ не былъ... [Письмо это] прислано съ крестьяниномъ, которой, отъ кого принесъ, не знаетъ» *). Пестель навелъ справки (14 авг. 1790) и узналъ, что письмо было отъ С. И. Гамалѣи.

К. Х. Недергофъ привезъ къ А. М. Кутузову «первое письмо» отъ А. Н. Радищева «послѣ ихъ разлуки» (№ 57).

№ 11. Рапортъ Пестеля:

«По обстоятельнѣйшимъ выправкамъ, сіе письмо слѣдуетъ, дѣйствительно, отъ кн. Николая Никитича Трубецкого. Оригиналъ отправленъ быть имѣетъ съ первою почтою по его надписи».

№ 12. — *Р. С.*, 1874, январь, 66. Копія въ *П. Г. А.* нѣтъ. Кн. Прозоровскій заинтересовался письмомъ отъ Кутузова «подъ № 18» и запросилъ Пестеля, отчего нѣтъ копіи съ него; Пестель отвѣчалъ:

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь»!

«Благодѣтельное писаніе отъ 22-го сего мѣсяца, коимъ Вашему Сіятельству меня почесть угодно было, имѣлъ я счастіе вчерашняго числа получить. Упоминаемое письмо въ копіи, которую я доставить имѣлъ честь, уповательно, дошло подъ чьимъ либо кувертомъ, ибо не чрезъ Петербургъ, не чрезъ Ригу, писемъ изъ Берлина на имя замѣчаемыхъ особъ получено не было. Важнымъ себѣ долгомъ поставляю я имѣть неослабное смотрѣніе за сею перепискою и совершенно удостовѣрить могу, что ничего достойнаго, чрезъ ввѣренный моей дирекціи почтамтъ, безъ уваженія пройти не можетъ».

«Позвольте, Сіятельнѣйшій Князь, мнѣ воспользоваться симъ случаемъ поручить себя продолженію милостиваго Вашего Сіятельства ко мнѣ расположенія, коимъ вяще удостоиться важнымъ себѣ долгомъ почитаетъ пребывающій съ глубокимъ почтеньемъ, Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Иванъ Пестель.

«Москва. 24 августа, 1790».

Съ Зенкбейлемъ (9 : 4) былъ заключенъ договоръ о переводѣ книгъ для Типографической компаніи (№ 128). — О М. И. Багрянскомъ см. № 74.

№ 13. Реестръ Пестеля:

«Первое письмо [№ 13] слѣдуетъ отъ князя Николая Никитича Трубецкого, а другое [№ 14], включенное въ ономъ, неизвѣстно, отъ кого слѣдовало».

Бёмъ — Jacob Böhme (1575 † 24/XI 1624). Собраніе его сочиненій «Theosophia revelata, das ist Alle göttliche Schriften, 5 v., 8°, 1730» въ *И. Н. Б.*, Каталогъ книгъ гр. Вѣльгорскаго, В., 507. — О значеніи Бёме для русскихъ розенкрейцеровъ у *Тукалевскаго*. — См. № 92, XXIV — XXVIII.

№ 14. Отвѣтъ на первое письмо отъ бар. Шредера былъ посланъ 18 іюля 1790 (№ 6).

№ 15 — 16. — *Р. С.*, 1874, январь, 69. Копій въ *П. Г. А.* нѣтъ.

*) *Пекарскій*, 130.

№ 10. — *Р. С.* 1874, январь, 65. Реестръ Пестеля:

«Копія съ письма Марьи Вилемсоновой къ Алексѣю Михайловичу Кутузову въ Берлинъ. По обстоятельнѣйшимъ выправкамъ опое письмо прислано на почту отъ Семена Ивановича Гамалѣя и запечатано его печатью, также и подпись его руки».

«Оригиналъ съ первою почтою отправленъ быть имѣетъ.

Иванъ Пестель.

«Москва. 14 августа, 1790».

Копіи въ *П. Г. А.* нѣтъ, по императрицѣ она была доставлена. Препровождая копію, кн. Прозоровскій писалъ (22 іюля 1790): «Изволите, всемилостивѣйшая Государыня, увидѣть, пишетъ къ нему будто женщина, а у Кутузова жены нѣтъ, и онъ и женатъ не былъ... [Письмо это] прислано съ крестьяниномъ, которой, отъ кого принесъ, не знаетъ» *). Пестель навелъ справки (14 авг. 1790) и узналъ, что письмо было отъ С. И. Гамалѣи.

К. Х. Недергофъ привезъ къ А. М. Кутузову «первое письмо» отъ А. Н. Радищева «послѣ ихъ разлуки» (№ 57).

№ 11. Рапортъ Пестеля:

«По обстоятельнѣйшимъ выправкамъ, сіе письмо слѣдуетъ, дѣйствительно, отъ кн. Николая Никитича Трубецкого. Оригиналъ отправленъ быть имѣетъ съ первою почтою по его надписи».

№ 12. — *Р. С.*, 1874, январь, 66. Копія въ *П. Г. А.* нѣтъ. Кн. Прозоровскій заинтересовался письмомъ отъ Кутузова «подъ № 18» и запросилъ Пестеля, отчего нѣтъ копіи съ него; Пестель отвѣчалъ:

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь»!

«Благодѣтельное писаніе отъ 22-го сего мѣсяца, коимъ Вашему Сіятельству меня почесть угодно было, имѣлъ я счастіе вчерашняго числа получить. Упоминаемое письмо въ копіи, которую я доставить имѣлъ честь, уповательно, дошло подъ чьимъ либо кувертомъ, ибо не чрезъ Петербургъ, не чрезъ Ригу, писемъ изъ Берлина на имя замѣчаемыхъ особъ получено не было. Важнымъ себѣ долгомъ поставляю я имѣть неослабное смотрѣніе за сею перепискою и совершенно удостовѣрить могу, что ничего достойнаго, чрезъ ввѣренный моей дирекціи почтамтъ, безъ уваженія пройти не можетъ».

«Позвольте, Сіятельнѣйшій Князь, мнѣ воспользоваться симъ случаемъ поручить себя продолженію милостиваго Вашего Сіятельства ко мнѣ расположенія, коимъ вяще удостоиться важнымъ себѣ долгомъ почитаетъ пребывающій съ глубокимъ почтеньемъ, Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

Иванъ Пестель.

«Москва. 24 августа, 1790».

Съ Зенкбейлемъ (9 : 4) былъ заключенъ договоръ о переводѣ книгъ для Типографической компаніи (№ 128). — О М. И. Багрянскомъ см. № 74.

№ 13. Реестръ Пестеля:

«Первое письмо [№ 13] слѣдуетъ отъ князя Николая Никитича Трубецкого, а другое [№ 14], включенное въ ономъ, неизвѣстно, отъ кого слѣдовало».

Бёмъ — Jacob Böhme (1575 † 24/XI 1624). Собраніе его сочиненій «Theosophia revelata, das ist Alle göttliche Schriften, 5 v., 8°, 1730» въ *И. Н. Б.*, Каталогъ книгъ гр. Вѣльгорскаго, В., 507. — О значеніи Бёме для русскихъ розенкрейцеровъ у *Тукалевскаго*. — См. № 92, XXIV — XXVIII.

№ 14. Отвѣтъ на первое письмо отъ бар. Шредера былъ посланъ 18 іюля 1790 (№ 6).

№ 15 — 16. — *Р. С.*, 1874, январь, 69. Копій въ *П. Г. А.* нѣтъ.

*) *Пекарскій*, 130.

Кн. Н. Н. Трубецкой говоритъ о себѣ (10:7) въ третьемъ лицѣ и въ другихъ письмахъ, называя себя то Порректусомъ, то по-прежнему — Пипнатусомъ.

№ 17. — *Р. С.*, 1874, январь, 69. Копіи въ *И. Г. А.* нѣтъ.

Кн. Н. Н. Трубецкой поручилъ перевести въ Берлинѣ для бар. Шредера 100 луидоровъ П. В. Лопухину (№ 20).

№ 18 — 20. — *Р. С.*, 1874, январь, 70 — 71. Реестръ Пестеля:

«Три копіи съ писемъ къ Алексѣю Михайловичу Кутузову. Первая отъ князя Николая Никитича Трубецкого и другія двѣ, включенныя въ первой, неизвѣстно отъ кого.

«Оригиналы отправлены по ихъ надписямъ.

Иванъ Пестель

«Москва. 19 сентября».

«Включены» были въ письмо № 18 два письма П. В. Лопухина: одно — А. М. Кутузову, другое — бар. Шредеру; второе (№ 20) писалъ несомнѣнно П. В. Лопухинъ; по всей вѣроятности, ему принадлежитъ и первое (№ 19). Первое датировано 23 сентября; о второмъ Пестель пишетъ: «копія со включенія, находившагося въ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу Кутузову, изъ Москвы отъ 23-го сентября». Но реестръ Пестеля отнесенъ къ 19 сентября; какъ выше указано (примѣч. къ № 5), и въ другихъ «реестрахъ» Пестеля даты выставлены не аккуратно.

Копій писемъ №№ 18 — 20 и реестровъ къ нимъ въ *И. Г. А.* нѣтъ. О письмѣ № 20 см. показаніе П. В. Лопухина на допросѣ *).

№ 21. Иванъ Петровичъ Тургеневъ — equ. ab aurora boreali, Vegetus — съ осени 1788 жилъ въ деревнѣ и рѣдко выѣзжалъ оттуда (см. примѣчаніе къ стр. 273 — 275). Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Семеновнѣ р. Качаловой (1755 † 1824); ихъ дѣти: Андрей Ивановичъ (1781 † 8 іюля 1803), Александръ Ивановичъ (27 марта 1784 † 3 дек. 1845), Николай Ивановичъ (1789 † 29 окт. 1871), Сергѣй Ивановичъ (1791 † 1827); братъ Ивана Петровича — Петръ Петровичъ; отецъ ихъ — Петръ Андреевичъ, мать — Анна Петровна, р. Неплюева. Одно село Тургенево было въ Алатырскомъ уѣздѣ, другое — за Волгою, въ Симбирской губерніи по р. Казмаюру; во второмъ селѣ и жилъ обыкновенно П. П. Тургеневъ, а родители его — въ селѣ Баевѣ, Ахматово тожъ, Алатырскаго уѣзда.

Косманъ переводилъ L'Oeconomie divine, ou Système universel et demontré des Oeuvres et des Desseins de Dieu envers les Hommes où l'on explique et prouve d' Origine avec une évidence et une certitude métaphysique les Principes et les Verités de la Nature et de la Grace, de la Philosophie et de la Foi, de la Morale naturelle et de la Religion Chretienne: et où l'on resoud entièrement les grandes et épineuses difficultés sur la Predestination, sur la Liberté, sur l'Universalité de la Redemption et sur la Providence, etc. *Pierre Poiret.* A Amsterdam, chez Henry Wetstein, 1687. T. I. Préface; 56 p. L'oeconomie de la Création de l'homme... 361 p.; T. II [Idem], 362 — 731 p.; T. III. L'oeconomie du Peché, 371 p.; T. IV. L'oeconomie du rétablissement de l'homme avant l'Incarnation de Jesus Christ, 393 p. + Table des matières; T. V. L'oeconomie du rétablissement de l'homme après l'Incarnation du Jesus Christ, 479 p.; T. VI. L'oeconomie de la Coopération de l'homme avec l'Opération de Dieu, 542 p.; T. VII. L'oeconomie de la providence universelle pour le salut de tous les hommes, 471 p. — *Соликовъ*, т. IV, 124, № 8133, указываетъ также «*Нинети де Мерси* «Физическія увеселенія», изданныя г. Косманомъ; перев. съ франц., Смоленскъ, 1801, 12°». Можетъ быть, издатель этой книги и переводчикъ сочиненія *Poiret* — одно и то же лицо?

Новѣйшая біографія П. П. Тургенева (по архивнымъ матеріаламъ) принадлежитъ *Е. П. Тарасову*; она содержитъ характеристику литературной и масонской дѣятельности Тургенева.

*) *Тихонравовъ*, 69.

Кн. Н. Н. Трубецкой говоритъ о себѣ (10:7) въ третьемъ лицѣ и въ другихъ письмахъ, называя себя то Порректусомъ, то по-прежнему — Пипнатусомъ.

№ 17. — *Р. С.*, 1874, январь, 69. Копіи въ *И. Г. А.* нѣтъ.

Кн. Н. Н. Трубецкой поручилъ перевести въ Берлинѣ для бар. Шредера 100 луидоровъ П. В. Лопухину (№ 20).

№ 18 — 20. — *Р. С.*, 1874, январь, 70 — 71. Реестръ Пестеля:

«Три копіи съ писемъ къ Алексѣю Михайловичу Кутузову. Первая отъ князя Николая Никитича Трубецкого и другія двѣ, включенныя въ первой, неизвѣстно отъ кого.

«Оригиналы отправлены по ихъ надписямъ.

Иванъ Пестель

«Москва. 19 сентября».

«Включены» были въ письмо № 18 два письма П. В. Лопухина: одно — А. М. Кутузову, другое — бар. Шредеру; второе (№ 20) писалъ несомнѣнно П. В. Лопухинъ; по всей вѣроятности, ему принадлежитъ и первое (№ 19). Первое датировано 23 сентября; о второмъ Пестель пишетъ: «копія со включенія, находившагося въ письмѣ къ Алексѣю Михайловичу Кутузову, изъ Москвы отъ 23-го сентября». Но реестръ Пестеля отнесенъ къ 19 сентября; какъ выше указано (примѣч. къ № 5), и въ другихъ «реестрахъ» Пестеля даты выставлены не аккуратно.

Копій писемъ №№ 18 — 20 и реестровъ къ нимъ въ *И. Г. А.* нѣтъ. О письмѣ № 20 см. показаніе П. В. Лопухина на допросѣ *).

№ 21. Иванъ Петровичъ Тургеневъ — equ. ab aurora boreali, Vegetus — съ осени 1788 жилъ въ деревнѣ и рѣдко выѣзжалъ оттуда (см. примѣчаніе къ стр. 273 — 275). Онъ былъ женатъ на Екатеринѣ Семеновнѣ р. Качаловой (1755 † 1824); ихъ дѣти: Андрей Ивановичъ (1781 † 8 іюля 1803), Александръ Ивановичъ (27 марта 1784 † 3 дек. 1845), Николай Ивановичъ (1789 † 29 окт. 1871), Сергѣй Ивановичъ (1791 † 1827); братъ Ивана Петровича — Петръ Петровичъ; отецъ ихъ — Петръ Андреевичъ, мать — Анна Петровна, р. Неплюева. Одно село Тургенево было въ Алатырскомъ уѣздѣ, другое — за Волгою, въ Симбирской губерніи по р. Казмаюру; во второмъ селѣ и жилъ обыкновенно П. П. Тургеневъ, а родители его — въ селѣ Баевѣ, Ахматово тожъ, Алатырскаго уѣзда.

Косманъ переводилъ L'Oeconomie divine, ou Système universel et demontré des Oeuvres et des Desseins de Dieu envers les Hommes où l'on explique et prouve d' Origine avec une évidence et une certitude métaphysique les Principes et les Verités de la Nature et de la Grace, de la Philosophie et de la Foi, de la Morale naturelle et de la Religion Chretienne: et où l'on resoud entièrement les grandes et épineuses difficultés sur la Predestination, sur la Liberté, sur l'Universalité de la Redemption et sur la Providence, etc. *Pierre Poiret.* A Amsterdam, chez Henry Wetstein, 1687. T. I. Préface; 56 p. L'oeconomie de la Création de l'homme... 361 p.; T. II [Idem], 362 — 731 p.; T. III. L'oeconomie du Peché, 371 p.; T. IV. L'oeconomie du rétablissement de l'homme avant l'Incarnation de Jesus Christ, 393 p. + Table des matières; T. V. L'oeconomie du rétablissement de l'homme après l'Incarnation du Jesus Christ, 479 p.; T. VI. L'oeconomie de la Coopération de l'homme avec l'Opération de Dieu, 542 p.; T. VII. L'oeconomie de la providence universelle pour le salut de tous les hommes, 471 p. — *Соликовъ*, т. IV, 124, № 8133, указываетъ также «*Нинети де Мерси* «Физическія увеселенія», изданныя г. Косманомъ; перев. съ франц., Смоленскъ, 1801, 12°». Можетъ быть, издатель этой книги и переводчикъ сочиненія *Poiret* — одно и то же лицо?

Новѣйшая біографія П. П. Тургенева (по архивнымъ матеріаламъ) принадлежитъ *Е. П. Тарасову*; она содержитъ характеристику литературной и масонской дѣятельности Тургенева.

*) *Тихонравовъ*, 69.

Осипъ Андреевичъ Пгельстромъ — 1737 † [1817?] 1823.

Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ — 22 іюня 1752 † 1 марта 1820.

Рѣчь говорилъ (14: 9) оберъ-прокуроръ Сената Петръ Васильевичъ Пеклюдовъ (5 іюня 1735 † 18 іюля 1797); по увѣренію Гавріила Романовича Державина (3 іюля 1743 † 9 іюля 1816), ее сочинилъ гр. Петръ Васильевичъ Завадовскій (1738 † 2 января 1812), а кн. Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ (22 іюля 1737 † 12 дек. 1790) написалъ «Отвѣтъ гражданина», весьма не лестный для автора рѣчи *).

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ — 8 ноября 1711 † 4 апр. 1765.

№ 22. — *Р. С.*, 1874, январь, 71 — 72. Копіи въ *П. Г. А.* нѣтъ.

№ 23 — 24. Біографія М. М. Хераскова (составленная М. Хмыровымъ) перепечатана *С. А. Венгеровымъ* въ его сборникѣ «Русская поэзія», вып. III, 485 — 488; библіографія въ примѣчаніяхъ къ I т. «Русской поэзіи», 407 — 408.

№ 25. Лопухинъ приложилъ копію указа Сенату отъ 4 сентября 1790 — *П. С. З.*, т. XXIII, № 16901.

О Вольтерѣ (1694 † 1778), Дидро (1713 † 1784), Гельвеціи (1715 † 1771) см. также №№ 185 и 186).

Книга «Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle?» написана И. П. Тургеневымъ по плану И. В. Лопухина («Записки», 38). Въ 1796 году напечатанъ русскій переводъ Василія Протопопова: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ?», съ посвященіемъ Аѳанасію, епископу коломенскому и тульскому. — См. также № 26.

С.-Мартенъ написалъ «Des Erreurs et de la verité ou Les hommes rappelés au principe universel de la science. Ouvrage dans lequel, en fesant remarquer aux observateurs l'incertitude de leurs recherches et leurs méprises continuelles, on leur indique la route qu'ils auroient dû suivre, pour acquérir l'évidence physique sur l'origine du bien et du mal, sur l'homme, sur la nature matérielle et la nature sacrée; sur la base des gouvernements politiques, sur l'autorité des souverains, sur la justice civile et criminelle, sur les sciences, les langues et les arts. Par un Ph[ilosophe] Inc[onnu]. Edinbourg [Lyon]. 1775. VIII + 546 p. 8°.».

Русскій переводъ (П. П. Страхова) вышелъ черезъ 10 лѣтъ: «О заблужденіи и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности, и вмѣстѣ указуется путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной и о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Переведено съ французскаго иждивеніемъ типографической компаніи». XII + 542 стр. 8°. [М., 1785]. См. также №№ 39, 73, 85.

Черезъ пять лѣтъ появилось въ Тулѣ [?], 1790, анонимное сочиненіе (8°. XVI + 377): «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города», съ эпиграфомъ «изъ од Ломоносова»:

«Хоть полкъ противныхъ мнѣ востань,
«Но я не ужасаюсь;
«Пускай враги воздвигнутъ брань,
«На Бога полагаюсь.

---

*) *Державинъ*, VI, 613; VII, 187 и 739.

Осипъ Андреевичъ Пгельстромъ — 1737 † [1817?] 1823.

Иванъ Андреевичъ Вейдемейеръ — 22 іюня 1752 † 1 марта 1820.

Рѣчь говорилъ (14: 9) оберъ-прокуроръ Сената Петръ Васильевичъ Пеклюдовъ (5 іюня 1735 † 18 іюля 1797); по увѣренію Гавріила Романовича Державина (3 іюля 1743 † 9 іюля 1816), ее сочинилъ гр. Петръ Васильевичъ Завадовскій (1738 † 2 января 1812), а кн. Михаилъ Михайловичъ Щербатовъ (22 іюля 1737 † 12 дек. 1790) написалъ «Отвѣтъ гражданина», весьма не лестный для автора рѣчи *).

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ — 8 полбря 1711 † 4 апр. 1765.

№ 22. — *Р. С.*, 1874, январь, 71 — 72. Копіи въ *И. Г. А.* нѣтъ.

№ 23 — 24. Біографія М. М. Хераскова (составленная М. Хмыровымъ) перепечатана *С. А. Венгеровымъ* въ его сборникѣ «Русская поэзія», вып. III, 485 — 488; библіографія въ примѣчаніяхъ къ I т. «Русской поэзіи», 407 — 408.

№ 25. Лопухинъ приложилъ копію указа Сенату отъ 4 сентября 1790 — *П. С. З.*, т. XXIII, № 16901.

О Вольтерѣ (1694 † 1778), Дидро (1713 † 1784), Гельвеціи (1715 † 1771) см. также №№ 185 и 186).

Книга «Qui peut être un bon citoyen et un sujet fidèle?» написана И. П. Тургеневымъ по плану И. В. Лопухина («Записки», 38). Въ 1796 году напечатанъ русскій переводъ Василія Протопопова: «Кто можетъ быть добрымъ гражданиномъ и вѣрнымъ подданнымъ?», съ посвященіемъ Аѳанасію, епископу коломенскому и тульскому. — См. также № 26.

С.-Мартенъ написалъ «Des Erreurs et de la verité ou Les hommes rappelés au principe universel de la science. Ouvrage dans lequel, en fesant remarquer aux observateurs l'incertitude de leurs recherches et leurs méprises continuelles, on leur indique la route qu'ils auroient dû suivre, pour acquérir l'évidence physique sur l'origine du bien et du mal, sur l'homme, sur la nature matérielle et la nature sacrée; sur la base des gouvernements politiques, sur l'autorité des souverains, sur la justice civile et criminelle, sur les sciences, les langues et les arts. Par un Ph[ilosophe] Inc[onnu]. Edinbourg [Lyon]. 1775. VIII + 546 p. 8°.».

Русскій переводъ (П. П. Страхова) вышелъ черезъ 10 лѣтъ: «О заблужденіи и истинѣ, или воззваніе человѣческаго рода ко всеобщему началу знанія. Сочиненіе, въ которомъ открывается примѣчателямъ сомнительность изысканій ихъ и непрестанныя ихъ погрѣшности, и вмѣстѣ указуется путь, по которому должно бы имъ шествовать къ пріобрѣтенію физической очевидности о происхожденіи добра и зла, о человѣкѣ, о натурѣ вещественной и о натурѣ священной, объ основаніи политическихъ правленій, о власти государей, о правосудіи гражданскомъ и уголовномъ, о наукахъ, языкахъ и художествахъ. Философа неизвѣстнаго. Переведено съ французскаго иждивеніемъ типографической компаніи». XII + 542 стр. 8°. [М., 1785]. См. также №№ 39, 73, 85.

Черезъ пять лѣтъ появилось въ Тулѣ [?], 1790, анонимное сочиненіе (8°. XVI + 377): «Изслѣдованіе книги о заблужденіяхъ и истинѣ. Сочинено особливымъ обществомъ одного губернскаго города», съ эпиграфомъ «изъ од Ломоносова»:

«Хоть полкъ противныхъ мнѣ востань,
«Но я не ужасаюсь;
«Пускай враги воздвигнутъ брань,
«На Бога полагаюсь.

---

*) *Державинъ*, VI, 613; VII, 187 и 739.

М. И. Лонгиновъ, 302, приписываетъ это сочиненіе правительственной инициативѣ; въ статьѣ «Мартинисты и ихъ противники» онъ перечисляетъ 11 лицъ, которыя могли принять участіе въ составленіи книги. — *Остафьевъ*, № 44.

№ 26. — *P. C.*, 1874, февраль, 259 — 260. Копіи письма № 26 и реестра въ *И. Г. А.* нѣтъ. Рапортъ Пестеля:

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь! Вчерашняго же числа принялъ я нужныя мѣры къ отысканію книги, о которой въ письмѣ послѣднемъ упоминалось, ее зовутъ: «*Georg Neminis von Langenheim* — Naturgeschichte oder mässige Untersuchung des phisischen Nichts».

«Получа оную, непремѣнно съ примѣчаніемъ прочту и Вашему Сіятельству о содержаніи донесу. Если-жъ Вамъ, Милостивый Князь, удастся оную получить, то нижайше прошу ко мнѣ приказать для разсмотра и доклада объ оной Вашему Сіятельству доставить. Съ глубочайшимъ почтеніемъ пребыть счастіе имѣю, Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

20 октября, 1790».

Пв. Пестель.

Книга *Georg Neminis von Langenheim* «Naturgesetzmässige Untersuchung des sonderbaren physischen Nichts, als woraus, nach Mosaischen Urkunden, das Universum soll geschaffen und gebildet worden seyn. Zur Steuer der Hermetischen Philosophie» (1790, 4°, X + 268 S.) имѣется въ *P. M.*, I. $^{3}/_{61}$, въ собраніи гр. М. Ю. Вьельгорскаго, которому была подарена А. С. Норовымъ. — См. также № 37.

Пьеса «О силѣ вѣры» упомянута и въ слѣдующемъ письмѣ. Кутузовъ забылъ о ней совершенно (№ 37); въ письмѣ № 58 Лопухинъ привелъ нѣмецкое заглавіе «Von der Magia des Glaubens». Въ *P. M.* (1882, вход. № 2071, отъ П. В. Щапова) хранится рукопись въ малую осьмушку, 36 стр. четкаго письма, «О магіи вѣры. Переведено съ нѣмецкаго оригинала, присланнаго отъ Вел[льнера?]. Апреля дня 1788 года». Авторъ пишетъ (стр. 15): «Вся сила магіи заключается въ умѣ человѣческомъ и въ дѣйствіе производится вѣрою; ибо все магическое искусство являетъ дѣйствіе свое чрезъ вѣру; вѣра бо есть производитель ея; (стр. 18): весма нужно есть, чтобъ магъ силою вѣры возносилъ умъ свой къ Богу, Высочайшему дателю всякаго блага; ходилъ бы въ путяхъ и заповѣдяхъ Божіихъ, дабы снабдилъ его Богъ своею силою». Подобная рукопись имѣется въ *И. П. Б.* О. III. № 178, л. 33 — 47 (листъ 38 соотвѣтствуетъ стр. 15 въ рукописи *P. M.*).

Книга «Vie de Marie Antoinette reine de France» [22/VI 1722 † 25/IV 1790]. Hambourg et Brunswick, 1785, in 8°, указана въ «Manuel de Bibliographie biographique», 1892, p. 525.

№ 27 — 28. — *P. C.*, 1874, февраль, 260 — 261, 262 — 263. Копій въ *И. Г. А.* нѣтъ.

Послѣ сл. «Государыню» въ концѣ письма въ изданіи *P. C.*: «ничего».

Кутузовъ отвѣчалъ 24 ноября — 5 декабря, 1790 (№ 41).

Объ Е. И. Голенищевой-Кутузовой — см. № 45.

№ 29. — *P. C.*, 1874, мартъ, 465 — 466. Реестръ Пестеля (къ № 29 и 30), помѣщенный въ *P. C.*, отнесенъ къ 21 ноября.

Въ подлинникѣ вм. «ободряя» — одобряя.

Кутузовъ справлялся о средствѣ, упомянутомъ въ № 5. См. №№ 80, 83, 90, 94, 100, 102, 104, 116.

№ 30. — *P. C.*, 1874, мартъ, 467.

№ 31. — *P. C.*, 1874, мартъ, 468. Реестръ Пестеля (къ № 31), помѣщенный въ *P. C.*, отнесенъ къ 29 ноября 1790.

М. И. Лонгиновъ, 302, приписываетъ это сочиненіе правительственной инціативѣ; въ статьѣ «Мартинисты и ихъ противники» онъ перечисляетъ 11 лицъ, которыя могли принять участіе въ составленіи книги. — *Остафьевъ*, № 44.

№ 26. — *P. C.*, 1874, февраль, 259 — 260. Копіи письма № 26 и реестра въ *И. Г. А.* нѣтъ. Рапортъ Пестеля:

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь! Вчерашняго же числа принялъ я нужныя мѣры къ отысканію книги, о которой въ письмѣ послѣднемъ упоминалось, ее зовутъ: «*Georg Neminis von Langenheim* — Naturgeschichte oder mässige Untersuchung des phisischen Nichts».

«Получа оную, непремѣнно съ примѣчаніемъ прочту и Вашему Сіятельству о содержаніи донесу. Если-жъ Вамъ, Милостивый Князь, удастся оную получить, то нижайше прошу ко мнѣ приказать для разсмотра и доклада объ оной Вашему Сіятельству доставить. Съ глубочайшимъ почтеніемъ пребыть счастіе имѣю, Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

20 октября, 1790».

Пв. Пестель.

Книга *Georg Neminis von Langenheim* «Naturgesetzmässige Untersuchung des sonderbaren physischen Nichts, als woraus, nach Mosaischen Urkunden, das Universum soll geschaffen und gebildet worden seyn. Zur Steuer der Hermetischen Philosophie» (1790, 4°, X + 268 S.) имѣется въ *P. M.*, I. $^{3}/_{61}$, въ собраніи гр. М. Ю. Вьельгорскаго, которому была подарена А. С. Норовымъ. — См. также № 37.

Пьеса «О силѣ вѣры» упомянута и въ слѣдующемъ письмѣ. Кутузовъ забылъ о ней совершенно (№ 37); въ письмѣ № 58 Лопухинъ привелъ нѣмецкое заглавіе «Von der Magia des Glaubens». Въ *P. M.* (1882, вход. № 2071, отъ П. В. Щапова) хранится рукопись въ малую осьмушку, 36 стр. четкаго письма, «О магіи вѣры. Переведено съ нѣмецкаго оригинала, присланнаго отъ Вел[льнера?]. Апреля дня 1788 года». Авторъ пишетъ (стр. 15): «Вся сила магіи заключается въ умѣ человѣческомъ и въ дѣйствіе производится вѣрою; ибо все магическое искусство являетъ дѣйствіе свое чрезъ вѣру; вѣра бо есть производитель ея; (стр. 18): весма нужно есть, чтобъ магъ силою вѣры возносилъ умъ свой къ Богу, Высочайшему дателю всякаго блага; ходилъ бы въ путяхъ и заповѣдяхъ Божіихъ, дабы снабдилъ его Богъ своею силою». Подобная рукопись имѣется въ *И. П. Б.* О. III. № 178, л. 33 — 47 (листъ 38 соотвѣтствуетъ стр. 15 въ рукописи *P. M.*).

Книга «Vie de Marie Antoinette reine de France» [22/VI 1722 † 25/IV 1790]. Hambourg et Brunswick, 1785, in 8°, указана въ «Manuel de Bibliographie biographique», 1892, p. 525.

№ 27 — 28. — *P. C.*, 1874, февраль, 260 — 261, 262 — 263. Копій въ *И. Г. А.* нѣтъ.

Послѣ сл. «Государыню» въ концѣ письма въ изданіи *P. C.*: «ничего».

Кутузовъ отвѣчалъ 24 ноября — 5 декабря, 1790 (№ 41).

Объ Е. И. Голенищевой-Кутузовой — см. № 45.

№ 29. — *P. C.*, 1874, мартъ, 465 — 466. Реестръ Пестеля (къ № 29 и 30), помѣщенный въ *P. C.*, отнесенъ къ 21 ноября.

Въ подлинникѣ вм. «ободряя» — одобряя.

Кутузовъ справлялся о средствѣ, упомянутомъ въ № 5. См. №№ 80, 83, 90, 94, 100, 102, 104, 116.

№ 30. — *P. C.*, 1874, мартъ, 467.

№ 31. — *P. C.*, 1874, мартъ, 468. Реестръ Пестеля (къ № 31), помѣщенный въ *P. C.*, отнесенъ къ 29 ноября 1790.

Новѣйшія свѣдѣнія о Василіи Яковлевичѣ Колокольниковѣ († 1792) и Максимѣ Ивановичѣ Невзоровѣ (1763 [1762?] † 1827) у *Тукалевскаго* и въ *Б. С.*; библіографія тамъ же.

№ 32. — *Р. С.*, 1874, февраль, 267 — 273. Реестръ Пестеля (къ № 32), помѣщенный въ *Р. С.*, отнесенъ къ 10 ноября, 1790. Рапортъ Пестеля (тамъ же, стр. 272 — 273):

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь!»

«Во исполненіе воли Вашего Сіятельства, не премину я оригиналъ извѣстнаго, слѣдующаго въ Берлинъ, письма оставить здѣсь. Я уже принялъ осторожнѣйшія мѣры узнать, чрезъ кого они деньги отправляютъ къ извѣстнымъ студентамъ, находящимся нынѣ въ Парижѣ. Чувствительно мнѣ жаль, что все мое стараніе по сіе время было безполезно въ открытіи какого-либо еще корреспондента, кромѣ Кутузова, съ сею сектою».

«Имѣя честь представить у сего копію съ вышеречепнаго письма, съ глубокимъ почтеніемъ пребыть счастіе имѣю, Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

«Москва. 10 ноября 1790 г.»

Ив. Пестель.

Какъ видно изъ реестра, «оригиналъ по предписанію Его Сіятельства князя Александра Александровича Прозоровскаго удержанъ въ Москвѣ».

Въ прямыя скобки на стр. 25 взяты слова, которыя не встрѣчаются въ копіи *П. Г. А.*

Генералъ-прокуроръ — кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (3 авг. 1727 † 8 янв. 1793).

Кн. Н. В. Репнинъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и съ розенкрейцерами, и съ иллюминатами; его масонская переписка сгорѣла въ 1812 г. Въ бумагахъ гр. А. И. Самойлова *) (напечатаны въ 3 книгѣ *Р. А.*, 1878) сохранилась масонская клятва кн. Н. В. Репнина (стр. 250): «Je Nicolas Repnin atteste devant l'Etre Suprême de ne jamais nommer le nom de l'Ordre, qui me sera dit par le très respectable frère Schröder et de ne jamais dire, que c'est lui, qui a pris de moi une supplique aux Supérieurs de cet ordre pour m'y recevoir, avant que j'y sois reçu et avant que je reçoive une permission expresse de me découvrir aux frères de cet ordre.

Nicolas Prince Repnin
général en chef au service de Russie»

Можетъ быть, эта записка и дала поводъ императрицѣ сказать Храповицкому 18 октября 1792: «Удивишься, кто подписали присягу на его [бар. Шредера] листѣ» **). «Присяга» относится, повидимому, къ 1785 году; осенью 1785 бар. Шредеръ отправился въ Берлинъ и тамъ велъ переговоры о принятіи кн. Репнина; «неизвѣстные начальники» (въ концѣ 1786) изъявили было свое согласіе, но бар. Шредеръ отказался принять князя ***). См. Предисловіе.

Слова Фалька (27 : 9) приведены Лопухинымъ изъ сочиненія *Лессинга* «Ernst und Falk. Gespräche für Freymäurer», I — III, 1778; IV — V, 1780, Wolfenbüttel. (Sämmtliche Schriften, X, S. 249).

---

*) Гр. Александръ Николаевичъ Самойловъ — 1744, † 1 ноября 1814; генералъ-прокуроръ.

**) *Храповицкій*, 412.

***) *Р. С.*, 1880, май, 132 — 134. — *Лонгиновъ*, 275.

Новѣйшія свѣдѣнія о Василіи Яковлевичѣ Колокольниковѣ († 1792) и Максимѣ Ивановичѣ Невзоровѣ (1763 [1762?] † 1827) у *Тукалевскаго* и въ *Б. С.*; библіографія тамъ же.

№ 32. — *Р. С.*, 1874, февраль, 267 — 273. Реестръ Пестеля (къ № 32), помѣщенный въ *Р. С.*, отнесенъ къ 10 ноября, 1790. Рапортъ Пестеля (тамъ же, стр. 272 — 273):

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь!»

«Во исполненіе воли Вашего Сіятельства, не премину я оригиналъ извѣстнаго, слѣдующаго въ Берлинъ, письма оставить здѣсь. Я уже принялъ осторожнѣйшія мѣры узнать, чрезъ кого они деньги отправляютъ къ извѣстнымъ студентамъ, находящимся нынѣ въ Парижѣ. Чувствительно мнѣ жаль, что все мое стараніе по сіе время было безполезно въ открытіи какого-либо еще корреспондента, кромѣ Кутузова, съ сею сектою».

«Имѣя честь представить у сего копію съ вышеречепнаго письма, съ глубокимъ почтеніемъ пребыть счастіе имѣю, Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства всепокорнѣйшій слуга

«Москва. 10 ноября 1790 г.»

Ив. Пестель.

Какъ видно изъ реестра, «оригиналъ по предписанію Его Сіятельства князя Александра Александровича Прозоровскаго удержанъ въ Москвѣ».

Въ прямыя скобки на стр. 25 взяты слова, которыя не встрѣчаются въ копіи *П. Г. А.*

Генералъ-прокуроръ — кн. Александръ Алексѣевичъ Вяземскій (3 авг. 1727 † 8 янв. 1793).

Кн. Н. В. Репнинъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ и съ розенкрейцерами, и съ иллюминатами; его масонская переписка сгорѣла въ 1812 г. Въ бумагахъ гр. А. И. Самойлова *) (напечатаны въ 3 книгѣ *Р. А.*, 1878) сохранилась масонская клятва кн. Н. В. Репнина (стр. 250): «Je Nicolas Repnin atteste devant l'Etre Suprême de ne jamais nommer le nom de l'Ordre, qui me sera dit par le très respectable frère Schröder et de ne jamais dire, que c'est lui, qui a pris de moi une supplique aux Supérieurs de cet ordre pour m'y recevoir, avant que j'y sois reçu et avant que je reçoive une permission expresse de me découvrir aux frères de cet ordre.

Nicolas Prince Repnin
général en chef au service de Russie»

Можетъ быть, эта записка и дала поводъ императрицѣ сказать Храповицкому 18 октября 1792: «Удивишься, кто подписали присягу на его [бар. Шредера] листѣ» **). «Присяга» относится, повидимому, къ 1785 году; осенью 1785 бар. Шредеръ отправился въ Берлинъ и тамъ велъ переговоры о принятіи кн. Репнина; «неизвѣстные начальники» (въ концѣ 1786) изъявили было свое согласіе, но бар. Шредеръ отказался принять князя ***). См. Предисловіе.

Слова Фалька (27 : 9) приведены Лопухинымъ изъ сочиненія *Лессинга* «Ernst und Falk. Gespräche für Freymäurer», I — III, 1778; IV — V, 1780, Wolfenbüttel. (Sämmtliche Schriften, X, S. 249).

---

*) Гр. Александръ Николаевичъ Самойловъ — 1744, † 1 ноября 1814; генералъ-прокуроръ.

**) *Храповицкій*, 412.

***) *Р. С.*, 1880, май, 132 — 134. — *Лонгиновъ*, 275.

Кемпису (ѲомѢ Кемпійскому, 1379 † 1471) приписываются «De imitatione Christi et contemptu omnium vanitatum mundi». — *Сопиковъ*, ч. 3, стр. 167: «Краткое извлеченіе лучшихъ изреченій и правилъ изъ четырехъ книгъ о подражаніи Іисусу Христу *Ѳомы Кемпійскаго*, расположенныя на 12 мѢсяцевъ цѢлаго года; переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1787 — въ 16». (См. № 80).

Іоанна Арндта (1555 † 1621) «О истинномъ христіанствѢ, шесть книгъ съ присовокупленіемъ Райскаго Вертограда, переводъ съ нѣмецкаго [И. И. Тургенева], ч. 1. [— 5]. Печатаны въ МосквѢ въ вольной типографіи И. Лопухина съ указнаго дозволенія, 1784» — *Тихонравовъ*, 24. — *Сопиковъ*, ч. 3, № 4956: 5 частей, 12⁰. — *Лонгиновъ*, 223. См. Предисловіе.

По всей вѣроятности, объ этомъ письмѢ (№ 32) Лопухинъ говоритъ въ «Запискахъ» (28 — 29): «Открывали на почтѢ наши письма и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю, бывшему въ чужихъ краяхъ, отсылались къ государынѢ. Я симъ ни мало не безпокоился и зная писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ наединѢ въ полной откровенности. Однажды вздумалось мнѢ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобъ въ письмѢ къ моему пріятелю къ статп расположа, описать все существо и дѣйствіе нашего общества... Въ письмѢ томъ къ пріятелю моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда графу Брюсу, что и государи могутъ ошибаться... Я написалъ сіе точно для того, чтобы она [императрица] прочитала». См. также № 41.

№ 33. ПомѢта на рижской копіи указываетъ, что письмо доставлено въ Ригу 24 ноября 1790; оно отнесено здѢсь къ 4 ноября. Реестръ Пестеля:

«Г-жа Плещеева пишетъ въ своемъ письмѢ, что она получила свое письмо отъ г. Кутузова, также и сей послѢдній отъ нее распечатанные, то за долгъ поставляю запримѣтить, что оные не переходили черезъ Московской Почтъ Амтъ, и потому въ ономъ не могли быть освидѢтельствованы».

При письмѢ сохранилась копія «Объявленія» Карамзина о «Московскомъ журналѢ»; оно было помѢщено въ «Московскихъ ВѢдомостяхъ» 1790, № 89, ноября 6, въ середу. — *Погодинъ*, 169 — 172. — См. также № 7, 47, 61.

№ 34 — 36. ПомѢта на рижской копіи указываетъ, что письмо № 34 съ припиской Карамзина, «подъ кувертомъ Кутузовымъ», доставлено въ Ригу 24 ноября 1790.

Приписки Карамзина и Плещеевой (№ 35 — 36) — *Р. С.*, 1874, февраль, 273.

№ 37. — *Р. С.*, 1874, февраль 263 — 265. Въ рижской копіи, какъ и въ московской, письмо помѢчено $^{12}/_{23}$ ноября, а реестръ Пестеля — 9 декабря; въ *Р. С.* вмѢсто ноября — октябрь, а вмѢсто декабря — ноябрь; числа — тѢ же.

Петръ Владиміровичъ Лопухинъ — 27 февр. 1752 † 28 апр. 1805.

№ 38. — *Р. С.*, 1874, февраль, 265 — 266. Рижская копія помѢчена $^{15}/_{26}$ ноября 1790.

№ 39. — *Р. С.*, 1874, февраль, 273 — 276. Рижская копія занесена въ реестръ 1 декабря 1790. — Замѣчаніе Пестеля:

«Г. Лопухинъ начинаетъ свое письмо извѣщеніемъ Г. Кутузова о полученіи имъ его письма съ послѢднею почтою, но сіе не можетъ быть справедливо, потому что съ послѢднею почтою изъ Берлина писемъ вовсе въ полученіи не было».

Гр. АлексѢй Григорьевичъ Орловъ — 25 сент. 1735 † 24 дек. 1807.

Жена Н. И. Новикова, Александра Егоровна († 1791), приходилась племянницей кн. Н. Н. Трубецкому.

По документамъ въ «дѢлѢ» Новикова (*Сборникъ*, II, 108, 121, 148, 150, 154, 156) можно предположить, что это — кн. Константинъ Михайловичъ Енгалычевъ, который былъ «очень друженъ съ бар. Шредеромъ и кн. Н. Н. Трубецкимъ»;

Кемпису (ѲомѢ Кемпійскому, 1379 † 1471) приписываются «De imitatione Christi et contemptu omnium vanitatum mundi». — *Сопиковъ*, ч. 3, стр. 167: «Краткое извлеченіе лучшихъ изреченій и правилъ изъ четырехъ книгъ о подражаніи Іисусу Христу *Ѳомы Кемпійскаго*, расположенныя на 12 мѢсяцевъ цѢлаго года; переводъ съ нѣмецкаго. Москва. 1787 — въ 16». (См. № 80).

Іоанна Арндта (1555 † 1621) «О истинномъ христіанствѢ, шесть книгъ съ присовокупленіемъ Райскаго Вертограда, переводъ съ нѣмецкаго [И. И. Тургенева], ч. 1. [— 5]. Печатаны въ МосквѢ въ вольной типографіи И. Лопухина съ указнаго дозволенія, 1784» — *Тихонравовъ*, 24. — *Сопиковъ*, ч. 3, № 4956: 5 частей, 12⁰. — *Лонгиновъ*, 223. См. Предисловіе.

По всей вѣроятности, объ этомъ письмѢ (№ 32) Лопухинъ говоритъ въ «Запискахъ» (28 — 29): «Открывали на почтѢ наши письма и всѣхъ моихъ писемъ копіи, особливо къ одному тогда пріятелю, бывшему въ чужихъ краяхъ, отсылались къ государынѢ. Я симъ ни мало не безпокоился и зная писалъ всегда такъ, какъ бы я говорилъ наединѢ въ полной откровенности. Однажды вздумалось мнѢ воспользоваться симъ обстоятельствомъ, чтобъ въ письмѢ къ моему пріятелю къ статп расположа, описать все существо и дѣйствіе нашего общества... Въ письмѢ томъ къ пріятелю моему повторилъ я сказанное мною нѣкогда графу Брюсу, что и государи могутъ ошибаться... Я написалъ сіе точно для того, чтобы она [императрица] прочитала». См. также № 41.

№ 33. ПомѢта на рижской копіи указываетъ, что письмо доставлено въ Ригу 24 ноября 1790; оно отнесено здѢсь къ 4 ноября. Реестръ Пестеля:

«Г-жа Плещеева пишетъ въ своемъ письмѢ, что она получила свое письмо отъ г. Кутузова, также и сей послѢдній отъ нее распечатанные, то за долгъ поставляю заприметить, что оные не переходили черезъ Московской Почтъ Амтъ, и потому въ ономъ не могли быть освидѢтельствованы».

При письмѢ сохранилась копія «Объявленія» Карамзина о «Московскомъ журналѢ»; оно было помѢщено въ «Московскихъ ВѢдомостяхъ» 1790, № 89, ноября 6, въ середу. — *Погодинъ*, 169 — 172. — См. также № 7, 47, 61.

№ 34 — 36. ПомѢта на рижской копіи указываетъ, что письмо № 34 съ припиской Карамзина, «подъ кувертомъ Кутузовымъ», доставлено въ Ригу 24 ноября 1790.

Приписки Карамзина и Плещеевой (№ 35 — 36) — *Р. С.*, 1874, февраль, 273.

№ 37. — *Р. С.*, 1874, февраль 263 — 265. Въ рижской копіи, какъ и въ московской, письмо помѢчено $^{12}/_{23}$ ноября, а реестръ Пестеля — 9 декабря; въ *Р. С.* вмѢсто ноября — октябрь, а вмѢсто декабря — ноябрь; числа — тѢ же.

Петръ Владиміровичъ Лопухинъ — 27 февр. 1752 † 28 апр. 1805.

№ 38. — *Р. С.*, 1874, февраль, 265 — 266. Рижская копія помѢчена $^{15}/_{26}$ ноября 1790.

№ 39. — *Р. С.*, 1874, февраль, 273 — 276. Рижская копія занесена въ реестръ 1 декабря 1790. — Замѣчаніе Пестеля:

«Г. Лопухинъ начинаетъ свое письмо извѣщеніемъ Г. Кутузова о полученіи имъ его письма съ послѢднею почтою, но сіе не можетъ быть справедливо, потому что съ послѢднею почтою изъ Берлина писемъ вовсе въ полученіи не было».

Гр. АлексѢй Григорьевичъ Орловъ — 25 сент. 1735 † 24 дек. 1807.

Жена Н. И. Новикова, Александра Егоровна († 1791), приходилась племянницей кн. Н. Н. Трубецкому.

По документамъ въ «дѢлѢ» Новикова (*Сборникъ*, II, 108, 121, 148, 150, 154, 156) можно предположить, что это — кн. Константинъ Михайловичъ Енгалычевъ, который былъ «очень друженъ съ бар. Шредеромъ и кн. Н. Н. Трубецкимъ»;

его масонское имя, «помнится» Новикову, было Цинцинната; онъ явился «персональнымъ поручителемъ» по закладу селъ и деревень кн. А. А. Черкасскаго и А. М. Кутузова въ 1787 году *). Въ указателѣ *Лонгинова*. 0176, это — кн. Эпгалычевъ П., повидимому, кн. Порфирій Николаевичъ.

№ 40. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 321 — 323. Копіи въ *П. Г. А.* нѣтъ.

№ 41. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 323 — 325.

Письмо датируется въ настоящемъ изданіи по копіи, занесенной въ реестръ 1 декабря.

По всей вѣроятности, и это письмо припоминалъ Лопухинъ въ своихъ «Запискахъ». См. № 32.

Григорій Ивановичъ Базилевичъ — 1759 † 1802.

Гр. Петръ Алексѣевичъ Разумовскій — 1775 † 1835.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ — 1761 † 1838.

№ 42. «Включено» было въ письмо № 41. Реестръ Пестеля: «Копія съ письма на нѣмецкомъ діалектѣ»; «оное получено въ кувертѣ къ П. В. Лопухину обще съ письмомъ № 1» (отъ А. М. Кутузова къ П. В. Лопухину отъ 24 ноября — 5 декабря, 1790). Пестель представилъ переводъ; рижская копія содержитъ въ себѣ нѣмецкій текстъ.

A означаетъ die Luft.

М. И. Багрянскій отправился изъ Берлина въ концѣ іюня 1790 и прибылъ въ Москву 8 сентября. — *Сборникъ*, II, 133.

Таулеръ (Ioh. Tauler, 1300 — 1361) — доминиканецъ, проповѣдникъ, мистикъ. Въ *Р. М.* имѣется рукопись «Исторія и житіе... Іоанна Таулера» (№ 286).

Сынъ П. А. Татищева — Петръ Петровичъ (р. 1758, преміеръ маіоръ: 12 іюня 1786 уволенъ въ отставку), ученикъ И. Е. Шварца, ѣздившій съ нимъ на Вильгельмсбадскій конвентъ.

Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ (1742 ? † 24 апр. 1820) — въ масонствѣ Pius. Новѣйшія свѣдѣнія о немъ въ *Б. С.*; библіографія тамъ же.

№ 43. Рапортъ Пестеля: «Переводъ съ письма писаннаго на нѣмецкомъ діалектѣ, адресованнаго къ брату Филусу (Philus) въ Москву; оригиналъ писанъ рукою г. Шредера, а подписаніемъ Сацердосъ (Sacerdos); получено въ кувертѣ къ П. В. Лопухину обще съ письмомъ подъ № 1 отъ 24 ноября — 5 декабря, 1790».

Копія на нѣмецкомъ языкѣ, снятая въ Ригѣ, помѣчена 29 ноября 1790.

Δ означаетъ das Feuer. См. также № 51 и 128.

№ 44. Рижская копія помѣчена 30 ноября 1790. Реестръ Пестеля:

«Переводъ съ письма, писаннаго на нѣмецкомъ діалектѣ, адресованнаго къ брату Проректусу (Prorectus); оное писано рукою г. Шрѣдера, а подписано Сацердосъ (Sacerdos). Оригиналъ полученъ въ кувертѣ къ П. В. Лопухину адресованномъ, обще съ письмомъ подъ № 1-мъ» (т. е. № 41).

Френкель — аптекарь въ Москвѣ, въ масонствѣ Аниѳарусъ.

Турнъ и Таксисъ — наслѣдный принцъ Карлъ Александръ (22 февр. 1770 † 15 іюля 1827), былъ женатъ съ 25 мая 1789 на принцессѣ Мекленбургъ-Стрелитцкой Терезѣ Матильдѣ.

Походяшинъ — Григорій Максимовичъ († 1820), богачъ, масонъ.

№ 45. Голенищева-Кутузова, Екатерина Ильинична, р. Бибикова (1754 † 1824) жена фельдмаршала Михаила Илларіоновича (5 сент. 1745 † 16 апр. 1813), знала А. М. Кутузова, когда онъ служилъ въ Луганскомъ полку: ея дочь Анна Михайловна (1782 † 1846) была выдана (1803) за Николая Захаровича Хитрово (1779 † 1826). О своей «невѣстѣ» А. М. Кутузовъ вспоминаетъ также въ

*) *Пекарскій*, 141.

его масонское имя, «помнится» Новикову, было Цинцинната; онъ явился «персональнымъ поручителемъ» по закладу селъ и деревень кн. А. А. Черкасскаго и А. М. Кутузова въ 1787 году *). Въ указателѣ *Лонгинова*. 0176, это — кн. Энгалычевъ П., повидимому, кн. Порфирій Николаевичъ.

№ 40. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 321 — 323. Копіи въ *П. Г. А.* нѣтъ.

№ 41. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 323 — 325.

Письмо датируется въ настоящемъ изданіи по копіи, занесенной въ реестръ 1 декабря.

По всей вѣроятности, и это письмо припоминалъ Лопухинъ въ своихъ «Запискахъ». См. № 32.

Григорій Ивановичъ Базилевичъ — 1759 † 1802.

Гр. Петръ Алексѣевичъ Разумовскій — 1775 † 1835.

Николай Николаевичъ Новосильцовъ — 1761 † 1838.

№ 42. «Включено» было въ письмо № 41. Реестръ Пестеля: «Копія съ письма на нѣмецкомъ діалектѣ»; «оное получено въ кувертѣ къ П. В. Лопухину обще съ письмомъ № 1» (отъ А. М. Кутузова къ П. В. Лопухину отъ 24 ноября — 5 декабря, 1790). Пестель представилъ переводъ; рижская копія содержитъ въ себѣ нѣмецкій текстъ.

A означаетъ die Luft.

М. И. Багрянскій отправился изъ Берлина въ концѣ іюня 1790 и прибылъ въ Москву 8 сентября. — *Сборникъ*, II, 133.

Таулеръ (Ioh. Tauler, 1300 — 1361) — доминиканецъ, проповѣдникъ, мистикъ. Въ *Р. М.* имѣется рукопись «Исторія и житіе... Іоанна Таулера» (№ 286).

Сынъ П. А. Татищева — Петръ Петровичъ (р. 1758, преміеръ маіоръ: 12 іюня 1786 уволенъ въ отставку), ученикъ И. Е. Шварца, ѣздившій съ нимъ на Вильгельмсбадскій конвентъ.

Осипъ Алексѣевичъ Поздѣевъ (1742 ? † 24 апр. 1820) — въ масонствѣ Pius. Новѣйшія свѣдѣнія о немъ въ *Б. С.*; библіографія тамъ же.

№ 43. Рапортъ Пестеля: «Переводъ съ письма писаннаго на нѣмецкомъ діалектѣ, адресованнаго къ брату Филусу (Philus) въ Москву; оригиналъ писанъ рукою г. Шредера, а подписаніемъ Сацердосъ (Sacerdos); получено въ кувертѣ къ П. В. Лопухину обще съ письмомъ подъ № 1 отъ 24 ноября — 5 декабря, 1790».

Копія на нѣмецкомъ языкѣ, снятая въ Ригѣ, помѣчена 29 ноября 1790.

Δ означаетъ das Feuer. См. также № 51 и 128.

№ 44. Рижская копія помѣчена 30 ноября 1790. Реестръ Пестеля:

«Переводъ съ письма, писаннаго на нѣмецкомъ діалектѣ, адресованнаго къ брату Проректусу (Prorectus); оное писано рукою г. Шрѣдера, а подписано Сацердосъ (Sacerdos). Оригиналъ полученъ въ кувертѣ къ П. В. Лопухину адресованномъ, обще съ письмомъ подъ № 1-мъ» (т. е. № 41).

Френкель — аптекарь въ Москвѣ, въ масонствѣ Анифарусъ.

Турнъ и Таксисъ — наслѣдный принцъ Карлъ Александръ (22 февр. 1770 † 15 іюля 1827), былъ женатъ съ 25 мая 1789 на принцессѣ Мекленбургъ-Стрелитцкой Терезѣ Матильдѣ.

Походяшинъ — Григорій Максимовичъ († 1820), богачъ, масонъ.

№ 45. Голенищева-Кутузова, Екатерина Ильинична, р. Бибикова (1754 † 1824) жена фельдмаршала Михаила Илларіоновича (5 сент. 1745 † 16 апр. 1813), знала А. М. Кутузова, когда онъ служилъ въ Луганскомъ полку: ея дочь Анна Михайловна (1782 † 1846) была выдана (1803) за Николая Захаровича Хитрово (1779 † 1826). О своей «невѣстѣ» А. М. Кутузовъ вспоминаетъ также въ

*) *Пекарскій*, 141.

№ 57 и 70. Свѣдѣнія о семьѣ Екатерины Ильиничны — въ *Б. С.*; о службѣ А. М. Кутузова въ арміи — у *Е. И. Тарасова.*

Василій Ильичъ Бибиковъ — 1740 † 1787.

№ 46. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 325 — 327. Реестръ Пестеля — 2-го декабря.

«Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ... Ваньки Каина и... Картуша» изданы М. Комаровымъ, Спб., 1779, 1791, 1793, 1794; М., 1781.

Объ опекѣ надъ И. П. Лопухинымъ писалъ М. И. Невзоровъ [Рукопись *И. И. Б.*, Q. III. № 73]. См. въ *Б. С.* статью «И. В. Лопухинъ».

Сестра И. П. Лопухина — Екатерина Петровна, въ замужествѣ княгиня Львова.

№ 47. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 327 — 329. Реестръ Пестеля — 30 декабря.

Багрянскій пріѣхалъ въ Москву 8 сентября 1790; въ сентябрѣ вернулся въ Россію и Карамзинъ. См. также № 33.

№ 48. Вторая копія помѣчена $^{7}/_{18}$ декабря 1790. Реестръ Пестеля — 30 декабря.

Молодой Алопеусъ — Давидъ Максимовичъ, гр. (1768 † 1831).

Знакъ ♄ взятъ типографіей условно, взамѣнъ слитыхъ вмѣстѣ заглавныхъ буквъ *T* и *R*, которыми обозначалось въ перепискѣ слово «Tinctura». Такъ и далѣе въ №№ 83, 94, 100, 102, 121.

Знакъ ☽ у масоновъ — Fein Silber.

№ 49. — *Р. С.*, 1874, февраль, 266 — 267. См. № 31.

№ 50. — *Р. С.*, ноябрь, 334. Первыхъ шести строкъ нѣтъ ни въ изданіи *Р. С.* ни въ копіи Пестеля (онѣ печатаются по рижской копіи).

Алексѣй Ивановичъ — можетъ быть, гр. Мусинъ-Пушкинъ, президентъ Академіи Художествъ (16 марта 1744 † 1 февр, 1817). Едва ли это А. И. Новиковъ.

Александръ Васильевичъ — можетъ быть, Алябьевъ (1746 † 16 окт. 1822), тобольскій губернаторъ, который, по словамъ П. А. Радищева, хорошо принялъ его отца. *Р. В.*, 1858, дек., 410.

№ 51. Какъ видно изъ рапорта Пестеля, въ Московскомъ почтамтѣ изложили по русски «содержаніе письма нѣмецкаго къ Проректусу (Prorectus), гдѣ онъ обрѣтается»; въ рижской копіи сохранился нѣмецкій текстъ.

Въ «Протоколахъ засѣданій конференціи *И. А. Н.*», т. II, стр. 469, 24 іюля 1761 записано: «Müllerus exhibuit praeterea Conventui observationem transitus Veneris per solem, quam hic Petropoli Schroeterus quidam confecit». Тамъ же, т. III, стр. 123, 4 апр. 1774: «Monsieur le professeur Krafft communiqua les observations que le S[ieu]r Schröter a fait de la disparition de l'anneau de Saturne devenû invisible... le 23 Mars de cette année». Тамъ же, стр. 204, 18 сент. 1775: «Monsieur Euler le père remit encore de la part du Sieur Eberhard Jean Schröter... un écrit qui a pour titre «Meteorologische Wahrnemungen über die Vorhersagung der Witterung»... Тамъ же, стр. 207, 5 окт. 1775: «Quant aux règles météorologiques que le Sieur Eberhard Jean Schröter a soumises au jugement de l'Académie et par lesquelles il prétend prédire le tems qu'il fera chaque jour de l'année, la Conférence remarqua, que comme ses règles ne sont fondées que sur la seule expérience, elles ne sauroient aussi être vérifiées que par une longue suite d'observations»... Тамъ же, стр. 335, 12 стр. 1785: «Le Secrétaire lut une supplique de M. Eberhard Jean Schröter, habitant de St. Petersbourg, membre de la Société libre oeconomique de cette ville et Correspondant de l'Académie Electorale des sciences à Munnich et de la Société de Physique à Halle, qui prie l'Académie de vouloir bien en considération de son application aux sciences et de ses connoissances en diverses parties de Physique, lui acorder un certificat en vertû duquel il soit reconnu appartenir à la classe des savants et en droit de jouir des privilèges attachés à cet état»...

№ 57 и 70. Свѣдѣнія о семьѣ Екатерины Ильиничны — въ *Б. С.*; о службѣ А. М. Кутузова въ арміи — у *Е. И. Тарасова.*

Василій Ильичъ Бибиковъ — 1740 † 1787.

№ 46. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 325 — 327. Реестръ Пестеля — 2-го декабря.

«Обстоятельныя и вѣрныя исторіи двухъ мошенниковъ... Ваньки Каина и... Картуша» изданы М. Комаровымъ, Спб., 1779, 1791, 1793, 1794; М., 1781.

Объ опекѣ надъ П. П. Лопухинымъ писалъ М. И. Невзоровъ [Рукопись *И. И. Б.*, Q. III. № 73]. См. въ *Б. С.* статью «П. В. Лопухинъ».

Сестра П. П. Лопухина — Екатерина Петровна, въ замужествѣ княгиня Львова.

№ 47. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 327 — 329. Реестръ Пестеля — 30 декабря.

Багрянскій пріѣхалъ въ Москву 8 сентября 1790; въ сентябрѣ вернулся въ Россію и Карамзинъ. См. также № 33.

№ 48. Вторая копія помѣчена $^{7}/_{18}$ декабря 1790. Реестръ Пестеля — 30 декабря.

Молодой Алопеусъ — Давидъ Максимовичъ, гр. (1768 † 1831).

Знакъ ♄ взятъ типографіей условно, взамѣнъ слитыхъ вмѣстѣ заглавныхъ буквъ *T* и *R*, которыми обозначалось въ перепискѣ слово «Tinctura». Такъ и далѣе въ №№ 83, 94, 100, 102, 121.

Знакъ ☽ у масоновъ — Fein Silber.

№ 49. — *Р. С.*, 1874, февраль, 266 — 267. См. № 31.

№ 50. — *Р. С.*, ноябрь, 334. Первыхъ шести строкъ нѣтъ ни въ изданіи *Р. С.* ни въ копіи Пестеля (онѣ печатаются по рижской копіи).

Алексѣй Ивановичъ — можетъ быть, гр. Мусинъ-Пушкинъ, президентъ Академіи Художествъ (16 марта 1744 † 1 февр, 1817). Едва ли это А. И. Новиковъ.

Александръ Васильевичъ — можетъ быть, Алябьевъ (1746 † 16 окт. 1822), тобольскій губернаторъ, который, по словамъ П. А. Радищева, хорошо принялъ его отца. *Р. В.*, 1858, дек., 410.

№ 51. Какъ видно изъ рапорта Пестеля, въ Московскомъ почтамтѣ изложили по русски «содержаніе письма нѣмецкаго къ Проректусу (Prorectus), гдѣ онъ обрѣтается»; въ рижской копіи сохранился нѣмецкій текстъ.

Въ «Протоколахъ засѣданій конференціи *И. А. Н.*», т. II, стр. 469, 24 іюля 1761 записано: «Müllerus exhibuit praeterea Conventui observationem transitus Veneris per solem, quam hic Petropoli Schroeterus quidam confecit». Тамъ же, т. III, стр. 123, 4 апр. 1774: «Monsieur le professeur Krafft communiqua les observations que le S[ieu]r Schröter a fait de la disparition de l'anneau de Saturne devenû invisible... le 23 Mars de cette année». Тамъ же, стр. 204, 18 сент. 1775: «Monsieur Euler le père remit encore de la part du Sieur Eberhard Jean Schröter... un écrit qui a pour titre «Meteorologische Wahrnemungen über die Vorhersagung der Witterung»... Тамъ же, стр. 207, 5 окт. 1775: «Quant aux règles météorologiques que le Sieur Eberhard Jean Schröter a soumises au jugement de l'Académie et par lesquelles il prétend prédire le tems qu'il fera chaque jour de l'année, la Conférence remarqua, que comme ses règles ne sont fondées que sur la seule expérience, elles ne sauroient aussi être vérifiées que par une longue suite d'observations»... Тамъ же, стр. 335, 12 стр. 1785: «Le Secrétaire lut une supplique de M. Eberhard Jean Schröter, habitant de St. Petersbourg, membre de la Société libre oeconomique de cette ville et Correspondant de l'Académie Electorale des sciences à Munnich et de la Société de Physique à Halle, qui prie l'Académie de vouloir bien en considération de son application aux sciences et de ses connoissances en diverses parties de Physique, lui acorder un certificat en vertû duquel il soit reconnu appartenir à la classe des savants et en droit de jouir des privilèges attachés à cet état»...

Трудъ Шрётера «Abhandlung von Steigen und Fällen des Barometers oder Beantwortung der akademischen Preissaufgabe fürs Jahr 1784» напечатанъ въ «Neue philosophische Abhandlungen der Baierischen Akademie der Wissenschaften», München, 1785, Band IV, S. 137—148». Этотъ трудъ отмѣченъ также въ «Repertorium der deutschen Meteorologie» von G. Hellmann», Leipz., 1883, S. 450. См. также *Lamberts* «Deutscher Gelehrter Briefwechsel», Bd. IV, S. 261—2.

Въ примѣчаніяхъ къ № 5 приведены свѣдѣнія о перепискѣ Шретера со Штаркомъ. Знакомство ихъ возникло, вѣроятно, въ тѣ годы, когда Штаркъ преподавалъ восточные языки въ петербургской Petrischule (1763—1765). Любопытно, что этому Шретеру посылалъ извѣстія бар. Шредеръ именно чрезъ Рейхеля или Звѣраку *), съ которыми былъ въ близкихъ отношеніяхъ и кн. Н. Н. Трубецкой. См. также №№ 52, 84, 110.

Текстъ «Anzeigung» см. въ письмѣ Кутузова № 56. Это — трудъ Штёве (Stöwe, Christian Gottlieb Friedrich, Superintendent u. Oberpfarrer a. d. Nikolaikirche in Potsdam) подъ заглавіемъ «Anzeige einer allgemeinen interessanten physikalischen Entdeckung», Berlin, 1791. Того же автора: «Erklärung d. Konstellationen d. Himmelskörper», Berlin, 1791, и «Meteorologische Merkwürdigkeiten», Berlin, 1792 **). См. также № 110.

Симсонъ — розенкрейцеръ «Вельнерова круга»; см. «Дневникъ» Шредера.

№ 52. Въ московскомъ почтамтѣ изложили «содержаніе нѣмецкаго письма къ г. Шредеру въ С.-Петербургѣ отъ г. Шредера изъ Берлина отъ 20 декабря 1790 года». Въ Ригѣ списали нѣмецкій текстъ, съ примѣчаніемъ: «Другое [письмо, именно № 52] по содержанію слѣдуетъ также какому то Сацердосу, писано тою же рукою, но подписано было другимъ именемъ фонъ Шредеромъ (уповательно, настоящее имя писателя)». Копіистъ запутался въ именахъ, но вѣрно указалъ, что оба письма [№ 51 и 52] писаны одной и той же рукою.

№ 53. «Вложенный пакетъ» былъ адресованъ А. П. Плещеевой.

№ 54. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 332—333. Переводъ цитатъ, напечатанный въ *P. C.*, сдѣланъ, повидимому, въ почтамтѣ, а не Кутузовымъ.

№ 55. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 333—334. Здѣсь напечатанъ лишь отрывокъ, адресованный притомъ не А. П. Плещеевой, а ея мужу. Въ настоящемъ изданіи письмо приведено полностью по рижской копіи.

Виландъ (Christoph Martin Wiland) — 5 сент. 1733 † 20 янв. 1813.

У Плещеевыхъ была дочь «Мавренька» (стр. 108) — не ее ли назвалъ Кутузовъ «Маѳой смиренной»? Въ письмѣ № 186 онъ предполагаетъ, что эта Маѳа выросла; едва-ли онъ писалъ о сестрѣ Карамзина, Маѳѣ Михайловнѣ, которая жила въ это время у Плещеевыхъ.

О причинахъ путешествія Карамзина см. также № 7 и 33.

№ 56. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 331—332. Первая копія помѣчена 12/23 декабря, вторая — 18/29 декабря. Въ *P. C.* напечатанъ лишь отрывокъ, а нѣмецкій текстъ кратко изложенъ по русски. [См. также № 51 и 110].

№ 57. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 329—331 (не въ полномъ видѣ). Хотя письмо и помѣчено 6/17 декабря, но въ настоящемъ изданіи оно напечатано вслѣдъ за № 56, потому что вложено было вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ конвертъ.

---

*) Евстафій Федоровичъ Звѣракъ (1751 † 29 апр. 1829) съ 1816 г. былъ инспекторомъ Бессарабской врачебной управы.

**) За справки о Шретерѣ и Штёве въ Берлинской королевской библіотекѣ приношу глубокую благодарность д-ру Меккелейну. Имѣвшійся въ моемъ распоряженіи свѣдѣнія подтвердила и пополнила своимъ любезнымъ сообщеніемъ Королевская академія въ Мюнхенѣ (2 окт. 1913).

Трудъ Шрётера «Abhandlung von Steigen und Fällen des Barometers oder Beantwortung der akademischen Preissaufgabe fürs Jahr 1784» напечатанъ въ «Neue philosophische Abhandlungen der Baierischen Akademie der Wissenschaften», München, 1785, Band IV, S. 137 — 148». Этотъ трудъ отмѣченъ также въ «Repertorium der deutschen Meteorologie» von G. Hellmann», Leipz., 1883, S. 450. См. также *Lamberts* «Deutscher Gelehrter Briefwechsel», Bd. IV, S. 261 — 2.

Въ примѣчаніяхъ къ № 5 приведены свѣдѣнія о перепискѣ Шретера со Штаркомъ. Знакомство ихъ возникло, вѣроятно, въ тѣ годы, когда Штаркъ преподавалъ восточные языки въ петербургской Petrischule (1763 — 1765). Любопытно, что этому Шретеру посылалъ извѣстія бар. Шредеръ именно чрезъ Рейхеля или Звѣраку *), съ которыми былъ въ близкихъ отношеніяхъ и кн. Н. Н. Трубецкой. См. также №№ 52, 84, 110.

Текстъ «Anzeigung» см. въ письмѣ Кутузова № 56. Это — трудъ Штёве (Stöwe, Christian Gottlieb Friedrich, Superintendent u. Oberpfarrer a. d. Nikolaikirche in Potsdam) подъ заглавіемъ «Anzeige einer allgemeinen interessanten physikalischen Entdeckung», Berlin, 1791. Того же автора: «Erklärung d. Konstellationen d. Himmelskörper», Berlin, 1791, и «Meteorologische Merkwürdigkeiten», Berlin, 1792 **). См. также № 110.

Симсонъ — розенкрейцеръ «Вельнерова круга»; см. «Дневникъ» Шредера.

№ 52. Въ московскомъ почтамтѣ изложили «содержаніе нѣмецкаго письма къ г. Шредеру въ С.-Петербургѣ отъ г. Шредера изъ Берлина отъ 20 декабря 1790 года». Въ Ригѣ списали нѣмецкій текстъ, съ примѣчаніемъ: «Другое [письмо, именно № 52] по содержанію слѣдуетъ также какому то Сацердосу, писано тою же рукою, но подписано было другимъ именемъ фонъ Шредеромъ (уповательно, настоящее имя писателя)». Копіистъ запутался въ именахъ, но вѣрно указалъ, что оба письма [№ 51 и 52] писаны одной и той же рукою.

№ 53. «Вложенный пакетъ» былъ адресованъ А. П. Плещеевой.

№ 54. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 332 — 333. Переводъ цитатъ, напечатанный въ *P. C.*, сдѣланъ, повидимому, въ почтамтѣ, а не Кутузовымъ.

№ 55. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 333 — 334. Здѣсь напечатанъ лишь отрывокъ, адресованный притомъ не А. П. Плещеевой, а ея мужу. Въ настоящемъ изданіи письмо приведено полностью по рижской копіи.

Виландъ (Christoph Martin Wiland) — 5 сент. 1733 † 20 янв. 1813.

У Плещеевыхъ была дочь «Мавренька» (стр. 108) — не ее ли назвалъ Кутузовъ «Маѳой смиренной»? Въ письмѣ № 186 онъ предполагаетъ, что эта Маѳа выросла; едва-ли онъ писалъ о сестрѣ Карамзина, Маѳѣ Михайловнѣ, которая жила въ это время у Плещеевыхъ.

О причинахъ путешествія Карамзина см. также № 7 и 33.

№ 56. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 331 — 332. Первая копія помѣчена 12/23 декабря, вторая — 18/29 декабря. Въ *P. C.* напечатанъ лишь отрывокъ, а нѣмецкій текстъ кратко изложенъ по русски. [См. также № 51 и 110].

№ 57. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 329 — 331 (не въ полномъ видѣ). Хотя письмо и помѣчено 6/17 декабря, но въ настоящемъ изданіи оно напечатано вслѣдъ за № 56, потому что вложено было вмѣстѣ съ нимъ въ одинъ конвертъ.

---

*) Евстафій Федоровичъ Звѣракъ (1751 † 29 апр. 1829) съ 1816 г. былъ инспекторомъ Бессарабской врачебной управы.

**) За справки о Шретерѣ и Штёве въ Берлинской королевской библіотекѣ приношу глубокую благодарность д-ру Меккелейну. Имѣвшійся въ моемъ распоряженіи свѣдѣнія подтвердила и пополнила своимъ любезнымъ сообщеніемъ Королевская академія въ Мюнхенѣ (2 окт. 1913).

Анна Васильевна Радищева р. Рубановская скончалась 3 августа 1783.

Къ англійскому тексту [стр. 66] имѣется въ копіяхъ подъ строкой переводъ, едва-ли принадлежащій Кутузову: «Я принужденъ говорить то, что благоразуміе желало-бъ умолчать и открыть ненавистную великимъ людямъ истинну. Дерзновенное предпріятіе, когда слишкомъ просвѣтившіеся подданные научаютъ Государя познавать его заблужденіе. И хотя мы думаемъ, что мгновенной гневъ прошелъ, но безъ сомнѣнія сильный за то современемъ отомститъ».

О дѣтяхъ и огорченіяхъ Е. И. Голенищевой-Кутузовой см. № 45.

№ 58. Заглавіе «Von der Magia des Glaubens» Лопухинъ перевелъ въ № 26 «О силѣ вѣры». — См. также № 37.

№ 59. Анна Родіоновна — графиня Черныше ва, р. Вейдель (1744 † 1830).

Андрей Ивановичъ Веревкинъ писалъ изъ Могилевской губерніи (въ Бѣлоруссіи); онъ былъ мастеромъ стула въ могилевской ложѣ, основанной И. Е. Шварцемъ.

Стакельбергъ — бар. Оттонъ Магнусъ Штакельбергъ (1736 † 1800).

Яковъ Ивановичъ Булгаковъ — 15 окт. 1743 † 7 іюля 1809.

Де-Рибасъ don Joseph de Ribas-y-Boyons (6 іюня 1749 † 2 дек. 1800).

Иванъ Ивановичъ Германъ — въ службѣ съ 1769, генералъ-маіоръ съ 1790.

Валеріанъ Александровичъ Зубовъ — 1771 † 1804.

Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій — 13 ноября 1729 † 6 мая 1800.

60. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 341 — 342.

Книга, о которой пишетъ Кутузовъ, появилась въ 1790 году: «De l'origine des usages, des abus, des quantités et des mélanges de la raison et de la foi. De l'évidence morale; causes de son peu d'effet. Objections des incrédules réfutées. Des cieux purs et des impurs. De l'esprit astral. Des cinq espèces de magie. De l'immortalité d'ésprit. De la puissance du prince de l'air. Du magnétisme et du somnambulisme. Prophéties et prodiges des payens. Des sages d'entre eux. Des trois révélations. De la croix, loi universelle. De Mahomet. Des passions. De l'amour propre. De la sensibilité. Des inspirés et des illuminés modernes de tous les degrés. Des sens mystiques. Chronologies égyptiennes éclaircies. Des moraves, pietistes, anabaptistes et d'autres. Du serment etc». Vol. 1 — 2. Paris et Lausanne, 1790. 8°. По указанію *Wolfstieg*, B. I, 192, № 3803, авторъ ея — *Du Toit-Mambrini*. «Kloss 3268 gibt *Durand*, Minister in Lausanne, als Verfasser an». Ср. *Barbier* «Dictionnaire des ouvrages anonymes».

№ 61. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 337 — 341.

№ 62 — 65. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 334 — 337.

№ 66. Сохранилось лишь въ рижской копіи, не вполнѣ исправной. Въ концѣ прибавлено:

«Подъ кувертомъ маіора Кутузова написано:

«Любезному другу Алексѣю Михайловичу желаю обновленія куппо съ новымъ годомъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ на вѣки и мысленно цѣлую его. Покорный слуга Семенъ. 27 генваря, 1791 года. Наши всѣ здоровы».

Не сдѣлалъ-ли эту приписку С. И. Гамалѣя? «Семеномъ» дружески называлъ его И. П. Тургеневъ (13 : 14).

Голенищева-Кутузова Елизавета Михайловна (1783 † 3 мая 1839) была въ первомъ бракѣ за гр. Ѳедоромъ Ивановичемъ Тизенгаузеномъ, во второмъ — за Николаемъ Ѳедоровичемъ Хитрово.

Голенищева-Кутузова Дарья Михайловна вышла за Ѳедора Петровича Опочинина.

№ 68. Книги, упомянутыя Кутузовымъ (79 : 13), по всей вѣроятности, были:

Анна Васильевна Радищева р. Рубановская скончалась 3 августа 1783.

Къ англійскому тексту [стр. 66] имѣется въ копіяхъ подъ строкой переводъ, едва-ли принадлежащій Кутузову: «Я принужденъ говорить то, что благоразуміе желало-бъ умолчать и открыть ненавистную великимъ людямъ истинну. Дерзновенное предпріятіе, когда слишкомъ просвѣтившіеся подданные научаютъ Государя познавать его заблужденіе. И хотя мы думаемъ, что мгновенной гневъ прошелъ, но безъ сомнѣнія сильный за то современемъ отомститъ».

О дѣтяхъ и огорченіяхъ Е. И. Голенищевой-Кутузовой см. № 45.

№ 58. Заглавіе «Von der Magia des Glaubens» Лопухинъ перевелъ въ № 26 «О силѣ вѣры». — См. также № 37.

№ 59. Анна Родіоновна — графиня Черныше ва, р. Вейдель (1744 † 1830).

Андрей Ивановичъ Веревкинъ писалъ изъ Могилевской губерніи (въ Бѣлоруссіи); онъ былъ мастеромъ стула въ могилевской ложѣ, основанной И. Е. Шварцемъ.

Стакельбергъ — бар. Оттонъ Магнусъ Штакельбергъ (1736 † 1800).

Яковъ Ивановичъ Булгаковъ — 15 окт. 1743 † 7 іюля 1809.

Де-Рибасъ don Joseph de Ribas-y-Boyons (6 іюня 1749 † 2 дек. 1800).

Иванъ Ивановичъ Германъ — въ службѣ съ 1769, генералъ-маіоръ съ 1790.

Валеріанъ Александровичъ Зубовъ — 1771 † 1804.

Александръ Васильевичъ Суворовъ-Рымникскій — 13 ноября 1729 † 6 мая 1800.

60. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 341 — 342.

Книга, о которой пишетъ Кутузовъ, появилась въ 1790 году: «De l'origine des usages, des abus, des quantités et des mélanges de la raison et de la foi. De l'évidence morale; causes de son peu d'effet. Objections des incrédules réfutées. Des cieux purs et des impurs. De l'esprit astral. Des cinq espèces de magie. De l'immortalité d'ésprit. De la puissance du prince de l'air. Du magnétisme et du somnambulisme. Prophéties et prodiges des payens. Des sages d'entre eux. Des trois révélations. De la croix, loi universelle. De Mahomet. Des passions. De l'amour propre. De la sensibilité. Des inspirés et des illuminés modernes de tous les degrés. Des sens mystiques. Chronologies égyptiennes éclaircies. Des moraves, pietistes, anabaptistes et d'autres. Du serment etc». Vol. 1 — 2. Paris et Lausanne, 1790. 8°. По указанію *Wolfstieg*, B. I, 192, № 3803, авторъ ея — *Du Toit-Mambrini*. «Kloss 3268 gibt *Durand*, Minister in Lausanne, als Verfasser an». Ср. *Barbier* «Dictionnaire des ouvrages anonymes».

№ 61. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 337 — 341.

№ 62 — 65. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 334 — 337.

№ 66. Сохранилось лишь въ рижской копіи, не вполнѣ исправной. Въ концѣ прибавлено:

«Подъ кувертомъ маіора Кутузова написано:

«Любезному другу Алексѣю Михайловичу желаю обновленія куппо съ новымъ годомъ во всѣхъ добрыхъ дѣлахъ на вѣки и мысленно цѣлую его. Покорный слуга Семенъ. 27 генваря, 1791 года. Наши всѣ здоровы».

Не сдѣлалъ-ли эту приписку С. И. Гамалѣя? «Семеномъ» дружески называлъ его И. П. Тургеневъ (13 : 14).

Голенищева-Кутузова Елизавета Михайловна (1783 † 3 мая 1839) была въ первомъ бракѣ за гр. Ѳедоромъ Ивановичемъ Тизенгаузеномъ, во второмъ — за Николаемъ Ѳедоровичемъ Хитрово.

Голенищева-Кутузова Дарья Михайловна вышла за Ѳедора Петровича Опочинина.

№ 68. Книги, упомянутыя Кутузовымъ (79 : 13), по всей вѣроятности, были:

1) «Словарь сравнительный всѣхъ языковъ и нарѣчій», собранный Высочайшею десницею императрицы *Екатерины II*, изданный г. *Палласомъ*, ч. 1—2, С.-П-б., 1787—1789. 4°. 2) «Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе», [*М. М. Хераскова*], ч. 1—2, М., 1786. 8°.

№ 70. Изъ приписки къ № 66 ясно, что Кутузовъ отвѣчаетъ лишь на письмо № 45, а письмо № 66 еще не было имъ получено въ Берлинѣ 14/25 января 1791.

Кутузовъ цитируетъ «*Young's* «Night Thoughts» [Edinburgh, 1868] a) Night third, 63—64 [p. 45], b) Night second, 516—521 [p. 36].

№ 71. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 344—345.

№ 72. О своихъ «опытахъ» Кутузовъ писалъ раньше въ №№ 29, 48 и 50; производства кн. Петра Николаевича Трубецкого (1773 † 16 ноября 1801) въ офицеры онъ ожидалъ давно (№ 15, 48, 68).

№ 73. Кутузовъ просилъ прислать ему «Кадмуса» въ письмѣ № 68.

Михаилъ Ивановичъ Багрянскій (29 окт. 1761 † [1813 ?] 1810) отправился за границу въ іюнѣ 1786, выѣхалъ изъ Берлина въ концѣ іюля 1790, возвратился 8 сентября 1790. — *Тихонравовъ*, 73. — *Сборникъ*, II, 130, 132, 133. Новѣйшія свѣдѣнія въ *Б. С.*; библіографія тамъ же.

№ 74. Дарья Ивановна (12 ноября 1768 † 23 октября 1830) была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Меемъ (25 марта 1763 † 12 декабря 1812).

Багрянскій Василій Ивановичъ (1742 † 8 іюля 1814), въ монашествѣ Веніаминъ, былъ посвященъ въ санъ епископа (иркутскаго) 9 декабря 1789 изъ архим. Свіяжскаго Богородицкаго монастыря.

№ 75—76. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 348—349.

№ 77—79. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 342—344.

Гр. Александръ Андреевичъ Безбородко пріѣзжалъ въ Москву съ указомъ императрицы противъ мартинистовъ, но не далъ ему хода *). См. Предисловіе.

О припискѣ къ № 78 копіистъ замѣтилъ: «другою рукою». По всей вѣроятности, «Стихотворцевымъ» подписался М. М. Херасковъ. — См. № 86.

№ 80. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 345—347.

Княжна Екатерина Петровна Трубецкая (1744 † 20 ноября 1815) была (съ 1770 или 1771) замужемъ за гр. Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ (3 янв. 1733 † 27 сент. 1811), но разошлась съ нимъ и находилась въ связи съ Иваномъ Николаевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ (1754 † 16 февр. 1831) послѣ удаленія его отъ двора (1779) до конца своей жизни. Мужъ предоставилъ ей подмосковное имѣніе Братцово **). Странно, что въ перепискѣ графиня называется «княжной», въ копіяхъ *Р. С.* она называется «княгиней»; о другой «княжнѣ» Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой свѣдѣній нѣтъ.

О книгѣ «De l'origine des usages»... см. № 60.

О Кемписѣ (92 : 10) см. № 32; другая книга — «+ Mystère de la croix affligeante et consolante, mortifiante et vivifiante, humiliante et triomphante, de Jésus Christ et de ses membres. Ecrit au milieu de la croix au dedans et au dehors. Par un disciple de la croix de Jésus [d. i. Douzetemps]. Achevé le 12 d'août, 1832. On y a adjouté quelques poésies Latines sur divers sujets, composées aussi dans la solitude de Sonnenstein. Hombourg von der Höhe. 1732. Memhard. 8°. — Nouv. éd. Lausanne. Grasset et C°. 1791. XXIV + 390 S. 12°». (*Wolfstieg*, II, 956).

Русскій переводъ вышелъ въ 1784 г. (*Сопиковъ* ч. 5, стр. 9): «Таинство Креста, огорчевающаго, и утѣшающаго, умерщвляющаго и животворящаго, уничиженнаго

*) *Лонгиновъ*, 308.

**) Великій Князь *Николай Михаиловичъ*, I, 14—18. — Въ *Сказаніяхъ о родѣ князей Трубецкихъ*, 149, смерть Екатерины Петровны отнесена къ *20 января* 1815.

1) «Словарь сравнительный всѣхъ языковъ и нарѣчій», собранный Высочайшею десницею императрицы *Екатерины II*, изданный г. *Палласомъ*, ч. 1—2, С.-П-б., 1787—1789. 4°. 2) «Кадмъ и Гармонія, древнее повѣствованіе», [*М. М. Хераскова*], ч. 1—2, М., 1786. 8°.

№ 70. Изъ приписки къ № 66 ясно, что Кутузовъ отвѣчаетъ лишь на письмо № 45, а письмо № 66 еще не было имъ получено въ Берлинѣ 14/25 января 1791.

Кутузовъ цитируетъ «*Young's* «Night Thoughts» [Edinburgh, 1868] a) Night third, 63—64 [p. 45], b) Night second, 516—521 [p. 36].

№ 71. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 344—345.

№ 72. О своихъ «опытахъ» Кутузовъ писалъ раньше въ №№ 29, 48 и 50; производства кн. Петра Николаевича Трубецкого (1773 † 16 ноября 1801) въ офицеры онъ ожидалъ давно (№ 15, 48, 68).

№ 73. Кутузовъ просилъ прислать ему «Кадмуса» въ письмѣ № 68.

Михаилъ Ивановичъ Багрянскій (29 окт. 1761 † [1813 ?] 1810) отправился за границу въ іюнѣ 1786, выѣхалъ изъ Берлина въ концѣ іюля 1790, возвратился 8 сентября 1790. — *Тихонравовъ*, 73. — *Сборникъ*, II, 130, 132, 133. Новѣйшія свѣдѣнія въ *Б. С.*; библіографія тамъ же.

№ 74. Дарья Ивановна (12 ноября 1768 † 23 октября 1830) была замужемъ за Иваномъ Ивановичемъ Меемъ (25 марта 1763 † 12 декабря 1812).

Багрянскій Василій Ивановичъ (1742 † 8 іюля 1814), въ монашествѣ Веніаминъ, былъ посвященъ въ санъ епископа (иркутскаго) 9 декабря 1789 изъ архим. Свіяжскаго Богородицкаго монастыря.

№ 75—76. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 348—349.

№ 77—79. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 342—344.

Гр. Александръ Андреевичъ Безбородко пріѣзжалъ въ Москву съ указомъ императрицы противъ мартинистовъ, но не далъ ему хода *). См. Предисловіе.

О припискѣ къ № 78 копіистъ замѣтилъ: «другою рукою». По всей вѣроятности, «Стихотворцевымъ» подписался М. М. Херасковъ. — См. № 86.

№ 80. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 345—347.

Княжна Екатерина Петровна Трубецкая (1744 † 20 ноября 1815) была (съ 1770 или 1771) замужемъ за гр. Александромъ Сергѣевичемъ Строгоновымъ (3 янв. 1733 † 27 сент. 1811), но разошлась съ нимъ и находилась въ связи съ Иваномъ Николаевичемъ Римскимъ-Корсаковымъ (1754 † 16 февр. 1831) послѣ удаленія его отъ двора (1779) до конца своей жизни. Мужъ предоставилъ ей подмосковное имѣніе Братцово **). Странно, что въ перепискѣ графиня называется «княжной», въ копіяхъ *Р. С.* она называется «княгиней»; о другой «княжнѣ» Екатеринѣ Петровнѣ Трубецкой свѣдѣній нѣтъ.

О книгѣ «De l'origine des usages»... см. № 60.

О Кемписѣ (92 : 10) см. № 32; другая книга — «+ Mystère de la croix affligeante et consolante, mortifiante et vivifiante, humiliante et triomphante, de Jésus Christ et de ses membres. Ecrit au milieu de la croix au dedans et au dehors. Par un disciple de la croix de Jésus [d. i. Douzetemps]. Achevé le 12 d'août, 1832. On y a adjouté quelques poésies Latines sur divers sujets, composées aussi dans la solitude de Sonnenstein. Hombourg von der Höhe. 1732. Memhard. 8°. — Nouv. éd. Lausanne. Grasset et C°. 1791. XXIV + 390 S. 12°». (*Wolfstieg*, II, 956).

Русскій переводъ вышелъ въ 1784 г. (*Сопиковъ* ч. 5, стр. 9): «Таинство Креста, огорчевающаго, и утѣшающаго, умерщвляющаго и животворящаго, уничиженнаго

*) *Лонгиновъ*, 308.

**) Великій Князь *Николай Михаиловичъ*, I, 14—18. — Въ *Сказаніяхъ о родѣ князей Трубецкихъ*, 149, смерть Екатерины Петровны отнесена къ *20 января* 1815.

и торжествующаго Іисусъ Христова и членовъ его; писано посреди креста внутрь и внѣ, ученикомъ креста Іисусова, кончено 12 августа 1732 года; переводъ съ французскаго [М. П. Багрянскаго и А. М. Кутузова]. Москва. 1784 — въ 8». — См. также *Тихонравовъ*, 90.

№ 82. Къ этому письму приложена была шифрованная черточками и точками страница; въ срединѣ стояло латинскими буквами масонское имя И. В. Лопухина — Philus. См. также № 95 и 105.

№ 83. Кн. Трубецкой сообщаетъ Кутузову о послѣдней поѣздкѣ кн. Григорія Александровича Потемкина (29 сент. 1736 † 5 окт. 1791) къ императрицѣ.

№ 84. «Anzeigung» — напечатано въ № 56.

№ 85. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 351 — 354.

Стернъ — Lawrence Sterne (1713 † 1768).

Въ сочиненіи Louis Seb. Mercier (1730 † 1814) «Tableau de Paris», 1781, есть главы, посвященныя тайнымъ обществамъ въ Парижѣ (*Kloss*, 713).

Александръ Петровичъ Сумароковъ — 14 ноября 1717 † 1 окт. 1777.

Николаи — Christoph Friedrich Nicolai (18 марта 1733 † 16 янв. 1811).

Бистеръ — Erich Iohann Biester (17 ноября 1749 † 20 февр. 1816).

Гедике — Friedrich Gedike (15 янв. 1754 † 2 мая 1803).

№ 87. «Загадкой» Кутузовъ считалъ письмо Карамзина № 35. См. № 54 и 99.

О Курляндіи писалъ въ томъ же тонѣ Багрянскій (№ 74).

№ 89. Кн. Семенъ Михайловичъ Давыдовъ — 1730 † 1792.

Дорошково (Дорожково Большое и Дорожково Малое) — дер. Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи.

Василій Николаевичъ Гурьевъ † 1809.

Аркадій Усынягорыня — Аркадій Ивановичъ Марковъ (или Морковъ, 6 янв. 1747 † 29 янв. 1827, съ 1796 графъ).

№ 90. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 349.

Гюйонъ — Jeanne Marie Bouvier de la Motte Guyon (13 апр. 1648 † 9 іюня 1717). Новое изданіе ея сочиненій вышло въ 40 томахъ подъ редакціей du Toit Mambrini въ 1790 году. Въ письмѣ № 92 Трубецкой упоминаетъ «Jutifiscations de la doctrine de m—me de la Mothe Guion. Pleinement éclaircie démontrée et autorisée par les s-ts Pers Grecs, Latins et Auteurs cannonisés ou approuvés, écrites par elle même. Avec un examen de la neuvième et dixieme Conférence de Cassien sur l'état fixe de l'oraison continuelle. Par m—r de Fénelon, Archevêque de Cambray» [6 авг. 1651 † 7 янв. 1715]. Nouvelle édition exactement corrigée. A Paris. Chez les libraires associés. MDCCXC. 3 v.

№ 91. «Неизвѣстнымъ каналомъ» послужилъ бар. Эренаціусъ. См. № 112 и 126.

№ 92. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 349 — 351.

«La Bouche de fer (1790 — 1791) de l'imprimerie du Cercle social, 5 v. 8°. Hebdomadaire, redigé par l'abbé Claude Fauchet et Nicolas de Bonneville. Le Cercle social était d'abord une loge des francsmaçons qui comptait beaucoup d'hommes distingués. Cette loge se constitua en club ordinaire ou en société publique... La Bouche de fer était avant tout et presque exclusivement l'organe du club social». («Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution française» par Morice *Tourneux*, T. X, Paris, 1894, p. 568, № 10425).

Равальякъ — François Ravaillac (1578 † 1610).

«Тевтонический философъ» (philosophus teutonicus) — Яковъ Бёме. См. № 13.

№ 95. — Монфоконъ — Bernard Montfaucon (1655 † 1741), авторъ «L'antiquité, expliquée et representée en figures», Paris, 1719.

№ 97. — Алексѣй Ивановичъ Повиковъ — въ масонствѣ Vivax (1749 † 1799).

и торжествующаго Іисусъ Христова и членовъ его; писано посреди креста внутрь и внѣ, ученикомъ креста Іисусова, кончено 12 августа 1732 года; переводъ съ французскаго [М. П. Багрянскаго и А. М. Кутузова]. Москва. 1784 — въ 8». — См. также *Тихонравовъ*, 90.

№ 82. Къ этому письму приложена была шифрованная черточками и точками страница; въ срединѣ стояло латинскими буквами масонское имя И. В. Лопухина — Philus. См. также № 95 и 105.

№ 83. Кн. Трубецкой сообщаетъ Кутузову о послѣдней поѣздкѣ кн. Григорія Александровича Потемкина (29 сент. 1736 † 5 окт. 1791) къ императрицѣ.

№ 84. «Anzeigung» — напечатано въ № 56.

№ 85. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 351 — 354.

Стернъ — Lawrence Sterne (1713 † 1768).

Въ сочиненіи Louis Seb. Mercier (1730 † 1814) «Tableau de Paris», 1781, есть главы, посвященныя тайнымъ обществамъ въ Парижѣ (*Kloss*, 713).

Александръ Петровичъ Сумароковъ — 14 ноября 1717 † 1 окт. 1777.

Николаи — Christoph Friedrich Nicolai (18 марта 1733 † 16 янв. 1811).

Бистеръ — Erich Iohann Biester (17 ноября 1749 † 20 февр. 1816).

Гедике — Friedrich Gedike (15 янв. 1754 † 2 мая 1803).

№ 87. «Загадкой» Кутузовъ считалъ письмо Карамзина № 35. См. № 54 и 99.

О Курляндіи писалъ въ томъ же тонѣ Багрянскій (№ 74).

№ 89. Кн. Семенъ Михайловичъ Давыдовъ — 1730 † 1792.

Дорошково (Дорожково Большое и Дорожково Малое) — дер. Кинешемскаго уѣзда Костромской губерніи.

Василій Николаевичъ Гурьевъ † 1809.

Аркадій Усынягорыня — Аркадій Ивановичъ Марковъ (или Морковъ, 6 янв. 1747 † 29 янв. 1827, съ 1796 графъ).

№ 90. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 349.

Гюйонъ — Jeanne Marie Bouvier de la Motte Guyon (13 апр. 1648 † 9 іюня 1717). Новое изданіе ея сочиненій вышло въ 40 томахъ подъ редакціей du Toit Mambrini въ 1790 году. Въ письмѣ № 92 Трубецкой упоминаетъ «Jutifiscations de la doctrine de m—me de la Mothe Guion. Pleinement éclaircie démontrée et autorisée par les s-ts Pers Grecs, Latins et Auteurs cannonisés ou approuvés, écrites par elle même. Avec un examen de la neuvième et dixieme Conférence de Cassien sur l'état fixe de l'oraison continuelle. Par m—r de Fénelon, Archevêque de Cambray» [6 авг. 1651 † 7 янв. 1715]. Nouvelle édition exactement corrigée. A Paris. Chez les libraires associés. MDCCXC. 3 v.

№ 91. «Неизвѣстнымъ каналомъ» послужилъ бар. Эренаціусъ. См. № 112 и 126.

№ 92. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 349 — 351.

«La Bouche de fer (1790 — 1791) de l'imprimerie du Cercle social, 5 v. 8°. Hebdomadaire, redigé par l'abbé Claude Fauchet et Nicolas de Bonneville. Le Cercle social était d'abord une loge des francsmaçons qui comptait beaucoup d'hommes distingués. Cette loge se constitua en club ordinaire ou en société publique... La Bouche de fer était avant tout et presque exclusivement l'organe du club social». («Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la révolution française» par Morice *Tourneux*, T. X, Paris, 1894, p. 568, № 10425).

Равальякъ — François Ravaillac (1578 † 1610).

«Тевтонический философъ» (philosophus teutonicus) — Яковъ Бёме. См. № 13.

№ 95. — Монфоконъ — Bernard Montfaucon (1655 † 1741), авторъ «L'antiquité, expliquée et representée en figures», Paris, 1719.

№ 97. — Алексѣй Ивановичъ Повиковъ — въ масонствѣ Vivax (1749 † 1799).

№ 99. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 354.

№ 100. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 355.

Кн. Трубецкой просилъ Кутузова справиться у Бишофсвердера о книгѣ «Centrum naturae concentratum oder Ein Tractat von dem Wiedergebohrnen Saltz. Insgemein und eigentlich genandt: der Weisen Stein, in Arabischen geschrieben von Ali Puli, einem Asiatischen Mohren, darnach in Portugisische Sprache durch H. L. V. A. H. und. in-s Hochdeutsche übersetzt und herausgegeben von Iohann Otto Helbig Rittern Churfürstl. Pfälzischen Rath, Leib Medico und bey der Heidelbergischen Universität Professore Publico. Franckfurt, bey Iohann Friedrich Fleisher. 1756. S. 40. 8°». Въ *И. И. Б.* имѣется рукописный русскій переводъ (III. О. № 52): «Центръ патуры сконцентрированный или трактатъ о возрожденной соли вообще и собственно называемой камнемъ мудрыхъ. Сочиненіе азіатскаго мавра Али Пулія, переведенное съ арабскаго на нѣмецкій Іоан. Оттомъ Гельбихомъ риттеромъ» («Отчетъ *И. И. Б.*, 1869, стр. 45).

№ 104. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 356 — 357.

№ 109. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 357 — 358. Донесеніе Пестеля кн. Прозоровскому (22 мая 1791):

«Почтеннѣйшее писаніе, коимъ Вашему Сіятельству отъ 21 сего мѣсяца изъ Воскресенскаго почесть угодно было, удостоился я сего утра получить. Включенные въ ономъ четыре конверта, адресованные въ С.-Петербургъ, съ сегодняшнею почтою не преминулъ я по надписи отправить.

«Вчерашняго числа имѣлъ я честь отправить къ Вашему Сіятельству чрезъ здѣшняго господина губернатора копію съ письма, полученнаго изъ Берлина. На реестрѣ означено 19 число, потому что въ сей день имѣлъ я честь оную отправить въ Коломенское, но по причинѣ отбытія Вашего Сіятельства получилъ свой конвертъ обратно. Таковую же копію препроводилъ я на прошедшей почтѣ къ Его Сіятельству графу Александру Андреевичу [Безбородкѣ]. Ваше Сіятельство изъ письма Кутузова... [дальнѣйшія строки напечатаны въ «Предисловіи»]... неудовольствія не обнаруживаютъ по сіе время.

«Пользуясь симъ случаемъ возобновить себя милостивой памяти Вашего Сіятельства, имѣю я честь поручить себя продолженію благосклоннаго расположенія, коимъ Вашему Сіятельству удостоивать угодно пребывающаго съ глубокимъ высокопочитаніемъ,

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства

«всепокорнѣйшій слуга

Иванъ Пестель.

«Москва, 22 мая 1791».

№ 110. Рапортъ Пестеля: «Включено въ письмо отъ Рейхеля» (См. № 112). Въ копіи имѣется также адресъ: «Eberh. Ioh. Schröter in der Morskoy, № 140». Относительно «Anzeigung» и Штёве см. № 51.

№ 112. По даннымъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба видно, 1), что «подполковникъ Карлъ Федоровичъ фонъ Еренаціусъ, изъ дворянъ Римской имперіи города Байрейта на вѣчное въ Россіи подданство присягою не обязывался, а служитъ временно; прусской службы изъ подполковниковъ принятъ въ россійскую тѣмъ же чиномъ, 1791, мая 1, опредѣленъ въ сей Маріупольскій легкоконной полкъ 1791, іюля 30. 1791-го при свитѣ Его Свѣтлости покойнаго Господина Генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго и 1792-го годовъ въ Польшѣ до присоединенія нѣкоторой части оной къ Россійской державѣ находился. Грамотѣ французской, нѣмецкой и часть россійской знаетъ, въ отпускахъ и штрафахъ не бывалъ, холостъ, сверкомплекта уволенъ Его Сіятельствомъ графомъ Александръ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ для излѣченія болѣзни къ Цари-

№ 99. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 354.

№ 100. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 355.

Кн. Трубецкой просилъ Кутузова справиться у Бишофсвердера о книгѣ «Centrum naturae concentratum oder Ein Tractat von dem Wiedergebohrnen Saltz. Insgemein und eigentlich genandt: der Weisen Stein, in Arabischen geschrieben von Ali Puli, einem Asiatischen Mohren, darnach in Portugisische Sprache durch H. L. V. A. H. und. in-s Hochdeutsche übersetzt und herausgegeben von Iohann Otto Helbig Rittern Churfürstl. Pfälzischen Rath, Leib Medico und bey der Heidelbergischen Universität Professore Publico. Franckfurt, bey Iohann Friedrich Fleisher. 1756. S. 40. 8°». Въ *И. И. Б.* имѣется рукописный русскій переводъ (III. О. № 52): «Центръ натуры сконцентрированный или трактатъ о возрожденной соли вообще и собственно называемой камнемъ мудрыхъ. Сочиненіе азіатскаго мавра Али Пулія, переведенное съ арабскаго на нѣмецкій Іоан. Оттомъ Гельбихомъ риттеромъ» («Отчетъ *И. И. Б.*, 1869, стр. 45).

№ 104. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 356 — 357.

№ 109. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 357 — 358. Донесеніе Пестеля кн. Прозоровскому (22 мая 1791):

«Почтеннѣйшее писаніе, коимъ Вашему Сіятельству отъ 21 сего мѣсяца изъ Воскресенскаго почесть угодно было, удостоился я сего утра получить. Включенные въ ономъ четыре конверта, адресованные въ С.-Петербургъ, съ сегодняшнею почтою не преминулъ я по надписи отправить.

«Вчерашняго числа имѣлъ я честь отправить къ Вашему Сіятельству чрезъ здѣшняго господина губернатора копію съ письма, полученнаго изъ Берлина. На реестрѣ означено 19 число, потому что въ сей день имѣлъ я честь оную отправить въ Коломенское, но по причинѣ отбытія Вашего Сіятельства получилъ свой конвертъ обратно. Таковую же копію препроводилъ я на прошедшей почтѣ къ Его Сіятельству графу Александру Андреевичу [Безбородкѣ]. Ваше Сіятельство изъ письма Кутузова... [дальнѣйшія строки напечатаны въ «Предисловіи»]... неудовольствія не обнаруживаютъ по сіе время.

«Пользуясь симъ случаемъ возобновить себя милостивой памяти Вашего Сіятельства, имѣю я честь поручить себя продолженію благосклоннаго расположенія, коимъ Вашему Сіятельству удостоивать угодно пребывающаго съ глубокимъ высокопочитаніемъ,

«Сіятельнѣйшій Князь, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства

«всепокорнѣйшій слуга

Иванъ Пестель.

«Москва, 22 мая 1791».

№ 110. Рапортъ Пестеля: «Включено въ письмо отъ Рейхеля» (См. № 112). Въ копіи имѣется также адресъ: «Eberh. Ioh. Schröter in der Morskoy, № 140». Относительно «Anzeigung» и Штёве см. № 51.

№ 112. По даннымъ Московскаго отдѣленія общаго архива Главнаго Штаба видно, 1), что «подполковникъ Карлъ Федоровичъ фонъ Еренаціусъ, изъ дворянъ Римской имперіи города Байрейта на нѣчное въ Россіи подданство присягою не обязывался, а служитъ временно; прусской службы изъ подполковниковъ принятъ в россійскую тѣмъ же чиномъ, 1791, мая 1, опредѣленъ в сей Маріупольскій легкоконной полкъ 1791, іюля 30. 1791-го при свитѣ Его Свѣтлости покойнаго Господина Генералъ-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго и 1792-го годовъ въ Польшѣ до присоединенія нѣкоторой части оной къ Россійской державѣ находился. Грамотѣ французской, нѣмецкой и часть россійской знаетъ, въ отпускахъ и штрафахъ не бывалъ, холостъ, сверкомплекта уволенъ Его Сіятельствомъ графомъ Александръ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ для излѣченія болѣзни къ Цари-

цынскимъ водамъ срокомъ сего 1797 маія по 1 число 1796 года іюля 17 дня. Къ повышенію достоинъ. Подлинный подписалъ полковникъ Евграфъ Анненковъ», 2), что «по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изложенному въ ордерѣ на имя командующаго Маріупольскимъ гусарскимъ полкомъ отъ 10 апрѣля 1797 г. подполковникъ баронъ фонъ Эренаціусъ исключенъ изъ службы. Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ штабъ-офицеровъ Маріупольскаго легкоконнаго полку января 1 дня 1797 года, выписанъ изъ книги «Формулярные списки» названнаго полка за 1796 годъ, по архиву № 232. — Оп. 16, св. 89, № 970, л. 2.

Чрезъ бар. Эренаціуса Кутузовъ отправилъ письмо, которое заключало въ себѣ очень важныя свѣдѣнія. См. № 91, 126 и 138.

Bourignon Antoinette (1616 † 1680) принадлежатъ: 1) La lumiere nee en tenebres qui incite tous les hommes de bonne volonté d'ouvrir les yeux de leurs entendements pour la conoître. P. 1 — 4. Amsterdam (Anvers). 1669 — 1684. 2) Traité admirable de la solide vertu. A. 1676 — 1678. 3) La pierre de touche pour connoistre l'ordre de la vraye Charité. A. 1679. 4) Le tombeau de la fosse théologie. P. 1 — 4. A. 1679 — 1680. 5) L'aveuglement des hommes de maintenant. P. 1 — 2. A. 1679 — 1684. 6) L'academie des sçavants theologiens. P. 1 — 3. A. 1681. 7) L'antechrist decouvert. P. 1 — 3. 1681. 8) La derniere misericorde de Dieu. A. 1681. 9) La sainte visiere. A. 1682. 10) Avertissement adressé au peuple contre la secte des Trembleurs. A. 1682. 11) Le temoignage de verité. — L'innocence reconnue et la verité decouverte. P. 1 — 2. 2 éd. A. 1682 — 1684. 12) L'appel de Dieu et le refus des hommes. Avec un Traité de la vie solitaire. P. 1 — 2. A. 1682 — 1684. 13) Les pierres de la nouvelle Jerusalem. A. 1683. 14) Avis et instructions salutaires. A. 1684. 15) Confusions des ouvriers de Babel. A. 1684. 16) L'etoile du matin. A. 1684. — Ея труды рекомендовалъ И. В. Лопухинъ въ письмѣ къ М. М. Сперанскому. Отзывъ Певзорова о ней въ *Б. С.* («Лопухинъ»).

Zinnendorf — Ioh. Wolh. Ellenberger, gen. v. Z-f durch Adoption seines mütterlichen Oheims; equ. a lapide nigro.

Montanus — Ludwig Conrad M-s (d. i. Ludwig Konr. v. Bergen); ему принадлежитъ «Gründliche Anweisung zu der wahren hermetischen Wissenschaft aus einem sehr alten Bambergischen M-s an's Licht gestellt v. Iohann Ludolph ab Ingadine», Frankfurt u. Leipzig, 1751. 8°. (*Wolfstieg*, II B., № 42486).

№ 115. Кн. Петръ Никитичъ Трубецкой — 12 авг. 1724 † 1791.

№ 118. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 360 — 361.

№ 123. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 361 — 364.

«Посломъ» Кутузовъ называетъ Максима Максимовича Алопеуса (1748 † 1822), хотя до 1794 года русскимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ былъ гр. Вильгельмъ Нессельроде (1724 † 1810). Осенью 1789 Алопеусъ пріѣхалъ въ Берлинъ, какъ «простой путешественникъ» и до 1795 на дѣлѣ велъ дипломатическія сношенія съ Пруссіей; въ 1792 году онъ сопровождалъ Фридриха Вильгельма II въ походѣ противъ французовъ. См. № 187 и 193.

№ 124. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ вторичнаго векселя въ тысячу рублей».

Гр. Иванъ Васильевичъ Гудовичъ — 1741 † 22 янв. 1821.

№ 128. Въ числѣ «важныхъ бумагъ» (143 : 12) бар. Шредера находился, по всей вѣроятности, и его «Дневникъ».

№ 129. Въ копіи имѣется замѣтка: «Въ началѣ жъ сего письма написано рукою Сацердосовою слѣдующее —

Diesen brief braucht man mir nicht wieder zu schicken, er bleibt bey meinem lieben Bruder.

Dein Bruder Heinrich».

цынскимъ водамъ срокомъ сего 1797 маія по 1 число 1796 года іюля 17 дня. Къ повышенію достоинъ. Подлинный подписалъ полковникъ Евграфъ Анненковъ», 2), что «по Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію, изложенному въ ордерѣ на имя командующаго Маріупольскимъ гусарскимъ полкомъ отъ 10 апрѣля 1797 г. подполковникъ баронъ фонъ Эренаціусъ исключенъ изъ службы. Формулярный списокъ о службѣ и достоинствѣ штабъ-офицеровъ Маріупольскаго легкоконнаго полку января 1 дня 1797 года, выписанъ изъ книги «Формулярные списки» названнаго полка за 1796 годъ, по архиву № 232. — Оп. 16, св. 89, № 970, л. 2.

Чрезъ бар. Эренаціуса Кутузовъ отправилъ письмо, которое заключало въ себѣ очень важныя свѣдѣнія. См. № 91, 126 и 138.

Bourignon Antoinette (1616 † 1680) принадлежатъ: 1) La lumiere nee en tenebres qui incite tous les hommes de bonne volonté d'ouvrir les yeux de leurs entendements pour la conoître. P. 1 — 4. Amsterdam (Anvers). 1669 — 1684. 2) Traité admirable de la solide vertu. A. 1676 — 1678. 3) La pierre de touche pour connoistre l'ordre de la vraye Charité. A. 1679. 4) Le tombeau de la fosse théologie. P. 1 — 4. A. 1679 — 1680. 5) L'aveuglement des hommes de maintenant. P. 1 — 2. A. 1679 — 1684. 6) L'academie des sçavants theologiens. P. 1 — 3. A. 1681. 7) L'antechrist decouvert. P. 1 — 3. 1681. 8) La derniere misericorde de Dieu. A. 1681. 9) La sainte visiere. A. 1682. 10) Avertissement adressé au peuple contre la secte des Trembleurs. A. 1682. 11) Le temoignage de verité. — L'innocence reconnue et la verité decouverte. P. 1 — 2. 2 éd. A. 1682 — 1684. 12) L'appel de Dieu et le refus des hommes. Avec un Traité de la vie solitaire. P. 1 — 2. A. 1682 — 1684. 13) Les pierres de la nouvelle Jerusalem. A. 1683. 14) Avis et instructions salutaires. A. 1684. 15) Confusions des ouvriers de Babel. A. 1684. 16) L'etoile du matin. A. 1684. — Ея труды рекомендовалъ И. В. Лопухинъ въ письмѣ къ М. М. Сперанскому. Отзывъ Невзорова о ней въ *Б. С.* («Лопухинъ»).

Zinnendorf — Ioh. Wolh. Ellenberger, gen. v. Z-f durch Adoption seines mütterlichen Oheims; equ. a lapide nigro.

Montanus — Ludwig Conrad M-s (d. i. Ludwig Konr. v. Bergen); ему принадлежитъ «Gründliche Anweisung zu der wahren hermetischen Wissenschaft aus einem sehr alten Bambergischen M-s an's Licht gestellt v. Iohann Ludolph ab Ingadine», Frankfurt u. Leipzig, 1751. 8°. (*Wolfstieg*, II B., № 42486).

№ 115. Кн. Петръ Никитичъ Трубецкой — 12 авг. 1724 † 1791.

№ 118. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 360 — 361.

№ 123. — *Р. С.*, 1896, ноябрь, 361 — 364.

«Посломъ» Кутузовъ называетъ Максима Максимовича Алопеуса (1748 † 1822), хотя до 1794 года русскимъ посланникомъ при прусскомъ дворѣ былъ гр. Вильгельмъ Нессельроде (1724 † 1810). Осенью 1789 Алопеусъ пріѣхалъ въ Берлинъ, какъ «простой путешественникъ» и до 1795 на дѣлѣ велъ дипломатическія сношенія съ Пруссіей; въ 1792 году онъ сопровождалъ Фридриха Вильгельма II въ походѣ противъ французовъ. См. № 187 и 193.

№ 124. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ вторичнаго векселя въ тысячу рублей».

Гр. Иванъ Васильевичъ Гудовичъ — 1741 † 22 янв. 1821.

№ 128. Въ числѣ «важныхъ бумагъ» (143 : 12) бар. Шредера находился, по всей вѣроятности, и его «Дневникъ».

№ 129. Въ копіи имѣется замѣтка: «Въ началѣ жъ сего письма написано рукою Сацердосовою слѣдующее —

Diesen brief braucht man mir nicht wieder zu schicken, er bleibt bey meinem lieben Bruder.

Dein Bruder Heinrich».

Можетъ быть, бар. Шредеръ написалъ эти строки, обращаясь «на ты» къ брату Велоксу (А. М. Кутузову); возможно, что онъ посылалъ это письмо раньше къ своему родному брату Ивану Христіану (230 : 10 сп.).

№ 131 — 132. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 364 — 365.

№ 136. Аппфарусъ — Иванъ Ивановичъ Френкель.

Въ письмѣ «подъ № 15» (№ 125) кн. Трубецкой жаловался, что бар. Шредеръ, забывъ обѣтъ, именовалъ своихъ друзей розенкрейцерами.

№ 138. Борисъ Владиміровичъ Пестель — на службѣ съ 1751 года, почтъ-директоръ въ Москвѣ 1765 — 1789 († 15 апр. 1811).

№ 139. Бомаръ — Jacques Christophe Valmont de Bomare (1731 † 1807); ему принадлежитъ «Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle contenant l'histoire des animaux des végétaux et des mineraux et celle des corps célestes des météores et des autres principaux phénomènes de la nature avec une table concordante des noms latins», 1764. 5 vol., 8°; éd. 3-e, 1775, 6 v., 4°.

Шаршмидъ — медикъ Sharschmid Samuel («Medicinisch-Chirurgische Berlinische Nachrichten vom Jahr 1778», Berlin, 1739, 4°).

Бонетъ — 1) Théophile Bonnet ou Bonet (5 марта 1620 † 29 марта 1689); ему принадлежитъ, среди многихъ трудовъ по анатоміи патологической и по практической медицинѣ, «Sepulchretum anatomicum seu anatome practica ex cadaveribus morbo denatis proponens historias et observationes». Genève, 1679; 2) Charles Bonnet (13 марта 1720 † 20 мая 1793); по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о второмъ; съ этимъ послѣднимъ видѣлся и Н. М. Карамзинъ (*Письма*, I, 311 — 319).

№ 141. Во второй копіи встрѣчаются грубыя описки; таковы, напримѣръ: мясомъ вм. «носомъ» (155 : 22), ласкаремы вм. «нескорыми» (тамъ же), неложно вм. «неможно» (155 : 25), и т. п.

№ 144. Къ этому № приложено было письмо, ходившее въ спискахъ (158 : 10):

«Je suis pressé de vous communiquer une nouvelle inattendue. Le grand Visir a signé la paix la plus glorieuse et la plus avantageuse pour la Russie. Pour satisfaire à votre curiosité, je vous envoie un journal tout court de ce qui s'est passé pendant les derniers jours. Lisez, pensez aux circonstances et vous serez surpris. Cette paix faite par les armes de l'imperatrice toujours triomphante doit étonner toute l'Europe. C'est le prince Repnine qui l'a faite et qui l'a signée. Le même Repnine qui a mis à Teschen le sceau de la puissance pacifique de Cathérine et qui a signé le traité de Caynardsshy. Jousouf quoique vaincu se console en se rappellant le zéle avec lequel ses troupes ont combattu à Matchin — et qu'il leur a inspiré. Faible consolation! On croit pourtant qu'il évitera la corde, malgré que cette dernière campagne ait été la plus funeste pour l'empire des Ottomans. Il ne faut rien désespérer dans ces temps de surprises, tandis que les Français mangent leurs compatriotes comme du rôti, les Turcs deviendront peut-être l'exemple de l'humanité. Le prince Potemkine a reçu la nouvelle de la paix étant en chemin pour retourner en ces lieux qui retentissent de ses victoires.

«*Le 26 juillet* le grand visir envoya un exprés chez le prince de Repnine avec les propositions de la paix. Cependant il a étendu ses troupes sur une distance de deux milles d'Allemagne ou environ, près du lieu où il fut battu la dernière fois. Outre cela il y avait des troupes turques à Matchin même.

«*Le 28.* La flottille turque avança de fort près de celle des Russes. Le même jour et le suivant de nouveaux campements turcs parurent auprès de Braila et de Baldanest.

«*Le 1 août.* Le visir a envoyé un effendi pour traiter avec le prince de Repnine. Ce général avait déjà résolu d'attaquer la flotille turque, mais l'attaque fut différée

Можетъ быть, бар. Шредеръ написалъ эти строки, обращаясь «на ты» къ брату Велоксу (А. М. Кутузову); возможно, что онъ посылалъ это письмо раньше къ своему родному брату Ивану Христіану (230 : 10 сп.).

№ 131 — 132. — *P. C.*, 1896, ноябрь, 364 — 365.

№ 136. Аппфарусъ — Иванъ Ивановичъ Френкель.

Въ письмѣ «подъ № 15» (№ 125) кн. Трубецкой жаловался, что бар. Шредеръ, забывъ обѣтъ, именовалъ своихъ друзей розенкрейцерами.

№ 138. Борисъ Владиміровичъ Пестель — на службѣ съ 1751 года, почтъ-директоръ въ Москвѣ 1765 — 1789 († 15 апр. 1811).

№ 139. Бомаръ — Jacques Christophe Valmont de Bomare (1731 † 1807); ему принадлежитъ «Dictionnaire raisonné universel d'histoire naturelle contenant l'histoire des animaux des végétaux et des mineraux et celle des corps célestes des météores et des autres principaux phénomènes de la nature avec une table concordante des noms latins», 1764. 5 vol., 8°; éd. 3-e, 1775, 6 v., 4°.

Шаршмидъ — медикъ Sharschmid Samuel («Medicinisch-Chirurgische Berlinische Nachrichten vom Jahr 1778», Berlin, 1739, 4°).

Бонетъ — 1) Théophile Bonnet ou Bonet (5 марта 1620 † 29 марта 1689); ему принадлежитъ, среди многихъ трудовъ по анатоміи патологической и по практической медицинѣ, «Sepulchretum anatomicum seu anatome practica ex cadaveribus morbo denatis proponens historias et observationes». Genève, 1679; 2) Charles Bonnet (13 марта 1720 † 20 мая 1793); по всей вѣроятности, рѣчь идетъ о второмъ; съ этимъ послѣднимъ видѣлся и Н. М. Карамзинъ (*Письма*, I, 311 — 319).

№ 141. Во второй копіи встрѣчаются грубыя описки; таковы, напримѣръ: мясомъ вм. «носомъ» (155 : 22), ласкаремы вм. «нескорыми» (тамъ же), неложно вм. «неможно» (155 : 25), и т. п.

№ 144. Къ этому № приложено было письмо, ходившее въ спискахъ (158 : 10):

«Je suis pressé de vous communiquer une nouvelle inattendue. Le grand Visir a signé la paix la plus glorieuse et la plus avantageuse pour la Russie. Pour satisfaire à votre curiosité, je vous envoie un journal tout court de ce qui s'est passé pendant les derniers jours. Lisez, pensez aux circonstances et vous serez surpris. Cette paix faite par les armes de l'imperatrice toujours triomphante doit étonner toute l'Europe. C'est le prince Repnine qui l'a faite et qui l'a signée. Le même Repnine qui a mis à Teschen le sceau de la puissance pacifique de Cathérine et qui a signé le traité de Caynardsshy. Jousouf quoique vaincu se console en se rappellant le zéle avec lequel ses troupes ont combattu à Matchin — et qu'il leur a inspiré. Faible consolation! On croit pourtant qu'il évitera la corde, malgré que cette dernière campagne ait été la plus funeste pour l'empire des Ottomans. Il ne faut rien désespérer dans ces temps de surprises, tandis que les Français mangent leurs compatriotes comme du rôti, les Turcs deviendront peut-être l'exemple de l'humanité. Le prince Potemkine a reçu la nouvelle de la paix étant en chemin pour retourner en ces lieux qui retentissent de ses victoires.

«*Le 26 juillet* le grand visir envoya un exprés chez le prince de Repnine avec les propositions de la paix. Cependant il a étendu ses troupes sur une distance de deux milles d'Allemagne ou environ, près du lieu où il fut battu la dernière fois. Outre cela il y avait des troupes turques à Matchin même.

«*Le 28.* La flottille turque avança de fort près de celle des Russes. Le même jour et le suivant de nouveaux campements turcs parurent auprès de Braila et de Baldanest.

«*Le 1 août.* Le visir a envoyé un effendi pour traiter avec le prince de Repnine. Ce général avait déjà résolu d'attaquer la flotille turque, mais l'attaque fut différée

après l'arrivée de l'effendi. Repnine penetra alors dans son ennemi le désir décidé de faire la paix. Il était difficile à Jousouf de voiler ses sentiments pacifiques si vivement empreints en lui dans l'affaire de Matchin par l'eloquence mâle des canons et bayonnettes russes.

«3—. Le visir a expédié un exprés à l'effendi, que ce dernier lui avait envoyé le lendemain de son arrivée dans le quartier du général russe. Il est fort probable que c'était une réponse décisive de la part du visir, car deux jours après il reçut du prince Repnine les préliminaires que Yousouf fut obligé de signer le premier.

«*11 août.* Tout a été fini. Le grand visir et le prince Repnine ont signé la paix et ont fait cesser les hostilités. Tout cela s'est fait non seulement sans l'aide des puissances étrangères, mais pas une d'elles n'a su même, que l'armée russe, couronnée des lauriers, qu'elle a cueillis au delà du Danube, était à la veille de chanter le Te Deum pour une paix si glorieuse.

Елизавета Васильевна, должно быть, супруга М. М. Хераскова р. Неронова († 1809).

Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій (1732, сенаторъ съ 1781, † до 1800) имѣлъ трехъ дочерей: 1) Елизавету († 1 окт. 1816; за Платономъ Ѳедотовичемъ Уваровымъ); 2) Варвару († 9 ноября 1830); 3) Марію († 17 февр. 1842; за Николаемъ Васильевичемъ Измайловымъ).

№ 148. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ второго векселя на 830 р.».

№ 151. Буква «П» (163 : 30) означаетъ, можетъ быть, «Начальники». По генеральному плану и таблицѣ розенкрейцеровъ страпами, гдѣ находятся начальники наивысшей 9-й степени, считались Египетъ, Персія, Италія, Испанія, Англія, Голландія и Германія. (*Handbuch*, III, 96).

№ 153. Федоръ Михайловичъ Кутузовъ—ген.-маіоръ; произв. 17 марта 1774.

№ 154. Братъ посла—Д. М. Алопеусъ.

№ 156. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ двухъ векселей, каждый на тысячу рублей».

№ 158. Реестръ Пестеля: «Отъ неизвѣстной особы».

№ 159. Блюменбахъ—Iohann Friedrich Blumenbach (11 мая 1752 † 22 янв. 1840).

№ 161. Рютсъ — Ernst August Ludwig (16 февр. 1746 † 27 февр. 1790), «менторъ» бар. Шредера (205 : 20), Capitain im Regiment von Braun in Berlin («Signatstern», B. III, S. XI. Здѣсь же, стр. 326—329, подъ заглавіемъ «An den Hrn. v. Rüts», напечатаны два письма 21 дек. 1790 и 9 іюня 1791; а за ними слѣдуетъ замѣтка «An Sacerdos zu sagen»; въ настоящемъ изданіи стр. 277).

Вдова проф. Н. Е. Шварца — Наталья Ильинична — скончалась не ранѣе 24 окт. 1818; у нихъ было двое сыновей—Павелъ и Петръ *).

Неун — можетъ быть, другъ кн. Н. В. Репнина, появившійся въ Москвѣ въ 1785 году, майоръ Гине, мастеръ стула въ ложѣ Трехъ знаменъ, пріятель бар. Шредера **).

№ 164. «Типографическая компанія» была упразднена въ ноябрѣ 1791; всѣ дѣла ея перешли исключительно къ Новикову, котораго поддержалъ своимъ капиталомъ Походяшинъ ***).

№ 165. Княжна Екатерина Никитична Трубецкая (1747 † 24 декабря 1791) скончалась въ инокиняхъ; ея сестра Елена Никитична (1745 † 1832) была за гене-

*) *Модзалевскій*, 65 и 34.

**) *Лонгиновъ*, 233.

***) *Лонгиновъ*, 310.

après l'arrivée de l'effendi. Repnine penetra alors dans son ennemi le désir décidé de faire la paix. Il était difficile à Jousouf de voiler ses sentiments pacifiques si vivement empreints en lui dans l'affaire de Matchin par l'eloquence mâle des canons et bayonnettes russes.

«3—. Le visir a expédié un exprés à l'effendi, que ce dernier lui avait envoyé le lendemain de son arrivée dans le quartier du général russe. Il est fort probable que c'était une réponse décisive de la part du visir, car deux jours après il reçut du prince Repnine les préliminaires que Yousouf fut obligé de signer le premier.

«*11 août.* Tout a été fini. Le grand visir et le prince Repnine ont signé la paix et ont fait cesser les hostilités. Tout cela s'est fait non seulement sans l'aide des puissances étrangères, mais pas une d'elles n'a su même, que l'armée russe, couronnée des lauriers, qu'elle a cueillis au delà du Danube, était à la veille de chanter le Te Deum pour une paix si glorieuse.

Елизавета Васильевна, должно быть, супруга М. М. Хераскова р. Неронова († 1809).

Кн. Петръ Михайловичъ Волконскій (1732, сенаторъ съ 1781, † до 1800) имѣлъ трехъ дочерей: 1) Елизавету († 1 окт. 1816; за Платономъ Ѳедотовичемъ Уваровымъ); 2) Варвару († 9 ноября 1830); 3) Марію († 17 февр. 1842; за Николаемъ Васильевичемъ Измайловымъ).

№ 148. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ второго векселя на 830 р.».

№ 151. Буква «П» (163 : 30) означаетъ, можетъ быть, «Начальники». По генеральному плану и таблицѣ розенкрейцеровъ страпами, гдѣ находятся начальники наивысшей 9-й степени, считались Египетъ, Персія, Италія, Испанія, Англія, Голландія и Германія. (*Handbuch*, III, 96).

№ 153. Федоръ Михайловичъ Кутузовъ—ген.-маіоръ; произв. 17 марта 1774.

№ 154. Братъ посла—Д. М. Алопеусъ.

№ 156. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ двухъ векселей, каждый на тысячу рублей».

№ 158. Реестръ Пестеля: «Отъ неизвѣстной особы».

№ 159. Блюменбахъ—Iohann Friedrich Blumenbach (11 мая 1752 † 22 янв. 1840).

№ 161. Рютсъ — Ernst August Ludwig (16 февр. 1746 † 27 февр. 1790), «менторъ» бар. Шредера (205 : 20), Capitain im Regiment von Braun in Berlin («Signatstern», B. III, S. XI. Здѣсь же, стр. 326—329, подъ заглавіемъ «An den Hrn. v. Rüts», напечатаны два письма 21 дек. 1790 и 9 іюня 1791; а за ними слѣдуетъ замѣтка «An Sacerdos zu sagen»; въ настоящемъ изданіи стр. 277).

Вдова проф. Н. Е. Шварца — Наталья Ильинична — скончалась не ранѣе 24 окт. 1818; у нихъ было двое сыновей—Павелъ и Петръ *).

Неун — можетъ быть, другъ кн. Н. В. Репнина, появившійся въ Москвѣ въ 1785 году, майоръ Гине, мастеръ стула въ ложѣ Трехъ знаменъ, пріятель бар. Шредера **).

№ 164. «Типографическая компанія» была упразднена въ ноябрѣ 1791; всѣ дѣла ея перешли исключительно къ Новикову, котораго поддержалъ своимъ капиталомъ Походяшинъ ***).

№ 165. Княжна Екатерина Никитична Трубецкая (1747 † 24 декабря 1791) скончалась въ инокиняхъ; ея сестра Елена Никитична (1745 † 1832) была за гене-

*) *Модзалевскій*, 65 и 34.

**) *Лонгиновъ*, 233.

***) *Лонгиновъ*, 310.

ралъ-прокуроромъ кн. Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ (3 авг. 1727 † 8 янв. 1793).

М. С. Потемкинъ — 1744 † въ декабрѣ 1791; его замѣнилъ П. Д. Дурново (записанъ на службу 1742 † 1816).

№ 167. Деньги, полученныя отъ Ф. М. Кутузова, А. А. Плещеевъ перевелъ А. М. Кутузову 6 февраля 1792. См. № 173 и 178.

№ 170. Письмо это было послано Кутузовымъ при № 172.

Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій (183 : 24) выдалъ свою дочь Терезу-Матильду въ 1789 году за принца Турнъ и Таксисъ. См. № 44.

№ 172. Два письма бар. Шредера — №№ 161 и 170 — внесены Пестелемъ въ одинъ реестръ 12 февраля 1792. См. № 176.

№ 173. При этомъ письмѣ былъ приложенъ вексель на 500 рублей.

Самойловъ — гр. Александръ Николаевичъ. См. № 32.

№ 175. Къ этому письму приложена была записка: «Находящійся при россійскомъ въ Берлинѣ посольствѣ церковникъ Степанъ Милютинъ предлагаетъ почтенному россійскому въ Лейпцигѣ торгующему купечеству, не угодно ли оному будетъ употребить его во время лейпцигскихъ ярманковъ своимъ переводчикомъ на мѣсто умершаго его товарища Пожарскаго и также умершаго Кенигсбергскаго гражданина Леонтіевича, которыхъ россійскіе купцы употребляли въ сію должность. На сей конецъ будетъ онъ пріѣзжать въ Лейпцигъ за недѣлю предъ ярманкою, обѣщая рачительное и честное исполненіе всѣхъ возложенныхъ на него коммиссій».

№ 177. Леопольдъ II наслѣдовалъ императору Іосифу II; см. Предисловіе, стр. 10 и 20.

Письмо отъ Ф. М. Кутузова (№ 167) было отправлено А. А. Плещеевымъ при № 173.

№ 178. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ векселя на 500 рублей».

№ 182. Король шведскій Густавъ III былъ убитъ 16 марта 1792 (на маскарадѣ въ оперѣ) Анкарстремомъ (1762 † 1792).

№ 183. Кутузовъ приводитъ стихи Юнга (*Young's*, Night second, 8 — 11). См. № 70 и 186.

№ 187. Относительно иллюминатовъ еще въ началѣ 1784 московскіе масоны получили оффиціальное предостереженіе, за подписью Тедена и другихъ «начальниковъ», а именно: 4 февраля 1784 «Высокодостойной, справедливой и совершенной ложѣ Трехъ знаменъ въ Москвѣ» писали изъ Берлина въ особомъ «Объявленіи» —

«Отъ старой матери ложи трехъ Глобусовъ въ Берлинѣ, всѣмъ въ союзѣ съ нею находящимся высокодостойнымъ и почтеннымъ масонскимъ ложамъ внутри и внѣ Германіи находящимся...

«§ 5. Чрезъ сіе сколько можно болѣе дружески и братски приглашаемъ каждую и всѣ внутри и внѣ Германіи находящіяся высокодостойныя и почтенныя ложи, какъ бы оныя ни именовались (выключая только одну ту секту, о которой упоминаемъ мы въ 7 §), сдѣлать намъ честь, начинать или продолжать съ нами масонскую переписку... въ извѣстныхъ и доселѣ вездѣ принятыхъ старыхъ трехъ англійскихъ степеняхъ... такъ же адресовать къ намъ путешествующихъ братьевъ своихъ, которыхъ всегда будемъ принимать дружески, и по сертификатамъ ихъ, со всею охотою отворимъ имъ врата святилища нашего въ помянутыхъ степеняхъ...

«§ 7. Ту секту, о которой упоминаемъ мы въ 5 § знаетъ каждый и безъ именованія оной. О сей признаемся мы откровенно, что безъ всякаго пристрастія или духа гоненія, не признаемъ никогда за масоновъ единомышленниковъ ихъ, и не будемъ имѣть съ ними ни малѣйшаго обхожденія, тѣмъ еще менѣе допустимъ ихъ къ работамъ ложей нашихъ. Проклятъ есть тотъ масонъ, который дерзаетъ уничтожать Законъ Христіанскій, и высокое и благородное масонство унизить въ поли-

ралъ-прокуроромъ кн. Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ (3 авг. 1727 † 8 янв. 1793).

М. С. Потемкинъ — 1744 † въ декабрѣ 1791; его замѣнилъ П. Д. Дурново (записанъ на службу 1742 † 1816).

№ 167. Деньги, полученныя отъ Ф. М. Кутузова, А. А. Плещеевъ перевелъ А. М. Кутузову 6 февраля 1792. См. № 173 и 178.

№ 170. Письмо это было послано Кутузовымъ при № 172.

Герцогъ Мекленбургъ-Стрелицкій (183 : 24) выдалъ свою дочь Терезу-Матильду въ 1789 году за принца Турнъ и Таксисъ. См. № 44.

№ 172. Два письма бар. Шредера — №№ 161 и 170 — внесены Пестелемъ въ одинъ реестръ 12 февраля 1792. См. № 176.

№ 173. При этомъ письмѣ былъ приложенъ вексель на 500 рублей.

Самойловъ — гр. Александръ Николаевичъ. См. № 32.

№ 175. Къ этому письму приложена была записка: «Находящійся при россійскомъ въ Берлинѣ посольствѣ церковникъ Степанъ Милютинъ предлагаетъ почтенному россійскому въ Лейпцигѣ торгующему купечеству, не угодно ли оному будетъ употребить его во время лейпцигскихъ ярманковъ своимъ переводчикомъ на мѣсто умершаго его товарища Пожарскаго и также умершаго Кенигсбергскаго гражданина Леонтіевича, которыхъ россійскіе купцы употребляли въ сію должность. На сей конецъ будетъ онъ пріѣзжать въ Лейпцигъ за недѣлю предъ ярманкою, обѣщая рачительное и честное исполненіе всѣхъ возложенныхъ на него коммиссій».

№ 177. Леопольдъ II наслѣдовалъ императору Іосифу II; см. Предисловіе, стр. 10 и 20.

Письмо отъ Ф. М. Кутузова (№ 167) было отправлено А. А. Плещеевымъ при № 173.

№ 178. Реестръ Пестеля: «Со вложеніемъ векселя на 500 рублей».

№ 182. Король шведскій Густавъ III былъ убитъ 16 марта 1792 (на маскарадѣ въ оперѣ) Анкарстремомъ (1762 † 1792).

№ 183. Кутузовъ приводитъ стихи Юнга (*Young's*, Night second, 8 — 11). См. № 70 и 186.

№ 187. Относительно иллюминатовъ еще въ началѣ 1784 московскіе масоны получили оффиціальное предостереженіе, за подписью Тедена и другихъ «начальниковъ», а именно: 4 февраля 1784 «Высокодостойной, справедливой и совершенной ложѣ Трехъ знаменъ въ Москвѣ» писали изъ Берлина въ особомъ «Объявленіи» —

«Отъ старой матери ложи трехъ Глобусовъ въ Берлинѣ, всѣмъ въ союзѣ съ нею находящимся высокодостойнымъ и почтеннымъ масонскимъ ложамъ внутри и внѣ Германіи находящимся...

«§ 5. Чрезъ сіе сколько можно болѣе дружески и братски приглашаемъ каждую и всѣ внутри и внѣ Германіи находящіяся высокодостойныя и почтенныя ложи, какъ бы оныя ни именовались (выключая только одну ту секту, о которой упоминаемъ мы въ 7 §), сдѣлать намъ честь, начинать или продолжать съ нами масонскую переписку... въ извѣстныхъ и доселѣ вездѣ принятыхъ старыхъ трехъ англійскихъ степеняхъ... такъ же адресовать къ намъ путешествующихъ братьевъ своихъ, которыхъ всегда будемъ принимать дружески, и по сертификатамъ ихъ, со всею охотою отворимъ имъ врата святилища нашего въ помянутыхъ степеняхъ...

«§ 7. Ту секту, о которой упоминаемъ мы въ 5 § знаетъ каждый и безъ именованія оной. О сей признаемся мы откровенно, что безъ всякаго пристрастія или духа гоненія, не признаемъ никогда за масоновъ единомышленниковъ ихъ, и не будемъ имѣть съ ними ни малѣйшаго обхожденія, тѣмъ еще менѣе допустимъ ихъ къ работамъ ложей нашихъ. Проклятъ есть тотъ масонъ, который дерзаетъ уничтожать Законъ Христіанскій, и высокое и благородное масонство унизить въ поли-

тическую систему, или претворить его въ оную. Не упоминая о той очевидной опасности, что чрезъ сіе поздо или рано вся свѣтская власть востанетъ противъ масонства. Далѣе отъ таковыхъ злодѣевъ! (*Р. М.*, № 1882, л. 55—56 и об.*).

Кн. Трубецкой и Лопухинъ писали объ иллюминатахъ (№ 189 и 190), повидимому, для перелюстраціи.

Княгиня Екатерина Петровна Барятинская (1750 † 28 ноября 1811), дочь принца Августа Фридриха Гольштейнъ-Бекъ, была (съ 25 февр. 1767) за кн. Иваномъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ (28 февр. 1738 † 22 дек. 1811). Ее звали: «La sultane Bariatinsky» (*А. К.*, X, 299, 440).

Парышкинъ Александръ Васильевичъ неизвѣстенъ; по всей вѣроятности, копіистъ описался и слѣдуетъ читать: Алексѣй Васильевичъ (4 авг. 1742 † 30 авг. 1800).

№ 191. Реестръ: «Безъ подписанія».

№ 192. Сынъ Александра Григорьевича Демидова — Григорій Александровичъ (10 апр. 1765 † 19 янв. 1827).

№ 193. Реестръ: «Безъ подписанія». «Нашъ министръ» — М. М. Алопеусъ. См. № 123.

№ 194. Бар. Шредеръ жилъ въ Нюрнбергѣ у книгопродавца Wirshing. Надпись (повидимому, собственноручная чернилами и карандашемъ) «F. Wirsing» имѣется на экземплярѣ «Signatstern», находящемся въ библіотекѣ Петроградской «Petrischule». На 16 томикѣ помѣчено (той же рукою): «Jch habe dafür 100 Rubl. bezahlt. F. W—g».

Сундукъ съ бумагами бар. Шредера (207:26) хранился у П. В. Лопухина, который доставилъ его князю Прозоровскому (*Тихонравовъ*, 78, 83).

«Die kleinen Pupillen mit ihrer Mutter» — дѣти и супруга П. Е. Шварца. См. № 181.

№ 195. Это письмо было написано мѣсяца черезъ три послѣ того, какъ арестованъ былъ Н. И. Новиковъ (24 апрѣля 1792).

№ 196. Кутузовъ писалъ два дня спустя послѣ указа (1 августа), которымъ императрица предписала кн. Прозоровскому допросить «по пунктамъ» кн. П. И. Трубецкого, П. В. Лопухина и П. П. Тургенева.

№ 198. Очевидно, Кутузовъ еще не вѣдалъ, какая участь постигла кн. П. И. Трубецкого, если писалъ ему, что «силанумъ» скоро прервется; лишь въ ноябрѣ узналъ онъ, что всѣ «братскія связи навсегда разрываются». (212:5).

«Чадами вдовицы Нафтальскія» назывались масоны; по ихъ преданію, основатель масонства «Hiram (Hiram Abif, Adoniram, Adonhiram) war der Sohn einer Wittwe aus dem Stamme Naphthali». (*Handbuch*, 3 Aufl., II B., 455—456).

№ 203. «Кн. П. И. Трубецкой, послѣ сдачи своей должности, отправился на житье въ село свое, слободу Никитовку, въ Ливенскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ тогда къ Воронежскому намѣстничеству» (*Лонгиновъ*, 349).

Стр. 215:9. Rschewsky — Алексѣй Андреевичъ, equ. a bona spe.

Стр. 215:15. Pfau — Theodor Philipp Pfau (1727 † 1795?).

Golze — Bernhard Goltz, Landes Grossmeister der Grossen Landes Loge v. Deutschland (1730 † 6 февр. 1795).

Стр. 215:17. Бауманъ (Baumann) былъ посланъ въ 1765 году Циннендорфомъ въ Швецію за полученіемъ шведскихъ ритуаловъ. — *Kneisner*, 79.

---

*) *Ешевскій*, III, 504—505, 538—539; здѣсь въ датахъ опечатка: на стр. 504 — «11 ноября 1783», а на 539 — «11 ноября 1782».

тическую систему, или претворить его въ оную. Не упоминая о той очевидной опасности, что чрезъ сіе поздо или рано вся свѣтская власть востанетъ противъ масонства. Далѣе отъ таковыхъ злодѣевъ! (*Р. М.*, № 1882, *л.* 55—56 и об.*).

Кн. Трубецкой и Лопухинъ писали объ иллюминатахъ (№ 189 и 190), повидимому, для перелюстраціи.

Княгиня Екатерина Петровна Барятинская (1750 † 28 ноября 1811), дочь принца Августа Фридриха Гольштейнъ-Бекъ, была (съ 25 февр. 1767) за кн. Иваномъ Сергѣевичемъ Барятинскимъ (28 февр. 1738 † 22 дек. 1811). Ее звали: «La sultane Bariatinsky» (*А. К.*, X, 299, 440).

Нарышкинъ Александръ Васильевичъ неизвѣстенъ; по всей вѣроятности, копіистъ описался и слѣдуетъ читать: Алексѣй Васильевичъ (4 авг. 1742 † 30 авг. 1800).

№ 191. Реестръ: «Безъ подписанія».

№ 192. Сынъ Александра Григорьевича Демидова — Григорій Александровичъ (10 апр. 1765 † 19 янв. 1827).

№ 193. Реестръ: «Безъ подписанія». «Нашъ министръ» — М. М. Алопеусъ. См. № 123.

№ 194. Бар. Шредеръ жилъ въ Нюрнбергѣ у книгопродавца Wirshing. Надпись (повидимому, собственноручная чернилами и карандашемъ) «F. Wirsing» имѣется на экземплярѣ «Signatstern», находящемся въ библіотекѣ Петроградской «Petrischule». На 16 томикѣ помѣчено (той же рукою): «Jch habe dafür 100 Rubl. bezahlt. F. W—g».

Сундукъ съ бумагами бар. Шредера (207 : 26) хранился у П. В. Лопухина, который доставилъ его князю Прозоровскому (*Тихонравовъ*, 78, 83).

«Die kleinen Pupillen mit ihrer Mutter» — дѣти и супруга П. Е. Шварца. См. № 181.

№ 195. Это письмо было написано мѣсяца черезъ три послѣ того, какъ арестованъ былъ Н. И. Новиковъ (24 апрѣля 1792).

№ 196. Кутузовъ писалъ два дня спустя послѣ указа (1 августа), которымъ императрица предписала кн. Прозоровскому допросить «по пунктамъ» кн. П. И. Трубецкого, П. В. Лопухина и П. П. Тургенева.

№ 198. Очевидно, Кутузовъ еще не вѣдалъ, какая участь постигла кн. П. И. Трубецкого, если писалъ ему, что «сиданумъ» скоро прервется; лишь въ ноябрѣ узналъ онъ, что всѣ «братскія связи навсегда разрываются». (212 : 5).

«Чадами вдовицы Нафтальскія» назывались масоны; по ихъ преданію, основатель масонства «Hiram (Hiram Abif, Adoniram, Adonhiram) war der Sohn einer Wittwe aus dem Stamme Naphthali». (*Handbuch*, 3 Aufl., II B., 455—456).

№ 203. «Кн. П. И. Трубецкой, послѣ сдачи своей должности, отправился на житье въ село свое, слободу Никитовку, въ Ливенскомъ уѣздѣ, принадлежавшемъ тогда къ Воронежскому намѣстничеству» (*Лонгиновъ*, 349).

Стр. 215 : 9. Rschewsky — Алексѣй Андреевичъ, equ. a bona spe.

Стр. 215 : 15. Pfau — Theodor Philipp Pfau (1727 † 1795?).

Golze — Bernhard Goltz, Landes Grossmeister der Grossen Landes Loge v. Deutschland (1730 † 6 февр. 1795).

Стр. 215 : 17. Бауманъ (Baumann) былъ посланъ въ 1765 году Циннендорфомъ въ Швецію за полученіемъ шведскихъ ритуаловъ. — *Kneisner*, 79.

---

*) *Ешевскій*, III, 504—505, 538—539; здѣсь въ датахъ опечатка: на стр. 504 — «11 ноября 1783», а на 539 — «11 ноября 1782».

Стр. 216 : 3 «Tafel der Isis» (Isistafel, Tabula Isiaca, Mensa Isiaca, Tabula Bembina) описана въ «*Handbuch*», II B., 43 — 44: «Eine Kupferplatte, deren Grund kastanienbraun geworden und von ungleicher Farbe ist, die Figuren sind flach eingegraben, in ihren meisten Umrissen mit eingelegtem Silberdraht umzogen, andere bloss schraffirt. Die Arbeit zeigt von grosser Kunst... Jetzt wird dieser Tafel, vom freimaurerischen Standpunkte aus, keine Beachtung mehr geschenkt»...

Стр. 216 : 4 Кевесъ (Κέβης) — греческій философъ V в. до Р. Х., родомъ изъ Беотіи. — *Остафьевъ*, № 57: «Картина Цебесова». Переводъ съ древней Греческой рукописи на нѣмецкой, а съ онаго на Россійскій языкъ. Москва, въ типографіи Компаніи типографической. 1786, 12°. XLII + 86 пум. стр., съ 1 виньеткой и 1 картиной въ листъ... Наиболѣе извѣстное изданіе «Картины» было напечатано Авраамомъ Беркилемъ въ 1671 г., въ Лейденѣ, 8°. Древнѣйшій нѣмецкій переводъ, неизвѣстно чей, былъ напечатанъ въ 1699 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, 8°, съ картиною, гравированною Меріаномъ... Лучшимъ изданіемъ считается напечатанное въ 1711 г. въ Утрехтѣ, 4°, Адріаномъ Роландомъ... На русскій языкъ «Картина» въ первый разъ была переведена съ греческаго подлинника Григоріемъ Полѣтикою и напечатана въ 1759 при «Епхиридіонѣ Епиктета»... Имѣется еще изданіе: «Картина Кивитова», новый переводъ съ нѣмецкаго изданія 1785 года, С-Пб., въ типографіи Плавильщикова, 1818, 12°, LXIV + 128 пум. стр. съ 1 картиной»...

Стр. 216 : 6. Пребыванію Калиостро (Alexandre Cagliostro, c-te, Joseph Balsamo, 2 іюня 1743 † 28 авг. 1795) въ Петроградѣ посвящена отдѣльная глава въ недавно вышедшей книгѣ *Marc Haven* «Le maître inconnu Cagliostro, étude historique sur la haute magie», Paris, s. a., 8°, 330 p. Авторъ говоритъ, что императрица Екатерина II интересовалась масонствомъ и объявила себя покровительницей ордена въ 1763 г.; бар. Гейкингъ (Heyking, 1751 † 1809) считалъ Калиостро опаснымъ политическимъ противникомъ и создалъ ему враговъ при дворѣ; но Мелиссино (Петръ Ивановичъ, 1724 † 26 декаб. 1797), И. П. Елагинъ, кн. Г. А. Потемкинъ были адептами Калиостро... «Bode, dans son pamphlet anonyme, nous confirme que Cagliostro, à Saint-Pétersbourg, s'occupa d'alchimie specialement avec le général G... (Gelacin) qui travaillait avec l'eau régale et au feu de lampe, et avec le prince Potemkine... Cagliostro n'eut-il pas songé à exercer la médecine, on l'y aurait forcé... Les malades accouraient: il consolait, il guérissait pauvres et riches avec le même désintéressement.. Les cevres frappaient d'autant plus qu'elles s'accomplissaient souvent sur des cas désespérés et sans l'application des procédés médicaux habituels... Cagliostro a guéri à Pétersbourg la baronne de Strogonof qui a eu des accès de folie provenant des nerfs. Guélaguine, M-me Boutourline, etc... Le succès de Cagliostro à Saint-Pétersbourg fut très grand... Tant que la faveur de l'impératrice lui fut acquise, tant que Catherine interessée à propager la Maçonnerie, étendit sa protection sur Cagliostro, personne ne bougea; mais on le guettait, et lorsque, par un revirement d'esprit habile et non capricieux, l'impératrice se détacha des loges, les ennemis de Cagliostro virent le moment propice... On parla de complot politique; en Russie, la puissance de ce mot est magique. Les amis de Cagliostro, redoutant à ces symptômes des persécutions probables, l'appelèrent auprès d'eux à Varsovie. Il s'y rendit... A son départ, loin d'être chassé, il reçut de tous les témoignages de gratitude les plus marqués»... Книга написана съ цѣлью оправдать Калиостро. Безпристрастную оцѣнку даютъ русскія изслѣдованія. Въ новѣйшее время вопросъ объ отношеніи имп. Екатерины II къ масонству (на основаніи первоисточниковъ) разработанъ *А. В. Семекой*.

Стр. 216 : 10. Переводы маго-кабалистическихъ сочиненій Веллинга (ч. 1-я — о соли, ч. 2-я — о сѣрѣ) указаны въ «Каталогѣ» *Р. М.*, № 43 и 362.

Стр. 216 : 33. Отъ Эклефа (Karl Friedrich v. Eckleff, 26 іюня 1723 † 30 янв. 1786) Бауманъ привезъ Циннендорфу ритуальные акты изъ Швеціи. *Kneisner*, 79—80.

Стр. 216 : 3 «Tafel der Isis» (Isistafel, Tabula Isiaca, Mensa Isiaca, Tabula Bembina) описана въ «*Handbuch*», II B., 43 — 44: «Eine Kupferplatte, deren Grund kastanienbraun geworden und von ungleicher Farbe ist, die Figuren sind flach eingegraben, in ihren meisten Umrissen mit eingelegtem Silberdraht umzogen, andere bloss schraffirt. Die Arbeit zeigt von grosser Kunst... Jetzt wird dieser Tafel, vom freimaurerischen Standpunkte aus, keine Beachtung mehr geschenkt»...

Стр. 216 : 4 Кевесъ (Κέβης) — греческій философъ V в. до Р. Х., родомъ изъ Беотіи. — *Остафьевъ*, № 57: «Картина Цебесова». Переводъ съ древней Греческой рукописи на нѣмецкой, а съ онаго на Россійскій языкъ. Москва, въ типографіи Компаніи типографической. 1786, 12°. XLII + 86 пум. стр., съ 1 виньеткой и 1 картиной въ листъ... Наиболѣе извѣстное изданіе «Картины» было напечатано Авраамомъ Беркилемъ въ 1671 г., въ Лейденѣ, 8°. Древнѣйшій нѣмецкій переводъ, неизвѣстно чей, былъ напечатанъ въ 1699 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ, 8°, съ картиною, гравированною Меріаномъ... Лучшимъ изданіемъ считается напечатанное въ 1711 г. въ Утрехтѣ, 4°, Адріаномъ Роландомъ... На русскій языкъ «Картина» въ первый разъ была переведена съ греческаго подлинника Григоріемъ Полѣтикою и напечатана въ 1759 при «Епхиридіонѣ Епиктета»... Имѣется еще изданіе: «Картина Кивитова», новый переводъ съ нѣмецкаго изданія 1785 года, С-Пб., въ типографіи Плавильщикова, 1818, 12°, LXIV + 128 пум. стр. съ 1 картиной»...

Стр. 216 : 6. Пребыванію Каліостро (Alexandre Cagliostro, c-te, Joseph Balsamo, 2 іюня 1743 † 28 авг. 1795) въ Петроградѣ посвящена отдѣльная глава въ недавно вышедшей книгѣ *Marc Haven* «Le maître inconnu Cagliostro, étude historique sur la haute magie», Paris, s. a., 8°, 330 p. Авторъ говоритъ, что императрица Екатерина II интересовалась масонствомъ и объявила себя покровительницей ордена въ 1763 г.; бар. Гейкингъ (Heyking, 1751 † 1809) считалъ Каліостро опаснымъ политическимъ противникомъ и создалъ ему враговъ при дворѣ; но Мелиссино (Петръ Ивановичъ, 1724 † 26 декаб. 1797), И. П. Елагинъ, кн. Г. А. Потемкинъ были адептами Каліостро... «Bode, dans son pamphlet anonyme, nous confirme que Cagliostro, à Saint-Pétersbourg, s'occupa d'alchimie specialement avec le général G... (Gelacin) qui travaillait avec l'eau régale et au feu de lampe, et avec le prince Potemkine... Cagliostro n'eut-il pas songé à exercer la médecine, on l'y aurait forcé... Les malades accouraient: il consolait, il guérissait pauvres et riches avec le même désintéressement.. Les cevres frappaient d'autant plus qu'elles s'accomplissaient souvent sur des cas désespérés et sans l'application des procédés médicaux habituels... Cagliostro a guéri à Pétersbourg la baronne de Strogonof qui a eu des accès de folie provenant des nerfs. Guélaguine, M-me Boutourline, etc... Le succès de Cagliostro à Saint-Pétersbourg fut très grand... Tant que la faveur de l'impératrice lui fut acquise, tant que Catherine interessée à propager la Maçonnerie, étendit sa protection sur Cagliostro, personne ne bougea; mais on le guettait, et lorsque, par un revirement d'esprit habile et non capricieux, l'impératrice se détacha des loges, les ennemis de Cagliostro virent le moment propice... On parla de complot politique; en Russie, la puissance de ce mot est magique. Les amis de Cagliostro, redoutant à ces symptômes des persécutions probables, l'appelèrent auprès d'eux à Varsovie. Il s'y rendit... A son départ, loin d'être chassé, il reçut de tous les témoignages de gratitude les plus marqués»... Книга написана съ цѣлью оправдать Каліостро. Безпристрастную оцѣнку даютъ русскія изслѣдованія. Въ новѣйшее время вопросъ объ отношеніи имп. Екатерины II къ масонству (на основаніи первоисточниковъ) разработанъ *А. В. Семекой*.

Стр. 216 : 10. Переводы маго-кабалистическихъ сочиненій Веллинга (ч. 1-я — о соли, ч. 2-я — о сѣрѣ) указаны въ «Каталогѣ» *Р. М.*, № 43 и 362.

Стр. 216 : 33. Отъ Эклефа (Karl Friedrich v. Eckleff, 26 іюня 1723 † 30 янв. 1786) Бауманъ привезъ Циннендорфу ритуальные акты изъ Швеціи. *Kneisner*, 79—80.

Стр. 217 : 12. Wassokowitsch — надо полагать, Григорій Михайловичъ Лукашевичъ.

Zwerak — Звѣрака.

Стр. 217 : 16. Ulich — Gottfried Uhlich (16 янв. 1743 † 13 или 30 янв. 1794).

Стр. 217 : 22. Mitrefsky — Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (28 февр. 1736 † 27 окт. 1821).

Стр. 217 : 26. Weigelius — Valentin Weigel (1533 † 1588). Русскіе переводы его сочиненій «Небесная манна», «Двѣнадцать ключей», «Всеобщее ученіе» и проч. указаны въ «Каталогѣ» *Р. М.*, № 200, 201, 386 и 410 и въ «Отчетѣ» *И. П. Б.*, 1869, стр. 33, 41, O. III. 43; Q. III. 96; — 1874, стр. 20, 24, 38, 41, O. III. 97 и 150; Q. III. 23, 43 и 153.

Стр. 217 : 27. Oetinger — Friedr. Christof Oetinger (6 мая 1762 † 10 февр. 1782).

Стр. 217 : 28. Главныя сочиненія Флудда: 1) «Tractatus Theologo-Theosophicus. In libros tres distributus; Quotum I. [de] vita. II. de morte. III. [de] ressurectione. Cui inseruntur nonnulla Sapientiae veteris, Adami infortunio superstitis, fragmenta: ex profundiori sacratum Literarum sensu et lumine, atque ex limpidiori et liquidiori saniorum Philosophorum fonte hausta atque collecta, Fratribusque a Cruce Rosea dictis, dedicata a Rudolfo Otreb Britanno [d. i. Rob. *Fludd*. Hrsg. von Mich. Maier]. [1617]. Oppenheimii: de Bry. 126 S. 4°. 2) Sophiae cum Moria Certamen, In quo Lapis Lydius a falso structore, Fr. Marino Mersenno, reprobatus, celeberrima Voluminis sui Babylonici (in Genesin) figmenta accurate examinat. Authore Rob. *Fludd*, alias de Fluctibus: Qui calumniis et convitiis in ipsum a Sycophanta Mersenno iniectis, ad hoc opus contra pacificam naturae suae dispositionem, excitatur. [Frankfurt a. M.: Fitzer]. 1629. 118 S. 2°. — 3) Summum Bonum. Quod est Verum Magiae, Cabalae, Alchymiae, Fratrum Roseae Crucis verorum, Verae Subjectum. In dictarum Scientiarum laudem et insignis columniatoris Fratris Marini Mersenni dedecus publicatum per Ioach. Frizium [d. i. Rob. *Fludd*] Frankf. a. M.: Fitzer]. 1629. 53 S. 2°. — Clavis Philosophiae et Alchymiae Fluddanae. Sive Rob. Fluddi, ad Epistolicam Petri Gassendi Exercitationem Responsum. In quo: Inanes Marini Mersenni Obiectiones, quaeraclaeque ipsius iniustae, immerito in Rob. Fluddum adhibitae, examinantur atq. auferuntur severum ac altitotans Francisci Lanovii de Fluddo judicium refellitur, et in nihilum redigitur: Erronea Principiorum Philosophiae Fluddanae dedectio, a Petro Gassendo facto corrigitur et aequali iustitiae trutina ponderatur: ac denique sex illae Impietates, quas Mersennus in Fluddum est machinatus, sincerae veritatis fluctibus abluuntur atque absterguntur. Francforti. Fitzer. 1633. 87 S. 2°. (*Wolfstieg*, II B., №№ 42320, 42445, 42446, 42449).

Стр. 217 : 29. Schwedenborg — Emmanuel Svedenborg (1688 † 1772); русскій переводъ его сочиненій указанъ въ «Каталогѣ» *Р. М.*, № 322.

Стр. 217 : 31. Mesmer — Anton Friedrich M. (23 мая 1734 † 6 марта 1815).

P. Hill — патеръ Гелль, ревностнѣйшій защитникъ теоріи магнетизма (*Шлоссеръ*, III, 197). Ученіе и практику Месмера усвоилъ Виллермозъ. (*Пекарскій*, 74).

Стр. 217 : 33. «Annulus Platonis» — въ русскомъ переводѣ «Кольцо Платоново или физико-химическое изъясненіе натуры по ея происхожденію, сохраненію и разрушенію», пересмотрѣнное, исправленное и разными важными примѣчаніями умноженное и изданное обществомъ истинныхъ Натуры Испытателей; переводъ съ нѣмецкаго въ Иркутскѣ, 1784». Рукопись въ библіотекѣ *Д. М. Остафьева* (№ 61), въ 2-хъ томахъ: 1-й — XLII + 486 пум. стр., 2-й — VI + 440 пум. + 10 неп. стр. И. П. Киселевъ любезно сообщилъ мнѣ, что, по изслѣдованіямъ Германа Коппа («Aurea catena Homeri», Braunschweig, 1880) и Ферд. Маакка («Die goldene Kette Homers», Lorch, 1905), авторомъ «Annulus Platonis» былъ A. I. Кирхвегеръ (Anton

Стр. 217 : 12. Wassokowitsch — надо полагать, Григорій Михайловичъ Лукашевичъ.

Zwerak — Звѣрака.

Стр. 217 : 16. Ulich — Gottfried Uhlich (16 янв. 1743 † 13 или 30 янв. 1794).

Стр. 217 : 22. Mitrefsky — Иванъ Аѳанасьевичъ Дмитревскій (28 февр. 1736 † 27 окт. 1821).

Стр. 217 : 26. Weigelius — Valentin Weigel (1533 † 1588). Русскіе переводы его сочиненій «Небесная манна», «Двѣнадцать ключей», «Всеобщее ученіе» и проч. указаны въ «Каталогѣ» *Р. М.*, № 200, 201, 386 и 410 и въ «Отчетѣ» *И. П. Б.*, 1869, стр. 33, 41, O. III. 43; Q. III. 96; — 1874, стр. 20, 24, 38, 41, O. III. 97 и 150; Q. III. 23, 43 и 153.

Стр. 217 : 27. Oetinger — Friedr. Christof Oetinger (6 мая 1762 † 10 февр. 1782).

Стр. 217 : 28. Главныя сочиненія Флудда: 1) «Tractatus Theologo-Theosophicus. In libros tres distributus; Quotum I. [de] vita. II. de morte. III. [de] ressurectione. Cui inseruntur nonnulla Sapientiae veteris, Adami infortunio superstitis, fragmenta: ex profundiori sacratum Literarum sensu et lumine, atque ex limpidiori et liquidiori saniorum Philosophorum fonte hausta atque collecta, Fratribusque a Cruce Rosea dictis, dedicata a Rudolfo Otreb Britanno [d. i. Rob. *Fludd*. Hrsg. von Mich. Maier]. [1617]. Oppenheimii: de Bry. 126 S. 4°. 2) Sophiae cum Moria Certamen, In quo Lapis Lydius a falso structore, Fr. Marino Mersenno, reprobatus, celeberrima Voluminis sui Babylonici (in Genesin) figmenta accurate examinat. Authore Rob. *Fludd*, alias de Fluctibus: Qui calumniis et convitiis in ipsum a Sycophanta Mersenno iniectis, ad hoc opus contra pacificam naturae suae dispositionem, excitatur. [Frankfurt a. M.: Fitzer]. 1629. 118 S. 2°. — 3) Summum Bonum. Quod est Verum Magiae, Cabalae, Alchymiae, Fratrum Roseae Crucis verorum, Verae Subjectum. In dictarum Scientiarum laudem et insignis columniatoris Fratris Marini Mersenni dedecus publicatum per Ioach. Frizium [d. i. Rob. *Fludd*] Frankf. a. M.: Fitzer]. 1629. 53 S. 2°. — Clavis Philosophiae et Alchymiae Fluddanae. Sive Rob. Fluddi, ad Epistolicam Petri Gassendi Exercitationem Responsum. In quo: Inanes Marini Mersenni Obiectiones, quaeraclaeque ipsius iniustae, immerito in Rob. Fluddum adhibitae, examinantur atq. auferuntur severum ac altitotans Francisci Lanovii de Fluddo judicium refellitur, et in nihilum redigitur: Erronea Principiorum Philosophiae Fluddanae dedectio, a Petro Gassendo facto corrigitur et aequali iustitiae trutina ponderatur: ac denique sex illae Impietates, quas Mersennus in Fluddum est machinatus, sincerae veritatis fluctibus abluuntur atque absterguntur. Francforti. Fitzer. 1633. 87 S. 2°. (*Wolfstieg*, II B., №№ 42320, 42445, 42446, 42449).

Стр. 217 : 29. Schwedenborg — Emmanuel Svedenborg (1688 † 1772); русскій переводъ его сочиненій указанъ въ «Каталогѣ» *Р. М.*, № 322.

Стр. 217 : 31. Mesmer — Anton Friedrich M. (23 мая 1734 † 6 марта 1815).

P. Hill — патеръ Гелль, ревностнѣйшій защитникъ теоріи магнетизма (*Шлоссеръ*, III, 197). Ученіе и практику Месмера усвоилъ Виллермозъ. (*Некарскій*, 74).

Стр. 217 : 33. «Annulus Platonis» — въ русскомъ переводѣ «Кольцо Платоново или физико-химическое изъясненіе натуры по ея происхожденію, сохраненію и разрушенію», пересмотрѣнное, исправленное и разными важными примѣчаніями умноженное и изданное обществомъ истинныхъ Натуры Испытателей; переводъ съ нѣмецкаго въ Иркутскѣ, 1784». Рукопись въ библіотекѣ *Д. М. Остафьева* (№ 61), въ 2-хъ томахъ: 1-й — XLII + 486 пум. стр., 2-й — VI + 410 нум. + 10 неп. стр. И. П. Киселевъ любезно сообщилъ мнѣ, что, по изслѣдованіямъ Германа Коппа («Aurea catena Homeri», Braunschweig, 1880) и Ферд. Маакка («Die goldene Kette Homers», Lorch, 1905), авторомъ «Annulus Platonis» былъ A. I. Кирхвегеръ (Anton

Joseph Kirchweger, † 8/II 1746). По указанію Фергюсона («Bibliotheca chemica», Glasgow, 1906) нѣмецкое изданіе 1781 года исполнено при участіи Веллънера и Югеля. Русское печатное изданіе («О рожденіи и раждапіи натуральныхъ вещей») указываетъ *Сопиковъ*, № 9772 (*Лопухинъ*, 063). С. В. Ешевскій (стр. 558 — 560) указываетъ русскій переводъ, исполненный въ 1793 г. (въ Ярославлѣ) съ берлинскаго изданія 1781 г., впрочемъ не первоначальнаго; подъ заглавіемъ «Aurea catena Homeri oder eine Beschreibung von dem Ursprung der Natur und natürlichen Dinge» книга была издана 1) во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ, 1723, 8°, 2) въ Лейпцигѣ, 1738, 8° и 3) въ Іенѣ 1757; кромѣ того, латинскій переводъ — въ 1762 г.; — Русскій переводъ 1793 г. указанъ въ «Каталогѣ» *P. M.*, № 209; см. тамъ же № 38 и 375. И. В. Лопухинъ поручилъ купить «Annulus Platonis» М. И. Невзорову и В. Я. Колокольникову. *Сборникъ*, II, 135. По свидѣтельству П. П. Елагина, розенкрейцеры въ Москвѣ считали эту книгу «классической». *Пекарскій*, 69. См. также *Семенниковъ*, «Литературная дѣятельность», I, 38.

Русскій переводъ предисловія къ «Компасу мудрыхъ» указанъ въ «Каталогѣ» *P. M.*, № 10 и 37. — *Wolfstieg*, II B., № 42501: «Der Compass der Weisen von einem Mitverwandten der innern Verfassung der ächten und rechten Freymäurerei beschrieben; hrsg. mit Anmerk., einer Zueignungs-schrift und Vorr., in welcher die Geschichte dieses erlauchten Ordens vom Anfang seiner Stiftung andeutlich und treulich vorgetragen, und die Irrthümer einiger ausgearteter französischer Freymäurer-Logen entdeckt werden von Ketmia Vere [d. i. Adam Mich. *Birkholz*]. Mit Kupfern. Berlin und Leipzig: Ringmacher. 1779. 386 S. 1 Taf. 8°. [Dasselbe] 2 verb. mit Zusätzen u. Anmerk. verm. Ausgabe von Ada Mah Booz [d. i. Adam Mich. Birkholz]. Berlin, 1782. 429 S. 1 Taf. 8°.

Стр. 218 : 4. Авторъ «Des erreurs» — С.-Мартенъ. См. примѣч. къ № 25.

Стр. 218 : 9. Ely (Stanislas Pinas E.) находился въ Россіи съ 1776 г., былъ директоромъ экономической канцеляріи Медицинской коллегіи.

Стр. 218 : 10. Розенбергъ (Georg Rosenberg) появился въ Россіи въ 1774 г. и возстановилъ дѣятельность ложи Аполлона, основанной Рейхелемъ: 11 декабря 1781 былъ исключенъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вильгельмомъ († 1798) — *Пекарскій*, 26 и 80. Ср. *Friedrichs*. S. 44 — 46, 60.

Стр. 218 : 22. Tretiakowsky — Левъ Васильевичъ Третьяковскій. См. № XXV.

Стр. 218 : 23. Frehse — Ѳедоръ Петровичъ Фрезе. *Ешевскій*, 539 — 540.

Стр. 218 : 26. Lenz — Christian David L. (26 дек. 1720 † 14 авг. 1798).

Стр. 218 : 32. Böttfeyer — Boetfeur, мастеръ стула въ рижской ложѣ «Аполлона». *Friedrichs*, 50.

Стр. 218 : 35. Bergmann A[ssessor], — коллеж. ассессоръ Бальтазаръ Б., чрезъ котораго московскіе масоны отправляли свои письма за границу (№ VIII). *Friedrichs*, 89 — 90, приводитъ его отзывъ о русскомъ масонствѣ: «In Russland besonders in Petersburg... ging es höchst elend zu. Es war ein wunderliches Gemisch von Menschen aus allen Weltteilen — Menschen, die weder Ordnung noch Gehorsam kannten, überhaupt sogenannte Maurer, die nicht im geringsten wussten, was sie unter der Maurerei verstehen sollten; denn England und Frankreich hatten ihre Waren zu Markte geschickt; unwissende Reisende brachten sie nach Petersburg; was ihrem Gedächtnisse entfallen war, supplierte ihre Unverschämtheit. England und Frankreich waren bemüht, die Kaiserliche Residenz zu bevölkern und die Freimaurer werden endlich so häufig, dass Kutscher und Bedienten Logen errichteten und Proselyten machten. Um den Zweck hat sich zu meiner Zeit niemand gekümmert; die Geheimnisse lagen ewig in Bildern da und wurden endlich in dem Mellsinoschen höchsten Grade dem Nachdenken der Aufgenommenen überlassen, die sich mit ihrem Meister zu Tode

Joseph Kirchweger, † 8/II 1746). По указанію Фергюсона («Bibliotheca chemica», Glasgow, 1906) нѣмецкое изданіе 1781 года исполнено при участіи Велльнера и Югеля. Русское печатное изданіе («О рожденіи и раждапіи натуральныхъ вещей») указываетъ *Сопиковъ*, № 9772 (*Лонгиновъ*, 063). С. В. Ешевскій (стр. 558 — 560) указываетъ русскій переводъ, исполненный въ 1793 г. (въ Ярославлѣ) съ берлинскаго изданія 1781 г., впрочемъ не первоначальнаго; подъ заглавіемъ «Aurea catena Homeri oder eine Beschreibung von dem Ursprung der Natur und natürlichen Dinge» книга была издана 1) во Франкфуртѣ и Лейпцигѣ, 1723, 8°, 2) въ Лейпцигѣ, 1738, 8° и 3) въ Іенѣ 1757; кромѣ того, латинскій переводъ — въ 1762 г.; — Русскій переводъ 1793 г. указанъ въ «Каталогѣ» *P. M.*, № 209; см. тамъ же № 38 и 375. И. В. Лопухинъ поручилъ купить «Annulus Platonis» М. И. Невзорову и В. Я. Колокольникову. *Сборникъ*, II, 135. По свидѣтельству П. П. Елагина, розенкрейцеры въ Москвѣ считали эту книгу «классической». *Пекарскій*, 69. См. также *Семенниковъ*, «Литературная дѣятельность», I, 38.

Русскій переводъ предисловія къ «Компасу мудрыхъ» указанъ въ «Каталогѣ» *P. M.*, № 10 и 37. — *Wolfstieg*, II B., № 42501: «Der Compass der Weisen von einem Mitverwandten der innern Verfassung der ächten und rechten Freymäurerei beschrieben; hrsg. mit Anmerk., einer Zueignungs-schrift und Vorr., in welcher die Geschichte dieses erlauchten Ordens vom Anfang seiner Stiftung andeutlich und treulich vorgetragen, und die Irrthümer einiger ausgearteter französischer Freymäurer-Logen entdeckt werden von Ketmia Vere [d. i. Adam Mich. *Birkholz*]. Mit Kupfern. Berlin und Leipzig: Ringmacher. 1779. 386 S. 1 Taf. 8°. [Dasselbe] 2 verb. mit Zusätzen u. Anmerk. verm. Ausgabe von Ada Mah Booz [d. i. Adam Mich. Birkholz]. Berlin, 1782. 429 S. 1 Taf. 8°.

Стр. 218 : 4. Авторъ «Des erreurs» — С.-Мартенъ. См. примѣч. къ № 25.

Стр. 218 : 9. Ely (Stanislas Pinas E.) находился въ Россіи съ 1776 г., былъ директоромъ экономической канцеляріи Медицинской коллегіи.

Стр. 218 : 10. Розенбергъ (Georg Rosenberg) появился въ Россіи въ 1774 г. и возстановилъ дѣятельность ложи Аполлона, основанной Рейхелемъ: 11 декабря 1781 былъ исключенъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Вильгельмомъ († 1798) — *Пекарскій*, 26 и 80. Ср. *Friedrichs*. S. 44 — 46, 60.

Стр. 218 : 22. Tretiakowsky — Левъ Васильевичъ Третьяковскій. См. № XXV.

Стр. 218 : 23. Frehse — Ѳедоръ Петровичъ Фрезе. *Ешевскій*, 539 — 540.

Стр. 218 : 26. Lenz — Christian David L. (26 дек. 1720 † 14 авг. 1798).

Стр. 218 : 32. Böttfeyer — Boetfeur, мастеръ стула въ рижской ложѣ «Аполлона». *Friedrichs*, 50.

Стр. 218 : 35. Bergmann A[ssessor], — коллеж. ассессоръ Бальтазаръ Б., чрезъ котораго московскіе масоны отправляли свои письма за границу (№ VIII). *Friedrichs*, 89 — 90, приводитъ его отзывъ о русскомъ масонствѣ: «In Russland besonders in Petersburg... ging es höchst elend zu. Es war ein wunderliches Gemisch von Menschen aus allen Weltteilen — Menschen, die weder Ordnung noch Gehorsam kannten, überhaupt sogenannte Maurer, die nicht im geringsten wussten, was sie unter der Maurerei verstehen sollten; denn England und Frankreich hatten ihre Waren zu Markte geschickt; unwissende Reisende brachten sie nach Petersburg; was ihrem Gedächtnisse entfallen war, supplierte ihre Unverschämtheit. England und Frankreich waren bemüht, die Kaiserliche Residenz zu bevölkern und die Freimaurer werden endlich so häufig, dass Kutscher und Bedienten Logen errichteten und Proselyten machten. Um den Zweck hat sich zu meiner Zeit niemand gekümmert; die Geheimnisse lagen ewig in Bildern da und wurden endlich in dem Mellsinoschen höchsten Grade dem Nachdenken der Aufgenommenen überlassen, die sich mit ihrem Meister zu Tode

raten konnten. Noch war zu meiner Zeit in Petersburg das schlimmste, dass über die wunderlichen Systemata und ihre Entwicklung die Sittlichkeit mit allen geselligen Tugenden hintangesetzt wurden».

S c h w a r z — повидимому, проф. Н. Е. Шварцъ; въ подлинникѣ правописаніе фамиліи ст. сов. Schwartz (Ioachim Friedrich S., equ. ab urna, 21 окт. 1733 † 1807) выдержано строго.

F r ö h l i c h — Christian Emmanuel F., купецъ изъ Гёрлица, былъ сподвижникомъ Шрепфера. *Sierke*, 329. — См. далѣе стр. 222, 223.

Стр. 218 : 36. W i l l e r m o z — Jean Baptist W., equ. ab eremo, лионскій купецъ, основалъ собственную систему во Франціи, былъ близокъ и съ С.-Мартеномъ, и съ Каліостро. О немъ Василій Николаевичъ Зиновьевъ (1754 † 1816?) *) писалъ гр. Семену Романовичу Воронцову (1744 † 1831) въ 1786 г.: «Прибылъ въ Батъ. Довольно скучалъ въ этомъ мѣстѣ и, кромѣ того, съ большимъ безпокойствомъ провелъ двѣ ночи; но онѣ мнѣ дороги, потому что я научился слѣдовать совѣту, даннаго мнѣ многоуважаемымъ Виллермозомъ». 13 ноября 1787 г. В. Н. Зиновьевъ писалъ изъ Лиона Варварѣ Ивановнѣ Кошелевой супругѣ масона Родіона Александровича Кошелева (13 мая 1749 † 26 ноября 1827) **): «Наконецъ я видѣлся съ этимъ превосходнымъ Виллермозомъ! Сегодня я долженъ быть у него въ 10½ часовъ. Какъ нѣжно я цѣловалъ его! Мы не хотѣли разлучаться; онъ былъ окруженъ письмами. Чтобы дать вамъ понятіе, какъ заняты эти достойные люди, скажу вамъ, что онъ не имѣлъ времени разобрать свои письма, за три года полученныя»... 20 ноября [къ ней же]: «Дорогой Виллермозъ мнѣ передалъ одно обстоятельство о нашихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ я никогда не думалъ, но которое тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно». 25 декабря [къ ней же]: «Сегодня исполнилось два года, что, по милости Всемогущаго, я имѣлъ счастіе сдѣлаться христіаниномъ чрезъ дорогого брата Виллермоза»... Н. П. Барышниковъ, редакторъ «Воспоминаній» В. Н. Зиновьева, сообщаетъ, что «во время путешествія Кошелевыхъ по Европѣ ихъ домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ масоновъ; В. Н. Зиновьевъ познакомилъ съ Кошелевыми и ввелъ въ ихъ общество С.-Мартена» ***). *Matter*, 143, приводитъ слова С.-Мартена объ этомъ знакомствѣ: «En 1788 j'allai avec un très digne ami à moi M-r de Kachelof, à Montbeliard, chez M-me la duchesse de Wurtemberg, que j'avais connu précédemment à Paris». — Кошелевъ, по мнѣнію Великаго Князя *Николая Михаиловича*, имѣлъ постоянное вліяніе на императора Александра I и пользовался его довѣріемъ до крайнихъ предѣловъ. «Когда Кошелевъ скончался, то безжалостный хапжа, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій ****) высказалъ про покойнаго такого рода тираду: «Я сижу въ глубинѣ безмолвія и уединенія и молю Господа, да изведетъ въ свое время на дѣло свое человѣка Божія подкопомъ взорвати дно глубинъ сатанинскихъ, содѣянныхъ въ тайныхъ вертепахъ тайныхъ обществъ вольтеріанцевъ, франкмасоновъ, мартинистовъ, и сокрушитъ главу седмиглаваго змія треклятаго иллюминатства, его же жрецъ или магъ недавно, въ день святаго Геор-

*) Пріятель и родственникъ гр. С. Р. Воронцова, воспитывался въ Лейпцигѣ вмѣстѣ съ А. Н. Радищевымъ и А. М. Кутузовымъ; осенью 1784 онъ былъ принятъ въ масонство кронпринцемъ въ Берлинѣ.

**) По мнѣнію Ѳ. В. Ростопчина «секта мартинистовъ съ 1801 г., при Александрѣ I, становилась грозною подъ покровительствомъ Кошелева, человѣка упрямаго, ограниченнаго, тщеславнаго, который при жизни хотѣлъ слыть государственнымъ человѣкомъ, а по смерти святымъ». — *Р. А.*, 1875, кн. II, стр. 286.

***) *Р. С.*, 1878, декабрь, 595 — 596, 601 — 604. — *Пекарскій*, 74 и 81.

****) Петръ Никитичъ Спасскій, въ монашествѣ Фотій (3 іюня 1792 † 26 февр. 1838).

raten konnten. Noch war zu meiner Zeit in Petersburg das schlimmste, dass über die wunderlichen Systemata und ihre Entwicklung die Sittlichkeit mit allen geselligen Tugenden hintangesetzt wurden».

Schwarz — повидимому, проф. Н. Е. Шварцъ; въ подлинникѣ правописаніе фамиліи ст. сов. Schwartz (Ioachim Friedrich S., equ. ab urna, 21 окт. 1733 † 1807) выдержано строго.

Fröhlich — Christian Emmanuel F., купецъ изъ Гёрлица, былъ сподвижникомъ Шрепфера. *Sierke*, 329. — См. далѣе стр. 222, 223.

Стр. 218 : 36. Willermoz — Jean Baptist W., equ. ab eremo, лионскій купецъ, основалъ собственную систему во Франціи, былъ близокъ и съ С.-Мартеномъ, и съ Каліостро. О немъ Василій Николаевичъ Зиновьевъ (1754 † 1816?) *) писалъ гр. Семену Романовичу Воронцову (1744 † 1831) въ 1786 г.: «Прибылъ въ Батъ. Довольно скучалъ въ этомъ мѣстѣ и, кромѣ того, съ большимъ безпокойствомъ провелъ двѣ ночи; но онѣ мнѣ дороги, потому что я научился слѣдовать совѣту, данному мнѣ многоуважаемымъ Виллермозомъ». 13 ноября 1787 г. В. Н. Зиновьевъ писалъ изъ Лиона Варварѣ Ивановнѣ Кошелевой супругѣ масона Родіона Александровича Кошелева (13 мая 1749 † 26 ноября 1827) **): «Наконецъ я видѣлся съ этимъ превосходнымъ Виллермозомъ! Сегодня я долженъ быть у него въ 10½ часовъ. Какъ нѣжно я цѣловалъ его! Мы не хотѣли разлучаться; онъ былъ окруженъ письмами. Чтобы дать вамъ понятіе, какъ заняты эти достойные люди, скажу вамъ, что онъ не имѣлъ времени разобрать свои письма, за три года полученныя»... 20 ноября [къ ней же]: «Дорогой Виллермозъ мнѣ передалъ одно обстоятельство о нашихъ дѣйствіяхъ, о которыхъ я никогда не думалъ, но которое тѣмъ не менѣе совершенно вѣрно». 25 декабря [къ ней же]: «Сегодня исполнилось два года, что, по милости Всемогущаго, я имѣлъ счастіе сдѣлаться христіаниномъ чрезъ дорогого брата Виллермоза»... Н. П. Барышниковъ, редакторъ «Воспоминаній» В. Н. Зиновьева, сообщаетъ, что «во время путешествія Кошелевыхъ по Европѣ ихъ домъ служилъ сборнымъ мѣстомъ для русскихъ масоновъ; В. Н. Зиновьевъ познакомилъ съ Кошелевыми и ввелъ въ ихъ общество С.-Мартена» ***). *Matter*, 143, приводитъ слова С.-Мартена объ этомъ знакомствѣ: «En 1788 j'allai avec un très digne ami à moi M-r de Kachelof, à Montbeliard, chez M-me la duchesse de Wurtemberg, que j'avais connu précédemment à Paris». — Кошелевъ, по мнѣнію Великаго Князя *Николая Михаиловича*, имѣлъ постоянное вліяніе на императора Александра I и пользовался его довѣріемъ до крайнихъ предѣловъ. «Когда Кошелевъ скончался, то безжалостный хапжа, архимандритъ Юрьевскаго монастыря Фотій ****) высказалъ про покойнаго такого рода тираду: «Я сижу въ глубинѣ безмолвія и уединенія и молю Господа, да изведетъ въ свое время на дѣло свое человѣка Божія подкопомъ взорвати дно глубинъ сатанинскихъ, содѣянныхъ въ тайныхъ вертепахъ тайныхъ обществъ вольтеріанцевъ, франкмасоновъ, мартинистовъ, и сокрушитъ главу седмиглаваго змія треклятаго иллюминатства, его же жрецъ или магъ недавно, въ день святаго Геор-

*) Пріятель и родственникъ гр. С. Р. Воронцова, воспитывался въ Лейпцигѣ вмѣстѣ съ А. Н. Радищевымъ и А. М. Кутузовымъ; осенью 1784 онъ былъ принятъ въ масонство кронпринцемъ въ Берлинѣ.

**) По мнѣнію Ѳ. В. Ростопчина «секта мартинистовъ съ 1801 г., при Александрѣ I, становилась грозною подъ покровительствомъ Кошелева, человѣка упрямаго, ограниченнаго, тщеславнаго, который при жизни хотѣлъ слыть государственнымъ человѣкомъ, а по смерти святымъ». — *Р. А.*, 1875, кн. II, стр. 286.

***) *Р. С.*, 1878, декабрь, 595 — 596, 601 — 604. — *Пекарскій*, 74 и 81.

****) Петръ Никитичъ Спасскій, въ монашествѣ Фотій (3 іюня 1792 † 26 февр. 1838).

гія, двадесятъ шестого дня Ноемврія, позванъ на судъ ко Господу» («Александръ I», т. I, стр. 194 — 195; во II т. гл. 2-я «Письма Р. А. Кошелева къ Александру I»). «Вельнеровъ кругъ» считалъ Виллермоза начальникомъ французскихъ мартинистовъ. *Пекарскій*, 74.

Pastor B. — Liborius Bergmann, equ. a meditatione (3 сент. 1754 † 14 іюля 1823) — *Wolfstieg*, II B., № 37381: «Nachricht von einer Erziehungs-und Versorgungsanstalt armer Kinder in Riga. [Riga] 1783. 31 S. 8°. cf. Journ. für Freim. 1,2 (1784, S. 252 — 254. Die Anstalt wurde von der Loge zum Schwert in Riga errichtet. Enth. Nachricht über Entstehung, Erweiterung, Eröffnung u. s. w. der Anstalt (Ansprache bei dieser Gelegenheit von L. Bergmann)».

Стр. 218 : 39. Starck — Ioh. August S., Archidemides, equ. ab aquila fulva (1741 † 1816).

Стр. 218 : 40. Firks — Ernst Iohann F., equ. ab aquila rubra. См. стр. 288.

Стр. 219 : 1. Bode — Ioh. Ioach. Christoph B., equ. a lilio convallium (16 янв. 1730 † 13 дек. 1793); ему принадлежитъ «Examen impartial du livre intitulé «Des erreurs et de la verité» etc. [par Louis Claude de Saint-Martin]. Par un frère laïque en fait de sciences», 1782. s. l. 118 S. 8°. (*Wolfstieg*, II B., 43102).

Стр. 219 : 3. Ferdinand — Herzog v. Braunschweig-Lüneburg-Wolfenbüttel, equ. a victoria, Redivivus.

Стр. 219 : 4. Friedrich — Prinz F. Wilhelm (впослѣдствіи король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ II), Ormesus.

Стр. 219 : 5. Friedrich — Prinz und Landgraf von Hessen-Kassel, equ. a septem sagittis (11 сент. 1747 † 20 мая 1837).

Стр. 219 : 11. Keyserling — Heinrich Christian K., graf (1727 † 1787).

Saken — м. б., Peter Ernst v. d. Osten-Sacken, Ernestus equ. ab aquila coronata.

Стр. 219 : 39. Sacerdos — бар. Г. Я. Шредеръ, авторъ дневника; онъ говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ; этотъ оборотъ встрѣчается и далѣе.

Стр. 220 : 3. Schwartz — см. 218 : 35.

Стр. 220 : 12. «Annulus Platonis» — см. 217 : 33.

Hymen — Ioh. Wilh. Hymmen, equ. a lyra, (1725 [1731?] † 9 апр. 1787).

Стр. 220 : 18. Bischofswerder — Ioh. Rudolf v. B., equ. a grypho.

Стр. 220 : 27. Въ подлинникѣ вм. «Zeugen» — zeuge.

Стр. 221 : 11. Prinz von Zweibrücken — Ludwig, equ. ab acacia.

Kayser — императоръ Іосифъ II.

Стр. 221 : 14 — 16. Повидимому, бар. Шредеръ записалъ слова Вельнера о себѣ самомъ.

Стр. 221 : 17. Lestwitz — Karl Rudolf L. (29 сент. 1745 † 9 авг. 1803).

Стр. 221 : 18. Stender — Gotthard Friedrich S-r (27 авг. 1714 † 17 мая 1796).

Стр. 221 : 18. Solms — Friedrich Ludwig Solms-Wildenfels, Graf (2 сент. 1708 † 1789).

Стр. 221 : 38. De Thou (de Samand) — нѣтъ ли здѣсь описки? М. б., и самъ авторъ поставилъ «de Samand» въ скобки, п. ч. не твердо помнилъ фамилію. Извѣстенъ Jean de Thoux de Salvetre, организовавшій въ Варшавѣ Académie des secrets (въ 1763 г.); equ. a carcere.

Стр. 222 : 3. Klaproth — Martin Heinrich K. (1 дек. 1743 † 1 янв. 1817).

Стр. 222 : 5. Erbprinz v. Schönaich — Heinrich Karl Erdmann, Fürst v. Schönaich-Carolath (3 ноября 1759 † 1817?).

Стр. 222 : 7. Röpert — Georg Christoph v. Röpert, въ 1762 г. масонъ въ Ганноверѣ, въ 1780, подъ именемъ Ortosophus, вступилъ въ розенкрейцерскую связь.

гія, двадесятъ шестого дня Ноемврія, позванъ на судъ ко Господу» («Александръ I», т. I, стр. 194 — 195; во II т. гл. 2-я «Письма Р. А. Кошелева къ Александру I»). «Вельнеровъ кругъ» считалъ Виллермоза начальникомъ французскихъ мартинистовъ. *Пекарскій*, 74.

Pastor B. — Liborius Bergmann, equ. a meditatione (3 сент. 1754 † 14 іюля 1823) — *Wolfstieg*, II B., № 37381: «Nachricht von einer Erziehungs-und Versorgungsanstalt armer Kinder in Riga. [Riga] 1783. 31 S. 8°. cf. Journ. für Freim. 1,2 (1784, S. 252 — 254. Die Anstalt wurde von der Loge zum Schwert in Riga errichtet. Enth. Nachricht über Entstehung, Erweiterung, Eröffnung u. s. w. der Anstalt (Ansprache bei dieser Gelegenheit von L. Bergmann)».

Стр. 218 : 39. Starck — Ioh. August S., Archidemides, equ. ab aquila fulva (1741 † 1816).

Стр. 218 : 40. Firks — Ernst Iohann F., equ. ab aquila rubra. См. стр. 288.

Стр. 219 : 1. Bode — Ioh. Ioach. Christoph B., equ. a lilio convallium (16 янв. 1730 † 13 дек. 1793); ему принадлежитъ «Examen impartial du livre intitulé «Des erreurs et de la verité» etc. [par Louis Claude de Saint-Martin]. Par un frère laïque en fait de sciences», 1782. s. l. 118 S. 8°. (*Wolfstieg*, II B., 43102).

Стр. 219 : 3. Ferdinand — Herzog v. Braunschweig-Lüneburg-Wolfenbüttel, equ. a victoria, Redivivus.

Стр. 219 : 4. Friedrich — Prinz F. Wilhelm (впослѣдствіи король прусскій Фридрихъ Вильгельмъ II), Ormesus.

Стр. 219 : 5. Friedrich — Prinz und Landgraf von Hessen-Kassel, equ. a septem sagittis (11 сент. 1747 † 20 мая 1837).

Стр. 219 : 11. Keyserling — Heinrich Christian K., graf (1727 † 1787).

Saken — м. б., Peter Ernst v. d. Osten-Sacken, Ernestus equ. ab aquila coronata.

Стр. 219 : 39. Sacerdos — бар. Г. Я. Шредеръ, авторъ дневника; онъ говоритъ о себѣ въ 3-мъ лицѣ; этотъ оборотъ встрѣчается и далѣе.

Стр. 220 : 3. Schwartz — см. 218 : 35.

Стр. 220 : 12. «Annulus Platonis» — см. 217 : 33.

Hymen — Ioh. Wilh. Hymmen, equ. a lyra, (1725 [1731?] † 9 апр. 1787).

Стр. 220 : 18. Bischofswerder — Ioh. Rudolf v. B., equ. a grypho.

Стр. 220 : 27. Въ подлинникѣ вм. «Zeugen» — zeuge.

Стр. 221 : 11. Prinz von Zweibrücken — Ludwig, equ. ab acacia.

Kayser — императоръ Іосифъ II.

Стр. 221 : 14 — 16. Повидимому, бар. Шредеръ записалъ слова Вельнера о себѣ самомъ.

Стр. 221 : 17. Lestwitz — Karl Rudolf L. (29 сент. 1745 † 9 авг. 1803).

Стр. 221 : 18. Stender — Gotthard Friedrich S-r (27 авг. 1714 † 17 мая 1796).

Стр. 221 : 18. Solms — Friedrich Ludwig Solms-Wildenfels, Graf (2 сент. 1708 † 1789).

Стр. 221 : 38. De Thou (de Samand) — нѣтъ ли здѣсь описки? М. б., и самъ авторъ поставилъ «de Samand» въ скобки, п. ч. не твердо помнилъ фамилію. Извѣстенъ Jean de Thoux de Salvetre, организовавшій въ Варшавѣ Académie des secrets (въ 1763 г.); equ. a carcere.

Стр. 222 : 3. Klaproth — Martin Heinrich K. (1 дек. 1743 † 1 янв. 1817).

Стр. 222 : 5. Erbprinz v. Schönaich — Heinrich Karl Erdmann, Fürst v. Schönaich-Carolath (3 ноября 1759 † 1817?).

Стр. 222 : 7. Röpert — Georg Christoph v. Röpert, въ 1762 г. масонъ въ Ганноверѣ, въ 1780, подъ именемъ Ortosophus, вступилъ въ розенкрейцерскую связь.

Стр. 222 : *9.* Die regierende Fürstin von Bayern — Maria Anna Josepha (22 іюня 1722 † 25 апр. 1790); Herzberg — Ewald Friedrich H., Graf (1725 † 1795); объ ихъ перепискѣ см. *Engel*, 161 — 192.

Стр. 222 : *19.* Raven — Ernst Werner R. (1727 † 1787).

Стр. 222 : *24.* Frankenberg — Abraham F-g (24 іюня 1593 † 25 іюня 1652). Въ каталогѣ Д. М. Остафьева, № 23, ему приписано масонское сочиненіе «Гармонія міра»; по сообщенію И. П. Киселева, авторомъ этого сочиненія былъ Франсуа Видаль Компенъ (François Vidal Comnene). См. *Barbier-Quérard*, V, 606; *Brunet*, III, 47. Въ «Отчетѣ» *И. П. Б.*, 1874 (F. III. № 93), указанъ трудъ Франкенберга: «Рафаилъ или врачъ-ангелъ. По прежнему изысканію боголюбиваго врача А. С. сочинилъ г. Авраамъ фонъ Франкенбергъ, кавалеръ силезскій, въ 1639 году, а нынѣ пособіемъ добрыхъ сердецъ и просителей напечатано и въ свѣтъ издано въ Амстердамѣ 1676. Съ нѣмецкаго на россійской переведено С. П. Гамалѣемъ и съ оригинальнаго перевода переписано въ Бутыркахъ 1826-го. Пополнено выпискою текстовъ Св. Писанія, на кои указываютъ ссылки. 51 страница, скорописью, въ л.» *). Ему же принадлежитъ 1) «Gemma magica» (Amsterdam, 1688), изд. въ русскомъ переводѣ у Лопухина, М., 1784; *Р. М.*, Е, 92 : 125, экз. Ланского; *Сопиковъ*, № 5011; 2) «Jacob Böhmens Lebens-Lauff», въ собраніяхъ твореній Бёме — главный источникъ для біографіи послѣдняго. Баронъ Шредеръ хотѣлъ, повидимому, отмѣтить, что «великій какомагъ» XVIII вѣка Бишофсвердеръ воспринялъ ученіе знаменитаго Франкенберга».

Стр. 222 : *37.* Carl — Prinz und Landgraf v. Hessen-Kassel, equ. a leone resurgente; см. Предисловіе. König von Dännemark — Христіанъ VII (29 янв. 1749 † 13 марта 1808), сынъ короля датскаго Фридриха V (31 марта 1723 † 14 янв. 1766); сестра Христіана VII — Луиза (1750 † 1831) вышла замужъ въ 1766 году.

Стр. 223 : *8.* Green — см. стр. 228.

Стр. 223 : *14.* Rosen — бар. Владиміръ Ивановичъ Розенъ (1742 [1745?] † 17 дек. 1790); былъ женатъ на Олимпіадѣ Ѳедоровнѣ р. Раевской.

Стр. 224 : *3.* Holland — м. б., воспитатель принца (впослѣдствіи короля) вюртембергскаго Фридриха, старшаго брата великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Маріи Ѳеодоровны, пробывшій со своимъ воспитанникомъ при русскомъ дворѣ съ 16 сент. 1779 до февр. 1780 года. — *Кобеко*, 185.

Далѣе въ копіи конецъ страницы оставленъ чистымъ и продолженіе слѣдуетъ съ новаго листа.

Стр. 224 : *21.* Pr. Heinrich — Heinrich Wilh., Prinz v. Preussen (1726 † 1802).

Стр. 224 : 22. Ferdinand — см. 219 : 3.

König — Фридрихъ II, король Пруссіи; см. 224 : 26.

Стр. 224 : *32.* Herzog v. Sachsen-Gotha — Ludwig Ernst II Herz. v. S.-G. und Altenburg (30 янв. 1745 † 20 апр. 1804).

Стр. 225 : *3.* Zedlitz — см. Предисловіе, стр. XXXVI.

Стр. 225 : *30.* Pelegrini — Karl Clemens Pellegrini (20 ноября 1720 † 28 ноября 1796).

Kaunitz — Wenzel Anton K. (2 февр. 1711 † 27 іюня 1794).

Стр. 225 : *38.* Gellert — Christian Fürchtegott G. (1715 † 1769).

Стр. 225 : *39.* Herz. Friedrich — Friedrich August, Prinz, seit 1780 Herzog v. Braunschweig, equ. a leone aureo (29 окт. 1740 † 8 окт. 1805).

---

*) См. *J. Ferguson* «Bibliotheca chemica», Glasgow, 1906, v. I, p. 289. *A. Ladrayue* «Bibliothèque Ouvaroff, Sciences Secrètes. Moscou, 1870, p. 169, № 1726.

Стр. 222 : *9.* Die regierende Fürstin von Bayern — Maria Anna Josepha (22 іюня 1722 † 25 апр. 1790); Herzberg — Ewald Friedrich H., Graf (1725 † 1795); объ ихъ перепискѣ см. *Engel*, 161 — 192.

Стр. 222 : *19.* Raven — Ernst Werner R. (1727 † 1787).

Стр. 222 : *24.* Frankenberg — Abraham F-g (24 іюня 1593 † 25 іюня 1652). Въ каталогѣ Д. М. Остафьева, № 23, ему приписано масонское сочиненіе «Гармонія міра»; по сообщенію И. П. Киселева, авторомъ этого сочиненія былъ Франсуа Видаль Компенъ (François Vidal Comnene). См. *Barbier-Quérard*, V, 606; *Brunet*, III, 47. Въ «Отчетѣ» *И. П. Б.*, 1874 (F. III. № 93), указанъ трудъ Франкенберга: «Рафаилъ или врачъ-ангелъ. По прежнему изысканію боголюбиваго врача А. С. сочинилъ г. Авраамъ фонъ Франкенбергъ, кавалеръ силезскій, въ 1639 году, а нынѣ пособіемъ добрыхъ сердецъ и просителей напечатано и въ свѣтъ издано въ Амстердамѣ 1676. Съ нѣмецкаго на россійской переведено С. П. Гамалѣемъ и съ оригинальнаго перевода переписано въ Бутыркахъ 1826-го. Пополнено выпискою текстовъ Св. Писанія, на кои указываютъ ссылки. 51 страница, скорописью, въ л.» *). Ему же принадлежитъ 1) «Gemma magica» (Amsterdam, 1688), изд. въ русскомъ переводѣ у Лопухина, М., 1784; *Р. М.*, Е, 92 : 125, экз. Ланского; *Сопиковъ*, № 5011; 2) «Jacob Böhmens Lebens-Lauff», въ собраніяхъ твореній Бёме — главный источникъ для біографіи послѣдняго. Баронъ Шредеръ хотѣлъ, повидимому, отмѣтить, что «великій какомагъ» XVIII вѣка Бишофсвердеръ воспринялъ ученіе знаменитаго Франкенберга».

Стр. 222 : *37.* Carl — Prinz und Landgraf v. Hessen-Kassel, equ. a leone resurgente; см. Предисловіе. König von Dännemark — Христіанъ VII (29 янв. 1749 † 13 марта 1808), сынъ короля датскаго Фридриха V (31 марта 1723 † 14 янв. 1766); сестра Христіана VII — Луиза (1750 † 1831) вышла замужъ въ 1766 году.

Стр. 223 : *8.* Green — см. стр. 228.

Стр. 223 : *14.* Rosen — бар. Владиміръ Ивановичъ Розенъ (1742 [1745?] † 17 дек. 1790); былъ женатъ на Олимпіадѣ Ѳедоровнѣ р. Раевской.

Стр. 224 : *3.* Holland — м. б., воспитатель принца (впослѣдствіи короля) вюртембергскаго Фридриха, старшаго брата великой княгини (впослѣдствіи императрицы) Маріи Ѳеодоровны, пробывшій со своимъ воспитанникомъ при русскомъ дворѣ съ 16 сент. 1779 до февр. 1780 года. — *Кобеко*, 185.

Далѣе въ копіи конецъ страницы оставленъ чистымъ и продолженіе слѣдуетъ съ новаго листа.

Стр. 224 : *21.* Pr. Heinrich — Heinrich Wilh., Prinz v. Preussen (1726 † 1802).

Стр. 224 : 22. Ferdinand — см. 219 : 3.

König — Фридрихъ II, король Пруссіи; см. 224 : 26.

Стр. 224 : *32.* Herzog v. Sachsen-Gotha — Ludwig Ernst II Herz. v. S.-G. und Altenburg (30 янв. 1745 † 20 апр. 1804).

Стр. 225 : *3.* Zedlitz — см. Предисловіе, стр. XXXVI.

Стр. 225 : *30.* Pelegrini — Karl Clemens Pellegrini (20 ноября 1720 † 28 ноября 1796).

Kaunitz — Wenzel Anton K. (2 февр. 1711 † 27 іюня 1794).

Стр. 225 : *38.* Gellert — Christian Fürchtegott G. (1715 † 1769).

Стр. 225 : *39.* Herz. Friedrich — Friedrich August, Prinz, seit 1780 Herzog v. Braunschweig, equ. a leone aureo (29 окт. 1740 † 8 окт. 1805).

---

*) См. *J. Ferguson* «Bibliotheca chemica», Glasgow, 1906, v. I, p. 289. *A. Ladrayue* «Bibliothèque Ouvaroff, Sciences Secrètes. Moscou, 1870, p. 169, № 1726.

Стр. 226 : 13. Beyer—Georg Friedrich Eberhard B. (23 дек. 1739 † 24 февр. 1818).

Стр. 227 : 25. Schlabbendorf — Gustav Schlabrendorf, Graf (22 марта 1750 † 1824).

Стр. 228 : 1. Basilius Valentinus — Вейгель, см. 217 : 26.

Стр. 228 : 16. Pr. Eugen — Friedrich Heinrich Eugen, Prinz v. Würtemberg (1758 † 1823).

Стр. 228 : 33. Herzog v. Curland — Петръ Биронъ, герц. курляндскій (4 февр. 1724 † 2 янв. 1800).

Стр. 229 : 33. Prinz Louis — Friedrich Ludwig Alexander, Prinz v. Würtemberg (30 авг. 1756 † 1823) женился на княжнѣ Маріаннѣ Чарторыйской, дочери кн. Адама, 28 окт. 1784.

Стр. 230 : 1. Gugumos — Gottlieb Freih. v. Gugomos, equ. a cygno triumphante.

Стр. 230 : 30 — 32. Строки буквъ i k l | a e | q r и т. д. слѣдуетъ раздѣлить горизонтальными чертами, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ съ вертикальными. Братъ автора — «Iohann Christian Freih. v. Schröder Fähnrich in Minden, geb. den 14 Iuni 1756, aufgenommen den 19 Septbr 1772, als Gesell den 9 April 1774 in Göttingen, später auch zum Mstr. befördert» *(Polick,* S. 71).

Стр. 231 : 37. Kayser Franz — императоръ Францъ I. (8 дек. 1708 † 1765).

Стр. 232 : 7. August der 1-ste — August I, Kurfürst v. Sachsen (31 іюля 1526 † 12 февр. 1586). Его наслѣдникъ — Christian I (29 окт. 1560 † 25 сент. 1591).

Стр. 232 : 9. Kaiser Rudolph — императоръ Рудольфъ II (18 іюля 1552 † 10 янв. 1612, имп. съ 1576 года).

Стр. 232 : 16. Fürst Dolgorouckі — кн. Владиміръ Сергѣевичъ Долгоруковъ (1720 † 1803); кн. Голицынъ, убитый турками до 1787 г., не извѣстенъ.

Стр. 232 : 33. Wächter — Karl Eberhard W., equ. a ceraso (21 мая 1746 † 25 мая 1825). О попыткахъ іезуитовъ привлечь князей деньгами свидѣтельствуетъ письмо саксонскаго министра Вурмба къ Шрепферу 17 іюня 1774, напечатанное въ трудѣ *Sierke,* 322 — 224; отсюда видно, что, начиная съ герцога Карла, всѣ вліятельнѣйшіе люди въ Саксоніи становились слугами іезуитизма на жалованьѣ

Стр. 233 : 1. Brönner — Ioh. Karl B-r (4 іюля 1738 † 22 марта 1812).

Стр. 233 : 21. Eck — Ioh. Georg Eck (23 янв. 1745 † 20 ноября 1808).

Стр. 233 : 23. Далѣе въ копіи пѣтъ никакого пробѣла; но по содержанію ясно, что строки 24 — 30 написаны по возвращеніи автора въ Россію, въ мартѣ 1786.

Стр. 233 : 28. Pr. Wesemsky — по всей вѣроятности, кн. Андрей Ивановичъ Вяземскій (1750 [1754?] † 1807).

Стр. 233 : 31. Должно быть, весною 1787 г. авторъ сталъ разбирать свои бумаги и, встрѣтивъ «старый» дневникъ, рѣшилъ продолжать его; вспомнивъ почь съ 8 на 9 ноября 1786 г., онъ занесъ въ тетрадь и почное видѣніе 4 февраля 1787 г. (234 : 12 — 21); затѣмъ присоединилъ «черты» изъ своей жизни и — уложилъ рукопись въ сундукъ, отданный на храненіе И. В. Лопухину.

Стр. 233 : 34. M-lle A. Bourignon — см. № 112.

Стр. 235 — 272 содержатъ переписку, которой воспользовался С. В. Ешевскій въ «Очеркахъ по исторіи русскаго масонства XVIII в.» (1. «Матеріалы для исторіи русскаго общества XVIII вѣка. Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о Н. И. Новиковѣ», — первоначально подъ заглавіемъ: «Нѣсколько замѣчаній къ статьѣ «Новиковъ и Шварцъ», *Р. В.*, 1857, т. XII (№ 21), 174 — 201. 2. «Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія: 1780 — 1789». *Р. В.*, 1864, т. LII

Стр. 226 : 13. Beyer—Georg Friedrich Eberhard B. (23 дек. 1739 † 24 февр. 1818).

Стр. 227 : 25. Schlabbendorf — Gustav Schlabrendorf, Graf (22 марта 1750 † 1824).

Стр. 228 : 1. Basilius Valentinus — Вейгель, см. 217 : 26.

Стр. 228 : 16. Pr. Eugen — Friedrich Heinrich Eugen, Prinz v. Würtemberg (1758 † 1823).

Стр. 228 : 33. Herzog v. Curland — Петръ Биронъ, герц. курляндскій (4 февр. 1724 † 2 янв. 1800).

Стр. 229 : 33. Prinz Louis — Friedrich Ludwig Alexander, Prinz v. Würtemberg (30 авг. 1756 † 1823) женился на княжнѣ Маріаннѣ Чарторыйской, дочери кн. Адама, 28 окт. 1784.

Стр. 230 : 1. Gugumos — Gottlieb Freih. v. Gugomos, equ. a cygno triumphante.

Стр. 230 : 30 — 32. Строки буквъ i k l | a e | q r и т. д. слѣдуетъ раздѣлить горизонтальными чертами, пересѣкающимися подъ прямымъ угломъ съ вертикальными. Братъ автора — «Iohann Christian Freih. v. Schröder Fähnrich in Minden, geb. den 14 Juni 1756, aufgenommen den 19 Septbr 1772, als Gesell den 9 April 1774 in Göttingen, später auch zum Mstr. befördert» *(Polick,* S. 71).

Стр. 231 : 37. Kayser Franz — императоръ Францъ I. (8 дек. 1708 † 1765).

Стр. 232 : 7. August der 1-ste — August I, Kurfürst v. Sachsen (31 іюля 1526 † 12 февр. 1586). Его наслѣдникъ — Christian I (29 окт. 1560 † 25 сент. 1591).

Стр. 232 : 9. Kaiser Rudolph — императоръ Рудольфъ II (18 іюля 1552 † 10 янв. 1612, имп. съ 1576 года).

Стр. 232 : 16. Fürst Dolgorucki — кн. Владиміръ Сергѣевичъ Долгоруковъ (1720 † 1803); кн. Голицынъ, убитый турками до 1787 г., не извѣстенъ.

Стр. 232 : 33. Wächter — Karl Eberhard W., equ. a ceraso (21 мая 1746 † 25 мая 1825). О попыткахъ іезуитовъ привлечь князей деньгами свидѣтельствуетъ письмо саксонскаго министра Вурмба къ Шрепферу 17 іюня 1774, напечатанное въ трудѣ *Sierke,* 322 — 224; отсюда видно, что, начиная съ герцога Карла, всѣ вліятельнѣйшіе люди въ Саксоніи становились слугами іезуитизма на жалованьѣ

Стр. 233 : 1. Brönner — Ioh. Karl B-r (4 іюля 1738 † 22 марта 1812).

Стр. 233 : 21. Eck — Ioh. Georg Eck (23 янв. 1745 † 20 ноября 1808).

Стр. 233 : 23. Далѣе въ копіи пѣтъ никакого пробѣла; но по содержанію ясно, что строки 24 — 30 написаны по возвращеніи автора въ Россію, въ мартѣ 1786.

Стр. 233 : 28. Pr. Wesemsky — по всей вѣроятности, кн. Андрей Ивановичъ Вяземскій (1750 [1754?] † 1807).

Стр. 233 : 31. Должно быть, весною 1787 г. авторъ сталъ разбирать свои бумаги и, встрѣтивъ «старый» дневникъ, рѣшилъ продолжать его; вспомнивъ ночь съ 8 на 9 ноября 1786 г., онъ занесъ въ тетрадь и ночное видѣніе 4 февраля 1787 г. (234 : 12 — 21); затѣмъ присоединилъ «черты» изъ своей жизни и — уложилъ рукопись въ сундукъ, отданный на храненіе И. В. Лопухину.

Стр. 233 : 34. M-lle A. Bourignon — см. № 112.

Стр. 235 — 272 содержатъ переписку, которой воспользовался С. В. Ешевскій въ «Очеркахъ по исторіи русскаго масонства XVIII в.» (1. «Матеріалы для исторіи русскаго общества XVIII вѣка. Нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній о Н. И. Новиковѣ», — первоначально подъ заглавіемъ: «Нѣсколько замѣчаній къ статьѣ «Новиковъ и Шварцъ», *Р. В.*, 1857, т. XII (№ 21), 174 — 201. 2. «Московскіе масоны восьмидесятыхъ годовъ прошедшаго столѣтія: 1780 — 1789». *Р. В.*, 1864, т. LII

(№ 8), 361 — 406; 1865, т. LVI (№ 3), 5 — 52; перепечатаны въ «Сочиненіяхъ» М., 1870. ч. 3-я, стр. 403 — 568). Рукопись хранится въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцевскомъ Музеѣ (вход. № 1953); на входномъ листѣ рукою Ешевскаго: «Тайная переписка Московскихъ масоновъ 1780 — 1789 г.г., XXXI письмо, 97 стр. Списано съ оригиналовъ рукою послѣдняго верховнаго сановника Ордена Гр. Серг. Ст. Лан[ско]ва. При стр. 64-й рисунокъ Масонской Медали. С. Е.». 4°.

Далѣе подъ буквой *E.*, указаны тѣ страницы 3-й части «Сочиненій» С. В. Ешевскаго, на которыхъ напечатаны письма I — XXXI полностію или въ отрывкахъ.

I. Слово ĕlôĝîm написано по еврейски.

II. Подпись: «К. Николай Трубецкой».

III. *E.*, 464 — 465, 510. — Подпись: «К. Н. Т.».

IV. *E.*, 466 — 468, 512, 513 (вполнѣ). — Подпись: «К. Н. Т.».

V. *E.*, 468 — 471, 497 498, 511, 513, 514, 539, 542. — Вм. «ab aequitate» въ рукописи: ab equitatae. Подпись: «Н. Н.».

Графъ Албанскій — Карлъ Эдуардъ (Людовикъ Филиппъ Казиміръ), претендентъ на англійскій престолъ (Стюартъ), принявшій имя comte d'Albany (31 дек. 1720 † 31 янв. 1788).

Плуменфельтъ — Karl Andr. Plommenfeldt, equ. a stella immaculata (7 авг. 1750, пригов. къ смерти 1780).

Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій — 1752 † 1796.

Шнейдеръ Яковъ — читалъ въ Московскомъ университетѣ 1782 — 1788.

Ф. П. Ключаревъ — 1751 † 1 іюля 1822.

Куракинъ — кн. Александръ Борисовичъ.

Перфильевъ — Степанъ Васильевичъ (1734 † 29 марта 1793).

VI. *E.*, 514, 540.

VII — VIII. *E.*, 515.

Bergmann — см. 218 : 35.

IX. *E.*, 515, 534. Можетъ быть, лучше поставить запятую послѣ «отечеству нашему» и читать, какъ въ рукописи: «проложили»?

Рибасъ — см. № 59.

X. *E.*, 516 — 517 (вполнѣ). Въ копіи Ланского письмо отнесено къ 22 іюня, но изъ № XII видно, что его слѣдуетъ отнести къ 29 іюня.

Митусовъ Александръ Петровичъ — на службѣ съ 1760 † до 1797.

Митусовъ Василій Петровичъ — 6 марта 1754 † 27 окт. 1821.

Партовъ Андрей Андреевичъ — 1737 † 1813.

XI — XII. *E.*, 517 (XII вполнѣ). Іоаннъ — И. В. Лопухинъ, Александръ — А. М. Лукинъ, Петръ «a satrapa» — П. Л. Вельяминовъ, Петръ «a speculatione» — маіоръ Фрёлихъ. (*Сборникъ*, 153).

XIII. *E.*, 518. Вельяминовъ Петръ Лукичъ — † не ранѣе 1807.

XIV. *E.*, 511, 518, 522, 535 — 537.

Шварцъ — см. 218 : 35.

Беберъ Иванъ Васильевичъ — 22 дек. 1746 † 14 іюля 1820.

О книгѣ «Des erreurs et de la verité» см. № 25.

Вобанъ — 1633 † 1707.

XV. *E.*, 519 — 521, 536, 540, 541.

XVI. *E.*, 541.

XVII. *E.*, 522, 558. Тамъ же, стр. 558 — 560, объ «Annulus Platonis». — См. 217 : 33.

XIX. *E.*, 522 — 523, 541, 558.

XX. *E.*, 523 — 525, 541, 544, 553. Къ этому письму приложены двѣ страницы съ масонскими кругами и надписями: «Vincit Halleluja, Tetragrammaton, Astaroth» и проч.

(№ 8), 361 — 406; 1865, т. LVI (№ 3), 5 — 52; перепечатаны въ «Сочиненіяхъ» М., 1870. ч. 3-я, стр. 403 — 568). Рукопись хранится въ Императорскомъ Московскомъ и Румянцевскомъ Музеѣ (вход. № 1953); на входномъ листѣ рукою Ешевскаго: «Тайная переписка Московскихъ масоновъ 1780 — 1789 г.г., XXXI письмо, 97 стр. Списано съ оригиналовъ рукою послѣдняго верховнаго сановника Ордена Гр. Серг. Ст. Лан[ско]ва. При стр. 64-й рисунокъ Масонской Медали. С. Е.». 4°.

Далѣе подъ буквой *E.*, указаны тѣ страницы 3-й части «Сочиненій» С. В. Ешевскаго, на которыхъ напечатаны письма I — XXXI полностію или въ отрывкахъ.

I. Слово ĕlôĝîm написано по еврейски.

II. Подпись: «К. Николай Трубецкой».

III. *E.*, 464 — 465, 510. — Подпись: «К. Н. Т.».

IV. *E.*, 466 — 468, 512, 513 (вполнѣ). — Подпись: «К. Н. Т.».

V. *E.*, 468 — 471, 497 498, 511, 513, 514, 539, 542. — Вм. «ab aequitate» въ рукописи: ab equitatae. Подпись: «П. Н.».

Графъ Албанскій — Карлъ Эдуардъ (Людовикъ Филиппъ Казиміръ), претендентъ на англійскій престолъ (Стюартъ), принявшій имя comte d'Albany (31 дек. 1720 † 31 янв. 1788).

Плуменфельтъ — Karl Andr. Plommenfeldt, equ. a stella immaculata (7 авг. 1750, пригов. къ смерти 1780).

Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожскій — 1752 † 1796.

Шнейдеръ Яковъ — читалъ въ Московскомъ университетѣ 1782 — 1788.

Ф. П. Ключаревъ — 1751 † 1 іюля 1822.

Куракинъ — кн. Александръ Борисовичъ.

Перфильевъ — Степанъ Васильевичъ (1734 † 29 марта 1793).

VI. *E.*, 514, 540.

VII — VIII. *E.*, 515.

Bergmann — см. 218 : 35.

IX. *E.*, 515, 534. Можетъ быть, лучше поставить запятую послѣ «отечеству нашему» и читать, какъ въ рукописи: «проложили»?

Рибасъ — см. № 59.

X. *E.*, 516 — 517 (вполнѣ). Въ копіи Ланского письмо отнесено къ 22 іюня, но изъ № XII видно, что его слѣдуетъ отнести къ 29 іюня.

Митусовъ Александръ Петровичъ — на службѣ съ 1760 † до 1797.

Митусовъ Василій Петровичъ — 6 марта 1754 † 27 окт. 1821.

Партовъ Андрей Андреевичъ — 1737 † 1813.

XI — XII. *E.*, 517 (XII вполнѣ). Іоаннъ — И. В. Лопухинъ, Александръ — А. М. Лукинъ, Петръ «a satrapa» — П. Л. Вельяминовъ, Петръ «a speculatione» — маіоръ Фрёлихъ. (*Сборникъ*, 153).

XIII. *E.*, 518. Вельяминовъ Петръ Лукичъ — † не ранѣе 1807.

XIV. *E.*, 511, 518, 522, 535 — 537.

Шварцъ — см. 218 : 35.

Беберъ Иванъ Васильевичъ — 22 дек. 1746 † 14 іюля 1820.

О книгѣ «Des erreurs et de la verité» см. № 25.

Вобанъ — 1633 † 1707.

XV. *E.*, 519 — 521, 536, 540, 541.

XVI. *E.*, 541.

XVII. *E.*, 522, 558. Тамъ же, стр. 558 — 560, объ «Annulus Platonis». — См. 217 : 33.

XIX. *E.*, 522 — 523, 541, 558.

XX. *E.*, 523 — 525, 541, 544, 553. Къ этому письму приложены двѣ страницы съ масонскими кругами и надписями: «Vincit Halleluja, Tetragrammaton, Astaroth» и проч.

Кн. Трубецкой послалъ, по мнѣнію С. В. Ешевскаго (стр. 524 — 527), «Теоретическій градусъ соломонскихъ наукъ»; онъ сохранился во множествѣ списковъ; на одномъ изъ нихъ есть помѣта, не принадлежащая переписчику: «Т. Г. присланъ 1782 г., декабря 9-го». Въ «Отчетѣ» *И. И. Б.*, 1869, стр. 53, указана рукопись: «Theoretischer Grad der Salomonischen Wissenschaften, скорописью XVIII вѣка въ л., 264 страницы. Въ концѣ скрѣпа: «Что сей списокъ слово въ слово сходенъ съ подлинникомъ, въ томъ свидѣтельствую Николай ab Ансога» (Новиковъ). Нѣмецк. III, F, № 26».

«О молитвѣ» — *Сопиковъ*, ч. 4, стр. 232, № 9122: «Простосердечное наставленіе о молитвѣ, во 1-хъ, какъ сердце въ усердной молитвѣ внутреннимъ предразмышленіемъ возбуждается и уготовляется, во 2-хъ, какъ Адамъ и Христосъ въ насъ суть, а не внѣ насъ, на сіе цѣлое Св. Писаніе указуетъ, въ 3-хъ, чего ради Христомъ повелѣна молитва, хотя Богъ издалече насъ предупреждаетъ благими своими прежде нежели молимся мы; переводъ; (Москва) въ 8. Безъ означенія года [1783]». — *Лонгиновъ*, 063.

«Духъ масонства» — *Сопиковъ*, ч. 2, стр. 392, № 3535: «Духъ Масонства, нравоучительныя и истолковательныя рѣчи г. Гучинсона, въ 14 рѣчахъ состоящій, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ о Масонскихъ таинствахъ; переводъ съ нѣмецкаго; Москва (около 1785) — въ 8» [1783]. — *Лонгиновъ*, 063.

«О семи дняхъ творенія», — это, можетъ быть, «Тайна творенія по видимымъ и невидимымъ чудесамъ его, переводъ съ нѣмецкаго, Москва, 1785, въ 8» или «Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ предревней Моисейской философіи, въ коей изъясняется о водахъ, Едемѣ, о древѣ добра и зла и проч., соч. Аббатами Дюгетомъ и Диспфелетомъ, пер. съ франц., М., въ Т[ипографіи] Лопухина, 1786, въ 8» (*Сопиковъ*, ч. 5-я, стр. 8 и 114, №№ 11681 и 12616). — *Лонгиновъ* (271) полагаетъ, что вторая книга напечатана ранѣе 1786 года и: въ тайной типографіи.

Крузе (Карлъ Фридрихъ) Карлъ Федоровичъ — 1727 † 29 іюня 1799.

Рожерсонъ (Іоаннъ Джонъ Самуилъ) Иванъ Самойловичъ — 1741 † 1823 новѣйшія свѣдѣнія о немъ въ *Б. С.*

Чернышевъ Петръ Григорьевичъ, гр. — 25 марта 1712 † 20 авг. 1773.

О поѣздкѣ Державина въ Петроградъ въ это время нѣтъ свѣдѣній ни въ «Запискахъ» поэта, ни въ его біографіи. Самъ онъ къ масонству относился отрицательно, но московскіе розенкрейцеры чтили его высоко. Въ *Р. М.* хранится великолѣпный экземпляръ соч. И. В. Лопухина «О внутренней церкви» (Изд. 2-е, С.-Пб. 1801) со слѣдующей собственноручной надписью автора: «Великому генію, написавшему оду Богъ, на память искренней любви и высокопочитанія отъ сочинителя сей книги и картинъ, въ ней и на оберткѣ ея находящихся. И. Лопухинъ».

XXI. *Е.*, 527 — 528. Подписавшись, кн. Трубецкой прибавилъ: «NB. Письмо приложенное къ барону отдайте поскорѣе, ибо оно нужное». Бар. Шредеръ (Сакердосъ) находился тогда въ Петроградѣ — отсюда онъ ѣздилъ въ 1783 г. за границу.

XXII. *Е.*, 528 — 529. — Рукописная книга «О семи дняхъ творенія» была приложена къ № XX.

XXIII. Кн. Трубецкой послалъ при этомъ письмѣ и при №№ XXIV и XXVIII отдѣльныя пьесы изъ сборника сочиненій Бёме «Christosophia или путь ко Христу Сочиненъ въ девяти книжицахъ, нынѣ собранъ въ осмь, въ коихъ предлагается объ истинномъ показаніи и о ключѣ божественныхъ тайнъ: о с[вятой] молитвѣ; объ истинномъ равнодушіи; о божественномъ созерцаніи (или богозрѣніи), съ разговоромъ просвѣщенной души и о четырехъ комплексіяхъ (или сложеніяхъ). Представлено изъ божественнаго богознанія Іаковомъ Бемомъ. Переводъ съ нѣмецкаго» («Отчетъ» *И. И. Б.*, 1874, стр. 23 — 24; О. III. № 94). Сочиненіе Бёме «De vita mei-

Кн. Трубецкой послалъ, по мнѣнію С. В. Ешевскаго (стр. 524 — 527), «Теоретическій градусъ соломонскихъ наукъ»; онъ сохранился во множествѣ списковъ; на одномъ изъ нихъ есть помѣта, не принадлежащая переписчику: «Т. Г. присланъ 1782 г., декабря 9-го». Въ «Отчетѣ» *И. П. Б.*, 1869, стр. 53, указана рукопись: «Theoretischer Grad der Salomonischen Wissenschaften, скорописью XVIII вѣка въ л., 264 страницы. Въ концѣ скрѣпа: «Что сей списокъ слово въ слово сходенъ съ подлинникомъ, въ томъ свидѣтельствую Николай ab Ансога» (Новиковъ). Нѣмецк. III, F, № 26».

«О молитвѣ» — *Сопиковъ*, ч. 4, стр. 232, № 9122: «Простосердечное наставленіе о молитвѣ, во 1-хъ, какъ сердце въ усердной молитвѣ внутреннимъ предразмышленіемъ возбуждается и уготовляется, во 2-хъ, какъ Адамъ и Христосъ въ насъ суть, а не внѣ насъ, на сіе цѣлое Св. Писаніе указуетъ, въ 3-хъ, чего ради Христомъ повелѣна молитва, хотя Богъ издалече насъ предупреждаетъ благими своими прежде нежели молимся мы; переводъ; (Москва) въ 8. Безъ означенія года [1783]». — *Лонгиновъ*, 063.

«Духъ масонства» — *Сопиковъ*, ч. 2, стр. 392, № 3535: «Духъ Масонства, нравоучительныя и истолковательныя рѣчи г. Гучинсона, въ 14 рѣчахъ состоящій, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ и отвѣтовъ о Масонскихъ таинствахъ; переводъ съ нѣмецкаго; Москва (около 1785) — въ 8» [1783]. — *Лонгиновъ*, 063.

«О семи дняхъ творенія», — это, можетъ быть, «Тайна творенія по видимымъ и невидимымъ чудесамъ его, переводъ съ нѣмецкаго, Москва, 1785, въ 8» или «Шестидневныхъ дѣлъ сего міра тайное значеніе, открытое въ зерцалѣ предревней Моисейской философіи, въ коей изъясняется о водахъ, Едемѣ, о древѣ добра и зла и проч., соч. Аббатами Дюгетомъ и Дисфелетомъ, пер. съ франц., М., въ Т[ипографіи] Лопухина, 1786, въ 8» (*Сопиковъ*, ч. 5-я, стр. 8 и 114, №№ 11681 и 12616). — *Лонгиновъ* (271) полагаетъ, что вторая книга напечатана ранѣе 1786 года и: въ тайной типографіи.

Крузе (Карлъ Фридрихъ) Карлъ Федоровичъ — 1727 † 29 іюня 1799.

Рожерсонъ (Іоаннъ Джонъ Самуилъ) Иванъ Самойловичъ — 1741 † 1823 новѣйшія свѣдѣнія о немъ въ *Б. С.*

Чернышевъ Петръ Григорьевичъ, гр. — 25 марта 1712 † 20 авг. 1773.

О поѣздкѣ Державина въ Петроградъ въ это время нѣтъ свѣдѣній ни въ «Запискахъ» поэта, ни въ его біографіи. Самъ онъ къ масонству относился отрицательно, но московскіе розенкрейцеры чтили его высоко. Въ *Р. М.* хранится великолѣпный экземпляръ соч. И. В. Лопухина «О внутренней церкви» (Изд. 2-е, С.-Пб. 1801) со слѣдующей собственноручной надписью автора: «Великому генію, написавшему оду Богъ, на память искренней любви и высокопочитанія отъ сочинителя сей книги и картинъ, въ ней и на оберткѣ ея находящихся. И. Лопухинъ».

XXI. *Е.*, 527 — 528. Подписавшись, кн. Трубецкой прибавилъ: «NB. Письмо приложенное къ барону отдайте поскорѣе, ибо оно нужное». Бар. Шредеръ (Сакердосъ) находился тогда въ Петроградѣ — отсюда онъ ѣздилъ въ 1783 г. за границу.

XXII. *Е.*, 528 — 529. — Рукописная книга «О семи дняхъ творенія» была приложена къ № XX.

XXIII. Кн. Трубецкой послалъ при этомъ письмѣ и при №№ XXIV и XXVIII отдѣльныя пьесы изъ сборника сочиненій Бёме «Christosophia или путь ко Христу Сочиненъ въ девяти книжицахъ, нынѣ собранъ въ осмь, въ коихъ предлагается объ истинномъ показаніи и о ключѣ божественныхъ тайнъ: о с[вятой] молитвѣ; объ истинномъ равнодушіи; о божественномъ созерцаніи (или богозрѣніи), съ разговоромъ просвѣщенной души и о четырехъ комплексіяхъ (или сложеніяхъ). Представлено изъ божественнаго богознанія Іаковомъ Бемомъ. Переводъ съ нѣмецкаго» («Отчетъ» *И. П. Б.*, 1874, стр. 23 — 24; О. III. № 94). Сочиненіе Бёме «De vita mei-

tali или о сверхчувственной жизни. Разговоръ учителя и ученика. 1622» въ рукописномъ переводѣ вошло въ сборникъ, скорописью XVIII вѣка, хранящійся въ *И. П. Б.* (О. III. № 173. «Отчетъ» 1874, стр. 47—48). — См. № 13.

XXIV. *Е.*, 529—530, 541.

Глѣбовъ Федоръ Ивановичъ — 31 дек. 1734 † 29 ноября 1799.

Пушкинъ — м. б., гр. Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (16 марта 1744 † 1 февр. 1817).

«Гармонія міра. Сочиненіе, въ которомъ разсуждается о Богѣ и натуральной сущности, или эссенціи, въ трехъ книгахъ: I. О единицѣ и Троицѣ; II. О натурѣ и ея началахъ; III. Соединеніе Творца съ тварями чрезъ воплощеніе Слова и таинство причащенія. Писанное Ф. В. К. докторомъ священнаго факультета и стряпчимъ въ парламентѣ. Переведенная въ селѣ Тхивск. М. В. докторомъ медицины. 1791 года. Скорописью, въ 4 д. л. 327 страницъ. III. Q. № 89». «Отчетъ» *И. П. Б.* 1869, стр. 30—31. Ср. «Отчетъ» *И. П. Б.*, 1874, стр. 9, и «Каталогъ» *Р. М.*, № 254, 374, 396. См. выше 222:24.

Стр. 264:13 сн. «Другимъ» подчеркнуто въ подлинникѣ трижды.

XXV. *Е.*, 531—532 (вполнѣ).

Третьяковскій — Левъ Васильевичъ Третьяковскій.

Несвицкій кн. Иванъ Васильевичъ — 1740 † 15 апр. 1806.

Сабуровъ — Алексѣй Ѳедоровичъ (1748, вышелъ въ отставку 20 сентября 1804).

Бороздинъ — повидимому, Михаилъ Саввичъ (1740 † 1796). *Handbuch*, III, 108.

XXVI. *Е.*, 530.

XXVII. *Е.*, 532 (вполнѣ).

Строгоновъ графъ Александръ Сергѣевичъ — † 27 сент. 1811.

Строгоновъ баронъ Александръ Николаевичъ — † 13 марта 1789.

XXVIII. *Е.*, 533. — Хотя въ рукописи стоитъ 1789-й годъ, но не описался-ли гр. Лапской? По содержанію письмо XXVIII такъ тѣсно примыкаетъ къ XX, XXIII, XXIV и XXVI, что трудно допустить перерывъ столь оживленной переписки на четыре года. Не слѣдуетъ-ли отнести XXVIII письмо къ 1784 или къ 1785 году? На стр. 583, приплвъ дату рукописи, С. В. Ешевскій замѣчаетъ по поводу силанума: «По всей вѣроятности, это тотъ силанумъ, который былъ въ 1784 году, иначе нужно бы предположить, что онъ продолжался болѣе четырехъ лѣтъ». Дата рукописи смущала и С. В. Ешевскаго (стр. 532). Ни по содержанію, ни по тону письмо XXVIII не соотвѣтствуетъ положенію, въ какомъ находились московскіе розенкрейцеры въ 1789 году.

«Іоанна Масона А. М. познаніе самого себя, въ которомъ естество и польза сея важныя науки, равно и средства къ достиженію оныя показаны, съ присовокупленіемъ примѣчаній о естествѣ человѣческомъ; переведено съ Англинскаго на Нѣмецкій, а съ сего на Россійскій I(оанномъ) Тургеневымъ; 3 части; М., 1783—въ 8». *Сопиковъ* ч. 3, № 4962. — Изд. 2, М. 1786, Изд. 3, М. 1800. Тамъ же, № 4963, и 4964. — *Wolfstieg*, II B, № 42489: «Die Selbsterkentniss, worinnen die Natur und der Nutzen dieser wichtigen Wissenschaft und die Mittel, darzu zu gelangen, gezeiget werden: mit eingestreuten Betrachtungen und Anmerk. über die menschliche Natur von Ioh. Mason. Aus d. Engl. übers. von J. B[arth] R[ogler] 2 Aufl. Leipzig, Hilscher, 1775. 251 S. 8°».

XXIX. *Е.*, 533—534, 549. Въ рукописи письмо безъ даты; это указалъ и С. В. Ешевскій (стр. 533), но сначала (стр. 451—452) онъ отнесъ письмо XXIX къ 1781 г. [м. б., это опечатка?], а потомъ (стр. 549) къ 1789 году. *Лонгиновъ* (стр. 291—292) предложилъ исправить списокъ членовъ Провинціальной ложи. «Тутъ—говоритъ

tali или о сверхчувственной жизни. Разговоръ учителя и ученика. 1622» въ рукописномъ переводѣ вошло въ сборникъ, скорописью XVIII вѣка, хранящійся въ *И. П. Б.* (О. III. № 173. «Отчетъ» 1874, стр. 47—48). — См. № 13.

XXIV. *Е.*, 529—530, 541.

Глѣбовъ Федоръ Ивановичъ — 31 дек. 1734 † 29 ноября 1799.

Пушкинъ — м. б., гр. Алексѣй Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ (16 марта 1744 † 1 февр. 1817).

«Гармонія міра. Сочиненіе, въ которомъ разсуждается о Богѣ и натуральной сущности, или эссенціи, въ трехъ книгахъ: I. О единицѣ и Троицѣ; II. О натурѣ и ея началахъ; III. Соединеніе Творца съ тварями чрезъ воплощеніе Слова и таинство причащенія. Писанное Ф. В. К. докторомъ священнаго факультета и стряпчимъ въ парламентѣ. Переведенная въ селѣ Тхивск. М. В. докторомъ медицины. 1791 года. Скорописью, въ 4 д. л. 327 страницъ. III. Q. № 89». «Отчетъ» *И. П. Б.* 1869, стр. 30—31. Ср. «Отчетъ» *И. П. Б.*, 1874, стр. 9, и «Каталогъ» *Р. М.*, № 254, 374, 396. См. выше 222:24.

Стр. 264:13 сн. «Другимъ» подчеркнуто въ подлинникѣ трижды.

XXV. *Е.*, 531—532 (вполнѣ).

Третьяковскій — Левъ Васильевичъ Третьяковскій.

Несвицкій кн. Иванъ Васильевичъ — 1740 † 15 апр. 1806.

Сабуровъ — Алексѣй Ѳедоровичъ (1748, вышелъ въ отставку 20 сентября 1804).

Бороздинъ — повидимому, Михаилъ Саввичъ (1740 † 1796). *Handbuch*, III, 108.

XXVI. *Е.*, 530.

XXVII. *Е.*, 532 (вполнѣ).

Строгоновъ графъ Александръ Сергѣевичъ — † 27 сент. 1811.

Строгоновъ баронъ Александръ Николаевичъ — † 13 марта 1789.

XXVIII. *Е.*, 533. — Хотя въ рукописи стоитъ 1789-й годъ, но не описался-ли гр. Лапской? По содержанію письмо XXVIII такъ тѣсно примыкаетъ къ XX, XXIII, XXIV и XXVI, что трудно допустить перерывъ столь оживленной переписки на четыре года. Не слѣдуетъ-ли отнести XXVIII письмо къ 1784 или къ 1785 году? На стр. 583, приплвъ дату рукописи, С. В. Ешевскій замѣчаетъ по поводу *силанума*: «По всей вѣроятности, это тотъ силанумъ, который былъ въ 1784 году, иначе нужно бы предположить, что онъ продолжался болѣе четырехъ лѣтъ». Дата рукописи смущала и С. В. Ешевскаго (стр. 532). Ни по содержанію, ни по тону письмо XXVIII не соотвѣтствуетъ положенію, въ какомъ находились московскіе розенкрейцеры въ 1789 году.

«Іоанна Масона А. М. познаніе самого себя, въ которомъ естество и польза сея важныя науки, равно и средства къ достиженію оныя показаны, съ присовокупленіемъ примѣчаній о естествѣ человѣческомъ; переведено съ Англинскаго на Нѣмецкій, а съ сего на Россійскій I(оанномъ) Тургеневымъ; 3 части; М., 1783—въ 8». *Сопиковъ* ч. 3, № 4962. — Изд. 2, М. 1786, Изд. 3, М. 1800. Тамъ же, № 4963, и 4964. — *Wolfstieg*, II B, № 42489: «Die Selbsterkentniss, worinnen die Natur und der Nutzen dieser wichtigen Wissenschaft und die Mittel, darzu zu gelangen, gezeiget werden: mit eingestreuten Betrachtungen und Anmerk. über die menschliche Natur von Ioh. Mason. Aus d. Engl. übers. von J. B[arth] R[ogler] 2 Aufl. Leipzig, Hilscher, 1775. 251 S. 8°».

XXIX. *Е.*, 533—534, 549. Въ рукописи письмо безъ даты; это указалъ и С. В. Ешевскій (стр. 533), но сначала (стр. 451—452) онъ отнесъ письмо XXIX къ 1781 г. [м. б., это опечатка?], а потомъ (стр. 549) къ 1789 году. *Лонгиновъ* (стр. 291—292) предложилъ исправить списокъ членовъ Провинціальной ложи. «Тутъ—говоритъ

опъ—должна быть ошибка: князь Василій Владиміровичъ Долгорукій... умеръ 26 сентября 1782, слѣдовательно, въ 1789 году его уже 7 лѣтъ, какъ не было на свѣтѣ. Полагаемъ, что тутъ должно читать имя кн. Василья Васильевича Долгорукаго р. (1752, ум. 1812)»... Однако, и членомъ Капитула названъ тотъ же кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій. Въ *Б. С.* смерть его отнесена къ 1784 году; въ XVI томѣ „*Сборника*" — къ 20 сентября 1782; въ I томѣ «Россійской родословной книги», стр. 96, — къ 26 сентября 1782; въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ», СПб., 1842, стр. 187 — 188, — къ 1784 году. По всей вѣроятности, къ этому году относится и списокъ членовъ Провинціальной ложи. Кн. Трубецкой и раньше (въ III и XXI п.) выражалъ надежду на свиданіе съ А. А. Ржевскимъ въ Москвѣ; изъ III письма видно, что «почти на всякой почтѣ» получались новыя бумаги; онѣ переписывались и пересылались въ 1783 и 1784 гг.; въ эту пору кн. Трубецкой, дѣйствительно, могъ быть «заваленъ дѣломъ» и къ нему «сходились переписывать акты» (стр. 270); тогда «масонская работа» въ Москвѣ кипѣла, а къ 1789 г. она замерла — лишь тайкомъ собирались «мартинисты». Запоздалымъ для 1789 г. является и замѣчаніе о кн. Гагаринѣ: изъ писемъ III, XIV, XXII и XXIV А. А. Ржевскій зналъ, что «вышнія познанія» отъ кн. Гагарина были скрыты.

Кн. Ю. В. Долгорукій — 2 ноября 1740 † 8 ноября 1880; Кн. Н. Н. Одоевскій — † 1798; Б. А. Загряжскій — 10 іюля 1744 † 24 апр. 1809; Кн. Г. А. Щербатовъ — 10 авг. 1735 † 18 янв. 1810; Н. С. Лаптевъ — † 30 дек. 1814; Кн. Н. П. Гагаринъ — 8 іюня 1745 † 18 окт. 1814.

XXX. *Е.*, 534, 537 - 538. Въ рукописи нѣтъ даты. С. В. Ешевскій и это письмо отнесъ къ 1789 году; но трудно предположить, чтобы въ это время переводились, переписывались и пересылались Ржевскому «градусы»: все это было умѣстно лишь въ періодъ организаціи VIII провинціи и «внутренняго ордена»; притомъ едва-ли кн. Трубецкой сталъ бы писать Ржевскому въ 1789 г., что имена Перфильева и его самого сообщены «конвенту»: за семь лѣтъ (1782 — 1789) «Брауншвейгская связь» московскими мартинистами была «забыта» — ей предпочли «Вельперовъ кругъ». (*Ешевскій*, ч. 3-я, стр. 504 — 507).

XXXI. *Е.*, 534. П. С. Бѣляевъ любезно сообщилъ мнѣ, что, по свѣдѣніямъ Н. П. Чулкова, тещи кн. Н. Н. Трубецкого (княгини Черкасская, рожд. Корсакъ), скончалась 7 февраля 1783 года. И по содержанію это письмо слѣдовало бы отнести къ тому времени, когда шла переписка о В. В. Чулковѣ (стр. 246—249) а кн. Трубецкой подписывался equ. ab aquila boreali, т. е. къ 1783 году. С. В. Ешевскій (стр. 451) первоначально полагалъ, что «переписка» обрывается 1781-мъ годомъ, а затѣмъ отнесъ всѣ письма безъ датъ къ 1789-му году.

За XXXI письмомъ слѣдуетъ въ подлинникѣ замѣтка о силанумѣ, напечатанная С. В. Ешевскимъ (стр. 530):

«Силанумъ въ орденѣ есть такое время, въ которое отцы и правители высокосвѣтлаго святѣйшаго ордена занимаются разсмотрѣніемъ всей экономіи его,— есть то время, въ которое они сего благословеннаго и райскаго древа обрѣзываютъ и отсѣкаютъ увядающіе и засыхающіе отпрыски, а иногда и цѣлыя безплодныя вѣтви».

«Время сіе сколько для экономіи ордена вообще весьма важное, столько и для всѣхъ о[круговъ] и въ особенности для всякаго брата розенкрейцера страшное или, по крайней мѣрѣ, такое, въ которое каждый сынъ ордена особенное на себя долженъ обращать вниманіе и наистрожайше самого въ себѣ испытывать въ вѣрности и дѣятельной приверженности къ святости своего званія».

опъ—должна быть ошибка: князь Василій Владиміровичъ Долгорукій... умеръ 26 сентября 1782, слѣдовательно, въ 1789 году его уже 7 лѣтъ, какъ не было на свѣтѣ. Полагаемъ, что тутъ должно читать имя кн. Василья Васильевича Долгорукаго р. (1752, ум. 1812)»... Однако, и членомъ Капитула названъ тотъ же кн. Василій Владиміровичъ Долгорукій. Въ *Б. С.* смерть его отнесена къ 1784 году; въ XVI томѣ „*Сборника*" — къ 20 сентября 1782; въ I томѣ «Россійской родословной книги», стр. 96, — къ 26 сентября 1782; въ «Сказаніяхъ о родѣ князей Долгоруковыхъ», СПб., 1842, стр. 187 — 188, — къ 1784 году. По всей вѣроятности, къ этому году относится и списокъ членовъ Провинціальной ложи. Кн. Трубецкой и раньше (въ III и XXI п.) выражалъ надежду на свиданіе съ А. А. Ржевскимъ въ Москвѣ; изъ III письма видно, что «почти на всякой почтѣ» получались новыя бумаги; онѣ переписывались и пересылались въ 1783 и 1784 гг.; въ эту пору кн. Трубецкой, дѣйствительно, могъ быть «заваленъ дѣломъ» и къ нему «сходились переписывать акты» (стр. 270); тогда «масонская работа» въ Москвѣ кипѣла, а къ 1789 г. она замерла — лишь тайкомъ собирались «мартинисты». Запоздалымъ для 1789 г. является и замѣчаніе о кн. Гагаринѣ: изъ писемъ III, XIV, XXII и XXIV А. А. Ржевскій зналъ, что «вышнія познанія» отъ кн. Гагарина были скрыты.

Кн. Ю. В. Долгорукій — 2 ноября 1740 † 8 ноября 1880; Кн. Н. Н. Одоевскій — † 1798; Б. А. Загряжскій — 10 іюля 1744 † 24 апр. 1809; Кн. Г. А. Щербатовъ — 10 авг. 1735 † 18 янв. 1810; Н. С. Лаптевъ — † 30 дек. 1814; Кн. Н. П. Гагаринъ — 8 іюня 1745 † 18 окт. 1814.

XXX. *Е.*, 534, 537 - 538. Въ рукописи нѣтъ даты. С. В. Ешевскій и это письмо отнесъ къ 1789 году; но трудно предположить, чтобы въ это время переводились, переписывались и пересылались Ржевскому «градусы»: все это было умѣстно лишь въ періодъ организаціи VIII провинціи и «внутренняго ордена»; притомъ едва-ли кн. Трубецкой сталъ бы писать Ржевскому въ 1789 г., что имена Перфильева и его самого сообщены «конвенту»: за семь лѣтъ (1782 — 1789) «Брауншвейгская связь» московскими мартинистами была «забыта» — ей предпочли «Вельперовъ кругъ». (*Ешевскій*, ч. 3-я, стр. 504 — 507).

XXXI. *Е.*, 534. П. С. Бѣляевъ любезно сообщилъ мнѣ, что, по свѣдѣніямъ Н. П. Чулкова, тещи кн. Н. Н. Трубецкого (княгини Черкасская, рожд. Корсакъ), скончалась 7 февраля 1783 года. И по содержанію это письмо слѣдовало бы отнести къ тому времени, когда шла переписка о В. В. Чулковѣ (стр. 246—249) а кн. Трубецкой подписывался equ. ab aquila boreali, т. е. къ 1783 году. С. В. Ешевскій (стр. 451) первоначально полагалъ, что «переписка» обрывается 1781-мъ годомъ, а затѣмъ отнесъ всѣ письма безъ датъ къ 1789-му году.

За XXXI письмомъ слѣдуетъ въ подлинникѣ замѣтка о силанумѣ, напечатанная С. В. Ешевскимъ (стр. 530):

«Силанумъ въ орденѣ есть такое время, въ которое отцы и правители высокосвѣтлаго святѣйшаго ордена занимаются разсмотрѣніемъ всей экономіи его,— есть то время, въ которое они сего благословеннаго и райскаго древа обрѣзываютъ и отсѣкаютъ увядающіе и засыхающіе отпрыски, а иногда и цѣлыя безплодныя вѣтви».

«Время сіе сколько для экономіи ордена вообще весьма важное, столько и для всѣхъ о[круговъ] и въ особенности для всякаго брата розенкрейцера страшное или, по крайней мѣрѣ, такое, въ которое каждый сынъ ордена особенное на себя долженъ обращать вниманіе и наистрожайше самого въ себѣ испытывать въ вѣрности и дѣятельной приверженности къ святости своего званія».

Стр. 273—275. Письма *А. В. С.* находятся въ рукописномъ сборникѣ *Р. М.*, № 1954, л. 89—92 и 92 об.—95. Этимъ сборникомъ пользовался С. В. Ешевскій (III, 553—555, 564); его рукой сдѣлано оглавленіе: «Матеріалы для исторіи масонства. 1) Три письма Коловіона къ начальнику; 2) форма переписки; 3) Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ брр. З[лато] Р[озоваго] † [Креста] въ Россіи; 4) Письма Коловіона къ Porrectus; 5) Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію писанныя его К. рукою. — Писано рукою гр. С. Ст. Л[анско]го, послѣдняго великаго Мастера. — С. Е[шевскій]».

«Три письма Коловіона» (л. 2—23) напечатаны А. Н. Пыпинымъ («Матеріалы, I, 181—189). Рѣчь 10 марта и 10 декабря 1791 говорилъ Vegetus (И. П. Тургеневъ], 10 сентября того же года — Pius [О. А. Поздѣевъ], 10 марта 1792 — Tithonus [Х. А. Чеботаревъ]. Далѣе на л. 86—95 слѣдуютъ письма Новикова и кн. Трубецкого *(А. В. С.)*. На л. 96 заглавіе: «Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію писанныя собственною его К. рукою», (л. 96—109 об.). Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ (л. 108 об.), подъ заглавіемъ: «Записки, о чемъ нужно объясниться», сказано: «... для возстановленія вновь Коловіонскаго [окру]га назначаю я — себя и дд. брр. Еліомаса, Хоруса, Титонуса и не имѣющаго еще [орденска]го имени бр. Походяшина». На л. 110 находится письмо Гамалѣи къ Левшину 3 августа 1810: л. 117—119 содержатъ циркуляръ противъ иллюминатовъ (около 1787 г.), напечатанный А. Н. Пыпинымъ («Матеріалы», I, 192—193); наконецъ, послѣдніе 120—122 листы заключаютъ «Копію съ повелѣнія» высшихъ начальниковъ, также напечатанную А. Н. Пыпинымъ («Матеріалы», I, 193—194).

И. П. Тургеневъ съ осени 1788 г. до вступленія на престолъ императора Павла жилъ въ селѣ Тургеневѣ Симбирской губерніи; за все это время онъ рѣдко отлучался изъ деревни: въ декабрѣ 1790 онъ побывалъ въ Петроградѣ, въ ноябрѣ 1791 — въ Москвѣ; въ августѣ 1792 его потребовали въ Москву для допроса. Въ Тургеневскомъ Архивѣ сохранилась замѣтка, напечатанная *Е. Н. Тарасовымъ* и отнесенная имъ къ 5 декабря 1788: «По краткомъ объявленіи братьямъ, ставшимъ въ порядокъ, о позволеніи имѣть кон... слѣдуетъ — 1) прочтеніе извлеченія изъ отпуска къ о[круга] директору Фил[усу] (внести содержаніе), 2) назначеніе чиновниковъ: I. сеніоръ Vegetus, II. актуаріусъ Tithonus, III. риторъ Pius, которому въ отсутствіи сеніора занимать его мѣсто въ собраніяхъ и при опыхъ наблюдать его должность, IV. казначей Vivax. — 3) Рѣчь директора. 4) Говорить о томъ, что надлежитъ стараться о возраженіи *)»... Эта замѣтка соотвѣтствуетъ извѣщенію 22 октября 1788 о назначеніи И. В. Лопухина начальникомъ Тургенева. Такъ какъ письмо кн. Трубецкого *(В.)* совпадаетъ по содержанію съ письмами Новикова *(А.* и *С.)*, то и его слѣдуетъ отнести къ осени 1788 года; въ числѣ членовъ Гауптъ-директоріи упомянуты Велоксъ и Сацердосъ, которые весной 1787 года уѣхали въ Берлинъ, а Вегетусъ съ осени 1788 года жилъ въ деревнѣ; значитъ, въ составъ Гауптъ-директоріи могли входить братья, которые не жили въ Москвѣ.

Стр. 276—280. Документы *D. E. F.* напечатаны въ III томѣ «Signatstern» 329—340. Фраза кн. Трубецкого «Vous voules, que je ne vous voyé point 3 jourds», указываетъ, что объясненіе между нимъ и бар. Шредеромъ происходило въ Москвѣ; по возвращеніи бар. изъ Берлина въ 1786 г. и до отъѣзда его съ Кутузовымъ весной 1787 г. На это время указываютъ и слова замѣтки «An Sacerdos zu sagen» о томъ, что собственное сознаніе должно подсказать барону, «wie gröblich er sich während seines letzten Aufenthalts in Berlin und auf seiner Rückreise gegen den

*) *Тарасовъ*, II, 35—37,31.

Стр. 273—275. Письма *А. В. С.* находятся въ рукописномъ сборникѣ *Р. М.*, № 1954, л. 89—92 и 92 об.—95. Этимъ сборникомъ пользовался С. В. Ешевскій (III, 553—555, 564); его рукой сдѣлано оглавленіе: «Матеріалы для исторіи масонства. 1) Три письма Коловіона къ начальнику; 2) форма переписки; 3) Рѣчи, говоренныя въ собраніяхъ брр. З[лато] Р[озоваго] † [Креста] въ Россіи; 4) Письма Коловіона къ Porrectus; 5) Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію писанныя его К. рукою. — Писано рукою гр. С. Ст. Л[анско]го, послѣдняго великаго Мастера. — С. Е[шевскій]».

«Три письма Коловіона» (л. 2—23) напечатаны А. П. Пыпинымъ («Матеріалы, I, 181—189). Рѣчь 10 марта и 10 декабря 1791 говорилъ Vegetus (И. П. Тургеневъ], 10 сентября того же года — Pius [О. А. Поздѣевъ], 10 марта 1792 — Tithonus [Х. А. Чеботаревъ]. Далѣе на л. 86—95 слѣдуютъ письма Новикова и кн. Трубецкого *(А. В. С.)*. На л. 96 заглавіе: «Отрывки, доставшіеся брату М. В. П. послѣ покойнаго оберъ-директора Коловіона, большею частію писанныя собственною его К. рукою», (л. 96—109 об.). Въ одномъ изъ этихъ отрывковъ (л. 108 об.), подъ заглавіемъ: «Записки, о чемъ нужно объясниться», сказано: «... для возстановленія вновь Коловіонскаго [окру]га назначаю я — себя и дд. брр. Еліомаса, Хоруса, Титонуса и не имѣющаго еще [орденска]го имени бр. Походяшина». На л. 110 находится письмо Гамалѣи къ Левшину 3 августа 1810: л. 117—119 содержатъ циркуляръ противъ иллюминатовъ (около 1787 г.), напечатанный А. П. Пыпинымъ («Матеріалы», I, 192—193); наконецъ, послѣдніе 120—122 листы заключаютъ «Копію съ повелѣнія» высшихъ начальниковъ, также напечатанную А. П. Пыпинымъ («Матеріалы», I, 193—194).

И. П. Тургеневъ съ осени 1788 г. до вступленія на престолъ императора Павла жилъ въ селѣ Тургеневѣ Симбирской губерніи; за все это время онъ рѣдко отлучался изъ деревни: въ декабрѣ 1790 онъ побывалъ въ Петроградѣ, въ ноябрѣ 1791 — въ Москвѣ; въ августѣ 1792 его потребовали въ Москву для допроса. Въ Тургеневскомъ Архивѣ сохранилась замѣтка, напечатанная *Е. П. Тарасовымъ* и отнесенная имъ къ 5 декабря 1788: «По краткомъ объявленіи братьямъ, ставшимъ въ порядокъ, о позволеніи имѣть кон... слѣдуетъ — 1) прочтеніе извлеченія изъ отпуска къ о[круга] директору Фил[усу] (внести содержаніе), 2) назначеніе чиновниковъ: I. сеніоръ Vegetus, II. актуаріусъ Tithonus, III. риторъ Pius, которому въ отсутствіи сеніора занимать его мѣсто въ собраніяхъ и при опыхъ наблюдать его должность, IV. казначей Vivax. — 3) Рѣчь директора. 4) Говорить о томъ, что надлежитъ стараться о возраженіи *)»... Эта замѣтка соотвѣтствуетъ извѣщенію 22 октября 1788 о назначеніи И. В. Лопухина начальникомъ Тургенева. Такъ какъ письмо кн. Трубецкого *(В.)* совпадаетъ по содержанію съ письмами Новикова *(А.* и *С.)*, то и его слѣдуетъ отнести къ осени 1788 года; въ числѣ членовъ Гауптъ-директоріи упомянуты Велоксъ и Сацердосъ, которые весной 1787 года уѣхали въ Берлинъ, а Вегетусъ съ осени 1788 года жилъ въ деревнѣ; значитъ, въ составъ Гауптъ-директоріи могли входить братья, которые не жили въ Москвѣ.

Стр. 276—280. Документы *D. E. F.* напечатаны въ III томѣ «Signatstern» 329—340. Фраза кн. Трубецкого «Vous voules, que je ne vous voyé point 3 jourds», указываетъ, что объясненіе между нимъ и бар. Шредеромъ происходило въ Москвѣ; по возвращеніи бар. изъ Берлина въ 1786 г. и до отъѣзда его съ Кутузовымъ весной 1787 г. На это время указываютъ и слова замѣтки «An Sacerdos zu sagen» о томъ, что собственное сознаніе должно подсказать барону, «wie gröblich er sich während seines letzten Aufenthalts in Berlin und auf seiner Rückreise gegen den

*) *Тарасовъ*, II, 35—37,31.

Orden vergangen». Наконецъ, къ этой же датѣ приводитъ письмо бар. Шредера 24 іюля 1791 (№ 128). Здѣсь баронъ напоминаетъ кн. Трубецкому: «als Sie mich vor 4 Jahren in Moskau auf Befehl der H[erren] O[bern] maltraitirt haben» (138 : 3 сн.) «und par force meine Papiere haben wollten, um sie an unbekannte... Menschen zu übersenden» (139 : 1 — 3). Далѣе онъ вспоминаетъ, какъ его обвиняли и оправдали (140 : 5 — 13).

По поводу письма кн. Трубецкого (E.) и замѣчаній бар. Шредера (F.) составитель «Signatstern» пишетъ: «Diese beiden merkwürdigen Aktenstücke verbreiten äusserst viel Licht, sowohl über den damaligen Verfolgungsgeist, der selbst der Vater des preussischen Religionsedikts war, als über die nun auf ein mystisches Christentum abzweckende Tendenz der Maurerei» (S. 338).

Вина бар. Шредера была впослѣдствіи настолько забыта, что, какъ видно изъ письма его къ кн. Н. И. Трубецкому (№ 128), Геликонусъ спасъ Сарердоса отъ долговой тюрьмы (139 : 17).

Въ *Г. А.* (VII, № 2927) сохранилось нѣсколько документовъ въ современной обложкѣ съ надписью: «№ 46. По прошенію Алексѣя Кутузова о позволеніи въѣхать въ Россію. 23 марта 1797. Рѣшеніе 25 марта. На 5 листахъ»; имя освѣщается послѣдній годъ жизни А. М. Кутузова въ Берлинѣ. [Годъ рожденія А. М. Кутузова, 1749, доселѣ остававшійся неизвѣстнымъ въ печати, заимствую изъ формуляра, который любезно сообщилъ мнѣ полк. И. П. Поликарповъ. За справки о бар. Эрепаціусѣ и А. М. Кутузовѣ приношу глубокую благодарность Совѣту Императорскаго Военно-Историческаго Общества].

I.

№ 458. 23 марта 1797.

Милостивый Государь
Князь Алексѣй Борисовичъ!

Присланнымъ изъ Берлина на всевысочайшее имя прошеніемъ, Алексѣй Кутузовъ доноситъ, что за десять лѣтъ предъ симъ отправясь онъ по согласію товарищей своихъ для общихъ дѣлъ въ Берлинъ, увѣдомился тамъ, что товарищи его по Именному блаженной памяти Государыни Императрицы указу, разосланы были въ заточеніе; а объ немъ дано повелѣніе при вступленіи его на границу взять его подъ арестъ. Въ слѣдствіе сего благоугодно Его Императорскому Величеству вѣдать: подлинно ли объ арестованіи его дано было повелѣніе? что ко оному было поводомъ? и не было ли другихъ причинъ, кромѣ связи его съ упоминаемыми имъ особами, изъ столицы высланными?

Честь имѣю пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединской Мелецкій *).

Москва. Марта 22-го дня, 1797 года.

Его Сіятельству князю Куракину**)

На полѣ: Для надлежащей выправки отослать Александру Семеновичу [Шишкову] ***).

---

*) Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій — 6 сент. 1752 † 13 февр. 1829.

**) Кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ — 19 сент. 1759 † 30 дек. 1829.

***) Александръ Семеновичъ Шишковъ — 9 марта 1754 † 9 апр. 1841.

Orden vergangen». Наконецъ, къ этой же датѣ приводитъ письмо бар. Шредера 24 іюля 1791 (№ 128). Здѣсь баронъ напоминаетъ кн. Трубецкому: «als Sie mich vor 4 Jahren in Moskau auf Befehl der H[erren] O[bern] maltraitirt haben» (138 : 3 сн.) «und par force meine Papiere haben wollten, um sie an unbekannte... Menschen zu übersenden» (139 : 1 — 3). Далѣе онъ вспоминаетъ, какъ его обвиняли и оправдали (140 : 5 — 13).

По поводу письма кн. Трубецкого (E.) и замѣчаній бар. Шредера (F.) составитель «Signatstern» пишетъ: «Diese beiden merkwürdigen Aktenstücke verbreiten äusserst viel Licht, sowohl über den damaligen Verfolgungsgeist, der selbst der Vater des preussischen Religionsedikts war, als über die nun auf ein mystisches Christentum abzweckende Tendenz der Maurerei» (S. 338).

Вина бар. Шредера была впослѣдствіи настолько забыта, что, какъ видно изъ письма его къ кн. Н. И. Трубецкому (№ 128), Геликонусъ спасъ Сапердоса отъ долговой тюрьмы (139 : 17).

Въ *Г. А.* (VII, № 2927) сохранилось нѣсколько документовъ въ современной обложкѣ съ надписью: «№ 46. По прошенію Алексѣя Кутузова о позволеніи въѣхать въ Россію. 23 марта 1797. Рѣшеніе 25 марта. На 5 листахъ»; имя освѣщается послѣдній годъ жизни А. М. Кутузова въ Берлинѣ. [Годъ рожденія А. М. Кутузова, 1749, доселѣ остававшійся неизвѣстнымъ въ печати, заимствую изъ формуляра, который любезно сообщилъ мнѣ полк. И. П. Поликарповъ. За справки о бар. Эрепаціусѣ и А. М. Кутузовѣ приношу глубокую благодарность Совѣту Императорскаго Военно-Историческаго Общества].

I.

№ 458. 23 марта 1797.

Милостивый Государь

Князь Алексѣй Борисовичъ!

Присланнымъ изъ Берлина на всевысочайшее имя прошеніемъ, Алексѣй Кутузовъ доноситъ, что за десять лѣтъ предъ симъ отправясь онъ по согласію товарищей своихъ для общихъ дѣлъ въ Берлинъ, увѣдомился тамъ, что товарищи его по Именному блаженной памяти Государыни Императрицы указу, разосланы были въ заточеніе: а объ немъ дано повелѣніе при вступленіи его на границу взять его подъ арестъ. Въ слѣдствіе сего благоугодно Его Императорскому Величеству вѣдать: подлинно ли объ арестованіи его дано было повелѣніе? что ко оному было поводомъ? и не было ли другихъ причинъ, кромѣ связи его съ упоминаемыми имъ особами, изъ столицы высланными?

Честь имѣю пребыть съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, Милостивый Государь, Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Юрій Нелединской Мелецкій *).

Москва. Марта 22-го дня, 1797 года.

Его Сіятельству князю Куракину**)

На полѣ: Для надлежащей выправки отослать Александру Семеновичу [Шишкову] ***).

---

*) Юрій Александровичъ Нелединскій-Мелецкій — 6 сент. 1752 † 13 февр. 1829.

**) Кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ — 19 сент. 1759 † 30 дек. 1829.

***) Александръ Семеновичъ Шишковъ — 9 марта 1754 † 9 апр. 1841.

II.

Копія.

Всепресвѣтлѣйшій Монархъ
Всемилостивѣйшій Государь!

Пылая любовію къ моему возлюбленному отечеству, исполненъ любви ко всѣмъ моимъ собратіямъ въ твореніи, возможно-ли мнѣ не радоваться чистѣйшею радостію, видя Тебя, О Государь, одареннаго Всевышнимъ многими умственными и сердечными качествами? Позволь мнѣ умолкнуть изчисленіе оныхъ, да не явлюся предъ Тобою въ видѣ ласкателя, сего для всѣхъ добрыхъ монарховъ существа вреднѣйшаго и ядовитѣйшаго. Тебя, испытаннаго многими званію Твоему тяжкими опытами, вступившаго на наслѣдственный россійскій престолъ Твоихъ предковъ и въ самыхъ уже первыхъ дняхъ владычество Твое дѣлами милосердія, великодушія и человѣколюбія ознаменовавшаго! — се вторично не едиными устами и перомъ, но сердцемъ и душею повторяю данную мною Тебѣ предъ лицемъ Всевышняго присягу, поздравляя Тебя, о Государь! и въ то же время мое возлюбленное отечество и самаго меня съ Твоимъ на пресловутый россійскій престолъ возшествіемъ.

Сіе восхитительное для меня ощущеніе, а съ другой стороны горестное мое положеніе, описаніе котораго повергаю къ освященнымъ Твоимъ стопамъ, да оправдаютъ хотя нѣсколько мою дерзость, что утруждаю Тебя сими строками, и да побудятъ Твое нежное сердце простреть и на меня последняго изъ Твоихъ вѣрноподданныхъ сильную руку помощи и покровительства.

Девять тому лѣтъ, какъ по совѣту моихъ друзей для общихъ нашихъ дѣлъ отправленъ я ими въ Берлинъ, и въ началѣ моего здѣсь пребыванія содержался на общемъ нашемъ иждивеніи. По некоторомъ времени друзья мои, чемъ — того и по сіе время не знаю, навлекли на себя гневъ нашей Монархини и были сосланы, иные въ заточеніе, иные въ свои деревни. Что касается моей особы, то дано повелѣніе на всѣхъ границахъ, при моемъ вступленіи на оныя, взять меня подъ стражу. Переписка съ родными и друзьями пресѣклась такъ, что не имѣлъ даже возможности увѣдомить ихъ о моемъ положеніи. Оставленъ всѣми, не смѣя возвратиться въ мое отечество, и не имея способовъ къ доставленію денегъ, нужныхъ для содержанія какъ самаго меня, такъ и моего сопутешественника барона Шредера, который къ вящей моей тягости, обременилъ себя женою и малолетною жены ево дочерью, противу моего желанія принужденъ былъ вступить въ долги. Содѣланныя и безпрестано вновь дѣлаемыя долги, умножаемыя возрастающими процентами на проценты, возросли до 15.000 талеровъ. Заимодавцы наконецъ потеряли терпеніе, начали взыскивать со всею строгостію, и тому уже 16 мѣсяцевъ какъ лишили меня моей свободы, а тѣмъ самымъ и послѣднихъ способовъ къ доставленію и самыхъ необходимостей, прибавя еще издержки, которыхъ никогда не ожидалъ, а именно по здѣшнимъ законамъ обязанъ платить моимъ стражамъ и за всѣ приказныя по дѣлу сему издержки, что такъ же составитъ сумму для меня немаловажную.

Изобразивъ горестное мое положеніе и причины оному, прошу и молю Тебя, всемилостивѣйшій Государь, повелѣть уничтожить невинное меня изъ отечества изгнаніе, ибо все мое извѣстное мнѣ преступленіе состояло въ тесной моей съ князьями Трубецкими и со статскимъ совѣтникомъ Лопухинымъ [связи], и монаршимъ Твоимъ покровительствомъ доставить мнѣ здѣсь мою свободу, и черезъ то привести меня въ состояніе, сохранивъ мое доброе имя, возвратиться въ мое отечество, ощасливленное Твоимъ добродетельнымъ царствованіемъ, и тамо благословя купно со всеми моими согражданами десницу нами правящую, посвятить слабыя мои силы, усугубленныя сердечною моею ревностію, на служеніе Тебѣ

II.

Копія.

Всепресвѣтлѣйшій Монархъ
Всемилостивѣйшій Государь!

Пылая любовію къ моему возлюбленному отечеству, исполненъ любви ко всѣмъ моимъ собратіямъ въ твореніи, возможно-ли мнѣ не радоваться чистѣйшею радостію, видя Тебя, О Государь, одареннаго Всевышнимъ многими умственными и сердечными качествами? Позволь мнѣ умолкнуть изчисленіе оныхъ, да не явлюся предъ Тобою въ видѣ ласкателя, сего для всѣхъ добрыхъ монарховъ существа вреднѣйшаго и ядовитѣйшаго. Тебя, испытаннаго многими званію Твоему тяжкими опытами, вступившаго на наслѣдственный россійскій престолъ Твоихъ предковъ и въ самыхъ уже первыхъ дняхъ владычество Твое дѣлами милосердія, великодушія и человѣколюбія ознаменовавшаго! — се вторично не едиными устами и перомъ, но сердцемъ и душею повторяю данную мною Тебѣ предъ лицемъ Всевышняго присягу, поздравляя Тебя, о Государь! и въ то же время мое возлюбленное отечество и самаго меня съ Твоимъ на пресловутый россійскій престолъ возшествіемъ.

Сіе восхитительное для меня ощущеніе, а съ другой стороны горестное мое положеніе, описаніе котораго повергаю къ освященнымъ Твоимъ стопамъ, да оправдаютъ хотя нѣсколько мою дерзость, что утруждаю Тебя сими строками, и да побудятъ Твое нежное сердце простреть и на меня последняго изъ Твоихъ вѣрноподданныхъ сильную руку помощи и покровительства.

Девять тому лѣтъ, какъ по совѣту моихъ друзей для общихъ нашихъ дѣлъ отправленъ я ими въ Берлинъ, и въ началѣ моего здѣсь пребыванія содержался на общемъ нашемъ иждивеніи. По некоторомъ времени друзья мои, чемъ — того и по сіе время не знаю, навлекли на себя гневъ нашей Монархини и были сосланы, иные въ заточеніе, иные въ свои деревни. Что касается моей особы, то дано повелѣніе на всѣхъ границахъ, при моемъ вступленіи на оныя, взять меня подъ стражу. Переписка съ родными и друзьями пресѣклась такъ, что не имѣлъ даже возможности увѣдомить ихъ о моемъ положеніи. Оставленъ всѣми, не смѣя возвратиться въ мое отечество, и не имея способовъ къ доставленію денегъ, нужныхъ для содержанія какъ самаго меня, такъ и моего сопутешественника барона Шредера, который къ вящей моей тягости, обременилъ себя женою и малолетною жены ево дочерью, противу моего желанія принужденъ былъ вступить въ долги. Содѣланныя и безпрестано вновь дѣлаемыя долги, умножаемыя возрастающими процентами на проценты, возросли до 15.000 талеровъ. Заимодавцы наконецъ потеряли терпеніе, начали взыскивать со всею строгостію, и тому уже 16 мѣсяцевъ какъ лишили меня моей свободы, а тѣмъ самымъ и послѣднихъ способовъ къ доставленію и самыхъ необходимостей, прибавя еще издержки, которыхъ никогда не ожидалъ, а именно по здѣшнимъ законамъ обязанъ платить моимъ стражамъ и за всѣ приказныя по дѣлу сему издержки, что такъ же составитъ сумму для меня немаловажную.

Изобразивъ горестное мое положеніе и причины оному, прошу и молю Тебя, всемилостивѣйшій Государь, повелѣть уничтожить невинное меня изъ отечества изгнаніе, ибо все мое извѣстное мнѣ преступленіе состояло въ тесной моей съ князьями Трубецкими и со статскимъ совѣтникомъ Лопухинымъ [связи], и монаршимъ Твоимъ покровительствомъ доставить мнѣ здѣсь мою свободу, и черезъ то привести меня въ состояніе, сохранивъ мое доброе имя, возвратиться въ мое отечество, ощасливленное Твоимъ добродетельнымъ царствованіемъ, и тамо благословя купно со всеми моими согражданами десницу нами правящую, посвятить слабыя мои силы, усугубленныя сердечною моею ревностію, на служеніе Тебѣ

и отечеству. Не отринь же, о Государь! прошенія нещастнаго изгнанника, который, повергаясь къ освященнымъ Твоимъ стопамъ, съ радостію именуетъ себя,

Всемилостивѣйшій Государь,
Твоего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Алексѣй Кутузовъ

Берлинъ. 20/31 генваря 1797 года.

III.

О Алексѣе Кутузовѣ. 195/4.

Бывшее въ производствѣ по тайной экспедиціи дѣло, до обвиненія поручика Новикова и соучастниковъ ево относящееся, по высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу, 12 ноября прошлаго 796 года взнесено въ компату Вашего Величества; почему о просителѣ Алексѣе Кутузовѣ, повеленной выправки учинить непочему, другихъ же причинъ кромѣ объявленныхъ самимъ имъ въ прошеніи и повелѣнія заарестованія на границѣ по тайной экспедиціи не оказалось.

[Резолюція за собственноручной подписью кн. А. Б. Куракина].

Государь Императоръ повелѣть соизволили о пріѣздѣ въ Россію сего Кутузова дать дозволеніе, о чемъ для дальнѣйшаго сей высочайшей воли исполненія сообщить объ ней г-ну Нелединскому

Кн. А. Куракинъ.

25 марта 1797.

IV.

Милостивый Государь мой
Юрья Александровичъ!

По доставленному ко мнѣ отъ вашего высокородія при письмѣ отъ 22-го сего марта на высочайшее Его Императорскаго Величества имя прошенію Алексѣя Кутузова изъ Берлина присланному, имѣлъ я щастіе всеподданнѣйше докладывать Его Императорскому Величеству съ надлежащею по высочайшему Его Величества повелѣнію выправкою, и получилъ повелѣніе, оному Кутузову пріѣхать въ Россію дозволить. О чемъ для надлежащаго сей высочайшей Его Величества воли исполненія васъ, Милостивый Государь мой, извѣщаю и, возвращая прошеніе при семъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

Милостивый Государь мой
Вашего Высокородія покорный слуга

№ 273,
Въ Москвѣ. 25 марта 1797 года.
Его Высокор. Нелединскому Мелецкому.

и отечеству. Не отринь же, о Государь! прошенія нещастнаго изгнанника, который, повергаясь къ освященнымъ Твоимъ стопамъ, съ радостію именуетъ себя,

Всемилостивѣйшій Государь,
Твоего Императорскаго Величества
вѣрноподданный
Алексѣй Кутузовъ

Берлинъ. 20/31 генваря 1797 года.

III.

О Алексѣе Кутузовѣ. 195/4.

Бывшее въ производствѣ по тайной экспедиціи дѣло, до обвиненія поручика Новикова и соучастниковъ ево относящееся, по высочайшему Вашего Императорскаго Величества указу, 12 ноября прошлаго 796 года взнесено въ компату Вашего Величества; почему о просителѣ Алексѣе Кутузовѣ, повеленной выправки учинить непочему, другихъ же причинъ кромѣ объявленныхъ самимъ имъ въ прошеніи и повелѣнія заарестованія на границѣ по тайной экспедиціи не оказалось.

[Резолюція за собственноручной подписью кн. А. Б. Куракина].

Государь Императоръ повелѣть соизволили о пріѣздѣ въ Россію сего Кутузова дать дозволеніе, о чемъ для дальнѣйшаго сей высочайшей воли исполненія сообщить объ ней г-ну Нелединскому

Кн. А. Куракинъ.

25 марта 1797.

IV.

Милостивый Государь мой
Юрья Александровичъ!

По доставленному ко мнѣ отъ вашего высокородія при письмѣ отъ 22-го сего марта на высочайшее Его Императорскаго Величества имя прошенію Алексѣя Кутузова изъ Берлина присланному, имѣлъ я щастіе всеподданнѣйше докладывать Его Императорскому Величеству съ надлежащею по высочайшему Его Величества повелѣнію выправкою, и получилъ повелѣніе, оному Кутузову пріѣхать въ Россію дозволить. О чемъ для надлежащаго сей высочайшей Его Величества воли исполненія васъ, Милостивый Государь мой, извѣщаю и, возвращая прошеніе при семъ пребываю съ истиннымъ почтеніемъ

Милостивый Государь мой
Вашего Высокородія покорный слуга

№ 273,
Въ Москвѣ. 25 марта 1797 года.
Его Высокор. Нелединскому Мелецкому.

СПИСОКЪ СОКРАЩЕНІЙ.

[Библіографія къ примѣчаніямъ и предисловію].

А. В. — Архивъ князя Воронцова. Книга тринадцатая. М., 1879.

А. К. — Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, подъ редакціей В. П. Смольянинова. Книга восьмая, Саратовъ, 1899. Книга десятая, Москва, 1902.

Аѳанасьевъ А. — П. В. Лопухинъ. *Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи,* 1860 — 1861, кн. 1-я, Спб., 1860, стр. 1 — 60.

Безсоновъ П. — Михаилъ Ивановичъ Невзоровъ. *Русская Бесѣда,* 1856, кн. III, Жизнеописанія, стр. 85 — 129.

Бестужевъ-Рюминъ К. Д. — статья о Н. М. Карамзинѣ въ *Ь. С.*

Б. С. — Русскій біографическій словарь (Императорскаго Русскаго Историческаго Общества).

Брикнеръ А. — Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ II (перелюстрація). *Р. С.,* 1873, январь, стр. 75 — 84.

В. Е. — Вѣстникъ Европы.

Галаховъ А. — П. М. Карамзинъ. Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности. *Современникъ,* № XI, отд. III, стр. 1 — 64.

Г. А.—Государственный Архивъ.

Григоровичъ П. — Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Т. I — II. Спб., 1881.

Гротъ. — Письма Н. М. Карамзина къ П. И. Дмитріеву. По порученію отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ изданы съ примѣчаніями и указателемъ Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб., 1866.

Державинъ Г. Р. — Сочиненія (подъ редакціей Я. К. Грота), Спб., 1871.

Дмитріевъ И. И. — Взглядъ на мою жизнь. Записки въ 3 частяхъ, М., 1866.
— Мелочи изъ запаса моей памяти. М., 1869.

Долгоруковъ П. кн. — Россійская родословная книга. Ч. 1 — 4. Спб., 1854 — 1857.

Екатерина II Императрица. — Сочиненія, на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. т. I, Спб., 1901; т. V, Спб., 1903.

Ешевскій С. В. — Сочиненія, ч. III, М. 1870.

Ж. М. Н. П. — Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

СПИСОКЪ СОКРАЩЕНІЙ.

[Библіографія къ примѣчаніямъ и предисловію].

А. В. — Архивъ князя Воронцова. Книга тринадцатая. М., 1879.

А. К. — Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, подъ редакціей В. П. Смольянинова. Книга восьмая, Саратовъ, 1899. Книга десятая, Москва, 1902.

Аванасьевъ А. — П. В. Лопухинъ. *Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи,* 1860 — 1861, кн. 1-я, Спб., 1860, стр. 1 — 60.

Безсоновъ П. — Михаилъ Ивановичъ Невзоровъ. *Русская Бесѣда,* 1856, кн. III, Жизнеописанія, стр. 85 — 129.

Бестужевъ-Рюминъ К. Д. — статья о Н. М. Карамзинѣ въ *Ь. С.*

Б. С. — Русскій біографическій словарь (Императорскаго Русскаго Историческаго Общества).

Брикнеръ А. — Вскрытіе чужихъ писемъ и депешъ при Екатеринѣ II (перелюстрація). *Р. С.,* 1873, январь, стр. 75 — 84.

В. Е. — Вѣстникъ Европы.

Галаховъ А. — П. М. Карамзинъ. Матеріалы для опредѣленія его литературной дѣятельности. *Современникъ,* № XI, отд. III, стр. 1 — 64.

Г. А.—Государственный Архивъ.

Григоровичъ П. — Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени. Т. I — II. Спб., 1881.

Гротъ. — Письма Н. М. Карамзина къ П. И. Дмитріеву. По порученію отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ изданы съ примѣчаніями и указателемъ Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб., 1866.

Державинъ Г. Р. — Сочиненія (подъ редакціей Я. К. Грота), Спб., 1871.

Дмитріевъ И. И. — Взглядъ на мою жизнь. Записки въ 3 частяхъ, М., 1866.
— Мелочи изъ запаса моей памяти. М., 1869.

Долгоруковъ П. кн. — Россійская родословная книга. Ч. 1 — 4. Спб., 1854 — 1857.

Екатерина II Императрица. — Сочиненія, на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями акад. А. Н. Пыпина. т. I, Спб., 1901; т. V, Спб., 1903.

Ешевскій С. В. — Сочиненія, ч. III, М. 1870.

Ж. М. Н. П. — Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Зиновьевъ В. Н. — Журналъ путешествія по Германіи, Италіи, Франціи и Англіи. 1784 — 1788. *Р. С.*, 1878, октябрь, 207 — 240; ноябрь, 399 — 440; декабрь, 593 — 630.

И. А. Н. — Императорская Академія Наукъ.

Изъ Записной книжки Русской Старины. Историческіе разсказы и анекдоты. 223. Павелъ и Новиковское общество. *Р. С.*, 1874, сентябрь, 157 — 158.

Иконниковъ В. — Разборъ сочиненія: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754 — 1796). Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. Спб., 1882. 380 стр. 2-е изд. 1883. 434 стр. — Отчетъ о двадцать-седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Приложеніе къ LI тому *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*. № 5. Спб., 1885, стр. 78 — 160.

И. П. Б. — Императорская Публичная Библіотека.

Карамзинъ Н. М. — Письма русскаго путешественника. (Изд. 4-е, Суворина). Спб., 1900. Т. I — II.

— Сочиненія. Т. I, изд. 2-е, М., 1814.

Ключевскій В. О. — Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени. (Очерки и рѣчи, стр. 248 — 278). М., 1913.

Кобеко Д. Ѳ. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754 — 1796). Историческое изслѣдованіе. Изд. 3-е, дополненное. Спб., 1887.

Козелкинъ Д. — Портретъ князя Н. В. Репнина. *Р. С.*, 1880, май, 132 — 134.

Лобановъ-Ростовскій, А. кн. — Русская родословная книга, т. 1 — 2. Изд. 2-е. Спб., 1895.

Лонгиновъ М. Н. — Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ и Александръ Николаевичъ Радищевъ. 1749 — 1802. *Современникъ*, 1856, № 8, Смѣсь, стр. 147 — 152.

— Мартинисты и ихъ противники. *Современникъ*, 1857, № 4, Смѣсь, стр. 252—462.

— Новиковъ и Шварцъ. *Р. В.*, 1857, т. XI, № 19, стр. 539 — 585.

Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в., *Р. В.*, т. XIII, февр., стр. 715 — 732.

— Новиковъ и московскіе мартинисты. М., 1867.

Лопухинъ И. В. — Записки изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. В. Лопухина, составленныя имъ самимъ. Съ предисловіемъ Искандера. Лондонъ, 1860.

Лубяновскій Ѳ. П. — Воспоминанія. *Р. А.*, 1872, 98 — 185, 449 — 533.

Лукомскій В. К. — Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Спб., 1914.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. I. М. (1914): И. М. Хераскова, Происхожденіе масонства и его развитіе въ Англіи XVIII и XIX в.; А. М. Васютинскій, Французское масонство въ XVIII в.; В. И. Перцевъ, Нѣмецкое масонство въ XVIII в.; А. М. Васютинскій, Орденъ иллюминатовъ; А. В. Семека, Русское масонство въ XVIII в.; В. И. Тукалевскій, И. И. Новиковъ и І. Г. Шварцъ; И. К. Пиксановъ, П. В. Лопухинъ.

Мартинизмъ въ русскомъ обществѣ XVIII в. *Отечественныя Записки*, 1861; апрѣль, «Критика», стр. 86 — 124: Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и смерти д. т. с. и сенатора П. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Мякковскій В. В. — Къ исторіи цензурныхъ гоненій на сочиненія А. Н. Радищева. *Р. Б.* 1914, № 3, стр. 49 — 59.

Модзалевскій Б. Л. — Къ біографіи Новикова. Письма его къ Лабзину, Чеботареву и др. 1797 — 1815. Спб., 1913.

Незеленовъ А. — Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ, 1769 — 1785 гг. Спб., 1875.

— Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб., 1889.

Зиновьевъ В. Н. — Журналъ путешествія по Германіи, Италіи, Франціи и Англіи. 1784 — 1788. *Р. С.*, 1878, октябрь, 207 — 240; ноябрь, 399 — 440; декабрь, 593 — 630.

И. А. Н. — Императорская Академія Наукъ.

Изъ Записной книжки Русской Старины. Историческіе разсказы и анекдоты. 223. Павелъ и Новиковское общество. *Р. С.*, 1874, сентябрь, 157 — 158.

Иконниковъ В. — Разборъ сочиненія: Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754 — 1796). Историческое изслѣдованіе Дмитрія Кобеко. Спб., 1882. 380 стр. 2-е изд. 1883. 434 стр. — Отчетъ о двадцать-седьмомъ присужденіи наградъ графа Уварова. Приложеніе къ LI тому *Записокъ Императорской Академіи Наукъ*. № 5. Спб., 1885, стр. 78 — 160.

И. П. Б. — Императорская Публичная Библіотека.

Карамзинъ Н. М. — Письма русскаго путешественника. (Изд. 4-е, Суворина). Спб., 1900. Т. I — II.

— Сочиненія. Т. I, изд. 2-е, М., 1814.

Ключевскій В. О. — Воспоминаніе о Н. И. Новиковѣ и его времени. (Очерки и рѣчи, стр. 248 — 278). М., 1913.

Кобеко Д. Ѳ. — Цесаревичъ Павелъ Петровичъ (1754 — 1796). Историческое изслѣдованіе. Изд. 3-е, дополненное. Спб., 1887.

Козелкинъ Д. — Портретъ князя Н. В. Репнина. *Р. С.*, 1880, май, 132 — 134.

Лобановъ-Ростовскій, А. кн. — Русская родословная книга, т. 1 — 2. Изд. 2-е. Спб., 1895.

Лонгиновъ М. Н. — Алексѣй Михайловичъ Кутузовъ и Александръ Николаевичъ Радищевъ. 1749 — 1802. *Современникъ*, 1856, № 8, Смѣсь, стр. 147 — 152.

— Мартинисты и ихъ противники. *Современникъ*, 1857, № 4, Смѣсь, стр. 252—462.

— Новиковъ и Шварцъ. *Р. В.*, 1857, т. XI, № 19, стр. 539 — 585. Матеріалы для исторіи русскаго просвѣщенія и литературы въ концѣ XVIII в., *Р. В.*, т. XIII, февр., стр. 715 — 732.

— Новиковъ и московскіе мартинисты. М., 1867.

Лопухинъ И. В. — Записки изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы И. В. Лопухина, составленныя имъ самимъ. Съ предисловіемъ Искандера. Лондонъ, 1860.

Лубяновскій Ѳ. П. — Воспоминанія. *Р. А.*, 1872, 98 — 185, 449 — 533.

Лукомскій В. К. — Родословіе дворянъ Митусовыхъ. Спб., 1914.

Масонство въ его прошломъ и настоящемъ. Подъ редакціей С. П. Мельгунова и Н. П. Сидорова. Т. I. М. (1914): И. М. Хераскова, Происхожденіе масонства и его развитіе въ Англіи XVIII и XIX в.; А. М. Васютинскій, Французское масонство въ XVIII в.; В. И. Перцевъ, Нѣмецкое масонство въ XVIII в.; А. М. Васютинскій, Орденъ иллюминатовъ; А. В. Семека, Русское масонство въ XVIII в.; В. И. Тукалевскій, Н. И. Новиковъ и І. Г. Шварцъ; Н. К. Пиксановъ, И. В. Лопухинъ.

Мартинизмъ въ русскомъ обществѣ XVIII в. *Отечественныя Записки*, 1861; апрѣль, «Критика», стр. 86 — 124: Записки нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и смерти д. т. с. и сенатора И. В. Лопухина, сочиненныя имъ самимъ.

Мякковскій В. В. — Къ исторіи цензурныхъ гоненій на сочиненія А. Н. Радищева. *Р. Б.* 1914, № 3, стр. 49 — 59.

Модзалевскій Б. Л. — Къ біографіи Новикова. Письма его къ Лабзину, Чеботареву и др. 1797 — 1815. Спб., 1913.

Незеленовъ А. — Николай Ивановичъ Новиковъ, издатель журналовъ, 1769 — 1785 гг. Спб., 1875.

— Литературныя направленія въ Екатерининскую эпоху. Спб., 1889.

Николай Михайловичъ Великій Князь — Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774 — 1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Т. I — III, Спб., 1903.
— Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I и II, Спб., 1912.
— Московскій Некрополь. Т. I — III. Спб., 1907 — 1908.
— Петербургскій Некрополь. Т. I — IV. Спб., 1912 — 1913.
Новое начертаніе истинныя теологіи, въ которой ученіе спасенія въ новомъ свѣтѣ представлено къ славѣ Бога и ко всеобщему назиданію, съ письмомъ приписаннымъ всѣмъ человѣкамъ. Теологическое и нравственное исправленіе. Часть I. S. l. et a. Новое начертаніе... съ письмомъ приписаннымъ всѣмъ Владыкамъ. Теологическое и нравственное исправленіе. Часть II. Москва, въ типографіи П. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1784.
О. В. — Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Бартеневымъ. М., кн. 1-я, 1868; 2 — 4-я, 1869.
Остафьевъ Д. М. — Библіографическое описаніе книгъ [его] библіотеки. *Р. Б.* 1911, № 3, стр. 14 — 54; № 4, стр. 20 — 44.
Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки, представленный Г. Министру народнаго просвѣщенія директоромъ Библіотеки, статсъ-секретаремъ Дѣляновымъ. За 1869 (1870), 1874 (1875), 1878 (1879). Спб.
П. Г. А. — Петроградскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
Пекарскій П. — Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія. Спб., 1869.
Пиксановъ Н. К. — См. «Масонство».
Погодинъ М. П. — Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Ч. 1 — 2. М., 1866.
Поповъ А. — Дѣло Новикова и его товарищей (по новымъ документамъ). *В. Е.* 1868, книга 4-я (апрѣль). 617 — 650.
Поповъ А. П. — Москва въ 1812 году. *Р. А.*, 1875, № 7, 269 — 324; № 8, 369 — 402; № 9, 4 — 46; № 10, 129 — 197; № 11, 257 — 288.
П. С. З. — Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.
Пушкинъ А. С. — Сочиненія, т. V, изд. подъ редакціей С. А. Венгерова (Библіотека великихъ писателей). Спб., 1911.
Пыпинъ А. Н. — Русское масонство въ XVIII вѣкѣ. *В. Е.*, 1867, іюнь, IX, стр. 51 — 106; сентябрь, VII, стр. 1 — 59; декабрь, VII, 1 — 70.
— Русское масонство до Новикова. *В. Е.*, 1868, іюнь, III, стр. 546 — 589; іюль, III, 167 — 222.
— Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. *В. Е.*, 1872, январь, 174 — 214; февр., 561 — 603; іюль, 244 — 288.
— Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его. 1731 — 1822. Спб. 1873.
Радищевъ А. Н., (I и II). — Полное собраніе сочиненій. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша, т. I — II. М. 1907.
— Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (со вступительными статьями Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Е. Щеголева). Спб., 1905.
Р. А. — Русскій Архивъ.
Р. Б. — Русскій Библіофилъ.
Р. М. — Императорскій Московскій и Румянцевскій Музей.
Рогожинъ В. — Указатель къ «Опыту россійской библіографіи». Спб., 1908.
Ростопчинъ Ѳ. В. — Записка о мартинистахъ, представленная въ 1811 году великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. *Р. А.*, 1875, № 9, стр. 75 — 81.

Николай Михайловичъ Великій Князь — Графъ Павелъ Александровичъ Строгановъ (1774 — 1817). Историческое изслѣдованіе эпохи императора Александра I. Т. I — III, Спб., 1903.
— Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Т. I и II, Спб., 1912.
— Московскій Некрополь. Т. I — III. Спб., 1907 — 1908.
— Петербургскій Некрополь. Т. I — IV. Спб., 1912 — 1913.
Новое начертаніе истинныя теологіи, въ которой ученіе спасенія въ новомъ свѣтѣ представлено къ славѣ Бога и ко всеобщему назиданію, съ письмомъ приписаннымъ всѣмъ человѣкамъ. Теологическое и нравственное исправленіе. Часть I. S. l. et a. Новое начертаніе... съ письмомъ приписаннымъ всѣмъ Владыкамъ. Теологическое и нравственное исправленіе. Часть II. Москва, въ типографіи П. Лопухина, съ указнаго дозволенія, 1784.
О. В. — Осмнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Бартеневымъ. М., кн. 1-я, 1868; 2 — 4-я, 1869.
Остафьевъ Д. М. — Библіографическое описаніе книгъ [его] библіотеки. *Р. Б.* 1911, № 3, стр. 14 — 54; № 4, стр. 20 — 44.
Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки, представленный Г. Министру народнаго просвѣщенія директоромъ Библіотеки, статсъ-секретаремъ Дѣляновымъ. За 1869 (1870), 1874 (1875), 1878 (1879). Спб.
П. Г. А. — Петроградскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.
Пекарскій П. — Дополненія къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія. Спб., 1869.
Пиксановъ Н. К. — См. «Масонство».
Погодинъ М. П. — Николай Михайловичъ Карамзинъ, по его сочиненіямъ, письмамъ и отзывамъ современниковъ. Ч. 1 — 2. М., 1866.
Поповъ А. — Дѣло Новикова и его товарищей (по новымъ документамъ). *В. Е.* 1868, книга 4-я (апрѣль). 617 — 650.
Поповъ А. П. — Москва въ 1812 году. *Р. А.*, 1875, № 7, 269 — 324; № 8, 369 — 402; № 9, 4 — 46; № 10, 129 — 197; № 11, 257 — 288.
П. С. З. — Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи.
Пушкинъ А. С. — Сочиненія, т. V, изд. подъ редакціей С. А. Венгерова (Библіотека великихъ писателей). Спб., 1911.
Пыпинъ А. Н. — Русское масонство въ XVIII вѣкѣ. *В. Е.*, 1867, іюнь, IX, стр. 51 — 106; сентябрь, VII, стр. 1 — 59; декабрь, VII, 1 — 70.
— Русское масонство до Новикова. *В. Е.*, 1868, іюнь, III, стр. 546 — 589; іюль, III, 167 — 222.
— Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ. *В. Е.*, 1872, январь, 174 — 214; февр., 561 — 603; іюль, 244 — 288.
— Хронологическій указатель русскихъ ложъ отъ перваго введенія масонства до запрещенія его. 1731 — 1822. Спб. 1873.
Радищевъ А. Н., (I и II). — Полное собраніе сочиненій. Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія В. В. Каллаша, т. I — II. М. 1907.
— Путешествіе изъ Петербурга въ Москву (со вступительными статьями Н. П. Павлова-Сильванскаго и П. Е. Щеголева). Спб., 1905.
Р. А. — Русскій Архивъ.
Р. Б. — Русскій Библіофилъ.
Р. М. — Императорскій Московскій и Румянцевскій Музей.
Рогожинъ В. — Указатель къ «Опыту россійской библіографіи». Спб., 1908.
Ростопчинъ Ѳ. В. — Записка о мартинистахъ, представленная въ 1811 году великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. *Р. А.*, 1875, № 9, стр. 75 — 81.

Р. С. — Русская Старина.
Саблуковъ П. А. — (Изъ его записокъ). Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора Павла Перваго до эпохи его кончины. *Р. А.*, 1869, стр. 1870—1951.
Савва В. И. — Изъ дневника масона (1775—1776 гг.). Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1908, кн. IV. Смѣсь, стр. 1 — 15.
Сакулинъ П. И. — Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель. — Писатель. Т. I, ч. 1-я. М., 1913.
Сборникъ — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. II, Спб., 1868.
Семевскій В. И. — Декабристы-масоны. *Минувшіе Годы.* 1908, февраль, стр. 1—50; мартъ, стр. 127 — 170; май — іюнь, стр. 379 — 433.
Семевскій М. И. — Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка (1788). *В. Е.*, 1867, т. I, мартъ 297 — 330.
Семека А. В. — Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Екатерины II противъ масонства. *Ж. М. Н. П.* 1902, № 2, стр. 343 — 400.
Семенниковъ В. — Библіографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. *Р. Б.*, 1912, № 2, стр. 47 — 77. № 3, стр. 36 — 58.
— Дополнительные матеріалы для исторіи провинціальныхъ типографій XVIII и начала XIX вѣка и для библіографіи книгъ, въ нихъ напечатанныхъ. *Р. Б.*, 1913, № 7, стр. 58 — 83.
— Литературная и книгопечатная дѣятельность въ провинціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ. *Р. Б.*, 1911 (I) № 6, стр. 14—39. (II) № 7, стр. 16—45. (III) № 8, стр. 28 — 43.
Сиповскій В. В. — Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Съ приложеніемъ 1) статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и 2) «Матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій Карамзина». Спб., 1899.
Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ. Изд. кн. Е. Э. Трубецкой. М. 1891.
Смольяниновъ В. Н. — Предисловіе къ VIII книгѣ Архива князя Ѳ. А. Куракина. 1899. Саратовъ. Стр. V — IX.
Соколовская Т. — (I) Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX столѣтія). Спб., в. а.
— (II) Братья Златорозоваго креста. *Р. А.*, 1906, № 9, стр. 89 — 93.
— (III) Два портрета императора Павла I съ масонскими эмблемами. *Р. С.*, 1908, октябрь, стр. 81 — 95.
— (IV) Письмо масонской ложи Немезиды въ масонскую ложу Изиды (1776 г.). *Р. С.*, 1909, январь, стр. 173—176.
Сопиковъ В. — Опытъ россійской библіографіи. Ч. 1 — 5. Спб., 1813 — 1821.
Старчевскій А. — Николай Михайловичъ Карамзинъ. Спб., 1849.
Суровцевъ А. — И. В. Лопухинъ; его масонская и государственная дѣятельность. *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1900, №№ 3 — 6. № 3, стр. 178—198. № 4, стр. 57 — 74. № 5, стр. 88 — 126. № 6, стр. 92 — 119 (и отдѣльно, Спб., 1901).
Сушковъ Н. В. — Московскій университетскій благородный пансіонъ и воспитанники Московскаго университета, гимназій его, Университетскаго благороднаго пансіона и Дружескаго общества. Изд. 2-е. М., 1858.
Тарасовъ Е. И. — (I) Къ исторіи масонства въ Россіи. Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ. По неизданнымъ документамъ. Въ сборникѣ «Сергѣю Ѳедоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели». Спб., 1911, 202 — 234 (и отдѣльно, Спб., 1910).
— (II) Къ исторіи русскаго общества второй половины XVIII столѣтія. Спб., 1914. (Изъ *Ж. М. Н. П.*, 1914).

Р. С. — Русская Старина.
Саблуковъ П. А. — (Изъ его записокъ). Воспоминанія о дворѣ и временахъ императора Павла Перваго до эпохи его кончины. *Р. А.*, 1869, стр. 1870—1951.
Савва В. П. — Изъ дневника масона (1775—1776 гг.). Чтенія въ И. О. И. и Д. Р. 1908, кн. IV. Смѣсь, стр. 1 — 15.
Сакулинъ П. И. — Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель. — Писатель. Т. I, ч. 1-я. М., 1913.
Сборникъ — Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. II, Спб., 1868.
Семевскій В. И. — Декабристы-масоны. *Минувшіе Годы.* 1908, февраль, стр. 1—50; мартъ, стр. 127 — 170; май — іюнь, стр. 379 — 433.
Семевскій М. И. — Матеріалы къ русской исторіи XVIII вѣка (1788). *В. Е.*, 1867, т. I, мартъ 297 — 330.
Семека А. В. — Русскіе розенкрейцеры и сочиненія Екатерины II противъ масонства. *Ж. М. Н. П.* 1902, № 2, стр. 343 — 400.
Семенниковъ В. — Библіографическій списокъ книгъ, напечатанныхъ въ провинціи со времени возникновенія гражданскихъ типографій по 1807 годъ. *Р. Б.*, 1912, № 2, стр. 47 — 77. № 3, стр. 36 — 58.
— Дополнительные матеріалы для исторіи провинціальныхъ типографій XVIII и начала XIX вѣка и для библіографіи книгъ, въ нихъ напечатанныхъ. *Р. Б.*, 1913, № 7, стр. 58 — 83.
— Литературная и книгопечатная дѣятельность въ провинціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣковъ. *Р. Б.*, 1911 (I) № 6, стр. 14—39. (II) № 7, стр. 16—45. (III) № 8, стр. 28 — 43.
Сиповскій В. В. — Н. М. Карамзинъ, авторъ «Писемъ русскаго путешественника». Съ приложеніемъ 1) статьи: «Новиковъ, Шварцъ и московское масонство» и 2) «Матеріаловъ для полнаго собранія сочиненій Карамзина». Спб., 1899.
Сказанія о родѣ князей Трубецкихъ. Изд. кн. Е. Э. Трубецкой. М. 1891.
Смольяниновъ В. Н. — Предисловіе къ VIII книгѣ Архива князя Ѳ. А. Куракина. 1899. Саратовъ. Стр. V — IX.
Соколовская Т. — (I) Русское масонство и его значеніе въ исторіи общественнаго движенія (XVIII и первая четверть XIX столѣтія). Спб., в. а.
— (II) Братья Златорозоваго креста. *Р. А.*, 1906, № 9, стр. 89 — 93.
— (III) Два портрета императора Павла I съ масонскими эмблемами. *Р. С.*, 1908, октябрь, стр. 81 — 95.
— (IV) Письмо масонской ложи Немезиды въ масонскую ложу Изиды (1776 г.). *Р. С.*, 1909, январь, стр. 173—176.
Сопиковъ В. — Опытъ россійской библіографіи. Ч. 1 — 5. Спб., 1813 — 1821.
Старчевскій А. — Николай Михайловичъ Карамзинъ. Спб., 1849.
Суровцевъ А. — И. В. Лопухинъ; его масонская и государственная дѣятельность. *Вѣстникъ Всемірной Исторіи*, 1900, №№ 3 — 6. № 3, стр. 178—198. № 4, стр. 57 — 74. № 5, стр. 88 — 126. № 6, стр. 92 — 119 (и отдѣльно, Спб., 1901).
Сушковъ Н. В. — Московскій университетскій благородный пансіонъ и воспитанники Московскаго университета, гимназій его, Университетскаго благороднаго пансіона и Дружескаго общества. Изд. 2-е. М., 1858.
Тарасовъ Е. И. — (I) Къ исторіи масонства въ Россіи. Забытый розенкрейцеръ А. М. Кутузовъ. По неизданнымъ документамъ. Въ сборникѣ «Сергѣю Ѳедоровичу Платонову ученики, друзья и почитатели». Спб., 1911, 202 — 234 (и отдѣльно, Спб., 1910).
— (II) Къ исторіи русскаго общества второй половины XVIII столѣтія. Спб., 1914. (Изъ *Ж. М. Н. П.*, 1914).

Тихонравовъ Н. С. — Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ компаніи типографической. Сообщены Д. И. Иловайскимъ. Съ предисловіемъ Н. Тихонравова. *Лѣтописи русской литературы и древности.* Т. V, отд. 2, стр. 3 — 96. М. 1863.

Тихонравовъ Н. С. — Сочиненія, т. III, ч. I. Русская литература XVIII и XIX вв. М., 1898.

Толь С. Д. графиня. — Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія о масонствѣ въ Германіи. Спб., 1911.

Тукалевскій В. — Исканія русскихъ масоновъ. Спб., 1911. (Изъ *Ж. М. Н. П.*, 1911).

Храповицкій А. В. — Дневникъ. 1782 — 1793. Спб., 1874.

Шаховъ А. — Вольтеръ и его время. Лекціи по исторіи французской литературы XVIII вѣка, читанныя въ Московскомъ университетѣ. Спб., 1907.

Шевыревъ С. — Исторія Императорскаго Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею. 1755 — 1855. М., 1855.

Шильдеръ Н. К. — Императоръ Павелъ Первый. Историко-біографическій очеркъ. Спб., 1901.

Шлоссеръ Ф. К. — Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія Французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Пер. съ 4-го испр. изданія. Изд. 2-е. Т. I — VIII. Спб., 1868 – 1871.

Шумигорскій Е. С. — Императоръ Павелъ I. Спб., 1907.

Шустеръ Г. — Тайныя общества, союзы и ордена. Переводъ съ нѣмецкаго О. А. Волькенштейнъ подъ ред. А. Л. Погодина. Спб. Т. I, 1905; Т. II, 1907.

Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. I — XLIV.

Bodemann Ed. — Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II von Russland und Joh. Georg Zimmermann. Hannover und Leipzig. 1906.

Cast Fr. — Historisches und genealogisches Adelsbuch des Königreichs Würtemberg. Stuttgart. 1844.

Engel Leopold. Geschichte des Illuminaten-Ordens. Ein Beitrag zur Geschichte Bayerns. Berlin. 1906.

Findel J. G. — Geschichte der Freimaurerei, 7-te Aufl., I Th., 1907; II Th., 1900.

Friedrichs Ernst. — Geschichte der einstigen Maurerei in Russland, nach dem Quellmaterial der grossen Landesloge zu Berlin. Sowie der Petersburger und Moskauer Bibliotheken. Berlin. 1904.

— Die Freimaurerei in Russland und Polen. Berlin. Wunder, 1907.

Gädicke — Freimaurer Lexicon. 2 Aufl. Quendl. u. L. 1831. (1 Aufl. Berl. 1818).

Genealogisches Taschenbuch der freiherrlichen Häuser. Gotha. 1857.

Handbuch = Lenning.

Horneffer August — Der Bund der Freimaurer. Jena, 1913.

Keller Ludwig — Die geistigen Grundlagen der Freimaurerei und das öffentliche Leben. Gekrönte Preisarbeit. Jena, 1911.

Kloss G. — Bibliographie der Freimaurerei und der mit ihr in Verbindung gesetzten geheimen Gesellschaften. Fr. a. M. 1844. XIV, 430.

Kneisner Friedrich — Geschichte der deutschen Freimaurerei in ihren Grundzügen. Im Auftrage des Vereins deutscher Freimaurer. Berlin, 1912.

Neues allgemeines Deutsches Adels-Lexicon im Vereine mit mehreren Historikern herausg. v. Prof. Dr. Ernst Heinrich Kneschke. L. 1859. B. 1 — 9.

Ledebur, Leop. Adelslexicon der Preussischen Monarchie. B. 1855. (3 B. mit Nachtrag).

Тихонравовъ Н. С. — Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ компаніи типографической. Сообщены Д. И. Иловайскимъ. Съ предисловіемъ Н. Тихонравова. *Лѣтописи русской литературы и древности.* Т. V, отд. 2, стр. 3 — 96. М. 1863.

Тихонравовъ Н. С. — Сочиненія, т. III, ч. I. Русская литература XVIII и XIX вв. М., 1898.

Толь С. Д. графиня. — Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія о масонствѣ въ Германіи. Спб., 1911.

Тукалевскій В. — Исканія русскихъ масоновъ. Спб., 1911. (Изъ *Ж. М. Н. П.*, 1911).

Храповицкій А. В. — Дневникъ. 1782 — 1793. Спб., 1874.

Шаховъ А. — Вольтеръ и его время. Лекціи по исторіи французской литературы XVIII вѣка, читанныя въ Московскомъ университетѣ. Спб., 1907.

Шевыревъ С. — Исторія Императорскаго Московскаго Университета, написанная къ столѣтнему его юбилею. 1755 — 1855. М., 1855.

Шильдеръ Н. К. — Императоръ Павелъ Первый. Историко-біографическій очеркъ. Спб., 1901.

Шлоссеръ Ф. К. — Исторія восемнадцатаго столѣтія и девятнадцатаго до паденія Французской имперіи, съ особенно подробнымъ изложеніемъ хода литературы. Пер. съ 4-го испр. изданія. Изд. 2-е. Т. I — VIII. Спб., 1868 – 1871.

Шумигорскій Е. С. — Императоръ Павелъ I. Спб., 1907.

Шустеръ Г. — Тайныя общества, союзы и ордена. Переводъ съ нѣмецкаго О. А. Волькенштейнъ подъ ред. А. Л. Погодина. Спб. Т. I, 1905; Т. II, 1907.

Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. I — XLIV.

Bodemann Ed. — Der Briefwechsel zwischen der Kaiserin Katharina II von Russland und Joh. Georg Zimmermann. Hannover und Leipzig. 1906.

Cast Fr. — Historisches und genealogisches Adelsbuch des Königreichs Würtemberg. Stuttgart. 1844.

Engel Leopold. Geschichte des Illuminaten-Ordens. Ein Beitrag zur Geschichte Bayerns. Berlin. 1906.

Findel J. G. — Geschichte der Freimaurerei, 7-te Aufl., I Th., 1907; II Th., 1900.

Friedrichs Ernst. — Geschichte der einstigen Maurerei in Russland, nach dem Quellmaterial der grossen Landesloge zu Berlin. Sowie der Petersburger und Moskauer Bibliotheken. Berlin. 1904.

— Die Freimaurerei in Russland und Polen. Berlin. Wunder, 1907.

Gädicke — Freimaurer Lexicon. 2 Aufl. Quendl. u. L. 1831. (1 Aufl. Berl. 1818).

Genealogisches Taschenbuch der freiherrlichen Häuser. Gotha. 1857.

Handbuch = Lenning.

Horneffer August — Der Bund der Freimaurer. Jena, 1913.

Keller Ludwig — Die geistigen Grundlagen der Freimaurerei und das öffentliche Leben. Gekrönte Preisarbeit. Jena, 1911.

Kloss G. — Bibliographie der Freimaurerei und der mit ihr in Verbindung gesetzten geheimen Gesellschaften. Fr. a. M. 1844. XIV, 430.

Kneisner Friedrich — Geschichte der deutschen Freimaurerei in ihren Grundzügen. Im Auftrage des Vereins deutscher Freimaurer. Berlin, 1912.

Neues allgemeines Deutsches Adels-Lexicon im Vereine mit mehreren Historikern herausg. v. Prof. Dr. Ernst Heinrich Kneschke. L. 1859. B. 1 — 9.

Ledebur, Leop. Adelslexicon der Preussischen Monarchie. B. 1855. (3 B. mit Nachtrag).

Lenning — Encyklopädie der Freimaurerei, nebst Nachrichten (v. Lenning und Mossdorf). 3 Bände, L., 1822 — 1828.—2-te Auflage: Allgemeines Handbuch der Freimaurerei (v. Schletter und Zille) B. 1 — 3. L., 1863 — 1867. B. IV (v. Henne am Rhyn). L., 1879. — 3-te Auflage, hrsg. v. Verein deutscher Freimaurer. B. 1 — 2. L., 1900 — 1901.

Lessing G. E. — Sämmtliche Schriften, herausgegeben von Karl Lachmann, X Band, L., 1856.

Matter — S.-Martin, sa vie et ses ecrits, 2 éd. P. 1864.

Mercier L. S. — Tableau de Paris. 1781.

Philippson Martin — Geschichte des Preussischen Staatswesens vom Tode Friedrich des Grossen bis zu den Freiheitskriegen. L. 1880. I B. 1880. II B. 1882.

Polick A. F. — Beiträge zur Geschichte der Freimaurerei in den beiden Grossherzogthümern Mecklenburg. Rostock. 1 — 2 Hefte, 1854; 3 Heft, 1855.

Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen. Jahrgang 1804, II Band, 7 bis 12 Monats-Stücke, Hamburg, 1804, 9 Stück, September 1804.

Preuss, I. D. E. — Zur Beurtheilung des Staatsministers v. Wöllner. *Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde.* II Jahrgang. Berlin. 1865. S. 577 — 604, 746 — 774. III Jahrgang. B. 1866. S. 65 — 95.

Reinbeck — Flüchtige Bemerkungen auf einer Reisé von St.-Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland. 2 Th. Leipz. 1806.

Reitzenstein A. Freih. — Die stricte Observanz. Berlin. s. a.

Sierke — Schwärmer und Schwindler. L. 1874.

Der Signatstern oder die enthüllten sämmtlichen sieben Grade der mystischen Freimaurerei nebst dem Orden der Ritter des Lichts. Berlin. I Th., 1803; II Abth., 1803; Th. III, 1804; IV, 1806; V B., 1809; Th. VI, 1810; VII, 1810; VIII, 1811; IX, 1813; X, 1815; XI, 1816; XII, 1817; XIII, 1819 (?); XIV, 1820; XV, 1820; XVI, 1821.

Wolfstieg August — Bibliographie der Freimaurerischen Literatur, herausgegeben im Auftrage des Vereins deutscher Freimaurer. Burg B. M., B. I. 1911. B. II. 1912. Register. 1913.

СПИСОКЪ КОПІЙ.

Къ 16 письмамъ копій въ *П. Г. А.* нѣтъ; изъ нихъ напечатаны въ *Р. С.*, 1874, январь: №№ 7 — 10, 12, 15 — 20, 22; февраль: №№ 26 — 28; 1896, ноябрь: № 40. Изъ писемъ, напечатанныхъ въ настоящемъ сборникѣ по копіямъ *П. Г. А.*, помѣщены въ *Р. С.*, 1874, февраль: №№ 32, 35 — 39, 49; мартъ: №№ 29 — 31; 1896, ноябрь: №№ 41, 46, 47, 50, 54 — 57, 60 — 65, 71, 75 — 80, 85, 90, 92, 99, 100, 104, 109, 114, 115, 118, 123, 131, 132.

Московскія копіи: №№ 1 — 6, 11, 13, 14, 21, 23 — 25, 29, 30 — 32, 36, 64, 65, 79, 84, 90, 91, 95 — 100, 102 — 104, 109 — 114, 117, 118, 139, 140, 143, 146 — 149, 153, 156 — 159, 161 — 163, 165 — 181, 189, 190, 195, 199 — 203.

Московскія и рижскія копіи: №№ 33 — 35, 37 — 39, 41 — 44, 46 — 52, 54, 56, 57, 60, 61, 71, 72, 75 — 78, 81, 82, 85, 93, 101, 105, 115, 116, 119 — 138, 141, 142, 144, 145, 152, 154, 155, 160, 164, 196, 197.

Рижскія копіи: №№ 45, 53, 55, 58, 59, 62, 63, 66 — 70, 73, 74, 80, 83, 86 — 89, 92, 94, 106, 107, 146, 150, 151, 182 — 188, 191 — 194, 198.

Lenning — Encyklopädie der Freimaurerei, nebst Nachrichten (v. Lenning und Mossdorf). 3 Bände, L., 1822 — 1828.—2-te Auflage: Allgemeines Handbuch der Freimaurerei (v. Schletter und Zille) B. 1 — 3. L., 1863 — 1867. B. IV (v. Henne am Rhyn). L., 1879. — 3-te Auflage, hrsg. v. Verein deutscher Freimaurer. B. 1 — 2. L., 1900 — 1901.

Lessing G. E. — Sämmtliche Schriften, herausgegeben von Karl Lachmann, X Band, L., 1856.

Matter — S.-Martin, sa vie et ses ecrits, 2 éd. P. 1864.

Mercier L. S. — Tableau de Paris. 1781.

Philippson Martin — Geschichte des Preussischen Staatswesens vom Tode Friedrich des Grossen bis zu den Freiheitskriegen. L. 1880. I B. 1880. II B. 1882.

Polick A. F. — Beiträge zur Geschichte der Freimaurerei in den beiden Grossherzogthümern Mecklenburg. Rostock. 1 — 2 Hefte, 1854; 3 Heft, 1855.

Politisches Journal nebst Anzeige von gelehrten und andern Sachen. Jahrgang 1804, II Band, 7 bis 12 Monats-Stücke, Hamburg, 1804, 9 Stück, September 1804.

Preuss, I. D. E. — Zur Beurtheilung des Staatsministers v. Wöllner. *Zeitschrift für Preussische Geschichte und Landeskunde.* II Jahrgang. Berlin. 1865. S. 577 — 604, 746 — 774. III Jahrgang. B. 1866. S. 65 — 95.

Reinbeck — Flüchtige Bemerkungen auf einer Reisé von St.-Petersburg über Moskwa, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland. 2 Th. Leipz. 1806.

Reitzenstein A. Freih. — Die stricte Observanz. Berlin. s. a.

Sierke — Schwärmer und Schwindler. L. 1874.

Der Signatstern oder die enthüllten sämmtlichen sieben Grade der mystischen Freimaurerei nebst dem Orden der Ritter des Lichts. Berlin. I Th., 1803; II Abth., 1803; Th. III, 1804; IV, 1806; V B., 1809; Th. VI, 1810; VII, 1810; VIII, 1811; IX, 1813; X, 1815; XI, 1816; XII, 1817; XIII, 1819 (?); XIV, 1820; XV, 1820; XVI, 1821.

Wolfstieg August — Bibliographie der Freimaurerischen Literatur, herausgegeben im Auftrage des Vereins deutscher Freimaurer. Burg B. M., B. I. 1911. B. II. 1912. Register. 1913.

СПИСОКЪ КОПІЙ.

Къ 16 письмамъ копій въ *П. Г. А.* нѣтъ; изъ нихъ напечатаны въ *Р. С.*, 1874, январь: №№ 7 — 10, 12, 15 — 20, 22; февраль: №№ 26 — 28; 1896, ноябрь: № 40. Изъ писемъ, напечатанныхъ въ настоящемъ сборникѣ по копіямъ *П. Г. А.*, помѣщены въ *Р. С.*, 1874, февраль: №№ 32, 35 — 39, 49; мартъ: №№ 29 — 31; 1896, ноябрь: №№ 41, 46, 47, 50, 54 — 57, 60 — 65, 71, 75 — 80, 85, 90, 92, 99, 100, 104, 109, 114, 115, 118, 123, 131, 132.

Московскія копіи: №№ 1 — 6, 11, 13, 14, 21, 23 — 25, 29, 30 — 32, 36, 64, 65, 79, 84, 90, 91, 95 — 100, 102 — 104, 109 — 114, 117, 118, 139, 140, 143, 146 — 149, 153, 156 — 159, 161 — 163, 165 — 181, 189, 190, 195, 199 — 203.

Московскія и рижскія копіи: №№ 33 — 35, 37 — 39, 41 — 44, 46 — 52, 54, 56, 57, 60, 61, 71, 72, 75 — 78, 81, 82, 85, 93, 101, 105, 115, 116, 119 — 138, 141, 142, 144, 145, 152, 154, 155, 160, 164, 196, 197.

Рижскія копіи: №№ 45, 53, 55, 58, 59, 62, 63, 66 — 70, 73, 74, 80, 83, 86 — 89, 92, 94, 106, 107, 146, 150, 151, 182 — 188, 191 — 194, 198.

УКАЗАТЕЛЬ.

[Цифры въ скобкахъ относятся къ предисловію].

Августъ I, курф. саксонскій—232, 314.
Августъ Фридрихъ Гольштейнъ-Бекъ—307.
Авраамъ—215, 236, 237.
Адамъ—218, 265.
Албанскій графъ—см. Карлъ Эдуардъ Стюартъ—244.
Александръ I, императоръ—(40), 311.
Александръ Васильевичъ—м. б. Алябьевъ—51.
Алексѣй Ивановичъ, м.—м. б., гр. Мусинъ-Пушкинъ—51, 297.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ—(40).
Али Пулій—302.
Алопеусъ, Д. М.—50, 297, 305.
— М. М.—(38), 134, 191, 201, 303, 307.
[Алябьевъ], см. Александръ Васильевичъ—297.
Амбургеръ—(19).
Анифарусъ, см. Френкель.
Анкарстремъ—306.
Арндтъ, I.—(24—26, 57), 27, 295.
Архаровъ, Н. П.—(27, 42).
Аѳанасій, епископъ—292.
Аѳанасьевъ, А. Н.—(7), 323.

Баварская герцогиня, см. Марія Анна.
Багрянскій, В. П., см. еп. Веніаминъ—300.
Багрянскій, М. П., р.—(62), 9, 11, 12, 39, 40, 42, 43, 48, 69, 86, 153, 250, 290, 296. 300, 301, 313.
Баженовъ, В. И., м.—(25, 26, 33, 43—46).
Базилевичъ, Г. П.—37, 296.
Барбье—299, 313.
Барышниковъ, Н. П.—311.
Барятинская, Е. П. княгиня—200, 307.
Бассусъ, бар.—(20, 21).
Баталь-бей—69.
Бауманъ, Г. К.—215, 307, 308.
Беберъ, П. В, м.—252, 315.
Безбородко, А. А. гр,—(8, 12, 38, 42), 89, 302.
Безсоновъ П.—323.
Бейеръ, Г. Ф. Э.—226, 314.
Бёме, I.—9, 52, 91, 104, 216, 224, 263—269, 301, 313, 316.
Бергенъ, Л. К.—125, 303.
Бергманъ, Б., м.—218. 219, 248, 310, 315.
Бергманъ, Л., м.—218, 219, 312.
Беркиль, А.—308.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Д.—285, 323.
Бётфейръ, м.—218, 310.
Бибиковъ, В. П., м.—44, 297.
Биркгольцъ—310.
Биронъ, П., герцогъ курляндскій—228, 314.
Бистеръ, I. Э.—97, 301.
Бишофсвердеръ, I. Р.—(19, 20, 30, 35—37), 220, 222, 223, 224, 231, 287, 288, 302, 312, 313.
Блюменбахъ, I. Ф.—168, 305.
Боде, I. I. Х.—219, 312.
Бодеманъ.—(9, 10), 327.
Бомаръ, Ж. К.—154, 304.
Боне[тъ]—154, 304.
Бонневилль, Н.—301.
Бороздинъ, М. С., м.—266, 317.
Боуманъ, М. Ф.—287.
Брауншвейгскій герцогъ — см. Фердинандъ и Фридрихъ-Августъ.
Браунъ—305.
Бреннеръ, I. К.—233, 314.
Брикперъ, А.,—(10), 323.
Брюне—313.
Брюсъ, Я. А. гр.—(25, 27, 32, 33, 41), 26, 158, 169, 295.
Булгаковъ, Я. И.—68, 299.
Буриньонъ, А.—122, 233, 303, 314.
Бурнашевъ, (Барнашевъ) П. А. м.—(13).

УКАЗАТЕЛЬ.

[Цифры въ скобкахъ относятся къ предисловію].

Августъ I, курф. саксонскій—232, 314.
Августъ Фридрихъ Гольштейнъ-Бекъ—307.
Авраамъ—215, 236, 237.
Адамъ—218, 265.
Албанскій графъ—см. Карлъ Эдуардъ Стюартъ—244.
Александръ I, императоръ—(40), 311.
Александръ Васильевичъ—м. б. Алябьевъ—51.
Алексѣй Ивановичъ, м.—м. б., гр. Мусинъ-Пушкинъ—51, 297.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ—(40).
Али Пулій—302.
Алопеусъ, Д. М.—50, 297, 305.
— М. М.—(38), 134, 191, 201, 303, 307.
[Алябьевъ], см. Александръ Васильевичъ—297.
Амбургеръ—(19).
Анифарусъ, см. Френкель.
Анкарстремъ—306.
Арндтъ, I.—(24—26, 57), 27, 295.
Архаровъ, Н. П.—(27, 42).
Аѳанасій, епископъ—292.
Аѳанасьевъ, А. Н.—(7), 323.

Баварская герцогиня, см. Марія Анна.
Багрянскій, В. П., см. еп. Веніаминъ—300.
Багрянскій, М. П., р.—(62), 9, 11, 12, 39, 40, 42, 43, 48, 69, 86, 153, 250, 290, 296. 300, 301, 313.
Баженовъ, В. И., м.—(25, 26, 33, 43—46).
Базилевичъ, Г. П.—37, 296.
Барбье—299, 313.
Барышниковъ, Н. П.—311.
Барятинская, Е. П. княгиня—200, 307.
Бассусъ, бар.—(20, 21).
Баталь-бей—69.
Бауманъ, Г. К.—215, 307, 308.
Беберъ, П. В, м.—252, 315.
Безбородко, А. А. гр,—(8, 12, 38, 42), 89, 302.
Безсоновъ П.—323.
Бейеръ, Г. Ф. Э.—226, 314.
Бёме, I.—9, 52, 91, 104, 216, 224, 263—269, 301, 313, 316.
Бергенъ, Л. К.—125, 303.
Бергманъ, Б., м.—218. 219, 248, 310, 315.
Бергманъ, Л., м.—218, 219, 312.
Беркиль, А.—308.
Бестужевъ-Рюминъ, К. Д.—285, 323.
Бётфейръ, м.—218, 310.
Бибиковъ, В. И., м.—44, 297.
Биркгольцъ—310.
Биронъ, П., герцогъ курляндскій—228, 314.
Бистеръ, I. Э.—97, 301.
Бишофсвердеръ, I. Р.—(19, 20, 30, 35—37), 220, 222, 223, 224, 231, 287, 288, 302, 312, 313.
Блюменбахъ, I. Ф.—168, 305.
Боде, I. I. Х.—219, 312.
Бодеманъ.—(9, 10), 327.
Бомаръ, Ж. К.—154, 304.
Боне[тъ]—154, 304.
Бонневилль, Н.—301.
Бороздинъ, М. С., м.—266, 317.
Боуманъ, М. Ф.—287.
Брауншвейгскій герцогъ — см. Фердинандъ и Фридрихъ-Августъ.
Браунъ—305.
Бреннеръ, I. К.—233, 314.
Брикперъ, А.,—(10), 323.
Брюне—313.
Брюсъ, Я. А. гр.—(25, 27, 32, 33, 41), 26, 158, 169, 295.
Булгаковъ, Я. И.—68, 299.
Буриньонъ, А.—122, 233, 303, 314.
Бурнашевъ, (Барнашевъ) П. А. м.—(13).

Бутурлина—308.
Бѣляевъ, И. С.—318.

Василій Валентинъ. см. Вейгель.
Вассоковичъ, см. Лукашевичъ.
Васютинскій, А. М.—324.
Вегетусъ, см. Н. П. Тургеневъ.
Вейгель, В. 217, 228, 309, 314.
Вейдемейеръ, И. А.—14, 136, 151, 152, 292.
Вейсгауптъ.—(20).
Веллингъ,—216, 308.
Вёльнеръ, І. Х.—(18—22, 28—32, 34—37, 45, 49—52, 56), 20, 139, 140, 142, 181, 185, 219, 220, 223, 224, 227—231, 277—280, 287, 288, 293, 310, 312, 320.
Велоксъ, см. А. М. Кутузовъ.
Вельяминовъ, П. Л., м.—251, 315.
Венгеровъ, С. А.—292.
Вениаминъ, еп. иркутскій—87.
Веревкинъ, А. П., м.—67, 299.
Вернадскій, Г. В.—(8).
Вехтеръ, К. Э.—(30), 232, 314.
Вивaксъ, см. А. П. Новиковъ.
Вигандъ, Н. Н.—(52, 53, 55, 56).
Вигель, Ф.—(47).
Виландъ, Х. М.—58, 298.
Вилемсонъ,—8.
— М.—7, 290.
— П.—8.
Виллермозъ, Ж. Б.—218, 219, 281, 309, 311, 312.
Вильямсъ, м.—288.
Виржингъ—206, 307.
Виссакъ, см. Хохмутъ.
Владиміръ св.—(40).
Вобанъ—253, 315.
Волконская, В. П. кн.—305.
— Е. П. княжна—158, 305.
— М. П.—305.
Волконскій, П. М. кн.—158, 305.
Вольтеръ—(9, 18, 39, 40), 16, 196, 292.
Вольфштигъ—299, 300, 303, 309, 310, 312, 317.
Воронцовъ, С. Р. гр., м.—311.
Всеволожскій, В. А., м.—245, 315.
Вурмбъ, Ф. Л.—(19, 36), 289, 314.
Вьельгорскій, М. Ю. гр., м.—293.
Вюртембергскій принцъ, см. Евгеній Людвигъ.
Вяземская, Е. А., княжна—(59).
Вяземскій, кн. —288.
— А. А. кн.—26, 294, 306.
— А. И. кн., м.—(32), 233, 314.

Гавенъ, М.—308.
Гаврінлъ, свящ.—87.
Гагаринъ, Г. П. кн., м.—(15, 16, 41), 237, 238, 240, 244, 253, 259, 262, 264, 268, 270, 318.
Гагаринъ, П. П. кн., м.—270, 318.
Галаховъ, А.—(58), 323.
Гамалѣя, С. П., р., к.—(22, 25, 31—33), 13, 289, 290, 299, 313, 319.
Гаузе—231.
Гедике, Ф.—97, 301, 327.
Гейкингъ, бар.—308.
Гейнъ, см. Гине.
Геликонусъ, см. Вёльнеръ.
Геллертъ, Х. Ф.—225, 313.
Гелль—217, 309.
Гельманъ, Г.—298.
Гельбигъ, І. О.—112, 302.
Гельвецій, К. А.—(18, 39, 40), 16, 196, 292.
Гельвигъ, м.—185.
Генрихъ Вильгельмъ, принцъ прусскій—(30), 224, 313.
Генрихъ Карлъ Эрдманъ принцъ Шёнайхъ-Каролатскій—222, 312.
Германъ, П. П.—69, 299.
Гердбергъ, Э. Ф.—(10, 36), 222, 224, 313.
Гессенскій принцъ, см. Карлъ и Фридрихъ.
Гимменъ І. В. Б.—220, 227, 230, 312.
Гине, Е. Е., м.—(26, 46), 172, 305.
Глѣбовъ, Ф. П., м.—263, 265, 317.
Голенищева-Кутузова А. М. гр.—45, 296.
— Д. М. гр.—78, 299.
— Е. П. гр.—(59), 19, 38, 44, 64, 67, 76, 80, 161, 191, 293, 296, 297, 299.
— Е. М. гр.—77, 79, 81, 299.
Голенищевъ-Кутузовъ М. П. гр.—(59), 45, 77, 81, 112, 116, 117, 136, 146, 151, 162, 191, 296.
— П. М. гр.—45, 64.
Голицынъ, кн.—232, 314.
Голландъ—(31), 224, 228, 313.
Гольцъ, Б.—215, 307.
Горгонусъ (Гарганусъ), см. П. Е. Шварцъ.
Горнефферъ, А.—(15, 19), 327.
Граттманнъ—233.
Григоровичъ, Н.—(42).
Гротъ, Я. К.—(25, 59, 60), 323.
Грипъ, м.—(29), 223, 288, 289, 313.
Гугомосъ, Г.—(19), 230, 314.
Гудовичъ, П. В. гр.—136, 147, 303.
Гундъ, К. Г. бар.—(14, 15).
Гурьевъ В. П., м.—101, 301.
Густавъ III, король шведскій—(15), 306.
Гусятниковъ—22, 23.
Гучинсонъ—316.
Гюйонъ, Ж. М.—102, 103, 301.

Давыдовъ С. М, кн.—101, 156, 164, 201, 301,
Даламберъ—(39).
Декартъ [?]—25.
Де-Линь—(10).
Де-ля Тюрби—(10).
Демидовъ, А. Г.—204, 307.
Демидовъ, Г. А.—204, 307.
Державинъ, Г. Р.—177, 261, 292, 316, 323.
Дёрперъ—219.
Де-Ту-де-Сальветръ—312.
Дидро—(39) 16, 292.

Бутурлина—308.
Бѣляевъ, И. С.—318.

Василій Валентинъ. см. Вейгель.
Вассоковичъ, см. Лукашевичъ.
Васютинскій, А. М.—324.
Вегетусъ, см. Н. П. Тургеневъ.
Вейгель, В. 217, 228, 309, 314.
Вейдемейеръ, И. А.—14, 136, 151, 152, 292.
Вейсгауптъ.—(20).
Веллингъ,—216, 308.
Вёльнеръ, І. Х.—(18—22, 28—32, 34—37, 45, 49—52, 56), 20, 139, 140, 142, 181, 185, 219, 220, 223, 224, 227—231, 277—280, 287, 288, 293, 310, 312, 320.
Велоксъ, см. А. М. Кутузовъ.
Вельяминовъ, П. Л., м.—251, 315.
Венгеровъ, С. А.—292.
Веніаминъ, еп. иркутскій—87.
Веревкинъ, А. П., м.—67, 299.
Вернадскій, Г. В.—(8).
Вехтеръ, К. Э.—(30), 232, 314.
Вивaксъ, см. А. П. Новиковъ.
Вигандъ, Н. Н.—(52, 53, 55, 56).
Вигель, Ф.—(47).
Виландъ, Х. М.—58, 298.
Вилемсонъ,—8.
— М.—7, 290.
— П.—8.
Виллермозъ, Ж. Б.—218, 219, 281, 309, 311, 312.
Вильямсъ, м.—288.
Виржингъ—206, 307.
Виссакъ, см. Хохмутъ.
Владиміръ св.—(40).
Вобанъ—253, 315.
Волконская, В. П. кн.—305.
— Е. П. княжна—158, 305.
— М. П.—305.
Волконскій, П. М. кн.—158, 305.
Вольтеръ—(9, 18, 39, 40), 16, 196, 292.
Вольфштигъ—299, 300, 303, 309, 310, 312, 317.
Воронцовъ, С. Р. гр., м.—311.
Всеволожскій, В. А., м.—245, 315.
Вурмбъ, Ф. Л.—(19, 36), 289, 314.
Вьельгорскій, М. Ю. гр., м.—293.
Вюртембергскій принцъ, см. Евгеній Людвигъ.
Вяземская, Е. А., княжна—(59).
Вяземскій, кн. —288.
— А. А. кн.—26, 294, 306.
— А. И. кн., м.—(32), 233, 314.

Гавенъ, М.—308.
Гаврінлъ, свящ.—87.
Гагаринъ, Г. П. кн., м.—(15, 16, 41), 237, 238, 240, 244, 253, 259, 262, 264, 268, 270, 318.
Гагаринъ, П. П. кн., м.—270, 318.
Галаховъ, А.—(58), 323.
Гамалѣя, С. П., р., к.—(22, 25, 31—33), 13, 289, 290, 299, 313, 319.
Гаузе—231.
Гедике, Ф.—97, 301, 327.
Гейкингъ, бар.—308.
Гейнъ, см. Гине.
Геликонусъ, см. Вёльнеръ.
Геллертъ, Х. Ф.—225, 313.
Гелль—217, 309.
Гельманъ, Г.—298.
Гельбигъ, І. О.—112, 302.
Гельвецій, К. А.—(18, 39, 40), 16, 196, 292.
Гельвигъ, м.—185.
Генрихъ Вильгельмъ, принцъ прусскій—(30), 224, 313.
Генрихъ Карлъ Эрдманъ принцъ Шёнайхъ-Каролатскій—222, 312.
Германъ, П. П.—69, 299.
Гердбергъ, Э. Ф.—(10, 36), 222, 224, 313.
Гессенскій принцъ, см. Карлъ и Фридрихъ.
Гимменъ І. В. Б.—220, 227, 230, 312.
Гине, Е. Е., м.—(26, 46), 172, 305.
Глѣбовъ, Ф. П., м.—263, 265, 317.
Голенищева-Кутузова А. М. гр.—45, 296.
— Д. М. гр.—78, 299.
— Е. П. гр.—(59), 19, 38, 44, 64, 67, 76, 80, 161, 191, 293, 296, 297, 299.
— Е. М. гр.—77, 79, 81, 299.
Голенищевъ-Кутузовъ М. П. гр.—(59), 45, 77, 81, 112, 116, 117, 136, 146, 151, 162, 191, 296.
— П. М. гр.—45, 64.
Голицынъ, кн.—232, 314.
Голландъ—(31), 224, 228, 313.
Гольцъ, Б.—215, 307.
Горгонусъ (Гарганусъ), см. П. Е. Шварцъ.
Горнефферъ, А.—(15, 19), 327.
Граттманнъ—233.
Григоровичъ, Н.—(42).
Гротъ, Я. К.—(25, 59, 60), 323.
Грипъ, м.—(29), 223, 288, 289, 313.
Гугомосъ, Г.—(19), 230, 314.
Гудовичъ, П. В. гр.—136, 147, 303.
Гундъ, К. Г. бар.—(14, 15).
Гурьевъ В. П., м.—101, 301.
Густавъ III, король шведскій—(15), 306.
Гусятниковъ—22, 23.
Гучинсонъ—316.
Гюйонъ, Ж. М.—102, 103, 301.

Давыдовъ С. М, кн.—101, 156, 164, 201, 301,
Даламберъ—(39).
Декартъ [?]—25.
Де-Линь—(10).
Де-ля Тюрби—(10).
Демидовъ, А. Г.—204, 307.
Демидовъ, Г. А.—204, 307.
Державинъ, Г. Р.—177, 261, 292, 316, 323.
Дёрперъ—219.
Де-Ту-де-Сальветръ—312.
Дидро—(39) 16, 292.

Дмитревскій, И. А., м.—217, 246, 256, 309.
Дмитріевъ, П. И.—(59), 285, 323.
Дмитріевъ-Мамоновъ, А. М. гр.—(41).
Долгоруковъ, В. В. кн., м.—318.
— Вас. Вл., м.—270, 318.
— В. С. кн.—232, 314.
— Г. А. кн., м.—(25).
— Крымскій, В. М., кн.,—(22).
— Ю. В. кн.—270, 318.
— П. кн.—323.
Дурново, Н. Д.—177, 306.
Дю-Боскъ, Ф.—(19, 36, 37, 39, 61), 9, 94, 112, 125, 133, 135, 138, 150, 157, 162, 164, 172, 227—288.
Дюмурье—(10).
Дюранъ—299.
Дю-Туа-Мамбрини—299.

Ева—232.
Евгеній, Фридрихъ Генрихъ, принцъ вюртембергскій—(31), 228.
Ездра—217, 237.
Екатерина I, императрица—(40).
Екатерина II императрица—(7, 17, 24, 25, 27, 28, 37, 38, 40, 41, 44, 46, 50, 51, 55, 57), 12, 14—17, 19, 20, 21, 27, 39, 63, 72, 74, 89, 90, 191, 209, 286, 300, 308, 323.
Елагинъ, И. П., м.—(8, 15, 24, 28, 53, 55, 56), 123, 216, 217, 218, 246, 308, 310.
Елисавета Васильевна, см. Хераскова,
Елисавета Петровна императрица—(38), 93.
Еліомасъ (?) м.—275, 319.
Енгалычевъ К. М. кн., р., к.—(22, 27, 43), 35, 51, 62, 295.
— П. Н. кн.—296.
Епиктетъ—308.
Еропкинъ, П. Д.—(7, 33), 35.
Ешевскій, С. В.—(7, 18, 23), 307, 310, 314—319, 323.

Завадовскій, П. В.—292.
Загряжскій, Б. А., м.—270, 318.
Залеманъ, К. Г.—(8).
Засѣкинъ, А. Н. кн., м.—249, 250, 251.
Звѣрака (Зверяга) Е. Ф., м.—52, 95, 118, 217, 254, 255, 261, 262, 268, 272, 298, 309.
Зенкбейль—9, 135, 142, 172, 290.
Зиновьевъ, В. И., м.—311.
Зирке—(19), 311, 314, 328.
Зубовъ, В. А.—69, 299.
Зубовъ, П. А. гр.—(10).
Зундбладтъ, Я. П., м.—171.
Зюдерманландскій герц.—см. Карлъ.

Игельстремъ, О. А. гр.—14, 292.
Измаилъ—237.
Измайловъ, Н. В.—305.
Иконниковъ, В.—(16), 324.
Исаакъ—237.
Іоаннъ—216.
— см. Масонъ.
Іосифъ II императоръ—(20, 21), 221, 223, 306, 312.

Каліостро, А. Ж.—(28), 216, 231, 308.
Кантъ—(36, 54).
Карамзина, М. М.—298.
Карамзинъ, Н. М., м.—(35, 49, 57—62), 1, 2, 3, 5, 7, 28, 29, 30, 48, 49, 54, 55, 58, 70, 86, 89, 94, 99, 100, 106, 108, 109, 110, 130, 131, 147, 148, 197, 199, 285, 286, 289, 295, 297, 301, 324.
Карлъ, герц. зюдерманландскій, впослѣдствіи Карлъ XIII, король шведскій—(15, 16, 17), 231, 238, 244.
— «герцогъ курляндскій»—(19).
— герцогъ саксонскій—314.
— принцъ гессенъ-кассельскій—(20, 21), 222, 223, 230, 252, 313.
— Теодоръ, курф. баварскій—(27).
— Эдуардъ Стюартъ (Людовикъ Филиппъ Казиміръ), принявшій имя графа Албанскаго—315.
Кастъ, Ф.—327.
Кауницъ, В. А.—225, 313.
Кевесъ—216, 307.
Кейзерлингъ, Г. Х. гр.—219, 312.
Келлеръ—222.
Келлеръ, Л.—(15), 327.
Кингслей—215.
Кирхвегеръ, А. І.—309.
Киселевъ, Н. П.—(8), 309, 313.
Клапротъ—182, 183, 185.
— М. Г.—222, 227, 230, 312.
Клейнъ, А. Я.—270.
Клоссъ—301, 327.
Ключаревъ, Ѳ. П., м.—246, 315.
Ключевскій, В. О.—(17), 324.
Кнейсперъ—307, 308, 327.
Кнешке, Э.—327.
Кобеко, Д. Ѳ.—(21, 38), 313, 324.
Козелкинъ, Д.—324.
Коловіонъ, см. П. П. Новиковъ.
Колокольниковъ, В. Я., м.—(42), 22, 37, 50, 75, 76, 128, 153, 168, 177, 294, 310.
Комненъ, Ф. В.—313.
Коппъ, Г.—309.
Коризна, П.—48.
Косманъ—12, 13, 291.
Кошелева, В. П.—311.
Кошелевъ, Р. А., м.—311.
Крапивинъ, И.—69.
Крафтъ, Л. Ю.—297.
Крузе, К. Ф.—261, 316.
Крупенниковъ, Г. П., м.—246.
Куракинъ, А. Б. кн., м.—(20, 21, 44, 45), 246, 315.
— А. Б. кн.—320, 322.
Курляндскій герцогъ, см. Бирономъ.
Кутузовъ, А. М.—201.
Кутузовъ, А. М., р., к.—(7, 10—13, 24, 32, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 45, 51, 55—60,

Дмитревскій, И. А., м.—217, 246, 256, 309.
Дмитріевъ, П. И.—(59), 285, 323.
Дмитріевъ-Мамоновъ, А. М. гр.—(41).
Долгоруковъ, В. В. кн., м.—318.
— Вас. Вл., м.—270, 318.
— В. С. кн.—232, 314.
— Г. А. кн., м.—(25).
— Крымскій, В. М., кн.,—(22).
— Ю. В. кн.—270, 318.
— П. кн.—323.
Дурново, Н. Д.—177, 306.
Дю-Боскъ, Ф.—(19, 36, 37, 39, 61), 9, 94, 112, 125, 133, 135, 138, 150, 157, 162, 164, 172, 227—288.
Дюмурье—(10).
Дюранъ—299.
Дю-Туа-Мамбрини—299.

Ева—232.
Евгеній, Фридрихъ Генрихъ, принцъ вюртембергскій—(31), 228.
Ездра—217, 237.
Екатерина I, императрица—(40).
Екатерина II императрица—(7, 17, 24, 25, 27, 28, 37, 38, 40, 41, 44, 46, 50, 51, 55, 57), 12, 14—17, 19, 20, 21, 27, 39, 63, 72, 74, 89, 90, 191, 209, 286, 300, 308, 323.
Елагинъ, И. П., м.—(8, 15, 24, 28, 53, 55, 56), 123, 216, 217, 218, 246, 308, 310.
Елисавета Васильевна, см. Хераскова,
Елисавета Петровна императрица—(38), 93.
Еліомасъ (?) м.—275, 319.
Енгалычевъ К. М. кн., р., к.—(22, 27, 43), 35, 51, 62, 295.
— П. Н. кн.—296.
Епиктетъ—308.
Еропкинъ, П. Д.—(7, 33), 35.
Ешевскій, С. В.—(7, 18, 23), 307, 310, 314—319, 323.

Завадовскій, П. В.—292.
Загряжскій, Б. А., м.—270, 318.
Залеманъ, К. Г.—(8).
Засѣкинъ, А. Н. кн., м.—249, 250, 251.
Звѣрака (Зверяга) Е. Ф., м.—52, 95, 118, 217, 254, 255, 261, 262, 268, 272, 298, 309.
Зенкбейль—9, 135, 142, 172, 290.
Зиновьевъ, В. И., м.—311.
Зирке—(19), 311, 314, 328.
Зубовъ, В. А.—69, 299.
Зубовъ, П. А. гр.—(10).
Зундбладтъ, Я. П., м.—171.
Зюдерманландскій герц.—см. Карлъ.

Игельстремъ, О. А. гр.—14, 292.
Измаилъ—237.
Измайловъ, Н. В.—305.
Иконниковъ, В.—(16), 324.
Исаакъ—237.
Іоаннъ—216.
— см. Масонъ.
Іосифъ II императоръ—(20, 21), 221, 223, 306, 312.

Каліостро, А. Ж.—(28), 216, 231, 308.
Кантъ—(36, 54).
Карамзина, М. М.—298.
Карамзинъ, Н. М., м.—(35, 49, 57—62), 1, 2, 3, 5, 7, 28, 29, 30, 48, 49, 54, 55, 58, 70, 86, 89, 94, 99, 100, 106, 108, 109, 110, 130, 131, 147, 148, 197, 199, 285, 286, 289, 295, 297, 301, 324.
Карлъ, герц. зюдерманландскій, впослѣдствіи Карлъ XIII, король шведскій—(15, 16, 17), 231, 238, 244.
— «герцогъ курляндскій»—(19).
— герцогъ саксонскій—314.
— принцъ гессенъ-кассельскій—(20, 21), 222, 223, 230, 252, 313.
— Теодоръ, курф. баварскій—(27).
— Эдуардъ Стюартъ (Людовикъ Филиппъ Казиміръ), принявшій имя графа Албанскаго—315.
Кастъ, Ф.—327.
Кауницъ, В. А.—225, 313.
Кевесъ—216, 307.
Кейзерлингъ, Г. Х. гр.—219, 312.
Келлеръ—222.
Келлеръ, Л.—(15), 327.
Кингслей—215.
Кирхвегеръ, А. І.—309.
Киселевъ, Н. П.—(8), 309, 313.
Клапротъ—182, 183, 185.
— М. Г.—222, 227, 230, 312.
Клейнъ, А. Я.—270.
Клоссъ—301, 327.
Ключаревъ, Ѳ. П., м.—246, 315.
Ключевскій, В. О.—(17), 324.
Кнейсперъ—307, 308, 327.
Кнешке, Э.—327.
Кобеко, Д. Ѳ.—(21, 38), 313, 324.
Козелкинъ, Д.—324.
Коловіонъ, см. П. П. Новиковъ.
Колокольниковъ, В. Я., м.—(42), 22, 37, 50, 75, 76, 128, 153, 168, 177, 294, 310.
Комненъ, Ф. В.—313.
Коппъ, Г.—309.
Коризна, П.—48.
Косманъ—12, 13, 291.
Кошелева, В. П.—311.
Кошелевъ, Р. А., м.—311.
Крапивинъ, И.—69.
Крафтъ, Л. Ю.—297.
Крузе, К. Ф.—261, 316.
Крупенниковъ, Г. П., м.—246.
Куракинъ, А. Б. кн., м.—(20, 21, 44, 45), 246, 315.
— А. Б. кн.—320, 322.
Курляндскій герцогъ, см. Биронъ.
Кутузовъ, А. М.—201.
Кутузовъ, А. М., р., к.—(7, 10—13, 24, 32, 34, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 45, 51, 55—60,

62), 1—3, 5—12, 14—16, 18—21, 23, 28, 30, 31, 33, 34, 38, 42, 44, 45, 48—51, 53—55, 59, 64, 67, 69, 70, 73, 74, 76, 78, 80, 82—84, 86—88, 90, 93, 94, 96, 98—107, 109—111, 113—117, 125—129, 131, 132, 135—139, 142—148, 150, 154—179, 184—194, 196, 200—214, 275—285, 286, 290, 291, 293—304, 306, 311, 319, 320, 322.
Кутузовъ, Ф. М.—(48), 1, 79, 90, 100, 109, 110, 137, 156, 163, 164, 177, 188, 191, 201, 212, 213, 305, 306.
Кюстинъ—(10).

Лабзинъ, А. Ѳ., м.—(49).
Ладрагъ—313.
Ладыженскій, А. Ѳ., м., к.—(23).
Ламбертъ.—118.
Лангенгеймъ, Г. Н.—18, 32, 293.
Ланской, С. С. гр., м.—313, 315, 319.
Лаптевъ, Н. С.—270, 318.
Ласси, Б. П.—77.
Левшинъ,—319.
Ледебуръ, Л.—327.
Лейбницъ, Г. В.—(20), 25.
Леннингъ.—286, 287, 327.
Ленцъ, Х. Д.—218, 310.
Леонтьевичъ.—306.
Леопольдъ II, императоръ—(10), 191, 306.
Лепелль—227.
Лессингъ—294, 327.
Лествицъ, К. Р.—221, 222, 224, 225, 227, 312.
Ликургъ—71.
Линштедтъ—217.
Лихасъ, см. М. П. Багрянскій.
Лобановъ-Ростовскій, А. кн.—324.
Ломоносовъ, М. В.—14, 292.
Лонгиновъ, М. Н.—(7, 13, 17, 21, 23, 27, 30, 32, 34, 38, 39, 44, 46, 50, 58, 59), 293, 294, 295, 296, 300, 305, 307, 310, 316, 317, 324.
Лопухина, Е. П.—297.
Лопухинъ, П. В., р., к.—(7, 11, 12, 14, 22, 24—28, 31, 33—35, 39, 41—43, 45, 46, 48, 50, 51, 56), 4, 10—23, 31, 34, 37, 38, 40, 43, 45, 48, 50, 59, 67, 69, 73, 75, 76, 78, 80, 82, 87, 88, 90, 93, 98, 105, 113, 114, 116, 119, 128, 135, 137, 139, 145, 150, 151, 153, 155, 157, 161, 164, 166, 167, 168, 171, 172, 174, 176, 177, 178, 184—187, 191, 192, 203, 233, 275, 276, 279, 281, 285, 289, 291, 292, 293, 295, 296, 301, 303, 307, 310, 313, 316, 319, 321, 324.
Лопухинъ, П. П.—47, 297.
Лопухинъ, П. В., м., к.—(43), 32, 48, 63, 74, 78, 83, 152, 175, 177, 186, 295.
Лубяновскій, Ѳ. П.—(38), 324.
Лукашевичъ, (Вукашевичъ, Вассоковичъ) Г. М., м.—217, 249, 262, 309.
Лукинъ, А. М.—315.
Лукомскій, В. К.—324.
Луиза, принцесса датская—313.
Львова, Е. П. княгиня, р. Лопухина—47.
Людвигъ Фридрихъ Александръ, принцъ вюртембергскій—229.
Людвигъ, принцъ цвейбрюккенскій—221, 312.
Людвигъ-Эрнстъ II, герцогъ саксенъ-готскій и альтенбургскій—224, 313.
Людовикъ XVI—(14).

Маакъ, Ф.—309.
Манштейнъ Х. Г.—215.
Марія Анна Жозефа, герцогиня баварская—222, 313.
Марія Антуанета, королева французская—18, 293.
Марія Ѳеодоровна, великая княгиня—(15, 38), 311.
Марковъ (Морковъ) А. П.—101, 301.
Маркъ Аврелій—(20).
Масонъ, І.—268, 317.
Матте[ръ]—(38), 311, 327.
Мей, Д. П.—87, 300.
Мей, П. П.—87, 300.
Меккелейнъ—298.
Мелиссино, П. И., м.—308.
Мельгуновъ, С. П.—324.
Меншиковъ, кн.—223.
Мерсье, Л. С.—97, 111, 301, 328.
Меріанъ—317.
Месмеръ, А. Ф.—217, 231, 309.
Миллеръ, м.—68.
Миллеръ, Г. Ф.—297.
Милютинъ, С.—306.
Мирабо—(56), 33, 98, 111.
Митусовъ, А. П., м.—249, 266, 315.
Митусовъ, В. П., м.—249, 250, 251, 266.
Міяковскій, В. В.—324.
Модзалевскій, Б. Л.—(8, 50, 57), 305, 324.
Моисей—122, 237.
Монтанусъ, см. Бергенъ.
Монтекукули—225.
Монтескью—(10).
Монфокопъ, Б.—106, 301.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., см. А. П., м.—264 (?), 317.

Нартовъ, А. А., м.—249, 253, 271, 315.
Нарышкинъ, А. В.—201, 307.
Наттеръ, Л.—288.
Невзоровъ, М. П., м.—(42), 22, 23, 37, 50, 75, 76, 129, 153, 154, 168, 177, 294, 297, 303, 310.
Недергофъ, К. Х.—7, 65, 290.
Незеленовъ, А. П.—(7), 324.
Неклюдовъ, П. В.—292.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А.—320, 322.
Неронъ—112.
Несвицкій, П. В. кн., м.—266, 317.
Нессельроде, В. гр.—303.
Николаи, Х. Ф.—97, 301.
Николай Михайловичъ великій князь—300, 311, 324.

62), 1—3, 5—12, 14—16, 18—21, 23, 28, 30, 31, 33, 34, 38, 42, 44, 45, 48—51, 53—55, 59, 64, 67, 69, 70, 73, 74, 76, 78, 80, 82—84, 86—88, 90, 93, 94, 96, 98—107, 109—111, 113—117, 125—129, 131, 132, 135—139, 142—148, 150, 154—179, 184—194, 196, 200—214, 275—285, 286, 290, 291, 293—304, 306, 311, 319, 320, 322.
Кутузовъ, Ф. М.—(48), 1, 79, 90, 100, 109, 110, 137, 156, 163, 164, 177, 188, 191, 201, 212, 213, 305, 306.
Кюстинъ—(10).

Лабзинъ, А. Ѳ., м.—(49).
Ладрагъ—313.
Ладыженскій, А. Ѳ., м., к.—(23).
Ламбертъ.—118.
Лангенгеймъ, Г. Н.—18, 32, 293.
Ланской, С. С. гр., м.—313, 315, 319.
Лаптевъ, Н. С.—270, 318.
Ласси, Б. П.—77.
Левшинъ,—319.
Ледебуръ, Л.—327.
Лейбницъ, Г. В.—(20), 25.
Леннингъ.—286, 287, 327.
Ленцъ, Х. Д.—218, 310.
Леонтьевичъ.—306.
Леопольдъ II, императоръ—(10), 191, 306.
Лепелль—227.
Лессингъ—294, 327.
Лествицъ, К. Р.—221, 222, 224, 225, 227, 312.
Ликургъ—71.
Линштедтъ—217.
Лихасъ, см. М. П. Багрянскій.
Лобановъ-Ростовскій, А. кн.—324.
Ломоносовъ, М. В.—14, 292.
Лонгиновъ, М. Н.—(7, 13, 17, 21, 23, 27, 30, 32, 34, 38, 39, 44, 46, 50, 58, 59), 293, 294, 295, 296, 300, 305, 307, 310, 316, 317, 324.
Лопухина, Е. П.—297.
Лопухинъ, П. В., р., к.—(7, 11, 12, 14, 22, 24—28, 31, 33—35, 39, 41—43, 45, 46, 48, 50, 51, 56), 4, 10—23, 31, 34, 37, 38, 40, 43, 45, 48, 50, 59, 67, 69, 73, 75, 76, 78, 80, 82, 87, 88, 90, 93, 98, 105, 113, 114, 116, 119, 128, 135, 137, 139, 145, 150, 151, 153, 155, 157, 161, 164, 166, 167, 168, 171, 172, 174, 176, 177, 178, 184—187, 191, 192, 203, 233, 275, 276, 279, 281, 285, 289, 291, 292, 293, 295, 296, 301, 303, 307, 310, 313, 316, 319, 321, 324.
Лопухинъ, П. П.—47, 297.
Лопухинъ, П. В., м., к.—(43), 32, 48, 63, 74, 78, 83, 152, 175, 177, 186, 295.
Лубяновскій, Ѳ. П.—(38), 324.
Лукашевичъ, (Вукашевичъ, Вассоковичъ) Г. М., м.—217, 249, 262, 309.
Лукинъ, А. М.—315.
Лукомскій, В. К.—324.
Луиза, принцесса датская—313.
Львова, Е. П. княгиня, р. Лопухина—47.
Людвигъ Фридрихъ Александръ, принцъ вюртембергскій—229.
Людвигъ, принцъ цвейбрюккенскій—221, 312.
Людвигъ-Эрнстъ II, герцогъ саксенъ-готскій и альтенбургскій—224, 313.
Людовикъ XVI—(14).

Маакъ, Ф.—309.
Манштейнъ Х. Г.—215.
Марія Анна Жозефа, герцогиня баварская—222, 313.
Марія Антуанета, королева французская—18, 293.
Марія Ѳеодоровна, великая княгиня—(15, 38), 311.
Марковъ (Морковъ) А. П.—101, 301.
Маркъ Аврелій—(20).
Масонъ, І.—268, 317.
Матте[ръ]—(38), 311, 327.
Мей, Д. П.—87, 300.
Мей, П. П.—87, 300.
Меккелейнъ—298.
Мелиссино, П. И., м.—308.
Мельгуновъ, С. П.—324.
Меншиковъ, кн.—223.
Мерсье, Л. С.—97, 111, 301, 328.
Меріанъ—317.
Месмеръ, А. Ф.—217, 231, 309.
Миллеръ, м.—68.
Миллеръ, Г. Ф.—297.
Милютинъ, С.—306.
Мирабо—(56), 33, 98, 111.
Митусовъ, А. П., м.—249, 266, 315.
Митусовъ, В. П., м.—249, 250, 251, 266.
Міяковскій, В. В.—324.
Модзалевскій, Б. Л.—(8, 50, 57), 305, 324.
Моисей—122, 237.
Монтанусъ, см. Бергенъ.
Монтекукули—225.
Монтескью—(10).
Монфокопъ, Б.—106, 301.
Мусинъ-Пушкинъ, гр., см. А. П., м.—264 (?), 317.

Нартовъ, А. А., м.—249, 253, 271, 315.
Нарышкинъ, А. В.—201, 307.
Наттеръ, Л.—288.
Невзоровъ, М. П., м.—(42), 22, 23, 37, 50, 75, 76, 129, 153, 154, 168, 177, 294, 297, 303, 310.
Недергофъ, К. Х.—7, 65, 290.
Незеленовъ, А. П.—(7), 324.
Неклюдовъ, П. В.—292.
Нелединскій-Мелецкій, Ю. А.—320, 322.
Неронъ—112.
Несвицкій, П. В. кн., м.—266, 317.
Нессельроде, В. гр.—303.
Николаи, Х. Ф.—97, 301.
Николай Михайловичъ великій князь—300, 311, 324.

Новикова, А. Е.—92, 95, 103, 112, 115, 126, 295.
Новиковъ, А. П., р., к. —(31), 51, 110, 297, 301.
Новиковъ, П. И., р., к.—(7, 8, 13, 14, 16, 17, 20—23, 25—28, 32—35, 37—47, 49—51, 53—59), 13, 24, 35, 70, 89, 92, 110 115, 126, 134, 146, 175, 179—187, 189, 192, 207, 233, 241, 245—248, 257—259, 261, 262, 265, 266, 268, 270, 272—276, 296, 305, 307, 314, 316, 319, 322.
Новосильцовъ, Н. Н.—38, 296.
Норовъ, А. С.—293.
Ньютонъ,—25.

Одоевскій, Н. И. кн., м.—270, 318.
Опочининъ, Ѳ. П.—299.
Орловъ, А. Г. гр.—34, 295.
Остафьевъ, Д. М.—293, 307, 309, 313, 325.
[Остенъ-Сакенъ], П. Э. [?]—219, 312.

Павелъ—221.
Павелъ Петровичъ, цесаревичъ—(13, 15, 16, 20, 21, 23—26, 31, 33, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 45, 46, 48, 50, 51), 222, 224, 228, 231, 321, 322.
Палласъ—300.
Панинъ, Н. И. гр.—(15, 16, 21, 23, 24, 56).
Панинъ, П. И. гр.—(23, 24).
Пекарскій, П. П.—(8, 13, 15, 21, 22, 28, 32—34, 42, 45, 46, 53), 286, 290, 296, 309—312, 325.
Пелегрини, К. К. гр.—225, 313.
Перфильевъ, С. В., м.—246, 257, 271, 315, 318.
Перцевъ, В. Н.—324.
Пестель, Б. В.—152, 155, 166, 191.
Пестель, П. Б.—(7, 10, 12, 13, 58), 285, 286, 290, 291, 293, 295, 296, 297, 303—306.
Пестова, см. кн. Н. П. Трубецкая.
Петръ Великій—71.
Пиксановъ, Н. К.—289, 324.
Пинети де Мерси—291.
Пиннатусъ, см. кн. Н. Н. Трубецкой.
Пиѳагоръ—216.
Піусъ, см. О. А. Поздѣевъ.
Платонъ,—71, 216.
Платонъ, митрополитъ—(25, 27, 32).
Плещеева, А. А.—(60), 1, 6, 29, 31, 54, 59, 110, 131, 147, 188, 197, 199.
Плещеева А. П.—(59—61),2, 5, 28, 55, 99, 107, 129, 147, 188, 197, 289, 295, 298.
Плещеева, Е. П.—(59).
Плещеева, М. А.—59, 100, 108, 199, 298.
Плещеевъ, А. А., м.—(59, 60), 1, 3, 5, 7, 30, 54, 86, 100, 109, 130, 146, 156, 165, 187, 191, 196, 306.
Плещеевъ, С. П., м.—(20, 25, 45, 46).
Плещеевъ—286.
Плещеевы—(49, 58, 59).
Пломенфельдтъ—245, 315.
Полѣтика, Г.—308.
Погодинъ М. П.—295, 325.
Пожарскій—306.
Поздѣевъ О. А., р.—(42, 57),40, 270, 296, 319.
Поликарповъ, Н. П.—320.
Поликъ,—289, 314, 328.
Поповъ, А.—(44), 325.
Порректусъ, см. кн. Н. И. Трубецкой—296.
Потемкинъ, Г. А. кн.—(13, 20), 94, 102, 136, 146, 152, 158, 159, 165, 175, 301, 302, 304, 308.
Потемкинъ, М. С.—177, 306.
Походяшинъ, Г. М., м.—(38, 42), 43, 52, 113, 175, 176, 179, 185, 189, 192, 296.
Прейссъ—(35), 328.
Прозоровскій, А. А. кн.—(7, 8, 10, 12—14, 17, 22, 28, 34, 35, 41—48, 50, 51, 55), 14, 17, 18, 31, 36, 85, 89, 92, 96, 99, 285, 286, 290, 294.
Протопоповъ, В.—292.
Прусскій принцъ, см. Генрихъ.
Пуаре, П.—13, 122, 291.
Пугачевъ, Е.—(12).
Пурга, см. М. Вилемсонъ.
Пушкинъ, А. С.—(55), 325.
Пушкинъ—м. б., А. С. Мусинъ-Пушкинъ.
Пфау, Т. Ф.—215, 307.
Пыпинъ, А. Н.—(23), 319, 325.

Равальякъ, Ф.—104, 301.
Равенъ, Э. В.—222, 223, 229, 313.
Радищева, А. В. рожд. Рубановская—66, 299.
Радищевъ, А. Н.—(11—13, 35, 37, 41, 49, 58),8, 9, 11, 12, 14—16, 19, 21, 22, 28, 33, 37, 39, 40, 46, 48, 50, 51, 54, 65, 70, 78, 81, 90, 92, 156, 157, 164, 168, 193, 194, 209, 290, 311, 325.
Радищевъ, М. Н.—168, 193, 194, 209.
Раевская, О. Ѳ.—313.
Разумовскій, П. А. гр.—38, 296, 297.
Рамзей, см. Н. М. Карамзинъ.
Расинъ.
Рейналь—(12).
Рейхель, бар., м.—(15—17, 52), 21, 52, 54, 118, 119, 136, 169, 190, 207, 215, 217, 220, 231, 298, 302, 310.
Рейхель, дочь бар. Рейхеля—207.
Рейценштейнъ, А., бар.—328.
Репертусъ, см. кн. Ю. Н. Трубецкой (?).
Репертъ, Г. Х.—222, 225, 230, 312.
Репнинъ, Н. В. кн., м.—(26, 30, 31, 32, 38, 42, 44—46, 50, 56), 26, 145, 146, 147, 150, 151, 159, 220, 221, 223, 228, 231, 259, 294, 304, 305.
Ржевскій, А. А., р.—(23, 26), 215, 217, 235, 236, 238, 240, 247, 248, 251, 254, 257, 258, 262, 263, 266, 269, 272, 307, 318.
Рибасъ де І., м.—68, 249, 252, 253, 255, 299, 315.
Римскій-Корсаковъ, П. Н.—300.
Ричъ—(29), 231.

Новикова, А. Е.—92, 95, 103, 112, 115, 126, 295.
Новиковъ, А. П., р., к. —(31), 51, 110, 297, 301.
Новиковъ, П. И., р., к.—(7, 8, 13, 14, 16, 17, 20—23, 25—28, 32—35, 37—47, 49—51, 53—59), 13, 24, 35, 70, 89, 92, 110 115, 126, 134, 146, 175, 179—187, 189, 192, 207, 233, 241, 245—248, 257—259, 261, 262, 265, 266, 268, 270, 272—276, 296, 305, 307, 314, 316, 319, 322.
Новосильцовъ, Н. Н.—38, 296.
Норовъ, А. С.—293.
Ньютонъ,—25.

Одоевскій, Н. И. кн., м.—270, 318.
Опочининъ, Ѳ. П.—299.
Орловъ, А. Г. гр.—34, 295.
Остафьевъ, Д. М.—293, 307, 309, 313, 325.
[Остенъ-Сакенъ], П. Э. [?]—219, 312.

Павелъ—221.
Павелъ Петровичъ, цесаревичъ—(13, 15, 16, 20, 21, 23—26, 31, 33, 35, 37, 38, 40, 41, 43, 45, 46, 48, 50, 51), 222, 224, 228, 231, 321, 322.
Палласъ—300.
Панинъ, Н. И. гр.—(15, 16, 21, 23, 24, 56).
Панинъ, П. И. гр.—(23, 24).
Пекарскій, П. П.—(8, 13, 15, 21, 22, 28, 32—34, 42, 45, 46, 53), 286, 290, 296, 309—312, 325.
Пелегрини, К. К. гр.—225, 313.
Перфильевъ, С. В., м.—246, 257, 271, 315, 318.
Перцевъ, В. Н.—324.
Пестель, Б. В.—152, 155, 166, 191.
Пестель, П. Б.—(7, 10, 12, 13, 58), 285, 286, 290, 291, 293, 295, 296, 297, 303—306.
Пестова, см. кн. Н. П. Трубецкая.
Петръ Великій—71.
Пиксановъ, Н. К.—289, 324.
Пинети де Мерси—291.
Пиннатусъ, см. кн. Н. Н. Трубецкой.
Пиѳагоръ—216.
Піусъ, см. О. А. Поздѣевъ.
Платонъ,—71, 216.
Платонъ, митрополитъ—(25, 27, 32).
Плещеева, А. А.—(60), 1, 6, 29, 31, 54, 59, 110, 131, 147, 188, 197, 199.
Плещеева А. П.—(59—61),2, 5, 28, 55, 99, 107, 129, 147, 188, 197, 289, 295, 298.
Плещеева, Е. П.—(59).
Плещеева, М. А.—59, 100, 108, 199, 298.
Плещеевъ, А. А., м.—(59, 60), 1, 3, 5, 7, 30, 54, 86, 100, 109, 130, 146, 156, 165, 187, 191, 196, 306.
Плещеевъ, С. П., м.—(20, 25, 45, 46).
Плещеевъ—286.
Плещеевы—(49, 58, 59).
Пломенфельдтъ—245, 315.
Полѣтика, Г.—308.
Погодинъ М. П.—295, 325.
Пожарскій—306.
Поздѣевъ О. А., р.—(42, 57),40, 270, 296, 319.
Поликарповъ, Н. П.—320.
Поликъ,—289, 314, 328.
Поповъ, А.—(44), 325.
Порректусъ, см. кн. Н. И. Трубецкой—296.
Потемкинъ, Г. А. кн.—(13, 20), 94, 102, 136, 146, 152, 158, 159, 165, 175, 301, 302, 304, 308.
Потемкинъ, М. С.—177, 306.
Походяшинъ, Г. М., м.—(38, 42), 43, 52, 113, 175, 176, 179, 185, 189, 192, 296.
Прейссъ—(35), 328.
Прозоровскій, А. А. кн.—(7, 8, 10, 12—14, 17, 22, 28, 34, 35, 41—48, 50, 51, 55), 14, 17, 18, 31, 36, 85, 89, 92, 96, 99, 285, 286, 290, 294.
Протопоповъ, В.—292.
Прусскій принцъ, см. Генрихъ.
Пуаре, П.—13, 122, 291.
Пугачевъ, Е.—(12).
Пурга, см. М. Вилемсонъ.
Пушкинъ, А. С.—(55), 325.
Пушкинъ—м. б., А. С. Мусинъ-Пушкинъ.
Пфау, Т. Ф.—215, 307.
Пыпинъ, А. Н.—(23), 319, 325.

Равальякъ, Ф.—104, 301.
Равенъ, Э. В.—222, 223, 229, 313.
Радищева, А. В. рожд. Рубановская—66, 299.
Радищевъ, А. Н.—(11—13, 35, 37, 41, 49, 58),8, 9, 11, 12, 14—16, 19, 21, 22, 28, 33, 37, 39, 40, 46, 48, 50, 51, 54, 65, 70, 78, 81, 90, 92, 156, 157, 164, 168, 193, 194, 209, 290, 311, 325.
Радищевъ, М. Н.—168, 193, 194, 209.
Раевская, О. Ѳ.—313.
Разумовскій, П. А. гр.—38, 296, 297.
Рамзей, см. Н. М. Карамзинъ.
Расинъ.
Рейналь—(12).
Рейхель, бар., м.—(15—17, 52), 21, 52, 54, 118, 119, 136, 169, 190, 207, 215, 217, 220, 231, 298, 302, 310.
Рейхель, дочь бар. Рейхеля—207.
Рейценштейнъ, А., бар.—328.
Репертусъ, см. кн. Ю. Н. Трубецкой (?).
Репертъ, Г. Х.—222, 225, 230, 312.
Репнинъ, Н. В. кн., м.—(26, 30, 31, 32, 38, 42, 44—46, 50, 56), 26, 145, 146, 147, 150, 151, 159, 220, 221, 223, 228, 231, 259, 294, 304, 305.
Ржевскій, А. А., р.—(23, 26), 215, 217, 235, 236, 238, 240, 247, 248, 251, 254, 257, 258, 262, 263, 266, 269, 272, 307, 318.
Рибасъ де І., м.—68, 249, 252, 253, 255, 299, 315.
Римскій-Корсаковъ, П. Н.—300.
Ричъ—(29), 231.

Ришелье—(39).
Рогожинъ, В.—325,
Рожерсонъ, И. С.—261, 316.
Розенбергъ, В., м.—310.
— Г., м.—(29, 52), 218, 222, 255, 310.
Розенъ, В, П. бар.—313.
Роландъ, А.—308.
Ростопчинъ, Ѳ. В. гр.—(35, 49, 50), 311, 325.
Рудольфъ II, императоръ—232, 314.
Румянцевъ-Задунайскій, П. А. гр.—(41),
Руссо—(12).
Рютсъ—172, 205, 305.

Сабуровъ, А. Ѳ., м.—266, 317.
Саблуковъ,—(16), 325.
Савва—(15), 325.
Сантовъ, В. П.—(8).
Сакенъ, м. б., Остенъ-Сакенъ.
Саксенъ-Готскій герц.—см. Людвигъ-Эрнстъ II.
Саксонскій курфюрстъ, см. Августъ.
Сакулинъ, П. Н.—(24), 326.
Самойловъ, А. И. гр.—188, 294, 306.
Сара—237.
Сацердосъ, см. бар. Г. Я. Шредеръ.
Сведенборгъ, Э,—217, 225, 227, 281, 309.
Семевскій, В. П.—(57), 326.
Семевскій, М. П.—(40).
Семека, А. В.—308, 324, 326.
Семенниковъ, В.—310, 326.
Сепъ-Мартенъ, Л. К.—(24, 25, 37—39, 41, 57), 17, 85, 97, 292, 310, 311, 312.
Сидоровъ, Н. П.—324.
Симсонъ—(29, 36), 52, 141, 221, 227, 230, 231, 278—287, 298.
Симъ—215.
Синовскій, В. В,—285, 326.
Смольяниновъ, В. Н.—323, 326.
Соколовская, Т. О.—(28), 326.
Сократъ,—71.
Сокъ, см. Дю-Боскъ.
Соломонъ царь,—72, 223, 235.
Солонъ—71.
Сольмсъ-Вильденфельсъ, Ф. Л.—221, 312.
Сопиковъ, В.—(25), 291, 294, 295, 300, 310, 313, 316, 317, 326.
Сперанскій, М. М.—303.
Старчевскій, А.—289, 326.
Стернъ, Л.—96, 301.
Страховъ, П. П., м.—292.
Строганова, баронесса—308.
Строгановъ, А. Н. бар., м.—267, 317.
— А. С. гр., м.—(57), 247, 267, 300, 317.
Стюартъ, см. Карлъ Эдуардъ.
Суворовъ-Рымникскій, А. В., гр.—69, 87, 299, 302.
Судравскій, В. К.—(23),
Сумароковъ, А. П.—97, 301.
Суровцевъ, А.—326.
Сушковъ, Н. В.—(47), 326.

Тарасовъ, Е. П.—(25, 47, 48, 59), 285, 291, 297, 319, 326.
Татищевъ, П. А., м.—(22, 26, 53, 55), 40, 43, 52, 113, 143, 227, 233, 245, 246, 259, 262, 266, 269, 296.
— П. П., м.—40, 244, 245, 296.
Таулеръ, І.—40, 296.
Теденъ, І. Х. А.—(18, 22, 23, 30, 32, 35), 4, 219, 220, 221, 228, 229, 278—286, 287, 288, 306.
Тейльсъ-ле П. А., м.—257.
Тереза Матильда, принцесса мекленбургъ-стрелицкая см. Турнъ и Таксисъ,—43, 296, 306.
Тизенгаузенъ, Ѳ. П.—299.
Тимапъ—(38).
Титопусъ, см. Х. А. Чеботаревъ.
Титъ, императоръ—71, 217.
Тихонравовъ, Н. С.—(14, 17, 21, 22, 24, 26, 28, 34, 36—44), 291, 295, 300, 301, 307, 326.
Толь, С. Д., графиня—327.
Тредьяковскій, Л. В., м.—218, 266, 310, 317.
Трубецкая, В. А. княгиня—(27), 3, 4, 115, 158, 173, 286.
— Ек. Н. княжна—176, 305.
— Е. П. княжна—91, 92, 102, 128, 131, 132, 160, 300.
— Елена Н.—176, 305.
— Е. П. княжна,—102, 103, 112, 125, 126, 132, 145, 159, 160.
— Н. П. княгиня—167, 173, 204.
Трубецкой, Н. П. кн., м.—270.
— Н. Н. кн., р. к.—(8, 11, 12, 14, 22, 23, 25, 26, 27, 31- 34, 37—39, 42, 45—48, 50, 51, 53, 56, 62), 3, 4, 8—14, 18, 20, 31, 33, 41, 42, 49—51, 70, 78—80, 83, 84, 88, 90, 93, 94, 96, 102—106, 111—117, 119, 121, 122, 125—138, 145, 148—165, 168, 169, 173—179, 186, 189, 190, 192, 193, 200—214, 224, 227, 231, 235, 238, 240, 245—247, 251, 254, 257—259, 262, 263, 266, 268—270, 272, 274—278, 280—286, 289, 290, 291, 295, 298. 301, 302, 304, 307, 315, 316, 318, 320, 321.
— П. Н. кн.—126, 303.
— П. Н. кн.—10, 49, 79, 83, 84, 126, 158, 167, 173, 204, 300.
— Ю. П. кн., р. к.—(25, 32, 33, 47), 4, 137, 142, 158, 172, 176, 187, 190, 214, 245, 267, 274, 275, 277, 278, 280—285, 289.
Тукалевскій, В. Н.—285, 294, 324, 327.
Тургенева, А. П.—291.
— Е. С. р. Качалова—13, 291.
Тургеневъ, А. П.—13, 291.
— П. П.—13, 291.
— А. П.—13, 291.
— П. П., р. к.—(7, 14, 22, 25—28, 32, 33, 41, 46—49, 58, 59), 4, 12, 36, 50, 84, 115—117, 121, 127—128, 131, 133, 136, 137, 175, 246, 273, 274, 275—285, 289, 291, 292, 295, 299, 307, 317, 319.

Ришелье—(39).
Рогожинъ, В.—325,
Рожерсонъ, И. С.—261, 316.
Розенбергъ, В., м.—310.
— Г., м.—(29, 52), 218, 222, 255, 310.
Розенъ, В, П. бар.—313.
Роландъ, А.—308.
Ростопчинъ, Ѳ. В. гр.—(35, 49, 50), 311, 325.
Рудольфъ II, императоръ—232, 314.
Румянцевъ-Задунайскій, П. А. гр.—(41),
Руссо—(12).
Рютсъ—172, 205, 305.

Сабуровъ, А. Ѳ., м.—266, 317.
Саблуковъ,—(16), 325.
Савва—(15), 325.
Сантовъ, В. П.—(8).
Сакенъ, м. б., Остенъ-Сакенъ.
Саксенъ-Готскій герц.—см. Людвигъ-Эрнстъ II.
Саксонскій курфюрстъ, см. Августъ.
Сакулинъ, П. Н.—(24), 326.
Самойловъ, А. И. гр.—188, 294, 306.
Сара—237.
Сацердосъ, см. бар. Г. Я. Шредеръ.
Сведенборгъ, Э,—217, 225, 227, 281, 309.
Семевскій, В. П.—(57), 326.
Семевскій, М. П.—(40).
Семека, А. В.—308, 324, 326.
Семенниковъ, В.—310, 326.
Сепъ-Мартенъ, Л. К.—(24, 25, 37—39, 41, 57), 17, 85, 97, 292, 310, 311, 312.
Сидоровъ, Н. П.—324.
Симсонъ—(29, 36), 52, 141, 221, 227, 230, 231, 278—287, 298.
Симъ—215.
Синовскій, В. В,—285, 326.
Смольяниновъ, В. Н.—323, 326.
Соколовская, Т. О.—(28), 326.
Сократъ,—71.
Сокъ, см. Дю-Боскъ.
Соломонъ царь,—72, 223, 235.
Солонъ—71.
Сольмсъ-Вильденфельсъ, Ф. Л.—221, 312.
Сопиковъ, В.—(25), 291, 294, 295, 300, 310, 313, 316, 317, 326.
Сперанскій, М. М.—303.
Старчевскій, А.—289, 326.
Стернъ, Л.—96, 301.
Страховъ, П. П., м.—292.
Строганова, баронесса—308.
Строгановъ, А. Н. бар., м.—267, 317.
— А. С. гр., м.—(57), 247, 267, 300, 317.
Стюартъ, см. Карлъ Эдуардъ.
Суворовъ-Рымникскій, А. В., гр.—69, 87, 299, 302.
Судравскій, В. К.—(23),
Сумароковъ, А. П.—97, 301.
Суровцевъ, А.—326.
Сушковъ, Н. В.—(47), 326.
Тарасовъ, Е. П.—(25, 47, 48, 59), 285, 291, 297, 319, 326.
Татищевъ, П. А., м.—(22, 26, 53, 55), 40, 43, 52, 113, 143, 227, 233, 245, 246, 259, 262, 266, 269, 296.
— П. П., м.—40, 244, 245, 296.
Таулеръ, І.—40, 296.
Теденъ, І. Х. А.—(18, 22, 23, 30, 32, 35), 4, 219, 220, 221, 228, 229, 278—286, 287, 288, 306.
Тейльсъ-ле П. А., м.—257.
Тереза Матильда, принцесса мекленбургъ-стрелицкая см. Турнъ и Таксисъ,—43, 296, 306.
Тизенгаузенъ, Ѳ. П.—299.
Тимапъ—(38).
Титопусъ, см. Х. А. Чеботаревъ.
Титъ, императоръ—71, 217.
Тихонравовъ, Н. С.—(14, 17, 21, 22, 24, 26, 28, 34, 36—44), 291, 295, 300, 301, 307, 326.
Толь, С. Д., графиня—327.
Тредьяковскій, Л. В., м.—218, 266, 310, 317.
Трубецкая, В. А. княгиня—(27), 3, 4, 115, 158, 173, 286.
— Ек. Н. княжна—176, 305.
— Е. П. княжна—91, 92, 102, 128, 131, 132, 160, 300.
— Елена Н.—176, 305.
— Е. П. княжна,—102, 103, 112, 125, 126, 132, 145, 159, 160.
— Н. Н. княгиня—167, 173, 204.
Трубецкой, Н. П. кн., м.—270.
— Н. Н. кн., р. к.—(8, 11, 12, 14, 22, 23, 25, 26, 27, 31-34, 37—39, 42, 45—48, 50, 51, 53, 56, 62), 3, 4, 8—14, 18, 20, 31, 33, 41, 42, 49—51, 70, 78—80, 83, 84, 88, 90, 93, 94, 96, 102—106, 111—117, 119, 121, 122, 125—138, 145, 148—165, 168, 169, 173—179, 186, 189, 190, 192, 193, 200—214, 224, 227, 231, 235, 238, 240, 245—247, 251, 254, 257—259, 262, 263, 266, 268—270, 272, 274—278, 280—286, 289, 290, 291, 295, 298. 301, 302, 304, 307, 315, 316, 318, 320, 321.
— П. Н. кн.—126, 303.
— П. Н. кн.—10, 49, 79, 83, 84, 126, 158, 167, 173, 204, 300.
— Ю. П. кн., р. к.—(25, 32, 33, 47), 4, 137, 142, 158, 172, 176, 187, 190, 214, 245, 267, 274, 275, 277, 278, 280—285, 289.
Тукалевскій, В. Н.—285, 294, 324, 327.
Тургенева, А. П.—291.
— Е. С. р. Качалова—13, 291.
Тургеневъ, А. П.—13, 291.
— П. П.—13, 291.
— А. П.—13, 291.
— П. П., р. к.—(7, 14, 22, 25—28, 32, 33, 41, 46—49, 58, 59), 4, 12, 36, 50, 84, 115—117, 121, 127—128, 131, 133, 136, 137, 175, 246, 273, 274, 275—285, 289, 291, 292, 295, 299, 307, 317, 319.

Тургеневъ, П. А., м.—291.
— П. И.—13, 291.
— С. И.—291.
Турнъ и Таксисъ наслѣд. принцъ Карлъ Александръ—43, 296, 306.
Турнё, М.—301.
Туссенъ, р.—(8).

Уваровъ, П. Ѳ.—305.
Улихъ, Г.—217, 309.

Фалькенгеймъ—222.
Фенелонъ—102, 104, 301.
Фергюсонъ, Дж.—310, 313.
Фердинандъ, герцогъ брауншвейгскій—(14, 17, 30, 45), 219, 224, 230, 233, 238, 240, 251, 252, 255, 257, 312, 313.
Филипсонъ, М.—(19, 20, 21, 36, 327).
Филусъ, см. П. В. Лопухинъ.
Финдель—(15), 327.
Фиркъ, Э. І.—218, 219—288, 312.
Фирнгаберъ—116, 135, 146.
Флавій, І.—106.
Флуддъ—217, 309.
Фоггъ—76.
Фотій (Спасскій, П. Н.) архимандритъ—311.
Фоше, К.—301.
Франкенбергъ, А.—212, 313.
Франклинъ, К.—(12), 301.
Францъ І, императоръ—232, 314.
Фрезе, Ф. П., м.—218, 246, 247, 255, 310.
Фрелихъ, р.—315.
— Х. Э.—(30), 218, 222, 223, 311.
Френкель, И. И., р.—43, 149, 171, 183, 184, 206, 207, 220, 261, 296, 304.
Фридрихсъ—(15, 20), 310, 327.
Фридрихъ II, король прусскій—(18, 19, 35), 224, 225, 313.
— V, король датскій—313.
— Августъ, герц. брауншвейгскій—225, 226, 229, 314.
— принцъ (впослѣдствіи король) вюртембергскій—313.
— принцъ гессенскій—219, 312.
— Вильгельмъ, вел. курф.—(20).
— Вильгельмъ, кронпринцъ, впосл. король—(9, 19, 20, 21, 35—38, 50). 219, 227, 303, 312.
— (м. б., Фридрихъ-Вильгельмъ II)—278.
— Генрихъ Евгеній, принцъ вюртембергскій—314.
— Людвигъ Александръ, принцъ вюртембергскій—314.

Хаосъ, см. В. В. Чулковъ.
Хераскова, Е. В.—158, 305.
Херасковъ, И. М.—324.
Херасковъ, М. М., р.—(17, 22), 16, 70, 90, 145, 158, 216, 245, 270, 292, 300.
Хитрово, И. Ѳ.—299.
— И. З.—296.
Хмыровъ, М.—292.
Хорусъ, (?), м.—319.
Хохмутъ, м.—288.
Храповицкій, А. В., м.—(9, 10, 11, 13, 28, 38—42, 44, 46), 294, 327.
Хризусъ, см. Ржевскій.
Христіанъ I, курф. саксонскій—232, 311.
Христіанъ VII, король датскій—313.

Цвейбрюккенскій принцъ, см. Людвигъ.
Цедлицъ, К. А.—(36 225, 313.
Циммерманъ.
Циннендорфъ, І. В.—(15), 123, 124, 215, 218, 303, 307, 308.
Цинциннатусъ, см. кн. К. М. Енгалычевъ—296.

Чарторыйская Маріанна кн.—229, 314.
Чарторыйскій, А. кн.—314.
Чеботаревъ, Х. А., р.—(22).
Черкасская, А. княгиня, рожд. Корсакъ—272, 318.
Черкасскій, А. А. кн., р., к.—245, 296.
Чернышева, А. Р. гр.—(22), 67, 299.
Чернышевъ, З. Г. гр., м.—(22, 27).
Чернышевъ, П. Г. гр.—261, 316.
Чулковъ, В. В., р., к.—(31, 32), 246—249, 272, 318.
Чулковъ, Н. П.—318.

Шарой, П. Н.—77.
Шарпицъ, С.—154, 304.
Шаховъ, А.—(39), 327.
Шварцъ, І. Ф.—220, 238, 252, 257, 311.
Шварцъ, И. И.—172, 193, 305.
— мать проф. И. Е. Шварца—172.
— И. Е., р.—(17, 18, 20—23, 29, 31, 32, 41, 44, 52—55, 56, 58), 134, 143, 148, 149, 172, 180, 181, 186, 205, 218, 220, 221, 224, 227, 231, 243—245, 248, 254, 255—286, 287, 296, 299, 305, 311, 312.
— П. И.—305.
— П. И.—305.
Шевыревъ, С.—(17, 21), 327.
Шёнайхъ, см. Генрихъ Карлъ.
Шешковскій, С. И.—(13, 14, 39, 42—46, 50).
Шильдеръ, Н. К.—(48, 40), 327.
Шишковъ, А. С.—320.
Шлабрендорфъ Г. гр.—227, 314.
Шлипъ, (?)—100, 199.
Шлоссеръ—(14, 16, 18, 27), 327, 309.
Шмитмеръ—171.
Шнейдеръ—22.
— Я., м.—246, 315.
Шредеръ, В.—143.
— Г. А. баронесса—145.
— Г. Г.— 299.
— Г. Я. бар., р., к.—(8, 22, 23, 26—35, 37, 39, 43, 45, 46, 48, 50, 51, 55, 56), 3, 4, 9—12, 40, 42, 50, 51, 53, 79, 87,

Тургеневъ, П. А., м.—291.
— П. П.—13, 291.
— С. П.—291.
Турнъ и Таксисъ наслѣд. принцъ Карлъ Александръ—43, 296, 306.
Турнё, М.—301.
Туссенъ, р.—(8).

Уваровъ, П. Ѳ.—305.
Улихъ, Г.—217, 309.

Фалькенгеймъ—222.
Фенелонъ—102, 104, 301.
Фергюсонъ, Дж.—310, 313.
Фердинандъ, герцогъ брауншвейгскій—(14, 17, 30, 45), 219, 224, 230, 233, 238, 240, 251, 252, 255, 257, 312, 313.
Филиппсонъ, М.—(19, 20, 21, 36, 327).
Филусъ, см. П. В. Лопухинъ.
Финдель—(15), 327.
Фиркъ, Э. І.—218, 219—288, 312.
Фирнгаберъ—116, 135, 146.
Флавій, І.—106.
Флуддъ—217, 309.
Фоттъ—76.
Фотій (Спасскій, П. Н.) архимандритъ—311.
Фоше, К.—301.
Франкенбергъ, А.—212, 313.
Франклинъ, К.—(12), 301.
Францъ І, императоръ—232, 314.
Фрезе, Ф. П., м.—218, 246, 247, 255, 310.
Фрелихъ, р.—315.
— Х. Э.—(30), 218, 222, 223, 311.
Френкель, И. И., р.—43, 149, 171, 183, 184, 206, 207, 220, 261, 296, 304.
Фридрихсъ—(15, 20), 310, 327.
Фридрихъ II, король прусскій—(18, 19, 35), 224, 225, 313.
— V, король датскій—313.
— Августъ, герц. брауншвейгскій—225, 226, 229, 314.
— принцъ (впослѣдствіи король) вюртембергскій—313.
— принцъ гессенскій—219, 312.
— Вильгельмъ, вел. курф.—(20).
— Вильгельмъ, кронпринцъ, впосл. король—(9, 19, 20, 21, 35—38, 50). 219, 227, 303, 312.
— (м. б., Фридрихъ-Вильгельмъ II)—278.
— Генрихъ Евгеній, принцъ вюртембергскій—314.
— Людвигъ Александръ, принцъ вюртембергскій—314.

Хаосъ, см. В. В. Чулковъ.
Хераскова, Е. В.—158, 305.
Херасковъ, И. М.—324.
Херасковъ, М. М., р.—(17, 22), 16, 70, 90, 145, 158, 216, 245, 270, 292, 300.
Хитрово, И. Ѳ.—299.
— И. З.—296.
Хмыровъ, М.—292.
Хорусъ, (?), м.—319.
Хохмутъ, м.—288.
Храповицкій, А. В., м.—(9, 10, 11, 13, 28, 38—42, 44, 46), 294, 327.
Хризусъ, см. Ржевскій.
Христіанъ I, курф. саксонскій—232, 311.
Христіанъ VII, король датскій—313.

Цвейбрюккенскій принцъ, см. Людвигъ.
Цедлицъ, К. А.—(36 225, 313.
Циммерманъ.
Циннендорфъ, І. В.—(15), 123, 124, 215, 218, 303, 307, 308.
Цинциннатусъ, см. кн. К. М. Енгалычевъ—296.

Чарторыйская Маріанна кн.—229, 314.
Чарторыйскій, А. кн.—314.
Чеботаревъ, Х. А., р.—(22).
Черкасская, А. княгиня, рожд. Корсакъ—272, 318.
Черкасскій, А. А. кн., р., к.—245, 296.
Чернышева, А. Р. гр.—(22), 67, 299.
Чернышевъ, З. Г. гр., м.—(22, 27).
Чернышевъ, П. Г. гр.—261, 316.
Чулковъ, В. В., р., к.—(31, 32), 246—249, 272, 318.
Чулковъ, Н. П.—318.

Шарой, П. Н.—77.
Шарпицъ, С.—154, 304.
Шаховъ, А.—(39), 327.
Шварцъ, І. Ф.—220, 238, 252, 257, 311.
Шварцъ, И. И.—172, 193, 305.
— мать проф. И. Е. Шварца—172.
— И. Е., р.—(17, 18, 20—23, 29, 31, 32, 41, 44, 52—55, 56, 58), 134, 143, 148, 149, 172, 180, 181, 186, 205, 218, 220, 221, 224, 227, 231, 243—245, 248, 254, 255—286, 287, 296, 299, 305, 311, 312.
— П. И.—305.
— П. И.—305.
Шевыревъ, С.—(17, 21), 327.
Шёнайхъ, см. Генрихъ Карлъ.
Шешковскій, С. И.—(13, 14, 39, 42—46, 50).
Шильдеръ, Н. К.—(48, 40), 327.
Шишковъ, А. С.—320.
Шлабрендорфъ Г. гр.—227, 314.
Шлипъ, (?)—100, 199.
Шлоссеръ—(14, 16, 18, 27), 327, 309.
Шмитмеръ—171.
Шнейдеръ—22.
— Я., м.—246, 315.
Шредеръ, В.—143.
— Г. А. баронесса—145.
— Г. Г.— 299.
— Г. Я. бар., р., к.—(8, 22, 23, 26—35, 37, 39, 43, 45, 46, 48, 50, 51, 55, 56), 3, 4, 9—12, 40, 42, 50, 51, 53, 79, 87,

95, 112, 117—119, 128, 132—138, 143, 145, 148, 157, 159, 160. 163, 164, 169, 176, 178, 179, 186, 187, 190—193, 204, 205, 208, 210, 211, 219, 221, 228, 231, 262, 275, 277, 278—285, 286, 288—291, 294, 295, 296, 298, 304, 305, 307, 312, 313, 321, 319, 320.
— Л.—289.
— І. Г.—286, 289.
— І. Х.—289, 304, 314.
— Ф. Г. бар. 43, 143, 217.
— Ф. Л.—287, 288.
— Х. Н.—286, 287, 289.
Шр[едеръ], бар. 216, 231.
Шредтеръ, Ф. Л.—287.
Шреттеръ, Ф. Л.—287.
Шрепферъ, І. Г.—(19, 20, 36), 222, 227, 230—233, 311, 314.
Шретеръ Э. І., м.—52, 53, 95, 118, 288, 289, 297, 298, 302.
Штакельбергъ, О. М. бар.—68, 299.
Штаркъ, І. А., м.—(15, 36, 52), 218, 219, 203, 287, 288, 289, 298, 312.
Штёве —118, 119, 124, 298, 302.
Штендеръ, Г. Ф.—221, 312.
Шуазель—(9, 10).
Шульце, м.—288.
Шумигорскій, Е. С.—(16, 23), 327.
Шустеръ, Г.—(19, 20, 32, 36), 327.

Щаповъ, П. В.—293.
Щепотьевъ, А. Н., м.—270.
Щербатовъ, Г. А. кн., м.—270, 318.

Эйлеръ, Л.—297.
Экъ—233, 314.
Эклефъ, К. Ф.—216, 308.
Эли, С. П., м.—218, 310.
Энгель—(20, 27), 313, 327.
Эренаціусъ, К. Ф. бар.—120, 136, 137, 139, 152, 301, 302, 303.
Этингеръ, Ф. К.—217, 218, 309.

Югель—310.
Юнгъ,—81, 300, 306.

Ѳома Кемпійскій—(33), 27, 92, 294, 295, 300.

95, 112, 117—119, 128, 132—138, 143, 145, 148, 157, 159, 160. 163, 164, 169, 176, 178, 179, 186, 187, 190—193, 204, 205, 208, 210, 211, 219, 221, 228, 231, 262, 275, 277, 278—285, 286, 288—291, 294, 295, 296, 298, 304, 305, 307, 312, 313, 321, 319, 320.
— Л.—289.
— І. Г.—286, 289.
— І. Х.—289, 304, 314.
— Ф. Г. бар. 43, 143, 217.
— Ф. Л.—287, 288.
— Х. Н.—286, 287, 289.
Шр[едеръ], бар. 216, 231.
Шредтеръ, Ф. Л.—287.
Шреттеръ, Ф. Л.—287.
Шрепферъ, І. Г.—(19, 20, 36), 222, 227, 230—233, 311, 314.
Шретеръ Э. І., м.—52, 53, 95, 118, 288, 289, 297, 298, 302.
Штакельбергъ, О. М. бар.—68, 299.
Штаркъ, І. А., м.—(15, 36, 52), 218, 219, 203, 287, 288, 289, 298, 312.
Штёве —118, 119, 124, 298, 302.
Штендеръ, Г. Ф.—221, 312.
Шуазель—(9, 10).
Шульце, м.—288.
Шумигорскій, Е. С.—(16, 23), 327.
Шустеръ, Г.—(19, 20, 32, 36), 327.

Щаповъ, П. В.—293.
Щепотьевъ, А. Н., м.—270.
Щербатовъ, Г. А. кн., м.—270, 318.

Эйлеръ, Л.—297.
Экъ—233, 314.
Эклефъ, К. Ф.—216, 308.
Эли, С. П., м.—218, 310.
Энгель—(20, 27), 313, 327.
Эренаціусъ, К. Ф. бар.—120, 136, 137, 139, 152, 301, 302, 303.
Этингеръ, Ф. К.—217, 218, 309.

Югель—310.
Юнгъ,—81, 300, 306.

Ѳома Кемпійскій—(33), 27, 92, 294, 295, 300.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. VII

Письма 1790—1792 . . . . . » 1

1. М. И. Багрянскій — А. М. Кутузову. № 74, стр. *86.*
2. А. И. Веревкинъ — А. М. Кутузову. № 59, *67.*
3. М. Виземсонъ — А. М. Кутузову. № 10, *7.*
4. Е. И. Голенищева-Кутузова — А. М. Кутузову. № 45, *44;* № 66, *76.*
5. Н. М. Карамзинъ — А. М. Кутузову. № 35, *30;* № 99, *110;* № 135, *148.*
6. В. Я. Колокольниковъ — И. В. Лопухину. № 40, *37;* № 65, *76;* № 118, *128;* № 139, *153;* № 159, *168.*
7. А. М. Кутузовъ — Е. И. Голенищевой-Кутузовой. № 57, *64;* № 70, *80;* № 150, *161.*
   — Н. М. Карамзину. № 54, *55.*
   — Ф. М. Кутузову. № 89, *100;* № 142, *156;* № 188, *201;* № 202, *213.*
   — И. В. Лопухину. № 30, *21;* № 37, *31;* № 41, *38;* № 47, *48;* № 56, *59;* № 60, *69;* № 67, *78;* № 69, *80;* № 71, *82;* № 75, *87;* № 81, *93;* № 86, *98;* № 103, *114;* № 138, *151;* № 163, *174;* № 168, *178.*
   — П. В. Лопухину. № 76, *88.*
   — А. И. Плещеевой. № 55, *55;* № 87, *99;* № 186, *197.*
   — А. А. Плещееву. № 53. *54;* № 88, *100;* № 185, *196.*
   — А. Н. Радищеву. № 184, *194.*
   — М. Н. Радищеву. № 183, *194;* № 197, *209.*
   А. М. Кутузовъ — кн. Н. Н. Трубецкому. № 29, *20;* № 38, *33;* № 48, *49;* № 50, *50;* № 61, *70;* № 68, *78;* № 72, *83;* № 82, *93;* № 85, *96;* № 91, *102;* № 94, *105;* № 102, *113;* № 105, *115;* № 109, *117;* № 114, *126;* № 116, *127;* № 121, *131;* № 123, *133;* № 126, *136;* № 127, *138;* № 137, *150;* № 141, *155;* № 143, *156;* № 151, *162;* № 155, *165;* № 162, *173;* № 164, *175;* № 172, *186;* № 175, *189;* № 177, *190;* № 182, *193;* № 187, *200;* № 191, *203;* № 192, *204;* № 193, *205;* № 196, *208;* № 198, *209;* № 199, *210;* № 200, *211;* № 201, *212.*
8. Ф. М. Кутузовъ — А. М. Кутузову. № 153, *164;* № 167, *177.*
9. И. В. Лопухинъ — А. М. Кутузову. № 19, *12;* № 22, *14;* № 23, *15;* № 25, *16;* № 26, *18;* № 27, *18;* № 28, *19;* № 32, *23;* № 39, *34;* № 46, *45;* № 49,

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе . . . . . стр. VII

Письма 1790—1792 . . . . . » 1

1. М. И. Багрянскій — А. М. Кутузову. № 74, стр. *86.*
2. А. И. Веревкинъ — А. М. Кутузову. № 59, *67.*
3. М. Виземсонъ — А. М. Кутузову. № 10, *7.*
4. Е. И. Голенищева-Кутузова — А. М. Кутузову. № 45, *44;* № 66, *76.*
5. Н. М. Карамзинъ — А. М. Кутузову. № 35, *30;* № 99, *110;* № 135, *148.*
6. В. Я. Колокольниковъ — И. В. Лопухину. № 40, *37;* № 65, *76;* № 118, *128;* № 139, *153;* № 159, *168.*
7. А. М. Кутузовъ — Е. И. Голенищевой-Кутузовой. № 57, *64;* № 70, *80;* № 150, *161.*
   — Н. М. Карамзину. № 54, *55.*
   — Ф. М. Кутузову. № 89, *100;* № 142, *156;* № 188, *201;* № 202, *213.*
   — И. В. Лопухину. № 30, *21;* № 37, *31;* № 41, *38;* № 47, *48;* № 56, *59;* № 60, *69;* № 67, *78;* № 69, *80;* № 71, *82;* № 75, *87;* № 81, *93;* № 86, *98;* № 103, *114;* № 138, *151;* № 163, *174;* № 168, *178.*
   — П. В. Лопухину. № 76, *88.*
   — А. И. Плещеевой. № 55, *55;* № 87, *99;* № 186, *197.*
   — А. А. Плещееву. № 53. *54;* № 88, *100;* № 185, *196.*
   — А. Н. Радищеву. № 184, *194.*
   — М. Н. Радищеву. № 183, *194;* № 197, *209.*
   А. М. Кутузовъ — кн. Н. Н. Трубецкому. № 29, *20;* № 38, *33;* № 48, *49;* № 50, *50;* № 61, *70;* № 68, *78;* № 72, *83;* № 82, *93;* № 85, *96;* № 91, *102;* № 94, *105;* № 102, *113;* № 105, *115;* № 109, *117;* № 114, *126;* № 116, *127;* № 121, *131;* № 123, *133;* № 126, *136;* № 127, *138;* № 137, *150;* № 141, *155;* № 143, *156;* № 151, *162;* № 155, *165;* № 162, *173;* № 164, *175;* № 172, *186;* № 175, *189;* № 177, *190;* № 182, *193;* № 187, *200;* № 191, *203;* № 192, *204;* № 193, *205;* № 196, *208;* № 198, *209;* № 199, *210;* № 200, *211;* № 201, *212.*
8. Ф. М. Кутузовъ — А. М. Кутузову. № 153, *164;* № 167, *177.*
9. И. В. Лопухинъ — А. М. Кутузову. № 19, *12;* № 22, *14;* № 23, *15;* № 25, *16;* № 26, *18;* № 27, *18;* № 28, *19;* № 32, *23;* № 39, *34;* № 46, *45;* № 49,

50; № 58, *67;* № 62, *73;* № 77, *88;* № 79, *90;* № 93, *105;* № 106, *116;* № 124, *135;* № 132, *145;* № 144, *157,* № 156, *167;* № 190, *203.*
— бар. Г. Я. Шредеру. № 20, *12.*
10. П. В. Лопухинъ — А. М. Кутузову. № 63, *74.*
11. М. П. Невзоровъ — П. В. Лопухину. № 31. *22;* № 40, *37;* № 64, *75;* № 159, *168;* № 166, *177.*
12. А. А. Плещеева — А. М. Кутузову. № 8, *6;* № 36, *31;* № 98, *110;* № 120, *131.*
13. А. П. Плещеева — Н. М. Карамзину. № 3, 2.
— А. М. Кутузову. № 2, *2;* № 7, *5;* № 33, *28;* № 96, *107;* № 119, *129;* № 134, *147;* № 174, *188.*
14. А. А. Плещеевъ — Н. М. Карамзину. № 4, *3.*
— А. М. Кутузову, № 1, *1;* № 9, *7.* № 34, *30;* № 97, *109;* № 133, *146;* № 173, *187;* № 178, *191.*
15. А. Н. Радищевъ — А. М. Кутузову. № 158, *168.*
16. Бар. Рейхель — бар. Г. Я. Шредеру. № 112, *119.*
17. Кн. Н. Н. Трубецкой — А. М. Кутузову. № 5, *3;* № 11, *8;* № 12, *9;* № 13, *9;* № 15, *10;* № 16, *11;* № 18, *11;* № 73, *84;* № 80, *90;* № 83, *94;* № 90, *102;* № 92, *103;* № 95, *106;* № 100, *111;* № 104, *114;* № 108, *116;* № 113, *125;* № 115, *126;* № 117, *128;* № 122, *132;* № 125, *136;* № 131, *145;* № 136, *148;* № 140, *154;* № 145, *159;* № 146, *159;* № 148, *160;* № 149, *161;* № 152, *164;* № 154, *165;* № 157, *167;* № 160, *168;* № 165, *176;* № 169, *178;* № 171, *186;* № 176, *190;* № 179, *192;* № 180, *192;* № 189, *202;* № 195, *207;* № 203, *214.*
— бар. Шредеру, № 6, *4;* № 14, *10;* № 17, *11;* № 101, *112;* № 111, *119;* № 147, *160;* № 181, *193.*
18. П. П. Тургеневъ — А. М. Кутузову. № 21, *12;* № 107, *116.*
19. М. М. Херасковъ — А. М. Кутузову. № 24, *16;* № 78, *90.*
20. Баронесса Г. А. Шредеръ — бар. Г. Я. Шредеру. № 130, *145.*
21. Бар. Г. Я. Шредеръ, — П. В. Лопухину. № 43, *40.*
— П. А. Татищеву. № 42, *40.*
— кн. Н. Н. Трубецкому. № 44, *42;* № 51, *51;* № 128, *138;* № 161, *169;* № 170, *179;* № 194, *205.*
— Э. І. Шретеру. № 52, *53.*
22. Бар. Ф. Г. Шредеръ — бар. Г. Я. Шредеру. № 129, *143.*
23. Э. І. Шретеръ — бар. Г. Я. Шредеру. № 84. *95;* № 110, *118.*

Дневникъ бар. Г. Я. Шредера . . . . . стр. 215

Письма 1780—1789 [?] . . . . . » 235

1. П. А. Вельяминовъ — А. А. Ржевскому. XIII, *251.*
2. Директорія VIII провинціи — кн. А. Н. Засѣкину. XII, *250.*
— А. А. Ржевскому. XXV, *266;* XXVII, *267;*
3. Кн. А. Н. Засѣкинъ — Директоріи VIII провинціи. XI, *250.*
4. В. П. Митусовъ — кн. А. Н. Засѣкину. X. *249.*
5. Н. И. Новиковъ — А. А. Ржевскому. V, *241;* VII, *247;* VIII, *247;* IX, *247;* XVI, *257;* XVIII, *258.*
6. А. А. Ржевскій — кн. Н. Н. Трубецкому. I. *235.*
7. Кн. Н. П. Трубецкой — А. А. Ржевскому. II, *236;* III, *238;* IV, *240;* VI, *247;* XIV, *251;* XV, *254;* XVII, *257;* XIX, *258,* XX, *259;* XXI, *261;* XXII, *262;* XXIII, *262;* XXIV, *263;* XXVI, *267;* XXVIII, *268;* XXIX, *270;* XXX, *271;* XXXI, *272.*

50; № 58, *67;* № 62, *73;* № 77, *88;* № 79, *90;* № 93, *105;* № 106, *116;* № 124, *135;* № 132, *145;* № 144, *157,* № 156, *167;* № 190, *203.*
— бар. Г. Я. Шредеру. № 20, *12.*
10. П. В. Лопухинъ — А. М. Кутузову. № 63, *74.*
11. М. П. Невзоровъ — П. В. Лопухину. № 31. *22;* № 40, *37;* № 64, *75;* № 159, *168;* № 166, *177.*
12. А. А. Плещеева — А. М. Кутузову. № 8, *6;* № 36, *31;* № 98, *110;* № 120, *131.*
13. А. П. Плещеева — Н. М. Карамзину. № 3, 2.
— А. М. Кутузову. № 2, *2;* № 7, *5;* № 33, *28;* № 96, *107;* № 119, *129;* № 134, *147;* № 174, *188.*
14. А. А. Плещеевъ — Н. М. Карамзину. № 4, *3.*
— А. М. Кутузову, № 1, *1;* № 9, *7.* № 34, *30;* № 97, *109;* № 133, *146;* № 173, *187;* № 178, *191.*
15. А. Н. Радищевъ — А. М. Кутузову. № 158, *168.*
16. Бар. Рейхель — бар. Г. Я. Шредеру. № 112, *119.*
17. Кн. Н. Н. Трубецкой — А. М. Кутузову. № 5, *3;* № 11, *8;* № 12, *9;* № 13. *9;* № 15, *10;* № 16, *11;* № 18, *11;* № 73, *84;* № 80, *90;* № 83, *94;* № 90, *102;* № 92, *103;* № 95, *106;* № 100, *111;* № 104, *114;* № 108, *116;* № 113, *125;* № 115, *126;* № 117, *128;* № 122, *132;* № 125, *136;* № 131, *145;* № 136, *148;* № 140, *154;* № 145, *159;* № 146, *159;* № 148, *160;* № 149, *161;* № 152, *164;* № 154, *165;* № 157, *167;* № 160, *168;* № 165, *176;* № 169, *178;* № 171, *186;* № 176, *190;* № 179, *192;* № 180, *192;* № 189, *202;* № 195, *207;* № 203, *214.*
— бар. Шредеру, № 6, *4;* № 14, *10;* № 17, *11;* № 101, *112;* № 111, *119;* № 147, *160;* № 181, *193.*
18. П. П. Тургеневъ — А. М. Кутузову. № 21, *12;* № 107, *116.*
19. М. М. Херасковъ — А. М. Кутузову. № 24, *16;* № 78, *90.*
20. Баронесса Г. А. Шредеръ — бар. Г. Я. Шредеру. № 130. *145.*
21. Бар. Г. Я. Шредеръ, — П. В. Лопухину. № 43, *40.*
— П. А. Татищеву. № 42, *40.*
— кн. Н. Н. Трубецкому. № 44, *42;* № 51, *51;* № 128, *138;* № 161, *169;* № 170, *179;* № 194, *205.*
— Э. І. Шретеру. № 52, *53.*
22. Бар. Ф. Г. Шредеръ — бар. Г. Я. Шредеру. № 129, *143.*
23. Э. І. Шретеръ — бар. Г. Я. Шредеру. № 84. *95;* № 110, *118.*

Дневникъ бар. Г. Я. Шредера . . . . . стр. 215

Письма 1780—1789 [?] . . . . . » 235

1. П. А. Вельяминовъ — А. А. Ржевскому. XIII, *251.*
2. Директорія VIII провинціи — кн. А. Н. Засѣкину. XII, *250.*
— А. А. Ржевскому. XXV, *266;* XXVII, *267;*
3. Кн. А. Н. Засѣкинъ — Директоріи VIII провинціи. XI, *250.*
4. В. П. Митусовъ — кн. А. Н. Засѣкину. X. *249.*
5. Н. И. Новиковъ — А. А. Ржевскому. V, *241;* VII, *247;* VIII, *247;* IX, *247;* XVI, *257;* XVIII, *258.*
6. А. А. Ржевскій — кн. Н. Н. Трубецкому. I. *235.*
7. Кн. Н. П. Трубецкой — А. А. Ржевскому. II, *236;* III, *238;* IV, *240;* VI, *247;* XIV, *251;* XV, *254;* XVII, *257;* XIX, *258,* XX, *259;* XXI, *261;* XXII, *262;* XXIII, *262;* XXIV, *263;* XXVI, *267;* XXVIII, *268;* XXIX, *270;* XXX, *271;* XXXI, *272.*

Приложеніе . . . . . стр. 273

A. Н. И. Новиковъ—И. П. Тургеневу. *273.*
B. Кн. Н. Н. Трубецкой — И. П. Тургеневу. *274.*
C. Н. И. Новиковъ—И. П. Тургеневу. *275.*
D. An Sacerdos zu sagen. *277.*
E. Кн. Н. Н. Трубецкой — бар. Шредеру. *278.*
F. Замѣчанія бар. Шредера. *280.*

Примѣчанія къ Письмамъ 1790—1792 . . . . . стр. 285
» » Дневнику бар. Шредера . . . . . » 307
» » Письмамъ 1780—1789 [?] . . . . . » 314
Списокъ сокращеній . . . . . » 323
Списокъ копій . . . . . » 328
Указатель . . . . . » 329
Погрѣшности . . . . . » 340

Приложеніе . . . . . стр. 273

A. Н. И. Новиковъ—И. П. Тургеневу. *273.*
B. Кн. Н. Н. Трубецкой — И. П. Тургеневу. *274.*
C. Н. И. Новиковъ—И. П. Тургеневу. *275.*
D. An Sacerdos zu sagen. *277.*
E. Кн. Н. Н. Трубецкой — бар. Шредеру. *278.*
F. Замѣчанія бар. Шредера. *280.*

Примѣчанія къ Письмамъ 1790—1792 . . . . . стр. 285
» » Дневнику бар. Шредера . . . . . » 307
» » Письмамъ 1780—1789 [?] . . . . . » 314
Списокъ сокращеній . . . . . » 323
Списокъ копій . . . . . » 328
Указатель . . . . . » 329
Погрѣшности . . . . . » 340

ПОГРѢШНОСТИ.

СТРАН.	СТРОКА СВЕРХУ	СТРОКА СНИЗУ	НАПЕЧАТАНО	СЛѢДУЕТЪ
45	5	—	и посему,	и посему
50	—	13	17/18 декабря	17/28 декабря
51	—	1	Кн. П. Н. Енгалычевъ.	Кн. К. М. Енгалычевъ.
52	—	3	Е. Ф. Звѣракъ.	Е. Ф. Звѣрака.
55	22	—	писателя. There	писателя: There
62	—	1	Кн. П. Н. Енгалычевъ.	Кн. К. М. Енгалычевъ.
67	2	—	ноября	декабря
67	14	—	Польша	Бѣлоруссія
94	9	—	Сок.	Сока
95	—	1	Е. Ф. Звѣракъ.	Е. Ф. Звѣрака.
101	—	14	Дирашковѣ	Дорошковѣ
116	22	—	Фиргаберомъ	Фирнгаберомъ
123	—	6	selbt	selbst
124	19	—	Schröders	Schröters
175	18	—	«авось» либо	«авось-либо»
176	12	—	мнѣ кажется,	; мнѣ кажется,
176	—	1	Княжна Е. П. Трубецкая	Княжна Е. Н. Трубецкая
			Елизавета Петровна	Елена Никитична
188	21	—	П. И. Плещеева	А. П. Плещеева
201	2	—	Александръ	Алексѣй
233	—	1	grundsätze	Grundsätze
242	24	—	вступить	вступать
246	22	—	іоановскія	іоанновскія
248	17	—	Ed.	Eq.
251	5	—	Propret.	Propref.
254	—	10	іюня	іюля
257	14	—	Schartwz	Schwartz
259	—	5	[1783 . .	[1783].
303	—	19	*№ 115*	*№ 114 — 115. — P. C.*, 1896, ноябрь, 358 — 360.

ПОГРѢШНОСТИ.

СТРАН.	СТРОКА СВЕРХУ	СТРОКА СНИЗУ	НАПЕЧАТАНО	СЛѢДУЕТЪ
45	5	—	и посему,	и посему
50	—	13	17/18 декабря	17/28 декабря
51	—	1	Кн. П. Н. Енгалычевъ.	Кн. К. М. Енгалычевъ.
52	—	3	Е. Ф. Звѣракъ.	Е. Ф. Звѣрака.
55	22	—	писателя. There	писателя: There
62	—	1	Кн. П. Н. Енгалычевъ.	Кн. К. М. Енгалычевъ.
67	2	—	ноября	декабря
67	14	—	Польша	Бѣлоруссія
94	9	—	Сок.	Сока
95	—	1	Е. Ф. Звѣракъ.	Е. Ф. Звѣрака.
101	—	14	Дирашковѣ	Дорошковѣ
116	22	—	Фиргаберомъ	Фирнгаберомъ
123	—	6	selbt	selbst
124	19	—	Schröders	Schröters
175	18	—	«авось» либо	«авось-либо»
176	12	—	мнѣ кажется,	; мнѣ кажется,
176	—	1	Княжна Е. П. Трубецкая	Княжна Е. Н. Трубецкая
			Елизавета Петровна	Елена Никитична
188	21	—	П. И. Плещеева	А. П. Плещеева
201	2	—	Александръ	Алексѣй
233	—	1	grundsätze	Grundsätze
242	24	—	вступить	вступать
246	22	—	іоановскія	іоанновскія
248	17	—	Ed.	Eq.
251	5	—	Propret.	Propref.
254	—	10	іюня	іюля
257	14	—	Schartwz	Schwartz
259	—	5	[1783 . .	[1783].
303	—	19	*№ 115*	*№ 114 — 115. — P. C.*, 1896, ноябрь, 358 — 360.

2007041911

2007041911